

Д. И. Эварницкій.

ИСТОРІЯ
ЗАПОРОЖСКИХЪ КОЗАКОВЪ.

1686—1734

ТОМЪ ТРЕТІЙ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія П. И. Бабкина, М. Морская, 20.
1897.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Третій томъ исторіи запорожскихъ козаковъ написанъ авторомъ при болѣе благопріятныхъ обстоятельствахъ, нежели второй: съ начала весны 1894 года и до начала весны 1895 авторъ имѣлъ возможность жить въ Москвѣ и пользоваться тамъ не только печатными матерьялами, относящимися до исторіи запорожскихъ козаковъ, но и весьма значительнымъ количествомъ архивнаго богатства, находящимся въ первопрестольной столицѣ Россіи. Такимъ образомъ, главнымъ и наиболѣе цѣннымъ матерьяломъ для третьяго тома исторіи послужили неизданные до сихъ поръ документы, хранящіеся въ трехъ московскихъ архивахъ: Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, Архивѣ Министерства Юстиціи и Отдѣленіи Архива Главнаго Штаба. Кромѣ матерьяловъ московскихъ архивовъ авторъ пользовался также нѣкоторыми документами Архива короннаго скарба, при варшавской казенной палатѣ, писанными на польскомъ языкѣ. Въ виду цѣнности архивныхъ матерьяловъ и въ виду того, что они не изданы и, можетъ быть, весьма не скоро дождутся изданія въ свѣтъ, авторъ нашелъ нужнымъ менѣе важные изъ нихъ пересказывать собственными словами, болѣе же важные приводить цѣликомъ. Третій томъ обнимаетъ собой періодъ

времени съ 1686 по 1734 годъ и касается такихъ событій, какъ походы запорожцевъ, вмѣстѣ съ русскими войсками, на Крымъ; участіе ихъ въ походахъ Петра на турецкій городъ Азовъ; походы подъ турецкіе городки, Тавань, Кызыкермень и другіе, на низовье Днѣпра; участіе въ полтавскомъ дѣлѣ, вмѣстѣ съ гетманомъ Мазепой; удаленіе въ предѣлы крымскаго ханства и, наконецъ, продолжительныя и усиленныя хлопоты ихъ о возвращеніи изъ «мѣстъ агарянскихъ» въ родныя мѣста.

Запорожская Сичь на рѣкѣ Подпильной.

Изъ исторіи императрицы Екатерины II Брикнера.

Дозволено цензурою, 24 Октября, 1896 г.   Типографія и Фототипія П. П. Бавкина, С.-Петербургъ.

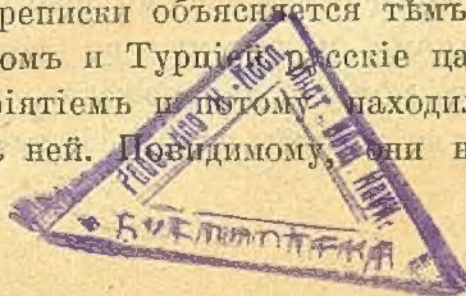
ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Участіе запорожскихъ козаковъ въ походѣ польскаго короля Яна Собѣскаго на Молдавію.—Сношенія московскихъ царей съ крымскимъ ханомъ при посредствѣ запорожцевъ.—Предписаніе запорожскому войску отъ московскихъ царей о совмѣстномъ дѣйствіи съ воеводой Григоріемъ Косаговымъ противъ турецкихъ городковъ.—Пререканія запорожцевъ съ гетманомъ Иваномъ Самойловичемъ и недовольство чрезъ то на нихъ со стороны московскихъ царей.—Грамота царей кошевому атаману Ѳедору Иваниву съ воспрещеніемъ сноситься съ жителями турецкихъ городковъ и съ приказаніемъ подписываться «подданными царского величества».—Участіе запорожцевъ въ первомъ походѣ русскихъ на Крымъ.—Дѣйствія запорожцевъ на низовьяхъ Днѣпра противъ бусурманъ подъ начальствомъ кошевого атамана Филона Лихопоя.—Возвращеніе русско-козацкихъ войскъ изъ крымскаго похода къ рѣкѣ Самарѣ.—Лишеніе Самойловича гетманскаго уряда.—Намѣреніе московскаго правительства о построеніи укрѣпленныхъ городовъ на рѣкахъ Орели и Самарѣ.

Вѣчный миръ, заключенный въ 1686 году между Россіей и Польшей и прекратившій давно длившуюся обоюдную съ той и другой стороны борьбу изъ-за обладанія правобережной Украйны, хотя и успокоилъ Россію на западной границѣ, за то привелъ ее къ войнѣ на южной: московское правительство, добывъ чрезъ тотъ вѣчный миръ Кіевъ и вмѣстѣ съ Кіевомъ нѣкоторые другіе, ближайшіе къ нему, города, въ замѣнъ того обязалось помогать польскому королю Яну Собѣскому въ его борьбѣ съ турками и съ этой цѣлью должно было открыть походъ на Крымскій полуостровъ.

Ставъ въ такое обязательство, московское правительство, по всегдашней своей осторожности, не сразу, однако, объявило разрывъ Турціи и Крыму и сперва вошло съ ними въ дипломатическую переписку. Эта переписка тянулась съ весны 1686 года и до весны 1687.

Такая продолжительность переписки объясняется тѣмъ обстоятельствомъ, что войну съ Крымомъ и Турціей русскіе цари считали слишкомъ важнымъ предпріятіемъ и потому находили нужнымъ серьезно приготовиться къ ней. Повидимому, они не прочь

были даже отъ того, чтобы поставить крымскаго хана и турецкаго султана на мирную, въ отношенiи Польши, ногу и заставить ихъ безъ войны сдѣлать уступку въ пользу польскаго короля. Изъ Москвы въ Крымъ и въ турецкiе на Днѣпрѣ города отправлено было за это время нѣсколько «любительныхъ» грамотъ, съ претензiей за обиды отъ подданныхъ хана и турецкаго султана подданнымъ московскихъ царей. Посредниками въ доставкѣ грамотъ одной и другой стороны были запорожскiе козаки.

Но одной доставки со стороны запорожцевъ царскихъ грамотъ въ Крымъ недостаточно было для Москвы: Москва, главнымъ образомъ, надѣялась на запорожцевъ какъ на военную силу, во многихъ отношенiяхъ незамѣнимую, для предстоявшей съ бусурманами войны. Однако, запорожцы вовсе не были склонны къ тому, чтобы, такъ сказать, пойти въ одну ногу съ исторiей Москвы.

Между Кошемъ войска запорожскихъ козаковъ и правительствомъ московскихъ царей уже въ теченiе 30 предшествовавшихъ лѣтъ сложились отношенiя, въ силу которыхъ запорожцы заняли оборонительное, а московское правительство наступательное положенiе. О равномѣрности силъ въ этой борьбѣ, разумѣется, не могло быть и рѣчи: запорожское войско отъ одного рѣшительнаго прикосновенiя къ нему московскихъ войскъ сразу и навсегда перестало-бы существовать. Но такихъ рѣшительныхъ мѣръ Москва не могла предпринять въ силу различныхъ причинъ, независящихъ отъ нея. Въ этомъ отношенiи московское правительство находилось въ полномъ смыслѣ слова между двухъ огней. Съ одной стороны оно не могло допустить рядомъ съ собой такого явленiя, какъ община запорожскихъ козаковъ, которая основана была на слишкомъ широкихъ народныхъ началахъ, неслыханныхъ ни въ одной республикѣ ни въ древнее время, ни въ среднiе вѣка. Съ другой стороны—оно находило весьма полезнымъ для себя существованiе запорожскаго войска: при слабомъ экономическомъ развитiи, при бѣдности въ денежномъ и матерiальномъ отношенiяхъ и въ то-же время при быстромъ политическомъ ростѣ, который значительно опередилъ ростъ экономическiй, московское правительство не было въ состоянiи содержать постоянной и сильной армiи для борьбы съ многочисленными своими врагами, въ частности для борьбы съ мусульманами, и потому, по необходимости, должно было прибѣгать къ помощи запорожскаго войска, которое ничего почти не стоило московскимъ царямъ и всегда готово было пойти на борьбу

съ врагами святого креста и всего славянскаго міра. Правда, московскіе цари изъ года въ годъ посылали запорожцамъ извѣстную казну; но, во-первыхъ, эта казна слишкомъ была невелика, какихъ-нибудь 2000 рублей или 500 червонцевъ на восемь или на десять тысячъ человѣкъ; а во-вторыхъ, присылка ея не была опредѣлена разъ навсегда, какъ это видно изъ того, что о такой казнѣ нужно было бить челомъ царямъ и ежегодно посылать депутатовъ въ Москву и, не смотря на то, нерѣдко не получать ея въ теченіе двухъ-трехъ лѣтъ [1]). Но запорожскіе козаки необходимы были Москвѣ не только для борьбы противъ мусульманъ, они служили ей щитомъ и въ ея борьбѣ противъ поляковъ: взявъ въ свои руки, съ половины XVII вѣка, Малороссію и весь ея, какъ тогда говорили, козакорусскій народъ, Москва вошла въ многочисленныя войны съ Польшей, и въ этомъ случаѣ запорожцы существенно необходимы были для Москвы: они прикрывали южную границу московскаго государства отъ бусурманъ и давали возможность русскимъ царямъ сосредоточить всѣ боевыя силы на южной границѣ для борьбы съ польскимъ королемъ.

Рѣзкая противоположность между Запорожьемъ и Малороссіей съ одной стороны и Великороссіей съ другой, наиболѣе стала сказываться во второй половинѣ XVII вѣка. Въ теченіе всего этого времени въ московскомъ государствѣ идетъ сильное развитіе идеи государственности; въ Запорожьи и въ Малороссіи въ это же время наиболѣе проявляется стремленіе къ удержанію вѣковѣчныхъ правъ и вольностей и, чрезъ нихъ, къ сохраненію индивидуальности народа. Лучшей формой для сохраненія индивидуальности южно-русскаго народа, по понятію малороссійской массы, считалось козачество. Оттого малороссійскій народъ впослѣдствіи и изукрасилъ козаковъ всѣми цвѣтами народно-поэтическаго творчества; оттого и теперь народъ, въ своихъ воспоминаніяхъ о козакахъ, ставитъ козака выше человѣка и приписываетъ ему сверхчеловѣческія достоинства. Само козачество, въ лицѣ наиболѣе развитыхъ политически людей времени, понимая вполнѣ свою роль, стремится къ тому, чтобы организовать изъ своей среды сильную общину и тѣмъ сохранить свои права, свои вѣковѣчныя вольности, а слѣдовательно

[1]) Въ половинѣ XVII вѣка, передъ крымскимъ походомъ, московское правительство должно было выставить 60,000 ратныхъ людей и назначить имъ, вмѣстѣ съ начальными людьми, 700,000—560,000 рублей. Милюковъ, Государственное хозяйство Россіи, СПБ., 1894, 54.

чрезъ нихъ и самую малороссійскую народность. Однако, при всемъ усиліи малороссійскихъ патріотовъ, они не могли достигнуть никакихъ положительныхъ въ своемъ стремленіи результатовъ; въ этомъ они встрѣтили рѣшительное противодѣйствіе со стороны московскаго правительства. Для достиженія положительныхъ результатовъ нужны были и время, и сильная организація въ Малороссіи и въ Запорожьи. Но московское правительство не могло допустить самостоятельной организаціи ни въ Запорожьи, ни въ Малороссіи, потому что всякая организація вообще, въ частности и организація въ запорожскомъ войскѣ, есть сила сама по себѣ; въ сплоченной организаціи запорожское и малороссійское войско могло бы представить страшную силу, безъ организаціи—простую толпу. Оттого московское правительство зорко слѣдитъ за каждымъ движеніемъ запорожскихъ козаковъ въ отношеніи проявленія ими самостоятельной жизни и въ мирное время не терпитъ ихъ существованія. Только въ военное время оно прибѣгаетъ къ помощи запорожскаго войска и тутъ даетъ обѣщаніе сохранить за козаками и всѣ ихъ старыя права, и всѣ ихъ козацкія вольности. Запорожцы понимаютъ истинныя отношенія къ нимъ московскаго правительства и, сколько возможно, силятся отстоять за собой существованіе своихъ правъ и вольностей. Для этого они стараются пользоваться наиболѣе удобнымъ для нихъ случаемъ—войнами Москвы съ враждебными ей сосѣдями, главнымъ образомъ съ турками и татарами.

Какъ бы то ни было, но въ виду похода на Крымъ Москва возлагала на запорожцевъ большія надежды и, прежде всего, постаралась воспользоваться ими какъ посредниками между Крымомъ и Москвой.

Готовясь къ походу на Крымъ, Москва должна была, прежде всего, выискать поводъ для нарушенія мирныхъ отношеній къ Турціи и Крыму. Такимъ поводомъ послужилъ захватъ мусульманами на южныхъ окраинахъ Россіи въ полонъ христіанъ и нападенія татаръ на запорожскихъ промышленниковъ въ разныхъ степныхъ мѣстахъ. Съ этою цѣлью посланы были къ «султанову величеству» подьячій Никита Алексѣевъ и гетманскій «посыльщикъ» Иванъ Лисица съ просьбой объ отпускѣ русскихъ полоняниковъ изъ турецкой неволи. Къ «ханову величеству» отправлены были избранные отъ запорожскаго войска. Послѣдніе должны были изложить хану жалобы за подданныхъ царскаго величества, малороссійскихъ жителей и запорожскихъ козаковъ, которые, ходя для

звѣриныхъ и рыбныхъ ловель пониже Кызыкерменскаго городка, терпятъ тамъ, вопреки мирному договору и установленной шерти бывшаго хана Муратъ-Герая съ Москвой, великія обиды отъ татаръ; у такихъ промышленныхъ людей татары не разъ курени разгромляли, «животы» грабили и самихъ козаковъ въ полонъ брали.

Крымскій ханъ Селимъ-Герай, повидимому, еще не зналъ о состоявшемся между Польшей и Россіей мирномъ трактатѣ; если-же и зналъ, то былъ не вполнѣ увѣренъ въ томъ. Во всякомъ случаѣ, получивъ жалобу отъ русскихъ царей, ханъ отправилъ въ Москву своего гонца Мубарекшу-мурзу Селешова съ обширнымъ къ царямъ листомъ. Ханскій гонецъ выѣхалъ изъ Бахчисарая въ концѣ апрѣля мѣсяца, прибылъ въ Сѣвскъ въ маѣ, былъ допущенъ къ царямъ іюля 3 дня, 1686 года. Въ ханскомъ письмѣ было сказано, что, по жалобѣ великихъ государей относительно притѣсненій и обидъ малороссійскимъ и запорожскимъ промышленнымъ людямъ, Селимъ-Герай отыскалъ и «высмотрѣлъ» списокъ шерти бывшаго Муратъ-Герая, ханова величества, и въ томъ спискѣ нашелъ статью, которая касается однихъ торговыхъ людей, имѣющихъ приходить въ самый Крымъ или въ другія государства черезъ Крымъ для торговыхъ дѣлъ. О такихъ людяхъ сказано: обидъ имъ не чинить, пошлинъ съ нихъ не имать, товаровъ у нихъ даромъ не отбирать. Относительно-же козаковъ, которые ходятъ для рыбныхъ ловель, звѣриныхъ промысловъ и покупки соли на низовья Днѣпра, о томъ, чтобы съ нихъ никакой пошлины не брать, въ той шертной грамотѣ не написано ничего. Однако, ханъ «для умноженія братской дружбы и любви» всѣмъ кызыкерменцамъ и собственнымъ подданнымъ «крѣпкій заказъ» учинилъ, чтобы отнюдь съ тѣхъ козаковъ, которые сухимъ и воднымъ путемъ ходятъ для добычи не военной и не воровски, никакихъ пошлинъ не брать и обидъ имъ не причинять. А относительно разгрома козацкихъ куреней, грабежа животовъ и захвата самихъ козаковъ въ полонъ, то, по тщательному разспросу у кызыкерменцевъ и у ханскихъ подданныхъ татаръ, оказалось, что такихъ обидъ никому не было нанесено, и что ни одинъ человѣкъ изъ запорожскихъ козаковъ не былъ взятъ въ полонъ. Напротивъ того, во всемъ Крыму извѣстно, что царскіе подданные, калмыки и донскіе козаки, не разъ подбѣгали подъ Крымъ и немало причиняли въ немъ бѣдъ: пастуховъ татарскихъ на степяхъ разгоняли, лошадиныя стада у нихъ отбивали, по разнымъ дорогамъ воровали и даже около крымскаго

посланца, ѣхавшаго со многими людьми назадъ отъ султанова величества, побили и погромили. И татары «ради дружбы межъ ханомъ и московскими царями тому козацкому дуровству терпятъ и противности имъ никакой не чинятъ». А еще раньше того донскіе козаки взяли подъ Черкаскимъ городкомъ Абду-агу и теперь «таятъ и мучатъ его у себя для того, чтобы онъ сулилъ за себя окупъ большой». Да въ шертныхъ-же крымскихъ грамотахъ написано—быть хану другомъ для царскаго друга и быть ему недругомъ для царскаго недруга, также поступать и царямъ, потому что кто царямъ другъ, тотъ и хану другъ, а кто хану недругъ, тотъ и царямъ недругъ, и это постановленіе нужно крѣпко съ обѣихъ сторонъ блюсти и достойно другъ другу противъ всякаго непріятеля помогать. Теперь, когда крымскія войска пойдутъ противъ поляковъ, общихъ какъ для русскихъ, такъ и для татаръ враговъ, то и царямъ слѣдуетъ изъ ближнихъ украинныхъ или [illegible] городовъ послать козаковъ для войны противъ общихъ враговъ. А что до просьбы госуд[illegible]—и [illegible] запорож[illegible]мъ, согласно грамотѣ султанова вел[illegible] [illegible] х[illegible]дить для взятья соли къ озерамъ близко Дн[illegible] не [illegible] по [illegible]кимъ и не чинить никакихъ обидъ, то ну[illegible] [illegible] царск[illegible] величества прислали ханову величеству списокъ съ той утвержденной султановой грамоты, и [illegible] время собиранія соли пріидетъ, то ханъ ради вѣчной дружбы и любви будетъ радѣть о томъ, чтобы козакамъ вольно было соль на озерахъ имать [1]).

Когда ханскій гонецъ находился еще въ Москвѣ, въ это время тамъ получилась вѣсть о задержкѣ московскаго подъячаго Никиты Алексѣева и гетманскаго посыльщика Ивана Лисицы въ турецкомъ городѣ Очаковѣ и о приходѣ подъ городъ Керенскъ [2]) и подъ другіе царскаго величества украинные города крымскаго Мамутъ-салтана съ воинскими людьми для взятья подлинной вѣдомости объ учиненномъ русскими царями мирѣ съ польскимъ королемъ и для подговариванія царскаго величества подданныхъ татаръ. Ханскій гонецъ, поставленный по этому поводу на допросъ, далъ такой отвѣтъ, что набѣгъ тотъ, вѣроятно, сдѣлала купа своевольныхъ людей, какъ дѣлаютъ такіе-же набѣги донскіе и запорожскіе козаки на татаръ, и хотя ханъ много разъ писалъ о томъ къ госу-

---

[1]) Архивъ мин. ин. дѣлъ; крымскія дѣла, 1686, св. 77, № 11.

[2]) Керенскъ—уѣздный городъ теперешней Пензенской губерніи.

дарямъ въ Москву, но управа и розыскъ тѣмъ людямъ и до сихъ поръ не учинены. На то ханскому гонцу возразили, что къ запорожцамъ и донцамъ посланъ запретъ отнюдь съ ханскими подданными ссоръ и задоровъ не чинить, а нынѣ со стороны ханова величества мирнымъ договорамъ дѣлается явное нарушеніе тѣмъ, что къ подданнымъ царскаго величества, татарамъ, посылаются «прелестные» листы. Ханскій мурза, въ виду такого дѣла, находилъ за лучшее, чтобы его отпустили съ какимъ-нибудь нарочнымъ изъ Москвы въ Крымъ; онъ ручался, что тотъ нарочный, доставивъ его, гонца, въ Крымъ, будетъ возвращенъ въ цѣлости до Запорогъ. Но гонцу на это объявили царскій приказъ, что пока не будутъ возвращены въ Москву подъячій Алексѣевъ и посыльщикъ Лисица, до тѣхъ поръ и ему оставаться въ Москвѣ. Мурзѣ совѣтовали такъ и въ Крымъ написать съ добавленіемъ того, что въ Москвѣ какъ ему самому, такъ и всѣмъ людямъ при немъ, выдается «со всякимъ удовольствомъ противъ прежняго» жалованье отъ царей. На это ханскій гонецъ отвѣчалъ, что объ отпускѣ царскаго подъячаго и гетманскаго посольства онъ не станетъ хану писать, такъ какъ ханъ дѣлаетъ то, что захочетъ самъ, а не то, что скажетъ ему какой-нибудь мурза; поэтому гонецъ находитъ, что держать его, мурзу, въ Москвѣ и смысла никакого нѣтъ; пріѣхалъ онъ къ великимъ государямъ съ любительною грамотой, съ любовью долженъ быть и отпущенъ изъ Москвы [1].

Оставивъ у себя ханскаго гонца, цари написали о томъ грамоту къ самому хану и отправили ее сперва въ Запорожье къ воеводѣ Григорію Косагову и къ кошевому атаману Ѳедору Иванику съ приказаніемъ доставить ее въ Крымъ съ надежнымъ козакомъ. Воевода и кошевой, съ общаго совѣта, выбрали для той цѣли запорожскаго козака Клима Шило да сумского полка козака Богданова, которые отвезли царскую грамоту къ кызыкерменскому бею, и бей отправилъ ее къ хану въ самый Крымъ.

Въ той грамотѣ цари писали, что они принимали у себя ханскаго гонца, изъявили черезъ него ханскому величеству пріязнь и любовь, и уже готовы были отпустить его отъ себя, какъ вдругъ узнали о томъ, что царскій подъячій Алексѣевъ и гетманскій посыльщикъ Лисица, возвращавшіеся «съ уволенными» отъ Магметъ-султанова величества русскаго народа полонянниками, задержаны въ турскомъ

[1] Архивъ мин. ин. дѣлъ; крымскія дѣла, 1686, св. 77, № 11

городѣ Очаковѣ неизвѣстно ради какихъ причинъ. Оттого великіе государи по необходимости и ханскаго гонца задержали при себѣ; а когда ханское величество отпустить русскихъ гонцовъ, тогда безъ всякаго задержанія будетъ отосланъ и крымскій гонецъ [1]).

Пересылаясь съ Крымомъ «любительными» грамотами, московское правительство на этомъ, однако, не останавливалось и въ то-же время брало свои мѣры для борьбы съ бусурманами. Такъ, въ маѣ мѣсяцѣ, послана была въ Сѣчь царская грамота, въ которой приказывалось запорожскому войску собраться всѣми силами и чинить промыслъ «на перелазахъ» противъ бусурманъ, гдѣ они привыкли переходить черезъ рѣки и дѣлать набѣги на украинскіе города [2]).

Въ это-же время, пока происходила переписка между Крымомъ и Москвой, польскій король, Янъ Собѣскій, съ половины іюля мѣсяца, уже дѣйствовалъ въ Галиціи противъ турокъ. Въ самомъ началѣ августа онъ переправился черезъ Прутъ и оттуда написалъ, 10 числа, къ запорожцамъ письмо съ приглашеніемъ принять участіе въ борьбѣ противъ общихъ враговъ, бусурманъ.

Въ этомъ письмѣ Янъ Собѣскій, называя запорожскихъ козаковъ мужественными, воинственными, доблестными и храбрыми людьми, любезно вѣрными польскому королю, объявлялъ имъ, что іюня 21 дня онъ получилъ отъ царскихъ величествъ изъ города Москвы письмо съ просьбой увѣдомлять о всѣхъ своихъ военныхъ дѣйствіяхъ противъ бусурманъ, и на этомъ основаніи находилъ нужнымъ извѣстить о томъ и запорожцевъ. Прежде всего король сообщалъ, что онъ истребилъ возлѣ Каменца много хлѣбныхъ запасовъ, невдалекѣ отъ города оставилъ для предупрежденія вылазокъ изъ него непріятелей нѣкоторую часть своего войска. Затѣмъ онъ сообщалъ, что самъ, съ главными силами, двинулся въ непріятельскую землю и по дорогѣ приказалъ, на весьма выгодныхъ мѣстахъ надъ рѣкою Прутомъ, насыпать три земляныхъ окопа и въ нихъ помѣстить сильный охранный отрядъ войска. Придя въ волошскій край, онъ остановился въ двухъ миляхъ отъ Яссъ и Цоцоры и тамъ принялъ отъ волошскаго народа добровольное предложеніе на подданство польской коронѣ; молдавскій господарь, по причинѣ нахожденія его сына въ заложникахъ у

---

[1]) Архивъ мин. ин. дѣлъ; крымскія дѣла, 1686, св. 77, № 11.

[2]) Архивъ мин ин. дѣлъ; малороссійскія дѣла, 1686, св. 69, № 15.

турецкаго султана, хотя и «отозвался письмомъ» къ королю, самъ однако, скрылся. Принявъ молдавскихъ депутатовъ, король двинулся къ крѣпости Цоцорѣ, откуда намѣревался немедленно двинуться къ Ясамъ, укрѣпить столицу молдавскаго государства, оставить въ ней сильный охранный отрядъ войска и затѣмъ идти дальше во внутрь страны для отысканія непріятельскихъ силъ и для принятія подъ свою защиту всѣхъ христіанскихъ народовъ. Отъ пойманныхъ бусурманскихъ языковъ и отъ доброжелательныхъ людей король получилъ вѣсти, что крымскій калга-салтанъ съ значительнымъ войскомъ пошелъ въ Венгрію на соединеніе съ турецкимъ везиремъ: тамъ христіанскія войска [1]) такъ стѣснили Буду, [2]) что она едва-ли устоитъ отъ ихъ напора. Нуррединъ-салтанъ расположился въ Буджакѣ, и въ самомъ Крыму остался только одинъ ханъ съ войскомъ. Но на враговъ напалъ страхъ и ужасъ, и отъ того страха орда отъ Буджака и Бѣлограда имѣетъ намѣреніе идти къ Днѣпру и соединиться съ крымскимъ ханомъ. «Предувѣдомляя о томъ вѣрное наше войско, не сомнѣваемся, что настигая врага въ Крыму воинственною рукою, вы уже до сихъ поръ воспользовались столь хорошимъ и вожделеннымъ случаемъ для вѣчной славы ихъ царскаго величества, любезнѣйшихъ братьевъ нашихъ, а также прославленію вѣры христіанской, къ радости всѣхъ правовѣрныхъ и къ вѣчному посрамленію бусурманъ. Если бы ханъ сталъ переправляться черезъ Днѣпръ, и вы-бы, чего впрочемъ не думаемъ, не могли удержать его на переправѣ, то просимъ васъ, хотя съ частью войска, пробившись сквозь непріятеля, къ намъ прибыть» [3]).

Коронный регентъ Станиславъ Щука, отправляя королевскій листъ къ запорожскимъ козакамъ, выразилъ желаніе о томъ, чтобы онъ доставленъ былъ также донцамъ и «другимъ, кого касаться будетъ» [4]).

Для сношенія короля съ Украйной и Запорожьемъ въ то время установленъ былъ почтовый пунктъ въ Бѣлой-Церкви. Оттуда посылались гонцы въ Кіевъ, въ города лѣвобережной Украйны и въ Запорожье. Добытыя вѣсти привозились обратно въ Бѣлую-Церковь и оттуда доставлялись въ Дубно, Львовъ и Заславъ [5]).

---

[1]) Въ войнѣ польскаго короля съ турками помогали Австрія и Венеція

[2]) Разумѣется городъ Буда-Пештъ.

[3]) Величко, Лѣтопись, Кіевъ, 1851, II, 597.

[4]) Величко, Лѣтопись, Кіевъ, 1851, II, 597.

[5]) Архивъ варшав. каз. палаты, стр. III, кн. VII, л. 120, 123.

Запорожцы, получивъ королевскій листъ и списавъ съ него подлинную копію, копію оставили у себя, а подлинникъ отослали Ивану Самойловичу, при чемъ извѣстили гетмана о томъ, что, въ виду просьбы короля, они отправили къ нему «добраго коннаго товариства 2.700 человѣкъ» [1]).

Предпріятіе польскаго короля не имѣло, однако, никакихъ серьезныхъ послѣдствій ни для него самого, ни для его враговъ: занявъ столицу Молдавіи, Яссы, онъ двинулся было оттуда въ Буджакъ, но тутъ встрѣтилъ ханскаго сына съ значительными силами татаръ; татары, пользуясь лѣтней засухой, зажгли въ степи траву и тѣмъ пріостановили дальнѣйшее движеніе короля [2]). Тогда король, не получивъ во время поддержки ни отъ Австріи, ни отъ Россіи, прекратилъ на время войну и воротился къ польскимъ границамъ въ виду наступившей зимы. Въ Филипповъ постъ онъ отпустилъ отъ себя запорожскихъ козаковъ въ Сѣчь, давъ каждому изъ нихъ по 10 битыхъ талеровъ на козака «за ихъ добре выгодную для себя военную службу» и черезъ нихъ-же отправилъ всему запорожскому низовому войску благодарственное письмо за присылку коннаго отряда, прося и впредь не оставлять его своимъ вниманіемъ въ борьбѣ поляковъ противъ бусурманъ [3]).

Дѣйствія запорожскихъ козаковъ противъ бусурманъ не могли окончиться однимъ походомъ ихъ въ Молдавію, и запорожцамъ предстоялъ впереди цѣлый рядъ войнъ противъ исконныхъ ихъ враговъ

Для вспоможенія запорожскимъ козакамъ въ ихъ серьезной борьбѣ Москва послала къ нимъ, подъ начальствомъ генерала и воеводы Григорія Ивановича Косагова, конныхъ и пѣшихъ ратныхъ людей. Отправляя воеводу къ запорожцамъ, цари Іоаннъ и Петръ съ царевной Софьей Алексѣевной писали кошевому атаману Ѳедору Иванику о томъ, чтобы онъ, соединившись съ русскими ратными людьми, шелъ подъ кызыкерменскія мѣста и на переправы Днѣпра, гдѣ татары привыкли переходить рѣку, и тамъ чинилъ воинскій поискъ и промыселъ, сколько Богъ всемогущій поможетъ [4]). Мѣстомъ для стоянки Косагова съ ратными людьм указанъ былъ Каменный-Затонъ [5]).

---

[1]) Величко, Лѣтопись, Кіевъ, 1851, II, 602.

[2]) Шмидтъ, Исторія польскаго народа, СПБ., 1866, III, 86.

[3]) Величко, Лѣтопись, Кіевъ, 1856, II, 602.

[4]) Архивъ мин. ин. дѣлъ; крымскія дѣла, 1686, св. 77. № 15.

[5]) Архивъ мин. ин. дѣлъ; мал. дѣла, 1686, св. 70, 10 декабря.

Однако, такое приказаніе царей осталось безъ исполненія у запорожцевъ.

Въ самомъ началѣ мѣсяца сентября воевода Григорій Ивановичъ Косаговъ, стоявшій въ то время въ Каменномъ-Затонѣ, доносилъ царямъ, что, отправившись въ Запорожье для общаго съ козаками чиненія промысла противъ бусурманъ, онъ говорилъ много разъ о томъ съ кошевымъ атаманомъ и всякій разъ получалъ отъ него такой отвѣтъ, что безъ помощи со стороны гетмана запорожцамъ воевать съ Крымомъ нельзя: на рѣчкѣ Каланчакѣ, въ двухъ миляхъ отъ Перекопа, стоитъ съ многочисленными ордами самъ крымскій ханъ, а въ Кызыкерменѣ, Таванскомъ и другихъ турецкихъ городкахъ турки и татары «съ великою осторожностью живутъ». Въ самомъ Запорожьи теперь силы невелики: изъ козаковъ одни разошлись ради запасовъ въ города, другіе ушли къ польскому королю, а человѣкъ около 300 пропало подъ Кызыкерменскимъ городкомъ. Вслѣдствіе такого малолюдства въ крымскія мѣста и подъ турецкіе городки опасно идти, чтобы и послѣднихъ людей не потерять,—для такого похода нужна помощь изъ другихъ мѣстъ. О такой помощи запорожцы уже много разъ писали къ гетману обѣихъ сторонъ Днѣпра и не получили отъ него ничего. Безъ запорожцевъ-же однимъ ратнымъ людямъ въ крымскія и турецкія мѣста ходить и языка добыть нельзя, потому что нѣтъ въ полку такихъ вождей, которые-бы знали хорошо поле и всѣ крымскія мѣста. Оттого ни съ Коша, ни съ полка въ Крымъ и «по се число» не посылали никого, хотя воевода безпрестанно кошевому атаману о томъ и говорилъ и писалъ. Но кошевой стоялъ на одномъ, что безъ прибавочныхъ ратныхъ людей крымской войны онъ не начнетъ, и если гетманъ Самойловичъ не пришлетъ въ Сичь ратныхъ людей, то запорожцы въ Крымъ не пойдутъ, а будутъ только свой Кошъ остерегать [1]. Кромѣ всего этого запорожцы

---

[1]) Архивъ мин. ин. дѣлъ; крымскія дѣла, 1686, св. 77, № 15. Лѣтописецъ Ригельманъ по этому поводу говоритъ, что, запорожцы, пользуясь наставшимъ случаемъ, не захотѣли видѣть себя подданными московскихъ царей и пожелали остаться вольными людьми. Тогда московское правительство, предвидя для себя самыя дурныя послѣдствія отъ того, послало въ Сичь знатную сумму денегъ «и на иныя мысли навело козаковъ: запорожцы, получивъ подарки, дали обѣтъ вѣрно государямъ служить и «вооруженной рукой за нихъ на татаръ и турокъ идти». Лѣтописное повѣствованіе, Москва, 1847, II, 190.

указывали имъ и на недостатокъ челновъ, какъ на причину, по которой они не рѣшились начинать войны противъ бусурманъ [1]).

Получивъ отъ Косагова такую вѣсть, цари, сентября 19 дня, послали кошевому Иванику и всему посполъству, бывшему при немъ, новый приказъ, чтобы козаки, пользуясь наставшимъ благопріятнымъ временемъ, шли походомъ на турецкіе города.

«Намъ, великимъ государямъ, нашему царскому величеству, учинилось извѣстно, что многія крымскія орды съ салтанами изъ Крыма пошли на войну въ Венгерскую землю противъ римскаго цезаря и противъ королевскаго величества польскаго, а въ Крыму остался ханъ съ небольшими людьми. По тѣмъ вѣдомостямъ въ такое нынѣшнее время вамъ, кошевому атаману, надъ непріятелями воинской промыслъ чинить, и вамъ-бы, кошевому атаману и всему посполъству, о томъ вѣдать должно и, по совѣту съ генераломъ и воеводой, собравшись всѣмъ низовымъ запорожскимъ войскомъ, чинить надъ турскими и крымскими мѣстами и на перелазахъ, гдѣ обыкли крымскія войска переправляться черезъ Днѣпръ, воинскій промыслъ. Да что по тому въ воинскомъ промыслѣ по нашему царского величества указу учините, къ намъ, великимъ государямъ писать» [2]).

Тѣмъ временемъ, сентября 2 дня, вернулся изъ Кызыкерменя въ Сичь запорожскій козакъ Климъ Шило съ товарищемъ Дмитріемъ Богдановымъ и привезъ съ собой ханскій листъ, который былъ доставленъ изъ Бахчисарая въ Кызыкермень какимъ-то мурзой и зашитъ въ красную тафту. Вмѣстѣ съ листомъ Шило принесъ воеводѣ вѣсть, что ханъ вышелъ изъ Крыма и сталъ на рѣкѣ Каланчакѣ, на Очаковскомъ и Кызыкерменскомъ шляхахъ, въ двухъ миляхъ за Перекопомъ и въ двѣнадцати миляхъ отъ Сичи и Каменнаго-Затона. Косаговъ далъ Шилу трехъ новыхъ товарищей и велѣлъ ему ханскій листъ отвезти немедленно въ Москву.

Изъ доставленнаго ханскаго листа въ Москвѣ узнали, что крымскій ханъ уже получилъ подлинное извѣстіе о происшедшемъ между Польшей и Россіей мирѣ и о состоявшемся между польскимъ королемъ и московскими царями союзѣ для борьбы противъ Турціи и Крыма. Называя себя великимъ государемъ, свѣтлѣй-

---

[1]) Самовидецъ, Лѣтопись, Кіевъ, 1878, 165.

[2]) Архивъ мин. ин. дѣлъ; мал. подл. акты, 1686, св. 2, № 25.

шимъ, славнѣйшимъ, величайшимъ и любезнѣйшимъ, обладателемъ престола великой орды и великаго крымскаго юрта, кипчацкой степи безсчетныхъ татаръ, безсмѣтныхъ погайцевъ тацкихъ и тевкецкихъ, живущихъ межъ горъ черкесовъ, Селимъ-Герай упрекалъ московскихъ царей за союзъ ихъ съ врагами Турціи и Крыма, за задержаніе въ Москвѣ крымскаго гонца мурзы Селешова, за умышленный пропускъ времени для размѣна, по установившемуся давнему обычаю, съ обѣихъ сторонъ плѣнныхъ и за намѣреніе идти войной подъ крымскій полуостровъ и подъ турецкій городъ Азовъ: «Богу извѣстно, что нарушенье (мира) не съ нашей стороны; желаемъ отъ Бога, кто сей миръ нарушилъ, и то взыщи Богъ надъ нимъ; мы крѣпко радѣли, чтобъ въ обоихъ государствахъ не было задору и войны, а вы съ нашимъ недругомъ, съ польскимъ королемъ, договоръ, вѣчный миръ и союзъ учинили на томъ, что другу ихъ другомъ, а недругомъ ихъ недругамъ быть» [1]).

Русскіе цари, не скрывая болѣе своихъ отношеній къ польскому королю, находили нужнымъ дѣйствовать пока въ отношеніи хана путемъ слова и для того написали новую грамоту въ Крымъ. Повторивъ въ новой своей грамотѣ прежнія доказательства тому, что нарушеніе мирныхъ договоровъ произошло не съ русской, а съ крымской стороны и поставивъ на видъ то, что объ этомъ писано было и Муратъ-Гераю, и Хаджи-Гераю, и самому Селимъ-Гераю, великіе государи объявляютъ послѣднему, что если онъ желаетъ быть съ ними въ миру, то долженъ безусловно воспретить татарамъ дѣлать набѣги подъ украинные русскіе города, немедленно прекратить войну съ польскимъ королемъ, постараться склонить султаново величество къ царской и королевской дружбѣ и добиться у падишаха, чтобы все завоеванное турками у Польши было возвращено польскому королю. Кромѣ всего этого, ханъ долженъ немедленно царскаго гонца Никиту Алексѣева и гетманскаго посыльщика Ивана Лисицу отпустить изъ Очакова въ Переволочну, куда уже давно отпущенъ и мурза Селешовъ.

Кошевому атаману Ѳедору Иванику и воеводѣ Григорію Косагову посланъ былъ изъ Москвы приказъ, чтобы они, поговоря между собой, безъ замедленія отправили, съ кѣмъ пригоже, изъ Запорожья царскую грамоту къ крымскому хану. Такой-же приказъ посланъ былъ въ Сѣвскъ воеводѣ Леонтію Неплоеву, а одно-

[1]) Архивъ мин. ин. дѣлъ; крымскія дѣла, 1686, св. 77. № 15.

временно съ ними и гетману Ивану Самойловичу. Последнему, кромѣ того, приказано было сдѣлать у Переволочны на Днѣпрѣ обмѣнъ посланнаго туда крымскаго гонца мурзы Селешова на царскаго гонца Алексѣева и гетманскаго посыльщика Лисицу со всѣми, находящимися при нихъ, невольниками и съ ихъ пожитками. А для лучшей безопасности того размѣна поставить на перевозѣ сотника переволочанскаго съ товариствомъ и по размѣнѣ плѣнныхъ всѣхъ русскихъ доставить въ Москву [1]).

Сносясь такими «любительными» грамотами съ ханомъ, московскіе цари въ это-же время, согласно условію заключеннаго мира между Россіей и Польшей, исподволь готовились къ походу на Крымъ. Само собой разумѣется, что какъ польскій король, такъ и московскіе цари въ такомъ предпріятіи, какъ война противъ бусурманъ, не могли обойтись ни безъ запорожскихъ, ни безъ малороссійскихъ козаковъ. А между тѣмъ у запорожскихъ козаковъ съ гетманомъ обѣихъ сторонъ Днѣпра въ это время шли сильныя пререканія и большой раздоръ. Гетманъ Иванъ Самойловичъ въ пространномъ письмѣ, писанномъ въ концѣ октября, 1686 года, къ сѣвскому воеводѣ Леонтію Романовичу Неплюеву, высказывалъ въ самыхъ рѣзкихъ словахъ причины своего неудовольствія на запорожское войско.

«Да будетъ вашей милости извѣстно, что на Запорожье послано отъ меня запасу 500 бочекъ, денегъ 2000 золотыхъ, горѣлки 5 бочекъ; только-жъ, я, вслѣдствіе ихъ неблагодарности, пожалѣлъ утруждать людей и подводы подъ тотъ запасъ, потому что ни при какихъ изъ бывшихъ гетмановъ подводами имъ запасовъ не вожено и не только подводъ не посылано, но издавна, даже при Хмельницкомъ, запасовъ совсѣмъ не давано. Только Брюховецкій тотъ обычай ввелъ, чтобъ имъ давать всякій годъ запасы, но и при Брюховецкомъ запасовъ подводами (къ нимъ) не вожено,— сами они, запорожцы, отъ Кишенки челнами отыскивали запасы вешнею порой. Какъ тогда, такъ и теперь, подводами имъ запасовъ не годится посылать, и впредь имъ въ томъ слѣдуетъ отказать. А что до того, что я, уже при своемъ урядѣ, много разъ тотъ запасъ подводами посылалъ, то дѣлалъ я то для того, чтобы справиться съ ними во время ихъ шатости, такъ какъ они въ прошлыя времена не только къ полякамъ, но даже къ бусурманамъ

[1]) Архивъ мин. ин. дѣлъ; крымскія дѣла, 1686, св. 77, № 15.

обращались со своими обсылками. И то радѣніе мое объ ихъ управленіи чинилъ по моей вѣрности къ великимъ государямъ и потому, что не могъ съ ними тогда сладить. Нынѣ же, когда, по мирнымъ договорамъ, они уже поступили въ подданство царского пресвѣтлаго величества, гладить ихъ тѣмъ не годится. Конечно, давать имъ запасовъ я не отказываюсь и какъ опредѣлилъ приготовлять по 500 бочекъ онаго на каждый годъ и назначилъ давать имъ по 2000 золотыхъ готовыхъ денегъ, такъ всегда и будетъ все то доходить къ нимъ... Такимъ-же способомъ и въ этотъ годъ, еще къ ранней весны я писалъ имъ, что запасъ уже готовъ и чтобъ они сами для себя отыскивали его. Я обѣщалъ имъ доставить до Кодака, откуда они могли бы уже и сами его забрать, такъ какъ и дальше того бѣгаютъ въ Варшаву и въ Краковъ за хлѣбомъ, а тутъ дома почему-бы имъ не взять его? Однако они, упорно ставъ на своемъ, не захотѣли отыскивать его. Писалъ ко мнѣ генералъ и воевода Григорій Ивановичъ Косаговъ о томъ, что они, запорожцы, негодуютъ противъ меня, припоминая, какъ имъ въ городахъ нѣтъ, по волѣ ихъ сердецъ, чести. Но они и сами не хранятъ чести: пріѣхавъ въ города, они причиняютъ убытки (и дѣлаютъ) озорничества, старшину побиваютъ и людей всякихъ безчестятъ и хотѣли-бы такъ дѣлать, какъ дѣлали при Брюховецкомъ. Въ какой-бы городъ они ни пріѣзжали, останавливаясь тамъ на дворахъ, окна въ избахъ вышибали и печи разбивали, питье сами себѣ насильно у людей забирая, безпрестанно упивались, старшого городового или меньшого, кого хотѣли, побивали, и за то никогда не несли наказанія. Всего этого я, при моемъ урядѣ, не допускаю, да и допустить не хочу. Въ городахъ приказываю удерживать ихъ и впредь самовольства имъ не позволю, за что они и гнѣваются и негодуютъ на меня, забывая то, что во всемъ сами виноваты, потому что не хотятъ быть въ настоящемъ исправленіи» [1]).

Не смотря на такое негодованіе противъ запорожцевъ, гетманъ Самойловичъ, при всемъ томъ, вынужденъ былъ отправить къ нимъ, въ видѣ вспомогательнаго отряда, на все время зимы 400 человѣкъ козаковъ гадячскаго полка, съ запасами по одному возу на козака и съ охраной въ числѣ нѣсколькихъ человѣкъ простыхъ

[1]) Архивъ мин. ин. дѣлъ, мал. дѣла, 1686, св. 70, № 29.

людей, которымъ, по доставкѣ въ Запорожье провіанта, велѣно было препроводить назадъ изъ подъ фуръ лошадей [1]).

Выражая свое крайнее неудовольствіе на запорожцевъ въ письмѣ къ воеводѣ Неплюеву, гетманъ Самойловичъ въ то же время не поскупился изобразить ихъ въ самомъ непривлекательномъ видѣ и въ посланіи къ царямъ. Вслѣдствіе этого, ноября 10 числа, изъ Москвы въ запорожскую Сичь послана была, на имя кошевого атамана Ѳедора Иваника и всего находившагося при немъ посполъства, царская грамота отъ царей Іоанна и Петра и царевны Софіи Алексѣевны. Въ этой грамотѣ государи упрекали запорожцевъ за то, что они, не смотря на готовившуюся войну Россіи съ Крымомъ, не перестаютъ сноситься съ бусурманами. Крымскій ханъ, ожидая со дня на день прихода русскихъ ратныхъ людей къ его владѣніямъ, уже покинулъ полуостровъ и вышелъ въ Перекопъ; всѣ турки и татары, живущіе въ Кызыкерменѣ, Тавани и Осламъ-городкѣ, почуя бѣду, находились въ большомъ опасеніи, а въ это время кошевой атаманъ и все запорожское посполъство, не смотря на такое положеніе дѣлъ, ссылаются съ тѣми кызыкерменцами, ѣздятъ къ нимъ по разнымъ своимъ дѣламъ и принимаютъ у себя кызыкерменскихъ купцовъ, пріѣзжающихъ для продажи соли въ самую Сичь. Осуждая такіе поступки запорожскаго войска, цари предписывали кошевому атаману сдѣлать «крѣпкій заказъ» козаковъ запорожскаго войска изъ Сичи въ Крымъ и въ турецкіе ниже Запорогъ на рѣкѣ Днѣпрѣ городки не пускать, ни съ какими товарами и хлѣбными запасами не ѣздить и въ наставшее военное время непріятелямъ вспоможенія въ ихъ хлѣбной скудости не чинить. «А что ты, кошевой атаманъ, въ листахъ своихъ къ кызыкерменскому бею и къ другимъ пишешь и не прописываешь того, что ты подданный нашего царского величества, то ты дѣлаешь то непристойно, понеже Запорожье и вы обрѣтаетесь въ подданствѣ у насъ, великихъ государей, у нашего царского величества, подъ нашею царского величества высокодержавною рукою, въ чемъ на вѣрную свою службу и на вѣчное намъ, великимъ государямъ, нашему царскому величеству, въ подданство и присягу свою учинили. И тебѣ-бъ, кошевому атаману, впредь въ листахъ своихъ прописывать подданнымъ нашего царского величества. А что у васъ впредь учнется дѣлать, вы-бы о томъ къ намъ, ве-

[1]) Архивъ мин. ин. дѣлъ; мал. дѣла, 1686, св. 70, № 29.

ликимъ государямъ, къ нашему царскому величеству, и къ подданному нашему гетману Ивану Самойловичу, писали» [1]).

И строгость приказа и самое положеніе дѣлъ заставляли запорожцевъ повиноваться требованіямъ московскаго правительства. Торговыя сношенія съ Кызыкерменемъ запорожцы принуждены были прекратить, въ замѣнъ того, они должны были собрать свѣдѣнія о подлинныхъ намѣреніяхъ татаръ въ Крыму. Удобнымъ поводомъ къ послѣднему представлялась доставка царской грамоты въ Бахчисарай. Для отправки царской грамоты назначенъ былъ, съ общаго совѣта кошевого атамана Ѳедора Иваника и воеводы Григорія Косагова, запорожскій козакъ Иванъ Кирилловъ Богацкій съ козакомъ сумского полка Григоріемъ Собченкомъ да курскимъ рейтаромъ Григоріемъ Кичигинымъ.

Иванъ Кирилловъ Богацкій, выѣхавъ изъ Сѣчи ноября 2 дня на Кызыкермень и Перекопъ, ноября 12 дня прибылъ съ четырьмя кызыкерменскими провожатыми въ городъ Бахчисарай. Не доѣзжая до Крыма, въ пути, запорожскіе посланцы видѣли какого-то польскаго полоняника, котораго татары везли въ Крымъ; отъ этого полоняника они узнали, что польскій король возлѣ города Бѣлограда разбилъ ханскаго сына Нурреддинъ-салтана, съ которымъ было 10,000 крымскихъ татаръ, 10,000 янычаръ да нѣсколько тысячъ бѣлогородскихъ татаръ, самого ханскаго сына плѣнилъ и послѣ того къ городу Яссамъ отступилъ. По пріѣздѣ въ самый Бахчисарай запорожскіе гонцы самого хана въ немъ не нашли и были отведены къ ближнему ханову человѣку Батырь-агѣ. Тотъ ближній человѣкъ, Батырь, или Батырча-ага, взялъ у запорожскихъ посланцевъ царскую грамоту, распечатавъ прочелъ ее и сказалъ, что великіе государи все доброе пишутъ въ Крымъ, а потомъ въ тотъ же день отправилъ грамоту къ хану въ городъ Козловъ, запорожскимъ-же гонцамъ велѣлъ ханова приказа въ Бахчисараѣ ожидать. Въ Бахчисараѣ гонцы прожили четыре дня и тутъ, то объясняясь съ Батырь-агой, то, бесѣдуя съ разными другими лицами, успѣли собрать очень важныя свѣдѣнія о намѣреніяхъ татаръ. Прежде всего они узнали то, что всѣ татары очень мало вѣрятъ мирнымъ заявленіямъ московскихъ царей: воевода Григорій Косаговъ, говорилъ Батырь-ага, за тѣмъ и присланъ въ Запороги отъ царей, чтобы готовиться на татаръ войной. Но если отъ войскъ

---

[1]) Архивъ мин. ин. дѣлъ, мал. подл. акты, 1686, св 2, № 27.

русскихъ царей будетъ какой-нибудь промыслъ на татаръ, то и татары не будутъ терпѣть, и къ дружбѣ и къ недружбѣ приготовятъ себя вполнѣ. На такое заявленіе запорожскіе гонцы отвѣчали Батырь-агѣ, что воевода Косаговъ присланъ въ Запорожье, съ тѣмъ, чтобы защищать царскіе города отъ наѣздовъ татаръ а не съ тѣмъ, чтобы воинскій промыслъ противъ нихъ чинить. Затѣмъ Батырь-ага въ разговорѣ объявилъ, чтобы великіе государи отпустили мурзу Селешова въ Крымъ, потому что ханово величество царскаго посла Алексѣева и гетманскаго посыльщика Лисицу уже отправилъ въ Москву. Запорожскіе гонцы и на это нашли у себя отвѣтъ: великіе государи, говорили они, уже давно отпустили отъ себя мурзу, и тотъ мурза находится у гетмана на пути въ Крымъ. При объясненіи съ гонцами Батырь-ага, между прочимъ, спросилъ ихъ и о томъ, будутъ-ли московскіе цари присылать хану казну, т. е. по-просту сказать, давать дань за всѣ прошлые года, когда они не отпускали ее въ Крымъ. На такой запросъ гонцы дали уклончивый отвѣтъ, ссылаясь на то, что они о такомъ дѣлѣ не знаютъ ничего. Живя въ Бахчисараѣ, запорожскіе гонцы узнали и о томъ, что когда въ Сѣчи появился съ русскою ратью воевода Григорій Косаговъ, то самъ ханъ со своею ордой вышелъ за пять верстъ отъ Перекопа на Каланчакъ и стоялъ тамъ, опасаясь московскихъ ратныхъ людей, до Петрова дня; узнавъ-же, что воевода Косаговъ, стоя возлѣ Сѣчи, дѣлаетъ городъ, а войной въ Крымъ не думаетъ идти, оставилъ у Перекопа салтанъ-калгу, а самъ ушелъ въ Крымъ. Оставленный салтанъ-калга стоялъ у Перекопа до пріѣзда запорожскихъ гонцовъ и потомъ, войдя въ Крымъ въ ту-же ночь послалъ на подворье къ козакамъ толмача съ запросомъ, зачѣмъ они присланы въ Крымъ. Козаки тому толмачу отвѣтили такъ, что пришли они съ царскою грамотой въ Крымъ, а что въ той грамотѣ—не вѣдаютъ ничего. Послѣ этого салтанъ-калга распустилъ свое войско по домамъ, а самъ совсѣмъ ушелъ въ Крымъ. Хотѣлъ было салтанъ-калга изъ Перекопа идти въ Бѣлогородчину на выручку ханскаго сына, высланнаго противъ польскаго короля; но, услыхавъ о разгромѣ татаръ королемъ, свой походъ отложилъ. Когда-же польскій король ханскаго сына взялъ въ полонъ, тогда крымцы отпустили отъ себя польскаго ксендза, который присланъ былъ для чего-то королемъ въ Бахчисарай, но былъ закованъ тамъ въ кандалы и ходилъ цѣлое лѣто въ тѣхъ кандалахъ. Теперь того ксендза ханъ приказалъ расковать и ради

мира съ королемъ велѣлъ «съ великою честью» въ Польшу отпустить, давъ ему на дорогу рыдванъ о двуконь; такой же рыдванъ далъ тому ксендзу и Батырь-ага.

Находясь въ Бахчисараѣ, запорожскіе гонцы узнали, что крымскій ханъ посылалъ къ калмыцкому тайшѣ-Аюку письмо съ просьбой о помощи противъ польскаго короля; но калмыцкій тайша вмѣсто отвѣта велѣлъ обрѣзать ханскому гонцу уши, губы и носъ и въ такомъ видѣ отпустить его въ Крымъ. Кромѣ того, запорожскіе гонцы дознали и то, что въ Крыму уже въ теченіе двухъ лѣтъ не родился хлѣбъ и былъ большой недостатокъ въ конскихъ кормахъ.

Отпуская изъ Бахчисарая запорожскихъ гонцовъ, Батырь-ага имъ объявилъ, что у хана-де былъ такой планъ, чтобъ ему самому нынѣ подъ государевы украинные города идти, а янычарамъ идти подъ запорожскую Сичь, гдѣ воевода Косаговъ съ московскими ратными людьми стоялъ, и для того похода ханъ изготовилъ было уже и большое число татарскихъ войскъ, но когда получилъ мирную грамоту отъ царей, то войска тѣ по домамъ распустилъ.

Когда запорожскіе гонцы были уже въ обратномъ пути, то видѣли возвращавшуюся изъ похода на польскаго короля татарскую орду; о бѣлогородской-же ордѣ гонцы слыхали, что она оставила у себя третьяго салтана для обороны противъ короля [1]).

Оставивъ Бахчисарай, запорожскіе гонцы направились сперва въ Сичь, а изъ Сичи, декабря 13 дня, прибыли въ Москву и привезли съ собой отъ Селимъ-Герая, Багатырь-Гераева сына, листъ. Въ своемъ письмѣ Селимъ-Герай писалъ, что, согласно просьбѣ великихъ государей объ отпускѣ задержаннаго въ крымской украйнѣ русскаго гонца Никиты Алексѣева, гонецъ и всѣ бывшіе съ нимъ русскіе невольники «безъ убытка» отпущены изъ Кызыкерменя вверхъ по Днѣпру въ Запороги. Отпуская царскаго гонца, ханское величество надѣется, что великіе государи, въ свою очередь, отпустятъ крымскаго гонца Мубарекшу-мурзу Селешова въ Крымъ. Относительно же упрека со стороны царскихъ величествъ ханскому величеству въ нарушеніи сосѣдской дружбы и въ нечиненіи отвѣта по поводу набѣговъ на Украйну азовскихъ людей онъ, Селимъ-Герай, отвѣчаетъ, что, напротивъ того, дружбу сосѣдскую нарушаетъ не ханъ, а сами московскіе цари: подданные москов-

[1]) Архивъ мин. ин. дѣлъ; крымскія дѣла, 1686, св. 77, № 17.

скихъ царей, донскіе козаки, захватили подъ Черкасскимъ-городкомъ крымскаго человѣка Абду-агу и до сихъ поръ держатъ его у себя. Кромѣ того, тѣ-же козаки, выплывъ въ Азовское море на каюкахъ, воевали азовскихъ, ногайскихъ и черкесскихъ людей; потомъ, соединясь съ калмыками, ходили въ Чунгуръ и много конскихъ стадъ взяли у татаръ, и хотя крымскій ханъ не разъ писалъ о томъ царямъ, но отвѣта отъ нихъ на то никакого не получилъ. Поэтому нарушеніе сосѣдственной дружбы происходитъ не отъ хана, а отъ самихъ-же царей. И если московскіе государи дѣйствительно желаютъ держать съ ханскимъ величествомъ дружбу и прочный миръ, то пусть они присылаютъ, по установленному обычаю, казну (т. е. дань) къ размѣнному пункту подъ Переволочну на Днѣпръ, вмѣстѣ съ казной пусть шлютъ царскую грамоту и задержаннаго въ Москвѣ крымскаго мурзу. Тогда будетъ между Крымомъ и Москвой настоящій миръ. А что до просьбы государей не ходить противъ польскаго короля войной, то татары и не думали на короля ходить, а самъ король на нихъ трижды приходилъ, но однако, «во всѣхъ своихъ приходахъ темнымъ лицомъ назадъ возвратился» [1]).

На такой отвѣтъ московскіе цари написали хану, декабря 25 дня, третью грамоту съ увѣреніемъ дружбы и любви и извѣщеніемъ объ отпускѣ гонца Мубарекши-мурзы Селешова «съ удовольствованіемъ по посольскому обыкновенію» черезъ Запороги въ Кызыкермень. Замедленіе тому послу учинилось оттого, что и царскому гонцу Алексѣеву сдѣлано было замедленіе въ отпускѣ у татаръ. Впрочемъ, отпуская крымскаго мурзу, великіе государи поставляютъ при этомъ ханскому величеству на видъ то, что ханское величество не пишетъ ничего въ своемъ листѣ о примиреніи Магметъ-султанова величества съ польскимъ королемъ и не даетъ никакого отвѣта на то, почему съ крымской стороны дѣлаются частые загоны подъ украйные малороссійскіе и великороссійскіе города и чрезъ тѣ загоны причиняются «многія разоренія и нестерпимыя досады» жителямъ тѣхъ городовъ. Вмѣсто того ханское величество упрекаетъ великихъ государей за дѣйствія на Азовскомъ морѣ донцовъ и указываетъ на это, какъ на поводъ къ разрыву дружбы Крыма съ Россіей. Чтобы разъ навсегда прекратить ссоры, великіе государи находятъ за лучшіе выбрать между Запорожьемъ и Кызыкер-

---

[1]) Архивъ мин. ин. дѣлъ; крымскія дѣла, 1686, св. 77, № 17.

менемъ одно изъ пристойныхъ мѣстъ, выслать туда по равному съ обѣихъ сторонъ числу полномочныхъ людей и установить между царскимъ и ханскимъ величествомъ прежнюю дружбу и любовь [1]).

Написанную грамоту велѣно было, при особомъ письмѣ, послать сперва въ Запороги и изъ Запорогъ отправить «безъ замотчанія» въ Крымъ съ тѣмъ козакомъ, какого «въ ту посылку выберетъ самъ кошевой атаманъ». На случай-же, когда ханъ согласится на съѣздъ представителей въ какомъ нибудь мѣстѣ между Запорожьемъ и Кызыкерменскимъ городкомъ для прекращенія обоюдныхъ набѣговъ и ссоръ, воеводѣ Григорію Косагову приказано было послать въ Крымъ особыхъ изъ сѣчевого товариства полномочныхъ людей. Григорій Косаговъ, получивъ разомъ царскую грамоту и царское письмо, извѣстилъ государей, января 16 дня, 1687 года, что царское письмо онъ послалъ въ Сичь къ кошевому атаману Филону Лихопою, и въ Сичи на радѣ письмо то было прочтено всѣмъ низовымъ козакамъ, а послѣ той рады къ воеводѣ Косагову пріѣхалъ съ пятью куренными атаманами самъ кошевой атаманъ и объявилъ, что для отсылки царской грамоты въ Крымъ наряженъ казакъ Игнатъ Комалдутъ. И точно, козакъ Игнатъ Комалдутъ прибылъ къ воеводѣ января 17 дня и въ тотъ-же день съ колонтаевскимъ козакомъ Голубинченкомъ былъ отправленъ въ Крымъ [2]).

Такая неопредѣленность отношеній между Москвой и Крымомъ длилась въ теченіе конца 1686 года и начала 1687 и держала въ напряженіи не только крымскихъ татаръ, но и запорожскихъ козаковъ. Послѣдніе съ большимъ нетерпѣніемъ ждали, чѣмъ кончится задуманный русскими походъ на Крымъ.

Первый походъ открылся съ весны 1687 года. Для похода въ Крымъ, поднято было до 100,000 великороссійскихъ и до 50,000 малороссійскихъ войскъ. Главнокомандующимъ великороссійскихъ войскъ назначенъ былъ князь Василій Васильевичъ Голицынъ. Начальникомъ малороссійскихъ козаковъ состоялъ гетманъ Иванъ Самойловичъ. Съ княземъ и гетманомъ должны были дѣйствовать за-одно и запорожскіе козаки. У запорожскихъ козаковъ кошевымъ атаманомъ на ту пору былъ Филонъ Лихопой.

---

[1]) Архивъ мин. ин. дѣлъ; крымскія дѣла, 1686, св. 77, № 17.

[2]) Архивъ мин. ин. дѣлъ; крымскія дѣла, 1686, св. 77, № 17; малороссійскіе подлинные акты, св. 2, № 28.

Князь Голицынъ двинулся въ путь раньше гетмана Самойловича и уже мая 20 числа перешелъ съ войскомъ два притока рѣчки Липнянки, впадающей въ рѣку Орель при Пехворощанскомъ городкѣ. Русскіе двигались большею частью по направленію къ югу и расположились у рѣчки Орлика [1]).

Гетманъ Самойловичъ поднялся изъ городовъ Украйны въ концѣ мѣсяца мая и шелъ отъ города Полтавы съ девятью украинскими полковниками, двумя полковниками компанѣйскими и однимъ полковникомъ сердюцкимъ; при тѣхъ полковникахъ были: одинъ обозный, одинъ судья, одинъ писарь и два асаула. Перейдя рѣку Орель, гетманъ, іюня 2 дня, соединился у лѣваго берега ея съ княземъ Голицынымъ и двинулся къ рѣкѣ Самарѣ [2]). Дойдя до Самары, военачальники, прежде всего, должны были сдѣлать на этой рѣкѣ 12 мостовъ и по этимъ мостамъ, въ теченіе четырехъ дней, перевозить свои обозы, по двѣ телѣжки въ рядъ. Вѣроятно, въ это время князь Голицынъ посѣтилъ стоявшій у Самары Николаевскій пустынный запорожскій монастырь и сдѣлалъ въ немъ «вкладъ въ 15 рублей» [3]).

Перейдя рѣку Самару, соединенныя русско-козацкія войска стали у Острой могилы и тутъ, близъ рѣчки Кильчени, совершенно высохшей на ту пору отъ лѣтнихъ жаровъ, выкопали для питья нѣсколько колодцевъ, въ аршинъ глубиною. Добытая въ колодцахъ вода оказалась и хорошей на вкусъ и въ достаточномъ количествѣ. Отъ Острой могилы, войска, оставя свою временную стоянку, пошли на рѣчку Татарку и оттуда взяли направленіе между Великихъ-Плёсъ. Отъ Великихъ-Плёсъ прошли черезъ лѣвые притоки Днѣпра, Воровую [4]) и Осокоровку, гдѣ «рѣчка Терги притягла отъ моря» [5]). Далѣе войска двинулись на рѣчку Вольную, гдѣ «рѣчка Крымка притягла отъ Конской». Отъ Вольной войска пошли на вершину Каменки [6]). Въ это время въ арміи говорили, что войско идетъ по правую руку Каменки, и тогда участникъ

---

[1]) Tagebuch des Generals Patrik Gordon, St. Petersburg, 1851, II, 174.

[2]) По другимъ свѣдѣніямъ Самойловичъ соединился съ Голицынымъ на берегу Самары: Кіевская Старина, 1886, II, 275.

[3]) Ѳеодосій, Самарскій монастырь, Екатеринославъ, 1873, 13.

[4]) Выше теперешняго села Вороной, имѣнія М. Н. Миклашевской.

[5]) Что это за рѣчка Терги—неизвѣстно, но объ ней говоритъ Самовидецъ.

[6]) Неизвѣстны также рѣчки Крымка, Кобылячка и Литовка,—объ нихъ говоритъ Самовидецъ.

похода генералъ Патрикъ Гордонъ велѣлъ искать Каменку, но, по его словамъ, этой рѣчки не нашли. Отъ Каменки войска двинулись къ рѣчкѣ Конскимъ-Водамъ или Конкѣ, впадающей на двѣ мили ниже острова Хортицы и на 7 миль ниже Сѣчи, гдѣ нашли довольно травы, но мало лѣса и нездоровую воду. Здѣсь обѣ части войска соединились вмѣстѣ и расположились на стоянку: раньше того нѣкоторая часть арміи пошла черезъ рѣчку Московку и такъ какъ это былъ болѣе краткій путь, то она и пришла сюда раньше. Іюня 13 числа быстро построили черезъ рѣчку Конку мосты и начали совѣтоваться о дальнѣйшемъ маршрутѣ. Въ это время получено было извѣстіе о томъ, что впереди все сожжено и стояло въ дыму и пламени[1]). Недалеко отъ лѣваго берега Конки русско-козацкія войска замѣтили впереди себя нѣсколько небольшихъ отрядовъ татаръ и быстро разсѣяли ихъ[2]). Іюня 14 числа армія переправилась черезъ Конскія-Воды и пошла по сожженнымъ степямъ. Отъ пыли и отвратительнаго запаха идти было тяжело; въ особенности трудно и нездорово было какъ для людей, такъ и для лошадей. Потомъ войска расположились на небольшой рѣчкѣ Олбѣ (dem klienen Flusse Olba), невдалекѣ отъ Великаго-Луга, гдѣ нашли много воды и травы[3]). Въ этотъ день сдѣлали двѣ мили назадъ. Іюня 15 числа двинулись по сожженнымъ степямъ къ рѣчкѣ Янчокраку[4]), гдѣ нашли мало травы и никакого лѣса, но зато множество дикихъ свиней. Тутъ лошади видимо стали худѣть, солдаты начали заболѣвать. Іюня 16 числа пошелъ сильный дождь, который, однако, только прибилъ пыль, но не освѣжилъ растительности. Въ это время сдѣлали мосты изъ фашинъ черезъ рѣчку Янчокракъ, которая въ этой мѣстности, благодаря дождю, сдѣлалась очень болотистой; понадобилось три часа, чтобы переправиться черезъ нее. Отъ Янчокрака войска слѣдовали по голымъ сожженнымъ степямъ до рѣчки Карачокрака. Іюня 16 числа лошади были уже сильно истомлены, а травы такъ было мало, что ея

---

[1]) Tagebuch des Generals Patrik Gordon, St. Petersburg, 1851, II, 174.

[2]) Собраніе госуд. грамотъ и договоровъ, Москва, 1826, IV, 565, 564 563, 539, 541.

[3]) Что такое это за рѣчка—неизвѣстно, но объ ней говоритъ Гордонъ.

[4]) У Самовидца ошибочно названъ Янчулъ; въ Собраніи государственныхъ грамотъ и въ Дневникѣ Гордона—Янчокракъ; у Самовидца ниже этой рѣчки упоминаются еще Торскіе пески, вѣроятно, песчаные кучугуры, тепер близъ с. Водянаго, мелитопольскаго уѣзда, таврической губерніи.

хватало на столько, чтобы только сохранить жизнь животнымъ, и если-бы приблизились татары, то лошади едва-ли въ состояніи были вывезти не только телѣги съ жизненными припасами, но и пушки; кромѣ того, всѣ знали, что далѣе все сожжено и опустошено. Слѣдовательно нечего было и думать о завоеваніи Крыма. Въ это время, послѣ долгихъ споровъ, рѣшено было часть арміи послать на днѣпровское низовье, а главную поднять до такихъ мѣстъ, гдѣ можно было-бы найти продовольствіе для конницы. Іюня 18 числа главная армія направилась [1]) обратно ближайшимъ путемъ [2]). Перейдя рѣчку Янчокракъ, войска стали лагеремъ на возвышеніи Великаго-Луга, гдѣ нашли воду и немного травы, но никакого лѣса. Въ этотъ день прошли 3 мили. Іюня 19 числа армія отдыхала и въ этотъ день отправленъ былъ гонецъ въ Москву съ извѣстіемъ о возвращеніи войска обратно. Іюня 20 числа армія продолжала путь далѣе, перешла маленькую рѣчку Олбу и остановилась на рѣкѣ Конскія-Воды, гдѣ нашла въ избыткѣ траву, лѣсъ и воду, хотя вода была нездорова. Въ этотъ день гетманъ съ козаками перешелъ черезъ рѣку и сталъ лагеремъ на «той» сторонѣ, русскіе-же на «этой». Было рѣшено отдохнуть здѣсь нѣсколько дней, чтобы откормить лошадей, изнуренныхъ и немогшихъ везти далѣе пушки и аммуницію; но это принесло мало пользы, такъ какъ отъ воды, вредной для здоровья, въ это время и людей и лошадей погибло не мало [3]).

Такъ описываетъ весь маршрутъ соединенныхъ русско-козацкихъ войскъ участникъ похода, генералъ Патрикъ Гордонъ въ своемъ дневникѣ.

Самъ гетманъ Иванъ Самойловичъ о первомъ походѣ русско-козацкой арміи на Крымъ доносилъ въ Москву, что отъ рѣки Самары русскіе обозы «пошли дикими полями и, пройдя нѣсколько десятковъ дней, приблизились къ Крыму за 100, а къ Сѣчѣ запорожской за 30 или 36 верстъ, за рѣчку Карачокракъ, откуда зѣло горѣли сердца наши достигнути Перекопа и самого Крыма» [4]), но пожаръ, поднятый татарами въ степи, начиная отъ Конскихъ-

---

[1]) У Самовидца: «Отъ Торскихъ песковъ съ вершины Великихъ луговъ противъ кучучуръ при татарскомъ тирлищѣ, въ 20 верстахъ отъ Сѣчи».

[2]) По указанію Величка войска повернули обратно отъ Плетеницкаго-Рога: Лѣтопись, Кіевъ, 1855, III, 13.

[3]) Tagebuch des Generals Patrik Gordon, St. Petersburg, 1851, II, 174.

[4]) Собраніе государ. грамотъ и договоровъ, Москва, 1826. IV, 540, 541.

Водъ и до самаго Крыма, т. е. на разстояніи, по приблизительному разсчету, ста верстъ, помѣшалъ начальникамъ войска привести свое желаніе въ исполненіе.

Степной пожаръ, какъ причина неудачи перваго похода на Крымъ, былъ въ то время у всѣхъ на устахъ. И точно, татары и далеко раньше и много позже этого времени весьма часто прибѣгали къ этому средству для того, чтобы отвратить походъ въ степь какого нибудь опаснаго для нихъ врага. О страшныхъ размѣрахъ степныхъ пожаровъ въ прошлые вѣка, когда всѣ степи покрыты были густой, высокой и непролазной, точно лѣсная чаща, травой, можно до нѣкоторой степени судить по теперешнимъ пожарамъ въ бывшихъ ногайскихъ и запорожскихъ степяхъ. Когда загорится въ степи сухая трава, тогда, при господствѣ тамъ въ маѣ и іюнѣ сѣверовосточныхъ вѣтровъ, настаетъ настоящій, со всѣми ужасами, адъ. Пламя катитъ верстъ на 100, на 120 впередъ; повсюду раздается страшный трескъ; воздухъ дѣлается нестерпимо удушливъ и необыкновенно горячъ; пожарная гарь слышится за шесть, за восемь часовъ, не доѣзжая до мѣста огня; дымъ валомъ валитъ, полосой ширины въ 15—20 верстъ. Земля дѣлается настолько горяча, что на ней нѣтъ никакой возможности стоять. Все, что ползало по степи, жарится, лопается и распространяетъ вездѣ ѣдкій смрадъ. Все, что ходило по степи—звѣри, дикіе кони, рогатый и мелкій скотъ, дикія свиньи, различные грызуны—все, почуявъ бѣду, бѣжитъ отъ огня стремглавъ, падаетъ и погибаетъ въ пламени и въ дыму. Верховые кони, обыкновенно раньше другихъ животныхъ чуя степной пожаръ, приходятъ въ сильное безпокойство, постоянно ржутъ и стараются увлечь своихъ сѣдоковъ въ противоположную сторону отъ того мѣста, гдѣ разливается страшное пламя огня. Послѣ такого пожара на сотни верстъ вся степь превращается въ черное поле смерти, гдѣ надолго исчезаетъ всякая жизнь. Всякіе корма на такой степи исчезаютъ совсѣмъ, и нужно ждать слишкомъ большого дождя, чтобы привести землю въ надлежащій ея видъ, а послѣ дождя необходимо ждать 10—15 дней, чтобы имѣть подножный для скота кормъ. Таковы послѣдствія степныхъ пожаровъ теперь, но они были гораздо страшнѣй двѣсти—триста лѣтъ тому назадъ при сплошныхъ и непроходимыхъ травахъ въ степи, особенно когда татары зажигали ихъ въ разныхъ мѣстахъ и когда движеніе вѣтра шло на встрѣчу шедшихъ по степи войскъ. Поэтому нѣтъ надоб-

ности заподозрѣвать показаніе вождей русско-козацкихъ войскъ, которые считали причиной неудачи перваго похода на Крымъ степной пожаръ, хотя рядомъ съ этимъ могло быть немало и другихъ причинъ, какъ теперь нѣкоторые изслѣдователи стараются это доказать [1]). Стихійная причина, т. е. поднятый татарами въ степи пожаръ и гибель черезъ то степныхъ кормовъ, главнѣйшая изъ причинъ неудачнаго похода русско-козацкихъ войскъ на Крымъ. Но и тутъ нѣкоторые изъ историковъ ставятъ вопросъ, кто-же собственно былъ виновникомъ пожара въ степи, сами-ли татары или-же вмѣстѣ съ ними и козаки? Уже очевидецъ перваго похода въ Крымъ, иностранецъ Гордонъ, увѣрялъ, что это дѣло не обошлось безъ содѣйствія козаковъ: козаки, опасаясь, чтобы Москва, покоривъ Крымъ, не отобрала вольностей и правъ у самихъ козаковъ, могли подать крымцамъ мысль произвести въ степи пожаръ и не допустить москалей въ Крымъ. Однако, Гордонъ высказалъ въ этомъ случаѣ лишь собственное мнѣніе и не подтвердилъ его никакими доказательствами, а потому, не прибѣгая къ предположеніямъ, слѣдуетъ въ этомъ случаѣ помнить то, что степной пожаръ, какъ средство защиты отъ враговъ, весьма часто практиковался у татаръ и незадолго передъ походомъ русскихъ на Крымъ татары такимъ-же способомъ спаслись въ Буджакѣ отъ польскаго короля.

Для того, чтобы скрыть отступленіе всей русско-козацкой арміи, а также для того, чтобы не дать возможности крымскому хану послать орду противъ польскаго короля, а бѣлогородскимъ и буджацкимъ татарамъ соединиться въ-одно, рѣшено было на военномъ совѣтѣ іюня 17 дня отправить отрядъ великорусскихъ войскъ въ числѣ 20.000 человѣкъ и отрядъ малороссійскихъ козаковъ также въ 20.000 человѣкъ или 8 полковъ да нѣсколько тысячъ запорожскихъ козаковъ къ урочищу Каменный-Затонъ, гдѣ стоялъ воевода Григорій Косаговъ, тамъ велѣно соединиться имъ съ Косаговымъ и идти въ походъ къ Кызыкерменскому городку. Начальствованіе надъ отрядомъ великороссійскихъ войскъ поручено было окольничему Леонтію Романовичу Неплюеву, а начальствованіе надъ малороссійскими полками предоставлено было гетманскому сыну, полковнику Григорію Ивановичу Самойловичу: «И велѣли мы, на

[1]) Кіевская Старина, 1886, XIV, 277.

ту сторону Днѣпра переправившись, къ прежде реченному городку Кызыкерменю идти и осадить его шанцами; въ тѣхъ промыслахъ приказалъ я быть и атаману кошевому съ войскомъ низовымъ, который, бывъ у меня въ обозѣ, обѣщался во всѣхъ работахъ быть тщательнымъ и вѣрнымъ... Хотя мы и надѣялись на Днѣпровскіе луга, что (они) не лишатъ насъ конскихъ кормовъ, для чего и оперлись было обозами съ пожженныхъ полей о днѣпровыя воды; но и въ нихъ никакой прибыли не обрѣли, вслѣдствіе тѣхъ причинъ, что въ Днѣпрѣ превеликія воды (стоятъ), которыя еще нескоро опадутъ, показались только островы и холмы... Ради того стали нынѣ надъ Конскою-Водой, выше устья Янчокрака, противъ Великаго Луга, въ сорока верстахъ отъ Сѣчи запорожской, а сколько времени можно будетъ стоять, столько и постоимъ» [1]).

Простоявъ у Конскихъ-Водъ, сколько было возможно, русско-козацкія войска двинулись выше и дошли до рѣки Самары. На ней уцѣлѣло еще 12 мостовъ отъ прежней переправы. Первымъ перешелъ по мостамъ гетманъ Самойловичъ. Но когда онъ сталъ на правомъ берегу Самары, въ это время внезапно всѣ мосты запылали огнемъ отъ неизвѣстной причины и въ короткое время всѣ, кромѣ двухъ, исчезли. Послѣ этого русскіе занялись сооруженіемъ новыхъ мостовъ на мѣстѣ сгорѣвшихъ и потомъ уже перешли съ лѣваго берега рѣки на правый [2]).

Хотя виновникъ поджога самарскихъ мостовъ и не былъ обнаруженъ, но всѣ стали обвинять въ томъ гетмана Самойловича, что совпадало и съ видами начальника русскихъ войскъ и съ желаніями малороссійской генеральной и полковой старшины: первый, испытавъ неудачу въ походѣ на Крымъ, - выискивалъ лицо, на которое можно было-бы взвалить всю тяжесть отвѣтственности за несчастный походъ; послѣдніе, ненавидя гетмана за его корыстный и надменный нравъ, давно искали случая, чтобы избавиться отъ него. Потому, когда русско-козацкія войска перешли рѣку Самару и стали на правомъ притокѣ ея, рѣчкѣ Кильчени, то тутъ, іюля 7 дня, недруги Самойловича написали «доношеніе объ измѣнѣ и неистовствѣ гетмана къ великимъ государямъ» и подали его князю Голицыну, а князь Голицынъ на слѣдующій день отправилъ

---

[1]) Собраніе госуд. грам. и догов., IV, 540, 541; Gordon, Tagebuch, II, 177.

[2]) Маркевичъ, Исторія Малороссіи, Москва, 1842, IV, 134.

то «доношеніе» въ Москву [1]), и черезъ 14 дней послѣ этого «скончалось гетманство поповичево» [2]).

Послѣ низложенія гетмана отправленъ былъ гонецъ къ сыну его, Григорію Самойловичу, и посланный нашелъ полковника съ обозомъ ниже острова Томаковки, гдѣ вручилъ ему листъ старшины о низложеніи его отца [3]). Самъ князь Голицынъ написалъ приказъ окольничему Леонтію Романовичу Неплюеву «принять и держать за карауломъ гетманскаго сына, Григорія» [4]).

Послѣ того главная армія перешла Кильчень и остановилась на рукавѣ этой рѣчки. Военачальники избрали этотъ путь, чтобы скорѣе достигнуть рѣки Орели, такъ какъ до сихъ поръ мало встрѣчали воды и лѣсу. Іюля 10 числа армія выступила рано и шла по большимъ равнинамъ. У рѣки Орели войска имѣли остановку, гдѣ нашли достаточный запасъ дровъ, воды и травы. Въ этотъ день были сдѣланы мосты черезъ рѣку, а 11 числа іюля войска перешли Орель, оставили предѣлы Запорожья и направились вдоль рѣчки Орчика, а потомъ къ рѣкѣ Коломаку [5]),

Пока происходили всѣ эти событія, тѣмъ временемъ оставленные на Низу Днѣпра воевода Григорій Косаговъ и кошевой Филонъ Лихопой не безъ успѣха дѣйствовали противъ бусурманъ. Косаговъ отправилъ нѣсколько человѣкъ изъ своего полка, судами, къ городу Кызыкерменю, а кошевой атаманъ лично пошелъ противъ турокъ. У урочища Каратебеня, на рѣкѣ Днѣпрѣ, между кызыкерменцами съ одной стороны и русскими полчанами и запорожскими козаками съ другой произошелъ бой «и божіей милостью, а предстательствомъ надежды христіанскія, пресвятыя Богородицы и приснодѣвы Маріи, предстательствомъ и молитвами московскихъ и кіевскихъ чудотворцевъ и всѣхъ святыхъ, а великихъ государей и всего ихъ государскаго дома прилежною молитвою и счастіемъ, тѣ ихъ, великихъ государей, ратные люди и запорожскіе козаки на Днѣпрѣ турскихъ людей побили и взяли на томъ бою два ушкала, а на тѣхъ ушкалахъ знамена да пять пушекъ да турокъ

---

[1]) Собраніе госуд. грам. и догов., IV, 542; Величко, Лѣтопись, III, 14; Бантышъ-Каменскій, Исторія Малой Россіи, Москва, 1822, II, 313—334.

[2]) Самовидецъ, Лѣтопись, Кіевъ, 1878, 171.

[3]) Величко, Лѣтопись, Кіевъ, 1855, III, 17.

[4]) Бантышъ-Каменскій, Источники, Москва, 1858, I, 322.

[5]) Tagebuch des Generals Patrik Gordon, St. Petersburg, 1851, II, 181.

29 человѣкъ; а ихъ великихъ государей ратные люди и запорожскіе козаки пришли всѣ съ того боя въ цѣлости» [1]).

Считая войну съ ханомъ далеко неоконченной и имѣя въ виду новый походъ на Крымъ, правительница московскаго государства, царевна Софья Алексѣевна, между другими мѣрами, для успѣха въ будущей съ бусурманами войнѣ, предложила князю Василію Голицыну построить на рѣкахъ Орели и Самарѣ городки, «дабы оставить въ нихъ всякія тягости, запасы и ратныхъ людей и дабы впредь было ратямъ надежное пристанище, а непріятелямъ страхъ» [2]).

---

[1]) Собраніе госуд. грам. и догов., Москва, 1826, IV, 563.

[2]) Собраніе госуд. грам. и догов., Москва, 1826, IV, 560, 564.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Избраніе Мазепы въ гетманы Малороссіи и обязательства, данныя имъ московскимъ царямъ въ отношеніи запорожскихъ козаковъ.—Царская грамота запорожцамъ объ отрѣшеніи Самойловича съ объявленіемъ въ гетманы Мазепы.—Посольство отъ запорожскаго войска въ Москву казака Матвѣя Ватаги съ пойманнымъ татарскимъ языкомъ.—Письмо отъ Коша къ гетману Мазепѣ съ поздравленіемъ и съ пожеланіемъ многолѣтняго правленія Малороссіей.—Враждебныя отношенія запорожцевъ къ крымскимъ татарамъ, захватъ ими татарскихъ языковъ и отправка ихъ съ особыми посланцами въ Москву.—Пребываніе запорожскихъ посланцевъ въ Москвѣ и возвращеніе ихъ изъ Москвы въ Сѣчь.—Переписка кошевого атамана Григорія Сагайдачнаго съ гетманомъ Мазепой по поводу обѣщанной имъ запорожскому войску помощи противъ мусульманъ, а также по поводу отдачи войску перевоза въ Переволочнѣ на Днѣпрѣ и присылки жалованья войску запорожскихъ козаковъ.

Съ паденіемъ Ивана Самойловича малороссійскимъ козакамъ предстоялъ выборъ новаго гетмана и вмѣстѣ съ тѣмъ новыхъ генеральныхъ старшинъ. Назначеніе того или другого гетмана въ сильной степени интересовало и запорожскихъ козаковъ: запорожцы уже давно утратили право личныхъ сношеній съ Польшей и Москвой и если имъ предстояла надобность въ томъ, то они могли это дѣлать только черезъ гетмана малороссійскихъ козаковъ. Гетманъ-же наблюдалъ за запорожцами и въ томъ случаѣ, когда они пытались стать въ такія или другія отношенія съ крымскимъ ханомъ или турецкимъ султаномъ. Отсюда естественно, что характеръ и воззрѣнія гетмана не могли не вліять въ извѣстной степени на тѣ или другія дѣйствія запорожскихъ козаковъ. Въ самомъ избраніи гетмана запорожцы въ это время принимать участія уже не могли: и совершенная обособленность между украинцами и войскомъ низовыхъ козаковъ и полное самовластіе, съ которымъ распоряжалась въ Малороссіи Москва, сдѣлали это участіе для запорожцевъ невозможнымъ. Поэтому, лишь только въ Москвѣ получилось «доношеніе» князя Голицына о необходимости отрѣшить отъ гетманскаго уряда Ивана Самойловича и вмѣсто него избрать новаго

гетмана, то вскорѣ затѣмъ собрана была рада на рѣкѣ Коломакѣ и на той радѣ, іюля 25 дня 1687 года, вольными голосами «малороссійскихъ козаковъ и генеральной старшины», въ дѣйствительности-же подъ диктовку князя Голицына и близкихъ клевретовъ его, выбранъ былъ на гетманскій урядъ бывшій обозный войсковой Иванъ Степановичъ Мазепа, старожитнаго шляхетскаго украинскаго рода, бѣлоцерковскаго повѣта, знатный въ войскѣ человѣкъ [1]).

Принявъ булаву и присягнувъ на вѣрность русскому царю гетманъ Мазепа подписалъ 22 статьи и въ числѣ этихъ статей двѣ касались запорожскихъ козаковъ. Во-первыхъ, для защиты отъ крымскаго хана великороссійскихъ и малороссійскихъ городовъ держать въ пристойныхъ мѣстахъ полки и для промысла у Кызыкерменя и другихъ турскихъ городковъ часть тѣхъ полковъ посылать въ Сѣчь и въ иныя тамошнія мѣста и надъ тѣми городками военный промыслъ чинить. Самихъ запорожцевъ держать въ прежнихъ мѣстахъ, и борошно, и плату на каждый годъ имъ непремѣнно въ такомъ размѣрѣ посылать, какъ имъ при прежнихъ гетманахъ выдавалась плата всегда; и то борошно, и тѣ деньги къ нимъ на самый Кошъ запорожскій отсылать; а миру запорожцамъ съ Крымомъ и съ городками (турскими) безъ воли государей никогда не имѣть. Во-вторыхъ, для утѣсненія Крыма и отъ нахожденія крымскихъ ордъ на великороссійскіе и малороссійскіе города войной, на сей (лѣвой) сторонѣ Днѣпра, противъ Кодака, сдѣлать такого подобія шанецъ, какъ и Кодакъ, а на Самарѣ, и на Орели рѣкѣ, и на устьяхъ Орчика и Берестовой построить крѣпости и малороссійскими жителями населить и о томъ во всѣ тамошніе города универсалы послать съ разъясненіемъ о томъ, что въ тѣ мѣста могутъ всѣ желающіе безъ всякаго препятствія приходить; запорожцы-же къ тѣмъ крѣпостямъ и къ жителямъ тѣхъ крѣпостей касаться не должны; кромѣ того, до окончанія русско-татарской войны запорожцы и торговыхъ сношеній съ татарами не должны вести [2]).

Эти пункты Мазепа собственноручно подписалъ въ день избранія его на гетманскій урядъ, іюля 25 дня, и на томъ крестъ и святое евангеліе цѣловалъ.

---

[1]) Самовидецъ, Лѣтопись, Кіевъ, 1878, 171.

[2]) Собраніе госуд. грамотъ и договор. IV, 551—558, Величко, Лѣтопись, Кіевъ, 1855, III, 50.

Сентября 12 дня, на имя кошевого атамана Григорія Сагайдачнаго, послана была царская грамота изъ Москвы въ Сичь съ извѣстіемъ объ отнятіи у Самойловича гетманской булавы, о назначеніи Ивана Мазепы въ гетманы малороссійскихъ козаковъ и о милостяхъ войску низовыхъ козаковъ за участіе въ первомъ походѣ на Крымъ.

«Мы, великіе государи, наше царское величество, тебя нашего величества подданного низового запорожского кошевого атамана Григорія Сагайдачнаго и все посполство пожаловали, велѣли Переволочанскимъ перевозомъ владѣть вамъ, войску низовому запорожскому; а вашимъ-ли козакамъ у того сбору быть, или по приказу гетманскому его сборщикамъ и сборныя деньги, что собрано будетъ, отдавать вамъ въ войсковой скарбъ, и о томъ велѣно ему, гетману, учинить по своему разсмотрѣнію. Да по нашей государской милости послано къ вамъ наше великихъ государей годовое настоящее жалованье, деньги и сукна, по прежнему, съ стряпчимъ Иваномъ Прокофьевымъ Свинцовымъ да съ посланцами вашими, куреннымъ атаманомъ Юскомъ Михайловымъ съ товарищи; да сверхъ того нашего великихъ государей настоящаго годового жалованья послано къ вамъ за вашу нынѣшнюю службу что вы были въ полкахъ бояръ нашихъ и воеводъ въ крымскомъ походѣ, изъ полка нашей царственной большой печати и государственныхъ великихъ и посольскихъ дѣлъ оберегателя, ближняго боярина полка двороваго, воеводы и намѣстника новгородского князя Василія Васильевича Голицына денежной казны 500 рублевъ, а велѣно ту нашу государскую денежную казну окольничему нашему и воеводѣ Леонтію Романовичу Неплюеву отдать бывшему кошевому атаману Ѳедору Иванику съ товариствомъ на все войско низовое запорожское» [1]).

Вмѣсто отвѣта на милостивую царскую грамоту запорожцы послали въ октябрѣ мѣсяцѣ въ Москву, черезъ козака Матвѣя Ватагу съ 32 товарищами, татарскаго языка, взятаго въ воинскихъ промыслахъ надъ бѣлогородской ордой, при чемъ, пользуясь такимъ случаемъ, козаки просили позволенія взять въ Сичу двѣ мѣдныя со станками и колесами пушки, находившіяся на островѣ Кодацкомъ въ распоряженіи Семена Любовникова, въ замѣнъ ста-

---

[1]) Собраніе госуд. грам. и догов., Москва, 1826, IV, 573; Архивъ мин. ин. дѣлъ, 1687, № 25, св. 72.

рыхъ, негодныхъ къ стрѣльбѣ пушекъ, находившихся въ Сичѣ. За присылку татарскаго языка цари Іоаннъ и Петръ съ царевной Софьей Алексѣевной благодарили запорожское войско особой грамотой, и на просьбу о пушкахъ отвѣчали позволеніемъ — новыя пушки съ острова Кодацкаго взять въ Сичь, старыя, негодныя къ стрѣльбѣ, отправить на Кодацкій островъ; съ острова Кодацкаго онѣ будутъ отправлены для починки въ Кіевъ, а изъ Кіева, въ надлежащемъ видѣ, будутъ возвращены снова въ запорожскую Сичь [1]).

Въ это же время запорожцы отправили своихъ посланцевъ съ «поганскимъ языкомъ» и въ Польшу. Съ 26 сентября по 10 октября въ городѣ Злочовѣ находились 10 человѣкъ запорожскихъ козаковъ со старшиною Выштравцемъ, и имъ выдано было за все время пребыванія въ Злочовѣ 523 злотыхъ и 15 грошей [2]).

Октября 4 дня запорожцы написали Мазепѣ письмо, въ которомъ поздравляли его съ полученіемъ гетманской булавы, желали много лѣтъ оставаться на гетманскомъ урядѣ, быть полезнымъ своей отчизнѣ Украйнѣ и своему малороссійскому народу, оказывать ласку войску запорожскому и не «хирхелёвать на искорененіе войска, якъ началъ было хирхелёвать надъ нимъ зрадца поповичъ». Письмо отправлено было депутаціей изъ четырехъ полковниковъ и 80 человѣкъ рядового товариства во главѣ съ бывшимъ кошевымъ атаманомъ Ѳедоромъ Иваникой да Афанасіемъ Марченкомъ. Мазепа съ большимъ удовольствіемъ принялъ поздравленіе запорожцевъ, послалъ имъ гостинецъ по сто золотыхъ, по одной куфѣ горилки и по десять бочекъ борошна на каждый курень, а на атамановъ куренныхъ по кармазину, кошевому Григорію Сагайдачному и войсковой старшинѣ, т. е. судьѣ, писарю и асаулу, вдвое противъ куренныхъ атамановъ [3]).

Но напрасны были старанія запорожцевъ: Мазепа не могъ быть истинно національнымъ дѣятелемъ. Не могъ быть потому, что по воспитанію и по понятіямъ онъ былъ болѣе полякъ, чѣмъ малороссіянинъ, и его натурѣ противны были всѣ простонародныя стремленія и традиціи малороссіянъ. Скрывая, однако, до поры до времени свои настоящіе инстинкты, Мазепа, какъ ловкій, вос-

---

[1]) Архивъ мин. ин. дѣлъ; мал. под. акты, 1687, св. 2, № 512—30.

[2]) Архивъ королевскаго скарба, отд. III, кн. VII, л. 780.

[3]) Величко, Лѣтопись, Кіевъ, 1855, III, 57—59.

питанный и превосходно образованный человѣкъ, прекрасно поддѣлался подъ тонъ Москвы и старался казаться поборникомъ великороссійскихъ интересовъ и монархическихъ началъ въ Малой Россіи. Русскіе цари безусловно вѣрили искренности Мазепы и предоставляли въ его руки всѣ средства (русскія войска и наемные компанейскіе полки) для обороны противъ его зложелателей и противъ мнимыхъ враговъ Великой Россіи. Такимъ образомъ Мазепа, прикрываясь силой и правомъ, дарованными ему Москвой, выступилъ противъ стремленій низшаго класса людей Малороссіи и, вмѣстѣ съ тѣмъ, противъ массы запорожскаго войска. Но малороссійская масса и масса запорожскаго войска, понимая настоящія стремленія Мазепы, всѣми мѣрами противилась ему, и эта борьба, то усиливаясь, то ослабляясь, смотря по времени и обстоятельствамъ, длится цѣлыхъ двадцать лѣтъ (1687 — 1708) и составляетъ сущность отношеній между Мазепой и запорожскимъ Кошемъ.

Первое столкновеніе между запорожцами и Мазепой началось уже вскорѣ, послѣ избранія послѣдняго на гетманство.

Въ декабрѣ мѣсяцѣ кошевой атаманъ Григорій Сагайдачный извѣстилъ гетмана Мазепу черезъ нарочныхъ посланцевъ о своемъ походѣ на бусурманскія вѣжи. Для этого похода собрано было пѣхотное и конное войско и взяты были войсковые клейноты. Пѣхотное войско, подъ начальствомъ самого кошевого, ходило правою стороной Днѣпра подъ турецкіе городки; конное войско, подъ начальствомъ атамана ирклѣевскаго куреня Өедора и бывшаго кошевого атамана Филона Лихопоя, ходило лѣвою стороною Днѣпра. Походъ увѣнчался полнымъ успѣхомъ, и запорожцы, «при многихъ трудахъ и храбрости, а особенно милостію божіею и счастіемъ ихъ царского величества», захватили живыми нѣсколько человѣкъ татаръ «изъ городской орды», шедшей по направленію къ Крыму, на низовомъ шляху, лежащемъ надъ Черною долиной. Декабря 16 дня походное войско было уже въ запорожской Сичѣ, и тутъ татарскіе «вязни» были подвергнуты допросу съ цѣлью добытія отъ нихъ вѣстей о бусурманскихъ замыслахъ. Послѣ такого допроса рѣшено было собрать большое посольство отъ всего запорожскаго войска, взять двухъ татарскихъ «вязней» и отправить ихъ въ Москву для «вѣдомостей». Для поѣздки въ столицу назначены были бывшій кошевой атаманъ Филонъ Лихопой, атаманъ ирклѣевскаго куреня Өедоръ, атаманъ титаровскаго куреня Ильяшъ, атаманы куренные— конеловскій, каневскій, минскій, левушковскій, крыловскій и къ.

нимъ нѣсколько рядовыхъ козаковъ, въ числѣ коихъ — Степанъ Рубанъ, Василь Мазинъ, Матвѣй Ирклѣевскій (нужно думать иркліевскаго куреня), всѣхъ счетомъ 40 человѣкъ. Выѣхавъ изъ Сѣчи, запорожскіе посланцы направились на Переволочну, Рѣшетиловку, Гадячъ, Конотопъ и изъ Конотопа прибыли въ Батуринъ. Гетманъ Мазепа, принявъ запорожское посольство и узнавъ, въ какомъ числѣ оно вышло изъ Сѣчи, нашелъ невозможнымъ отпустить его въ полномъ составѣ въ Москву и, ссылаясь на царскій по этому поводу указъ, дозволялъ ѣхать не больше четыремъ— пяти козакамъ. Запорожцы сильно противились этому, но гетманъ долго не уступалъ. Потомъ, однако, взявъ во вниманіе то обстоятельство, что во главѣ посольства стоялъ Филонъ Лихопой, бывшій кошевой атаманъ и «знатный человѣкъ въ козацкихъ подвигахъ», позволилъ идти въ Москву Лихопою «самъ десять», а 30 человѣкъ изъ его спутниковъ оставилъ близъ города Батурина на прокормленіе и обо всемъ этомъ своевременно извѣстилъ князя Василія Васильевича Голицына черезъ стольника Андрея Ивановича Лызлова.

Отпущенные изъ Батурина, января 14 дня 1688 года, запорожскіе посланцы прибыли въ Москву января 24 дня въ числѣ не десяти, а одиннадцати человѣкъ и тамъ, при разспросѣ въ приказѣ Малой Россіи, дали такого рода показанія. Слышали они (уже въ пути), что къ запорожской Сѣчѣ приходила, въ большомъ числѣ, крымская орда и добывала ее въ теченіе трехъ дней, но милостію божіею и счастіемъ великихъ государей, «потѣхи себѣ и поиска никакого не учинила и пошла прочь отъ Сѣчи». О крымскомъ ханѣ отъ выходцевъ и отъ взятыхъ языковъ имъ извѣстно, что онъ возымѣлъ замыселъ и уже находится въ полной готовности идти на малороссійскіе и великороссійскіе украинные города. О турскомъ султанѣ посланцы слыхали, что онъ удавленъ, а на его мѣсто посаженъ другой, а кто именно—неизвѣстно. О Венгерской землѣ цесарскаго величества римскаго имъ извѣстно, что тамъ былъ бой съ турскими и съ крымскими войсками и во время этого боя пало много татаръ и турокъ, въ томъ числѣ калга-салтанъ, тѣло котораго отправлено было до Крыма. О королевскомъ величествѣ польскомъ ничего неизвѣстно, а пересылокъ у короля съ ханомъ не было никакихъ.

Независимо отъ показаній запорожскихъ посланцевъ дали свои показанія и привезенные ими плѣнные бусурмане—турской породы кызыкерменскій житель Умерко Усмановъ и черный татаринъ села

Октая Тугайко Шамакаевъ. Первый взятъ былъ запорожскими козаками на половинѣ дороги отъ Кызыкерменя къ Перекопу, куда онъ ѣхалъ съ женой и съ нѣсколькими товарищами для покупки хлѣбныхъ запасовъ. Запорожцы, напавъ на проѣзжавшихъ татаръ, трехъ человѣкъ изъ нихъ живьемъ въ полонъ взяли да трехъ же человѣкъ и одну женщину зарубили и только шесть человѣкъ татаръ отъ нихъ «отсидѣлись». О положеніи дѣлъ въ Крыму и въ Константинополѣ Умерко Усмановъ сообщилъ такія свѣдѣнія: турскій султанъ дѣйствительно удавленъ и на его мѣсто посаженъ братъ его Урханъ-султанъ. Новый султанъ находится въ Константинополѣ и оттуда прислалъ въ Кызыкермень свой указъ съ извѣстіемъ о выступленіи въ городъ четырехъ тысячъ человѣкъ пѣхоты съ пушками и со всякими воинскими запасами «для осторожности отъ московскихъ войскъ». Прежній султанъ былъ убитъ, вмѣстѣ съ великимъ визиремъ, собственными его приближенными людьми, турками и арабами, въ Венгерской землѣ. Въ Венгерской землѣ у турокъ были бои многіе и на всѣхъ бояхъ тѣхъ туркамъ и татарамъ удачи никакой не было.

Другой полонянникъ, Тугайко Шамакаевъ, про султана, крымскихъ татаръ и польскаго короля сказалъ тѣ-же рѣчи, что и турчинъ Умерко. Послѣ сдѣланнаго показанія оба полонянника били челомъ великимъ государямъ о дозволеніи имъ креститься въ православную христіанскую вѣру и о принятіи ихъ на русскую службу.

Изложивъ всѣ обстоятельства, происшедшія въ Сичи и въ Венгерской землѣ, запорожскіе посланцы просили великихъ государей за вѣрную царскимъ величествамъ службу и за воинскіе походы пожаловать ихъ поденнымъ питьемъ и кормомъ на время прожитія въ Москвѣ и при отпускѣ на время поѣздки изъ Москвы до Сичи.

По той челобитной запорожкихъ посланцевъ приказано было навести справки, какой кормъ и какое питье даваны были низовымъ посланцамъ въ прежніе годы. По наведеннымъ справкамъ оказалось, что въ прошломъ году были въ пріѣздѣ кошевые посланцы Матвѣй Царевскій съ Филономъ Лихопоемъ и съ другими товарищами, привозившіе татарскихъ языковъ, и что въ то время имъ дано было денегъ на день по два алтына, вина по 3 чарки, меду по 1 кружкѣ, пива по 2 кружки, а на отпускѣ денегъ по 4 рубля, сукна кармазиннаго, тафты и пару соболей въ четыре рубля. Другимъ посланцамъ, бывшему кошевому атаману Ѳедору

Иванику и Аѳанасію Марченку съ товарищами, ѣздившимъ «въ сентябрѣ мѣсяцѣ, съ поздравленіемъ къ гетману Мазепѣ и оттуда являвшимся въ Москву, дано было денегъ по 3 алтына и по 2 деньги [illegible] по 3 чарки, меду и пива по 3 кружки, а на отпускѣ—денегъ по 8 рублей, по сукну кармазину, по тафтѣ одной, по парѣ соболей въ шесть рублей каждая пара. Третьимъ посланцамъ, пріѣзжавшимъ въ Москву въ октябрѣ мѣсяцѣ, Матвѣю Ватагѣ [1]), съ двадцатью-тремя человѣками товарищей и со взятыми въ плѣнъ крымскими татарами, дано было денегъ —Ватагѣ по 2 алтына и по 2 деньги, козакамъ по 10 денегъ, вина Ватагѣ по 3 чарки, меду и пива по 3 кружки, козакамъ вина по 2 чарки, меду и пива по 2 кружки на день, а на отпускѣ Ватагѣ —6 рублей, сукно аглинское, тафта, пара соболей въ 2 рубля каждая, козакамъ—денегъ по 4 рубля, по сукну аглинскому, по парѣ соболей въ 2 рубля каждая пара, да въ дорогу поденнаго корму на 3 недѣли по тому-жъ, по чему имъ давано въ Москвѣ; кромѣ того, ветчины три полтя, вина два ведра и пива 4 ведра, а для топленія избъ и для варенія пищи давано было по 2 воза дровъ на недѣлю, да для вечерняго сидѣнія по 4 деньги свѣчъ сальныхъ на сутки, а на пріѣздѣ, когда они были у руки великихъ государей, въ тотъ день данъ былъ имъ кормъ и питье съ поденнымъ вдвое.

Сообразно такимъ справкамъ приказано было выдать посланцамъ кошевого атамана Григорія Сагайдачнаго, Филону Лихопою, Ѳедору, атаману ирклѣевскаго куреня, Ильяшу, атаману титаровскаго куреня, да осьми человѣкамъ рядовымъ козакамъ «поденнаго корму и питья противъ пріѣзду бывшаго кошевого атамана Ѳедора Иваника»: денегъ по 3 алтына и по 2 деньги, вина по 3 чарки, меду и пива по 3 кружки, Ѳедору и Ильяшу и прочимъ козакамъ «противъ пріѣзду Матвѣя Ватажника», первымъ по 2 алтына и по 2 деньги, козакамъ по 10 денегъ, вина Ѳедору и Ильяшу по 3 чарки, меду и пива по 3 кружки, козакамъ меду по 2 чарки, пива по 2 кружки; а на пріѣздѣ, когда они будутъ у руки великихъ государей, въ тотъ день дать имъ кормъ и питье съ поденнымъ вдвое; а на отпускѣ дать имъ Филону Лихопою 8 рублей, сукно кармазинъ, тафту, пару соболей въ 6 рублей; Ѳедору и Ильяшу денегъ по 6 рублей, по сукну аглинскому, по тафтѣ, по парѣ соболей въ два рубля пара на человѣка; восьми козакамъ

[1]) Онъ же называется Матвѣемъ Ватажникомъ.

денегъ по 4 рубля, по сукну аглинскому, по парѣ соболей въ два рубля пара человѣку да въ дорогу поденнаго корму на три недѣли по тому-жъ, по чему давано имъ въ Москвѣ, да купя въ ряду дать два полти ветчины; кромѣ того, съ даточнаго двора дать два ведра вина, четыре ведра пива, а для топленія избы и варенія кушаньевъ по 2 воза дровъ на недѣлю да для вечерняго сидѣнья по 2 деньги свѣчъ сальныхъ на недѣлю.

Назначенное по росписи содержаніе показалось запорожскимъ посланцамъ очень скуднымъ, и потому они подали челобитную о прибавкѣ царскаго жалованья за ихъ «вѣрную службишку» въ такомъ количествѣ, какъ самъ Господь Богъ извѣститъ великихъ государей». «Тѣмъ вашимъ великихъ государей жалованьемъ (по 10 денегъ на день) мы, холопи ваши, поденнымъ кормомъ передъ своею братьею оскорблены, и прежъ сего, государи, давано нашей братіи поденный кормъ сполна и сверхъ поденнаго корму прислано было нашей братьи ваше великихъ государей жалованье на многіе государскіе праздники, а намъ, холопямъ вашимъ, вашего великихъ государей жалованья праздничнаго ничего не бывало; а того вашего великихъ государей «поденнаго корму намъ, холопямъ вашимъ, не стаётъ, и мы, холопи ваши, купя хлѣбъ, соль и другой харчъ, живя въ Москвѣ, испроѣдаемся» [1]).

Великіе государи, по той челобитной, приказали выдать козакамъ, сверхъ поденнаго корма и питья, 5 ведеръ вина, 10 ведеръ меду и 10 ведеръ пива, 2 полтя ветчины да 1 стягъ говядины, и послѣ этого запорожцы, повидимому, остались довольны царскою къ нимъ милостію.

Всѣ запорожскіе посланцы отпущены были изъ Москвы февраля 6 дня. Вмѣстѣ съ ними посланы были царскія грамоты къ гетману Ивану Мазепѣ и къ кошевому атаману Григорію Сагайдачному. Въ грамотѣ къ Мазепѣ цари похваляли гетмана за то, что онъ не пустилъ всѣхъ сорока человѣкъ запорожскихъ посланцевъ въ Москву и предписывали ему на будущее время пускать не болѣе 2 или 3 человѣкъ. Кошевому атаману Сагайдачному выражалась благодарность за вѣрную войска запорожскаго службу съ наставленіемъ и впредь съ такою же вѣрностью великимъ государямъ служить и надъ невѣрными бусурманами вольный промыселъ чинить [2]).

---

[1]) Архивъ мин. ин. дѣлъ, мал. дѣла, 1688, св. 73, № 11.

[2]) Архивъ мин. ин. дѣлъ, мал. дѣла, 1688, св. 73, № 11.

Въ то время, когда посланцы запорожскихъ козаковъ находились въ Москвѣ, въ это самое время кошевой Григорій Сагайдачный, задумавшій предпринять новый походъ противъ бусурманъ, но не имѣвшій у себя на то достаточныхъ силъ, обратился къ гетману Мазепѣ съ просьбой о высылкѣ въ Сичь вспомогательнаго отряда около 1000 человѣкъ изъ малороссійскихъ козаковъ [1].

Мазепа, обязавшійся въ качествѣ региментаря запорожскаго войска, оказывать запорожцамъ помощь въ борьбѣ съ невѣрными, отвѣтилъ Сагайдачному черезъ нарочно посланнаго въ Сичь козака Тимоша Пиковца письмомъ о готовности прислать кошевому военную помощь для борьбы противъ бусурманъ.

Однако, прошло много времени, и запорожцы, не видя отъ гетмана никакой помощи, а чрезъ то не имѣя возможности начать похода противъ бусурманъ и испытывая большой недостатокъ въ прокормленіи своихъ лошадей, рѣшили отправить изъ Запорожья въ украинскіе города на зимовлю нѣсколько сотъ человѣкъ коннаго войска. Недовольный такимъ постановленіемъ запорожскаго войска, гетманъ послалъ кошевому атаману Григорію Сагайдачному, черезъ товарищей полтавскаго полка, свой листъ и въ томъ листѣ писалъ, что изъ Запорожья уже слишкомъ много, не въ примѣръ прошлымъ годамъ, вышло на зимовлю въ украинскіе города низового товариства, и то товариство причиняетъ большую докуку жителямъ.

Запорожцы, получивъ гетманскій листъ, по своему обычаю, прочитали его въ своей посполитой радѣ и, выразумѣвъ смыслъ того листа, чрезъ тѣхъ же товарищей полтавскаго полка отвѣтили Мазепѣ, что во всемъ этомъ дѣлѣ самъ же гетманъ и виноватъ, потому что онъ не позаботился прислать вспомогательнаго войска отъ себя для совмѣстной борьбы малороссійскихъ и запорожскихъ козаковъ противъ бусурманъ. «Если-бъ войско городовое было при насъ, то мы, взявъ Бога на помощь, по нашей силѣ, чинили бы въ пристойныхъ мѣстахъ промыслъ надъ непріятелями святого креста и въ города бы не шли. А великая докука украинскимъ людямъ происходитъ не отъ насъ, а больше отъ компанѣйцевъ и сердюковъ, которые уже съ давнихъ лѣтъ сидятъ (въ городахъ) и утѣсненіе людямъ чинятъ. Сердюки и компанѣйцы и по настоящее время великимъ государямъ не оказали еще службы никакой: а

---

[1]) Архивъ мин. ин дѣлъ, мал. подд. акты, 1688, № 502.

мы, войско запорожское, будучи подъ высокодержавною пресвѣтлыхъ монарховъ рукой и работая вѣрно службой своей, чинимъ промыслъ надъ крымскими и турскими людьми по нашей силѣ на обыклыхъ мѣстахъ» [1]).

Глухое недовольство запорожцевъ на гетмана Мазепу скоро перешло въ открытое, и они явно стали возбуждать народъ миргородскаго и лубенскаго полковъ противъ притѣснявшихъ чернь полковыхъ старшинъ. Этимъ хотѣлъ воспользоваться гетманъ заднѣпровской стороны, принадлежавшей Польшѣ, Андрей Могила [2]), выбранный въ гетманы еще въ 1685 году въ городѣ Немировѣ, послѣ смерти гетмана Куницкаго [3]). Мазепа перехватилъ одно письмо Могилы къ запорожцамъ и поспѣшилъ донести о томъ въ Москву. Изъ Москвы полученъ былъ приказъ укротить запорожцевъ оружіемъ, съ помощью бывшихъ въ распоряженіи Мазепы великороссійскихъ полковъ.

Запорожцы, не подозрѣвая о такомъ распоряженіи, послали Мазепѣ новое письмо.

На этотъ разъ они обратились къ гетману съ упрекомъ за то, что онъ нарушаетъ исконныя права запорожскаго низового войска. Гетманъ, принимая въ свои руки булаву, далъ обѣщаніе быть «во всемъ желательнымъ» запорожскому войску, а теперь вдругъ совершилъ неслыханное за все время существованія войска дѣло: онъ задержалъ посланнаго изъ города Немирова отъ польскаго гетмана Андрея Могилы въ запорожскую Сичь козака съ листомъ. Это—такое дѣло, на которое ни одинъ изъ предшественниковъ Мазепы не отваживался: «Мы, войско запорожское, по милости божіей, передъ свѣтлыми монархами нашими по сіе время ни въ чемъ не потеряли вѣры. Прочетъ тѣ листы, умѣли бы къ пресвѣтлымъ монархамъ отослать и вашей вельможности объявить. Того для покорно вашей вельможности просимъ: изволь намъ, войску, объявить, о чемъ тамъ писано, и прислать списокъ съ тѣхъ листовъ, чтобъ войско не скорбѣло о томъ» [4]).

Высказавъ свое неудовольствіе, запорожцы при всемъ томъ не не хотѣли мстить зломъ за зло и извѣщали гетмана Мазепу, черезъ своего кошевого атамана Григорія Сагайдачнаго, о дѣйствіяхъ и

---

[1]) Архивъ мин. ин. дѣлъ, мал. подл. акты, 1688, св. 74, № 25.

[2]) Въ актахъ онъ называется Могилой, у Бантышъ-Каменскаго Мигулой.

[3]) Бантышъ-Каменскій, Исторія Малой Россіи, Москва, 1822, II, 164, III, 10

[4]) Архивъ мин. ин. дѣлъ, мал. подл. акты, 1688, св. 74, № 25.

намѣреніяхъ враговъ святого креста, крымскихъ и бѣлогородскихъ татаръ: крымскій ханъ находился въ Крыму; Кантемиръ-салтанъ съ частью орды, ради наставшаго голода въ Крыму, пошелъ противъ черкесъ; калга-салтанъ въ Бѣлогородчину пошелъ; а крымскіе чаусы постоянно приказываютъ, чтобы орда, по возвращеніи двухъ названныхъ салтановъ домой, готовилась въ походъ на Русь. По этому случаю запорожцы давали гетману совѣтъ—разослать универсалы всѣмъ жителямъ городовымъ съ предупрежденіемъ быть готовыми къ отпору враговъ, а о дальнѣйшихъ дѣйствіяхъ ихъ обѣщали немедленныя и точныя извѣстія подавать [1]).

На всѣ упреки запорожскихъ козаковъ гетманъ Мазепа отвѣчалъ имъ по статьямъ. Во-первыхъ, большого войска не высылалъ онъ изъ Украйны въ Запорожье потому, что боялся оставить Украйну безъ защиты въ случаѣ прихода крымскаго хана съ ордой, который, по настоятельнымъ слухамъ, постоянно доходившимъ изъ Крыма въ малороссійскіе города, дѣйствительно имѣлъ намѣреніе сдѣлать на Украйну набѣгъ. Ради этой причины гетманъ съ самой осени и до послѣдняго времени всѣхъ малороссійскихъ козаковъ въ вооруженной готовности держалъ и какъ собственное, такъ и «охотницкое» войско утруждалъ, а отъ того и не могъ отправить на зимнее время нужное число войскъ въ запорожскій Кошъ. Во-вторыхъ, вѣрно служа ихъ царскимъ величествамъ и желая сохранить хлѣбные «монаршескіе» запасы подъ Кодакомъ, гетманъ отправилъ туда для обереганія запасовъ болѣе полуторы тысячъ человѣкъ козаковъ; кромѣ того, съ тою-же цѣлію гетманъ послалъ изъ великороссійскихъ и малороссійскихъ городовъ ратныхъ людей къ другимъ мѣстамъ, что также послужило причиной помѣхи отправленія изъ Украйны въ Запорожье вспомогательнаго отряда войскъ. Въ-третьихъ, украинское конное войско козаковъ не было и по другимъ причинамъ послано въ Сичь: вслѣдствіе трудности изъ Украйны въ Запорожье пути, вслѣдствіе сильныхъ морозовъ, свирѣпствовавшихъ на ту пору въ краю; вслѣдствіе недостатка въ Запорожьѣ кормовъ, отъ чего и сами запорожскіе козаки бросали свои мѣста и шли на прокормленіе въ города, къ тому-же и украинскіе кони не привыкли добывать себѣ изъ-подъ снѣга кормовъ. Посылать-же къ запорожцамъ пѣхоту не было цѣли никакой, потому что коннаго непріятеля можно только коннымъ вой-

[1]) Архивъ мин. ин. дѣлъ, мал. подл. акты, 1688, св. 74, № 25.

скомъ воевать. Пѣхоту-же можно было послать лишь въ самую Сичь, но Сичь и самими добрыми молодцами, при помощи божіей, крѣпка. Гетманъ посылалъ «немалое войсковое собраніе» съ асауломъ Войцею подъ городъ Кызыкермень и по этому поводу писалъ къ запорожцамъ въ Сичь, чтобы и они приняли участіе въ походѣ полчанъ подъ Кызыкермень или подъ другой какой-либо турецкій городокъ. Однако, запорожцы въ томъ походѣ Войцы участія почему-то не приняли и тѣмъ въ немалое удивленіе гетмана привели. Относительно полезности или безполезности компанѣйскихъ конныхъ и пѣхотныхъ полковъ гетманъ, вопреки заявленію запорожцевъ о безполезности ихъ, утверждаетъ противное тому, что они «не безъ потребы въ Малой Россіи пребываютъ». Наемныя войска и въ другихъ государствахъ съ давнихъ поръ имѣлись и теперь имѣются и содержатся они «для скорѣйшаго въ военномъ дѣлѣ поступка». Въ Малой Россіи пѣхотные и конные полки, находясь во всегдашней готовности къ войнѣ, не только не приносятъ какого-нибудь вреда, напротивъ того, служатъ «для всенародной цѣлости щитомъ»: гдѣ только окажется надобность въ войскахъ, туда они по приказанію региментарскому, немедленно спѣшатъ и немедленно даютъ отпоръ врагамъ; тогда какъ малороссійскіе козаки, занятые своимъ хозяйствомъ, несмотря на крѣпкіе приказы гетмана, не могутъ такъ поспѣшно выступать въ походъ: «Того ради оставьте, ваши милости, нелюбовь противъ оныхъ, но любите ихъ по братскому пріятельству, помня, что вы и одной породы, и одной вѣры, и у однихъ пресвѣтлыхъ монарховъ находитесь въ обладаніи». А что касается задержки Могилана посланца, ѣхавшаго изъ Немирова съ листомъ въ запорожскую Сичь, то гетманъ увѣряетъ козаковъ, что онъ сдѣлалъ то не изъ какой-нибудь непріятности къ нимъ, а «изъ подлинной нужды и должности своей», потому что, храня вѣрное подданство ихъ царскому пресвѣтлому величеству, онъ не только не смѣетъ, но и не желаетъ скрывать передъ свѣтлыми монархами присылку «зарубежныхъ» листовъ. А такъ какъ Могила послалъ свой листъ черезъ малороссійскіе гетманскаго регимента города, то гетманъ иначе не могъ и поступить, какъ задержать его у себя и объявить о томъ пресвѣтлымъ монархамъ въ Москву. Отъ монарховъ-же гетманъ получилъ милостивый указъ прислать тотъ листъ въ Москву, въ малороссійскій приказъ, что и было въ точности исполнено имъ. Когда же пресвѣтлые монархи усмотрѣли, что въ

томъ листѣ шла непристойная и противная мирному договору рѣчь отъ Могилы къ запорожскимъ козакамъ, то они рѣшили написать о томъ польскому королевскому величеству съ просьбой возбранить Могилѣ такую безразсудную смѣлость. «Ваши милости, вѣдайте, что пресвѣтлѣйшіе и державнѣйшіе монархи наши, ихъ царское пресвѣтлое величество, установивъ вѣчный миръ съ его королевскимъ величествомъ, па вѣки въ мирныхъ договорахъ утвердили и съ обѣихъ сторонъ полными присягами закрѣпили то, что какъ городовымъ, такъ и низовымъ войскомъ запорожскимъ надлежитъ владѣть превысокому царскому пресвѣтлому величеству и никто со стороны королевского величества не смѣетъ ни посылать своихъ листовъ, ни вносить словесныхъ, противныхъ миру, рѣчей какъ въ города нашего регимента, такъ и на Запорожье... Исполняя приказаніе своихъ монарховъ и охраняя мирные договоры, я потому и задержалъ тотъ листъ Могилинъ. О моемъ же расположеніи къ вашимъ милостямъ, добрымъ молодцамъ, вы можете судить по тому, что я уроженецъ того же малороссійского края, какъ и вы; происходя отъ тѣхъ же предковъ войска запорожскаго, я долженъ вѣрно служить ихъ царскому пресвѣтлому величеству и никогда не думалъ желать вамъ зла, напротивъ того, думалъ объ умноженіи всякаго счастья для васъ. Вы сами можете судить о моемъ усердіи къ вамъ послѣ пребыванія въ прошлую осень тысячи человѣкъ вашего товарества у насъ, когда я однихъ сукнами, другихъ деньгами, третьихъ шубами удовольствовалъ, не считая того, что особо послано къ вамъ на Кошъ... Изложивъ все это вашимъ милостямъ, предлагаю и совѣтую вамъ поступать такъ: если вы получите откуда-нибудь мимо нашего вѣдома и мимо нашей воли письма, безъ воли царского пресвѣтлого величества и безъ нашего гетманского вѣдома не отписывать на нихъ, но присылать ихъ къ намъ, а мы къ царскимъ пресвѣтлымъ величествамъ будемъ ихъ отсылать и сообразно указу царского величества будемъ поступать, чтобы и волю монаршескую исполнить, и мирный договоръ соблюсти» [1]).

Лишая запорожцевъ возможности самостоятельно сноситься съ царственными и властными лицами сосѣднихъ имъ державъ, гетманъ Мазепа, при всемъ томъ, требовалъ отъ нихъ, чтобы они доставляли ему всякія свѣдѣнія о военныхъ дѣйствіяхъ и намѣре-

[1]) Архивъ мин. ин. дѣлъ, мал. подл. акты, 1688, св. 74, № 25.

ніяхъ турокъ и татаръ. Такъ, когда распространился слухъ о низверженіи Магометъ - султана съ престола, то гетманъ обратился къ запорожцамъ съ просьбой доставить ему «подлинныя вѣсти о непріятельскомъ поведеніи бусурманъ». Но запорожскіе козаки, имѣвшіе столько причинъ къ недовольству на гетмана, отвѣтили ему «язвительнымъ выговоромъ, присланнымъ на письмѣ», и тогда гетманъ занесъ на нихъ новую жалобу въ Москву [1]).

Однако, эти пререканія между запорожцами и гетманомъ Мазе-пой скоро прекратились и ни къ какимъ на этотъ разъ серьезнымъ послѣдствіямъ не привели. Въ началѣ мѣсяца марта запорожцы послали гетману Мазепѣ очень длинный листъ и въ этомъ листѣ просили о закрѣпленіи за войскомъ низовыхъ доходовъ съ Переволочанскаго перевоза на Днѣпрѣ, о присылкѣ въ Сичь бубенъ и арматъ и рочнаго или годового жалованья, о подтвержденіи исконныхъ вольностей козаковъ, объ извѣщеніи военныхъ замысловъ гетмана въ предстоящемъ лѣтѣ противъ бусурманъ и присылкѣ въ Сичь нѣсколькихъ тысячъ рублей для уплаты сторожевымъ козакамъ. Что-же касается извѣстія гетмана объ отправленіи имъ подъ турецкіе городки войсковаго асаула Войцы съ отрядомъ малороссійскихъ козаковъ, въ помощь запорожскимъ козакамъ, то запорожцы свидѣтельствовались Богомъ, что отъ Войцы они не получали никакихъ вѣстей.

«Вельможный мосце пане гетмане войска ихъ царскаго пресвѣтлаго величества запорожскаго, а нашъ вельце мосцивый пане и добродѣю. Въ наставшее время постнаго поприща намъ, всему войску низовому, пришло на мысль поздравить вельможность вашу съ постомъ святымъ четыредесятницей: дай, Христе Боже, вельможности вашей сей постъ святой въ добромъ здравіи и въ счастливомъ на многія лѣта панованіи проводить его, дабы Господь всемилостивый, при добромъ здоровьи, даровалъ вамъ должайшій вѣкъ для опоры вѣры христіанской, на страхъ и разореніе всѣмъ врагамъ и непріятелямъ креста Христова, на побѣду и утѣшеніе христіанъ, и дабы вы дождались святыхъ страстей его, а потомъ трехдневному воскресенію поклонились — того мы сердечно, по нашей искренной расположенности, желаемъ. Когда посланные съ листомъ вельможности вашей прибыли до Коша къ намъ цѣлы и невредимы, тогда мы, принявъ изъ рукъ ихъ листъ вельможности

[1]) Архивъ мин. ин. дѣлъ; мал. подл. акты, 1688, св. 74, № 25.

вашей, сообразно обычаю нашему войсковому, въ посполитой радѣ публично его прочитали и уразумѣли, что вы, вельможность ваша, пишете намъ въ отвѣтъ на прежній нашъ листъ и на реляцію нашу, какую мы предъ симъ вельможности вашей писали. Съ посланными вельможности вашей мы посылаемъ и собственныхъ благоразумныхъ товарищей нашихъ, Власа, Костю и Моисея, съ листомъ о нуждахъ и потребностяхъ нашихъ. Прежде всего напомнимъ вельможности вашей о Переволочанскомъ той стороны перевозѣ. Этимъ перевозомъ жаловали насъ пресвѣтлые монархи наши за нашу вѣрную працу и службу, пишучи къ намъ въ поважныхъ монаршескихъ грамотахъ своихъ прошлою осенью за счастливаго рейментарства вашего, дабы съ него на наши низового войска нужныя потребы пожитки отбираемы были. Тогда и вельможность ваша, тому не переча, писалъ къ намъ, черезъ посланныхъ нашихъ, сдаваясь на волю войсковую нашу, чтобы мы, для отобранія доходовъ нашихъ, держали тамъ дозорцу нашего. Какъ и прежде писали мы вельможности вашей, желаемъ мы, чтобы на томъ трактѣ оставался дозорца, высланный отъ вельможности вашей, а причитающіяся намъ отъ того перевоза деньги, на каждый годъ по 12,000 рублей на Кошъ присылались. Такъ и теперь мы до вельможности вашей пишемъ, вамъ подтверждая и напоминая, добродѣю нашему, дабы тотъ перевозъ нашъ, дарованный отъ пресвѣтлыхъ монарховъ нашихъ, ни въ чемъ не былъ нарушенъ, и денегъ на каждый годъ съ того перевоза намъ, войску низовому, дабы присылалось; теперь же вельможность вашу просимъ прислать намъ съ ласки вашей на расходы войсковые наши выбранныя отъ прошлаго года деньги съ того перевоза. По кромѣ того пресвѣтлые и премилосердые монархи наши отъ милостивыхъ щедротъ своихъ жалуютъ каждый годъ насъ, слугъ своихъ и вѣрныхъ подданныхъ, обыкновеннымъ своимъ каждогоднымъ жалованьемъ и за вѣрную нашу имъ, великимъ государямъ, службу милостивымъ монаршимъ жалованьемъ насъ обсылаютъ. Такъ и вельможность ваша, какъ рейментарь и настоящій опекунъ нашъ, изволь каждый разъ напоминать о томъ рочномъ жалованьи и о всѣхъ нашихъ недостаткахъ войсковыхъ пресвѣтлымъ монархамъ нашимъ. А больше всего постарайся о томъ, чтобы намъ было такъ, какъ было за блаженной памяти отца ихъ, къ Богу отошедшаго, великаго государя, царя Алексѣя Михайловича, за рейментарство славной памяти Ивана Брюховецкаго,

когда намъ, войску низовому, на каждаго человѣка присылалось по жупану да по двѣнадцати копъ денегъ. Потомъ, по взятіи небожчика Брюховецкаго на тотъ свѣтъ, сколько послѣ него не было гетмановъ и рейментарей, то всѣ они на свой пожитокъ то жалованье обращали да и теперь обращаютъ. Мы просимъ вельможность вашу, какъ добродѣя нашего, не лишайте насъ, какъ слугъ своихъ, панской любви и зичливости вашей; окажите ваше усердіе и постарайтесь все то, что доходило намъ съ давнихъ временъ, испросить у пресвѣтлыхъ монарховъ нашихъ. Какъ прежніе, отошедшіе къ Богу, великіе государи наши, отецъ ихъ превеликихъ государей, и братъ, содержали насъ, войско запорожское низовое, въ своей монаршей милосердой ласкѣ и призрѣніи, во всякихъ правахъ, свободахъ и вольностяхъ войсковыхъ, такъ и настоящіе государи наши, какъ содержатъ насъ при всѣхъ тѣхъ вольностяхъ, такъ и впредь да будутъ насъ въ милости своей содержати и ласку свою монаршескую намъ во всякихъ желаніяхъ да оказуютъ, по старанію и ходатайству вельможности вашей, добродѣя и опекуна нашего. Въ этомъ мы и на будущее время имѣемъ надежду. Съ своей стороны, увидя такую ласку отъ пресвѣтлыхъ монарховъ нашихъ и отъ вельможности вашей, мы будемъ готовы вѣрно и радѣтельно служити имъ, проливаючи потъ свой за имя Бога нашего на превысокую славу пресвѣтлыхъ монарховъ нашихъ, на пожитокъ христіанству всему. Писали мы предъ ликъ вельможности вашей, дабы вы съ ласки панской вашей сообщили намъ, войску низовому, о замыслахъ своихъ военныхъ на предстоящее лѣто, ежели будете собираться на непріятеля креста Господня; и теперь о томъ покорно просимъ, чтобы вельможность ваша черезъ сихъ нашихъ посланныхъ отписали и обо всемъ объявили. А какъ просили мы вельможность вашу, чтобы вы для сторожи нѣсколько тысячъ намъ прислали, такъ и теперь покорно просимъ: изволь, вельможность ваша, какъ отецъ и опекунъ, о насъ, тебѣ вѣрныхъ слугъ, промышляти и намъ для сторожи нѣсколько тысячъ прислати, ибо, ваша панская милость, самъ добре знаешь, что мы, тутъ оставаясь, ни сѣемъ, ни оремъ, только отъ работы своей имѣемъ. Также объ арматахъ и о бубнахъ, какъ уже нѣсколько разъ писали, такъ и теперь нанпокорно просимъ, чтобы вельможность ваша къ намъ на Кошъ нѣсколько штукъ арматъ и бубенъ безъ отказа прислали. Пишешь, вельможность ваша, до насъ, укоряя о невысылкѣ войска нами и

поставлешь всѣмъ намъ на видъ явный, что ты Войцу, асаула, съ немалою купою войска подъ Кызыкермень послалъ и черезъ него до насъ, войска низового, писалъ, высказывая желаніе, чтобы мы на славу пресвѣтлыхъ монарховъ нашихъ, любовною згодою, либо подъ Кызыкермень, либо на другое мѣсто сообща съ тѣмъ войскомъ надъ непріятелями промыслъ попрацовали. Этого мы и сами очень хотѣли, да и время у насъ на то было. Но Богъ свидѣтель душамъ нашимъ, что никакими письмами мы не были извѣщены отъ пана асаула и въ тотъ часъ о томъ узнали, когда онъ городки тѣ (турецкіе) увидя, назадъ съ войскомъ повернулся. Очевидно, панъ Войца подобнымъ умысломъ хотѣлъ такъ поступити, дабы только ему одному, а не намъ, войску, досталась слава; однако, это иначе сталось, и лучше и для славы и для пожитка было-бъ, если-бы онъ далъ знать и намъ, войску низовому. Доложено въ листѣ вельможности вашей о пѣхотахъ и о компанѣяхъ, дабы мы не показывали вражды имъ, но миловали по-братерски згоду, какъ люди одной породы, одной вѣры и однихъ пресвѣтлыхъ монарховъ. Всѣ мы это хорошо знаемъ; но и то знаемъ, что хотя черезъ насъ больше працы и услуги пресвѣтлымъ монархамъ нашимъ происходитъ, но къ намъ, войску, такой платы, какъ имъ, не доходитъ—имъ каждый годъ по кафтану, по кожуху и по нѣсколько копъ грошей платятъ; о томъ мы имѣемъ скорбѣть немало. Такимъ образомъ, поручивъ вашему вниманію посланцевъ нашихъ и пожелавъ добраго здравія вельможности вашей, отдаемся ласкѣ вашей панской. Съ Коша марта 3, року 1688. Вельможности вашей, добродѣя нашего, всѣхъ бояръ щиро зичливый и въ услугѣ повольный слуга Григорій Сагайдачный, атаманъ кошовой войска ихъ царскаго пресвѣтлаго величества запорожскаго низового съ товариствомъ[1]).

---

[1]) Архивъ мин. ин. дѣлъ; мал. подл. акты, 1688, св, 6, № 532—514.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Царскій указъ о построеніи на рѣкѣ Самарѣ крѣпости Новобогородицкой.—Протестъ по этому поводу со стороны запорожскихъ козаковъ.—Письмо запорожцевъ къ гетману Ивану Мазепѣ въ Батуринъ и дворянину Семену Москалю на островъ Кодакъ.—Просьба, отправленная запорожцами къ царямъ о нестроеніи на запорожской землѣ городовъ, и отвѣтъ на то запорожцамъ со стороны царей. Построеніе городовъ Новобогородицкаго и Новосергіевскаго.—Награда, данная Мазепѣ и генеральной малороссійской старшинѣ за построеніе крѣпостей.—Присылка запорожцамъ царскаго жалованья и благодарность за то отъ войска царямъ.—Посольство отъ кызыкерменскаго бея къ запорожскимъ козакамъ и волненія по тому поводу въ Запорожьѣ.—Розмиръ запорожцевъ съ татарами и походы ихъ на Низъ къ турецкимъ городкамъ.

Возникшія пререканія между запорожскими козаками и гетманомъ Мазепой, на время было прекратившіяся, снова возобновились по поводу затѣяннаго московскимъ правительствомъ сооруженія русскихъ крѣпостей на рѣкѣ Самарѣ, у сѣверозападныхъ предѣловъ запорожскихъ вольностей. Сооруженіе самарскихъ крѣпостей взялъ на себя Мазепа уже въ самый день избранія его въ гетманы. По первоначальному плану Москвы такихъ крѣпостей должно было быть нѣсколько: въ царской грамотѣ на пожалованіе Мазепѣ гетманскаго уряда говорилось, чтобы онъ «для утѣсненія и для удержанія Крыма отъ нахожденія поганскихъ ордъ на великороссійскіе и малороссійскіе украйные города, сдѣлалъ на сей сторонѣ Днѣпра, противъ Кодака, шанецъ, а на рѣкѣ Самарѣ, на рѣчкѣ Орели и на устьяхъ рѣчекъ Берестовой и Корчика (Орчика) построилъ-бы города и населилъ-бы ихъ охочими малороссійскими людьми» [1]. Однако, на первыхъ порахъ дѣло ограничилось пока построеніемъ двухъ крѣпостей на рѣкѣ Самарѣ. Съ этою цѣлью, апрѣля 18 числа, 1688 года, гетману Мазепѣ, черезъ стольника Андрея Ивановича Лызлова, послана была царская грамота съ приказаніемъ собрать 20,000 человѣкъ войска малороссійскихъ козаковъ для строенія самарскихъ крѣпостей и для промысла надъ

---

[1]) Ригельманъ, Лѣтописное повѣствованіе: Москва, 1847, III, 8.

Крымомъ. Въ помощь гетману назначенъ былъ и воевода Григорій Ивановичъ Косаговъ [1]).

Со стороны московскаго правительства построеніе крѣпостей на границѣ Запорожья, кромѣ открытой цѣли имѣть постоянный базисъ для войны съ бусурманами, заключало въ себѣ и скрытую цѣль занять наблюдательный постъ въ виду поселеній запорожскихъ козаковъ и обезвредить дѣйствія ихъ, а потомъ, съ теченіемъ времени, и совсѣмъ прибрать къ своимъ рукамъ. Запорожцы ясно видѣли, какую цѣль соединяла Москва съ построеніемъ самарско-орельскихъ крѣпостей и стали на стражѣ своихъ собственныхъ интересовъ.

Первая вѣсть о приказаніи построенія на рѣкѣ Самарѣ городовъ дошла до запорожцевъ не отъ гетмана, а отъ ихъ посланца Филона Лихопоя, находившагося въ то время въ Москвѣ и отправленнаго туда за полученіемъ царскаго жалованья для войска. Запорожскіе козаки, узнавъ о такомъ распоряженіи московскаго правительства, поспѣшили написать (апрѣля 24 дня) листъ къ гетману Мазепѣ съ извѣщеніемъ, что ни кошевой атаманъ Григорій Сагайдачный, ни все войско запорожское низовое, верховое, днѣпровое, кошевое, будучее на лугахъ, на поляхъ, на паланкахъ, и на всѣхъ урочищахъ днѣпровыхъ и полевыхъ, со всѣмъ поспольствомъ старшимъ и меньшимъ, не позволятъ ставить никакихъ городовъ на рѣкѣ Самарѣ. Войско немало дивится пріѣзду на рѣку Самарь, отъ воеводы Леонтія Романовича Неплюева, дворянина Семена Григорьевича Москаля съ острова Кодака, гдѣ онъ оставленъ былъ послѣ перваго похода на Крымъ при «государскихъ» хлѣбныхъ и военныхъ запасахъ. Этотъ дворянинъ Семенъ Москаль, вмѣстѣ съ полтавскимъ хорунжимъ, явился неожиданно для запорожцевъ «въ лѣсную пущу и пасѣку вѣкуистую дѣдизную войсковую» и сталъ осматривать тамъ на Кильчени и на Самарѣ мѣста для сооруженія крѣпости. «На какомъ основаніи, какимъ способомъ, чьимъ совѣтомъ и поводомъ это дѣлается, мы немало тому дивимся: отъ вѣка въ вѣкуистой пущѣ нашей никто не ставилъ никакихъ городовъ; не было этого даже и тогда, когда мы находились подъ владѣніемъ пановъ отчизныхъ, ляховъ, которые не выпирали насъ изъ прадѣдзны нашей и изъ пасѣки войсковой и никакихъ, кромѣ Кодака, не строили у насъ городовъ». Запорожцы просили гетмана Мазепу, какъ закон-

[1]) Архивъ мин. ин. дѣлъ, 1688, св. 75, 76, 79, № 50, 72, 113.

наго рейментаря своего, заступиться за нихъ передъ великими государями и исхлопотать царскій указъ о нестроеніи никакихъ городовъ на рѣкѣ Самарѣ и тѣмъ «не вкорочать» имъ ихъ вольностей войсковыхъ, за что обѣщали «барзо и горячо» молить Господа Бога подать помоць богохранимымъ силамъ монаршимъ, также самому гетману вельможному, всѣмъ православнымъ людямъ и всѣмъ рыцарямъ христіанскимъ противъ «агарянъ, непріятелей креста Господня», всѣ ихъ крѣпости въ ничто обратить, всю рѣку Днѣпръ отъ нихъ очистить и всѣ выходы, давніе козацкіе проторить. Не за грунтъ, не за маетности и не за роскоши лугобыи, а за вольности войсковыя, за превысокую славу монарховъ и за набытки людей посполитыхъ запорожцы всегда вѣрно великимъ государямъ служили. Да и теперь они всегда «съ достоинствомъ груди свои подставляютъ, головы свои молодецкія покладаютъ и нещадно кровь свою и потъ проливаютъ не за что другое, не за какія-нибудь ужитки, а только за помянутыя вольности и за церкви божіи».

Посылая Мазепѣ этотъ листъ, запорожцы вмѣстѣ съ тѣмъ отправили къ нему одного татарскаго языка, пойманнаго подъ турецкимъ городкомъ, и напоминали гетману о недавней отправкѣ къ нему трехъ своихъ козаковъ съ изложеніемъ потребностей и нуждъ какъ самого войска, такъ и стоявшей въ ту пору запорожской сторожи на Низу: для своей сторожи запорожцы просили прислать двѣ тысячи рублей денегъ, потому что само войско, по своей бѣдности и по израсходованіи всѣхъ мѣдныхъ денегъ, находившихся въ скарбницѣ войсковой, не имѣло чѣмъ сторожѣ отъ себя заплатить [1]).

Въ слѣдъ за посланнымъ письмомъ гетману Мазепѣ, запорожцы послали письмо на островъ Кодакъ дворянину Семену Григорьевичу Москалю съ тѣмъ-же извѣщеніемъ, что они ни въ коемъ случаѣ не позволятъ строить на Самарѣ городовъ, хотя съ полнымъ самоотверженіемъ готовы воевать противъ невѣрныхъ и за имя Бога и за царя [2]).

Недовольствуясь письмами къ Мазепѣ и къ дворянину Москалю запорожцы, іюня 5 дня, отправили въ Москву посланцевъ со взятымъ ими татарскимъ языкомъ и черезъ нихъ заявили свою жалобу за построеніе самарскихъ крѣпостей самимъ государямъ и правительницѣ Софьѣ Алексѣевнѣ.

---

[1]) Архивъ мин. ин. дѣлъ; мал. подл. акты, 1688, св. 6, № 542—524.
[2]) Архивъ мин. ин. дѣлъ: мал. подл. акты, 1688, св. 6, № 541—523.

Изъ Москвы на жалобу запорожскихъ козаковъ послана была, іюня 14 дня, на имя кошевого атамана Григорія Сагайдачнаго, царская грамота, въ которой говорилось, что гетманъ Мазепа вышелъ изъ Украйны не для чего иного, какъ для похода противъ бусурманъ и строитъ самарскія крѣпости не противъ запорожцевъ, а противъ исконныхъ враговъ святого креста.

Божіею милостію отъ пресвѣтлѣйшихъ и державнѣйшихъ великихъ государей и великихъ князей Іоанна Алексѣевича, Петра Алексѣевича и великой государыни благовѣрной царевны и великой княжны Софіи Алексѣевны, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержцевъ и многихъ государствъ и земель восточныхъ, и западныхъ, и сѣверныхъ отчичей и дѣдичей, и наслѣдниковъ, и государей и обладателей нашего царского величества подданному низового войска запорожского кошевому атаману Григорію Сагайдачному и всему будучему при тебѣ посполъству наше царского величества милостивое слово.—Указали мы, великіе государи наше царское величество, ближнему нашему окольничему и намѣстнику карачевскому Леонтью Романовичу Неплюеву съ великороссійскими конными и пѣшими ратными многими людьми да вѣрному подданному нашему войска запорожского обоихъ сторонъ Днѣпра гетману Ивану Степановичу съ малороссійскими полками идти на нашу великихъ государей службу для промысла надъ непріятельскими крымскими людьми и подъ городки, подъ Кызыкермень и иные. Да имъ-же окольничему нашему и воеводѣ и подданному нашему гетману, указали мы, великіе государи, за помощіею божіею и за предстательствомъ пресвятыя Богородицы и за молитвами московскихъ и кіевопечерскихъ чудотворцевъ на рѣкѣ Самарѣ для напвящщаго непріятелю утѣсненія и для защищенія отъ ихъ-же непріятельского приходу на великороссійские и малороссійскіе городы, а паче защищая самихъ васъ, нашихъ царского величества подданныхъ въ Сѣчѣ живущихъ, построить городъ и быти тому городу для пристанища нашимъ царского величества ратнымъ людямъ и для склада всякихъ запасовъ впредь, дастъ Богъ, воинского на Крымъ походу. А нынѣ намъ, великимъ государямъ, нашему царскому величеству, вѣдомо учинилось, что у тебя, атамана и у всего войска низового, о томъ городовомъ строеніи нѣкое сомнѣніе быти имѣетъ, будто-бы тѣмъ строеніемъ права и вольности ваши были нарушены и въ рыбныхъ ловляхъ, и въ пасѣкахъ, и въ звѣриныхъ добычахъ учинились убытки, о чемъ вы и къ подданному нашему, гетману, писали.

И мы, великіе государи, наше царское величество, васъ, атамана и все низовое войско, сею нашею царского величества грамотою милостивою обнадеживаемъ, что вамъ, кошевому атаману и всему войска низового запорожского посполъству, та на Самарѣ крѣпость въ тяготу и во отнятіе пожитковъ вашихъ ни чѣмъ быти не имѣетъ и права ваши и вольности нарушены никогда не будутъ, а пасѣки и рыбныя ловли и всякую добычь на обыклыхъ мѣстахъ имѣти-бъ вамъ попрежнему безъ всякаго сомнѣнія, а обидимы ни отъ кого не будете; въ томъ-бы вамъ на нашу царского величества милость быти надежными; а когда по милости божіей у насъ, великихъ государей, у нашего царского величества, нынѣшняя война съ крымскими людьми престанетъ, и тогда въ той Самарской крѣпости нашъ царского величества указъ милостивый учиненъ вамъ будетъ. А то вышепомянутое городовое строеніе дѣлается не для иного чего, только для славы имени божія и на защищеніе великороссійскимъ и малороссійскимъ народамъ, а паче и самихъ васъ, отъ нашествія поганыхъ бусурманъ и для промысла надъ ними. И вамъ-бы, кошевому атаману и всему войска низового запорожского посполъству, сей нашъ великихъ государей указъ вѣдать и намъ, великимъ государямъ, нашему царскому величеству, служить вѣрно и надъ общими всѣхъ христіанъ непріятелями, надъ турскими и крымскими людьми, воинскій промыселъ, при помощи божіей, чинить обще съ нашими царского величества великороссійскими и малороссійскими ратьми, а съ крымскимъ ханомъ и съ турскими городками не мириться и ни о чемъ съ ними не ссылаться; а служба ваша у насъ, великихъ государей, никогда забвенна и милость наша государская отъ васъ отъемлема не будетъ» [1]).

Одновременно съ царской грамотою отправленъ былъ къ запорожскимъ козакамъ и гетманскій листъ. Гетманъ, подобно царямъ, писалъ запорожцамъ, что возводимыя на Самарѣ крѣпости строются по приказанію великихъ государей, перечить волѣ которыхъ ни въ коемъ случаѣ нельзя, и что цѣль построенія этихъ крѣпостей не «утискъ и обида» для низового запорожскаго войска, а защита его и всего малороссійскаго народа отъ непріятелей. Письмо Мазепы отправлено было запорожскому войску черезъ козака Семена

[1]) Архивъ мин. ин. дѣлъ; мал. подл. акты, 1688, іюня 14, св. 2, № 555—31 Копія этой грамоты въ малороссійскихъ дѣлахъ, св. 76, № 66; на послѣдней въ концѣ стоитъ помѣта: «Свидѣтельствовалъ войска запорожского низового войсковой писарь Иванъ Глоба».

Вергуна, который вмѣстѣ съ тѣмъ везъ кошевому атаману Григорію Сагайдачному подарокъ отъ гетмана въ тысячу червонцевъ. Отправляя своего посланца въ запорожскую Сѣчь, гетманъ Мазепа черезъ него же извѣщалъ козаковъ о предпринимаемомъ походѣ своемъ на самарскіе броды и о намѣреніи отъ Самары идти на Крымъ, а также о скоромъ прибытіи съ тою же цѣлію воеводы Григорія Косагова на Запорожье [1]).

Послѣ всего этого запорожцамъ ничего другого не оставалось отвѣтить гетману, кромѣ того, что перечить волѣ государей они не смѣютъ [2]), и тогда гетманъ Мазепа поспѣшилъ извѣстить о томъ царей черезъ особо посланное (іюня 23 дня) письмо въ Москву. Въ своемъ письмѣ Мазепа писалъ, что кошевой атаманъ Григорій Сагайдачный съ покорностью явился на островъ Кодакъ и взялъ оттуда новыя пушки, присланныя изъ Москвы въ замѣнъ старыхъ для запорожскаго войска. Князю Василію Голицыну гетманъ Мазепа сообщилъ, независимо отъ письма къ царямъ, «о несопротивленіи запорожцевъ царской волѣ касательно построенія крѣпости на рѣкѣ Самарѣ» [3]).

Затаивъ въ себѣ на время чувство недовольства за построеніе русскихъ крѣпостей на рѣкѣ Самарѣ, запорожскіе козаки перенесли свое вниманіе на ближайшихъ своихъ сосѣдей, турокъ и татаръ. Весной 1688 года куренные атаманы Кузьма Порывай да Иванъ Шумейко съ 15 товарищами отправились для воинскаго промысла изъ Сѣчи къ устью Днѣпра. Выйдя къ морю и миновавъ турецкіе городки, Порывай и Шумейко заняли тамъ наблюдательный постъ и оставались въ такомъ положеніи до Петрова дня. Наканунѣ самаго Петрова дня они узнали, что къ нимъ ѣхали еще три конныхъ козака съ шестью конями. Но объ этомъ провѣдалъ кызыкерменскій бей и послалъ за ними «для взятія языка» на двухъ лодкахъ турокъ, 35 человѣкъ. Посланные турки, отошедъ отъ Кызыкерменя на 3 дня пути, остановились въ урочищѣ Кардашъ-Урманъ и пробыли тамъ 17 дней; на 18 день наѣхали къ нимъ на станъ три конныхъ запорожскихъ козака, и турки немедленно обступили ихъ кругомъ. Но такъ какъ въ томъ мѣстѣ было болото, то турки могли схватить только одного козака съ шестью конями, а другіе

---

[1]) Архивъ мин. ин. дѣлъ, 1688, № 70, св. 76.

[2]) Величко, Лѣтопись, Кіевъ, 1855, III, 62.

[3]) Архивъ мин. ин. дѣлъ, 1688, св. 76, № 70—75, подл. мал. акты, №№ 541—560, 512—561.

два ушли въ болото и «отгонились» отъ своихъ преслѣдователей. Захваченнаго въ плѣнъ козака турки послали въ городъ Кызыкермень лодкой, а взятыхъ при немъ шесть головъ коней отправили туда-же полемъ съ двумя турками, между коими былъ Ахметъ-Рамазановъ изъ Кемлова. Но когда турки, шедшіе полемъ, отошли всего лишь на три часа пути отъ урочища Бардашъ-Урмана, то на нихъ наскочили козаки, стоявшіе при устьѣ Днѣпра, отбили всѣхъ коней у нихъ, захватили въ полонъ турчина Ахметъ Рамазанова и съ этой добычей поспѣшили въ Сичь [1]).

Въ Сичи бывшій на ту пору кошевой атаманъ Филонъ Лихопой далъ Кузьмѣ Порываю и Ивану Шумейку свой листъ и отпустилъ ихъ съ четырьмя товарищами къ гетману Мазепѣ, выѣхавшему въ то время на рѣку Самару въ виду постройки на ней московскаго городка. Кошевой просилъ гетмана наградить посланныхъ козаковъ «за ихъ вѣрные труды» и отправить къ великимъ государямъ въ Москву. Мазепа, принявъ іюля 20 дня, Кузьму Порывая и Ивана Шумейка и разспросивъ ихъ обо всемъ случившемся съ ними на устьѣ Днѣпра, отпустилъ ихъ, въ числѣ семи человѣкъ [2]), послѣ совѣта съ воеводой Неплюевымъ, въ Москву.

Кузьма Порывай и Иванъ Шумейко прибыли въ Москву августа 10 дня, были у царской руки и, разсказавъ тамъ о бывшемъ дѣлѣ на устьѣ Днѣпра, прибавили къ тому нѣсколько вѣстей о крымскомъ ханѣ, польскомъ королѣ, запорожскомъ войскѣ и о дѣйствіи русскихъ строителей крѣпости на рѣкѣ Самарѣ. Крымскій ханъ, по ихъ словамъ, находился въ Крыму; польскій король стоялъ на Глиняномъ полѣ; запорожскіе козаки—въ розмирьи съ турками, а русскіе люди—при постройкѣ крѣпости на Самарѣ рѣкѣ: «Какъ были они на Самарѣ рѣкѣ, то при нихъ городовой стѣны сдѣлано было въ вышину человѣка въ два. А что городъ тутъ построенъ, то имъ отъ того утѣсненія никакого въ томъ нѣтъ и о томъ (они) благодарятъ Господа Бога».

Въ Москвѣ пожелали отобрать свѣдѣнія и у самого турчина Ахмета Рамазанова. Къ сказанному козаками Ахметъ Рамазановъ прибавилъ вѣсти о калгѣ-салтанѣ, который, по его словамъ, воротившись изъ Венгріи, стоялъ за Бугомъ, надъ Делигуломъ, выше Кочубеева (теперь Одессы), съ сорока или тридцатью тысячами человѣкъ

---

[1]) Другой турчинъ успѣлъ уйти и скрыться въ болотѣ.

[2]) Между ними были: Степанъ Ивановъ, Василь Буденко, Семенъ Кращенко, Кириллъ Бобренко и писарь Гришко.

орды татаръ калга-салтанъ имѣлъ приказъ отъ хана оберегать Крымъ и турскіе на Днѣпрѣ городки отъ христіанскихъ войскъ. Самому хану отъ турскаго султана было извѣщено, чтобы онъ не надѣялся на помощь отъ него и самолично защищалъ Крымъ отъ враговъ. Турецкій султанъ съ везиремъ живетъ въ Царьградѣ, а султанскія войска съ сераскеръ-пашой стоятъ въ Бабѣ. Въ городѣ Кызыкерменѣ находится не больше 1.000 человѣкъ «всякихъ чиновъ людей», остальные, вслѣдствіе голода, разбѣжались еще въ прошломъ году, и хотя въ Кызыкермень прислано изъ Царьграда 20 съ хлѣбомъ струговъ, но того хлѣба не станетъ и на полмѣсяца жителямъ городка. Объ Уразъ-мурзѣ и его бѣлогородской ордѣ слышно то, что съ нимъ польскіе сенаторы чинятъ договоръ, чтобы сдѣлать размѣнъ плѣнныхъ съ той и другой стороны. А съ запорожцами у турокъ никакихъ пересылокъ нѣтъ [1].

Не успѣли Кузьма Порывай и Иванъ Шумейко отъѣхать изъ Москвы, какъ тутъ-же явились новые отъ запорожскаго войска посланцы, куренные атаманы Иванъ Лотва и Макаръ Донской съ товарищами.

Причина ихъ пріѣзда въ Москву была такова. Гетманъ Иванъ Мазепа и воевода Леонтій Неплюевъ, стоя таборами на рѣчкѣ Кильчени, получили извѣстіе отъ какихъ-то людей, будто-бы «запорожцы взяли себѣ намѣреніе учинитися упорными противъ монаршеского указу и учинили перемиріе съ крымскимъ ханомъ и съ турскими городками». Желая провѣрить это извѣстіе на мѣстѣ, гетманъ Мазепа и воевода Неплюевъ отправили, іюля 11 дня, въ Запорожье нарочныхъ посланныхъ съ увѣщательными письмами къ низовымъ козакамъ. Запорожцы, прочитавъ тѣ письма, стали «выговариваться изъ таковаго оболганія» и сперва написали о томъ гетману и воеводѣ письмо; а потомъ послали двухъ своихъ куренныхъ атамановъ, Ивану Лотву да Макара Донского съ шестью-десятью товарищами, выбранныхъ всѣмъ войскомъ [2]. Они «крѣпко обязывались, что у нихъ никакой противной мысли не бывало, и обѣщались, что они, какъ на вѣчное подданство великимъ государямъ, святой крестъ цѣловали, такъ вѣрно до скончанія житія своего пресвѣтлѣйшимъ монархамъ своимъ служити имѣютъ, а тѣхъ оболгателей, которые, ихъ въ должности надлежащей неистовствіи ославляли,

---

[1]) Архивъ мин. ин. дѣлъ, мал. дѣла, 1688, св. 78, № 88.

[2]) Между ними были: Зима, Микитинъ, Яковенко, Хведоренко, Мартыненко, Петровъ, Кононенко, Лукьяненко, Руденко, Барлитенко, Ждаленко.

просили гетмана наказать жестокимъ наказаніемъ». Правда, запорожцы получили листъ отъ кызыкерменскаго беглербея, но тотъ, листъ доставилъ имъ толмачъ немировскаго гетмана Могилы и касался онъ исключительно вопроса о размѣнѣ плѣнныхъ. Толмачъ былъ посланъ господиномъ Могилою для окупа невольниковъ и ходилъ съ тою цѣлью по Бѣлогородчинѣ и по всему Крыму и оттуда отпущенъ былъ на запорожскій Кошъ съ письмомъ къ запорожскому войску отъ кызыкерменскаго бея. Въ этомъ письмѣ бей ставилъ на видъ низовому войску то, что еще въ прошломъ году онъ отпустилъ «на совѣсть» въ Сичу четырехъ человѣкъ запорожскихъ невольниковъ, Шоха, Яцка Молчаненка, Еська Стряпченка и одного стараго человѣка, да въ текущемъ году козака незамайковскаго куреня Степана Кулька. Изъ этихъ козаковъ кто обѣщалъ за себя уплатить хлѣбомъ, кто людьми—татарами, кто талерами, но и до сихъ поръ, однако, никто изъ нихъ не далъ окупа за себя: Шохъ обѣщалъ двѣ бочки муки и одну бочку пшена; Молчаненко обѣщалъ вернуть за себя турчина, взятаго въ двухъ суднахъ на рѣкѣ Днѣпрѣ; Стряпченко учинилъ присягу своему хозяину турскаго полоняника за себя прислать; Степанъ Кулько обѣщалъ уплатить 150 талеровъ за свободу свою; а за стараго козака—полоняника товарищи его обѣщали 8 бочекъ муки прислать, но ни одинъ изъ нихъ не исполнилъ вполнѣ обѣщанія своего. Напротивъ того, Яцко Молчаненко, явившись въ Кошъ къ бывшему тогда кошевому атаману Григорію Сагайдачному, занесъ на кызыкерменскаго бея жалобу, и когда послѣ того турскіе люди пріѣхали въ Сичь, то кошевой атаманъ приказалъ взять для Яцка Молчаненка на 40 талеровъ товару у нихъ и черезъ тѣхъ же купцовъ велѣлъ къ самому бею отписать, чтобъ его люди впредь не смѣли ѣздить въ Сичь. Поэтому кызыкерменскій бей новаго кошевого атамана Филона Лихопоя просилъ приказать всѣмъ названнымъ четыремъ козакамъ, выпущеннымъ «на совѣсть» изъ полона въ Сичь, весь обѣщанный ими выкупъ полностью уплатить, за что, въ свою очередь, обѣщалъ промышлять о томъ, чтобы другимъ запорожскимъ невольникамъ по откупу свободу дать. «А Игнатій Яцко взялъ у нашего человѣка торгомъ нѣсколько кожуховъ и новыхъ товаровъ и тѣ вели заплатить, и если какой-нибудь нашъ полоняникъ пообѣщаетъ выкупъ за себя, отпусти его на совѣсть къ намъ, и я велю обѣщанный имъ выкупъ заплатить» [1]).

---

[1]) Архивъ мин. ин. дѣлъ, мал. дѣла, 1688, св. 78, № 88.

Для полнаго оправданія себя передъ гетманомъ Мазепой кошевой атаманъ Филонъ Лихопой отправилъ ему и самое письмо, которое прислалъ кызыкерменскій бей.

Послѣ этого гетманъ Мазепа, убѣжденный доводами запорожскихъ козаковъ относительно неизмѣнной вѣрности ихъ московскимъ царямъ, принялъ съ лаской посланцевъ ихъ Ивана Лотву да Макара Донского съ ихъ товарищами и, выбравъ изъ нихъ «лучшихъ 10 человѣкъ» [1]), отправилъ всѣхъ съ письмомъ къ великимъ государямъ и къ князю Василію Голицыну въ Москву. Иванъ Лотва и Макаръ Донской прибыли въ Москву августа 10 числа, когда въ ней находились еще Кузьма Порывай и Иванъ Шумейко.

Тѣ и другіе запорожскіе посланцы были милостиво приняты въ Москвѣ, получили тамъ обыкновенное царское жалованье, кромѣ того особо, ради праздника Успенія пресвятой Богородицы, праздничное жалованье, и отпущены были на Сичь.

Вмѣстѣ съ ними посланы были двѣ царскія грамоты, къ гетману Ивану Мазепѣ и къ кошевому Филону Лихопою. Въ грамотѣ къ кошевому атаману Лихопою запорожцы похвалялись за вѣрную великимъ государямъ службу и извѣщались вмѣстѣ съ тѣмъ о томъ, что имъ, по челобитью гетмана Ивана Степановича Мазепы, черезъ особо присланныхъ изъ Сичи запорожскихъ козаковъ, Якова Костенка и товарищей его, отправлено, августа 14 дня, обыкновенное и прибавочное жалованье на Кошъ. Зато войско запорожское должно вѣрно и радѣтельно великимъ государямъ служить, всякій воинскій промыслъ надъ непріятелями креста Господня чинить, всякія о немъ свѣдѣнія гетману Ивану Степановичу Мазепѣ доставлять, въ совѣтѣ и въ послушаніи по прежнему обыкновенію съ нимъ быть [2]).

Августа 17 дня всѣ запорожскіе посланцы, какъ Кузьма Порывай и Иванъ Шумейко, такъ Иванъ Лотва, Макаръ Донской и Яковъ Костенко, оставили Москву и направились на Тулу и оттуда на малороссійскіе города. При этомъ Костенку съ товарищами отпущено было 40 подводъ, Лотвѣ съ товарищами 8, Порываю съ товарищами 5 подводъ. Подарковъ атаманамъ дано на человѣка по шести рублей, по сукну аглинскому, по тафтѣ, по парѣ соболей

[1]) Остальныхъ 50 человѣкъ гетманъ, уплативъ имъ изъ войсковой казны, отослалъ въ Сичу назадъ.

[2]) Архивъ мин. ин. дѣлъ; мал. дѣла, 1688, св. 78, № 88.

въ два рубля каждая пара; кромѣ того, поденнаго корма на дорогу. Особо велѣно было послать оставшимся въ городахъ малороссійскихъ запорожскимъ атаманамъ по сукну анбургскому, мѣрою полпята аршина [1]).

Пока названные запорожскіе посланцы успѣли доѣхать изъ Сѣчи въ Москву и вернуться изъ Москвы въ Сѣчь, тѣмъ временемъ началась постройка городка на рѣкѣ Самарѣ, столь желательная для Москвы и столь же нежелательная для запорожскаго войска. Главная крѣпость основана была «на русской сторонѣ рѣки, оподаль отъ Днѣпра» [2]). Она заложена была весной, въ мартѣ мѣсяцѣ, и «совершенное воспріяла бытіе свое въ первыхъ числахъ августа», 1688 года. Строителемъ ея былъ инженеръ-полковникъ («нѣмчинъ») фонъ-Залепъ («Өонзалинъ»), присланный для той цѣли на Самарь изъ Москвы. Непосредственными начальниками при построеніи были: гетманъ Иванъ Мазепа, воевода Леонтій Романовичъ Неплюевъ и Григорій Ивановичъ Косаговъ. Внутри крѣпости сооружена была деревянная, во имя пресвятой Богородицы, церковь, заложенная апрѣля 23 дня, въ пятницу на Святой недѣлѣ, на праздникъ живоноснаго источника освященная августа 1 дня. Отъ этой церкви и самая крѣпость названа была Новобогородицкою. Кромѣ церкви въ крѣпости были возведены и другія зданія: дворъ для воеводы, 260 просторныхъ съ сѣнями избъ, въ томъ числѣ одна изба приказная и три избы воеводскія, изъ коихъ нѣкоторыя были перевезены въ крѣпость съ острова Кодака; 2 пороховыхъ погреба, 1 ледникъ и 1 баня, рубленные; 17 раскатовъ пушечныхъ по городу; 17 для полковыхъ припасовъ сараевъ плетеныхъ, въ томъ числѣ три сарая изъ байдачныхъ досокъ; 7 дворовъ съ шестью избами (въ томъ числѣ двѣ свѣтлицы) гетмана Мазепы, генеральной малороссійской старшины и полковниковъ «для хлѣбныхъ опрятовъ». Строителями всѣхъ этихъ зданій были люди полковъ Косагова, Неплюева, царскіе стрѣльцы и малороссійскіе гетмана Мазепы козаки. Съ наружной стороны крѣпости назначенъ былъ инженеръ-полковникомъ особый посадъ и вокругъ посада сдѣлана была валовая крѣпость съ семнадцатью выводами; кругомъ валовой крѣпости выкопанъ былъ ровъ шириною съ одной стороны, отъ поля, полтретьи, съ другой $1\frac{1}{2}$ сажени, глубиною отъ

[1]) Архивъ мин. ин. дѣлъ; мал. дѣла, 1688, св. 78, № 88.

[2]) Величко, Лѣтопись, Кіевъ, 1855, III, 61.

рѣки Самары $1^{1}/_{2}$ сажени и столько-же съ другой стороны: на проѣздахъ этой крѣпости подѣланы были рвы мощенные; черезъ рвы наброшены мосты съ надолбами, а внизу сваи вбиты деревянныя. Кругомъ та крѣпость валовая имѣла 1641 сажень. Самый городъ вокругъ имѣлъ земляного окопу 600 саженъ, въ подошвѣ 18 саженъ; высота его валовъ до щита заключала въ себѣ 2 сажени; высота щита извнѣ $^{1}/_{2}$ сажени, извнутри 1 сажень, глубина рва—3 сажени [1].

Въ крѣпость назначенъ былъ воевода и цѣлый штатъ служилыхъ лицъ при немъ: дьякъ, подъячій, аптекарь съ лѣкарствами, голова, цѣловальникъ на кружечный дворъ и струговые мастера. Число войска по росписи должно было быть: рейтаръ, копейщиковъ и солдатъ 4.491 человѣкъ, но на лицо состояло 4.014 человѣкъ. Всѣмъ рейтарамъ, копейщикамъ и солдатамъ назначено было опредѣленное денежное и хлѣбное жалованье (рожь, мука, сухари, рыбій жиръ, пшено, соль, овсяная мука или толокно, крупа гречневая), которое перевезено было въ крѣпость частію изъ Кіева, а большею частію съ острова Кодака [2].

Посадъ крѣпости былъ заселенъ великороссійскими и малороссійскими поселенцами. Поселенцамъ велѣно было садиться за валомъ на посадѣ съ правомъ торговать разными товарами, медомъ и водкой въ кабакѣ, и въ сентябрѣ мѣсяцѣ того же года здѣсь поселена была тысяча семействъ изъ разныхъ малороссійскихъ полковъ; а въ октябрѣ мѣсяцѣ одинъ изъ обывателей крѣпости доставилъ въ Москву къ царскому столу въ подарокъ «виноградъ въ патокѣ». Какъ ратнымъ людямъ, такъ и поселенцамъ предписано было, особой царской грамотой, не причинять никакихъ обидъ и утѣсненій кодачанамъ, севрюкамъ и запорожцамъ, если они пожелаютъ завести поселки вверхъ и внизъ по рѣкѣ Самарѣ ради промысловъ, охранять ихъ пасѣки и не мѣшать ихъ промысламъ [3].

Воеводой крѣпости опредѣленъ былъ сперва Константинъ Маліевъ, но гетманъ Мазепа нашелъ Маліева слишкомъ тихимъ человѣкомъ («онъ человѣкъ есть въ словѣ зѣло тихъ») и потому временно сдалъ крѣпость думному дворянину Григорію Ивановичу Косагову,

[1]) Архивъ мин. ин. дѣлъ; мал. подл. акты 1688-1689, св. 77, № 86; Собраніе госуд. грам. и догов. IV, 605; Величко, Лѣтопись, III, 61.

[2]) Роспись того и другого см. въ означенныхъ малорос. актахъ.

[3]) Архивъ мин. ин. дѣлъ; мал. дѣла. 1688, св. 77, № 86.

котораго потомъ послѣдовательно смѣнили Иванъ Ѳедоровичъ Волынскій [1]) и дьякъ Иванъ Ивановичъ Ржевскій [2]).

Кромѣ возведенной крѣпости гетманъ Мазепа проэктировалъ построить еще другую при устьѣ рѣчки Быка, падающей въ рѣку Самару. «То мѣсто смежно съ шляхами, которыми ходятъ бусурмане-татары подъ города царского величества и если посадить въ ту крѣпость людей, то отъ той сторожи никто не могъ бы скрыться и пробраться тайно въ города» [3]).

По окончаніи работъ присланъ былъ для осмотра города «знатный посланный царскій», стольникъ Борисъ Васильевичъ Головинъ съ похвальной грамотой и съ наградами Мазепѣ, малороссійской старшинѣ и полковникамъ [4]). Гетманъ Мазепа получилъ «многоцѣнный» подарокъ «кафтанъ байберекъ золотой съ пуговицами и алмазами» и 800 рублей денегъ [5]), а старшина и полковники были одарены атласами («объярами»,) камками («байбереками») и соболями [6]).

Гетманъ, получивъ «дорогоцѣнный» подарокъ, выразилъ князю Голицыну свою глубокую благодарность и обѣщалъ вѣрно служить и всякаго добра желать великимъ государямъ, не щадя здоровья своего, «до тѣхъ поръ, пока будетъ духъ въ тѣлѣ его». «А дѣло (построеніе крѣпостей), которое въ прошломъ году намъ на статейныхъ выпискахъ, ваша княжеская вельможность, изволилъ подать, нынѣшнимъ лѣтомъ, въ первыхъ числахъ августа совершенное восприяло бытіе; это богоугодное дѣло, то-есть построеніе на Самарѣ крѣпости, сдѣлано не только къ расширенію государской державы и къ умноженію монаршеской на весь міръ славы, на страхъ и утѣсненіе бусурманъ, на защищеніе и оборону христіанско-православнаго народа, но и на крѣпкій вызузданный своеволи непостоянныхъ людей мунштукъ» [7]).

По окончаніи построенія крѣпости гетманъ Мазепа и околь-

[1]) У Костомарова (Мазепа, 1885, 16) вмѣсто Волынскаго названъ почему-то воеводой Волконскій; во всѣхъ современныхъ актахъ онъ называется Волынскимъ.

[2]) Архивъ мин. ин. дѣлъ, мал. дѣла, 1689, № 86 и 87.

[3]) Архивъ мин. ин. дѣлъ; подл. акты, 1688, св. 77, № 86.

[4]) Величко, Лѣтопись. Кіевъ, 1855, III, 61.

[5]) Бантышъ-Каменскій, Источники, Москва, 1859, II, 17.

[6]) Архивъ мин. ин. дѣлъ; подл. акты 1688, св. 77, № 86.

[7]) Архивъ мин. ин. дѣлъ; мал. подл. акты, 1688, св. 77, № 86.

ничій Неплюевъ разъѣхались во-свояси—первый въ Батуринъ, второй въ городъ Сѣвскъ [1]).

Вынужденные противъ воли признать необходимость построенія крѣпости на рѣкѣ Самарѣ, запорожцы не переставали, однако, высказывать свое неудовольствіе по этому поводу и вскорѣ послѣ окончанія построенія города написали гетману Мазепѣ письмо съ укоризной за появленіе въ запорожскихъ вольностяхъ московской крѣпости, за бездѣятельность его въ отношеніи враговъ православной вѣры, бусурманъ, за удержаніе у себя слѣдуемыхъ войску запорожскому хлѣбныхъ запасовъ и за недопущеніе въ Сичь малороссійскихъ ватажниковъ съ разными продуктами.

«Уже раньше этого мы писали черезъ батуринскаго сотника Дмитрія Пестеренка къ вашей вельможности, сообщая вамъ о слѣдующемъ: мы ожидали отъ вашей милости, что, изготовивши полки вашего регимента, вы со всѣми вашими городовыми войсками и полками, учините настоящимъ лѣтомъ мужественный съ непріятелѣмъ бой; но нынѣ видимъ, что то войско стоитъ даромъ и собрано оно только для основанія города, да и городъ такъ разумѣемъ, какъ нужно, что онъ не особенно нуженъ и не для чего его было тамъ строить, развѣ только для убытка, удержанія и умаленія намъ, войску, а не для убытка и ущерба непріятеля. И было-бы достойнѣе вашей вельможности, если-бы вы, какъ мы писали, вмѣстѣ съ монаршескими силами, предприняли войну и пошли на непріятеля креста святого и, разбивъ укрѣпленные городки и замки его, въ тѣхъ готовыхъ городкахъ владѣніе свое установили. Тогда-бъ славнѣе была-бы и наша жизнь, и всего народа христіанскаго малороссійскаго утвердилось-бы житіе, слава въ сосѣднихъ государствахъ и монархіяхъ возрасла-бъ. А непріятель, видя то, принужденъ былъ-бы падать духомъ, чрезъ что всѣ давнія казацкія стежки и дороги воднымъ путемъ были-бы протоптаны, непріятелямъ была-бы немалая досада и утѣсненіе. Тогда-бъ мы имѣли въ Бозѣ такую надежду, что силы непріятельскія не могутъ устоять противъ войскъ монаршескихъ... А какъ раньше писали мы относительно ватагъ и людей торговыхъ, что зѣло тому удивляемся и крѣпко на то жалуемся, ничего не зная, ради какихъ причинъ въ теченіе всего лѣта не пропускаютъ ни къ намъ

[1]) Архивъ мин. ин. дѣлъ; мал. подл. акты, 1688, св. 77, № 86.

ватагъ и торговыхъ людей, ни отъ насъ никого изъ козаковъ, такъ что добывши рыбу, намъ некому ее и продать. И подлинно уже въ теченіе трехъ лѣтъ мы въ такомъ положеніи. А ваша вельможность, ставъ на собинномъ урядѣ гетманомъ, уже въ то время обѣщали войску быть намъ желательнымъ всегда и надлежаще удовлетворять насъ, ватаги къ намъ пропускать, борошно въ обыкновенное время давать; однако, вотъ уже около двухъ лѣтъ, какъ борошна намъ нѣтъ; о другихъ непріятностяхъ мы и не упоминаемъ,—о томъ вѣдаетъ только Богъ. Чего ради нынѣ изволь, ваша вельможность, приказать, чтобы къ намъ были пропускаемы и на перевозахъ не были задерживаемы ни ватаги, ни общіе охотники; объ этомъ мы всѣ тебя, какъ региментаря, просимъ: не изволь забывать насъ, какъ истинныхъ слугъ своихъ. Подлинныхъ вѣстей о поведеніи непріятельскомъ послѣдняго времени мы никакихъ не имѣемъ; только выходцы передаютъ, что часть орды, въ числѣ нѣсколькихъ тысячъ, съ салтанами пошла подъ слободы или подъ Каменецъ-Подольскій—точно не знаемъ. Подавъ милость и разсужденіе обо всемъ, предаемся съ нижайшимъ поклономъ. Съ Коша августа въ 24 день 1688 года. Вельможности вашей, благодѣтеля нашего, всего блага истинно желательные и къ службѣ готовые Хвилонко Лихопой, атаманъ кошевый войска ихъ царскаго пресвѣтлаго величества запорожскаго низового съ товариствомъ [1]).

Въ болѣе рѣзкой формѣ выразили запорожцы свое негодованіе по поводу построенія Новобогородицкой крѣпости въ письмѣ къ воеводѣ Григорію Косагову. По отходѣ изъ Новобогородицка гетмана Мазепы и воеводы Неплюева въ крѣпости оставленъ былъ съ войскомъ воевода Григорій Косаговъ и ему приказано было отъ царей и гетмана Мазепы отправить въ Сичь посланцевъ и черезъ нихъ объявить запорожскому войску о намѣреніи совмѣстнаго съ запорожцами чиненія воинскихъ промысловъ противъ непріятелей. На такое заявленіе кошевой атаманъ Филонъ Лихопой со всѣмъ товариствомъ запорожскихъ низовыхъ козаковъ послалъ воеводѣ письмо, исполненное жестокихъ укоризнъ за отнятіе у войска привольевъ на рѣкѣ Самарѣ.

«Листъ вашъ, который вы прислали къ намъ сентября 12 дня черезъ вашихъ посланныхъ, мы получили. Въ этомъ листу вы из-

[1]) Архивъ мин. ин. дѣлъ; мал. дѣла, 1688, св. 77, № 86.

вѣщаете насъ о томъ, что, по указу государскому, по отшествіи къ городамъ окольничаго Леонтія Романовича Неплюева и его милости господина гетмана, ваша милость оставлены въ томъ новомъ городѣ съ войсками для промысла противъ хана и его ордъ. Но вы во всѣхъ вашихъ листахъ пишете объ этомъ, толкуя только на словахъ, а не на дѣлѣ о промыслѣ, тогда какъ вамъ тою войною совсѣмъ не для чего хвалиться и писать объ ней, точно мы ничего того не знаемъ. А мы хорошо знаемъ, что не черезъ кого иного, только черезъ совѣтъ вашъ и пуща наша вѣковѣчная и пасѣка разорена, а городъ тотъ, который теперь построенъ, вовсе не есть то городъ, а одинъ учиненный смѣхъ. Вы оглянитесь только назадъ, и увидите, что всѣхъ тѣхъ, кто хотѣлъ лишить насъ нашихъ вольностей и умалить нашу войсковую честь, всѣхъ тѣхъ встрѣтила хула и пагуба. Остерегайтесь же, чтобы и васъ не постигло то же, что постигло бывшаго гетмана. Какъ тогда было наказаніе отъ Господа Бога, такъ и теперь Господь Богъ все то взыщетъ на душахъ вашихъ. И вы не старайтесь причинять обиды и притѣсненія товариству ни тѣмъ, которые въ Кодацкой крѣпости, ни тѣмъ, которые въ Самарѣ» [1]).

Въ виду предстоявшей борьбы русскихъ съ бусурманами и въ виду трудности самаго дѣла и гетману Мазепѣ, и воеводѣ Косагову ничего не оставалось дѣлать, какъ держать себя на мирной ногѣ въ отношеніи запорожскихъ козаковъ и отвѣчать имъ на ихъ письма въ добромъ и успокоительномъ тонѣ.

Сентября 12 дня гетманъ Мазепа послалъ запорожцамъ длинное письмо и, называя ихъ «милыми пріятелями и братіями» сообщалъ имъ о томъ, что великіе государи какъ хранили раньше, такъ и всегда хранятъ запорожское войско въ милостивомъ призрѣніи и, по челобитью войска, а по прилежному прошенію гетмана, повелѣли выдать козакамъ монаршеское годовое жалованье «съ прибавочнымъ своимъ милостивымъ дарованіемъ». Это жалованье, по монаршему указу, велѣно было послать черезъ «знатную особу» изъ полка думнаго дворянина Григорія Ивановича Косагова; по особенному-же къ запорожцамъ вниманію гетманъ, ради сохраненія и цѣлости казны той, отправилъ отъ себя батуринскаго сотника Нестеренка. Гетманъ надѣется, что «добрые молодцы», принявъ то милостивое жалованье, отдадутъ великимъ государямъ

---

[1]) Архивъ мин. ин. дѣлъ; мал. дѣла, 1688, св. 77, № 86.

«покорное» челобитье и покажутъ себя достойными царской награды: «Такъ какъ чинъ вашъ рыцарскій не для чего иного, какъ только для творенія надъ непріятелями креста святого военнаго промысла, и то вамъ утѣха и похвала, что вы бусурманъ непріятелей побѣждаете и тѣмъ намъ, наслѣдникамъ своимъ, чуть-ли не на весь свѣтъ имя доброе стяжаете, то не пренебрежите, ради дѣлъ рыцарскихъ, сколько Богъ подастъ вамъ силы и помощи, и чините надъ непріятелемъ радѣніе... Да и мы, гетманъ, при богохранимыхъ монаршескихъ силахъ, гулять не будемъ, станемъ поступать сообразно нашей должности, не будемъ щадить трудовъ и работы надъ тѣми всего христіанства непріятелями. И въ этомъ ваша милость, всѣ будьте совершенно надежны, потому что, хотя пресвѣтлые монархи наши нынѣшнимъ лѣтомъ всѣхъ своихъ силъ на войну противъ непріятелей, кромѣ нѣсколькихъ полковъ, и не выводили, однако на будущее время они не оставятъ того намѣренія, которое уже предпринято» [1]).

Царское жалованье «отпущено» было изъ Батурина сентября 10 дня съ подъячимъ Андреемъ Щоголевымъ и сотникомъ Димитріемъ Нестеренкомъ и отправлено было «безъ всякаго нарушенія» сперва въ Новобогородицкую крѣпость къ воеводѣ Григорію Косагову, а отъ Косагова съ усиленнымъ конвоемъ доставлено было въ запорожскую Сичу. Запорожцы выразили большую благодарность великимъ государямъ за милостивое жалованье и обѣщали «вѣрно при надлежащей статечности царскому пресвѣтлому величеству служить и послушными гетману быть» [2]).

Выражая за присланное жалованье благодарность царямъ, запорожцы при всемъ томъ, вопреки требованію гетмана Мазепы, рѣшительно отказались сноситься съ воеводой Косаговымъ и доставлять ему всякія вѣсти о замыслахъ бусурманъ. Такое, по ихъ выраженію, неподобное дѣло невозможно было по двумъ причинамъ: по очень большому разстоянію и по очень большому опасенію отъ рыскающихъ вездѣ непріятелей. Запорожцы находили, что такъ какъ воевода имѣетъ царскій указъ идти къ Перекопу, то лучше всего ему послѣдовать сообразно указу и идти на непріятелей походомъ. Тогда и запорожцы съ большой охотой пойдутъ не только къ Перекопу, но и къ самому Крыму. Но только въ на-

---

1) Архивъ мин. ин. дѣлъ; мал. дѣла, 1688—1689, св. 77, № 86.

2) Архивъ мин. ин. дѣлъ; мал. подл. акты, 1688, св. 6, № 586—567.

мѣреніи Косагова они имѣютъ большое сомнѣніе, и хотя-бы дѣйствительно оказалась большая надобность въ походѣ, то воевода найдетъ причину отговориться отъ такого дѣла. По этому лучше было-бы, если-бы самъ гетманъ прислалъ запорожцамъ нѣсколько тысячъ собственныхъ козаковъ; тогда запорожцы могли-бы въ началѣ зимы пойти и подъ Перекопъ, и подъ турецкіе городки или въ другія, гдѣ случай указалъ-бы, мѣста. «И если, вельможность ваша, на прошеніе наше такъ учините, и то дѣло будетъ пристойнѣйшее и подлиннѣйшее и у пресвѣтлыхъ монарховъ нашихъ будетъ намъ съ похвалою. А что пишите къ намъ о запасахъ, которые къ намъ всегда на подводахъ присыланы были какъ при бывшемъ гетманѣ, такъ и нынѣ изволь, вельможность ваша, приказать къ намъ на Кошъ привезти; а чтобъ мы имѣли изъ Коша тѣ запасы отыскивать, то неподобное дѣло» [1]).

За столь «угодное великимъ государямъ обѣщаніе» со стороны запорожцевъ вѣрно служить царскому величеству, цари приказали послать имъ похвальную грамоту черезъ посланца Лотву съ товарищами. Съ своей стороны гетманъ «зѣло похвалялъ запорожскихъ молодцовъ» и увѣщалъ ихъ всегда быть вѣрными Москвѣ. Что-же касается упрека, который запорожцы сдѣлали гетману за то, что онъ не шелъ, обще съ окольничимъ и воеводой Неплюевымъ, разорять турецкіе городки, то это сдѣлали запорожцы не по праву и не къ лицу: «И то вы пишите непристойно: когда пресвѣтлѣйшіе монархи наши премудро разсмотрительнымъ своимъ разумомъ вѣдаютъ, какимъ порядкомъ и въ какую пору премощныя силы свои къ добыванію крѣпостей посылати, и вѣдаютъ, въ какую пору отъ того удержати, то они, пресвѣтлѣйшіе монархи, премощные суть направители войны и мира, а мы, подданные, должны есмы слѣдовати ихъ монаршеской волѣ». А что до того, будто-бы гетманъ оказываетъ слишкомъ мало запорожцамъ ласки, то это запорожцы совсѣмъ напрасно говорятъ. Напротивъ того, гетманъ, чему можетъ быть свидѣтелемъ весь малороссійскій народъ, всегда и хлѣбомъ и солью, и добрымъ принятіемъ, и денежными подарками, и разными гостинцами, посылаемыми на Кошъ, оказывалъ склонность запорожскимъ козакамъ. Да и то неправда, будто-бы гетманъ запрещалъ ватагамъ съ запасами изъ Украйны въ Запорожье ходить: того у него не было и въ умѣ; днѣпровые побереж-

[1]) Архивъ мин. ин. дѣлъ; мал. дѣла, 1688—1689, св. 77, № 86.

ники могутъ сами подтвердить, что такого запрета ни въ прошломъ, ни въ настоящемъ лѣтѣ не было и быть не могло. Было лишь запрещеніе не ѣздить, вслѣдствіе опасности отъ набѣговъ татаръ, по соль на рѣку Берду. Въ виду стеченія большихъ войскъ на Самарѣ-рѣкѣ сами ватажане избѣгали идти съ продажными запасами въ запорожскую Сѣчь и предпочитали, гдѣ поближе, свои запасы продать, чтобы и деньги тотъ-же часъ взять и всякой опасности избѣжать. Что-же касается хлѣбныхъ запасовъ, пожалованныхъ государями запорожскимъ козакамъ, то они, какъ уже и раньше писано о томъ, вслѣдствіе занятія военными переходами украинскихъ людей, не могутъ быть доставлены въ Сѣчь, а будутъ привезены въ крѣпость Кодакъ и изъ Кодака своевременно будетъ извѣщено о томъ въ Кошъ.

Желая выказать свое усердіе и свою вѣрность московскимъ царямъ, гетманъ Мазепа поспѣшилъ сообщить великимъ государямъ о требованіи со стороны запорожцевъ войны противъ бусурманъ и представилъ козаковъ «людьми необуздаными, которые вяжутся не въ свое дѣло» вмѣсто того, чтобы слушаться на этотъ счетъ, царского пресильного монаршеского указа» [1].

По московскому правительству нужно было такъ или иначе успокоить запорожскихъ козаковъ; оно имѣло въ виду новый походъ на Крымъ и начало брать къ тому разныя мѣры заранѣе. Такъ, въ концѣ мѣсяца сентября, новобогородицкому воеводѣ Григорію Косагову и дьяку Макару Полянскому предписано было обжечь всѣ степи по направленію къ Перекопу и къ Сѣчѣ, въ особенности-же по окрестностямъ рѣки Самары, но дѣлать это велѣно было черезъ людей надежныхъ и «чиновъ пристойныхъ» съ остереганіемъ, чтобы о томъ не узнали запорожскіе козаки [2]. Для того-же, чтобы узнать подлинныя вѣсти о крымцахъ и о настроеніи самихъ козаковъ, велѣно было послать надежнаго человѣка въ запорожскую Сѣчь. По царскому приказу воевода Новобогородицкаго городка Иванъ Волынскій послалъ солдатскаго строя маіора Юрія Буша. Возвратившись изъ Запорожья къ воеводѣ въ городокъ, Юрій Бушъ донесъ, что, будучи въ Сѣчи, онъ слыхалъ и на радѣ, и въ куреняхъ, что запорожцы вѣрно служатъ великимъ государямъ и никакихъ сношеній ни съ кѣмъ не имѣютъ;

---

[1]) Архивъ мин. ин. дѣлъ, 1688—1689, св. 77, № 86.
[2]) Архивъ мин. ин. дѣлъ, 1688—1689, св. 77, № 86.

съ Крымомъ-же у нихъ перемиріе установлено для соляного промысла на короткій срокъ, и какъ козаки наберутъ соли, тогда розмирятся съ нимъ. Ханъ-же крымскій, собравшись со всею ордой, пошелъ, по вызову, къ турскому султану для какихъ-то дѣлъ. Въ бытность свою въ Сичи Юрій Бушъ засталъ тамъ гетманскаго посланца Григорія Старосельскаго, присланнаго Мазепой съ тою-же цѣлью—для собиранія вѣстей о намѣреніяхъ запорожскихъ козаковъ. Запорожцы весьма дружелюбно отпустили отъ себя Буша и дали ему провожатыхъ до Кодака. Григорій-же Старосельскій оставался нѣкоторое время по отъѣздѣ Буша въ Сичи и затѣмъ уже оставилъ Кошъ [1]).

Самому воеводѣ Григорію Косагову приказано было пока списываться съ запорожскими козаками ради воинскаго промысла и добыванія свѣдѣній о замыслахъ бусурманъ; въ случаѣ-же подхода крымскихъ и бѣлогородскихъ татаръ подъ Новобогородицкій городокъ, чинить, обще съ войскомъ низовымъ, промыслъ противъ бусурманъ, но самому лично для той цѣли въ Запороги не ходить и людей ратныхъ туда не посылать. Кодачанамъ и севрюкамъ, которые живутъ теперь и впредь, ради промысловъ, будутъ жить въ вершинѣ и внизу по Самарѣ рѣкѣ, къ устью ея, обидъ и утѣсненій не чинить никакихъ и крѣпко остерегать отъ того, чтобы и пасѣки ихъ, и всякіе промыслы на Самарѣ рѣкѣ были въ цѣлости и охраненіи отъ ратныхъ людей; а черкасамъ прихожимъ, безъ царскаго указа, никому селиться и строить возлѣ города того дворовъ не велѣть, кромѣ торговыхъ людей, которые будутъ со всякими товарами и съѣстными запасами пріѣзжать: такимъ торговымъ людямъ всякую повольность чинить, привѣтъ къ нимъ держать, всячески ихъ оберегать, мѣста имъ отводить, чтобы пріохотить ихъ и впредь пріѣзжать и отъ пріѣздовъ не отлучить [2]).

Приказаніе, полученное Косаговымъ отъ царей о рѣшительномъ приготовленіи къ дѣйствіямъ противъ мусульманъ, какъ нельзя больше совпало съ общимъ настроеніемъ запорожскихъ козаковъ. Козаки, собравшись въ числѣ 250 человѣкъ передъ Филипповымъ постомъ, отправились изъ Чортомлыцкой Сичи, подъ начальствомъ Ивана Гусака, для промысла въ поля и для взятья языковъ. Иванъ Гусакъ повелъ козаковъ подъ турецкіе городки

---

[1]) Архивъ мин. ин. дѣлъ, 1688—1689, св. 77, № 86.

[2]) Архивъ мин. ин. дѣлъ; мал. дѣла, 1688—1689, св. 77, № 86.

и расположился на шляху, ведшемъ изъ Кызыкерменя въ Перекопъ. Гусакъ стоялъ на томъ шляху въ теченіе одиннадцати дней и дождался того, что на него наткнулся перекопскій бей Шангирей-салтанъ съ агою Саитъ-Касимомъ и со ста двадцатью татарами. Шангирей-салтанъ раньше этого времени вышелъ изъ Перекопа съ цѣлью взять русскихъ языковъ и добыть подлинную вѣсть о царскомъ и козацкомъ войскахъ, для чего онъ направился на рѣчку Самарь, подъ Новобогородицкій городокъ. Пройдя степью 8 дней тихо, чтобы не изморить коней, татары не дошли до городка за 6 миль и тамъ поймали четырехъ человѣкъ козаковъ, ходившихъ за добычей па звѣрей. Но въ тотъ-же день въ степи поднялась сильная вьюга и пошелъ большой снѣгъ, вслѣдствіе чего татары нашли за лучшее поворотить къ Перекопу назадъ. Проскакавъ три дня, татары стали на Соленыхъ-Водахъ, въ одномъ днѣ хода отъ Кызыкерменскаго городка, и начали тамъ кормить своихъ лошадей. Тутъ, въ ночное время, наскочили на татаръ запорожскіе козаки, слѣдившіе въ теченіе сутокъ за движеніями ихъ и на урочищѣ Бѣлоозерцѣ произвели надъ ними погромъ: многихъ татаръ побили, потому что они не давались живьемъ, десять человѣкъ взяли въ полонъ, больше ста штукъ захватили съ собою коней и отбили всѣхъ плѣнныхъ козаковъ, взятыхъ подъ Новобогородицкимъ городкомъ. Возвращаясь назадъ, запорожскіе козаки изъ плѣнныхъ десяти человѣкъ татаръ четырехъ срубили въ пути, потому что они были столь сильно ранены, что не могли за козаками идти [1]).

Нужно думать, что эти-же походы запорожскихъ козаковъ противъ мусульманъ разумѣетъ и Ивашка Григорьевъ, московскій стрѣлецъ. Ивашка Григорьевъ, московской рати стрѣлецъ, посланъ былъ, вмѣстѣ съ другими стрѣльцами, августа мѣсяца, 1688 года, для доставки хлѣбныхъ запасовъ изъ Кіева въ Новобогородицкій городокъ. Послѣ «отдачи хлѣбныхъ запасовъ» Григорьевъ въ Кіевъ ѣхать не захотѣлъ и «остался отъ своей братьи для гулянья въ Новобогородицкомъ городкѣ», а изъ того городка скоро пробрался, вмѣстѣ съ ватагою запорожскихъ козаковъ, въ самую Сѣчь, гдѣ на ту пору кошевымъ атаманомъ былъ Филонъ Лихопой. Въ Сѣчи Ивашка Григорьевъ прожилъ больше года среди козаковъ и принималъ участіе въ походахъ запорожцевъ рѣкою Днѣ-

---

[1]) Архивъ мин. ин. дѣлъ; мал. дѣла, 1689, св. 79, № 2.

промъ подъ турскіе городки—Кызыкермень, Асламъ и Староханскій [1]) и степью подъ крымскіе улусы, къ рѣчкѣ Тонкой. Запорожцы предпринимали эти походы много разъ, и всякій разъ угоняли отъ крымскихъ улусовъ и отъ турецкихъ городовъ большія конскія стада [2]).

Возвратившись въ Сѣчь, запорожскіе козаки рѣшили всѣхъ плѣнныхъ татаръ, числомъ шесть человѣкъ, отправить въ Батуринъ и изъ Батурина доставить въ Москву. Для этого выбрано было 30 человѣкъ козаковъ [3]) подъ командой атамана роговскаго куреня Семена Ганджи. Посланцы прибыли въ Батуринъ и привезли гетману Мазепѣ письмо отъ новопоставленнаго кошевого атамана Ивана Гусака. Въ этомъ письмѣ сказано было то, что, согласно гетманскому желанію добыть подлинныя вѣсти «о поганскомъ поведеніи» татаръ, запорожскіе козаки, по обыкновенію своей молодецкой охоты и по древнимъ обычаямъ своимъ, чиня повольность превысокому монаршескому престолу и своему региментарю, гетману малороссійскихъ козаковъ, собравшись немалымъ числомъ, ходили «остерегать» бусурманскіе шляхи и на томъ промыслѣ, счастіемъ царскаго пресвѣтлаго величества и своею молодецкою отвагою, побили перекопскую и городчанскую орду и послѣ того со всею своею ватагою и съ Иваномъ Гусакомъ, который въ нынѣшнее время (писано декабря 10 дня) учинился атаманомъ войсковымъ, возвратились съ языками благополучно въ Сѣчь. Изъ Сѣчи кошевой атаманъ плѣнныхъ татаръ отправляетъ къ гетману черезъ лично участвовавшихъ въ походѣ козаковъ и проситъ его вельможность оказать за труды и учиненныя работы имъ милость господскую свою. Языковъ-же, снявъ съ нихъ допросъ, къ царскому величеству отослать и для «оживленія коней и самихъ (козаковъ становище имъ зимнее доброе въ городахъ показать».

Отправляя это письмо, кошевой Иванъ Гусакъ отъ себя и отъ всей старшины передавалъ гетману низкій поклонъ и обѣщалъ «вѣрно и радѣтельно» пресвѣтлымъ монархамъ и самому гетману

---

[1]) Должно быть нужно читать «Староханскій», но гдѣ онъ былъ—неизвѣстно.

[2]) Архивъ мин. юстиціи, столб. моск. стола, 1688—1689, № 479, л. 177—182.

[3]) Между ними были: Семенъ Рубанъ, Яковъ Богуненко, Мойсей Лукьяновъ, Яцко Герасименко, Савко Гордіенко, Михайло Василенко, Панько Гриценко, Иванъ Матвѣенко, Мартынъ Юрченко, Мартынъ Нетяженко и другіе.

служить; зато просилъ своего благодѣтеля и отца «запорожское войско въ призрѣніи и добротной милости блюсти, понеже войско на нужную потребу свою не имѣетъ ничего, надѣется на господскую милость одну и ждетъ, что его вельможность не презритъ войско милостивымъ окомъ своимъ».

Гетманъ Мазепа, не смотря на усердную просьбу кошевого атамана Ивана Гусака, всѣхъ посланцевъ низовыхъ, въ числѣ 30 человѣкъ, въ Москву не пустилъ и далъ дозволеніе ѣхать въ царямъ только пятнадцати «самымъ знатнымъ и въ промыслахъ военныхъ труждающимся» козакамъ; да и то, опасаясь, чтобы «поступокъ его не былъ похуленъ» въ Москвѣ, онъ послалъ извинительное великимъ государямъ письмо, а вмѣстѣ съ тѣмъ обращался съ просьбой «къ своему зело милостивому господину пріятелю и благодѣтелю» князю Василію Голицыну исходатайствовать запорожскимъ посланцамъ, какъ «знатнымъ въ Запорожьѣ и бывалымъ въ промышленныхъ трудахъ людямъ увидѣть пресвѣтлыя монаршескія великихъ государей и великой государыни ихъ царского пресвѣтлого величества очи».

Впрочемъ, ходатайствуя за запорожцевъ и стараясь о снисканіи имъ милости великихъ государей, гетманъ Мазепа въ то-же время представилъ князю Голицыну неблаговидный поступокъ апорожскихъ козаковъ по отношенію къ царскому толмачу и высказывалъ просьбу «обличить» по этому поводу козаковъ «въ царствующемъ градѣ Москвѣ». Дѣло касалось толмача Дениса Лихонина, который посланъ былъ по царскому указу въ Крымъ и ѣхалъ туда, вмѣстѣ съ гетманскимъ «посылыщикомъ», черезъ запорожскую степь. Запорожцы, вообразивъ почему-то, что оба посланца ѣдутъ въ Крымъ съ цѣлью заключить съ ханомъ миръ, схватили ихъ и стали добиваться отъ нихъ листовъ; не добившись листовъ, хотѣли къ пушкамъ приковать, для чего собирали раду два раза, и только подъ конецъ, едва черезъ силу, отпустили посланцевъ въ Крымъ. Гетманъ, узнавъ о томъ, тѣхъ козаковъ немало «гонялъ», а въ ихъ лицѣ и все войско низовое въ томъ непристойномъ поступкѣ уличалъ. Откуда дошла къ запорожцамъ вѣсть о цѣли поѣздки царскаго толмача въ Крымъ, гетманъ никакъ не могъ узнать и хотя онъ «накрѣпко» подвергъ по тому поводу допросу взятыхъ запорожцами въ плѣнъ татаръ, но ничего и отъ нихъ не узналъ: татары говорили одно, что ни запорожцы

о томъ ихъ не спрашивали, ни они о томъ запорожцамъ не сказывали [1]).

Тѣмъ временемъ запорожскіе посланцы, Гапджа съ товарищами, и татарскіе плѣнники Маймуллайкъ Жумашевъ съ другими татарами, прибыли въ Москву и дали тамъ показанія о замыслахъ турокъ и татаръ. Крымскій ханъ, калга - салтанъ и нурреддинъ-салтанъ отправились въ Бѣлогородчину; турецкій султанъ послалъ изъ Царьграда хану саблю да кафтанъ, приказывая ему идти на войну въ Мультанскую землю за то, что мусульмане цесарскому величеству поддались. Калга-салтанъ послѣ похода въ Бѣлогородчину прошелъ въ Венгерскую землю и скоро думаетъ вернуться въ Крымъ. Самъ-же турецкій султанъ находится въ Царьградѣ, войска́ его стоятъ по границѣ отъ Венгерской земли; цесарскія войска вели большіе бои съ турскими и отняли у турокъ много городовъ. Съ польскимъ королемъ у хана пересылокъ нѣтъ. А около Перекопа и по перекопскому валу никакихъ построекъ и починокъ не сдѣлано и только въ прошломъ году крымцы, услыхавъ о томъ, что на Крымъ московскіе ратные люди идутъ, рѣшили на перекопскій замокъ четыре пушки встащить; всѣхъ-же пушекъ, большихъ и малыхъ, во всемъ Перекопѣ будетъ около ста. Ханъ-же въ то время выходилъ для отпора русскихъ на Молочныя-Воды со всею ордой, и всѣ татары находились въ великомъ опасеніи отъ русскихъ войскъ. А на счетъ царскаго величества войскъ въ предбудущее лѣто у крымскихъ татаръ, отъ взятыхъ ими языковъ, ходитъ такая молва, что если настанетъ весна, то русскіе двинутся всѣми силами на Крымъ, и татары очень опасаются того. Поэтому ханъ отдалъ приказъ всѣмъ своимъ ордамъ въ полной готовности быть: кромѣ того, къ приходу русскихъ войскъ ханъ надѣется заручиться помощью отъ напскихъ (sic) ногайцевъ, горскихъ черкесъ и бѣлогородскихъ татаръ; а придутъ-ли еще къ крымцамъ калмыки, о томъ неизвѣстно никому. Правда, раньше этого времени послы калмыцкіе часто пріѣзжали въ Крымъ, да и теперь калмыцкій посолъ съ отрядомъ въ 1000 человѣкъ и съ 3000 для продажи коней въ Бѣлогородчину пошелъ, но какія цѣли имѣетъ онъ, также неизвѣстно никому. Отъ турскаго султана крымцы помощи не ждутъ, потому что турскій султанъ едва-ли будетъ въ состояніи самъ себя «очиститъ»

[1]) Архивъ мин. ин. дѣлъ; мал. дѣла, 1689, св. 79, № 2.

отъ цесарскихъ войскъ. На хлѣбъ у крымцевъ въ прошломъ году былъ урожай и въ немъ они скудости не имѣютъ никакой. Въ такомъ-же положеніи находится и жители Кызыкерменя, Шахкерменя (Шагинкерменя) и другихъ турскихъ городовъ: около нихъ строенія и починокъ нѣтъ никакихъ [1]).

Прибывшимъ къ Москву запорожскимъ посланцамъ дано было по пріѣздѣ на харчи: денегъ 1 рубль, вина 3 верда, меду 3 ведра, пива 8 ведеръ; потомъ по докладу князя Василія Голицына выдано было на харчи: денегъ 1 рубль, вина и меду по 4 ведра, пива 12 ведеръ. Для выдачи-же продовольствія на послѣдующіе дни взяли во вниманіе роспись, представленную въ октябрѣ и ноябрѣ мѣсяцахъ, когда въ Москву пріѣзжали запорожскіе посланцы Матвѣй Батага и Яковъ Гусакъ съ плѣнными татарами. Разсмотрѣвъ поданную роспись великіе государи, января 13 дня, приказали выдать Семену Гандженку и всѣмъ его товарищамъ въ такой мѣрѣ продовольствіе, какое выдано было Якову Гусаку. А именно: Семену по 2 алтына, козакамъ по 10 денегъ, вина Семену по 3 чарки, меду и пива по 3 кружки; козакамъ вина по 2 чарки, меду и пива по 2 кружки на день. На отпускѣ дано: Семену денегъ 6 рублей, сукна аглинскаго 5 аршинъ, тафты 5 аршинъ, пару соболей въ 2 рубля; козакамъ денегъ по 3 рубля, сукна по одному аглинскому, соболей по парѣ въ два рубля. Въ дорогу поденнаго корму на 3 недѣли по тому-же, по чему имъ давано на Москвѣ, да данъ купленный въ ряду осетрикъ; кромѣ того, питья по два ведра пива и вина. А на пріѣздѣ, какъ были запорожскіе посланцы у руки великихъ государей, въ тотъ день данъ имъ кормъ вмѣсто стола съ поденнымъ вдвое. Для топленія избы и для приготовленія кушаньевъ давалось имъ по возу дровъ на недѣлю да для вечерняго сидѣнія по двѣ деньги сальныхъ свѣчей на сутки [2]).

Въ день отъѣзда изъ Москвы запорожскіе посланцы получили двѣ царскихъ грамоты для передачи ихъ гетману Мазепѣ и кошевому атаману Гусаку. Въ грамотѣ къ Мазепѣ государи «похваляли» гетмана за его вѣрную службу и за «присланіе взятыхъ въ плѣнъ татаръ и приказывали написать отъ себя къ кошевому атаману и всему войску съ тѣми-же запорожцами письмо съ наказомъ чинить надъ турскими и крымскими людьми всякіе промыслы, доносить

[1]) Архивъ мин. ин. дѣлъ: мал, дѣла, 1689, св. 79, № 2.
[2]) Архивъ мин. ин. дѣлъ; мал. дѣла, 1689, св. 79, № 2

о всѣхъ воинскихъ поведеніяхъ гетману малороссійскихъ козаковъ и, согласно прежнимъ царскимъ указамъ, оказывать полное повиновеніе ему. Въ грамотѣ къ кошевому атаману Гусаку высказывалась такая-же похвала низовымъ запорожскимъ козакамъ за ихъ вѣрную службу великимъ государямъ и также предписывалось, на сколько Богъ подастъ помощи, промышлять надъ турскими и крымскими людьми [1]).

Въ то время, когда цари и гетманъ Мазепа всякими мѣрами старались удержать возлѣ себя запорожскихъ козаковъ, въ это-же самое время на нихъ простирали взоры свои и мусульманскіе сосѣди ихъ. Такъ, въ началѣ декабря мѣсяца пришло отъ кызыкерменскаго бея Тимуръ-шаха-мурзы къ кошевому атаману Ивану Гусаку письмо, которое произвело немалое смятеніе въ средѣ козаковъ. Письмо это прислано было съ видимою цѣлью размѣна плѣнныхъ татаръ на плѣнныхъ козаковъ, но съ дѣйствительною цѣлью завязать сношеніе съ войскомъ низовымъ: турки знали о приготовленіяхъ русскихъ ко второму походу на Крымъ и потому хотѣли заручиться союзомъ съ запорожцами противъ нихъ [2]). Запорожцы поняли, разумѣется, настоящую цѣль присылки письма, и потому многіе изъ нихъ приняли кызыкерменскаго гонца далеко не такъ равнодушно, какъ слѣдовало того ожидать. Собравшись на общую раду въ Сичи, они стали шумѣть и кричать: одни говорили, что было-бы весьма хорошо для войска заключить съ Крымомъ мирный договоръ и тѣмъ открыть съ татарами свободный торгъ; другіе, напротивъ того, доказывали, что крымцамъ вѣрить нельзя, а нужно съ ними воевать. Послѣдніе ждали, что жившій въ ту пору въ Запорожьѣ начальникъ русскихъ войскъ, Григорій Косаговъ, поведетъ козаковъ на Крымъ и откроетъ съ татарами войну. Не для чего иного построенъ и Новобогородицкій городокъ, какъ для борьбы съ врагами святого креста. Но надежды на Косагова по прежнему оставались для запорожцевъ все еще одной мечтой, и все Запорожье сильно волновалось чрезъ то: «Насъ просто обманываютъ,—говорятъ, будто крѣпость построена для военнаго времени, а на войну не идутъ, и выходитъ, что ее построили только въ досаду намъ» [3]). Однако, къ серьезнымъ по-

[1]) Архивъ мин. ин. дѣлъ; мал. дѣла, 1689, св. 79, № 2.

[2]) Архивъ мин. ин. дѣлъ; мал. подл. акты, 1688, св. 6, № 586—567.

[3]) Архивъ мин. ин. дѣлъ; мал. дѣла, подл. мал. акты, 1688, № 575—594.

слѣдствіямъ это волненіе, какъ и большая часть всѣхъ подобныхъ волненій среди запорожскихъ козаковъ, не привело, тѣмъ болѣе, что съ наступленіемъ весны 1689 года русскіе цари безотлагательно рѣшили предпринять второй походъ на Крымъ.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Второй походъ русско-козацкихъ войскъ на Крымъ.—Движеніе русско-козацкихъ войскъ къ Перекопу и возвращеніе ихъ назадъ чрезъ рѣчку Бѣлозерку къ рѣкѣ Самарѣ.— Бунтъ иноковъ Самарско-Николаевскаго монастыря и усмиреніе ихъ русскими войсками.— Построеніе русскими новой крѣпости выше Вольнаго брода на рѣкѣ Самарѣ.—Посольство отъ крымскаго хана къ запорожскимъ козакамъ съ мирными предложеніями.—Удаленіе князя Голицына изъ Запорожья и отвѣтъ запорожцевъ крымскому хану.—Недовольство гетмана Мазепы на запорожцевъ за сношеніе ихъ съ ханомъ.—Сношеніе запорожскихъ козаковъ съ польскимъ королемъ.—Волненіе и моровая язва въ Запорожьѣ.—Установленіе дружескихъ отношеній между гетманомъ Мазепой и запорожскими козаками.— Приготовленія запорожцевъ къ борьбѣ противъ бусурманъ.

Не смотря на печальный результатъ перваго похода русскихъ на Крымъ, московское правительство не думало оставлять мысли о борьбѣ съ ханомъ, и въ 1689 году снова двинуло свои войска, въ числѣ 112.000 человѣкъ, противъ татаръ. Въ этомъ походѣ принимало участіе и войско запорожскихъ низовыхъ козаковъ. И на этотъ разъ начальникомъ русскихъ войскъ назначенъ былъ князь Василій Васильевичъ Голицынъ, но гетманомъ малороссійскихъ козаковъ былъ уже не Самойловичъ, а Иванъ Мазепа, а кошевымъ атаманомъ запорожскихъ козаковъ состоялъ Иванъ Петровичъ Гусакъ, смѣнившій собой Филона Лихопоя. Иванъ Гусакъ еще въ апрѣлѣ мѣсяцѣ, 11 числа, сообщилъ гетману пріятную вѣсть о разбитіи цесарцами турокъ подъ Адріанополемъ и въ слѣдъ за этимъ сообщеніемъ поспѣшилъ выступить со своимъ войскомъ въ помощь русско-козацкимъ полкамъ [1]). На этотъ разъ путь военачальниковъ шелъ черезъ рѣки—Орель, Самарь, Карачокракъ, Бѣлозерку и Канрку, далѣе черезъ Овечьи-Воды, Зеленую и Черную долину и Каланчакъ [2]). Во время пути русско-козацкія войска выдержали два сраженія—одно пройдя Зеленую долину, мая 14 дня;

---

[1]) Архивъ мин. ин. дѣлъ, малороссійскія дѣла, 1689, св. 80, № 22.

[2]) Собраніе госуд. грам. и дог., IV, 662—605, 541. 563, 564, 593.

другое въ Черной долинѣ, мая 16 дня. Вѣроятно, къ этому же времени нужно отнести показаніе козака «сѣчинского» полка, уроженца города Кишенки, Юшки Гаврилова [1]) о дѣйствіи сѣчинского полковника Лугинскаго, ходившаго изъ Запорожья съ московскими полками подъ Перекопъ, о возвращеніи его изъ-подъ Перекопа назадъ, о хожденіи самого Юшки Гаврилова съ товарищами для загона лошадей подъ городъ Кызыкермень и о взятіи его тамъ съ двумя козаками въ турецкій полонъ [2]).

---

[1]) Архивъ мин. ин. дѣлъ. мал. дѣла, 1700, св. 5, № 56.

[2]) Въ высшей степени интересна и поучительна дальнѣйшая судьба козака Юшки Гаврилова. Захваченный подъ Кызыкерменемъ, онъ привезенъ былъ въ самый городъ и въ одну ночь проданъ былъ въ Крымъ къ одному татарину въ деревню Охмечъ. Проживъ у того татарина всю зиму, Юшка бѣжалъ отъ него великимъ постомъ, шелъ 5 дней и когда былъ уже у Перекопа, то тутъ былъ настигнутъ погоней и привезенъ къ прежнему своему хозяину, который продалъ его за Бахчисарай, въ село Кашкіумъ. Въ томъ селѣ Юшка прожилъ 2 года въ работѣ, потомъ бѣжалъ къ Черному морю, на Балаклу, къ корабельной пристани, но на пути былъ пойманъ и отданъ на корабль. На кораблѣ Юшка прибылъ въ Царьградъ, прожилъ тамъ 2 мѣсяца и былъ проданъ за Бѣлое (Мраморное) море подъ городъ Магалычъ, къ пашѣ, по имени Цапу. Проживъ мѣсяцъ у того паши, ушелъ съ тремя полоняниками изъ его села, шелъ 4 недѣли пустымъ мѣстомъ и пришелъ въ турецкій городъ Чандаръ, но тамъ былъ пойманъ и сидѣлъ въ оковахъ два мѣсяца, пока въ тотъ городъ не явился паша Цапъ, который всѣхъ трехъ бѣглецовъ выкупилъ за 50 ефимковъ, отвезъ ихъ въ свое село и держалъ всю зиму «въ великомъ мученіи». Весной Юшка съ тѣми же полоняниками снова ушелъ и прибѣжалъ къ городу Дерменяжи, но тамъ изловили ихъ караульщики и отдали городскому воеводѣ Магомету, у котораго они просидѣли цѣлый мѣсяцъ скованные желѣзомъ. Отъ паши Юшка, въ ночное время, снова бѣжалъ изъ-подъ караула, шелъ 15 дней и дошелъ до какого-то села, но тамъ былъ пойманъ, привезенъ къ прикащику Мустафѣ и прожилъ въ его селѣ скованнымъ 1 мѣсяцъ. Отъ Мустафы онъ былъ взятъ къ прежнему воеводѣ Магомету, который, оковавъ его, билъ и мучилъ его, но когда Юшка отъ тѣхъ побоевъ заболѣлъ, то онъ освободилъ его отъ желѣзъ и продалъ за 90 ефимковъ пашѣ Генжу, посланному отъ турецкаго султана для сбора всякихъ поборовъ. Съ пашой Юшка ходилъ 3 лѣтнихъ мѣсяца, потомъ посланъ былъ въ его отчину, жилъ въ той отчинѣ до Петрова дня, послѣ чего бѣжалъ и шелъ полтретья мѣсяца и пришелъ къ заставѣ, которая поставлена для поимки бѣглыхъ полоняниковъ, на той заставѣ былъ пойманъ и скованъ оковами. Тамъ было большое число полоняниковъ и отъ великой нужды и голода 12 человѣкъ изъ нихъ при Юшкѣ умерли. Отъ той заставы Юшку послали въ какую-то деревню, гдѣ онъ жилъ до великаго поста. Изъ деревни послали его продать въ западную сторону, въ городъ Кушакшатеръ и продали какому-то хозяину, который его билъ и постоянно на работу посылалъ.

Мая 20 дня соединенныя русско-козацкія войска были уже у Перекопа, и хотя второй походъ ихъ на Крымъ не былъ такъ несчастливъ, какъ первый, но все же результаты его были слишкомъ невелики: простоявъ у Перекопа нѣсколько времени въ тщетной надеждѣ на предложеніе мира со стороны татаръ, русско-козацкія войска повернули отъ Крыма назадъ. Іюня 1 дня князь Голицынъ достигъ рѣчки Бѣлозерки, лѣваго протока Днѣпра, и расположился лагеремъ въ виду запорожской Сѣчи, желая дать отдыхъ своимъ войскамъ. Простоявъ у рѣчки Бѣлозерки въ теченіе нѣсколькихъ дней, Голицынъ снялся съ лагеря и поднялся выше въ степь. Іюня 12 дня онъ дошелъ до рѣчки Самары и остановился въ виду Новобогородицкаго городка.

Въ это время произошло печальное дѣло осады русскими войсками Самарско-николаевскаго запорожскаго монастыря. Запорожскіе козаки, наружно примирившіеся съ мыслью о построеніи на рѣкѣ Самарѣ русскихъ городковъ, въ душѣ не переставали, однако, возмущаться противъ московскаго правительства за построеніе ихъ, и въ этомъ усердно поддерживали козаковъ иноки Самарско-николаевскаго монастыря. Возмущеніе противъ русскихъ поднято было какимъ-то монахомъ изъ польскихъ шляхтичей и подготовлено еще раньше возвращенія Голицына изъ второго похода на Крымъ. Съ возвращеніемъ же изъ Крыма князь Голицынъ рѣшилъ искоренить всякую мысль о враждѣ иноковъ къ русскимъ и велѣлъ обложить войсками кругомъ весь монастырь. Тщетно кошевой атаманъ Иванъ Гусакъ хлопоталъ у Голицына и у его любимца гетмана Мазепы о помилованіи иноковъ, русскія войска, не смотря на всѣ просьбы кошевого Гусака, «облегли крѣпкимъ облежаніемъ» весь монастырь. прекратили всякій выходъ изъ него монахамъ и входъ въ него постороннимъ лицамъ, захватили въ свои руки всю монашенствующую

Проживъ у того хозяина лѣто, Юшка отъ него бѣжалъ, шелъ два мѣсяца и пришелъ къ городу Манцу и жилъ въ деревнѣ въ неволѣ полтретья года и изъ той деревни снова убѣжалъ, шелъ два дня и пришелъ въ турецкій городъ Смирну надъ Бѣлымъ моремъ, къ корабельной пристани, на голландскій корабль. Изъ Смирны на томъ кораблѣ онъ пришелъ въ Испанію и оттуда прибылъ въ городъ Амстердамъ, а изъ Амстердама, наконецъ, добрался въ 1700 году, въ іюнѣ мѣсяцѣ, въ Россію, въ городъ Архангельскъ. И въ голландской земли и идучи моремъ на кораблѣ его, Юшку, за полонное терпѣніе, кормили и поили и провозу съ него не взяли». Архивъ министерства ин. дѣлъ, малороссійскія дѣла, связка 5, № 56.

братію и подвергли ее жестокимъ пыткамъ и истязаніямъ. Послѣ этого благосостояніе Самарско-николаевскаго монастыря надолго пало и изъ стѣнъ его немало разбѣжалось иноковъ, искавшихъ себѣ спасенія въ дальнихъ отъ Запорожья странахъ и въ безопасныхъ отъ всякихъ нападеній обителяхъ [1]).

Въ это-же время князь Василій Голицынъ, стоя въ Новобогородицкой крѣпости, отдалъ приказаніе построить на рѣкѣ Самарѣ, въ урочищѣ Сорокъ-Байраковъ, выше Вольнаго брода, обыскавъ мѣсто, новый городъ «со всѣми городовыми крѣпостями и съ оборонною отъ непріятелей твердынею, въ которой бы крѣпости могло построиться и жить, кромѣ воеводского двора и церковного мѣста, и казенныхъ и зелейныхъ амбаровъ и погребовъ, 500 человѣкамъ ратнымъ людямъ пѣшого строя» [2]).

Городъ этотъ заложенъ былъ, послѣ осмотра мѣстности полковникомъ Вильямомъ фонъ-Заленомъ, іюня 20 дня, 1689 года и окончен іюля 18 дня того-же года. Онъ построенъ былъ рейтарами и солдатами подъ руководствомъ воеводы Ивана Волынскаго и дьяка Макара Полянскаго «на угожомъ и оборонномъ мѣстѣ, у водъ, родниковъ, лѣсовъ, сѣнныхъ покосовъ, ровныхъ и хлѣбородныхъ полей». Въ немъ возведены были: воеводскій дворъ, приказная изба, казенный погребъ, для полковыхъ и хлѣбныхъ припасовъ амбары, 50 для служилыхъ людей избъ, а по угламъ сдѣланы были особые выводы. Вокругъ города сдѣланъ былъ ровъ и вокругъ рва земляной, въ 600 саженъ длины, отъ поля, валъ или окопъ; по тому валу устроены были караульныя и проѣздныя съ верхнимъ боемъ башни и поставлены рогатки, а по горѣ, отъ рѣки Самары, подѣланы надолбы; по стѣнамъ поставлено было 50 раскатовъ, а съ двухъ противоположныхъ сторонъ устроено было двое, по двѣ сажени ширины, воротъ. Мѣрою весь городъ тотъ 376 саженъ безъ 12 вершковъ; вышина городовой стѣны въ поивѣ (подошвѣ) 8 саженъ; высота до щита—2 сажени; щитъ по стѣнѣ высоты съ лицевой стороны ½ сажени, съ внутренней стороны—1 сажень; всей вышины городовой стѣны со щитомъ полутретьи сажня. «А отъ города къ рѣкѣ Самарѣ, по обѣимъ сторонамъ рѣки лѣсъ большой и учиненъ заповѣдникъ внизъ рѣки по Великій курганъ, что ниже Вольного брода, а вверхъ по Великій

---

[1]) Θеодосій, Самарско-николаевскій монастырь, Екатеринославъ, 1873, 18.
[2]) Собраніе государ. грамотъ и договоровъ, Москва, 1828, IV, 605

буеракъ и по лѣсокъ, который вышелъ изъ большого лѣса въ тотъ Великій буеракъ».

По приказу князя Василія Голицына, этотъ городъ названъ почему-то Новосергіевскимъ городкомъ [1]). У лѣтописца Самоила Величка подъ 1690 годомъ упоминается на рѣкѣ Самарѣ городокъ Вольный или Новосергіевскій [2]), и этотъ Вольный городокъ, очевидно, и есть новый городъ Голицына, построенный «на рѣкѣ Самарѣ, у Вольнаго брода».

Земляныя укрѣпленія этого городка сохранились еще и до настоящаго времени, на правомъ берегу Самары, выше села Вольнаго, екатеринославской губерніи, новомосковскаго уѣзда, и носятъ общее названіе у мѣстныхъ жителей «городка» [3]).

Іюня 24 дня гетманъ Иванъ Мазепа, оставивъ рѣку Самару, ушелъ со своими козаками въ Гетманщину, а черезъ три дня послѣ отхода гетмана изъ Запорожья оставилъ рѣку Самару и князь Василій Голицынъ.

Съ возвращеніемъ русско-козацкихъ войскъ отъ Перекопа къ рѣкѣ Самарѣ Новобогородицкой крѣпости оставлены были всѣ «государскіе хлѣбные и боевые запасы»—возы, пушки, порохъ, пули,—и съ этого времени крѣпость Новобогородицкая надолго сдѣлалась мѣстомъ для постояннаго резерва московскихъ войскъ въ борьбѣ съ турками и татарами и частію съ войскомъ низовыхъ козаковъ [4]).

Итакъ, ни первый, ни второй походъ русскихъ на Крымъ не увѣнчались успѣхомъ и помимо безславія русскому оружію принесли много безполезныхъ денежныхъ затратъ и привели къ потерѣ

---

1) Архивъ мин. ин. дѣлъ, мал. дѣла, 1688—1689, св. 77, № 86.

2) Величко, Лѣтопись, Кіевъ, 1855, III, 88.

3) У Костомарова (Мазепа СПБ., 1885, 15, 30) Вольный городъ смѣшанъ съ Новобогородицкимъ, какъ это видно изъ того, что мѣстоположеніе Вольнаго у него пріурочено къ мѣстоположенію Новобогородицкаго. Оттого Костомаровъ, говоря о возвращеніи Голицына изъ второго крымскаго похода вовсе не говоритъ о построеніи имъ города у Вольнаго брода. По Костомарову этотъ городъ возникъ послѣ перваго крымскаго похода и есть тотъ же городъ, что и Новобогородицкъ; а между тѣмъ въ подлинномъ на этотъ счетъ актѣ сказано ясно, что князь Голицынъ, возвратившись изъ второго похода на Крымъ, пришелъ въ Новобогородицкую крѣпость, и находясь въ ней, отдалъ приказаніе построить городъ выше Вольнаго брода.

4) Величко, Лѣтопись, Кіевъ, 1855, III, 84.

большого числа людей. Однако, для самой Москвы эти походы не могли имѣть такого рѣшающаго значенія, какъ для Украйны и въ особенности для Запорожья: Москва сильна была и своимъ правительствомъ, и своими военными силами, и своимъ значительнымъ разстояніемъ отъ Крыма. Не въ такомъ положеніи было Запорожье: близость сильнаго врага и отсутствіе значительныхъ боевыхъ силъ поставили запорожскихъ козаковъ въ очень незавидное положеніе послѣ двукратной неудачи русскихъ въ Крыму и послѣ послѣднихъ отхода изъ Запорожья въ Москву. Оттого съ этого времени мы видимъ колебаніе запорожскихъ козаковъ то въ одну, то въ другую сторону: съ одной стороны запорожцы выказываютъ несомнѣнную склонность къ московскимъ царямъ и желаютъ твердо стоять за нихъ противъ мусульманъ; съ другой стороны, боясь турокъ и татаръ, они входятъ въ мирную сдѣлку съ бусурманами и выступаютъ противъ интересовъ московскихъ царей. Понятно, что считать запорожцевъ за такой ихъ образъ дѣйствій измѣнниками русскаго царя нельзя, а надо, глядя на такія дѣйствія ихъ, помнить истину, что всякому человѣку ближе всего свой интересъ, и съ этой точки зрѣнія судить ихъ. Такъ запорожцы дѣйствительно и представляли себѣ свое положеніе послѣ печальнаго похода русскихъ на Крымъ. Къ тому-же передъ глазами у нихъ былъ Новобогородицкій городокъ, гдѣ засѣли московскіе воеводы и московская рать, представители иныхъ, чѣмъ въ Запорожьѣ, порядковъ и началъ.

Когда русскія и украинскія войска повернулись назадъ, Иванъ Гусакъ проводилъ князя Голицына до рѣчки Бѣлозерки, откуда самъ поспѣшилъ въ Сѣчу. Въ Сѣчь въ это время прибылъ гонецъ съ листомъ отъ крымскаго хана, и кошевой атаманъ собралъ по тому поводу войсковую раду для чтенія присланнаго листа. Въ листѣ ханъ предлагалъ запорожскимъ козакамъ мировую, а за то давалъ имъ два обѣщанія: «Которая была ихъ козачья вотчина на рѣкѣ Самарѣ и гдѣ нынѣ поставленъ городъ, они, крымцы, имъ, козакамъ, поступаются; по рѣчкамъ и въ степяхъ по самое Чермное (т. е. Черное) море всякими угодьи, и въ тѣхъ угодьяхъ по рѣчкамъ и по лугамъ звѣриною и рыбною ловлями (заниматься) и по соль ходить повольно и безопасно». Но какъ ни заманчиво было предложеніе хана, запорожцы, выслушавъ ханское письмо, оставили его на тотъ часъ безъ всякаго отвѣта и мирно отпустили ханскаго

гонца въ Крымъ [1]). Въ то время, въ виду близости русской армiи, ни кошевой атаманъ, ни все запорожское войско не могли иначе и поступить. Но послѣ отхода гетмана и князя изъ предѣловъ Запорожья у козаковъ свободно развязались руки, и они ясно представили себѣ свое незавидное положенiе: предоставленные собственнымъ силамъ, запорожцы должны были выносить всю тяжесть отъ наступленiя со стороны мусульманъ на собственныхъ плечахъ. Мусульмане-же, счастливые двойною неудачей русскихъ во время ихъ похода на Крымъ и оттого гордые сознанiемъ собственнаго величiя, естественно могли думать о походѣ на Украйну и изъ Украйны на южные города московскихъ царей. Въ такомъ случаѣ они могли обрушиться всею массой своихъ ордъ прежде всего на запорожскихъ козаковъ. И запорожцы, для того, чтобы отвратить отъ себя страшную грозу, уже тотчасъ послѣ отхода князя Голицына изъ Украйны рѣшили воспользоваться недавнимъ предложенiемъ крымскаго хана и вступить съ нимъ въ мирный договоръ. Исполненiе этого порученiя возложено было на атамана незамайковскаго куреня Процика или Прокопа Лазуку. Съ этою цѣлью въ Сичи собрана была войсковая рада и на той радѣ составленъ былъ листъ съ условiями мира между Запорожьемъ и Крымомъ. Условiя мира были таковы: крымцы должны дать обѣщанiе, что они не будутъ препятствовать запорожцамъ «промышлять всякими промыслами по всѣмъ рѣчкамъ, лугамъ и угодьямъ безъ всякаго вредительного опасенiя» со стороны татаръ. Запорожцы въ замѣнъ того даютъ обѣщанiе не мѣшать крымцамъ, когда ханъ самъ пойдетъ съ ордой или вмѣсто себя пошлетъ своихъ салтановъ и мурзъ подъ украинные города московскихъ царей [2]).

Посланный съ этими условiями мира въ Крымъ атаманъ Процикъ Лазука имѣлъ тамъ полный успѣхъ: ханъ совершенно принялъ предложенiе запорожцевъ и отправилъ въ Сичь вмѣстѣ съ запорожскимъ посланцемъ одного мурзу и 20 янычаръ съ письмомъ къ кошевому атаману и ко всему войску низовыхъ козаковъ: «И въ то время запорожцы о томъ миру противъ того письма (ханскаго) межъ себя вѣрились: запорожцы цѣловали крестъ, а мурзы съ янычары за хана шертовали на куранѣ (приносили присягу

---

[1]) Архивъ мин. юстицiи, 1689, л. 177—182; Устряловъ, Исторiя Петра Великаго, I, 220, 221, 224, 237, 367, 372, 376, 377.

[2]) Архивъ мин. юстицiи; стол. моск. ст., 1688—1689, № 179, л. 177—182

на коранѣ). И былъ тотъ мурза съ янычарами въ Сѣчѣ дня съ четыре, изъ Сичи отпущенъ въ Крымъ съ честью. И нынѣ запорожцы по той присылкѣ съ ханомъ и съ татары въ миру и подъ турскіе и крымскіе города для здобычи не ходятъ» [1]).

Когда гетманъ Мазепа узналъ о мирѣ, происшедшемъ между запорожскими козаками и крымскимъ ханомъ, то онъ прибѣгъ къ самой рѣшительной и раціональной въ такихъ случаяхъ мѣрѣ: онъ издалъ запретъ всѣмъ малороссіянамъ провозить изъ Украйны въ Запорожье хлѣбные и другіе продовольственные запасы и отрѣзалъ доступъ запорожцамъ въ города Малороссіи.

Послѣ этого положеніе запорожцевъ сразу оказалось столь незавиднымъ, что имъ ничего другого не оставалось дѣлать, какъ изворачиваться и просить снисхожденія у гетмана. Кошевой атаманъ Иванъ Гусакъ, и раньше того неособенно сочувственно относившійся къ мирной сдѣлкѣ запорожцевъ съ крымскимъ ханомъ, потомъ согласившійся на то лишь подъ давленіемъ всей козацкой массы, теперь написалъ Мазепѣ письмо, августа 11 числа, 1689 года, и въ томъ письмѣ увѣрялъ гетмана «въ своей сердечной и истинной вѣрности и правдѣ служить царскому пресвѣтлому величеству» и въ полной готовности со стороны козаковъ «полагать молодецкія головы и проливать кровь христіанскую за престолъ монаршескій». Письмо послано было въ городъ Батуринъ черезъ козаковъ Каплинца и какого-то Максима, козака сергѣевскаго куреня. Кошевой просилъ гетмана ходатайствовать передъ великими государями о присылкѣ низовому войску милостиваго жалованья и съ своей стороны дозволить пропускъ хлѣбныхъ запасовъ изъ городовъ Украйны въ Запорожье. За такую милость Гусакъ отъ всего войска обѣщалъ не переставать чинить промыслъ надъ непріятелемъ креста Господня и въ знакъ своей вѣрности доносилъ гетманской вельможности, что христіанскій цесарь побѣдилъ подъ Адріанополемъ турецкаго султана и едва не взялъ его въ плѣнъ, если-бы султанъ не убѣжалъ въ самый городъ; что цесарь расположился у стѣнъ города, держитъ турокъ въ осадѣ и можетъ взять въ свои руки самый городъ [2]).

Въ отвѣтъ на письмо запорожскихъ козаковъ гетманъ Мазепа отправилъ изъ Батурина въ Сичь подъячаго малороссійскаго приказа

---

[1]) Архивъ мин. юстиціи; ст. моск. ст. 1688—1689, № 479. л. 177—182.
[2]) Архивъ мин. ин. дѣлъ, мал. дѣла, 1689, св. 80, № 22.

Савина съ значнымъ козакомъ Кнышенкомъ и съ двумя запорожцами и черезъ нихъ писалъ кошевому и всему низовому войску о томъ, чтобы они отъ перемирія съ бусурманами, согласно обѣщанію вѣрно служить великимъ государямъ, отстали и начали военный промыслъ противъ нихъ чинить. А такъ какъ въ это-же время къ запорожскому войску послано было царское жалованье черезъ дворянина Никифора Путятина и то жалованье уже дошло до города Сѣвска, но тутъ было задержано, то гетманъ послалъ спросить въ Москву, отсылать-ли ему въ Сичь царское жалованье и собранное съ Переволочанскаго перевоза годовое борошно и отпускать-ли ему запорожскихъ посланцевъ или-же удержать при себѣ до тѣхъ поръ, пока запорожцы не разорвутъ съ Крымомъ мира и не дадутъ обѣщанія начать съ нимъ войну [1]).

Тѣмъ временемъ запорожскіе посланцы Каплинецъ и Максимъ, козакъ сергіевскаго куреня, были уже на пути изъ Москвы и испытали большую непріятность близъ Сѣвска: выѣхавъ изъ города они сперва попасли своихъ коней и потомъ, дождавшись ночи, отправились въ путь. Въ это время на нихъ напали жители деревни Позднешовки, побили запорожскихъ провожатыхъ, отняли у запорожцевъ пожалованную имъ отъ государей бочку меду въ дорогу и выхватили изъ саней сакву, въ которой были жалованный жупанъ червоный, два шелковыхъ плетеныхъ пояса, два вершка (верха для шапокъ) кармазиновыхъ, четыре лота шелку, одна бѣлая рубаха и одни шаровары. Кромѣ этого, по пріѣздѣ въ городъ Батуринъ на тѣхъ-же запорожскихъ посланцевъ напали стрѣльцы полка Спѣшнева и убили двухъ товарищей [2]).

Извѣстіе объ этомъ привело въ сильное негодованіе все Запорожье, и тогда властный Конгъ, недовольствуясь установленными отношеніями съ Крымомъ, рѣшилъ найти себѣ болѣе могущественнаго покровителя, нежели ханъ, и остановилъ свое вниманіе на польскомъ королѣ. Обстоятельства, повидимому, вполнѣ благопріятствовали тому. Въ началѣ августа того же 1689 года Мазепа выѣхалъ изъ Украйны въ Москву, и запорожцы распустили слухъ о томъ, что гетманъ Мазепа будетъ смѣненъ съ уряда и вмѣсто него

---

[1]) Архивъ мин. ин. дѣлъ; мал. подл. акты, 1690, св. 7, № 632—613

[2]) Архивъ мин. ин. дѣлъ; мал. подл. акты, 1690, св. 7, № 642—623,646—627.

«нѣкій иной чинъ имѣетъ быти». Они приглашали къ себѣ торговыхъ людей изъ Украйны и объявляли имъ, что татары козакамъ не враги, что ханъ отпускаетъ всѣхъ недавно взятыхъ на берегу Днѣпра въ полонъ христіанъ. Однако слухъ оказался на половину невѣрнымъ, и въ концѣ сентября гетманъ вернулся на Украйну, и тутъ черезъ преданнаго ему запорожскаго писаря Сажка узналъ о слухѣ, пущенномъ запорожцами на Украйнѣ, а также и о томъ, что запорожцы задумали войти въ союзъ съ польскимъ королемъ и отдаться ему въ протекцію.

И точно, запорожцы надумали не только о союзѣ съ польскимъ королемъ, но даже о подданствѣ ему. Основаніе къ тому имѣлось у нихъ полное. Лучшіе и болѣе прозорливые люди изъ запорожскаго низового войска далеко раньше этого времени задумывались о будущей судьбѣ «матки отчизны» своей. Уже раньше того нѣкоторые изъ запорожскихъ патріотовъ думали о томъ, какъ-бы вырвать Запорожье изъ рукъ Москвы, которая все ближе и ближе подбиралась къ «низовымъ молодцамъ» и шагъ за шагомъ лишала ихъ исконныхъ вольностей, дорогихъ сердцу каждаго козака. Сперва высказана была мысль о томъ, чтобы соединиться съ Турціей, но потомъ остановились на мысли вернуться къ Польшѣ. Ноября 5 дня, 1689 года, запорожцы, собравшись на раду, рѣшили снарядить большую депутацію и отправить ее съ листомъ къ польскому королю Яну Собѣскому. Кошевой атаманъ Гусакъ, человѣкъ съ задатками сильной воли и съ несомнѣнными административно-полководческими дарованіями, своими поступками и смѣлостью нѣсколько напоминавшій знаменитаго кошевого Ивана Сирка [1]), но человѣкъ еще молодой и мало опытный, хотя и былъ противъ такого рѣшенія войска, но подъ конецъ долженъ былъ уступить народной волѣ и принять рѣшеніе рады о посылкѣ письма къ королю. Въ составленномъ по этому поводу письмѣ запорожцы объявляли королю, что Москва нарушаетъ ихъ вольности, что она хочетъ сдѣлать ихъ рабами царей и бояръ и потому просили королевское величество о томъ,

---

[1]) Вѣроятно объ этомъ самомъ Гусакѣ дошло преданіе и до Мышецкаго, который говоритъ, что при кошевомъ Гусакѣ запорожцы имѣли съ турками и съ поляками войны и что еще и нынѣ (1736—1740) у нихъ въ памяти находятся козаки удалыхъ сердецъ и называются Гусаковщина: Исторія о козакахъ, Одесса 1852, 11.

чтобы онъ «привелъ ихъ подъ свою державу», за что обѣщали вѣрно служить ему, какъ служили ихъ дѣды и отцы прежнимъ королямъ. «Пусть святой духъ освѣтитъ сердца вельможностей вашихъ, писали запорожцы польскому гетману, и дастъ вамъ здравый совѣтъ, а наше желаніе таково, чтобы оба народа, польскій и малороссійскій, соединились въ одно». Посланцами отъ низового войска къ королю были куренные атаманы — незамайковскаго куреня Процикъ Лазука и кисляковскаго куреня Забіяка съ двумя-стами человѣкъ рядовыхъ козаковъ. Они снабжены были отъ кошевого атамана проѣзжимъ листомъ и особымъ къ коронному гетману, съ просьбой о покровительствѣ запорожскому войску, письмомъ [1]). Въ числѣ послѣднихъ находился и бывшій стрѣлецъ Ивашка Григорьевъ, раньше того ушедшій изъ Новобогородицка въ Сичь «для гулянья». Находясь нѣсколько времени въ Запорожьи, Ивашка Григорьевъ слыхалъ отъ многихъ козаковъ, что войско запорожское склоняется къ польскому королю потому, что недовольно жалованьемъ, присылаемымъ ему отъ московскихъ царей: по 10 алтынъ да по 2 локтя сукна на человѣка въ годъ, а отъ короля-де польскаго они чаютъ себѣ большей платы» [2]). Но эта жалоба, если она и высказывалась, очевидно шла изъ среды мало мыслящихъ людей, жившихъ лишь интересами дня и вовсе не заглядывавшихъ въ грядущія времена. И точно, въ данномъ случаѣ выдвигался вопросъ чрезвычайной для запорожцевъ важности, который далеко не всѣмъ изъ нихъ могъ вмѣститься въ голову: требовалось спасти вольности отъ притязаній Москвы, которая съ огромными силами уже пробиралась въ Крымъ и если на первый разъ не взяла его, то зато побывала въ самомъ сердцѣ Запорожья, открыла всѣ казацкія нетри, построила на завѣтной всѣмъ козакамъ рѣкѣ Самарѣ городки Новобогородицкій и Новосергіевскій.

О сношеніи запорожцевъ съ польскимъ королемъ гетманъ Мазепа узналъ отъ самого-же запорожскаго посланца, Процика Лазуки. Процикъ Лазука, посланный съ тайнымъ наказомъ отъ кошевого атамана и войсковаго писаря въ Варшаву на сеймъ еще въ декабрѣ мѣсяцѣ, въ «Пилиповскій» (Филиповъ) постъ, не только

---

[1]) Архивъ мин. ин. дѣлъ; мал. подл. акты, 1689, №№ 609—628, 610—629.

[2]) Архивъ мин. ин. дѣлъ; мал. дѣла, 1689, св. 8, № 55, св. 93, № 40; Архивъ мин. юстиціи, столб. моск. стола, № 479, л. 177—182; 1689, кн. 59.

не оправдалъ возложеннаго на него довѣрія, но даже раскрылъ всѣ планы кошевого и самого короля сперва одному своему пріятелю Ѳедору Ельцу и потомъ черезъ него самому гетману Мазепѣ. Ѳедоръ Елецъ, козакъ кіевскаго полка, съ дозволенія своего полковника, ѣздилъ «въ польскую сторону съ торговыми вещами» и пробрался въ самую Варшаву. Въ Варшавѣ онъ увидѣлъ давнишняго своего знакомаго Процика Лазуку, вошелъ съ нимъ въ пріязнь и даже заключилъ на томъ съ нимъ клятву. Процикъ Лазука «ради благочестиваго христіанства» обѣщалъ Ельцу объявить обо всемъ, что скажутъ ему король и коронный гетманъ литовскій, и для того приказалъ ему изъ Варшавы заѣхать въ городъ Немировъ и тамъ ожидать его, Лазуки, прибытія. Въ Немировѣ-же Лазука обѣщалъ дать своему пріятелю и листъ къ коронному гетману отъ запорожскаго войска. Ѳедоръ Елецъ всѣмъ тѣмъ воспользовался, какъ нельзя лучше: онъ свидѣлся съ Лазукой въ селѣ Ковалювцѣ возлѣ Немирова и потомъ самъ былъ доставленъ кіевскимъ полковникомъ Григоріемъ Карповичемъ къ гетману Мазепѣ. Мазепа, тотчасъ по прибытіи къ нему Ельца, немедленно отослалъ его въ Москву и вмѣстѣ съ нимъ послалъ писанное къ нему лично Процикомъ Лазукою изъ Польши письмо. Самъ отъ себя гетманъ писалъ въ Москву, что посланецъ запорожскихъ козаковъ Процикъ Лазука давалъ ему «предосторогу» о непріятельскомъ съ польской стороны противъ великихъ государей намѣреніи, сообщалъ извѣстіе о намѣреніи великаго литовскаго гетмана Сапѣги въ предстоящую зиму исполнить злое намѣреніе поляковъ въ отношеніи русскихъ и прислалъ даже запорожскій листъ, до гетмана короннаго писанный и нарочно имъ, Мазепой, удержанный, въ которомъ «безумное атамана кошевого и писаря объявляется суесловіе» [1]).

Въ слѣдъ за прибытіемъ Ельца пришло къ Мазепѣ письмо и отъ Лазуки. Лазука доносилъ, что, будучи на сеймѣ въ Варшавѣ, онъ слыхалъ самъ-на-самъ отъ короля о томъ, что у нихъ было постановлено. Во-первыхъ, опредѣленно было—сейму не быть въ теченіе семи лѣтъ; во-вторыхъ, рѣшено было, что поляки заключатъ миръ съ ордой втихомолку, а относительно похода на орду пустятъ только одну славу; поляки уже получили городъ Каменецъ,

¹) Архивъ мин. ин. дѣлъ: мал. подл. акты, 1690, іюля 10, св. 7; Архивъ мин. юстиціи, 1690, кн. 57, л. 248.

но распускають слухъ, будто будутъ воевать его мечемъ. Кромѣ того, король изустно сказалъ Лазукѣ о томъ, чтобы запорожцы, дѣти его, немного пообождали, и тогда онъ, какъ благожелательный для своихъ подданныхъ отецъ, отберетъ ихъ къ себѣ. «А что король говорилъ мнѣ (бодай ему не допомогъ Богъ въ томъ!), я сообщу твоей милости тайно отъ другихъ. И слыхалъ я снова изъ королевскихъ устъ, что поляки будутъ около Полоннаго и около Бердичева сѣна робить, тамъ-же будетъ и войско ихъ зимовать, и то будто-бы для того, чтобы ударить на татаръ. Листы тѣ, которые король будетъ посылать, отправляй, милостивый добродѣю, до Сичи тѣмъ-же человѣкомъ, которому я выдалъ ихъ, ибо то умный и опытный человѣкъ [1]). Листъ, который написанъ былъ изъ Сичи до короля, я отдалъ королю; а листъ, который написанъ былъ до польного гетмана, я задержалъ у себя и посылаю его для лѣпшаго уразумѣнія твоей милости. А того человѣка, будь ласковъ, награди, такъ какъ я самъ, покинувъ все въ Немировѣ, не имѣю худобы никакой, ибо, какъ идетъ поголоска, того человѣка, гдѣ-то за городомъ, въ Курчакѣ, татары разбили и чуть было въ неволю не захватили. Изложивъ все это твоей панской милости, остаюсь благожелательнымъ какъ передъ свѣтлымъ государемъ. Тебѣ, милостивому государю, пану и добродѣю, тотъ человѣкъ скажетъ устно очень секретную рѣчь, которую я слыхалъ отъ польного гетмана и своими глазами видѣлъ его. Твоей милости Процикъ Лазука, полковникъ на тотъ часъ будучій» [2]).

Въ Москвѣ уже знали о сношеніяхъ запорожскихъ козаковъ съ Польшей отъ находившагося при польскомъ королѣ русскаго резидента Волкова. Волковъ успѣлъ донести въ Москву о цѣли пріѣзда запорожскихъ посланцевъ въ Варшаву и о результатѣ ихъ миссіи. Посланцы, явившись къ королю, передали ему, что запорожцы не получаютъ отъ Москвы хлѣбныхъ запасовъ, что они сильно стѣснены и не могутъ свободно ходить на низовья Днѣпра за добычей; что это обстоятельство поставило ихъ въ необходимость помириться съ крымскимъ ханомъ, но что они теперь бьютъ челомъ королю, чтобы онъ принялъ ихъ подъ свою оборону и

---

[1]) Разумѣется названный выше козакъ кіевскаго полка Елецъ.

[2]) Архивъ мин. ин. дѣлъ; мал. подл. акты. 1690, іюля 10, св. 7, іюля 11, св. 7, № 701—682.

прислалъ-бы имъ свой указъ о томъ, какъ имъ быть съ московскими царями и крымскимъ ханомъ. Кромѣ того, Волковъ доносилъ, что онъ освѣдомился у короннаго гетмана Яблоновскаго о причинѣ пріѣзда запорожскихъ посланцевъ къ королю, и гетманъ отвѣтилъ, что запорожцы пріѣхали для вступленія въ королевскую службу подъ тѣмъ предлогомъ, что къ нимъ цари не присылаютъ хлѣбныхъ запасовъ и что у нихъ отъ того большой голодъ, но что король ни въ коемъ случаѣ не приметъ ихъ подъ свою протекцію, такъ какъ не желаетъ нарушать мирнаго договора Польши съ Россіей. Отъ тайнаго-же сторонника своего, какого-то подольскаго православной вѣры шляхтича, занимавшаго должность покоёваго при королевской особѣ, русскій резидентъ слыхалъ, что король призывалъ къ себѣ Лазуку и Забіяку и далъ имъ обѣщаніе принять запорожцевъ въ оборону «тайными вымыслами». Имѣя дружбу съ Крымомъ, король всѣми мѣрами старался произвести между городовыми и запорожскими козаками смуту съ тою цѣлью, чтобы всѣхъ вообще козаковъ привести къ себѣ, потому что вѣчный миръ, установленный между Польшей и Россіей, королю невыгоденъ и непотребенъ, — ему жаль городовъ и земель, уступленныхъ московскимъ государямъ [1]).

Процикъ Лазука, возвратившись въ запорожскую Сичу, привезъ съ собой 300 червонцевъ, данныхъ королемъ для раздачи низовому товариству. Объ этомъ немедленно извѣстилъ гетмана Мазепу его тайный сторонникъ Михайло Сажко, запорожскій войсковой писарь [2]). Тогда гетманъ послалъ отъ себя въ Сичь козака Горбаченка и приказалъ ему сойтись съ Процикомъ Лазукой и подробно отъ него разузнать о всѣхъ разговорахъ, которые онъ слыхалъ въ Польшѣ. Процикъ Лазука въ тайной бесѣдѣ съ Горбаченкомъ сообщилъ ему, что запорожскихъ посланцевъ король принялъ съ большимъ почетомъ, что коронный гетманъ увѣщевалъ ихъ служить королю, а самъ король, вручая Лазукѣ 300 червонцевъ для раздачи запорожскому товариству, обѣщалъ прислать потомъ побольше черезъ какихъ-то знатныхъ особъ кіевскихъ. Самъ отъ себя Лазука просилъ Горбаченка передать гетману Мазепѣ, чтобы онъ не вѣрилъ полякамъ: «Изъ того, что я

---

[1]) Архивъ мин. ин. дѣлъ, 1689, св. 93, № 40.
[2]) Архивъ мин. юстиціи, 1689, кн. 69, л. 111.

слыхалъ тамъ отъ коронпаго гетмана и другихъ знатныхъ пановъ, вижу, что они зла желаютъ нашей Украйнѣ» [1]).

Не получивъ такимъ образомъ отъ польскаго короля рѣшительнаго отвѣта, запорожскіе козаки снова вернулись къ вопросу о дружбѣ съ крымскимъ ханомъ и на этотъ разъ рѣшили закрѣпить съ нимъ вѣчный миръ. По этому поводу между товариствомъ образовалось двѣ партіи,—одна партія за союзъ съ Крымомъ, противъ Москвы; другая партія за союзъ съ Москвой, противъ Крыма. Однимъ казалось выгоднѣе быть въ миру съ Крымомъ, чтобы пользоваться добычею соли и рыбы въ крымскихъ озерахъ; другимъ казалось полезнѣе держаться Москвы, чтобы получать отъ царей денежное и хлѣбное жалованье.

Первая партія, однако, взяла верхъ надъ второю, и запорожцы въ началѣ 1690 года вновь вошли въ сношеніе съ крымскимъ ханомъ.

Гетманъ Мазепа, узнавъ о такомъ рѣшеніи, послалъ, января 11 числа, запросъ въ Москву о томъ, какъ ему поступить съ государевой казной, присланной для запорожскаго войска съ запорожскими посланцами, Каплинцемъ и Максимомъ, находящимися въ Батуринѣ.

Казну велѣно было задержать, а запорожскихъ посланцевъ отпустить въ Сичь.

Марта 5 дня гетманъ отпустилъ посланцевъ въ Сичь и съ ними отправилъ гадячскаго сотника Подлѣснаго да батуринскаго козака Даніила Бута съ обширнымъ листомъ оставить «непотребное дѣло» и снова возвратиться къ русскимъ царямъ. Вмѣстѣ съ запорожскими посланцами отпущенъ былъ бывшій кошевой атаманъ Филонъ Лихопой, который, выѣхавъ еще прошлой осенью съ товарищами изъ Запорожья, прожилъ въ теченіе всей зимы на становищахъ въ малороссійскихъ городахъ. Отпуская Каплинца и Филона Лихопоя въ Сичь, гетманъ совѣтовалъ имъ, по прибытіи на Кошъ, объявить всему войску о томъ, чтобы оно, во имя всегдашней своей вѣрности московскимъ государямъ, смѣнило настоящаго кошевого Ивана Гусака и войскового писаря Михайла Сажка и вмѣсто нихъ выбрало другихъ лицъ, а перемиріе съ бусурманами порвало разъ и навсегда. Того требуетъ и честь славныхъ рыцарей низовыхъ и прямая польза ихъ [2]).

[1]) Архивъ мин. ин. дѣлъ; подл. мал. дѣла, 1690 № 680, 682.

[2]) Архивъ мин. ин. дѣлъ, 1690, св. 82, № 18.

«Мои милостивые пріятели и братія, господине атамане кошевой и все старшее и меньшее товариство войска ихъ царского пресвѣтлого величества. Неменьшая печаль и немалая скорбь намъ, гетману и всему войску запорожскому городовому, отъ того происходитъ, что вы, братія наша, то-жъ что и мы, будучи Малой Россіи истинные сыновья, не хочете въ общей съ нами обрѣтатись единомышленности и по присягѣ вашей не радѣете быть у великихъ государей своихъ, ихъ царского пресвѣтлого величества, въ надлежащемъ послушаніи и покорности, но столь далеко забрели въ упрямствѣ своемъ и ожесточились, что обратили всегдашнюю монаршескую милость великихъ государей во гнѣвъ и, не смотря на многократные указы монаршескіе и непрестанныя напоминанія разорвать съ бусурманами миръ, вы все-таки къ удивленію всего христіанскаго міра никакой готовности къ разорванію мира не показали. Напротивъ того, еще не такъ давно, въ присутствіи находившагося въ Запорожьи царского посланного, какъ самъ, ваша милость, атаманъ кошевой, такъ и писарь вашъ Сашка, многое пререканіе чинили противъ монаршеского имени и тѣмъ пресвѣтлымъ монархамъ нашимъ еще большую досаду причинили, и хотя государи, какъ христіанскіе цари, не отмѣнили своего обыкновеннаго милосердія, приказавъ отпустить къ вамъ вашихъ посланныхъ Ивана Каплинца съ товарищами, но все-же ни своего милостивого жалованья, которое уже на дорогѣ находилось, ни хлѣбныхъ запасовъ и перевозныхъ переволочанскихъ денегъ посылать къ вамъ не велѣли. Посланныхъ вашихъ мы безъ задержанія къ вашимъ милостямъ отпускаемъ и съ ними своихъ посланцевъ, съ нашимъ листомъ, сотника полкового гадячского, Тишку Подлѣсного съ товариствомъ посылаемъ и, не теряя надежды на склоненіе сердецъ вашихъ, прилежно и горячо напоминаемъ, чтобы вы, ваша милость, оставивъ неповиновеніе монаршеской волѣ, безотлагательно склонились къ счастливому и похвальному съ непріятелями разрыву и больше съ ними проклятого союза не держали. Еще недавно то было, когда вы, ваша милость, видя учиненное, вслѣдствіе необходимыхъ и уважительныхъ причинъ, монаршеское съ бусурманами перемиріе и не найдя въ томъ для себя никакой корысти, но вспоминая смѣлыя противъ бусурманъ дѣла своихъ предковъ, сами противъ нихъ воспалились, какъ содержится это въ нашей памяти, и хотя снова, ради окупа невольниковъ, чинили съ ними, бусурманами, миръ, однако-же дѣлали то на короткое время и долго не

держали его. А нынѣ, когда всѣ христіанскія государства находятся съ ними въ войнѣ, вы, не стыдясь страха божьяго, не разсудивъ о вашей правдивой христіанской должности, такъ долго и такъ твердо держите съ ними перемиріе, что, не смотря на приказаніе монарховъ своихъ, разорвать не хочете. И не стыдно-ли вамъ, живя подъ своими монархами и защищаясь монаршескою милостью, держаться такого упрямства, которое вмѣсто славы знатную срамоту приноситъ? Для прибыли-ли или для доброй памяти на предбудущіе вѣка вы то дѣлаете, что указа монаршеского, которого, какъ божьяго повелѣнія, всѣмъ намъ надлежитъ слушать, вы не послушали? Уже-ли у васъ нѣтъ такого человѣка, искренне любящаго правду, который-бы далъ вамъ толчекъ, ради исполненія воли монаршеской и распространенія доброй славы вашей, къ чиненію промысла надъ тѣми непріятелями бусурманами? Всѣмъ вамъ, какъ старшимъ, такъ и меньшимъ, достойно было-бы здравымъ умомъ и единомышленнымъ совѣтомъ разсудить о томъ, что то дѣло есть дѣло очень безчестное и въ предбудущія времена на войско срамоту приносящее; когда христіанскіе монархи со своими святыми союзниками непріятелей бусурманъ со всѣхъ сторонъ воюютъ, вы, съ бусурманами братаясь, чините имъ охложденіе и отдохновеніе. Въ самомъ дѣлѣ. пошелъ-бы крымскій ханъ изъ Крыма на помощь упадающему турчанину, если-бы вы въ воинскихъ промыслахъ противъ бусурманъ обрѣтались и если-бы вы къ перемирію, и всему христіанству вредительному, и монархамъ своимъ противному, не пристали? Но когда тѣ непріятели, послѣ многихъ надъ ними отъ христіанъ побѣдъ и безъ вашего имъ вспомоществованія, притѣснены будутъ до конечного разоренія, на что и нужно, при помощи божіей надѣяться, то тогда какъ вы поступать будете и на кого у васъ будетъ надежда въ то время? Польская страна, какъ сами знаете, въ той-же союзной войнѣ противъ бусурманъ обрѣтается и поступка вашего похвалить не захочетъ. А если-бы кто-нибудь (изъ поляковъ) въ томъ и далъ вамъ поблажку, то тутъ самая память вамъ подскажетъ, что если-бы войску запорожскому было хорошо при польской державѣ жить то не было бы надобности и Хмельницкому возставать противъ того. И если вы испортите то, что сдѣлали раньше васъ добрые молодцы, то какова-же изъ того выйдетъ вамъ похвала? И такъ ради будущихъ неудобствъ и страшного безчестья, которое вы себѣ навлечете, вы, ради Бога, ради спасенія вашихъ душъ и

ради цѣлости малороссійского народа, учините послушаніе своимъ пресвѣтлымъ монархамъ, разорвите то свое христіанству вредительное съ непріятелями бусурманами перемиріе; оставьте ту ненадобную отговорку, будто того учинить нельзя ради товариства, на добычахъ обрѣтающагося, ибо я знаю, что тому товариству въ одинъ часъ можно послать предостереженіе, такъ что съ нихъ ни единъ волосъ не пропадетъ. И коль скоро вы то благое и богобоязливое послушаніе учините, тотчасъ мы постараемся о томъ, что вамъ пришлютъ милостивое монаршеское жалованье и отъ насъ борошно и деньги перевозныя; сверхъ того вамъ умножится и на будущія времена монаршеская милость и наша региментарская любовь, и дача особая будетъ дана. А главное изъ того розмирья выйдетъ то, что всѣ христіанскіе народы возрадуются отъ вашего постоянства; если-же къ тому и промыслы свои покажете, то заслужите похвалу всего свѣта, доброю молвой вездѣ расходящуюся. А что посланнымъ вашимъ въ Батуринѣ учинилось печальное дѣло и что тамъ были убиты до смерти два вашихъ товарища, то ради того случая не печальте сердецъ вашихъ, потому что убійство то случилось по одной злобѣ убійцъ, а не по приговору кого-нибудь, и наказаніе тѣмъ убійцамъ, по указу царского пресвѣтлого величества, будетъ по истинѣ и по справедливости»[1]).

Независимо отъ этого гетманъ Мазепа послалъ особыхъ «подлинныхъ людей» въ запорожскую Сичь и въ турецкіе городки для собиранія тамъ точныхъ вѣстей.

Однако, посланцы не принесли гетману никакихъ вѣстей. «Подлинныхъ людей» кошевой совсѣмъ не пустилъ въ городки; Каплинецъ и Лихопой отказались гетману писать Но у Мазепы былъ вѣрный слуга, переволочанскій дозорца Иванъ Рутковскій, который не замедлилъ снестись съ гетманскимъ посланцемъ Бутомъ, находившемся въ Сичѣ, и съ его словъ поспѣшилъ послать Мазепѣ «подлинную» о запорожцахъ вѣсть. Положеніе дѣлъ въ Запорожьѣ, по словамъ Рутковскаго, было таково.

Въ то время, когда Бутъ находился въ Сичи, туда прискакалъ какой-то козакъ миргородскаго полка верхомъ на лошади безъ сѣдла («охлупъ») и объявилъ о томъ, что гетманъ Мазепа собралъ полки для того, чтобы идти противъ татаръ и два полка,

---

[1]) Архивъ мин. ин. дѣлъ, 1690, св. 82, № 18.

полтавскій и миргородскій, имѣлъ послать подъ турецкіе городки; полковники двухъ послѣднихъ полковъ условились собраться на рѣкѣ Ингульцѣ и оттуда идти подъ Кызыкермень. Получивъ такую вѣсть, запорожскіе козаки, собравшись на раду, рѣшили о походѣ малороссійскихъ полковъ подъ Кызыкермень предупредить турецкихъ властей и для этого отправили войсковаго пушкаря съ двумя простыми козаками. Войсковой пушкарь поскакалъ въ Кызыкермень и о грозившей опасности городку объявилъ кызыкерменскому писарю Шабану. Шабанъ написалъ запорожцамъ благодарственное письмо и тутъ-же объявилъ, что мусульмане не боятся встрѣчи съ малороссійскими полками, такъ какъ къ турецкимъ городкамъ скоро будетъ крымскій ханъ, только что одержавшій побѣду надъ нѣмцами въ Венгерской землѣ и теперь направлявшійся къ Кызыкерменскому городку. Платя благодарностью за благодарность, Шабанъ предупреждалъ кошевого Гусака, что на крѣпость Кодакъ идетъ московскій воевода съ полкомъ, но что запорожцы, несомнѣнно, найдутъ себѣ помощь у хана для отраженія ихъ враговъ. Въ то время, когда войсковой пушкарь прибылъ въ Кызыкермень, тамъ находился атаманъ незамайковскаго куреня Иванъ Коваль, хлопотавшій объ отдачѣ какого-то козака Филиппа вмѣсто плѣннаго татарина. Кызыкерменскій бей далъ и войсковому пушкарю и атаману Ковалю по письму отъ себя и отпустилъ ихъ въ Сичъ. Письма были доставлены въ Сичь и прочтены на радѣ, въ присутствіи всѣхъ козаковъ, но запорожцамъ сильно не понравилось то, что ханъ шелъ съ побѣдоноснымъ войскомъ назадъ: они опасались, какъ-бы онъ не обратилъ своего оружія и на самихъ козаковъ. Но тутъ отъ татаръ пришла новая вѣсть, что они дѣйствительно ждутъ къ себѣ хана и не на одних словахъ готовы помогать запорожцамъ: уже и теперь татарская орда, бывъ подъ Чернымъ лѣсомъ и услыхавъ, что запорожцы ждутъ къ себѣ возвращенія отправленнаго къ польскому королю собственнаго посла, которому компанѣйскія войска «заступили» путь, послали отъ себя отрядъ на выручку того посла.

Эта вѣсть совершенно успокоила козаковъ. Но самъ кошевой атаманъ Иванъ Гусакъ или колебался на счетъ истинныхъ намѣреній татаръ или-же хотѣлъ въ отношеніи Мазепы вести независимую политику отъ козаковъ и потому, готовясь отпустить отъ себя гетманскаго посланца Бута, просилъ его передать дозорцѣ Рутковскому, что онъ вовсе не врагъ ни гетмана, ни царя

и если гетманъ пожелаетъ что-нибудь учинить противъ враговъ, то пусть дастъ о томъ вѣсть, и кошевой готовъ будетъ служить гетману и радѣть государямъ. По такому настроенію кошевого Гусака помѣшало одно обстоятельство, происшедшее въ Кызыкерменѣ и сдѣлавшееся извѣстнымъ въ Сичи.

Въ Кызыкермень изъ города Лебедина пріѣхалъ одинъ человѣкъ, по фамиліи Иванъ Гутникъ, и привезъ туда для продажи партію сукна. Явившись къ писарю Шабану, онъ скоро подружился съ нимъ и, подвыпивъ, сталъ говорить, что у него дома есть дѣти, которыя ходятъ въ школу и учатся читать письма и что для науки своихъ дѣтей онъ хотѣлъ-бы получить отъ писаря какіе-нибудь листы, за что готовъ писаря даже и подарить. Писарь Шабанъ, не подозрѣвая въ той просьбѣ никакого дурного умысла, собралъ писанныя къ нему отъ запорожскихъ козаковъ письма и передалъ ихъ Гутнику для его дѣтей. Гутникъ сталъ тѣ письма читать и удивлялся тому, какъ запорожцы величаютъ крымскаго хана. Но случившіеся тамъ запорожскіе козаки услыхали чтеніе своихъ писемъ и сразу поняли коварный умыселъ гетманскаго агента. Гутникъ-же, давъ писарю кинбіякъ (?), поспѣшилъ уѣхать отъ него, направивъ свой путь черезъ запорожскую степь. За нимъ поѣхали и бывшіе въ Кызыкерменѣ козаки. Прибывъ въ Сичь, они объявили въ ней о томъ, съ чѣмъ ѣхалъ черезъ Запорожье лебединскій купецъ, и кошевой атаманъ послалъ за нимъ войсковаго асаула въ догонъ. Но было уже поздно, и Гутникъ оставивъ степь, успѣлъ доставить добытыя имъ письма въ Переволочанскій перевозъ. Тогда кошевой атаманъ, сильно озлобленный такимъ обстоятельствомъ, распорядился не пропускать никого въ Запорожье, безъ предварительнаго обыска, и кромѣ вина и тютюну не позволилъ ничего привозить въ Сичь. Онъ видѣлъ, что по Запорожью вездѣ снуютъ гетманскіе агенты, въ видѣ торговцевъ и купцовъ, и стараются разузнать всѣ тайны запорожскаго войска. При всемъ этомъ гетманъ все-таки успѣлъ разузнать, что запорожцы съ особеннымъ нетерпѣніемъ ждутъ возвращенія своего посла отъ польскаго короля, и что какъ только тотъ посолъ прійдетъ, то они заключатъ съ Крымомъ миръ и пойдутъ войной на Москву: имъ-бы только Полтаву захватить, а тамъ они съумѣютъ всѣхъ къ себѣ привратить. Гетманъ зналъ и то, что не переставая думать о войнѣ, запорожцы вышли по нѣсколько человѣкъ изъ каждаго куреня частію на собственныя рѣчки и побросали

язы для рыбныхъ добычъ, частію на урочище ниже турецкихъ городковъ «съ лсками повольно» [1]).

Пока шли эти объясненія между гетманомъ Мазепой и запорожскими козаками, тѣмъ временемъ крымскій ханъ, возвращаясь изъ похода на Венгерскую землю, пошелъ въ Бѣлогородчину и оттуда направился въ Крымъ. Давъ въ Крыму нѣсколько времени отдохнуть своимъ конямъ, онъ задумалъ, собравъ большія орды, идти мимо Кызыкерменскаго городка чигиринскою стороной на украинные города. Тогда гетманъ Мазепа, получивъ такую вѣсть, собралъ свои полки и вышелъ съ ними сперва къ Гадячу, а потомъ спустился поближе къ Днѣпру, въ городокъ Голтву. Но непріятель, увидя собранные малороссійскіе полки, открытого нападенія сдѣлать не посмѣлъ и послалъ нѣсколько загоновъ подъ Черкасы, Бѣлую-церковь и Синяву да подъ Новобогородицкую крѣпость и другіе самарско-орельскіе городки. Для защиты Новобогородицкаго городка гетманъ поспѣшилъ отправить, марта 9 дня, изъ полтавскаго полка 1000 человѣкъ козаковъ, а самъ отступилъ въ Лубны и послалъ государямъ запросъ какъ ему дальше поступать. Но государи предоставили гетману окончить это дѣло такъ, какъ онъ самъ лучше найдетъ. Тогда гетманъ, продержавъ всю зиму сторожу отъ татаръ, разставилъ по всему берегу Днѣпра, отъ Орели до Кіева, войска въ орельско-самарскихъ городкахъ, Переволочнѣ, Келебердѣ, Кременчукѣ, Потокѣ, Власовкѣ, Городищѣ, Чигиринъ-Дубровкѣ, Жовнинѣ и Еремѣевкѣ,—а самъ вернулся въ Батуринъ, 1689 года, марта 15 дня.

Мазепа былъ убѣжденъ, что непріятели, благодаря взятымъ мѣрамъ, не посмѣютъ дѣлать нападеній на малороссійскіе города. Запорожцы-же, одни безъ татаръ, не казались страшными для гетмана: онъ былъ увѣренъ, что если-бы они и захотѣли внести между малороссійскимъ народомъ мятежъ, то не могли-бы найти сочувствія себѣ. Къ тому-же гетманъ отдалъ всѣмъ полковникамъ крѣпкій приказъ никого изъ городовъ въ Запорожье ни съ борошномъ, ни съ чѣмъ другимъ, ни порожнёмъ для рыбной ловли не пропускать; а если-бы кто пожелалъ идти для рыбныхъ ловель въ рѣку Бугъ или въ рѣчки полевыя или въ озера «на сей сторонѣ Днѣпра, которыя повыше Сѣчи суть», то таковой долженъ давать за себя поруку, что онъ съ той рыбной добычей возвратится безъ

---

[1]) Архивъ мин. ин. дѣлъ, 1690, св. 82, № 18.

замедленія назадъ и ни на какой своевольный путь не пойдетъ Гетманъ взялъ всѣ мѣры и относительно запорожскихъ посланцевъ которые находились подъ Немировымъ, въ обратномъ пути, чтобы ихъ «перенять и въ свои руки загрести»: онъ поставилъ «бдительнаго и нелѣнивого, въ вѣрности извѣстного человѣка» полкового конного асаула Ивана Рубана съ отрядомъ въ нѣсколько сотъ человѣкъ добраго товариства на правой сторонѣ Днѣпра, межъ Чернымъ лѣсомъ и Чигириномъ, куда посламъ лежалъ обратный путь. Асаулу Рубану гетманъ отдалъ строжайшій приказъ «неусыпное око» надъ ними имѣть, всякими способами радѣть, что-бы ихъ въ Батуринъ привести, за что гетманъ отъ имени великихъ государей самому асаулу Рубану и его наслѣдникамъ обѣщалъ великую милость оказать и награжденіе дать [1]).

Московское правительство, похваляя гетмана за его распоряженіе и дѣятельность во время прихода на чигиринскую сторону, татаръ, имѣло, однако, главную мысль о томъ, чтобы такъ или иначе вновь запорожское войско на свою сторону склонить.

Но случившіяся въ то время обстоятельства, не только не благопріятствовали такому стремленію московскаго правительства; напротивъ того, сильно взволновали запорожское войско и поддержали въ немъ враждебное настроеніе противъ Москвы, въ особенности-же противъ гетмана Мазепы. Названные выше запорожскіе посланцы Иванъ Каплинецъ да Максимъ, козакъ сергіевскаго куреня, заявили жалобу сѣвскому воеводѣ Ивану Юрьевичу Неплюеву и гетману Мазепѣ о пограбленіи у нихъ возлѣ Сѣвска разныхъ вещей изъ ихъ личнаго скарба и объ убіеніи двухъ ихъ товарищей, асаула Степана Рудого да козака Леска, изъ которыхъ первый умеръ немедленно, а второй немного спустя, февраля 22 дня, въ Батуринѣ, за Путивльскими воротами, на рогу. Слѣдствіе по убійству тянулось съ февраля мѣсяца до іюня, и по розыску дѣла оказалось, что убійцами запорожцевъ были сиповщики Ѳома Никифоровъ, Андрей Ущой, Михайло Дубовый да Данило Гордѣевъ съ товарищами, всѣхъ девять человѣкъ. Они напали на двухъ названныхъ запорожскихъ козаковъ и одному изъ нихъ въ трехъ мѣстахъ голову пробили, а другого до полусмерти прибили, а платья, снявъ съ нихъ, въ навозъ, противъ войсковыхъ избъ, спрятали. По этому

[1]) Архивъ мин. ин. дѣлъ, 1690, св. 82, № 18.

поводу изъ Москвы пришелъ приказъ сперва пытать порознь каждаго изъ убійцъ, находившихся подъ карауломъ въ Батуринѣ, а потомъ казнить ихъ смертью, если они сдѣлали такое злодѣяніе по умыслу; «буде-же совершили его пьянскимъ обычаемъ», оставить въ живыхъ, но подвергнуть пыткѣ и допросу и потомъ подвергнуть наказанію. Гетманъ Мазепа нашелъ, что убійцы совершили «свое дѣло» въ пьяномъ видѣ и потому, не подвергая ихъ пыткѣ, однихъ изъ нихъ велѣлъ сослать на вѣчное житье на Самарь, другихъ въ Переяславъ. Но первые, вслѣдствіе морового повѣтрія, открывшагося въ то время въ Запорожьи, оставлены были въ Батуринѣ на неопредѣленное время и только вторые отправлены были съ женами и дѣтьми на мѣсто ссылки [1]).

И разбойство русскихъ и самое рѣшеніе по этому поводу со стороны гетмана вызвало у запорожцевъ большое негодованіе и поддержало враждебное настроеніе противъ Москвы.

Въ это-же время произошло и другое обстоятельство, сдѣлавшее немалое волненіе между запорожцами. Въ концѣ апрѣля мѣсяца въ Запорожьи открылось моровое повѣтріе, не прекращавшееся въ теченіе всего лѣта. Отъ того повѣтрія въ Новобогородицкой крѣпости поумирало много московскихъ ратныхъ людей, въ томъ числѣ и самъ воевода крѣпости Алексѣй Ивановичъ Ржевскій съ сыномъ [2]). Сосѣдній съ Новобогородицкимъ городомъ, Новосергіевъ или Вольное, весь вымеръ и навсегда остался въ запустѣніи. Отъ Самары моровое повѣтріе спустилось ниже и коснулось самой Сичи.

Гетманъ Мазепа узналъ о моровомъ повѣтріи, открывшемся въ Запорожьи, отъ своего дозорцы Ивана Рутковскаго, котораго извѣстилъ о томъ, мая 10 числа, 1690 года, китайгородскій сотникъ Семенъ Ревенко.

Въ слѣдъ за моровымъ повѣтріемъ появилась, въ августѣ мѣсяцѣ, въ Запорожьи саранча. Страшная масса ея заслонила солнце, помрачила небо, наполнила воздухъ невыразимымъ смра-

---

[1]) Архивъ мин. ин. дѣлъ; мал. подл. акты, 1690, св. 82, № 18, св. 7, № 689—670.

[2]) Вмѣсто умершаго Ржевскаго присланъ былъ воевода Змѣевъ. По словамъ Величка, сынъ Ржевскаго хотя и пострадалъ отъ болѣзни, но, однако, остался живъ; Мазепа-же доносилъ въ Москву, что вмѣстѣ съ отцемъ умеръ и сынъ.

домъ и задушила своимъ зловоніемъ множество лошадей, воловъ и коровъ [1]).

Узнавъ объ открывшейся въ Запорожьи моровой язвѣ, гетманъ Мазепа поспѣшилъ сообщить о томъ въ Москву. Онъ писалъ, что многіе изъ реймента гетманскаго люди, ужаснувшись моровой язвы, «повтикали» изъ Новобогородицкой крѣпости въ разныя стороны. Многіе изъ великороссійскихъ ратныхъ людей также бѣжали изъ города; они «тулялись» по степямъ, по байракамъ, по лугамъ и по островамъ днѣпровскимъ и въ тѣхъ разныхъ мѣстахъ одни поумирали, другіе, хотя и остались живы, скрывались другъ отъ друга. Тѣла умершихъ оставались долго въ тѣхъ «пустыхъ» мѣстахъ и наводили великій страхъ на живыхъ людей. Въ виду такого страха гетманъ, желая прежде всего сохранить царскую казну въ городѣ Новобогородицкѣ, приказалъ послать въ дикія поля возлѣ города тысячу человѣкъ козаковъ полтавскаго полка и на смѣну его столько же козаковъ миргородскаго полка. Но козаки тѣхъ полковъ, не разъ бывавшіе въ бою съ непріятелемъ, не рѣшались идти на явную смерть въ Новобогородицкъ. Тогда Мазепа распорядился послать за рѣку Орелѣ самого полтавскаго полковника Өедора Жученка. Өедоръ Жученко повиновался волѣ гетмана, но скоро донесъ ему, что половина злосчастнаго города сдѣлалась добычей страшнаго пожара и потому спрашивалъ, какъ поступить ему съ уцѣлѣвшимъ въ немъ имуществомъ. Гетманъ велѣлъ полковнику наблюдать городъ отъ окончательнаго со стороны непріятелей разоренія, а самимъ полчанамъ предписалъ отнюдь не брать никакихъ вещей умершихъ отъ моровой язвы людей, — ни одежды, ни денегъ, которыя бы нашлись въ дикихъ поляхъ и байракахъ; людей «повѣтренныхъ» къ себѣ не пускать, рыбы у запорожскихъ промышленниковъ не покупать [2]).

Это распоряженіе, въ связи съ прежнимъ обстоятельствомъ, еще болѣе возбудило запорожцевъ противъ гетмана Мазепы.

А между тѣмъ московское правительство, уже давно знавшее о намѣреніи запорожскаго войска отдаться подъ протекцію польскаго короля и заручиться постояннымъ союзомъ съ крымскимъ

---

[1]) Величко, Лѣтопись, Кіевъ, 1855, III, 87, 88, 95.

[2]) Архивъ мин. ин. дѣлъ; мал. подл. акты, 1690, св. 7, № 670—651; Акты южной и западной Россіи, V, 238.

ханомъ, рѣшило, во что-бы то ни стало, отклонить запорожцевъ отъ такого дѣла. Гетману Мазепѣ вновь предписано было, чтобы онъ приложилъ всякое стараніе привести запорожцевъ къ послушанію и къ разрыву съ татарами. И гетманъ приложилъ свои старанія, дѣйствуя то увѣщаніями, то деньгами. Въ этомъ случаѣ весьма много помогла Мазепѣ та неустойчивость и въ мысляхъ, и въ дѣйствіяхъ, которая составляла характерную черту козаковъ запорожскаго низового войска и которая обыкновенно проявлялась какъ разъ въ самые рѣшительные моменты ихъ намѣреній: запорожцы всегда любили пошумѣть, наговорить много угрозъ по адресу своихъ зложелателей, любили «покуражиться», какъ они сами говорили о себѣ, а потомъ внезапно смирялись и приходили совершенно къ другому рѣшенію. Такъ у нихъ бывало зачастую. Такъ произошло и на этотъ разъ.

Гетманъ Мазепа, получивъ царское предписаніе, выбралъ самаго ловкаго и самаго хитраго изъ своихъ сподручниковъ, козака Горбаченка и, вручивъ ему письмо и денежные подарки для кошевого атамана и старшины, отправилъ его въ Сичь. Въ своемъ письмѣ Мазепа поздравлялъ все запорожское низовое войско съ праздникомъ свѣтлаго Христова Воскресенія, объявлялъ кошевому атаману Ивану Гусаку о посылкѣ ему подарка въ 20 левовъ, всей старшинѣ въ 8 левовъ на человѣка и за то обращался къ нимъ со словомъ убѣжденія отстать отъ бусурманъ и пристать по прежнему къ своимъ православнымъ царямъ [1]).

Посланецъ прибылъ въ Сичь мая 12 дня и въ тотъ-же день вручилъ войску гетманскій листъ, а кошевому атаману и старшинѣ передалъ гостинецъ левами. Гетманскій листъ, по обычаю войска, прочитанъ былъ на радѣ и черезъ два дня послѣ того на него написанъ былъ отвѣтъ. Въ отвѣтномъ письмѣ запорожцы писали, что гетманъ ничего имъ новаго не сказалъ кромѣ того, чтобы козаки разорвали съ непріятелями миръ и взялись за военный промыселъ противъ нихъ. Убѣждая въ этомъ запорожское товарищество, гетманъ самъ не только для того никакой помощи войску не оказываетъ,—ни деньгами, ни хлѣбнымъ продовольствіемъ, но даже охотнаго люда изъ Украйны на Запорожье не пускаетъ и только сладкими своими обѣщаніями запорожцевъ, точно малыхъ

---

[1]) Архивъ мин. ин. дѣлъ; мал. подл. акты, 1690, св. 7, № 665—646.

дѣтей, утѣшаетъ. Отъ этого онъ краснорѣчиво собой напоминаетъ извѣстную пословицу: «Доки зійде сонце, жебы роса очи ихъ выисть». А чрезъ это можетъ выдти, вмѣсто старой, добытой отвагою добрыхъ молодцевъ, войсковой славы, столь дорогой для всего козацкаго народа, одна пагуба для запорожскаго низового войска. «Много разъ мы писали до вашей вельможности, требуя отъ васъ, чтобы вы прислали намъ все необходимое и все потребное для военнаго предпріятія, денегъ на сторожу, хлѣбныхъ запасовъ на войско, свободнаго къ намъ прохода охочимъ людямъ, но вы, ваша вельможность, того не дѣлали и теперь не дѣлаете, а только, утѣшая своею ласкою, тѣмъ насъ впевняете. Поэтому намъ, не видящимъ отъ васъ никакого вниманія и расположенія, зачѣмъ же власне съ непріятелями розмириться и какое намъ отъ того будетъ потомъ утѣшеніе и награда, развѣ сами себѣ уменьшимъ пожитку? Да и можемъ-ли мы съ нашими малыми силами возстать противъ такого воинственнаго непріятеля? Если, вельможность ваша, потребуете отъ насъ, чтобы мы розмирились съ непріятелями, то намъ нельзя будетъ послѣ этого не только распространиться, но и носа высунуть. Другое дѣло будетъ, когда вы учините досыть все такъ, какъ мы просили въ первомъ и въ теперешнемъ просимъ письмѣ: тогда мы не будемъ больше причинять вамъ въ этомъ дѣлѣ никакого безпокойства. Если-же вы не исполните согласно нашей просьбы, то не утруждайте больше ни себя, ни насъ, и подобныхъ писемъ къ намъ не присылайте. А что пишете, ваша вельможность, о томъ, что пресвѣтлые монархи наши указали быть намъ симъ лѣтомъ на военной службѣ, то мы всегда готовы къ военному промыслу, и за нами это дѣло не станетъ, да и сборовъ намъ большихъ не прійдется чинить: какъ скоро зачуемъ о сближеніи силъ монаршихъ, не замѣшкаемъ того-жъ часу и перемиріе съ непріятелемъ разорвать. А на сей часъ сообщаемъ вѣсти, какія имѣемъ, о непріятельскомъ положеніи: крымскій ханъ находится въ Ядерномъ, вся орда повернула до Крыма, сынъ хана находится въ Бѣлградѣ» [1]).

Къ листу отъ всего запорожскаго низового войска особо приложено было письмо къ гетману Мазепѣ отъ кошевого атамана Гусака и отъ всей «за нимъ» войсковой старшины. Кошевой отъ

---

[1]) Архивъ мин. ин. дѣлъ; мал. подл. акты, 1690, св. 7, № 665—646.

себя и отъ всей старшины благодарилъ гетмана «упавши до ногъ его» за присланные въ подарокъ левы и обѣщалъ съ своей стороны всякимъ добромъ «отдячити и зичливыми услугами отслужити», но при этомъ покорно просимъ гетманскую ясновельможность исполнить просьбу всего запорожскаго низового войска: принять жалобу на урядъ, т. е. на начальниковъ переволочанскихъ: на сотника и на шапара, за то, что они невыносимыя кривды, убытки и бѣдствія людямъ причиняютъ, надъ войскомъ запорожскимъ насмѣхаются, говоря торговымъ людямъ, чтобы они не возили въ Запорожье ничего другого, кромѣ дегтю да горилки. Такія слова— большая скорбь и обида для войска, и кошевой со старшиною проситъ гетманскую вельможность не оставить втунѣ такихъ словъ переволочанскихъ начальниковъ [1]).

Послѣ этого гетману ничего не оставалось сдѣлать, какъ задобрить запорожцевъ. Онъ послалъ имъ, при самомъ любезномъ письмѣ, годовое борошно и деньги съ Переволочанскаго перевоза отъ прошлаго года, обѣщалъ, кромѣ того, прислать денегъ отъ царской казны и малороссійскаго скирба. Но за все то настоятельно просилъ низовое товариство разорвать перемиріе съ бусурманами, которые, не опасаясь запорожцевъ и считая ихъ своими друзьями, успѣли сдѣлать нѣсколько на христіанъ нападеній подъ Бѣлою-Церковью, на Міусѣ и Калміусѣ и увести не мало людей православныхъ въ поганскую неволю. Гетманъ убѣждалъ запорожцевъ вспомнить рыцарскую отвагу и чинить на татаръ нападеніе, какъ дѣлали это полковые асаулы малороссійскаго войска Рубанъ у Мотронина и Иванъ Искра на вершинѣ Вовчей, отнявшій взятый татарами ясырь подъ орельскими городками, и полковникъ Семенъ Палій съ молодцами переяславскаго полка подъ Бѣлою-Церковью за Гнилымъ Текичемъ [2]).

Такіе доводы подѣйствовали, наконецъ, на запорожцевъ. Уже въ маѣ мѣсяцѣ отрядъ запорожскаго войска ходилъ въ помощь полякамъ противъ татарскихъ загоновъ и на обратномъ пути получилъ отъ коронного гетмана Яблоновскаго проѣзжій листъ черезъ польскія владѣнія [3]). Въ іюлѣ мѣсяцѣ самъ гетманъ Мазепа писалъ къ великимъ государямъ, что запорожцы, какъ донесъ ему

---

[1]) Архивъ мин. ин. дѣлъ; мал. подл. акты, 1690 св. 7, № 605—646.
[2]) Архивъ мин. ин. дѣлъ; мал. подл. акты, 1690, св. 7, № 680—641.
[3]) Архивъ мин. ин. дѣлъ; мал. подл. акты, 1690, № 657—676.

бывшій въ Запорожьи священникъ изъ города Кобелякъ, объявили свое намѣреніе сдѣлать нападеніе на турецкіе городки по Днѣпру. По этому поводу Мазепа поспѣшилъ послать кошевому атаману Ивану Гусаку извѣстіе объ отправленіи малороссійскаго войска подъ городъ Кызыкермень «для разоренія» турскихъ крѣпостей и просилъ кошевого помогать ему собственными войсками или, по крайней мѣрѣ, «не давать знать татарамъ о таковой посылкѣ» [1]). Конечно, запорожцы приняли и ту и другую гетманскую просьбу съ большой охотой, но зато въ счетъ будущей своей услуги просили гетмана исходатайствовать у царскихъ величествъ денежное и хлѣбное жалованье для войска за два прошедшіе года [2]).

Просьба запорожскихъ козаковъ на этотъ разъ была исполнена безъ замедленія. Сентября 17 дня, по указу великихъ государей, прибылъ въ запорожскую Сичь стольникъ, воевода и полковникъ Аѳанасій Алексѣевичъ Чубаровъ; съ нимъ вмѣстѣ прибыли конотопскій сотникъ Ѳедоръ Кандыба и арматный асаулъ Тимошъ Пиковецъ съ особыми подарками на войсковой скарбъ и на божію церковь отъ самого гетмана Мазепы. Стольникъ привезъ съ собой червонные золотые, кармазинныя и амбургскія сукна, атласы, бархатные вершки, соболи, свинецъ и зелье (порохъ). Все это жалованье еще съ прошлаго года задержано было въ городѣ Сѣвскѣ, но теперь благополучно доставлено было въ Сичу и роздано по составленной у гетмана Мазепы росписи кошевому атаману, старшинѣ и всему войску. Сентября 19 дня у кошевого Ивана Гусака, куренныхъ атамановъ и у всего войска низового собрана была большая рада. На ту раду кошевой вышелъ въ кармазиновомъ, подбитомъ соболями кафтанѣ и съ камышиной, оправленной золотомъ и дорогими каменьями; куренные атаманы также всѣ вырядились цвѣтно и стройно. Передъ началомъ рады пушкари стрѣляли изъ пушекъ, довбоши били въ бубны и литавры [3]). На собранной такимъ образомъ радѣ все войско низовое постановило съ крымскимъ ханомъ и съ турскими городками учиненное перемиріе разорвать и въ первыхъ числахъ слѣдующаго мѣсяца въ турскіе городки съ этою цѣлью розмирное письмо послать. А для извѣстія о такомъ рѣшеніи великимъ государямъ опредѣлено было

---

[1]) Архивъ мин. ин. дѣлъ, 1690, св. 83, № 44; подл. 685—704.
[2]) Архивъ мин. ин. дѣлъ, 1690, св. 83, № 44.
[3]) Архивъ мин. юстиціи, 1690, кн. 62, л. 760.

отправить куреннаго атамана переяславскаго куреня Ивана Рубана и съ нимъ отъ всякаго куреня по одному человѣку.

Обо всемъ этомъ донесъ гетману Мазепѣ стольникъ Аѳанасій Чубаровъ, сентября 21 дня, со стану подлѣ рѣки Соленой, отъѣхавъ 15 верстъ отъ Сичи [1]. Самъ гетманъ поспѣшилъ извѣстить о томъ великихъ государей, радуясь повороту чувствъ со стороны запорожскаго низового войска ([2]).

Независимо отъ донесенія Аѳанасія Чубарова гетманъ Мазепа получилъ донесеніе и отъ самого кошевого атамана. Кошевой атаманъ Гусакъ со всѣмъ низовымъ товариствомъ сообщалъ гетману, что запорожское войско принимало въ Кошу царскаго стольника и бывшихъ съ нимъ сотника Кандыбу и асаула Пиковца въ полной посполитой радѣ. На той радѣ прочитана была съ полнымъ вниманіемъ грамота царскихъ помазанниковъ божіихъ, аки даръ многоцѣнный, и въ слѣдъ за грамотой выслушанъ былъ листъ гетманскій. Державнѣйшіе великіе государи изволили явить свою монаршескую милость, прислали отправленное еще въ прошломъ году, но задержанное въ городѣ Сѣвскѣ, царское жалованье. Теперь это жалованье, по челобитью гетмана, добродѣя запорожскаго войска, благополучно дошло въ Сичь и роздано всему какъ старшему, такъ и младшему товариству. И присылка этого жалованья оказалась какъ нельзя болѣе кстати: вернувшись въ прошломъ году изъ похода подъ Перекопъ на Сичу, запорожцы, разсудивъ, что имъ нечѣмъ содержаться, нашли нужнымъ учинить съ бусурманами и съ крымскимъ ханомъ перемиріе: «Что имѣли мы раньше запасовъ, то ходячи подъ Перекопъ въ двѣ дороги, съѣли, надѣясь на монаршескія силы и на взятіе Перекопа; но Голицынъ не только намъ, но и всему городовому войску, учинилъ великій жаль и слова монаршого не статчилъ, и мы никакого утѣшенія изъ того витязства не получили; а вслѣдствіе того и перемиріе (съ бусурманами) учинили. А что вельможность твоя, пишешь, почему мы о святой Тройцѣ розмирья съ крымскимъ царствомъ не учинили, то мы рады были-бы учинить то розмирье, но, какъ раньше въ первомъ нашемъ письмѣ вамъ писали, такъ и теперь пишемъ, что по божьему попущенію между нами вкинулось моровое повѣтріе, отъ чего мы ни одного товарища (козака) не

[1]) Архивъ мин. ин. дѣлъ, 1690, св. 7, № 715—696.
[2]) Архивъ мин. юстиціи, 1690, кн. 62, л. 760.

могли задержать, да и до настоящаго времени всѣхъ не можемъ на Кошъ собрать. За то, вельможность ваша, на меня гнѣва твоего не накладай. Отъ насъ-же, войска запорожскаго, никому изъ городового товарства, какъ старому. такъ и молодому, кривды никакой не дѣлается, находится-ли кто на Кошу или остается одностайне на рѣчкахъ полевыхъ. Какъ дѣтямъ одного отца наше товариство городовымъ вашей вельможности товарищамъ, одинъ одному, кривды ни на Днѣпрѣ, ни на рѣчкахъ полевыхъ, не чинятъ. А мы, войско запорожское, какъ усердно и вѣрно на вѣчное подданство пресвѣтлѣйшимъ и державнѣйшимъ великимъ государямъ непрестанно служили, такъ и будемъ служить, а вельможность вашу, какъ добродѣя и рейментаря нашего имѣть себѣ желаемъ. И такъ какъ мы не имѣемъ другого отца и иного опекуна, кромѣ вельможности вашей, сіяющаго въ качествѣ свѣтлаго дня для всей Малой Россіи, то мы покорно просимъ вашу вельможность, чтобы вы на насъ, запорожское низовое войско, имѣли ваше ласковое и веселое панское око. Смѣемъ и теперь покорную нашу до вельможности вашей, добродѣя и рейментаря нашего, внести просьбу: изволь похлопотать для насъ, войска запорожского, у великихъ государей, помазанниковъ божіихъ, чтобъ къ намъ и за настоящій годъ дошло монаршее ихъ жалованье. А что до присяги гетмана Зиновія Хмельницкаго и всего низового и городового войска, учиненной великому государю, блаженной памяти Алексѣю Михайловичу, отцу великихъ государей, то мы по той присяжной нашей присягѣ и теперь все войско запорожское низовое, общее съ городовымъ, держимся и остаемся подъ счастливою рукою ихъ царскаго пресвѣтлаго величества и готовы одностайно исполнить все повелѣнное намъ отъ великихъ помазанниковъ божіихъ, лишь бы насъ, войско запорожское низовое, ихъ десница не забывала» [1].

Отпустивъ отъ себя царскаго стольника Аѳанасія Чубарова, запорожцы немедленно снарядили большое посольство, въ числѣ около 80 человѣкъ, и отправили его сперва въ городъ Батуринъ, а изъ Батурина велѣли ѣхать въ Москву [2]). Во главѣ этого посольства были атаманы куреней переяславскаго Иванъ Рубанъ и крыловскаго Харько, называемый иначе Захаріемъ; за ними слѣ-

---

[1]) Архивъ мин. ин. дѣлъ, 1690, св. 7, 814-695.

[2]) Архивъ мин. ин. дѣлъ, 1692, св. 85, № 1.

довали: асаулъ Леско Сила, писарь Яковъ Богунъ, атаманъ ирклѣевскаго куреня Цабиля, атаманъ щербиновскаго куреня Губа [1]).

Запорожскіе посланцы везли съ собой два письма,—одно къ гетману Мазепѣ, другое къ великимъ государямъ. Въ письмѣ къ Мазепѣ кошевой атаманъ Иванъ Гусакъ и все запорожское поспольство предупреждали гетмана о выѣздѣ изъ Сѣчи Ивана Рубана и атамана Харька съ товарищами въ Москву и просили его вельможность отпустить всѣхъ посланныхъ къ великимъ государямъ для полученія на наступившій новый годъ [2]) монаршескаго жалованья съ прибавкой суквами и деньгами; кромѣ того, независимо отъ царскаго денежнаго жалованья, товариство добивалось получить отъ самого гетмана хлѣбные запасы, которыхъ за цѣлый годъ не было прислано. За присланныя же деньги—тысячу червонцевъ на войсковой скарбъ, полтораста золотыхъ на божію церковь, за подарокъ златоглавыхъ ризъ, епитрахиля и сосудовъ церковныхъ запорожцы били гетману челомъ и усердно его благодарили. Не довольствуясь этимъ, запорожцы покорно просили гетмана приказать «своимъ господскимъ словомъ, чтобы въ войско запорожское ватажники съ запасомъ приходили», да чтобы въ войсковой скарбъ денежный сборъ отъ Переволочанскаго перевоза присылали. По ходатайству его вельможности и по милости великихъ государей войско запорожское пожаловано было Переволочанскимъ перевозомъ, но только отъ того перевоза для войска никакой нѣтъ прибыли: на томъ перевозѣ ходятъ двѣ липы (лодки) гетманскаго дозорцы Рутковскаго, одна липа сотника Полуяна да одна липа священника Василія, которые и берутъ себѣ всю отъ перевоза денежную прибыль. За всѣ будущія милости гетмана войско обѣщаетъ, когда сойдется снизу все товариство до Сѣчи, послать розмирный листъ

---

[1]) Изъ рядовыхъ козаковъ въ этомъ посольствѣ были: Василь Юркуша, Иванъ Дрыга, Илько Алексѣенко, Семенъ Плаханенко, Лукьянъ Безодна, Власъ Мышастый, Степанъ Исаенко, Иванъ Дубаненко, Тимко Рышка, Андрей Буръ, Иванъ Дитюкъ, Иванъ Заика, Андрюдушко Донской, Иванъ Малый, Иванъ Горѣлый, Гарасимъ Крыса, Иванъ Савущенко, Игнатъ Черный, Мусій Чермавъ, Кондратъ Игнатенко, Харько Левченко, Ильяшъ Степаненко, Панасъ Коломьяченко, Терешко Яковенко, Тишко Андреенко, Иванъ Тыведый, Василь Папунко, Яцко Высочинъ, Романъ Хведоренко, Яцко Калиненко, Данило Яременко, Иванъ Щербина, Ѳедоръ Ильяшенко, Семенъ Мищенко, Панасъ Панченко, Иванъ Корніенко, Ѳома Иваненко, Грицко Лаврененко, Мартынъ Давиденко и нѣкоторые другіе.

[2]) Новый годъ въ то время начинался съ сентября мѣсяца.

къ турецкимъ городчанамъ о святомъ Покровѣ и чинить съ бусурманами воинскіе промыслы. Относительно моровою повѣтрія, бывшаго въ Запорожьѣ, козаки писали, что теперь его нечего опасаться, такъ какъ оно уже совершенно прекратилось [1]).

Въ такомъ же духѣ писало все запорожское низовое войско, кошевое, днѣпровое, низовое, будучее на поляхъ, на полянкахъ, на всѣхъ урочищахъ—днѣпровыхъ и полевыхъ, въ Москву къ великимъ государямъ. Пожелавъ пресвѣтлымъ монархамъ добраго здравія, побѣды и одолѣнія на всѣхъ враговъ православной восточной церкви, войско извѣщало объ отправкѣ въ Москву «знатныхъ особъ» Рубана и Харька съ товарищами, било челомъ, приклонивши къ стопамъ царскимъ свои головы, о милостивомъ жалованьи на наступившій годъ за вѣрныя свои службы и выражало полную готовность чинить, не дальше Покрова, розмиръ съ бусурманами [2]).

Едва прибыли Иванъ Рубанъ и атаманъ Харько въ городъ Батуринъ, и едва гетманъ успѣлъ отправить въ Москву гонца съ запросомъ, пропустить-ли ему изъ Сичи въ столицу посольство отъ Коша [3]), какъ запорожское низовое войско отправило къ гетману Мазепѣ новыхъ посланцевъ, атамановъ полтавскаго и кущовскаго куреней съ товарищами. Новое посольство выражало гетману большую благодарность за присланное имъ въ Кошъ жалованье и борошно и просило немедленно дать знать въ Сичу, будетъ или не будетъ война съ бусурманами. Гетманъ, получивъ такой запросъ, поспѣшилъ отвѣтить запорожцамъ, что листъ ихъ запросный онъ послалъ въ Москву, но извѣстія оттуда, за осеннимъ безпутьемъ, получитъ, вѣроятно, не такъ скоро; что съ бусурманами у русскихъ война и раньше никогда не прекращалась, но какъ будетъ теперь, онъ, гетманъ, того на письмѣ сказать не можетъ, такъ какъ всякіе военные замыслы, какъ запорожцы сами хорошо то понимаютъ, должны сохраняться въ строгой тайнѣ. Давъ такой уклончивый отвѣтъ на запросъ войска о войнѣ противобусурманской, гетманъ Мазепа въ слѣдъ затѣмъ, октября 17 дня, послалъ кошевому атаману Гусаку свой листъ съ извѣстьемъ, что, по ходатайству его, гетмана, и по щедротѣ великихъ государей, запорожскимъ козакамъ велѣно выдать годовое царское жалованье,

---

[1]) Архивъ мин. ин. дѣлъ, 1691, св. 85, № 1.

[2]) Архивъ мин. ин. дѣлъ, 1691, св. 85, № 1.

[3]) Архивъ мин. ин. дѣлъ; мал. подл. акты, 1690, № 701—720.

которое будетъ прислано по первому зимнему пути въ Батуринъ, а оттуда доставлено въ Сичу. Но только гетману немало удивительно то, что запорожцы, пообѣщавъ разорвать миръ съ бусурманами не дальше праздника Покрова, однако и до послѣдняго времени этого не дѣлаютъ и никакой о томъ не подаютъ вѣсти. Въ виду этого, гетманъ совѣтуетъ запорожцамъ непремѣнно разорвать съ бусурманами перемиріе, чтобы не навлечь на себя «монаршескую немилость, региментарскую нелюбовь и всего свѣта неславу», и немедленно открыть съ бусурманами военный промыслъ [1].

Тѣмъ временемъ первые посланцы запорожскаго войска Иванъ Рубанъ и атаманъ Харько съ товарищами, прибывъ въ Батуринъ, отправились, по указанію гетмана, въ Конотопъ и простояли тамъ двѣ недѣли. Гетманъ задержалъ ихъ частью съ тою цѣлью, чтобы пустить ихъ въ Москву не раньше зимы и тѣмъ устранить всякую возможность занесенія въ столицу морового повѣтрія; частію съ тѣмъ, чтобы до отхода ихъ въ путь получить отъ государей указъ, какъ съ ними поступить. Но такъ какъ запорожскіе посланцы постоянно докучали гетману объ отпускѣ ихъ въ Москву, то гетманъ «боясь, по его словамъ, привести ихъ въ отчаяніе и горшее неповиновеніе и тѣмъ не посѣять пререканій и плевельныхъ рѣчей, каковыхъ въ сіе время нужно было особенно остерегаться», отпустилъ ихъ въ городъ Сѣвскъ и сообщилъ о томъ сѣвскому воеводѣ Леонтьеву, а потомъ донесъ и въ Москву къ государямъ; самимъ-же запорожцамъ, на семьдесятъ-одного человѣка выдалъ подорожную и приказалъ доставлять имъ во всѣхъ городахъ, гдѣ нужно, 40 подводъ безъ всякаго замедленія [2].

По полученіи извѣщенія отъ гетмана Мазепы о выѣздѣ запорожскихъ посланцевъ, государи приказали отправить два указа, одинъ въ Сѣвскъ, на имя воеводы Леонтьева, другой въ Калугу, на имя воеводы Сухово-Кобылина. Воеводѣ Леонтьеву приказано было, въ случаѣ пріѣзда въ городъ Сѣвскъ запорожскихъ посланцевъ, принять ихъ, постановить на добрыхъ дворахъ, гдѣ пристойно, дать имъ пристава и тому приставу внушить имѣть къ нимъ привѣтъ, ласку и береженіе, и объявить имъ, чтобы они оставались въ Сѣвскѣ впредь до царскаго указа. Жалованье имъ приказано было выдавать, примѣняясь къ прежнимъ примѣрамъ,

---

[1]) Архивъ мин. ин. дѣлъ, 1651, св. 85, № 1.

[2]) Архивъ мин. ин. дѣлъ, 1691, св. 85, № 1.

изъ кабацкихъ и таможенныхъ доходовъ. А платье ихъ, суконное, киндячные и кумачные кафтаны и сорочки, которые у нихъ окажутся, перемыть и купить имъ по сорочкѣ и по порткамъ изъ сѣвскихъ-же доходовъ. Товары, сѣдла, оружіе, которыя будутъ съ ними, все описать, оставить въ Сѣвскѣ и велѣть сохранять въ цѣлости, чтобы все то не погнило, не было испорчено ржой или мышами. При отпускѣ изъ Сѣвска также оставить ихъ лошадей и кормить до возвращенія посланцевъ изъ столицы. Изъ Сѣвска ихъ отпустить съ приставомъ въ Калугу не раньше, какъ за двѣ недѣли до праздника Рождества Христова. Если-же запорожцы начнутъ жаловаться на задержаніе ихъ въ городѣ Сѣвскѣ, то говорить имъ, что такое задержаніе произошло отъ того, что въ Запорожьи въ недавнихъ мѣсяцахъ и числахъ былъ моръ и чтобы они не имѣли въ томъ задержаніи никакого сомнительства, а также не обижались-бы за распоряженіе о платьѣ, какъ, въ виду прилипчивости болѣзни, это дѣлается во всѣхъ государствахъ. Въ Москву-же они будутъ отпущены скоро и получатъ указъ о томъ отъ великихъ государей. На такое распоряженіе воевода Леонтьевъ отвѣчалъ государямъ, что на встрѣчу запорожскихъ посланцевъ онъ посылалъ маіора Луцевина да стародубца Лихонина и отъ нихъ узналъ, что всѣхъ посланцевъ 71 человѣкъ и при нихъ 82 лошади; что моровое повѣтріе было съ весны въ Запорожьи небольшое и теперь совершенно тамъ прекратилось; что платье, въ которомъ они выѣхали изъ Запорожья, они побросали въ Глуховѣ и что кошевой атаманъ и все низовое войско, послѣ ихъ отъѣзда, хотѣли розмириться съ бусурманами. Пріѣзжихъ помѣстили въ ямской слободѣ, дали имъ приставомъ Дениса Лихонина и назначили содержаніе изъ остаточной отъ прошлаго года наличной денежной казны на всѣхъ 71 козака по 26 алтынъ и 4 деньги на день, кромѣ того, на мѣсяцъ по полусотни муки ржаной на человѣка, всѣмъ обще крупъ овсяныхъ 2 чети, соли 3½ пуда, примѣняясь къ прежнимъ дачамъ. Тутъ-же имъ въ приказной избѣ объявили, что они будутъ, въ виду моровего повѣтрія, оставлены въ Сѣвскѣ до зимняго пути и до морозовъ, послѣ чего поѣдутъ въ Калугу и изъ Калуги въ столицу [1]).

Съ такими-же точно наставленіями посланъ былъ царскій указъ и воеводѣ Сухово-Кобылину въ Калугу. По росписи, приложенной

---

[1]) Архивъ мин. ин. дѣлъ. 1691, св. 85, № 1

къ указу, опредѣлено было выдавать Ивану Рубану по 3 алтына и по 2 деньги, вина по 3 чарки, меду и пива по 3 кружки; козакамъ семидесяти человѣкамъ по 10 денегъ, вина по 2 чарки, меду и пива по 2 кружки человѣку на день [1]).

Оба воеводы, сѣвскій и калужскій, получивъ царскіе указы, исполнили ихъ въ точности. Сѣвскому воеводѣ запорожскіе посланцы отвѣчали, что товаровъ у нихъ никакихъ не имѣется; что платья свои они еще въ Глуховѣ побросали; что о задержаніи своемъ въ городѣ Сѣвскѣ они никакого сумнительства не имѣютъ, лошадей своихъ они сдали на прокормъ въ сѣвскій уѣздъ, а сѣдла и ружья отдали, по росписи, для склада въ казенный амбаръ на присмотръ осадному головѣ Гломаздину.

Пробывъ до зимняго пути въ городѣ Сѣвскѣ и потомъ получивъ 28 рублей, 13 алтынъ и 2 деньги да 20 ведеръ вина на прокормъ въ теченіе осьми дней въ дорогѣ, запорожскіе посланцы изъ Сѣвска переѣхали въ Калугу, а изъ Калуги прибыли въ Москву [2]).

По пріѣздѣ въ Москву запорожскіе посланцы получили содержаніе—на 71 рубль двуденежныхъ хлѣбовъ, калачей столько-жъ, рыбы свѣжей мерзлой на 3 рубля, полъ-осьмины крупъ, муки на 6 алтынъ и 4 деньги, по 3 воза дровъ на недѣлю, цѣною 2 алтына и 2 деньги за возъ, для топленія палатъ и для варенія кушанья, товарищамъ Ивана Рубана по 2 алтына и по 2 деньги человѣку на день, а въ тотъ день, когда были у руки великихъ государей, дано было корма съ поденнымъ вдвое, на отпускѣ-же къ прежнему въ прибавку по 1 рублю, а всего съ прежнимъ по 5 рублей на человѣка; самому Рубану и его товарищу Ѳомѣ [3]) приказано было на отпускѣ дать сукна англинскаго по 5 аршинъ изъ казеннаго приказа [4]).

Отпуская изъ Москвы запорожскихъ посланцевъ, великіе государи велѣли вручить имъ грамоту для передачи кошевому атаману съ объявленіемъ, что посланцы войска запорожскаго низового Иванъ Рубанъ и атаманъ Харько, были допущены предъ очи го-

---

[1]) Архивъ мин. ин. дѣлъ, 1691, св. 85, № 1.

[2]) Архивъ мин. ин. дѣлъ, 1691, св. 85, № 1.

[3]) Почему Ѳомѣ, а не Харьку, который былъ товарищемъ при Рубанѣ—неизвѣстно; можетъ быть Харько было прозвище, а Ѳома—имя.

[4]) Архивъ мин. ин. дѣлъ, 1691, св. 85, № 1.

сударей и что всему войску низовому посылается милостивое государево жалованье.

На отъѣздѣ изъ Москвы запорожскіе посланцы, Иванъ Рубанъ съ товарищами, подали челобитную великимъ государямъ на томъ, что будучи задержаны въ теченіе шести недѣль въ Сѣвскѣ, они «испроѣлися», потому что тамъ имъ выдавалось царскаго жалованья всего лишь по одному литовскому чеху; кромѣ того, когда они были въ Сѣвскѣ, у нихъ пало 8 лошадей, да на выѣздѣ изъ города пало отъ голода 3 лошади. И потому козаки просятъ великихъ государей выдать имъ жалованье за «пропалыхъ» лошадей да приказать вернуть имъ рухлядь изъ казны, отобранную у нихъ въ Сѣвскѣ. По той челобитной запорожскихъ посланцевъ велѣно было государями послать грамоту сѣвскому воеводѣ Леонтьеву съ приказаніемъ выдать атаманамъ по 7 денегъ, рядовымъ козакамъ по 4 деньги на день изъ кабацкихъ и таможенныхъ доходовъ; о лошадяхъ-же приказано было сдѣлать розыскъ, а ружья и всякую козацкую рухлядь возвратить въ цѣлости и всѣхъ посланцевъ отпустить изъ Сѣвска на Запорожье безъ задержанія [1]).

Такимъ образомъ, вернувшись вновь подъ власть московскихъ государей и подъ региментъ малороссійскаго гетмана, запорожскіе козаки открыли набѣги на татарскіе и турецкіе города и селенія и въ этомъ провели конецъ 1690 года. Такъ, въ исходѣ ноября этого года, запорожцы напали на Перекопской дорогѣ, въ урочищѣ Стрѣлицѣ, подъ предводительствомъ ватага Максима, на татарскій отрядъ, провожавшій ханскую казну и нѣмецкій ясырь изъ Очакова до Крыма, пять человѣкъ татаръ изъ того отряда на смерть убили, а четырехъ живыми съ собой взяли и въ Москву отослали [2]).

---

[1]) Архивъ мин. ин. дѣлъ, 1691, св. 85, № 1.

[2]) Архивъ мин. ин. дѣлъ, 1690, св. 8, № 727—710.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Появленіе въ Запорожьи Петрика и планы его объ освобожденіи Малороссіи и Запорожья отъ московскаго ига.—Письмо гетмана Мазепы къ запорожскому товариству по поводу бѣгства въ Сичь Петрика.—Броженіе умовъ въ Запорожьи вслѣдствіе бѣгства туда изъ Гетманщины козаковъ и посполитыхъ людей, питавшихъ ненависть къ Мазепѣ.—Пріѣздъ царскаго посла въ Сичь съ жалованьемъ и недовольство запорожскихъ козаковъ на Москву.—Волненіе въ Сичѣ по поводу отправки гетманскаго посланника въ Крымъ.—Казнь козака Матвѣевца кошевымъ атаманомъ Гусакомъ и ропотъ за то на него со стороны товариства.—Удаленіе Петрика въ Кызыкермень и изъ Кызыкерменя въ Крымъ.—Письмо Петрика къ запорожскому войску.—Договоръ Петрика съ крымскимъ ханомъ, извѣщеніе о томъ запорожцевъ и раздѣленіе ихъ на два лагеря.—Объявленіе Петрика гетманомъ Малороссіи, выступленіе татаръ изъ Крыма къ Каменному Затону и свиданіе ихъ съ запорожцами.—Отношеніе кошевого атамана Гусака къ Петрику и настроеніе козацкой массы въ Запорожьи.

Начало 1691 года ознаменовалось для запорожскихъ козаковъ появленіемъ у нихъ нѣкоего Петрика, который пришелъ въ Сичь со смѣлыми задачами человѣка такъ или иначе спасти родину отъ самовластія гетмана Мазепы и отъ грозившей Малороссіи опасности быть въ конецъ подавленной со стороны Москвы. Это не былъ какой-нибудь проходимецъ, искавшій приключеній среди запорожскаго войска. Это была горячая голова, ясно сознававшая недуги своего отечества, твердо рѣшившаяся взять на себя роль спасителя Украйны и заодно съ ней Запорожья и съ этою цѣлью удалившаяся въ Сичь [1]). Запорожье еще сохранило нѣкоторую

---

[1]) У Костомарова появленіе Петрика въ Запорожьи отнесено почему-то къ 1692 году, тогда какъ по современнымъ событію актамъ это было въ 1691 году: «Въ прошломъ, въ 7199 году (7199 - 5508 - 1691), показывалъ бывшій запорожскій козакъ конеловскаго куреня, Кондратъ Михайловъ, прибѣжалъ на Запорожье канцеляристъ Петрикъ.... а пришелъ на Запорожье, жилъ онъ, Петрикъ, въ томъ-же конеловскомъ куренѣ.» Архивъ мин. юст., книга мал. приказа, № 66, л. 106—129. Въ архивѣ мин. ин. дѣлъ первое указаніе о Петрикѣ, также имѣется подъ 1691 годомъ, св. 8, № 790—775

независимость отъ Москвы и потому черезъ запорожцевъ можно было добиться полной независимости Украйны, если только ясно представить имъ печальное положеніе дѣлъ на Украйнѣ, если свернуть козаковъ въ сторону отъ Москвы и объявить послѣдней открытую и рѣшительную войну. Запорожцы, всегда мужественно стоявшіе за свои вольности и старокозацкія права, теперь, въ такой рѣшительный моментъ, могли встать поголовно, какъ одинъ человѣкъ, и спасти Украйну и Запорожье отъ страшной имъ Москвы, противъ которой они глухо боролись уже со времени гетмана Богдана Хмельницкаго.

Появленіе Петрика на историческомъ поприщѣ Запорожья и Малороссіи произошло при слѣдующихъ обстоятельствахъ. Петрикъ, называемый иначе Петромъ Ивановичемъ Иваненкомъ или Петромъ Ивановичемъ Петричевскимъ, былъ родомъ изъ Новосанджара, полтавскаго полка, занималъ должность старшаго канцеляриста при генеральной войсковой канцеляріи, былъ женатъ на племянницѣ генеральнаго писаря Василія Леонтьевича Кочубея, по имени Ганнѣ. Принадлежа къ натурамъ живымъ, безпокойнымъ, легко увлекающимся, но вмѣстѣ съ тѣмъ считающимъ себя призванными къ великимъ дѣламъ и чрезвычайнымъ подвигамъ, Петрикъ составилъ себѣ планъ отторгнуть, посредствомъ Крыма и Турціи, Малороссію отъ Великой Россіи, сдѣлать ее независимою отъ Москвы и открыть крымцамъ походы на города россійскаго государства. Своими дѣйствіями онъ хотѣлъ повторить дѣйствія гетмана Петра Дорошенка, нѣсколько лѣтъ тому назадъ пытавшагося тѣ-же самые замыслы привести въ исполненіе. Обстоятельства по началу благопріятствовали Петрику какъ въ самой Украйнѣ, такъ и въ Запорожьи. Дѣло въ томъ, что и предшественники гетмана Мазепы и самъ Мазепа раздачею земель чиновно-административному сословію Малороссіи, закрѣпленіемъ за чиновнымъ сословіемъ людей простого званія, а также введеніемъ откупной системы такъ называемой «оранды» шинковъ сильно возстановили противъ себя и простой народъ и малороссійское козачество. Многіе изъ украинскихъ жителей, недовольные заведенными на родинѣ порядками, стали бросать села, деревни и хутора и убѣгать на Запорожье, на вольныя земли и воды. Прибывъ на Запорожье, они говорили, что на Украйнѣ жить невозможно; что тамъ завелись новые, изъ малороссійской-же братіи, паны, закрѣпостившіе за собой множество народа; что тамъ нельзя заниматься свободно промыслами и торговлею; что тамъ,

наконецъ, уже давно ничего нѣтъ малороссійскаго, а все повелось панское.

Этимъ недовольствомъ малороссійскаго народа, а чрезъ него и запорожцевъ, и рѣшился воспользоваться Петрикъ для своихъ цѣлей. Въ январѣ мѣсяцѣ 1691 года, послѣ праздника святого Крещенія, пріѣхали изъ Москвы въ Батуринъ особые нарочные съ царскимъ жалованьемъ гетману и всей малороссійской генеральной старшинѣ посланцы. Гетманъ, получивъ привезенное жалованье, нѣкоторымъ изъ полковниковъ, бывшимъ на ту пору въ Батуринѣ, лично вручилъ ихъ часть, а нѣкоторымъ, не случившимся въ гетманской столицѣ въ тотъ часъ, отправилъ собственными посланцами. Между непріѣхавшими былъ полтавскій полковникъ Ѳедоръ Жученко. Къ Жученку посланъ былъ, на всеѣдной недѣлѣ, старшій канцеляристъ Петрикъ Иваненко. Передавъ жалованье по принадлежности и получивъ отъ полковника благодарственный гетману Мазепѣ «респонсъ», Петрикъ изъ Полтавы уѣхалъ въ Новосанджаръ, будто-бы съ тѣмъ, чтобы навѣстить тамъ своихъ родныхъ. Выѣхавъ изъ Новосанджара уже великимъ постомъ, Петрикъ, неизвѣстно для какихъ цѣлей перебрался за рѣку Воркслу въ поле; тамъ онъ оставилъ, подъ скирдой сѣна, свои сани и, сѣвъ на коня, въ сопровожденіи своихъ слугъ, направился Днѣпромъ по льду и скоро прибылъ въ запорожскую Сичь [1]).

Прибывъ въ Сичь, Петрикъ объявилъ козакамъ, что онъ ушелъ изъ Украйны на Запорожье единственно вслѣдствіе измѣнившихся къ нему чувствъ Мазепы: «Гетманъ сталъ къ нему быть недобръ, оттого онъ и покинулъ его» [2]). Сидя въ Сичи, Петрикъ первое время, однако, ни о чемъ другомъ, повидимому, не думалъ, кромѣ своихъ семейныхъ дѣлъ. Такъ, изъ Сичи онъ написалъ въ это время два письма,—одно къ дядѣ своей жены, генеральному писарю Василію Кочубею, другое къ самой женѣ Ганнѣ. Въ письмѣ къ Кочубею онъ говорилъ, что бѣжалъ на Сичь отъ злой жены своей, посягавшей на его собственную жизнь; а въ письмѣ къ женѣ писалъ, что, не называя ея «непристойныхъ и злотворныхъ»

---

[1]) Лѣтописецъ Величко обвиняетъ въ этомъ случаѣ самого Мазепу: «Мазепа, замысливши нѣкія ковни противъ своихъ государей, самъ позволилъ Петрику, при особой тайной информаціи своей, отъѣхать изъ Полтавы въ Сичу и изъ Сичи въ Крымъ». Лѣтопись, Кіевъ 1855, III, 95.

[2]). Архивъ мин. юстиціи, кн. мал. приказа, 1691, № 66, лл. 106—129.

поступковъ, онъ предоставляетъ ей жить, богатѣть и прохлаждаться безъ своего мужа, а для него проситъ прислать зеленый кафтанъ, одинъ котелъ, треногъ да ременное путо; холопство-же оставить въ цѣлости, какъ было [1].

Гетманъ Мазепа, узнавъ о бѣгствѣ Петрика въ Сичь, написалъ въ Кошъ письмо съ извѣстіемъ о покражѣ Петрикомъ изъ генеральной канцеляріи какихъ-то бумагъ, съ увѣщаніемъ запорожцевъ отстать отъ Петрика и съ требованіемъ прислать бѣглеца въ Батуринъ. Петрикъ, развѣдавъ о предписаніи гетмана, сталъ ходить по куренямъ, бить челомъ козакамъ и просить ихъ не выдавать его гетману. Козаки то обнадеживали его, то говорили, что бѣглеца надо выдать гетману. Собрана была рада и на радѣ поставили вопросъ, какъ быть съ Петрикомъ. Тутъ также одни высказались, что Петрика нужно выдать гетману, а другіе, напротивъ того, возражали, что этого не слѣдуетъ дѣлать. Въ числѣ послѣднихъ былъ и самъ кошевой атаманъ Иванъ Гусакъ, который говорилъ въ томъ духѣ, что если выдать одного Петрика, то это значитъ лишиться на будущее время всѣхъ, имѣющихъ приходить въ Сичь: въ Сичѣ съ поконъ вѣковъ ведется такой обычай, что тамъ всѣмъ вольный приходъ. Послѣ долгихъ споровъ послѣдняя партія взяла верхъ, и Петрикъ остался въ Сичи. Ловкость, находчивость, знаніе канцелярскаго дѣла были причиной того, что скоро послѣ этого Петрикъ, пріобрѣвъ довѣріе козаковъ, сдѣланъ былъ писаремъ запорожскаго войска.

Настроеніе, охватившее въ это время массу запорожскаго войска, какъ нельзя болѣе соотвѣтствовало планамъ Петрика. Это настроеніе выразилось нескрываемымъ негодованіемъ противъ гетмана Мазепы, и виновниками того были малороссійскіе козаки и посполитые люди, оставившіе Гетманщину и ушедшіе въ Запорожье. Подавляемые самовластіемъ гетмана, возмущаемые произвольною раздачею съ его стороны различнымъ своимъ «похлѣбцамъ» людей и маетностей и увеличеніемъ податей и налоговъ, недовольные стѣснительными мѣрами во отношеніи продажи въ городахъ спиртныхъ напитковъ, негодующіе на гетмана за стремленіе его создать въ Малороссіи дворянское сословіе, за введеніе ненавистной панщины, за постоянныя сношенія его съ Москвой и за запрещеніе свободныхъ сношеній Малороссіи съ Запорожьемъ, малороссіяне

[1] [illegible] юстиціи, кн. мал. приказа, 1691. № 62, листъ 800.

открыто выказывали свою ненависть къ гетманскимъ порядкамъ и, не стѣсняемые никѣмъ въ Запорожьи, дали толчекъ здѣсь къ народному броженію. Безпокойное настроеніе запорожской массы не замедлило сказаться весьма скоро.

Въ началѣ февраля мѣсяца, 1691 года, пріѣхалъ въ Сичь стольникъ Аѳанасій Чубаровъ, подъячій Вонифатій Парѳентьевъ и гетманскіе посланцы Глуховецъ и Харевичъ съ царскимъ жалованьемъ въ 500 червонцевъ, нѣсколько штукъ соболей и суконъ, 500 бочекъ муки и собранныхъ съ Переволочанскаго перевоза 5000 золотыхъ [1]). Принявъ царскіе дары, запорожцы стали негодовать на то, что жалованья прислано имъ мало; одинъ изъ куренныхъ атамановъ, взявъ соболя, бросилъ ихъ на землю и закричалъ: «Это жалованье не въ жалованье! Служимъ мы долго, а кромѣ этого ничего больше не выслужили! Такіе соболи мы и прежде видали! Пришли къ намъ москали, велятъ намъ съ туркомъ воевать, а сами съ ними мирятся». Другіе козаки въ тонъ куренному атаману кричали такъ: «Если такъ, то надобно старшихъ москалей побить или въ Чортомлыкъ посажать, остальныхъ въ городки отдать. Соболи присланы только четыремъ, а надобно присылать намъ всѣмъ, какъ донскимъ козакамъ присылаютъ. Велико жалованье прислали 500 червонцевъ! Намъ надо присылать по 5000» [2]).

Едва успѣли отъѣхать изъ Запорожья царскіе посланцы, какъ въ Сичь явился отъ Ивана Мазепы посланецъ Пантелеймонъ Радичъ. Радичъ посланъ былъ съ гетманскими листами собственно въ Крымъ съ скрытой цѣлью, какъ кажется, предупредить хана на счетъ замысловъ Петрика, но съ видимою—размѣна христіанско-мусульманскихъ плѣнныхъ. Поѣздка Радича въ Крымъ, вслѣдствіе неизвѣстности запорожцамъ настоящей цѣли ея, возбудила у нихъ подозрѣніе. Поэтому, когда Радичъ съ товарищами прибылъ въ Сичь и, явившись на войсковой совѣтъ, подалъ тамъ кошевому атаману гетманское письмо, то запорожцы, выражая негодованіе по адресу Мазепы, стали кричать: «Недавно гетманъ зневолилъ (насъ) своими письмами съ ордою розмириться, а теперь васъ посылаетъ въ Крымъ, видимо о насъ торгуясь». Когда же Радичъ обратился къ козакамъ съ приличнымъ на такой крикъ выговоромъ, то козаки

---

[1]) Архивъ мин. юстиціи, кн. мал. прик., 1691, № 92, л. 759—760

[2]) Архивъ мин. ин. дѣлъ; мал. дѣла, 1691. св. 85, № 5.

едва не прибили посланца и его спутников поленьями. Потомъ, собирая ежедневныя рады, они хотѣли было вернуть посланца назадъ, не допустивъ его до Крыма. И только послѣ многихъ крамолъ, собравшись на новую раду, февраля 17 дня, постановили отпустить Радича къ Кызыкермепю, при чемъ нашли нужнымъ послать вмѣстѣ съ нимъ собственнаго толмача съ реестромъ забранныхъ татарами въ полонъ козаковъ [1]).

Въ тотъ-же день, т. е. февраля 17 числа, кошевой атаманъ Иванъ Гусакъ написалъ письмо гетману Мазепѣ, въ которомъ прежде всего просилъ прислать недополученное войскомъ за прошлый годъ жалованье и дать извѣстіе относительно времени похода царскихъ войскъ противъ непріятелей; затѣмъ упрекалъ его за гадячскихъ мѣщанъ, являвшихся сперва въ Сичь, а потомъ въ городъ Батуринъ «для закупленія» Переволочанскаго перевоза; укорялъ за городъ Келеберду, куда запорожцы, благодаря распоряженію гетмана, не имѣли свободнаго права присылать на зимовлю своего «войсковово арматнаго стада»; негодовалъ за раздачу на Украйнѣ маетностей знатнымъ товарищамъ запорожскаго войска; требовалъ дать пристанища тѣмъ изъ козаковъ, которые, уйдя изъ Малороссіи въ Запорожье, много трудились на военномъ полѣ, а потомъ пожелали для отдохновенія вернуться на родину; домогался присылки для низового войска, кромѣ 500 бочекъ муки, отрубей изъ всѣхъ мельницъ полтавскаго полка; упрекалъ гетмана за то, что онъ дозволяетъ ходить двумъ парамъ липъ (лодокъ) на Переволочанскомъ перевозѣ на сотника и священника Переволочны, наконецъ выставлялъ на видъ то, что гетманъ только на словахъ, а не на самомъ дѣлѣ, показываетъ запорожскому войску свою ласку и пріязнь [2]).

Еще не пришелъ отвѣтъ отъ гетмана запорожцамъ на такое письмо, какъ въ Сичи произошло обстоятельство, взволновавшее всѣ курени: это казнь кошевымъ атаманомъ Иваномъ Гусакомъ козака Матвѣевца [3]).

Объ этомъ событіи передаетъ очевидецъ Емельянъ Доброскокъ такъ. Это было въ четвергъ на второй недѣлѣ великаго поста. Въ деревянкинскомъ куренѣ былъ козакъ Матвѣевецъ, въ попойкѣ

[1]) Архивъ мин. ин. дѣлъ; мал. подл. акты, 1691, св. 8, 751--715.

[2]) Архивъ мин. ин. дѣлъ, 1691, св. 85, № 18, мал. подл. акты, № 715—732.

[3]) Архивъ мин. ин. дѣлъ, 1691, св. 86, № 68; 13. мал. подл. акты. № 724, 721; Архивъ мин. юстиціи, 1691, кн. 62, л. 646.

веселый товарищъ, на войнѣ удатливый козакъ, много разъ бывавшій ватагóмъ, не разъ бравшій въ полонъ татаръ, доставлявшій ихъ въ Москву и чрезъ все то стяжавшій себѣ уваженіе отъ всѣхъ своихъ «куринчиковъ». Будучи однажды въ Москвѣ, Матвѣевецъ видѣлся тамъ съ людьми имеретинскаго («милитинскаго») царя, которые приглашали его, когда онъ вернется въ Сичь, набрать возможно большее число товариства и идти къ предѣламъ имеретинской земли для покоренія людей, не подчинявшихся имеретинскому царю, за что и ему самому и его дружинѣ обѣщалась большая награда и добыча какъ лично отъ царя, такъ и отъ войны съ непріятелями. Для вѣрности дѣла одинъ изъ людей царя, черкешанинъ, даже заключилъ договоръ съ Матвѣевцемъ. Вернувшись изъ Москвы въ Сичь, Матвѣевецъ получилъ отъ черкешанина «картку», въ которой ему напоминали о его обѣщаніи послужить и показать радѣніе имеретинскому царю. Тогда Матвѣевецъ «пріохотилъ» многихъ товарищей, составилъ себѣ планъ похода и рѣшилъ идти челнами сперва по Днѣпру, изъ Днѣпра рѣкою Конкою до вершины ея, отъ Конки, перевезя челны черезъ поле на лошадяхъ, до рѣки Калміуса; затѣмъ по Калміусу [1]) снова въ челнахъ до Азовскаго моря и, наконецъ, Азовскимъ моремъ до самой земли имеретинскаго царя. Сообразивъ весь этотъ путь, Матвѣевецъ сталъ просить кошевого о двухъ морскихъ судахъ, какія минувшею осенью взяты были кошевымъ атаманомъ съ низовымъ войскомъ на Днѣпрѣ у непріятелей послѣ розмирья съ ними. Кошевой атаманъ Гусакъ отвѣчалъ на тотъ разъ Матвѣевцу отказомъ, но пообѣщалъ ему исполнить его просьбу спустя нѣкоторое время. Прошла зима; пошли весеннія воды. Тогда велѣно было всѣ суда, стоявшія ниже Сичи для защиты отъ турецкихъ городовъ, взять подъ охрану. Матвѣевецъ, видя, что его желаніе не исполняютъ, очень опечалился и, замѣтивъ одинъ, стоявшій подъ Сичею, дубовый челнъ, направилъ къ нему своихъ товарищей, убогихъ «харпаковъ», изъявившихъ согласіе ѣхать съ нимъ въ дорогу, чтобы они взяли тотъ челнъ и увезли его въ дальнія отъ Сичи мѣста. Но кошевой атаманъ Иванъ Гусакъ, узнавъ о томъ, потребовалъ къ себѣ Матвѣевца для допроса. Матвѣевецъ пошелъ къ кошевому не одинъ, а взялъ съ собой товарищей, ку-

---

[1]) О рѣкѣ Калміусѣ см. Эварницкій, Вольности запорожскихъ козаковъ, СПБ., 1890, 159.

реннаго атамана Москальца, знатнаго товарища Остапца и около двухъ десятковъ простыхъ козаковъ. Придя къ кошевому, онъ сталъ спрашивать, зачѣмъ его звалъ кошевой къ себѣ. Кошевой съ гнѣвомъ напалъ на Матвѣевца за то, что онъ, безъ позволенія, забираетъ челны и уходитъ изъ Сичи въ невѣдомый путь. Матвѣевецъ сталъ отговариваться, и кошевой, выйдя изъ себя, ударилъ его по щекѣ Не стерпѣвъ обиды, Матвѣевецъ схватилъ кошевого за грудь и сталъ съ нимъ драться. За кошевого вступились куренные атаманы, за Матвѣевца—его товарищи. Но сторона Матвѣевца была перебита и перевязана. Матвѣевца и его товарищей обвинили въ бунтѣ; троихъ бунтовщиковъ, самого Матвѣевца, Москальца и Остапца, сковали желѣзными ланцюгами, но товарищи Матвѣевца разбрелись, Москалецъ ушелъ; остались только двое—самъ Матвѣевецъ и Остапецъ. Въ пятницу второй недѣли великаго поста кошевой Гусакъ собралъ раду, на радѣ изложилъ преступленіе Матвѣевца и спросилъ, какого наказанія достоинъ онъ. Бывшее на ту пору низовое товариство и куренные атаманы на такой спросъ кошевого отвѣтили, что Матвѣевецъ и его товарищъ достойны смертной казни. Тогда рѣшено было осужденныхъ казнить немедленно. Палачъ, татарскій невольникъ, Матвѣевцу немедленно отнялъ голову, и казненный того-же дня былъ погребенъ на мѣстѣ казни; но съ Остапцомъ случилось удивительное чудо: нѣсколько разъ татаринъ ударялъ его по шеѣ, но никакъ не могъ отрубить ему головы: такъ и остался онъ недорѣзаннымъ. Тогда товарищи взяли его на излѣченіе и стали заживлять его раны. Послѣ этого войско запорожское стало негодовать и «похваляться на зомсту» (месть) на кошевого Гусака за то, что онъ, не дождавшись козаковъ, ходившихъ на днѣпровые луга и въ другія мѣста ради рыбной добычи, казнилъ всеобщаго любимца, козака Матвѣевца. Особенное неудовольствіе высказывали на кошевого тѣ триста человѣкъ козаковъ, которые занимались ловлей осетровъ въ днѣпровскихъ порогахъ: они «чинили великое пререканіе» на кошевого за то, что онъ такого человѣка, какъ Матвѣевецъ, много разъ бывшаго въ военныхъ промыслахъ, осудилъ не по обычаю и поведенію запорожскаго войска. Козаки находили, что Гусакъ казнилъ Матвѣевца изъ зависти, боясь, чтобы войско не избрало его своимъ кошевымъ [1]).

---

[1]) Архивъ мин. ин. дѣлъ; мал. подл. акты, 1691, № 721—737.

Гетманъ Мазепа о происшествіи, бывшемъ въ Сичи, донесъ царямъ особымъ листомъ, въ которомъ высказывалъ свое негодованіе по адресу кошевого, называя казнь козаковъ варварскимъ поступкомъ со стороны Ивана Гусака: «Такого скораго и суровoго караныя на Запорожьѣ отъ бывшихъ атамановъ кошевыхъ надъ проступками не бывало, знати (знать) то сей атаманъ Иванъ Гусакъ взялъ межи войскомъ низовымъ силу, что такъ поступити важился» [1].

Самимъ запорожцамъ гетманъ Мазепа въ это время отправилъ обширный листъ въ видѣ отвѣта на посланное ими марта 17 дня укоризненное письмо. На запросъ запорожцевъ о времени похода царскихъ войскъ противъ непріятелей, гетманъ отвѣчалъ, что на подобный вопросъ онъ вовсе ничего не можетъ отвѣчать, потому что разглашать о томъ преждевременно нельзя, чтобы не дать непріятелю времени собрать собственныхъ для отпора силъ; когда-же окажется надобность въ походѣ, то запорожское войско будетъ о томъ извѣщено царскимъ указомъ и гетманскимъ универсаломъ и за свои подвиги противъ бусурманъ получитъ монаршескую милость и гетманское доброжелательство. О гадячскихъ мѣщанахъ, хлопотавшихъ «о закупленіи» Переволочанскаго перевоза, гетманъ заявляетъ, что тѣ люди много причинили ему непріятностей, досадъ и «ругательныхъ словъ» и потому гетманъ самъ приноситъ на нихъ жалобу въ Кошъ. По поводу запрета присылки въ Келеберду на зимовлю «войскового арматнаго стада» гетманъ отвѣчаетъ, что онъ никогда въ томъ войску никакихъ препонъ не дѣлалъ и никакихъ пожитковъ съ Келеберды себѣ не присваивалъ, и если запорожцы не всегда встрѣчали тамъ радушный пріемъ отъ мѣстнаго сотника, то причиной тому они-же сами: пріѣзжая туда на зимовлю, они держатъ себя тамъ слишкомъ надменно («всякій изъ нихъ высокимъ себя чинитъ тамъ») и много себѣ позволяютъ, причиняя людямъ не мало кривды и непріятностей. Нужно, чтобы Кошъ, отправляя козаковъ изъ Запорожья въ малороссійскіе города для отдохновенія, посылалъ съ ними, для удержанія ихъ отъ самовольства старшихъ «крѣпостью умоцованныхъ», и чтобы тѣ козаки располагались на жительство къ своимъ роднымъ и знакомымъ и не причиняли никакихъ непріятностей бѣднымъ лю-

---

[1]) Архивъ мин. иностр. дѣлъ, 1691, св. 86, № 13; мал. под., акты, св. 8, № 740—724.

дямъ. Что касается требованій со стороны запорожскаго войска присылки ото всѣхъ мельницъ полтавскаго полка отрубей, то объ этомъ не было никакихъ распоряженій ни отъ прежнихъ гетмановъ, ни отъ предшествовавшихъ государей и потому въ войско какъ посылалось, такъ и теперь посылается 500 бочекъ муки разомъ, не считая того, что дается по частямъ («на раздробь») всѣмъ запорожскимъ козакамъ, пріѣзжающимъ къ гетману и уѣзжающимъ отъ него. Изъ перевозныхъ-же доходовъ гетманъ ни единаго шеляга на себя не беретъ и все, что получается, отправляетъ въ войско запорожское, исключая того, что зарабатываютъ перевозомъ двѣ пары липъ на божіи церкви и на сотника въ Переволочнѣ, но и это установлено еще прежними гетманами, до уряда самого Мазепы. А что до раздачи заслуженнымъ лицамъ изъ запорожскаго войска разныхъ маетностей на Украйнѣ, будто бы «для похлѣбства дѣлающейся», то и это не правда: еще со времени гетмана Богдана Хмельницкаго и до Мазепинаго уряда въ малороссійскихъ городахъ всегда значные и заслуженные добрые молодцы войска запорожскаго, не только на старшинствѣ бывшіе, но и рядовые товарищи, кто того былъ достоинъ, «заживали», съ царской и войсковой ласки, разныя маетности, и теперь дѣлается то-же самое, новаго-же ровно ничего, и роздача такихъ маетностей никакого убытка войску запорожскому не причиняетъ. О вниманіи-же и пріязни гетманской къ запорожскому войску всѣмъ извѣстно: гетманъ никогда никого изъ запорожскихъ товарищей не отпускалъ отъ себя безъ подарковъ деньгами и сукнами и всегда старался у великихъ государей о прибавкѣ войску запорожскому милостиваго царскаго жалованья и теперь будетъ стараться о томъ-же, лишь-бы только запорожское войско, согласно своей присягѣ, вѣрно служило монархамъ, не вѣрило никакимъ клеветникамъ, которые вносятъ расколъ и ссору между товари ствомъ низовымъ и гетманомъ и причиняютъ бѣды державѣ великихъ государей и вредъ отчизнѣ Малой Россіи [1]).

Нельзя не замѣтить того снисходительнаго и заискивающаго тона, въ какомъ написано къ запорожцамъ гетманское письмо. Оно и понятно: бѣгство въ Запорожье Петрика, недовольства, отовсюду раздававшіяся на гетмана въ Малороссіи, волненія въ самомъ Запорожьи сильно безпокоили Мазепу, и ему нужно было

[1]) Архивъ мин. ин. дѣлъ; мал. подд. акты, 1691, св. 8, № 746 - 739.

такъ или иначе успокоить запорожцевъ, а для этого слѣдовало обратить ихъ вниманіе на другую сторону. Гетманъ, отъ имени великихъ государей, послалъ представленіе кошевому атаману Гусаку оставить всякіе раздоры и чинить промыслъ противъ враговъ святого креста, для чего имъ дозволялось взять старые челны на рѣкѣ Самарѣ у Новобогородицкаго городка.

Но этотъ призывъ не произвелъ должнаго дѣйствія на запорожскій Кошъ. Противъ крымцевъ въ это время дѣйствовали только такъ называемые охотницкіе козаки. Руководимые какимъ-то сотникомъ Юскомъ да хвастовскимъ полковникомъ Семеномъ Паліемъ, они напали, въ началѣ весны, въ урочищѣ Пересыпи, за Очаковомъ, на возвращавшихся «съ нѣмецкой войны до Крыма» татаръ, шедшихъ подъ начальствомъ двухъ салтановъ, Девлетъ-Герая и Батырь-Герая. Въ этой стычкѣ запорожцы многихъ непріятелей въ плѣнъ забрали, многихъ покололи, не мало добычи захватили и одного языка гетману Мазепѣ отослали, котораго гетманъ въ свою очередь отправилъ въ Москву [1]).

Самъ вельможный Кошъ отвѣтилъ гетману только въ началѣ мѣсяца мая. Для того отправленъ былъ въ городъ Батуринъ сѣчевой козакъ Ѳедоръ Ляхъ съ обширнымъ отъ всѣхъ запорожцевъ письмомъ. И тонъ и содержаніе письма показываютъ, что запорожцы вовсе не думали смириться передъ гетманомъ и что они по-прежнему считали себя обиженными имъ. Прежде всего они потребовали отъ гетмана выдачи имъ пожалованныхъ отъ государей челновъ и необходимаго количества для починки ихъ желѣза и смолы, а потомъ разразились укоризнами на гетмана за построеніе Новобогородицкаго городка, за утайку восьми тысячъ «перевозныхъ грошей» отъ Переволочанскаго перевоза, за недоставку муки съ мельницъ полтавскаго полка, за недозволеніе проживать запорожцамъ вмѣстѣ съ ихъ арматными конями въ Келебердѣ, за допущеніе гетманскимъ посланцемъ Пантелеймономъ Радичемъ, ѣздившимъ въ Крымъ для размѣна плѣнныхъ, захвата на рѣкахъ Міусѣ, Кальміусѣ и Бердѣ, запорожскихъ рыбныхъ и соляныхъ промышленниковъ въ бусурманскую неволю, когда, вслѣдствіе пущеннаго Радичемъ преждевременнаго слуха о имѣющемъ быть мирѣ между Украйной и Крымомъ, тѣ промышлен-

---

[1]) Архивъ мин. ин. дѣлъ; мал. подл. акты, 1691, св 8, № 742—726 743—727.

ники слишкомъ далеко углубились въ татарскія урочища и были полонены бусурманами.

Многочисленные тайные агенты, которыми Мазепа наводнилъ Запорожье, поспѣшили отправить ему важныя вѣсти изъ Сѣчи и объяснить настоящее въ ней положеніе дѣлъ. По словамъ такихъ агентовъ, въ числѣ коихъ былъ какой-то «законникъ», запорожцы, послѣ двухдневной рады, тайно отправили отъ себя двухъ куренныхъ атамановъ съ товариствомъ въ Крымъ, съ цѣлью замириться съ ханомъ; къ тому подбивалъ ихъ «проклятый» Петрикъ, который совѣтовалъ запорожцамъ идти войной на Украйну и, оставляя въ ней въ покоѣ посполитыхъ людей, истребить всѣхъ пановъ да сердюковъ, захватившихъ на Украйнѣ маетности, и поставить гетмана «съ своей руки» [1].

При всемъ томъ гетманъ старался держаться съ запорожцами на мирной ногѣ. Онъ приказалъ воеводѣ Новобогородицкаго городка передать запорожцамъ пожалованныя имъ лодки, а отъ себя послалъ въ Сѣчь четыре воза «гнучого» желѣза, 10 бочекъ смолы для поправки челновъ; кромѣ того, на сооруженіе сѣчевой церкви пожертвовалъ сто золотыхъ грошей, 12 бочекъ разнаго борошна, 10 полтей и 10 салъ [2]. Что до обвиненій, высказанныхъ ему Кошемъ, то на нихъ гетманъ отвѣчаетъ по пунктамъ. Городъ Новобогородицкій построенъ не по гетманской волѣ, а по волѣ самихъ государей и жаловаться на это дѣло, столь спасительное для всѣхъ христіанъ въ борьбѣ съ бусурманами, нѣтъ никакого резона, скорѣе запорожцы могли-бы быть недовольными за построенія турками днѣпровскихъ городовъ Шагингирея и Кызыкерменя, закрывшихъ козакамъ выходъ на Черное море, нежели на сооруженіе Новобогородицка, возведеннаго не для утѣсненія запорожскихъ вольностей, а для отраженія бусурманскихъ на Запорожье и на Украйну постоянныхъ набѣговъ. Недоплата перевозныхъ денегъ отъ Переволочны—простое со стороны запорожцевъ недоразумѣніе: запорожцамъ посланы деньги всѣ сполна, и если-бы было доказано обратное, то за утайку тѣхъ денегъ дозорца гетманскій Иванъ Рутковскій будетъ лишенъ жизни. Хлѣбные запасы, въ количествѣ 500 бочекъ муки, также всѣ сполна отправлены въ запорожскую Сѣчь, сверхъ этого гетманъ не мало роздалъ запа-

---

[1]) Архивъ мин. ин. дѣлъ; мал. подл. акты, 1691, св. 8, № 757—741.

[2]) Архивъ мин. ин. дѣлъ; мал. подл. акты, 1691, св. 8, № 748—732.

созъ хлѣба частію отдѣльнымъ лицамъ низоваго товариства, частію полевымъ ватажникамъ, частію тѣмъ «заслуженнымъ», которые, находясь въ войскѣ въ нищетѣ и убожествѣ, въ городахъ проживали. Келеберда какъ была, такъ и осталась на положеніи всѣхъ городовъ полтавскаго полка: гетманъ изъ нея ничего себѣ не беретъ, но ставить-ли тамъ однихъ коней арматныхъ, а товариства не ставить—объ этомъ не было и рѣчи, потому что всѣ города войсковымъ становищамъ подлежатъ. А что до захвата промышленныхъ людей на Міусѣ и Калміусѣ въ бусурманскую неволю черезъ преждевременное оглашеніе гетманскимъ посланцемъ Радичемъ о имѣющемъ быть мирѣ между русскими и крымцами, то въ томъ гетманскій посланецъ не виноватъ нисколько, и кто пустилъ такую поголоску о мирѣ и тѣмъ причинилъ шкоду бѣднымъ людямъ, не взявшимъ чрезъ то мѣръ предосторожности и ушедшихъ далеко отъ своихъ предѣловъ, за то пусть самъ Господь Богъ отомстить ему на его головѣ [1]). Пантелеймонъ Радичъ, посланный въ Крымъ и въ другіе крымскіе «бусурманской владзы края о свободѣ невольничей», не выполнилъ своего порученія вслѣдствіе перемѣны бывшаго хана и салтановъ на новыхъ и вернулся назадъ изъ Крыма съ однимъ знатнымъ татариномъ, которому дано было порученіе всѣхъ бывшихъ въ малороссійскихъ и великороссійскихъ городахъ плѣнныхъ татаръ зареестровать и доставить о томъ вѣдомость новому хану въ Крымъ. Опасаясь нѣкоторыхъ «неуважныхъ людей» изъ запорожскаго войска, Радичъ, по собственной волѣ, нашелъ нужнымъ въ запорожскую Сичь вовсе не заѣзжать, а отъ Кызырменя прямо къ Переволочнѣ пробраться. Сдѣлалъ это онъ отнюдь не сообразуясь съ волей гетмана, а по собственному желанію. Находясь въ Крыму, Радичъ слыхалъ, что крымцы очень склонны заключить съ русскими государями миръ, но русскіе государи на тотъ миръ, безъ согласія сосѣднихъ государей, особенно польскаго короля, несогласны и потому запорожцамъ слѣдуетъ держаться того-же положенія въ отношеніи крымскихъ татаръ [2])

О своихъ сношеніяхъ съ Кошемъ гетманъ сообщилъ въ Москву, при чемъ присовокупилъ къ тому извѣстіе о бѣгствѣ «здрайцы» Петрика въ Запорожье и «о переймѣ превратного его

---

[1]) Архивъ мин. ин. дѣлъ; мал. подл. акты, 1691, св. 8, № 753—737.

[2]) Архивъ мин. ин. дѣлъ; мал. подл. акты, 1691, св. 8, № 759—743.

злоумія письма», писаннаго изъ Сичи въ Малороссію къ какому-то канцеляристу [1]).

Въ одно время съ тѣмъ, какъ велась оффиціальная переписка между Кошемъ и гетманомъ, шла тайная «черезъ певныхъ и секретныхъ гетманскихъ посланцевъ» переписка между гетманомъ-же и кошевымъ атаманомъ. Гетманъ, соблюдая строгую тайну, извѣщалъ Ивана Гусака о скорой и непремѣнной войнѣ Россіи съ Крымомъ и совѣтовалъ кошевому въ виду того собрать запорожское войско «укупу» на Кошѣ. Не имѣя основаній не вѣрить гетману, Гусакъ собралъ все войско до Коша и ждалъ съ нетерпѣніемъ, когда гетманъ объявитъ о походѣ во всеобщее свѣдѣніе. Но такъ какъ проходили дни за днями, и гетманъ не объявлялъ никакого похода, то кошевой очутился въ весьма затруднительномъ положеніи и съ трудомъ могъ удерживать на Кошу войско, которое, получая ничтожное жалованье и не имѣя никакой добычи, стало уходить къ польскому королю на службу. Положеніе кошевого сдѣлалось еще болѣе затруднительнымъ отъ того, что онъ въ это-же время долженъ былъ ладить съ крымскимъ ханомъ. Пользуясь печальнымъ случаемъ захвата бусурманами на какой-то рѣкѣ, вмѣстѣ съ челномъ, козака Искры и желая вызволить несчастнаго плѣнника изъ неволи, кошевой атаманъ Гусакъ, сообща съ добрыми молодцами, отправилъ въ Крымъ нѣсколько человѣкъ товариства съ видимою цѣлью заключить перемиріе съ Крымомъ, съ дѣйствительною провѣдать о томъ, что дѣлаютъ въ Крыму бусурмане и сколько осталось ихъ дома. Пребывая съ гетманомъ въ прежней дружбѣ, кошевой съ возвращеніемъ въ Сичь изъ Крыма посланнаго товариства, немедленно извѣстилъ о томъ гетмана, а пока наипокорно просилъ его сообщить секретнымъ способомъ, черезъ щирыхъ людей своихъ, какъ ему, кошевому, поступать съ войскомъ: если военнаго дѣла совсѣмъ не будетъ, тогда нечего войска и на Кошу держать, а нужно отпустить его на добычи, потому что до сихъ поръ (до 5 числа іюля мѣсяца) ни козаки, ни чумаки, согласно гетманскому указу, не имѣютъ позволенія оставить запорожской Сичи и идти въ города на промыслы [2]).

---

[1]) Архивъ мин. ин. дѣлъ; мал. подл. акты, 1691, св. 8, № 748—732.

[2]) Архивъ мин. ин. дѣлъ; мар. подл. акты 1691, св. 8, № 776—760. Въ это-же время кошевой Гусакъ, на просьбу гетмана «о вызволенѣ изъ неволи бусурманской» нѣкоего Поплонскаго, послалъ гетману и другое письмо,

Каковъ пришелъ отъ гетмана Мазепы на запросъ кошевого атамана отвѣтъ—неизвѣстно, но въ концѣ того-же іюля мѣсяца Мазепа отправилъ къ царямъ грамоту о запорожскомъ козакѣ Куленкѣ съ его товарищами, которые «во время сраженія съ калгой-салтаномъ взяли одного языка», а въ началѣ августа мѣсяца самъ получилъ тревожныя вѣсти о настроеніи запорожскаго войска. Августа 13 числа Мазепа послалъ изъ Батурина въ Переволочну своего челядника къ дозорцѣ Ивану Рутковскому съ приказаніемъ достать въ Днѣпрѣ живого осетра и «осоливши его добре», доставить его, какъ можно скорѣй, въ городъ Батуринъ, куда гетманъ «на сей часъ сподѣвается къ себѣ гостя вдячного изъ Москвы».

Пользуясь такимъ случаемъ, дозорца Рутковскій послалъ гетману Мазепѣ вѣсть о дѣлахъ и настроеніи запорожскаго войска. Жилъ за порогами Днѣпра, писалъ Рутковскій, одинъ «врѣльскій» [1]) человѣкъ. Понимая письмо, онъ находился при божіей церкви; но потомъ, оставивши запорожскую Сѣчь, вернулся къ себѣ и отъ преданныхъ гетману лицъ, его гетманской особѣ слишкомъ извѣстныхъ съ нѣкоторыхъ поръ, разсказалъ о «злостяхъ и шаленствѣ» Петрика, убѣжавшаго на Сѣчь [2]). Петрикъ «прибираетъ» къ себѣ кошевого съ товариствомъ, въ особенности козаковъ того куреня, въ которомъ самъ живетъ, и подбиваетъ ихъ идти войной на Русь (т. е. Малороссію), пользуясь «теперешнимъ миромъ». «Я, говоритъ онъ, пане кошовый, горло свое ставлю, и велю мене на составы порубати, коли тобѣ вся Украйна, почавши одъ самой Полтавы, не поклонится; тилко хоть шесть тысячей озми (возьми) орди (орды) да пойдемъ въ городи: мене пошли впередъ съ килко сотъ конми въ Полтавщину,—я знатокъ, зъ якого конца зачати, да и дѣдусь мой не буде спати за свою зневагу, що его зкинули съ полковництва, а гетманъ заразъ на

въ которомъ говорилъ, что запорожцы исполнятъ гетманское приказаніе, но для этого нужны, какъ для самихъ охотниковъ на такое дѣло, такъ и для толмача, деньги, запорожская же скарбница «барзо на мѣшокъ хирує»: Архивъ мин. ин. дѣлъ; мал. подл. акты, 1691, св. 8, № 772—756.

[1]) Нужно думать «орельскій», т. е. житель одного изъ городовъ на рѣкѣ Орели.

[2]) Одинъ изъ таковыхъ былъ «прошлый» писарь запорожскій Гукъ, который до гетманской вельможности «вельми горнется», даетъ всякія вѣсти дозорцѣ гетманскому и впредь обѣщаетъ давать знать; за что дозорца просилъ гетмана чѣмъ-либо «потѣшить такого усерднаго человѣка».

Москву утечетъ, бо тамъ его вся душа, а тутъ тилко тѣнь его, войску запорозкому; одни скарби (ы) въ Польшу сестрѣ отвезъ, а теперь на Москву другіе почавъ возити, та и самъ туди-жъ къ чорту покрутится, одно (лишь только) съ татарами перейдемо Днѣпръ. Якъ бувъ гетманъ на Москвѣ, такъ рокъ (рекъ), щобъ такій городъ посередь Сѣчи поставити, якъ на Самарѣ побудовавъ». Въ другой разъ тотъ-же Петрикъ въ разговорѣ съ кошевымъ атаманомъ говорилъ такъ: «Пане кошовый, не помогутъ (—развѣ не помогутъ) намъ братя наше, которихъ сердюки—арендарѣ (—ре) да тіе дуки (богачи), що имъ царѣ (цари) маетности понадавали, мало живихъ (выхъ) не идятъ (ѣдятъ), едва почуютъ, що ты зъ войскомъ рушишся зъ Сѣчи, то сами оны (они) тихъ чортувъ панувъ подавятъ, а мы вже прійдемо на готовый ладъ, да и коло (около) самого гетмана есть тамъ добріе люди, которихъ лѣпшъ (лучше) послухаютъ, нежели его самого, не знаючи допустятъ утекати зъ Москви, и такъ ему мало одного часу одъ нихъ не склалося лихо». На такія рѣчи Петрика кошевой атаманъ Гусакъ различно отвѣчалъ ему, смотря по собственному настроенію: коли былъ трезвъ, то журилъ Петрика и говорилъ ему такъ: «Покинь, Петре, не брыдь ледачого»; да и отъ стариковъ ему за такія рѣчи доставалось въ бороду. А когда кошевой былъ пьянъ, то и самъ много ледачого говорилъ, и на тотъ часъ «статечные и зичливые» козаки принуждены были по необходимости молчать [1]).

Посылая въ Батуринъ такую вѣсть, дозорца Рутковскій просилъ гетмана отнюдь не открывать тамъ именъ тѣхъ «особъ, которые суть зичливые въ Сѣчи вельможности гетманской», потому что раньше того, когда кто-то изъ Батурина въ Сичь сообщилъ о пересылкѣ отъ какой-то особы для гетмана цидулки, то ту особу едва козаки не убили, и она «выкрутилась только чернецтвомъ да священствомъ», т.-е. черезъ монаховъ, да священниковъ.

Но гетманъ Мазепа, помимо дозорцы Рутковскаго, получалъ вѣсти и отъ своего козака Сидора Горбаченка. Сидоръ Горбаченко прислалъ въ Переволочну «цидулку» съ какою-то загадочною формулой: «Тотъ писалъ—хто читаль, а гдѣ скрыто—мало хто вѣдаеть» и, повидимому, давалъ отвѣтъ Мазепѣ по поводу его

[1]) Архивъ мин. ин. дѣлъ, мал. подл. акты, 1691, св. 8, № 790—775.

требованія о выдачѣ «запорожца» (конечно, Петрика), котораго козаки не желали выдавать гетману.

Запорожцы, ничего того не подозрѣвая, показывали свое расположеніе гетману Мазепѣ и обращались къ нему съ просьбами о дарованіи имъ разныхъ милостей. Такъ, осенью того-же 1691 года отъ кошевого атамана Ивана Гусака и всего запорожскаго низового войска отправлены были въ городъ Батуринъ два куренныхъ атамана, Нечипоръ да Яковъ, съ писаремъ, асауломъ и съ товарищами на 60 коняхъ, для поѣздки въ Москву за полученіемъ тамъ годового войску запорожскому жалованья. Гетманъ беспрепятственно пропустилъ изъ Батурина въ столицу запорожское посольство въ полномъ его составѣ и получилъ за то благодарность отъ всего низового войска. Выражая свою признательность за возможность войсковымъ посланцамъ «обачить монаршескія очи», запорожцы въ слѣдъ затѣмъ отправили къ самому гетману двухъ козаковъ, Петра Гука и Ваську переяславскаго куреня съ новою благодарностью за присланное бѣлое желѣзо для церкви и напоминали Мазепѣ о его обѣщаніи прислать для сѣчевой церкви «намѣстныхъ» образо̀въ, бѣлаго желѣза на двѣ «бани», т. е. на два купола («желѣза того было 600 и 3 аркуши»), и на другія церковныя потребы, а также доставить кресты, неводъ и за прошлый и настоящій годъ запасы. «И то вельможности вашей сообщаемъ, что въ грошахъ великій барзо сталася бракъ, такъ что за чехи ни въ коемъ случаѣ нельзя купить борошна: эти чехи находятъ гладкими и потому негодными. Мы-же ихъ не куемъ, и откуда они приходятъ, туда и отходятъ. Теперь-же отъ приходящихъ къ намъ изъ Украйны людей пущена, ради ихъ наживы, такая молва, что какъ арендари, такъ и полковники принимаютъ деньги только на выборъ, а ватажане, понадававъ намъ чеховъ то за рыбу, то за иную добычь, потомъ за борошно вновь не хотятъ брать. У насъ ходитъ монета, подобная той, какая ходитъ на Руси (т. е. въ Малороссіи), и мы иной не имѣемъ монеты—ни талеровъ, ни червонныхъ золотыхъ. Черезъ это ватажане съ Руси (Малороссіи) перестали ходить къ намъ, и мы не знаемъ, сдѣлано-ли то по рейментарскому указу, или сталось то безъ рейментарскаго указа». Объ этомъ кошевой Иванъ Гусакъ просилъ гетмана дать свой отвѣтъ войску, а пока благодарилъ его вельможность за какой-то «подаруночекъ» и извѣщалъ о томъ, что салтанъ съ ордою,

лишь только станетъ Днѣпръ, имѣетъ намѣреніе вторгнуться за Днѣпръ [1]).

Запорожское посольство выѣхало изъ Сичи сентября 22 дня съ извинительнымъ листомъ отъ всего низового войска къ пресвѣтлѣйшимъ державнѣйшимъ великимъ государямъ за то, что войско безъ указа и маестаты великихъ монарховъ съ бусурманами перемиріе заключили: то сдѣлано было ради нужды, бѣдности и убожества запорожцевъ, а теперь, согласно указу великихъ монарховъ, запорожцы готовы за православную вѣру кровь свою проливать и за государево величество жизнью своею жертвовать [2]).

Такъ прошла осень и настала зима. Запорожскіе козаки, отвлеченные на время мелкими походами противъ татаръ, съ наступленіемъ зимы вернулись къ своимъ куренямъ и зимовникамъ, и тутъ снова вышло на сцену дѣло бывшаго малороссійскаго войскаго канцеляриста Петрика: Петрикъ, теперь уже не скрывая своихъ плановъ и намѣреній, началъ открыто дѣлиться своими мыслями съ передовыми козаками запорожскаго товариства и старался, такъ или иначе, поднять все войско противъ Москвы и ненавистнаго малороссійскому народу гетмана Мазепы. Слова Петрика подхватывались тайными агентами гетмана Мазепы, находившимися въ Сичи, передавались его дозорцѣ Рутковскому въ Переволочну и изъ Переволочны доносились въ Батуринъ. Рутковскій, извѣщая гетмана о затѣяхъ Петрика, прибавлялъ, что, по собраннымъ изъ достовѣрныхъ источниковъ свѣдѣніямъ, подъ гетмана подкапывается генеральный писарь малороссійскаго войска, Василій Кочубей, имѣющій виды на гетманскую булаву. Этотъ Кочубей для того и Петрика въ Сичь послалъ: «Знаю, что гетманъ не будетъ живъ, говорилъ наединѣ одному полтавцу Петрикъ, отъ моего пана писаря: писарь хотѣлъ, усмотря время, его заколоть, и я живу каждый день, ожидая о томъ вѣдомости» [3]).

Не дождавшись, однако, вѣсти отъ Кочубея и не встрѣтивъ полнаго и рѣшительнаго сочувствія отъ запорожскихъ козаковъ, Петрикъ внезапно и тайно отъ всѣхъ, кромѣ самого кошевого атамана Гусака, ушелъ послѣ Егорьева дня изъ Сичи въ турецкій

---

[1]) Архивъ мин. ин дѣлъ, мал. подл. акты, 1691, св. 8, № 805—790.

[2]) Архивъ мин. ин. дѣлъ, мал. подл. акты, 1691, св. 8, № 799—789.

[3]) Соловьевъ, Исторія Россіи, Москва, 1864. XIV, 178.

городъ Кызыкермень; за нимъ последовало около 60 человѣкъ запорожскихъ козаковъ и въ числѣ ихъ козакъ Василій Бузскій. Цѣлью поѣздки Петрика въ Кызыкермень было поднять татаръ противъ Москвы за освобожденіе Украйны, такъ какъ въ Запорожьи онъ нашелъ недостаточное число сочувствующихъ его предпріятію людей.

Прибывъ благополучно въ Кызыкермень, Петрикъ спустя недѣлю написалъ оттуда запорожцамъ письмо. Въ томъ письмѣ онъ просилъ прощенія у товариства за то, что ушелъ изъ Сичи безъ вѣдома войска, благодарилъ за хлѣбъ, за соль и за избраніе его въ войсковые писаря, а послѣ всего того изложилъ низовому войску весь свой планъ, ради котораго онъ оставилъ Украйну, бѣжалъ въ Запорожье и изъ Запорожья ушелъ въ Кызыкермень: «Часто многимъ изъ васъ говорилъ я, въ какомъ опасеніи отъ разныхъ непріятелей пребываетъ нашъ малороссійскій край и до какого приходитъ упадка, благодаря ненавистнымъ владѣтелямъ; и говорилъ, чтобъ вы промыслили объ этомъ усердно; но такъ какъ никто не хотѣлъ приняться за дѣло, то я сталъ за войско запорожское и за весь малороссійскій народъ, для чего вошелъ въ государство крымское; когда предки наши жили съ этимъ государствомъ въ союзѣ, то никто намъ не смѣялся, а теперь всѣ вы, добрые молодцы, будете довольны договоромъ, который я заключу съ Крымомъ» [1]).

Запорожскіе козаки, получивъ Петриково письмо, собрались на раду и на ней стали говорить, что Петрикъ не спроста ушелъ въ Крымъ и что про то, вѣроятно, знаетъ кошевой атаманъ. Кошевого атамана стали «истязать» (допрашивать), но онъ клялся, что о замыслахъ Петрика не знаетъ ничего. По прочтеніи Петрикова письма между запорожцами произошелъ разладъ: одни, главнымъ образомъ старшина, отвергали предложеніе Петрика войти въ союзъ съ крымцами; другіе, большею частью чернь или сирома, объявляли, что они готовы войти съ нимъ и съ крымцами въ союзъ и идти походомъ на государевы украинные города. Рада окончилась тѣмъ, что кошевой атаманъ Иванъ Гусакъ написалъ Петрику письмо и въ томъ письмѣ спрашивалъ его, кто послалъ его изъ Малороссіи въ Запорожье и имѣетъ-ли онъ отъ человѣка;

---

[1]) Архивъ мин. ин. дѣлъ, 1692, апр., № 20

который его послалъ, какіе-нибудь листы и если имѣетъ, то кому писаны тѣ листы [1]).

Самъ Петрикъ между тѣмъ изъ Кызыкерменя переѣхалъ въ Крымъ. Явившись въ Крымъ, онъ обратился за содѣйствіемъ въ своихъ планахъ къ крымскимъ мурзамъ; но мурзы, за исключеніемъ немногихъ лицъ, отнеслись къ предложенію Петрика слишкомъ легко и устроили для него самое лучшее, чего онъ особенно желалъ—свиданіе съ ханомъ наединѣ. Представъ предъ ханскимъ лицомъ, Петрикъ сразу ему объявилъ, что онъ присланъ въ качествѣ довѣреннаго лица отъ всего войска запорожскихъ козаковъ съ предложеніемъ заключить общій союзъ для совмѣстнаго похода подъ города московскаго царя. Кромѣ Запорожья ханъ можетъ вполнѣ надѣяться и на всю Украйну, горѣвшую ненавистью противъ Москвы за введеніе ею порядковъ, ненавистныхъ жителямъ всѣхъ малороссійскихъ городовъ. Счастье неожиданно помогло просителю: въ это время къ Петрику изъ Украйны пришли какіе-то четыре козака, и находчивый писарь увѣрилъ хана, что то прибыли полномочные малороссійскіе люди просить у крымцевъ помощи противъ москалей. Хану такая просьба вполнѣ по сердцу пришлась: передъ этимъ онъ велъ съ Москвой переговоръ о томъ, чтобы заключить обоюдный миръ, но такъ какъ условія, предложенныя Москвой, не понравились ему, то онъ только ждалъ случая, чтобы отомстить Москвѣ. Къ тому-же ханъ никакъ не могъ забыть и двухъ походовъ русскихъ на Крымъ.

Во все время, пока Петрикъ хлопоталъ въ Крыму, запорожскіе козаки были съ гетманомъ Мазепой на мирной ногѣ. На ту пору у нихъ состоялъ кошевымъ атаманомъ Ѳедько. Кошевой Ѳедько извѣщалъ гетмана малороссійскихъ козаковъ, что запорожцы приняли у себя царскаго гонца Василія Айтемирова и гетманскаго гонца Василія Велецкаго, отправленныхъ, вмѣстѣ съ сотникомъ Якимомъ Кнышомъ, къ хану въ Крымъ. Для безопасности гонцовъ запорожскій Кошъ отрядилъ двухъ значныхъ козаковъ, Ивана Лотву да Якова Ворону, которые, проводивъ гонцовъ въ самый Кызыкермень, отъ Кызыкерменя вернулись вмѣстѣ съ Якимомъ Кнышомъ назадъ. Теперь, отпуская отъ себя Кныша, запорожцы заносятъ гетману жалобу на его дозорцу Рутковскаго, который еще съ зимы не пропускаетъ въ Сичь ватагъ, идущихъ съ бо-

---

[1]) Архивъ мин. юстиціи, кн. мал. приказа, № 66, лл. 106—129.

рошномъ за рыбною добычей на низъ. Весь запорожскій Кошъ просилъ гетмана избавить козаковъ отъ подобныхъ своевольствъ и напоминалъ ему о его обѣщаніи прислать черного желѣза на церковную потребу и ланцюговъ для поднятія крестовъ на сичевой храмъ. Кромѣ того, запорожскій Кошъ заносилъ свою жалобу на нѣкоторыхъ малороссійскихъ козаковъ, которые, ходя на безбашей, причиняютъ крымскому ханству много шкодъ и тѣмъ даютъ поводъ для татаръ нарекать на низовыхъ козаковъ, будто - бы тѣ шкоды причиняютъ ни кто другой, какъ именно запорожскіе козаки. За всѣмъ тѣмъ кошевой атаманъ Ѳедько подавалъ гетману Мазепѣ вѣсть о назначеніи въ Кызыкермень беемъ Кеенанъ-мурзы, который передъ тѣмъ былъ въ Москвѣ и потомъ, находясь проѣздомъ въ Сичи, «мило вспоминалъ гетманское рейментарское имя», а теперь изъ города Кызыкерменя пишетъ гетману свой листъ [1].

Тѣмъ временемъ Петрикъ успѣлъ добиться того, о чемъ онъ такъ усердно хлопоталъ. Горячая рѣчь, большая находчивость, смѣлый планъ увлекли хана войти съ нимъ въ союзъ, и ханъ заключилъ съ Петрикомъ, какъ представителемъ всего войска запорожскихъ козаковъ, формальный договоръ. Послѣ заключенія того договора Петрикъ, апрѣля 11 дня, принесъ отъ себя присягу «на вѣчный отъ войска запорожскаго крымскому панству покой».

«Я, Петръ Ивановичъ, писарь войска запорожскаго низового, присягаю всемогущему Господу Богу во святой Троицѣ единому, и пресвятой Дѣвѣ Маріи и всѣмъ святымъ, что, соболѣзнуя о потерѣ и послѣдней пагубѣ отъ явной и несомнѣнной съ разныхъ сторонъ происходящей опасности милой отчизнѣ нашей Малой Россіи и всѣмъ, въ ней находящимся обывателямъ и желая сохранить, при всемогущей помощи Бога, цѣлость ея, писалъ я нѣсколько разъ, ради учиненія съ крымскимъ царствомъ вѣчного мира, до писаря кызыкерменскаго Шабана и теперь пишу до его милости пана кызыкерменскаго бея. То все я на вѣчное время, до конца моей жизни, додержу и буду стараться привести къ тому всѣхъ имѣющихъ при мнѣ быти властей. Между нами, войскомъ запорожскимъ и царствомъ крымскимъ, будетъ вѣчный миръ и братерская згода, мы будемъ другъ друга оборонять отъ всякихъ, съ какихъ бы сторонъ не наступали, непріятелей, и кому будетъ ваяснѣйшій ханъ его милость и все крымское царство пріятелемъ,

---

[1]) Архивъ мин. ин. дѣлъ; мал. подл. акты, 1692, св. 9. № 818—833.

тому и мы будемъ пріятелемъ, а кому будетъ непріятелемъ, тому и мы непріятелемъ, также кому мы будемъ пріятелемъ, тому и царство крымское имѣетъ быть пріятелемъ, а своевольныхъ людей будемъ укрощать съ обѣихъ сторонъ правомъ призвоитымъ. Все это я въ цѣлости додержу и никакого пункта не нарушу, въ чемъ мнѣ, Боже, да помоги. А если-бъ съ моей стороны была настоящему миру какая-нибудь отмѣна, то пусть меня на душѣ, и на тѣлѣ, и въ замыслахъ Господь Богъ покараетъ. Аминь. Вышеименованный писарь Петръ Ивановичъ» [1]).

Мая 18 числа Петрикъ написалъ, на имя кошевого атамана Ѳедька, другое письмо и въ немъ изложилъ самыя статьи договора, которыя онъ съ крымскимъ ханомъ учинилъ. Въ тѣхъ статьяхъ было сказано такъ: по свобожденіи Украйны изъ-подъ ига Москвы ахтырскому и сумскому полкамъ со всѣми городами и принадлежностями ихъ быть подъ властью войска запорожскихъ козаковъ; харьковскій и рыбинскій полки на чигиринскую сторону перевести; чигиринская сторона имѣетъ быть въ границахъ, какъ ее Хмельницкій съ ордой завоевалъ, и также должна подъ власть запорожскихъ козаковъ поступить. За ту подмогу Петрикъ вмѣсто воздаянія обѣщаетъ всѣмъ татарамъ Муравскіе шляхи отворить [2]). Заканчивая самое письмо, Петрикъ говорилъ такъ: «Кто хочетъ—добывай себѣ рыбу соль и звѣря, а кто хочетъ добычи московской, пусть идетъ съ нами, потому что мы скоро съ войскомъ запорожскимъ и съ ордами пойдемъ у Москвы всю Украйну отбирать» [3]).

Того-же мѣсяца мая, 27 числа, Петрикъ послалъ въ Сичь, кошевому атаману Ѳедьку, третье письмо, въ которомъ извѣщалъ запорожское войско, что самъ ханъ ушелъ воевать нѣмцевъ [4]), а на Украйну вмѣсто себя послалъ калгу-салтана, который скоро будетъ въ Каменномъ-Затонѣ, куда, для заключенія договора, должны пріѣхать кошевой атаманъ и представители отъ всего запорожскаго войска.

Независимо отъ Петрика писалъ кошевому самъ калга-салтанъ. Онъ извѣщалъ Ѳедька, что, хотя вслѣдствіе сборовъ хана въ турецкую землю, замедлилъ выходомъ изъ Крыма, тѣмъ не

---

[1]) Архивъ мин. ин. дѣлъ; крым. дѣла, 1692, св. 79а, № 4.

[2]) Архивъ мин. ин. дѣлъ; крым. дѣла, 1692, св. 79а, № 4.

[3]) Архвъ мин. ин. дѣлъ; мал. под. акты, 1692, № 828—843.

[4]) Ханъ съ частью крымской и бѣлогородской орды выбрался войной на маджаръ или цесарчиковъ въ помощь туркамъ. Величко, III, 103.

менѣе вскорѣ съ войскомъ крымскимъ, ногайскимъ и черкесскимъ, съ братомъ своимъ Маберекъ-Гераемъ и съ Яманъ-Сагайдакомъ, готовъ идти «на потребу» запорожскаго войска. Относительно запорожскихъ посланцевъ, отправленныхъ отъ войска въ Крымъ для обоюднаго размѣна плѣнныхъ людей, калга - салтанъ писалъ, что хотя они нѣсколько времени, вслѣдствіе военныхъ въ Крыму сборовъ, и были задержаны на мѣстѣ, но тѣмъ не менѣе, въ тотъ день, когда татары выйдутъ изъ Крыма, выйдутъ вмѣстѣ съ ними и сичевые посланцы. Что-же касается самихъ полоняниковъ, то калга-салтанъ просилъ нисколько не сомнѣваться на этотъ счетъ: за нихъ много разъ ходатайствовалъ панъ писарь Петро, и какъ только татарское войско дойдетъ до Каменнаго-Затона, то о такомъ дѣлѣ салтанъ нисколько не постоитъ и надѣется и другіе вопросы къ обоюдной пользѣ свести [1]).

Запорожцы, получивъ письма Петрика и калги-салтана, попрежнему раздѣлились на двѣ партіи: партію сиромы и партію старшинъ. Первая партія принимала предложеніе Петрика и намѣревалась идти на Украйну съ тѣмъ, чтобы бить тамъ богачей-дуковъ и арендарей—грабителей; вторая партія отвергала предложеніе Петрика и не соглашалась съ первой. Въ то время кошевымъ атаманомъ былъ все еще Ѳедько. Старшина нашла, что кошевой не умѣетъ управлять страстями черни и потому рѣшила выбрать вмѣсто него новаго кошевого. Ѳедько сперва противился такому рѣшенію, но когда козаки бросились за полѣньями, то онъ поспѣшилъ отказаться отъ своего званія и тогда вмѣсто него выбранъ былъ прежній кошевой атаманъ Иванъ Гусакъ. Зная настроеніе массы, Гусакъ сперва отказался было отъ предложенной ему чести и привелъ козакамъ такое сравненіе: «Теперь, когда свѣтъ зажженъ, вы меня въ этотъ огонь гоните, чтобъ я гасилъ его: кто такое дѣло началъ, тотъ пусть и кончитъ». Но потомъ, въ силу настояній всего товарства, Гусакъ взялъ булаву въ руки и поспѣшилъ успокоить войско [2]).

Гетманъ Мазепа, имѣвшій много враговъ на Украйнѣ, хотѣлъ было воспользоваться затѣей Петрика и уничтожить одного изъ своихъ скрытыхъ недоброжелателей, генеральнаго писаря Ва-

---

[1]) Архивъ мин. ин. дѣлъ, крымскія дѣла, 1692, св. 79а № 4.

[2]) Архивъ мин. ин. дѣлъ; крымскія дѣла, 1692.

силія Кочубея: будучи самъ «Махіавель и хитрый лисъ», какъ называли его запорожцы, Мазепа всю затѣю Петрика взвалилъ на плечи Кочубея. Послѣднему грозила неминуемая бѣда, но онъ въ іюнѣ мѣсяцѣ написалъ оправдательный листъ кіевскому митрополиту Варлааму Ясинскому и въ немъ клялся и душой, и тѣломъ, и имуществомъ, что онъ неповиненъ «въ зломъ начинаніи» Петрика, не смотря на клевету, которую распускаютъ его враги.

«Его милость (гетманъ Мазепа) какъ сначала сталъ связывать бѣгство Петрика съ моимъ именемъ, такъ и теперь своего вымысла не выпускаетъ изъ головы, а различные клеветники подтверждаютъ возводимую на меня ложь. Они говорятъ, во-первыхъ, будто-бы я далъ ему, Петрику, на приведеніе какихъ-то моихъ замысловъ полторы или три тысячи золотыхъ денегъ, для подтвержденія чего присланъ былъ изъ Полтавщины одинъ хлопецъ, служившій при Петрикѣ, но раньше того бывшій въ Запорожьи и будто бы слыхавшій въ Сичѣ о полученіи тѣхъ денегъ изъ устъ самого Петрика; но только когда хлопца спросили о томъ здѣсь (въ Батуринѣ) канчуками, то онъ отклонилъ отъ меня такую напасть; во-вторыхъ, прошлой зимой донесено было изъ Полтавщины, будто несомнѣнно я далъ тому Петрику деньги и не три тысячи золотыхъ, а двѣ тысячи червонныхъ золотыхъ; въ-третьихъ, донесено кіевскому полковнику, что какой-то запорожецъ говорилъ, будто бы я далъ Петрику въ руки денегъ въ битыхъ талерахъ 30,000 золотыхъ; въ четвертыхъ, полтавскій протопопенко, будучи въ Кызыкерменѣ, донесъ ясневельможному о слышанномъ тамъ, будто я по два или по три раза посылалъ свои листы до крымскаго хана, затягивая его на войну противъ христіанъ». Во всемъ этомъ Кочубей считалъ себя совершенно неповиннымъ и «пренаикрѣпчайше просилъ у митрополита отческаго милостиваго себѣ заступленія, превысокого представительства и премудраго предложенія, абы человѣка безъ суда и розыска не изгубили и не испровергнули» [1]).

Тѣмъ временемъ Петрикъ вновь написалъ, іюня 22 дня, изъ Акмечети (Симферополя) къ запорожскому войску письмо и въ немъ снова возбуждалъ козаковъ къ возстанію противъ московскаго правительства, малороссійскаго гетмана и призывалъ къ союзу съ Крымомъ.

---

[1]) Величко, Лѣтопись, Кіевъ, 1855, III, 121—125

«Не разъ открыто говорилъ я вамъ, старымъ и меньшимъ, добрымъ молодцамъ, въ какой опасности обрѣтается нашъ малороссійскій край и до какого упадка приходитъ отчизна наша чрезъ ненавистныхъ монарховъ, среди которыхъ мы подлинно житіе свое имѣемъ: какъ львы лютые, рты свои разверсши, хотятъ поглотить насъ во всякое время, т. е. учинить своими невольниками. И недивно, что такъ поступаетъ король польскій, потому что мы издавна были его подданными и, за божіею помощью, съ ордами при Хмельницкомъ, выбились изъ подданства и такой ему причинили уронъ, отъ котораго онъ и по сіе время не можетъ оправиться и всѣми силами старается, какъ бы снова взять въ подданство малороссійскій народъ и черезъ насъ отомстить за учиненную ему обиду. Ханъ крымскій за то на насъ враждуетъ, что мы ему и всему его государству, живя въ сосѣдствѣ съ давнихъ поръ на полѣ и на водѣ чинили бѣду въ людяхъ и добычахъ, какъ и теперь чинимъ. Не удивительно, что московскіе цари, которые не черезъ мечъ нами завладѣли, перевели нашъ край чигиринскій на заднѣпровскую сторону, обсадились нашими людьми со всѣхъ сторонъ, и откуда бы ни пришелъ непріятель, наши города и села попаливъ, нашихъ людей въ неволю набравъ, возвращаются назадъ, а Москва за нами, какъ за стѣною, цѣла и всѣмъ этимъ не довольствуясь, старается всѣхъ насъ сдѣлать своими холопами и невольниками. Для этого первыхъ нашихъ гетмановъ Многогрѣшнаго и Поповича (Самойловича), которые за насъ стояли, забрали совсѣмъ въ неволю, а потомъ и насъ всѣхъ хотѣли взять въ вѣчное подданство, но имъ Господь Богъ, ради невинныхъ нашей братіи душъ, не помогъ привести въ исполненіе своихъ замысловъ: они хотѣли разорить Крымъ, осадить своими людьми кызыкерменскіе города, потомъ прогнать насъ изъ Сѣчи и учинить по городамъ воеводъ. Не могши исполнить этого, они позволили нынѣшнему гетману пораздавать городовой старшинѣ маетности, а старшина, подѣлившись нашею братіей, позаписывали ихъ себѣ и дѣтямъ своимъ въ вѣчность и только что въ плуги не запрягаютъ, а уже какъ хотятъ, такъ и поворачиваютъ, точно невольниками своими. Москва для того нашимъ старшимъ это позволила, чтобъ наши люди такимъ тяжкимъ подданствомъ оплошились и не противились москалямъ исполнять надъ нами свои замыслы, т. е. учинивъ по городамъ воеводъ своихъ, взять насъ въ рабство вѣчное: когда наши люди отъ та-

кихъ излишнихъ податей и тяжестей замужичѣютъ, то Москва Днѣпръ и Самару осадитъ своими городами, какъ уже въ Орликѣ городѣ и на Самарѣ въ двухъ городахъ москалей посадили, а въ это лѣто надъ Днѣпромъ въ Протовчѣ и на Самарѣ въ нѣсколькихъ мѣстахъ города чинить имѣла. Къ тому-же я вамъ, добрымъ молодцамъ, много объявлялъ, что король польскій, имѣя досаду на царей московскихъ за то, что они не воевали Крыма, хотѣлъ съ ордами идти на Москву, но прежде отобрать въ свое подданство нашу Украйну. Если-бы это ему удалось, то хорошо-ли-бы намъ было? Сами вы, добрые молодцы, подлинно знаете, что дѣлалось при Чарнецкомъ и при другихъ панахъ лядскихъ, которые приходили на нашу Украйну, какъ они насъ мучили. Не бывали-ли братья наши на колахъ, въ прорубяхъ въ водѣ, не принуждены-ли были козацкія жены дѣтей своихъ въ вару варить, не поливали-ли ляхи людей нашихъ на морозѣ, не сыпали-ли они огонь за голенища, не отнимали-ли жолнѣры имѣнія? Этого ляхи еще не забыли и теперь готовы тоже самое надъ нами дѣлать. А если-бы московскіе цари заключили миръ съ крымскимъ ханомъ, для чего уже и посла своего въ Крымъ послали, а насъ своими городами надъ Днѣпромъ и надъ Самарою осадили, то развѣ не исполнились-бы ихъ замыслы, то развѣ не сдѣлали-бы насъ сперва паны, а потомъ москали какъ птицу, хотя крылья и имѣющую, но ощипанную и развѣ спокойно не учинили-бы насъ своими вѣчными невольниками. Если-бы король польскій или цари московскіе съ крымскимъ ханомъ помирились, то къ кому-бы намъ было приклониться, кто-бы намъ въ такой бѣдѣ подалъ помощь? Если и нынѣ, когда мы за Москвой находимся, татары берутъ насъ въ неволю и кто какъ хочетъ, такъ и пользуется, то тогда еще больше брали-бы и пользовались, а въ городкахъ кызыкерменскихъ вы вновь давали-бы отъ звѣрей и отъ рыбъ десятину, а отъ соли и отъ котла по полуефимку. Много разъ, во время моего пребыванія въ Сѣчѣ, я совѣтовалъ вамъ, добрымъ молодцамъ, взяться за такое дѣло и не допустить до послѣдняго упадка и до крайней опасности нашу любезную отчизну Украйну; но такъ какъ никто изъ васъ взяться за то и стоять за своихъ людей не захотѣлъ, а уже много разъ наша Украйна имѣла быть заневолена, то я, оставивъ отца своего, жену, дѣтей, родственниковъ, съ немалою маетностію, пришелъ къ вамъ, добрымъ молодцамъ, на Запорожье и, призвавъ нынѣ Господа Бога и пречистую

Его Матерь, христіанскую заступницу, на помощь, взялся за то дѣло... А потомъ, пріѣхавъ въ Кызыкермень, договорился объ учиненіи мира съ беемъ, его милостью Кеенанъ-мурзою. Затѣмъ, пріѣхавъ въ Перекопъ, тѣ статьи и присягу, которыя чинилъ въ Кызыкерменѣ, я подтвердилъ на вѣчныя времена съ яснѣйшимъ ханомъ его милостью и со всѣмъ государствомъ крымскимъ. Это видѣли очами своими и ваши посланцы Леско Сыса съ товариствомъ и вамъ, добрымъ молодцамъ, надѣюсь, уже пересказали. Богъ видитъ, что не для своей славы, а для цѣлости и обороны малороссійскаго нашего края, для помноженія и охраненія вольностей запорожскаго низового и городового и для вольной войсковой на Днѣпрѣ добычи я началъ это дѣло. А чтобъ вамъ, добрымъ молодцамъ, славному войску запорожскому, все то отъ мала до велика было вѣдомо, посылаю пункты и присягу свою вашей милости. Тѣ пункты и присягу я учинилъ именемъ всей Украйны и всего запорожскаго войска и далъ ихъ государству крымскому, а его милость Кеенанъ-мурза-бей свои статьи и присягу далъ отъ всего Крыма. И то все я вамъ посылаю. Тѣ статьи отъ слова до слова вы можете вычитать въ посполитой радѣ и въ нихъ, какъ я разумѣю, вы ничего вреднаго для себя и отчизны нашей любезной не найдете. А если-бы изъ милостей вашихъ кто-либо сказалъ, для чего мы имѣемъ воевать своихъ отцовъ, матерей, женъ и пріятелей и куда мы, разоривъ нашъ край, дѣнемся или кто дастъ намъ тогда хлѣба; то не дай, Боже, чтобы мы воевали свою отчизну, и я вамъ, добрымъ молодцамъ, предлагаю, какая-же то добрая птица, которая мараетъ и разоряетъ гнѣздо свое и что то за добрый господинъ, который воюетъ свою отчину? Когда-же придемъ къ Каменному, то ваша милость, добрые молодцы, кто захочетъ съ нами идти въ нынѣшнюю дорогу и пособить компаніи, тутъ-же изъ Сѣчи прибывайте, и мы будемъ имѣть съ вами совѣтъ, куда намъ съ ордами идти, дабы городамъ своимъ, селамъ и людямъ, въ нихъ находящимся, никакой и самой малѣйшей обиды не учинити, ибо не для того начали мы дѣло, чтобы своихъ людей воевать, а для того, чтобы, при помощи божіей, освободить ихъ и себя отъ москвичей и пановъ нашихъ грабительной неволи. А какъ, за благоволеніемъ и помощью Бога и за вашимъ войсковымъ вѣдомомъ и совѣтомъ, это дѣло окончится, то вы сами, какъ разумныя головы, разсудите, лучше-ли быть въ неволѣ или на волѣ, лучше-ли быть чу-

жимъ слугою или себѣ господиномъ, лучше-ли быть у москаля или у поляка невольникомъ мужикомъ, или лучше вольнымъ козакомъ. Ибо когда славной памяти гетманъ Богданъ Хмельницкій съ войскомъ запорожскимъ и съ ордами изъ-подъ лядскаго ига выбился, то не добро-ли нашей Украйнѣ дѣлалось? Или не было-ль у козаковъ злата, серебра, добрыхъ суконъ, коней и иной скотины? А когда мы стали московскимъ царямъ холопами, то наша чигиринская сторона пришла въ полное разореніе, а насъ перегнали на сю сторону Днѣпра, то ни у одного нашего брата не только животовъ, но и лаптей не стало; большая часть нашей братіи очутилась въ московскихъ городахъ заневоленной и всякій годъ берутъ ихъ тамъ татары вмѣсто дани въ тяжкую крымскую неволю, о чемъ не стоитъ и писать много, потому, что сами вы, добрые молодцы, знаете, какъ дѣлалось сею зимой въ полку переяславскомъ, а раньше того въ полку харьковскомъ подъ Зміевымъ и въ другихъ мѣстахъ. Кромѣ того, объявляю вашимъ милостямъ и то, что господинъ заднѣпровскій гетманъ, по совѣту всѣхъ полковниковъ, тайно прислалъ ко мнѣ человѣка съ такимъ словомъ, какъ только мы съ ордами къ Самарѣ приблизимся, то всѣ они отъ Москвы имѣютъ отстати и, соединясь съ нами, пойдутъ воевать Москву; этотъ человѣкъ и теперь при мнѣ обрѣтается, и я вашимъ милостямъ, какъ дастъ Господь Богъ придти къ Каменному, покажу его вамъ, а что онъ говорилъ тутъ подъ присягою, то слышали ваши посланцы и вашимъ милостямъ, прибывъ въ Сѣчу, изустно и подробно обо всемъ скажутъ. Поэтому будьте, ваша милость, во всемъ надежны и безопасны, и кому люба благостыня, и вѣра своя, и отчизна, свобода женъ, дѣтей и родственниковъ отъ московской неволи, идите съ нами. Если-же кто хочетъ идти въ добычу на рыбу, соль и звѣря, то пусть идетъ внизъ Днѣпра, на Молочную, на Берду, на Богъ-рѣку, куда кто захочетъ, только берите съ Коша письма, дабы о васъ вѣдало крымское государство, чтобы отъ васъ не было Крыму и городкамъ какого нибудь убытка, а отъ Крыма и отъ городковъ вамъ не только не будетъ не малой обиды и убытка, но даже и волосъ съ головы вашей не пропадетъ. А салтанъ, его милость, отпуская впередъ себя Батырчу-агу и нѣсколько мурзъ, отпускаетъ къ вашей милости и одного вашего посланца Ивана Щербину, а другого Якова Ворону, отпуститъ, когда самъ за Перекопъ выйдетъ. А въ слѣдъ за Батырчей-агой идетъ и самъ калга-салтанъ, и какъ прійдетъ къ Ка-

менному-Затону, тамъ обо всемъ будетъ словесная рѣчь и дума» [1]).

Въ томъ-же іюнѣ мѣсяцѣ, какъ разсказывалъ объ этомъ старосанджаровскій житель, освободившійся изъ крымской неволи, Никита Антоненко-Сластюнъ, крымскій ханъ, вмѣстѣ съ калга-салтаномъ, Батырча-мурзой, многими беями и мурзами и другими крымскими начальниками, выѣхалъ въ Черную долину въ самый понедѣльникъ зеленыхъ святокъ, и находясь въ разстояніи одной или полуторы мили отъ Перекопа, учинилъ на открытомъ мѣстѣ раду. На другой день послѣ той рады калга-салтанъ призвалъ къ себѣ изъ Перекопа Петрика, бывшихъ съ нимъ 15 человѣкъ козаковъ и нѣсколько человѣкъ запорожцевъ, нарочно изъ Сѣчи въ Крымъ присланныхъ для освобожденія изъ неволи плѣнниковъ и въ числѣ ихъ Никиты Антоненка - Сластюна. Когда Петрикъ, по тому зову, прибылъ изъ Перекопа въ Каланчакъ, то его немедленно объявили гетманомъ всей Малороссіи и дали ему хоругвь большую, прапоръ малый, бунчукъ съ конскимъ хвостомъ, перначъ серебряный, чугу златоглавую [2]) и коня съ полнымъ приборомъ турецкаго; ближнему совѣтнику Петрика [3]) коня и чугу одну; пятнадцати козакамъ его и пріѣхавшимъ для освобожденія изъ неволи полоняниковъ запорожцамъ дали по одному киндяку и по парѣ сапогъ сафьяновыхъ. На другой день послѣ этого Петрикъ призвалъ къ себѣ всѣхъ запорожскихъ посланцевъ и освобожденнаго изъ неволи Никиту Антоненка - Сластюна и, выпивая вино, сталъ говорить имъ, что чрезъ него имѣетъ начаться такая война, во время которой отецъ на сына, сынъ на отца пойдетъ; но все это онъ усмиритъ, только-бы пристало къ нему войско низовое. Говорилъ онъ и то, что переселитъ жителей съ лѣвой стороны Днѣпра на правую и сдѣлаетъ свободными всѣхъ отъ арендъ, индуктовъ, сердюковъ, подводъ, ральцевъ и другихъ повинностей. Передавалъ онъ и то, что надѣется получить помощь въ малороссійскихъ городахъ и что имѣетъ больше поводовъ сердиться на Кочубея, чѣмъ на Мазепу.

Послѣ объявленія Петрика гетманомъ, ханъ поѣхалъ противъ маджаровъ (венгровъ), а калга-салтанъ, Батырча-мурза и Петрикъ

---

[1]) Архивъ мин. ин. дѣлъ; крымскія дѣла, 1692, св. 79а, № 4.

[2]) Чуга отъ турецкаго čoħa, что значитъ сукно; у сербовъ чога—родъ свиты, архалука.

[3]) Нужно думать выше названный Василій Бузскій.

рѣшили идти къ Каменному-Затону, нѣсколько выше Чортомлыцкой Сичи, у лѣваго берега Днѣпра, тамъ, гдѣ рѣчка Конка впервые впадаетъ въ Днѣпръ [1]). Прежде прихода къ Каменному-Затону Петрикъ отправилъ письмо къ Ивану Гусаку съ требованіемъ, чтобы кошевой встрѣтилъ его въ Каменномъ-Затонѣ съ хлѣбомъ-солью. На это кошевой послалъ Петрику отвѣтъ, что кто его отправилъ въ Крымъ, тотъ долженъ и встрѣчать, а какъ кошевой его не посылалъ, то не намѣренъ его и встрѣчать. Самому калгѣ-салтану кошевой отписалъ, что запорожцы, соблюдая вѣрность царскому пресвѣтлому величеству, до Петриковой душегубной прелести не склоняются, отчизны своей воевать съ нимъ не станутъ, а калгу-салтана просятъ, чтобы онъ Петрика, какъ Іуду и измѣнника, и близко не приводилъ къ нимъ. Послѣ Петрова дня пришелъ сперва на Каменный-Затонъ Батырча-мурза съ 5000 татаръ, а за нимъ калга-салтанъ и самъ Петрикъ съ 15000 татаръ и 12 человѣками запорожскихъ козаковъ [2]).

Прибытіе Петрика въ Каменный-Затонъ, какъ и слѣдовало ожидать, произвело въ Запорожьи большое замѣшательство среди козаковъ, и если они не пошли на встрѣчу татаръ, то тому былъ причиной кошевой Иванъ Гусакъ, человѣкъ твердой воли и прозорливаго ума. Не желая ставить себя въ открытую вражду противъ татаръ; онъ поспѣшилъ «поновить» съ крымскимъ юртомъ и съ турскими на Днѣпрѣ городками миръ на томъ, чтобы козакамъ вольно было на низовьяхъ Днѣпра добываться рыбными ловлями и соляными промыслами. Въ то-же время онъ твердо рѣшилъ, такъ или иначе, отвратить запорожскую чернь отъ предпріятія Петрика. Между тѣмъ въ Запорожьѣ уже начиналось настоящее броженіе умовъ. Пользуясь поновленнымъ съ бусурманами миромъ, одна ватага запорожскихъ козаковъ, предводимая какимъ-то полков-

---

[1]) Величко, Лѣтопись, Кіевъ, 1855, III, 103—105. Относительно времени объявленія Петрика гетманомъ существуютъ показанія Никиты Антоненка и Кондрата Михайлова: первый показывалъ, что это произошло въ Каланчакѣ, второй—въ Каменномъ-Затонѣ; въ Каланчакѣ Антоненко лично былъ, но не былъ тамъ Михайловъ; зато въ Каменномъ-Затонѣ лично былъ Михайловъ но не былъ тамъ Антоненко. Изъ этого возможно заключить, что оба козака показывали вѣрно: можетъ быть въ Каланчакѣ Петрикъ объявленъ былъ гетманомъ въ первый разъ, а въ Каменномъ-Затонѣ во второй.

[2]) Архивъ мин. ин. дѣлъ; подлинники, 1692, № 841 — 856; Архивъ мин. юстиціи, книга малороссійскаго приказа, 1692. № 66, листы 106—129.

никомъ, двинулась было къ низовьямъ рѣки Днѣпра съ намѣреніемъ подать извѣстіе тѣмъ товарищамъ своимъ, которые раньше того ушли въ немаломъ числѣ на промыслы къ лиману Днѣпра. Но этому движенію воспрепятствовали сами бусурмане, которые не хотѣли пустить двигавшейся ватаги козаковъ мимо турецкихъ на Днѣпрѣ городковъ, и тогда полковникъ, руководившій ватагой, остановился на островѣ, называемомъ Носоковскимъ, и сталъ принимать къ себѣ всѣхъ, приходившихъ къ нему людей. Другая ватага выбралась было сухимъ путемъ возами для соляной добычи къ Азовскому морю, на урочище Берды. Кошевой атаманъ эту часть промышленныхъ козаковъ велѣлъ остановить и, впредь до будущаго разсмотрѣнія своего, въ Каменномъ-Затонѣ задержать. Но только эта ватага собравъ большой таборъ возлѣ себя, стала ждать прихода Петрика и татаръ и потомъ хотѣла идти на Молочныя Воды и на Берды. Тогда кошевой Гусакъ объявилъ, что кто дерзнетъ идти ватагою изъ Каменнаго-Затона, того онъ прикажетъ «жестокою висѣлицею наказать». Третья ватага числомъ около 500 человѣкъ, подъ начальствомъ ватага Мартышевскаго, собравшись «пѣхотнымъ походомъ», пошла на Азовское море, «для учиненія надъ бусурманами водными проходами промысловъ», но задержалась въ одномъ мѣстѣ по письму кошевого Гусака. Въ это время какой-то золотарь изъ Опушнаго закололъ ватага Мартышевскаго, но козаки застрѣлили золотаря, выбрали себѣ другого ватагà и пошли на море; дорогою, идя по лугамъ, они много бѣдъ людямъ принесли и объявляли вездѣ, что имъ уже не для чего возвращаться назадъ. Четвертая козацкая ватага стояла въ полѣ, недалеко отъ Сичи, ожидая тамъ случая, куда бы ей пойти. Кромѣ этого было еще нѣсколько ватагъ. Такова ватага Ѳедькà, который стоялъ на Сокольной и грабилъ проѣзжихъ людей; и хотя за нимъ посылали, чтобы онъ ѣхалъ въ Сичь, но онъ не слушался того приказанія. Возлѣ Ѳедькà стоялъ какой-то Степанъ съ такой же своевольней, что и при Ѳедькѣ, которая отбирала у проѣзжихъ людей хлѣбъ, рыбу, котлы и ждала Петрикова прихода [1]). Все это въ сильной степени безпокоило кошевого Гусака, который, желая очистить проѣзжіе пути отъ разныхъ ватаговъ, имѣлъ послать по два козака изъ каждаго куреня. Но

[1]) Такъ доносилъ Мазепѣ іюня 29 дня съ «днѣпровскаго побережья» его дозорца Иванъ Рутковскій.

болѣе всего тревожила кошевого Гусака вѣсть о затѣѣ Петрика и о приходѣ съ нимъ въ Каменный-Затонъ татаръ. «Кошевой и куренные атаманы съ товариствомъ, писалъ самъ гетманъ Мазепа въ Москву, неотходно отъ Сѣчи обрѣтаются и чаютъ нынѣ въ Каменной-Затонъ калги-салтана съ ордами и съ измѣнникомъ плутомъ Петрикомъ... Но если онъ, тутъ, придетъ на то урочище Каменный-Затонъ, то они хотятъ порадѣть: ухвативъ въ свои руки, тамъ-же умертвить» [1]).

---

[1]) Архивъ мин. ин. дѣлъ; крымскія дѣла, 1692, св. 79а, № 4.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Отправка гетманомъ Мазепой въ Сичь посланца Горбаченка.—Тайная бесѣда Горбаченка съ кошевымъ Гусакомъ и извѣщеніе о томъ отъ гетмана въ Москву.—Пріѣздъ Петрика въ Каменный-Затонъ; свиданіе его съ кошевымъ Гусакомъ.—Рада въ запорожской Сичи по поводу предложенія Петрика и уклончивый отвѣтъ со стороны кошевого Гусака.—Универсалъ гетмана Мазепы къ малороссійскимъ козакамъ съ объявленіемъ о замыслахъ измѣнника Петрика.—Обмѣнъ посланцами гетмана Мазепы и кошевого Гусака по поводу замысловъ Петрика.—Первый походъ Петрика на Украйну и быстрое возвращеніе его назадъ.—Вопросъ объ арендахъ на Украйнѣ и вмѣшательство въ это дѣло запорожскихъ козаковъ.—Второй походъ Петрика на Украйну и позорное отступленіе его.

Гетманъ Мазепа, увѣрившись доподлинно въ неизмѣнной преданности запорожскихъ козаковъ русскому престолу, отправилъ въ Сичь, по приказу царей, своего посланца Сидора Горбаченка съ тѣмъ, чтобы похвалить Ивана Гусака и все запорожское войско за постоянство и за вѣрность великимъ государямъ и уговорить кошевого атамана. дабы онъ того плута Петрика схватилъ и въ городъ Батуринъ прислалъ. Посланецъ долженъ былъ передать всему войску гетманскій листъ, а съ кошевымъ атаманомъ поговорить наединѣ и за его услуги двойную «заплату» ему пообѣщать. въ залогъ чего передать ему гостинецъ—20 ефимковъ и турецкую саблю въ 40 рублей да товарищамъ его судьѣ, писарю и асаулу по 10 ефимковъ также наединѣ вручить. Гетманскій посланецъ, прибывъ въ Сичь, прежде всего представился кошевому Гусаку и имѣлъ съ нимъ тайный разговоръ. Кошевой Гусакъ зазвалъ Сидора Горбаченка къ себѣ въ чуланъ и тамъ, поцѣловавъ передъ нимъ крестъ, сталъ увѣрять, что онъ во всемъ желаетъ добра гетману и что гетманъ по тому самому нисколько не долженъ сомнѣваться въ немъ. Затѣмъ, когда въ Сичь пріѣхалъ татарскій посолъ, и на собранной радѣ былъ вычитанъ Петриковъ листъ, то кошевой, вернувшись къ себѣ, пригласилъ гетманскаго посланца

въ курень и изложилъ ему все то, что на радѣ произошло. Кошевой разсказалъ, что у нихъ, въ Сичи́, былъ одинъ козакъ, который за свое злое дѣло, т. е. за то, что многія въ куренѣ вещи покралъ, былъ прикованъ «къ кобылицѣ» за шею замкомъ, но ему кто-то тотъ замокъ на шеѣ разбилъ, и онъ изъ Сичи къ Петрику ушелъ. Того козака будто-бы самъ гетманъ съ листами къ Петрику прислалъ; но козакъ, находясь въ Сичи́, зарылъ отъ страха гдѣ-то въ землю листы. Только ни самъ кошевой, ни запорожскіе козаки не вѣрятъ въ пересылку черезъ того козака гетманскихъ листовъ: если гетману и городовому войску была какая-нибудь «налога» отъ Москвы и нужно было за́ ту «налогу» запорожское войско поднять, то онъ бы къ самому войску, а не къ «тому дураку» свой листъ послалъ. Ни турецкому, ни Петрикову листамъ запорожскіе козаки вѣры не придаютъ, потому что въ нихъ нѣтъ правды никакой и все то измышляютъ гетманскіе враги съ намѣреніемъ ссору съ Москвой учинить и военный походъ на украинные города объявить. У гетмана немало такихъ враговъ, и если онъ не отсѣчетъ тремъ «тамошнимъ» головъ, то ни ему въ гетманствѣ покоя не знать, ни Украйнѣ добра не видать: первому—Полуботку; другому—Михайлѣ, а третьему—что всегда при немъ живетъ, самъ додумается, кому. А относительно запорожцевъ пусть гетманъ не думаетъ, будто всѣ бунты начинаются именно отъ нихъ или отъ тѣхъ, что̀ приходили на добычу изъ городовъ, т. е. отъ козаковъ лубенскаго полка, которые не хотятъ аренды платить, оттого бунтуются и желаютъ съ Петрикомъ идти, или отъ козаковъ гадячскаго и полтавскаго полковъ, которые говорятъ, что гетманъ въ городахъ и въ селахъ много старостъ постановилъ, потому бунтуются и Петрика ждутъ. Хотя всѣхъ такихъ въ Запорожьи набралось до 10,000 человѣкъ, но кошевой отпустилъ ихъ за добычей по соль, и когда часть ихъ, вмѣстѣ съ войскомъ низовымъ, повстрѣчалась съ татарскимъ посломъ, то она даже и не хотѣла слушать «прелестныхъ» татарскихъ листовъ. А что пишетъ крымскій ханъ, требуя присяги себѣ отъ атамановъ всѣхъ куреней, когда онъ придетъ въ Каменный-Затонъ, то они никогда той присяги ему не дадутъ и самъ кошевой атаманъ безъ аманатовъ съ татарской стороны въ Каменный-Затонъ не пойдетъ: онъ будетъ просить хана къ себѣ и поступитъ такъ, какъ скажутъ атаманы куреней. Если-же ханъ въ Сичь не пойдетъ, то тогда, когда татары пришлютъ 12 человѣкъ «добрыхъ людей», кошевой самъ-

другъ или самъ-четвертъ можетъ поѣхать въ Каменный-Затонъ, и то единственно для того, чтобы истинную правду узнать, а вовсе не для того, чтобы татарамъ присягать и, чего не дай Господь Богъ, великихъ государей воевать. Да и гдѣ дѣнутся запорожскіе козаки, когда потеряютъ послѣднюю частицу своей земли? Нелюбо имъ уже и то, что на Заднѣпровьѣ пусто и нѣтъ тамъ никого. Бывшій во время этого разговора при кошевомъ атаманѣ, товариствѣ и старшинѣ «зѣло старый» козакъ говорилъ, что онъ уже нѣсколько десятковъ лѣтъ, благодаря Бога, прожилъ и многихъ, которые съ великими государями хотѣли вести войну, помнилъ хорошо, но только никто того не учинилъ, а потому и «сей безъ всякой добродѣтели щенокъ», что́ можетъ учинить, если всѣ козаки единодушно будутъ держаться стороны московскихъ царей? Особо отъ другихъ, наединѣ, кошевой атаманъ гетманскому посланцу говорилъ, чтобы гетманъ прислалъ къ нему какого-нибудь «доброго и надежного» козака, но такъ, дабы никто о томъ не зналъ, и чтобы тотъ человѣкъ въ то время, когда придетъ въ Каменный-Затонъ «тотъ дуракъ», былъ-бы тамъ съ кошевымъ и обо всемъ доподлинно гетману передалъ; да чтобъ гетманъ тысячъ 15,000 войска въ какомъ-нибудь тайномъ мѣстѣ приготовить велѣлъ, и когда «тотъ еретикъ» задумаетъ свой умыслъ, «на слободы или гдѣ ни есть» обратить, то чтобы надъ нимъ можно было немедленно промыслъ учинить и самого его въ руки захватить. А за все то кошевой атаманъ велѣлъ передать гетману просьбу о томъ, чтобы Москва милостивѣе обходилась съ малороссійскими людьми, такъ какъ всякій, кто ни пріѣдетъ въ Запорожье изъ городовъ, жалуется на живущихъ въ городахъ москалей, что они малороссійскихъ людей бьютъ, крадутъ и насильно отнимаютъ у нихъ добро, а дѣтей увозятъ въ возахъ въ Москву. Самъ Горбаченко, находясь въ радѣ запорожскихъ козаковъ и присматриваясь къ тамошнему поведенію ихъ, усмотрѣлъ, что межъ низовыми козаками, изъ голутьбы, нашлось много малодушныхъ и легкомысленныхъ головъ, которые, забывшись, говорили много противныхъ рѣчей, показывали явную склонность къ врагу Петрику и къ «бусурманской прелести» татаръ, разсуждая такъ, что не для чего имъ такого случая упускать, который можетъ имъ добычу принести [1]).

---

[1]) Архивъ мин. ин. дѣлъ; крымскія дѣла, 1692, св. 79а, № 4.

Отпуская изъ Сѣчи гетманскаго гонца, кошевой атаманъ Гусакъ и все войско низовыхъ козаковъ написали гетману, іюля 4 числа, изъ Коша письмо и въ немъ обѣщались «во всякой вѣрности царямъ и гетману пребывать и никакимъ обманчивымъ и прелестнымъ словамъ у себя мѣста не давать», и кромѣ одного «своего недостатка», который они допускали и въ прошлыя времена, другого не чинить, а именно: ради рыбной, звѣриной и соляной добычѣ держать съ бусурманами миръ. Во всемъ остальномъ, какъ обѣщались козаки вѣрно царскимъ величествамъ служить, за вѣру христіанскую и за церкви божіи стоять, такъ и пребудутъ вѣрными навсегда. А за все то и гетманъ пусть явитъ имъ милость свою: возвратитъ тѣхъ людей, которые «ненадлежаще» находятся въ подданствѣ по полкамъ. Особо отъ всего товариства написано было отъ кошевого, судьи, писаря и асаула гетману секретное письмо. Въ этомъ секретномъ письмѣ кошевой атаманъ благодарилъ гетмана «за поздравленіе его на урядѣ кошевства» и за присланные ему и главной старшинѣ гостинцы и призывалъ Бога во свидѣтели, что какъ, не будучи еще на урядѣ кошевства, онъ пребывалъ расположеннымъ къ гетманской вельможности господской, такъ и теперь, на сколько хватитъ силъ, останется въ «пріятной желательности» къ своему благодѣтелю и отцу. Въ доказательство-же своей вѣрности объявлялъ, что запорожскимъ козакамъ измѣнникъ Петрикъ посылаетъ Батырчу-агу, двухъ беевъ и мурзъ съ нѣсколькими людьми и приглашаетъ охочихъ изъ козаковъ идти войной на Москву. Но только ни кошевой, ни запорожскіе козаки безъ воли гетмана не рѣшатся ни на какое дѣло, и какой совѣтъ подастъ имъ самъ гетманъ, какъ «милый» ихъ отецъ, на томъ они и будутъ пребывать, а въ случаѣ прихода Петрика и татаръ въ Каменный-Затонъ, кошевой со всѣмъ войскомъ немедленно о томъ гетману дастъ знать. Гетманъ-же, въ свою очередь, долженъ озаботиться о томъ, чтобы изготовить войска тысячъ девять человѣкъ, съ которымъ кошевой могъ бы «добре» противъ общихъ враговъ постоять. Кромѣ собственнаго письма кошевой Гусакъ, въ знакъ своей вѣрной службы царямъ, послалъ гетману подлинныя, писанныя рукой Петрика, статьи, на которыхъ послѣдній крымскому хану присягу свою учинилъ [1]).

---

[1]) Архивъ мин. ин. дѣлъ, крымскія дѣла, 1692, св. 79а, № 4.

Гетманъ Мазепа, едва дождавшись прибытія своего гонца, со всѣми привезенными имъ письмами отъ запорожскихъ козаковъ, со всѣми добытыми статьями Петрика и со всѣми свѣдѣніями относительно поведенія запорожской голытьбы, немедленно отправилъ того-же гонца въ Москву, вручивъ ему, для великихъ государей, собственный, гетманскій листъ съ объявленіемъ о готовности въ случаѣ прихода враговъ къ украинскимъ городкамъ, изъ-подъ Гадяча идти за рѣку Псёлъ [1].

Великіе государи, получивъ всѣ посланныя Мазепой извѣстія относительно Петрика и запорожцевъ, приказали отправить гетману листъ, въ которомъ, снимая съ него всякое подозрѣніе за сношеніе съ Петрикомъ через посредство бѣглаго козака, за всѣ его скорыя и умныя распоряженія жаловали милостиво и премилостиво похваляли, и такой же листъ велѣли послать изъ Москвы въ Сѣчь съ обнадеживаніемъ монаршескаго жалованья низовымъ молодцамъ [2].

Тѣмъ временемъ, послѣ отъѣзда изъ Сичи гетманскаго посланца Сидора Горбаченка, прибыли, іюня 8 числа, въ Каменный-Затонъ Петрикъ, Батырча-ага и съ ними около 30,000 татаръ и около 1,000 человѣкъ черкесъ; при Петрикѣ было около 30 человѣкъ запорожцевъ и въ числѣ ихъ—самыми близкими Василій Бузскій и Иванъ Щербина. Послѣднимъ указано было «прельщать» низовыхъ козаковъ и склонять ихъ на сторону Петрика и татаръ. Для этого Василій Бузскій далъ козакамъ, бывшимъ при Петрикѣ, липу, и тѣ козаки перевезлись изъ Каменнаго-Затона въ Сичь. Черезъ четыре дня послѣ прибытія въ Каменный-Затонъ Петрикъ, выбравъ какого-то козака, велѣлъ ему переправиться черезъ Днѣпръ и доставить кошевому атаману Ивану Гусаку письмо. Въ посланномъ письмѣ Петрикъ извѣщалъ, что вскорѣ имѣетъ прибыть въ Каменный-Затонъ калга-салтанъ со множествомъ ордъ и что кошевой атаманъ съ войскомъ низовыхъ козаковъ долженъ сдѣлать салтану встрѣчу въ полѣ съ хлѣбомъ-солью; если-же этого кошевой не сдѣлаетъ, то Петрикъ захватитъ въ свои руки всѣхъ запорожскихъ промышленниковъ на рѣчкахъ Молочныхъ и на Бердахъ [3].

---

[1]) Архивъ мин. ин. дѣлъ; крымскія дѣла, 1699, св. 79а, № 4.

[2]) Архивъ мин. ин. дѣлъ; крымскія дѣла, 1692, св. 79а, № 4.

[3]) Архивъ мин. ин. дѣлъ; подл. мал. акты, 1692, № 841; крымскія дѣла, 1692, св. 79а, № 4; Архивъ мин. юстиціи, 1692, № 66, св. 106—123.

Когда посланный человѣкъ прибылъ съ такимъ письмомъ къ кошевому Ивану Гусаку, то кошевой Гусакъ, взявъ письмо и прочитавъ его, человѣка избилъ, поданное письмо собственной рукой изорвалъ и тутъ же открыто объявилъ, что онъ никогда того не сдѣлаетъ, чтобы почитать встрѣчей салтана, врага святого креста, что онъ, какъ былъ, такъ и останется постояннымъ въ своей вѣрной службѣ великимъ государямъ [1]).

Но Петрикъ и Батырча-ага, встрѣтивъ такой отпоръ со стороны кошевого Гусака, на томъ не успокоились: они начали раздавать запорожскимъ козакамъ ружья и лошадей, и тогда къ нимъ стало переходить товариство изъ Сичи въ Каменный-Затонъ. Такъ, перешелъ атаманъ пашковскаго куреня Леско Сыса со всею пѣхотой. Немало потянулось къ Петрику и малороссійскихъ городовыхъ козаковъ: услыхавъ о приходѣ татаръ въ Каменный-Затонъ, городовые козаки въ большомъ числѣ пустились въ запорожскую Сичь. Гетманскій дозорца, старался задерживалъ ихъ у Переволочны и давалъ пропускъ только болѣе или менѣе благонадежнымъ, напримѣръ, такимъ которые шли съ чернецомъ [2]).

Тѣхъ, которые пошли было въ низовье Днѣпра за рыбной и соляной добычей, Петрикъ вернулъ назадъ и приказалъ имъ слѣдовать за собой. А за тѣми, которые двинулись было на Молочную и на рѣчки Берды, послалъ 2000 человѣкъ орды и приказалъ ей вернуть всѣхъ такихъ козаковъ въ Каменный-Затонъ, въ случаѣ-же сопротивленія велѣлъ жечь ихъ возы и самихъ съ лошадьми гнать въ татарскій станъ. Въ тѣ промыслы пошелъ было таборъ въ 3000 человѣкъ. Вернувъ этотъ таборъ назадъ, Петрикъ велѣлъ поставить его такъ, чтобы на 10 козаковъ приходилось 100 человѣкъ татаръ.

Петрикъ, имѣя цѣлью обмануть гетмана Мазепу, разсылалъ по городамъ письма и въ тѣхъ письмахъ объявлялъ, что онъ не ищетъ гетманства, потому что гетманъ имѣется уже готовый, что онъ хочетъ быть лишь писаремъ при гетманской особѣ, и имѣетъ надежду, придя на рѣку Самарь, видѣть всѣ войска на своей сторонѣ. Особо отъ этихъ листовъ посланы были и другіе какіе-то листы въ запорожскую Сичь. Въ Сичѣ тѣ листы читались до полудня и во свидѣтельство словъ тѣхъ листовъ водили въ Каменный-Затонъ государевыхъ пословъ, которые шли въ Запорожье

---

[1]) Архивъ мин. ин. дѣлъ, крымскія дѣла, 1692, св. 79а, № 4.

[2]) Архивъ мин. ин. дѣлъ, крымскія дѣла, 1692, св. 79а, № 4.

изъ Москвы. Сѣчевые гультяи подняли бунтъ и хотѣли было истребить всѣхъ атамановъ, чтобы они не дали никакой вѣсти гетману Мазепѣ о происходившемъ въ Сичи. Но гетманъ получалъ вѣсти то отъ русскихъ людей, бывшихъ въ Сичи, то отъ случайныхъ проѣзжихъ, какъ, напримѣръ, отъ бывшаго духовникомъ у козаковъ инока Межигорскаго монастыря, Дороѳея; то отъ самихъ-же запорожскихъ козаковъ, каковы, напримѣръ, Степанъ Рубанъ, Гаврило Пуленко, и другіе, которые хотѣли гетману и великимъ государямъ вѣрно служить. Такъ, сами запорожцы схватили въ Каменномъ-Затонѣ двухъ человѣкъ татаръ и одного изъ нихъ закололи, а другого, подъ предлогомъ доставки до «господы» [1]), козакъ Гаврило Пуленко, самъ-шостъ, доставилъ для разспросныхъ рѣчей гетману Мазепѣ, а гетманъ Мазепа поспѣшилъ отослать его въ Москву.

Желая вѣрнѣе подѣйствовать на запорожскую толпу, Петрикъ распустилъ слухъ, будто онъ имѣетъ у себя какія-то секретныя письма гетмана Мазепы, раздѣляющаго вмѣстѣ съ нимъ всѣ его планы и предпріятія. Послѣ такого заявленія кошевому атаману ничего другого не оставалось дѣлать, какъ послать избранныхъ къ Петрику козаковъ для разсмотрѣнія гетманскихъ листовъ. Іюня 16 дня, въ субботу, вечеромъ, кошевой Гусакъ и все низовое запорожское войско послали нѣсколько человѣкъ куренныхъ атамановъ, и съ ними бывшаго кошевого атамана Григорія Сагайдачнаго въ Каменный-Затонъ и велѣли имъ «досмотрѣть» тѣ письма какія имѣются у Петрика. Куренные атаманы съ Григоріемъ Сагайдачнымъ пробыли въ Каменномъ-Затонѣ весь день воскресенья и, возвратясь къ ночи въ Сичь, объявили, что Петрикъ, дѣйствительно ссылается на какія-то гетманскія письма, но что онъ не желаетъ имъ показывать ихъ, а покажетъ только самому кошевому атаману, когда кошевой пріѣдетъ лично въ Каменный-Затонъ. Тогда, іюля 17 дня, въ понедѣльникъ, кошевой атаманъ Гусакъ, съ нимъ нѣсколько куренныхъ атамановъ, 600 человѣкъ товариства [2]), сѣли въ лодки и отъ Сичи направились къ Каменному-Затону.

---

[1]) Въ одномъ письмѣ сказано «до господы», въ другомъ—«на постоялый дворъ».

[2]) По другому указанію при кошевомъ были—судья, асаулъ, писарь, 38 кукенныхъ атамановъ и 2000 человѣкъ простыхъ козаковъ.

Подойдя къ урочищу, они пристали къ одному острову и стали совѣтоваться, какимъ образомъ имъ стать въ Каменномъ-Затонѣ и видѣться съ калгой-салтаномъ. Снесшись съ калгой-салтаномъ, они выпросили у него четырехъ мурзъ заложниковъ, оставили ихъ на островѣ, а сами вышли на лѣвый берегъ Днѣпра и стали тамъ «вооруженнымъ чиномъ». Калга-салтанъ, узнавъ о переправѣ Гусака съ праваго на лѣвый берегъ, послалъ къ кошевому людей и черезъ нихъ просилъ со всѣмъ товариствомъ явиться къ нему въ салтанскій наметъ, стоявшій поодаль отъ лѣваго берега Днѣпра. Кошевой атаманъ сперва отговаривался и въ свою очередь просилъ салтана пріѣхать къ запорожскому товариству, но посланные салтана возразили, что «непристойно такому великому господину», какъ калга-салтанъ приходить первому къ запорожскому войску. Тогда кошевой атаманъ, посовѣтовавшись съ товариствомъ, рѣшилъ идти къ салтану. Тутъ татары подвели кошевому коня, и онъ, взявъ съ собой нѣсколько человѣкъ куренныхъ атамановъ, пріѣхавъ къ салтанскому намету и нашелъ тамъ, кромѣ салтана, писаря Петрика. Когда кошевой и куренные атаманы вошли въ наметъ салтана, то поздоровавшись съ нимъ [1]), заняли, по его приглашенію, указанныя мѣста и провели въ наметѣ время съ обѣденнаго часа до вечерняго. Кошевой атаманъ прежде всего, обратился съ вопросомъ къ салтану, отъ кого привезъ Петрикъ въ Крымъ письма и каковы тѣ письма. На это салтанъ отвѣчалъ, что Петрикъ писемъ ни отъ кого ему не привозилъ; но, пріѣхавъ въ Крымъ, увѣрилъ хана и салтана на словахъ, что онъ обнадеженъ самими запорожскими козаками. Кошевой на это возразилъ, что запорожцы Петрика къ хану не посылали и когда онъ бѣжалъ изъ Запорожья, вовсе о томъ не знали. Послѣ этого кошевой съ тѣмъ-же вопросомъ обратился къ Петрику. Петрикъ сперва отговаривался и требовалъ, чтобы запорожцы безусловно вѣрили его слову, но потомъ, когда кошевой настойчиво потребовалъ отъ него гетманскихъ писемъ или хотя присяги въ томъ, что онъ имѣетъ ихъ, сознался, что у него никакихъ гетманскихъ писемъ нѣтъ, что его никто изъ старшихъ, ни изъ меньшихъ къ тому дѣлу не подговаривалъ, а заключилъ онъ мирный договоръ

[1]) По другому указанію кошевой и козаки поднесли салтану хлѣбъ-соль, и салтанъ, довольный такимъ пріемомъ, похвалилъ за то козаковъ, а хлѣбъ соль велѣлъ принять своему чаушу.

съ крымскимъ ханомъ «своимъ разумомъ, ужалившись тягостями и нестерпимыми обидами малороссійскаго посполитаго народа». Послѣ такого разговора съ Петрикомъ калга - салтанъ потребовалъ отъ куренныхъ атамановъ принести присягу на пріязнь крымскому государству: во время похода татаръ на Украйну Крыму не вредить; татаръ, которые будутъ возвращаться изъ подъ русскихъ городовъ съ добычей, не громить. Когда куренные атаманы дали на томъ присягу, то калга - салтанъ началъ настаивать на томъ, чтобы немедленно идти на города московскихъ царей [1]. Но отъ этого предложенія кошевой атаманъ старался всячески отговориться: онъ просилъ у салтана три дня на размышленіе, говорилъ, что безъ рады всего низового войска самъ не можетъ такого дѣла рѣшить, поставлялъ на видъ, что идти ему въ такой трудный походъ не съ кѣмъ, потому что одна часть его войска ушла къ устью Днѣпра въ Прогнои, другая къ урочищу Бердамъ и Молочнымъ, на соляную добычу; на Кошу-же осталось войско ненадежное и приневолить его къ такому дѣлу рѣшительно невозможно. Однако, ни кошевой, ни старшина никого не будутъ неволить, и кто изъ войска захочетъ идти въ походъ, того не будутъ удерживать, кто не захочетъ, того силой не будутъ высылать. Впрочемъ, не желая брать на себя никакой отвѣтственности, кошевой атаманъ спросилъ на этотъ счетъ совѣта у бывшихъ съ нимъ куренныхъ атамановъ, и тутъ одни изъ атамановъ дали такой отвѣтъ что не приходится войску идти заодно съ бусурманами воевать право-

---

[1]) По другимъ указаніямъ, присяга состоялась на томъ, чтобы запорожцамъ идти съ татарами сперва на Муравскій шляхъ и подъ слободы, потомъ подъ Самарь, Вольное и Орликъ, «гдѣ засажены государскіе люди», затѣмъ подъ рѣки Орель, Ворсклу, Пселъ и Мерлу къ малороссійскимъ и великороссійскимъ городкамъ, снести и разорить города по Пселъ рѣку, какъ въ прежнія времена бывало: города по Орели, Ворсклѣ и у Днѣпра отдать татарамъ. Для того похода кошевой соберетъ войско съ Берды и Молочной и когда оно прійдетъ, то онъ, въ случаѣ ему самому нельзя будетъ выдти въ походъ, дастъ войску бунчукъ, литавры и знамя. А когда прійдутъ козаки и татары въ великороссійскіе и малороссійскіе города, то вездѣ разошлютъ народу «прелестные» листы съ тѣмъ, чтобы народъ выбилъ московскихъ людей, знатныхъ пановъ, арендарей; послѣ того однихъ подклонятъ подъ мечъ, другихъ перегонятъ за Днѣпръ, и осадятъ ими города. На той присягѣ Петрика выбрали гетманомъ, Бузскаго полтавскимъ, Сысу—переяславскимъ полковниками. Въ случаѣ запорожцы окажутся ненадежными, то татары сдѣлаютъ только «забѣги» подъ города и потомъ вернутся въ Крымъ.

славныхъ христіанъ, а другіе отвѣчали такъ, что коли ужъ салтану принесли присягу, то можно съ нимъ и на войну подъ малороссійскіе города идти. Послѣ всѣхъ этихъ разговоровъ калга-салтанъ и Батырча-ага подарили кошевому сѣраго коня съ сѣдломъ и со всѣмъ конскимъ уборомъ, кромѣ того, чугу златоглавную да кафтанъ бархатный, куреннымъ атаманамъ и знатнымъ козакамъ по кафтану да по чугѣ, а «своевольцамъ», бывшимъ при татарахъ, дали денежное жалованье, по коню да по саадаку и послѣ того всѣхъ отпустили въ Сичь. Во время разговоровъ кошевого атамана и знатнаго товариства пришлое съ ними войско все время стояло у днѣпровскаго берега до поворота къ нему атамана. Къ вечеру того-же дня кошевой съ товариствомъ былъ уже у лѣваго берега Днѣпра, а къ ночи—въ запорожской Сичи.

На другой день іюля 18 числа, во вторникъ, калга-салтанъ и Петрикъ прислали въ Сичь козака Сысу съ запросомъ, пойдетъ-ли кошевой съ ними на войну или нѣтъ. Кошевой собралъ рано утромъ войсковую раду и на ней предложилъ вопросъ, какъ быть съ Петрикомъ. На этотъ вопросъ данъ былъ двоякій отвѣтъ: одни говорили, что не годится съ бусурманами ходить войной на христіанъ, другіе доказывали, что послѣ принесенной присяги татарамъ можно съ ними и на войну идти. Кошевой былъ на сторонѣ первыхъ, и потому сложилъ съ себя свое званіе; за нимъ послѣдовали судья, писарь и асаулъ; въ свое оправданіе они говорили, что ихъ принуждаютъ разные крикуны идти съ бусурманами на православныхъ христіанъ, но они не хотятъ допустить во время своего управленія Запорожьемъ такого зла. Между войскомъ цѣлый день происходило полное разногласіе: одни кричали «добро», другіе кричали «зле»; въ это время весь день атаманская «комышина» лежала на столѣ, среди вѣчевой площади, и всякій, кому ее предлагали, отказывался отъ нея. Раннимъ утромъ слѣдующаго дня выступили на площадь знатные товарищи, заслуженные и престарѣлые воины, и собрали новую раду. Они рѣшили просить кошевого и всю старшину вновь взять на себя свои должности и попрежнему управлять войскомъ. Кошевой, писарь, судья и асаулъ, послѣ долгихъ колебаній и упрашиваній со стороны товариства, наконецъ, согласились возвратиться къ прежнимъ должностямъ. Тогда атаманъ, выйдя на раду, сказалъ: «Кто хочетъ идти за плутомъ Петрикомъ, того я не удерживаю, а кто будетъ постоянно сидѣть на Кошу, того высылать не буду». Калга-сал-

танъ просилъ кошевого прислать изъ Коша знатныхъ людей, которые «къ Петрику привязались», но кошевой отказалъ ему и въ этомъ, говоря, что онъ «о всемъ о томъ поведеніи донесетъ письмомъ гетману» [1]).

Между тѣмъ гетманъ Мазепа, получивъ всѣ извѣстія изъ запорожской Сичи, сперва сообщилъ о томъ въ Москву, потомъ, іюля 28 дня, разослалъ по всѣмъ своимъ полкамъ универсалъ, въ которомъ предостерегалъ своихъ козаковъ «отъ плута и здрайцы» Петрика, приглашалъ всѣхъ слушаться однихъ своихъ старшинъ, держаться стороны царскаго пресвѣтлаго величества; изображалъ, какъ, живя «статечно» подъ высокодержавною великаго государя рукой, всѣ обогатились во всякомъ пропитаніи, имуществѣ, добрѣ; напоминалъ, до чего доведены были обитатели тогобочной Украйны, особенно въ то время, когда полковникъ Сирко внесъ «мѣшанину» въ городъ Умань и другія мѣста, многимъ людямъ смерть приготовилъ, многихъ заставилъ лишиться имуществъ, и потомъ, не будучи въ состояніи удержаться на своемъ «непрочномъ житіи», ушелъ оттуда другихъ слободъ искать; представлялъ дѣйствія Сулимки, Суховія, Ханенка, разорившія и въ пустыню обратившія тогобочную Украйну, достойную слезъ и великой жалости. Въ заключеніе гетманъ призывалъ всѣхъ къ строгому повиновенію и ненадежныхъ людей приказывалъ заключать въ колодки и отсылать къ нему въ Батуринъ [2]).

Вѣроятно, въ такомъ-же родѣ посланъ былъ листъ отъ гетмана и запорожскимъ козакамъ на имя кошевого атамана Гусака. Этотъ листъ до насъ не дошелъ, но кошевой, принявъ его и вычитавъ отвѣчалъ гетману слѣдующее: «У войска запорожскаго злого умысла нѣтъ, и знать того не хотимъ; къ такому безумію склоннымъ можетъ быть только тотъ, кто Бога единаго въ Троицѣ не знаетъ. Правда и Хмельницкій былъ въ союзѣ съ татарами, но потомъ поддался пресвѣтлымъ монархамъ. Тогда въ посполитой радѣ такой приговоръ былъ, чтобъ никакихъ досадъ на Украйнѣ не было; а нынѣ утѣсненія чинятся. Ваша вельможность правду пишите,

---

[1]) Архивъ мин. ин. дѣлъ, крымскія дѣла 1692, св. 79а, № 4: Архивъ мин. юстиціи 1692, книга мал. приказа, № 66, л. 106—129. Документы архива иностранныхъ дѣлъ заключаютъ въ себѣ извѣстія первыхъ рукъ и потому имъ отдано въ данномъ случаѣ предпочтеніе.

[2]) Величко, Лѣтопись, Кіевъ, 1855, III, 109—111.

что при ляхахъ великія утѣсненія войсковымъ вольностямъ были; за то Богданъ Хмельницкій и войну противъ нихъ поднялъ, чтобъ отъ ихъ подданства освободиться. Тогда мы думали, что во вѣки вѣковъ народъ христіанскій не будетъ въ подданствѣ; а теперь видимъ, что бѣднымъ людямъ хуже, чѣмъ было при ляхахъ, потому что кому и не слѣдуетъ держать подданныхъ, и тотъ держитъ, чтобъ ему сѣно или дрова возили, печи топили, конюшни чистили. Правда, если кто по милости войсковой въ старшинѣ генеральной обрѣтается, то такому можно и подданныхъ имѣть, тогда никому не досадно, какъ и при покойномъ Хмельницкомъ бывало. А нынѣ слышимъ о такихъ, у которыхъ и отцы подданныхъ не держали, а они держатъ и не знаютъ, что дѣлать съ бѣдными подданными своими. Такимъ людямъ подданныхъ держать не слѣдуетъ, но пусть, какъ отцы ихъ трудовой хлѣбъ ѣли, такъ и они ѣдятъ» [1]).

Пока происходилъ этотъ обмѣнъ писемъ гетмана съ кошевымъ, возлѣ Петрика стали собираться охочіе до войны запорожцы. Послѣ ухода кошевого атамана Гусака изъ Каменнаго-Затона въ Сѣчь Петрикъ и калга-салтанъ простояли еще около недѣли въ Затонѣ, поджидая къ себѣ своевольныхъ запорожцевъ. Когда такихъ запорожцевъ собралось 500 человѣкъ, то Петрикъ и калга-салтанъ собрали раду и на той радѣ рѣшено было «звать» Петрика гетманомъ; въ это время калга-салтанъ далъ Петрику клейноты, и Петрикъ, принявъ ихъ, сталъ считать себя гетманомъ и выбралъ для себя старшину: трехъ полковниковъ, Василія Бузскаго, Кондрата Михайлова и Леска Сысу, и шесть человѣкъ сотниковъ. Послѣ этого, для пополненія численности своего войска, Петрикъ послалъ къ запорожскимъ ватажанамъ, находившимся на Молочныхъ Водахъ и Бердахъ, посланца и черезъ него приглашалъ ихъ къ себѣ для похода въ московскую землю, въ противномъ случаѣ грозилъ всѣхъ ихъ изловить и въ татарскую неволю отдать. Отъ Каменнаго-Затона Петрикъ поднялся выше и въ шести миляхъ отъ Затона, на рѣчкѣ Маячкѣ встрѣтилъ ватажныхъ людей, шедшихъ съ Молочной съ добычею; ихъ было около 3000 человѣкъ. Узнавъ подлинно, что всѣ замыслы Петрика дѣло «воровское» и что при немъ не было кошевого, ватажане заперлись было на островѣ надъ Маячкой и отказались идти вмѣстѣ съ

[1]) Соловьевъ, Исторія Россіи, Москва, 1879, XIV, 187.

Петрикомъ. Но на утро Петрикъ прислалъ своихъ людей въ таборъ ватажанъ съ приглашеніемъ идти къ нему на соединеніе. Тогда нѣкоторые изъ ватажанъ послушались этого приглашенія и пошли къ Петрику. Петрикъ сдѣлалъ нѣкоторыхъ изъ нихъ урядниками и они, возвратившись въ таборъ, стали разбирать свои возы. Увидя такое дѣло, другіе ватажане начали бѣжать изъ табора. Петрикъ послалъ за бѣжавшими татаръ и запорожцевъ, которые вернули ихъ назадъ. Справившись съ ватажанами, Петрикъ поднялся къ рѣчкѣ Московкѣ и отсюда отправилъ «прелестныя письма» въ полтавскій полкъ къ царичанскимъ и китайгородскимъ жителямъ съ разными доводами сдаться ему. Отъ Московки Петрикъ поднялся къ рѣчкѣ Татаркѣ, на лѣвомъ берегу Днѣпра, противъ Кодацкаго порога [1]), и тутъ, вмѣстѣ съ калгой-салтаномъ, собралъ раду для рѣшенія вопроса, съ чего начать свой походъ на Украйну, т. е. идти-ли прямо на полтавскій полкъ, или же сперва взять самарскіе городки. Рѣшено было прежде всего идти къ самарскимъ городкамъ, не для взятія ихъ, а для прокормленія скота, которому нечего было ѣсть, такъ какъ въ поляхъ весь хлѣбъ былъ потравленъ и притолоченъ массою татарскихъ коней. Отъ самарскихъ городковъ положили идти къ рѣчкѣ Орели, служившей раздѣльной линіей между Запорожьемъ и Гетманщиной, и взять поорельскіе городки Царичанку и Китай-городъ. Дойдя до рѣчки Самары и перейдя ее, Петрикъ разослалъ отъ себя іюля 29 дня, орельскимъ жителямъ такого рода «прелестный» универсалъ.

«Вамъ всѣмъ, товариству и посполитымъ обывателямъ орельскихъ мѣстъ доброго отъ Господа Бога здоровья и благополучія желаю! Уже вашимъ милостямъ извѣстно, что я, зная, въ какомъ стѣсненіи живетъ войско запорожское, а также видя несносныя кривды въ отношеніи васъ и притѣсненія, происходящія отъ Москвы и отъ нашихъ немилостивыхъ пановъ, и по всему тому, имѣя намѣреніе избавить васъ отъ подданства, ушелъ въ крымское государство и съ этимъ дѣломъ въ Крымъ ѣздилъ. Теперь, когда я вышелъ съ ордами изъ Крыма къ Каменному-Затону подъ Сичу, то тутъ все войско запорожское, при кошевомъ атаманѣ и всѣхъ куренныхъ атаманахъ, учинило войсковую раду; въ это время утвержденъ былъ съ крымскимъ государствомъ вѣчный миръ, скрѣпленный съ обѣихъ сторонъ присягой, послѣ того, на дру-

---

[1]) Та самая, которую переходилъ въ 1687 году кн. Голицынъ.

гой радѣ, по волѣ всемогущаго Бога, меня выбрали гетманомъ и приказали съ тѣми ордами и съ войскомъ запорожскимъ идти войной для вашей обороны противъ Москвы. Ради этого, рушивши изъ Каменного-Затона со всѣмъ запорожскимъ войскомъ и соединившись съ тѣмъ войскомъ, которое было на Молочной, и со всѣми ордами, находящимися при калгѣ-салтанѣ, мы пришли до Самары, откуда и шлемъ вамъ нашъ листъ настоящій дабы вы, давши вѣру тому и учинивши между собой настоящій порядокъ, выслали на встрѣчу его милости салтана и войска запорожскаго свою старшину и сами въ ту военную дорогу съ нами на непріятеля своего, москали, готовились, чтобы не носить больше невольническаго ярма на своихъ вольныхъ козацкихъ шеяхъ и скинуть его съ помощью божіей. Вѣдайте, что эта война на москали не ради чего иного началась, какъ ради вашихъ вольностей и общаго всенароднаго посполитаго добра. Нѣтъ надобности много писать вамъ, — сами знаете, что дѣлаютъ съ вами москали и драпежные (хищные) паны и что вамъ чинится отъ арендарей,—все то сами хорошо знаете, потому что они объѣздили вамъ ваши шеи и всю вашу худобу позабирали. Станьте-же, безъ всякой отговорки, за свои вольности, беритесь сполна, со всею щирою правдою съ нами, войскомъ запорожскимъ, и теперь, когда Господь Богъ всемогущій поможетъ выбиться изъ - подъ ярма московскаго, то вы учините у себя такой порядокъ, какой сами захотите и будете пользоваться такими вольностями, какими пользовались предки ваши за Хмельницкаго. Теперь войско запорожское утвердило вѣчный миръ съ крымскимъ государствомъ на такихъ условіяхъ, чтобъ чигиринская сторона Днѣпра намъ отдана была съ принадлежностями въ тѣхъ предѣлахъ, какъ Хмельницкій съ ордами отвоевалъ ее; да чтобъ сегобочная сторона, со всѣми полками и городами, при насъ оставалась, а кромѣ того, чтобъ вольно было, безъ всякой дани, добывать рыбу, соль, звѣрей въ Днѣпрѣ, Бугѣ и во всѣхъ рѣкахъ и рѣчкахъ. Тогда выбившіеся, съ божіею помощію, отъ теперяшняго подданства, могутъ, куда захотѣть, туда и идти на свою родину, гдѣ раньше того кто проживалъ,—безпокойства и тревоги ему нигдѣ не будетъ, потому что крымское государство на томъ и присягу дало свою, что будетъ насъ всегда оборонять отъ Москвы, отъ ляховъ и отъ всякихъ другихъ непріятелей. Если-же теперь вы не встанете за свои вольности, то сами знаете, что потеряете;

вы останетесь вѣчными московскими невольниками и никто за васъ никогда болѣе не заступится; а теперь чего у Бога милостиваго просили, того и дождались, беритесь только смѣлѣй, всѣми силами своими за вольность свою. Желая вамъ, чтобы вы были вольными, жили въ покоѣ и во всемъ успѣхъ имѣли, поручаю васъ Господу Богу! Данъ на Самарѣ 1692 року, іюля 29. Звишменованный гетманъ (Петро Ивановичъ) рукою властною. Такъ какъ мы имѣемъ работу около добыванія Самары, то прибывайте къ намъ немедленно со всѣмъ своимъ военнымъ порядкомъ; если же не прибудете, то смотрите, чтобъ сами не потеряли своего дѣла» [1]).

Разославъ свои универсалы по южнымъ малороссійскимъ мѣстечкамъ и городамъ, Петрикъ рѣшилъ взять приступомъ въ ночь съ субботы на воскресенье, іюля 31 дня, Новобогородицкую крѣпость. Съ нимъ были всѣ козаки ватажане съ полковникомъ Сысой и 500 человѣкъ татаръ, какъ тѣ, такъ и другіе пѣшіе. Козаки и татары подступили къ нижнему городу, успѣли зажечь двѣ башни и нѣсколько дворовъ и захватить около ста штукъ овецъ и нѣсколько ульевъ, но въ это время по нимъ началъ стрѣлять изъ пушекъ гарнизонъ изъ верхняго города, и козаки стали отступать. Во время отступленія одинъ изъ полковниковъ Петрика, Кондратъ Михайловъ, и два козака, Яковъ Макаровъ и Иванъ Демковъ, попались въ руки защитникамъ города и потомъ отправлены были въ Москву, гдѣ они дали свои показанія о всемъ ходѣ дѣла Петрика до прибытія на Самарь. Приговоренные къ смертной казни и помилованные по ходатайству царицы Натальи Кирилловны, но наказанные кнутомъ и «заорленные» клеймомъ на лѣвыхъ щекахъ съ буквою В, они сосланы были въ Сибирь въ дальніе города на вѣчное житье [2])

Между тѣмъ Петрикъ отъ рѣки Самары двинулся дальше къ берегамъ рѣки Орели. Жители орельскихъ городковъ Царичанки и Китай-города встрѣтили его съ хлѣбомъ - солью, и Петрикъ не найдя здѣсь сопротивленія, двинулся къ Маячкѣ. Петрикъ ожидалъ и отъ жителей Маячки того-же, что выказали передъ нимъ жители двухъ названныхъ городковъ, но маячанцы, не смотря на

[1]) Величко, Лѣтопись, Кіевъ, 1855, III, 111—113.

[2]) Архивъ мин. юстиціи, книга мал. прик., № 66, листы 106—129.

посланный имъ «прелестный листъ властнаго гетмана» отдѣлывались молчаніемъ.

Тѣмъ временемъ гетманъ Мазепа уже давно собиралъ полки, чтобы двинуться на встрѣчу Петрику и калгѣ-салтану и разомъ истребить всю ихъ затѣю. Онъ дожидался только русской рати, но не дождавшись ея, послалъ свои полки къ Маячкѣ. Тогда Петрикъ и калга-салтанъ немедленно повернули назадъ, быстро перешли рѣчку Самару и очутились на рѣчкѣ Татаркѣ. На Татаркѣ отъ Петрика ушло большинство запорожцевъ, кромѣ 80 человѣкъ, съ которыми онъ направился къ Перекопу и расположился тамъ въ ханскихъ окопахъ. Гетманъ донесъ письмомъ (октября 20 дня) въ Москву «объ отвращеніи запорожцевъ отъ татаръ», и запорожцамъ послано было изъ Москвы жалованье 1000 золотыхъ червонныхъ черезъ дворянина Зеленаго и подъячаго Русинова. Посланцы прибыли въ Сичь въ началѣ декабря, а 23 декабря оставили ее благополучно и направились черезъ Малороссію въ Москву [1]).

Изъ Перекопа Петрикъ вновь сталъ посылать запорожцамъ свои письма, развивая мысль, что дѣло, начатое имъ, далеко еще не приведено къ концу и что онъ, Петрикъ, не успокоится до тѣхъ поръ, пока не окончитъ его. Но въ Сичи онъ совсѣмъ уже не встрѣтилъ никакого сочувствія. Кошевого Гусака, обвиненнаго въ полученіи подарковъ отъ приходившихъ съ Петрикомъ татаръ, смѣнили съ кошевства и назначили вмѣсто него Василія Кузьменка; вмѣстѣ съ кошевымъ смѣнили судью, писаря и асаула. При смѣнѣ прежней старшины многіе курени были разбиты, сичевая церковь забросана полѣньями, торговые люди пограблены [2]).

Гетманъ Мазепа находилъ, что для удержанія запорожскихъ козаковъ отъ своеволія на будущее время нужно построить крѣпость въ Каменномъ-Затонѣ и содержать тамъ постоянный съ орудіями гарнизонъ. Но иначе посмотрѣли на это дѣло въ Москвѣ.

Правительство обратило вниманіе на то, что какъ Петрикъ, такъ и запорожцы указывали на два зла, практиковавшіяся на Украйнѣ: отдачу въ аренду шинковъ и пожалованіе чиновникамъ маетностей или земель, вмѣстѣ съ людьми. Спрошенный по этому

---

[1]) Архивъ мин. ин. дѣлъ, 1692, подл., № 853, 854, № 30, св. 80.
[2]) Архивъ мин. юстиціи, 1692, кн. 66, л. 1090.

поводу гетманъ Мазепа отвѣчалъ, что аренда, столь ненавистная украинскому народу через жидовъ, необходима для добыванія денегъ на войсковые расходы, но что о замѣнѣ этого способа собиранія податей въ Малороссіи онъ давно хлопочетъ и ждетъ отвѣта отъ старшихъ и меньшихъ самого народа особъ. Относительно земель гетманъ отвѣчалъ, что маетности, пожалованныя чиновнымъ людямъ по царскимъ указамъ, отобраны быть не могутъ; маетности-же, дарованныя по гетманскимъ универсаламъ, могутъ быть и назадъ отобраны отъ тѣхъ чиновниковъ, которые не состоятъ у дѣлъ или почему-либо негодны къ службѣ. О такихъ-то маетностяхъ, главнымъ образомъ, и хлопотали запорожцы: «Запорожцы много разъ писали намъ, считая для себя непріятной, а для народа обременительной раздачу многихъ селъ разнымъ лицамъ въ подданство; да и нынѣ через нарочного нашего посланца знатнаго козака Юска, которого мы посылали къ нимъ съ увѣщательнымъ листомъ, словесно наказывали, чтобъ маетности отъ меньшихъ особъ были отобраны: не такъ вступаются они объ уничтоженіи аренды, какъ объ убавкѣ тѣхъ маетностей, и если мы ихъ не отберемъ, то между народомъ встанетъ смута. Мы уже давно разослали повсюду универсалы, чтобъ никто изъ владѣльцевъ не смѣлъ въ пожалованныхъ ему селахъ отягощать жителей большими работами и поборами и дѣлать имъ какія-бы то ни было обиды, чтобы на владѣльцевъ притѣснителей крестьяне подавали намъ челобитья, по которымъ будетъ непремѣнно расправа» [1]).

Къ самимъ запорожцамъ въ Москвѣ отнеслись, по всѣмъ видимостямъ, вполнѣ благосклонно. Въ послѣднихъ числахъ ноября посланъ былъ изъ Москвы въ Сичь воевода Зеленый съ милостивымъ царскимъ жалованьемъ запорожскому войску. Прибывъ въ Батуринъ, воевода Зеленый взялъ съ собой, по указанію гетмана, для охраны казны, короновскаго сотника Тихона Довгелю да товарища сотни батуринской Сидора Горбаченка. Провожатые воеводы взяли съ собой гетманскій «упоминательный» листъ съ предписаніемъ, дабы запорожцы, обрѣтаясь въ надлежащей вѣрности къ великимъ государямъ, приняли съ благодарностью милостивое жалованье и служили великимъ государямъ всегда въ непоколебимой вѣрности и радѣніи. Жалованье было доставлено по назна-

[1]) Бантышъ-Каменскій, Источники, Москва, 1859, II, 7.

ченію и гетманъ Мазепа въ началѣ декабря донесъ о томъ въ Москву [1]).

Но ни царская милость, ни предписаніе гетмана не могли успокоить запорожскую массу въ то время, когда въ Крыму находился Петрикъ съ его планами отторженія Малороссіи отъ Москвы. Въ началѣ 1693 года Петрикъ, вмѣстѣ съ нурредипъ-салтаномъ, Ширъ-беемъ и сорока тысячью [2]) татаръ, склонивъ на свою сторону новаго хана Селимъ-Герая, смѣнившаго собой Саадатъ-Герая, вновь собрался походомъ подъ малороссійскіе города. Рѣшено было снова начать съ Запорожья.

Въ начальныхъ числахъ мѣсяца января прибылъ въ Сичу изъ Кызыкерменя нѣкій Шабанъ и сталъ спрашивать козаковъ, по многу-ли имъ царь платитъ жалованья. Козаки отвѣчали, что царскаго жалованья имъ приходится по 18 шаговъ. Тогда Шабанъ спросилъ козаковъ, какъ имъ лучше, получать-ли по 18 шаговъ, или-же, когда придетъ ханъ, получать по 10 червонныхъ на козака. Пріѣздъ нежданнаго гостя произвелъ сильное смятеніе въ средѣ запорожскихъ козаковъ. Въ это-же время, а именно января 14 дня, въ субботу прибылъ въ Сичь извѣстный ватагъ, нѣкогда бывшій кошевой, Ѳедько, и тогда въ Сичи открылось настоящее междоусобіе. Прежде всего сбросили съ кошевства Василія Кузьменка, потомъ козаки однихъ куреней пошли войной на козаковъ другихъ куреней, всю церковь забросали полѣньями, одного знатнаго козака корсунскаго куреня убили, всѣхъ торговыхъ людей ограбили, на иныхъ платья посдирали, но въ концѣ концовъ снова вернулись къ Василію Кузьменку и на кошевствѣ его поставили. Все это произошло вслѣдствіе прибытія Ѳедька́, который, очевидно, держалъ сторону татаръ и Петрика, но, не успѣвъ склонить къ тому Кузьменка, собрался зачѣмъ-то уходить въ города.

На другой день послѣ происшедшаго въ Сичи смятенія кошевой Кузьменко получилъ вѣсть отъ одного козака, видѣвшагося на низу Днѣпра съ городчанскими татарскими овчарами, о выходѣ «нѣкоего салтана съ ордой» изъ Крыма къ турецкимъ на Днѣпрѣ городкамъ: салтанъ ждалъ Петрика, соединясь съ кото-

---

[1]) Величко, Лѣтопись, Кіевъ, 1855, III, 129.

[2]) По разнымъ показаніямъ татаръ было отъ 30,000 до 10,000, малороссовъ отъ 400 до 80 человѣкъ; самъ гетманъ показывалъ 40,000 человѣкъ. Величко, III, 140.

рымъ, думалъ первѣе всего ударить на запорожскую Сичь, а потомъ идти подъ малороссійскіе царскаго величества города. Кошевой не замедлилъ сообщить о томъ Мазепѣ черезъ знатнаго сергіевскаго куреня козака Максима, выѣхавшаго изъ Сичи «на зимовлю для прокормленія въ города», и совѣтовалъ гетману взять свои мѣры предосторожности, не допустить бусурманъ до разоренія селъ и захвата у крестьянъ животовъ, и хотя кошевой еще не вполнѣ вѣрилъ полученнымъ слухамъ, но все-же находилъ, что «лучше времени быть осторожнымъ, нежели послѣ бѣды мудрствовать». Въ слѣдъ затѣмъ тотъ-же кошевой получилъ «подлинную, неотмѣнную и совершенную вѣдомость» о выходѣ изъ Крыма ханскаго сына и Петрика съ огромной ордой къ турецкимъ городкамъ для похода оттуда подъ малороссійскіе города и также поспѣшилъ увѣдомить о томъ гетмана Мазепу черезъ нарочнаго гонца, атамана пашковскаго куреня: «Простите меня, заключалъ свое письмо къ Мазепѣ кошевой, что худо писалъ, понеже зѣло прилежной и скорой приказъ былъ». Гонцу велѣно было скакать день и ночь, чтобы какъ можно скорѣй донести гетману необходимую вѣсть и дать ему возможность достойно встрѣтить враговъ.

Въ слѣдъ за сичевымъ гонцомъ поскакалъ къ Мазепѣ другой гонецъ, отъ дозорцы Рутковскаго, съ извѣстіемъ о томъ, что подлинно «подъ городки» пришелъ съ Петрикомъ ханскій сынъ, а за ханскимъ сыномъ идетъ и самъ ханъ и идутъ они сперва подъ запорожскую Сичь, а оттуда подъ Переволочну и далѣе подъ порубежные малороссійскіе города. Рутковскій немедленно оповѣстилъ всѣхъ по городамъ людей о приближеніи татаръ и поднялъ въ нихъ на столько духъ, что люди ни «сполоху не боятся, ни сумнѣнія межъ собой никакого не берутъ». Но главные пути уже сдѣлались опасными отъ татаръ, и всѣхъ ѣдущихъ откуда-либо въ Сичь хватаютъ и Петрику отдаютъ. Запорожскій козакъ уманскаго куреня, Яковъ, пріѣзжавшій въ Переволочну «за своимъ нѣкакимъ дѣломъ» и уже выбравшійся было съ ватажкою въ Сичь, вернулся отъ Саксагани снова въ Переволочну, потому что пройти въ Сичь за ордой онъ уже не могъ. «Не съ добрымъ умысломъ пріѣзжалъ въ Переволочну сей уманскаго куреня козакъ, потому что сталъ въ той господѣ, въ которой стоялъ Сидорецъ, а нынѣ съ ватажкою возвратился въ Переволочну назадъ; какъ они не поступаютъ, мы имъ не вѣримъ, и сами себя стережемъ». О подлинномъ настроеніи запорожскихъ козаковъ дозорца имѣлъ самыя

вѣрныя извѣстія отъ собственнаго шпіона, какого-то «писаря кошевого» (т. е. писаря при кошевомъ или писари войскового), который клятвенно выражалъ свою готовность вѣрно служить гетману, но за то просилъ исхлопотать у ясневельможнаго благодѣтеля «на вспоможеніе чего-нибудь, что ни есть доброе», но чтобы только подарокъ тотъ дошелъ по назначенію, а не такъ, какъ посланъ былъ «черезъ Сидорца съ прилучившеюся монаршеской казной, когда гостинецъ тотъ въ раздѣлъ пошелъ» [1]).

Но гетманъ Мазепа и безъ того всячески старался угождать запорожскимъ козакамъ и такъ или иначе расположить ихъ къ себѣ. Такъ, въ это время онъ послалъ въ сичевую покровскую церковь полный рѣзной работы, «съ изуграскимъ (иконнымъ) украшеніемъ, какъ требуетъ лѣпота божественной церкви», иконостасъ. Иконостасъ этотъ отправленъ былъ съ господаремъ гадячскаго замка, Степаномъ Трощинскимъ; съ нимъ посланы были мастера дѣла, иконникъ и столяръ, первый для того, чтобы поставить на пристойномъ мѣстѣ каждую икону, второй для того, чтобы подчинить попортившееся въ дорогѣ. Посылая такой цѣнный подарокъ запорожцамъ, гетманъ высказывалъ пожеланіе, чтобы козаки жили въ добромъ здравіи и согласіи, имѣли крѣпость и силу, всегда побѣждали непріятеля и чрезъ то пріобрѣли добрую славу и чтобы въ будущемъ церкви божіи православныя воздвигались не только въ самой Сичи, но возсіяли бы и на низу Днѣпра въ жилищахъ бусурманскихъ, на славу монаршаго престола и хвалу низового войска [2]).

Не о томъ думали Петрикъ и его властный покровитель крымскій ханъ. Петрикъ, по приказанію хана, отправилъ воззваніе въ Сичь и приглашалъ все низовое войско пристать къ нему и къ бывшимъ съ нимъ татарамъ для борьбы противъ гетмана и царей московскихъ.

«Милостивый господине атамане, и все старшее и меньшее славного войска запорожского низового товариство. Вашимъ милостямъ, добрымъ молодцамъ, старшему и меньшему славного войска запорожскаго товариству, отдаю мой низкій поклонъ и

---

[1]) Архивъ мин. юстиціи, кн. мал. приказа, 1693, листы 1185—1201, № 66.

[2]) Архивъ мин. юстиціи, кн. мал. приказа, 1693, листы 1185—1201, № 66.

желаю отъ Господа Бога доброго здравія, счастливого поведенія и надъ всякими врагами побѣды и одолѣнія. Ваша милость, всѣ старшіе и меньшіе добрые молодцы, войско запорожское, уже знаете то, для чего я пошелъ въ Крымъ и о какомъ дѣлѣ съ крымскимъ царствомъ прошлымъ лѣтомъ я договаривался, — это вы знаете, вопервыхъ, изъ статей, которыя я отослалъ вамъ, ваша милость, въ письмѣ; вовторыхъ изустно вы говорили въ Каменномъ-Затонѣ со мной и съ бывшимъ калгой-салтаномъ и ради этого вы изволили отпустить, ваша милость, охочее войско въ виду похода, заодно съ ордой, на (украинскіе) города для освобожденія изъ подданства (Москвѣ) нашей малороссійской породы. Но когда мы пришли съ товариствомъ вашимъ на Русь (южную) и помирились съ орельскими городами, тогда въ крымскомъ государствѣ произошло большое замѣшательство: изъ Бѣлогорода пришла вѣсть, что мурзы и беи, ходившіе на нѣмцовъ съ ханомъ, не захотѣли повиноваться хану; тогда и мурзы, бывшіе съ нами, встревожились этимъ и, принудивъ калгу-салтана, не сдѣлавъ никакого потребного дѣла, возвратились назадъ. Придя-же въ Крымъ они какъ хана, такъ и ходившого съ ними калгу-салтана, отставили отъ господарства. Теперь-же, когда въ Крымъ пришолъ новый его милость ханъ, Селимъ-Гирей, которого всѣ крымскіе господа такъ искренно желали и при которомъ все хорошее и раньше чинилось, у новаго хана, со всѣмъ господарствомъ крымскимъ, была рада. На этой радѣ постановили, если Господь Богъ поможетъ, исполнить то, что хотѣли: вырвавъ изъ московскаго подданства нашу Украйну и освободивъ ее отъ всего злого, жить съ нами побратерски, какъ было при славной памяти гетманѣ войска запорожскихъ козаковъ, Богданѣ Хмельницкомъ. Въ виду этого ханъ, его милость, отдалъ приказаніе идти въ походъ всѣмъ своимъ силамъ, а именно: ордѣ крымской, бѣлогородской, ногайской, джаманъ-саадакамъ, черкесамъ и калмыкамъ, а для совершенной надежды всѣмъ придалъ имъ своихъ сейменовъ, людей огнистыхъ. Съ этими силами ханъ, его милость, отправилъ всѣхъ своихъ сыновей-салтановъ; намѣстникомъ отъ себя назначилъ славного рыцаря Шанъ-Гирей (Шагинъ-Гирея)—салтана, которому далъ полномочіе съ вами, добрыми молодцами, запорожскимъ войскомъ, говорить и миръ поновить,—тотъ именно миръ, который вы учинили и своею клятвою подтвердили въ Каменномъ-Затонѣ въ прошедшее лѣто. Я снова вамъ, добрымъ молодцамъ, объявляю,

что ханъ, его милость, для нынѣшняго дѣла, которое предпринимается ради цѣлости и обороны крымскаго и малороссійскаго государства, проститъ вамъ, войску запорожскому, всѣ тѣ убытки, которые ваше товариство захватомъ коней и людей причинили въ разныхъ мѣстахъ государству крымскому. Только вы, ваша милость, добрые молодцы, стойте на одномъ словѣ—сдѣлать что-нибудь себѣ и Украйнѣ доброе. Если-же вы будете поступать то такъ, то сякъ, какъ прошлымъ лѣтомъ поступали, то смотрите, чтобы вы себя не потеряли, потому что господа крымскіе все, что межъ вами дѣлается, уже уразумѣли и на томъ постановили, чтобъ съ этого времени не имѣть отъ васъ ни докуки, ни убытковъ, ни обмана. Я же вамъ, добрымъ молодцамъ, и совѣтую и прошу васъ: возьмитесь вы со всею крѣпостью за свои войсковыя вольности и за цѣлость всего малороссійского и, пользуясь большимъ собраніемъ орды, идите, ваша милость, со всѣмъ товариствомъ и съ клейнотами войсковыми немедленно, и мы надѣемся, что лишь только вы пойдете, то мы согласимся со всѣмъ краемъ и, при помощи Бога, отъ Москвы освободимся. Когда-же, ваша милость, нынѣ не пойдете, то вѣдайте, что вы погубите ваши вольности, а Украйны до вѣку изъ московскаго подданства не вызволите. Когда-же, ваша милость, нынѣ пойдете, то какъ здѣсь, по выходѣ изъ Сичи, кого захотите,старшимъ назначите, такъ и на Руси, когда Господь Богъ дастъ намъ соединиться съ нашимъ краемъ, какой пожелаете, порядокъ учините. А что нѣкоторые между вами, добрыми молодцами, говорятъ, что и лѣтомъ, когда орда и войско запорожское ходили въ походъ, тогда не шли, какъ обѣщали, на Москву, а привели орду въ свои-же козацкіе города, то вы, ваша милость, добрые молодцы, сами разумныя головы и знаете то, какъ идти на Москву, не согласившись о томъ со всѣмъ краемъ. Когда-же нынѣ, ваша милость, изволите пойти, то, лишь только дастъ Богъ, согласимся со всѣми городами, тотъ часъ-же, при помощи божіей, пойдемъ на Москву и, что тамъ Господь Богъ позволитъ, то мы тамъ, въ Московщинѣ, и чинить будемъ. Тутъ-же вашимъ милостямъ, добрымъ молодцамъ, сообщаю о малороссійскихъ купцахъ, въ Крыму задержанныхъ, о Захарѣ Яковенкѣ, Зелененькомъ и Константинѣ. Яковенко пойманъ съ листами, отъ московского и гетманского пословъ писанными; а за Зелененькимъ и за Константиномъ то открылось, что они посланы его милостью, господиномъ Мазепою въ лазутчикахъ, въ

чемъ они, побранись между собой, сами признались и, если-бы не было здѣсь насъ, то съ душами и съ пожитками, всѣ бы здѣсь пропали, а нынѣ мы ихъ всѣхъ при себѣ содержимъ. Вручая вашу милость Господу Богу, вашимъ милостямъ желательный пріятель и слуга Петръ писарь» [1]).

Не довольствуясь отправкой этого обширнаго воззванія, Петрикъ вложилъ въ него еще двѣ «цыдулки» и въ первой изъ этихъ «цыдулокъ» писалъ слѣдующее.

«И то, ваша милость, добрые молодцы, разумныя головы, войско запорожское, разсудите вы, что не всегда московскіе цари такое вамъ будутъ давать жалованье, какъ теперь часто присылаютъ червонные золотые: это Москва дѣлаетъ потому, что слышитъ въ лѣсу волка, а когда это дѣло минетъ, то не только того жалованья не дастъ вамъ Москва; но, помирившись съ Крымомъ (какъ нынѣ о томъ усердно старается), васъ изъ Сѣчи выгонитъ, вольности ваши войсковыя отниметъ, Украйны нашей часть отдастъ ордѣ въ неволю, а остатокъ возьметъ въ свою неволю вѣчную. И тогда къ кому приклонитесь, кто вамъ поможетъ и кто изъ неволи (чего не дай, Боже) избавитъ васъ? Сами, ваша милость, добрые молодцы, войско запорожское, знаете ту, по истинѣ правдивую, сказку, что за кого стоитъ крымскій ханъ, тотъ будетъ и панъ. Если московскіе цари съ крымскимъ ханомъ вѣчный миръ учинятъ, о чемъ такъ прилежно стараются, то хотя бы вы и къ полякамъ кинулись, то не будетъ вамъ отъ нихъ помощи, потому что поляки и сами Москвѣ ничего не сдѣлаютъ, а Москва съ Крымомъ сдѣлаетъ все, что захочетъ; теперь уже Москва на Самарѣ свои города имѣетъ, въ Кіевѣ и въ Переяславѣ людей своихъ держитъ, и въ иныхъ нашихъ городахъ силу (войско) свою имѣетъ; а когда еще запретъ Днѣпръ, то никому и никакъ нельзя будетъ дохнуть. Дивно то, что прежде вы всѣ жаловались на неправды отъ Москвы и отъ своихъ господъ, вы говорили, что нѣтъ такого человѣка, который-бы началъ дѣло и подалъ-бы вамъ поводъ. А теперь, когда, за божіимъ позволеніемъ, такіе люди нашлись на то дѣло, ваши войсковыя вольности въ рѣкѣ Днѣпрѣ и въ иныхъ мѣстахъ окрѣпили, а потомъ хотѣли вашихъ женъ и дѣтей и жилища ваши вырвать изъ московской неволи и отъ рабства господъ украинскихъ, тогда вы неохотно выказали на то

---

[1]) Архивъ мин. ин. дѣлъ, 1593, св. 91, № 11.

вашу волю: вы только охочее войско на Русь пускали, а сами, лучшіе люди, въ Сичи остались. И развѣ вамъ то не любо, что хоть вы Крыму и убытки чините, однако вездѣ вы безопасно, до самого моря добываетесь и рыбой, и солью, и звѣремъ. А къ Москвѣ вы привязались даромъ, какъ та рыба судакъ, которой, хотя неводомъ и не тянутъ, сама привяжется къ нитѣ: сами, ваша милость, знаете, не туда-ли рыболовъ кладетъ ту рыбу судака, куда и ту, что затянетъ неводомъ? Такъ если и васъ москаль затянетъ въ свою мочь, хотя вы теперь и даромъ держитесь, то также поступитъ, какъ и съ тѣми людьми, которыхъ давно въ своей власти имѣетъ. Я совѣтую вашимъ милостямъ, добрымъ молодцамъ, если вы хотите доброе что сдѣлать и свои вольности спасти, то дѣлайте это нынѣ-же, пока время имѣете; а когда время это упустите или потеряете, то ужъ никогда его имѣть не будете, и какъ лишитесь своихъ вольностей, такъ возьмете на свои души грѣхи всей Украйны, которая вами защищается и на васъ надѣется» [1]).

Въ другой «цыдулкѣ», приложенной къ тому-же первому воззванію къ запорожскимъ козакамъ, Петрикъ писалъ такъ.

«Напрасно, ваша милость, называете меня въ вашемъ письмѣ измѣнникомъ и прелестникомъ. Чѣмъ я васъ, добрыхъ молодцовъ, обманулъ и прельстилъ? Развѣ тѣмъ, что предоставилъ въ вашу волю Днѣпръ и всѣ находящіяся возлѣ Днѣпра рѣчки, гдѣ вы всюду, до самого Очакова, безопасно добываетесь и рыбою, и солью и звѣремъ? Вы сами знаете, какіе пожитки отъ того имѣете, однако, вамъ это, кажется мнѣ, немило и недостаточно, что вы меня, вашего слугу войскового, за вольности войска запорожскаго сердечно убивающагося, безвинно хулите и безчестите. Знайте, господа молодцы, то, что если это дѣло пройдетъ даромъ, которое я, при помощи божіей, для вашей прибыли и для блага нашего малороссійскаго народа началъ, и вы, добрые молодцы, за него не возьметесь, то ужъ не знаю, будете-ли вы добычиться на Низу и на Молочной рѣкѣ солью, рыбою и звѣремъ» [2]).

Положеніе запорожцевъ было таково, что имъ, во что бы то ни стало, нужно было выиграть время, пока и сами они усилятся

[1]) Архивъ мин. ин. дѣлъ, 1603 св. № 14; Архивъ мин. юстиціи, л. 29, кн. 67.

[2]) Архивъ мин. ин. дѣлъ, 1693, св. 91. № 14.

и гетманъ Мазепа соберется съ полками для отпора наступающихъ враговъ. Для этого нужно было вступить въ переговоры съ Крымомъ,—благо поводъ всегда былъ на лицо: мирные промыслы запорожскихъ торговцевъ на рыбу и на соль. Поэтому изъ Сичи отправлена была какая-то депутація къ нурединъ-салтану съ письмомъ и отъ него къ новому хану. Депутаты должны были хлопотать о томъ, чтобы утвердить присягу, какую заключилъ еще гетманъ Богданъ Хмельницкій съ Крымомъ и какую при прошломъ ханѣ, запорожцы заключили въ Каменномъ-Затонѣ.

На представленія запорожцевъ нурединъ-салтанъ отвѣчалъ письмомъ изъ урочища Носоковки. Предпославъ кошевому атаману и всему старшему и меньшему куренному товариству свое поздравленіе, онъ извѣщалъ ихъ о поворотѣ изъ Крыма запорожскихъ посланцевъ и о выѣздѣ въ Сичь вмѣстѣ съ запорожскими посланцами посланцевъ ланяснѣйшаго крымскаго хана съ письмомъ ко всему запорожскому войску; просилъ, по прибытіи крымскихъ посланцевъ, прочитать и выразумѣть письмо хана, заключить всѣмъ войскомъ святой покой и вѣчное перемиріе съ Крымомъ и потомъ готовиться для союзнаго дѣйствія съ нурединъ-салтаномъ противъ враговъ Украйны и Запорожья. Самъ нурединъ-салтанъ, со всѣми крымскими силами, уже идетъ къ запорожцамъ въ слѣдъ за ханскими послами и когда дойдетъ до Сичи, тотчасъ «разговорится съ козаками устными рѣчами», а пока желаетъ имъ всякаго добра отъ Бога [1]).

Но запорожцы за это время уже успѣли получить извѣстіе отъ гетмана Мазепы о полной готовности дать отпоръ басурманамъ, и потому сразу перемѣнили свой тонъ въ отношеніи нурединъ-салтана. Они ему отписали, что готовы, согласно условію, заключенному съ калгой-салтаномъ, въ виду того, чтобы безопасно заниматься соляными, рыбными и звѣриными промыслами, держать полный миръ съ Крымомъ, но идти въ походъ подъ города русскаго государя не желаютъ.

Тогда нурединъ-салтанъ обратился къ запорожцамъ съ листомъ и напомнилъ имъ объ ихъ желаніи подтвердить присягу, принесенную войскомъ въ Каменномъ-Затонѣ. Условія той присяги предъявлены были въ ту пору, вмѣсто запорожцевъ, Петрикомъ и состояли въ томъ, что козаки обѣщали идти въ воинскій

---

[1]) Архивъ мин. ин. дѣлъ; 1693, св. 91, № 14.

походъ заодно съ крымцами и соглашались отпустить отъ себя охочее войско подъ команду калги-салтана. Однако, въ настоящее время они отъ того обязательства отказываются, заявляя, что на московскую войну не пойдутъ и при всемъ томъ желаютъ такого мира, чтобы имъ вольно было и рыбой и звѣремъ довольствоваться. «Такого вашего мира намъ ненадобно и отъ нынѣшняго времени отъ насъ вы покоя уже никакого имѣть не будете; а на то наше письмо, если мира надобно, пусть или самъ кошевой атаманъ съ товариществомъ, подумавъ, возможно скорѣй къ намъ для устнаго разговора пріѣзжаетъ, или нѣсколько знатныхъ человѣкъ изъ товарищества присылаетъ; если же вамъ мира ненадобно, то вы на сей намъ листъ послѣдній учините отвѣтъ» [1]).

На всѣ предложенія, угрозы и предостереженія Петрика и нурредипъ-салтана запорожцы отвѣтили письмомъ, составленнымъ января 15 дня войсковымъ писаремъ Созонтомъ Грабовскимъ. Начавъ отдаленно съ небесныхъ знаковъ, открывающихъ дурную или хорошую судьбу человѣку, затѣмъ, перейдя къ почитанію православныхъ царей, всесильно обрѣтающихся пановъ, родныхъ отцовъ и матерей, дорогихъ сродниковъ, начитанный и краснорѣчивый писарь войсковой, Созонтъ Грабовскій перешелъ наконецъ къ самой сущности дѣла и обратился съ жестокими упреками къ «проклятому воплощенному врагу» Петрику. «Хотя ты, Петре, именуешься человѣкомъ православнаго рода, но взялся, на все злое, устремившись, за такое дѣло, черезъ которое много христіанскаго народа погибло. Воистину, Господь не потерпитъ, но отомститъ за это. Ты вносишь губительное опустошеніе мечемъ своимъ, вмѣстѣ съ богомерзкими бусурманами, въ самое основное гнѣздо православія, Москву, или, правильнѣе сказать, Малую Россію. Разсуди же сіе: на кого та вся клятва падетъ, какъ не на тебя самого. И въ самомъ дѣлѣ, пока ты что-нибудь сдѣлаешь или и ничего не сдѣлаешь Москвѣ, а народу малороссійскому уже явная через твой съ государствомъ крымскимъ воинскій походъ, пагуба настанетъ, чего не дай, предвѣчный царю небесный. Впрочемъ, объ этой твоей губительной затѣѣ мы, войско запорожское, доподлинно еще не знаемъ и желаемъ вполнѣ довѣдаться и совершенно убѣдиться: по наущенію-ли кого другого, или-же самъ собою, какъ намъ докладываешь, въ листѣ своемъ, къ намъ пи-

---

[1]) Архивъ мин. ин. дѣлъ, 1693, св. 91, № 14.

санномъ, яко-бы за отчизну нашу стоя, поднялъ на то крымское государство, чтобы, избавившись и освободившись отъ рабства и подданства, какъ московскихъ, такъ и нашихъ пановъ, принять перемирія на вѣчныя времена, вмѣсто совмѣстной жизни съ Москвой, отъ всего государства крымскаго. Разсуди-же ты о томъ, хорошо-ли такъ будетъ: отлучившись отъ своей православной вѣры, ввергнувши гнѣздо свое малое, бѣдную Украйну, въ сосѣдство съ бусурманами, этими супротивными дьяволами, гонителями креста Господня, мы погубимъ нашу православную вѣру и, главное, что нужно сказать, попадемъ въ вѣчное рабство и неволю, къ чему не допусти ихъ, Боже, а намъ не дай дождаться этого въ вѣчныя времена. А ты, предавшись отчаянію и забывши создавшого и искупившого тебя кровію своею пресвятою, вмѣсто того, чтобы видѣть послѣ тьмы, въ вѣчные роды, свѣтъ не вечерній, наслаждаться, всегда радуясь о Господѣ, чертогами небесными,—ты самовольно отдался бездонному аду съ душою и съ тѣломъ и устремился на зло и противленіе Богу всемогущему, — единодушно желаемъ тебѣ бесѣдовать на вѣчныя времена. И такъ какъ ты имѣешь данные тебѣ ханомъ, его милостью, клейноты, то съ ними и иди отъ насъ, войска запорожскаго, туда, куда имѣешь намѣреніе идти, не надѣясь получить клейнотовъ войсковыхъ: такъ какъ ты передался въ Крымъ безъ нашего вѣдома, насъ оставивъ, намъ измѣнивъ и милостью нашею, данною тебѣ, пренебрегъ, то и теперь безъ нашего вѣдома походъ твой дѣлай, а намъ больше ни въ чемъ не докучай» [1]).

Еще рѣзче отвѣтили запорожцы нурреддинъ-салтану. Они положительно ему объявили, что ни писать «псу» Петрику, ни выходить изъ Сѣчи вовсе не желаютъ [2]). Это было отвѣтомъ огромнаго большинства запорожскаго войска, и только самая ничтожная часть его, да и то подонки общества, пристала къ Петрику.

Такимъ образомъ все предпріятіе Петрика и его бусурманскихъ союзниковъ и на этотъ разъ окончилось ничѣмъ: «Они своими погаными попытками монаршеской державы только коснулись», какъ выразился Мазепа въ своемъ письмѣ по этому поводу въ Москву.

---

[1]) Архивъ мин. ин. дѣлъ; 1693, св. 91, № 14.

[2]) Архивъ мин. юстиція, 1693, кн. 66, лл. 1152, 1158, 1168.

Гетманъ Мазепа остался вполнѣ доволенъ пріемомъ, оказаннымъ войскомъ запорожскихъ козаковъ Петрику и пришедшимъ съ нимъ татарскимъ ордамъ. Сообщая о томъ во всѣ малороссійскіе полки, онъ писалъ: «Когда бусурмане, желая прежде всего прельстить къ своему соединенію запорожскихъ козаковъ, подошли подъ запорожскую Сичь, то запорожцы, стоя непоколебимо въ вѣрности своей къ великимъ государямъ и въ послушаніи къ намъ, отказали имъ поганцамъ сурово, говоря, что не только не будутъ имъ помогать въ зломъ намѣреніи ихъ, но, если-бы они настаивали на своемъ, готовы будутъ бой съ ними чинить. О томъ походѣ татаръ запорожцы прислали намъ извѣстіе во вторникъ, хотя поганцы ударились въ среду подъ Переволочну въ походъ» [1]).

Относительно вѣрности запорожцевъ русскому престолу Мазепа въ это-же время, а именно января 31 дня, написалъ письмо и въ Москву. Въ этомъ письмѣ гетманъ разсказывалъ о томъ, какъ нурреддинъ-салтанъ и нѣкоторые другіе салтаны съ ордой болѣе, чѣмъ въ 40,000 человѣкъ, съ побудки проклятого и скверного врага и измѣнника Петрика, пошли было изъ Крыма на разореніе малороссійскихъ городовъ; но, однако, благодаря радѣнію самого гетмана и усердной службѣ запорожского низового войска, едва тропули своими поганскими копытами богохранимую землю царей, какъ немедленно, сломя голову, со стыдомъ и безчестіемъ, возвратились назадъ. Непріятели сперва подошли было подъ самую Сичь и стали прельщать запорожское войско къ своему «скверному единомыслію». Когда-же запорожскіе козаки, сохраняя непоколебимое постоянство монархамъ и послушаніе гетману, отказались слѣдовать за врагами, то татары пошли подъ украинные города, сперва подъ Переволочну, потомъ подъ Кишенку. Узнавъ, однако, о полной готовности со стороны жителей названныхъ городовъ дать рѣшительный отпоръ имъ [2]), они со «всѣми своими нечестивыми силами» повернули «оттоль горѣ рѣки Борсклы полевою стороною» и рушили подъ Полтаву. Однако, и подъ Полтавой, кромѣ того, что похватали «огурныхъ и недбалыхъ людей на сѣнахъ и на дровахъ», ничего другого

---

[1]) Величко, Лѣтопись, Кіевъ, 1855, III, 240, 242.

[2]) По указанію Величка, часть гадяческихъ полчанъ ходила противъ татаръ за рѣчку Самарь: Лѣтопись, III, 182.

не сдѣлали, «отторгнулись» на Коломакъ и далѣе въ дикія поля [1]).

Хотя гетманъ Мазепа и былъ на этотъ разъ доволенъ поведеніемъ запорожцевъ, но сами запорожцы не были довольны гетманомъ: Услышавъ о дѣйствіяхъ татаръ у Переволочны, Кишенки и Полтавы и объ уводѣ ими въ плѣнъ многихъ украинцевъ, козаки послали Мазепѣ укорительное письмо и въ немъ спрашивали гетмана, кто виновникъ всему происшедшему бѣдствію, что было причиной замедленія со стороны гетмана въ отпорѣ непріятелей и чрезъ то «згубы и руины посполитого» украинскаго народа.

На такое письмо гетманъ Мазепа отвѣчалъ запорожцамъ обширнымъ листомъ, въ которомъ старался снять съ себя всякую въ этомъ дѣлѣ вину и взвалить ее то на самихъ людей, попавшихся къ невѣрнымъ въ полонъ; то на «здрадника, пекельного пса, дьявольского сына, шалберника» Петрика; то, наконецъ, на самихъ-же запорожцевъ. Прежде всего, писалъ Мазепа, бусурмане успѣли роспустить свои чамбулы только до города Кишенки, а отъ Полтавы они уже были оттерты и бѣжали стремглавъ всею своею поганскою купою. Затѣмъ изъ украинскихъ жителей они захватили только людей огурныхъ, которые не слушали ни приказа, ни угрозъ старшихъ, безпечно проживали по уединенкымъ хуторамъ и безпутно въ самое тревожное время ѣздили по сѣно и по дрова въ разныя мѣста. Да и возможно-ли всякій разъ предупредить поганскій набѣгъ на украинскіе города? Готовы-ли къ этому были всякій разъ антецессоры или предшественники Мазепы? Извѣстно, что поганцы большую часть своихъ вторженій дѣлали внезапно и также внезапно исчезали. И теперь, хотя запорожскіе посланцы, прибывшіе въ Батуринъ съ извѣстіемъ о походѣ нурредииъ-салтана на Украйну, сообщили о томъ, татарамъ ничего нельзя было сдѣлать: гетманъ узналъ о вторженіи салтана во вторникъ, въ среду и въ четвергъ изготовилъ арматные тяжары, въ пятницу рушилъ поспѣшно въ военную дорогу къ Лубнамъ, а непріятели, побывавъ подъ городами, въ эту-же пятницу отошли назадъ. И то нужно сказать, что двигаться всякій разъ со всѣми тяжарами противъ легкоконнаго врага гетману невозможно да и для края весьма невыгодно: извѣ-

[1]) Архивъ мин. ин. дѣлъ; 1693, св. 9, № 875—860,

стно, что ни украинскія, ни великороссійскія войска безъ сѣна, дровъ и оброковъ не могутъ проходить по городамъ, а въ такомъ случаѣ, при частыхъ походахъ нашихъ, мы сами-бы разорили собственный край; край-же нашъ и безъ того бѣденъ лѣсомъ и всякой растительностью, что-же другое отъ того могло-бы выдти кромѣ шкоды и опустошенія? Нужно и то припомнить, что всѣ предшественники Мазепы, въ случаяхъ вторженій непріятельскихъ на Украйну, лично противъ нихъ никогда не поднимались, а посылали противъ нихъ свои отряды, и если-бы всякій разъ двигаться противъ бусурманъ съ войсками и съ тяжарами, то это было бы неприлично реймептарскому званію гетмана и весьма убыточно для войска, да и какъ гетману гоняться пѣхотою и конницей за легкимъ и быстрымъ непріятелемъ? Если-же Мазепа и двинулся съ войсками противъ нурредипъ-салтана, то онъ опасался, какъ бы тотъ непріятель не сунулся межъ украинскіе города по наущенію скаженаго пса измѣнника Петрика. Этотъ безбожный измѣнникъ Петрикъ и виновенъ въ набѣгѣ татаръ на города. Нельзя скрыть и того, что немало виновны въ этомъ и сами-же запорожцы: Петрикъ, этотъ щенюкъ пекельный, исполнившись яда, обокралъ канцелярію, опозорилъ гетмана, ушелъ въ Сичу, разсѣялъ тамъ зломысленные плевелы и такъ подольстился къ войску, что даже былъ выбранъ писаремъ войсковымъ. Когда-же гетманъ потребовалъ выдачи измѣнника Петрика, то запорожцы отказали ему въ томъ и чрезъ то подвергли Украйну бѣдствіямъ отъ бусурманъ. Теперь остается, взявъ въ помощь Господа Бога, соединиться всѣмъ вмѣстѣ и дѣйствовать противъ погандовъ, пока станетъ здоровья и пока будутъ цѣлы головы на плечахъ [1]).

---

[1]) Архивъ мин. ин. дѣлъ, 1693, св. 9, № 881—836.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Пріѣздъ гетманскаго посланца Троцинскаго въ Сичу и нареканія со стороны запорожцевъ на Мазепу.—Извиненія, посланныя по этому поводу гетману со стороны кошевого Кузьменка.—Отписка гетмана въ Москву и отвѣтъ царей на отписку гетмана.—Сношенія мусульманъ съ запорожцами.—Присылка въ Сичь царскаго жалованья и обѣщаніе со стороны запорожцевъ вѣрно служить царямъ.—Просьба запорожцевъ къ гетману о поднятіи войны противъ бусурманъ.—Выборъ кошевого Рубана, перемиріе съ Крымомъ и переписка по этому поводу съ гетманомъ и съ Москвой.—Волненіе въ Запорожьѣ во время прибытія туда гетманскаго посланца Кныша и толмача Волошанина.—Объясненіе гетмана съ войскомъ низовыхъ козаковъ.—Просьба къ запорожцамъ патріарха Адріана о выручкѣ изъ татарскаго полона боярскихъ дѣтей Шишигиныхъ.—Доброе настроеніе запорожцевъ въ отношеніи гетмана.—Новый призывъ Петрика къ запорожцамъ и отказъ со стороны ихъ Петрику.—Подвиги запорожцевъ противъ татаръ и похвала имъ со стороны патріарха Адріана.—Семенъ Палій и запорожцы.

Появленіе Петрика съ татарами въ городахъ Украйны, хотя и не имѣло особенно важныхъ послѣдствій, произвело, однакожъ, большое смятеніе въ средѣ запорожскихъ козаковъ. И это вполнѣ понятно: увлеченные заманчивыми планами Петрика объ отторженіи Украйны отъ Москвы, татары съ большимъ рвеніемъ бросились изъ Крыма на лѣвый берегъ Днѣпра и обрушились на пограничные орельскіе мѣстечка и города. Такія дѣйствія татаръ поставили въ крайне двусмысленное положеніе запорожцевъ по справедливому и здравому разсужденію они должны были дѣйствовать въ такомъ случаѣ противъ татаръ, и въ этомъ дѣлѣ имъ должны были помогать малороссійскіе козаки и русскіе, стоявшіе на Украйнѣ, полки. Однако, московское правительство, слабое въ то время двоевластіемъ своихъ царей и потрясенное недавнимъ бунтомъ стрѣльцовъ, не могло думать о войнѣ противъ мусульманъ. Самъ гетманъ, безъ воли царей, не смѣлъ предпринимать рѣшительныхъ мѣръ противъ татаръ. Такое положеніе между двухъ огней заставляло запорожцевъ бросаться отъ одной крайности къ другой: то заключать съ татарами миръ, то объявлять

имъ вражду; то изъявлять свою покорность гетману и московскимъ царямъ, то выражать свое неудовольствіе противъ гетмана и московскихъ царей. Въ существѣ дѣла запорожцы были на сторонѣ московскихъ царей; потерявъ всякую надежду получить какую-нибудь помощь отъ Москвы, запорожцы просили, по крайней мѣрѣ, расширить гетманскія права и тѣмъ предоставить гетману самостоятельныя дѣйствія противъ мусульманъ. Такое «шатостное» положеніе со стороны запорожскихъ козаковъ продолжалось около двухъ лѣтъ и все-таки это зависѣло не отъ нихъ. Винить въ этомъ случаѣ запорожское войско въ измѣнѣ царямъ нѣтъ основаній никакихъ: объяви Москва сегодня войну противъ бусурманъ, сегодня-же и запорожцы пошли-бы противъ нихъ воевать, потому что къ войнѣ у запорожцевъ была и потребность и страсть. Лучшимъ подтвержденіемъ этихъ словъ можетъ служить походъ царя Петра на турецкій городъ Азовъ, весной въ 1695 году. Но пока открылся этотъ походъ, запорожскіе козаки, въ теченіе 1693 и 1694 годовъ, поставлены были въ необходимость искать защиты только у самихъ себя, высказывать вслѣдствіе этого свои неудовольствія гетману и московскимъ царямъ и за то получать отъ нихъ названія измѣнниковъ и «шатостныхъ» людей.

Первымъ поводомъ къ пререканію между гетманомъ и запорожскимъ Кошемъ послужилъ пріѣздъ господаря гадячскаго замка Степана Трощинскаго въ запорожскую Сичь, 1693 года, февраля 13 дня. Степанъ Трощинскій посланъ былъ гетманомъ еще въ половинѣ мѣсяца января, съ цѣлью доставки въ Сичь, рѣзного иконостаса, пожертвованнаго въ новый святого Покрова храмъ. Для того храма Мазепа давалъ разный запасъ, отправлялъ деньги, иконы, посылалъ столярныхъ мастеровъ и наконецъ отправилъ, черезъ пана Трощинскаго, цѣлый иконостасъ. Степанъ Трощинскій, доѣхавъ до города Полтавы, задержался тамъ вслѣдствіе набѣга на Украйну татаръ и поднявшихся черезъ то военныхъ тревогъ. Прождавъ въ Полтавѣ до тѣхъ поръ, пока орды не повернули изъ Украйны на Крымъ, Степанъ Трощинскій двинулся потомъ внизъ и февраля 13 дня прибылъ въ самую Сичь. Не вдалекѣ отъ Сичи на встрѣчу Трощинскому вышли соборомъ священники, въ числѣ шести особъ, съ мѣстными иконами, и самъ кошевой атаманъ съ наличнымъ запорожскимъ войскомъ. Священники пѣшіе несли иконы на рукахъ; кошевой и войско везли пушки и «огненное ружье». Приблизившись къ послу, всѣ козаки отдали

поклонъ святому иконостасу и сдѣлали честь выстрѣлами изъ пушекъ и изъ мелкаго ружья, послѣ чего взяли иконостасъ и повезли его въ церковь Покрова пресвятой Богородицы, въ Сичь. Въ церкви установили, какъ нужно, иконостасъ и отпѣли молебенъ за здоровье великихъ посударей и гетмана малороссійскихъ козаковъ. Послѣ окончанія молебна Трощинскій отдалъ войску гетманскій листъ, и козаки читали на радѣ тотъ листъ, «и, благодареніе Господу Богу и благодѣтелю всѣхъ, не говорили никакихъ коварныхъ словъ»; самому-же посланцу велѣли «на господѣ» (въ домѣ) стать. Послѣ того панъ Трощинскій прожилъ въ Сичи 5 дней и въ теченіе этого времени къ нему приходили разные бунтовщики, большею частью пьяные люди, по 50, по 100 человѣкъ, бранили и безчестили его, а вмѣстѣ съ нимъ поносили гетмана и Москву.

Все, что слыхалъ Трощинскій въ Сичи, онъ представилъ гетману въ четырнадцати отдѣльныхъ статьяхъ.

1. Запорожскіе козаки безъ своего посла, котораго они отправили въ Крымъ послѣ прихода Петрика на Русь и который все еще не вернулся въ Сичь, не хотятъ дать татарамъ своего слова и присягнуть на томъ, какъ они присягали лѣтомъ въ Каменномъ-Затонѣ калгѣ-салтану и Петрику.

2. Крымскіе татары всѣхъ тѣхъ козаковъ и всѣхъ купцовъ, которые ходили за своимъ промысломъ въ Крымъ и были забраны на низу, свободно отпустили отъ себя.

3. Запорожскіе козаки просятъ подлинной вѣдомости о томъ, готовиться-ли имъ весной къ походу на Крымъ или нѣтъ: если цари и гетманъ не будутъ воевать татаръ, то козаки учинятъ вѣчный миръ съ ордой, какъ было при Хмельницкомъ учинено, и, соединясь всѣ сообща, пойдутъ воевать Москву и убивать пановъ.

4. Запорожскіе козаки о годовомъ жалованьѣ не посылали въ Москву потому, что учинили прошлымъ лѣтомъ съ калгой-салтаномъ и съ Петрикомъ присягу на вѣчный миръ, а для вида отговариваются тѣмъ, что боялись задержки своихъ посланцевъ въ Москвѣ.

5. Но кромѣ того запорожскіе козаки не посылали въ Москву еще и потому, что боялись татаръ, которые, услыхавъ о такомъ посольствѣ ихъ къ московскимъ царямъ, могли-бы забрать тѣхъ изъ товарищей войсковыхъ, которые лѣтовали и зимовали на рыбномъ и соляномъ промыслахъ.

6. Нурредипъ-салтанъ со всѣми бусурманскими силами и съ Петрикомъ стоялъ подъ Сѣчею два дня, а каковы предлагалъ имъ словесно и на письмахъ подавалъ «прелести», то ему, Трощинскому, тайно запорожскій писарь въ руки подалъ; впрочемъ, войско запорожское, будучи вѣрно великимъ государямъ и господину гетману, «въ своемъ совершенномъ постоянствѣ удержалось».

7. Какъ только Трощинскій пріѣхалъ въ Сѣчь, тогда о татарахъ тамъ не было никакихъ извѣстій; но потомъ запорожцы провѣдали о скоромъ возвращеніи татаръ и начали на Москву и на гетмана свое неудовольствіе выражать: «Вотъ панами они называются, а не хотятъ бѣдныхъ людей оборонять; сами по домамъ живутъ, а татары какъ хотятъ, такъ Украйну и разоряютъ. Почему-бы гетману въ степь, къ рѣкѣ Самарѣ, на встрѣчу татаръ, не идти? Развѣ и онъ съ Петрикомъ и со своею старшиной одно разумѣетъ? Или онъ не наговорился съ Москвой о томъ, чтобъ нашъ народъ черезъ татаръ обнищать, а потомъ, когда на Украйнѣ слишкомъ мало останется людей, съ остаткомъ дѣлать то, что дѣлать хотятъ»?

8. Слышимъ мы, что гетманъ съ Москвой хочетъ другую Сѣчь у Каменнаго-Затона дѣлать, чтобъ насъ въ свои руки забрать. Былъ-бы здоровъ нашъ Днѣпръ, а мы другую Сѣчу найдемъ и все-таки никому надъ собой смѣяться не дадимъ.

9. Говорили запорожцы и о томъ, что-де Москва и гетманъ постоянно пишутъ къ нимъ, требуютъ розмирья съ невѣрными и войны противъ нихъ, а сами всѣми силами хлопочутъ о томъ, чтобы заключить съ Крымомъ миръ.

10. Запорожцы поневолѣ-де принуждены держать съ татарами миръ, потому что у нихъ и силы нѣтъ съ такимъ великимъ царствомъ воевать, а кромѣ того козаки принуждены держать съ татарами миръ еще и потому, что они и сыты, и пьяны, и одежны отъ добычи рыбной и соляной.

11. А что по милости царской запорожцы получаютъ казну, то съ той казной они давно бы отъ голода померли, потому что теперь, когда подѣлятся межъ собой, на всякаго товарища денегъ достаетъ не больше 18 шаговъ, а сукна на человѣка нѣсколько больше локтя, и выходитъ, что сердюки и компанѣйцы получаютъ больше запорожскихъ козаковъ; пусть гетманъ дастъ на всякаго козака по 20 золотыхъ, по кафтану да спадобье хлѣба, тогда запорожцы не будутъ съ татарами держать мира никогда.

12. Скажи гетману и о томъ, чтобы ватажниковъ съ запасами и со всякими торгами пропускалъ къ намъ; если-же не будетъ пропускать, тогда мы будемъ въ другомъ мѣстѣ себѣ хлѣба искать, и тогда уже гетманъ со своимъ сонмомъ заднѣпрянскихъ пановъ пусть осматривается кругомъ.

13. При самомъ выѣздѣ Трощинскаго изъ Сичи пришли атаманы брюховецкаго и дядьковскаго куреней и обратились съ такими словами къ нему: «Слышишь-ли ты, Трощинскій, скажи обо всемъ этомъ гетману, а гетманъ пусть отпишетъ царямъ, что все войско шумитъ и, какъ говорятъ, что ты ухо гетмана, то для того тебѣ и говоримъ, чтобы ты все гетману передалъ; иному не за обычай то: иной козакъ не посмѣетъ гетману передать, потому что его тотчасъ-же бросятъ въ тюрьму и скажутъ, что у него запорожскій духъ, да и паны не допустятъ гетману передать, а тебѣ добро, потому что ты часто у гетмана и спишь».

14. Хотя такія гнилыя слова говорятъ и не всѣ, но все-таки большая часть, и хотя въ Сичи есть люди постоянные и желательные (царямъ), но они, опасаясь голутьбы, которая можетъ ихъ прибить, молчатъ; оттого и выходитъ, что злобныхъ въ десять разъ больше, нежели добрыхъ людей [1]).

Независимо отъ извѣстій, полученныхъ Мазепой отъ своего посланца, гетманъ получилъ извѣстія о настроеніи запорожскихъ козаковъ и отъ кошевого атамана Василія Кузьменка. Кузьменко писалъ Мазепѣ въ одной «цыдулкѣ» и въ двухъ листахъ. Онъ благодарилъ гетмана за оказанныя милости запорожскимъ козакамъ и обѣщался, вмѣстѣ съ писаремъ войсковымъ, какъ великимъ государямъ, такъ и вельможному гетману свое «пріятство соблюдать». Кузьменко особенно прославлялъ щедроты и усердіе гетмана къ храмамъ божіимъ: «Гетманъ и на главѣ дома Успенія Дѣвы Маріи въ кіевопечерской лаврѣ сдѣлалъ неизреченное украшеніе отъ злата и въ запорожской Сѣчи на благословенномъ мѣстѣ славу вѣчную себѣ воздвигнулъ и честь Господеви воздалъ». Просилъ о пожалованіи войску, для уплаты мастерамъ, строившимъ церковь въ Сичи, пятисотъ золотыхъ да нѣсколько кусковъ зеленой полуобъяри на занавѣсъ. За все то запорожское низовое войско многократно благодаритъ благодѣтеля своего, желаетъ ему тѣлеснаго

[1]) Архивъ мин. ин. дѣлъ, 1693. св. 91, № 14; Архивъ мин. юстиціи, 1693, кн. 66, л. 212.

здравія и душевнаго спокойствія, высказываетъ надежду, что за такое дѣло преблагословенная Дѣва покроетъ его своимъ омофоромъ, служители-же престола Господня будутъ возносить за него благопріятную жертву. «А что касается, вельможность ваша, того твоего вопроса, въ миру-ли мы съ бусурманами, или нѣтъ, то на это отвѣчаемъ такъ. Наше перемиріе, которое мы держимъ до сихъ поръ съ бусурманами, никому не дѣлаетъ убытка, но служитъ только къ лучшей прибыли. Возьми въ соображеніе, ваша милость, то что, если-бы мы, войско запорожское, не держали съ татарами мира, то откуда была-бы намъ добыча и харчъ? И то надо сказать, что хотя у насъ съ бусурманами и миръ, но онъ не служитъ помѣхою ни монархамъ нашимъ, ни вельможности вашей, ни всей Украйнѣ; напротивъ того, черезъ это самое вы получаете отъ насъ очень часто и самыя точныя извѣстія (о дѣлахъ въ Крыму). Впрочемъ, въ настоящее время мы, не видя до сихъ поръ у себя посланнаго нашего въ Крымъ товарища, не имѣемъ никакихъ извѣстій; но какъ скоро онъ пріѣдетъ въ Сѣчь, тотъ-же часъ извѣстимъ вельможность вашу о томъ» [1]).

Оба письма написаны были въ оффиціальномъ тонѣ и продиктованы всей радой запорожскаго товариства. Но къ нимъ приложено было личное кошевого Кузьменка къ гетману Мазепѣ письмо, въ которомъ Кузьменко объяснялъ, что запорожское войско весьма охотно пойдетъ на войну противъ бусурманъ, лишь-бы только на то была воля царей; всѣ бусурмане такъ привыкли къ набѣгамъ на украинскіе города, что для нихъ захватить на Украйнѣ бѣдныхъ людей тоже, что съ собственныхъ дворовъ хлѣбъ или иное имущество свое взять; какая-же слава монархамъ и вельможному гетману отъ того? Кромѣ того, гетману нужно во всѣ полки универсалы разослать, въ особенности-же дозорцѣ Рутковскому приказать, дабы ватаги изъ Украйны въ Запорожье могли безопасно ѣздить съ товарами къ запорожскимъ козакамъ. А за вѣрность великимъ государямъ со стороны козаковъ, за то, что они постоянно безъ всякаго нарушенія службу свою хранятъ, проситъ государей прислать съ прибавкой царской казны. «Впрочемъ, если я что-нибудь непріятное вашей вельможности написалъ, то прости мнѣ, дураку, ибо я пишу по приказу войсковому, и знай, что если-бы какимъ ни есть образомъ донеслось, что я начинаю что-нибудь сверхъ воли коза-

---

[1]) Архивъ мин. ин. дѣлъ; 1693, св. 91, № 14.

ковъ, то они тотъ-же часъ въ радѣ убили бы меня; а если они что приказываютъ, то добраго не приказываютъ ничего, а противное все; я самъ на обѣ стороны пишу и имъ перевожу въ хорошемъ видѣ на доброе дѣло ваше» [1]).

Обо всемъ, что гетманъ Мазепа узналъ о запорожскихъ козакахъ, какъ изъ показаній своего посланца Трощинскаго, такъ и изъ писемъ кошевого Кузьменка, онъ сообщилъ, марта 1 числа, въ Москву особымъ листомъ, доставленнымъ тѣмъ-же посланцемъ царямъ. Въ концѣ этого листа гетманъ сообщалъ и о томъ, какимъ образомъ онъ распорядился относительно сдѣланныхъ, вслѣдствіе просьбы кошевого атамана Кузьменка и ходатайства воеводы Семена Неплюева, шести паръ пушечныхъ колесъ: по царскому велѣнію, колеса тѣ должны были быть сдѣланы на Самарѣ и отосланы въ Кодакъ; но гетманъ, вѣрный подданный царскаго пресвѣтлаго величества, разсуждая о настоящемъ поведеніи запорожцевъ, нашемъ нужнымъ тѣхъ пушечныхъ колесъ кошевому атаману и войску не отсылать, потому что запорожцы не имѣютъ отъ государей никакого указа, чтобъ имъ на войну выступать. Теперь всѣ запорожцы сидятъ въ своемъ гнѣздѣ и охраняютъ свою Сѣчь отъ мусульманъ, а въ такомъ случаѣ имъ пушки годятся и безъ колесъ. По всему этому гетманъ находитъ за лучшее всѣ тѣ колеса до будущей весны въ Новобогородицкомъ городкѣ удержать, а будетъ-ли о томъ иное повелѣніе великихъ государей, то онъ «вручаетъ премощной монаршей волѣ» [2]).

Отвѣтъ гетману Мазепѣ послѣдовалъ марта 13 дня. Цари, за обращеніе гетмана къ запорожцамъ, за посылку въ Запорожье церковнаго иконостаса, за приведеніе козаковъ къ постоянству и послушанію, за доставку въ Москву всѣхъ писемъ и за всю его вѣрную и радѣтельно-усердную службу, милостиво жаловали и премилостиво похваляли, а о посылкѣ пушечныхъ колесъ изъ Новобогородицка въ Запорожье совѣтовали ему учинить по собственному разсмотрѣнію» [3]).

Тѣмъ временемъ запорожцы, не получая отъ гетмана никакого отвѣта на свое письмо относительно похода на Крымъ и не зная, что имъ предпринять, бросались отъ одной крайности къ другой:

---

[1]) Архивъ мин. ин. дѣлъ; 1693, св. 91, № 14.

[2]) Архивъ мин. ин. дѣлъ; 1693, св. 91, № 14.

[3]) Архивъ мин. ин. дѣлъ; 1693, св. 91, № 14.

Такъ, весной того же 1693 года крымскій ханъ прислалъ въ Сичь своего посланца съ предложеніемъ товариству поновить миръ, какой былъ заключенъ въ урочищѣ Каменномъ-Затонѣ между крымцами и войскомъ низовымъ. Запорожцы встрѣтили ханскаго посланца съ большимъ почетомъ и дали ему присягу строго соблюдать съ Крымомъ миръ; для заключенія-же мирныхъ условій отправили собственныхъ посланцевъ на крымскій полуостровъ. Они не отказывались даже и отъ похода на украинскіе города, но только не съ Петрикомъ, лишеннымъ совсѣмъ военныхъ способностей, а съ прославившимся въ то время военными подвигами, знаменитымъ полковникомъ Семеномъ Паліемъ: «Дадимъ гетманство Палію, вручимъ ему всѣ клейноты, Палій пойдетъ уже не Петриковою дорогой, — онъ знаетъ, какъ прибрать къ рукамъ украинскихъ пановъ» [1]).

Однако, этотъ миръ оказался столь прочнымъ, что въ концѣ мѣсяца марта кызыкерменскій бей Магметъ прислалъ козакамъ укорительное письмо за нарушеніе данной ими клятвы, требовалъ освобожденія изъ плѣна шести человѣкъ татаръ, попавшихъ къ запорожцамъ въ полонъ, и снова предлагалъ свою дружбу и миръ [2]).

Но теперь запорожское войско неожиданно перешло въ другой тонъ и стало добиваться, во что бы то ни стало, войны съ Крымомъ и для того стало ждать помощи отъ гетмана Мазепы и московскихъ царей.

Въ маѣ мѣсяцѣ отправлено было въ Сичь, со стольникомъ Новосильцевымъ, подъячимъ Фроловымъ и гетманскимъ посланцемъ Олейниченкомъ, войсковое жалованье, сукно, порохъ и свинецъ. Особо отъ гетмана отправленъ былъ Сидоръ Горбаченко съ видимою цѣлью извѣстить запорожцевъ о присылкѣ имъ милостиваго царскаго жалованья, съ дѣйствительною — провѣдать «о тамошнихъ поведеніяхъ и о всякихъ вѣдомостяхъ». Сидоръ Горбаченко прибылъ сперва въ Переволочну къ дозорцѣ Ивану Рутковскому и тамъ нашелъ жителей въ тревогѣ отъ набѣга татаръ, которые передъ тѣмъ, мая 28 дня, сдѣлали нападеніе на Нехворощу и Келеберду и захватили тамъ много людей въ полонъ. Въ виду этого дозорца Рутковскій нашелъ за лучшее купить для

---

[1]) Соловьевъ, Исторія Россія, Москва, 1864, XIV, 207.

[2]) Архивъ мин. ин. дѣлъ, мал. подл. акты, 1693, № 876, 959.

Горбаченка лодку [1]) и въ ней отправить его по Днѣпру, въ сопровожденіи надежныхъ проводниковъ, въ самую Сичь.

Въ Сичѣ въ это время былъ кошевымъ атаманомъ вмѣсто Василія Кузьменка Иванъ Гусакъ. Встрѣтивъ съ подобающею честью царскихъ и гетманскихъ гонцовъ, Гусакъ и все запорожское войско благодарили царей за присланное милостивое жалованье и объявляли о своей преданности Москвѣ и о нерасположеніи къ Крыму. Самъ Гусакъ въ особенности добивался войны съ Крымомъ. «Видишь-ли, говорилъ онъ потомъ наединѣ Сидору Горбаченку, сколько здѣсь прихожей изъ городовъ голутьбы, а въ радѣ противъ всякаго говорить нельзя; если-бы, по радѣніи гетмана, отворилась война на бусурманъ, то вся эта голутьба пошла-бы на войну и всѣ пререкатели пропали-бы въ бояхъ» [2])

Отпуская отъ себя царскихъ пословъ, кошевой атаманъ и все запорожское низовое войско вручили имъ отвѣтное для передачи великимъ государямъ письмо и въ томъ письмѣ писали, что они подлинно желаютъ учинить съ «головными» своими непріятелями розмиръ, потому что тѣ непріятели постоянно наступаютъ «своимъ вольнымъ промысломъ» на запорожскихъ козаковъ и на вѣру всѣхъ православныхъ христіанъ. Но для того, чтобы вѣрно дѣйствовать противъ бусурманъ, запорожцамъ нужно имѣть помощь изъ великороссійскихъ ратниковъ и украинскихъ козаковъ и дозволеніе открыть походъ хотя подъ городъ Кызыкермень. Благо и случай къ тому благопріятный выпалъ: ханъ крымскій, со всѣми силами своими, крымскими, черкескими и калмыцкими, предпринялъ въ Венгерскую землю «свой дьявольскій походъ», а другихъ своихъ салтановъ съ частью татаръ послалъ въ какой-то польскій повѣтъ, якобы на Волынь [3]).

Въ такомъ же родѣ написали кошевой и близкіе къ нему козаки письмо и гетманскому дозорцѣ Рутковскому черезъ нарочнаго гонца. Отправивъ тайно къ дозорцѣ письмо, они просили какъ можно скорѣй («днемъ и ночью») доставить его своему благодѣтелю, вельможному гетману, въ Батуринъ. Теперь все войско въ сильномъ волненіи и одна часть его желаетъ мира, другая мира «не благоволитъ и проситъ» отмщеніе непріятелямъ учинить.

---

[1]) Лодка была куплена за 15 коп.

[2]) Архивъ мин. ин. дѣлъ, 1693, св. 93, № 36 и 40.

[3]) Архивъ мин. ин. дѣлъ, 1693, св. 93, № 42.

Пишутъ-же они дозорцѣ «тайно» потому, что въ средѣ ихъ немало есть такихъ людей, которые, услышавъ что - либо въ Сичи, немедленно донесятъ о томъ въ турецкіе городки [1]).

Гетманъ Мазепа давно уже зналъ, въ какомъ тревожномъ положеніи находились запорожцы, и потому, получивъ извѣстіе отъ своего дозорцы, о желаніи козаковъ идти походомъ противъ бусурманъ, поторопился отправить отъ себя обширный листъ въ Москву и въ томъ листу, ставъ на точку зрѣнія запорожцевъ, доказывалъ, что нужно, во что бы то ни стало, воспользоваться счастливымъ положеніемъ дѣлъ и открыть походъ противъ бусурманъ. Гетманъ «дерзаетъ великимъ государямъ писать объ этомъ не ради желанія запорожскихъ козаковъ, а ради большого дѣла превысокаго монаршескаго имени, которое они, бусурмане, не такъ, какъ надлежитъ, почитаютъ, и проситъ, при добромъ запорожцевъ намѣреніи, войска на бусурманскія жилища поднять». Нужно воспользоваться тѣмъ благопріятнымъ временемъ, когда запорожцы еще не успѣли съ турецкими городчанами своего перемирія поновить, потому что послѣ того весьма трудно будетъ ихъ отъ бусурманъ оторвать. Къ тому-же есть немало и другихъ причинъ, которыя настоятельно требуютъ войны противъ бусурманъ. Первая причина—это православная вѣра и монаршеская слава; вторая причина та, что бусурмане дѣлаютъ набѣги на богохранимую царскаго пресвѣтлаго величества державу, главнымъ образомъ на города Малой Россіи, разоряютъ тамъ храмы божіи, уводятъ въ полонъ немало козаковъ и народа христіанскаго; наконецъ войны этой, кромѣ запорожцевъ, единодушно желаютъ и вся малороссійская чернь и вся генеральная старшина [2]).

Но не смотря на представленіе гетмана, изъ Москвы отвѣчали попрежнему отказомъ: великіе государи воинскій походъ на турецкіе города въ предстоящее лѣто рѣшили «удержать» до тѣхъ поръ, пока возвратится изъ Крыма царскій гонецъ Айтемировъ съ ханскимъ отвѣтомъ на государеву грамоту и на основаніи этого предписывали гетману объявить о томъ и всей малороссійской генеральной старшинѣ и всему запорожскому войску. Что-же касается неотступной просьбы запорожцевъ о помощи для борьбы ихъ съ мусульманами, то такая помощь излишня для нихъ, по-

[1]) Архивъ мин. ин. дѣлъ, 1693, св. 93, № 42.

[2]) Архивъ мин. ин. дѣлъ, 1693, св. 93, № 42.

тому что большого похода на бусурманъ не будетъ, а о мелкой войнѣ не стоитъ и думать, такъ какъ мусульмане всегда живутъ въ большой осторожности и малыми «забѣгами» причинить имъ какой-нибудь вредъ невозможно.

Мазепа, выросшій въ придворной средѣ, всегда чуткій къ перемѣнамъ тона державныхъ особъ, поспѣшилъ послать государямъ оправдательный листъ съ изъясненіемъ того, что если онъ и хлопоталъ, чтобы «наскоро» подать запорожцамъ просимую помощь, то имѣлъ въ виду единственную цѣль—отклонить ихъ отъ союза съ ханомъ и приготовить къ будущему на Крымъ походу: черезъ это не было-бы у козаковъ такой «противности, какая теперь у нихъ противъ великихъ государей и самого гетмана учинилась» [1]).

Когда гетманскій гонецъ скакалъ съ письмомъ въ Москву, въ это время между запорожцами распространилась вѣсть о томъ, будто-бы гетманъ, поднявшись изъ Батурина, прошелъ къ Гадячу и остановился въ немъ съ войсками, готовясь выдти на войну противъ татаръ. Обрадованные такой вѣстью, запорожскіе козаки нимало не медля, отправили 18 человѣкъ изъ своей среды къ Мазепѣ съ просьбой о томъ, чтобы онъ подалъ имъ помощь въ предстоящей борьбѣ войска противъ бусурманъ. Гетманъ, принявъ козацкихъ посланцевъ, однимъ изъ нихъ велѣлъ вернуться, вмѣстѣ съ письмомъ, къ атаману Гусаку; другимъ остаться при себѣ для доставленія вѣстей на случай войны. Но оставленные при гетманѣ запорожскіе посланцы, увидя собственными очами, что гетманъ изъ Батурина не трогался никуда, стали просить его отпустить ихъ въ Сичь; но Мазепа нашелъ нужнымъ, впредь до царскаго указа, удержать ихъ при себѣ [2]).

Не смотря на такую неудачу, вѣрная Москвѣ партія запорожцевъ все еще не теряла надежды на возможность войны съ Крымомъ, и потому, іюня 23 дня, кошевой атаманъ Иванъ Гусакъ послалъ грамоту царямъ съ выраженіемъ готовности войска вѣрно служить Москвѣ, съ просьбой о прибавкѣ низовому войску царскаго жалованья и о дозволеніи запорожцамъ сдѣлать нападеніе на татаръ.

Но въ этотъ-же день въ Запорожьѣ произошло большое смя-

---

[1]) Архивъ мин. ин. дѣлъ; 1693, св. 95, № 63.

[2]) Архивъ мин. юстиціи, 1693, кн. 67, л. 866--815.

теніе среди козаковъ, слѣдствіемъ чего было то, что большинство запорожцевъ признало миръ съ Крымомъ необходимымъ для себя, и когда кошевой Гусакъ объявилъ себя противъ такого рѣшенія войска, то Кошъ лишилъ его булавы и вмѣсто него выбралъ кошевымъ Семена Рубана, атамана полтавскаго куреня, а собравшееся войско распустилъ по разнымъ мѣстамъ для рыбныхъ промысловъ и для добычи соляной [1]).

Гетманъ Мазепа, узнавъ о происшествіи въ Сичи, поспѣшилъ послать въ Кошъ успокоительный универсалъ. Но масса запорожская, уже давно извѣрившаяся въ Мазепу, вычитавъ тотъ «поважный» гетманскій листъ на «повальной» радѣ, не нашла нужнымъ даже отвѣчать на него и послала гетманскому дозорцѣ жалобу на Мазепу за то, что онъ задерживаетъ у себя запорожскихъ пословъ и безъ «слушного указа» не отпускаетъ ихъ отъ себя. Будучи обижены гетманомъ въ одномъ, запорожцы не хотѣли просить его ни о чемъ другомъ: раньше, въ виду задуманнаго похода противъ бусурманъ, они сдѣлали было распоряженіе не допускать изъ Украйны въ Запорожье никакихъ ватажныхъ людей; теперь же, вслѣдствіе несостоявшагося похода русскихъ на Крымъ, просятъ дозорцу дозволить всѣмъ ватажанамъ и купцамъ свободно проѣзжать изъ Украйны въ запорожскую Сичь. Къ тому-же теперь нѣтъ никакой и опасности отъ татаръ: только что возвратившіеся отъ крымскаго хана запорожскіе послы, нашедшіе его въ Бѣлгородчинѣ, на устьѣ Дуная, въ Киліи, заключили тамъ съ нимъ мирный договоръ [2]).

Гетманскій дозорца о происшествіи, случившемся въ запорожской Сичи, провѣдалъ и другимъ путемъ: онъ держалъ на откупѣ войскового писаря запорожскихъ козаковъ, Созонта Грабовскаго, и отъ него получалъ первыя и самыя достовѣрныя извѣстія о всѣхъ важнѣйшихъ дѣлахъ въ Сичи. Созонтъ Грабовскій, прежде чѣмъ отослать дозорцѣ письмо кошевого Рубана и всего войска, сдѣлалъ на немъ собственноручно приписку съ изъясненіемъ истиннаго положенія въ Запорожьѣ дѣлъ. Въ этой припискѣ значилось, что Иванъ Гусакъ добровольно снялъ съ себя кошевство вслѣдствіе нежеланія козаковъ разорвать съ Крымомъ мира; что въ турецкій городъ Кызыкермень прибылъ какой-то купеческій караванъ, ко-

[1]) Архивъ мин. юстиціи, 1693, кн. 67, л. 867.

[2]) Архивъ мин. юстиціи, 1693, кн. 67, л. 866—895. Архивъ мин. ин. дѣлъ, 1693, св. 10, № 916—901.

торый намѣревается идти сперва въ Сичь, а изъ Сичи на Украйну, въ города; что въ караванѣ томъ находится двое интересныхъ для дозорцы людей [1]); что въ Царьградѣ выкупленъ на волю нѣкто Челинъ и отправленъ въ Крымъ; извѣщая обо всемъ этомъ въ своемъ письмѣ, Созонтъ Грабовскій просилъ дозорцу прислать вѣрнаго и нарочнаго для всякихъ вѣстей человѣка въ запорожскую Сичь и самого писаря какимъ-нибудь гостинцемъ подарить: «Скоро-скоро до мене посылай посланца своего вѣрнаго, увѣдомлю о всемъ, да съ гостинцемъ посылай» [2]).

Гетманъ Мазепа, по полученіи отъ своего дозорцы послѣднихъ вѣстей, поспѣшилъ послать о томъ вѣсть въ Москву. Въ письмѣ, писанномъ іюля 2 дня, онъ сообщалъ, что послѣ прибытія въ Сичу отъ хана запорожскихъ и вмѣстѣ съ запорожскими ханскихъ пословъ, доброе намѣреніе козаковъ служить Москвѣ «развратилось», и теперь всѣ козаки, даже тѣ, которые всегда были противъ мира съ Крымомъ и противъ всѣхъ вообще бусурманъ, рѣшили возобновить и на долгое время подвердить съ Крымомъ миръ, на тѣхъ условіяхъ, какъ годъ тому назадъ въ Каменномъ-Затонѣ онъ былъ заключенъ. Бывшій на ту пору кошевой атаманъ Иванъ Гусакъ, сохраняя нерушимо вѣрность великимъ государямъ, возсталъ противъ перемирія съ Крымомъ, не пошелъ въ собранную по этому поводу раду и отказался отъ своей булавы. Тогда войско, руководимое толпой неспокойныхъ и мятежныхъ головъ, вмѣсто Ивана Гусака выбрало на атаманство Семена Рубана, куренного полтавскаго куреня, который еще раньше, чѣмъ былъ поновленъ съ татарами миръ, стоялъ, въ числѣ другихъ, за Крымъ.

Сообщая царямъ о событіяхъ, происшедшихъ въ Сичи, гетманъ Мазепа высказывалъ сожалѣніе о томъ, что запорожцы ввели его въ обманъ своими просьбами о присылкѣ къ нимъ вспомогательныхъ войскъ для борьбы противъ бусурманъ, что по теперешнему ихъ поведенію можно судить, какъ мало заслуживаютъ они довѣрія къ себѣ; что между ними есть немало «шатостныхъ и непостоянныхъ» головъ, дѣлающихъ то, что имъ прихоть, а не то, что благоразуміе велитъ. Теперь запорожцы, возобновивъ съ крымцами миръ и надѣясь на спокойное настроеніе со стороны

---

[1]) Одинъ Краснокутскій, другой Высоцкій, но кто они такіе—Грабовскій не говоритъ.

[2]) Архивъ мин. ин. дѣлъ; 1693, св. 10, № 916—901.

татаръ, станутъ кичиться передъ гетманскимъ посломъ и «противъ нынѣшняго со стороны царскаго величества отозванія» дадутъ гордый отвѣтъ. Уже и теперь запорожскіе козаки, гордые миромъ черезъ Крымъ, не сочли нужнымъ отвѣтить на гетманскій листъ съ предложеніемъ военныхъ промысловъ противъ бусурманъ: они отписали лишь гетманскому дозорцѣ о выборѣ у нихъ Семена Рубана вмѣсто Ивана Гусака, самому-же гетману отказались вовсе писать [1].

Осудивъ поведеніе запорожскихъ козаковъ, Мазепа тѣмъ не менѣе не переставалъ сноситься съ ними по разнымъ дѣламъ. Еще до похода на Украйну «щенока» Петрика посланы были къ крымскому хану «для добрыхъ мирныхъ дѣлъ» царскій гонецъ Василій Айтемировъ и гетманскій посланецъ Василій Велецкій, но и до послѣдняго времени ни тому, ни другому не было отпуска изъ Крыма.

Въ виду этого въ половинѣ іюля мѣсяца, 1693 года, по царскому приказу, гетманъ Мазепа отправилъ въ Крымъ надежнаго и бывалаго человѣка, толмача Петра Волошанина, съ царскими грамотами къ крымскому хану и лично къ русскому гонцу Василію Айтемирову. Въ качествѣ спутника Волошанину Мазепа опредѣлилъ довѣреннаго козака Якима Кныша. Отправляя толмача съ царскими грамотами, гетманъ далъ ему собственную грамоту для врученія великому везирю и особое письмо для передачи кошевому атаману Семену Рубану. Въ письмѣ къ Рубану Мазепа объяснялъ кошевому, что упомянутый толмачъ Петро Волошанинъ посылается не для чего иного, какъ для разузнанія, почему царскій гонецъ Василій Айтемировъ и гетманскій посланецъ Василій Велецкій такъ долго задерживаются въ Крыму, а также для отысканія нѣкоторыхъ плѣнныхъ, какъ напримѣръ, сотника китайгородскаго Бѣлана, захваченныхъ татарами въ разное время въ украинскихъ городахъ. Предупреждая объ этомъ кошевого атамана, Мазепа просилъ не задерживать толмача въ Сѣчи и, давъ ему надежныхъ провожатыхъ, отправить поскорѣе въ турецкій городокъ Кызыкермень [2]). О таковомъ дѣйствіи своемъ гетманъ Мазепа сообщилъ, черезъ своего гонца Романа Селезнева, также въ Москву, вручивъ ему для

[1]) Архивъ мин. юстиціи, 1693, кн. 67, л. 866—895 Архивъ мин. ин. дѣлъ, 1693, св. 10, № 928—913.

[2]) Архивъ мин. ин. дѣлъ, 1693, св. 93, № 51, подл. акты, св. 10 № 930—915.

передачи царямъ копіи съ самыхъ писемъ, посланныхъ къ Айтемирову въ Крымъ и къ Рубану въ Сичь [1]).

Изъ Москвы гетману отвѣчали похвальнымъ листомъ, о пропускѣ ватагъ на Запорожье велѣли по своему усмотрѣнію чинить, а относительно бывшаго кошевого атамана Ивана Гусака объявляли, что служба его царскому величеству извѣстна и что пусть онъ царской милости ожидаетъ за нее [2]).

Отправляя въ путь толмача Волошанина, Мазепа въ это-же время долженъ былъ опустить отъ себя и запорожскихъ посланцевъ, девять человѣкъ, оставленныхъ имъ еще въ маѣ мѣсяцѣ для поданія будто-бы въ Сичу вѣстей на случай, если откроется у русскихъ съ бусурманами война и безцѣльно проживавшихъ въ гетманской столицѣ Батуринѣ. Уже въ началѣ іюля мѣсяца гетманъ послалъ извѣстіе въ Москву о томъ, что запорожскіе посланцы, оставленные въ Батуринѣ, не желаютъ дольше оставаться въ немъ и усиленно просятся объ отпускѣ ихъ въ Сичь. Въ виду этого, гетманъ, не желая дольше удерживать ихъ при себѣ, отпустилъ посланцевъ на Сичь, но далъ имъ листъ для передачи кошевому атаману и всѣмъ низовымъ козакамъ съ объявленіемъ о томъ, что на походъ противъ татаръ къ нему, гетману, до сихъ поръ не пришелъ повелительный монаршескій указъ, а какъ только тотъ указъ придетъ, гетманъ немедленно войску запорожскому о томъ дастъ знать. Лично государямъ Мазепа по этому поводу писалъ такъ: «Если-бы въ то время намѣреніе запорожскихъ козаковъ, по вашему монаршескому указу, было поручено мнѣ, то я могъ бы еще въ ту пору привести войско запорожское до чиненія военныхъ промысловъ противъ тѣхъ креста святого враговъ, особенно въ виду того, что и самъ, бывшій на тотъ часъ, кошевой атаманъ Иванъ Гусакъ всѣхъ товарищей настойчиво къ тому побуждалъ, и многіе изъ товарищей вмѣстѣ съ Гусакомъ хотѣли разорвать съ бусурманами перемиріе и начать съ ними войну и, какъ разумные политики, они писали, что война та можетъ окончиться и счастливо, и прибыльно, коли не откладывать ее на долгій срокъ; если-же войну отложить на размышленіе и на долгій срокъ, то для счастливого окончанія ея могутъ найтись раз-

---

[1]) Архивъ мин. юстиціи, 1693, кн. 67, л. 866—895.

[2]) Архивъ мин. юстиціи, 1693, кн. 67, л. 866—895.

ныя препятствія. Такимъ образомъ, когда я безъ вашего, великихъ государей, премощного монаршеского указа, не смѣлъ имъ наскоро оказать никакого вспомоществованія, а посланные мои гонцы о томъ къ вамъ, великимъ государямъ, на долгое время задержаны были въ Москвѣ, тогда доброе намѣреніе тѣхъ лучшихъ запорожскихъ людей, не пришло въ исполненіе: въ это время, вернулись изъ надунайскаго города Киліи отъ хана запорожскіе посланцы и принесли въ Сичь извѣстіе о подтвержденіи бывшаго въ Каменномъ-Затонѣ перемирія у татаръ и козаковъ. Тогда легкомысленные и шатостные люди подняли своею рѣчью на ноги всѣхъ козаковъ и не только пресѣкли всякую мысль о разрывѣ съ татарами и о начинаніи противъ нихъ военныхъ промысловъ, но даже съ радостью захотѣли съ ними поновить перемиріе. Въ это время лишился атаманства и кошевой Иванъ Гусакъ; само-же войско, собранное въ Сѣчь ради будущихъ военныхъ промысловъ, было распущено по разныхъ мѣстамъ для рыбной и соляной добычи. Теперь трудно настроить войско запорожское такъ, чтобы оно отъ поновленнаго съ поганцами перемирія отстало, и нынѣ гетману съ войскомъ и съ народомъ нужно всякой отъ запорожцевъ шкоды ждать» [1]).

И точно запорожцы вновь стали во вражду къ гетману, и эта вражда съ особенною силой выразилась съ прибытіемъ въ Сичу царскаго толмача Петра Волошанина и гетманскаго посланца Якима Кныша.

Выѣхавъ изъ Батурина іюля 14 числа, Якимъ Кнышъ встрѣтилъ толмача Петра Волошанина у крѣпости Переволочны и направился съ нимъ прямо въ Сичь. Іюля 21 дня Якимъ Кнышъ и Петро Волошанинъ прибыли въ Сичь и въ тотъ-же день представились кошевому атаману Семену Рубану и всему сичевому товариству. Семенъ Рубанъ собралъ войсковую раду изъ наличныхъ козаковъ и на той радѣ гетманскій посланецъ вручилъ кошевому царскую грамоту и гетманскіе листы. Кошевой, принявъ грамоту и листы, передалъ ихъ писарю Созонту Грабовскому и велѣлъ ему вычесть ее передъ товариствомъ въ слухъ. Когда писарь взялъ въ руки царскую грамоту и дошелъ въ ней до тѣхъ словъ, гдѣ сказано было, что «нынѣшняго лѣта воинскому походу подъ турецкіе городки не быть» и что того желаютъ сами государи, а не гет-

---

[1]) Архивъ мин. ин. дѣлъ; 1693, св. 10, № 935—920.

манъ и его старшина, то запорожцы, прервавъ чтеніе, стали кричать, что это сдѣлано несомнѣнно по гетманскому желанію и что самая грамота также несомнѣнно исходатайствована у великихъ государей тѣмъ-же гетманомъ съ цѣлью оправдать себя и всю старшину въ глазахъ запорожскихъ козаковъ. Послѣ этого запорожцы стали кричать, какъ они, увѣдомившись, что походу подъ турецкіе городки не бывать, учинили съ мусульманами миръ, а гетманъ, узнавъ о томъ, сдѣлалъ подъ нихъ подкопъ и послалъ для добычи подъ Очаковъ, на Прогнои, бывшаго кошевого Ѳедька [1]). «Тотъ Ѳедько похваталъ, ходившихъ за солью, турокъ и татаръ, и многихъ изъ нихъ побилъ, а татары побрали за это нашихъ запорожцевъ, невинныхъ, на соляной добычѣ, 50 человѣкъ. Гетманъ долженъ намъ выдать всѣхъ плѣнныхъ, взятыхъ Ѳедькомъ, и его самого, а если этого не сдѣлаетъ, то пусть ждетъ насъ съ ордами къ себѣ на зиму въ гости, — увидитъ тогда, что ему, его панамъ, арендарямъ и дозорцамъ будетъ. Бывшій гетманъ Иванъ Самойловичъ такого подкопу надъ нами не дѣлалъ; однажды только попробовалъ было онъ сдѣлать такой-же подкопъ, но когда Сирко написалъ ему, что на него готовится сто тысячъ сабель, то онъ испугался и прислалъ тотчасъ-же къ намъ вина, ветчины и всякаго запаса. А этотъ гетманъ называетъ насъ пастухами, а его дозорца, Рутковскій, ватагъ съ запасами на Запорожье не пропускаетъ: только мы скоро Рутковскаго возьмемъ въ руки, чтобъ намъ больше пакости не дѣлалъ. Пока Мазепа будетъ гетманомъ, намъ отъ него добра нечего чаять, потому что онъ всякого добра желаетъ Москвѣ и на Москву смотритъ, а намъ никакого добра не желаетъ; только тотъ гетманъ будетъ намъ на руку, котораго мы поставимъ въ черной радѣ» [2]).

О воинскомъ промыслѣ запорожскіе козаки говорили такъ, что они только тогда пойдутъ на бусурманъ, когда получатъ отъ Москвы помощь войскомъ и жалованье деньгами въ такомъ количествѣ, какъ посылаетъ она донскимъ козакамъ. Впрочемъ, искренне желали мира съ невѣрными только пѣхотные козаки; конные же напротивъ того, хотѣли противъ бусурманъ войны, потому что во время войны они могутъ получить языка, обмѣнять его

---

[1]) Иначе Ѳедора Степанова; повидимому онъ также носилъ прозвище Гусака.

[2]) Архивъ мин. юстиціи, 1693, кн. 67, л. 1250—1270.

на плѣннаго козака, могутъ продать его и получить прибыль за него. Гетманъ, приказывая запорожцамъ идти войной на бусурманъ, самъ посылаетъ въ Крымъ пословъ для обмѣна бывшаго китай-городскаго сотника, Бѣлана, который запорожцамъ дѣлаетъ такую-же шкоду, какъ и бывшій кошевой Ѳедько. Прійдя въ сильный гнѣвъ, запорожцы подъ конецъ хотѣли было взять у толмача письма, распечатать и прочесть ихъ, но отъ того удержалъ ихъ писарь войсковой.

Оставивъ безъ всякаго отвѣта гетманскій листъ, запорожцы три дня держали у себя пословъ [1]), поджидая, пока не пріѣдутъ въ Сичь съ воинскихъ промысловъ запорожскіе и городовые козаки. Только тогда, когда въ Сичи собралась масса городовыхъ козаковъ, кошевой атаманъ вторично собралъ раду и поставилъ всѣмъ вопросъ, какъ поступить съ грамотами и съ толмачемъ. Тогда на радѣ постановили толмача отпустить, миръ-же съ турецкими городками только съ приходомъ русскихъ войскъ разорвать, а до тѣхъ поръ о томъ и не помышлять, потому что отъ этого выгоды войску не будетъ никакой.

Августа 9 дня войско отпустило изъ Сичи царскаго толмача и съ нимъ вмѣстѣ отправило своихъ посланцевъ, Данила, козака щербиновскаго куреня да Андрея толмача, козака донского куреня, съ просьбой къ нурреддинъ-салтану въ Крымъ объ освобожденіи пятидесяти человѣкъ запорожскихъ козаковъ, взятыхъ турками на добычѣ соляной послѣ промысла Ѳедька. Посланцамъ своимъ войско велѣло объявить въ Крыму, что Ѳедько ходилъ не изъ Запорогъ, а изъ малороссійскихъ городовъ и что о его замыслахъ запорожцы вовсе не знали ничего.

Волненіе, поднявшееся въ Сичи, не улеглось и съ отъѣздомъ изъ нея царскаго посла. На этотъ разъ запорожцы, недовольные чѣмъ-то на новаго кошевого Семена Рубана, снова хотѣли избрать Гусака. Но Иванъ Гусакъ открыто всѣмъ объявилъ, что онъ согласится принять атаманскую булаву только тогда, когда войско порветъ съ невѣрными миръ. Но запорожцы ради одного Гусака отказались разрывать съ татарами установленный миръ и нашли нужнымъ попрежнему оставить Семена Рубана своимъ кошевымъ, перемѣнивъ только войскового судью, вмѣсто Фирса избравъ

---

[1]) Величко, Лѣтопись, Кіевъ, 1855, III, 165, 166.

Андрея Горба, человѣка постояннаго какъ въ поступкахъ, такъ и въ рѣчахъ.

Понося Мазепу и осуждая всѣ его дѣла, запорожцы не пощадили въ этомъ отношеніи и самой Москвы: куренные атаманы, приходя къ кошевому Рубану въ его курень, говорили между собой, что когда московскія войска, придя подъ турецкіе городки, ничего не сдѣлаютъ тамъ и повернутъ назадъ, то запорожцы, соединясь съ ордой, станутъ бить москалей.

Тайный сторонникъ Мазепы, войсковой писарь Созонтъ Грабовскій, бесѣдуя съ Якимомъ Кнышемъ, объявилъ ему наединѣ, что какъ только ханъ крымскій вернется изъ Венгерской земли, такъ запорожцы немедленно утвердятъ съ нимъ миръ и потомъ пойдутъ на великороссійскіе города: «Въ малой-же Россіи имъ не для чего воевать, потому что она сама въ себѣ, кого надобно, повоюетъ: винокурники, пастухи, овчары и голутьба всѣхъ своихъ начальниковъ и пановъ побьютъ. Хотятъ запорожцы идти на великороссійскіе города за то, что имъ присылается изъ Москвы не такое жалованье, какъ донскимъ козакамъ. Запорожцы сердятся и за то, что на Самарѣ построены города и осажены людьми; что вырубленъ ихъ стародавній лѣсъ; что на Орели сидитъ воевода съ воинскими людьми, тогда какъ въ статьяхъ Хмельницкаго написано такъ, что московскимъ ратнымъ людямъ быть на Украйнѣ только въ трехъ городахъ. И то запорожцамъ въ большую тягость, что Москва гетмановъ, старшину и полковниковъ, кого виновнымъ найдетъ, безъ вѣдома козаковъ беретъ и ссылаетъ въ Сибирь: виновныхъ въ какой-либо винѣ нужно судить по войсковымъ правамъ. Обидно запорожцамъ и то, что когда они просятъ войска въ помощь себѣ, то гетманъ и воевода отговариваются тѣмъ, что на то указа нѣтъ, безъ котораго они не смѣютъ никуда войскъ посылать, чѣмъ точно водятъ запорожцевъ за шею: отъ татаръ низового войска они не боронятъ, напротивъ того, черезъ войско и сами въ покоѣ живутъ, войску-же черезъ то убытокъ одинъ: татары хватаютъ ихъ братію и въ неволю шлютъ. Оттого запорожцамъ непремѣнно нужно выбиться изъ-подъ московскаго ярма: когда они достигнутъ того, тогда не будетъ имъ плѣненія отъ бусурманъ» [1].

При отпускѣ изъ Сѣчи Кныша запорожцы вручили ему для

[1]) Архивъ мин. юстиціи, 1693, кн. 67, л. 1250—1270.

гетмана Мазепы письмо и велѣли передать послѣднему обо всемъ, что Кнышъ, находясь въ Сичи, слыхалъ.

Въ этомъ «невѣжливомъ и досадительномъ» письмѣ, какъ самъ гетманъ его обозвалъ, козаки называли Мазепу не отцомъ, а вотчимомъ Украйны, желающимъ ей не добра, а ищущимъ ей зла, и напоминали ему, какъ онъ самъ-же подбивая все низовое войско противъ «головныхъ» непріятелей и враговъ святого креста и тѣмъ самымъ обнадеживъ всѣхъ козаковъ, заставилъ всѣхъ воинскаго похода ожидать, а потомъ вдругъ объявилъ, что безъ воли и царскаго указа войско не можетъ ни подниматься, ни идти противъ бусурманъ. Тогда войско, не ожидая отъ гетмана промысла противъ бусурманъ, принуждено было, ради недостатковъ своихъ, перемиріе съ ними поновить. Поновивъ-же перемиріе и прекративъ всякіе поиски противъ нихъ, войско вдругъ узнало о томъ, что гетманъ отправилъ отъ себя въ Прогнои Ѳедька̀ и сдѣлалъ то не столько для добыванія языковъ, сколько для смятенія и пагубы низовыхъ козаковъ. Тотъ Ѳедько́, по гетманскому наказу, взялъ живьемъ на соляныхъ промыслахъ 40 турокъ и очаковскихъ волоховъ и 8 изъ нихъ человѣкъ изрубилъ; за это очаковцы и перекопцы напали на запорожскихъ козаковъ, 52 человѣка взяли живьемъ, 4 человѣка закололи на смерть, нѣкоторыхъ ранили въ бою; изъ послѣднихъ не мало было привезено въ Сичь. По всему этому запорожцы немало дивятся «такому скверному» промыслу Ѳедька̀ и задаютъ гетману вопросъ, не хочетъ-ли онъ искоренить тѣмъ самымъ весь свой народъ? Осуждая «безчестный» промыслъ гетмана, отдающаго христіанъ въ неволю бусурманъ, войско объявляетъ, что не потерпитъ ему, если онъ не доставитъ въ Сичь безвинно захваченныхъ козаковъ и если онъ и впредь такую-же измѣну и пагубныя дѣла будетъ чинить: лучше вспомнить древнюю воинскую доблесть и не дать ржѣ съѣсть себя... Пусть гетманъ пришлетъ взятыхъ Ѳедькомъ турокъ и волоховъ въ запорожскую Сичь, и войско отправитъ ихъ для обмѣна на своихъ, отосланныхъ въ неволю, козаковъ. Пусть гетманъ пришлетъ также и самого Ѳедька для наказанія его за то, что онъ, за войсковой хлѣбъ и за доброту, нанесъ войску такую пагубу и причинилъ множество хлопотъ. Пусть-бы Ѳедько иначе объявилъ славу свою,—не такъ объявили ее подъ Очаковомъ Новицкій, а подъ Кызыкерменемъ этой зимой Палій, который съ 20.000 войска полонилъ 18 человѣкъ татаръ и на то мѣсто столько-же поморозилъ своихъ козаковъ. Пусть-бы

Ѳедько также рыцарски поступилъ, какъ поступилъ знатный товарищъ Максимъ, козакъ сергіевскаго куреня. Максимъ, не желая чинить никакого подкопа и измѣны войску запорожскихъ козаковъ, пошелъ въ дикія поля и тамъ, при божьей помощи, побилъ нещадно безбашную [1]) орду, хватавшую возлѣ Келеберды и Переволочной, на переволочанскомъ шляху, въ неволю христіанъ. Тому Максиму отъ всего войска —слава и похвала, а Ѳедьку—безчестье и немилость, и отъ невольниковъ проклятіе». Заканчивая свое письмо, запорожцы просили гетмана не задерживать у Переволочны проѣзжихъ съ хлѣбными запасами ватагъ и торговыхъ людей, шедшихъ изъ украинскихъ городовъ въ Сичь [2]).

Написанный листъ врученъ былъ гетманскому посланцу Якиму Кнышу и самъ Кнышъ мирно отпущенъ былъ изъ Сичи «на города». Выѣхавъ изъ Сичи, Якимъ Кнышъ присталъ къ какому-то греческому каравану и вмѣстѣ съ нимъ потерпѣлъ «пригоду» (бѣдствіе) отъ татаръ: у рѣчки Омельника на караванъ наскочилъ татарскій чамбулъ или разъѣздъ, который разгромилъ купцовъ и и вмѣстѣ съ ними плѣнилъ Кныша съ имѣвшимися при немъ листами отъ запорожскихъ козаковъ. Но на ту пору случился въ степи запорожскій ватагъ Максимъ Зацный, который, узнавъ о бѣдствіи, постигшемъ купеческій караванъ, бросился по слѣдамъ татаръ, настигъ татарскій чамбулъ на Чапчакліи за Бугомъ-рѣкой, тамъ всѣхъ «поганцевъ въ трупъ положилъ», десять человѣкъ языковъ въ полонъ взялъ и межъ ними гетманскаго посланца, Кныша, съ большими при немъ листами нашелъ, котораго немедленно на свободу отпустилъ. Послѣ этого Якимъ Кнышъ прибылъ въ Батуринъ и обо всемъ случившемся съ нимъ гетману Мазепѣ сообщилъ.

Гетманъ Мазепа, ожидавшій отъ запорожцевъ «всякой пріязни и послушанія» и вмѣсто того нашедшій «досткливое, ущипливое и вельми досадное отъ нихъ письмо, какихъ не пишутъ не только младшіе старшимъ, но и равные къ равнымъ», не замедлилъ дать имъ на него обстоятельный отвѣтъ. Запорожцы, писалъ Мазепа, упрекаютъ его за то, что онъ не идетъ ни на Крымъ, ни на турецкіе днѣпровскіе городки; но они забываютъ то, что гетманъ безъ монаршескаго указа вовсе не можетъ предпринимать такихъ дѣлъ. Упрекаютъ запорожцы гетмана и за то, что онъ побуждаетъ

---

[1]) Безбашная орда, т. е. безначальная орда; баша—голова, начальникъ.

[2]) Архивъ мин. юстиціи, 1693, кн. 67, л. 1250—1270.

ихъ идти на бусурманъ, а самъ не идетъ; но они и тутъ забываютъ то, что всѣ предшественники Мазепы сами подъ непріятельскія земли не ходили, а только до войска низового «уставочно» писывали, приказывая надъ непріятелями военный промыслъ чинить. «Ваши милости, вопреки правды, называете насъ отчимомъ, будто мы не имѣемъ попеченія о цѣлости Украйны и, преподнося намъ такія острыя стусы, сами оказываетесь несправедливыми, когда поступаете такъ, какъ вамъ хочется, а не такъ, какъ монаршескій ихъ царского пресвѣтлого величества повелѣваетъ указъ и какъ указываетъ вамъ наше гетманское наставленіе и совѣтъ: отъ монарховъ и отъ насъ писано вамъ, чтобы вы надъ непріятелями промыслы чинили, а вы снова съ ними перемиріе подтвердили; поступая такъ самовольно сами, вы, однако, насъ злословите и тѣмъ навлекаете на себя то, что кто нибудь и васъ назоветъ пасынками, а не сынами отчизны Украйны. Многократно нарекаете на насъ и за то, будто вы прошлой зимой дали намъ знать о непріятельскомъ приходѣ, а мы будто не дали тѣмъ непріятелямъ отпора. Но мы, какъ тогда писали вамъ, такъ и теперь повторяемъ, что ваше извѣстіе о тѣхъ непріятеляхъ пришло къ намъ, въ Батуринъ, во вторникъ, а бусурмане съ нуррединъ-салтаномъ, по наущенію проклятаго измѣнника Петрика, успѣли подойти къ Переволочнѣ на другой день, въ среду; когда-же съ войсковыми тяжарами управились и рушились въ пятницу изъ Батурина, непріятели бросились подъ Полтаву и въ тотъ-же день, сломя голову, повернули назадъ... Вы упрекаете насъ и за то, будто мы допускаемъ ходить отважнымъ рыцарямъ изъ городовъ подъ бусурманскія жилища и будто въ прошлое время напрасно трудились подъ Кызыкерменемъ Новицкій и Палій. А особенно сердитесь за то, что бывшій кошевой атаманъ, панъ Ѳедько́, погромилъ съ товариствомъ въ Стрѣлищѣ бусурманъ и побралъ нѣсколько языковъ; вы хотите за это Ѳедьку отомстить и требуете выдачи его. На это мы отвѣтимъ такъ: не слѣдовало-бы вамъ въ тѣхъ военныхъ поступкахъ учить насъ,—мы и сами, по милости Бога, имѣемъ столько разума, чтобы разобраться въ томъ. А что Новицкій и Палій, бывъ подъ Кызыкерменемъ, важныхъ результатовъ не оказали тамъ, то вѣдь и сами монархи иногда даромъ возвращаются назадъ. Да и ходили-то тѣ названные Новицкій и Палій подъ городъ Кызыкермень не съ тѣмъ, чтобы городъ тотъ добыть, а съ тѣмъ, чтобы страхъ и шкоду непріятелямъ учинить, и вернулись

не напрасно они: заперая непріятелей въ валахъ, они воротились съ языками до насъ. Панъ-же Ѳедько, бывшій кошевой атаманъ, съ вашимъ-же низовымъ товариствомъ въ поле ходилъ не съ тѣмъ, чтобы на Стрѣлицу хотѣлъ пройти, въ чемъ мы и не поощряли его, а съ тѣмъ, чтобы поближе гдѣ-нибудь настигнуть враговъ, но ни на Бердахъ, ни на Молочныхъ, ни на Тонкихъ, ни на Сивашѣ, ни на Каланчакѣ не могъ найти языка и потому принужденъ былъ къ Стрѣлицѣ идти, гдѣ помощью Бога, ему и посчастливилось хорошо. Но нехорошо то, что вы за то поганское пораженіе гнѣваетесь на него. Если васъ тревожитъ въ этомъ случаѣ то, что вы съ ними, погаными, подтвердили миръ, то Ѳедько и не зналъ того. Да и то вы знаете, что ваши условія безъ нашего гетманскаго вѣдома состоялись и что мы никакихъ обязательствъ не брали на себя... И такъ за ту невинную вину непригоже выдавать вамъ пана Ѳедька́: дастъ Богъ, съ теченіемъ времени, и самъ онъ, панъ Ѳедько, непремѣнно пріѣдетъ къ вамъ и какъ задушный войска низового товарищъ вашъ, удостоится полной дружбы отъ васъ. А что до вашего упрека въ томъ, что мы не совѣтуемся съ вами о походахъ на военные промыслы противъ бусурманъ, вамъ не объявляемъ о томъ и чрезъ то будто приказуемъ вамъ шкоду чинить, то тутъ самое дѣло оправдываетъ насъ: всякое войско, собираясь противъ непріятеля въ походъ, не разглашаетъ о томъ, а старается внезапно обойти и ударить на него. Такъ и намъ замысла и намѣренія своего въ такихъ дѣлахъ объявлять никому не надлежитъ. Да если-бы мы когда нибудь къ вамъ и написали о томъ, то безъ сомнѣнія изъ Сѣчи-же непріятели и узнали-бы все и не только стали-бы осторожно себя вести, но и приготовились-бы дать отпоръ. Вѣдь вы и сами не захотите скрывать того, что въ Сѣчи есть не мало такихъ людей, которые все, что они только услышатъ на радѣ войсковой, читанное въ листахъ, или слышанное на словахъ, сейчасъ-же передаютъ о томъ въ Кызыкермень. А что до вашихъ обѣщаній и до вашихъ угрозъ, соединившись съ татарами, идти на истребленіе насъ, то мы, какъ всегда рады всякому изъ васъ доброму молодцу, нисколько не испугаемся и тогда, когда кто изъ васъ, желая христіанскаго кровопролитія захочетъ на недоброе дѣло придти. Мы, гетманъ, и все войско городовое, кромѣ того, что носимъ такія-же сабли при боку, какія всякій воѣвникъ носитъ при себѣ, и помощью всесильнаго ими отбороняемся отъ враговъ, но мы имѣемъ кромѣ того и другую,

сильную и крѣпкую, великихъ государей защиту для себя... Да если-бы вы, озлобившись, пошли по селамъ и по украинскимъ хуторамъ и произвели разоренія тамъ, то вы привели-бы въ слезы и въ убытки вашихъ отцовъ, братьевъ, сестеръ, дядей, тетокъ и другихъ кровныхъ и знаемыхъ своихъ. А если-бы вы еще и церкви, на хвалу Его святого имени поставленныя, поруйновали вездѣ, то какое-же вамъ самимъ отъ того было-бы утѣшеніе и какая была-бы слава? Вы не только всѣми народами были-бы обруганы и срамотною гоньбою обнесены, но и самъ Господь Богъ не далъ бы вамъ жить на свѣтѣ и не оставилъ-бы безъ наказанія вашихъ душъ... Однако, мы думаемъ, что никто изъ васъ, розумныхъ и уважныхъ головъ, не осмѣлится выходить на опустошеніе своей отчизны и на терзаніе ей внутренностей; конечно, вы только на словахъ такія неподобныя рѣчи можете плодить; да и не на томъ положило свое основаніе войско ваше запорожскихъ низовыхъ козаковъ, чтобы своей отчизнѣ приносить вредъ; а на томъ свило оно свое гнѣздо, чтобы на полѣ и на морѣ бусурманъ воевать и ихъ поганскія жилища разорять, чѣмъ всѣ ваши предки войска запорожскихъ козаковъ стяжали себѣ доброе имя на весь свѣтъ. Наконецъ, если вы, ваша милость, не будете ихъ царского пресвѣтлого величества указы исполнять и не перестанете насъ вашими пасквилями и ущипливыми языками донимать, то объявляемъ вамъ о томъ, что мы прикажемъ всѣхъ ватажныхъ людей задерживать въ городахъ и ни одного человѣка изъ нихъ до васъ въ Сичь не пускать» [1]).

Для того, чтобы сдѣлать извѣстнымъ поведеніе запорожцевъ царямъ, гетманъ Мазепа отправилъ въ Москву своего посланца Якима Кныша и приказалъ ему словесно сообщить думному дьяку Емельяну Игнатьевичу Украинцеву обо всемъ, что привелось ему слышать въ Сичи. На бумагѣ онъ, гетманъ, тѣхъ запорожскихъ рѣчей не писалъ потому, что «вслѣдствіе своего безумія и невѣжества и вслѣдствіе своего развращеннаго поведенія, запорожскіе козаки произносили не только на гетмана, но и на силы царскихъ пресвѣтлыхъ величествъ многія дерзостныя пререканія и хульныя нареченія и будутъ такъ хулить до тѣхъ поръ, пока у нихъ будетъ на атаманствѣ Семенъ Рубанъ, настоящій ихъ кошевой». Этотъ кошевой, задержавъ гетманскаго толмача, обез-

[1]) Архивъ мин. ин. дѣлъ, 1693, № 10, № 936—921.

честилъ и изувѣчилъ его, билъ обухомъ его по головѣ. Какъ послѣ всего этого поступать «съ буесловымъ, самовольнымъ и злоумышленнымъ» войскомъ запорожскихъ козаковъ? Забывъ страхъ божій, запорожскіе своевольники напали на греческихъ купцовъ, ѣхавшихъ изъ Нѣжина черезъ Запорожье въ турецкіе города, и когда гетманъ представилъ атаману требованіе отыскать пограбленный козаками товаръ, то кошевой отказалъ ему въ томъ, давъ такой отвѣтъ, что такого товара онъ вовсе не можетъ отыскать [1])

Вручая думскому дьяку Украинцеву гетманскій листъ, Якимъ Кнышъ отъ себя о запорожцахъ и ихъ замыслахъ сообщилъ, что по возвращеніи изъ Венгріи въ Крымъ хана и татаръ, запорожцы имѣютъ намѣреніе непремѣнно заключить съ ними миръ и идти собща съ бусурманами на великороссійскіе города [2]).

Извѣстію, присланному Мазепой, придали въ Москвѣ весьма серьезное значеніе, и потому рѣшили взять противъ запорожцевъ крайнія мѣры: посланы были приказы воеводамъ бѣлгородскому Борису Петровичу Шереметеву и сѣвскому князю Петру Лукичу Львову быть готовыми къ воинскому походу съ конными и пѣшими восками и, по первому требованію гетмана, идти «безъ мотчанія» къ отпору непріятелей, крымскихъ татаръ и запорожскихъ козаковъ, чинить надъ ними промыслъ, сколько поможетъ Богъ. Самому гетману послана была царская грамота съ извѣстіемъ, что въ его распоряженіе даны воеводы Шереметевъ и Львовъ съ наказомъ провѣдать о зломъ намѣреніи запорожскихъ козаковъ и всѣми мѣрами стараться отводить ихъ отъ того. «А что запорожцы гово-

---

[1]) Величко, Лѣтопись. Кіевъ, 1855, Ш, 165, 166.

[2]) Не смотря на возникшія между гетманомъ и запорожцами недоразумѣнія, въ это же время, а именно августа 15 числа, московскій патріархъ Адріанъ послалъ грамоту гетману Мазепѣ съ просьбой о выручкѣ изъ татарскаго полона двухъ боярскихъ дѣтей, Прокопія и Харитона Шишигиныхъ, жителей приморскаго города Ваги, взятыхъ крымскимъ ханомъ гдѣ-то въ полонъ. Патріархъ просилъ гетмана, во имя любви Христовой и исполненія заповѣди Господней, послать кого-нибудь въ Запорожье къ кошевому атаману съ письмомъ, чтобы атаманъ отправилъ охочихъ людей въ Крымъ, за Перекопъ, которые могли-бы тамъ двухъ названныхъ полоняниковъ отыскать и на откупъ ихъ взять, если они найдутся въ живыхъ; если-же умерли, извѣстить о томъ въ Москву. Патріархъ писалъ, что деньги на откупъ полоняниковъ будутъ высланы немедленно, а вмѣстѣ съ тѣмъ будетъ выдано и должное вознагражденіе запорожскимъ козакамъ за хожденіе въ Крымъ Величко, Лѣтопись, Кіевъ, 1855, Ш, 167.

рили на радѣ непристойныя слова и писали къ тебѣ, подданному нашему, въ листу своемъ съ Кнышомъ невѣжество, о томъ мы, великіе государи, нашей царского величества грамоты посылать къ нимъ не указали, потому что послана къ нимъ недавно наша царского величества грамота, съ которой посланъ къ тебѣ, нашему подданному, чрезъ войскового канцеляриста Михайла Забѣлу, августа 29 дня, списокъ и о посылкѣ той грамоты нашей на Запорожье, буде доведется, велѣно тебѣ, подданному нашему, учинить по своему разсмотрѣнію. И если та грамота наша будетъ къ нимъ послана и они ничѣмъ не отзовутся на нее, то тогда и будетъ учиненъ нашъ указъ. А что они писали тебѣ о присылкѣ волоховъ и бусурманъ, которыхъ взялъ Ѳедоръ Степановъ [1]) съ товарищами, для размѣна на нихъ запорожскихъ козаковъ, взятыхъ па соляной добычѣ, то мы, великіе государи, указали на этотъ счетъ пообождать въ виду того, что запорожцы сами послали въ Крымъ, для освобожденія тѣхъ козаковъ, посланцевъ, козака куреня щербиновского да толмача Андрея, и велѣли посланцамъ говорить передъ татарами, что Ѳедоръ ходилъ изъ городовъ, а не изъ Запорожья, и что тѣ козаки взяты на добычѣ обманомъ. И если запорожскимъ посланнымъ въ Крыму откажутъ и взятыхъ козаковъ безъ размѣна не освободятъ, и запорожцы снова начнутъ просить о присылкѣ къ нимъ взятыхъ Ѳедоромъ волоховъ и бусурманъ, то тебѣ-бъ, подданному нашему, по своему разсмотрѣнію учинить и о томъ намъ, великимъ государямъ, отписать; главное, на что тебѣ въ этомъ дѣлѣ надо смотрѣть, это то, чтобы не повадить запорожцевъ, не опечалить городовыхъ и полевыхъ воинскихъ промышленниковъ и не опорочить мужества и храбрости ихъ» [2]).

Вѣсть о посылкѣ въ Москву Якима Кныша скоро дошла въ Кошъ, а слухи о рѣшительныхъ мѣрахъ, предпринимаемыхъ Москвой, заставили запорожцевъ вновь обратиться съ письмомъ къ Мазепѣ. Сентября 11 дня они написали длинное письмо гетману и поспѣшили отправить его съ нарочнымъ козакомъ.

Въ этомъ письмѣ запорожцы писали, что напрасно гетманъ, ссылаясь на всѣ прежніе отвѣты къ нему войсковаго Коша, находитъ, будто козаки нанесли ему большое оскорбленіе и тѣмъ самымъ стали во враждебное и неприязненное къ нему отношеніе: руково-

[1]) То-есть бывшій кошевой атаманъ Ѳедько.

[2]) Архивъ мин. юстиціи, 1693, кн. 67, л. 1250—1270.

дясь одною истиною, козаки на такое обвиненіе отвѣчаютъ, что если они такъ и поступили, то имѣли на то полное основаніе; они хорошо знаютъ, что дерзко перечить и неприлично отвѣчать своему начальнику—противно Богу и сдѣлали такъ вслѣдствіе униженія со стороны самого-же гетмана ихъ чести и славы и вслѣдствіе порицанія имъ всего запорожскаго низового войска. Однако, измѣны въ томъ съ ихъ стороны никакой не было: они какъ служили своимъ монархамъ и какъ оказывали повиновеніе гетману, такъ вѣрно и теперь служатъ и повинуются, но ни отъ монарховъ, ни отъ гетмана не имѣютъ никакого вниманія и никакого призрѣнія. Если-же гетманъ и недоволенъ на запорожцевъ, то недоволенъ за то, что они возбуждали его къ войнѣ противъ бусурманъ, и въ этомъ съ ихъ стороны не могло быть ничего дурного; напротивъ, чрезъ то могла быть лишь одна «вѣкопомная» слава, какъ запорожскому войску, такъ и самому гетману. На единодушное желаніе войска войны съ бусурманами, гетманъ пишетъ, чтобы войско не учило его и не возбуждало къ военному промыслу, а раньше того много разъ писалъ запорожцамъ, называя ихъ и самого себя сынами единоутробной матери восточной католической церкви, купленными кровію Сына Божія, и настаивалъ, чтобы они, живя во благѣ и послушаніи, не склонялись ни на какія бусурманскія льстивыя обѣщанія и ни на одинъ часъ ни въ чемъ не вѣрили имъ. И запорожцы, помня страхъ божій и гетманское назданіе, соблюдали постоянство, за которое не слѣдовало бы называть ихъ пасынками украинской отчизны. Изъ устъ гетмана запорожцы слышатъ и благословеніе и проклятіе: благословляя, гетманъ называетъ ихъ сынами единоутробной матери восточной церкви; проклиная, называетъ ихъ вмѣсто истинныхъ сыновъ, пасынками и тѣмъ самымъ заставляетъ козаковъ искать себѣ такого отца, который не называлъ-бы ихъ пасынками. Теперь гетманъ, отказывая запорожцамъ въ помощи, требуетъ отъ нихъ военнаго промысла надъ непріятелями, и запорожцы всегда готовы стараться для военнаго промысла и славнаго дѣла, но сами они, при своемъ безсиліи, не могутъ вполнѣ показать своего рыцарства и заслужить милости монаршей и вниманія своего рейментаря. Впрочемъ, при всемъ томъ, они и теперь находятся далеко не въ бездѣйствіи: добрые молодцы изъ запорожскаго товариства, зная всѣ пути рыцарскаго дѣла, съ полной отвагой, на полѣ и на морѣ шкодятъ надъ бусурманами, кладутъ ихъ подъ свои ноги и доставляютъ живыхъ языковъ гет-

манской вельможности и великимъ государямъ. А что до упрека гетмана за перемиріе, заключенное запорожцами съ бусурманами и требованіе его разорвать это перемиріе и расправляться мечемъ съ татарами, то это перемиріе полезно и самому гетману и запорожскому войску: гетманъ чрезъ то часто узнаётъ «авизіи» о непріятельскихъ замыслахъ; запорожцы чрезъ то получаютъ хлѣбъ, соль и всякаго рода изобилія. Довольствоваться тѣмъ, что получаетъ войско отъ гетмана и отъ великихъ государей рѣшительно невозможно: по дувану (раздѣлу) на каждый курень приходится по шести бочекъ муки, присылаемой въ Запорожье съ гетманской ласки, да по два алтына (иногда съ небольшимъ) денегъ и по одному аршину сукна на человѣка, присылаемыхъ съ милости монаршей. Если войско будетъ надѣяться на такое жалованье и не имѣть другаго промысла, то можно-ли ему довольствоваться имъ въ теченіи долгаго времени? Ей-ей, во вѣки нельзя! Оттого запорожцы могутъ жить, только сами о себѣ стараясь. Состоя въ перемиріи съ бусурманами, они все-таки не оставляютъ своихъ рыцарскихъ дѣлъ, дѣлаютъ на нихъ изъ своего славетнаго гнѣзда, Сичи, постоянные набѣги и впредь о томъ-же будутъ стараться. Въ такомъ случаѣ враждовать и гнѣваться на запорожское войско нѣтъ никакого основанія. Самъ гетманъ, извѣстный своею скрытностью, тайно отъ запорожскаго войска посылалъ въ Прогнои, ради непріятельскихъ языковъ, бывшаго кошевого Ѳедько, и тотъ Ѳедько принесъ большой вредъ войску: онъ захватилъ въ полонъ нѣсколько человѣкъ бусурманъ, а бусурмане забрали около 70 человѣкъ запорожскаго товарищества. Наконецъ, что касается упрека со стороны гетмана кошевому Семену Рубану, по побужденію котораго будто-бы написаны всѣ укорительныя письма гетману и который будто-бы дерзнулъ коснуться гетманскаго гонора гнилыми словами, то на это все войско отвѣчаетъ, что содержаніе всякаго письма большею частью, зависитъ не отъ кошевого, а отъ всей войсковой рады: что войско прикажетъ написать въ письмѣ, того ни панъ кошевой, ни писарь, безъ разрѣшенія войска, перемѣнить не могутъ. Всѣ докорливыя рѣчи, которыя дошли до гетмана, писаны съ порады войска и вызваны были его непріязнью къ запорожцамъ. Какъ поступаетъ гетманъ, такъ дѣлаютъ его дозорца Иванъ Рутковскій и сборщики «мостовой» платы у Переволочны: Рутковскій присылаетъ запорожцамъ муку въ смоляныхъ и дегтярныхъ бочкахъ, а сборщики удерживаютъ у перевоза малорос-

сіянъ, идущихъ въ Сичь съ различными харчами, и большіе съ нихъ взимаютъ поборы. Такъ какъ этого раньше никогда не было, то запорожцы просятъ гетмана того дозорцу отъ должности отставить, а «инцуктовыя сдирцы» разъ навсегда прекратить [1]).

Высказавши Мазепѣ все, что было на душѣ, запорожцы сдѣлались нѣсколько уступчивѣе, въ отношеніи гетмана, а гетманъ въ свою очередь сталъ нѣсколько внимательнѣе въ отношеніи запорожцевъ. Въ Москвѣ также отнеслись къ запорожцамъ благосклонно и нашли нужнымъ послать имъ подарокъ сто половинокъ шиптуховыхъ суконъ; въ это-же время приказано было послать подарокъ въ 30 рублей и бывшему кошевому атаману Ѳедору за его царскому величеству вѣрную службу.

Съ царскимъ подаркомъ посланъ былъ подъячій Лука Хлопенскій. Выѣхавъ изъ Москвы въ начальныхъ числахъ сентября, подъячій прибылъ въ городъ Батуринъ и тамъ вручилъ сукна гетману Мазепѣ, а самъ вернулся въ Москву. Въ Батуринѣ, при осмотрѣ пожалованныхъ суконъ, оказалось, что три половинки ихъ были запачканы дегтемъ. Гетманъ, узнавъ о томъ, сильно обезпокоился этимъ обстоятельствомъ, но все таки нашелъ нужнымъ отправить цѣликомъ царскій подарокъ запорожскому войску и препоручилъ исполнить это дѣло одному изъ самыхъ хитрѣйшихъ людей своего регимента, козаку Сидору Горбаченку. Горбаченко, выѣхавъ изъ Батурина и добравшись до Запорожья, остановился въ семи миляхъ отъ Сичи и оттуда послалъ о себѣ извѣстіе кошевому атаману Семену Рубану. Кошевой атаманъ Семенъ Рубанъ, по полученіи извѣстія о прибытіи гетманскаго гонца, собралъ большую войсковую раду и для устраненія могущихъ произойти между казаками безпорядковъ отдалъ приказаніе по всѣмъ куренямъ запечатать всѣ шинки со спиртными напитками. Прибывъ въ запорожскую Сичь, Сидоръ Горбаченко явился прямо въ раду, собранную, по обыкновенію, на главной площади, въ виду сичевой церкви. Помолясь на церковь и поклонившись на всѣ четыре стороны честному товариству, Сидоръ Горбаченко вручилъ кошевому гетманскій листъ и просилъ «вычти» его на радѣ. Кошевой атаманъ, взявъ въ руки тотъ листъ, передалъ войсковому писарю, и писарь вычиталъ его передъ всѣмъ товариствомъ. Козаки выслушали весь листъ до конца, благодарили великихъ государей за присланный подарокъ; осмотрѣли

---

[1]) Величко, Лѣтопись, Кіевъ, 1855, III, 170—176.

подарки и нашли, что раньше того никогда отъ царей не было присылаемо такого хорошаго сукна. Но писарь и судья, замѣтивъ три половинки сукна запачканными дегтемъ, поспѣшили спрятать ихъ подъ спудъ и объявили козакамъ, чтобы они расходились по своимъ куренямъ, потому что сукна и безъ ихъ присутствія будутъ приняты всѣ сполна [1]).

Октября 23 числа гетманъ Мазепа извѣщалъ черезъ почту государей о добромъ расположеніи къ нему запорожскихъ козаковъ и о томъ, что они вновь выступили врагами бусурманъ. Такъ, въ это время бывшій кошевой атаманъ Филонъ Лихопой разбилъ турокъ, находившихся въ Кызыкерменѣ, и взялъ нѣсколько человѣкъ изъ нихъ въ полонъ; запорожцы черезъ гетмана просили государей о дозволеніи размѣна плѣнныхъ козаковъ на плѣнныхъ бусурманъ [2]). Одновременно съ Лихопоемъ дѣйствовалъ противъ татаръ и бывшій кошевой атаманъ Ѳедько́, передъ этимъ бившій челомъ великимъ государямъ за «пребогатую монаршескую милость» и обѣщавшійся за то вѣрно служить царскому престолу. Ѳедько посланъ былъ самимъ гетманомъ съ отрядомъ козаковъ «подъ непріятельскія жилища для добытія татарскаго языка и для провѣданія о намѣреніяхъ и замыслахъ непріятельскихъ». Вслѣдствіе большихъ снѣговъ и крѣпкихъ морозовъ Ѳедько долго, однако, не подавалъ о себѣ никакихъ извѣстій, но потомъ одна часть его товариства вернулась въ города, а другая, вмѣстѣ съ самимъ Ѳедькомъ, осталась у устья рѣки Днѣпра, близъ непріятельскихъ жилищъ «для чиненія дальнѣйшихъ поисковъ о языкѣ» [3]).

Но гетмана заботила въ это время кромѣ Запорожья еще и сама Малороссія. Въ Малороссіи въ то время всѣхъ занималъ такъ называемый арендный вопросъ. Какъ извѣстно, гетманъ Мазепа отмѣнилъ «оранду», въ видѣ временной мѣры, лишь на одинъ годъ. По истеченіи года онъ собралъ въ Батуринѣ старшинъ и когда выяснилось, что сборъ денегъ съ торговъ и шинковъ принесъ гораздо меньше доходовъ, нежели прежде, то гетманъ поставилъ вопросъ, какъ быть въ этомъ случаѣ. На такой запросъ генеральная старшина отвѣчала такъ, что выгоднѣе и менѣе для населенія разорительна аренда, нежели пошлина. Тогда

---

1) Архивъ мин. ин. дѣлъ, 1693, св. 95, № 67.
2) Архивъ мин. ин. дѣлъ, 1693, св. 95, № 77.
3) Величко, Лѣтопись, Кіевъ, 1855, III, 221.

гетманъ напомнилъ старшинѣ, что такое рѣшеніе вопроса снова вызоветъ неудовольствіе со стороны запорожскихъ козаковъ. Но на это гетману отвѣтили тѣмъ, что запорожцамъ до того никакого дѣла нѣтъ, да и къ тому-жъ они и у себя допускаютъ такую-же «оранду», какая существуетъ въ городахъ: отъ всякой куфы или бочки наличнаго количества вина они отбираютъ цѣлую треть на старшину и на куренныхъ атамановъ, а остальное велятъ продавать по установленной войскомъ цѣнѣ. Но Мазепа, не довольствуясь такимъ отвѣтомъ, отобралъ мнѣнія на этотъ счетъ и отъ простыхъ людей, и когда большинство и здѣсь подало свои голоса за «оранду», тогда гетманъ обратился за утвержденіемъ такого рѣшенія въ Москву [1]).

Тѣмъ временемъ вѣсть о сношеніяхъ гетмана съ Запорожьемъ скоро дошла въ Крымъ и была принята тамъ какъ дурной для татаръ знакъ. Вслѣдствіе этого въ началѣ января 1694 года кызыкерменскій бей написалъ кошевому атаману Семену Рубану письмо съ увѣреніемъ добрыхъ чувствъ къ запорожскому войску товариству и съ просьбой о присылкѣ въ Кызыкермень плѣнныхъ татаръ

Что отвѣтилъ на то бею кошевой — незвѣстно. Но того-же января 24 дня Семенъ Рубанъ послалъ благодарственное письмо Мазепѣ за присылку въ новосооруженную «въ цѣломъ денсусѣ иконнымъ изображеніемъ» въ сичевую церковь св. Покрова жертвенника, воздуха и свѣтильниковъ для престола; извѣщалъ о посылкѣ къ гетману четырехъ плѣнныхъ турокъ и о возвращеніи въ Крымъ изъ Бѣлогородчины хана «подъ часъ рождественскихъ святъ» [2]).

Но едва прошло послѣ этого нѣсколько дней, какъ въ Сичи вновь началось броженіе среди козаковъ. Въ это время кошевой атаманъ получилъ обширный листъ отъ бѣглеца Петрика съ новымъ приглашеніемъ идти на борьбу съ Москвой. Съ полученіемъ письма Петрика въ Запорожьи опять поднялся споръ: одни хотѣли идти за Петрикомъ, другіе отказывались отъ того. Всѣхъ больше тянули къ Петрику временно проживавшіе въ Сичѣ ватажные промышленники, пришедшіе туда изъ малороссійскихъ городовъ: «Это такіе люди, что, живучи на Украйнѣ, не смѣютъ языка

---

[1]) Соловьевъ, Исторія Россіи, Москва, 1864, XIV, 215.

[2]) Архивъ мин. ин. дѣлъ, 1694, св. 96, № 1; подл. акты, св. 10. № 964 — 979.

раскрыть тамъ, а какъ только заберутся въ Сѣчь, откуда у нихъ плодятся рѣчи и разсказы, возбуждающіе къ бунтамъ! Иной мелетъ спьяна, а иной хоть не пьетъ, дьявольскій сынъ, да безъ пьянства горечью дышетъ, собака, и не токмо что на гетмана и на пановъ, но и на самихъ монарховъ съ желчью слова говоритъ» [1]).

Гетманъ зорко слѣдилъ за настроеніемъ запорожскихъ козаковъ и обо всемъ происходившемъ у нихъ получалъ точныя свѣдѣнія черезъ тайныхъ агентовъ своихъ, находившихся въ самой Сичи. Мазепѣ то доносили, что запорожцы стали на мирную ногу въ отношеніи бусурманъ [2]); то сообщали, что козаки, познавъ бусурманскую неправду, постановили розмириться съ ними и даже задержали у себя двухъ турчиновъ и нѣсколько человѣкъ татаръ, выѣхавшихъ изъ Крыма на Украйну съ козакомъ Петромъ Вербецкимъ, съ цѣлью отыскать своихъ плѣнныхъ сыновей и обмѣнять ихъ на плѣнныхъ христіанъ [3]). И точно, апрѣля 13 числа кошевой атаманъ Семенъ Рубанъ доносилъ гетману о сраженіи запорожцевъ подъ Кызыкерменемъ и о взятіи козакомъ Максимомъ Сергѣенкомъ нѣсколькихъ татаръ въ неволю. Однако, спустя десять дней послѣ этого, самъ гетманъ Мазепа писалъ въ Москву, что къ нему прибылъ изъ запорожской Сичи въ городъ Батуринъ «певный» козакъ, который для того и находился въ Сичѣ, чтобы, довѣдавшись основательно о всякомъ намѣреніи запорожцевъ, о томъ гетману давать знать. Теперь этотъ козакъ, явившись съ вѣстями, сказывалъ, что кошевой атаманъ Семенъ Рубанъ и все запорожское войско принимали у себя ханскаго посланца, возобновили и подтвердили прошлое, бывшее въ Каменномъ-Затонѣ, перемиріе съ ханомъ; передавалъ, будто ханъ вновь имѣетъ подняться со своими ордами въ предстоящее лѣто на Украйну, полагаясь не столько на свою саблю и военные промыслы, сколько на «обманчивыя прелести», которыми обнадеживаетъ его проклятый врагъ Петрикъ [4]).

И дѣйствительно запорожцы, смущенные предложеніемъ Петрика, все еще продолжали волноваться и никакъ не могли въ

---

[1]) Архивъ мин. юстиціи, 1694, кн. 69, л. 268.

[2]) Архивъ мин. ин. дѣлъ, 1694; подл. мал. акты, №№ 971—986, 974—989, 976—991.

[3]) Архивъ мин. ин. дѣлъ, 1694; мал. дѣла, св. 10, № 995—930.

[4]) Величко, Лѣтопись, Кіевъ, 1855, III, 240.

цѣлой массѣ отказатся отъ его химеръ, а потому дѣлились на партіи и вели между собой ожесточенный споръ. Самые благомыслящіе изъ нихъ хотѣли, во чтобы то ни стало, похода па Крымъ, но не находили поддержки въ томъ, ни отъ гетмана, ни отъ царей. Что такое козакъ безъ войны? Тоже что писарь безъ правой руки: безъ войны онъ и нагъ, безъ войны онъ и голоденъ. Козаку воевать съ бусурманами, по выраженію стараго малороссійскаго лѣтописца, что соловью пѣть. Для того козакъ и родился на свѣтъ, для того онъ и живетъ. Имѣя существенную и настоятельную необходимость въ войнѣ съ бусурманами, запорожцы рѣшили вновь обратиться съ просьбой о томъ въ Москву.

Апрѣля 30 числа кошевой атаманъ Семенъ Рубанъ, войсковой судья Андрей Кондратьевъ, войсковой писарь Созонтъ Грабовскій и войсковой асаулъ Петръ Іеремѣевъ со всѣмъ запорожскимъ низовымъ войскомъ написали письмо «пресвѣтлѣйшимъ, державнѣйшимъ государямъ, благочестивымъ христоименитымъ помазанникамъ» и отправили его съ значнымъ козакомъ Максимомъ въ Москву. Въ этомъ письмѣ было сказано, что запорожцы, «обуздавъ свое свободное невѣжество премилостивыми словами высокоповажной и похвальной монаршей грамоты,» разорвали миръ съ бусурманами, и теперь готовы явить монархамъ должное радѣніе, идти путемъ своихъ предковъ, съ давнихъ поръ по-рыцарски дѣйствовавшихъ, за имя божіе и за достоинство престола отцовъ и праотцовъ царскаго величества надъ бусурманами промышлявшихъ. Однако, не имѣя собственныхъ силъ столько, чтобы «въ конецъ богомерзкихъ агарянъ поганскія жилища разорить,» кошевой и все войско просятъ великихъ государей очистить закрытый и запорожскимъ, и малороссійскимъ, и великороссійскимъ войскамъ, путь внизъ по Днѣпру и снести съ «сатанинскаго основанія» турецкій городъ Кызыкермень съ околичными его селеніями надъ рѣкою Днѣпромъ... Кромѣ того, все запорожское низовое войско «сумнительно о непространной и зѣло стѣснительной его милости ясновельможнаго гетмана свободѣ:» въ своихъ «управахъ рейментарскихъ» въ отношеніи воинскихъ промысловъ гетманъ Иванъ Степановичъ Мазепа не такъ свободенъ, какъ его предшественники, и не можетъ самъ лично, безъ царскаго указа, съ войсками противъ бусурманъ подниматься. И это у всѣхъ сосѣднихъ христіанскихъ народовъ къ великому удивленію служитъ; войску-же запорожскому и всему малороссійскому народу, вслѣдствіе несвободнаго въ областяхъ

царскаго величества гетманскаго жительства, наносится нареканіе. Тогда и войско запорожское, и народъ малороссійскій, и люди великороссійскіе получили-бы чрезъ свободныя дѣйствія гетмана «отраду и тріумфъ веселый». Да и бусурмане не имѣли бы на запорожцевъ поднимать меча своего. А теперь, едва запорожское войско успѣло съ бусурманами миръ порвать, какъ они въ ночь на 23 апрѣля, съ воскресенья на понедѣльникъ, на святого великомученика Георгія Побѣдоносца, ворвались подъ самую Сичь, и хотя людямъ принесли небольшой вредъ, зато угнали у нихъ большія стада коней. Запорожцы, собравшись въ малой «чадцѣ,» учинили за тѣми бусурманами погоню и на рѣкѣ Ингульцѣ, неподалеку отъ поганскаго жилища Кызыкерменя, всю свою утрату отгромили и даже двухъ крымскихъ татаръ въ полонъ взяли, которыхъ вмѣстѣ, «съ рыцарскимъ человѣкомъ» Максимомъ и бывшимъ при немъ товариствомъ, «что въ плѣнъ татаръ гонило,» въ городъ Москву отослали. «Окажите вашу милость, благочестивые цари, нашему товариству, вашимъ подданнымъ, и не откажите имъ даръ подати. А они, какъ раньше, такъ и впредь, не перестанутъ съ нами, со всѣмъ войскомъ запорожскимъ, усердно всякую въ воинскихъ и во всѣхъ вѣрностяхъ службу исполняти. Въ слѣдъ же за поданніемъ нашей челобитной грамоты повелите, ваше царское пресвѣтлое величество, безотлагательно вельможному его милости, пану Іоанну Стефановичу Мазепѣ, обѣихъ сторонъ Днѣпра гетману, при силахъ вашихъ монаршескихъ, великороссійскихъ и малороссійскихъ, подъ Кызыкермень, со всѣмъ для войны необходимымъ, на ниспроверженіе оного жилища бусурманскаго, простовати. Если-же повелѣньемъ васъ, благочестивыхъ монарховъ нашихъ, отъ того вельможный панъ гетманъ будетъ удержанъ и если ему на благое и всему христіанству пожительное и хвалебное, а на бусурманъ губительное дѣло, не будетъ указа, то мы единодушно желаемъ, чтобы, по премощному и премилостивому монаршему указу, вельможный его милость панъ гетманъ вмѣсто себя наказнаго отъ боку своего, съ войсками, городовымъ и охочимъ, ради воинского промысла и ради сокрушенія поганскаго жилища и Кызыкерменя, со всѣмъ необходимымъ отправилъ, съ каковымъ войскомъ и мы соединившись за благое дѣло, сколько намъ Господь Богъ помощи подастъ, возстанемъ» [1].

[1]) Архивъ мин. ин. дѣлъ, 1694, св. 10, № 1000—985.

Молодому русскому царю Петру Алексѣевичу вполнѣ по душѣ была просьба запорожскихъ козаковъ. Онъ унаслѣдовалъ отъ прежней политики мысль завладѣть берегами Чернаго моря, болѣе выгоднаго для Россіи, чѣмъ холодное и мертвое Бѣлое море, и эту мысль онъ хотѣлъ привести въ исполненіе. Но прошлое показало, что кромѣ сильной арміи къ тому нужны еще разныя прикладныя знанія. И царь усердно подготовлялся къ тому, хотя приведеніе въ исполненіе своей мысли откладывалъ на будущее.

Неизвѣстно, что отвѣтилъ царь Кошу на его письмо, можно лишь догадываться, что отвѣтъ былъ если не вполнѣ, то все-же благопріятный для запорожскихъ козаковъ, что даетъ поводъ думать дальнѣйшее поведеніе ихъ.

Когда «рыцарскій человѣкъ» Максимъ вернулся изъ Москвы въ Запорожье, въ Сичи нѣкоторое время еще продолжались раздоры по поводу предложенія Петрика и крымскаго хана, но съ выборомъ новаго кошевого атамана Ивана Шарпила противники Петрика и хана взяли верхъ надъ остальными [1]). Тогда въ концѣ мѣсяца іюня запорожская ватага, предводимая Климомъ Цюцюренкомъ, имѣла схватку на рѣкѣ Днѣпрѣ съ татарами [2]). Въ слѣдъ затѣмъ другая, въ 400 человѣкъ, запорожская ватага, жалѣя о своей братіи, взятой азовцами на рѣчкахъ Бердахъ и Молочной, предводимая ватагомъ Семеномъ да полковникомъ Лескомъ Максименкомъ, отомстила «веть за веть» бусурманамъ: она прокралась по Днѣпру и по рѣчкѣ Конкѣ, мимо турецкой крѣпости Асламкерменя, выплыла изъ Очаковскаго лимана, пристала у береговъ Крыма, вышла изъ лодокъ на сушу, сожгла и обратила въ прахъ нѣсколько десятковъ ханскихъ селеній и «изобильно источивъ кровь, много бусурманъ въ трупъ положила», до тысячи человѣкъ взяла въ плѣнъ азовцевъ, дѣтей, мужчинъ и женщинъ; до тысячи человѣкъ освободила изъ плѣна русскихъ и потомъ потопивши въ какомъ-то мѣстѣ всѣ свои челны, повернула сухопутьемъ до того мѣста, гдѣ, по условію, ее ждало конное войско низового товариства, и такъ благополучно пришла въ запорожскую Сичу. Изъ Сичи 400 человѣкъ запорожскихъ козаковъ съ 75 плѣнниками татаръ, предводимые ватагомъ Семеномъ да полковникомъ Лескомъ Максименкомъ, отправились въ городъ Бату-

---

[1]) Архивъ мин. юстиціи, 1694, кн. 69, л. 810.

[2]) Архивъ мин. ин. дѣлъ, мал. подл. акты 1694, св. 10, № 1006—991.

ринъ съ цѣлью испросить у гетмана Мазепы разрѣшеніе о проѣздѣ въ Москву къ великимъ государямъ съ тѣмъ, «чтобы великіе государи подая охоту войску низовому къ воинскимъ промысламъ, всѣхъ посланныхъ принявъ, своимъ государскимъ множайшимъ жалованьемъ милостиво удовольствовали». Гетманъ Мазепа, изумленный пріѣздомъ огромной запорожской ватаги, сталъ было ссылаться на царскій указъ о запрещеніи пускать въ Москву въ большомъ числѣ запорожскія депутаціи, «стыдилъ и отговаривалъ въ такихъ купахъ къ государямъ не ходить», самый-же ясырь совѣтовалъ оставлять въ Сичи и брать окупъ за него отъ родныхъ самихъ-же плѣнныхъ. Но на всѣ тѣ доводы запорожцы возражали гетману тѣмъ, что они для того и здоровье свое тратили, и въ крымскіе юрты «водою впадали», и села невѣрныхъ пустошили, и нѣсколько сотъ христіанъ изъ бусурманскаго полона на волю освободили, и непріятельскій ясырь мужскаго и женскаго пола «загорнули»—все это съ тою цѣлію дѣлали, чтобы великимъ государямъ добыть славу, а себѣ отъ нихъ получить награду. А что до удержанія ясыря въ самой Сичѣ, то они на этотъ счетъ съ кошевымъ своимъ разговоръ уже имѣли, но какъ для окупа нужно заключить съ бусурманами временное перемиріе, то атаманъ отказалъ въ томъ просителямъ. Когда-же гетманъ, не смотря на такіе доводы, не хотѣлъ отпустить въ столицу больше ста человѣкъ депутатовъ, то козаки рѣшили лучше совсѣмъ вернуться съ ясыремъ въ Сичу, нежели въ такомъ маломъ количествѣ ѣхать къ государямъ. Послѣ этого Мазепа принужденъ былъ сдѣлать уступку и изъ четырехсотъ двумстамъ позволилъ ѣхать въ Москву, а двумстамъ велѣлъ остаться на Украйнѣ, но испрашивалъ милости у государей какъ для тѣхъ, которые поѣхали въ Москву, такъ и для тѣхъ, которые оставлены были въ Гадячѣ, «хотя-бы по одному портищу сукна, дабы сіи (послѣдніе) превысокое монаршее имя ровно прославляли и о многолѣтнемъ великихъ государей царствованіи Господа Бога молили и впредь на вѣрныя царского пресвѣтлого величества службы забирались» [1]).

И великіе государи смиловались и приказали выдать 196 козакамъ, оставленнымъ при гетманѣ, по аглинскому сукну, мѣрою въ 5 аршинъ; но зато велѣли объявить имъ, «что впредь ихъ братьѣ, запорожцамъ, та дача не въ образецъ, и буде которые

---

[1]) Архивъ мин. ин. дѣлъ, 1694, св. 10, № 1007—992; 1696, св. 10, № 30.

въ тѣхъ малороссійскихъ городахъ изъ такихъ-же ватагъ оставаться учнутъ, тѣмъ жалованья великихъ государей въ присылкѣ изъ Москвы не будетъ» [1]).

Какъ-бы то ни было, но дѣйствія запорожскихъ козаковъ противъ бусурманъ пріобрѣли симпатію и среди москвичей и сдѣлались извѣстны патріарху всероссійскихъ церквей Адріану: патріархъ Адріанъ за мужественный подвигъ козаковъ освобожденія изъ турецкой неволи православныхъ христіанъ послалъ имъ благодарственную грамоту на текстъ: «благодаренія и общенія не забывайте, таковыми бо жертвами благоугождается Богъ» [2]).

Мужество запорожцевъ тѣмъ громче прославлялось въ Москвѣ, что самъ Мазепа, выславшій въ это время по царскому повелѣнію, свои полки въ дикія поля для защиты русскихъ промышленниковъ противъ бусурманъ, никакого въ томъ успѣха не имѣлъ. Для той цѣли гетманъ отправилъ полтавскій, гадячскій, пѣхотный кожуховскій полки и конную Ростковскаго компанію и приказалъ имъ идти къ рѣчкамъ Калміусу и Бердамъ и дѣлать тамъ нападеніе на азовскихъ бусурманъ. А чтобы имѣть вѣрный въ томъ успѣхъ, гетманъ велѣлъ пустить рыбныхъ и соляныхъ промышленниковъ впереди полковъ, самимъ-же полкамъ скрыться у береговъ названныхъ рѣкъ «въ приличныхъ мѣстахъ». Когда-же жители Азова выйдутъ противъ русскихъ промышленныхъ людей, тогда полки «должны возмездіе имъ за нашихъ людей воздать». Но начальники посланныхъ полковъ должны были дѣйствовать не одни, а вмѣстѣ съ войскомъ запорожскихъ козаковъ, и если-бы имъ не случилось надъ тѣми азовцами промысла учинить, то они, соединясь съ войскомъ тѣхъ-же запорожскихъ козаковъ, должны идти подъ крымскія жилища бусурманъ и тамъ поиски надъ непріятелемъ чинить. По такому гетманскому приказу собрались 10.000 «добрыхъ людей», которые, двинувшись въ путь, перешли рѣчки Орель и Самарь и уже «притянули было до Вовчей рѣки». Но тутъ «непостоянная и дерзостная чернь», не уважая ни имени царей, ни непонимая собственной пользы своей, стала толпами возвращаться назадъ, отговариваясь тѣмъ, что ей неудобно ради военныхъ промысловъ ходить въ такія далекія мѣста, потому что дома у нея наступили жатвенныя и сѣнокосныя работы въ по-

---

[1]) Архивъ мин. ин. дѣлъ; мал. дѣла, 1696, св. 10, № 30.

[2]) Величко, Лѣтопись, III, 243; Архивъ мин. юстиціи, кн. 69, л. 560.

ляхъ, и если она пропуститъ это дорогое для себя время, то въ такомъ случаѣ дойдетъ до полной нищеты. Оттого вся эта толпа дальше названныхъ мѣстъ не пошла. Тогда полковники всѣхъ названныхъ полковъ, увидѣвши въ той черни несклонность къ войнѣ, ничего другого дѣлать не нашли, какъ стать обозомъ у Орели-рѣки, а для приведенія въ исполненіе гетманскаго приказа, отправить въ дикія поля, съ конною компаніей и съ выборнымъ товариствомъ всѣхъ полковъ, бывшаго кошевого атамана Ѳедька съ наказомъ ему обѣжать полевые шляхи и, гдѣ случится на непріятеля напасть, чинить промыслъ надъ ними [1]).

О такомъ положеніи дѣлъ гетманъ самъ донесъ въ Москву. На запорожцевъ онъ не имѣлъ никакихъ поводовъ роптать и показывалъ полное довѣріе къ нимъ. Такъ, около этого времени изъ Москвы на имя гетмана послана была грамота для передачи ея въ Сичь съ приказаніемъ Кошу отпустить въ «надлежащій путь» царскаго толмача и крымскаго гонца. Но гетманъ, въ виду того, что къ нему донеслась вѣсть о добромъ намѣреніи запорожцевъ мирно и безъ замедленія отпустить обоихъ посланцевъ, нашелъ нужнымъ царскую грамоту удержать у себя и послать ее въ Кошъ только тогда, если-бы запорожцы вздумали почему-либо задержать у себя обоихъ гонцовъ [2]).

Но запорожцы думали теперь о другомъ, и поощряемые удачнымъ походомъ собственныхъ ватажанъ противъ азовскихъ людей, снова поднялись противъ бусурманъ. На этотъ разъ ими руководилъ Иванъ Шарпило, то-есть самъ кошевой атаманъ. Соединившись съ отрядомъ донскихъ казаковъ, Шарпило вышелъ изъ Сичи съ семью стами низовыхъ козаковъ и двинулся въ урочище Чангаръ. Тамъ онъ разгромилъ какой-то татарскій городокъ, выдержалъ кровопролитную битву на Молочныхъ водахъ отъ нурредина-салтана, отнялъ у непріятелей 7 пушекъ, захватилъ въ плѣнъ нѣсколько мусульманъ и подъ конецъ навелъ такой страхъ на крымскихъ татаръ, что самъ нурредипъ-салтанъ, собравшійся было на Слободскую Украйну войной, принужденъ былъ чрезъ то отложить свой походъ [3]).

---

[1]) Архивъ мин. ин. дѣлъ: мал. подл. акты, 1694, св. 10, № 1005—990.
[2]) Архивъ мин. ин. дѣлъ; мал. подл. акты, 1694, св 10, № 1005—990.
[3]) Архивъ мин. юст., 1694; кн. 71, л. 240: Бантышъ-Каменскій, Исторія Малой Россіи, Москва, 1822, III, 25.

Не удовольствовавшись походомъ на Чангаръ, тотъ-же кошевой въ началѣ осени, ходилъ на какой-то городъ Паланку, вмѣстѣ съ отрядомъ малороссійскихъ козаковъ [1]). Отбивъ у бусурманъ не малое число конскихъ головъ, овецъ и рогатаго скота, но не успѣвъ, вслѣдствіе погони со стороны враговъ, со всей добычей вернуться въ запорожскую Сичь, Шарпило расположился въ урочищѣ Ольхахъ, у низовьевъ Днѣпра. Изъ урочища Ольховъ онъ нѣсколько разъ ходилъ, ради тѣхъ-же промысловъ, противъ бусурманъ на урочище Стрѣлицу, но не имѣя языка, не могъ опустошить того пути. Послѣ этого непріятели подстерегли козаковъ и внезапно напали на нихъ; Шарпило, побившись противъ бусурманъ, нашелъ за лучшее вернуться въ Сичь. Но въ Сичи этотъ походъ не понравился козакамъ, и потому атаманъ Шарпило тотъ-часъ по прибытіи въ Кошъ, лишенъ былъ атаманской булавы и вмѣсто него выбранъ Петро Прима, онъ-же Примасъ [2]).

Новый кошевой атаманъ, собравъ незначительный отрядъ козаковъ, той-же осенью повторилъ низовой походъ противъ бусурманъ, но не поддержанный во-время Мазепой, значительныхъ успѣховъ не имѣлъ. Давъ салтанамъ «по кавалерству» отпоръ, кошевой, вслѣдствіе ничтожности своихъ силъ, не могъ сломить всѣхъ бусурманъ и безъ добычи вернулся въ Сичь. Пробывъ въ теченіе всего лѣта въ воинскомъ походѣ и потому не успѣвъ заготовить ни пропитанія для людей, ни корма для лошадей, кошевой Примасъ, по прибытіи въ Сичь, нашелъ нужнымъ декабря 8 дня написать гетману Мазепѣ письмо и въ томъ письмѣ просилъ его принять въ украинскіе города 300 человѣкъ запорожскихъ козаковъ для прокормленія ихъ на время зимы.

Далеко не по вкусу пришлась Мазепѣ такая просьба кошевого Примаса, и онъ долго, по его собственнымъ словамъ, «сокрушался и выслушивалъ свой мозгъ» надъ тѣмъ, какъ-бы «привести запорожцевъ въ такой чинъ», что-бы они не составляли тягости для жилыхъ украинскихъ людей, и подъ конецъ назначилъ тремъ - стамъ козакамъ становище въ городѣ Келебердѣ, а остальнымъ приказалъ разойтись по домамъ малороссійскихъ родичей и свойственниковъ своихъ [3]).

---

[1]) Архивъ мин. юстиціи, 1694, кн. 71. л. 240.

[2]) Архивъ мин. юстиціи, 1694, кн. 74, л. 651.

[3]) Архивъ мин. юстиціи, 1694, кн. 74, л. 651—657.

Но что значило это одолженіе гетмана для трехсотъ козаковъ, когда вся масса запорожскаго войска не знала, чѣмъ ей существовать и когда она, жаждавшая войны съ бусурманами, вернулась въ Кошъ ни съ чѣмъ и могла ожидать нападенія на Сѣчь отъ самихъ татаръ? Хотя Москва и не забыла прислать запорожцамъ [1]) обычное жалованье (оно прислано было въ половинѣ октября черезъ подъячаго Протопова), но это было не жалованье, а убогая милостыня: по одному аршину сукна да по два злотыхъ на козака, отъ чего и выходило, что съ ханомъ выгоднѣе было запорожцамъ имѣть дѣло, чѣмъ съ Москвой: отъ хана зависѣли и обмѣнъ полонянниковъ, и охота на звѣря, и ловля на рыбу, и добыча на соль [2]).

Узнавъ о перемѣнѣ настроенія запорожскихъ козаковъ, гетманъ Мазепа поспѣшилъ сообщить о томъ въ Москву. Въ своемъ письмѣ, писанномъ января 5 дня, 1695 года, гетманъ доносилъ, что запорожцы «за поводомъ нынѣшняго кошевого атамана» подлинно примирились съ бусурманами; что торговые люди, живущіе въ городахъ Украйны, вслѣдствіе этого начали тайно уходить со своими товарами, годными для продажи, изъ украинскихъ городовъ въ Крымъ. Въ виду этого гетманъ отдалъ приказъ останавливать купцовъ на проѣзжихъ дорогахъ и брать ихъ въ тюрьму, а купеческихъ проводниковъ въ Батуринъ, для показанія, присылать; надъ запорожцами-же, которые, пользуясь указомъ, даннымъ еще за царя и великаго князя Алексѣя Михайловича, проводятъ зимы съ конями въ мѣстечкѣ Келебердѣ, велѣлъ малороссійской старшинѣ «пильное око имѣть» [3]).

Извѣстивъ царей о положеніи дѣлъ въ Сѣчи, гетманъ Мазепа, не оставилъ въ покоѣ и самихъ козаковъ: онъ оправилъ имъ листъ и въ томъ листѣ настойчиво совѣтывалъ отстать отъ крымскаго хана, въ замѣнъ того собрать отовсюду всѣ свои силы и ждать предпринимаемаго царями похода подъ турецкій городъ Азовъ, гдѣ казаковъ ждали и слава, и добыча, и несомнѣнный успѣхъ [4]).

Вслѣдъ за гетманскимъ листомъ послана была, февраля 8 дня, кошевому, атаману Петру Примѣ и всему войску низовыхъ коза-

---

[1]) Архивъ мин. ин. дѣлъ, 1694; подл. мал. дѣла, № 995.
[2]) Архивъ мин. юстиціи, 1694, книга 69, л. 385.
[3]) Архивъ мин. ин. дѣлъ, 1695; мал. подл. акты, св. 10, № 1014—999.
[4]) Архивъ мин. ин. дѣлъ, 1695, связка 98, № 2.

ковъ грамота отъ самихъ царей. Въ той грамотѣ говорилось о томъ, что царямъ чрезъ присланныхъ въ Москву куренныхъ атамановъ Өеодора Кахеновскаго (вѣроятно правильнѣе Кохановскаго) да Дементія Величковскаго, учинилось извѣстно о намѣреніи двухъ крымскихъ салтановъ идти войной на украинскіе царскаго величества города. За такое извѣстіе цари и кошевого атамана Гриму и все запорожское войско милостиво похваляютъ и поощряютъ. Зато не одобряютъ цари намѣренія запорожскихъ козаковъ за ихъ «пересылки съ бусурманами о мирѣ». Запорожцы, помня свое обѣщаніе, безъ указа царскаго величества перемирія съ бусурманами не должны чинить и тѣмъ безславія на себя не наводить, а всѣми мѣрами, сухимъ и воднымъ путемъ, надъ ними воинскіе промыслы чинить, за что запорожскому войску и теперь уже послано царское денежное жалованье, да и на будущее время козаки не будутъ забвенны отъ царей [1]).

Послѣ этого запорожскимъ козакамъ не оставалось ничего другого, какъ чинить промыселъ противъ бусурманъ [2]).

Такимъ образомъ запорожцы со времени смерти знаменитаго кошевого атамана Сирка, въ теченіе 15 лѣтъ, съ 1680 по 1695, не совершили почти ни одного, кромѣ двухъ-трехъ походовъ, достойнаго истинныхъ рыцарей подвига и не извлекли для себя ничего изъ предпріятій неутомимаго Петрика. Среди запорожцевъ не было въ это время ни одного человѣка съ такимъ полководческимъ геніемъ, какимъ обладалъ кошевой Сирко. Былъ, правда, на Украйнѣ въ то время славный своими подвигами противъ поляковъ и бусурманъ, полковникъ Семенъ Филипповичъ Палій. Къ нему все Запорожье жадно простирало свои взоры, но Палій тянулъ въ другую сторону. Палій, какъ и всѣ истые запорожцы, былъ поборникомъ народовластія на Украйнѣ, защитникомъ личной свободы и политической автономіи, ненавистникомъ панскаго самовластія и чванства и противникомъ рабства во всякой его формѣ и во всѣхъ сословіяхъ, но онъ свилъ себѣ гнѣздо вдали отъ Запорожья, за правымъ берегомъ Днѣпра, въ Хвастовщинѣ. Часть Заднѣпровья, т. е. область отъ Днѣпра до Днѣстра, теперешняя кіевская и подольская губерніи, по миру 1680 года между Россіей, Турціей и Польшей, признана была нейтральной и обра-

---

[1]) Архивъ мин. ин. дѣлъ, мал. подл. акты, св. 2, № 1018—33.

[2]) Архивъ мин. ин. дѣлъ, малорос. дѣла, 1695, св. 98, № 30.

щена въ пустыню безъ городовъ и населенія. Между тѣмъ давленіе низшаго сословія въ лѣвобережной Украйнѣ во время гетманства Самойловича и особенно Мазепы, положившаго начало «панщинѣ» (барщинѣ), заставляло и простую чернь и козаковъ бросать селенія и города на Украйнѣ лѣвой стороны Днѣпра и бѣжать на Украйну правой стороны, признанную по трактату 1680 г. ничьей. Къ тому-же съ 1683 польскій король Янъ Собѣскій открыто вступилъ въ борьбу съ Турціей и велъ эту борьбу до 1691 года. Нуждаясь въ боевыхъ силахъ, Янъ Собѣскій не только не препятствовалъ переходу козаковъ въ пустынную область и не только позволялъ имъ заселять избранныя ими мѣста, а даже обратился съ королевскимъ универсаломъ къ козацкимъ предводителямъ съ объявленіемъ о томъ, что онъ предоставляетъ въ полную собственость весь между Днѣпромъ и Днѣстромъ пустынный край козакамъ и за то проситъ ихъ помогать ему въ борьбѣ противъ бусурманъ. Въ силу такого универсала масса черни и козаковъ, недовольныхъ порядками, заведенными въ лѣвобережной Украйнѣ въ региментарство ненавистныхъ гетмановъ Самойловича и Мазепы, устремилась за правый берегъ Днѣпра, и скоро тамъ появилась села, города и козацкіе полки. Явились и историческіе дѣятели. Въ числѣ послѣднихъ по своимъ выдающимся боевымъ и колонизаторскимъ способностямъ былъ полковникъ Семенъ Гурко или Палій. Сынъ простого козака, Палій родился въ Борзнѣ, потомъ ушелъ въ Запорожье, гдѣ, по преданію, и получилъ прозвище Палія. Потомъ, оставивъ Сичь, Палій собралъ вокругъ себя ватагу изъ молдавскихъ, поднѣстрянскихъ и запорожскихъ выходцевъ и съ ними расположился на житье въ городѣ Хвастовѣ. Вся его жизнь, отъ юношескаго возраста и до глубокой старости, представляетъ собой рядъ войнъ и боевыхъ подвиговъ съ поляками, татарами, турками и ихъ христіанскими и нехристіанскими подданными и сторонниками. Тѣснимый отовсюду и потерявшій подъ конецъ надежду усидѣть въ своей Хвастовщинѣ, Семенъ Палій пришелъ къ мысли, что ему крѣпче будетъ не подъ польскимъ королемъ, а подъ русскимъ царемъ. И Палій сталъ просить царя о принятіи его въ русское подданство. Но московское правительство, боясь нарушить миръ съ Польшей, отклоняло просьбу Палія. За Палія ходатайствовалъ самъ гетманъ Мазепа, въ душѣ ненавидѣвшій славнаго полковника и такъ или иначе хотѣвшій видѣть его не у дѣлъ, но и хлопоты Мазепы были напрасны. Мазепа

писалъ въ Москву, что Палій, отчаявшись, можетъ уйти къ татарамъ и тогда за нимъ уйдутъ и запорожцы. «Палѣю, писали по этому поводу изъ Москвы, перейти на Запорожье вовсе не безчестно: какимъ путемъ онъ вышелъ изъ Запорожья въ Польшу, тѣмъ-же путемъ можетъ возвратиться изъ Польши въ Запорожье. Но Палій самъ не хотѣлъ идти на Запорожье: «На Запорожье идти мнѣ не хочется; хотя войско и два раза туда звало меня и предлагало кошевое атаманство и даже высшій чинъ; однако, я, привыкши къ городовому житью, идти въ Сѣчь не желаю, потому что, пришедши туда, въ низовое войско, долженъ буду дѣлать то, чего войско захочетъ. Лучше мнѣ еще въ Хвастовѣ до времени держаться, нежели вдругъ невѣдомо куда оттуда уходить... Жаль мнѣ сильно разстаться съ этимъ мѣстомъ не только потому, что тамъ много домостройства моего, пространное поле хлѣбомъ засѣяно, но и потому, что я взялъ это мѣсто пустое и населилъ его не польскими подданными, но отъ рѣки Днѣпра, частію изъ войска запорожскаго, частію изъ волоховъ; церкви божіи украшенныя устроилъ, чего непригоже покинуть». Кромѣ того Палій не хотѣлъ идти въ Сичь еще и потому, что считалъ грѣхомъ и позоромъ оставлять въ Хвастовѣ на пагубу своихъ людей, которые, имѣя женъ и дѣтей, не могли идти въ Сичь, оставаясь-же въ Хвастовѣ безъ Палія, неминуемо должны были погибнуть отъ ляховъ, власть которыхъ не хотѣлъ Палій признать надъ собой [1]).

---

[1]) Соловьевъ, Исторія Россіи, Москва, 1864, XIV, 194, 212, 214: Величко, Лѣтопись, Кіевъ, 1895, III, 209; Сынъ Отечества, 1848, VIII; Московскій Наблюдатель, 1838.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Первый походъ Петра I на Азовъ.—Вѣсти, добытыя запорожцами о положеніи дѣлъ въ Крыму.—Вѣсти отъ пойманныхъ въ степи татарскихъ языковъ.—Разгромъ татарскаго загона Иваномъ Гусакомъ.—Движеніе русско-козацкой арміи по степи подъ начальствомъ боярина Шереметева, гетмана Мазепы и запорожской флотиліи по Днѣпру подъ командой кошевого атамана Максима Самойленка.—Взятіе запорожцами турецкой крѣпости Тавани.—Возвращеніе запорожцевъ въ Сѣчь съ кошевымъ Самойленкомъ.—Поведеніе 600 человѣкъ козаковъ, оставленныхъ въ Тавани.—Положеніе плѣнныхъ мусульманъ въ запорожской Сѣчѣ.—Походъ кошевого атамана Гусака къ Очакову.—Благодарность запорожскому войску отъ гетмана Мазепы и выдача козакамъ царскаго жалованья.—Месть татаръ и набѣгъ ихъ на Украйну.—Геройскій подвигъ запорожцевъ подъ Голтвой и гибель Петрика.—Письмо къ запорожскому войску отъ гетмана Мазепы съ выраженіемъ благодарности за успѣшныя дѣйствія противъ татаръ и съ извѣщеніемъ о посылкѣ войску царскаго жалованья.

Весна 1695 года принесла запорожцамъ совершенно новыя вѣянія, пробудила въ нихъ новыя чувства и вызвала ихъ къ высокимъ подвигамъ; слава ихъ оружія, до тѣхъ поръ нѣсколько померкшая, вновь прогремѣла и разлилась дальше предѣловъ Украйны. Въ это время царь Петръ Алексѣевичъ открылъ первый походъ подъ турецкій городъ Азовъ. «Русскій царь Петръ Алексѣевичъ, желая имѣть отверзтыми двери изъ Меотическаго озера (Азовскаго моря) въ Эвксипонтъ (Черное море), а войску низовому запорожскому отворить ворота Днѣпромъ въ Очаковскій лиманъ и въ то-же Эвксинское море, предпринялъ походъ подъ турецкій городъ Азовъ» [1]). Однако, собираясь походомъ подъ Азовъ, царь Петръ Алексѣевичъ открыто объявилъ о походѣ на Крымъ. То дѣлалось съ тѣмъ, чтобы «оплошить турокъ и нечаянно напасть на Азовъ» [2]). Апрѣля 2 дня объ этомъ извѣщенъ былъ Петро Прима, кошевой атаманъ запорожскихъ козаковъ. Запорожцы вос-

[1]) Величко, Лѣтопись, Кіевъ, 1855, III, 283.

[2]) Соловьевъ, Исторія Россіи, Москва, 1864, XIV, 221.

прянули духомъ отъ такого извѣстія и скоро доставили гетману важныя вѣсти о состояніи города Азова и о положеніи дѣлъ въ Крыму. «При нынѣшнемъ годовомъ веселомъ торжествѣ Воскресенія Христа Спасителя, писали они въ письмѣ къ гетману, благопривѣтствуемъ благодѣтеля нашего и желаемъ, дабы сей прехвальный праздникъ изволилъ провести въ радости, въ ненарушеніи здравія, но въ одолѣніи надъ врагами креста святого и вѣры нашей православной». Предпославъ такое привѣтствіе вельможному гетману, запорожцы затѣмъ сообщили ему о томъ, что къ нему послано нѣсколько человѣкъ товарищей войсковыхъ, бывшихъ въ Крыму и узнавшихъ тамъ о всѣхъ планахъ татаръ, просили его прислать въ войсковой скарбъ двѣ тысячи рублей; особо на войсковую сторожу сто ефимковъ церковныхъ, не задерживать ватагъ, идущихъ изъ Украйны въ Запорожье и выпустить изъ тюрьмы какого-то Андрея Стародуба. О крымскихъ вѣстяхъ они писали, что ханъ уже готовъ былъ отпустить и царскаго гонца Айтемирова и гетманскаго посланца Велецкаго изъ Крыма на Русь, но въ это время стало извѣстно, черезъ взятыхъ въ полонъ двухъ человѣкъ донцовъ, о предпринимаемомъ походѣ московскихъ царей на турецкій городъ Азовъ, и ханъ снова задержалъ гонцовъ у себя, самъ-же сталъ готовиться къ походу подъ Азовъ и ждетъ лишь, по обычаю всѣхъ мусульманъ, появленія луны, и какъ только увидитъ молодую луну, тотъ часъ и походъ будетъ у бусурманъ. О старомъ султанѣ турецкомъ писали козаки, что онъ «совершенно» удавленъ и на его мѣсто посаженъ его сынъ. Молодой султанъ присылалъ къ хану съ кафтаномъ и «съ голымъ» мечемъ, при запорожскихъ посланцахъ, своего чауша́, чтобы ханъ въ теченіе двухъ мѣсяцевъ сталъ противъ цесаря въ цесарской землѣ; но ханъ отговорился тѣмъ, что ему нужно собственную землю противъ московскихъ царей защищать, и теперь со всѣми ордами онъ готовится идти подъ Азовъ [1]).

Вслѣдъ за извѣстіемъ запорожскихъ козаковъ гетманъ Мазепа получилъ извѣстіе и отъ собственныхъ людей. Въ четвергъ на свѣтлой недѣлѣ асаулъ полтавскаго полка Никита Пляцкой [2]), будучи съ охотнымъ войскомъ въ дикихъ поляхъ, на урочищахъ

[1]) Архивъ мин. ин. дѣлъ; 1695, св. 98, № 17.

[2]) Онъ называется то Пляцкой, то Плячникъ, то Плячной, то Плячный.

Яланскихъ и Галчускихъ вершинъ [1]), недалеко отъ Волчьей рѣки, поймалъ тамъ 25 человѣкъ азовскихъ татарскихъ языковъ и привезъ ихъ въ Батуринъ апрѣля 15 дня. Поставленные на допросъ главные изъ пойманныхъ татаръ, представили гетману такой разсказъ. Вышли они въ числѣ 46 человѣкъ, подъ начальствомъ Байши-аги, для добычи и для загона языка, изъ Азова подъ великороссійскіе города близъ Тора-рѣки; съ ними «увязались» одинъ турчинъ да русской породы какой-то капитанъ. Ухвативъ гдѣ-то одного козака, они, за вешнею водой, дальше идти не могли и повернули назадъ, при чемъ 10 человѣкъ возвратились въ Азовъ, а 36 съ Байшой-агой пошли въ дикія поля, надѣясь тамъ на рѣчкахъ степныхъ найти загонщиковъ-козаковъ и покорыстоваться отъ нихъ. Когда-же они остановились ночевать у Яланскихъ и Галчускихъ вершинъ, то тамъ на нихъ напалъ ватагъ Пляцкой и сперва отогналъ у нихъ лошадей, а потомъ напалъ на нихъ самихъ, одиннадцать человѣкъ съ агой побилъ, а двадцать пять человѣкъ съ собой захватилъ. Татарскіе языки о дѣлѣ въ Азовѣ и въ Крыму передавали такъ. О задуманномъ русскими царями походѣ подъ городъ Азовъ еще въ прошлую осень извѣстилъ азовскаго бея калмыцкій тайша Аюкай, а бей азовскій сообщилъ о томъ крымскому хану и турскому султану, и стали они слабыя мѣста въ Азовѣ починять. А въ томъ Азовѣ три города каменныхъ, четвертый земляной, который всѣ три каменныхъ города обнялъ; а у того земляного города кругомъ ровъ въ семь саженъ глубиной и жители предстоящей весной думали поглубже тотъ ровъ подкопать. Пушекъ, пороха и всякихъ запасовъ хлѣбныхъ и воинскихъ множество въ немъ. Войска пѣхотнаго огненнаго въ томъ городѣ тысячъ семь, а конницы, всегда готовой на бой, около тысячи человѣкъ, всѣмъ имъ годовое жалованье даютъ; въ случаѣ прихода противныхъ (русскихъ) войскъ бусурмане и до трехъ-тысячъ конницы наберутъ. По послѣднему зимнему пути азовскій бей въ четырехстахъ человѣкахъ ходилъ подъѣздомъ подъ донской городъ Черкаскъ; подъ городомъ тѣмъ большой бой учинилъ, много донцевъ побилъ и асаула Максима Малишку съ осмью донцами въ полонъ взялъ и тѣ донцы под-

---

[1]) Рѣчки Ялы и рѣчка Ганчулъ или Гайчуръ и теперь существуютъ въ Екатеринославской губерніи, александровскаго уѣзда: Эварницкій, Вольности запорожскихъ козаковъ, СПБ. 157.

твердили дошедшій къ азовцамъ слухъ о сборахъ русскаго войска подъ городъ Азовъ. Кромѣ того весной посылали изъ Азова 150 человѣкъ подъѣздъ для языка подъ Изюмъ и Маякъ, великороссійскіе города, ухватили тамъ 25 человѣкъ и привели ихъ въ Азовъ. Тутъ одинъ изъ пойманныхъ языковъ сообщилъ азовцамъ всю правду о будущемъ походѣ русскихъ подъ Азовъ и за то на свободу отпущенъ былъ, а остальные въ неволѣ находятся и теперь. О ханѣ крымскомъ въ Азовѣ не слышно ничего, и пойдетъ-ли онъ съ ордами противъ московскихъ царей, нѣтъ о томъ вѣстей никакихъ. Войско-же турское о праздникѣ св. Георгія имѣетъ моремъ въ судахъ въ Азовъ придти и жалованье годовое съ собой привезти, а сколько того войска, о томъ неизвѣстно никому. О султанѣ турскомъ извѣстно то, что онъ ходилъ въ польскіе края, и всѣ бусурмане съ великою добычей вернулись назадъ.

Собравъ всѣ эти свѣдѣнія, гетманъ Мазепа немедленно отправилъ нарочнаго въ Москву гонца съ объяснительнымъ отъ себя письмомъ. Въ этомъ письмѣ онъ прибавилъ къ разсказанному то, что крымскій ханъ отправилъ своего каймакана въ Царьградъ къ привѣтствіемъ новаго султана «по взятіи державы» и съ просьбой о присылкѣ помощи въ Крымъ; кромѣ того, извѣщалъ и о томъ, что татарскія орды уже собрались на Салгирѣ въ Крыму и готовятся идти въ походъ въ «подполнъ мѣсяца сего».

На письмо гетмана послана была изъ Москвы царская грамота съ благодарностью за доставку важныхъ вѣстей, съ похвалой за вѣрную и усердно-радѣтельную службу и съ приказаніемъ написать похвалу запорожскимъ козакамъ и объявить имъ о томъ, чтобы они и впредь доставляли всякія свѣдѣнія обо всемъ, что касается бусурманъ [1]).

Но запорожскіе козаки и безъ того не забывали бусурманъ. Въ мартѣ мѣсяцѣ, около 10—12 числа, татарскій загонъ, числомъ близко ста человѣкъ, переправился у Кызыкерменя черезъ Днѣпръ, прошелъ на рѣку Малый Ингулъ, отъ Ингула на рѣчку Малую Висунь и отъ Висуни «для несытой добычи своей» хотѣлъ подъ Бѣлую-Церковь и подъ Немировъ пройти; но только тутъ, на кызыкерменскомъ шляху, на него напалъ бывшій кошевой Иванъ Гусакъ съ 120 человѣкъ охотницкихъ козаковъ. Гусакъ тотъ татарскій загонъ погромилъ, немало татаръ въ трупъ положилъ, а

[1]) Архивъ мин. ин. дѣлъ; 1695, св. 98, № 17.

девять человѣкъ живьемъ взялъ и, апрѣля 7 дня, въ Батуринъ отослалъ. Изъ Батурина Иванъ Гусакъ съ большимъ числомъ своихъ козаковъ и съ плѣнными языками, въ числѣ девяти человѣкъ, хотѣлъ было ѣхать въ Москву, чтобы за свои «сугубные нужды и труды, по трудной дорогѣ въ досадное и студеное время» награду отъ царей получить. Но гетманъ Мазепа нашелъ возможнымъ пустить въ Москву только 50 человѣкъ козаковъ для доставки татарскихъ языковъ. Послѣднимъ гетманъ, передъ отпускомъ въ Москву, учинилъ допросъ и изъ того допроса узналъ, что крымскій ханъ заболѣлъ, но какъ только онъ станетъ здоровъ, то у татаръ, по обычаю, заведенному съ давнихъ поръ у мусульманъ, будетъ собрана рада въ Крыму и что на той радѣ приговорятъ, такъ тому и быть, т. е. или идти или вовсе не идти на войну. Но только въ то время, когда татарскіе языки были въ Крыму, никакого рѣшенія не было пока; носился только слухъ, что предстоящимъ лѣтомъ самъ ханъ никуда на войну не пойдетъ, потому что боится, чтобы козацкія ватаги вновь не прокрались въ Крымъ, какъ въ прошлое лѣто они Чангары прошли, и не учинили-бы какого урона крымскимъ жильямъ. О «проклятомъ» Петрикѣ сказывалъ одинъ изъ языковъ, что онъ находится вблизи Тягина, въ одномъ изъ бѣлогородскихъ селъ, и тамъ по ханскому приказу получаетъ мѣсячный кормъ.

Въ Москвѣ Иванъ Гусакъ и 53 человѣка козаковъ были милостиво приняты и за службу пожалованы «излишнимъ жалованьемъ отъ царей» [1]).

Независимо отъ этого, въ виду предстоящаго похода, посланы были въ самую Сѣчь отъ гетмана подарки — нѣсколько штукъ сукна, полутузинковъ, 10 куфъ горилки на каждый курень и 500 золотыхъ на сторожу; кромѣ того, особо на церковь сѣчевую 300 золотыхъ. Посылая такіе подарки въ Кошъ, Мазепа приказывалъ запорожцамъ въ замѣнъ того немедленно разорвать съ бусурманами перемиріе и готовиться къ походу на Крымъ.

Запорожцы приняли гетманскій приказъ «съ радостною вѣстью» и за доставленные подарки «дяковали своего великаго добродѣя, главы своя низко преклонивши», прося принять отъ войска маленькій подарочекъ осетрины за большой подарокъ. При всемъ томъ они не преминули поставить Мазепѣ на видъ то, что для

[1]) Архивъ мин. ин. дѣлъ, мал. дѣла; 1695, св. 98, № 20.

предстоящаго военнаго похода войско не имѣетъ надлежащаго запаса ни одежды, ни оружія, ни грошевой казны» и потому просили ясневельможнаго гетмана, яко чадолюбиваго отца своего, сдѣлать войску вспоможеніе въ его нуждѣ, обѣщая за это всегда вѣрно и радѣтельно «працѣвати» своему добродѣю и немедленно розмириться съ бусурманами. Излагая такую просьбу, кошевой атаманъ Максимъ Самойленко Сергіевскій [1]) и все запорожское войско вмѣстѣ съ этимъ спрашивали гетмана о «наукѣ и порадѣ», какъ имъ выходить въ походъ, т. е. полемъ или водою, и гдѣ предстать «предъ свѣтлые очеса» гетманской вельможности [2]).

Предварительныя свѣдѣнія о положеніи дѣлъ у татаръ собирались въ теченіи всей наступившей весны и только лѣтомъ русско-козацкія войска вышли походомъ на далекій югъ противъ мусульманъ. Въ это время русская армія, раздѣленная на три части, шла по Дону, по Волгѣ и по Днѣпру; послѣдняя, состоявшая изъ великороссіянъ и малороссійскихъ козаковъ, находилась подъ начальствомъ боярина Бориса Петровича Шереметева и гетмана Ивана Степановича Мазепы [3]). Мазепа «рушилъ» изъ Батурина мая 17 дня и переправился съ лѣваго на правый берегъ Днѣпра, выше Переволочны, у Мишурина Рога, а Шереметевъ переправился черезъ Днѣпръ у Переволочны. Тутъ оба военачальника соединились вмѣстѣ и отъ Переволочны пошли «звычнымъ» трактомъ черезъ степныя рѣчки и долины подъ городъ Кызыкермень, куда и прибыли іюля 24 числа. Одновременно съ малороссійскими козаками шли по Днѣпру на своихъ чайкахъ и запорожскіе козаки подъ начальствомъ кошевого атамана Максима Самойленка, смѣнившаго Петра Приму. Кромѣ Кызыкерменя русско-козацкимъ войскамъ приходилось имѣть дѣло еще съ тремя турецкими крѣпостями—Мустриткерменемъ или Таванью на островѣ Тавани, стоявшемъ среди Днѣпра, противъ Кызыкерменя; Асламкерменемъ, стоявшимъ противъ Кызыкерменя, подъ рѣчкою Конкою, на крымскомъ берегу, и Мубереккерменемъ, или Шагинъ-Гиреемъ, находившемся черезъ рѣчку Конку, на островѣ Тавани, противъ Асламкерменя [4]).

---

[1]) Сергіевскимъ онъ названъ, вѣроятно, по принадлежности къ сергіевскому куреню.

[2]) Архивъ мин. ин. дѣлъ, мал. подл. акты; 1695, св. 11, № 1030—1013.

[3]) Акты южной и западной Россіи, № 283.

[4]) Величко, Лѣтопись, Кіевъ, 1855, III, 443.

По донесенію боярина Бориса Петровича Шереметева въ Москву дѣло подъ Кызыкерменемъ произошло такъ. Бояринъ и гетманъ прибыли съ полками къ городу Кызыкерменю іюля 24 числа, часа за два до ночи. Того-же дня у русскихъ съ кызыкерменцами былъ бой и во время этого боя попался въ плѣнъ русскимъ какой-то волошанинъ. На слѣдующій день русскіе ратные люди и малороссійскіе козаки, подступивши къ самому городу, учинили шанцы и съ 25 по 30 неотступно, днемъ и ночью, палили изъ пушекъ по городу и посбивали верхніе бои и туры, бывшіе на городской стѣнѣ, а также поотнимали у непріятелей пушки, выставленныя противъ русскихъ обозовъ и шанцевъ. Іюля 30 числа, часу въ пятомъ дня, была взорвана черезъ подкопъ угловая, отъ очаковской стороны, съ поля и большого рва, башня, вмѣстѣ съ находившимся въ ней пушками; отъ этого взрыва, а также и отъ гранатной стрѣльбы произошелъ въ городѣ пожаръ, а во время пожара стали разрываться ядра и «духомъ» поднимать на воздухъ и выбрасывать за городъ людей. Въ то время ратные русскіе люди, со знаменами и барабаннымъ боемъ, вскочили черезъ башенный проломъ на городскую стѣну и вступили съ непріятелями въ сильный бой. Послѣ пятичасоваго боя русскіе побили на томъ приступѣ турокъ, волоховъ и татаръ «и въ томъ числѣ приводцовъ ихъ». Тогда непріятели, видя большой вредъ для себя отъ пушечныхъ и ручныхъ ядеръ, отъ затхлости воздуха и поднявшагося пожара, ушли, было и заперлись въ меньшій городокъ. Но увидя, что изъ меньшаго города имъ не уйти на Днѣпръ, вслѣдствіе спуска ихъ водныхъ суденъ отъ города внизъ, подняли большой крикъ и плачъ, выбѣжали изъ меньшаго города на проломленную стѣну, приклонили знамена, замахали шапками и стали просить о пощадѣ и о готовности отдать оставшійся городъ и пушки въ руки русскихъ людей. Для переговоровъ о мирѣ непріятели выслали къ русскимъ на шанцы писаря Шабана и съ нимъ нѣсколько человѣкъ горожанъ. Тогда бояринъ и гетманъ послали въ городъ ратныхъ людей и приказали имъ привести къ себѣ бея, агу и другихъ «урядниковъ» Кызыкерменскаго городка. Когда же раненый бей, ага и другіе были приведены въ обозъ и у нихъ отобраны были городскіе ключи, тогда русскіе ратные люди отступили къ шанцамъ, а бея и аговъ съ товарищами отправили для обереженія въ обозъ, пока бусурмане выйдутъ всѣ изъ города. Іюля 31 числа бояринъ и гетманъ съ старшиною и съ войскомъ

вышли сами къ воротамъ города, для принятія мужчинъ, женщинъ и дѣтей, и наблюдали за выходомъ ихъ изъ опасенія того, чтобы ратные люди, а болѣе всего черкасы и запорожскіе козаки, соблазненные добычею и пожитками, не ворвались въ городъ и не учинили-бы пакости какой-нибудь. Простоявъ все время, пока бусурмане выходили изъ городка, по обѣимъ сторонамъ воротъ, бояринъ и гетманъ велѣли принять ихъ и отдать для сбереженія по полкамъ; нѣкоторыхъ, впрочемъ, поймали себѣ русскіе ратные люди, украинскіе и запорожскіе козаки. Взято было: бей 1, аговъ 10, знаменъ турецкихъ 2, пушекъ мѣдныхъ 14, ключей городскихъ 3; кромѣ того, особо у гетмана оказалось нѣсколько пушекъ, аговъ и другихъ турецкихъ старшинъ. Послѣ принятія людей и пушекъ бояринъ и гетманъ, съ общаго совѣта, велѣли городъ Кызыкермень до основанія разорить, чтобы въ немъ непріятель на будущее время никакихъ пристанищъ не имѣлъ, такъ какъ разбитыя и разломанныя мѣста его за отсутствіемъ камня, извести, лѣсу и каменнаго дѣла мастеровъ, сдѣлать и починить по прежнему состоянію было нельзя. Такъ какъ въ большомъ, въ среднемъ, и въ маломъ городахъ всѣ дома и всѣ строенія были истреблены огнемъ, башни и городскія стѣны взорваны на протяженіи нѣсколькихъ саженъ, и возлѣ города, на посадахъ, всѣ дворы и заведенія до тла были сожжены, то по всему этому ратныхъ рюдей оставить въ немъ было нельзя [1]).

Такъ дѣйствовали подъ Кызыкерменемъ русскіе ратные люди и украинскіе козаки.

На долю собственно запорожскихъ козаковъ пришлась крѣпость Мустритъ-Тавань или собственно Тавань; они окружили эту крѣпость лодками и промышляли надъ ней до тѣхъ поръ, пока Шереметевъ и Мазепа не взяли городъ Кызыкермень. Тогда и Тавань, видя, что Кызыкермень «поклонился» военачальникамъ русско-козацкихъ войскъ «поклонился» войску запорожскихъ козаковъ. Жители двухъ другихъ замковъ, Асламкерменя и Муберекkерменя, видя паденіе Кызыкерменя и Тавани, бросили большія пушки на произволъ и бѣжали съ имуществомъ въ Крымъ.

При сдачѣ жителей Кызыкерменя на волю побѣдителей запорожскіе козаки стояли лодками по Днѣпру у городскихъ стѣнъ и принимали въ лодки мужчинъ, женщинъ и дѣтей, которые броса-

[1]) Записки одесскаго общества исторіи и древностей, III, 269—272.

лась со стѣнъ города внизъ и отвозились отъ Кызыкерменя въ Тавань. Въ это время запорожцы захватили много ясырю и еще больше того разной добычи; послѣднюю они сложили въ огромную кучу на островѣ Тавани и безобидно подѣлили между собой.

Покоривъ русскому оружію названные города, бояринъ и гетманъ оставили въ одномъ изъ нихъ, Тавани, нѣсколько сотъ человѣкъ русско-козацкихъ войскъ и 600 человѣкъ запорожскихъ козаковъ, а сами возвратились прежнимъ трактомъ на Переволочну и Мишуринъ-Рогъ. Послѣ отхода гетмана двинулись въ Сичь и запорожскіе козаки со своимъ кошевымъ атаманомъ Максимомъ Самойленкомъ, обремененные добычей и множествомъ плѣнныхъ бусурманъ. Изъ привезенныхъ запорожцами въ Сичь турокъ и татаръ одна часть умерла; другая добровольно крестилась и была отпущена на свободу въ великороссійскіе и малороссійскіе города; а третья часть, замышлявшая погибель Кошу и всему войску, была выведена за Сичь и вся, начиная отъ малыхъ до старыхъ, мужчинъ и женщинъ, безъ пощады истреблена [1]).

Возвратившись въ украинскіе города, гетманъ Мазепа, по царскому повелѣнію, отправилъ свой листъ, черезъ Сидора Горбаченка, кошевому атаману и всему товариству съ предписаніемъ оказывать помощь тому войску изъ великороссіянъ, украинцевъ и самихъ-же запорожскихъ козаковъ, которое оставлено было въ Таванскомъ городкѣ. Чтобы имѣть больше свободы во время обороны противъ бусурманъ, гетманъ приказалъ кошевому атаману вывести запорожское войско изъ Тавани и помѣстить его въ Мубарек-кермень и Асламкермень. Независимо отъ этого гетманъ Мазепа, въ помощь охранителямъ взятыхъ городовъ, послалъ по 500 человѣкъ козаковъ, со всякимъ запасомъ, изъ лубенскаго и гадячскаго полковъ; запорожцамъ съ особымъ нарочнымъ отправили по кожуху на козака на время зимнихъ холодовъ. Кромѣ всего этого гетманъ отдалъ приказъ лубенскому полковнику Леонтію Свѣчкѣ приготовить въ теченіе зимы полторы тысячи отборныхъ полчанъ, взять необходимый для нихъ хлѣбный запасъ и при первой возможности идти на низовье Днѣпра и поправить, чѣмъ только будетъ возможно, взятые турецкіе городки, хотя-бы только насыпать въ телѣги песку и разставить ихъ вокругъ городковъ.

На листъ гетмана Мазепы черезъ его-же посланца отвѣчалъ,

---

[1]) Величко, Лѣтопись, Кіевъ, 1855, III, 283—285.

ноября 7 дня, 1695 года, кошевой атаманъ Иванъ Гусакъ. Кошевой Гусакъ писалъ, что запорожцы, собравшись на Кошѣ въ посполитой радѣ, выслушали гетманскій листъ съ приказомъ о сохраненіи крѣпости Таванскаго городка на славной рѣкѣ Днѣпрѣ. Удержать и сохранить эту крѣпость они готовы уже потому, что тѣмъ самымъ могутъ обезопасить путь своему конному войску, ходящему для промысловъ на Крымъ, и морскому войску, ходящему въ Черное море противъ враговъ святаго креста, и могутъ расширить свои владѣнія въ бусурманскихъ становищахъ противъ городка, стоящаго у рѣчки Конки. Запорожцы къ шестистамъ человѣкъ своего товариства, стоящаго въ городкѣ, готовы дать еще нѣсколько человѣкъ, чтобы только доставить «притулища» своимъ «рыцарскимъ людямъ», а нечестивымъ бусурманамъ еще большій внушить страхъ. Что-же касается Асламкерменя и Мубереккерменя, то первый изъ этихъ городковъ совсѣмъ разрушенъ, второй совсѣмъ сожженъ и потому исправить ихъ, за зимнимъ временемъ, никакъ нельзя. Асламкермень пострадалъ въ прошлую осень, когда козаки были подъ башнею Очакова и пожгли тамъ почти всѣ посады и ближайшія къ нимъ мѣста; тогда, приступивъ къ Асламкерменю, они до самой земли разломали всѣ башни и всѣ стѣны его, попортили и завалили камнемъ всѣ его колодезя А Мубереккермень, стоящій надъ Конской рѣкой, при общемъ разореніи сожженъ и стѣны его еще въ то время были разрушены и лежали на землѣ. Желая пресвѣтлымъ государямъ во всякое время вѣрную службу служить, чтобъ отъ нихъ монаршую милость имѣть, запорожцы могли-бы вывести свое товариство и и въ другое мѣсто изъ Таванскаго городка, снабдивъ его пушками для отпора бусурманъ; но въ виду того, что товариство въ наступившую зиму уже успѣло расположиться и засѣсть въ Таванскомъ городкѣ, свести его на новое мѣсто оттуда никакъ нельзя. Только весной можно будетъ оставить Тавань и приготовить новое мѣсто козакамъ; теперь-же, сидя въ Тавани, запорожцы, пока станетъ у нихъ силъ, будутъ оказывать христіанскому войску помощь, а непріятелямъ давать отпоръ [1]).

Вернувшійся изъ Запорожья въ Батуринъ Сидоръ Горбаченко словесно гетману Мазепѣ передалъ, что самъ кошевой атаманъ Иванъ Гусакъ и сичевое войско ходили на низовье Днѣпра про-

---

[1]) Архивъ, мин. юстиціи, 1695, кн. 75, л. 478—487.

тивъ бусурманъ, были подъ вѣжею или замочкомъ-городкомъ, стоящимъ со стороны Стрѣлицы, на Перевозной пристани, противъ Очакова, на морскомъ берегу, дѣлали приступы къ тому городку, и хотя, за твердою крѣпостью и скорымъ изгономъ, не взяли его, однако пожгли всѣ пашни и огромные запасы сѣна, бывшіе тамъ, захватили много скота и овецъ, но вслѣдствіе наступившихъ «зимностей» скоро возвратились въ Сичь, наведя боязнь и трепетъ на Очаковъ и сосѣдніе съ нимъ бусурманскіе города.

Гетманъ Мазепа, узнавъ о такомъ дѣйствіи козаковъ, послалъ имъ самое радушное письмо съ обнадеживаніемъ «прещедрого царского жалованья оразъ» и съ просьбой безпрестанно воевать ту погань, бусурманъ, и нещадно ихъ жилища разорять [1]).

Повинуясь волѣ Коша и надѣясь на милость царей, таванскіе запорожцы безвыходно сидѣли въ городкѣ и переносили тамъ большія бѣдствія отъ зимнихъ холодовъ. Декабря 9 дня изъ Таванскаго городка прибылъ въ Батуринъ переволочанскій сотникъ, ѣздившій для отправки хлѣбныхъ запасовъ и для отвоза шубъ, и о положеніи дѣлъ въ городкѣ передалъ гетману въ такихъ словахъ. Ратные люди царскаго величества, запорожскіе козаки и сердюцкая пѣхота встрѣтили сотника съ особенною радостью и выразили большую благодарность за присланныя имъ шубы и хлѣбные запасы, въ которыхъ они такъ нуждались вслѣдствіе наставшей зимы. Сотникъ собственными глазами видѣлъ, что сердюцкая пѣхота и козаки гадячскаго и лубенскаго полковъ и «прибылые» люди, находившіеся при козакахъ, сдѣлали себѣ земляную крѣпость при каменномъ Таванскомъ городкѣ: отъ каменнаго городка до рѣки Днѣпра они насыпали высокій валъ и выкопали глубокій ровъ; на валу, для отстрѣла бусурманъ, поставили коши и деревянные надолбы, а изъ Нѣпра (Днѣпра) пустили воду въ ровъ «и для того надежная имъ можетъ быти, при божіей помощи, на зиму оборона; только во время вешнее отъ великой воды имѣетъ быти поврежденіе въ тѣхъ рвахъ». Но зато защитники городка терпятъ большую нужду отъ недостатка избъ: въ городкѣ не только нѣтъ никакихъ избъ, но нѣтъ и порядочныхъ куреней, такихъ, какіе имѣются въ Сичи у запорожскихъ козаковъ: вслѣдствіе скудности лѣса на днѣпровскихъ островахъ, въ крѣпости построены самые малые курени, такъ что козакамъ приходится едва-ли не подъ от-

[1]) Архивъ мин. ин. дѣлъ; мал. подл. акты, 1695, св. 11, № 1034—1017.

крытомъ небомъ, на голой землѣ, лежать, не имѣя никакой защиты «отъ зимнихъ досадъ» Впрочемъ, тѣ-же козаки, терпя нужду вслѣдствіе недостатка куреней, въ то-же время нашли нужнымъ соорудить деревянную церковь въ Таванскомъ городкѣ. Кромѣ непріятности отъ зимнихъ холодовъ войско жаловалось также на большую тоску, нападавшую на всѣхъ козаковъ въ далекой и тѣсной крѣпости вокругъ ненавистныхъ бусурманъ, и потому просило гетмана прислать на смѣну другое войско.

Сидя въ Таванскомъ городкѣ, запорожцы «отзывались» къ крымскому хану съ предложеніемъ купить у нихъ весь мусульманскій ясырь, на что ханъ далъ имъ такую «отповѣдь», что онъ самъ пойдетъ въ города московскихъ царей, наберетъ тамъ потребное ему число невольниковъ и тогда выкупитъ весь имѣющійся у запорожцевъ ясырь [1]). И свою угрозу ханъ, какъ потомъ оказалось, дѣйствительно въ исполненіе привелъ.

Въ томъ-же декабрѣ мѣсяцѣ отправлены были депутаты изъ Сичи въ Москву за царской казной для тѣхъ козаковъ, которые выдержали «цѣлорочную» службу въ Таванскомъ городкѣ. По «щедрой милости» царей на 600 человѣкъ козаковъ выдано было 6000 золотыхъ, т. е. по 10 золотыхъ на каждаго козака. Гетманъ отправилъ эту казну, черезъ «умыслныхъ» посланцевъ своихъ, Семена Карпеку и Омельяна Гнилого, въ запорожскую Сичь и просилъ кошевого атамана чтобы эти деньги розданы были именно тѣмъ, которые въ теченіе года выдержали службу въ Таванскомъ городкѣ. А чтобы въ этомъ случаѣ не произошелъ какой-нибудь обманъ, гетманъ подавалъ кошевому совѣтъ поручить это дѣло куреннымъ атаманамъ, потому что каждый куренной атаманъ хорошо знаетъ своихъ козаковъ. И когда тѣ деньги до Сичи дойдутъ, то войско должно вручить ихъ «добрымъ изъ товариства козакамъ» и отослать въ крѣпость Тавань. Послѣ-же раздачи казны таванскимъ козакамъ кошевой долженъ смотрѣть за тѣмъ, чтобы козаки, взявши казну, до конца года не смѣли съ острова уходить [2]).

Въ то время, когда часть запорожскихъ козаковъ находилась въ Таванскомъ городкѣ, въ это-же время, въ половинѣ января, 1696 года, огромное число татаръ, въ главѣ которыхъ стояли калга и нурреддинъ-салтанъ, въ отместку русскимъ за потерю Кы-

[1]) Архивъ мин. юстиціи, 1695, кн. 75. л. 381, 478, 683—687, 701.

[2]) Архивъ мин. ин. дѣлъ: мал. подл. акты, 1695, св. 11, № 1035—1018

зыкерменя и другихъ городковъ, ворвались въ украинскіе города и прежде всего бросились въ повѣтъ полтавскаго полка. Здѣсь они разорили Китай-городъ, Кишенку и Келеберду. Изъ области полтавскаго полка татары ударились въ миргородскій повѣтъ, снесли огнемъ и мечомъ всѣ побережные села и города, а «жителей, гдѣ нагибали, рубали въ пень». Гетманъ поспѣшилъ выслать противъ татаръ три полка, но эти полки, узнавъ отъ пойманнаго языка о многочисленности бусурманскихъ силъ, заняли у города Голтвы выжидательный постъ; при украинскихъ козакахъ были и запорожскіе козаки, въ числѣ 600 или 700 человѣкъ. Нѣсколько человѣкъ пѣхотныхъ козаковъ изъ тѣхъ полковъ вышли было за голтвянскіе подворки на встрѣчу бусурманъ, но, не устоявъ противъ превосходства враговъ, скоро вернулись назадъ. Вмѣстѣ съ пѣхотой отважно вышли на голтвянскіе огороды за «тыны» (т. е. плетни) и запорожскіе козаки; но когда тѣ тыны уничтожилъ татарскій «тумолтъ» [1]), то запорожскіе козаки всѣ были изрублены саблями бусурманъ и такъ «за цѣлость своей отчизны опочили вѣчнымъ сномъ». Отъ Голтвы часть татаръ снова повернула въ повѣтъ полтавскаго полка. Здѣсь она перешла Ворсклу-рѣку, лѣвый притокъ Днѣпра, и стала добывать мѣстечко Нехворощу, противъ котораго стоялъ на лѣвомъ берегу рѣки Орели Нехворощанскій во имя Спаса монастырь [2]). Не будучи въ состояніи причинить мѣстечку никакого вреда, орда сожгла вновь построенный съ фольварками монастырь и послѣ того поспѣшила уйти въ Крымъ [3]).

Въ это-же время въ числѣ татаръ былъ Петрикъ, заклятый врагъ Москвы. Онъ вновь призывалъ на войну противъ Москвы, для защиты отчизны, запорожскихъ козаковъ. Но на этотъ разъ ни одинъ человѣкъ не пошелъ къ нему; напротивъ того, самъ Кошъ извѣстилъ гетмана о грозящей Украйнѣ бѣдѣ отъ бусурманъ. Для самого Петрика этотъ походъ былъ роковымъ: онъ

---

[1]) На польскомъ языкѣ «tumult» значитъ тревога, шумъ, но въ какомъ смыслѣ употреблено это слово въ данномъ случаѣ—неизвѣстно; можетъ быть въ смыслѣ мятежники.

[2]) Развалины этого монастыря, называвшагося по сохранившимся документамъ Заорельскимъ Святоуспенскимъ монастыремъ, находятся въ настоящее время въ Екатеринославской губерніи, новомосковскаго уѣзда, возлѣ села Чернетчины.

[3]) Величко, Лѣтопись, Кіевъ, 1855, III, 368.

былъ убитъ подъ городомъ Кишенкой козакомъ Якимомъ Вечирченкомъ и не вызвалъ ни въ комъ ни жалости, ни слезъ.

Гетманъ, очень довольный запорожцами за присланное извѣстіе о намѣреніяхъ татаръ, хотя это извѣстіе и нѣсколько поздно дошло до него, прислалъ имъ, апрѣля 4 числа, благодарственный листъ, прося «и впредь о намѣреніяхъ и непріятельскихъ оборотахъ увѣдомлять». Сообщивъ имъ о погромѣ, сдѣланномъ бусурманами въ малороссійскихъ городахъ, онъ увѣдомлялъ Кошъ объ отходѣ крымскихъ татаръ въ Крымъ, а бѣлоградскихъ — въ Бѣлоградъ. Въ заключеніе своего письма извѣщалъ козаковъ объ отправкѣ имъ «рочного съ прибавкой денежнаго жалованья» прямо на Сичь, а хлѣбнаго жалованья только въ крѣпость Кодакъ, куда, за неимѣніемъ собственныхъ подводъ, просилъ выслать изъ Сичи челны и довезти тотъ хлѣбъ водой въ самый Кошъ, въ чемъ козаки не встрѣтятъ препятствій, при вешней водѣ, даже въ самыхъ порогахъ Днѣпра [1]).

---

[1]) Величко, Лѣтопись, Кіевъ, 1855, III, 368, 369, 373.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Второй походъ Петра подъ турецкій городъ Азовъ. — Предложеніе гетмана царю Петру о построеніи для плавнаго похода судовъ.—Отходъ въ Черное море атамана Чалаго и ватаги запорожскихъ козаковъ.—Пріѣздъ въ Січь гетманскаго посланца съ предложеніемъ идти въ походъ противъ бусурманъ.—Жалоба запорожцевъ на недостатокъ судовъ и на грабежи со стороны бусурманъ.—Донесеніе о томъ царю Петру.—Письмо запорожскихъ козаковъ къ гетману о присылкѣ хлѣбныхъ запасовъ въ виду предстоящей съ бусурманами войны и отвѣтъ на то гетмана козакамъ.—Движеніе гетмана Мазепы съ княземъ Долгоруковымъ изъ украинскихъ городовъ внизъ по Днѣпру и вѣсти, полученныя имъ о дѣйствіяхъ бусурманъ.—Подвиги запорожцевъ противъ бусурманъ до прибытія русско-козацкихъ войскъ.—Ватагъ Чалый и кошевой Морозъ у береговъ Крыма, на Черномъ морѣ и въ лиманѣ Днѣпра.—Трагическая кончина Чалаго и мужественные подвиги Мороза.—Поѣздка запорожскихъ добычниковъ въ Москву.—Запрещеніе гетману о допущеніи въ большомъ количествѣ запорожскихъ посланцевъ въ Москву.

Первый походъ русскихъ подъ турецкій городъ Азовъ окончился торжествомъ для бусурманъ и безславіемъ для русскаго царя Петра: Петръ принужденъ былъ покинуть Азовъ, успѣвъ разрушить въ немъ лишь двѣ-три крѣпостныя каланчи. Но въ то время ни сосѣднія державы, ни сами подданные русскаго царя не знали еще, что надъ Россіей занялась новая заря и что молодой русскій царь, съ настойчивостью, свойственною всѣмъ геніальнымъ людямъ, не положитъ оружія до тѣхъ поръ, пока не одолѣетъ врага. Усиливъ свои войска, настроивъ новыхъ кораблей, вызвавъ къ себѣ заграничныхъ мастеровъ, заготовивъ большое количество различныхъ боевыхъ средствъ, царь Петръ Алексѣевичъ объявилъ второй походъ на городъ Азовъ. Всѣ малороссійскіе и запорожскіе козаки также призывались къ походу противъ бусурманъ. На этотъ разъ гетманъ Мазепа, желая угодить царю, выказалъ готовность соорудить морской и рѣчной флотъ изъ 2000 человѣкъ запорожцевъ, которые, плавая по морю, не будутъ допускать турокъ подъ городъ Азовъ; а также, занявъ

мѣста въ низовьихъ Днѣпра, будутъ защищать владѣнія малороссійскихъ и запорожскихъ козаковъ. На такое дѣло гетманъ просилъ 2000 четей хлѣбныхъ запасовъ да одну тысячу рублей, а мѣстомъ для построенія судовъ указывалъ городъ Брянскъ. Царь съ радостью принялъ планъ Мазепы, но нашелъ нужнымъ поставить ему на видъ, чтобы въ случаѣ замедленія постройки судовъ въ далекихъ брянскихъ лѣсахъ, гетманъ озаботился приготовить ихъ въ украинскихъ городахъ и доставить мимо Переволочны, устья Орели, Кодака до самаго Очакова Днѣпромъ [1]).

Въ это время кошевымъ атаманомъ запорожскихъ козаковъ былъ Иванъ Гусакъ. Оставаясь на Кошу въ ожиданіи полученія гетманской казны на постройку судовъ, Иванъ Гусакъ, въ апрѣлѣ мѣсяцѣ, 1696 года, отпустилъ въ море атамана Чалаго съ пятьюстами отборныхъ козаковъ [2]). Самъ-же извѣстилъ гетмана письмомъ, что между низовымъ товариствомъ есть еще нѣсколько человѣкъ охотныхъ козаковъ идти въ море противъ бусурманъ, для чего просилъ гетмана, за неимѣніемъ денегъ въ Сичи, прислать для построекъ судовъ царской казны.

Получивъ такое заявленіе со стороны кошевого Гусака, гетманъ Мазепа, желая доподлинно узнать боевыя средства запорожскихъ козаковъ, отправилъ въ Сичь съ листомъ батуринскаго сотника Сидора Горбаченка и велѣлъ ему обо всемъ низовое войско основательно разспросить и немедленно о томъ въ Батуринъ сообщить.

Сидоръ Горбаченко прибылъ въ Сичь апрѣля 25 дня, ночью, и на утро слѣдующаго дня былъ уже въ радѣ съ гетманскимъ листомъ, вручивъ его кошевому атаману Ивану Гусаку. Кошевой Гусакъ, принявъ гетманскій листъ, приказалъ читать его всѣмъ козакамъ. Выслушавъ гетманскій листъ, въ которомъ предлагался низовому войску въ предстоящее лѣто походъ на Черное море противъ невѣрныхъ бусурманъ, всѣ козаки единогласно дали отвѣтъ, что они готовы предложеніе гетмана съ радостью принять, но затрудняются лишь тѣмъ, что не имѣютъ у себя въ наличности надежныхъ судовъ. Во всей Сичи только и есть 50 челновъ, да и тѣ безъ починки не могутъ въ дѣло идти: для нихъ нужны и смола и пенька, и другіе припасы. Десятокъ же, другой

---

[1]) Архивъ мин. юстиціи, 1696, кн. 76, л. 138, 470, 483.

[2]) Архивъ мин. юстиціи, 1696, кн. 76, л. 528.

судовъ, добытыхъ козаками передъ тѣмъ у бусурманъ, можно найти и возлѣ самой Сичи, но они слишкомъ расшатаны отъ частаго плаванія по водамъ и потому требуютъ слишкомъ большой починки и упорнаго труда. Правда, во всемъ Запорожьѣ имѣется достаточное число судовъ, но на нихъ выплыли изъ Сичи и изъ Таванскаго городка въ море до 1000 человѣкъ запорожскихъ промышленныхъ козаковъ; они сѣли по 30 человѣкъ въ каждый челнъ и захватили съ собой три пушки въ походъ.

Находясь въ Сичи, гетманскій гонецъ самъ видалъ, какъ туда шли многіе городовые козаки, прослышавшіе о имѣющей быть раздачѣ царской казны всѣмъ охотникамъ до воинскаго похода противъ бусурманъ. Тамъ же гетманскій гонецъ узналъ и о набѣгахъ татаръ на области Запорожья: въ первый разъ татары, въ числѣ 500 человѣкъ, дѣлали подбѣгъ къ самарскимъ городкамъ и захватили въ нихъ нѣсколько человѣкъ людей и нѣсколько головъ лошадей; въ другой разъ, передъ праздникомъ святаго Георгія, татарскій чамбулъ захватилъ на рыбной ловлѣ, ниже Таванскаго городка, на Днѣпрѣ, 80 человѣкъ запорожскихъ козаковъ. Христіанскіе-же выходцы принесли изъ Крыма такую вѣсть, что турецкій султанъ уже отдалъ было приказъ крымскому хану идти въ венгерскую землю войной, но ханъ на указъ султана далъ отвѣтъ, что предпринимать ему далекій походъ ни въ коемъ случаѣ нельзя, потому что онъ ждетъ прихода на Крымъ московскихъ и козацкихъ войскъ и что запорожцы уже разгуливаютъ по Черному морю на своихъ челнахъ.

Отпуская отъ себя гетманскаго гонца, козаки вручили ему для передачи Мазепѣ собственное письмо, въ которомъ, поблагодаривъ гетмана за его желаніе «расширить и умножить честь всего православнаго христіанскаго воинства», съ тѣмъ вмѣстѣ просили его прислать въ Сичь хлѣбные запасы и денежную казну, за что обѣщались за монаршескій престолъ, за счастливое панованіе гетмана и за всѣхъ православныхъ христіанскихъ людей, сколько Богъ подастъ имъ помощи и силъ, воевать противъ невѣрныхъ бусурманъ. Все войско и теперь готово воевать противъ своихъ исконныхъ враговъ, но для этого требуется имѣть нѣсколько морскихъ челновъ. Хотя запорожцы и сами имѣютъ кое-какіе подъ рукой челны, но тѣ челны слишкомъ мелки и годны только для Днѣпра; пускаться-же въ нихъ въ «столь мятежное море» никакъ нельзя. Правда, было у запорожцевъ 10 легкихъ водныхъ судовъ,

но въ нихъ вышли въ море 500 человѣкъ промышленыхъ козаковъ. Поэтому войско проситъ гетмана приложить стараніе изготовить подошвы и дерево для 40 морскихъ струговъ, а къ тому дереву закупить желѣза, канатовъ, смолы, конопати, полотна и якорей, и все то доставить въ самую Сичь, а вмѣстѣ съ тѣмъ прислать хлѣбные запасы и царскую казну на раздѣлъ между казаками «для мушкетной стрѣльбы».

Сильно не понравилась Мазепѣ такая рѣчь запорожцевъ, и потому едва Сидоръ Горбаченко вернулся въ Батуринъ, какъ гетманъ вновь послалъ въ Сичь своего гонца съ обширнымъ листомъ. Въ этомъ листѣ онъ писалъ, что не такой надѣялся получить отъ нихъ отвѣтъ, какъ получилъ: онъ разсчитывалъ, что запорожцы безотлагательно пойдутъ въ походъ и тѣмъ немедленно учинятъ помѣшку противъ бусурманъ и не позволятъ имъ подать помощи подъ городъ Азовъ. И вмѣсто всего того запорожцы поютъ одно, что у нихъ не на чѣмъ въ море уйти и потому требуютъ сооруженія сорока морскихъ челновъ со всякими принадлежностями къ нимъ. Но пока будутъ сдѣланы требуемые струги, чрезъ то уйдетъ не мало времени, и удобная минута для нападенія на враговъ невозвратно минетъ. По всему этому гетманъ находитъ «непристойною рѣчью» рѣчь запорожцевъ о требованіи ими хлѣбныхъ запасовъ и денежной казны, въ припасахъ, и въ казнѣ, впредь до монаршаго распоряженія, даетъ имъ отказъ; относительно морскихъ челновъ совѣтуетъ самимъ изготовить ихъ и, какъ можно скорѣй, идти на нихъ въ море противъ бусурманъ [1]).

Отправивъ такой внушительный листъ въ запорожскій Кошъ, гетманъ Мазепа въ слѣдъ затѣмъ, мая 6 дня, отправилъ «нижайшее» письмо въ Москву. Въ этомъ послѣднемъ письмѣ Мазепа сообщалъ, что онъ посылалъ своего нарочнаго гонца въ запорожскую Сичь и черезъ того гонца приглашалъ козаковъ идти въ морской походъ, объявивъ имъ о пожалованіи изъ монаршей казны тысячи рублей на закупку хлѣбныхъ запасовъ и на постройку морскихъ челновъ. На это предложеніе запорожскіе козаки «показали охоту и обѣщали особенное тщаніе къ тому приложить», но въ то-же время объявили о томъ, что у нихъ нѣтъ для морского похода никакихъ средствъ и потому просили доставить къ нимъ изъ

[1]) Архивъ мин. юстиціи, 1696. кн. 76, л. 517—533.

городовъ подошвы, доски, желѣзо, смолу, конопати, полотно и нѣсколько якорей для сорока челновъ, а кромѣ того требовали немедленно прислать въ Сичь пожалованную государемъ тысячу рублей на военные запасы и на флотъ. Однако, гетманъ нашелъ за лучшее царскихъ денегъ и хлѣбныхъ запасовъ къ запорожцамъ не посылать изъ опасенія того, чтобы они безъ дѣла не издержали казны и не разобрали хлѣбныхъ запасовъ «безъ оказанія службы» по куренямъ и чтобы «чрезъ-то самому гетману такое дѣло въ неразсмотрѣніе не было причтено». Къ тому-же и нѣкоторые изъ самихъ запорожскихъ козаковъ, «доброратные и усердные къ государю и къ самому гетману», также не совѣтовали посылать въ Сичь ни хлѣбныхъ запасовъ, ни жалованной казны. Но гетманъ проситъ самого государя разрѣшить этотъ вопросъ: то-есть задержать-ли жалованные козакамъ хлѣбные запасы, или-же немедленно ихъ въ Сичь отослать.

Ставя Петру на разрѣшеніе такой вопросъ, гетманъ Мазепа въ тоже время спрашивалъ государя, въ какую пору выходить ему съ полками и гдѣ соединиться съ воеводой Борисомъ Петровичемъ Шереметевымъ, чтобы въ предстоящее лѣто на службѣ великаго государя состоять: «Въ кои числа изъ домовъ подниматься и гдѣ съ бояриномъ и воеводой соединитися имѣемъ, а если подъ Очаковомъ промыслы военные можно чинити будетъ, то о томъ тщаніе наше будетъ прилежное; только-жъ сего лѣта рѣка Днѣпръ такая быти оказуется, что нынѣ даже раннею весной въ ней очень мало воды, а погоды скуднѣйшія быть имѣютъ,—трудно будетъ переправлять черезъ пороги водяныя суда: для того нужны большія суда. Доносятъ мнѣ приднѣпровскіе побережные люди, что какъ сіце съ зимы въ Днѣпрѣ оказалось мало воды, такъ и теперь часъ отъ часу все уменьшается».

Отвѣтъ на гетманскій запросъ послѣдовалъ мая 20 числа. Царь Петръ Алексѣевичъ вполнѣ одобрялъ гетмана за его распоряженіе относительно сбора всѣхъ войскъ у рѣки Псла, но касательно времени выхода въ воинскій походъ оставлялъ это дѣло на разсужденіе его самого и воеводы Бориса Петровича Шереметева. Къ запорожскимъ-же козакамъ царь приказалъ написать письмо съ тѣмъ, чтобы они въ предстоящее лѣто шли на Черное море для чиненія воинскаго промысла надъ бусурманами и для отвращенія непріятельскихъ силъ отъ турскаго города Азова. Тѣмъ-же изъ нихъ, которые находились вмѣстѣ съ русскими ратниками въ Та-

-ванскомъ городкѣ, велѣлъ послать изъ Кіева на Переволочну 3000 четей хлѣбныхъ запасовъ и ржаной муки [1]).

Въ то время, когда шли эти пересылки между гетманомъ и царемъ, запорожцы, въ числѣ 500 человѣкъ, подъ начальствомъ атамана Чалаго [2]), выплыли въ море противъ бусурманъ. Разгуливая по морю на своихъ чайкахъ, сичевики напали на турецкія суда, сцѣпились съ тѣми судами въ абордажъ, взяли 8 судовъ, шедшихъ съ хлѣбными запасами въ Очаковъ, и 9 съ разными товарами, многихъ турокъ отдали морскимъ волнамъ, многихъ забрали въ полонъ и привели въ запорожскую Сичь [3]).

И гетманъ Мазепа только теперь нашелъ нужнымъ послать въ запорожскую Сичь черезъ батуринскаго сотника Дмитрія Нестеренка милостивый царскій указъ, 1000 рублей денегъ на постройку морскихъ судовъ, нѣсколько бочекъ хлѣбныхъ запасовъ валкою въ двѣсти подводъ и кромѣ того въ подмогу для борьбы противъ бусурманъ снарядилъ полковника Константина Мокіевскаго съ кіевскимъ полкомъ, но за все то потребовалъ отъ запорожцевъ немедленнаго выхода въ днѣпровскій лиманъ [4]).

Но запорожцы за нѣсколько времени до полученія указа уже дѣйствовали противъ бусурманъ. Въ половинѣ іюня бывшій кошевой атаманъ Иванъ Гусакъ съ товариствомъ въ нѣсколько сотъ коней вышелъ въ «дикія поля для взятья языка» и залегши на шляху на Конской рѣкѣ, сталъ тамъ подстерегать прихода татаръ. Тутъ натолкнулся на Гусака загонъ татаръ изъ 37 человѣкъ, высланный ханомъ для захвата «русскаго языка о малороссійскихъ православныхъ воехъ» подъ городъ Новобогородицкъ. Этотъ загонъ напрасно провелъ нѣсколько дней подъ Новобогородицкимъ городкомъ и уже повернулъ назадъ. Запорожцы, увидѣвъ скачущій по степи татарскій загонъ, погнались за нимъ въ слѣдъ и добѣжали до урочища Токмача; тутъ они напали на бусурманъ, нѣсколькихъ человѣкъ убили, одного, по фамиліи Булай, взяли въ полонъ живьемъ. Вернувшись въ Сичь, козаки представили Булая кошевому Морозу, а Морозъ плѣннаго татарина отправилъ съ участни-

---

[1]) Архивъ мин. юстиціи, 1696, кн. 76, л. 517—533.

[2]) По Бантышъ-Каменскому имя Чалого было Яковъ: Исторія М. Россіи III, 30.

[3]) Бантышъ-Каменскій, Исторія Малой Россіи, Москва, 1822, III. 30.

[4]) Архивъ мин. ин. дѣлъ; мал. под. акты, 1696, св. 11, № 1047 — 1030 1699 годъ, св. 107, № 18; Архивъ мин. юстиціи, 1696, кн. 76, л. 528.

ками дѣла, Костею Гордіенкомъ и Ѳедоромъ Макдякомъ съ товарищами, къ гетману Мазепѣ въ таборъ на рѣку Коломакъ. Мазепа донесъ о томъ іюля 4 числа въ Москву. Пользуясь такимъ случаемъ, гетманъ извѣщалъ государя о планахъ татаръ. Когда русскія войска, писалъ Мазепа со словъ плѣннаго татарина Булая, стали собираться возлѣ Бѣлгорода, а самъ гетманъ, переправившись съ войскомъ черезъ рѣку Псел, направился прямо къ Коломаку трактомъ, идущимъ на Самарь, то крымскій ханъ, захвативъ на рѣкѣ Волчьей, впадающей въ Самарь, рыбныхъ промышленниковъ, узнавъ о движеніи русско-козацкихъ войскъ, вышелъ на Сивашъ, между Перекопомъ и Чангарами, у Гнилого моря, и собралъ тамъ генеральную раду. На радѣ было рѣшено ждать приближенія русско-козацкихъ войскъ къ рѣкѣ Конкѣ и тамъ дать имъ рѣшительный бой, загородивъ дальнѣйшій путь въ Крымъ. Занявъ позицію въ Сивашѣ, ханъ подъ Азовъ отправилъ нурродинъ-салтана съ 10,000 войскъ. Независимо отъ хана подъ Азовъ послано было въ три пріема 45 турецкихъ каторгъ. Самъ турецкій султанъ нѣсколько разъ отправлялъ къ крымскому хану приказъ о томъ, что-бы онъ шелъ безъ всякой отговорки со всѣми своими ордами, въ помощь туркамъ, противъ нѣмецкихъ войскъ. Но ханъ далъ султану рѣшительный отказъ, ссылаясь на опасность со стороны русскихъ, которые, идя подъ Азовъ, могли завернуть въ Крымъ и поплѣнить тамъ у татаръ женъ и дѣтей. Ханъ послалъ только своего сына Казы-Герая къ бѣлогородской ордѣ, занявшей положеніе около рѣки Днѣстра и ждавшей ханскаго приказанія въ виду предстоящей войны [1]).

Но услуга запорожцевъ русскому царю и гетману этимъ не исчерпывалась. Получивъ денежную казну, а вмѣстѣ съ ней «поважную» царскаго величества грамоту и съ тѣмъ вмѣстѣ «певную» часть хлѣбныхъ запасовъ, запорожцы отправили изъ Коша государю благодарственное отъ всего товарищества письмо и въ томъ письмѣ объявили, что они «съ охочимъ» сердцемъ выбрались (іюня 30 дня), въ числѣ 1740 человѣкъ подъ предводительствомъ кошевого атамана Якова Мороза, къ Черному морю на только что сдѣланныхъ морскихъ челнахъ въ плавный походъ и имѣютъ искренюю готовность, на сколько подастъ имъ Господь Богъ силъ,

---

[1]) Архивъ мин. ин. дѣлъ; мал. подл. акты, 1696, св. 11, №№ 1041—1024, 1045—1028, 1047—1030.

чинить промыселъ противъ бусурманъ, враговъ православной вѣры и святого креста [1]).

Въ свою очередь о выходѣ запорожцевъ въ море извѣстилъ царя Петра и гетманъ Мазепа [2]). Самъ гетманъ, отправивъ къ Азову 15,000 войска подъ начальствомъ Якова Лизогуба, іюля 6 дня сошелся на рѣчкѣ Коломакѣ съ бояриномъ Шереметевымъ, спустился оттуда до рѣчки Берестовой, гдѣ простоялъ таборомъ до послѣднихъ чиселъ іюля, оберегая границы Украйны отъ внезапнаго набѣга татаръ.

Тѣмъ временемъ кошевой Яковъ Морозъ, ватажный атаманъ Чалый и полковникъ Мокіевскій, выйдя изъ Сичи, спустились вмѣстѣ по Днѣпру до такъ называемаго Козьяго-Рога или Кызымыса [3]). У Козьяго-Рога Мокіевскій отдѣлился отъ запорожскихъ козаковъ, но тутъ-же скоро узналъ, что часть оставленнаго имъ на островѣ Тавани войска, возстала противъ него и выбрала полковникомъ хорунжаго Сергѣя Солонину. Тогда Мокіевскій нашелъ нужнымъ вернуться въ Сичь и изъ Сичи немедленно гетману Мазепѣ о происшедшемъ въ Тавани сообщить. Гетманъ Мазепа, для разузнанія объ истинномъ положеніи дѣлъ, отправилъ отъ себя генеральнаго хорунжаго Ефима Лизогуба, Солонину-же отъ полковничьяго чина велѣлъ отрѣшить и вмѣсто него вновь Мокіевскаго возстановить.

Между тѣмъ кошевой Морозъ, ватажный атаманъ Чалый и запорожскіе козаки продолжали свой походъ въ низовье Днѣпра. Уже въ іюлѣ мѣсяцѣ, выплывъ въ открытое море изъ лимана Днѣпра, они раздѣлили на двѣ части весь свой флотъ, и одна часть, 340 человѣкъ съ Чалымъ во главѣ, отправилась къ крымскому городу Хозлеве́, на козацкомъ языкѣ Козловъ [4]), а Яковъ Морозъ остался въ морѣ гулять.

Не доходя пяти верстъ до города Хозлеве́, атаманъ Чалый оставилъ всѣ свои чайки у крымскихъ береговъ, самъ-же съ ватагой вышелъ на материкъ и сдѣлалъ набѣгъ на вежи осѣдлыхъ татаръ. Разоривъ два татарскихъ села и взявъ въ плѣнъ 62 человѣка мусульманъ, Чалый снова вернулся къ своимъ челнамъ и, благополучно сѣвши въ нихъ, поплылъ назадъ моремъ въ днѣпров-

---

[1]) Архивъ мин. ин. дѣлъ; подл. тал. акты, 1696, св. 11, № 1048—1031.

[2]) Архивъ мин. ин. дѣлъ; подл. тал. акты, 1696, св. 11, № 1048—1031

[3]) Съ татарскаго на русскій «кызы»—дѣвица; отсюда Кызымысъ значитъ мысъ дѣвицы, т. е. мысъ недоступный какъ дѣвица.

[4]) Теперешній южнаго берега Крыма городъ Евпаторія.

скій лиманъ. Уже козаки успѣли приблизиться къ турецкому городу Очакову, но тутъ противъ нихъ выстроилось нѣсколько турецкихъ каторгъ и фуркатъ, и они поспѣшили пристать къ Козацкому острову и окопаться въ немъ. Два дня они отбивались отъ бусурманъ, а въ ночь со второго на третій день снова сѣли въ лодки и поплыли вверхъ. Дойдя до Стрѣлицы и до урочища Сагайдачныхъ кучугуръ, козаки увидали, что воднымъ путемъ идти имъ дальше нельзя, а потому высадились на лѣвый берегъ Днѣпра и пошли пѣшкомъ въ ольховый лѣсъ. Но здѣсь на нихъ напали— крымскій ханъ съ одной стороны и гнавшіеся за ними по морю янычары съ другой и, «обточивши ихъ дробною, огнистою и арматною стрѣльбою», безпощадно разили со всѣхъ сторонъ. Козаки, по разсказу одного изъ соучастниковъ дѣла, Данила Татарчука, мужественно защищались въ теченіе всего августа 27 дня, но подъ конецъ, обезсиленные отъ недостатка воды и уставшіе отъ потери физическихъ силъ, рѣшили сдаться вмѣстѣ съ добытымъ ясыремъ въ руки бусурманъ. Чалый, убившій двухъ турокъ, заранѣе предсказалъ самъ себѣ смерть отъ враговъ. И дѣйствительно, по приходѣ къ нимъ, онъ былъ убитъ. Остальные козаки, числомъ 340 человѣкъ, были взяты живьемъ и отправлены въ Очаковъ въ плѣнъ. Ханъ, получивъ плѣнныхъ козаковъ, даровалъ имъ жизнь и пожелалъ обмѣнять ихъ на плѣнныхъ мусульманъ [1]).

Въ то время, когда одна часть запорожскихъ козаковъ подвизалась на низовьяхъ Днѣпра, другая часть ихъ дѣйствовала на Черномъ морѣ противъ бусурманъ. Здѣсь управлялъ самъ властный кошевой атаманъ Яковъ Морозъ, командовавшій надъ козаками въ 40 морскихъ челнахъ. Замѣтивъ гдѣ-то въ морѣ турецкій флотъ, козаки внезапно бросились на него, разбили три турецкихъ судна и при этомъ захватили 5 турецкихъ писемъ, которыя визирь везъ съ собою къ хану въ Крымъ. Послѣ всего этого козаки повернули съ моря въ устье Днѣпра, но тутъ имъ заступили мѣсто съ двухъ сторонъ скопища бусурманъ: на гирлѣ турецкія войска, съ поля ханъ со своею ордой. Бусурмане стали дѣлать «наступы» на козаковъ и много имъ «наскучать». Кошевой атаманъ сперва далъ имъ бой, но потомъ, разсудивъ, что онъ не можетъ съ товарищами своими подняться вверхъ по Днѣпру, присталъ до Стрѣлицы, всѣ суда и вещи въ рѣкѣ потопилъ, а самъ съ войскомъ и съ

[1]) Архивъ мин. юстиціи, 1696, кн. 78, л. 69 и 83.

языками, числомъ 27 человѣкъ, пѣшъ ночью промежъ ордами до Таванскаго острова и оттуда до Сѣчи въ цѣлости пришелъ. Изъ Сѣчи кошевой, собравъ большую депутацію въ 600 человѣкъ козаковъ, всѣ турецкія письма съ собственнымъ листомъ гетману Мазепѣ отослалъ. Въ своемъ письмѣ Яковъ Морозъ писалъ такъ: «Получивъ высокопочтенную государскую грамоту и отцовское вашей вельможности повелѣніе, посланное войску запорожскихъ козаковъ, о выходѣ въ Черное море противъ враговъ, мы сдѣлали то не словомъ, но по своему древнему отважному рыцарскому промыслу, совершили то самымъ дѣломъ, лишь только намъ выпало къ тому время. Выплывъ на Черное море въ 40 судахъ, которыя могли сдѣлать только отъ убожества своего, мы, не морща чела, знатно отвагами своими стали противъ непріятелей святого креста и, встрѣтясь къ каторгами на морѣ, сильно ударили на нихъ; однако, вслѣдствіе малости своихъ судовъ, не могли имъ сдѣлать большого зла, хотя и одержали побѣду надъ нѣкоторыми изъ нихъ. Послѣ этого, повернувъ воднымъ путемъ въ гирло Днѣпра, мы увидѣли много поганскихъ силъ, оттого пристали къ другой, со степи, сторонѣ и пѣшіе ушли вдоль Днѣпра. Нынѣ съ нововзятыми языками посылаемъ то знатное товариство наше съ двумя полковниками, Григоріемъ Сагайдачнымъ, Петромъ Сорочинскимъ и съ тремя ватажными асаулами, которые въ трудахъ обрѣтались вашей милостиваго добродѣя вельможности, и покорное прошеніе приносимъ, чтобы ваша вельможность, посмотрѣвъ на такіе труды и рыцарскія отваги ихъ, изволили отпустить ихъ къ пресвѣтлому монаршескому престолу, дабы они отъ царскаго пресвѣтлаго величества могли пріобрѣсти себѣ милость. Чрезъ то-же товариство, ѣдущее къ вельможности вашей, посылаемъ для передачи его царскому пресвѣтлому величеству наше желательное прошеніе: изготовить намъ для морскихъ походовъ на 40 струговъ подошвы, досокъ, желѣза, якорей, парусовъ и другихъ необходимыхъ къ тому вещей и къ предстоящей осени прислать; о послѣднемъ мы особый листъ и къ его царскому пресвѣтлому величеству посылаемъ. Мы-же, войско запорожское низовое, подѣлавъ изъ тѣхъ пожитковъ собственными руками струги морскіе, будемъ всеусердно и вѣрно служить найяснѣйшему монаршескому престолу, а вашей вельможности наносить нескончаемую славу» [1]).

---

[1]) Архивъ мин. ин. дѣлъ; мал. дѣла, 1696, св. 100, № 43.

За это время, іюля 17 числа, русскими войсками, подъ начальствомъ самого царя Петра, малороссійскими козаками, подъ командой наказного гетмана Якова Лизогуба, взятъ былъ турецкій городъ Азовъ. Послѣ счастливой побѣды царь Петръ Алексѣевичъ послалъ Мазепѣ письмо и въ немъ требовалъ на радостяхъ гетмана къ себѣ. Мазепа немедленно выѣхалъ на встрѣчу государю и нашелъ его въ слободскомъ городкѣ Острогожскомъ или Рыбномъ.

Въ отсутствіи Мазепы, августа 20 числа, названные запорожскіе полковники, асаулы и козаки, въ числѣ 600 человѣкъ, пришли въ Батуринъ, но увидѣли гетмана только въ сентябрѣ, 14 числа, по возвращеніи его домой.

Мужественные подвиги запорожцевъ въ открытомъ морѣ, ихъ героическая стойкость въ борьбѣ съ многочисленнымъ врагомъ въ низовьи Днѣпра, трагическая кончина одного изъ ихъ вождей давали козакамъ полное основаніе разсчитывать на большую награду со стороны царя и должное вниманіе со стороны гетмана. Но гетманъ Мазепа, самъ не обнажившій сабли за интересы русскаго царя, при всемъ томъ получившій отъ него большіе дары, выступилъ ярымъ защитникомъ царскихъ интересовъ, когда къ нему явились запорожскіе депутаты съ просьбой разрѣшить имъ свободный проѣздъ въ Москву. Опираясь на указы прежнихъ царей о непропускѣ въ столицу запорожцевъ въ слишкомъ большомъ числѣ, Мазепа не сдѣлалъ исключенія и на этотъ разъ: онъ отправилъ представленіе къ царю о пріѣздѣ запорожскихъ депутатовъ въ числѣ 600 человѣкъ и отъ себя лично подавалъ мысль дозволить пріѣздъ въ Москву только двумстамъ козакамъ, а остальнымъ четыремстамъ оставаться въ Батуринѣ и въ немъ ждать возвращенія своихъ товарищей изъ Москвы. Молодой царь, находившійся подъ обаяніемъ недавняго свиданія съ Мазепой, обольщавшимъ всѣхъ своимъ польско-іезуитскимъ обращеніемъ, во всемъ согласился съ представленіемъ гетмана Мазепы и приказалъ четыремстамъ козакамъ остаться въ Батуринѣ, а двумстамъ позволилъ явиться въ Москву. Но запорожцы, чувствуя за собой нравственное право, отказались принять такую честь. Запорожскіе-же вожаки въ рѣшительномъ тонѣ объявили, что «въ двухсотенномъ числѣ» они отнюдь въ Москву не пойдутъ, потому что оставленные при гетманѣ 400 человѣкъ козаковъ не только лично полковниковъ, но и всю старшину, ѣдучи въ Сичь, въ дорогѣ перебьютъ. Въ Сичи и

теперь послѣ похода козаковъ въ Черное море съ ватагомъ Чалымъ, когда часть ихъ была перебита, часть забрана въ плѣнъ, все еще имѣется большая масса войска, ходившая, по волѣ царя, въ Черное море противъ бусурманъ, въ настоящее время отправившая своихъ посланцевъ къ гетману Мазепѣ и ждущая воздаяній за свои труды.

Получивъ такой отвѣтъ, гетманъ Мазепа вновь запросилъ царя, что предпринять противъ запорожскихъ козаковъ, которые, стоя долго въ украинскихъ городахъ, «обыклымъ своимъ непостоянствомъ въ конецъ притѣсняютъ и разоряютъ малороссійскихъ людей».

. На второй гетманскій запросъ царь отвѣчалъ, что изъ всѣхъ 600 запорожцевъ никого не слѣдуетъ пускать въ Москву. Однако, въ виду того, что они на Черное море ходили, три корабля турецкихъ разгромили и бусурманъ въ плѣнъ много побрали а также въ виду того, чтобы они и впредь вѣрно ему, великому государю, служили и надъ непріятелями промыслъ сухимъ путемъ и моремъ чинили, великій государь послалъ имъ жалованья по 1 рублю на человѣка, а всѣмъ вмѣстѣ 600 рублей, кромѣ того по аглинскому сукну, мѣрою по 5 аршинъ; зато впредь ту дачу ихъ братьѣ, запорожскимъ козакамъ, ни въ образецъ, ни въ примѣръ не выписывать. Деньги-же и сукна съ подьячимъ Аѳонасіемъ Пеховымъ приказалъ прямо въ Батуринъ отослать и тамъ «велѣлъ гетману ихъ шести-стамъ человѣкамъ роздать, самихъ-же (козаковъ) изъ малороссійскихъ городовъ въ Запорожье отпустить, а къ Москвѣ не отпускать» [1]). Но пока царское жалованье пришло въ Батуринъ, тѣмъ временемъ запорожцы, снявшись со становищъ, какія имъ были показаны въ малороссійскихъ городахъ, «путь свой къ Сичѣ завзяли», и гетманскіе посланцы догнали ихъ уже возлѣ перевоза Переволочны и тамъ «съ рукъ въ руки порядне козакамъ царскую казну передали» [2]).

Не дождавшись возвращенія шести-сотъ человѣкъ своихъ посланцевъ, запорожцы и кошевой атаманъ Яковъ Морозъ, сентября 11 дня, отправили къ Мазепѣ новыхъ своихъ товарищей, полковниковъ Герасима Крысу и Ивана Сухого, съ партіей въ 80 человѣкъ, съ каждаго куреня, какъ у нихъ водилось, по два

---

[1]) Архивъ мин. ин. дѣлъ, 1696, св. 100, № 30.

[2]) Архивъ мин. ин. дѣлъ, 1696, св. 11, № 1067—1050.

козака, «съ просьбой пропустить всѣхъ въ Москву, гдѣ они имѣють просить царя прислать войску жалованья въ 1.300 рублей и дозволить обмѣнять 340 плѣнныхъ козаковъ, взятыхъ въ неволю съ ватажнымъ атаманомъ Чалымъ у устья Днѣпра, на 340 мусульманъ. Изложивъ все это въ своемъ письмѣ, запорожскіе козаки просили гетмана не оставлять ихъ своими вѣстями о будущихъ предпріятіяхъ войны, чтобъ не быть имъ въ такомъ невѣдѣніи, какъ были они при взятіи города Азова отъ русскихъ войскъ [1]).

Когда новые посланцы прибыли въ Батуринъ, то ихъ оказалось вмѣсто восьмидесяти стодесять человѣкъ. Тогда гетманъ Мазепа 30 человѣкъ изъ нихъ удержалъ при себѣ, чтобы козаки въ проѣздахъ людямъ жилымъ да и въ городѣ Москвѣ не докучали казнѣ, а остальныхъ направилъ въ Сѣвскъ, надѣясь на то, что отсюда ихъ въ такомъ большомъ числѣ не пропустятъ въ Москву [2]).

Царь Петръ Алексѣевичъ, сильно недовольный вслѣдствіе присылки такой многолюдной депутаціи отъ запорожскаго Коша, вновь предписалъ гетману не допускать въ такомъ большомъ количествѣ запорожскихъ посланцевъ въ столицу.

Гетманъ Мазепа, получивъ такой приказъ, поторопился послать царю вѣрноподданническій листъ, въ которомъ писалъ, что запорожцы въ «своихъ дѣлахъ люди прикрые, въ прошеніяхъ докучливые»; что, не смотря на представляемые имъ доводы, они никакого на то вниманія не обращаютъ и всегда требуютъ, чтобы имъ позволено было ѣхать въ Москву въ такомъ числѣ, какое написано въ войсковомъ ихъ отъ кошеваго къ гетману письмѣ; что потому лучше было-бы послать царскую грамоту въ самую Сичь кошевому атаману и всѣмъ козакамъ, дабы они «великолюдныхъ купъ» въ Москву не смѣли посылать и тѣмъ докуки великому государю не дерзали наносить; теперь-же, отпуская 80 человѣкъ запорожскихъ посланцевъ въ Сѣвскъ, гетманъ разсуждалъ такъ, что имъ тамъ будетъ переборъ, и что только часть ихъ будетъ отпущена въ Москву, а часть возвращена назадъ; это было-бы тѣмъ именно хорошо, что тогда-бы они могли наконецъ понять, что пропускъ ихъ въ большомъ числѣ въ Москву воспрещается не-

---

[1]) Архивъ мин. ин. дѣлъ; мал. подл. акты, 1696, св. 11, № 1055—1038.

[2]) Архивъ мин. ин. дѣлъ; мал. подл. акты, 1696, св. 11, № 1059—1042.

по «вымыслу» гетмана, а по указу самого государя. Впрочемъ, осудивъ такъ запорожцевъ, просилъ государя взять то въ разсчетъ, что въ виду существующей противъ бусурманъ войны, въ настоящее время запорожцевъ не слѣдуетъ оскорблять, а нужно всячески къ военнымъ дѣламъ приспособлять [1]).

Но запорожцы все еще не могли никакъ уняться, и въ слѣдъ за отъѣздомъ названныхъ полковниковъ изъ Сѣчи, кошевой атаманъ Морозъ написалъ гетману Мазепѣ новое письмо о выѣздѣ въ Батуринъ двухъ куренныхъ, Тимофея ктитаровскаго куреня, и Степана, донского куреня, съ шестью товарищами. Кошевой Морозъ просилъ Мазепу пропустить названныхъ атамановъ безъ замедленія въ Москву для челобитья о размѣнѣ взятыхъ въ плѣнъ козаковъ на плѣнныхъ турокъ или татаръ [2]). Послѣднюю просьбу гетманъ Мазепа нашелъ возможнымъ принять безъ возраженія и обоихъ атамановъ немедленно отпустилъ въ Москву.

Въ Москву запорожскіе посланцы прибыли октября 1 дня и тамъ, по пріѣздѣ ихъ, стали наводить справки о томъ, по какой росписи имъ содержаніе выдавать. Для этого нашли «роспись корма и питья», по которой даваны были въ прошломъ 7202 (1694) году, въ ноябрѣ «гетманскимъ посланцамъ, запорожскимъ козакамъ, атаману брюховецкаго куреня Ленде Леску, атаману пашковскаго куреня да четыремъ товарищамъ ихъ, пріѣзжавшимъ для позволенія о размѣнѣ плѣнныхъ запорожцевъ на плѣнныхъ татаръ. Послѣ той справки прибывшимъ козакамъ дано было на пріѣздъ: харчей на 20 алтынъ, вина простого 1½ ведра, меду 3 ведра, пива 6 ведеръ; на время прожитья въ Москвѣ дано всѣмъ—по рублю и по десяти денегъ, для топленія свѣтлицъ и для варенія ѣствъ по 2 воза дровъ, въ два алтына за возъ да по двѣ деньги свѣчъ сальныхъ на сутки; на отпускъ дано—денегъ по 4 рубля, сукна аглинскаго мѣрою по 5 аршинъ, соболей по 1 парѣ каждому козаку въ 2 рубля каждая пара, да въ дорогу дано корму—полотокъ ветчины, четверикъ крупъ, четыре пуда соли, полведра уксусу да вина столько, сколько на пріѣздъ дано [3]).

Взятіе русскими турецкаго города Азова произвело большое впечатлѣніе на современниковъ. Отголосокъ объ участіи запорож-

---

[1]) Архивъ мин. ин. дѣлъ; мал. подл. акты, 1696, св. 11, 1068—1051.

[2]) Архивъ мин. ин. дѣлъ; подл. мал. акты, 1696, № 1038, 1039, 1042.

[3]) Архивъ мин. ин. дѣлъ; мал. дѣла, 1696, св. 100, № 28.

скихъ козаковъ въ обоихъ походахъ подъ Азовъ сохранился въ одной великороссійской народной пѣснѣ, дошедшей до нашихъ дней.

Что пониже было города Саратова,
А повыше было города Царицына,
Пролегала-протекала мать Камышенка-рѣка.
Что на той-ли быстринѣ, на Камышенкѣ-рѣкѣ
Какъ плывутъ тамъ, выплываютъ два снарядные стружка,
А на стружечкахъ гребцы—удалые молодцы,
Удалые молодцы—все донскіе козаки,
Все донскіе козаки да гребенскіе, запорожскіе.
Они весело гребутъ, сами пѣсеньки поютъ:
Они хвалятъ-величаютъ православнаго царя,
Православнаго царя, анпиратора Петра [1]).

---

[1]) Записки одесскаго общества исторіи и древностей, IX, 453.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

Приготовленіе запорожскихъ козаковъ къ новому походу противъ турокъ и татаръ.—Заготовленіе малороссійскими полковниками для плавнаго похода морскихъ челновъ.—Справка Мазепы по поводу высоты воды на порогахъ Днѣпра и донесеніе о томъ полковника Кармазина.—Движеніе гетмана Мазепы и князя Долгорукаго въ 1697 году внизъ по Днѣпру къ турецкимъ городамъ. — Переправа русско-козацкихъ войскъ черезъ пороги Днѣпра.—Встрѣча Мазепы и Долгорукаго запорожцами близъ Чортомлыцкой Сѣчи.—Прибытіе военачальниковъ къ турецкимъ городкамъ и укрѣпленіе русскими городка Тавани.—Возвращеніе военачальниковъ назадъ и передача ими охраны крѣпости отряду московскихъ войскъ и запорожскихъ козаковъ.—Возвращеніе запорожцевъ въ Сѣчу, не смотря на предписаніе гетмана оставаться на Низу Днѣпра. — Отправка Мазепой и Долгорукимъ большого отряда войскъ къ Тавани и выступленіе запорожцевъ на помогу тому отряду.—Дѣйствія запорожцевъ у Тавани и награда гетману отъ царя.

Взятіе русскими города Азова вызвало месть со стороны турокъ и татаръ и побудило ихъ идти походомъ на малороссійскіе города, чтобы вознаградить себя за потерю у Азовскаго моря. Вѣсти о такомъ рѣшительномъ намѣреніи бусурманъ принесли въ Старосанджаръ два товарища изъ ватаги погибшаго геройскою смертью атамана Чалаго, Андрушка и Левко, ушедшіе изъ очаковской неволи [1]), и значный товарищъ полтавскаго полка Кирикъ Шарый, прошлой зимой захваченный съ «выросткомъ» сыномъ бусурманами, проходившими черезъ село Петровку [2]) въ Крымъ, служившій потомъ у какого-то татарина подъ Карасевымъ, потомъ бѣжавшій черезъ Сивашъ въ Сѣчь, а изъ Сѣчи черезъ Полтаву въ Батуринъ [3]). Доставленные въ городъ Батуринъ октября 26 дня, запорожскіе выходцы принесли важныя вѣсти о замыслахъ бусурманъ. Взято всѣхъ запорожцевъ съ Чалымъ да съ Богданцемъ въ турецкую неволю 340 человѣкъ. Турки всѣхъ ихъ держать

---

[1]) Архивъ мин. ин. дѣлъ; мал. подл. акты, 1696, св. 11, № 1063—1046.

[2]) Село Петровка въ четырнадцати верстахъ отъ города Полтавы.

[3]) Архивъ мин. ин. дѣлъ; мал. подл. акты, 1696, св. 11, № 1066—1049.

вмѣстѣ и ожидаютъ вѣсти отъ Сѣчи, будетъ-ли или не будетъ за нихъ «замѣна», а «терменъ» (срокъ) той замѣны—30 дней: если за нихъ не будетъ прислана «замѣна», то всѣ они будутъ розданы на каторги и отправлены въ Царьградъ. Но изъ 340 человѣкъ двоимъ, самимъ разскащикамъ, посчастливилось изъ той неволи уйти; а какъ вышли они изъ Очакова, тому недѣли четыре есть. Когда были они въ Очаковѣ, то видѣли, что турки къ старому верхнему каменному городу новый, также каменный, пристроили и тотъ городъ окопали глубокимъ рвомъ, а поодаль отъ того рва за городомъ, отъ моря до моря, обвели вокругъ высокимъ и широкимъ съ раскатами валомъ. Въ тѣхъ городахъ запасено множество арматъ, гранатъ («кгранитовъ»), пороха, пуль («куль») и всякихъ военныхъ припасовъ, каторгами по водѣ доставленныхъ. Войска тамъ съ бѣлогородскимъ пашой десять тысячъ человѣкъ, не считая того, которое на каторгахъ да на «дробныхъ» судахъ состоитъ. Все лѣто стояли тамъ два салтана съ бѣлогородской ордой, а этой осенью вся та орда пошла вверхъ Буга - рѣки, не то въ Полѣсье, не то въ польскіе города. А недѣли за двѣ, за три передъ Дмитріевымъ днемъ [1]) и всѣ каторги и другія суда должны были уйти въ Царьградъ на обычное становище зимнее. На зимнее время и бѣлогородскій паша, оставивъ у Очакова нужное количество войскъ, имѣетъ въ Бѣлогородчину уйти. За четырнадцать дней передъ бѣгствомъ козаковъ въ Очаковъ прибылъ водой до крымскаго хана турецкій посолъ. Въ честь его прихода очаковцы изъ всѣхъ арматныхъ «штукъ» и изъ «дробной стрѣльбы» стрѣляли въ Очаковѣ: тотъ посолъ привезъ имъ вѣсть, будто турское войско въ это лѣто гдѣ-то побило 40.000 нѣмцевъ. Носился также у очаковцевъ слухъ, будто у турокъ съ поляками заключенъ миръ; а какъ только станетъ зима, то всѣ крымскія и бѣлогородскія орды пойдутъ войной въ сегобочную сторону, подъ малороссійскіе города. Ожидая къ предстоящему лѣту прихода русскихъ войскъ, очаковцы отнюдь ничего на зиму не сняли, всѣ сады повырубили, рвы возлѣ огородовъ позакапывали землей, весь посадъ за новымъ рвомъ, отъ поля, очистили и на полѣ, отъ земляного вала, нѣсколько окоповъ сдѣлали [2]). Сами крымцы выгнали всѣ свои «статки» (скотъ) за Перекопъ и обороняютъ ихъ

---

[1]) Дмитріевъ день октября 26 числа.

[2]) Архивъ мин. ин. дѣлъ; мал. подл. акты, 1696, св. 11, № 1065—1048.

двумя салтанами съ значительною частью орды: «А то для того, что въ Крыму въ это лѣто не только хлѣбъ, но даже и трава не родила, и бусурмане ни себя, ни своего статка не могутъ прозимовать; а также для того, чтобы въ будущее лѣто малороссійскаго войска не допустить въ походъ подъ Очаковъ или подъ Перекопъ» [1]).

Но если бусурмане принимали свои мѣры для защиты себя отъ русско-козацкихъ войскъ, то, въ свою очередь, русскіе прибирали всякія средства для нападенія на бусурманъ. Октября 4 дня предписано было царской грамотой гетману Мазепѣ послать на смѣну серденяцкаго полка въ городъ Тавань новый, подъ начальствомъ Дмитрія Чечеля, полкъ; а въ случаѣ прихода подъ тотъ городъ бусурманъ, и самому имѣть «обереженіе и пильное тщательство отъ нихъ». Затѣмъ велѣно изъ Переволочны и изъ Новобогородицкаго городка отправить въ городъ Тавань хлѣбные запасы для русскихъ войскъ, а изъ Тавани взять рваную пушку и въ замѣнъ ея новую послать. Въ случаѣ выхода изъ Таванскаго городка запорожскихъ козаковъ въ Сичь, оставить въ немъ 2.000 человѣкъ военныхъ людей, такъ чтобы 1.000 изъ нихъ была великороссіянъ, 1.000 малороссіянъ. А кошевому атаману и всѣмъ козакамъ написать, чтобы они, въ случаѣ прихода бусурманъ, выходили всѣмъ своимъ войскомъ непріятелей отражать.

По такому предписанію гетманъ уже 15 октября отправилъ на низовье Днѣпра полковника Чечеля. Но полковникъ Чечель, дойдя до Переволочны и переправившись съ лѣваго на правый берегъ Днѣпра, нѣсколько замѣшкался тамъ, поджидая царскихъ хлѣбныхъ запасовъ, которые шли на возахъ въ количествѣ четыреста-четырехъ четвертей. Когда возы дошли до Днѣпра, то, для спѣшности дѣла, ихъ переправили частію у Переволочны, частію у Кодака. Потомъ, соединивъ ихъ въ «дикихъ поляхъ», двинули подъ городъ Тавань. Гетманъ обѣщалъ царю «о цѣлости Тавани имѣть самое усердное стараніе», для чего, уже и теперь послалъ туда собственнаго реймента 1000 человѣкъ. Кошевому атаману онъ отправилъ письмо съ приказаніемъ, дабы онъ, со всѣмъ войскомъ низовымъ, въ томъ «бодро прилежалъ и городъ тотъ въ нерушной цѣлости оберегалъ» [2]). Въ виду предстоящаго похода гетманъ просилъ царя

---

[1]) Архивъ мин. ин. дѣлъ; мал. подл. акты, 1696, св. 11, № 1066—1049.
[2]) Архивъ мин. ин. дѣлъ, мал. подл. акты, 1896, св. 11, № 1068—1051.

«дать милостивое монаршее наставленіе, съ какимъ полкомъ ему противъ тѣхъ непріятелей ополчаться и какъ имъ отпоръ давать», а кромѣ того прислать два можчира [1]) и къ нимъ гранатнаго запаса въ находящіеся при гетманѣ стрѣлецкіе полки [2]).

Тѣмъ временемъ полковникъ Дмитрій Чечель, посланный въ городъ Тавань, прибылъ на мѣсто и своимъ полкомъ смѣнилъ полкъ Гаврила Ясликовскаго, стоявшій тамъ цѣлый годъ на царской службѣ. Къ тому-же времени доставлено было водой 50 возовъ изъ Кіева черезъ Переволочну и Запорожье и 1.200 рублей въ городъ Тавань для 500 человѣкъ запорожскихъ козаковъ, находившихся въ царской службѣ на Таванскомъ острову. Но вѣроятно присланныя деньги не совсѣмъ правильно были распредѣлены, потому что 50 человѣкъ козаковъ оставили городъ Тавань и пошли къ гетману просить себѣ награды сверхъ присланной царской казны, о чемъ гетманъ сообщилъ царю, не зная, какъ съ просителями поступить [3]).

Приготовленія къ походу длились въ теченіе всей зимы 1696 года и въ продолженіе весны слѣдующаго года. Въ ноябрѣ мѣсяцѣ гетманъ Мазепа отправилъ въ Сичь Сидора Горбаченка съ письмомъ къ кошевому атаману Якову Морозу, содержащимъ приказаніе передать посланцу старую разорванную армату, находящуюся въ Таванскомъ городкѣ, для замѣны ея новою арматой меньшихъ размѣровъ. Пользуясь этимъ случаемъ, гетманъ внушалъ запорожскому войску быть вѣрнымъ великому государю, находиться въ гетманскомъ повиновеніи, крѣпко держать Таванскій городокъ и ни подъ какимъ видомъ не допускать къ нему непріятелей святого креста.

Отвѣчая на гетманскій листъ, запорожцы, въ свою очередь пользуясь случаемъ, обратились къ гетману съ просьбой оказать имъ разныя милости. Такъ, они просили его вельможность порадѣть о сичевой церкви пресвятой Богородицы, которая «была искоренена не отъ какого-нибудь нерадѣнія, а единственно отъ напраснаго огня», но теперь снова офундована во славу имени божьяго: кошевой и товариство просятъ гетмана ту «новосозданную церковь взять въ свое призрѣніе», заплатить 1.000 червонцевъ мастерамъ—

---

[1]) Можчиръ, польское moździerz—тоже, что русское мортира.

[2]) Архивъ мин. ин. дѣлъ; мал. подл. акты, 1696, св. 11, № 1069—1052.

[3]) Архивъ мин. ин. дѣлъ, 1696. св. 11, № 1077—1060.

ремесленникамъ и прислать небольшой запасъ борошна для того, чтобы въ той церкви «была предложена» безкровная жертва за пресвѣтлаго монарха и за вельможнаго гетмана. Кромѣ того, запорожцы просятъ гетмана, въ виду распространившихся слуховъ «о переборѣ денегъ чехового хода», т. е. о запрещеніи принимать въ скарбъ малороссійскаго войска старые стертые чехи, отмѣнить такое распоряженіе и оставить въ обращеніи прежнія монеты, потому что уже теперь, черезъ одинъ слухъ, въ народѣ малороссійскомъ происходитъ большое смятеніе, а въ Запорожьи — большая турбація. Запорожцы, имѣя у себя много чеховъ и часто отправляясь въ малороссійскіе города за покупкой борошна или другихъ какихъ-либо предметовъ необходимости, не могутъ платить никому въ городахъ своими деньгами и возвращаются въ Кошъ ничего не купивши [1]). Независимо отъ этого кошевой и все запорожское войско просятъ гетмана прислать въ Сичь подошвъ, досокъ, якорей, желѣза и парусовъ на постройку сорока морскихъ судовъ, за что обѣщаютъ въ точности исполнить всѣ требованія гетмана и при первой возможности выступить въ Черное море противъ бусурманъ.

Гетманъ на этотъ разъ безпрекословно исполнилъ требованіе запорожскаго войска и не замедлилъ отправить изъ города Брянска въ Сичь «къ прежнимъ струговымъ припасамъ», на 40 руговъ желѣзныхъ якорей 40, холста на паруса 8.000 аршинъ, смолы 80 бочекъ, желѣза 480 пудовъ, канатовъ 800 саженъ, веревокъ 7.900 аршинъ [2]). Кромѣ того, особо, въ видѣ подарка, послалъ кошевому атаману Морозу 20 чеховъ талеровъ, судьѣ Власу Опаненку, писарю и асаулу—по 10 талеровъ [3]) и о готовности запорожцевъ идти для борьбы съ бусурманами сообщилъ письмомъ въ Москву, присовокупивъ къ тому предложеніе построить на собственный счетъ 50 морскихъ судовъ [4]).

Царь, получивъ письмо гетмана Мазепы, принялъ предложеніе его съ особеннымъ восторгомъ и отправилъ приказаніе выслать въ Москву запорожскихъ мастеровъ, умѣющихъ строить морскія суда.

По тому царскому приказу кошевой Морозъ послалъ самыхъ лучшихъ мастеровъ, Василія Богуша съ Мартыномъ Романовичемъ

---

[1]) Архивъ мин. ин. дѣлъ; мал. подл. акты, 1696, св. 11, № 1082 — 1065.

[2]) Архивъ мин. ин. дѣлъ; малорос. дѣла, 1699, св. 107, № 18.

[3]) Архивъ мин. ин. дѣлъ; подл. мал. акты, 1696, № 1083—1066.

[4]) Архивъ мин. ин. дѣлъ; подл. мал. акты, 1696, № 1066.

да Авдіемъ, товарищемъ шкуринскаго куреня, которые прибыли въ Москву декабря 11 дня и оттуда отправлены были въ городъ Брянскъ для отысканія годнаго на суда лѣса и для рубки его [1]).

Съ наступленіемъ весны приготовленія къ походу усилились.

Въ февралѣ мѣсяцѣ, въ виду обезпеченія запорожцевъ, на случай похода, послано было въ Сичь черезъ стольника Елеферія Жеребцова, царское денежное жалованье [2]). Но въ это время гетману приходилось усмирять таванскихъ запорожцевъ, которые по жалобѣ на нихъ бѣлгородскаго полковника Станцеля, задержали, безъ всякаго будто-бы повода, государевыхъ ратныхъ людей, били ихъ камнями и полѣньями и едва не убивали до смерти [3]).

Марта 31 дня, 1697 года, гетманъ Мазепа послалъ въ нѣжинскій полкъ универсалъ и въ томъ универсалѣ приказывалъ собрать тысячу подводъ для препровожденія военныхъ и хлѣбныхъ запасовъ до Сичи и оттуда внизъ подъ городъ Кызыкермень [4]).

Апрѣля 27 числа Мазепа получилъ извѣстіе о результатѣ работъ по изготовленію морскихъ судовъ. Посланный имъ въ главные города малороссійскихъ полковъ козакъ Иванъ Сухина доносилъ, что въ теченіе послѣднихъ мѣсяцевъ у малороссійскихъ полковниковъ изготовлено было 70 морскихъ судовъ и 600 рѣчныхъ лодокъ, «на лиманъ и на днѣпровскую воду способныхъ, которыя судна полковники тѣ, съ иного козака по полтинѣ, съ иного по талеру емля, своими деньгами дѣлали». Суда были-бы и раньше готовы, но замедленіе въ постройкѣ ихъ произошло по винѣ трубчевскаго воеводы, запрещавшаго мастерамъ рубить лѣсъ въ зимнее время. Благодаря, однако. настоянію Сухины часть ихъ была окончена къ 27-му апрѣля и тогда-же отправлена подъ командой запорожскаго мастера Богуша къ устью рѣки Десны и Сейма, а часть окончена въ началѣ мая.

Въ виду трудности переправы судовъ черезъ пороги Днѣпра гетманъ позаботился навести справку о томъ, какъ велика въ порогахъ вода и когда удобнѣе всего пускаться съ флотиліей вплавь по Днѣпру. Отвѣтъ на гетманскій запросъ пришелъ апрѣля 27 дня отъ кодацкаго полковника Өедора Кармазина. Полковникъ Карма-

---

[1]) Архивъ мин. ин. дѣлъ; мал. подл. дѣла, 1696, № 1093—1076, св. 101, № 49.

[2]) Архивъ мин. ин. дѣлъ; мал. подл. акты, 1697, св. 12, № 1131—1118.

[3]) Архивъ мин. ин. дѣлъ; мал. подл. акты, 1697, св. 11, № 1116—1098.

[4]) Величко, Лѣтопись, Кіевъ, 1855, III, 431—433.

зинъ доносилъ, что, получивши региментарское письмо, онъ вычиталъ его вмѣстѣ со своимъ товариствомъ въ Кодакѣ и тотъ-же часъ «безо всякой мѣшкоты» отвѣчаетъ, что «вода нынѣ въ порогахъ великая обрѣтается, и будетъ она пребывать, хотя помалу, до святого іерарха Христова, Николая, а послѣ праздника святого Николая черезъ недѣлю начнетъ спадати скорѣе, нежели пребывала, и нынѣ, сими часами, по преполовеніи Господнемъ, часъ и пора самая переправлятись» [1]).

Послѣ всѣхъ этихъ приготовленій назначенъ былъ день похода, мая 25 числа, 1697 года. Въ объявленномъ походѣ русскія войска должны были идти подъ начальствомъ бѣлгородскаго воеводы князя Якова Ѳедоровича Долгорукаго; малороссійскіе козаки -подъ начальствомъ гетмана Ивана Степановича Мазепы.

Лишь только гетманъ двинулся въ походъ, какъ на пути изъ Батурина въ Глуховъ прибыли къ нему 30 человѣкъ запорожцевъ съ нѣкіемъ козакомъ Михайломъ, ушедшимъ изъ турецкой неволи и принесшимъ важныя вѣсти о военныхъ дѣлахъ бусурманъ [2]). Михайло былъ родомъ изъ Печерскаго мѣстечка, взятъ въ плѣнъ бусурманами еще въ малыхъ лѣтахъ, прожилъ у какого-то купца турчина 15 лѣтъ и потомъ бѣжалъ съ нѣсколькими товарищами, когда плылъ на суднѣ изъ Царьграда въ Козловъ, по торговымъ дѣламъ. «Въ это время запорожское сѣчевое товариство, бывшее въ плѣну бусурманскомъ, плывя съ турками Чернымъ моремъ, божіимъ призрѣніемъ и данною ему отъ Бога помощью, посѣкло въ кораблѣ тѣхъ турокъ и сдѣлалось свободнымъ». Прибывъ на турецкомъ кораблѣ до урочища Стрѣлицы, козакъ Михайло и бывшіе съ нимъ запорожскіе товарищи, бросили тамъ свое громоздкое судно, оттуда до самой Сичи добрались пѣшкомъ и тамъ раскрыли всѣ военные планы турокъ и татаръ. По ихъ словамъ, одна часть турецкихъ войскъ, подъ начальствомъ Алимъ-паши, на 3 галіонахъ, 5 каторгахъ, и 20 фуркатахъ, имѣла намѣреніе подойти водой подъ городки Тавань и Кызыкермень; другая, въ числѣ 5.000 человѣкъ, на 5 галіонахъ, 5 каторгахъ и 20 фуркатахъ, уже по-

---

[1]) Архивъ мин: юстиціи; кн. мал. приказа, 1697, кн. 77, л. 277—283.

[2]) У Костомарова сказано, будто-бы вѣсть принесена гетману іюля 6 дня въ Кодакъ (Мазепа, 1885, 145); но самъ Мазепа писалъ къ царю мая 27 дня и говорилъ, что эту вѣсть онъ получилъ, когда шелъ изъ Батурина къ Гадячу: Архивъ мин. юстиціи; кн. мал. приказа, 1697, № 77, листы по буквенной нумераціи 405—415.

шла подъ городъ Азовъ. Впрочемъ, по соображеніямъ самихъ-же выходцевъ, едва-ли войска, которыя посланы подъ Тавань и Кызыкермень, могутъ подойти на такихъ большихъ судахъ къ названнымъ городкамъ,—скорѣе они отправлены для обороны Очакова и для замкнутія со стороны Чернаго моря днѣпровскихъ гирлъ.

Для точной и скорѣйшей передачи добытыхъ свѣдѣній запорожское войско поспѣшило отправить къ гетману названныхъ выходцевъ и придало къ нимъ нѣсколько человѣкъ сичевыхъ козаковъ. Черезъ послѣднихъ войско просило гетмана, какъ можно скорѣй, прислать въ Сичь необходимые для похода запасы и морскіе челны, нужно думать, именно тѣ челны, постройка которыхъ затянулась до весны. Гетманъ Мазепа, принявъ запорожскихъ посланцевъ, выходца Михайла отправилъ въ Москву, а самъ поспѣшилъ выходомъ къ порогамъ Днѣпра [1]).

Раздѣливъ на двѣ части всѣ свои войска, гетманъ Мазепа главной массѣ велѣлъ идти «плавнымъ походомъ» по Днѣпру до Кодака [2]), а самъ съ меньшею массой войскъ пошелъ въ тотъже походъ «землей». Великороссійскія войска, собранныя для похода подъ Кіевомъ, на Днѣпрѣ, должны были слѣдовать за флотомъ малороссійскихъ козаковъ и также идти до Кодака. Самъ начальникъ этихъ войскъ, князь Яковъ Ѳедоровичъ Долгорукій, бывшій до тѣхъ поръ въ городѣ Бѣлгородѣ, двинулся на соединеніе съ гетманомъ сухимъ путемъ, имѣя при себѣ часть пѣхотнаго и коннаго московскихъ полковъ и часть слободскаго козацкаго полка. За Яковомъ Долгорукимъ слѣдовалъ сѣвскій воевода Лука Ѳедоровичъ Долгорукій.

Въ среднихъ числахъ іюня мѣсяца гетманъ Иванъ Мазепа и воевода Яковъ Долгорукій сошлись на рѣкѣ Коломакѣ. Отъ рѣки Коломака они двинулись за рѣку Орель и тамъ съ общаго совѣта рѣшили оставить для охраны малороссійскихъ и слободско-украинскихъ городовъ, на случай внезапнаго нашествія бусурманъ, на рѣкѣ Коломакѣ князя Луку Долгорукаго и на вершинѣ рѣки Орели, выше городовъ, въ урочищѣ Хрещатомъ, миргородскаго полковника Даніила Апостола. Послѣднему данъ былъ приказъ, «абы онъ бодрствовалъ на уторчки непріятельскія и, съ согласія воеводы сѣвскаго, давалъ имъ отпоръ». Кромѣ того, для обереженія

---

[1]) Архивъ мин. юстиціи, 1697, кн. 77, л. 405—415.

[2]) Акты южной и западной Россіи, V, 262, 284.

отъ бѣлогородскихъ татаръ, начальники русско-козацкихъ войскъ особо оставили при днѣпровскомъ берегу бывшаго охотницкаго коннаго полка полковника Илью Новицкаго съ козаками, приказавъ ему «неусыпную имѣть бодрость и осторожность отъ наступленій непріятельскихъ».

Оставивъ рѣку Орель, гетманъ и воевода, іюня 24 дня [1]), пришли обозами «до лѣваго берега Днѣпра, къ Кодацкой пристани, выше днѣпровскихъ пороговъ обрѣтающейся», и тутъ приняли всѣ мѣры къ тому, чтобы благополучно переправить черезъ страшные пороги Днѣпра всѣ свои рѣчныя и морскія суда. Дождавшись прибытія судовъ, гетманъ Мазепа посадилъ на нихъ «военныя строенія» и велѣлъ спускать послѣдовательно весь русско-козацкій флотъ черезъ днѣпровскіе пороги [2]). Переправа черезъ пороги Днѣпра была очень трудная, продолжалась въ теченіи двухъ недѣль и стоила гибели многихъ хлѣбныхъ запасовъ, оружія, судовъ и людей: «Притомъ и люди нѣкоторые изъ войска кончиною смертною отнялись, ибо гдѣ о каменные пороги судно разбилося, тамъ и всѣ хлѣбные и ружейные запасы приходили въ утопленіе, и люди попадали не въ безопаство». Въ то время, когда русско-козацкія войска переправлялись черезъ пороги Днѣпра, въ это время, какъ разъ противъ Кодака, показалась бѣлогородская орда, которая угнала нѣсколько десятковъ запорожскихъ лошадей, а у селитреннаго майдана захватила нѣсколько человѣкъ самихъ козаковъ. Одновременно съ бѣлогородской ордой по другому берегу Днѣпра, ниже того мѣста, гдѣ впадаетъ въ Днѣпръ рѣка Самарь, за переправлявшимися отрядами русско-козацкихъ войскъ наблюдала крымская орда [3]).

Іюля 6 числа гетманъ Мазепа переправился съ лѣваго берега Днѣпра на правый и оттуда послалъ универсалъ всѣмъ наказнымъ полковникамъ объ оставленіи имъ, для охраны украинскихъ городовъ на случай татарскихъ подъѣздовъ, князя Луки Долгорукаго и полковника Даніила Апостола «до властного поворота гетмана

---

[1]) Въ этотъ день гетманъ писалъ письмо царю «въ таборѣ изъ-подъ Кодаку отъ берега днѣпрового іюня 24 дня», которое доставлено было въ Москву іюля 7 дня канцеляристомъ Дублянскимъ; Архивъ мин. юстиціи 1697, № 77, л. 473—476.

[2]) Архивъ мин. юстиціи; кн. мал. приказа, 1697, № 77, л. 473—476.

[3]) Архивъ мин. юстиціи, 1697, кн. 77, л. 473, 476; Величко, Лѣтопись, Кіевъ, 1855, III, 436—439.

и воеводы изъ похода». Когда плавное войско послѣ «зѣло великихъ многоработныхъ трудностей и тяжконосныхъ для ратныхъ людей бѣдствій» перешло, наконецъ, днѣпровскіе пороги, тогда и сухопутныя русско-козацкія войска, стоявшія дотолѣ у лѣваго берега Днѣпра, противъ Кодака, переправились съ лѣваго берега на правый рѣки [1]). Іюля 11 дня, послѣ переправы табора черезъ рѣку Днѣпръ, войска поднялись къ Кодацкой пристани [2]) и двинулись правымъ берегомъ рѣки къ Вильному порогу «до отрадныхъ мѣстъ на пространную и неимѣющую въ себѣ препятствій днѣпровскую воду». Для «осторожности и для страха» отъ непріятельскаго набѣга гетманъ оставилъ у Кодака гадячскаго полковника Михайла Боруховича съ полчанами, невмѣстившимися въ водныя суда. Іюля 13 дня сухопутныя войска были уже у Вильнаго порога, не доходя урочища Кичкаса, и тамъ начали пересаживаться съ обозовъ въ водныя судна, въ чемъ провели времени пять дней; къ тому-же приходилось ждать прибытія нѣкоторыхъ судовъ, такъ какъ далеко не всѣ они успѣли переправиться черезъ пороги Днѣпра; нѣкоторыя изъ этихъ судовъ съ воеводой Семеномъ Неплюевымъ пришли только 15 числа, а нѣкоторыя «и съ 19 по всѣ дни волоклися». Когда было подсчитано число всѣхъ, прошедшихъ пороги, судовъ, то оказалось, что «отъ тѣхъ пороговыхъ жестокостей» пострадало—большихъ, для морской глубины приготовленныхъ, 17 судовъ; а однодревыхъ дубовыхъ и липовыхъ, долгиною немалыхъ, съ камышовой обшивкой, на лиманъ способныхъ, «пошло въ потерку и потеряніе 53 лодки». Іюля 18 числа изъ Таванскаго городка прибѣжалъ гонецъ отъ Василія Бухвостова и объявилъ военачальникамъ, что турки заняли Исламкермень и готовятся взять Шингирей городокъ. Тогда военачальники отправили впередъ себя два вспомогательныхъ отряда,—гетманъ съ Яковомъ Лизогубомъ, князь съ Семеномъ Протасьевичемъ Неплюевымъ, и написали кошевому атаману съ войскомъ, чтобы онъ сообща съ тѣми посланными отрядами шелъ на оборону Таванскихъ городковъ. Сами военачальники іюля 20 сѣли въ водныя лодки и въ полдень того-же дня, при выстрѣлахъ на всѣхъ рѣчныхъ и морскихъ судахъ изъ мелкаго ружья и изъ арматъ, отъ Вильнаго порога двинулись мимо

---

[1]) «Въ переправѣ той черезъ рѣку Днѣпръ войскъ» гетманъ и воевода «немалое познали затрудненіе»: Архивъ мин. юстиціи, 1697, № 77, л. 555—570.

[2]) Архивъ мин. юстиціи; кн. мал. прик., 1697, № 77, л. 555—570.

острова Томаковки плавнымъ путемъ внизъ по Днѣпру. Отходя отъ Вильнаго порога, гетманъ Мазепа оставилъ весь тяжелый обозъ на материкѣ съ лубенскимъ полковникомъ Леонтіемъ Свѣчкой и отдалъ Свѣчкѣ такой приказъ, чтобы онъ со всѣмъ своимъ обозомъ отъ Вильнаго порога перешелъ на островъ Томаковку и тамъ оставался таборомъ «во всякой осторожности» или до дальнѣйшаго указа или-же до гетманскаго поворота снизу вверхъ рѣки Днѣпра. «Для того оставилъ я, писалъ гетманъ въ своемъ письмѣ къ царю, на помянутыхъ мѣстахъ полковниковъ гадячскаго подъ Кодакомъ, а лубенскаго при островѣ, дабы не только грамоты отъ васъ, великого государя, къ намъ надлежащія, и письма наши съ вѣдомостями къ Москвѣ посланныя, могли надлежаще доходити, но и намъ изъ сего воинскаго плавного похода изъ судовъ выгрузиться» [1]).

Когда гетманъ и воевода шли по Днѣпру, то всякій разъ при ихъ остановкѣ на ночь и при «рушеніи» утромъ въ путь, на всѣхъ судахъ войска стрѣляли изъ мушкетовъ и изъ арматъ.

Іюля 22 дня, въ обѣденную пору, военачальники остановились у Чортомлыцкой Сѣчи, въ урочищѣ Каменномъ-Затонѣ, и тамъ встрѣчены были кошевымъ атаманомъ Григоріемъ Яковенкомъ и знатными козаками [2]), которые «привитали» ихъ словомъ побѣды надъ бусурманами. Въ это время воевода князь Яковъ Ѳедоровичъ Долгорукій далъ запорожскимъ козакамъ семь струговъ и по одному талеру на человѣка, а гетманъ Мазепа подарилъ по золотому на 4.000 человѣкъ. Но тутъ-же оба военачальника дали приказъ кошевому собрать нѣсколько человѣкъ «добрыхъ» молодцовъ и съ ними плыть впередъ для борьбы съ невѣрными бусурманами. И кошевой не замедлилъ исполнить данное ему приказаніе. Собравъ войско, онъ немедленно двинулся впередъ къ турецкимъ днѣпровскимъ городкамъ. За кошевымъ атаманомъ и его отрядомъ двинулись внизъ по Днѣпру и сами военачальники, гетманъ Мазепа и воевода князь Яковъ Долгорукій, и черезъ три дня послѣ того, а именно іюля 25 дня, прибыли подъ городъ

---

[1]) Архивъ мин. юстиціи; кн. мал. приказа, 1697, № 77, л. 555—570.

[2]) У лѣтописца Величка сказано, что военачальниковъ встрѣтилъ наказной кошевой атаманъ вмѣсто властного атамана Яковенка, ушедшаго въ Кызыкермень раньше прибытія гетмана и воеводы въ Каменный-Затонъ: Лѣтопись Самоила Величка. Кіевъ, 1855, III, 442.

Кызыкермень. Здѣсь, у стѣнъ города, гетмана и воеводу встрѣтили кошевой атаманъ Яковенко и отрядъ запорожскихъ козаковъ, которые опредили на нѣсколько времени шедшій за ними козацко-русскій флотъ. Запорожцы и здѣсь привѣтствовали гетмана словомъ и въ честь его выпустили изъ мушкетовъ столько выстрѣловъ, что отъ той стрѣльбы помрачился воздухъ и заволоклось туманомъ солнце. Польщенный такимъ вниманіемъ, гетманъ Мазепа подарилъ запорожцамъ 2.000 золотыхъ изъ собственной казны [1]). Тутъ кошевой обрадовалъ военачальниковъ вѣстью, что татары, услыхавъ о движеніи по Днѣпру русскихъ войскъ, оставили Исламкермень и ушли прочь.

По приходѣ на мѣсто, гетманъ и воевода рѣшили сосредоточить свои силы только въ Таванскомъ и Кызыкерменскомъ городкахъ, а Шангирей на воздухъ взорвать, потому что онъ стоялъ на двѣ версты выше Тавани и вмѣсто пользы могъ приносить русскимъ одинъ вредъ. Тавань опредѣлили укрѣпить новыми стѣнами и посадить въ немъ значительный гарнизонъ. Іюля 30 дня, послѣ молебна и водосвятія, около стараго города Тавани заложили новый, болѣе обширный, городъ; тотъ городъ укрѣпили глубокими рвами, обнесли толстыми, высокими каменными съ большими раскатами, стѣнами, и по стѣнамъ завалили дерновыми и землявыми кошами. Для возведенія того города нарочно присланы были какой-то инженеръ—нѣмчинъ и русскій дворянинъ Василій Бухвостовъ [2]).

Едва русскіе приступили къ укрѣпленію Таванскаго городка, какъ у лѣваго берега Днѣпра, со стороны Конскихъ Водъ, показались сперва небольшіе отряды татаръ, а потомъ явился и самъ ханъ съ огромною ордой. Наблюденіе за движеніями непріятеля поручено было запорожскимъ козакамъ, которые стояли въ лодкахъ ниже Кызыкерменя на урочищѣ Высшей-Козацкой Головы [3]) и оттуда слѣдили за татарской ордой. Августа 2 дня къ Таванской крѣпости съ лѣвой стороны подошли крымцы, съ правой бѣлгородцы, а августа 10 дня стали подступать къ Тавани со стороны моря и турецкія войска. Кошевой атаманъ, Григорій Яковенко, далъ знать гетману

---

[1]) Величко, Лѣтопись, Кіевъ, 1855. III, 442.

[2]) Величко, Лѣтопись, Кіевъ, 1855, III, 443.

[3]) У Величка невѣрно названо «Кодацкой Головой»: нужно думать, что это просто опечатка, допущенная издателями лѣтописи Величка: Козацкая—Голова и теперь есть урочище возлѣ города Берислава, бывшаго Кызыкерменя.

Мазепѣ о томъ, что вверхъ по Днѣпру плывутъ на многихъ водныхъ судахъ турецкія войска. Всѣмъ стало очевидно, что непріятели готовились охватить русскихъ со всѣхъ сторонъ и грозили отрѣзать имъ путь. Августа 12 дня татары подослали къ запорожцамъ, стоявшимъ на Таванскомъ, выше Раскопанки, какого-то «крымскаго бусурманскаго человѣка». Тотъ человѣкъ подъѣхалъ съ лѣвой стороны Днѣпра и потребовалъ къ себѣ отъ запорожцевъ для разговора толмача. Запорожцы, желая знать, о чемъ будетъ рѣчь, послали отъ себя одного своего товарища, «добре знающаго агарянскимъ языкомъ». Когда тотъ товарищъ явился къ крымскому человѣку, то бусурманинъ его спросилъ, для какихъ мѣръ обрѣтается тутъ войско низовыхъ козаковъ. На то товарищъ отвѣчалъ ему, что войско низовое собрано потому, что видитъ бусурманскія силы, которыя идутъ воднымъ путемъ къ кызыкерменскимъ мѣстамъ. Послѣ этого татаринъ, испытывая толмача, спросилъ, правда-ли то, что запорожскаго войска въ судахъ до 14.000 человѣкъ. На это запорожскій толмачъ отвѣчалъ, что низового войска здѣсь имѣется 10.000 человѣкъ, а вмѣстѣ съ гетманскимъ и боярскимъ всего 200.000 человѣкъ. Тогда татаринъ вмѣнилъ запорожскому толмачу такой отвѣтъ въ ложь, распростеръ руки свои на такія слова и съ удивленіемъ сказалъ: «Намъ, всему государству крымскому дивно то, что вы, войско запорожское низовое, при храбрости горячей своей, груди подставляете и кровавые бои съ нами чините для москалей, не вѣдая того, что москали давно васъ, козаковъ, ненавидятъ, совершенно хотятъ всѣхъ васъ въ неволю отдать, какъ и выдали уже; а если-бы вы, оставя москалей, съ нашимъ государствомъ крымскимъ свое радѣтельное пріятство хранили и въ перемиріи съ нами жили, то мы-бъ знали, какую честь, похвалу и какую награду за такую вашу рыцарскую храбрость вамъ оказать, а не такъ, какъ москали, которые ни во что имѣютъ васъ, такихъ храбрыхъ людей». Выслушавъ такія слова, сказанныя, очевидно, отъ всей орды, запорожскій толмачъ выбранилъ татаръ «за такое проклятое поганское желаніе», а самому бусурманину далъ такой отвѣтъ. «Вѣдайте вы, бусурмане, что какъ его милость, господинъ ясневельможный гетманъ, такъ и мы, войско низовое, исповѣдуя истинную христіанскую вѣру, должны умирать за крестъ святой и за православнаго своего единаго монарха, подставляя противъ васъ, бусурманъ, свои груди, и мы надежду въ праведномъ Бозѣ полагаемъ, что нынѣ всѣхъ васъ, бусурманъ, одолѣемъ и впредь будемъ

одолѣніе получать». Послѣ этихъ словъ оба толмача прекратили свой разговоръ и разошлись каждый въ свою сторону [1]).

Не смотря на долго длившіеся сборы къ походу, не смотря на прибытіе къ Таванскому городку, гетманъ и воевода, при видѣ массы враговъ, рѣшили за лучшее внезапно покинуть Тавань и подняться вверхъ по Днѣпру. Чѣмъ руководились въ этомъ случаѣ начальники русско-козацкихъ войскъ, въ точности неизвѣстно. Можетъ быть, они опасались быть отрѣзанными отъ бусурманъ, можетъ быть, хотѣли обезпечить малороссійскіе города отъ набѣговъ татаръ. Самъ гетманъ писалъ царю, что онъ переправился черезъ Днѣпръ и ушелъ на рѣчку Орель «для отвращенія бусурманъ отъ великороссійскихъ и малороссійскихъ царскаго величества городовъ [2]).

Такъ или иначе, но покидая турецкіе городки, гетманъ и воевода оставили въ нихъ всего войска до 6000 человѣкъ и въ томъ числѣ до 1.000 человѣкъ запорожскихъ козаковъ вмѣстѣ съ кошевымъ атаманомъ Григоріемъ Яковенкомъ. Запорожскимъ козакамъ гетманъ далъ 1.000 червонцевъ и наказалъ имъ жить мирно съ русскимъ войскомъ и единодушно держаться противъ бусурманъ въ случаѣ прихода ихъ къ городкамъ [3]).

Августа 20 числа военачальники двинулись въ путь и сперва поднялись до запорожской Сичи, а отъ Сичи, августа 26 дня, добрались до острова Томаковки, гдѣ стоялъ тяжелый обозъ съ Леонтіемъ Свѣчкой. У острова Томаковки гетманъ приказалъ своимъ войскамъ высадиться на сушу, а всѣ большія и малыя суда передать запорожцамъ. Здѣсь гетманъ получилъ извѣстіе о томъ, что въ Сичь явился изъ-заграницы «какой-то плутъ», который подговаривалъ запорожское войско идти въ польскую сторону на заграничную службу. И по тѣмъ подговорамъ уже отправилось двѣ ватаги, одна пѣшая въ 400 человѣкъ съ ватагомъ каневскаго куреня Морозомъ, а другая конная въ 80 человѣкъ съ бывшимъ кошевымъ атаманомъ Морозомъ; третья-же ватага собиралась съ какимъ-то Кравцомъ шкуринскаго куреня. Гетманъ поторопился послать, на имя наказного кошеваго атамана Ѳедора Ива-

---

[1]) Архивъ мин. ин. дѣлъ; мал. дѣла, 1697, св. 102, № 24.

[2]) Архивъ мин. ин. дѣлъ: мал. дѣла, 1697, св. 102, № 24.

[3]) Архивъ мин. ин. дѣлъ: мал. дѣла. 1697, св. 102, № 24. Тоже самое у Величка, Лѣтопись, Кіевъ, 1855, III, 446.

новича, письмо въ Чертомлыцкую Сичь и въ томъ письмѣ доказывалъ, что ходить запорожцамъ въ заграничную службу, безъ воли государя, и неудобно да и нельзя. Уже и раньше запорожское войско, уходя въ заграничную службу, отъ того терпѣло много бѣдъ: одно—никакой себѣ корысти не получало, а другое—въ трудныхъ случаяхъ нашло себѣ тамъ «скончение». Кромѣ того, по вѣчному миру, установленному между Россией и Польшей, Польша никого изъ малороссіянъ и запорожцевъ ни явными, ни тайными способами не должна подговаривать на свою службу и даже добровольно къ ней приходящихъ принимать не могла. Поэтому гетманъ предлагалъ запорожскому войску отыскать того плута, который «разсѣеваетъ подговоры», и прислать его въ Батуринъ. А для того, чтобы «пространнѣе изустными словами предложить войску увѣщаніе», гетманъ посылаетъ въ Сичу знатныхъ особъ, Ефима Лизогуба и Ѳедора Кандыбу, и вручаетъ имъ для войска, на Кошѣ находящагося, тысячу золотыхъ да атаманамъ куреннымъ по сукну тузинку на кафтаны [1]).

Наказной кошевой атаманъ Ѳедоръ Ивановичъ и все бывшее на Кошу войско, получивъ отъ гетмана дары, послали ему благодарственный листъ и выразили въ немъ желаніе, «дабы дающая рука его вельможности войску низовому запорожскому никогда не оскудѣвала». Относительно-же человѣка «той породы, что войско запорожское въ страну польскую затягаетъ», заявили, что такого ляха у нихъ на Кошу никогда не бывало и все войско о немъ ничего не слыхало. Если что и было между козаками, такъ это то, что нѣкоторые изъ товариства, не имѣя себѣ ни откуда пожитковъ, хотѣли было идти въ польскую сторону ради добычи, но такого дѣла имъ войско не позволило чинить [2]). Въ это-же время, а именно августа 23 дня, кошевой атаманъ Григорій Яковенко, остававшійся съ войскомъ возлѣ Тавани, у днѣпровскаго берега, выше Яремовки и зорко слѣдившій за всякимъ движеніемъ непріятеля, увидѣлъ 4 турецкихъ судна, внезапно ударилъ на нихъ и, обративъ ихъ въ бѣгство, завладѣлъ однимъ изъ нихъ, взявъ при этомъ у враговъ одно знамя и одну пушку [3]).

Тѣмъ временемъ самъ гетманъ Мазепа отъ острова Томаковки

---

[1]) Архивъ мин. ин. дѣлъ; мал. дѣла, 1697, св. 102, № 24.

[2]) Архивъ мин. ин. дѣлъ; мал. дѣла, 1697, св. 102, № 24.

[3]) Бантышъ-Каменскій, Исторія М. Россіи, Москва, 1822, III, 34.

поднялся до Грушевки и расположился тамъ таборомъ. Въ это время къ нему явилось нѣсколько человѣкъ запорожскаго товариства съ новымъ письмомъ отъ кошевого атамана и съ турецкимъ языкомъ, недавно подъ Таванью на водѣ взятымъ. Гетманъ, поблагодаривъ войско за присылку языка, возвратилъ его назадъ въ запорожскую Сичь и, пользуясь случаемъ, написалъ запорожцамъ убѣдительное письмо не покидать Таванскаго и Кызыкерменскаго городковъ и всѣми силами оборонять ихъ отъ бусурманъ. То дѣло, то-есть очищеніе рѣки Днѣпра отъ бусурманскихъ жилищъ, есть зѣло потребное дѣло; еще за покойнаго кошевого Сирка запорожцы писали къ бывшему гетману, а теперь въ своихъ письмахъ къ самому Мазепѣ обновили свое прошеніе о томъ, чтобы «для отворенія на Черное море дороги» очистить Днѣпръ. И теперь тѣ письма запорожскаго войска лежатъ частію въ канцеляріи у гетмана, частію обрѣтаются въ приказѣ въ Москвѣ. По тѣхъ просьбахъ и докукахъ великій государь указалъ гетману идти съ войскомъ подъ турскіе городки и свои великороссійскія силы туда-же велѣлъ отпустить. И теперь, когда Богъ посчастилъ тѣ городки въ руки забрать, нужно всѣ силы приложить къ тому, чтобы удержать ихъ за собой и чрезъ то отверстыя ворота къ Черному морю имѣть. Самъ гетманъ для того, чтобы подать опору и помощь находящимся въ городкахъ русско-козацкимъ войскамъ, сообща съ русскимъ воеводой, послалъ къ Таванскому городку свѣжій въ 1000 человѣкъ отрядъ. Начальнику того отряда, лубенскому полковнику Яковлеву, и всѣмъ старшимъ и меньшимъ особамъ отданъ приказъ нигдѣ не мѣшкать «подалѣ города» и, хотя-бы имъ пришлось сквозь непріятеля пробиваться, непремѣнно войти во внутрь городка для общаго отпора бусурманъ. Тому отряду, ѣдущему къ Таванскому городку, запорожское войско, находящееся въ Кошѣ, должно свою помощь оказать и приложить стараніе о томъ, чтобы провести его въ самую Тавань; если-же того почему-либо сдѣлать будетъ нельзя, то, по крайней мѣрѣ, поставить его вблизи города, для общихъ, вмѣстѣ съ запорожскими добрыми молодцами, промысловъ. Ради православной христіанской вѣры, ради монаршеской милости и ради своихъ подлинныхъ выгодъ, запорожцы отнюдь не должны ни отходить, ни отдаляться отъ занятаго ими городка, но изыскать всякіе способы къ тому, чтобы, «урывать непріятелей, давать имъ знакъ, дабы поганцамъ страхъ могъ быти къ прекращенію ихъ поганского намѣренія». А наградой за «неотходную»

изъ-подъ Тавани службу по 2 талера каждому товарищу будетъ, на 1000 человѣкъ 2000 талеровъ; если-же окажется какая скудость въ хлѣбныхъ запасахъ, то въ такомъ случаѣ можно изъ Сичи взять изъ 100 кулей запаса, которые нарочно для такого случая въ войсковой шопѣ [1]) оставлены [2]).

Гетманъ не напрасно обращался къ запорожскимъ козакамъ съ просьбой объ удержаніи ими Таванскаго городка. Уже вскорѣ послѣ отхода его вверхъ по Днѣпру кошевой атаманъ Григорій Яковенко и бывшее при немъ товариство оставили Таванскій городокъ и августа 28 числа, въ субботу, пришли въ Сичь. Какъ только кошевой пришелъ въ Сичь, въ тотъ-же часъ его сбросили съ атаманства за то, что «онъ не умѣлъ чинить около непріятеля промысла и до того дѣла былъ неохотенъ и боязливъ», и выбрали вмѣсто него атаманомъ бывшаго войскового асаула, именемъ Григорія. Къ этому-то кошевому атаману и явился гетманскій посланецъ, лубенскій асаулъ Яковлевъ. Поклонившись ему при всемъ собраніи, Яковлевъ передалъ войску приказаніе гетмана чинить промыслъ противъ непріятеля въ Таванскомъ городкѣ, въ случаѣ наступленія туда бусурманъ, а о себѣ сказалъ, что онъ, по волѣ гетмана, ведетъ подъ тотъ-же городокъ отрядъ козаковъ въ 1000 человѣкъ. Выслушавъ такой приказъ, всѣ козаки и самъ новый кошевой атаманъ рѣшили исполнить волю гетмана и въ ближайшій вторникъ, 31 числа, идти къ Таванскому городку, а для извѣстія о томъ опредѣлили послать къ гетману сичевого козака Якова Ворону, чтобы онъ его вельможности словесно могъ о рѣшеніи войска доложить [3]).

Обо всемъ, что произошло въ городѣ Тавани послѣ отхода оттуда русско-козацкихъ войскъ и что случилось въ это время въ Сичи, гетманъ донесъ царю въ обширномъ письмѣ, писанномъ изъ табора при Кодацкомъ перевозѣ, сентября 4 дня, 1697 года, и доставленномъ въ Москву знатнымъ войсковымъ товарищемъ Өедоромъ Топольницкимъ.

«Повернувшись, вмѣстѣ съ ближнимъ вашего царского пресвѣтлого величества бояриномъ и воеводою бѣлогородскимъ и намѣстникомъ великопермскимъ, княземъ Яковомъ Өедоровичемъ Дол-

---

[1]) Шопа съ польскаго szopa на русскій значитъ сарай.

[2]) Архивъ мин. ин. дѣлъ; мал. дѣла, 1697, св. 102, № 24.

[3]) Архивъ мин. ин. дѣлъ, мал. дѣла, 1697, св. 102, № 24.

горуковымъ, съ плавного похода изъ-подъ Таванского города въ нашъ таборъ подъ Томаковку, я писалъ къ вамъ, великому государю, доносячрезъ почту о всякихъ поведеніяхъ, а также и о томъ, что при отходѣ нашемъ изъ-подъ Таванска, я, послѣ долгого убѣжденія, напоминанія и предложенія, оставилъ подъ городомъ кошевого атамана Яковенка съ товариствомъ въ тысячу или больше человѣкъ, приказавши имъ именемъ всемогущого вашего царского пресвѣтлого величества указа, чтобы они, вмѣстѣ съ великороссійскими людьми, оставленными въ новомъ городѣ Таванскѣ, задержались на нѣсколько недѣль, чинили надъ непріятелями промыслъ, сколько хватитъ способностей и силы, въ награду за что мы дали имъ, при отходѣ нашемъ, кромѣ прежнихъ нашихъ подарковъ, еще 2.000 золотыхъ. Потомъ, отправляя изъ обоза отъ урочища Томаковки знатную часть войска рейментa нашего въ помощь оставленнымъ въ городѣ Таванскѣ, писали мы кошевому атаману и всему при немъ войску запорожскому, прилежно увѣщевая ихъ, чтобы они оказали помощь и проводили-бы въ путь нашихъ людей, посылаемыхъ въ городъ Тавань, а также и сами находились въ бодромъ и добромъ противъ тѣхъ непріятелей подвигѣ и промыслѣ и ни въ коемъ случаѣ не отходили-бы оттуда до тѣхъ поръ, пока не уйдутъ непріятели, обѣщая имъ за понесенные въ военныхъ оказіяхъ труды особенную денежную награду, а именно по 2 талера на человѣка. Списокъ съ письма, которое писалъ я къ нимъ, посылаю нынѣ въ приказъ Малой Россіи. Теперь-же, вмѣсто моей надежды, мнѣ принесли извѣстіе изъ Сичи, что запорожцы, оставленные мной подъ городкомъ Таванскомъ, не сдержавши своего слова пробыть извѣстное время въ военныхъ промыслахъ, съ побудки неспокойныхъ головъ, бывшихъ между ними, стали враждебно относиться къ своему кошевому атаману и, не слушаясь его, всѣ возвратились въ Сичь, гдѣ лишили его атаманского уряда и вмѣсто него выбрали бывшого своего асаула, человѣка къ уряду неприличного и никакой знатности и заслуги въ Сичѣ между козаками не имѣющого. Потомъ я писалъ съ дороги до полковника лубенского (Свѣчки) «жестоко» напомнить запорожцамъ о премощномъ монаршемъ указѣ и моемъ гетманскомъ словѣ, чтобы они безъ всякой отговорки шли къ городу Таванску и старались-бы какъ о томъ, дабы доставить въ городъ нами людей посланныхъ, такъ и о томъ, дабы промышлять надъ непріятелями, надѣясь за то на будущее время получить вашего царского величества милость, ко-

торая всегда и поможетъ и обогатитъ ихъ. Съ тѣмъ письмомъ и отправилъ моего нарочного знатного козака въ Сѣчу, черезъ которого и ближній бояринъ и воевода писалъ о томъ-же къ стольнику и полковнику, посланному въ Тавань изъ Томаковского обоза. И тотъ посланный козакъ возвратился оттуда къ намъ въ обозъ, на пристань Кодацкого перевоза, и принесъ письма какъ боярину и воеводѣ, такъ и мнѣ, гетману, писанныя. Въ тѣхъ письмахъ сказано, что по письмамъ и повелѣніямъ нашимъ войско низовое съ атаманомъ своимъ кошевымъ, новопоставленнымъ, охотно пошло изъ Сѣчи снова на Низъ, августа 31 дня, обще съ вышереченными ратными вашего царского пресвѣтлого величества людьми, которые отъ насъ изъ обоза въ Тавань посланы черезъ того-жъ козака, изъ Сѣчи къ намъ возвратившагося. И то какъ словесно, такъ и письменно намъ донесено, что по 28 число августа непріятельскихъ приступовъ подъ Таванскій городъ не бывало. А письма тѣ туда-жъ, въ малороссійскій приказъ вашего царского пресвѣтлого величества посылаемъ. И какъ тамъ то войско низовое съ тѣми людьми военными, отъ насъ посланными, поступитъ и какое имѣти будетъ поведеніе, и что дѣлаютъ непріятели, о томъ ожидаемъ впредь вѣдомостей подлинныхъ, для которыхъ нарочно козаковъ вновь въ Сѣчу послали. Тутъ-же покорно доношу вамъ, великому государю, что изъ заграничной стороны внеслась въ Сѣчь нѣкаясь обмана, призывающая на службу запорожцевъ; по этой ложной молвѣ еще съ весны этого лѣта отправились въ Польшу двѣ ватаги запорожского товариства,—одна пѣшая съ ватагомъ, прозываемымъ Морозомъ, козакомъ каневскимъ, въ 400 человѣкъ; а другая конная съ Морозомъ, бывшимъ атаманомъ кошевымъ, въ 80 человѣкъ; а нынѣ, какъ мнѣ донесли, какой-то Кравецъ, шкуринского куреня, подбираетъ себѣ третью ватагу, имѣя намѣреніе идти въ ту-же польскую дорогу. И я, гетманъ, по должности моего уряда, какъ словесно наказного кошевого атамана съ куренными атаманами и съ товариствомъ во время встрѣчи съ ихъ стороны меня, такъ и письменно журилъ ихъ за тотъ непорядокъ, приказывалъ прекратить и удерживать отъ того зазыва людей своевольныхъ. Съ моимъ листомъ я посылалъ въ Сѣчь войскового генерального хорунжого Ефима Лизогуба и конотопского сотника Ѳедора Кандыбу, которымъ они, запорожцы, отвѣтили, будто теперь у нихъ въ Сѣчѣ нѣтъ ни одного такого товарища, который хотѣлъ-бы идти въ Польшу на службу. И хотя отъ нихъ пользы

для службы мало, больше-же всего, какъ сказано выше, нерадѣнія, но я, имѣя въ виду то, чтобы они не отбѣгали отъ вашей великого государя монаршей милости, поступилъ съ ними ласково: во время прихода моего съ войскомъ плавнымъ походомъ отослалъ имъ черезъ руки черниговского полковника три тысячи золотыхъ, которыми деньгами кошевой атаманъ съ товариствомъ, при немъ будучимъ, идя подъ Тавань, подѣлился. Потомъ я самъ, прибывши въ Тавань, далъ имъ, кошевому съ товариствомъ, двѣ тысячи, а во время отхода тысячу золотыхъ; а теперь отослалъ въ Сѣчь черезъ названныхъ генерального хорунжого и конотопского сотника тысячу золотыхъ грошей да на жупаны каждому атаману по сукну тузинку; да кромѣ того обѣщалъ имъ денегъ, если останутся при Тавани. Всѣ эти подачи большой убытокъ причинили убогому войсковому скарбу, кромѣ особыхъ дачъ, которыя имъ давались. Тутъ-же покорно докладываю вамъ, великому государю, что бывшій атаманъ кошевой съ товариствомъ, будучи въ плавномъ походѣ ниже Таванского города, во время нашей бытности возлѣ того города, по своей вѣрности и желательству, прислалъ ко мнѣ листъ, объявляя о непріятельской бусурманской прелести, какую толмачъ ихъ поганскій запорожскому толмачу, тамъ-же къ берегу днѣпровскому приблизившись, выговаривалъ. Этотъ листъ, а также и списокъ съ моего листа къ атаману наказному кошевому, черезъ хорунжого нашего генерального посланный, а также и отповѣдь на тотъ листъ мой отъ нихъ принесенную, посылаю въ приказъ Малой Россіи для вѣдома вамъ, великому государю. И о томъ покорно доношу, что, ставъ изъ плавного похода въ обозовое ополченіе и пришедъ къ пристани Кодацкой, переправились съ войсками черезъ рѣку Днѣпръ сентября 3 дня, а 4 того-жъ сентября, пошедъ отъ днѣпровского берега, пришли къ рѣкѣ Орели для обороны отъ непріятельскихъ приходовъ вашихъ царского пресвѣтлого величества великороссійскихъ и малороссійскихъ городовъ. О тѣхъ непріятеляхъ мы и теперь отъ полковника миргородского, на Орели съ войскомъ стоящого, и отъ Пляки, ватага полевого узнали, что они немалою купою черезъ вершину рѣки Самары на сю сторону городовъ переправились. Тамъ около Орели мы разсуждать будемъ, гдѣ намъ найти приличное мѣсто для ставки обозомъ и сколько времени намъ ждать милостивого царского пресвѣтлого величества указа; о томъ просимъ съ войсками, которыя въ теченіе 16 недѣль, обрѣтаясь въ трудахъ и подвигахъ военныхъ, слишкомъ ого-

лодали и изнужились. Посылая объ этомъ нарочного, Өедора Топольницкого, нашего знатного товарища войскового, къ вамъ, великому государю, къ вашему царскому пресвѣтлому величеству, отдаюсь яко наипокорнѣй вашего царского пресвѣтлого величества благостынѣ. Данъ въ таборѣ у пристани перевоза Кодацкого, сентября 4 дня, 1697 года» [1]).

Отправивъ такое донесеніе царю въ Москву, гетманъ и воевода тѣмъ временемъ перебрались у Кодацкого перевоза черезъ рѣку Днѣпръ, дошли до рѣки Орели, и отъ Орели поднялись до Ворсклы рѣки; съ Орели они послали на подмогу оставленнымъ въ Тавани великороссійскимъ ратникамъ и малороссійскимъ козакамъ 760 человѣкъ лубенцевъ и 300 человѣкъ ратныхъ царскихъ людей, потомъ съ Ворсклы гетманъ отправилъ въ ту-же Тавань 1500 человѣкъ полтавцевъ и 300 лубенцевъ подъ командой полтавскаго полковаго судьи Буцкаго. Послѣднему приказано было доѣхать до Сичи верхомъ, въ Сичи оставить лошадей, сѣсть на оставленные въ ней челны и въ тѣхъ челнахъ плыть подъ Тавань. Потомъ изъ мѣстечка Опошни гетманъ и воевода послали къ Тавани войска еще 20.000 человѣкъ и также велѣли имъ сперва ѣхать до Сичи на лошадяхъ, въ Сичи сѣсть на челны и такъ плыть Днѣпромъ до Тавани, сколько станетъ челновъ на людей; не вмѣстившимся въ челнахъ идти параллельно берегу пѣшкомъ [2]).

Рѣшительныя намѣренія гетмана вернули снова къ дѣлу запорожцевъ: они вновь выступили противъ бусурманъ. Встрѣтивъ нѣкоторое число посланныхъ гетманомъ козаковъ, запорожцы, 4 сентября, провели ихъ въ городъ Тавань тогда, когда къ крѣпости уже явился Сераскиръ-паша съ 10.000 татаръ Сентября 9 дня кошевой атаманъ съ отрядомъ запорожцевъ, не смотря на сильное сопротивленіе со стороны бѣлогородскихъ татаръ, успѣлъ переправиться черезъ Днѣпръ и вступить въ Тавань, гдѣ необыкновенно радостно былъ встрѣченъ русскими и запорожскими козаками, осажденными отъ мусульманъ. Русскіе засѣли въ городкѣ и мужественно отбивались отъ многочисленныхъ враговъ. Запо-

---

[1]) Архивъ мин. ин. дѣлъ; мал. дѣла, 1697, св. 102, № 24. Это письмо приведено въ обрывкѣ и у лѣтописца Величка, но оно помѣчено у него датой августа 31 дня, 1697, (Лѣтопись, III, 453), тогда какъ въ подлинномъ актѣ стоитъ сентября 4 дня.

[2]) Архивъ мин. ин. дѣлъ, 1697, л. 172, 219; Tagebuch des Gordon. St.-Petersburg, 1852, III, 143.

рожскіе козаки защищали одинъ изъ четырехъ раскатовъ (башенъ) крѣпости и упорно отражали бусурманъ. Тогда бусурмане подослали одного изъ своихъ къ кошевому и запорожцамъ съ предложеніемъ сдаться, чтобы не губить понапрасно своихъ силъ. Но на такое предложеніе козаки отвѣтили тѣмъ, что убили подосланнаго къ нимъ мусульманина.

Послѣ этого непріятели подѣлали шанцы у самой Тавани, вошли съ двухъ сторонъ въ ровъ, подкопали три бастіона и взорвали часть стѣны, но взять крѣпости все-таки не могли, потому что осажденные съ своей стороны насыпали внутри насыпи и дѣлали рвы.

На сколько трудно было въ это время положеніе запорожцевъ въ Тавани—это видно изъ писемъ властного кошевого атамана Яковенка къ наказному кошевому Яську Федоренку [1]). Яковенко просилъ Федоренка какъ можно скорѣй («пилнилне днемъ и ночью разрыватись») идти, со всѣмъ войскомъ («оразъ колько-колько есть на Кошѣ войска»), изъ Коша въ Тавань на помощь козакамъ противъ бусурманъ, а также донести о положеніи дѣлъ гетману Мазепѣ и молить его о присылкѣ въ Тавань малороссійскихъ полковъ [2]).

Положеніе дѣлъ въ Тавани, въ самомъ дѣлѣ, было весьма серьезно. Помощь, посланная отъ гетмана, находилась еще въ пути, а между тѣмъ враги не прекращали своихъ нападеній на защитниковъ крѣпости. Покинувъ Тавань, непріятели перешли къ Кызыкерменскому городку. Но потерпѣвъ и здѣсь неудачу, мусульмане, сентября 23 дня, вновь перешли подъ Тавань и рѣшились склонить на свою сторону запорожскихъ козаковъ. Для того они бросили въ городъ посредствомъ стрѣлъ во избѣжаніе убійства своихъ посланцевъ, два письма, одно отъ татаръ, 23 сентября, а другое отъ турокъ, 24 сентября [3]).

«Черкасамъ, атаманамъ, сотникамъ и всей козацкой черни многое поздравленіе. Мы съ вами старые друзья. За что-же вы противъ насъ бьетесь? Зачѣмъ за Москву умираете? Вѣдь Москва

[1]) Федоренко именуетъ себя то Есипомъ, то Яськомъ.

[2]) Архивъ мин. ин. дѣлъ; мал. подл. акты, 1697, св. 12, № 1138—1120, св. 12, № 1141—1123.

[3]) Лѣтописецъ Величко, передаетъ, что письмо было надѣто на копейное древко, воткнутое въ землю на могилѣ: Лѣтопись, Кіевъ, 1855, III, 500.

съ вами не очень добрыя дѣла творитъ. Нашъ государь васъ къ себѣ приглашаетъ. Не бойтесь ничего дурного. На той сторонѣ гдѣ стоятъ каторги, тамъ увидите ханское желтое знамя. Пусть кто-нибудь изъ вашихъ приходитъ къ этому знамени. Мы ханскому величеству донесемъ, и все станется, дастъ Богъ, по вашему желанію. Если-же это слово непригодно,—какъ себѣ знаете, а ваши грѣхи на вашихъ шеяхъ. Я здѣсь такой человѣкъ, что меня послушаютъ».

«Отъ войска турецкого и отъ хана крымского слово старшинамъ и всему козацкому войску, находящемуся въ городѣ. Нашъ падишахъ—старѣйшій надъ всѣми землями. Городъ, который вы заняли—его городъ. Сдайте его намъ добровольно, если хотите себѣ здоровья; а не сдадите, такъ мы его возьмемъ съ помощью Бога и Мухаммада, пророка его, и тогда васъ мечемъ истребятъ наши рыцари. Однажды и дважды вамъ говоримъ: сдайте городъ. Сегодня-же отпишите намъ отвѣтъ».

Запорожцы на эти письма отписали такъ:

«Мы, старшины великихъ войскъ московскихъ, и мы старшины войска запорожского и городовыхъ и охотныхъ полковъ, приняли въ руки свои листъ вашъ, намъ чрезъ стрѣлу поданный, въ которомъ просите сдать городъ вамъ и устрашаете своими кавалерами и мечемъ. Знайте, что мы не походимъ на васъ, бусурманъ, и не вѣримъ вашимъ лживымъ пророкамъ, а надѣемся на всемогущого Бога и на пречистую его матерь, твердо уповаемъ, что вы не возьмете нашего города, пока не заржавѣли наши сабли и не ослабѣли руки, а хлѣбныхъ и боевыхъ запасовъ у насъ много. Не устрашайте насъ угрозами и не прельщайте обманами. Дѣлайте, что хотите, а мы не подумаемъ отдавать этого города въ вашу область, но всякій часъ ожидаемъ къ себѣ войскъ, и готовы мужественно стоять, пока силъ нашихъ станетъ, за вѣру православную, за честь и за имя нашего государя. Надѣемся при помощи божіей нанести вамъ великое пораненіе и будетъ вамъ вѣчный срамъ».

Письмо, по примѣру враговъ, послано было изъ города посредствомъ стрѣлы [1]).

Послѣ этого непріятели безуспѣшно простояли подъ крѣпостью 16 дней, съ 25 сентября по 10 октября, пытаясь посредствомъ

[1]) Архивъ мин. ин. дѣлъ, 1697, № 39; Архивъ мин. юст., 1697, кн. 81, л.л. 231, 268, 323.

приступовъ и подкоповъ взять городокъ. Подъ конецъ, услышавъ о приближеніи къ Тавани свѣжихъ русскихъ силъ, которыя шли подъ начальствомъ полтавскаго полковника Ивана Искры, враги отступили отъ нея.

Изъ запорожцевъ во время осады непріятелями Таванскаго городка было убито 48 человѣкъ, ранено 78. За участіе въ Таванскомъ и кызыкерменскомъ дѣлѣ кошевому атаману дано было 50 ефимковъ, писарю—30, асаулу 25 [1]).

Такъ окончился этотъ безславный для гетмана Мазепы на низовье Днѣпра походъ.

---

[1]) Бантышъ-Каменскій. Исторія Малой Россіи, Москва, 1822, III, 38; его же Источники, Москва, 1828, II, 21; Архивъ мин. юстиціи, 1698, кн. 81, л. 643—666.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

Новыя приготовленія гетмана Мазепы и воеводы Долгорукаго къ походу подъ Тавань.—Обращенія запорожцевъ къ царю съ просьбами о денежной наградѣ.—Развѣдки гетмана о положеніи дѣлъ у бусурманъ.—Недостатокъ челновъ у запорожцевъ и старанія ихъ о построеніи морской флотиліи. — Отправка Мазепой ватаги козаковъ для развѣдки о намѣреніяхъ бусурманъ.—Присылка отъ гетмана въ Сичь хлѣбныхъ запасовъ и войсковыхъ клейнотовъ.—Движеніе Мазепы и Долгорукаго съ войсками по степи къ Таванскому городку.—Движеніе кошевого атамана Яковенка внизъ по Днѣпру.—Отступленіе русско-козацкихъ войскъ отъ Таванскаго городка.—Миръ Россіи съ Турціей въ Карловичахъ въ 1699 году.—Раздоръ между запорожцами, сердюцкими козаками и великороссійскими ратниками въ Тавани и жалобы по этому поводу отъ Коша гетману и царю. — Отправка царскаго посла въ Сичь.—Челобитная запорожцевъ царю за лишеніе ихъ вольностей на рѣкѣ Самарѣ.—Тридцатилѣтній миръ Россіи съ Турціей въ 1700 году.

Не успѣли гетманъ Мазепа и воевода князь Долгорукій вернуться изъ-подъ Таванскаго городка, какъ вновь начали готовиться въ походъ къ низовьямъ Днѣпра. На этотъ разъ гетманъ прежде чѣмъ выйти въ походъ отдалъ приказъ, ноября 24 дня, 1697 года, полтавскому полковнику Ивану Искрѣ привести въ извѣстность всѣ урочища, острова, рѣки, озера, лиманы, броды, вѣтки и балки Днѣпра, начиная отъ Мишурина-Рога и кончая устьемъ Буга съ Песчанымъ бродомъ и Очаковымъ. Составленный по этому поводу «реестръ примѣтъ» даетъ точный и подробный матерьялъ для топографіи всей поднѣпровской части Запорожья XVI вѣка [1]).

Пока шли эти приготовленія къ новому походу, тѣмъ временемъ запорожскіе козаки, пользуясь удобнымъ случаемъ, обращались съ просьбами то къ гетману Мазепѣ, то къ царю Петру Алексѣевичу о выдачѣ имъ жалованья за ихъ вѣрныя и неизмѣнныя службы. Прежде всего запорожцы отправили двухъ челобит-

---

[1]) Величко, Лѣтопись, Кіевъ, 1855 III, 471—486; Записки одесскаго общества исторіи и древностей, III, 572—576; Архивъ министер. ин. дѣлъ, 1698, св. 103, № 5.

чиковъ, полковниковъ Якова Покотила да Лукьяна Тимоѳеева, съ просьбой о выдачѣ жалованья 1.100 козакамъ, сидѣвшимъ въ Таванскомъ городкѣ до весенняго времени.

По этой челобитной государь велѣлъ выдать тысячѣ ста запорожцамъ — денегъ 1.500 рублей, суконъ 100 портищъ, пищалей 125. Кромѣ того особо тѣмъ пятистамъ запорожскимъ товарищамъ, которые послѣ отхода воеводы Долгорукаго и гетмана Мазепы, оставались въ Таванскомъ городкѣ, велѣно было выдать на человѣка по 2 рубля съ полтиной.

Въ слѣдъ за этимъ кошевой атаманъ Григорій Яковенко и все низовое товариство послали къ царю Петру Алексѣевичу куренныхъ атамановъ Ѳедора Лысаго да Семена Ганджу съ просьбой о выдачѣ войску запорожскому денежнаго годового прибавочнаго жалованья. Ѳедоръ Лысый и Семенъ Ганджа прибыли въ Батуринъ съ товарищами въ числѣ 315 человѣкъ, которые привезли съ собой отнятый у бусурманъ значекъ и нѣсколько человѣкъ бусурманскихъ языковъ. За многолюдствомъ они были разставлены на становища возлѣ Батурина и прожили въ малороссійскихъ городахъ больше мѣсяца.

И на эту просьбу послѣдовала царская милостивая грамота о пожалованіи кошевому атаману Григорію Яковенку и всему при немъ запорожскому посполъству за вѣрныя царскому пресвѣтлому величеству службы годовое противъ прежняго жалованье [1]). Жалованье велѣно было отправить въ Запорожье со стряпчимъ Михайломъ Васильевичемъ Текутьевымъ, вѣдавшимъ пріѣздами и отпусками гетманскихъ и запорожскихъ гонцовъ и посланцевъ [2]). Особо тѣмъ 315 козакамъ, которые жили на становищахъ у Батурина, приказано было выдать по 1 рублю да по 1 портищу на человѣка.

Царское жалованье для 1.100 человѣкъ запорожцевъ, сидѣвшихъ въ Тавани, и для 315 человѣкъ, привезшихъ турецкое знамя, доставлено было декабря 4 дня, 1697 года, подъячимъ Иваномъ Петровымъ въ городъ Батуринъ. Въ это время находившіеся возлѣ Батурина 315 человѣкъ козаковъ, ссылаясь на то, что они и голы, и босы, изъявили желаніе получить свою долю не въ Сичѣ, а въ самой Украйнѣ, хотя въ то-же время объявили

---

[1]) Архивъ мин. ин. дѣлъ; мал. подл. акты, 1698, св. 2, № 1154—36.

[2]) Архивъ мин. ин. дѣлъ; малор. дѣла, 1698, св. 103, № 7.

о необходимости оставаться до весны въ украинскихъ становищахъ. Гетманъ Мазепа, выслушавъ такое заявленіе, не пожелалъ взять на себя рѣшеніе такого дѣла, снесся по этому поводу съ самимъ государемъ и при этомъ, пользуясь случаемъ, осмѣлился напомнить царскому пресвѣтлому величеству о прежней своей просьбѣ за 600 человѣкъ запорожцевъ, ходившихъ съ полковникомъ Иваномъ Искрой изъ Сичи «на выручку» къ городу Тавани и спрашивалъ у государя, слѣдуетъ-ли и тѣмъ 600 запорожцамъ удѣлить часть изъ присланнаго жалованья.

Государь на оба гетманскіе запросы отвѣчалъ однимъ указомъ: отдать-ли въ городахъ или послать на Кошъ денежное жалованье, сукна и пищали, назначенныя для таванскихъ запорожскихъ сидѣльцевъ, и изъ того жалованья отдѣлить-ли часть кошевому атаману, писарю и асаулу, бывшимъ въ той-же осадѣ, и шестистамъ запорожцамъ, приходившимъ подъ Тавань съ полтавскимъ полковникомъ Искрой—о томъ «сдѣлать гетману по собственному разсмотрѣнію, по тамошнему дѣлу, какъ-бы лучше и пристойнѣе все дѣло вышло» [1]).

По такой резолюціи шестистамъ запорожцамъ выдано было 1.200 рублей денегъ, т. е. по 2 рубля на каждаго человѣка [2]), а остальнымъ козакамъ роздано было жалованье по гетманскому усмотрѣнію.

Удовлетворивъ всѣ претензіи запорожцевъ, Мазепа сталъ собирать свѣдѣнія о намѣреніяхъ бусурманъ, для чего отдалъ приказъ по своимъ полкамъ, дабы охочіе полевые козаки радѣли о добываніи татарскихъ языковъ. По тому гетманскому приказу нѣкто Петро Яловецъ, житель города Царичанки, «прибралъ къ себѣ» ватагу болѣе, чѣмъ въ 20 человѣкъ, дошелъ съ той ватагой до самаго устья рѣки Днѣпра, нашелъ тамъ около 30 человѣкъ запорожскихъ козаковъ и съ тѣми козаками залегъ стеречи шляхъ отъ Перекопа къ Очакову и тамъ у урочища Нижнихъ-Кучугуръ, прилегающаго къ Стрѣлицѣ, на сей сторонѣ Каланчака, «постигъ» двухъ человѣкъ татаръ и двухъ человѣкъ турецкихъ людей. Послѣ этого, сопровождаемый запорожскимъ ватагомъ, Яловецъ привелъ плѣнныхъ въ Батуринъ и отдалъ ихъ на допросъ гетману. Плѣнные языки дали немало весьма полезныхъ для гет-

---

[1]) Архивъ мин. ин. дѣлъ; 1698 св. 103, № 1; Архивъ министер. юстиціи, 1698, № 81, л. 643—666.

[2]) Архивъ мин. юстиціи; кн. мал. прик., 1697, № 78, л. 78—81.

мана указаній. Крымскій ханъ, вмѣстѣ съ Юсупъ-пашой, по отходѣ изъ подъ Тавани, пошелъ къ турскому султану просить, чтобы падишахъ или лично шелъ отбирать назадъ взятые русскими города, или-же великаго везиря съ войсками для той цѣли отправилъ. Идя къ султану, ханъ велѣлъ по всему Крыму разослать бирючей или делляловъ и черезъ нихъ всѣмъ крымцамъ объявить о томъ, чтобы они отговаривались своихъ захудалыхъ лошадей и собирались въ походъ. Въ это-же время туркамъ отъ сераскеръ-паши отданъ былъ приказъ помогать хану въ предстоящей съ русскими войнѣ. Но только турки не сочувствовали приказу сераскеръ-паши и отказывались тѣмъ, что съ нихъ довольно воинскихъ трудовъ и въ лѣтнюю пору. У Очакова и Таванскаго городка оставлены были два паши, но падишахъ приказалъ, за какой-то проступокъ съ ихъ стороны, власть надъ войскомъ у нихъ отнять. Въ Крыму въ это лѣто былъ большой на людей моръ, отъ котораго много татаръ въ разныя стороны разошлось, но потомъ то моровое повѣтріе стало утихать. Самъ турецкій султанъ обрѣтается въ Адріанополѣ и тамъ противъ него поднялось смятеніе отъ янычаръ. Тѣ янычары ходили противъ нѣмцевъ на бой и когда возвращались назадъ, то на пути убили везиря за то, что онъ имъ денегъ не доплатилъ. Когда-же султанъ узналъ о такомъ поступкѣ янычаръ, то послалъ противъ нихъ отрядъ войскъ къ одному мосту, по которому они должны были проходить, и велѣлъ тому отряду тотъ мостъ подрубить. И когда то все случилось такъ, какъ повелѣлъ султанъ, то янычаръ, обвалившихся на мосту, догнали нѣмецкіе стрѣлки и изрубили ихъ «въ пень» [1]).

Всѣ эти вѣсти гетманъ Мазепа нашелъ столь важными для будущей войны, что и самихъ бусурманъ, и тѣхъ козаковъ, которые ихъ привезли, поспѣшилъ отправить въ Москву [2]).

За доставленныя свѣдѣнія о поведеніи бусурманъ гетманъ Мазепа получилъ отъ царя большую похвалу.

Такую-же похвалу получили и запорожскіе козаки. Къ запорожскимъ козакамъ царь Петръ Алексѣевичъ въ это время особенно благоволилъ, и это выразилось въ щедрыхъ подаркахъ имъ. Такъ, января 11 дня, 1698 года, царь послалъ Мазепѣ указъ съ милостивымъ жало-

---

[1]) Архивъ мин. ин. дѣлъ, 1698, св. 103, № 1.

[2]) Архивъ мин. ин. дѣлъ, 1698, св. 103, № 1.

ваньемъ 975 запорожцамъ, бывшимъ въ Таванскомъ городкѣ въ осадѣ отъ бусурманъ. Жалованье это состояло изъ денегъ, суконъ и пищалей, по великороссійскому счету равнялось, кромѣ суконъ, 2.802 рублямъ, по малороссійскому—14.410 золотыхъ. Гетманъ на каждаго козака далъ по 3 рубля денегъ да по портищу сукна, 2 полковникамъ, 2 асауламъ да 10 сотникамъ по 4 рубля на человѣка. А что осталось денегъ и суконъ послѣ раздачи, то гетманъ нашелъ нужнымъ сохранить для будущаго времени, чтобы роздать такимъ козакамъ, которые «за труды и за службы покажутся быть годными».

Исполняя царскую волю о раздачѣ запорожцамъ жалованья, гетманъ далъ обѣщаніе государю сдѣлать предписаніе запорожскимъ козакамъ, находящимся на становищахъ въ украинскихъ городахъ, впредь людямъ никакихъ отягощеній не чинить и уходить на свое «обыклое» мѣсто, Сичь. И хотя запорожцы ранѣе весны не имѣютъ обыкновенія возвращаться въ Сичу, но гетманъ напишетъ о томъ всѣмъ, которые въ разныхъ полкахъ и городахъ находятся, и сообщитъ имъ волю государя [1]).

Въ половинѣ января того-же 1698 года царь Петръ Алексѣевичъ послалъ съ подъячимъ Иваномъ Инеховымъ въ городъ Батуринъ другое денежное жалованье для 130 запорожцевъ, которые приходили съ Кардашина «сидѣть» въ Таванскій городокъ: имъ велѣно было выдать по 1 рублю денегъ и по 1 портищу сукна на человѣка, «буде подлинно тѣ запорожцы изъ Кардашина пришли и въ осадѣ обще съ иными найдовалися» [2]).

Тѣмъ временемъ дѣлались разныя приготовленія къ новому походу. Но, какъ и раньше, они шли очень медленно. Главное затрудненіе состояло въ неимѣніи лодокъ для рѣчного похода. Марта 10 дня гетманъ Мазепа написалъ письмо царю Петру Алексѣевичу и въ томъ письмѣ изложилъ, что обременять вновь жителей малороссійскихъ городовъ постройкою судовъ онъ ни въ коемъ случаѣ, вслѣдствіе могущаго произойти чрезъ то народнаго ропота, не можетъ. Народъ и безъ того негодуетъ за безпрерывныя требованія отъ него подводъ для доставки хлѣбныхъ запасовъ въ Тавань и въ Запорожье. У запорожскихъ козаковъ отъ прошлогодняго похода оставалось «полковыхъ» судовъ счетомъ 50, на

---

[1]) Архивъ мин. ин. дѣлъ; мал. дѣла, 1698, св. 103, № 7.

[2]) Архивъ мин. ин. дѣлъ; мал. подл. акты, 1698, св. 12, № 1163 — 1144.

половину, однако, попорченныхъ ими черезъ возку въ нихъ дровъ, травы «и другихъ потребностей»; липовыхъ и дубовыхъ лодокъ можно было собрать въ Запорожьѣ до 80, но въ нихъ слишкомъ мало можетъ помѣститься походнаго войска [1]). Правда, гетманъ черезъ стряпчаго Михаила Васильевича Текутьева, ѣхавшаго въ Сичь съ царскимъ жалованьемъ, писалъ запорожскимъ козакамъ письмо съ приказаніемъ безъ всякой отговорки сдѣлать 40 судовъ къ весеннему походу изъ присланныхъ къ нимъ въ прошломъ году отъ великаго государя подошвъ (основъ) и другихъ лѣсныхъ матерьяловъ. Но посланныя къ запорожцамъ подошвы и лѣсные матерьялы, вслѣдствіе умаленія воды въ днѣпровскихъ порогахъ и оттого вслѣдствіе невозможности переправы ихъ черезъ пороги, оставлены были въ «тиховодныхъ мѣстахъ» подъ Кодакомъ и сданы были въ вѣдѣніе кодацкаго полковника съ товариствомъ. Другіе же, необходимые къ тѣмъ подошвамъ, матерьялы, какъ-то: якоря, желѣзо, полотно, пенька, веревки, смола и канаты, отданы были нарочно присланнымъ къ Кодаку запорожцамъ и должны были быть доставлены въ Сичу. Но на тѣхъ запорожскихъ нарочныхъ, какъ разъ передъ прибытіемъ въ Кодакъ съ войскомъ самого гетмана, когда они за пьянствомъ забыли всякую отъ враговъ осторожность, напалъ татарскій чамбулъ и захватилъ у нихъ коней. Кромѣ того большое затрудненіе доставляетъ гетману и все запорожское войско: пріученные гетманомъ и княземъ въ прошлый походъ къ большимъ денежнымъ и другимъ подаркамъ, козаки уже теперь требуютъ себѣ денежной платы и домогаются «надлежащаго» въ городахъ прокормленія. И вообще запорожцы весьма неохотны къ настоящему походу. Еще въ прошлый походъ, прибывъ къ Таванскому городу и остановившись у урочища Голой Пристани, они, хотя и учинили тамъ съ непріятельскими судами «воинскую зацѣпку», но дальше этого не пошли, отговариваясь тѣмъ, что противъ нихъ стоитъ слишкомъ много непріятельскихъ судовъ, снабженныхъ пушками, съ которыми ни они, ни предки ихъ никогда «открытымъ лицомъ» не воевали, и что противъ военныхъ турецкихъ каторгъ слишкомъ утлы и мелки запорожскія лодки. Оттого запорожцы больше нападали на купеческія каторги, и если были иногда застигаемы у

[1]) Въ отдѣльности всѣхъ оставленныхъ въ Сичи и Тавани полковыхъ судовъ насчитывалось: 66 дубовъ, 46 струговъ и 2 фурката.

днѣпровскаго гирла, гдѣ-нибудь возлѣ Очакова, турецкими военными каторгами, то, не вступая съ ними въ бой, уклонялись отъ нихъ къ урочищу Стрѣлицѣ, тами рубили или топили свои челны, а сами уходили до Сѣчи пѣшкомъ. По всему этому Мазепа не ждалъ отъ запорожцевъ, хотя они подъ Таванскимъ городомъ и показали въ прошлый походъ «усильственный съ погаными бой», существенной помощи въ предстоящемъ походѣ и просилъ государя побудить ихъ къ тому своею царскою грамотой [1]).

Самъ Мазепа, желая добыть подлинныя вѣсти «объ оборотахъ» бусурманъ, на первой недѣлѣ великаго поста отправилъ бывшаго кошевого атамана Ивана Гусака съ товариствомъ, зимовавшаго передъ тѣмъ возлѣ Батурина, къ рѣкѣ Бугу, давъ ему компанѣйскаго сотника Павла Ѳедорова рубановскаго коннаго полка съ «знатною» частью товариства [2]) и приказавъ ему прослѣдить за татарами, которые будутъ строить мостъ на рѣкѣ для переправы по немъ бѣлогородцевъ черезъ Бугъ. Гусакъ и сотникъ Ѳедоровъ, претерпѣвая страшныя стужи и большія нужды, долго поджидали бусурманъ и, наконецъ, уже въ маѣ, 20 числа, дождались прибытія въ урочище Сугаклею одного бѣлогородско-погайскаго загона, числомъ въ 76 человѣкъ, подъ начальствомъ Девлетъ-аги. Татарскій загонъ, переплывъ въ бродъ рѣку Бугъ, направился въ городъ Крыловъ, что у праваго берега рѣки Днѣпра, для поимки русскаго языка. Перейдя съ нѣсколькими десятками лошадей рѣку Бугъ, татары скоро добрались до урочища Сугаклей и какъ разъ въ полдень нарвались на Ѳедорова и Гусака, когда они стояли на стану. Козаки храбро напали на татаръ, пока они не успѣли устроиться кошемъ, и вступили съ ними въ бой. Бой длился два часа. Подъ конецъ, когда Девлетъ-ага, потерявъ подъ собой коня, сѣлъ на другого коня и обратился въ бѣгъ, то за нимъ побѣжалъ и весь его чамбулъ. Тогда козаки побѣжали по слѣдамъ татаръ и однихъ изъ нихъ побили въ полѣ, другихъ разогнали, а третьихъ, числомъ, шесть человѣкъ, взяли въ полонъ и представили гетману Мазепѣ въ таборъ подъ Човными. Гетманъ, подвергнувъ допросу взятыхъ татаръ въ плѣнъ, отправилъ ихъ, вмѣстѣ съ Иваномъ Гусакомъ и Павломъ Ѳедоровымъ въ Москву, при чемъ о послѣднихъ двухъ просилъ государя пожаловать ихъ, ради поне-

[1]) Архивъ мин. ин. дѣлъ, мал. дѣла, 1698, св. 104, № 18.

[2]) Всего было у Гусака и Ѳедорова 120 человѣкъ козаковъ.

сенныхъ ими трудовъ и ради службы на будущее время, своимъ царскимъ жалованьемъ [1]).

Плѣнные татарскіе языки, поставленные на допросъ, показали, что о намѣреніи русскаго царя идти на турокъ и татаръ уже давно извѣстно въ Крыму, а именно извѣстно то, что московскія войска «на три части пойдутъ»: одни сухимъ путемъ на Крымъ; другіе отъ Азова на городокъ Горбатокъ, что на Конскихъ Водахъ, а третьи водой на Чангаръ. Противъ тѣхъ, которые будутъ идти сухимъ путемъ, станутъ нурреддинъ и калга-салтанъ съ ордой; противъ тѣхъ, которые пойдутъ водой, станутъ турецкія войска, которыя также прійдутъ водой. Кромѣ того въ Измаилъ и Килію пришли 4 паши къ большимъ числомъ турецкихъ войскъ [2]). Они послали отъ себя въ польскіе края подъѣздъ для разузнанія о тамошнихъ дѣлахъ, и если получатъ вѣсть, что польскія войска пойдутъ въ Бѣлогородчину и подъ Каменецъ-Подольскъ, то и сами туда-же пойдутъ; если-же польскія войска въ Бѣлогородчину и подъ Каменецъ-Подольскъ не пойдутъ, то наши двинутся сухимъ путемъ къ Очакову, а оттуда подъ Кызыкермень и Тавань. Самъ турецкій султанъ, а вмѣстѣ съ нимъ и крымскій ханъ, находятся въ Адріанополѣ, откуда намѣреваются идти въ Венгерскую землю; туда-же велѣно идти Казыгераю съ ногайскою и городскою ордой. Въ Крыму всю зиму былъ великій моръ на людей, который теперь, однако, совершенно утихъ [3]).

За доставленныя вѣсти Павелъ Өедоровъ и Иванъ Гусакъ съ товарищами были награждены деньгами и подарками и отпущены домой [4]).

Не смотря на такую грозу, запорожцы не спѣшили приготовленіями къ походу на низовье Днѣпра. Іюня 2-го дня кошевой атаманъ Григорій Яковенко и все запорожское низовое войско послали гетману Мазепѣ, черезъ козака Якова Пащенка и Степана Ляшенка, свой листъ съ увѣдомленіемъ о томъ, что хотя имъ и велѣно было забрать въ Сичь всѣ присланныя отъ государя и находившіяся въ Кодакѣ подошвы для сооруженія морскихъ чел-

---

[1]) Архивъ мин. ин. дѣлъ, дѣлъ, 1698, св. 105, № 29, подл. акты, св. 12, № 1174—1154.

[2]) По другому показанію, въ числѣ 20.000 человѣкъ.

[3]) Архивъ мин. ин. дѣлъ, мал. дѣла, 1698, св. 105, № 29.

[4]) Архивъ мин. ин. дѣлъ; мал. дѣла, 1698, св. 105, № 30.

новъ, но войско того приказанія тотчасъ исполнить не могло: одна часть его въ то время ходила въ воинскіе промыслы на низовье Днѣпра; другая часть, сообразно рыцарскому обычаю, находилась въ полѣ, а третья часть была на рѣчкахъ полевыхъ. Теперь-же, когда войско вернулось въ Сичь, кошевой атаманъ немедленно отправилъ «нѣкоторое свое товариство» въ Кодакъ и велѣлъ ему доставить свои подошвы и всѣ лѣсные матерьялы въ самую Сичь. Когда-же посланные справятся со своими дѣлами, то войско обѣщается немедленно взяться за сооруженіе мореходныхъ челновъ и проситъ только прислать нѣсколько денегъ («золотыхъ грошей») для расплаты съ мастерами и ковалями, которые будутъ дѣлать гвозди, скобы и иныя на морскія суда оковы, все остальное запорожцы сдѣлаютъ сами безъ платы, и когда все будетъ готово, исполнятъ царскую службу съ большой охотой. Теперь-же просятъ гетманскую вельможность оказать имъ милость прислать для сичевой святопокровской церкви, «выставленной коштомъ и стараніемъ» самого-же гетмана, на крышу и на три креста Господня жести или бѣлаго желѣза и на окна надлежащихъ оболовей, «особливо же всего иконнаго изображенія зупольного [1]) олтаря Господня». За исполненіе такой просьбы преблагословенная дѣва Марія покроетъ его вельможность своимъ омофоромъ, украситъ его душу боголюбивою лѣпотою, избавитъ отъ всякихъ бѣдствій и умолитъ своими матерними молитвами сына своего, Христа Бога нашего [2]).

Хотя гетману и не нравилась медленность сборовъ къ походу со стороны запорожцевъ, тѣмъ не менѣе онъ старался исполнять всѣ ихъ просьбы въ точности. Такъ, черезъ посланца своего Якима Кныша, онъ отправилъ въ Сичь 500 бочекъ борошна, собраннаго у Переволочанскаго перевоза; кромѣ того послалъ войску знамя съ изображеніемъ на немъ покрова пресвятой Богородицы и литавры и обѣщалъ исхлопотать для запорожскаго войска у великаго государя «особливое военное знамя» [3]). Не забылъ гетманъ и таванскихъ запорожцевъ, для которыхъ просилъ великаго государя о выдачѣ хлѣбныхъ, въ видѣ крупы, запасовъ, и на ту гетманскую челобитную послѣдовала царская милость [4]). Нужно

---

[1]) Зупольный съ польскаго «zupełny»—цѣлый, полный, совершенный.

[2]) Архивъ мин. ин. дѣлъ, мал. подл. акты, 1698, св. 12, № 1173—1153.

[3]) Архивъ мин. ин. дѣлъ, мал. подл. акты, 1698, св. 12, № 1174—1154.

[4]) Архивъ мин. ин. дѣлъ; малор. дѣла, 1698, св. 105, № 29.

думать, что именно въ это-же время, по челобитной Мазепы, послано было изъ Москвы таванскимъ запорожцамъ зелья (пороху) сверхъ годового количества 50 пудовъ ручного, 50 пудовъ пушечнаго и 30 пудовъ свинцу [1]).

Удовлетворяя всѣ просьбы запорожцевъ, гетманъ Мазепа немало, однако, тому дивился, что они такъ долго не отвѣчали ему на его предписаніе о заготовленіи челновъ къ предстоящему походу и ничего не сообщили ему о своихъ планахъ: два раза онъ писалъ имъ приготовить со всею «пильностью» для плавнаго похода мореходные струги и изготовиться въ военный походъ въ предстоявшее лѣто, и только послѣ третьяго раза, когда гетманъ послалъ къ запорожцамъ съ борошномъ, со знаменемъ и съ котлами (бубнами), Якима Кныша, они написали гетману благодарственный листъ отъ всего войска [2]).

Что было причиной такой медлительности со стороны запорожцевъ—неизвѣстно. Но получивъ хлѣбные запасы и принявъ «барзо учтиво и хвалебно» пожалованные клейноты, запорожцы запасы спрятали «въ удобныя мѣста до слушного часу» и написали гетману отъ всего войска живѣйшую благодарность и дали обѣщаніе вѣрно служить великому государю [3]).

Послѣ всего этого гетману Мазепѣ ничего другого не оставалось, какъ идти походомъ противъ бусурманъ. На этотъ разъ онъ пошелъ уже не плавнымъ, а сухимъ путемъ и притомъ не правымъ, а лѣвымъ берегомъ Днѣпра. Отправивъ впереди себя въ Таванскій городокъ четыре полка, гетманъ оставилъ при себѣ шесть полковъ и съ ними двинулся отъ Батурина къ рѣкѣ Коломаку, гдѣ соединился съ княземъ Яковомъ Ѳедоровичемъ Долгорукимъ, а отъ Коломака пошелъ къ рѣкѣ Орели и, іюня 7 дня, былъ уже таборомъ за Орелью [4]). Отъ рѣки Орели, перейдя Самарь, гетманъ и князь двинулись «перекопскою стороной»; однако, боясь безводья и безкормицы въ перекопской степи, повернули къ городу Тавани и потомъ послали отъ себя отрядъ въ 10,000 человѣкъ подъ городъ Очаковъ. Кошевой атаманъ Григорій Яковенко шелъ плавнымъ путемъ къ днѣпровскому лиману и чинилъ промыслы противъ непріятелей.

---

[1]) Архивъ мин. ин. дѣлъ; мал. дѣла, 1699, св. 107, № 18.

[2]) Архивъ мин. ин. дѣлъ; мал. подл. акты, 1698, св. 12, № 1175—1155.

[3]) Архивъ мин. ин. дѣлъ, мал. подл. акты, 1698, св. 12, № 1174—1154.

[4]) Архивъ мин. ин. дѣлъ, мал. подл. акты. 1698, св. 11, № 1175—1155.

Но походъ этотъ окончился не только неудачно, а даже позорно для гетмана и воеводы: гетманъ и воевода, разсчитывая легко покончить съ Очаковымъ, скоро убѣдились, что взять его они вовсе не могутъ: «Намъ не образецъ запорожцы, которые въ малолюдствѣ ночью воровски проплываютъ, или сухопутьемъ пробираются къ морю. У насъ большіе обозы. Какъ только мы туда дойдемъ, въ Царьградѣ узнаютъ и пришлютъ противъ насъ на каторгахъ войско. И теперь стоять намъ подъ Кызыкерменемъ и Таванскомъ невозможно: люди отъ недостатка продовольствія разбѣгаются; запасъ на пять мѣсяцевъ на подводахъ привезти сюда трудно, а тѣ, которые отправлены были на судахъ, пропали въ порогахъ, и здѣсь ни за деньги не купить, ни саблею ничего достать невозможно. Поэтому лучше назадъ воротиться» [1].

Такъ гетманъ и воевода дѣйствительно и воротились ни съ чѣмъ изъ похода, еще разъ показавъ свою неспособность къ военнымъ подвигамъ [2].

Вмѣстѣ съ гетманомъ и воеводой покинулъ городъ Тавань и кошевой атаманъ Григорій Яковенко. Покидая низовье Днѣпра, Григорій Яковенко оставилъ въ Тавани нѣсколько человѣкъ запорожскаго товариства и приказалъ имъ не переставать бороться съ врагами святого креста.

Оставленные въ Тавани запорожцы, сколько могли, исполняли приказъ своего атамана, и въ концѣ декабрѣ мѣсяца въ числѣ девяти человѣкъ, подъ начальствомъ товарища сергіевскаго куреня, Максима, ходили къ урочищу Стрѣлицѣ и захватили тамъ четырехъ татаръ въ плѣнъ [3], за что гетманъ исхлопоталъ для таванскихъ запорожцевъ хлѣбные запасы отъ царя [4].

Мелкія дѣйствія запорожскихъ козаковъ общему дѣлу нисколько не помогли, и потому уже въ октябрѣ мѣсяцѣ 1698 года между Россіей и Турціей открылись переговоры о перемиріи на венгерскомъ сеймѣ въ придунайскомъ городѣ Карловичахъ. Января 14 дня, 1699 года, по карловицкому договору «единодушнымъ» соглашеніемъ Россіи и Турціи постановлено было: «Да престанетъ всякая брань, и война, и рать, и сраженіе, и обоюду отдалятся

---

[1]) Архивъ мин. юстиціи, 1698, книга 68, л. 59.

[2]) Бантышъ-Каменскій, Источники, Москва, 1859, II, 22.

[3]) Архивъ мин. ин. дѣлъ, 1699, св. 8, № 729а—713.

[4]) Архивъ мин. ин. дѣлъ, 1699, св. 107, №№ 14, 23.

и истребятся враждебныя дѣла и отъ подданныхъ его царскаго величества москвитиновъ, и козаковъ, и иныхъ, предѣламъ мусульманскимъ, и крымскимъ и инымъ его султанову величеству подлежащимъ мѣстомъ и подданнымъ никакой набѣгъ и вредительное дѣло, и ни тайно, ни явно, никакой вредъ учинити» [1]).

Перемиріе заключено было на два года, и гетману Мазепѣ посланъ былъ, апрѣля 6 дня, списокъ съ договорной грамоты между русскимъ царемъ и турецкимъ султаномъ.

Гетманъ Мазепа, получивъ списокъ съ грамоты, объявилъ о томъ, послѣ праздника Христова Воскресенія, генеральной старшинѣ и полковникамъ, а потомъ всему малороссійскому козацкому войску и простому народу.

Не смотря на состоявшееся перемиріе, запорожскіе козаки вовсе не думали прекращать военныхъ дѣйствій противъ бусурманъ. Такъ, мая 4 дня, кошевой атаманъ Мартынъ Стукало (онъже Стукъ), со всѣмъ товариствомъ низовыхъ козаковъ, отправилъ просьбу къ гетману Мазепѣ о присылкѣ на Кошъ денегъ и борошна для запорожскаго войска, которое «собралось немалымъ собраніемъ и изъ котораго находится много охотниковъ какъ для добыванія языковъ, такъ и для отпора непріятелей на случай, если-бы бусурмане захотѣли исполнить свои мысли около взятья городовъ Таванска и Кызыкерменя, согласно вѣстямъ, которыя получены были запорожцами и черезъ запорожцевъ доставлены гетману». Кошевой атаманъ усердно просилъ возможно скорѣй прислать необходимыя деньги и запасы въ Сичь, въ противномъ случаѣ собранное войско могло разойтись по городамъ и по разнымъ мѣстамъ и тогда трудно было-бы собрать его со всѣхъ сторонъ «къ охотному военному дѣлу» [2]).

Не дождавшись отвѣта на просьбу о помощи хлѣбомъ и казной, тотъ-же кошевой Мартынъ Стукъ донесъ гетману о томъ, что сичевое товариство, собравшись съ ватажнымъ атаманомъ во главѣ, ходило плавнымъ способомъ по Днѣпру на лиманъ, взяло тамъ подъ Очаковомъ двухъ бусурманскихъ языковъ и возвратилось назадъ [3]).

Вѣсть о походѣ запорожцевъ противъ татаръ дошла до царя,

---

[1]) Письма и бумаги Петра Великаго, СПБ. 1887, I, 272.
[2]) Архивъ мин. ин. дѣлъ. мал. дѣла, 1699, св. 107, № 18.
[3]) Архивъ мин. ин. дѣлъ; мал. дѣла, 1699, св. 106, № 1.

въ Москву, и царь Петръ Алексѣевичъ отправилъ къ гетману Мазепѣ грамоту съ приказаніемъ послать извѣстіе запорожскому войску о состоявшемся мирномъ договорѣ между Турціей и Россіей и съ требованіемъ прекращенія со стороны козаковъ всякихъ ссоръ и задоровъ съ турками и татарами [1]).

Въ самый Кошъ съ тѣмъ-же извѣстіемъ посланы были стряпчій Михайло Текутьевъ да подъячій Степанъ Фроловъ. Кромѣ извѣстія о перемиріи царскіе посланцы везли запорожскому войску обыкновенное годовое жалованье съ прибавкою 50 половинокъ амбургскихъ суконъ и двѣ ризы, камчатую и тафтяную, съ подризниками, поручнями и епитрахилями, для сичевой святопокровской церкви.

Получивъ царскіе дары, запорожскіе козаки и кошевой атаманъ Стукало послали государю обширный листъ съ пожеланіями всѣхъ благъ царскому пресвѣтлому величеству—долголѣтняго и счастливаго царствованія, побѣды и покоренія «всѣхъ душевныхъ и тѣлесныхъ» супостатовъ, радостнаго, послѣ земного монаршескаго престола, достиженія небесной обители; обѣщали, согласно царскому приказанію, оберегать города Таванскъ и Кызыкермень, выручать находившихся въ нихъ московскихъ ратныхъ людей всѣмъ войскомъ своимъ и доносить гетману обо всѣхъ замыслахъ бусурманъ, а за все то просили государя удовлетворить войско прибавкою жалованья къ обыкновенному годовому жалованью деньгами, сукнами, свинцомъ и порохомъ, «такъ какъ у запорожскихъ козаковъ, государскимъ счастіемъ, пушекъ достаточно умножилось, а зелья къ пушкамъ весьма мало присылается, чрезъ что при происходящемъ денежномъ и суконномъ дѣлежѣ порохъ никогда не дѣлится, да и для потребы самыхъ пушекъ едва на полгода его хватаетъ». Кромѣ того запорожское низовое войско било челомъ царскому величеству и на томъ, дабы государь приказалъ выдать изъ казны мастерамъ, построившимъ, по царскому приказу, въ прошедшее лѣто, для морского похода 40 челновъ, по 10 рублей за каждый стругъ, всего 400 рублей за 40 челновъ [2])

Царскіе послы, возвратившись изъ Запорожья въ Москву, сообщили тамъ обо всемъ, что имъ пришлось видѣть и слышать въ средѣ козаковъ. Извѣстія, привезенныя ими, были вполнѣ успокоительнаго характера.

---

[1]) Архивъ мин. ин. дѣлъ, 1699, св. 106, № 1.

[2]) Архивъ мин. ин. дѣлъ, мал. дѣла, 1699, св. 107, № 18.

Но едва прошло два мѣсяца послѣ возвращенія Текутьева и Фролова въ Москву, какъ царь получилъ вѣсть о томъ, что, августа 15 дня, между запорожскими козаками, сердюцкими людьми гетманскаго регимента и великороссійскими ратниками въ крѣпости Тавани и Кызыкерменѣ произошли жестокое междоусобіе и побои. На ту пору воеводой русскихъ ратныхъ людей былъ Иванъ Аверкіевъ Опухтинъ, подполковникомъ солдацкимъ Андрей Тимоѳеевъ Англеровъ, пѣхотнымъ сердюцкимъ полковникомъ Яковъ Покотило. Воевода Опухтинъ извѣстилъ гетмана Мазепу, что виновниками междоусобія и побоевъ были сѣченскіе козаки, за что-то невзлюбившіе русскихъ и малороссіянъ [1]. Сѣченскіе козаки, которые живутъ на службѣ великаго государя въ Таванскѣ, дерутся съ ратными людьми, живущими въ Кызыкерменѣ и Таванскѣ, не даютъ имъ прохода на рынкахъ, чинятъ задоры, сами уходятъ въ каменный Таванскій городокъ, тамъ заперши́сь, бросаютъ камнями и палками въ ратныхъ людей, не позволяютъ имъ торговать ни на рынкахъ, ни въ указанномъ, отъ большихъ воротъ, противъ земляного города, мѣстѣ, и когда ратные люди приходятъ на рыночное мѣсто, бьются съ ними и едва до смерти не убиваютъ, особенно разбойствуютъ тѣ запорожцы, которые ходили на Зарубокъ и изъ Крыма къ Тавани возвратились; они прогоняли русскихъ къ городской башнѣ, бросали въ нихъ полѣньями, били полуполковника русской службы Англерова и выбили каменьями изъ городка самого воеводу Опухтина, когда онъ пытался унять ихъ и привести къ послушанію. Воевода Опухтинъ посылалъ къ находившимся въ то время въ Таванскомъ городкѣ и присланнымъ отъ кошевого атамана, полковнику Михаилу Костенку, писарю и асаулу, съ просьбой унять запорожцевъ, но полковникъ, писарь и асаулъ на то отвѣчали, что таванскіе запорожскіе козаки чинятъ то самовольно и удержать ихъ отъ такого дѣла невозможно. При всемъ томъ воевода Опухтинъ, по челобитной запорожцевъ, выдалъ имъ, смотря на ихъ бѣдность, 16 кулей четвертныхъ хлѣбныхъ запасовъ. Но запорожцы все-таки не переставали чинить задоровъ и побоевъ московскимъ ратнымъ людямъ и заодно съ ними козакамъ сердюцкаго полка полковника Якова Покотила и городовымъ

[1]) Въ письмѣ кошевого Петра Прима къ царю Петру Алексѣевичу сказано, что дѣло началось сперва ссорой между «подпилыми» (выпившими) запорожцами и служилыми ратными людьми.

козакамъ переяславскаго наказного полкового асаула Степана Томары.

Въ такомъ видѣ изложили свою жалобу на таванскихъ запорожцевъ воевода Опухтинъ и полковникъ Покотило. Иначе представилъ это дѣло запорожскій полковникъ Михайло Костенко въ письмѣ къ кошевому атаману Петру Примѣ и всему старшему и меньшему сичевому товариству.

«Не чернилами, но слезами описываемъ случившуюся войску запорожскому низовому бѣду нашу, которая учинилась намъ въ 15 день августа отъ воеводы (Опухтина) да отъ пѣхотного полковника Покотила и отъ всѣхъ ратныхъ людей и сердюковъ. Напоивъ своихъ людей виномъ, они велѣли добывать насъ, какъ будто непріятелей, въ городкѣ, а добывъ насъ, они, воевода и Покотило, велѣли до смерти побивать каменьемъ неизвѣстно ради какихъ причинъ. И такъ тѣ убійцы, по приказу своихъ начальниковъ, въ то время убили до смерти товарища пластуновского куреня Левку, козакамъ менского куреня, Петру, Яцку Рудому да Савкѣ Старому деревянкинского куреня, двумъ сергіевскаго куреня, атаману Лукьяну Лотвицкому, мучительски головы до мозгу разбили безъ всякой надежды остаться живыми, церковного пономаря убили и всѣмъ намъ, находившимся въ томъ городкѣ, однимъ руки и ноги поломали, головы, ребра и всѣ уды сокрушили, всѣ имѣнія наши войсковыя и церковныя побрали. Прежде всѣхъ шальной Покотило, бѣгая съ голою шаблей отбилъ казну войсковую [1]); за нимъ москвичи и сердюки, видя его сумашествіе, начали грабить котлы [2]), ружья, одно себѣ забирали, другое о камни разбивали, кафтаны, ямурлуки, деньги и всѣ вещи наши разграбили, имущества людей купецкихъ, то-есть вина, меды и бочки, поразбивали, запасы и соль нашу ругаясь по землѣ поразсыпали и самую церковь божію святого великомученика Христова Георгія алтарь кровію нашею, волоча крывшихся въ церкви, осквернили, такъ что въ ней невозможно и безкровной жертвы приносити. Но Покотило, не довольствуясь пролитою кровію нашею, похваляется всѣхъ насъ побить и изъ городка выбросить, ссылаясь на указъ гетмана, что особенно насъ устрашило. Ради того посылаемъ къ вамъ, войску низовому запорожскому, коннаго нарочного посланца нашего, быв-

---

[1]) Въ другомъ документѣ сказано: амбаръ войсковой съ припасомъ.

[2]) Въ другомъ документѣ сказано: котлы куренные для варки пищи.

шого писаря Захарку, и просимъ себѣ отъ вашихъ милостей скоро письменного отвѣта, какъ намъ поступить съ собой и какъ сидѣть безъ котловъ голодными. О той бѣдѣ нашей извольте написать къ ясновельможному, его милости, господину гетману, что мы отъ непріятелей—бусурманъ и отъ ихъ пушекъ и гранатъ не имѣли такого урона въ здоровьѣ и имуществѣ своемъ, какъ симъ временемъ отъ своихъ христіанъ, черезъ которыхъ и всѣ наши строенія разорены, и сами мы не знаемъ, гдѣ приклонить наши разбитыя головы. Посылая при этомъ роспись нашихъ убытковъ, просимъ усердно, покорно, слезно и униженно вашихъ милостей о скоромъ намъ указѣ и о наставленіи, какъ намъ поступить, однимъ-ли съ душами уходить, или-же съ войсковыми клейнотами и церковною утварью къ вамъ на Кошъ являться. Вельможный гетманъ пишетъ въ почтенномъ письмѣ своемъ черезъ посланныхъ нашихъ, дабы мы весь годъ великому государю служили, за что обѣщаетъ и казны и запасовъ, сколько можно будетъ, прислати, а того не вѣдаетъ, какъ Покотило безвинно наше товариство побиваетъ и какъ меня, полковника, онъ приказалъ сердюкамъ безъ милосердія обухами до смерти бити, еслибъ не оборонилъ подполковникъ солдацкого полка, Андрей Тимоѳеевичъ Англеровъ».

Въ приложенной при пісьмѣ Костенка росписи значилось, что именно у запорожскихъ козаковъ пограблено: въ донскомъ куренѣ солдаты и сердюки 4 пищали взяли, 4 изломали, два котла да четыре рубля «у покойника» взяли; въ конеловскомъ куренѣ пищаль да саблю да два котла разбили и одинъ кафтанъ въ лоскутья изорвали; въ деревянкинскомъ куренѣ семь золотыхъ да два мушкета взяли; въ сергіевскомъ одну пищаль да десять ефимковъ взяли; въ калниболотскомъ два котла разбили; въ уманскомъ мушкетъ, кафтанъ и двѣ шапки захватили; у ивановскаго козака (т. е. у козака ивановскаго куреня) два котла изломали; у пономаря кафтанъ суконный да поясъ большой и ключи церковные взяли; у джереловцевъ (козаковъ джереловскаго куреня) цѣпи, натруски (т.-е. пороховницы) и мѣрочки побрали» [1]).

Кошевой атаманъ Петро Прима, получивъ такой листъ отъ таванскаго полковника Костенка, немедленно послалъ, черезъ козаковъ Харька Коломыйченка и Семена Рубана, письмо Мазепѣ и въ томъ письмѣ извѣщалъ гетмана, что войско запорожское, услы-

---

[1]) Архивъ мин. ин. дѣлъ, мал. дѣла, 1699, св. 107, № 38.

шавъ о неладахъ между русскими ратными людьми и запорожцами въ Тавани и желая установить тамъ «тихомирную обыклость, какова на стародавнемъ гнѣздѣ войсковомъ чинится», постановило на войсковой радѣ отправить изъ Коша двухъ полковниковъ, одного въ Кодацкую крѣпость, другого въ Таванскій городокъ. Тѣмъ полковникамъ приказано было, придя на мѣсто, унять раздоры между запорожцами и великороссійскими и малороссійскими войсковыми людьми. Сердюцкому полковнику Покотилу и таванскому воеводѣ Опухтину Кошъ написалъ просьбу оказывать склонность посылаемому отъ запорожскаго Коша полковнику Михайлу Костенку и сообща съ нимъ стараться о водвореніи въ Тавани добраго порядка. Но едва полковникъ Костенко прибылъ въ Тавань, еще въ то время, когда онъ не успѣлъ и осмотрѣться въ ней, какъ былъ обруганъ и осмѣянъ полковникомъ Покотиломъ. Потомъ тотъже Покотило, согласясь съ воеводой Опухтинымъ, государевыми людьми и сердюками, захватилъ «на добровольной дорогѣ» Костенка и избилъ его обухами едва не до полусмерти, послѣ чего, не могши проникнуть черезъ затворенныя ворота въ городъ, Покотило перебрался «съ многолюдствомъ» московскимъ и со своими сердюками черезъ каменную стѣну города и, добывъ тамъ саблю, сталъ рубить всѣхъ, кто только попадался ему, до смерти, отдавъ такой-же приказъ и всѣмъ бывшимъ съ нимъ людямъ. Тѣ люди ограбили войсковую и церковную скарбницу, забрали продовольственные запасы, порохъ, соль, деньги, ворвались въ церковь, перебили козаковъ, тамъ скрывшихся, разорили и разметали всѣ курени, разбили котлы, изломали оружіе и причинили очень много убытку ни въ чемъ неповиннымъ таванскимъ козакамъ запорожскимъ. Соболѣзнуя въ такой бѣдѣ несчастнымъ страдальцамъ, все войско единодушно и слезно проситъ гетмана, какъ своего законнаго региментаря, разобрать поступокъ злого кровопролійцы христіанскаго, Покотила, учинить надъ нимъ управу и или наказать его отъ себя лично, или-же прислать его для наказанія въ Кошъ запорожскій, а всѣ убытки за разграбленныя вещи взыскать съ виновниковъ погрома.

Гетманъ Мазепа всему происшедшему въ городѣ Тавани по справедливости придалъ особенную важность; опасаясь, чтобы огонь вражды между запорожскими козаками и русскими ратными людьми не принялъ особенно большихъ размѣровъ, гетманъ далъ обѣщаніе кошевому Примѣ немедленно послать отъ себя въ городъ

Тавань «знатную, постоянную и богобоязливую особу», такую-же особу просилъ послать и отъ запорожскаго Коша для розыска о виновникахъ «завода» и для наказанія ихъ «надлежащимъ наказаніемъ» [1]).

Не дождавшись пріѣзда обѣщанной гетманомъ богобоязливой особы, запорожцы черезъ мѣсяцъ послѣ происшествія въ Тавани снарядили большое посольство и отправили его къ царю Петру Алексѣевичу въ столицу. Послано было 76 человѣкъ, разныхъ куреней, низового товариства, во главѣ которыхъ стояли полковники Иванъ Мартышевскій, Василій Донецъ, писарь Иванъ да асаулъ Ѳедоръ [2]).

Въ это время у запорожскихъ козаковъ назрѣло нѣсколько жалобъ, просьбъ и претензій, и они все то изложили на письмѣ къ гетману Мазепѣ и къ царю Петру Алексѣевичу, и тѣ письма вручили главнымъ представителямъ своего посольства.

Прежде всего запорожцы обращались съ просьбой какъ къ гетману Мазепѣ, такъ и къ царю Петру Алексѣевичу о прибавкѣ «сверхъ прошлогодняго годового» жалованья въ деньгахъ, сукнахъ, порохѣ и свинцѣ. Уже нѣсколько лѣтъ ни пороху, ни свинцу не даютъ они въ раздѣлъ, потому что и того и другого слишкомъ мало имъ присылается на Кошъ, и хотя у запорожцевъ въ последнее время, благодаря вниманію государей и самаго гетмана, пушекъ «довольно примножилось», но зато, не имѣя достаточно

---

[1]) Архивъ мин. ин. дѣлъ, мал. дѣла, 1699, св. 107, № 38.

[2]) Между рядовыми козаками въ томъ посольствѣ были: Иванъ Омельченко, Андрей Москаленко, Романъ Кульбака, Тишко Емщикъ, Грицко Сухій, козакъ Миско, Максимъ Таранъ, Грицко Заика, Ефимъ Макаренко, Ѳедько Нареченный, Иванъ Оргіенко, Кирикъ Прокопенко, Ѳедоръ Остряница, Матвѣй Рудый, Грицко Деребера, Василій Старый, Иванъ Краснянскій, Грицко Безыменный, Иванъ Сова, Мартынъ Сахненко, Иванъ Остряница, Константинъ Гордѣенко, Матвѣй Иваненко, Лукьянъ Кузьменко, Юрко Бѣлоцерковецъ, Моисей Черманъ, Иванъ Гирманъ, Савка Скакунъ, Дацко Незамай, Антонъ Туръ, Остапъ Убогій, Василій Жидченко, Яцко Шульга, Иванъ Долгій, Грицко Чеверда, Василій Сирота, Филиппъ Барышъ, Иванъ Котляренко, Иванъ Портянскій, Аѳанасій Василенко, Кузьма Василенко, Ѳесько Суставъ, Василій Замулиный, Михайло Нечитайло, Игнатъ Детунъ, Самойло Лазука, Степанъ Сироватко, Грицко Бѣлый, Павло Синицкій, Кондратъ Иваненко, Стецко Горькавый, Иванъ Бѣлицкій, Василій Черкасенко, Иванъ Щербанъ, Левко Мужака, Тимушъ Майла, Иванъ Бутокъ, Яковъ Пащенко, Иванъ Труханъ и многіе другіе.

боевыхъ запасовъ, они не могутъ «тѣшиться» и стрѣлять изъ пушекъ, по своему положенію, ни въ дни праздненства, крестнаго хода, похоронъ знатнаго товариства, годовыхъ нарочитыхъ праздниковъ, во время пріема монаршескихъ посланныхъ и при почитаніи имени великаго государя. Кромѣ этой просьбы запорожцы просили и гетмана и государя объ уплатѣ мастерамъ-лодочникамъ за сооруженіе ими сорока судовъ, по 10 рублей за каждое судно, которыя сдѣланы были для плавнаго похода въ прошлое лѣто: да явитъ государь свою милость войску и прикажетъ выдать изъ своей монаршей казны требуемую сумму и прислать ее на Кошъ для раздачи работникамъ [1]). Тутъ-же запорожцы били челомъ о братіи своей страждущей въ бусурманской неволѣ, а именно о тѣхъ трехъ-стахъ-пятидесяти козакахъ, которые во время царскаго похода на турецкій городъ Азовъ, отважно дѣйствовали подъ начальствомъ атамана Чалаго, на Черномъ морѣ и счастливо крымскіе берега громили, но потомъ на обратномъ пути были въ полонъ взяты и посажены на каторги непріятельскія; запорожцы, указывая на наступившее мирное время, усердно просили освободить несчастныхъ «изъ тяжкой неволи и пустить ихъ на волю». Особо отъ просьбы о трехъ-стахъ-пятидесяти невольникахъ запорожцы просили о бывшемъ товарищѣ дядьковскаго куреня, Иванѣ Гадяцкомъ, козакѣ «давнемъ и во всѣхъ поступкахъ воинскихъ способномъ», который мужественно сражался съ татарами подъ городомъ Голтвой во время набѣга туда многочисленной орды татарской, но былъ побѣжденъ вмѣстѣ съ украинскими козаками [2]), взятъ въ плѣнъ бусурманами и хотя «ради старшинства у сѣчеваго товариства» помилованъ отъ смерти, зато отправленъ былъ въ Крымъ, въ неволю. Въ той неволѣ онъ томился до того времени, пока надъ нимъ не сжалился атаманъ дядьковскаго куреня: отправившись изъ Сѣчи въ Крымъ, онъ взялъ Гадяцкаго на поруки, а самъ вмѣсто него «сѣлъ въ неволю». Теперь Гадяцкій, пришедши въ Сѣчь, слезно проситъ кошевого атамана и все товариство сыскать взятаго въ плѣнъ атаманомъ Ѳедькомъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ на рѣкѣ Молочной татарина Текелды и усланнаго куда-то [3]) во внутрь Россіи и вернуть въ Крымъ,—въ замѣнъ

---

[1]) Объ этихъ двухъ просьбахъ запорожцы и раньше писали государю.

[2]) Всѣ его товарищи 90 человѣкъ, были побиты на мѣстѣ.

[3]) Изъ дальнѣйшихъ дѣлъ видно, что онъ былъ усланъ во Псковъ.

того татарина Гадицкому обѣщали дать свободу. Независимо отъ перечисленныхъ просьбъ запорожскіе козаки заносили жалобы отъ всего войска царю и гетману на воеводъ—Новобогородицкой крѣпости, Петра Иванова Потемкина, и Кызыкерменскаго городка, Ивана Аверкіева Опухтина и сердюцкаго полковника Якова Покотила. Воевода Потемкинъ «вступается въ ненадлежащія ему дѣла и чинитъ войску противныя затѣи». Такъ, запорожцы «за нѣкоторое неисправленіе и за совершенныя вины» отставили строителя собственнаго, возведеннаго войскомъ, Самарскаго Святониколаевскаго пустынножительнаго монастыря, игумена Алипія, и писали къ отцу игумену Межигорскаго монастыря, дабы онъ, пріобща Самарскую обитель къ своей Межигорской, прислалъ отъ себя какого-нибудь исправнаго и въ поступкахъ искуснаго человѣка, который-бы могъ быть строителемъ обители. По той просьбѣ запорожскаго войска и по благословенію кіевскаго митрополита, въ Святониколаевскій монастырь присланъ былъ искусный старецъ, іеромонахъ Никита Подвалинскій съ дьякономъ. Но прибывшаго старца Никиту воевода Потемкинъ почему-то не пустилъ въ обитель и никакого мѣста ему у себя не далъ, чѣмъ войску запорожскому причинилъ большую досаду. Запорожцы уже давно терпятъ стѣсненіе своихъ вольностей въ самарскихъ владѣніяхъ, и не желая пока, до удобной поры, безпокоить самого государя, чтобы доподлинно узнать, кому издавна принадлежитъ рѣка Самара, упрекаютъ гетмана Мазепу, который, хорошо зная, что рѣка Самара «отъ многихъ лѣтъ прямая запорожская, а ничья иная», позволяетъ полковникамъ и селитренникамъ разорять ее, дѣлать на ней селитру и давать на запорожскія угодья гетманскіе универсалы, въ томъ разсужденіи, будто-бы войско городовое и низовое одного запорожскаго имени и будто-бы въ той рѣкѣ Самарѣ «должна быть неотлагаемая часть» и для самого гетмана. Не отказываясь отъ того, что войско городовое и войско запорожское носятъ одно общее имя и находятся подъ однимъ гетманскимъ региментомъ, апорожское войско, однако, «никакой общины употреблять не смѣетъ и не хочетъ». Наконецъ черезъ поименованныхъ своихъ посланцевъ, Донца и Мартышевскаго, запорожцы вновь заявляютъ свою жалобу на воеводу Опухтина и на полковника Покотила, которые «отъ малыхъ ссоръ и драки учинили великій бунтъ и буйство» среди козаковъ, находящихся, въ числѣ 500 человѣкъ, въ Таванскомъ городѣ на службѣ великаго государя.

Запорожское посольство прибыло въ столицу въ полномъ составѣ въ ноябрѣ мѣсяцѣ, было принято государемъ и отпущено назадъ съ объявленіемъ о скорой отправкѣ въ Сичь зимнимъ путемъ съ особымъ посыльщикомъ обыкновеннаго годового, безъ прибавки, жалованья, о которомъ «указъ царского величества впредь учиненъ будетъ». Для изслѣдованія о таванскомъ кровавомъ дѣлѣ назначены были стольникъ Климъ Чихачевъ да подьячій Осипъ Гавриловъ, которые должны были ѣхать черезъ Сѣвскъ прямо къ Тавани, минуя Батуринъ и, пріѣхавъ на мѣсто, дождаться тамъ посланнаго человѣка отъ гетмана Мазепы для розыска дѣла, потомъ объявить о себѣ воеводѣ Опухтину, сдѣлать подробный допросъ всему, что написано въ жалобѣ кошевого Петра Примы и въ донесеніи гетману воеводы Ивана Опухтина и виновнымъ въ преступленіи ратнымъ русскимъ людямъ учинить наказаніе «по указу, по уложенію, и по новоуказанымъ статьямъ, а взятое на виновныхъ, доправя, возвратить челобитчикамъ»; виновныхъ-же черкасскихъ людей долженъ наказать присланный отъ гетмана человѣкъ по указу великаго государя и по праву войска, въ возвращеніемъ пограбленныхъ челобитчикамъ имуществъ. «А что потому великого государя указу онъ учинитъ, ему, Климу Чихачову, ѣхать къ великому государю къ Москвѣ и тотъ сыскъ и изъ него перечневую выписку за своею рукою привезти и самому явиться и сыскъ и перечневую выписку подать въ приказѣ Малыя Россіи думному дьяку Емельяну Игнатьевичу Украинцову съ товарищами» [1]).

Какъ окончился разборъ таванскаго дѣла—неизвѣстно, но въ февралѣ мѣсяцѣ слѣдующаго 1700 года запорожскому войску назначено было царское годовое жалованье: кошевому атаману 2 вершка бархатныхъ на шапки, 2 сукна кармазина по пяти аршинъ сукно, атласу да камки по 10 аршинъ, двѣ пары соболей по семи рублей пара, два сорока соболей по 50 рублей каждое сорокъ, судьѣ, писарю и асаулу по вершку бархатному, сукна кармазина по пяти аршинъ, атласу по 10 аршинъ, соболей по парѣ въ 7 рублей пара, по сорока соболей въ пятьдесятъ рублей каждое сорокъ; всему посольству дано 500 золотыхъ червонныхъ, 150 половинокъ шиптуховыхъ суконъ, 50 пудовъ зелья и 50 пудовъ свинцу, обертѣвъ въ рогожи и увязавъ веревками противъ прежнихъ такихъ-же отпусковъ. Для доставки всего названнаго цар-

[1]) Архивъ мин. ин. дѣлъ; донскія дѣла, 1699, св. 107, № 24.

скаго жалованья въ запорожскую Сичу назначенъ былъ жилецъ Даніилъ Андреевъ Жедринскій [1]).

Даніилу Жедринскому данъ былъ подробный наказъ ѣхать сперва въ Батуринъ къ гетману, взять тамъ роспись для роздачи запорожцамъ жалованья и съ тою росписью ѣхать немедленно въ Запорожье. Не доѣзжая самой Сичи послать отъ себя подъячаго Степана Фролова съ извѣстіемъ о своемъ прибытіи съ царскою казной и съ милостивой грамотой въ Запорожье. Явившись-же въ Сичь, подать кошевому атаману царскую грамоту и спросить о его здоровьѣ. А когда кошевой спроситъ о здоровьѣ государя, то ему говорить, что когда онъ, Жедринскій, отпущенъ былъ изъ Москвы, то великій государь былъ на своихъ великихъ и преславныхъ государствахъ россійскаго царствія въ добромъ здоровьѣ. Послѣ такого отвѣта объявить всему запорожскому войску о присылкѣ ему милостиваго жалованья на весь годъ и то жалованье роздать кошевому атаману, старшинѣ и всѣмъ посполитымъ людямъ по росписи, какову гетманъ Мазепа дастъ. Вручивъ-же жалованье, всему войску отъ имени великаго государя передать, дабы оно вѣрно и радѣтельно служило ему, оберегало Кызыкермень и Таванскій городокъ отъ бусурманъ, провѣдывало всякія вѣсти о замыслахъ враговъ и какъ можно чаще писало о томъ гетману Ивану Степановичу Мазепѣ. Если-же кошевой атаманъ и все посполитство станутъ говорить, почему въ царской грамотѣ не прописано поименно, какъ всегда раньше водилось, царское годовое жалованье козакамъ, то отвѣчать на это, что послу не вѣдомо о томъ и что для роздачи жалованья выдана ему роспись изъ приказа Малой Россіи, о росписи-же, выданной гетманомъ Мазепой, отнюдь никому не говорить на Кошѣ. Въ случаѣ-же не окажется на лицо тѣхъ людей, которымъ въ гетманской росписи будетъ написана дача, то назначенные подарки или взять назадъ и отвезти въ Батуринъ, къ гетману Мазепѣ, чтобы гетманъ Мазепа потомъ роздалъ ихъ по собственному усмотрѣнію тѣмъ людямъ, коимъ они назначены по праву. Находясь въ пути и будучи въ Сичѣ, «накрѣпко» провѣдывать, можно-ли ожидать отъ запорожцевъ вѣрности въ службѣ великому государю и нѣтъ-ли у нихъ съ кѣмъ-либо ссылокъ или къ нимъ какихъ-либо присылокъ, много-ли ихъ товарищества въ Таванскомъ городкѣ, въ какомъ по-

---

[1]) Архивъ мин. ин. дѣлъ, мал. дѣлъ, 1700, св. 4, № 27.

читаніи находится у нихъ и у татаръ Петрушка воръ, нѣтъ-ли у нихъ съ нимъ ссылокъ какихъ, а также гдѣ находится крымскій ханъ, крымская и бѣлогородская орда и не чаять-ли крымскихъ и бѣлогородскихъ ордъ рано весной подъ великороссійскіе и малороссійскіе города. Провѣдавъ обо всѣхъ этихъ статьяхъ тайно, чтобы «тѣхъ запорожцовъ ко лжѣ какой не принудить и въ какое сомнѣніе не привесть», обо всемъ въ статейный списокъ написать и тотъ списокъ, по возвращеніи въ Москву, въ приказъ Малой Россіи подать.

Посламъ даны были грамоты на имя гетмана Ивана Мазепы и кошевого атамана Петра Примы съ извѣщеніемъ тому и другому о посылкѣ войску запорожскому царскаго годоваго жалованья и о внушеніи ему за то вѣрно служить и радѣть великому государю [1]).

Царскій посланецъ выѣхалъ изъ Москвы февраля 15 дня, прибылъ въ Батуринъ февраля 27 дня. Изъ Батурина царскому послу данъ былъ спутникъ лубенскій хорунжій Григорій Стрѣльниченко, который долженъ былъ доставить въ Сичь 3.640 золотыхъ отъ Переволочанскаго перевоза да 400 бочекъ хлѣбнаго запаса съ недочетомъ ста бочекъ хлѣба, немолотаго за скудостію воды на мельницахъ. Оставивъ Батуринъ, царскій посолъ апрѣля 8 дня прибылъ до Сичи. Не доѣзжая до самой Сичи, посолъ отправилъ отъ себя подьячаго Степана Фролова и на встрѣчу послу высланъ былъ войсковой асаулъ спросить его отъ имени кошевого о здоровьѣ. У самой Сичи встрѣтилъ посла самъ кошевой атаманъ Прима съ войскомъ, и тутъ войско стрѣляло изъ мелкаго ружья. Когда-же посолъ вступилъ въ «замокъ», то въ это время стрѣляли изъ пушекъ «изо всего снаряду». Войдя въ Сичу, посолъ и козаки сперва выслушали въ церкви молебное пѣніе, а послѣ молебна, въ тотъ же день, вышли на войсковую раду. На радѣ царскій посолъ выполнилъ все такъ, какъ ему написано было въ наказѣ, вручивъ при этомъ кошевому атаману для прочтенія царскую грамоту и передавъ ему царское жалованье для раздачи его, по росписи, всей запорожской старшинѣ и поспольству. Кошевой атаманъ, выслушавъ царскую грамоту и получивъ годовое жалованье, выразилъ свою благодарность великому государю и гетману Ивану Степановичу Мазепѣ за ихъ «прилежное» о войскѣ

[1]) Архивъ мин. ин. дѣлъ, 1700, св. 4, № 27.

попеченіе. На третій день послѣ пріѣзда посла собрана была новая рада, на которую призваны были Даніилъ Жедринскій, Степанъ Фроловъ и лубенскаго полка хорунжій Григорій Стрѣльниченко. Когда означенныя лица явились въ раду, то козаки «съ великимъ воплемъ» стали кричать, что имъ прислано 150 половинокъ амбургскаго сукна «некорыстно и безъ сорочекъ, а напредъ того присылываны были сукна добрыя и въ сорочкахъ», да кромѣ того три половинки не цѣлы, а надрѣзаны. Куренные атаманы Иванъ Заика да Иванъ Носъ кричали, что полученные ими соболя также надрѣзаны и что поэтому они будутъ о томъ писать государю. На тотъ крикъ посолъ объявилъ всѣмъ недовольнымъ, что онъ доставилъ царскіе подарки всѣ въ цѣлости за печатью и за крѣпкимъ карауломъ и что поэтому козаки затѣваютъ то дѣло напрасно. На такой отвѣтъ козаки кричали пуще прежняго и говорили, что подъячему Фролову слѣдуетъ насыпать песку въ пазуху и посадить его въ Чортомлыкъ рѣчку. Но на томъ неудовольствіе козаковъ и кончилось: послы были отпущены въ курень, а потомъ, апрѣля 12 числа, безпрепятственно выѣхали изъ Сичи и черезъ девять дней прибыли въ Батуринъ. Въ Батуринѣ они объявили о происшедшемъ въ Сичи гетману Мазепѣ. Но гетманъ Мазепа царскимъ посламъ отвѣтилъ, что «на непостоянство запорожскихъ козаковъ смотрѣть и имъ вѣрить нечего, потому что они будутъ впредь смирнѣе и постояннѣй» [1]).

Отпуская отъ себя царскихъ пословъ, запорожскіе козаки вручили имъ два письма, одно для гетмана Мазепы, другое для царя Петра Алексѣевича. Въ письмѣ къ гетману запорожцы благодарили его за царское жалованье, за присланныя отъ перевоза деньги и за хлѣбные, 400 бочекъ, запасы, просили о досылкѣ еще ста бочекъ и въ то-же время жаловались на то, что царское жалованье прислано имъ безъ прибавки и въ худомъ видѣ,—сукна худыя и рѣзаныя, соболя съ боковъ также обрѣзаны и испорчены. Вмѣстѣ съ этой жалобой на скудость царскихъ подарковъ запорожцы высказывали свое неудовольствіе и самому гетману по поводу дозволенія съ его стороны разнымъ промышленнымъ людямъ заводить у рѣки Самары, «подлинной войсковой отчизны», селитренные майданы. Не жаль было-бы, если-бы гетманъ только самъ имѣлъ на рѣкѣ Самарѣ селитренные заводы для войсковой

[1]) Архивъ мин. ин. дѣлъ; мал. дѣла, 1700, св. 4, № 27.

потребы, но дѣло въ томъ, что онъ и другимъ селитренникамъ на «подлинныхъ войсковыхъ земляхъ» позволилъ варить селитру, и тѣ люди «даромъ» вотчину войсковую пустошатъ, сами-же получаютъ себѣ корысть и «безчисленно» богатѣютъ. Запорожцы подлинно знаютъ и хорошо помнятъ о томъ, что та рѣка Самара еще при покойномъ Хмельницкомъ, да и послѣ него, до самыхъ походовъ великороссійскихъ войскъ до Крыма, никому кромѣ нихъ, не принадлежала («поддана») и ни отъ кого до того времени не была опустошаема. Еще въ то время, когда заложенъ былъ на Самарѣ Новобогородицкій городъ, еще въ тѣ поры прислана была имъ «обнадеживанная» великаго государя грамота, что тѣ города не будутъ имъ ни въ тяготу, ни въ обиду, ни въ отнятіе пожитковъ. И ту грамоту, списавъ ее слово въ слово, запорожцы посылаютъ гетману «для лучшого увѣренія». Да и самъ гетманъ не разъ писалъ запорожцамъ, что городовое строеніе на устьѣ рѣки Самары никакого вреда не принесетъ имъ; теперь-же сами запорожцы видятъ опустошеніе въ своихъ земляхъ какъ отъ самарцевъ городовыхъ, такъ и отъ селитренниковъ, и если послѣдніе будутъ «упоромъ своимъ» дѣлать селитреные майданы вблизи земли запорожской, то у козаковъ не обойдется съ ними «безъ разоренія и задоровъ» [1]).

Въ письмѣ къ великому государю запорожцы, «воздавъ челобитное до земли поклоненіе» за присланное жалованье, въ то-же время били челомъ на томъ, что имъ немалое утѣсненіе на рѣкѣ Самарѣ чинится и что они, не смотря на просьбы о томъ какъ гетману, такъ и самому государю, не имѣютъ къ себѣ ни единой отповѣди и даже потеряли всякую на отвѣтъ надежду. Не получили они полнаго удовлетворенія и въ присланномъ жалованьи государя: въ прошломъ году прислано было имъ 200 половинокъ добрыхъ амбургскихъ суконъ, а въ нынѣшнемъ только 150 половинокъ простыхъ шиптуховыхъ суконъ, и то съ недостачею нѣсколькихъ аршинъ въ половинкахъ; соболи присланы также не цѣлые, съ пришивными хвостами, безъ печатей, «нещадно изъ боковъ обрѣзанные и вельми худые», какихъ еще никогда запорожцамъ не было присылаемо, да и роспись всѣмъ подаркамъ почему-то прислана безъ печати. Донося обо всемъ томъ великому государю, запорожцы желаютъ знать, присылаются-ли царскія щедроты

[1]) Архивъ мин. ин.; дѣлъ мал. дѣла, 1700 св. 4, № 28.

въ такомъ видѣ отъ самого государя, или-же онѣ перемѣняются въ рукахъ его посланцевъ. Какъ-бы то ни было, но запорожцы бьютъ челомъ великому государю впредь прислать больше противъ нынѣшняго жалованья въ деньгахъ, въ сукнахъ, въ зельѣ и въ свинцѣ, за что всѣ козаки обѣщаютъ быть и въ настоящія и въ грядущія времена «послушливы и благотворительны» и сохранять свою вѣрность «непоколебимо» [1]).

Гетманъ Мазепа, отправляя оба листа запорожцевъ, ему лично и государю писанные, съ царскимъ посломъ Жедринскимъ, въ свое оправданіе писалъ государю, что запорожцы не имѣютъ повода жаловаться на селитренниковъ, такъ какъ тѣ люди дѣлаютъ свои майданы не при самой рѣкѣ Самарѣ, а въ поляхъ, поодаль, и оттого убытка имъ не можетъ быть никакого [2]).

Всѣ недоразумѣнія, происшедшія между великороссами, малороссіянами и запорожскими козаками въ городѣ Тавани можно объяснить ничѣмъ инымъ, какъ полнымъ бездѣйствіемъ тѣхъ и другихъ въ отношеніи непріятелей: русскимъ ратникамъ и запорожцамъ, привыкшимъ къ военнымъ дѣйствіямъ, послѣ карловичскаго перемирія все еще оставленнымъ въ Тавани, ничего другого не оставалось дѣлать, какъ или драться между собою, или-же дѣлать мелкіе на бусурманъ набѣги. Такъ именно въ это время перекопскій каймаканъ и самъ крымскій ханъ заносили жалобу таванскому воеводѣ Ивану Опухтину за причиненныя татарамъ въ разныхъ мѣстахъ отъ козаковъ и русскихъ обиды, убытки и разоренія. Однажды, когда ханъ вышелъ изъ Крыма, пришелъ къ Кардашину и сталъ тамъ на почлегѣ, въ ту ночь явилось 18 человѣкъ [3]) четвероконныхъ и пѣшихъ козаковъ, захватили тамъ тридцать головъ лошадей и поранили нѣсколько человѣкъ татаръ, потерявъ убитыми двухъ собственныхъ людей. Въ другой разъ «воровскіе козаки» изъ Шангирея и Таванскаго городка напали на одного янычанина Магмета, который ѣздилъ съ товарами къ Днѣпру, распродалъ тамъ свои товары и возвращался назадъ. Напавъ на проѣзжавшаго межъ Шангиреемъ и Колбурномъ (вѣроятно, Кинбурномъ), они убили его на мѣстѣ, взяли его

---

[1]) Архивъ мин. ин. дѣлъ; мал. дѣла, 1700, св. 4, № 28.

[2]) Архивъ мин. ин. дѣлъ; мал. дѣла. 1700, св. 4, № 28.

[3]) Семенъ Билимъ, козакъ Рубанъ, Василій Шило и другіе.

товары и 400 ефимковъ денегъ. Въ третій разъ «воровскіе люди» [1]) Таванскаго городка напали на другого янычанина на Бѣломъ озерѣ, разграбили всю его телѣгу, взяли 20 лисицъ, 5 соболей. Наконецъ были и такіе, которые, пользуясь установленнымъ между московскимъ государемъ и турскимъ султаномъ мирнымъ договоромъ, приходили въ турскую сторону на службу, жили тамъ по нѣсколько времени, потомъ ночью забирали разныя вещи (саблю въ серебряной оправѣ, шубу суконную «на бѣльѣ черевьѣ мѣху») и убѣгали на свою сторону. И перекопскій каймаканъ и самъ крымскій ханъ просили воеводу Опухтина возместить всѣ убытки родственникамъ потерпѣвшихъ, воровъ и убійцъ розыскавъ наказать безъ снисхожденія: «И вы-бы для дружбы тѣхъ воровъ и душегубцевъ и взятые товары къ намъ прислали, и буде тѣхъ воровъ и взятыхъ товаровъ къ намъ пришлете, дружба наша исполнена будетъ; а буде тѣхъ воровъ и взятыхъ товаровъ къ намъ не пришлете, то между нами въ томъ будетъ остуда» [2]).

Не смотря на такую жалобу каймакана, запорожцы весной 1700 года вновь угнали у татаръ 55 головъ лошадей и причинили татарамъ разныя «грабительства». Тогда гетманъ Мазепа отправилъ въ Сѣчь «умыслныхъ» [3]) посланцевъ и черезъ нихъ велѣлъ кошевому и всему товариству отыскать виновныхъ «злочинцевъ», учинить «неотволочную и слушную» управу, вещи пограбленныя розыскать и лошадей непремѣнно потерпѣвшимъ возвратить [4]).

Сидя въ Тавани, запорожскіе козаки причиняли и другія непріятности туркамъ: они способствовали бѣгству изъ Очакова потурнакамъ и одного такого отправили къ гетману Мазепѣ, а Мазепа съ запорожскимъ товариствомъ, отослалъ его къ царю для отобранія отъ него вѣстей бусурманскихъ [5]). За службу своихъ товарищей запорожцы просили гетмана исходатайствовать у царя обыкновенное для войска годовое жалованье, и гетманъ по этому поводу писалъ листъ къ царю Петру Алексѣевичу [6]).

---

[1]) Въ точности неизвѣстно, были ли это запорожскіе или гетманскіе козаки; въ актѣ на этотъ счетъ сказано: «ваши (воеводы Опухтина) воровскіе козаки» или «ваши воровскіе люди».

[2]) Архивъ мин. ин. дѣлъ, крымскія дѣла, 1700 февр. 25, св. 1

[3]) Умыслный съ польскаго «umyślny» на русскій нарочный.

[4]) Архивъ мин. ин. дѣлъ, мал подл. акты, 1700 св. 13, № 1216—1143.

[5]) Архивъ мин. ин. дѣлъ, мал. подл. акты, 1700 св. 13, № 1234—1211.

[6]) Архивъ мин. ин. дѣлъ; мал. под. акты, 1700, св. 13, № 1243 —1219.

Мелкія дѣйствія русскихъ и запорожцевъ, находившихся въ Тавани, противъ татаръ и турокъ, не нарушали, однако, мирныхъ отношеній, установленныхъ въ Карловичахъ между Турціей и Крымомъ съ одной стороны и Россіей съ другой. Іюля 3 дня 1700 года, перемиріе въ Карловичахъ было подтверждено полнымъ миромъ на 30 лѣтъ, въ Константинополѣ [1]).

Условія этого мира состояли изъ двѣнадцати пунктовъ, изъ коихъ четыре пункта касались и запорожскаго низоваго войска: 1) Козаковъ казнить смертью, если они въ мирное время пойдутъ войной на турецкія и крымскія мѣста. 2) Козакамъ вольно промышлять звѣремъ и рыбой вплоть до устья Днѣпра. 3) Никакимъ поселеніямъ, начиная отъ Сѣчи и кончая устьемъ Днѣпра по всему днѣпровскому берегу, кромѣ небольшого укрѣпленія для переправы проѣзжихъ черезъ Днѣпръ людей, впредь не быть. 4) Приднѣпровскіе городки, взятые у турокъ силою русско-козацкаго войска, какъ напримѣръ Тавань, Кызыкермень, Нустриткермень, Шагингирей, разорить до основанія [2]).

«Священному царскому величеству покоренные и подданные, или москвичи или козаки и иные, по рубежьямъ мусульманскимъ, таманскимъ, и крымскимъ, и достальнымъ, и подданнымъ ихъ-же никакихъ набѣговъ и непріятельствъ да не творятъ, и неспокойные и своевольные козаки съ чайками и съ суды (судами) водяными да не выходятъ на Черное море и никому убытку и урону да не наносятъ, но жестоко содержаны да будутъ отъ своевольствъ и напусковъ; и статьямъ мирнымъ противныя и доброму сосѣдству противящіеся смятенія и расположенія, если когда объявятся явно, съ жестокостью да накажутся... Да отъ Перекопскаго замка начинающейся заливы Перекопской [3]) двѣнадцати часовъ разстояніемъ простирающейся земли, отъ края до новаго города Азовскаго, который у рѣки Міюса стоитъ, среди лежащія земли пустыя и порожнія и всякихъ жильцовъ лишены да пребудутъ [4]); также во странахъ рѣки Днѣпра отъ Сѣчи, города запорожскаго, который въ рубежахъ московскаго государства на вышереченной рѣки

---

[1]) Соловьевъ, Исторія Россіи, Москва, 1864, XIV, 333.

[2]) Акты войска донского, Новочеркаскъ, 1891, I, 192.

[3]) То-есть: отъ Перекопскаго замка начинающагося Перекопскаго залива.

[4]) То-есть: да пребудутъ земли пустыми, порожними и лишенными всякихъ жильцовъ.

берегу стоитъ, даже до Очакова, среди лежащія-жъ земли, кромѣ новаго села, на обоей сторонѣ Днѣпра, равнымъ образомъ пустыня и безо всякаго жилища порожнія да пребудутъ, а близъ городовъ съ обѣихъ сторонъ мѣсто довольное на винограды и огороды да оставятся. Ниже разоренные городки паки да построятъ, но порожжіе да пребываютъ, и на мѣстехъ, которымъ порозжимъ пребыть взаимнымъ согласіемъ показалось, буде какой городокъ подобный найдется, тотъ также съ обоихъ сторонъ да разорится, ни таковы мѣста да состроиваются, ни да укрѣпляются, но какъ суть порозжи, да оставлены будутъ... А буде во время сего мира или перемирья межъ крымцами и козаками и общественно межъ обоими государствіи (=ами), по начевшейся нѣкоей трудности, возбудится споръ и ссора межъ порубежными губернаторы, и салтанами и иными начальными, удобно разсмотрѣна да будетъ, а зачавшимся труднѣйшимъ дѣламъ, имѣвъ пересылку съ государствомъ Оттоманскимъ, мѣрою пристойною къ дружбѣ и къ миру да успокоятся, и для подобныхъ порубежныхъ ссоръ ни войны, ни бой да не вчинается, но совершенно и съ превеликимъ радѣніемъ тщатись, дабы покой съ обѣихъ сторонъ крѣпко блюденъ... У Днѣпра рѣки населенные Тавань, Кызыкермень Устреткермень и Сагинкермень городки да разорятся съ тѣмъ уговоромъ, дабы впредь никогда на тѣхъ мѣстехъ городкамъ и никакому поселенію не быть; а рѣчныя мѣста съ своими землями какъ до сей войны были, такъ во владѣнія Оттоманскаго государства отъ его священного царскаго величества да возвратятся и во владѣніи Оттоманскаго государства да пребудутъ. А преждереченныхъ тѣхъ городковъ разоренье по утвержденіи сего мира чрезъ великое посольство да послѣдуетъ тотчасъ, и въ 30 дней безъ откладки во исполненіе да приказано будетъ и да совершится. А воевода и ратные люди высокопомянутого царского величества, которые въ вышереченыхъ городахъ нынѣ суть, со всѣми пушками и воинскимъ пріуготовленіемъ и съ пожитками, и съ хлѣбными запасами, безбѣдно и съ безопаствомъ выходя, въ свои стороны да переберутся; а при выходѣ и возвращеніи никакое непріятельство и своевольство и никакой уронъ и убытокъ вышеречнымъ да не наносится отъ народа татарскаго, или отъ покоренныхъ Оттоманскому государству, или отъ ратей, или подданныхъ, или иныхъ, кто-бы ни есть они были; а межъ тѣмъ временемъ ратные люди, и московскіе и козацкіе, или въ вышеупомянутыхъ городкахъ сущіе, или

исходящіе, или возвращающіеся съ лутчимъ обученіемъ да удержатся, и никоими мѣрами да не простираются, или чего ни есть, да не замѣриваютъ» [1]).

Едва окончились мирные переговоры между Турціей и Россіей, какъ запорожцы обратились черезъ гетмана Мазепу, къ боярину Өедору Алексѣевичу Головину, завѣдывавшему въ ту пору малороссійскимъ приказомъ, со старой просьбой объ обмѣнѣ плѣннаго товарища Ивана Гадячскаго [2]) на плѣннаго татарина Текелды, находившагося во Псковѣ [3]) и съ новой просьбой о царскомъ жалованьѣ для всего запорожскаго низоваго войска.

Для того, чтобы испросить царское жалованье, собрано было большое посольство изъ 80 человѣкъ подъ главенствомъ куренныхъ атамановъ (они-же именуются и полковниками) Кирика Надтоки и Василія Иваненка, асаула Грицка Лукьянова и писаря Остапа Сербина [4]).

Отправляя такое посольство къ царю Петру Алексѣевичу, кошевой атаманъ Герасимъ Крыса и все запорожское низовое войско написали ему челобитную съ просьбой о присылкѣ въ Кошъ царскаго жалованья, съ жалобой на подъячаго Степана Фролова и на жильца Жедринскаго, которые во время доставки

---

[1]) Письма и бумаги Петра Великаго, С.П.Б., 1887, I, 373, 371, 376, 370.

[2]) Архивъ мин. ин. дѣлъ; мал. подл. акты, 1700, св. 13, № 1265—1242.

[3]) Объ этомъ запорожцы обращались раньше къ царю и къ гетману.

[4]) Между рядовыми козаками въ этомъ посольствѣ были: Гаврило Загно, Лавринъ Гордеенко, Марко Таранъ, Василій Баба, Дмитро Дурицкій, Андрюшко Мандро, Василій Гредченко, Матвѣй Квитка, Данило Малый, Иванъ Олтва, Өедоръ Сенченко, Михайло Дзюба, Данило Стенка, Василій Гаригульскій, Иванъ Гадяцкій (дядьковскаго куреня, очевидно тотъ самый, о которомъ запорожцы просили), Василій Чернышенко, Василій Рудый, Терентій Буцкій, Гарасимъ Коваликъ, Емельянъ Солонко, Иванъ Конопля, Грицко Комликъ, Тимошъ Волкъ, Иванъ Мангуръ, Леско Гершунъ, Степанъ Грищенко, Иванъ Бѣлый, Анисимъ Григоровъ, Игнатъ Братъ, Данило Воблый, Дмитро и Павелъ Погрибняченки, козакъ Луцъ, Степанъ Лысый, Матвѣй Сердюкъ, Өедоръ Усъ, Василій Бадашко, Тимошъ Кривошея, Павелъ Лупый, Кондратъ Цябя, Ониско Рудь, Лукашъ Дудукало, Степанъ Горкуша, Андрей Бородавка, Семенъ Слѣпый, Гаврило Тригубенко, Иванъ Мироновъ, Василій Мацакъ, Трофимъ Ковюра, Павелъ Горбъ, Степанъ Кровчиня, Грицко Постарому (sic), Степанъ Живый, Семенъ Остаповъ, Климъ Чорниченко, Иванъ Скрыпка, Иванъ Бобиръ, Иванъ Мартышевскій, Демко Кожушко, Грицко Черный, Иванъ Боярченко и многіе другіе.

жалованья прошлой весной въ Запорожье, учинили въ городѣ Кишенкѣ воровство, о каковомъ воровствѣ многіе люди знаютъ подлинно, и съ изъявленіемъ претензіи за нарушеніе вольностей на рѣкѣ Самарѣ, искони принадлежавшей запорожскому войску, для удостовѣренія въ чемъ кошевой Герасимъ Крыса посылаетъ великому государю и списокъ съ грамоты царскаго величества, данной войску.

Запорожское посольство направилось сперва въ Батуринъ, прибыло въ Москву ноября 9 дня и было принято въ столицѣ съ должнымъ вниманіемъ. Въ тотъ-же день отданъ былъ приказъ въ бургомистерскую ратушу выдать на пріѣздъ запорожскимъ посланцамъ—15 ведеръ вина, 30 ведеръ меду, 60 ведеръ пива, а въ остальные дни Кирику Надтокѣ и Василію Иваненку—по 3 чарки вина, по 3 кружки меду, по 3 кружки пива, остальнымъ козакамъ по 2 кружки всего питья на день. На отпускъ изъ столицы запорожскаго посольства велѣно было дать Кирику Надтокѣ и Василію Иваненку сукна кармазина, тафты мѣрою по 5 аршинъ да по парѣ соболей въ 6 рублей пара; остальнымъ козакамъ по сукну англинскому мѣрою по 5 аршинъ и по парѣ соболей въ 2 рубля пара человѣку; кромѣ того въ дорогу особо велѣно было выдать 15 ведеръ вина простого, 30 ведеръ меду и 30 ведеръ пива да назначить отъ Москвы до малороссійскихъ городовъ 82 подводы съ телѣгами и съ проводниками.

Въ самый день отпуска, ноября 22 дня, главнымъ лицамъ запорожскаго посольства вручена была царская грамота на имя кошевого атамана Герасима Крысы и всего запорожскаго низоваго войска. Въ той грамотѣ царь писалъ кошевому атаману, что посольство запорожскаго войска принято было въ Москвѣ и пожаловано высокими милостями; что челобитная войска о присылкѣ въ Кошъ жалованья выслушана и жалованье будетъ отправлено зимнимъ путемъ въ Сичу, за что низовое войско должно вѣрно и радѣтельно служить царскому величеству и обязано внушить таванскому товариству жить спокойно и постоянно и во всякихъ поведеніяхъ осторожно, съ великороссійскими и малороссійскими людьми, находящимися въ Тавани, имѣть во всемъ совѣтъ и согласіе. Что касается воровства запорожскаго жалованья, учиненнаго подьячимъ Фроловымъ да жильцомъ Жедринскимъ, то о томъ посланъ будетъ человѣкъ для подлиннаго розыска и о результатѣ того розыска

будетъ своевременно сообщено запорожскому войску. На жалобу запорожцевъ по поводу отнятія у нихъ самарскихъ вольностей никакого отвѣта не послѣдовало [1]).

Послѣ установленія русско-турецкаго мира крымскій ханъ Селимъ-Герай, на основаніи договорной статьи объ обоюдномъ размѣнѣ плѣнныхъ отправилъ своего посланца Болюбаша черезъ Запорожье къ гетману Мазепѣ для «окупа» татаръ, находившихся въ плѣну въ разныхъ городахъ южной и сѣверной Россіи, причемъ просилъ гетмана о защитѣ отправлявшихся въ малороссійскіе города съ товарами разныхъ купцовъ мусульманскихъ и объ удержаніи плавающихъ по Днѣпру къ Очакову запорожцевъ отъ нанесенія убытковъ мусульманскимъ людямъ, бывающимъ въ странѣ козацкой. Ханскій посланецъ, проѣзжая черезъ Запорожье, увидѣлъ въ Сичѣ небывалое въ ней дотолѣ дѣло, а именно: «новый по размѣру построенный городъ». Того города вслѣдствіе установленнаго мира, не должно-бы быть. Въ чемъ-же тутъ правда, что разорено старое и построено новое, и чего тутъ добраго для Крыма ожидать можно? Въ Крыму извѣстно было, что Москва строитъ въ Сичи одни только курени для склада въ нихъ, за недостаткомъ другого помѣщенія, на зимнее время хлѣба и продовольственныхъ запасовъ; а въ дѣйствительности тутъ дѣлается нѣчто другое. Увидя въ этомъ нарушеніе мира, Болюбашъ рѣшилъ написать о томъ хану, что. по словамъ посланца, будетъ ему не особенно пріятно и о чемъ онъ, конечно, сообщитъ султану.

Съ такою претензіей пріѣхалъ Болюбашъ къ Мазепѣ въ Батуринъ, и гетманъ Мазепа поспѣшилъ поскорѣе отдѣлаться отъ непріятнаго гостя. Отъ татаръ, находившихся въ неволѣ, гетманъ узналъ, что Болюбашъ человѣкъ «армянской породы, но что онъ уже давно учинился бусурманиномъ» и кое что понималъ въ инженерскомъ дѣлѣ. Поэтому Мазепа, давъ ему «доброго» пристава, немедленно отпустилъ его прямо на Переволочну «мимо» городовъ малороссійскихъ [2]).

Болѣе серьезнымъ вопросомъ послѣ заключенія мира съ Турціей и Крымомъ оказался вопросъ о разрушеніи турецкихъ городковъ, Тавани, Кызыкерменя и Шагинкерменя, до тѣхъ поръ находившихся подъ охраной руско-козацкихъ войскъ. Исполненіе этого дѣла возложено было царемъ на князя Ивана Михайловича Кольцо-

---

[1]) Архивъ мин. ин. дѣлъ; мал. дѣла, 1700, св. 5. № 68. 1701 св. 6, № 5.

[2]) Архивъ мин. ин. дѣлъ; мал. дѣла, 1701, св. 6, № 5.

Мосальскаго. Кольцо-Мосальскій получилъ нѣсколько тысячъ ве-великороссійскихъ ратниковъ и сверхъ того двѣ тысячи засеймскихъ войсковыхъ людей отъ гетмана Мазепы. Соединясь съ послѣдними подъ Царичанкой, у рѣки Орели, князь Кольцо-Мосальскій отправился къ низовью Днѣпра, но при разрушеніи крѣпостей встрѣтилъ большое затрудненіе со стороны находившихся въ нихъ запорожцевъ [1]). Тѣмъ не менѣе всѣ три крѣпости были разбиты и боевыя принадлежности ихъ забраны (1701 г.). Тогда запорожцы всячески старались выказать свое неудовольствіе русскимъ: они не пускали къ себѣ никого изъ царскихъ войскъ, отказывались содѣйствовать русскимъ въ доставленіи изъ Таванскаго города въ Сичь боевыхъ орудій и хлѣбныхъ запасовъ, не принимали къ себѣ пріѣзжавшихъ по этому поводу гетманскихъ посланцевъ; если-же и принимали, то встрѣчали ихъ съ безчестіемъ, а самому гетману писали ругательныя письма и только одно порученіе на себя взяли—охрану государевой казны, перевезенной въ Сичу. Но всего больше выказали запорожцы ненависти къ русскимъ, когда узнали, что князь Кольцо-Мосальскій, вмѣсто разоренныхъ турецкихъ городовъ на днѣпровскомъ низовьѣ, заложилъ новые, въ виду самой запорожской Сичи. Для этого выбрано было мѣсто у рѣки Днѣпра, «въ урочищѣ, на горѣ, у Каменнаго-Затона, въ пристойномъ мѣстѣ, подлѣ рѣки Бѣлозерки, противъ Никитина—Рога». На это дѣло поставлено было 3.558 человѣкъ ратныхъ людей бѣлгородскаго и сѣвскаго полковъ, подъ командой князя Кольцо-Мосальскаго; къ нимъ въ августѣ и въ сентябрѣ мѣсяцѣ присоединено 6.000 человѣкъ козаковъ, взятыхъ изъ малороссійскихъ полковъ, отъ гетмана Мазепы; къ малороссійскимъ козакамъ прибавлены были также ратные люди изъ Новобогородицкой самарской крѣпости [2]).

Сопротивленіе, которое оказали запорожцы при разрушеніи турецкихъ городковъ русскимъ властямъ, объяснялось не тѣмъ, что запорожское войско, будто-бы въ самомъ принципѣ выступало врагомъ русскаго царя, а тѣмъ, что покоренные бусурманскіе городки и насиженные въ теченіе долгаго времени православно-русскими людьми, оно считало собственностью если не всей Россіи, то ближайшимъ образомъ Запорожья. Для чего-же

---

[1]) Архивъ мин. юстиціи; кн. мал. прик., 1701, № 83, 941—942.

[2]) Архивъ мин. юстиціи, кн. мал. прик., 1701, № 83 стр. 650, 951—952.

было предпринимать столько труда, терпѣть столько лишеній при завоеваніи и потомъ при удержаніи этихъ городковъ, если вновь возвращать хотя-бы и развалины ихъ въ руки ненавистныхъ бусурманъ? И русскіе не только возвращаютъ бусурманамъ взятые городки, а даже строятъ новый, въ виду самой Сичи, свой собственный городокъ. Для чего-же это? Не для чего, разсуждали запорожскіе патріоты, какъ для умаленія исконныхъ козацкихъ вольностей, которыми такъ дорожили низовые молодцы и за которыя бились ихъ дѣды и отцы.

ГЛАВА ДВѢНАДЦАТАЯ.

Участіе запорожскихъ козаковъ въ великой сѣверной войнѣ.—Походъ запорожцевъ въ псковскую область и недовольство ими со стороны гетмана Мазепы.—Дѣйствіе запорожцевъ подъ Быховымъ.—Нападенія со стороны запорожцевъ на селитренныхъ людей возлѣ рѣки Самары.—Сношеніе запорожцевъ съ крымскимъ ханомъ и разграбленіе ими турецкихъ купцовъ.—Мѣры, принятыя въ Москвѣ, для укрощенія запорожцевъ.—Кошевой атаманъ Константинъ Гордіенко.—Сношенія запорожцевъ съ крымскимъ ханомъ.—Отвѣтъ полученный ими отъ хана и повинная передъ русскимъ царемъ.—Отправка царскаго жалованья запорожскимъ козакамъ.—Новыя волненія въ Запорожьѣ по поводу построенія русскими городка въ урочищѣ Каменномъ-Затонѣ.—Нападеніе запорожцевъ на царскую казну и отправка по этому поводу въ Сѣчь Курбатова, стольника Протасьева и подьячаго Павлова.—Безчинства запорожскихъ козаковъ на проѣзжихъ дорогахъ возлѣ Буга, Днѣстра, Ягорлыка и Каменнаго-Затона.—Виды на запорожцевъ со стороны турецкаго султана и крайнее недовольство на нихъ со стороны гетмана Мазепы.

Константинопольскій миръ, закончившій въ 1700 году войну Россіи съ Турціей, особенно необходимъ былъ для царя Петра Алексѣевича: замирившись съ турками, царь открылъ весьма упорную и весьма продолжительную, длившуюся 21 годъ, войну со Швеціей. Но насколько этотъ миръ былъ желателенъ для русскаго царя, настолько-же, если не больше, онъ былъ не желателенъ для всего запорожскаго войска. Съ этого времени въ Запорожьи поднялись такія смуты, распри и раздоры, которыхъ ни раньше, ни позже того никогда тамъ не бывало: запорожцы то мирятся съ Крымомъ и объявляютъ себя противъ гетмана и царя; то они разрываютъ миръ съ Крымомъ, просятъ прощенья у царя и дѣлаютъ нападенія на татаръ, грабятъ проѣзжихъ турецкихъ купцовъ; то они разбиваютъ царскихъ гонцовъ и захватываютъ въ свои руки казну; то возстаютъ противъ своихъ-же товарищей за подобныя не рыцарскія дѣла и отправляютъ посланцевъ въ Москву съ просьбой о пожалованіи казной и съ обѣщаніемъ вѣрно служить царю. Было-бы совершенно несогласно съ истиной объ-

яснять такое поведеніе запорожскихъ козаковъ въ отношеніи русскаго царя разнузданностью нравовъ и ненавистью ихъ къ законному порядку вещей. Тому много было чисто внѣшнихъ, отъ запорожцевъ независящихъ, причинъ. Такова прежде всего причина—невозможность, вслѣдствіе состоявшаго русско-турецкаго мира, вести мелкія войны противъ бусурманъ: запорожскіе козаки, какъ исключительно военное сословіе людей, отъ войны получали добычу, войною себя одѣвали, войною себя питали; государево-же хлѣбное и денежное жалованье столь невелико было въ сравненіи со всею численностью запорожскаго войска, что оно расходилось по рукамъ козаковъ такъ точно, какъ расходится капля вина въ большой посудинѣ воды. Далѣе, помимо невозможности запорожцамъ вести войны съ бусурманами, сильно смущало ихъ построеніе вблизи Сичи московскихъ крѣпостей: если раньше они возмущались постройкой самарскихъ крѣпостей, стоявшихъ на значительномъ разстояніи отъ главнаго ядра низового товариства, Сичи, то тѣмъ большія опасенія возбуждало у нихъ основаніе Каменнозатонскаго городка, какъ разъ въ виду самой Сичи. Затѣмъ большое негодованіе у запорожскихъ козаковъ вызвалъ захватъ козаками полтавскаго полка лучшихъ во всемъ Запорожьѣ поорельскихъ и посамарскихъ земель, которыя запорожцы всегда считали своими, но которыя, вслѣдствіе неимѣнія у войска жалованныхъ грамотъ были отобраны, по представленію гетмана и по волѣ царя, у запорожцевъ и отданы полтавскаго полка малороссійскимъ козакамъ. Кромѣ того сильный ропотъ возбудила въ Запорожьи вербовка царемъ запорожскихъ козаковъ въ далекій отъ Сичи сѣверный походъ и особенно для земляныхъ работъ при постройкѣ новой столицы, при устьѣ рѣки Невы. Наконецъ, появленіе въ предѣлахъ вольностей запорожскихъ козаковъ разнаго сброда людей «то съ волошской стороны, то съ Дона, то нѣякихъ-сь москалей», то изъ украинскихъ городовъ недовольныхъ гетманскимъ регитентомъ разныхъ людей, сильно смущало и простую массу запорожскаго войска. Въ это время въ разныхъ мѣстахъ Россіи поднимался ропотъ противъ новыхъ, дотолѣ невиданныхъ, порядковъ и затѣй со стороны молодого и неугомоннаго государя. Повсюду слышались голоса недовольныхъ за введеніе разныхъ повинностей и новыхъ налоговъ; еще больше того возмущались тягостными и слишкомъ продолжительными войнами, поднятыми царемъ противъ шведовъ. И чѣмъ дальше какая-нибудь область на-

ходилась отъ Москвы, тѣмъ сильнѣе выражалось въ ней недовольство противъ царя. По всему этому въ Запорожьи уже съ перваго года XVIII вѣка насталъ настоящій хаосъ, въ которомъ мелькали разныя лица, высказывались разныя желанія, объявлялись различные протесты, сходившіеся, впрочемъ, къ одному пункту: за вольности, за старыя права козацкія стоять противъ всѣхъ и ни подъ какимъ видомъ не поступаться ими.

Таково было положеніе дѣлъ въ Запорожьи.

Еще тягостнѣе было положеніе дѣлъ въ малороссійскихъ городахъ. Исконная внутренняя политика московскаго государства состояла въ томъ, чтобы отдѣльныя части государства слить въ одно политическое тѣло. Съ тѣхъ поръ, какъ въ составъ Великой Россіи вошла Малороссія, на нее было обращено особенное вниманіе со стороны московскихъ царей. Теперь страсть молодого и слишкомъ дѣятельнаго царя, стремившагося все по-своему преобразовать, явно клонилась къ тому, чтобы во всѣхъ малороссійскихъ городахъ вмѣсто выборнаго начала ввести начало назначенія отъ Москвы, вмѣсто украинской генеральной старшины призвать къ управленію московскихъ бояръ, а вмѣсто всей козацкой массы допустить къ службѣ только избранныхъ лицъ, которыя составляли бы особыя «компаніи» и получали жалованье, а прочіе козаки оставались бы при своихъ домахъ и, слѣдовательно, были бы на положеніи простыхъ крестьянъ.

Такой проэктъ высказанъ былъ Петромъ уже въ 1707 году, но вызвалъ сильное волненіе въ средѣ малороссійской старшины [1]). Всѣ опасались такой новизны, всѣ боялись за свою «матку-отчизну» и придумывали такія или иныя средства, чтобы её спасти. Но на что рѣшатся запорожскіе и малороссійскіе патріоты, для сохраненія своихъ вольностей и правъ, покажутъ самыя событія ближайшихъ лѣтъ.

Выгоды, полученныя русскимъ царемъ отъ войны съ Турціей, были слишкомъ ничтожны: царь получилъ Азовъ и Таганрогъ, но зато обязался не заселять устьевъ Днѣпра. Овладѣть-же Чернымъ моремъ онъ никакъ не могъ,—для этого нужно было взять Крымъ, отвоевать у турокъ устье Днѣпра. Къ тому-же берега Чернаго моря и устье Днѣпра отдѣлены были отъ Россіи громад-

---

[1]) Голиковъ, Дополненіе къ дѣяніямъ Петра Великаго, Москва, 1795, XV, 158.

нымъ пространствомъ безлюдныхъ и со всѣхъ сторонъ открытыхъ степей. Поэтому царю нужно было на время оставить югъ. Еще раньше похода на югъ, къ Черному морю, Петръ простиралъ свои взоры на западъ, къ Балтійскому морю. Прибрежье Балтійскаго моря, такъ называемая Ливонія, искони вѣковъ принадлежало Россіи и только орденъ меченосцевъ отнялъ его у древней Руси, а потомъ всѣмъ Балтійскимъ побережьемъ завладѣли поляки и шведы и чрезъ то заслонили для Россіи свѣтъ отъ западной Европы. Во время войны со шведами могли дѣйствовать оба излюбленныя дѣтища Петра,—молодая армія и новосозданный флотъ русскій, т. е. тамъ и морское и сухопутное войско могли пріобрѣсти отличную боевую школу. Ставъ твердой ногой у Балтійскаго моря, царь могъ открыть себѣ прямой путь въ западную Европу и воспользоваться всѣми плодами ея высокой цивилизаціи. Самыя обстоятельства вполнѣ благопріятствовали планамъ царя Петра Алексѣевича. Въ то время Швеціи готовили войну Данія и Польша, и Петръ, разсчитывавшій отнять берега Балтійскаго моря у шведовъ, могъ найти себѣ союзниковъ въ лицѣ двухъ королей, датскаго Христіана V и польскаго Августа II саксонца, возведеннаго королемъ, благодаря, главнымъ образомъ, Россіи.

Со времени Густава Адольфа, т. е. со времени тридцатилѣтней войны, могущество Швеціи выросло до того, что она сдѣлалась первой державой въ сѣверной Европѣ. Отъ Россіи, по столбовскому договору, она получила Ингрію и Корелію, отъ Польши—Ливонію, у датчанъ-же она оспаривала Шлезвигъ-Голштинію, по вестфальскому договору пріобрѣла Померанію. Въ половинѣ XVII вѣка весь бассейнъ Балтійскаго моря очутился въ ея рукахъ. Но чтобы утвердить эти пріобрѣтенія Швеціи нужно было быть наготовѣ и держать сильное войско, такъ какъ ограбленныя сосѣднія державы искали случая воротить потерю, и пріемники Густава Адольфа провели свое правленіе въ войнахъ. Въ нихъ выросъ воинственный духъ Швеціи и образовалась армія, первая по образцовому устройству въ Европѣ; усилилась королевская власть въ противовѣсъ аристократіи. Особенно со времени Карла XI королевская власть получила сильное развитіе, потому что правительство Швеціи рѣшило отнять у шведскихъ дворянъ захваченныя казенныя земли и обратить ихъ въ пользу государства. Мѣра эта, извѣстная подъ именемъ редукціи земель, возбудила сильное неудовольствіе со стороны дворянскаго сословія и, когда ее распро-

странили на Ливонію, то тамъ обнаружилось сильное волненіе. Во время такого волненія явился къ польскому королю изгнанный изъ Швеціи лифляндскій дворянинъ Іоганъ Рейнгольдъ Паткуль, составившій себѣ планъ образовать союзъ сѣверныхъ державъ противъ Швеціи. Время для приведенія въ исполненіе такого плана казалось Паткулю вполнѣ благопріятнымъ, такъ какъ въ Швеціи царствовалъ семнадцатилѣтній король Карлъ XII, отъ котораго никто не ожидалъ отпора.

Итакъ усиліями Паткуля, въ особенности-же въ силу различныхъ политическихъ интересовъ, составился союзъ Польши, Даніи и Россіи противъ Швеціи и этимъ союзомъ положено было начать враждебныя дѣйствія въ трехъ пунктахъ: Польша должна была напасть на Ливонію, Данія—на Шлезвигъ-Голштинію, Россія—на Ингрію. Война эта, продолжавшаяся 20 лѣтъ, началась на сѣверѣ одновременно съ другою войной, не менѣе важною для Европы, а именно борьбой Франціи съ коалиціей изъ Испаніи, Англіи, Голландіи и Германіи за такъ называемое испанское наслѣдство, и эти двѣ войны шли параллельно, постоянно перепутываясь боковыми вѣтвями [1]).

Вступая въ борьбу съ такою сильною державой, каково было въ то время шведское королевство, русскій царь стянулъ всѣ свои боевыя силы изъ великороссійскихъ войскъ на сѣверъ. Вмѣстѣ съ великороссіянами должны были дѣйствовать и малороссійскіе козаки, а заодно съ малороссійскими козаками и запорожцы.

Главнымъ мѣстомъ похода для малороссійскихъ полковъ и для запорожцевъ указана была Ливонія. Запорожцы предварительно обратились къ гетману Мазепѣ съ просьбой о высылкѣ имъ на войско царскаго жалованья, которое и было выслано на имя кошевого атамана Герасима Крысы черезъ стольника Кругликова [2]).

Военныя дѣйствія открылъ польскій король въ 1700 году въ Ливоніи. Гетманъ Мазепа, по царскому указу, послалъ отрядъ козаковъ въ 12,000 человѣкъ подъ начальствомъ собственнаго племянника, нѣжинскаго полковника, Обидовскаго съ полковниками Искрой и Мокіевскимъ. Обидовскій прибылъ сперва во Псковъ, а оттуда поднялся до города Нарвы; но пока онъ прибылъ къ Нарвѣ, тамъ уже произошло, ноября 19 дня, пораженіе русскихъ

---

[1]) Петровъ. Лекціи по русской исторіи, Харьковъ.

[2]) Архивъ мин. ин. дѣлъ, мал. дѣла, 1701, св. 7, № 3.

шведами [1]). Тогда Обидовскій отступилъ назадъ, во Псковъ; но здѣсь въ февралѣ мѣсяцѣ 1701 года онъ скончался.

Запорожскіе козаки вышли въ сѣверный походъ отдѣльно отъ малороссійскихъ; подвигались, по донесенію Мазепы царю Петру Алексѣевичу, такъ медленно и такъ лѣниво, что едва къ масляницѣ пришли на смоленскій рубежъ, при чемъ будто-бы во время похода запорожцы причинили столько бѣдъ и грабежей жителямъ великороссійскихъ и малороссійскихъ селъ и городовъ, что всего того и пересказать нельзя. Черезъ все это гетманъ Мазепа крайне былъ недоволенъ на запорожцевъ и просилъ государя отдать приказъ поставить ихъ во время сраженія такъ, чтобы они вполнѣ искупили свои вины [2]). Сколько правды въ этомъ показаніи—рѣшить трудно. Во всякомъ случаѣ нужно думать, что запорожцы неохотно шли съ родного юга на далекій и суровый сѣверъ, гдѣ не могли добиться ни жалованья изъ царской казны, ни пропитанія отъ мѣстныхъ обывателей, вслѣдствіе чего должны были во многихъ мѣстахъ силою добывать себѣ пропитаніе.

Въ половинѣ февраля 1701 года, въ мѣстечкѣ Биржахъ, произошло свиданіе между царемъ Петромъ Алексѣевичемъ и королемъ Августомъ II и во время этого свиданія состоялся формальный договоръ между союзниками противъ шведскаго короля. Въ случаѣ счастливаго исхода войны Петръ возметъ себѣ Ингрію и Корелію, Августъ II—Остзейскій край. Зато Петръ обѣщаетъ Августу прислать вспомогательное войско въ 15.000 человѣкъ, доставить продовольствіе для войскъ и уплатить 100.000 рублей. На совѣщаніи, при королѣ, были знатные польскіе паны, которые потребовали сверхъ того отъ царя возвращенія Польшѣ городовъ—Терехтемирова, Стаекъ, Триполья, дозволенія вновь заселить городъ Чигиринъ и присоединенія къ Рѣчи - Посполитой нѣкоторыхъ селъ стародубовскаго полка. Но Петръ нашелъ нужнымъ по поводу послѣдняго требованія снестись съ гетманомъ Мазепой и для того отправилъ къ нему дьяка Бориса Михайлова. Спрошенный по этому поводу гетманъ далъ царю отвѣтъ, что на такое требованіе соглашаться отнюдь нельзя: тогда жители лѣвобережной Украйны перейдутъ въ правобережную, да и запорожцы будутъ склонны къ

---

[1]) Между другими русскими генералами, взятыми въ это время шведами въ плѣнъ, былъ князь Яковъ Ѳедоровичъ Долгорукій.

[2]) Соловьевъ, Исторія Россіи, Москва, 1864, XIV 366.

правой сторонѣ и гетмана будутъ слушаться только въ самыхъ крайнихъ случаяхъ [1]). Объясняясь съ гетманомъ Мазепой, дьякъ Михайловъ, между прочимъ, объявилъ ему о запорожскихъ козакахъ то, что бывшіе изъ нихъ въ лифляндскомъ походѣ, разорили на возвратномъ пути нѣсколько великороссійскихъ селъ и деревень и умертвили многихъ крестьянъ и хотя за то должны были-бы понести жестокую казнь, но милостивый государь простилъ ихъ съ условіемъ впредь не дѣлать такихъ злодѣйственныхъ дѣлъ [2]).

Вскорѣ послѣ этого гетманъ Мазепа, по приказу государя, отправилъ въ Лифляндію новый отрядъ козаковъ, подъ начальствомъ гадячскаго полковника Михайла Боруховича, при которомъ кромѣ собственнаго полка было 2000 запорожцевъ. Боруховичъ находился подъ командою князя Репнина и вмѣстѣ съ нимъ былъ подъ Ригою, а потомъ отступилъ черезъ Друю и Опочну ко Пскову, гдѣ Репнинъ соединился съ генералъ-фельдмаршаломъ Борисомъ Шереметевымъ [3]).

О поведеніи запорожцевъ во время сѣверной войны находимъ также указанія въ малороссійской лѣтописи Самовидца. Запорожцы, вслѣдствіе нанесенія «кривдъ» московскимъ людямъ и вслѣдствіе дорговизны ихъ содержанія, отпущены были изъ-подъ Пскова въ Сичу. Когда они шли литовскимъ краемъ къ Полоцку, то ихъ затянулъ на службу къ литовскому гетману Казиміру Сапѣгѣ гетманскій слуга Юргевичъ противъ «списковыхъ» козаковъ, которые подъ руководствомъ воеводы витебскаго Потѣя, разорили имѣнія Сапѣги, пограбили монастырь Кутенскій и вырубили мѣстечки Дубровную и Гайшинъ. Соединившись съ Юргевичемъ, запорожцы первѣе всего имѣли стычку съ «списковыми» козаками подъ Могилевомъ и прогнали ихъ оттуда. Тогда «списковые» козаки, руководимые княземъ Огинскимъ, Стеткевичемъ и другими панами, расположились въ Головчинѣ съ намѣреніемъ дать въ немъ битву Юргевичу и запорожцамъ. Но запорожцы, предупредивъ «списковыхъ» козаковъ, разбили ихъ на разсвѣтѣ, положили многихъ изъ нихъ на мѣстѣ, самый Головчинъ разграбили и ни во что обратили. Изъ-подъ Головчина запорожцы, не смотря на то, что Юргевичъ очень щедро платилъ имъ, ушли на Украйну, и только

---

[1]) Архивъ мин. ин. дѣлъ; малороссійскія дѣла, 1701, № 20.

[2]) Бантышъ-Каменскій, Исторія Малой Россіи, 1822, III, 50.

[3]) Бантышъ-Каменскій, Исторія Малой Россіи, 1822, III, 50.

немногіе изъ нихъ остались подъ Могилевомъ, гдѣ принимали участіе въ битвахъ и причинили тамъ большія шкоды [1]).

Вражда запорожскихъ козаковъ противъ «московскихъ» людей во время похода на сѣверъ объясняется тѣмъ настроеніемъ, въ какомъ находилось въ то время все запорожское войско. Запорожское войско не переставало негодовать на Москву за постройку на рѣкѣ Самарѣ давней русской крѣпости, Новобогородицкаго городка, и за сооруженіе новой крѣпости въ Каменномъ-Затонѣ, и уже давно искало случая, чтобы выказать свое неудовольствіе гетману и царю за притѣсненіе исконныхъ вольностей своихъ. И такой случай представила имъ сѣверная война. Русскій царь выступилъ на борьбу съ сильнѣйшимъ въ то время королемъ и уже потерпѣлъ жестокое пораженіе подъ Нарвой. Скоро послѣ этого разнесся слухъ о томъ, что турки заключили миръ съ Венеціей и готовились къ войнѣ съ Москвой; царь былъ въ сильной тревогѣ и писалъ по этому поводу наставленіе Ѳедору Апраксину изъ Москвы, какъ оберегать Азовъ и Таганрогъ [2]). Одного съ турками желалъ, разумѣется, и крымскій ханъ. Понимая всю серьезность положенія дѣлъ для Россіи, запорожцы приняли иной въ отношеніи гетмана тонъ. Прежде всего они обратились къ нему съ претензіей на такъ называемыхъ селитренныхъ людей. Селитренные люди, жившіе возлѣ Самары - рѣки, обязались платой запорожскому войску по 100 золотыхъ съ котла, но потомъ послали заявленіе въ Кошъ, что они обязательства своего не желаютъ исполнять. Гетманъ принялъ сторону селитренныхъ людей и въ свою очередь обжаловалъ запорожскихъ козаковъ передъ царемъ. «Запорожцы, писалъ онъ царю, кромѣ того, что берутъ по 100 золотыхъ съ котла, притѣсняютъ еще селитренниковъ всячески: и деньги, и напитки и харчи берутъ съ селитренныхъ майдановъ безпрестанно, почему селитра дешево продаваться не можетъ. Запорожцы упорно называютъ рѣку Самарь отъ устья до верха, и лѣса, по ея берегамъ растущіе и дальніе буераки лѣсовые, и могилы, изъ которыхъ дѣлается селитра—своими; они грозили майданы селитренные разорить, селитренниковъ съ работниками отогнать, и не только на селитренное дѣло, но ни на какую потребу лѣсовъ самарскихъ никому не давать, какъ паствы скотинѣ тамъ

[1]) Лѣтопись Самовидца, Кіевъ, 1878, 204—205.

[2]) Устряловъ, Исторія Петра Великаго, СПБ., 1863, IV, ч. I, 100.

не даютъ. И если при рѣкѣ Самарѣ селитры не дѣлать, то нигдѣ болѣе нѣтъ способныхъ мѣстъ» [1]).

Кромѣ того до гетмана дошли и другія вѣсти относительно запорожскихъ козаковъ: онъ узналъ, что они вошли въ сношеніе съ крымскимъ ханомъ, приготовили четыре пушки, выбрали изъ своей среды четырехъ полковниковъ и рѣшили, въ числѣ 3000 человѣкъ, идти на помощь хану, призывавшему ихъ противъ ногайской орды. Гетманъ поспѣшилъ освѣдомиться объ этомъ у самого кошевого атамана и получилъ отъ него такого рода отвѣтъ: «Трудно было намъ посылать въ Москву и дожидаться монаршеского указа или докладывать вашей вельможности, потому что ханъ позвалъ насъ вдругъ, уже вышедши въ поле; онъ обѣщалъ намъ своихъ коней и уступку всей добычи. Дѣло не сдѣлалось по непостоянству зимы; нѣкоторые изъ нашихъ хотѣли идти на ханскій призывъ, но всѣмъ Кошемъ мы не поднимались и не на православныхъ какихъ хотѣли идти. Здѣсь исконная вольность: кто куда хочетъ, пойдетъ, и гдѣ хочетъ, добычу беретъ, удерживать войско отъ корыстей невозможно. Да и о томъ докладываемъ, что теперь низовое войско часъ отъ часу стѣсняется людьми городовыми, звѣря и рыбы козакамъ добывать негдѣ, а монаршескимъ жалованьемъ цѣлый годъ прожить нельзя, и потому поневолѣ принуждено наше товариство идти въ помощь хану на орду ногайскую. Намъ кажется, что на это гнѣваться на насъ не слѣдовало, напротивъ, надобно было радоваться, что бусурманы, бранясь между собой, насъ призываютъ. Мы о томъ промышляемъ, чтобы они не только низовое, но и городовое войско призывали себѣ на пагубу» [2]).

Считая себя полными хозяевами въ предѣлахъ собственныхъ вольностей, запорожцы въ это же время допустили у себя погромъ проѣзжихъ купцовъ и находили для того полное оправданіе себѣ. Такъ поступили они, іюня 1 дня, съ цареградскими торговыми греками, Григоріемъ Дмитріевымъ и ихъ пятью товарищами, подданными турецкими. Эти купцы, везшіе съ собой драгоцѣнные камни, жемчугъ и красный кумачъ, пришли изъ Царьграда моремъ въ Очаковъ, изъ Очакова поднялись вверхъ по Днѣпру и по Бугу. Отъ Буга, нанявъ подводы у какихъ-то рыболововъ, купцы пошли

---

[1]) Соловьевъ, Исторія Россіи, Москва, 1864, XIV, 366.
[2]) Соловьевъ, Исторія Россіи, Москва, 1864, XIV, 366—368.

сухопутьемъ на Чигиринъ и оттуда имѣли проѣхать въ другіе города для распродажи рѣдкихъ своихъ товаровъ. Но едва они успѣли дойти до рѣки Игнула, какъ на нихъ напала ватага запорожцевъ, малороссійскихъ козаковъ и рыбныхъ промышленниковъ, предводимая атаманомъ Щербиною и асауломъ Тонконогомъ, разграбила весь ихъ караванъ, забрала всѣ ихъ гарары (тюки) съ товарами и отвезла все добро въ Сичу, гдѣ вся добыча частію была подѣлена между козаками, частію публично продана [1]. Потерпѣвшіе купцы поспѣшили сперва занести жалобу силистрійскому сераскеръ-пашѣ, а потомъ послали «ходатайственныя письма» за себя отъ іерусалимскаго патріарха и отъ мултанскаго владѣтеля гетману Мазепѣ [2]. Силійстрійскій паша сообщилъ о томъ турецкому султану, и падишахъ съ сильнымъ неудовольствіемъ потребовалъ удовлетворительнаго отвѣта по этому поводу у малороссійскаго гетмана Мазепы черезъ того-же силистрійскаго сераскера [3]. Независимо отъ жалобы гетману потерпѣвшіе купцы послали жалобу, съ приложеніемъ росписи пограбленныхъ вещей и русскому государю.

Тогда изъ Москвы, іюня 18 дня, послана была въ Сичь царская грамота на имя кошевого атамана Петра Сорочинскаго съ толмачемъ посольскаго приказа Кирилломъ Македонскимъ и съ нѣжинскимъ полковымъ обознымъ Ѳедоромъ Кандыбою для розыска объ учиненномъ запорожцами разбоѣ надъ проѣзжавшими цареградскими купцами. По той грамотѣ велѣно было разыскать воровъ и разбойниковъ и учинить имъ «жестокую казнь по указу великаго государя, по войсковымъ правамъ и по разсмотрѣнію гетмана», а пограбленные пожитки возвратить потерпѣвшимъ по росписи [4].

На такое предписаніе запорожцы отвѣтили царю письмомъ, августа 1 дня, и въ томъ письмѣ оправдывали себя тѣмъ, «будто учинили они за то, что тѣ греки сами были въ томъ винны». Изъ взятыхъ товаровъ они одну половину возвратили, а другую при себѣ удержали, назначивъ за нее денежную плату.

Когда-же товары пришли въ Переволочну, то оказалось, что

---

[1]) Архивъ мин. юстиціи, 1701, кн. 86, л. 844.

[2]) Архивъ мин. юстиціи, 1701, кн. 83, л. 941—942.

[3]) Архивъ мин. юстиціи, 1701, кн. 86, л. 259.

[4]) Архивъ мин. ин. дѣлъ; мал. подл. акты, 1701, св. 2. № 1303—42.

ихъ прислано было слишкомъ мало, а цѣны за удержанные въ Сѣчи поставлены были слишкомъ низкія. Въ это время къ гетману Мазепѣ прибылъ отъ силистрійскаго паши посланный Ибрагимъ-ага, который ни за что не хотѣлъ выѣзжать изъ Батурина до тѣхъ поръ, пока не получитъ полнаго удовлетворенія за пограбленные товары [1]).

Послѣ этого въ Москвѣ открыто былъ поставленъ вопросъ, какъ поступить съ запорожцами, чтобы ихъ укротить. По этому поводу вмѣсто царя, находившагося въ то время въ походѣ противъ шведовъ, обратился съ запросомъ къ гетману Мазепѣ графъ Ѳедоръ Головинъ. Но гетманъ и самъ не зналъ, какъ ему поступить съ запорожцами: «Имѣешь ваша вельможность, самъ высокій разумъ, которымъ великія монаршескія исправляешь дѣла: такъ можешь свободно безъ моего совѣта то разсудить, какого запорожцы наказанія годны. Я бы давно имъ притеръ носы и унялъ ихъ отъ сумасброднаго своевольства, и за нынѣшній проступокъ умѣлъ бы покарать, если-бъ не боялся привести ихъ въ послѣднее отчаяніе и отогнать отъ милости монаршеской. Издавна не разъ бывало, что они, усмотря съ этой стороны какое-нибудь неудовольствіе, ставили кого-нибудь наказнымъ гетманомъ и уходили въ сосѣднія области, ища заступленія, что̀ и теперь сдѣлать имъ нетрудно».

Такой отвѣтъ не могъ удовлетворить Головина, и онъ предлагалъ гетману рѣшительно поступить въ отношеніи главныхъ зачинщиковъ сдѣланнаго грабежа: зазвать главнѣйшихъ изъ нихъ въ Батуринъ, тамъ ихъ внезапно схватить и отправить въ Москву.

Но такого дѣйствія гетманъ никакъ не могъ допустить: «Старинная пословица говоритъ: мужикъ черенъ какъ ворона, а хитеръ какъ чертъ; я уже говорилъ съ запорожцами, которые ѣхали въ Москву за жалованьемъ, пыталъ (допрашивалъ) ихъ о разбоѣ надъ греками, представлялъ, что это дѣло не можетъ успокоиться, пока не выдадутъ заводчиковъ; но у нихъ одинъ отвѣтъ: у насъ нѣтъ никакихъ заводчиковъ, мы всѣ это сдѣлали, все войско запорожское низовое на то позволило. Есть у нихъ писарь Зеленицкій, воръ и давній измѣнникъ, который былъ первымъ совѣтникомъ Петрику, и вмѣстѣ съ нимъ въ Крымъ ушелъ, навелъ на Украйну татаръ и запорожцевъ; разбитый подъ Цари-

[1]) Архивъ мин. ин. дѣлъ, мал. подл. акты, 1702, св. 2, № 1312—24.

чанской, бѣжалъ въ Запорожье и до сего времени тамъ живетъ, оставя въ Полтавѣ отца, мать и жену. Говорятъ о немъ, что онъ великую силу имѣетъ между запорожцами: въ радѣ молчитъ, а по куренямъ тайно что хочетъ, то и дѣлаетъ. Если-бъ далъ Богъ прибрать его къ рукамъ, то тайны запорожскія открылись-бы, ибо нестаточное дѣло, чтобъ запорожцы поступали такъ дерзко, не будучи обнадежены либо отъ хана, либо отъ поляковъ».

Нерѣшительность гетмана въ отношеніи запорожскихъ козаковъ вызвала большое неудовольствіе со стороны Головина, и Мазепа тотчасъ поспѣшилъ оправдаться передъ нимъ. «Богъ свидѣтель, что я сдѣлалъ такъ только для того, чтобъ не подать на себя большого подозрѣнія, будто я дѣйствую изъ приватной моей къ запорожцамъ какой-нибудь злости, а не для общаго добра и вѣрной службы, потому что и первое мое доносеніе о грабительствѣ запорожцевъ, шедшихъ во Псковъ на службу, ни во что вмѣнено, а они, возвратясь, своими песьими губами лаютъ: гетманъ хотѣлъ запровадить васъ въ Сибирь или въ Архангельскъ въ вѣчную неволю, привелъ на то государя, чтобъ намъ ни суконъ, ни обѣщанныхъ по пяти рублей на человѣка за наши работы не дали, хотя тѣ деньги и сукна были уже и во Псковъ доставлены. Хотя я ихъ собачьихъ голосовъ не боюсь, однако терпѣть отъ такихъ гультяевъ—вещь тяжелоносна» [1]).

Гетманъ Мазепа далекъ былъ отъ того, чтобы указать на средства, какъ наказать запорожцевъ, — въ этомъ случаѣ онъ остерегался именно того, чтобы черезъ Запорожье на него не поднялась Украйна.

А запорожцы по-прежнему нисколько не унимались отъ враждебныхъ дѣйствій противъ гетмана Мазепы и поселенныхъ имъ по рѣкѣ Самарѣ промышленныхъ людей: въ октябрѣ мѣсяцѣ, 1701 года, они, не получая пошлины отъ селитренныхъ людей, разорили ихъ заводы и запретили размежевку посамарской земли.

Иначе отнеслись къ запорожцамъ въ самой Москвѣ. Не подчиняясь гетману и отказывая въ выдачѣ зачинщиковъ погрома цареградскихъ купцовъ, запорожцы тѣмъ не менѣе имѣли неосторожность отправить свою депутацію за полученіемъ царскаго жалованья въ Москву. Но едва прибыли въ столицу запорожскіе посланцы, Герасимъ Крыса и его товарищи, какъ ихъ немедленно

[1]) Архивъ мин. ин. дѣлъ, мал. дѣла, 1701, св. 6, № 5.

посадили въ тюрьму и стали допрашивать, были-ли они свидѣтелями погрома селитренниковъ и цареградскихъ купцовъ. На такой вопросъ запорожскіе посланцы отвѣчали, что свидѣтелями разгрома купцовъ они не были, но войско сдѣлало то съ общаго согласія, потому что проѣзжавшіе черезъ запорожскія степи купцы пренебрегли порядками, установленными войскомъ низовыхъ козаковъ, не захотѣли взять въ запорожской пограничной паланкѣ проводниковъ, какъ требовалъ того обычай войсковой, и тѣмъ отказались платить пошлину на Кошъ. Что до селитренниковъ, то Герасимъ Крыса и его товарищи отвѣтили, что свидѣтелями ихъ разоренія они не могли быть, а только слыхали о томъ въ пути и находятъ, что товариство поступило съ ними по всѣмъ правамъ, такъ какъ оно считало и считаетъ земли по рѣкѣ Самарѣ за полную собственность свою и потому не позволитъ мужикамъ сю завладѣть. За такой смѣлый отвѣтъ нѣкоторые изъ запорожскихъ депутатовъ были удалены изъ Москвы и разосланы по великороссійскимъ городамъ [1]).

Послѣ этого февраля 19 дня царь Петръ Алексѣевичъ послалъ изъ Москвы въ Сичь новую грамоту на имя кошевого атамана Петра Сорочинскаго съ приказаніемъ безъ всякихъ отговорокъ возвратить всѣ сполна товары, пограбленные у проѣзжихъ купцовъ; въ противномъ случаѣ царь грозилъ подвергнуть «безъ пощады» смертной казни запорожскихъ посланцевъ, Герасима Крысу и его товарищей, и впредь прекратить выдачу жалованья всему войску запорожскихъ козаковъ [2]).

Когда царская грамота доставлена была въ Сичу и прочитана на радѣ, то козаки закричали своему кошевому, чтобы онъ самъ отвѣчалъ за всѣ убытки, причиненные грекамъ, потому что онъ былъ и настоящимъ виновникомъ всего дѣла и совѣтникомъ дѣлежа товара по куренямъ, тогда какъ сами козаки совѣтовали кошевому спрятать все забранное добро въ общую войсковую скарбницу до времени. Послѣ такого приговора кошевой Петро Сорочинскій сложилъ съ себя атаманскій урядъ и уступилъ булаву новому кошевому атаману.

Такимъ оказался козакъ платнѣровскаго куреня, Константинъ Гордіенко, вскорѣ потомъ пріобрѣвшій большую извѣстность какъ

---

[1]) Архивъ мин. юстиціи, 1702, кн. 86, л. 306.

[2]) Архивъ мин. ин. дѣлъ, 1702, св. 2, № 1312—44.

у запорожскихъ, такъ и у малороссійскихъ козаковъ. Гордіенко, иначе называемый Гординскимъ или Головкомъ [1]), по козацкому прозвищу Кротомъ [2]), былъ самымъ выдающимся изъ всѣхъ кошевыхъ атамановъ конца XVII вѣка и первой четверти XVIII. Родомъ онъ былъ изъ теперешней полтавской губерніи, въ молодости учился въ кіевской духовной академіи, изъ «городовъ» какъ-то попалъ въ Запорожье, тамъ записался въ платнѣровскій курень и потомъ выбранъ былъ кошевымъ атаманомъ низовыхъ козаковъ. По своимъ качествамъ это былъ человѣкъ храбрый, рѣшительный, смѣлый; по своимъ убѣжденіямъ это былъ горячій патріотъ и фанатическій ненавистникъ Москвы. Какъ кошевой Сирко, Гордіенко хотѣлъ видѣть свое Запорожье независимымъ въ политическомъ отношеніи отъ Москвы и въ этомъ духѣ дѣйствовалъ. Не обладая, однако, ни дальновидностью, ни изворотливостью, ни военнымъ геніемъ Сирка, Гордіенко въ меньшей степени могъ разсчитывать на успѣхъ своего дѣла, чѣмъ Сирко. Если Сирко, умѣвшій до нѣкоторой степени ужиться независимымъ между Турціей и Крымомъ съ одной стороны, Россіей и Польшей съ другой, если этотъ безсмертный кошевой, пользовавшійся всесвѣтной славой непобѣдимаго героя, сошелъ въ могилу, не сдѣлавши независимымъ своего Запорожья, то Гордіенко могъ только ввести въ заблужденіе низовое товариство и вызвать гнѣвъ со стороны русскаго царя.

Между тѣмъ царь Петръ Алексѣевичъ, испробовавъ грозныя мѣры въ отношеніи запорожцевъ, прибѣгнулъ къ мѣрамъ противуположнымъ. Такъ, когда была одержана первая побѣда русскихъ надъ шведами при деревнѣ Эрестферѣ и когда въ слѣдъ затѣмъ гетманъ Мазепа явился въ Москву съ тѣмъ, чтобы принести поздравленіе со счастливой викторіей, то онъ получилъ тамъ большіе дары для себя лично и вывезъ подарокъ для запорожскаго войска—1.000 червонцевъ, нѣсколько штукъ суконъ, нѣсколько соболей и дорогихъ матерій [3]).

Но на запорожцевъ, повидимому, даже и эти дары мало подѣйствовали. Въ началѣ 1702 года вернулись изъ лівонскаго похода въ малороссійскіе города гетманскіе полки и объявили тамъ

---

[1]) Мышецкій, Исторія о козакахъ, Одесса, 1854, 11, 34.

[2]) Южнорусскія лѣтописи Бѣлозерскаго, Кіевъ, 1856, I, 90.

[3]) Архивъ мин. ин. дѣлъ; мал. подл. акты, 1702, №№ 15, 17, 18, 19, 23.

во всеуслышаніе, какъ зло и презрительно обращались съ ними великороссійскія войска, какъ они отнимали у нихъ взятую на войнѣ добычу, били, топили въ водѣ. Это обращеніе такъ подѣйствовало на малороссіянъ, что нѣкоторые изъ малороссійскаго посполитства даже стали переходить на сторону шведскихъ войскъ [1]).

Таково-же точно было обращеніе москалей и въ отношеніи запорожскихъ козаковъ. Тогда большая часть запорожцевъ вернулась въ Сичь; нѣкоторые-же остались въ Польшѣ. Въ то время въ Польшѣ образовались двѣ политическія партіи, изъ коихъ одна стояла за Августа II, выбраннаго главнымъ образомъ подъ вліяніемъ русскаго царя; другая держалась Станислава Лещинскаго, поставленнаго въ Польшѣ Карломъ XII, шведскимъ королемъ. Во главѣ послѣдней партіи стояли знатные паны Сапѣги. Запорожцы пристали къ сапѣжинцамъ.

Января 9 дня, 1702 года царь послалъ увѣщательную грамоту къ малороссійскимъ и запорожскимъ старшинамъ и въ этой грамотѣ писалъ, что запорожцы «со своими полководцами» вѣрно и радѣтельно служили государю подъ Печерами и подъ Ригою въ борьбѣ со шведскими войсками и получили царскій указъ съ дозволеніемъ вернуться на родину. Возвращаясь домой, они, однако, «презрѣвъ ту свою службу и радѣніе и государскую къ себѣ милость, отъ региментаревъ своихъ отлучились и въ домы свои не пошли, а пристали къ другой сторонѣ, невѣдомо для чего». Государь увѣщевалъ всѣхъ атамановъ, козаковъ и все посполитство, чтобы они, припомня Бога и крестное свое цѣлованіе, возвратились попрежнему въ свои дома, за что, а равно и за службу и военные труды имъ дано будетъ щедрое жалованье; въ противномъ случаѣ тѣ, которые домой не возвратятся, будутъ лишены царской милости, получатъ смертную казнь и навлекутъ на себя проклятіе отъ потомства [2]).

Несмотря на такую грамоту запорожцы все-таки остались, въ числѣ нѣсколькихъ отрядовъ, въ Польшѣ при сапѣжинцахъ и принимали участіе въ дѣлѣ подъ литовскимъ городомъ Быховымъ, при осадѣ и взятіи его мозырскимъ старостою Михайломъ Халецкимъ. Въ то время къ Быхову двинулись поляки, сторонники

---

[1]) Архивъ мин. юст. 1702, кн. 83, лл. 116, 653, архивъ мин. ин. дѣлъ 1702, № 1.

[2]) Бантышъ-Каменскій, Исторія Малой Россіи, 1822, III, 165.

Августа II. въ числѣ 6.000 человѣкъ, и посланные отъ гетмана Мазепы 12.000 малороссійскихъ козаковъ, подъ начальствомъ стародубовскаго полковника Михаила Миклашевскаго. Осажденныхъ сапѣжинцевъ было 4.000 человѣкъ, разнаго сброда 1.500 и 150 запорожскихъ козаковъ. Октября 12 дня, 1702 года, осажденные сдались на волю побѣдителей и въ числѣ ихъ находились запорожскіе козаки, которые были приведены въ городъ Батуринъ. Гетманъ Мазепа хотѣлъ всѣхъ приведенныхъ запорожцевъ казнить смертью, и только бывшіе подъ Быховымъ малороссійскіе полковники упросили его не дѣлать того, потому что они дали всѣмъ сдавшимся клятву сохранить имъ жизнь [1].

Но были тутъ и такіе козаки, которые не хотѣли принимать никакого участія въ военныхъ дѣйствіяхъ и занимались грабежомъ и разореніемъ сосѣднихъ деревень. Они не слушались старосты Михаила Халецкаго, напрасно раздававшаго имъ деньги для удержанія въ повиновеніи, и своего предводителя войскового товарища Тимоѳея Радича, старавшагося водворить между ними порядокъ и спокойствіе. Разгнѣванный царь приказалъ гетману Мазепѣ судить ихъ за преступленія по войсковымъ правамъ, и тогда главные руководители были казнены, а остальные, числомъ 1000 человѣкъ [2]), немедленно смирились и въ началѣ слѣдующаго 1703 года отправлены были гетманомъ въ городъ Смоленскъ съ тѣмъ, «чтобъ они никогда не возвращались въ малороссійскіе города для смущенія добрыхъ людей» [3].

Всѣ эти строгости еще больше разжигали страсти запорожцевъ и вызывали у нихъ враждебныя чувства прежде всего противъ гетмана, а надежда на поддержку со стороны Крыма заставляла не повиноваться ни царскимъ указамъ, ни гетманскимъ универсаламъ.

Но въ это время изъ Крыма въ Сичь пришли недобрыя вѣсти: крымскій ханъ, къ которому запорожцы обращались за помощью, отказалъ имъ въ этомъ, потому что онъ былъ въ миру съ московскимъ царемъ. Самъ ханъ въ этомъ случаѣ подчинялся турецкому султану. Къ султану-же незадолго передъ тѣмъ отправленъ былъ

---

[1]) Архивъ мин. юстиціи, 1702, кн. 86, л. 723, 824.

[2]) Нужно думать, что тутъ были какъ запорожскіе, такъ еще больше того гетманскіе козаки, которыми по праву, и распоряжался гетманъ Мазепа.

[3]) Бантышъ-Каменскій, Исторія М. Россіи, Москва, 1822, III, 53.

царемъ великій посолъ князь Дмитрій Михайловичъ Голицынъ, для ратификаціи трактата, заключеннаго между Турціей и Россіей. Удостоенный аудіенціи у падишаха, онъ успѣлъ мирно настроить султана въ отношеніи Россіи. Тогда запорожцы, «придя въ чувство», отправили челобитную царю, въ которой писали, что турецкіе купцы сами были виноваты въ своей бѣдѣ: они не захотѣли платить войску пошлины и поѣхали не черезъ Сичь, а степью; запорожцы-же хотѣли преградить имъ неправильный путь, но встрѣтили вооруженное сопротивленіе со стороны купцовъ, призвали къ себѣ на помощь своихъ товарищей, рыболовныхъ промышленниковъ, находившихся возлѣ Буга рѣки, и «большимъ собраніемъ» заворотили купцовъ въ Сичь. Въ Сичи товариство подѣлило по куренямъ только красные кумачи, а камни, жемчугъ и деньги возвратило купцамъ, въ заключеніе челобитной запорожцы просили царя помиловать ихъ, перемѣнить гнѣвъ на милость и возвратить низовыхъ посланцевъ въ Сичь [1]).

Марта 3 дня отправлено было изъ Москвы въ Батуринъ на имя гетмана Мазепы подъячимъ Павловымъ царское жалованье, состоявшее изъ денегъ, бархата, суконъ и соболей, для запорожскихъ козаковъ [2]). Гетманъ удержалъ у себя часть этого жалованья для передачи потерпѣвшимъ отъ запорожцевъ купцамъ. Предложено было силистрійскому пашѣ получить нѣсколько штукъ суконъ, бархата, атласа и соболей, всего на сумму около 10.000 левовъ; но паша нашелъ это слишкомъ недостаточнымъ вознагражденіемъ, и тогда Мазепа прибавилъ къ 10.000 еще 400 рублей изъ запорожскихъ денегъ, собранныхъ въ Переволочнѣ за перевозъ: когда-же паша нашелъ и эту сумму небольшой, то гетманъ еще собственныхъ 640 рублей приложилъ къ ней, и только тогда успокоилъ пашу [3]).

Апрѣля 17 дня Иванъ Мазепа доносилъ царю Петру Алексѣевичу о томъ, что легкомысленные и своевольные запорожцы, собравшись большими «купами» въ Кодакѣ, около Самарскихъ городковъ и въ городахъ малороссійскихъ гетманскаго регимента, чинятъ похвальбы, обѣщаются вмѣсто 80 человѣкъ, посланныхъ изъ Сичи и задержанныхъ въ Москвѣ, взять 800 человѣкъ, нисколько

---

[1]) Соловьевъ, Исторія Россіи, Москва, 1854, XIV, 370—373.
[2]) Архивъ мин. ин. дѣлъ; 1702, св. 10, № 26.
[3]) Архивъ мин. юстиціи, 1702, кн. 86, л. 713, 960.

не заботятся о томъ, что къ нимъ не пропускаютъ хлѣбныхъ запасовъ и надѣются получить ихъ инымъ способомъ: «Оные запорожцы недобрымъ духомъ дышатъ и съ недобрымъ намѣреніемъ такъ великими купами собираются. Стоя на разныхъ мѣстахъ, они многихъ малороссійскихъ городовъ жителей, возвращающихся снизу въ свои домы и отбывающихъ отъ морового повѣтрія, обходячихъ Каменный-Затонъ степою (степью), спостигши, бьютъ и грабятъ и къ конечной нищетѣ приводятъ; также въ пасѣкахъ и въ рѣкахъ полевыхъ, кого ни есть, найдутъ, то такое-же исполняютъ разбойство и грабежъ, ради которыхъ жителямъ малороссійскихъ украинныхъ городовъ ни до пасѣкъ своихъ и на иныя мѣста за промыслами господарскими отнюдь проѣхати невозможно». По всему этому гетманъ Мазепа просилъ государя дать ему «милостивый наставительный указъ» какъ ему поступить со своевольными запорожцами, т. е. разорять-ли ихъ, когда они приблизятся къ малороссійскимъ городамъ, или-же другія какія-либо мѣры противъ нихъ взять, а на всякій случай, пока придетъ царскій указъ, гетманъ велѣлъ собраться коннымъ и пѣхотнымъ сердюцкимъ полкамъ и идти на рѣку Орель [1]).

Что происходило въ это время въ Сичѣ и каково было подлинное настроеніе запорожскаго войска, объ этомъ пространно донесли Мазепѣ его приспѣшники, «нижайшій подножокъ», товарищъ роговскаго куреня Василь Зеленый и «наставникъ» послѣдняго «въ добромъ дѣлѣ» отецъ Антонинъ Мокіевскій. Василій Зеленый состоялъ сперва писаремъ запорожскаго войска, но потомъ, вслѣдствіе разразившагося мороваго повѣтрія, ушелъ въ дикія поля на Ингулецъ, и тамъ скрывался всю осень и все лѣто. Узнавъ, что моровая «пляга» наконецъ со дня пророка Иліи «прочь уступила», Зеленый вернулся въ Сичу и тамъ увидѣлся съ давнимъ своимъ наставникомъ отцомъ Антониномъ Мокіевскимъ и, послѣ совѣта съ нимъ, написалъ листъ гетману Мазепѣ о происшествіяхъ послѣднихъ дней въ запорожской Сичѣ. Первѣе всего, писалъ Зеленый, запорожцы сносятся съ крымскимъ панствомъ и заводятъ съ нимъ такое-же «братерство», какое было во время небожчика (покойнаго) Хмельницкаго. Другое—запорожцы всецѣло и «вседушевно» хотятъ Москву воевати. Для того, чтобы войти въ непосредственныя отношенія съ Крымомъ, запорожцы отправили

[1]) Архивъ мин. юстиціи, 1702, № 86, л. 292—294.

до Перекопа своихъ посланцевъ. Изъ Перекопа посланцы отправлены были съ татарскими провожатыми до Бахчисарая, но въ Бахчисарай не попали, а пришли въ Карачевъ [1]) городъ, гдѣ находился въ то время ханъ со своимъ войскомъ. Ханъ и татары, принявши листъ отъ запорожскихъ посланцевъ, прочитали его и призвали къ себѣ одного стараго татарина и стараго-же, очень опытнаго, запорожскаго посланца Супруна Стебліевскаго (т. е. приписаннаго къ куреню стебліевскому), «добре» знавшихъ войну и постановленія Хмельницкаго. Эти старцы долго говорили публично въ присутствіи хана о давнихъ войнахъ и потомъ были отпущены по «господахъ» (т. е. по домамъ). Отпустивъ старцевъ, ханъ и его приближенные приступили сами къ совѣщанію. Во время этого совѣщанія ханъ рѣшительно отказался отъ предлагаемой войны; зато всѣ «панове» высказались за участіе въ войнѣ. Споря объ этомъ въ теченіе нѣсколькихъ дней, приближенные хана дошли до того, что хотѣли «сложить» его съ ханства и только послѣ того ханъ далъ свое согласіе. Тогда ханскіе «панове» послали донесеніе о своемъ намѣреніи турецкому султану и просили у него позволеніе о выходѣ имъ на войну. Послѣ отправки депутатовъ къ султану, татары вновь вернулись къ предложенію запорожцевъ и рѣшили въ предстоявшую зиму идти войной до самой Москвы, для чего предложили запорожскимъ посланцамъ вопросъ, спрашивали запорожскихъ посланцевъ, будетъ-ли ревностно помогать Крыму низовое войско. Посланцы отвѣчали, что войско будетъ во всемъ согласно съ татарами, потому что оно недовольно на москаля, который строетъ городъ въ Каменномъ-Затонѣ. А будетъ-ли татарамъ помогать заднѣпровскій гетманъ воевать Москву? спросили татары. Посланцы на такой запросъ отвѣтили, что они того не знаютъ. Но на что-же они надѣются? Надѣются «на охотника». А полкъ полтавскій пойдетъ-ли противъ нѣмцевъ? Полкъ полтавскій не пойдетъ противъ нѣмцевъ,—онъ будетъ дома. «Добре, рекли татаре, коли не пойдетъ, то все ваше товариство цѣло будетъ; только, чтобы вы додержали слово и не довели насъ до стыда, какъ съ Петрикомъ и съ иными, Суховѣемъ и Ханенкомъ. Впрочемъ, хоть вы всѣ пойдете, хоть не пойдете, только-бы ваши знаки войсковые сѣчевые были съ нами, а мы и сами пойдемъ, хоть и до самой столицы (т. е. Москвы); только мы отъ васъ того желаемъ, чтобы

[1]) Нужно думать Карасубазаръ.

отъ сего времени больше съ Москвой ни листами не засылались, не жили съ ними зичливе, но съ нами оставались въ пріязни и доносили намъ отъ себя всякія вѣдомости, а какая къ намъ изъ Цареграда отъ монарха турскаго будетъ вѣдомость, то вскорѣ и вамъ и намъ извѣстно будетъ, и вы во всемъ будьте покойны».

Возвращая запорожскихъ посланцевъ изъ Крыма, ханъ и его панове отправили съ ними одного незначнаго, но только стараго человѣка, татарина самъ-третъ. Такъ какъ въ то время настоящій войсковой писарь, заразившійся передъ тѣмъ повѣтріемъ, еще не выздоровѣлъ отъ болѣзни, то вмѣсто него кошевой атаманъ обратился съ просьбой къ Зеленому дать присланному татарину отвѣтный листъ до хана и всего крымскаго панства. Зеленый воспользовался такимъ приглашеніемъ, разузналъ о результатахъ посольства запорожцевъ въ Крымъ и въ то-же время исполнилъ просьбу кошевого. Первѣе всего запорожцы благодарили хана за присланные имъ листы и за его вниманіе ко всему войску. Затѣмъ просили его, какъ можно скорѣй, увѣдомить войско въ случаѣ полученія какого - либо извѣстія отъ турецкаго султана. Далѣе «всесердечно, якъ старшій товарищъ, такъ и меньшій», просили хана къ себѣ на соединеніе съ ордами съ тѣмъ, чтобы побить Москву въ Каменномъ-Затонѣ, и оттуда идти далѣе; обѣщали съ москалями не сноситься и всячески вредить имъ. Запорожцы не похваляли порады татаръ за то только, что они откладываютъ войну на зиму, когда рѣки станутъ; лучше было-бы тому непріятелю, москалю, теперь-же запретить строить вблизи Крыма города и поселяться въ нихъ, потому что коли Москва усилится тамъ всякими войсковыми приборами, людьми умножится, то трудно будетъ выкоренять ее оттуда; теперь - же было-бы удобно съ ней сдѣлать, что угодно.

Написанный листъ кошевой атаманъ взялъ къ себѣ и самъ наединѣ вычиталъ его, желая доподлинно убѣдиться, всѣ-ли пункты въ немъ прописаны, о которыхъ онъ приказывалъ. Послѣ этого кошевой, не собирая войсковой рады, а только «атаманскую пораду», тихо отпустилъ изъ Сичи ханскаго посла, боясь, чтобы кто-нибудь изъ москалей Каменнаго-Затона не услыхалъ о томъ, что запорожцы послали свой листъ къ хану. Послѣ отъѣзда ханскаго посла изъ Сичи между запорожцами стали носиться «разные голоса». Одни говорили: «если орда теперь - же не захочетъ соединиться съ нами и пойти Москвы воевати, а на насъ будетъ (чрезъ то) опалъ (т. е. гнѣвъ)

монаршій, то мы отпишемся къ Москвѣ до великаго государя, что мы того, войско, ничего ни чинили и не знали, да все то панъ гетманъ намъ велѣлъ чинити такъ съ ордою, яко и съ Москвою; то его самого возьмутъ на Москву въ неволю, а мы какъ раньше, такъ и теперь будемъ находиться въ ласкѣ и милости монаршей.» Другіе-же такъ разсуждали: «Коли не будетъ послѣ сего на насъ ласки царской, то мы хочь вѣчно поддамося турецкому монарсѣ, а Москвѣ не дамося въ неволю, бо они (москали), вже знаемъ, якъ людей мучатъ». Изображая все это гетману Мазепѣ, Василь Зеленый отъ себя осмѣливался подать ему совѣтъ, ради сердечной къ его вельможности зичливости, потѣшить чѣмъ-либо на этотъ разъ запорожское низовое войско — или отвратить гнѣвъ монаршій и вызволить изъ Москвы сѣчевое товариство, или-же прислать на Кошъ борошна и написать ласково до войска, но въ такомъ духѣ, чтобы оно кошевого отставило отъ его уряда; тѣмъ болѣе, что войско имѣетъ быть на него недовольнымъ: во-первыхъ, онъ всѣмъ позбавлялъ добычи; во-вторыхъ, произвелъ большую турбацію.

Письмо Василія Зеленаго къ Мазепѣ, подкрѣпленное письмомъ Антонина Мокіевскаго, писано на половину по русски, на половину по латыни; въ немъ Зеленый выставляетъ себя горячимъ патріотомъ всей Россіи, искренне преданнымъ русскому монарху и малороссійскому гетману, но въ то-же время проситъ сжечь всѣ посылаемые пункты, чтобы о томъ какъ-нибудь не дошло извѣстіе въ Сичу и чтобы чрезъ то не погибли оба автора письма и самая святая обитель. «Тутъ всѣ того пилно стерегутъ и довѣдуются о такихъ дѣлахъ. Антона, товмача вашего, завернувши, держатъ въ вязеню крѣпкомъ, поки отъ васъ о немъ до войска письма не буде. А все то наигорше кошовый чинитъ своимъ упоромъ и поводомъ» [1]).

Узнавъ о сношеніяхъ запорожцевъ съ крымскимъ ханомъ, гетманъ Мазепа отправилъ въ Крымъ собственнаго гонца и черезъ того гонца просилъ хана не нарушать мира съ Москвой. Ханъ принялъ гетманскаго гонца съ честью и обѣщалъ не разрывать мира съ Москвой, о чемъ гетманъ поспѣшилъ сообщить графу Головину письмомъ въ Москву и тутъ-же занесъ жалобу на бѣгство въ Запорожье многихъ людей изъ малороссійскихъ городовъ [2]).

---

[1]) Архивъ мин. ин. дѣлъ; мал. подл. акты, 1702, св. 14, № 1331—1303.
[2]) Архивъ мин. ин. дѣлъ; мал. подл. акты, 1702, № 1295.

Между тѣмъ ненависть запорожцевъ къ москалямъ все болѣе и болѣе возрастала и перешла въ открытую вражду. Такъ, осенью этого-же года какая-то гулящая степная ватага напала на капитана Суховольскаго, везшаго съ солдатами для стрѣлецкаго полка въ Каменный-Затонъ царскую казну, капитана и двухъ солдатъ убила, бывшаго при нихъ священника исколола и въ терновникъ бросила, а царскую казну себѣ забрала. Другая подобная-же ватага воровскимъ способомъ «въ великороссійскихъ полкахъ у Каменнаго-Затона и у Новобогородицкаго городка лошадей похватала и съ собой угнала [1]). Въ это-же время изъ Сичи отдѣлилось 600 человѣкъ искателей приключеній, которые ударились на вершину рѣчки Волчьихъ-Водъ и сдѣлали тамъ нападеніе на промышленныхъ людей, ѣздившихъ на свои пасѣки и на рыбныя ловли [2]).

Главной причиной такого озлобленія запорожскихъ козаковъ противъ Москвы было построеніе новаго русскаго городка въ Каменномъ-Затонѣ. Сентября 23 дня послана была, на имя кошеваго атамана Гордіенка, царская грамота съ приказаніемъ не препятствовать русскимъ людямъ ломки камня и обжиганія извести на построеніе Каменно-затонскаго городка [3]). Грамота эта отправлена была сперва къ гетману Мазепѣ и отъ него, черезъ козака Антона Гречаника, доставлена въ Сичь. Въ Сичи грамоту приняли, а гетманскаго посланца приковали желѣзами къ пушкѣ и посадили подъ строгій караулъ, и хотя тотъ посланецъ впалъ въ какую-то болѣзнь, но его днемъ отпускали со сторожами, а на ночь, крѣпко сковавъ, вновь къ пушкѣ сажали и никого къ нему не допускали [4]).

Въ это время, а именно октября 11 дня, какъ сообщалъ гетману переволочанскій дозорца Безкровный, въ запорожскую Сичь пріѣхали отъ крымскаго калги-салтана три старыхъ татарина къ кошевому атаману съ просьбой позволить татарамъ воспользоваться запорожскими судами для переправы съ лѣваго берега Днѣпра на правый у Тавани, чтобы идти въ турецкій городъ Бѣлоградъ «для нѣкотораго ихъ сейма». Въ Сичи собрана была по этому поводу

---

[1]) Архивъ мин. юстиціи, книга мал. приказа, 1702, кн. 86, л. 778—779, кн. 89, л. 163.

[2]) Архивъ мин. юстиціи, кн. мал. приказа, 1702, кн. 86, л. 291.

[3]) Архивъ мин. ин. дѣлъ; 1702, св. 10, № 34; мал. подл. акты, № 1330.

[4]) Архивъ мин. юстиціи, кн. мал. приказа, 1702, № 86, л. 780—985.

войсковая рада и на ней прочтенъ листъ калги-салтана. Въ той радѣ былъ козакъ брюховецкаго куреня, Тимошъ, который, выслушавъ о чемъ шла рѣчь, сказалъ кошевому и всему войску такое слово: «Пане атамане кошевой и все войско запорожское! Не доведется намъ на своихъ отцевъ, братьевъ и сестеръ руки свои подымати и на нихъ идти войною». Козаки, выслушавъ ту рѣчь Тимоша, въ тотъ день ему простили, найдя, будто-бы онъ былъ подвыпивши, но на другой день, выйдя и собравшись на новую раду, велѣли тому Тимошу «отбить» руки и ноги и въ тотъ-же часъ ему то все учинили, а потомъ на дровняхъ выволокли вонъ [1]). На новой радѣ козаки приговорили спустить къ потребѣ татаръ въ назначенное мѣсто суда и для помощи при перевозѣ черезъ рѣку послать имъ нѣсколько десятковъ человѣкъ сѣчевыхъ козаковъ, а для извѣщенія самого калги-салтана отправить двухъ человѣкъ, стараго козака Трипутня да козака роговскаго куреня Василія Бѣлоцерковскаго. Однако, желая показать себя чистыми въ этомъ отношеніи передъ гетманомъ Мазепой, запорожцы послали извѣстіе о дѣйствіяхъ своихъ гетманскому дозорцѣ Безкровному и въ слѣдъ за нимъ самому гетману. Послѣднему они писали, что крымскій салтанъ, идя изъ Крыма, прислалъ въ Кошъ своего посланца Алматъ-агу съ просьбой, «дабы запорожцы не заборонили ему взять ихъ войсковыя, находящіяся на пристани въ Тавани суда, переправиться ему черезъ Днѣпръ со своимъ дворомъ». Запорожцы, по той просьбѣ, выбрали двухъ знатныхъ товарищей, дали имъ свой листъ и послали ихъ къ салтану на перевозъ съ тою цѣлью, чтобы взять «подлинное увѣдомленіе о замыслахъ татаръ», а также и съ тѣмъ, чтобы «они не чинили никакой неправды запорожскому товариству въ полѣ и въ рѣчкахъ па обыкновенныхъ добычахъ» козаковъ. Тѣхъ татаръ съ салтаномъ шло до 2.000 человѣкъ; а у Очакова переправилась черезъ Днѣпръ «великая сила» татаръ, но куда они идутъ и какое намѣреніе имѣютъ, запорожцы о томъ не знаютъ ничего; когда-же посланцы запорожскіе привезутъ какую-нибудь «отповѣдь» на войсковой листъ, тогда запорожцы и гетману о томъ дадутъ знать. А теперь, пользуясь случаемъ, просятъ гетмана оказать свое «господское призрѣніе» на тѣхъ товарищей сичевыхъ, которые уже больше года находятся въ Москвѣ

---

[1]) Архивъ мин. юстиціи; кн. мал. приказа, 1702, № 86, л. 730—785.

и до сихъ поръ не возвращаются на Кошъ: «Въ нашемъ проступствѣ [1]) мы пребываемъ причиною всѣ, а не они одни и, виняся передъ вашею вельможностью, просимъ заступиться за насъ передъ царскимъ пресвѣтлымъ величествомъ на Москвѣ и прощеніе имъ испросить» [2]).

Но просьба запорожцевъ оставлена была безъ всякаго вниманія. Въ замѣнъ того послана была въ Сичь царская грамота съ предписаніемъ о томъ, чтобы козаки не препятствовали великороссійскимъ людямъ брать въ разныхъ мѣстахъ матерьяловъ, годныхъ для построенія крѣпости въ Каменномъ-Затонѣ.

Тогда запорожцы, собравшись на войсковую раду, написали листъ уже самому царю и отправили его гетману Мазепѣ для пересылки въ Москву. Содержаніе того листа было таково.

«Въ нынѣшнемъ 1702 году, октября въ 20 день, донесена къ намъ, войску запорожскому низовому, препочтенная вашего царского величества грамота отъ подданного обѣихъ сторонъ Днѣпра, гетмана и славного чина святого апостола Андрея кавалера Ивана Степановича Мазепы, черезъ особаго его посланца. Отдавая честь высокоименитой грамотѣ и надѣясь (слышать) монаршее милостивое слово, мы велѣли читать въ слухъ ее для уразумѣнія всякому. Но мы не нашли въ ней ни одного слова на наши просительныя къ вамъ, великій государь, письма, съ которыми неоднократно обращались къ вашему царскому престолу объ отпускѣ нашего, посланнаго всѣмъ войскомъ, товариства и о премилостивомъ отъ царственной руки годового жалованья. Напротивъ того, изъ написанной боярской вашей грамоты мы поняли, претерпѣвая уже второй годъ безъ перемѣны бѣдствія, мы не знаемъ, живы-ли или нѣтъ наши товарищи, поѣхавшіе за монаршеской казной: въ присланной къ намъ грамотѣ ничего ваше царское величество не упоминаете о нашихъ товарищахъ, а только изволите приказывать намъ, войску запорожскому низовому, о строеніи города Каменнаго-Затона, дабы мы людямъ, посланнымъ отъ генерала князя Ивана Михайловича Кольцова-Мосальскаго, не возбраняли брать на будущій 1703 годъ камня, извести, гдѣ они найдутъ ее годною на сженіе и на стѣнное строеніе. На это всѣ единогласно вашему царскому величеству объявляемъ, что совершенно не хочемъ онаго

---

[1]) Нужно разумѣть разграбленіе греческихъ купцовъ.

[2]) Архивъ мин. юстиціи; кн. мал. приказа, 1702, № 86, л. 780—785.

города близъ насъ на Днѣпрѣ имѣть и камня брать на строеніе его не дозволимъ: еще города того и непостроили, а мы уже терпимъ большія неправды и убытки въ вольностяхъ козацкихъ нашихъ, чего напередъ сего ни отъ кого не видали по даннымъ намъ древними монархами грамотамъ. Теперь-же мы узнали объ особенно сильномъ стѣсненіи, которое терпитъ наше товарство, занимающееся добычею въ полѣ и выше Днѣпра, на обыкновенныхъ мѣстахъ: оно не только не можетъ выплыть къ назначенному у запорожской Сичи мѣсту, но даже, вслѣдствіе разоренія московскаго, которое дѣлается изъ Каменнаго-Затона, несетъ знатное убійство. Самъ генералъ, идя прошлымъ лѣтомъ около этого времени, въ Каменный - Затонъ съ большою силою для строенія городовъ, отнялъ у насъ перевозъ въ Кодакѣ и поставилъ тамъ сторожу, гдѣ и теперь стоитъ 50 человѣкъ ратныхъ государскихъ людей. Въ самарскихъ-же лѣсахъ и въ строеніи мельницъ немалое чинится разореніе отъ полтавскихъ полчанъ и отъ самарскихъ жителей. Такимъ образомъ, видя какъ наша козацкая вольность обращается въ неволю, мы всѣ единогласно не позволяемъ и возбраняемъ строить города въ Каменномъ-Затонѣ. Всегда открыто становясь передъ очи бусурманъ, мы были во всемъ послушны вашему царскому величеству, во всякое время находились на своемъ посту, всегда доставляли вамъ всякія вѣсти,—и теперь все то согласны дѣлать, но приказанія о построеніи города не будемъ слушать и противъ князя Мосальскаго или другого кого, кто въ предбудущій 1703 годъ явится въ Каменный-Затонъ, изготовимся и станемъ къ военному бою со всѣмъ нашимъ всепосполынымъ товариствомъ. Изложивъ всѣ наши обиды вашему царскому величеству, мы отдаемъ себя во власть высокодержавной руки вашей. Вашего царского величества войска запорожского низового атаманъ кошевой Костянтинъ Гордѣенко со всѣмъ посполъствомъ. Изъ Сичи запорожской 23 октября, 1702 года» [1]).

Такую смѣлость относительно русскаго царя поддерживали въ запорожцахъ крымскіе татары, которые имѣли постоянное сношеніе съ Кошемъ и черезъ своихъ посланцевъ обѣщали козакамъ дѣятельную помощь противъ Москвы, если только она не прекратитъ постройки своихъ городовъ на Днѣпрѣ. Кромѣ татаръ под-

[1]) Архивъ мин. юстиціи; кн. мал. прик. 1702, № 86. л. 809—812.

держка запорожцамъ шла и отъ турокъ, такъ какъ силистрійскій паша также недоволенъ былъ возведеніемъ русскихъ крѣпостей на Днѣпрѣ и усматривалъ въ томъ нарушеніе міра со стороны Россіи по отношенію къ Турціи, о чемъ и заявилъ гетману Мазепѣ въ своемъ къ нему письмѣ [1]). Оттоманская Порта вновь готова была разорвать съ Россіей миръ, и по этому поводу русскій резидентъ Петръ Толстой, находившійся въ Адріанополѣ, писалъ въ Москву Ѳедору Головину: «Татары съ великимъ шумомъ просили Порту о разрушеніи мирныхъ договоровъ и о дозволеніи всчать войну съ Россіей. О томъ были у меня съ турецкими министрами многіе разговоры» [2]).

Для самого гетмана волненіе запорожцевъ было опасно не само по себѣ, а по тѣмъ смутамъ, которыя оно могло произвести въ малороссійскихъ городахъ: всѣ недовольные гетманскими порядками въ городахъ смѣло возвышали въ то время свои голоса и уходили изъ городовъ въ Сичь [3]). Этого-то именно и опасался гетманъ. Поэтому онъ отнесся въ Москву съ письмомъ и просилъ взять рѣшительныя мѣры для искорененія своевольства запорожскихъ козаковъ.

Изъ Москвы, для изслѣдованія дѣла на мѣстѣ, посланъ былъ въ городъ Батуринъ скорый гонецъ Курбатовъ. Прибывъ въ Батуринъ и сдѣлавъ тамъ допросъ, Курбатовъ узналъ, что всѣ жалобы гетмана на запорожскихъ козаковъ дѣйствительно имѣютъ свое основаніе, почему и обратился съ вопросомъ къ самому-же гетману, какъ быть въ отношеніи козаковъ. Гетманъ на такой вопросъ отвѣчалъ, что прежде всего надо имѣть въ своемъ распоряженіи два или три полка доброй пѣхоты на тотъ конецъ, когда запорожцы и крымскіе татары соединятся въ одно; затѣмъ слѣдуетъ прислать въ Батуринъ или въ Сѣвскъ задержанныхъ въ Москвѣ запорожскихъ посланцевъ и слѣдуемую войску денежную казну; послѣдняя должна быть отослана въ Сичь только тогда, когда низовое войско покажетъ несомнѣнные признаки покорности царю. Болѣе рѣшительныя мѣры, какъ напримѣръ изгнаніе запорожцевъ

---

[1]) Архивъ мин. ин. дѣлъ; мал. подл. акты, 1702, № 77.

[2]) Устряловъ, Исторія Петра Великаго; СПБ., 1863, IV, ч. I, 220.

[3]) Тамъ-же; Архивъ мин. юстиціи, 1702, кн. 89, л. 163, кн. 86, л. 959, кн. 86, л. 779.

изъ предѣловъ Россіи или безусловное подчиненіе ихъ русскому царю, по мнѣнію гетмана, невозможны были вслѣдствіе слѣдующихъ трехъ причинъ: во-первыхъ, вслѣдствіе того, что если въ Сичи сидетъ тысячъ пять человѣкъ, то противъ нихъ надо идти генеральной войной, чего нынѣ сдѣлать нельзя, а бѣлгородскимъ отрядомъ ихъ не прогнать; во-вторыхъ, если приступить къ нимъ съ войсками, то имъ будетъ помощь отъ хана и крымскихъ татаръ; въ-третьихъ, если они, испугавшись большого войска, оставятъ Сичь, то пойдутъ во владѣнія хана, поселятся въ Кардашинѣ, внизу Днѣпра, къ морю, или въ Прогнояхъ, и пущее разореніе будутъ чинить; да и иные къ нимъ будутъ прибѣгать. А что турки хотятъ открыть съ русскими войну, то это ясно изъ всего, потому что безъ ихъ позволенія ханъ не заключилъ-бы союза съ войскомъ запорожскихъ козаковъ.

Всѣ эти доводы Курбатовъ принялъ въ резонъ и съ тѣмъ отъѣхалъ изъ Батурина въ Москву.

Тогда въ Москвѣ рѣшили отправить чрезвычайнаго посла въ Сичь съ царскимъ жалованьемъ, съ подарками и съ государевой грамотой и черезъ того посла привести запорожскихъ козаковъ къ присягѣ на вѣрность русскому царю. Прежде всего отправленъ былъ стольникъ Ѳедоръ Протасьевъ, а за нимъ, марта 21 дня, выѣхалъ подъячій Андрей Павловъ. Послѣднему велѣно было ѣхать сперва въ Батуринъ и въ Борзну, взять тамъ у гетмана и у какого-то торговаго москвитина 300 половинокъ шиптуховыхъ суконъ и съ ними ѣхать въ Сичь.

Выѣхавъ изъ Москвы, подъячій Андрей Павловъ, апрѣля 9 числа, нашелъ гетмана въ селѣ Ярославцѣ, въ трехъ миляхъ отъ Глухова, и тамъ передалъ ему «наказную память» свою. Гетманъ, принявъ царскую грамоту, писанную лично къ нему, и выслушавъ наказную рѣчь подъячаго, объявилъ, что въ царской грамотѣ велѣно его, подъячаго, вмѣстѣ съ кѣмъ нибудь изъ гетманскихъ людей, отправить въ запорожскую Сичь; но это только въ томъ случаѣ, если царскому послу не будетъ никакого дурного умысла отъ запорожскихъ козаковъ. Объявляя о томъ послу, гетманъ замѣтилъ самъ отъ себя, что онъ не есть сердцевѣдецъ всему: сегодня запорожцы спокойны, а завтра замыслятъ что-нибудь злое. Однако, повинуясь волѣ государя, назначилъ къ подъячему своего батуринскаго сотника Ивана Скоропадскаго и обѣщалъ дать роспись для роздачи государева жалованья по куренямъ. Въ тотъ-же день и въ

томъ-же селѣ у гетмана Мазепы былъ обѣдъ; на томъ обѣдѣ былъ подъячій и были запорожцы, отпущенные изъ Москвы, — полковники Герасимъ Крыса и Лукьянъ Ирклѣевскій [1]) сидѣли въ свѣтлицѣ съ гетманомъ, а рядовые козаки на дворѣ, въ наметѣ. Послѣ обѣда гетманъ выходилъ къ тѣмъ козакамъ, что сидѣли въ наметѣ и дѣлалъ имъ выговоръ съ великимъ гнѣвомъ за ихъ непристойные поступки. Тогда рядовые козаки и полковники просили прощенія у гетмана за разбой надъ греческими купцами, а относительно прочихъ поступковъ заявили, что они въ нихъ неповинны: если какіе другіе проступки и были за запорожскими козаками, то они, посланцы, того не знаютъ, потому что все время сидѣли въ Москвѣ за карауломъ и теперь, по милости царскаго величества, отпущены на свободу, за что обѣщаютъ какъ великому государю, такъ и гетману вѣрно служить и непоколебимо радѣть. Тогда гетманъ, снисходя къ такому обѣщанію, объявилъ, что, такъ какъ запорожскіе посланцы пожалованы отъ его царскаго величества жалованьемъ и свободой, то за то они, по пріѣздѣ въ свой Кошъ, должны быть во всемъ вѣрны великому государю и послушны ему, гетману. Запорожцы снова подтвердили свой обѣтъ вѣрности, и тогда гетманъ ушелъ въ свѣтлицу, а глуховскому сотнику Алексѣю Туранскому приказалъ поить и кормить запорожцевъ въ полную ихъ волю. Апрѣля 12 дня запорожцы отпущены были гетманомъ изъ Ярославца и отправились въ дальнѣйшій путь до Сичи. Самъ подъячій, получивъ въ Борзнѣ сукна у москвитина, а у гетмана взявъ въ Батуринѣ роспись жалованья и 8 паръ соболей для роздачи ихъ «желательнымъ лицамъ», отправился изъ Батурина вмѣстѣ съ сотникомъ Дмитріемъ Нестеренкомъ, назначеннымъ къ подъячему отъ гетмана, на Конотопъ и на Роменъ. Въ Ромнѣ къ подъячему явился отъ гетмана батуринскій сотникъ Якимъ Кнышъ и объявилъ, что гетманъ приказалъ ему вмѣстѣ съ подъячимъ ѣхать въ Запорожье при жалованьи и отобрать у него 8 паръ соболей. Принявъ гетманскаго гонца, подъячій въ выдачѣ ему соболей отказалъ, объявивъ, что отдастъ ихъ ему только при стольникѣ Протасьевѣ въ Переволочнѣ. Изъ Ромна подъячій Павловъ проѣхалъ на Полтаву, а изъ Полтавы на Переволочну. Въ Переволочнѣ онъ съѣхался со стольникомъ Протасьевымъ и при немъ возвратилъ соболя гет-

[1]) Нужно думать иркдѣевскаго куреня.

манскому посланцу Кнышу. Мая 1 дня изъ Переволочны подъячій вмѣстѣ со стольникомъ Протасьевымъ, генеральнымъ асауломъ Иваномъ Скоропадскимъ и сотникомъ Якимомъ Кнышомъ отправился до запорожской Сичи. Не доѣзжая самой Сичи, мая 4 числа, стольникъ Протасьевъ отправилъ подъячаго Хохлова, а генеральный асаулъ Скоропадскій—сотника Кныша къ кошевому атаману Гордіенку съ извѣстіемъ о пріѣздѣ его, царскаго стольника, съ жалованьемъ и съ грамотой отъ великаго государя. Кошевой атаманъ того-жъ числа выслалъ на встрѣчу къ стольнику Протасьеву и къ генеральному асаулу Скоропадскому запорожскаго войскового асаула Ивана Гадяцкаго. Иванъ Гадяцкій, встрѣтивъ посланцевъ, спросилъ ихъ отъ имени кошевого о здоровьѣ и потомъ объявилъ имъ, чтобы они того-же числа въ Сичу не въѣзжали, а ночевалибы вблизи Сичи. Мая 5 числа войсковой асаулъ велѣлъ посланцамъ ѣхать вмѣстѣ съ нимъ въ Сичь. И когда стольникъ Протасьевъ да генеральный асаулъ Скоропадскій приблизились къ Сичѣ, то кошевой съ войскомъ встрѣтилъ ихъ у Сѣрковой могилы и потомъ стольника и генеральнаго асаула спрашивалъ о здоровьѣ. Послѣ этого кошевой попросилъ стольника подать ему царскую грамоту, и когда стольникъ подалъ кошевому грамоту, то кошевой, взявъ ее въ руки, поцѣловалъ приложенную къ ней печать великаго государя и потомъ вновь возвратилъ ее стольнику. Стольникъ вручилъ ту грамоту подъячему Хохлову и велѣлъ нести ее «взявъ» передъ собой. А когда кошевой цѣловалъ царскую грамоту въ печать, то въ это время все войско стрѣляло изъ мелкаго ружья. Потомъ, когда стольникъ, генеральный асаулъ и подъячіе стали входить «въ замокъ», то козаки стрѣляли изъ пушекъ. По приходѣ въ замокъ всѣ собрались въ церковь и слушали молебное пѣніе и божественную литургію. Въ тотъ-же день кошевой учинилъ войсковую раду, на той радѣ велѣлъ быть и стольнику Протасьеву. Стольникъ, придя въ раду, спрашивалъ по «наказу» здоровье сперва кошевого атамана, а потомъ всего поспольства отъ имени великаго государя. И кошевой и все поспольство благодарили великаго государя за такую милость. Послѣ этого стольникъ вручилъ кошевому царскую грамоту и ту грамоту прочитали всѣмъ козакамъ въ радѣ. По прочтеніи первой грамоты кошевой спросилъ у стольника грамоту о присылкѣ войску царскаго жалованья. Стольникъ Протасьевъ велѣлъ подъячему Павлову подать кошевому атаману просимую грамоту. Ту грамоту

также прочли всему войску на радѣ. Послѣ этого стольникъ говорилъ войску рѣчь, написанную «по наказу на здиркѣ». Тутъ многіе изъ войска заявили, чтобъ ту рѣчь, написанную на «здиркѣ», прочелъ войсковой писарь всѣмъ вслухъ, и стольникъ тотъ «здирокъ» отдалъ кошевому, а кошевой передалъ его писарю, и писарь прочелъ его всѣмъ вслухъ. Потомъ кошевой и все войско приказали прочесть роспись своимъ войсковымъ обидамъ, которыя нанесли имъ князь Кольцо-Мосальскій и воеводы самарскій и каменнозатонскій. По прочтеніи грамотъ великаго государя, войсковыхъ жалобъ и по выслушаніи отъ стольника наказной рѣчи, кошевой, старшина и все войско говорили, что они великому государю служили и впредь служить будутъ вѣрно; измѣны никакой не чинили, крымскому хану не присягали и въ Крымъ только для провѣдыванія вѣстей посылали; крестное-же цѣлованіе учинятъ по принятіи царскаго жалованья, которое должно быть роздано въ той-же радѣ. И то жалованье, по указу и по росписи, стольникъ роздалъ кошевому, старшинѣ и всему войску въ той-же радѣ. Атаману кошевому 2 сорока соболей да 4 пары добрыхъ соболей, 4 портища сукна тонкаго по пяти аршинъ портище, 2 портища атласу по 10 аршинъ, 2 камки луданныя по восьми аршинъ и четыре вершка бархатныхъ на шапки. Судьѣ—«кошевому» (т. е. войсковому), писарю, асаулу по сороку соболей да по двѣ пары добрыхъ соболей, по два портища сукна тонкаго, по пяти аршинъ портище, по два портища атласу по 10 аршинъ портище, по два вершка бархатныхъ на шапки. Атаманамъ куреннымъ, 38 человѣкамъ, по двѣ пары соболей. На все войско низовое 1.000 червонныхъ золотыхъ, 300 половинокъ шиптуховаго сукна, 50 пудовъ пороху и 50 пудовъ свинцу. По принятіи того жалованья кошевой атаманъ, старшина и куренные атаманы били челомъ великому государю за его милость, оказанную войску. Тогда стольникъ сказалъ кошевому, старшинѣ и всему войску слово, увѣщая ихъ чтобы они, видя къ себѣ прещедрую монаршескую милость, служили великому государю вѣрно и цѣлованіе на томъ крестное передъ св. евангеліемъ учинили. На то слово кошевой, старшина и куренные атаманы объявили, что они великому государю служить и всякаго ему добра хотѣть рады, но крестнаго цѣлованія въ тотъ-же день учинить не могутъ, потому что у нихъ будетъ рада о томъ въ теченіи всего дня, и что въ той радѣ постановятъ, о томъ и стольнику объявятъ. Но въ тотъ день

у нихъ рады не было. Мая въ 6 день, на праздникъ Вознесенія, стольникъ былъ у божественной литургіи и тутъ говорилъ кошевому атаману: 5 числа у козаковъ рады не было и слѣдовало-бы имъ теперь, 6 дня мая, учинить ее передъ св. евангеліемъ, потому что день этотъ—торжественный, праздникъ Вознесенія Господня. На то замѣчаніе кошевой стольнику отвѣтилъ, что 5 числа у нихъ рады въ Сичѣ не было, а безъ рады войско присягать не будетъ, но рада соберется непремѣнно 6 числа. Того-же числа, часу въ десятомъ дня, кошевой атаманъ прислалъ своего асаула Гадяцкаго къ стольнику Протасьеву, генеральному асаулу Скоропадскому и къ подъячимъ и просилъ всѣхъ идти къ нему въ курень, гдѣ были собраны и всѣ куренные атаманы «для разговору о дѣлехъ».

Когда стольникъ, генеральный асаулъ и подъячіе пришли въ курень кошевого, то кошевой, старшина и всѣ куренные атаманы объявили, что войско присягать великому государю не желаетъ, потому что вольности его войсковые «утруднены» на Днѣпрѣ и на Самарѣ строеніемъ городовъ Самарою (т. е. Новобогородицкою крѣпостью) и Каменнымъ-Затономъ. Послѣ этого приказали войсковому писарю читать грамоту государей Іоанна Алексѣевича и Петра Алексѣевича, въ которой изображено о наступленіи царскихъ ратей на юрты крымскаго хана, о строеніи Новобогородицкаго города у рѣки Самары и о царскомъ приказаніи запорожскому войску также чинить надъ тѣмъ-же непріятелемъ воинскіе промыслы. Потомъ, по прочтеніи царской грамоты, кошевой атаманъ, старшина и всѣ куренные атаманы говорили о томъ, что имъ объявили, будто тотъ самарскій городъ построенъ на время для складки хлѣбныхъ и воинскихъ запасовъ, пока кончится война съ крымскимъ ханомъ; нынѣ у государя съ турскимъ султаномъ перемиріе, крымскій-же ханъ въ подданствѣ у султана, а вышеписанный городъ Новобогородицкій стоитъ попрежнему, и кромѣ него строится еще городъ въ Каменномъ-Затонѣ; отъ тѣхъ-же городовъ на Днѣпрѣ и на Самарѣ немалая войску запорожскому въ его вольностяхъ трудность. А потому, когда тѣ вышеписанные города будутъ снесены, то запорожцы немедленно свою присягу учинятъ великому государю. Послѣ того запорожцы приказали читать на свои вольности «привелеи» бывшихъ королей польскихъ. На такое заявленіе кошевого, старшины и куренныхъ атамановъ царскій стольникъ отвѣтилъ: чаялъ онъ, что его

призвали для учиненія присяги великому государю, а не для объявленія о строеніи городовъ. Тѣ города строятся по волѣ государя и для цѣлости и охраненія всей Малой Россіи отъ непріятельскихъ приходовъ; имъ-же, запорожцамъ, въ томъ никакой трудности нѣтъ и не будетъ; да и годится-ли имъ въ томъ строеніи монарху своему указывать и быть упорными; пусть-бы запорожцы всѣ «нововымышленныя противныя слова отложили» и великому государю присягу учинили, а милость царскаго величества никогда отъ нихъ отъемлема не будетъ. На это кошевой, старшина и всѣ куренные атаманы объявили, что о той присягѣ они учинятъ раду всѣмъ войскомъ; и потомъ стольника, генеральнаго асаула и подъячихъ изъ куреня отпустили. Мая 7 дня кошевой атаманъ и все войско дѣйствительно раду учинили и на ней велѣли быть стольнику, асаулу и подъячимъ. Когда-же стольникъ, асаулъ и подъячіе пришли въ войсковую раду, то кошевой атаманъ, старшина и иные знатные козаки, какъ напримѣръ, бывшій кошевой атаманъ Петро Сорочинскій, заявили, что непремѣнно нужно принести великому государю требуемую присягу. Но тутъ нѣкоторые легкомысленные козаки выказали противность тому и присягать не захотѣли, упираясь на то, что когда городъ Каменный-Затонъ снесенъ будетъ, то и присяга учинена будетъ. На то стольникъ и генеральный асаулъ возразили, для чего-же ихъ въ такомъ случаѣ обнадеживали не только на словахъ, но и въ письмахъ, для чего ихъ увѣряли, что когда они придутъ съ государевой казной и съ казенщиками въ Сичу, то тогда и учинена будетъ присяга, а нынѣ вымышляютъ «новую противность»? Если-бъ они такъ не писали, то и посланные царскаго величества къ нимъ-бы не ѣздили. На то кошевой, судья и писарь въ той-же радѣ отвѣчали: писали они, кошевой и старшина, не своимъ однимъ совѣтомъ, но совѣтомъ и радою всего войска, нынѣ-же отмѣна на присягу у войска учинилась черезъ строеніе Каменнаго-Затона, а не писали они стольнику и генеральному асаулу заранѣе о такой своей отмѣнѣ потому, что они ожидали видѣть у стольника и асаула царскій указъ о нестроеніи города въ Каменномъ-Затонѣ, какъ просило о томъ войско государя. Послѣ этого кошевой и все войско разошлись по куренямъ и тѣмъ окончили всю раду. Мая 8 дня кошевой атаманъ и посполъство дали стольнику Протасьеву и подъячему Павлову листы къ государю и отпустили ихъ изъ Коша.

Мая 19 дня стольникъ и подъячій пріѣхали въ Батуринъ, а мая 21 дня изъ Батурина были отпущены въ Москву [1]).

По отъѣздѣ царскихъ посланцевъ изъ Сѣчи, въ Запорожьѣ вновь заговорили страсти противъ гетманскихъ и московскихъ порядковъ, и слѣдствіемъ этого было нападеніе со стороны козаковъ на проѣзжавшихъ людей гетманскаго регимента и царской службы. Такъ, въ это время ватага запорожскихъ козаковъ, собравшаяся въ числѣ 70 человѣкъ возлѣ Буга и Днѣстра, напала въ урочищѣ Сухомъ-Ягорлыкѣ на гетманскаго посланца Зигуру Стилевича, родомъ грека, ѣхавшаго, по порученію гетмана, изъ Батурина къ силистрійскому пашѣ Юсупу, и убила его до смерти [2]).

Для того, чтобы прекратить разбои запорожскихъ гультяевъ, гетманъ Мазепа отправилъ за Днѣпръ нѣсколько человѣкъ компанѣйскаго войска, къ которому хвастовскій полковникъ Семенъ Палій присоединилъ козаковъ собственнаго строя. Тогда одни гультяи перешли, подъ предводительствомъ козака Карнауха, на лѣвую сторону Днѣпра, напали на 40 мажъ чумаковъ лубенскаго полка, ѣхавшихъ на Берду за солью, разбили всѣ мажи, людей переранили, воловъ и худобу людскую себѣ забрали. Другіе гультяи, подъ предводительствомъ атамановъ Корсуна, Москаля и Ропухи, сдѣлали нападеніе на ратныхъ людей государевыхъ, шедшихъ до Каменнаго-Затона, и на купеческихъ полтавскихъ людей, возвращавшихся изъ Крыма; у первыхъ отняли нѣсколько десятковъ коней, у другихъ отняли нѣсколько возовъ, а людей до смерти позабивали [3]).

Гетманъ безсиленъ былъ искоренить запорожскихъ своевольниковъ и находилъ, что вѣрнѣйшимъ средствомъ для того, чтобы «нахилить малодушныхъ плутовъ на вѣрность и послушаніе великому государю — было-бы искоренить силою оружія проклятое гнѣздо ихъ Сѣчу» [4]).

Такъ писалъ мая 20 дня гетманъ ближнему боярину Ѳедору Алексѣевичу Головину, извѣщая при этомъ его и о той опасно-

---

[1]) Архивъ мин. юстиціи, кн. мал. прик., 1703, № 89, л. 458—465, 384—385.

[2]) Архивъ мин. ин. дѣлъ; мал. подл. акты, 1803, св. 14, № 1347—1318.

[3]) Архивъ мин. ин. дѣлъ, мал. подл. акты, 1703, св. 14, № 1350—1321.

[4]) Архивъ мин. ин. дѣлъ, мал. подл. акты, 1703, св. 14, № 1318—1347.

сти, какая грозила Малороссіи и Россіи отъ турецкаго султана вслѣдствіе его воинственныхъ замысловъ: султанъ, подъ предлогомъ разграниченія съ поляками земли, въ дѣйствительности-же съ умысломъ склонить на свою сторону запорожцевъ, пришелъ лично къ рѣкѣ Днѣстру, а силистрійскому пашѣ Юсупу отдалъ приказъ строить города на Днѣпрѣ, и первѣе всего на островѣ Козацкомъ [1]).

---

[1]) Архивъ мин. ин. дѣлъ; мал. подл. акты, 1703, св. 14, № 1318—1347.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ.

Проэктъ гетмана Мазепы объ искорененіи шатости между запорожцами. — Ненависть Мазепы къ кошевому атаману Гордіенку и стараніе его объ отнятіи у Гордіенка атаманской булавы.—Новый кошевой атаманъ Герасимъ Крыса.—Мѣры Герасима Крысы для искорененія разбойническихъ дѣйствій со стороны степныхъ ватажныхъ атамановъ.—Возмущеніе запорожцевъ противъ самарскихъ селитренниковъ.—Мѣры гетмана Мазепы для усмиренія запорожскихъ своевольниковъ. — Жалобы запорожцевъ, бывшихъ въ походѣ подъ Ладогой, графу Өедору Головину.—Жалоба запорожцевъ, бывшихъ на работахъ при устьѣ Невы, въ запорожскую Сѣчу.—Волненія по этому поводу во всемъ Запорожьи и въ Малороссіи. — Избраніе въ кошевые Константина Гордіенка. — Раздоръ запорожскаго войска съ гетманомъ Мазепой по поводу размежеванія границы между Турціей и Россіей.—Ненависть Гордіенка къ русскимъ ратнымъ людямъ.—Грамоты царя Петра Алексѣевича къ запорожцамъ по поводу войны его со шведами.— Появленіе въ Запорожьи донского козака Булавина.—Замыслы Мазепы противъ царя.

Мѣра терпѣнія со стороны гетмана Мазепы по отношенію къ запорожцамъ, казалось, переполнилась, и онъ рѣшилъ употребить противъ нихъ самыя строгія средства. Іюня 22 дня, 1703 года, прибылъ въ посольскую походную канцелярію подъ городъ Шлотбургъ [1]) отъ гетмана Мазепы глуховскій сотникъ Алексѣй Туранскій и подалъ тамъ нѣсколько статей относительно того, какъ быть, если турки пожелаютъ установить между Турціей и Россіей границу, по какія мѣста можно допустить такую границу и какъ искоренить «шатости» между запорожскимъ войскомъ.

Отвѣчая на эти запросы, царь Петръ Алексѣевичъ писалъ гетману, что границу нужно установить по общему соглашенію и при этомъ смотрѣть, главнымъ образомъ, за тѣмъ, чтобы малороссійскому краю не было утѣсненія, чтобы Каменный-Затонъ не былъ стѣсненъ тою межою и чтобы при томъ размежеваніи не было татаръ, татарскихъ мурзъ и беевъ, такъ какъ они, согласясь «вмѣстѣ съ плу-

[1]) Городъ Шлотбургъ или Ніеншанцъ, на правомъ берегу Невы, при впаденіи въ нее Охты, взятъ былъ Петромъ у шведовъ, 1-го мая, 1703 года.

тами запорожцами, всячески тщатся развратити учиненный между государствами миръ».

Для укрѣпленія запорожскихъ козаковъ въ вѣрности русскому престолу, гетманъ предлагалъ отъ себя такія мѣры. Первѣе всего собрать надежныхъ людей, т. е. компанію сердюковъ, разставить ихъ въ извѣстныхъ мѣстахъ по днѣпровскому побережью, отъ Кіева до самой Самары и приказать, чтобы они крѣпко стерегли за тѣмъ, дабы изъ городовъ не проходили въ Сичу никакія ватаги съ хлѣбными запасами: черезъ тѣхъ ватажниковъ прибавляются въ Запорожьи и войска и запасы, такъ какъ не изъ трости родятся люди въ Запорожьи, а отъ людей-же на Украйнѣ. Затѣмъ, для вѣрности запорожцевъ нужно взять у нихъ крѣпость Кодакъ и осадить ее государевыми людьми, и если нельзя будетъ того сдѣлать лаской, то нужно сдѣлать оружіемъ, потому что источникомъ всего зла на Запорожьи служитъ именно крѣпость Кодакъ. Ласку гетманъ понимаетъ такъ, что станетъ посылать, попрежнему обыкновенію, въ крѣпость Кодакъ хлѣбный запасъ изъ нѣсколькихъ бочекъ на нарочныхъ подводахъ и съ тѣми подводами будетъ отправлять сердюковъ «съ тайнымъ ружьемъ». Когда такимъ образомъ сердюки войдутъ въ городокъ, то они сперва могутъ дѣйствовать на кодачанъ «ласковымъ пріемомъ»; въ случаѣ-же сопротивленія могутъ бросить нѣсколько бомбъ для усмиренія ихъ. А усмирить кодачанъ непремѣнно надо, потому что еще не такъ давно, когда изъ Орельскаго городка вышло 40 человѣкъ малороссіянъ на своевольство и когда сотникъ орельскій началъ было заворачивать ихъ назадъ, то кодачане, выйдя изъ своего городка, убили подъ сотникомъ коня, ранили сотникова асаула и чуть не разграбили бывшихъ съ сотникомъ козаковъ [1]).

Для той-же вѣрности запорожцевъ русскому престолу гетманъ Мазепа находилъ нужнымъ взять у нихъ рѣчку Самарь. «О Самарѣ гетманъ доноситъ, что запорожцы, напрасно о томъ вспоминая, непристойно присвояютъ ее, потому что на то они не имѣютъ никакого права. Къ нимъ послана была лишь указная грамота великаго государя во время построенія города съ увѣщаніемъ, чтобы они не дѣлали никакихъ шатостей. Привилейной-же государевой грамоты они вовсе не имѣютъ, и первая грамота, писанная къ нимъ, сдѣлана по отпискѣ Неплюева, но онъ, покойный, въ воинскихъ

---

[1]) Письма и бумаги Петра Великаго, СПБ., 1894, II, 193.

случаяхъ былъ сомнительный человѣкъ. А что до того, будто-бы они выпросили себѣ привилейную грамоту у польскаго короля, то король далъ имъ то, чего самъ не имѣлъ. Та рѣчка Самара взята гетманомъ Хмельницкимъ, находилась въ гетманскомъ распоряженіи и всякая добыча (отъ нея)—десятая лисица, рыбная ловля, степная добыча—шла на гетмановъ. Запорожцы-же, взявши ее съ пасѣкой при Брюховецкомъ, и то только по урочище Быкъ, присвояютъ себѣ теперь всю степь и владѣютъ ею. Если на ту Самарь будетъ, по монаршескому соизволенію, пожалована грамота, то дать грамоту повелительную, но и то не на все владѣніе, по той причинѣ, что татары еще мало слушаютъ турокъ, и только послѣ того, когда турки окончательно приведутъ татаръ къ повиновенію, чтобы они не вздумали учинить краю (малороссійскому) какого-нибудь бѣдствія».

На такое представленіе гетмана послѣдовала резолюція отъ государя: «въ грамотѣ на владѣніе рѣчкой Самарой запорожцамъ отказать».

Относительно выдачи привиллегій и жалованныхъ грамотъ запорожскому войску гетманъ не долженъ имѣть никакихъ сомнѣній: безъ его совѣта ни одно позволеніе, даже самое необходимое, не будетъ дано козакамъ. Въ особенности-же теперь какая нужда давать имъ привиллегіи за преступленія ихъ! Для унятія-же шатости между запорожскими козаками государь дозволяетъ гетману поступать съ запорожцами по собственному усмотрѣнію, «не прибѣгая, однако, къ тяжкимъ и знатнымъ надъ ними насилованіямъ до прибытія его (государя) къ Москвѣ по самому первому пути». Но въ виду военнаго похода государь дозволяетъ гетману всѣ пѣхотные полки, находящіеся въ распоряженіи у Ромодановскаго, поставить на зимнія становища въ ближнихъ отъ Запорожья мѣстахъ [1]).

Совершеніе всѣхъ злодѣяній со стороны запорожскихъ козаковъ гетманъ Мазепа приписывалъ вліянію на нихъ кошевого атамана Гордіенка, которому искренне желалъ скорой погибели и о которомъ писалъ въ Сичь одному изъ своихъ тайныхъ агентовъ о томъ, «дабы его, проклятого пса, не стало». И старанія гетмана увѣнчались успѣхомъ если не вполнѣ, то на половину: Константинъ Гордіенко хотя и не погибъ отъ пули, но за то лишенъ былъ ко-

[1]) Письма и бумаги Петра Великаго, СПБ., 1894, II, 195—202.

шевья за то, что знался, по увѣренію самого-же гетмана, съ ворами и разбойниками и дѣлилъ съ ними добычу. Мѣсто Гордіенка занялъ Герасимъ Крыса.

Первыя дѣйствія кошевого атамана Герасима Крысы сильно порадовали было гетмана Мазепу; собравшись съ силами, новый кошевой атаманъ истребилъ ватагу Москаля, Ропухи и трехъ товарищей ихъ и уже готовился водворить въ Запорожьи спокойствіе и порядокъ, какъ между козаками вспыхнулъ настоящій бунтъ: они разбили нѣсколько новыхъ селитренныхъ заводовъ на рѣкѣ Самарѣ, въ томъ числѣ и заводъ самого гетмана, и похвалялись разорить Новобогородицкую крѣпость и другіе московскіе городки, построенные въ Запорожьи. Кошевой Крыса никакъ не могъ справиться съ бунтовавшею черныю, между которой болѣе всего выказывали безпокойство праздные гультяи, со всѣхъ сторонъ прибывавшіе въ Сичь.

Гетманъ Мазепа, узнавъ о томъ, отдалъ приказъ полтавскому и серденяцкому полкамъ быть въ готовности идти на усмиреніе своевольниковъ и ждалъ только приказанія на этотъ счетъ изъ Москвы отъ ближняго боярина Ѳедора Алексѣевича Головина, вѣдавшаго въ то время малороссійскимъ приказомъ [1]).

Но въ это-же время къ Головину пришла жалоба и отъ самихъ запорожцевъ изъ-подъ города Ладоги. У Ладоги стоялъ запорожскій полковникъ Матвѣй Темникъ съ товарищами, принимавшій участіе въ войнѣ русскихъ противъ шведовъ. Сентября 11 дня онъ послалъ письмо, черезъ полкового асаула и пѣхотнаго сотника, боярину Головину съ жалобой на то, что, состоя уже третій годъ на государевой службѣ, онъ никогда не несъ такой нужды, какъ несетъ теперь со своими товарищами. Сперва козаки служили подъ Печерами и Быховымъ; тамъ они получали по рублю на рядового и нѣсколько больше того на старшину и борошна по одному кулю въ мѣсяцъ на четырехъ козаковъ; кромѣ того имѣли сухари, крупу, сукно, свинецъ и порохъ. Ничего того, въ настоящее время, кромѣ одного куля муки на 6 человѣкъ да одного четверика крупъ на 4 человѣка въ мѣсяцъ, они не получаютъ. Отъ этого, питаясь изъ «своего хребта» и не получая въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ ни единой копѣйки, козаки пораспродавали всю свою движимость, сдѣлались и голы и босы, оттого и просили ближняго

[1]) Архивъ мин. ин. дѣлъ; мал. подл. акты, 1703, св. 14, № 1350—1321.

государева боярина доставить имъ средства для ихъ существованія. А что до того, что козаки слишкомъ замедлили своимъ переходомъ отъ Новгорода къ Ладогѣ, вопреки приказу самого Головина, требовавшаго отъ нихъ, чтобы они, какъ можно скорѣе поспѣшили своимъ приходомъ въ городъ Ладогу, то въ томъ виновны были не козаки, а самъ губернаторъ новгородскій: онъ далъ имъ такое ничтожное судно, въ которомъ не только идти, а даже повернуться нельзя было, чтобы «не запропастить» всѣ войска [1]).

Въ такомъ-же затруднительномъ положеніи находились и тѣ изъ запорожскаго товариства, которые исполняли земляныя работы при устьѣ рѣки Невы. Они сперва дѣйствовали на войнѣ противъ шведовъ, но потомъ поставлены были на земляныя работы и посылали горькія жалобы въ Сичу на то, что имъ не даютъ ни крупъ, ни сухарей, а заставляютъ жить на одномъ хлѣбѣ, да и того даютъ половину противъ положеннаго [2]). Вернувшись потомъ въ Сичу, эти козаки страшно ополчились противъ русскихъ властей и стали подымать всѣхъ товарищей на ненавистныхъ имъ москалей. Изъ Сичи недовольство на русское правительство скоро перешло и въ Малороссію, частію черезъ торговыхъ людей, приходившихъ въ Запорожье и потомъ возвращавшихся въ города; частію черезъ самихъ же запорожцевъ, которые, по древнему обычаю, ежегодно оставляли Сичь, выѣзжали на Украйну и пребывали тамъ у своихъ родныхъ или знакомыхъ въ теченіе всего великаго поста до праздника Пасхи. Изъ малороссійскихъ полковъ наибольшимъ безпокойствомъ отличался полтавскій полкъ, пограничный между Запорожьемъ и Малороссіей: козаки этого полка, покидая города, приходили въ Сичь и разжигали ненавистью запорожцевъ противъ гетманскихъ порядковъ въ Малороссіи Тогда запорожцы вновь стали кричать, что пора идти на Украйну, бить тамъ пановъ и арендарей.

Несмотря на жалобу гетмана на запорожцевъ, несмотря на сильное недовольство, выказываемое запорожцами на русское правительство, несмотря на броженіе массы въ Малороссіи, въ Москвѣ, при всемъ этомъ находили нужнымъ дѣйствовать на запорожцевъ не угрозами, а милостью и снисхожденіемъ. Такъ, ноября 27 дня, посланы были изъ Москвы, на имя кошевого атамана Герасима

[1]) Архивъ мин. ин. дѣлъ; мал. подл. акты, 1705, св. 15, № 1434—1403.

[2]) Архивъ мин. юстиціи, 1703, октябрь, кн. 94.

Крысы, двѣ царскихъ грамоты, изъ коихъ въ одной извѣщалось о скорой отправкѣ въ Сичь обыкновеннаго годового войску запорожскому жалованья [1]); а въ другой объявлялось о принятіи запорожцевъ въ государеву милость, о подтвержденіи всѣхъ козацкихъ вольностей и объ отдачѣ имъ самарскихъ грунтовъ, а также о запрещеніи воеводѣ Каменнаго-Затона чинить запорожцамъ обиды.

Вотъ эта интересная царская грамота.

«Божію милостію отъ пресвѣтлѣйшаго и державнѣйшаго великого государя царя нашего царскаго величества подданному низового войска запорожскаго кошевому атаману Гарасиму Крысѣ и всему при тебѣ будучему посполству наше царского величества милостивое слово. Извѣстно намъ, великому государю, нашему царскому величеству, по доношенію подданнаго нашего войска запорожского обѣихъ сторонъ Днѣпра гетмана и ковалера Ивана Степановича Мазепы, что вы, кошевой атаманъ и все посполство, пребываете по древнимъ своимъ обыкновеніямъ намъ, великому государю, въ вѣрности, и чтобъ мы, великій государь, наше царское величество, пожаловали васъ, дабы волности ваши и грунта обрѣтающіеся ничѣмъ были не варушены и дабы подтвердить то нашею царского величества грамотою. Да вы-жъ, кошевой атаманъ и все будучее при тебѣ посполство, били челомъ намъ, великому государю, нашему царскому величеству, дабы вамъ отъ воеводы, въ Каменномъ-Затонѣ обрѣтающемся, и отъ ратныхъ нашихъ людей, тамо будучихъ, обидъ и разоренія и убивства не имѣть и чтобъ грунты ваши, прежде отъ насъ великихъ государей вамъ пожалованные, охранены были при прежнихъ волностяхъ. И мы, великій государь, наше царское величество, по прошенію его подданного нашего гетмана и ковалера, призирая на ваши службы и милосердствуя о васъ, войскѣ запорожскомъ, пожаловали васъ, все войско низовое запорожское, повелѣли всѣ тѣ ваши волности хранити цѣло и ненарушимо и владѣть вамъ, какъ изстари отъ предковъ нашихъ, великихъ государей, пожаловано войско запорожское о самарскихъ грунтахъ, и учинить то опредѣленіе нашимъ великого государя указомъ впредь будущею комисіею межъ вами и городовыми, которая по нашему, великого государя указу учинена будетъ; а въ Каменной Затонъ къ воеводѣ

---

[1]) Архивъ мин. ин. дѣлъ; мал. подл. акты, 1703, св. 2, № 1361–49.

нашъ царского величества указъ посланъ съ жестокимъ подкрѣпленіемъ и подъ смертною казнію, дабы онъ и будучіе тамъ ратные люди, имѣли съ вами привѣтство и задоровъ-бы никакихъ отнюдь не чинили и въ волности ваши ни въ какія не вступались, а буде по розыску явятца его воеводы учиненныя вамъ обиды и неправды, и за то учинено будетъ ему жестокое наказаніе, а вамъ-бы кошевому атаману и всему посполству по вѣрности своей никакихъ съ ними зацѣпокъ тѣмъ ратнымъ людямъ не чинить-же и служить намъ, великому государю, нашему царскому величеству вѣрно и постоянно и въ показаніи тоя вѣрныя своея службы о приключившихся между собою ссорѣхъ, которыя послѣдуютъ подъ сею нашею великого государя грамотою учиненныхъ обидъ, какъ въ Каменномъ-Затонѣ служилымъ нашимъ великого государя людемъ тако и протчимъ учинили розыскъ и доволство и своеволныхъ наказали, чтобъ впредь никакихъ вредителствъ не чинили и служили намъ, великому государю, вѣрно и постоянно» [1]).

Изъ этой грамоты очевидно, что русское правительство, сильно занятое въ то время открывшеюся войною со шведами на сѣверѣ, всячески старалось о томъ, чтобы обезпечить миръ для Россіи на югѣ. На югѣ-же сидѣли запорожцы, которые были страшны не сами по себѣ, а черезъ союзъ съ Крымомъ и Турціей. Этимъ и объясняется такое снисхожденіе со стороны царя по отношенію къ запорожскому войску.

Однако и царская милостивая грамота нисколько не успокоила запорожцевъ. Въ декабрѣ мѣсяцѣ того-же года запорожцы лишили атаманскаго уряда Герасима Крысу и на его мѣсто снова выбрали Константина Гордіенка.

Гетманъ Мазепа, узнавъ о томъ, пришелъ въ большое негодованіе. Отъ запорожцевъ онъ ожидалъ всякаго зла и бѣдствія какъ для царя, такъ и для самого себя. Отпуская отъ себя, въ половинѣ января слѣдующаго 1704 года московскаго подъячаго Илью Никифорова, Мазепа велѣлъ сообщить боярину Өедору Алексѣевичу Головину о томъ, что въ Польшѣ «хотятъ начать войну на богохранимую царского пресвѣтлого величества державу и идти на богоспасаемый градъ Кіевъ и на всю Малую Россію. И если то злое дѣло поляковъ придетъ въ самое подлинное дѣло, то царскому

---

[1]) Архивъ мин. ин. дѣлъ; мал. подл. акты, 1703, св. 2, № 1360—48.

величеству не безъ трудности будетъ удержать и успокоить Украйну. Первое и самое большее бѣдствіе—это запорожцы, которые, имѣя въ городахъ отцовъ, дядей, братьевъ и прочихъ родственниковъ, тотчасъ прельстятся на польскіе денежные подарки, которые будутъ имъ объявлены; запорожцы, яко трость, колеблемая вѣтромъ въ полѣ, обращаются сѣмо и овамо» [1]).

Такъ трактовалъ Мазепа запорожцевъ передъ Москвой, и хотя предсказаніе его не сбылось, тѣмъ не менѣе новый кошевой атаманъ Константинъ Гордіенко выступилъ рѣшительнымъ противникомъ Москвы. Правда, марта 16 дня, онъ написалъ благодарственный листъ царю Петру Алексѣевичу за присланное черезъ дворянина Михайла Остафьева годовое жалованье войску, прося при этомъ по обыкновенію о прибавкѣ свинцу и пороху; но въ это-же время, марта 15 дня, обнаружено было, что кошевой и запорожцы сносятся съ перекопскимъ каймаканомъ, обмѣниваются взаимною съ татарами дружбой и затѣваютъ непріятельское дѣло противъ Россіи. Такъ доносилъ изъ Сѣчи гетману одинъ «доброжелательный» человѣкъ, скрывшій свою фамилію подъ буквою С [2]), и донесеніе это отчасти подтвердилось поведеніемъ запорожцевъ. Такъ, въ концѣ іюня, собравшись въ числѣ 3.000 человѣкъ, они вышли изъ Сѣчи съ пушками и клейнотами, переправились через Днѣпръ подъ Кодакомъ и направились къ рѣчкамъ Самарѣ и Орели для разоренія самарскихъ и орчинскихъ селитренныхъ майдановъ, для разрушенія Новосергіевскаго городка и отогнанія стадъ у жителей Новобогородицка. Кошевой атаманъ, видя такое своеволіе, хотѣлъ сложить съ себя свое званіе, но бунтари вновь принудили его взять булаву, а сами хотѣли идти на малороссійскіе города и удержаны были только своими старшинами; тогда, не желая оставаться въ бездѣйствіи, они устремились на соляную добычу [3]). Гетманъ для охраны малороссійскихъ границъ отъ запорожцевъ послалъ къ Переволочной наказного полтавскаго полковника и глуховскаго сотника съ козаками [4]).

Но всего больше возставали запорожцы и ихъ кошевой ата-

[1]) Бантышъ-Каменскій, Источники, Москва, 1857, II, 44.

[2]) Можетъ быть, выше упоминаемый писарь Сажко.

[3]) Архивъ мин. ин. дѣлъ; мал. дѣла 1704, св. 14, № 35.

[4]) Бантышъ-Каменскій, Исторія М. Россіи, Москва, 1822, III, 57.

манъ Гордіенко за построеніе русской крѣпости въ Каменномъ-Затонѣ, стоявшей на лѣвомъ берегу Днѣпра, въ виду самой Сичи. Между запорожцами и великороссійскими охранителями этой крѣпости постоянно происходили столкновенія и захваты людей въ полонъ съ той и другой стороны. Начальникомъ крѣпости Каменнаго-Затона былъ въ то время бояринъ Даніилъ Романовичъ Шеншинъ. Іюля 2 дня кошевой Гордіенко написалъ воеводѣ Шеншину изъ Сичи письмо, въ которомъ требовалъ отъ воеводы, чтобы онъ возвратилъ въ Сичь взятыхъ имъ козаковъ запорожскаго войска, въ противномъ случаѣ грозилъ ему отплатить тѣмъ-же: «Уже въ прежнемъ нашемъ письмѣ мы писали твоей милости, чтобъ ты возвратилъ невинно взятыхъ съ нашей стороны товарищей; но твоя милость отпустилъ къ намъ изъ тюрьмы («вязеня») лишь одного товарища, а другого, по имени Максима, товарища левушковскаго куреня, и до сихъ поръ, неизвѣстно для какихъ цѣлей, въ тюрьмѣ связаннымъ держишь; между тѣмъ за нимъ ходятъ для отысканія къ Каменному-Затону его товарищи. Предъявителямъ сего листа, нашимъ товарищамъ, изволь отдать безъ всякой турбаціи и задора помянутого выше Максима. Если-же ты не отдашь вмѣстѣ съ симъ листомъ оного невинного товарища, то мы и изъ вашихъ служилыхъ людей возьмемъ неповинного» [1]).

Въ такомъ-же духѣ изъяснялся кошевой атаманъ Гордіенко и съ царскимъ посломъ по поводу той-же крѣпости въ Каменномъ-Затонѣ и сидѣвшаго въ ней «безвинного товарища». Объясняясь съ посломъ, кошевой высказался, чѣмъ именно не нравился запорожцамъ Каменный-Затонъ: воевода Каменнаго-Затона посылаетъ въ Сичь людей высматривать и выслушивать, что дѣлаютъ и говорятъ запорожцы на Кошу, причиняетъ товариству всяческія обиды, отнимаетъ у нихъ лошадей, бранитъ ихъ и называетъ своими подданными, наконецъ, упрекаетъ ихъ въ томъ, будто они бѣглыхъ солдатъ принимаютъ къ себѣ: «Но у насъ такихъ бѣглыхъ солдатъ въ Сичѣ нѣтъ, а хотя-бы и были, то у насъ издревле такое поведеніе: кто придетъ, тѣхъ принимаемъ, и кто захочетъ, тотъ у насъ живетъ». Какъ и воеводѣ Шеншину, Гордіенко грозилъ и царскому послу, что если воевода не прекратитъ своихъ насилій, то это можетъ возмутить противъ Москвы и все Запорожье и всю Малую Россію.

---

[1]) Чтенія москов. общества ист. и древн., 1847, № 9, 24.

Какъ-бы въ подтвержденіе этихъ словъ кошевого Гордіенка, гетманъ доносилъ царю Петру Алексѣевичу своимъ письмомъ (іюля 20 дня) о смутѣ, вновь происшедшей въ Сичи, объ отправленіи нѣкоторыхъ изъ запорожцевъ на соляную добычу и о мѣрахъ, принятыхъ имъ на случай нападенія низового войска на малороссійскіе города гетманскаго регимента [1]).

Гетманъ не хотѣлъ понять истинныхъ причинъ недовольства на русское правительство въ средѣ запорожскихъ козаковъ; онъ не думалъ о томъ, чтобы такъ или иначе устранить ихъ, и всѣ смуты происходившія въ Сичѣ приписывалъ одному человѣку, кошевому Гордіенку. «Кошевой Гордіенко, писалъ Мазепа въ январѣ мѣсяцѣ, 1705 года, въ Москву, благодаря своей хитрости, имѣетъ особенную силу; чтобы провести какое-нибудь дѣло, онъ сперва совѣтуется частнымъ образомъ со всѣми куренными атаманами, а потомъ уже выноситъ свое дѣло на раду, и тогда успѣхъ его затѣй всегда бываетъ обезпеченъ». Гетманъ признавался, что онъ изыскивалъ всѣ средства для того, чтобы извести со свѣта «пса проклятого», но это ему до сихъ поръ не удалось. Оставалось довольствоваться подробными донесеніями о всѣхъ дѣйствіяхъ кошевого тѣхъ тайныхъ агентовъ, которыхъ гетманъ посылалъ отъ себя въ Запорожье и явныхъ дозорцевъ, какіе поставлялись имъ въ крѣпость Переволочну, на границу между Гетманщиной и Запорожьемъ.

Къ этому времени уже сошелъ со сцены угодливый слуга гетмана Мазепы и закоренѣлый врагъ запорожцевъ, дозорца Иванъ Рутковскій, и вмѣсто него выступилъ другой, Романъ Селезневичъ. Въ февралѣ мѣсяцѣ Мазепа послалъ, черезъ Романа Селезневича, нѣсколько писемъ въ запорожскую Сичу съ требованіемъ полной покорности со стороны войска царскому престолу и гетманскому регименту.

Исполнивъ волю гетмана, Романъ Селезневичъ, въ томъ-же февралѣ мѣсяцѣ, писалъ Мазепѣ, что кошевой атаманъ Гордіенко на доставленныя въ Сичу гетманскія письма не даетъ немедленнаго отвѣта, обѣщаясь прислать его особыми козаками: «для того запорожцы имѣютъ, по древнему обыкновенію, по два человѣка изъ куреня казенчиками»; товариство-же и того не желаетъ дѣлать и находитъ за лучшее отвѣчать гетману «почтой», а не

---

[1]) Соловьевъ, Исторія Россіи, Москва, 1865, XV, 165.

черезъ нарочныхъ посланцевъ. На самого дозорцу кошевой атаманъ предъявилъ претензію за то, что будто-бы онъ доставляетъ въ Кошъ гетманскія письма въ распечатанномъ видѣ. Дозорца, оправдываясь въ этомъ передъ гетманомъ, заявлялъ, что кошевой, обвиняя его въ такомъ проступкѣ, просто на просто хочетъ сорвать на немъ свою злобу: онъ просилъ дозорцу прислать въ Сичу для вновь поставленной старшины гостинца по бочкѣ борошна, но получилъ отказъ въ томъ и теперь взваливаетъ на дозорцу всякія обвиненія [1]).

Подлинныхъ писемъ гетмана Мазепы къ запорожцамъ не сохранилось,—объ нихъ говорится только въ донесеніи гетману дозорцы Селезневича, а потому и самое содержаніе ихъ доподлинно неизвѣстно. Можно догадываться только, что кромѣ требованія о повиновеніи гетманъ требовалъ еще отъ запорожцевъ вспомогательнаго отряда для похода на сѣверъ. По крайней мѣрѣ, въ самомъ началѣ іюня мѣсяца того-же года, по царскому указу и по предписанію гетмана, высланы были изъ Запорожья въ городъ Смоленскъ нѣсколько человѣкъ запорожской пѣхоты и конницы, которые «въ прошломъ году безоповѣдне» (добровольно) ушли изъ Инфлянтъ въ малороссійскіе города и тамъ разжигали ненависть противъ москалей [2]).

Жалобы запорожцевъ на трудность службы въ Инфлянтахъ имѣли свое основаніе: и по своему исключительному положенію, какъ малороссы, и по своимъ военнымъ пріемамъ, какъ независимая боевая сила, запорожскіе козаки во время сѣверной войны испытывали гораздо большія неудобства, чѣмъ великороссійскія войска: запорожцы для великороссовъ на половину чужестранцы, въ дележѣ добычи имѣвшіе послѣднюю долю, въ полученіи провіанта—нерѣдко никакой доли. Оттого и неудивительно ихъ отвращеніе къ походу на сѣверъ.

При всемъ томъ, гдѣ была какая нибудь возможность, запорожцы неизмѣнно служили государю и мужественно сражались съ врагами русскихъ, шведами. Еще въ 1704 году, въ іюнѣ мѣсяцѣ, оставшійся на сѣверѣ отрядъ запорожцевъ принималъ участіе въ нападеніи русскихъ на шведовъ при Черной рѣчкѣ, притокѣ рѣки Невы, и вмѣстѣ съ другими взялъ 12 шведскихъ офицеровъ и нѣ-

[1]) Архивъ мин. ин. дѣлъ; мал. подл. акты, 1705, св. 14, № 1420—1389.

[2]) Архивъ мин. ин. дѣлъ; мал. дѣла, 1705 св. 69, № 1434—1403.

сколько человѣкъ рядовыхъ, послѣ чего русскіе и запорожцы перебрались было на Черную рѣчку, но при островѣ Валкисарѣ наткнулись на восьмитысячный отрядъ шведскій, подъ начальствомъ генералъ-поручика барона Майделя, и вернулись съ этимъ извѣстіемъ въ только что основанную царемъ столицу, Петербургъ. Въ слѣдующемъ 1705 году, іюля 28 дня, тотъ-же генералъ-поручикъ Майдель подошелъ къ Выборгской сторонѣ, противъ самаго Петербурга, переправился на Каменный островъ и съ него сталъ было перебираться на теперешній Аптекарскій островъ, но былъ отбитъ русскими батареями. Послѣ этого, августа 4 дня, генералъ Майдель прошелъ къ правому притоку Невы, Охтѣ, выше Петербурга, и двинулся по направленію къ Шлиссельбургу. Не дойдя двѣнадцати верстъ до Петербурга, Майдель сталъ переправляться черезъ рѣку Неву. Но за Майделемъ отправился въ слѣдъ помощникъ шлиссельбургскаго коменданта Бахметевъ, и шведы, узнавъ о томъ, вернулись назадъ къ Охтѣ, гдѣ встрѣтили отрядъ запорожскихъ козаковъ, на которыхъ и ударили всей своей силой. Запорожцы, уступая большой численности непріятелей, оставили свой постъ у Охты и переправились черезъ Неву. Тутъ къ нимъ подошли двѣ русскихъ шнявы и нѣсколько галеръ, и тогда шведы отступили къ городу Выборгу [1]).

Кромѣ походовъ на далекій сѣверъ, гдѣ запорожцы терпѣли и отъ голода, и отъ сырого климата и отъ дурного съ ними обращенія, большое неудовольствіе вызывалъ у нихъ поднятый одновременно съ этимъ вопросъ о размежеваніи земель между Турціей и Россіей и установленіи порубежной линіи вдоль южныхъ границъ козацкихъ вольностей.

Мая 21 числа, 1705 года, думный дьякъ, Емельянъ Игнатовъ Украинцовъ извѣстилъ съ урочища Мишурина - Рога кошевого атамана Константина Гордіенка о томъ, что пресвѣтлѣйшій и державнѣйшій государь Петръ Алексѣевичъ, желая установить, послѣ долговременной войны съ Турціей, «святоосвященный покой», повелѣлъ ему, дьяку Украинцову, съѣхаться съ турскимъ коммисаромъ и чинить постановленіе по мирнымъ договорамъ; что вмѣстѣ съ думнымъ дьякомъ велѣно, по грамотамъ царскаго величества, гетману Мазепѣ послать для той-же цѣли отъ себя знатныхъ лицъ изъ малороссійскаго дворянства и что теперь онъ, думный дьякъ,

---

[1]) Устряловъ, Исторія Петра В., СПБ., 1863, т. IV, ч. I, 256, 261, 270.

съ знатными малороссійскими особами Григоріемъ Карповичемъ и Димитріемъ Максимовичемъ направляется къ рѣкѣ Бугу для съѣзда съ турецкимъ коммиссаромъ и извѣщаетъ о томъ «своихъ милыхъ пріятелей и братію», запорожскихъ козаковъ.

Въ слѣдъ за письмомъ думнаго дьяка Украинцова посланъ былъ въ Сичь о томъ-же универсалъ и отъ гетмана Ивана Мазепы [1]).

Когда письмо дьяка и универсалъ гетмана дошли въ запорожскій Кошъ, то въ Сичи кошевымъ атаманомъ Гордіенкомъ собрано было по этому поводу, одна за другой, двѣ войсковыхъ рады. На первой радѣ рѣшено было написать письмо къ думному дьяку съ запросомъ, «какимъ способомъ и по какія примѣты съ турскимъ коммиссаромъ онъ имѣетъ граниченіе утвердити», то-есть «только-ли на одной степи или въ Днѣпрѣ водою». На второй радѣ рѣшено было послать думному дьяку письмо съ выраженіемъ неудовольствія за то, что какъ самъ думный дьякъ, такъ и гетманъ, извѣщая запорожцевъ о—имѣющейся быть пограничной коммиссіи, не сообщаютъ войску ни о статьяхъ, на основаніи которыхъ будетъ вестись разграниченіе, ни объ уговорѣ, какой имѣетъ быть у русскихъ съ турками, ни о царской грамотѣ, повелѣвающей чинить такое разграниченіе: «Извѣстно да будетъ вашей милости, что отъ вѣку не слыхано и нихто то (не) можетъ сказать, чтобъ которого времяни могла въ Днѣпрѣ обрѣтатися граница, но отъ нѣсколько сотъ лѣтъ войско запорожское въ Днѣпрѣ Кошемъ обрѣтаяся, владѣя Днѣпромъ, даже до самого морского гирла, ни отъ кого не бывало ограничено и обмежевано, и для того никакимъ способомъ не позволяемъ никому въ давношнемъ нашемъ и староѫитномъ днѣпровомъ пребываніи никакихъ границъ заводити. А поневже царское пресвѣтлое величество желаетъ, дабы царству его были опредѣлены границы, а намъ никакою достопочтенною своею грамотою о томъ не давалъ извѣстія, то мы милость вашу на дѣло его монаршее присланного упрашиваемъ, изволь, милость ваша, государскую его грамоту къ намъ прислать, дабы мы, вычитавъ, выразумѣли о чемъ въ царской его грамотѣ положенныя статьи и какій ваша милость по указу его съ коммиссаромъ турецкимъ имѣти будете договоръ» [2]).

---

[1]) Архивъ мин. ин. дѣлъ; мал. дѣла, 1734 и 1735, св. 69, № 6.

[2]) Архивъ мин. ин. дѣлъ; мал. дѣла, 1734 и 1735, св. 69, № 6.

Получивъ такое письмо, думный дьякъ ничего другого не могъ предпринять, какъ только отослать его къ царю. И тогда царь Петръ Алексѣевичъ, іюня 10 дня, отправилъ, на имя кошевого атамана Константина Гордіенка, грамоту, въ которой говорилось, что напрасно кошевой и все запорожское поспольство «коммиссіальному дѣлу» противятся, опасаясь лишенія «грунтовъ» и «животовъ»: царское величество вполнѣ обнадеживаетъ ихъ, что «всѣ ихъ добычи будутъ по старому» и потому требуетъ отъ нихъ не чинить «въ коммиссіальномъ дѣлѣ» никакого препятствія, быть послушными во всемъ, чего отъ войска потребуетъ гетманъ, и служить вѣрно и постоянно великому государю по всегдашней войсковой вѣрности [1]).

Одновременно съ царской грамотой посланъ былъ къ запорожскому войску и листъ отъ гетмана Мазепы съ наказомъ «не перечить волѣ царской въ коммиссіальномъ дѣлѣ, чтобы не навлечь тѣмъ монаршого гнѣва»... «Великій государь не для чего иного, только для общого войску низовому и малороссійскому народу добра то разграниченіе» съ Портой учинить приказалъ, и чрезъ то размежеваніе войску запорожскому ни въ вольностяхъ и правахъ, ни въ звѣриныхъ и рыбныхъ добычахъ «убыли и уймы не будетъ» [2]).

Но запорожцамъ такія обѣщанія показались слишкомъ неопредѣленными и потому, іюня 26 числа, они отправили Мазепѣ обширный листъ съ повтореніемъ своихъ прежнихъ претензій. Гетманъ о многомъ пишетъ запорожскому войску, о прибытіи коммиссаровъ къ Бугу, о царской грамотѣ, присланной по этому поводу, о царскомъ приказаніи чинить съ турскимъ коммиссаромъ такой договоръ, какого потребуетъ сама Порта, но только не пишетъ войску о сущности самыхъ переговоровъ и о томъ, съ какимъ повелѣніемъ самъ онъ посланъ отъ государя въ коммиссію для «пограничного опредѣленія». «А что, вельможность ваша, писали къ намъ во всѣхъ вашихъ листахъ, припоминая и многократно подтверждая, что не ко умаленію государской земли на семъ разграниченіи обрѣтаетеся, но къ цѣлости и расширенію оной имѣете чинить коммиссію, тогда въ тѣхъ пунктахъ ясно и

[1]) Архивъ мин. ин. дѣлъ; мал. дѣла, 1734 и 1735, св. 69, № 6, 1705, св. 16, № 21.

[2]) Архивъ мин. ин. дѣлъ; мал. подл. акты, 1705, св. 15, № 1403—1439.

явно разумѣется быти двояко, понеже для размѣренія царского величества державы и народу россійскому для волного въ добычахъ употребленія. Для чего-же въ прошломъ году Григорій Карповичъ и Дмитрій Максимовичъ съ коммиссаромъ турецкимъ не чинили коммиссіи на той сторонѣ Богу (х которой коммиссіи и велможность ваша поспѣшая вспять возвратился изъ Переволочни) и не разъ мѣрили границы около Днѣстра турецкой [1]), убавливая ихъ землѣ пространства, но на сей сторонѣ Богу (т. е. Буга) своего монарха уменшивая пространство подъ городки турчанину, поступали, водя за собою желательного пріятеля даже до самыхъ городковъ, а указывая и отдая самовольно, что по городки имѣетъ быти ему граница означенна. И мы, войско, какъ въ прежнихъ листахъ нашихъ писали къ велможности вашей, что можете турковъ старыхъ спросить, а любо (либо) и господина Григорья Карповича Коровку, яко старого человѣка, слыхали-ли они, когда въ Днѣпрѣ опредѣленіе границъ; подлинно вѣдаемъ, что не только они того не могутъ сказать, но и вся подсолнечная на то не признаетъ, зачѣмъ старожитныхъ вѣковъ мы, войско, не покидая и давныхъ нашихъ обыкновеней, не только въ Днѣпрѣ границѣ быти не позволяемъ, но совѣтуемъ велможности вашей съ тѣмъ разграниченіемъ къ городкамъ и не приближатися, а ежели по волѣ вашей достигнете городковъ, мы для уговору о нашихъ грунтахъ и граничного дѣла все отъ старшего до меньшего будемъ предъ очи ваши приходити, а понеже пресвѣтлого монарха нашего его царского величества салтаномъ турецкимъ въ томъ размежеваніи есть великая потреба, и мы, войско, не чиня государевой волѣ противности, ради-бъ вседушно, дабы какъ былъ вѣку старожитного укрѣпленіе границѣ съ Портою, такъ чтобъ и нынѣ на томъже было поновлено: преславной памяти антецессоръ королей полскихъ кроль Витултъ [2]), тотъ несытому змію крови христіянской въ разширеніи его панства уста заградивши и збивши съ охочимъ войскомъ запорожскимъ, которые въ то время обрѣталися Кошемъ у Семенова-Рогу у Бога (т. е. у Буга), Старый Очаковъ, гдѣ теперь именуется Сто Могилъ и розоренію до часу сего подавши, постановилъ, укрѣпилъ и утвердилъ быть границѣ туркамъ землею по Сто Могилъ, о чемъ ежели, велможность ваша, изволите вѣ-

---

[1]) То-есть: «и не размѣрили турецкой границы около Днѣстра».

[2]) Разумѣется великій князь литовскій Витольдъ или Витовтъ, 1392—1430.

дати, найдете пространно на подписи на камени, надъ Богомъ стоячимъ, а водою въ Днѣпрѣ границу таковымъ утвердилъ способомъ, естли кто хочетъ вѣдати наданные групты войсковые водою въ Днѣпрѣ, пусть пустится верхомъ въ море съ берега по та, даже пока конемъ не можетъ земли достигнути, по та мѣста отъ того-же вышереченного короля водою есть назначена, которая граница изрядно-бы то за дѣло подлинное устроено было гдѣ-бъ по указу царского пресвѣтлого величества, а вашимъ радѣніемъ, яко ближняго сенатора боку царского, давно поставленная рѣчь была поновлена, дабы отъ всего народа россійского и насъ, войска, здѣсь въ Днѣпрѣ обрѣтающогося, царскому величеству и велможности вашей къ вѣчной памяти была слава и похвала» [1]).

Пославъ такое письмо Мазепѣ, запорожцы на томъ не успокоились и черезъ два дня написали гетману другое письмо. Какъ и въ первомъ письмѣ, они настоятельно просили гетмана объ одномъ, «дабы въ Днѣпрѣ никакой границы не было, ибо если назначить черту граничную по городки землею, то они (турки), яко прехитрые и неправдивые люди, по городки впредь идущіе [2]) времена и Днѣпръ отмежевавши, всѣ наши добычные грунта къ себѣ привращать захотятъ. А до тѣхъ поръ, пока состоится пограничное соглашеніе, запорожцы просили гетманскую вельможность, на случай возвращенія посланнаго въ Москву товариства за годовымъ жалованьемъ, извѣстить о томъ войско «почтеннымъ листомъ своимъ, когда представится въ томъ возможность» [3]).

Но гетманъ Мазепа не только не внялъ просьбамъ запорожцевъ, а послалъ думному дьяку Емельяну Украинцову нѣсколько сотъ козаковъ нѣжинскаго полка съ приказаніемъ оружіемъ «укротить тыхъ псовъ запорожцевъ»; фельдмаршалу-же россійскихъ войскъ князю Меншикову донесъ «о своевольствѣ непостоянныхъ и скаженныхъ псовъ запорожцевъ, которые оказываются противными коммиссіональному дѣлу вслѣдствіе природного своего малоумія и давней бунтовничей намоги». Распущенные еще со времени Богдана Хмельницкаго, они не только не слушали всѣхъ прошлыхъ гетмановъ, но еще, поднявъ орду, воевали съ ними, многія бѣды малороссійскому краю на правомъ боку Днѣпра и

---

[1]) Архивъ мин. ин. дѣлъ; мал. дѣла, 1734 и 1735, св. 69, № 6.

[2]) То-есть: «въ предыдущія» или будущія времена.

[3]) Архивъ мин. ин. дѣлъ; мал. дѣла, 1734 и 1735, св. 69, № 6.

разоренія причиняли и уже во время уряда самого Мазепы учинили Петрика гетманомъ и приходили съ нимъ и съ татарской ордой на полтавскій полкъ войною, но божіею милостію гетманъ Мазепа такъ «располошилъ» враговъ на рѣкѣ Орели, что Петрикъ ушелъ въ Запороги, а калга-салтанъ бѣжалъ дикими полями до Крыма [1]).

Не смотря на крайнюю степень раздраженія со стороны гетмана Мазепы на запорожцевъ и на рѣшительныя мѣры, предлагаемыя имъ для укрощенія ихъ, царь Петръ Алексѣевичъ не находилъ нужнымъ дѣйствовать противъ нихъ силою и даже въ самомъ концѣ мѣсяца іюня приказалъ послать имъ обыкновенное годовое жалованье черезъ дворянина Базлова и подъячаго Инехова [2]).

Послѣ этого и самъ гетманъ нашелъ нужнымъ перемѣнить свой тонъ въ отношеніи запорожцевъ. Въ свою очередь онъ отправилъ имъ черезъ козака Соловья, «сердце до дзвона» (языкъ до колокола) сичевой церкви и «для окованія того-жъ дзвона штабъ (полосъ) десятокъ», хотя съ этимъ вмѣстѣ не преминулъ упрекнуть товариство за пограбленіе низовыми козаками у татаръ, какъ о томъ писалъ гетману бей бендерскій, сорока слишкомъ шкапъ [3]) и около полутораста ѣздовыхъ коней, которые будто-бы отогнаны были у татаръ и отправлены козакомъ Шумейкомъ съ товарищами въ Сичу, а также послать упрекъ и самому Кошу запорожскому за вмѣшательство его въ «коммиссіальное дѣло» и за отогнаніе нѣсколькихъ штукъ лошадей отъ табора коммиссаровъ.

Запорожцы, получивъ отъ гетмана подарокъ, усердно благодарили его за него, но виновными себя въ уводѣ татарскихъ коней не признали и представили доказательства, что хищеніемъ татарскихъ коней занимались полковники—миргородскій, Апостолъ, и полтавскій, Искра, изъ коихъ послѣдній отправлялъ отъ себя партіи козаковъ на урочище Великіе-Терны для захвата коней. Тѣ козаки уводили изъ крымскаго повѣта по 50 и болѣе головъ коней и отсылали ихъ до пана Искры, чѣмъ войску запорожскому «немалыя турбаціи и трудности» наносили, такъ какъ отъ высланной гетманомъ на степныя рѣчки «компанѣи» для отысканія «таковыхъ проступцовъ» невинному товариству запорожскому причинялись бѣд-

---

[1]) Архивъ мин. ин. дѣлъ; мал. подл. акты, 1705, св. 15, № 1412—1443.
[2]) Архивъ мин. ин. дѣлъ; мал. дѣла, 1705, св. 16, № 23.
[3]) Шкапа—кляча, лошаденка, заѣзжая лошадь.

ствія, грабительства и убійства. Такъ это и всегда бываетъ: если у крымцевъ кто-нибудь угонитъ ихъ коней, то первымъ дѣломъ вину на запорожское товариство взводятъ. А запорожцы часто и знать о томъ ничего не знаютъ. Вотъ хотя-бы козакъ Шумейко, котораго считаютъ виновникомъ этого дѣла: онъ еще «на масницѣ» (на масляницѣ), передъ великимъ постомъ, отъ сего свѣта и отъ займа конного занятъ есть смертію въ Чигиринѣ и на Кошѣ вовсе не знайдуется». Что до упрека запорожцамъ за притѣсненія царскихъ коммиссаровъ и за уводъ ихъ коней, то запорожцы немало удивляются «неправдимому пронесшемуся эху» и на такое донесеніе отвѣчаютъ, что какъ раньше они никакого сопротивленія и ни въ чемъ, кромѣ вольностей, царскому величеству не оказывали, такъ и теперь никакой препоны не думаютъ дѣлать, «толькобы якъ отъ вѣка старожитного было граничное постановленье утверждено преславной памяти отъ антецессора королей полскихъ, короля Витута, по Бугъ землею, гдѣ ныне Городище Старого Очакова именуется, а водою потоль запустившися конемъ зъ берега у море, ажъ копытомъ землѣ поколь не можетъ засягнути, по тое мѣсто водою съ турецкою Портою тихъ часовъ зазначенна есть граница, такъ и таперешнихъ часовъ отъ коммиссаровъ на размежованье ординованнихъ, абы давнему зазначенью граници била (была) учинена понова (возобновленіе) ведлугъ давней постанови, якъ вишей есть написано, а когда (якъ чуемъ подоводне и вѣдаемъ) же оная граничпа будетъ зазначенна креса [1]) по городки туркомъ землею, тотъ яко прехитрій народъ въ потомніе часи по городки и Днѣпръ зо всѣми намъ належними нашими грунтами отмежевати не занехаетъ, гдѣ намъ, войску, знайдуючися напотомъ нѣгде будетъ и едной лахманки [2]) набыти [3]), бо гди-жъ не казною царского величества, а не якихъ иншихъ монархъ вспомогательствомъ, тилко еднимъ Днѣпромъ и въ немъ грунтами нашими зъ давнихъ часовъ контентуемся промешкуючи Днѣпръ. Прето упрошаемъ велможного пана нашего, соизволте, велможность ваша, по милостивому къ намъ своему призрѣнію, донести царскому пресвѣтлому величеству, дабы препослалъ свой премилостивій монаршій указъ граничнимъ коммиссаремъ по Бугъ гра-

---

[1]) Кре́са съ польскаго на русскій значитъ черта.

[2]) Лахманка съ польскаго на русскій—ветошь.

[3]) Набыти съ польскаго на русскій—нажить.

ницу, якъ предь менованно есть, утвердити, а не у Днѣпрѣ, гдѣ отъ вѣку не слыханно границу зазначати» [1]).

Послѣ такой просьбы гетманъ Мазепа снова донесъ царю о прекословіи монаршей волѣ со стороны запорожцевъ и царь Петръ Алексѣевичъ вынужденъ былъ вновь напомнить кошевому атаману Константину Гордіенку двумя, посланными одна за другой, грамотами о нечиненіи думному дьяку Емельяну Украинцову никакихъ затрудненій въ установленіи пограничной русско-турецкой черты.

«Извѣстно намъ, великому государю, нашему царскому величеству, писалъ царь іюля 27 дня изъ города Вильны, изъ вашихъ листовъ, писанныхъ вами нашего царскаго величества думному дьяку, межевому коммисару и каргопольскому намѣстнику, Емельяну Игнатьеву Украинцеву, что вы имѣете сомнѣніе о врученномъ ему, по указу нашего царскаго величества, коммиссіональномъ дѣлѣ, будто-бы то чинится къ утѣсненію вашего низового войска всякихъ звѣриныхъ и рыбныхъ промысловъ, и желаете, чтобы онъ для того размежеванія не приближался къ Днѣпру, указывая ему на то, будто-бы у васъ имѣется старый рубежъ, учиненный польскимъ королемъ, до самаго моря и отъ береговъ, пока конь копытомъ достанетъ, объявляя, что ежели помянутый нашъ думный дьякъ, по нашему указу, будетъ чинить ту границу на Днѣпрѣ, то вы придете къ нему со всѣмъ своимъ войскомъ; изъ этого явно то, что вы нашей волѣ и высокопотребному для мирного пребыванія обоихъ государствъ подданнымъ, предположенному дѣлу хочете чинить противность; мы немало удивляемся тому, что вы, войско низовое запорожское, вспоминаете о такихъ будто-бы бывшихъ древнихъ границахъ, а то забываете, что съ давнихъ временъ вамъ былъ загражденъ путь на Днѣпрѣ и выходъ въ море ко всякимъ добычамъ турскими крѣпостями, Кызыкерменемъ и другими, которыя съ недавняго времени, милостію Вышняго и нашимъ царскаго величества счастіемъ, вѣрнымъ стараніемъ и храбрыми поступками войскъ нашихъ, великороссійскихъ, и малороссійскихъ, у турокъ взяты и по мирнымъ договорамъ разорены и вмѣстѣ обрѣтаться имѣютъ, звѣриныя-же и рыбныя добычи и ваши пчельники, по обоимъ сторонамъ внизъ по Днѣпру для подданныхъ обоихъ государствъ имѣть невозбранно, и тѣмъ мирнымъ постановленіемъ не утѣсненіе, но въ вашихъ временахъ

---

[1]) Архивъ мин. ин. дѣлъ; мал. подл. акты, 1705, св. 15, № 1444—1413.

никогда невидимая свобода и пространство приключено, а размежеванiе земель, находящихся у Днѣпра, желается Портой только для признаковъ, чтобы по обѣимъ сторонамъ въ тѣхъ мѣстахъ никакого поселенiя и крѣпостей никому строить не позволено было. И мы не сомнѣваемся, что вы, разсудя все это, какъ вѣрные наши подданные, сему нашему изволенiю, идущему къ вашей-же пользѣ, никакой противности не дерзнете чинить, но по вѣрности своей къ намъ, великому государю, будете повиноваться нашей волѣ, и то полезное дѣло совершить помянутому нашему думному дьяку безо всякаго мятежа допустите, чиня ему въ томъ всякое вспоможенiе, чтобы тѣмъ нашего царскаго величества имени не нанесть безславiя и за то не навести на себя нашего царского величества жестокаго гнѣва и отмщенiя» [1]).

Вмѣшательство со стороны Коша въ дѣло пограничнаго размежеванiя не было вмѣшательствомъ съ его стороны въ неподлежащее ему дѣло: вопросъ шелъ о южной границѣ владѣнiй Запорожья, который былъ поставленъ, съ точки зрѣнiя запорожцевъ, вопiюще несправедливо и нарушалъ исконныя права и вольности войска. До 1705 года запорожцы считали послѣднимъ пунктомъ своихъ владѣнiй на юговостокѣ городище стараго Очакова, у праваго берега рѣки Буга и лѣваго берега Днѣпровскаго лимана, гдѣ урочище Сто могилъ [2]). И такая претензiя имѣла свое основанiе. Дѣло въ томъ, что съ начала XV вѣка, благодаря завоевательнымъ походамъ литовско-русскаго короля Витовта, границы южной Руси далеко раздвинулись къ юго-востоку и дошли до береговъ Чернаго моря. Витовтъ возстановилъ Каневъ, основалъ Черкасы, Кременчукъ, Мишуринъ-Рогъ, таможню на островѣ Тавани, крѣпость Дашовъ (Очаковъ) и гавань въ стоянкѣ Хаджибей, теперешней Одессѣ [3]).

Но сила была не на сторонѣ запорожцевъ, и они въ концѣ концовъ принуждены были смириться и замолчать. Каково было дѣйствительное въ это время настроенiе войска—это можно видѣть изъ отповѣди кошевого Гордiенка гетману Мазепѣ, писанной сентября 16

---

[1]) Бантышъ-Каменскiй, Источники, Москва, 1857, II, 48; Исторiя Малороссiи 1822, IV, 173.

[2]) См. карту Исленьева 1779 года въ нашемъ трудѣ Вольности запорожскихъ козаковъ, СПБ., 1890.

[3]) Антоновичъ, Монографiи, Кiевъ, 1895, I, 245.

дня и посланной имъ въ Батуринъ. Въ этой отповѣди запорожцы и ихъ кошевой то высказываютъ благодарность царю и гетману за оказанное имъ вниманіе присылкой денежнаго жалованья, то подбираютъ самыя ядовитыя выраженія для того, чтобы показать, чего въ дѣйствительности стоютъ тѣ царскіе подарки, то, наконецъ, упрекаютъ царя и гетмана за недосылку давно слѣдуемой войску пороховой и денежной дачи.

«Мы, войско запорожское, отпускаючи отъ насъ изъ Коша присланного дворянина царского величества Петра Базлова, якій былъ зъ монаршимъ его милостивимъ жалованьемъ, въ свой ему путь, вручили до рукъ его нашу войсковую челомъ битную благодарственную до царского величества грамоту, въ якой, вѣдомо велможности вашой чинимъ, отдали по силѣ нашой царскому величеству за премилостивое обослане жалованя зъ обовязаньемъ самихъ насъ впредь ему, великому государю, быти въ щирой зичливости и до вшелякой службы готовости, и иніи намъ потребніе пункта, въ той-же виразили челомбитной, о которихъ велможности вашой вѣдомо да будетъ, ижъ мы, кошовій зо всимъ началомъ и зо всѣми атаманы куренними въ сей присланной царского величества казнѣ такіе приняли соболѣ, якихъ отъ вѣку на Кошъ грубыхъ не присылано: не соболѣ, але голые шкурки, а еще и тимъ огонки и лапки передніе поурѣзовани, прето писали до царского величества о его монаршій указъ упрошаючи, дабы повелѣлъ болшъ такихъ подлихъ соболей, такъ тѣжъ и обрѣзованіи, не присилати бо и . . . . мовати впредь не обѣцуемся. Еще тежъ и о томъ царскому величеству прикладали, ижъ въ першой нашой грамоткѣ, якую презъ полковника нашего Григорія, которій простовалъ въ тотъ часъ по монаршое жалованье, препосилали до царскаго величества, виражали, просячи о присылокъ дворочной пороховой, свинцовой казны, якихъ роковъ намъ не доходили, теди при поворотѣ полковника нашего теперь зъ столицѣ нѣякой намъ нѣ словесной, а нѣ грамотной не было отповѣди и по прошенію нашему не учинено. Еднакъ-же за другое пишучи до царского величества просили, абы не презрѣвши просьбою нашею, повелѣлъ насъ войско свое випшъ помянутою казною обослати. На якіе теди пункта, намъ потребніе, упрошаемъ велможности вашой, хотѣте, велможность ваша, свой високе поважній реиментарскій до его царского пресвѣтлого величества причинній заслати листъ, абы за преповажною инстанціею велможности вашой и наша царского величества прозба тща не была. Тутъ-же велможности вашой ознаймуемъ, же

мы присланную сумму грошей отъ умис(л)не посланнаго Якима Кныша полчварти тисячи сполне приняли до рукъ нашихъ и, зчитавши ихъ, отложили до скарбници войсковой нашой. Тилко-жъ намъ, войску, тіе полчварти тисячи барзо зостаютъ въ подивленіи великомъ, же прошлого року велможность ваша з прещедрой своей ласки намъ рачили прислати пять тисячей, а нынѣшнего року не зуполную сумму велможность ваша прислали,—тилко полчварти тисячи: знать то не ласковое на насъ, войско, отъ велможности вашой является призрѣніе. Зачимъ велце упрошаемъ велможности вашой: хотѣте, велможность ваша, свою всегдашнюю намъ явивши милость, прислати и тѣ полтори тисячи до сій нашій полчварти, абы была совершенная по такъ рочному сумма; а поневажъ велможность ваша и симъ насъ зъ премилостивой своей ласки звиклимъ нашимъ изволили обослати даткомъ, теди покорне упрошаемъ: изволте, велможность ваша, насъ, войско, въ скоромъ часѣ, не откладаючи до повороту вашего зъ военного походу, нашимъ годовимъ борошеннимъ обослати даткомъ» [1]).

Запорожцамъ приходилось терпѣть не только отъ самого гетмана, но и отъ разныхъ лицъ, ему подвѣдомственныхъ, какъ напримѣръ отъ гетманскаго дозорцы Романа Селезневича, опозорившаго двухъ войсковыхъ посланцевъ. Эти посланцы, возвращаясь отъ гетмана, заѣхали въ Переволочну и тамъ были у спаскаго попа въ господѣ (домѣ) на погуляньи. Селезневичъ, увидя тамъ запорожскихъ посланцевъ, исполнился такой дерзости, что одного билъ по щекамъ, а другого безчестилъ многими «простацкими» названіями, заливалъ ему очи горилкою и другими напитками. «И то онъ не посланнихъ нашихъ, але все войско, насъ такъ велце обезчестилъ, прето мы, войско, соболѣзнуючи своего безчестя нѣчимъ инымъ вспартемъ, тилко велможности вашой укладаемся: хотѣте, велможность ваша, зъ Романа, дозорци переволочанского, учините ему справедливость, иже бы онъ впредъ такого дерзновенія и самоволства презъ указъ велможности вашой нашимъ сѣчовимъ товариству не важился чинити» [2]).

Вслѣдствіе всего этого враждебное настроеніе запорожцевъ противъ гетмана Мазепы и москалей все болѣе и болѣе возрастало, и

---

[1]) Архивъ мин. ин. дѣлъ; мал. подл. акты, 1705, св. 15, № 1470—1439.

[2]) Архивъ мин. ин. дѣлъ; мал. подл. акты, 1705, св. 15, № 1470—1439.

они ждали только случая, чтобы причинить вредъ своимъ притѣснителямъ. Но Мазепѣ доподлинно извѣстно было все, что творилось въ Запорожьи черезъ тѣхъ тайныхъ шпіоновъ, которые служили ему за деньги. Таковъ былъ запорожскій войсковой писарь Василь Зеленый. Въ половинѣ сентября мѣсяца Зеленый прислалъ тайный листъ Мазепѣ (за подписью П. К. П. В. З. Н. р. в. л.) и въ томъ письмѣ подробно извѣстилъ гетмана «о дѣючихся теперешняго лѣта поведеніяхъ» въ Запорожьи. Когда въ Запорожье донеслась вѣсть о томъ, что Мазепа вышелъ въ военный походъ и находится уже за Кіевомъ, тогда всѣ козаки единодушно рѣшили идти на Украйну и перебить тамъ пановъ съ арендаторами; но все это дѣлалось весьма скрытно, и рѣчь о томъ сперва велась по куренямъ, а потомъ уже открыто произносилась на майданѣ; козаки говорили, что лишь только они выйдутъ изъ Сичи, какъ къ нимъ присоединятся всѣ украинскія селенія, и тогда, за отсутствіемъ гетманскихъ полковъ, всѣ паны будутъ перебиты въ одну недѣлю. Рѣшено было сперва идти по соль до Прогноевъ, а потомъ, по возвращеніи изъ Прогноевъ, вернуться до Сичи и идти въ полки миргородскій и прилуцкій разбивать селитренные майданы. Но намѣреніе это не было приведено въ исполненіе, и запорожцы сами своихъ пограбили на Бугѣ и на Днѣпрѣ на добычахъ. Къ тому же и соль сѣла въ Прогнояхъ, и «такъ завзятіе ихъ знищилося, еднакъ на прійдучое лѣто (они) цѣле мѣютъ подъ майданы походъ мѣти». Настоящаго-жъ лѣта случилось такое обстоятельство: какой-то козакъ каневскаго куреня, будучи въ Каменномъ-Затонѣ, напился пьянъ, упалъ въ городской ровъ и уснулъ въ немъ, гдѣ нашли его москали и взяли подъ караулъ. Послѣ того запорожцы писали о томъ козакѣ въ Каменный-Затонъ и просили воеводу выпустить его на волю. Но воевода не внялъ тѣмъ просьбамъ, и тогда запорожская чернь подняла большой бунтъ и хотѣла въ ночное время огромнымъ скопомъ сдѣлать нападеніе на Каменный-Затонъ, словить нѣсколько десятковъ москалей и рѣшила даже самую крѣпость разорить до основанія. Но къ тому не допустили чернь старые козаки и кошевой атаманъ Гордіенко. Самъ кошевой нѣсколько разъ объявлялъ, что если москали будутъ безвинно брать въ тюрьму запорожскихъ товарищей, то онъ самъ о тридцати коняхъ и не ночью, а днемъ, сколько схочетъ, столько и «налыгаетъ» москалей до Сичи. Многіе изъ черни имѣли намѣреніе также броситься въ самарскую товщу и разбить тамъ всѣ пасѣки; разбивши пасѣки, идти подъ Вольное и подъ Самарію (т. е.

Новобогородицкъ) и захватить тамъ череду (стадо коровъ) и стада коней. «За харцизами, албо коноводами, барзо кошевій руку держитъ и покриваетъ ихъ (ежели будетъ вашей велможности потребно, всѣхъ по имени натермѣновати могу), якъ можетъ; а гдѣ якіе конѣ заиметъ которій, онъ, нѣбы слѣпій за плотъ (плетень) держится, все Искрою да миргородскимъ полковникомъ отмагу чинитъ» [1]).

Не смотря на такое шатостное настроеніе запорожскаго войска, въ это-же время шелъ вопросъ о пограничномъ русско-турецкомъ размежеваніи. Октября 22 дня между Россіей и Турціей установлена была такъ называемая «межевая запись» стараніями русскаго думнаго дьяка Емельяна Украинцова и турецкаго паши эффенди Кочъ-Магмета. Эта «межевая запись» гласила слѣдующее: «Початокъ границъ отъ польскихъ концовъ, гдѣ польская граница скончалась, внизъ рѣкою Бугомъ до нашихъ коммисарскихъ обозовъ, и отъ нашихъ коммисарскихъ обозовъ паки рѣкою Бугомъ за два часа до Ташлыка, который называется по турецки Великій Конаръ [2]), и отъ Великаго Конара полемъ поперекъ рѣку Мертвово (т. е. Мертвоводъ), а перешедъ Мертвово полемъ черезъ Еланецъ, который по турецки называется Енгулою, гдѣ впадаетъ Великій Ингулъ [3]); потомъ, перешедши Великій Ингулъ, полемъ до рѣки Малаго Ингульца, а перешедъ Малый Ингулецъ черезъ бродъ Бекеневскій [4]), который отъ Кызыкерменскихъ пустыхъ мѣстъ въ десяти часахъ, а отъ того броду полемъ прямо до устья рѣчки Каменки, гдѣ оная впадаетъ въ Днѣпръ, а отъ Кызыкерменскихъ пустыхъ мѣстъ до того мѣста четыре мили, и тамъ кончается граница» [5]).

Впрочемъ, въ той-же «межевой запискѣ» сдѣлана оговорка, что «подданные его царского величества вольно могутъ ходить на

---

[1]) Архивъ мин. ин. дѣлъ, мал. подл. акты, 1705, св. 15, № 1471—1440.

[2]) Какъ справедливо полагаютъ, до балки Большого-Сухого-Ташлыка: Объяснительная записка къ картѣ Елисаветградской провинціи 1772—1774 въ Запискахъ одесскаго общества исторіи и древностей, XIV.

[3]) Здѣсь разумѣется рѣчка Сухой Еланецъ, впадающая въ Бугъ: см. туже объяснительную записку къ картѣ Елисаветградской провинціи.

[4]) Бекеневскій, иначе Бѣлый бродъ, гдѣ Бѣлыя Криницы или Бѣлые колодези: Лѣтопись Величка, Кіевъ, III, 483—485; Акты южной и западной Россіи, XII, 701.

[5]) Полное собраніе законовъ, томъ IV, статья 2077, стр. 324.

Лиманъ и на Черное море для своихъ пожитковъ, токмо смирно и безъ оружія».

По донесенію одного изъ русскихъ коммиссаровъ, Димитрія Максимовича, гетману Мазепѣ, отъ 24 октября съ Буга и Корабельной, дѣло объ установленіи пограничной русско-турецкой черты на этотъ разъ, однако, не было вполнѣ окончено: причиной тому была внезапная смерть турецкаго коммиссара паши Кочъ-Магмета и необыкновенныя претензіи, предъявленныя со стороны новыхъ турецкихъ коммиссаровъ.

Дѣло объ опредѣленіи границъ, тянувшееся, какъ писалъ Максимовичъ, уже въ теченіе трехъ лѣтъ, съ пріѣздомъ, вмѣсто умершаго паши Кочъ-Магмета, новаго турецкаго коммиссара, длилось еще около трехъ недѣль и все еще не приведено «къ всеконечному окончанію». «Съ сей (т. е. правой) стороны Днѣпра земли и рѣчки воспріяли опредѣленіе не концами или какими, явно положенными, знаками, а только изображенною на письмѣ линіею въ такомъ порядкѣ и расположеніи: отъ польской границы внизъ рѣкою Бугомъ до Ташлыка, отъ котораго неподалеку во время чигиринской войны были турецкіе мосты, а отъ того Ташлыка полемъ прямо черезъ Мертвыя Воды, черезъ Великій Ингулъ и Малый Ингулецъ до устья рѣчки Каменки, которая выше Кызыкерменя въ нѣсколькихъ миляхъ въ Днѣпръ впадаетъ. Въ письмахъ, взаимно данныхъ, положены крѣпкія статьи о томъ, что мирные договоры о нестроеніи Кызыкерменя и иныхъ городовъ, о нестѣсненіи вольностей и всякой свободы, о мирномъ между собою пограничномъ пребываніи и все, что въ нихъ на пользу всенародную положено и поставлено, были ненарушимы сохранены. О крымской-же сторонѣ никакой отмѣны въ письмахъ не сдѣлано, потому что когда пришла очередь договариваться о ней, то отъ турокъ были предлагаемы неудобо рѣшительные запросы, особенно о Каменномъ-Затонѣ, и хотя мы, согласуясь съ пактами, склоняли ихъ къ согласному той стороны разсужденію, однако они, опираясь вмѣсто дѣйствительной причины на свое упорство, это принять по нашему предложенію и описать не захотѣли, чтобъ та сторона въ такомъ порядкѣ оставалась, какъ о ней въ мирномъ договорѣ положено; только къ тому и приклонялись, чтобы отложить коммиссію о той сторонѣ до предбудущаго года... Послѣ этого начальные коммиссары обѣихъ сторонъ Днѣпра, октября 25 дня, разъѣхались во-свояси».

Въ концѣ листа Максимовичъ приложилъ особую цыдулу, въ которой о запорожцахъ замѣтилъ такъ: «Господа запорожцы до сего времени пребываютъ въ постоянствѣ, и хотя въ теченіе цѣлаго лѣта чинили похвальбы, однако указами удержаны были, и нынѣ послѣдняя монаршеская грамота, задержанная у думнаго (дьяка), послана на Кошъ» [1]).

Устранивъ себя противъ воли отъ пограничныхъ дѣлъ, запорожцы, главнымъ образомъ ихъ кошевой атаманъ Константинъ Гордіенко, въ замѣнъ того старались дѣлать вредъ москалямъ и вмѣстѣ съ ними людямъ гетманскаго регимента въ другихъ отношеніяхъ. Такъ, когда великороссійскіе ратные люди должны были переправляться черезъ днѣпровскіе пороги въ томъ-же 1705 году, чтобы попасть въ русскія крѣпости противъ Сѣчи и ниже ея, то кошевой Гордіенко отдалъ тайный приказъ кодацкому полковнику дать москалямъ такого «переправщика», которой-бы всѣ байдаки русскіе разбилъ и всѣхъ ратныхъ людей, до единаго, потопилъ. Такою-же ненавистью дышали Гордіенко и его близкіе клевреты къ посполитымъ гетманскаго регимента, поселившимся по рѣкѣ Самарѣ и основавшимъ тамъ свои хутора: считая рѣку Самарь искони вѣковъ собственностью войска, запорожцы отнимали у нихъ скотъ, разоряли пасѣки и угоняли лошадей [2]).

Гетманъ Мазепа подозрѣвалъ, что такое задорное настроеніе въ войскѣ запорожскомъ поддерживаютъ крымскіе татары, и потому изъ Москвы посланъ былъ для приведенія запорожцевъ на вѣрность государю стольникъ Өедоръ Протасьевъ, съ которымъ соединился генеральный асаулъ гетманскій. Но ни стольникъ, ни генеральный асаулъ не могли узнать о скрытыхъ замыслахъ кошевого Гордіенка; сами-же запорожцы только «на голыхъ словахъ декларовались въ вѣрности великому государю», а присягу обѣщали принести только тогда, когда къ нимъ прибудетъ отъ царскаго величества «какая-нибудь знатная особа» и посланный отъ гетмана съ «казенчиками» и съ царскою казной. О такомъ поведеніи «скаженыхъ псовъ, запорожцевъ и о врожоной и обыклой нестатечности ихъ», Мазепа донесъ, мая 14 дня, 1706 года, графу Өедору Алексѣевичу Головину [3]).

---

[1]) Бантышъ-Каменскій, Источники, Москва, 1857, II, 51.

[2]) Архивъ мин. юстиціи, 1705, кн. 96 л. 503; Архивъ мин. ин. дѣлъ, 1705, св. 15, № 1471—1440.

[3]) Архивъ мин. ин. дѣлъ; мал. под. акты, 1706, св. 15, № 1492—1523.

Въ Москвѣ попрежнему терпѣливо относились къ непостоянству запорожцевъ, и въ концѣ іюня мѣсяца, на имя кошевого атамана Петра Сорочинскаго, отправили въ Кошъ годовое денежное жалованье съ дворяниномъ Дуровымъ и подъячимъ Борисовымъ [1]).

Такое снисхожденіе Москвы къ запорожскому войску объясняется самымъ положеніемъ дѣлъ того времени въ Россіи: на юговостокѣ въ это самое время открылся астраханскій бунтъ, на югозападѣ показался со своими побѣдоносными полками шведскій король, прошедшій черезъ Полѣсье на Волынь и изъ Волыни имѣвшій намѣреніе идти на Кіевъ. Поэтому русскому царю приходилось не наказывать, а всячески привлекать къ себѣ запорожскихъ козаковъ. Въ виду близости врага царь Петръ Алексѣевичъ, іюля 4 дня, пріѣхалъ въ городъ Кіевъ и провелъ въ немъ полтора мѣсяца. Чтобы дать отпоръ врагу, на случай прихода его въ Кіевъ, царь, августа 15 дня, заложилъ крѣпость подъ Печерскимъ монастыремъ и для производства земляныхъ работъ опредѣлилъ малороссійскихъ козаковъ. Въ слѣдъ затѣмъ онъ послалъ грамоту и въ запорожскій Кошъ. Въ этой грамотѣ царь извѣщалъ, что онъ съ великороссійскими и малороссійскими силами обрѣтается въ городѣ Кіевѣ «для данья отпора непріятелю, шведскому королю, и повелѣваетъ подданному войску запорожскому прислать нѣкоторое число «добрыхъ козаковъ въ слученіе велико и малороссійскихъ войскъ», за что обѣщаетъ всему низовому товариству свою царскую милость [2]).

Когда царская грамота дошла въ запорожскую Сичь, то тамъ собрана была общая рада и на той радѣ царскій приказъ объявленъ былъ въ слухъ всему войску. Охотниковъ до войны оказалось очень много и надъ ними назначенъ былъ полковникомъ знатный товарищъ Игнатъ Галаганъ.

Отправляя отрядъ козаковъ на царскую службу, запорожцы, въ той-же радѣ, сентября 15 дня, написали отъ всего войска обширную челобитную государю и вручили ее полковнику Галагану для передачи «подъ пречестныя стопы царскія».

«Писалъ до насъ, войска запорожского низового, вѣрный объ-

---

[1]) Архивъ мин. ин. дѣлъ; мал. подл. акты, 1706, св. 16, № 20.

[2]) Архивъ мин. ин. дѣлъ; мал. подл. акты, 1706, св. 15, № 1531 — 1500 Бантышъ-Каменскій, Источники, Москва, 1857, II, 54.

ихъ сторонъ Днѣпра Иванъ Степановичъ Мазепа, гетманъ и славного чина св. апостола Андрея кавалеръ, упрекая насъ и грозя вашего царского пресвѣтлого величества монаршескою опалою за то, что будто сего лѣта нѣкоторые козаки нашего войска обдирали, на разныхъ мѣстахъ и дорогахъ, переволочанскихъ и иныхъ жителей полтавского полка, возвращавшихся отъ Буга и Днѣпра, грабили во всемъ и подъ городами дѣлами шкоды, что̀ гетманъ поставлялъ намъ на видъ и требовалъ прекращенія такого своевольства. Тогда мы, подлинно удостовѣрившись о томъ своевольствѣ, немедленно, послѣ общей рады нашей, послали трехъ на три части полковниковъ нашихъ съ немалымъ числомъ войска для искорененія легкомысленниковъ тѣхъ. Схвативши нѣкоторыхъ изъ нихъ, полковники узнали, что ихъ собралъ на то легкомысліе бывшій прилуцкій городовой атаманъ съ вольною (ватагою) изъ Полтавы; они причинили немало шкоды въ городахъ и разнымъ людямъ въ дорогахъ, прикрываясь именемъ запорожцевъ. Изъ пойманныхъ легкомысленниковъ, которые поступали по разбойницки, однихъ мы нашимъ войсковымъ правомъ смертнымъ покарали; а другихъ до городовъ, передъ которыми они въ чомъ были преступны, головами изъ войска выдали. Также въ сей челобитной грамотѣ нашей доносимъ вашему царскому величеству, не меньше соболѣзнуя сердцемъ, и о томъ, что когда, по вашему царского величества указу, наше войско было на услугахъ военныхъ подъ Печерами въ Москвѣ, то повернувъ назадъ изъ-подъ Печеръ въ малороссійскіе города, многое наше товариство на обыкновенное житье въ Сичь прибыло, а нѣкоторое, вслѣдствіе пляги (бѣдствія) моровой, въ Сѣчи на тотъ часъ бывшей (отъ которой всѣхъ правовѣрныхъ христіанъ отратуй, Боже!), пооставались въ городахъ малороссійскихъ. Всѣхъ этихъ, числомъ тысячу, затягомъ забравши, отпровадили (о чемъ, думаемъ, неизвѣстно вашему царскому величеству) на государскія ваши водоходныя каторги, а иныхъ безвѣстно въ разныя неволи позадавали, отъ которой неволи нѣкоторые выходцы освободились и намъ, войску, подали о томъ извѣстіе. Соболѣзнуя о нашей братіи, мы бьемъ челомъ вашему царскому величеству: пожалуй, великій государь, ваше царское пресвѣтлое величество, невинно страждущихъ по своему превысочайшему Богомъ вразумленному и Богомъ укрѣпленному царскому разсмотрѣнію отъ той неволи невинной и утрапленія (мученія) освободити и на обыклое съ нами въ Сѣчь запорожскую

мѣшканье (жительство) освободить, за что мы, подданное войско запорожское низовое, вашему царскому пресвѣтлому величеству во всемъ вѣчную и радѣтельную нашу службу, до конца жизни, исполнять будемъ, до лица земли челомъ ударяя. Вашего царского пресвѣтлого величества подданного войска запорожского низового атаманъ кошовій Лукіанъ Тимофѣенко съ товариствомъ. Данъ на Кошѣ въ Сѣчѣ запорожской, сентеврія 15, 1706 року»[1]).

Эта челобитная не застала уже царя въ Кіевѣ, и просьба запорожцевъ не имѣла никакихъ послѣдствій.

Тѣмъ временемъ гетманъ Мазепа, узнавъ о выходѣ запорожскаго отряда изъ Сичи, поторопился предупредить и лично (будучи въ Кіевѣ) и письменно, ближняго государева боярина Θедора Алексѣевича Головина о томъ, что запорожцы не успѣютъ собраться въ походъ, какъ будутъ просить о денежномъ вспоможеніи себѣ. И точно, едва только полковникъ Галаганъ вышелъ съ отрядомъ изъ Сичи, какъ къ Мазепѣ пришла просьба о назначеніи товариству за войсковой походъ денежной платы. Въ сущности Галаганъ былъ правъ въ своемъ требованіи, потому что откуда-же было взять запорожцамъ денегъ для подъема въ такой далекій отъ Сичи походъ? Но гетманъ на требованіе Галагана отвѣчалъ, что, по всенародному обыкновенію, войско сперва служитъ, а потомъ уже проситъ платы за труды свои; и въ слѣдъ затѣмъ, узнавъ о томъ, что запорожцы держатъ свой путь на Кіевъ, извѣстилъ ихъ письмомъ, что въ Кіевѣ ни царскихъ войскъ, ни самого государя они не найдутъ, а потому имъ слѣдуетъ идти на Бѣлую-Церковь и на Полонное и потомъ явиться передъ лицомъ ближняго государева боярина Θедора Алексѣевича Головина. Самого Головина Мазепа, впрочемъ, письменно просилъ, чтобы онъ, согласно его обѣщанію, приказалъ выдать запорожцамъ по одному рублю жалованья на человѣка для поощренія «радѣтельнѣйшей охоты и тщательнѣйшей службы», но за то совѣтовалъ ему не держать ихъ праздными и, какъ можно скорѣй, доставить имъ какое-нибудь дѣло, потому что, оставаясь безъ дѣла, они будутъ чинить разоренія и грабительство людямъ, а пограбивши и обнаживши людей, захотятъ возвратиться на зимнія квартиры на Украйну, на Украйнѣ-же и безъ нихъ не куда помѣстить сердюковъ и компанѣйцевъ,—ради этого гетманъ про-

---

[1]) Архивъ мин. ин. дѣлъ; мал. подл. акты, 1706, св. 15, № 1531—1500: см. также Бантышъ-Каменскаго Источники, II. 56.

сил куда-нибудь подальше запорожскихъ козаковъ на монаршую службу ординовать, чтобы они тамъ и служили и зимнія квартиры имѣли [1]).

Между тѣмъ запорожцы, выйдя въ походъ, тщетно добивались полученія государева жалованья: какъ и прежде, такъ и теперь, они должны были питаться отъ своего «хребта», большею-же частію обременять мѣстныхъ обывателей разными требованіями въ кормѣ и питьѣ. Мѣстные-же обыватели, недовольные поведеніемъ запорожскихъ козаковъ, заносили жалобу на нихъ гетману Мазепѣ. Тогда Мазепа предписалъ запорожской пѣхотѣ вернуться назадъ, а конницѣ продолжать дальнѣйшій путь и явиться къ боярину Головину, который дастъ ей «по какому-нибудь рублю» на кожухи и отведетъ квартиры на время зимы. На такое предписаніе гетмана запорожцы возражали, что конные козаки ни въ коемъ случаѣ не могутъ покинуть своихъ пѣхотныхъ товарищей, въ противномъ случаѣ, если они вернутся изъ похода, то не будутъ приняты въ запорожскую Сичу. Въ замѣнъ приказа гетмана они прислали ему писанный отъ Коша листъ съ просьбой о томъ, чтобы гетманъ за тѣ убытки, которые запорожскій отрядъ понесъ въ теченіе цѣлой осени и половины лѣта, лишившись, вслѣдствіе похода, рыбной и соляной добычи, далъ имъ отъ себя консистенцію.

Гетманъ на такое требованіе со стороны запорожцевъ предписалъ имъ или немедленно идти въ Польшу, гдѣ они получатъ зимнюю консистенцію, или-же возвратиться назадъ въ Сичу; въ противномъ случаѣ грозилъ отдать приказъ силою выпроводить ихъ изъ края и не допускать ни въ какой городъ, а для приведенія въ исполненіе своего приказанія велѣлъ нарядить одинъ полкъ пѣхотный въ Чигиринъ и два охочекомонныхъ полка въ Бѣлую-Церковь, Корсунь и Богуславъ. «Трудно мнѣ было монаршую волю перемѣнити, а сгола тѣхъ бездушниковъ, запорожцевъ, ненадобно было на службу военную взывати: они никогда и нигдѣ не могутъ быть постоянными, понеже ни Бога, ни государя, ни власти моей гетманской не боятся» [2]).

Обиженные такимъ тономъ обращенія со стороны Мазепы и лишенные всякой надежды на полученіе царскаго жалованья за свою службу, запорожцы съ полковникомъ Игнатомъ Галаганомъ оста-

---

[1]) Архивъ мин. ин. дѣлъ; мал. подл. акты, 1706, св. 15, № 1538—1507.

[2]) Архивъ мин. ин. дѣлъ; мал. подл. акты, 1706, св. 15, № 1548—1517.

вили дальніе города и возвратились въ Сичу. Поэтому немудрено, что въ Сичи съ возвратомъ запорожцевъ изъ похода, произошло настоящее смятеніе. Тотчасъ собрана была всеобщая войсковая рада и на той радѣ большинство голосовъ стало кричать о томъ, что нужно отправить въ Крымъ знатнѣйшихъ людей «въ заставу» и просить черезъ нихъ крымскаго хана прислать запорожскому войску въ помощь татарскую орду. Другіе тому стали противиться, и по этому поводу въ Сичи произошла междоусобная драка: «козаки одного куреня пошли на козаковъ другого и непрестанно между собою бьются». Всѣхъ больше бунтовалъ и другихъ къ тому бунту возбуждалъ, какъ извѣщалъ о томъ Мазепа графа Головина, «древній злохитрій песъ Костя, бывшій кошовій, which»

Гетманъ отдалъ приказъ своему дозорцѣ строго наблюдать за тѣмъ, чѣмъ кончится несогласіе между запорожскими козаками, а самъ рѣшилъ, на случай положительнаго намѣренія ихъ перейти на сторону хана, спуститься съ полками до Гадяча и предупредить Кошъ отъ такого пагубнаго дѣла [1]).

Однако междоусобіе въ средѣ запорожскихъ козаковъ на этотъ разъ скоро прекратилось. Къ концу 1706 года кошевой атаманъ Лукьянъ Тимофѣенко (онъ-же Лукьянъ Тимофѣевичъ) успѣлъ объясниться съ Мазепой и разсѣять всякія со стороны гетмана на счетъ запорожцевъ подозрѣнія. Въ это-же время царь Петръ Алексѣевичъ отдалъ приказъ уничтожить «новоустроенный кабакъ и таможенные заводы» въ Каменномъ-Затонѣ и за то потребовалъ отъ запорожцевъ, чтобы они не смѣли «ссорно и невѣжливо, подъ опасеніемъ на нихъ гнѣва монаршескаго», писать воеводамъ каменнозатонскимъ и пребывали-бы съ ними въ совѣтѣ и добромъ обращеніи.

Запорожцы благодарили царское величество и гетманскую вельможность за явленную имъ милость, но возражали, что съ такими воеводами, какъ бывшій Степанъ Петровъ Бахметевъ и и настоящій Илья Родіоновъ Чириковъ, невозможно жить въ

[1]) Архивъ мин. ин. дѣлъ; мал. подл. акты, 1706, св. 15, № 1548—1517, 1549—1518.

миру: воеводы хватаютъ ни въ чемъ неповинныхъ козаковъ въ лугу и въ другихъ мѣстахъ и держатъ ихъ у себя въ неволѣ, точно думаютъ о томъ, чтобы забирать въ Сичи «десятаго отъ козаковъ въ десятину». Такъ они захватили Максима Шпоченка, козака левушковскаго, Грызѣя, козака шкуринскаго, Лукьяна, козака корсунскаго, да хлопца куреня поповичевскаго. Поэтому кошевой атаманъ и все низовое товариство очень просятъ гетмана Мазепу подѣйствовать на каменнозатонскаго воеводу вернуть взятыхъ козаковъ въ Сичу для избѣжанія между запорожцами и каменнозатонцами «турбаціи и нечаянной трудности». А что до упрека гетмана запорожскому войску относительно взятыхъ товариствомъ у путивльца Юрія Бѣляева десяти куфъ (бочекъ) горилки и относительно отогнанныхъ козаками у харьковцевъ коней, то на это кошевой отвѣчаетъ: коней у харьковцевъ взялъ бывшій атаманъ города Прилукъ съ какими-то своевольниками, хотя и именующими себя запорожцами, но вовсе къ запорожскому войску не принадлежащими, а горилку дѣйствительно взяли запорожцы, но не десять куфъ, а «полгварты» куфы, которую они, по своему обыкновенію, тотчасъ-же по куренямъ подуванили, за здравіе царскаго величества и гетманской вельможности всю «до крапли истощили» и очень сожалѣютъ о томъ, что, имѣя въ рукахъ Юрія Бѣляева, съ душой отъ себя его отпустили [1]).

Вслѣдствіе такого представленія запорожцевъ наведена была справка «въ разрядѣ» объ обращеніи ихъ съ каменнозатонцами за время отъ 1702 по 1707 годъ, и козаки были обвинены въ слѣдующихъ 22 пунктахъ по отношенію «къ годовымъ ратнымъ людямъ въ Каменномъ-Затонѣ и разнымъ посыльнымъ въ тотъ городъ и назадъ изъ него возвращавшимся».

1) Ахтырскаго полка у козаковъ, которые были въ подводчикахъ подъ провіантомъ у Каменнаго-Затона запорожцы отогнали 70 лошадей; о томъ писано въ малороссійскій приказъ и велѣно, отыскавъ тѣхъ лошадей у запорожцевъ, отослать въ Каменный-Затонъ, а козакамъ, чрезъ старшину, съ жестокимъ страхомъ объявить—впредь такъ козакамъ не чинить; а кто такъ учинилъ, тѣхъ наказать по ихъ обыкновенію. 2) Денежную казну, которая послана была въ Каменный-Затонъ, 135 рублей, козаки за Самарью отбили и капитана да трехъ солдатъ до смерти по-

---

[1]) Архивъ мин. ин. дѣлъ; мал. подл. акты, 1706, св. 15, № 1551—1520.

рубили. 3) Пятьдесятъ одну лошадь противъ города Самары отогнали. 4) Каменнозатонскаго жителя, черкашенина, который посланъ былъ въ Крымъ, на дорогѣ захватили, завели въ Сичу и тамъ до смерти убили. 5) Города Соколки черкасъ, которые ѣхали въ Каменный-Затонъ съ харчомъ, били и взяли у нихъ вола да харчей на 27 рублей. 6) На курскій стрѣлецкій Чичаговъ полкъ напали, многихъ перекололи и переранили, да 78 лошадей отогнали и послѣ того, когда кошевой послалъ въ Каменный-Затонъ козаковъ, кущовскаго куреня Трофима Чернаго, корсунскаго куреня Лукьяна Романова, величковскаго куреня Ивана Григорьева, то козаки эти при допросѣ въ захватѣ лошадей и не запирались. 7) Атаманъ прилѣевскаго куреня Павелъ, по приказанію кошевого, поймавъ тѣхъ воровъ, которые отбили лошадей, 13 человѣкъ послалъ въ Каменный-Затонъ съ козакомъ Василіемъ Грызѣемъ съ товарищами, но Василій Грызѣй 9 человѣкъ изъ тѣхъ воровъ отпустилъ съ дороги; тогда воевода Данила Шеншинъ того козака Грызѣя задержалъ въ Каменномъ-Затонѣ, а о сыскѣ остальныхъ писалъ къ кошевому и посылалъ поручика, котораго кошевой билъ; въ письмахъ Чичагова да Митчеля, сентября 30 дня, 1703 года, сказано, что изъ вышеписанныхъ воровъ Трофимъ Черный да Иванъ Григорьвъ изъ-подъ караула ушли, а Василій Грызѣй да Лукьянъ Романовъ посланы въ Батуринъ къ гетману въ 1704 году, а въ гетманскомъ доношеніи написано, что тѣ казаки умерли, одинъ въ дорогѣ, а другой въ Батуринѣ. 8) У курскаго Чичагова полка за Днѣпромъ 74 лошади отогнали и одного стрѣльца до смерти убили, а другого поранили; послѣ розыска 50 лошадей прислали, а воры убѣжали. 9) У дьяка Петра Исакова, который былъ въ Каменномъ-Затонѣ, да у чугуевскихъ козаковъ, бывшихъ при томъ дьякѣ, 26 лошадей отогнали, и посланные за тѣми ворами лошадей отбили, а сами воры въ степь убѣжали. 10) Бернерова полка у солдатъ конское стадо отгоняли; тѣ солдаты имъ не давали; козаки по нимъ изъ пищалей стрѣляли и одного солдата насквозь прострѣлили. 11) Посланному отъ гетмана кошевой Гордіенко говорилъ въ Сичѣ, что если Каменнаго-Затона великій государь свесть и разорить не прикажетъ, то за то быть войнѣ великой; да ему-жъ (посланному) говорилъ куренной атаманъ, чтобъ онъ каменнозатонскому воеводѣ сказалъ, дабы воевода отпустилъ запорожскихъ козаковъ изъ-подъ караула: если-же не отпуститъ, то они пріидутъ въ Каменный-Затонъ и всѣхъ людей поколютъ. 12) Полковникъ Бернеръ прислалъ

въ каменнозатонскую приказную избу запорожскаго козака левушковскаго куреня Максима Шпоченка; Шпоченко, идя мимо караула, сказался руномъ (?) и по гетманскому доношенію, отосланъ къ гетману для учиненія ему указа. 13) На капитана Лошакова, который ѣхалъ съ товарищемъ и съ солдатами къ стругамъ, запорожскіе воры наѣхали съ ружьемъ и по нимъ стрѣляли, одного ранили, лошадь съ телѣгою отбили, а въ той телѣгѣ было остаточныхъ отъ солдатскихъ дачъ 50 рублей денегъ да капитанскихъ денегъ, рухляди и платья на 25 рублей; и кошевой изъ тѣхъ воровъ сыскавъ двухъ человѣкъ прислалъ въ Каменный-Затонъ, которые, при допросѣ, въ томъ винились, и изъ нихъ одинъ въ Каменномъ-Затонѣ умеръ, а другой къ гетману отосланъ. 14) На семь человѣкъ бѣлогородцевъ, которые ѣхали за запасомъ изъ Каменнаго-Затона, они-жъ, воры, напали, 5 человѣкъ до смерти побили, а 2 изранили. 15) У харьковскаго полковника близъ Самары изъ конскаго стада 180 лошадей отбили; посланые того полка козаки 116 лошадей возвратили, а остальныя 74 были угнаны ворами. 16) У фуркатовъ, которые стояли у Сичи, сѣченскіе козаки, приходя ночью человѣкъ по 400, желѣзо обирали и носили въ Сичу, да 45 фуркатовъ, разломавъ, развезли въ Сичу-жъ; а караульщиковъ, которые находились у тѣхъ фуркатовъ, били; тѣ фуркаты сдѣланы въ 205 году въ Брянскѣ для морского хода изъ Тавани князя Якова Ѳедоровича Долгорукаго и для хлѣбныхъ запасовъ и въ 206 году тѣ фуркаты отъ Томаковскаго острова отправлены для сбереженія въ Сичу, а когда былъ выстроенъ Каменный-Затонъ, то они были перевезены вслѣдствіе того, что ихъ занесло пескомъ и сквозь нихъ выросла трава и поросли кусты. 17) Посланнаго въ Каменный-Затонъ откупщика Бѣляева, которому велѣно быть на отдаточномъ дворѣ, у сбора, они въ Сичѣ долгое время держали и били и 5 куфъ вина взяли, а нынѣ, по гетманскому прошенію, тому кабаку въ томъ городѣ быть не велѣно. 18) Васильева полка Данилова на солдатъ напали, которые ѣздили за дровами, одного въ бороду пострѣляли, а другого дубьемъ били и двухъ лошадей отняли, и изъ тѣхъ воровъ посыльные отъ полка поймали черкашенина Буртовскаго съ сыномъ Кирилломъ и опознали у него съ тѣхъ отогнанныхъ лошадей оброть; въ допросѣ-же тотъ козакъ запирался, а сынъ его признался, что онъ видѣлъ воровъ, которые лошадей отняли; онъ далъ сказку въ поставкѣ тѣхъ воровъ, но не поставилъ, почему и былъ задержанъ; а по-

росписному списку Ильи Чирикова написанъ въ колодникахъ только сынъ его; велѣно было, описавъ его, отослать дѣло о немъ къ гетману для учиненія указа. 19) Изъ Каменнаго-Затона въ Сичу посланъ былъ съ листомъ отъ генерала Мосальскаго начальный человѣкъ съ тремя солдатами; изъ нихъ 2 человѣка явились, а начальный человѣкъ и одинъ солдатъ, какъ передавали, задержаны кошевымъ въ Сичѣ и находятся въ оковахъ. 20) На солдатъ, которые посланы были до Переволочны, напали запорожцы и одного искололи, который отъ раны умеръ, и пищали у нихъ и почтовыхъ лошадей побрали, и только два человѣка ушли отъ нихъ живы. 21) Полковникъ Романовскій посылалъ въ Сичу двухъ человѣкъ урядниковъ для своего дѣла и изъ тѣхъ посланныхъ одинъ явился, а про другого сказалъ, что онъ задержанъ въ Сичѣ за вышеписаннаго козацкаго сына; въ письмѣ кошевой атаманъ требовалъ отпустить того хлопца изъ Каменнаго-Затона, послѣ чего обѣщалъ отпустить и задержаннаго солдата. Запорожцы требовали доставить въ Сичу того невиннаго хлопца поповичевскаго куреня, котораго Степанъ Бахметевъ свезъ въ Москву изъ Каменнаго-Затона; если-же хлопецъ не будетъ отпущенъ, то присланные изъ Каменнаго-Затона будутъ задержаны въ Сичѣ. Степанъ Бахметевъ въ допросѣ объявилъ, что такого куреня хлопца и никакого другого онъ въ Москву съ собою не возилъ, а тѣ изъ виновныхъ запорожцевъ, которые были задержаны въ Каменномъ-Затонѣ, отданы по росписному списку Ильѣ Чирикову. А въ росписномъ спискѣ Чирикова сказано, что запорожцевъ задержано въ городѣ 2 человѣка, но какихъ куреней не написано, да и тѣхъ велѣно было, описавъ объ нихъ дѣла, отослать къ гетману для указа. 22) Писалъ Илья Чириковъ, что въ Сичѣ кошевой атаманъ держалъ за карауломъ три дня четырехъ человѣкъ куренныхъ атамановъ за то, что козаки ихъ куреней грабятъ проѣзжихъ людей по дорогамъ и къ нимъ, атаманамъ, ихъ привозятъ, и кошевой послалъ 160 человѣкъ казаковъ для сыска и поимки тѣхъ воровъ [1]).

Сколько было правды во всѣхъ этихъ обвиненіяхъ, взведенныхъ на запорожцевъ и на сколько были безпристрасны запорожцы въ своихъ жалобахъ на воеводъ Каменнаго-Затона, сказать трудно. Одно лишь можно замѣтить, что озлобленіе съ той и съ другой

[1]) Архивъ мин. ин. дѣлъ; мал. дѣла, 1707, св. 19, № 40.

стороны было слишкомъ велико. Запорожцы, считая построеніе Каменнаго-Затона, въ виду самой Сѣчи, утѣсненіемъ своихъ вольностей, рѣшительно не могли переносить этого, но, не будучи въ силахъ разрушить его, жестоко мстили, при всякомъ удобномъ случаѣ, ненавистнымъ каменнозатонцамъ. Для запорожцевъ крѣпость эта была настоящимъ бѣльмомъ на глазу, и они просили и требовали разрушенія ея.

Въ Москвѣ, однако-жъ, твердо стояли на томъ, что крѣпость построена не для надзора за дѣйствіями запорожцевъ, а для обороны въ борьбѣ съ турками. Своевременно и не одинъ разъ посылались «крѣпкіе заказы» каменнозатонскому воеводѣ Данилѣ Шеншину не чинить съ запорожцами никакихъ ссоръ, не наносить имъ обидъ и грабительствъ и не брать съ запорожскихъ рыбныхъ промышленниковъ и съ купцовъ разныхъ товаровъ десятины, которую онъ дѣйствительно бралъ съ нихъ, но бралъ, какъ самъ говорилъ при допросѣ, «въ почесть» и по заведенному самими промышленниками «обыкновенію», дававшими всѣмъ таванскимъ и каменнозатонскимъ воеводамъ разныя приношенія и виномъ, и чехами, и рыбой. Воеводѣ Степану Бахметеву также не разъ предписывалось жить съ запорожцами въ совѣтѣ, не позволять ратнымъ людямъ чинить съ козаками задоровъ и не вступаться въ ихъ грунты. Воеводѣ Ильѣ Чирикову приказывалось имѣть съ запорожцами добрый привѣтъ и ласку, задора съ ними не чинить никакого и «обходиться съ ними, яко съ лехкомышленными»; за ратными людьми смотрѣть «накрѣпко», а всѣхъ задержанныхъ запорожцевъ въ крѣпости отослать гетману въ Батуринъ [1]).

Такія мѣры, видимо, до извѣстной степени успокоили запорожцевъ, и гетманъ Мазепа извѣстилъ графа Гаврилу Ивановича Головина о прекращеніи смутъ въ средѣ запорожскаго войска и объ оставленіи ими всякаго намѣренія относительно союза съ Крымомъ: «Тому воспротивились старшіе тамошніе, здавна въ Сѣчѣ пребывающіе, и совѣтомъ своимъ отъ того всезлобного намѣренія отвратили» [2]). Такое-же спокойствіе, повидимому, водворялось и въ окраинахъ Запорожья; такъ, въ апрѣлѣ мѣсяцѣ того-же 1707 года, полтавскій полковникъ Иванъ Левенецъ захватилъ за рѣкою Самарою извѣстнаго разбойника Лебедина, разбившаго въ предшество-

---

[1]) Архивъ мин. ин. дѣлъ; мал. дѣла, 1707. св. 19, № 40.
[2]) Архивъ мин. ин. дѣлъ; мал. подл. акты, 1706, св. 15, № 1555—1524.

вавшемъ году греческій караванъ и разгуливавшаго потомъ въ самарскихъ мѣстахъ. Неспокойно было только возлѣ Буга: тамъ производилъ опустошеніе бывшій кошевой атаманъ Константинъ Гордіенко, почему-то покинувшій Сичу и ушедшій на низъ. Противъ него высланы были, въ маѣ мѣсяцѣ, два компанѣйскихъ полка, которые, однако, ни съ чѣмъ возвратились [1]).

Въ Сичи на ту пору былъ уже новый кошевой, Петро Сорочинскій. Мая 29 числа кошевой Сорочинскій и все запорожское низовое войско написали челобитную царю Петру Алексѣевичу съ просьбой о выдачѣ годового жалованья войску и для полученія того жалованья отправили въ Москву знатныхъ товарищей: Заику, Константея, войскового писаря, войскового асаула и «обыкновенное» число посполитаго товариства. Вмѣстѣ съ просьбой о жалованьи запорожцы просили государя не винить ихъ въ злыхъ дѣйствіяхъ своевольныхъ людей, которые набираются отъ волошской стороны, отъ Дона, отъ москалей, гуляютъ по разнымъ степнымъ мѣстамъ, причиняютъ людямъ по дорогамъ несносныя бѣды, производятъ на трактахъ разбои и, называя себя запорожскими козаками, войско запорожское тѣмъ безвинно позорятъ и передъ цѣлымъ свѣтомъ оглашаютъ, чрезъ что на него и гнѣвъ царскаго величества воздвигаютъ. Кромѣ своевольныхъ людей немалыя бѣды причиняютъ войску запорожскому и жители Новобогородицкой и Новосергіевской крѣпостей. Они, съ позволенія своего воеводы и сотника, съ многолюдствомъ врываются во внутрь запорожской паланки; пасѣки запорожскія разоряютъ; товариство и севрюковъ избиваютъ (одного севрюка совсѣмъ утопили); козаковъ на обыкновенную добычь не допускаютъ, а «на остатокъ сего лѣта, паланку спаливши, севрюковъ разогнали, несносно пустошь внутрь самаго угодья, яко сами хотятъ, чинятъ» [2]).

Быть можетъ, мирное настроеніе запорожскихъ козаковъ и еще нѣсколько-бы времени продолжилось, но въ это время на политическомъ горизонтѣ Запорожья показалось одно мрачное облако, и тогда Запорожье внезапно заволновалось, какъ внезапно приходитъ въ сильное волненіе отъ дуновенія легкаго вѣтерка назрѣвающая

---

[1]) Бантышъ-Каменскій, Исторія Малой Россіи, Москва, 1822, III, 83.

[2]) Архивъ мин. ин. дѣлъ; 1707, св. 19, № 22; Бантышъ-Каменскій, Источники, Москва, 1857, II, 57—61; Исторія Малой Россіи, Москва, 1822, IV, 183. Маркевичъ, Исторія Малороссіи, Москва, 1842, IV, 172.

нива. Причиной тому было появленіе въ Запорожьи извѣстнаго въ исторіи войска донского, козака Кондратія Булавина, поднявшаго бунтъ на Дону противъ московскаго правительства.

Прежде чѣмъ поднять бунтъ въ землѣ донскихъ козаковъ, Булавинъ, по его собственнымъ словамъ, побывалъ сперва на Теркахъ, въ Астрахани и въ Запорожьи [1]) и принялъ присягу на вспоможеніе себѣ отъ терчанъ, астраханцевъ и запорожцевъ. Октября 9, 1707 года, Булавинъ разбилъ высланный противъ него отрядъ русскихъ солдатъ съ полковникомъ Юріемъ Владиміровичемъ Долгорукимъ, убивъ послѣдняго на мѣстѣ, но потомъ самъ потерпѣлъ пораженіе у рѣчки Айдары отъ донского атамана Лукьяна Максимова и бѣжалъ изъ айдарскаго лѣса въ предѣлы вольностей запорожскихъ козаковъ. Прибывъ въ Запорожье, Булавинъ сперва остановился въ урочищѣ Кленковѣ, на рѣчкѣ Калміусѣ; изъ Кленкова переѣхалъ въ Сичь, объявился тамъ кошевому атаману, показалъ «прелестныя письма» къ запорожскому войску отъ всего донского войска, объявилъ, будто войско донское отложилось отъ государя, и сталъ приглашать запорожцевъ идти на Русь бить бояръ, дворянъ, прибыльщиковъ и подьячихъ. Три раза по этому поводу собиралась рада въ Сичѣ, и всякій разъ «молодята» требовали отъ войсковой старшины похода на Украйну съ цѣлью бить пановъ и арендарей, но всякій разъ ихъ удерживали «старики», представлявшіе два возраженія противъ похода на города: первое—теплая зима и несовсѣмъ замершія воды рѣкъ; второе—пребываніе въ Москвѣ запорожскихъ козаковъ, которые отправлены были туда за жалованьемъ и чрезъ бунтъ сичевиковъ могли потерять тамъ свои головы.

Послѣ такого представленія со стороны запорожскихъ «стариковъ» Булавинъ оставилъ Чортомлыцкую Сичь и поднялся выше въ крѣпость Кодакъ. Отсюда онъ вновь сталъ дѣйствовать на запорожцевъ, подбивая ихъ къ бунту. Бывшій на ту пору кошевой атаманъ Петро Сорочинскій рѣшительно отказался дѣйствовать заодно съ Булавинымъ. Тогда молодежь лишила Сорочинскаго кошевства, и вмѣсто него выбранъ былъ снова Константинъ Гордіенко. Но и Гордіенко въ открытомъ содѣйствіи Булавину отка-

---

[1]) По словамъ донского атамана Григорьева, Булавинъ объявился въ Сичи въ 1707 году, въ Филипповъ постъ: Бантышъ-Каменскій Источники, Москва 1857, II, 171.

залъ, и тогда запорожцы дали донскому атаману такой отвѣтъ, что они пойдутъ съ нимъ на великороссійскіе города лишь тогда, когда онъ призоветъ къ себѣ на помощь калмыковъ, черкесъ и татаръ бѣлогородской и ногайской ордъ, а пока прійдутъ орды позволили ему собирать къ себѣ вольныхъ людей. «А такъ какъ атаманъ Кондратій Булавинъ былъ въ Запорожьи объ сырной недѣлѣ, то у Константина Гордѣевича, и у писаря, и у многихъ атамановъ межъ себя совѣтовали и души позадавали, чтобъ всѣмъ имъ съ войскомъ донскимъ быть въ соединеніи и другъ за друга радѣть единодушно» [1]).

Послѣ этого около Булавина собралось нѣсколько сотъ запорожскихъ гультяевъ, съ которыми онъ перешелъ съ праваго берега Днѣпра на лѣвый и остановился на рѣчкѣ Вороной, ниже Звонецкаго порога [2]), укрѣпился тамъ окопомъ и оттуда разослалъ отъ себя призывныя грамоты, начинавшіяся такими словами: «Атаманы молодцы, дорожные охотники, вольные всякихъ чиновъ люди, воры и разбойники! Кто похочетъ съ военнымъ походнимъ атаманомъ Кондратьемъ Аѳонасьевичемъ Булавинымъ, кто похочетъ съ нимъ погулять, по чисту полю красно походить, сладко попить да поѣсть, на добрыхъ коняхъ поѣздить, то пріѣзжайте на черны вершины самарскія» [3]).

Запорожцы сначала недовѣрчиво отнеслись къ воззванію донского атамана Булавина и въ половинѣ мѣсяца февраля 1708 года отправили (кошевой Гордіенко и товариство) большое посольство, изъ 88 человѣкъ, подъ начальствомъ полковниковъ Ѳедора (Хведора) Довбни и Власа (Уласа) Василенка, войскового писаря и асаула, въ Москву къ великому государю съ просьбой о выдачѣ войску запорожскому жалованья. Они написали, въ высокопарномъ стилѣ, челобитную пресвѣтлому царскому величеству, благочестивѣйшему монарху, помазаннику божію, и въ ней просили прещедраго государя пожаловать войско годовымъ «грошовымъ, суконнымъ, пороховымъ и свинцовымъ, больше надъ (противъ) прошлорочного, жалованьемъ: минувшихъ годовъ бывало сукна на убранья товаришови на дуванѣ по локтю припаде, нынѣшнихъ-же временъ

[1]) Бантышъ-Каменскій, Источники, Москва, 1857, II, 170.

[2]) Теперь село Вороная, имѣніе М. Н. Миклашевской, екатеринославской губерніи, новомосковскаго уѣзда.

[3]) То-есть на вершину рѣки Самары, гдѣ росъ черный лѣсъ, выше рѣчки Вороной.

не только по локтю, лечь (но) и по четвертцѣ на козака не стае». За царскую милость запорожцы обѣщали вѣрно и съ усердным радѣніемъ, не щадя здоровья, служить государю [1]).

Вмѣсто отвѣта на такую челобитную царь велѣлъ послать въ Кошъ грамоту съ упрекомъ козакамъ за то, что войско скрываетъ у себя бунтовщика, донского козака Булавина, и не хочетъ выдать его въ руки правосудія.

На царскую грамоту запорожцы отвѣчали, что хотя бунтовщикъ Булавинъ и былъ на Кошу и хотя онъ явился туда съ «короговью» и хотѣлъ обманомъ затянуть къ себѣ товарство, но онъ оставался въ Запорожьи недолго, потому что козаки отобрали у него ту «короговъ» и съ безчестіемъ и поруганіемъ отправили изъ Коша. Такъ какъ изъ запорожскаго войска никто къ Булавину не захотѣлъ идти, то онъ ушелъ въ ту сторону Дона, откуда и пришелъ, и теперь войско запорожское не можетъ чинить надъ нимъ никакого промысла, потому что козаки, по своему обыкновенію, находятся въ разныхъ мѣстахъ, въ лугахъ и въ рѣчкахъ на рыбныхъ добычахъ. Запорожскому войску положительно извѣстно, что бунтовщикъ Булавинъ находится возлѣ Дона и что къ нему пребываютъ изъ Черкасскаго городка козаки и кормятъ его. Поэтому войско донское и должно вмѣнить себѣ въ обязанность поимку бунтовщика и вора. Когда-же тотъ Булавинъ былъ на Запорожьи, тогда войску не было объ немъ никакого извѣщенія, какой за нимъ проступокъ и нужно-ли ловить его. Кромѣ того онъ прежде всего объявился самарскому царскаго величества стольнику и подполковнику Семену Полуехтовичу Шеншину, отъ котораго свободно былъ отпущенъ, находился въ послѣднее время около рѣки Самары; о немъ знали самарскіе начальные люди и, однакожъ, не приложили своего старанія къ его поимкѣ [2]).

Апрѣля 20 числа гетманъ Мазепа, по царскому приказу, отправилъ въ Сичь городового атамана Барышевскаго съ приказаніемъ кошевому атаману и всему войску поймать въ Сичи вора и измѣнника Булавина и прислать его въ Москву или въ Батуринъ. Недовольствуясь однимъ приказомъ, Мазепа, одновременно съ отправкой Барышевскаго, двинулъ противъ Булавина полтавскаго полковника Ивана Левенца съ полкомъ [3]).

---

[1]) Архивъ мин. ин. дѣлъ; мал. дѣла, 1708, св. 22, № 4.

[2]) Архивъ мин. ин. дѣлъ; мал. дѣла, 1708, св. 22, № 4.

[3]) Бантышъ-Каменскій, Источники, Москва, 1857, II, 156.

Но и на гетманское приказаніе запорожцы отвѣчали, что того бунтовщика Булавина нѣтъ въ Сичѣ, но что они обѣщаютъ, когда онъ явится въ Сичь, поймать его и доставить въ городъ Батуринъ [1]).

Въ Москвѣ съ большимъ нетерпѣніемъ ждали отвѣта изъ запорожской Сичи; велѣно было, по царскому указу, задержать запорожскихъ посланцевъ Ѳедора Довбню и Власа Василенка съ товарищами «до совершенного отвѣта о Булавинѣ». Всѣхъ посланцевъ поставили «подъ крѣпкую сторожу въ посольскомъ дворѣ» и приказали имъ списаться по этому поводу съ запорожскимъ Кошемъ. Посланцы, описывая свое положеніе «не чернилами, но кровавыми слезами», покорно просили господина кошевого атамана (Константина Гордіенка), господъ атаманье и все старшее и меньшее товариство «учинить милость и любовь къ нимъ, посланцамъ, растворить сердца свои, не оставить ближнихъ своихъ въ скорби и конечной печали и, посовѣтовавшись добрымъ совѣтомъ, какъ можетъ и преизможетъ благоувѣтливый старинныхъ головъ и молодыхъ добрыхъ молодцовъ разумъ», поспѣшить дать отвѣтъ въ Москву о томъ разорителѣ, врагѣ государства и плевосѣятелѣ Булавинѣ и «обратить прескорбные для посланцевъ дни въ пресвѣтлые праздничные дни» свѣтлой недѣли, для всѣхъ радостные, но для нихъ одинхъ печальные [2]).

Между тѣмъ атаманъ Кондратій Булавинъ въ началѣ 1708 года оказался уже на Дону. Здѣсь онъ убилъ атамана Лукьяна Максимова, провозгласилъ себя атаманомъ всего войска донскихъ козаковъ и овладѣлъ Черкасскимъ городкомъ. Вѣсти объ успѣшныхъ дѣйствіяхъ Булавина на Дону скоро дошли и въ Запорожье.

Мая 13 числа собрана была всеобщая войсковая рада и на той радѣ козаки стали громко выражать свое неудовольствіе на куренныхъ атамановъ, отговоравшихъ товариство отъ участія въ предпріятіи Булавина, и требовали отъ нихъ вести охотниковъ подъ великороссійскіе города. По этому поводу въ Сичи произошла жестокая драка, послѣ которой рѣшено было вмѣсто великороссійскихъ городовъ сдѣлать пока нападеніе на русскія посамарскія крѣпости. Къ счастью какъ разъ въ это самое время прибыли въ Сичу изъ кіевскаго Межигорскаго монастыря новые иноки на смѣну прежнихъ. Видя, куда собираются походомъ запорожцы,

---

[1]) Бантышъ-Каменскій, Источники, Москва, 1857, II, 156.

[2]) Архивъ мин. ин. дѣлъ; мал. дѣла, 1708, св. 23, № 32.

иноки вынесли изъ сичевой церкви на площадь евангеліе и крестъ и стали увѣщевать козаковъ не поднимать войны противъ своихъ-же православныхъ собратій. Передъ такимъ увѣщаніемъ козаки не устояли и отложили раду до слѣдующаго дня, а слѣдующимъ днемъ они нѣсколько поуспокоились и забыли о радѣ прошлаго дня.

Мая 17 дня Кондратій Булавинъ прислалъ въ Сичь, на имя кошевого атамана Константина Гордіенка, письмо, въ которомъ разсказывалъ подробности о взятіи Черкасскаго городка, о казни атамана Максимова, о выборѣ самого Булавина въ атаманы донскихъ козаковъ; тутъ-же сообщалъ о сборѣ государевыхъ полковъ на рѣкѣ Донцѣ, близъ Святогорскаго монастыря и передавалъ о намѣреніи ихъ идти подъ городъ Черкасскъ. «И мы всѣмъ войскомъ донскимъ, войсковой нашъ атаманъ Кондратій Булавинъ, просимъ у васъ, атамановъ молодцовъ, у тебя, войскового атамана, Константина Гордѣевича, и у всего войска запорожского милости: если услышите про приходъ государевыхъ полковъ на наше разореніе, дайте намъ помощи, чтобы намъ стать сообща и напрасно не дать себя въ разореніе, и гдѣ они будутъ стоять, вамъ-бы о томъ извѣстить насъ вскорѣ. А о чемъ у насъ съ вами, атаманы молодцы, межъ себя былъ совѣтъ на вашихъ господарей и на пановъ, и какъ вы обращались съ нами, тако и дѣлайте, чтобы вашъ благой совѣтъ былъ къ намъ непремѣненъ. А во всемъ вы, атаманы молодцы, войско запорожское, противъ супостатъ надѣйтеся на милость божію, и мы войскомъ донскимъ вамъ всѣ помощники, и о томъ къ намъ въ Печерскій прислать-бы вамъ отъ себя человѣкъ 20 или 30 лучшихъ людей» [1]).

Въ концѣ того-же мая мѣсяца Кондратій Булавинъ прибылъ въ городъ Бахмутъ и оттуда послалъ въ Сичь универсалъ, въ которомъ призывалъ всѣхъ запорожцевъ идти подъ слободу Ямполь [2]), чтобы дать отпоръ князю Василію Владиміровичу Долгорукому, назначенному вмѣсто убитаго Юрія Владиміровича Долгорукаго и пришедшему на югъ истреблять всѣхъ вообще козаковъ. Запорожцы, получивъ этотъ универсалъ, стали переходить къ Булавину отдѣльными, въ числѣ нѣсколькихъ сотенъ человѣкъ, партіями. Такъ,

---

[1]) Архивъ мин. ин. дѣлъ; мал. дѣла, 1708, св. 24, № 36; тоже у Бантышъ-Каменскаго, Источники, Москва, 1857, II, 170; Исторія М. Россіи, 1822, III, 232; у Маркевича, Исторія Малой Россіи, Москва, 1842, IV, 209—213.

[2]) Теперь слобода Ямполь изюмскаго у. харьковской губерніи.

мая 30 числа перешла къ нему, съ кумачевыми знаменами, одна партія въ 300 человѣкъ; іюня 9 числа перешла другая партія въ 500 человѣкъ, всѣхъ-же набралось около 1.200 человѣкъ [1]).

Царь Петръ Алексѣевичъ, узнавъ о соединеніи запорожцевъ съ Булавинымъ по донесенію къ нему вновь назначеннаго, для искорененія бунта, начальника русскаго отряда, князя Василія Владиміровича Долгорукаго, письмомъ, іюня 14 дня, приказывалъ князю «крѣпко смотрѣть о томъ, чтобы не дать случиться запорожцамъ съ донцами», въ противномъ случаѣ можетъ разыграться очень худое дѣло.

Въ слѣдъ затѣмъ, іюня 24 числа, наказной атаманъ войска донскихъ козаковъ, Илья Григорьевъ, прислалъ въ запорожскую Сичь письмо и въ немъ убѣждалъ запорожцевъ не вѣрить «прелестнымъ письмамъ и словамъ того вора Кондрашки Булавина», который распространяетъ ложь, будто войско донское отложилось отъ великаго государя и зоветъ къ себѣ на помощь запорожское войско; войско донское, напротивъ того, вѣрно служило и служитъ своему великому государю Петру Алексѣевичу и готово положить свои головы за православную вѣру и за великаго государя «и вамъ, кошевому атаману и всему войску, впредь такимъ ворамъ и никакимъ возмутительнымъ письмамъ, и его Булавинымъ товарищамъ не вѣрить. А буде такіе воры явятся, то ихъ присылать къ намъ, войску, или въ Троицкій на Таганрогъ, сковавъ за крѣпкимъ карауломъ» [2]).

При всей смѣлости, отвагѣ и находчивости, какую выказалъ Кондратій Булавинъ, успѣхъ его, однако, былъ непродолжителенъ, чему отчасти виновенъ былъ самъ атаманъ, слишкомъ раздробившій свои силы. Такъ, всѣхъ собравшихся къ нему охотниковъ онъ раздѣлилъ на два отряда и первый отрядъ, въ числѣ 5.000 человѣкъ, отправилъ подъ городъ Азовъ; другой отрядъ, дѣйствовалъ подъ начальствомъ атамановъ Голаго и Дранаго; отъ послѣдняго отряда отдѣлился третій отрядъ, подъ начальствомъ Дранаго и Безпалаго, въ числѣ 5.000 донцовъ и 1.500 запорожцевъ, и направился къ Ямполю. Іюля 1 числа атаманъ Драный былъ настигнутъ полков-

---

[1]) Архивъ мин. юстиціи, 1708, кн. 104, л. 220, 238.

[2]) Архивъ мин. ин. дѣлъ; мал. дѣла, 1708, св. 24. № 39; тоже у Бантышъ-Каменскаго, Источники, Москва, 1857, II, 171; Исторія Малой Россіи, 1822, V, 235, у Маркевича, Исторія Малороссіи, Москва, 1842, IV, 213.

никомъ Кропотовымъ, посланнымъ отъ князя Догорукаго, и бригадиромъ Шидловскимъ, недалеко отъ рѣчки Тора, у Кривой-Луки, и убитъ на мѣстѣ. Запорожцы, бывшіе съ Драньмъ, успѣли, однако, спастись и засѣсть въ Бахмутскомъ городкѣ. Но тутъ на нихъ ударилъ бригадиръ Шидловскій и стѣснилъ со всѣхъ сторонъ. Терпя большое стѣсненіе отъ осады, запорожцы выказали Шидловскому готовность сложить передъ нимъ свое оружіе; но Шидловскій зажегъ городъ и истребилъ въ немъ всѣхъ до единаго запорожцевъ: «Они сдавались намъ, еднакъ въ томъ часѣ намъ не донесено, и они восприяли по начинанію своему; въ томъ грѣхъ нашъ» [1]).

Въ теченіе всего этого времени, т. е. съ 19 апрѣля и по 16 іюня, запорожскіе посланцы Ѳедоръ Довбня и Власъ Василенко съ 88 товарищами находились въ Москвѣ и состояли «подъ крѣпкою сторожею въ посольскомъ приказѣ». По обыкновенію имъ выдавалось содержаніе какъ на дорогу отъ города Сѣвска до Москвы, такъ и во все время ихъ пребыванія въ Москвѣ, т. е. вино, медъ, пиво, харчъ, свѣчи; кромѣ того жаловались деньги, кармазинъ, тафта, соболя, англійское сукно, а на отпускъ назначались люди и подводы. «По указу великого государя и по приговору въ ближней канцеляріи бояръ взято по докладной выпискѣ на дачу его великого государя жалованья тѣмъ посланцамъ, будучимъ на Москвѣ, противъ прежнихъ дачъ да осталымъ въ малороссійскихъ городахъ товарыщемъ ихъ 27 чаловѣкамъ, запорожскимъ-же козакамъ [2]), на поденный кормъ и на иныя приказныя имъ дачи и на отпускѣ, и на прогоны изъ приказа большой казны 1.728 рублей, 26 алтынъ и 2 деньги. Изъ тѣхъ взятыхъ на ихъ дачу денегъ доведется имъ дать на пріѣздѣ на покупку харчи 6 рублевъ. Поденного корма по опредѣленному изъ ближней канцеляріи указу съ пріѣзда ихъ съ 19 числа апрѣля до его великого государя указу противъ прежнихъ дачъ съ убавкою за ихъ запорожцовъ отъ вора Булавина поступокъ его, что онъ былъ у нихъ въ Сѣчѣ, а они его не поймали» [3]).

Указъ на отправку жалованья всему войску запорожскому на-

---

[1]) Соловьевъ, Исторія Россіи, Москва, 1865, X, 213, 257: Брикнеръ Исторія Петра Великаго, СПБ., 1882, II, 322.

[2]) Они оставлены были при больныхъ и лошадяхъ въ городѣ Конотопѣ.

[3]) Архивъ мин. ин. дѣлъ; мал. дѣла, 1708, св. 23, № 32.

писанъ былъ только въ іюлѣ мѣсяцѣ, 14 числа, и для доставки того жалованья на мѣсто назначены были дворянинъ Ѳедосѣй Михайловъ Дуровъ да подьячій Михайло Вторый, при чемъ войску, по обыкновенію, внушалось вѣрно и радѣтельно служить государю и быть попрежнему во всемъ послушнымъ вѣрному царскому подданному, гетману Ивану Степановичу Мазепѣ, доносить ему всякія вѣдомости и остерегать о всякихъ пограничныхъ случаяхъ [1]).

Августа 5 дня запорожцамъ доставлена была черезъ гетманскаго нарочнаго посланца другая царская грамота, въ которой изображено было то, что кошевой атаманъ со всѣмъ посполъствомъ только на словахъ выражаетъ свою вѣрную службу царскому величеству, на дѣлѣ-же не постарался удержать своевольнаго запорожскаго товариства отъ соединенія съ погибшимъ уже воромъ и бунтовщикомъ Булавинымъ, вслѣдствіе чего былъ убитъ полковникъ сумской съ старшиною. И за то государь на войско запорожское низовое свой «гнѣвливый опаль (опалъ) и немилость полагаетъ» [2]).

Отвѣтствуя «маловажною отпискою на высокопочтеннѣйшую царского величества грамоту», кошевой атаманъ Константинъ Гордіенко со всѣмъ запорожскимъ посполъствомъ писалъ царскому пресвѣтлому величеству, что еще съ самаго начала бунта, поднятаго Булавинымъ въ городахъ великороссійскихъ и малороссійскихъ, кошевой атаманъ съ старшиною войсковою, по вѣрной своей царскому величеству службѣ, не желая допустить товариства на то бунтовничье дѣло, писалъ до гетмана Мазепы и просилъ его учинить извѣстнымъ царскому величеству о желаніи запорожскаго войска идти противъ бунтовщика на военную службу. Но такъ какъ на такое предложеніе отъ гетмана не послѣдовало никакого отвѣта, то, по такой нуждѣ, нѣкоторые изъ сичевого товариства вольные люди, впрочемъ, въ маломъ числѣ, ушли до Булавина, взирая на городовыхъ великороссійскихъ и малороссійскихъ людей, которые, въ числѣ около 10.000 человѣкъ, явились на тѣ бунтовничьи булавинскіе замыслы. Они, эти городовые люди, всему злу виновники, увлекли и запорожцевъ и навлекли на войско царскій

[1]) Архивъ мин. ин. дѣлъ; мал. дѣла, 1708, св. 22, № 4.

[2]) Архивъ мин. ин. дѣлъ; мал. дѣла, 1708, св. 22, № 4.

гнѣвъ и немилость. Нынѣ-же и сами, утративъ зачинщика всѣхъ злыхъ намѣреній и бунтовъ, отъ страха божія, въ ничто обратились. А кошевой атаманъ со всѣмъ посполъствомъ какъ прежде вѣрною, радѣтельною, постоянною и усердною службою были царскому пресвѣтлому величеству угодны, такъ и нынѣ не перестаютъ служить вѣрно, не щадя своего здоровья и желая себѣ всеусердно отъ царскаго величества благопризрительнаго помилованія и прещедрой монаршей ласки [1]).

Но нелегко было запорожцамъ заслужить царскую ласку послѣ участія ихъ въ Булавинскомъ бунтѣ. Тѣмъ болѣе, что въ это время и самъ гетманъ Мазепа обвинялъ ихъ въ разныхъ тяжкихъ преступленіяхъ. Такъ октября 6 дня, того-же 1708 года, Иванъ Мазепа писалъ изъ обоза на рѣкѣ Деснѣ графу Гаврилѣ Ивановичу Головину о томъ, будто-бы запорожцы, находясь въ партикулярной битвѣ со шведами, подъ начальствомъ генераловъ русской службы Бауера и Инфлянта, самовольно оставили поле сраженія и ушли въ города, разглашая вездѣ, будто непріятель не только ихъ, но и всѣ великороссійскія войска разгромилъ. И хотя гетманъ посылалъ приказы изловить такихъ «непостоянныхъ» бѣглецовъ, вязать и отдавать ихъ подъ арестъ, но никого изъ нихъ не поймали, потому что они, укрываясь отъ должной кары, разбѣжались кто въ Сичь, кто на ту сторону Днѣпра, кто въ рѣчки полевыя. Гетманъ вообще предостерегалъ графа Головина, что во время войны русскихъ со шведами нужно всегда зорко слѣдить за войскомъ козаковъ запорожскихъ, потому что «отъ Сѣчи нечего быть безопаснымъ» [2]).

Но то былъ пріемъ Макіавели, по которому Мазепа, уже давно замысливший въ своей головѣ перейти на сторону шведскаго короля, показывалъ себя передъ русскимъ царемъ чистымъ, какъ кристаллъ, а запорожцевъ изображалъ скопищемъ всякихъ нечистотъ, хотя въ это-же самое время, и тѣмъ-же запорожцамъ показывалъ свою пріязнь и любовь и совѣтовалъ имъ отнюдь не вѣрить русскому царю. По показанію генеральнаго писаря Василія Кочубея, которому трудно въ этомъ случаѣ не вѣрить, гетманъ Мазепа предостерегалъ запорожцевъ въ отношеніи тайныхъ намѣреній рус-

[1]) Архивъ мин. ин. дѣлъ; мал. дѣла, 1708, св. 22 № 4.

[2]) Бантышъ-Каменскій, Источники, Москва, 1857, II, 165.

скаго царя, который хочетъ всѣхъ козаковъ «выщипить» (уничтожить) и самое имя ихъ искоренить. Бросивъ такое крылатое слово запорожцамъ, гетманъ, по словамъ Кочубея, нетерпѣливо ждалъ отъ нихъ возстанія противъ Москвы; а потому, когда разнеслась вѣсть о томъ, что запорожцы задумали, согласясь съ татарами, сдѣлать набѣгъ на слободскіе полки, то гетманъ, выражая нетерпѣніе, сказалъ, что если эти «нецнотливые сыны (недобрые сыны) имѣютъ что дѣлать, то ужъ дѣлали бы, а не разглашали и не р азнили бы» [1]).

Тѣмъ не менѣе царь Петръ Алексѣевичъ глубоко вѣрилъ въ искренность Мазепы, велѣлъ задержать, по навѣту гетмана, слѣдуемое запорожскому войску обыкновенное годовое жалованье, и и только октября 27 дня, 1708 года, по письму князя Меншикова изъ-подъ Макошина, близъ Сосницы, неожиданно и къ невыразимому своему изумленію узналъ о невѣрности ему Мазепы. Мазепа, тщательно скрывавшій свои сношенія со шведскимъ королемъ, снялъ съ себя маску лишь тогда, когда Карлъ XII очутился вблизи границъ Малороссіи.

Наступленіе Карла XII на Россію началось еще съ половины 1708 года. Шведскій король составилъ себѣ смѣлый и рѣшительный планъ—разбить русскую армію, овладѣть столицей и подорвать въ корнѣ основу русскаго государства. Съ этою цѣлью главныя роли дѣйствующихъ лицъ шведской арміи распредѣлены были такимъ образомъ, что генералъ Любекеръ получилъ приказаніе овладѣть Ингерманландіей, срыть Петербургъ и послѣ того идти къ Новгороду. Генералъ Левенгауптъ долженъ былъ съ возможно большимъ количествомъ запасовъ двигаться къ городу Могилеву, тамъ соединиться съ главными шведскими силами. Надъ главными же силами командовалъ самъ Карлъ XII, который въ началѣ іюня мѣсяца перешелъ рѣку Березину, дошелъ до города Могилева, но Левенгаупта тамъ не нашелъ и двинулся дальше на Мстиславль и Старишки.

Русскіе нашли за лучшее отступать передъ сильнымъ врагомъ и довольствоваться пока мелкими стычками съ нимъ. Въ началѣ октября мѣсяца шведскій король былъ въ Костеничахъ на

---

[1]) Чтенія московск. общ. исторіи и древн., 1859; I; дѣло Кочбуея, Бантышъ-Каменскій, Источники, Москва, 1857, II, 106, 107.

рѣчкѣ Ипути, притокѣ Сожа, но и здѣсь все-таки не нашелъ генерала Левенгаупта.

Тѣмъ временемъ русскій царь Петръ Алексѣевичъ, воспользовавшись раздѣленіемъ шведскихъ войскъ, внезапно напалъ на генерала Левенгаупта и, сентября 29 дня, нанесъ шведамъ рѣшительное пораженіе между Старымъ Быховомъ и Пропойскомъ, у деревни Лѣсной, на рѣчкѣ Лѣснянкѣ, притокѣ Сожа. При царѣ Петрѣ были генералы Пфлянтъ, Бауеръ, фельдмаршалъ Шереметевъ и князь Меншиковъ. Разбитый Левенгауптъ спасся бѣгствомъ и только черезъ нѣсколько дней соединился съ Карломъ въ Раховѣ. Разгромивъ шведскій отрядъ у Лѣсной, царь Петръ Алексѣевичъ ушелъ по направленію къ Смоленску, а князя Меншикова съ кавалеріей послалъ въ Малороссію. Въ Малороссію-же направился и Карлъ XII, куда призывалъ его гетманъ Мазепа, рѣшившійся послѣ продолжительныхъ и тайныхъ сношеній со шведскимъ королемъ выступить противникомъ царя Петра. Карлъ XII прибылъ въ малороссійскій городъ Новгородъ-Сѣверскъ и оттуда уже готовился идти къ гетманской столицѣ Батурину. Но шведскаго короля предупредилъ князь Меншиковъ, который быстро овладѣлъ Батуриномъ и сжегъ его до основанія. Послѣ этого Карлъ XII, въ ноябрѣ мѣсяцѣ, расположилъ свои войска на зимнія квартиры между Прилуками и Ромнами, Лохвицей и Гадячемъ. Русскій царь привелъ свою армію въ Лебединъ, посадилъ гарнизонъ въ Полтавѣ, Нѣжинѣ и Миргородѣ и тѣмъ самымъ окружилъ съ трехъ сторонъ своихъ враговъ. Такъ прошла вся зима. Съ наступленіемъ весны 1709 года Карлъ стянулъ свои войска поближе и расположился въ Опошнѣ, Рѣшетиловкѣ и Великихъ-Будищахъ. Великія-Будища назначены были мѣстопребываніемъ самого короля. Въ свою очередь русскій начальникъ войскъ, графъ Шереметевъ подвинулся ближе къ шведамъ и въ маѣ мѣсяцѣ сосредоточилъ военныя силы въ городѣ Голтвѣ при впаденіи рѣчки Голтвы въ рѣку Пселъ, лѣвый притокъ Днѣпра. Главное начальствованіе надъ русскими войсками принадлежало князю Меншикову, который съ 1-го апрѣля до 1-го мая имѣлъ свое постоянное мѣстопребываніе въ городѣ Харьковѣ и оттуда, для наблюденія надъ театромъ военныхъ дѣйствій, или лично дѣлалъ разъѣзды, или-же для того сносился съ графомъ Шереметевымъ черезъ посредство русскаго генерала Ренне, стоявшаго ниже города Полтавы, на берегу Ворсклы. Самъ царь Петръ Алексѣевичъ въ теченіе всего этого

времени, съ 26-го октября 1708 года по 1-е іюня 1709 года, находился въ разныхъ мѣстахъ: мѣстечкѣ Погребкахъ (близъ Сосницы), мѣстечкѣ Воронежѣ (близъ Глухова), Глуховѣ, Лебединѣ, Сумахъ, Ахтыркѣ, Бѣлгородѣ, Азовѣ, Троицкомъ, городѣ Воронежѣ и, наконецъ, въ станѣ подъ Полтавой [1]).

---

[1]) Пузыревскій, Развитіе постоянныхъ регулярныхъ армій въ вѣкъ Людовика XIV и Петра Великаго, СПБ., 1889, 297—302; Костомаровъ, Мазепа, СПБ., 1885, 501, 507, 525, 442, 449, 463, 473, 505.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ.

Обращеніе царя Петра Алексѣевича къ запорожцамъ послѣ измѣны Мазепы.—Выборъ новаго гетмана Скоропадскаго и извѣщеніе о томъ кошевого Гордіенка со стороны царя Петра.—Обращеніе Мазепы къ кошевому Гордіенку. — Отправка царскихъ посланцевъ къ запорожцамъ съ деньгами и милостивыми обѣщаніями.—Требованія, предъявленныя царю запорожцами.—Движеніе запорожцевъ къ Переволочнѣ и соединеніе ихъ съ полковникомъ Нестуліемъ.—Рада въ Переволочнѣ.—Разгромъ запорожцами русскихъ отрядовъ въ Кобелякахъ и Царичанкѣ и движеніе ихъ къ Диканькѣ. — Пиръ у Мазепы и движеніе запорожцевъ къ Будищамъ. —Условія договора между запорожцами, Мазепой и Карломъ XII.—Движеніе запорожцевъ отъ города Полтавы къ Соколкѣ.—Наблюденіе за запорожцами со стороны кіевскаго губернатора князя Голицына.—Мѣры царя для удержанія за собой малороссійскаго козачества и охраны лицъ, преданныхъ московскому правительству.

Какъ для царя Петра Алексѣевича, такъ и для запорожскихъ козаковъ переходъ гетмана Мазепы на сторону шведскаго короля былъ совершенною неожиданностью. Изъ запорожцевъ къ этому не былъ подготовленъ даже кошевой атаманъ Константинъ Гордіенко, открыто, неизмѣнно и постоянно высказывавшій свою глубокую ненависть ко всему тому, что носило названіе Москвы или что только напоминало ее. Гетманъ слишкомъ хитро и слишкомъ осторожно велъ задуманное имъ дѣло и ни единымъ словомъ не обмолвился о немъ передъ кѣмъ-бы то ни было изъ запорожцевъ. Напротивъ того, все время Мазепа выражалъ свое негодованіе на своевольныя дѣйствія запорожскаго войска, всегда изображалъ сичевыхъ козаковъ въ письмахъ царю зложелателями Москвы, невѣрными царю людьми, представлялъ ихъ измѣнниками, клятвопреступниками, достойными искорененія со всѣмъ ихъ гнѣздомъ и именемъ. Теперь-же гетманъ самъ оказался тѣмъ, чѣмъ онъ представлялъ все войско запорожское передъ русскимъ царемъ.

Гетманъ Мазепа—натура весьма сложная и потому трудно доступная для пониманія. Воспитанный и выросшій при дворѣ польскаго короля, извѣстнаго эпикурейца и любодѣя, Яна Казимира,

гдѣ господствало тонкое, изысканно вѣжливое, съ виду вполнѣ сердечное, въ дѣйствительности фальшивое и безсердечное къ людямъ отношеніе; находившійся потомъ долгое время при гетманѣ Дорошенкѣ, выдвинувшемъ идею объ отторженіи Малороссіи отъ Великороссіи и объ отдачѣ ея Турціи; перешедшій отъ гетмана Дорошенка къ гетману Самойловичу, извѣстному гордецу, безмѣрному корыстолюбцу и стяжателю, Мазепа пріобрѣлъ свѣтскій лоскъ и латинское образованіе, усвоилъ польскій образъ мыслей; въ то-же время, имѣя кривую душу и лживое сердце, онъ могъ усвоить тонкое, но безсердечное и фальшивое къ людямъ отношеніе; могъ думать о возможности отторженія Малороссіи отъ Великороссіи; могъ развить въ себѣ инстинктъ стяжанія и презрительнаго отношенія къ людямъ, и все это прикрывать наружнымъ благочестіемъ, кажущеюся преданностью своимъ патронамъ и благодѣтелямъ, видимою во всемъ откровенностью, напускною веселостью и природнымъ юморомъ. Въ общемъ въ характерѣ Мазепы сочетались черты частнаго человѣка, черты непріятныя, своекорыстныя и отталкивающія, и черты общественнаго малороссійскаго дѣятеля, хотѣвшаго видѣть свою родину независимою въ политическомъ отношеніи. Мазепа видѣлъ, что Малороссія еще со времени гетмана Богдана Хмельницкаго была въ постоянномъ шатаніи; что въ ней немало находилось людей, недовольныхъ правительствомъ Москвы и что сами властныя лица, присланныя отъ Москвы для управленія Малороссіей, вели себя далеко не всегда умѣренно и съ подобающимъ тактомъ. Видѣлъ Мазепа и то, какъ печальны были успѣхи русскаго царя въ первомъ столкновеніи его подъ Нарвой со шведскимъ королемъ. Онъ хорошо, наконецъ, былъ освѣдомленъ и о томъ, каковъ былъ шведскій король и какова была его слава какъ полководца. И старый гетманъ впалъ въ раздумье по поводу будущаго Малороссіи: какъ сохранить ему Украйну на случай пораженія русскаго царя шведскимъ королемъ? А пораженіе такое неминуемо должно произойти. Для этого нужно заранѣе войти въ тайныя сношенія со шведскимъ королемъ. Тогда только и именно через шведскаго короля можно добиться для Украйны независимыхъ правъ. И Мазепа рѣшился на такой страшный шагъ... Поэтому нѣтъ основаній соглашаться съ мнѣніемъ тѣхъ историковъ, которые характеризуютъ Мазепу только какъ чудовищнаго эгоиста и ненасытнаго честолюбца, совершенно забывавшаго ради личныхъ выгодъ и интересовъ положеніе управляе-

маго имъ народа и будущее его родины. Вся бѣда для Мазепы состояла въ томъ, что онъ хотѣлъ ввести въ Малороссіи польскіе порядки и при управленіи Украйной старался брать за образецъ государственное устройство въ Польшѣ. Разъ ступивъ на такой ложный путь, Мазепа пошелъ дальше и, потерявъ вѣру въ осуществленіе своего идеала черезъ Польшу, пошелъ на встрѣчу шведскому королю. Мазепа находилъ себѣ сочувствіе въ томъ малороссійскомъ панствѣ, которое состояло частью изъ старой, православной шляхты, частію изъ козацкой старшины, стало складываться на Украйнѣ еще со времени гетмана Богдана Хмельницкаго и особенно усилилось во время гетманства Самойловича и самого-же Мазепы. Правда, это панство стояло сперва за козацкія права и вольности противъ натиска со стороны Москвы, но потомъ, не успѣвъ сплотиться въ сильную политическую единицу и будучи подавлено Москвой, само пошло противъ козацкихъ правъ, т. е. противъ того, за что ратовала малороссійская чернь и запорожскіе козаки, и стала подбивать къ тому московскихъ на Украйнѣ бояръ и воеводъ.

Какъ представитель польско-аристократическаго и бюрократическаго начала въ малороссійскомъ краѣ, Мазепа по необходимости встрѣчалъ страшную оппозицію со стороны запорожскаго войска, которое искони вѣковъ своего существованія считало себя хранителемъ народно-козацкихъ началъ не только въ одномъ Запорожьи, но и во всей Малороссіи. Отсюда вражда Мазепы къ запорожцамъ и запорожцевъ въ Мазепѣ. Но при уясненіи отношеній Мазепы къ запорожцамъ, нужно брать также во вниманіе и самое положеніе гетмана: находясь съ одной стороны подъ давленіемъ русскаго правительства, съ другой соприкасаясь постоянно съ Запорожьемъ, Мазепа по-истинѣ находился между двухъ огней, и если передъ царемъ злословилъ запорожцевъ, а передъ запорожцами хулилъ царя, то дѣлалъ это нерѣдко по необходимости и изъ политики, потому что всѣ обстоятельства складывались вокругъ него такъ, что онъ принужденъ былъ кивать то въ одну, то въ другую сторону. Трактуя запорожцевъ передъ царемъ какъ измѣнниковъ, Мазепа едва-ли въ крайнемъ случаѣ рѣшился-бы на конечное искорененіе всего низового запорожскаго войска.

Явившись на историческую сцену Малороссіи въ самое шаткое время, Мазепа уже въ первые годы своего управленія могъ имѣть въ своемъ умѣ мысль объ отторженіи Малой Россіи отъ Великой,

въ особенности-же послѣ перваго столкновенія царя Петра съ королемъ Карломъ XII, и потому нѣтъ надобности начало его замысла относить ко времени знакомства съ польской княгиней Дольской. Страшно скрытный человѣкъ, уже разъ видѣвшій воочію смерть, когда былъ пойманъ въ степи запорожцами и представленъ на судъ передъ освирѣпѣвшимъ товариствомъ, но былъ спасенъ только заступничествомъ кошевого Сирка, Мазепа не могъ ни съ кѣмъ дѣлиться своими тайными мыслями. Да и съ кѣмъ было дѣлиться? Былъ въ Запорожьи кошевой атаманъ Гордіенко, страшный ненавистникъ Москвы. Но онъ слишкомъ открыто дѣйствовалъ. Гордіенко былъ человѣкъ передовой, по своимъ убѣжденіямъ—горячій патріотъ и чистый народникъ. Онъ не любилъ Москвы. Не любилъ, можетъ быть, потому, что родился вдали отъ нея, но вмѣстѣ не любилъ и Польши. Идеалы Гордіенка были таковы: для Запорожья онъ хотѣлъ устранить всякое вмѣшательство со стороны Москвы во внутреннія дѣла Коша и такъ или иначе удержать за войскомъ такъ называемыя козацкія права и вольности, а въ Малороссіи онъ желалъ видѣть народное козацкое правленіе, но безъ участія мѣстнаго панства и пришлаго боярства. Поэтому ему ненавистенъ былъ гетманъ Мазепа съ его полупольскими порядками въ Малороссіи; ненавистны были и тѣ малороссійскіе паны, которые играли въ руку Москвы. И когда Мазепа поднялся противъ царя, то Гордіенко по неволѣ примкнулъ къ нему и по неволѣ сталъ дѣйствовать съ нимъ заодно. Политическій идеалъ Мазепы былъ иной, и для достиженія его онъ шелъ кривымъ путемъ; оттого запорожцы и называли его «хитрый лисъ и махіавель». При всемъ томъ тѣ-же запорожцы и малороссіяне считали Мазепу недюжиннымъ человѣкомъ, и не даромъ о немъ сложилась пословица «отъ Богдана до Ивана не було гетьмáна».

Но другое дѣло: вѣрны-ли были разсчеты Мазепы? То-есть, оцѣнилъ-ли онъ по достоинству царя Петра? Понялъ-ли онъ, куда именно пойдетъ народная малороссійская масса, пойдетъ-ли она противъ русскаго царя и станетъ подъ знамена иновѣрнаго короля или-же отвергнетъ пришлаго короля и потянется къ «природному» царю? Мазепа не оцѣнилъ царя Петра; онъ, повидимому, не углублялся въ теченіе всей исторіи малороссійскаго народа; онъ не понималъ истинныхъ идеаловъ простой народной малороссійской массы. Вся исторія Малой Россіи работала на соединеніе съ Великой и въ общемъ вся простая масса тянула къ московскому царю.

Въ особенности это видно изъ всей исторіи Запорожья: какъ ни враждебно выступали запорожцы противъ русскаго правительства, когда поднимался вопросъ о защитѣ козацкихъ вольностей отъ посягательства со стороны Москвы, какъ ни строго берегли они завѣтные, чисто народные идеалы своихъ предковъ; но все-же и при всемъ этомъ масса запорожскаго войска хотѣла оставаться за Россіей и ни какъ ни за Польшей, а тѣмъ болѣе за Турціей. Турція—для запорожцевъ страна бусурманская, Польша страна панская, и запорожцамъ не приходилось дружить ни съ ненавистными бусурманами, ни съ чванливыми и надутыми панами. Запорожцамъ всегда легче чувствовалось въ мужицкой Россіи, чѣмъ въ аристократической Польшѣ, гдѣ всякій батракъ мнилъ себя паномъ, гдѣ сословные предразсудки и строгая кастичность играли и не перестаютъ до сихъ поръ играть огромной роли. Да и какой интересъ могло представить собой то государство, противъ котораго самимъ-же гражданамъ его приходилось поднимать оружіе на защиту своихъ человѣческихъ правъ, какъ поднимали козаки противъ правительства Рѣчи Посполитой?

Идеаломъ простой козацкой массы было сохранить вольности предковъ, но подъ верховенствомъ «добраго и чадолюбиваго монарха россійскаго». И въ сущности, на здравый умъ простого человѣка запорожскаго званія, иначе и быть не могло: занимая открытыя и ничѣмъ незащищенныя степи, запорожцы не могли и думать о томъ, чтобы держаться независимо отъ Россіи, Турціи и Польши. Другое дѣло, если-бы они занимали мало доступныя или вовсе недоступныя мѣста, какъ Крымъ или Кавказъ. Тогда сама природа подсказала-бы имъ дѣйствовать иначе; тогда изъ Запорожья могла бы выдти своего рода Черногорія. Но какъ этого не было, то запорожцы должны были склониться къ одной изъ сильнѣйшихъ сосѣднихъ державъ, и въ этомъ случаѣ они, исповѣдуя православную вѣру и считая себя однимъ народомъ съ великорусскимъ, тянулись къ русскому царю и въ немъ видѣли залогъ историческаго бытія своего. Думать иначе могли только немногіе изъ запорожскаго войска. Но такія лица или воспитались въ Польшѣ или заражены были польскимъ духомъ. Таковъ былъ и самъ Мазепа, который, обладая несомнѣнно умомъ государственнаго человѣка, по своимъ симпатіямъ и по всѣмъ своимъ замашкамъ былъ болѣе полякъ, нежели малороссіянинъ и игралъ скорѣе въ руку Польши, чѣмъ Россіи. Отъ того онъ не зналъ истиннаго духа

малороссіянъ, и въ этомъ его главнѣйшая ошибка: свернуть массу съ проторенпаго ею историческаго пути не могутъ даже геніальные люди, а тѣмъ менѣе люди посредственныхъ умовъ и дарованій.

Что касается запорожцевъ, то «измѣна» ихъ русскому царю произошла вовсе не по ихъ винѣ и была исторически подготовлена тѣми обстоятельствами, въ какія Запорожье было поставлено послѣ соединенія съ Великой Россіей. Съ самаго момента соединенія Запорожья съ Великой Россіей запорожцы всегда были на сторонѣ московскаго царя. Раньше всего они выступили противъ гетмана Виговскаго, который уже въ 1657 году хотѣлъ помириться съ Польшей и отторгнуться отъ Россіи: «Ежели такъ учинити мѣете непремѣнно, то вѣдайте зачасу, ижъ (что) мы, войско низовое запорожское, въ томъ волѣ вашей послѣдовати не будемъ и титулу измѣнническаго на славное имя наше наволѣкати не хощемъ» [1]). Съ такою-же твердостью стояло запорожское войско за московскаго царя въ гетманство злосчастнаго Юрія Хмельницкаго и въ гетманство Якима Сомка. Такъ, въ 1663 году запорожцы писали «несмачный листъ» гетману Юрію Хмельницкому и отступленіе его отъ православнаго монарха назвали неизлѣчимымъ «шаленствомъ» [2]). Еще большую твердость выказали запорожцы въ то время, когда на правой сторонѣ Днѣпра объявленъ былъ гетманомъ Петро Дорошенко (съ 1665 года), составившій планъ объ отторженіи Малороссіи отъ Великороссіи и объ отдачѣ ея Турціи. Запорожцы называли Дорошенка Іудинымъ товарищемъ, постоянно укоряли его за союзъ съ Турціей и Крымомъ и не разъ «пильно» просили прекратить пролитіе крови христіанской и разореніе матки-отчизны, отстать отъ своихъ «широкихъ» замысловъ и пристать къ христіанскому государю. И Гетманъ Дорошенко, въ концѣ концовъ убѣжденный доводами кошевого Сирка, присягнулъ на вѣрность русскому царю [3]). Запорожцы пребыли вѣрными русскому царю и во время второго похода турокъ подъ Чигиринъ въ 1678 году. Они помогали князю Василію Голицыну во время его походовъ на Крымъ; принимали участіе въ азовскихъ походахъ

---

[1]) Величко, Лѣтопись, Кіевъ, 1848, I, 311.

[2]) Величко, Лѣтопись, Кіевъ, 1851, II, 30—35.

[3]) Величко, Кіевъ, 1851, II, 224, 343 — 346; Акты, XII, 441 — 446, 493—498.

молодого царя Петра и выказали мужество при взятіи турецкихъ крѣпостей Тавани и Кызыкерменя на Днѣпрѣ Запорожцы оставались вѣрными Москвѣ даже въ то время, когда противъ московскихъ городовъ поднялся самъ крымскій ханъ, подстрекаемый къ тому и обнадеженный горячимъ малороссійскимъ патріотомъ Петрикомъ. Наконецъ запорожцы съ 1700 по 1709 годъ принимали участіе и въ великой сѣверной войнѣ русскихъ противъ шведскаго короля.

Такимъ образомъ вся предшествовавшая до 1708 года исторія запорожскихъ козаковъ показала, что они, говоря вообще и исключая нѣкоторые единичные случаи, никогда не были сепаратистами въ политическомъ отношеніи. Не будучи сепаратистами, запорожцы, напротивъ того, были панславистами и въ этомъ случаѣ «голопузые» лыцари опередили и взглядами и дѣйствіями своихъ современниковъ на 200—250 лѣтъ впередъ: принимая къ себѣ въ Сичу и сербовъ, и волоховъ, и ляховъ, и черногорцевъ, они какъ-бы самымъ дѣломъ говорили, что сила всѣхъ славянъ въ полномъ единеніи между собою и въ противопоставленіи себя всему неславянскому міру.

При всемъ томъ, держась стороны московскаго царя, запорожцы, однако-же, требовали, чтобы Москва «держала въ захованьи» ихъ предковѣчныя права и вольности и твердо вѣрили, что русскіе монархи не поднимутъ на тѣ вольности рукъ своихъ. На томъ именно состоялось и соединеніе Малороссіи и Запорожья съ Москвой: «Царское величество будетъ содержать малороссіянъ по ихъ правамъ и вольностямъ и царского величества слово премѣно не будетъ» [2]). Давъ такое обѣщаніе, московское правительство скоро, однако, отступило отъ него. Русское государство росло и ширилось, и по мѣрѣ такого роста развивалась его централизація въ ущербъ развитію окраинъ. Малороссія составляла окраину московскаго государства и должна была почувствовать на себѣ воздѣйствіе его. Уже въ 1659 году изъ Москвы въ пять малороссійскихъ городовъ посланы были русскіе воеводы. Спустя шесть лѣтъ число воеводскихъ городовъ въ Малороссіи было увеличено и самая власть воеводъ расширена. Самая Малороссія была раздѣлена, по состоявшемуся русско-польскому миру, въ Андрусовѣ, на двѣ половины между Россіей и Польшей. Это была первая причина, вслѣдствіе

---

[1]) Акты, VI, 190—191, 231, 232; Величко, I, 387, 390.

которой запорожцы стали выказывать въ отношеніи Москвы «шатость». Такъ, въ это время запорожцы призвели бунтъ въ Малороссіи и истребили нѣсколькихъ русскихъ воеводъ. Въ это-же время они убили у себя русскаго посла Ладыженскаго, когда узнали, что безъ ихъ воли и безъ вѣдома вся Малороссія подѣлена была между Россіей и Польшей. Запорожцы никогда не отдѣляли, да и не могли отдѣлить, себя отъ украинцевъ и, твердо стоя за свои войсковыя вольности, вмѣстѣ съ этимъ стояли за цѣлость всей Украйны, за вольность городовыхъ козаковъ и за благо малороссійской черни. Нельзя отвергать того, что по временамъ запорожцы переходили границы умѣренности и давали слишкомъ большой просторъ своимъ страстямъ. Но не слѣдуетъ забывать и того, что въ Запорожьи, вслѣдствіе постоянной смѣны состава войска и вслѣдствіе свободнаго входа въ Сичь и выхода изъ нея людей всякаго званія, проживали, рядомъ съ людьми вполнѣ «поважными» всякіе «пройдисвиты», которые разжигали при случаѣ бурныя страсти молодыхъ козаковъ, и навлекали на Запорожье справедливый гнѣвъ со стороны московскихъ царей. Однако, чѣмъ дальше, тѣмъ тѣснѣе становилось малороссійскимъ козакамъ и черни на Украйнѣ. Особенно это сказалось въ гетманство Самойловича и Мазепы. И тотъ и другой шли въ разрѣзъ съ требованіями народной массы: при нихъ власть московскихъ воеводъ на Украйнѣ все болѣе и болѣе расширялась, мѣстная старшина порабощала и козаковъ и простую чернь, простые канцеляристы получали грамоты на владѣніе маетностями и на обладаніе людьми, подати и всякіе сборы повсемѣстно увеличивались и вызывали ропотъ со всѣхъ сторонъ Въ это-же время, а именно въ гетманство Самойловича и Мазепы, положено было начало дворянства въ Малороссіи; взяты были мѣры противъ перехода простыхъ людей въ козаки; упрощенъ былъ переходъ козаковъ, не хотѣвшихъ нести военной службы, въ посполитое сословіе. По всему этому имена Самойловича и особенно Мазепы стали произноситься на Украйнѣ съ омерзеніемъ. Не находя никакого исхода, малороссійскій народъ толпами бѣжалъ изъ городовъ и селеній на Запорожье и совѣщался съ сичевымъ товариствомъ, какъ быть, чтобы ввести новыя «справы» въ Гетманщинѣ. И не разъ запорожцы вступали по этому поводу въ переписку съ Самойловичемъ и съ Мазепой и дѣлали имъ различныя угрозы. Но оба гетмана были сильны покровительствомъ со стороны Москвы, которая позволяла имъ охранять свою особу татарами или такъ называемыми компанѣй-

цами или-же присылала въ ихъ распоряженіе русскіе отряды стрѣльцовъ. Оба гетмана поставляли себѣ задачею, такъ или иначе, смирить Запорожье. Для этого они хотѣли поставить на границѣ Гетманщины и Запорожья постоянныя царскія войска, чтобы прекратить сношенія украинскихъ козаковъ съ запорожскими и держать въ своихъ рукахъ привозъ хлѣба въ Сичу. Но когда эта мѣра не удалась, то рѣшено было построить, при самомъ входѣ въ Запорожье, московскія крѣпости. Съ этою цѣлью возведены были такъ называемые самарскіе городки, Новобогородицкій и Новосергіевскій, а потомъ построенъ былъ Каменный-Затонъ. Послѣдній въ виду самой Сичи. Какъ раньше того Польша, построивши у перваго порога крѣпость Кодакъ, хотѣла смирить тѣмъ низовыхъ козаковъ, такъ теперь Москва, возведя собственные городки, имѣла явное намѣреніе прибрать къ своимъ рукамъ Запорожье съ его гнѣздомъ. Запорожцы, сколько могли, противились этому и то открыто возставали противъ такого натиска со стороны Москвы и ненавистныхъ имъ гетмановъ, то, имѣя противъ себя соединенныя царскія и гетманскія силы, временно смирялись, затаивъ въ себѣ страшную ненависть противъ небывалыхъ порядковъ на Украйнѣ и въ Запорожьи. Но вотъ насталъ 1708 годъ. Въ Малороссію вошелъ съ полками шведскій король, Карлъ XII. На сторону шведскаго короля открыто перешелъ гетманъ Мазепа. И тутъ для запорожцевъ настало счастливое время, когда они могли открыто выказать всю свою ненависть къ Москвѣ. И что-же? Запорожцы далеко не сразу и далеко не всѣ пошли на призывъ гетмана и короля. Пошли только немногіе да и то подъ вліяніемъ кошевого Гордіенка; простая-же масса много разъ колебалась, прежде чѣмъ послѣдовать за гетманомъ и королемъ. И если-бы не щедрыя обѣщанія Карла XII, не подарки со стороны Мазепы, не настойчивость Гордіенка, то едва-ли бы запорожское товариство, въ общей массѣ, рѣшилось на войну съ русскимъ царемъ.

Такъ или иначе, во всякомъ случаѣ запорожцы стояли за свои вольности мужественно, вели свою линію открыто и не лукавили такъ, какъ лукавилъ гетманъ Мазепа, извиваясь съ одной стороны между запорожцами и русскимъ царемъ, съ другой между шведскимъ и польскимъ королемъ. Въ то время, когда гетманъ Мазепа, выступивши въ качествѣ безкорыстнаго патріота Малороссіи, выговорилъ для себя у польскаго короля титулъ князя Бѣлой Руси, запорожцы не думали ни о какихъ «приватныхъ» выгодахъ, а

радѣли единственно о благѣ «матки-отчизны». И тогда, какъ душа Мазепы представлялась такой темной и загадочной, въ это-же время душа Гордіенка казалась вполнѣ прозрачной: Гордіенко открыто выказывалъ свое нерасположеніе къ Москвѣ и открыто въ этомъ духѣ дѣйствовалъ.

Какъ-бы то ни было, но царь Петръ Алексѣевичъ, получивъ нежданную и негаданную вѣсть о переходѣ гетмана Мазепы на сторону шведскаго короля Карла XII, поставилъ себѣ задачею, во что-бы то ни стало, склонить запорожскихъ козаковъ на свою сторону и отвратить ихъ отъ союза со шведами. Царь хорошо зналъ, что значило Запорожье для всего малороссійскаго народа. Малороссійская масса всегда обращала свои взоры къ Запорожью, къ голосу запорожцевъ чутко прислушивались какъ простые козаки, такъ и вся малороссійская чернь. Для всякаго малороссіянина настроеніе запорожскаго войска въ извѣстную минуту имѣло рѣшающее значеніе, и куда шли низовые рыцари, туда тянуло и малороссійское поспольство. Оно и понятно: Запорожье всегда имѣло глубокое значеніе во всей внутренней жизни южнорусскаго народа и его внѣшнихъ отношеній; оно было отпечаткомъ его завѣтныхъ стремленій, хранителемъ его политическихъ и общественныхъ идеаловъ и всегда служило для южно-русскаго народа живымъ предвозвѣстникомъ свободы и равенства, мужества и храбрости, живымъ протестомъ противъ насилія и рабства. На Запорожье всегда опирались въ критическіе моменты величайшіе изъ малороссійскихъ дѣятелей. Запорожье, наконецъ, всегда было ядромъ военныхъ силъ всего южно-русскаго народа.

Понимая все это лучше, чѣмъ кто другой, царь Петръ Алексѣевичъ уже тотчасъ послѣ полученія отъ князя Меншикова извѣстія написалъ въ Сичь, октября 30 дня, 1708 года, на имя кошевого атамана Константина Гордіенка, грамоту, въ которой увѣщевалъ запорожцевъ пребыть вѣрнымъ русскому престолу и православной вѣрѣ, за что обѣщалъ «умножить» къ нимъ свою милость, которой они раньше того были лишены вслѣдствіе навѣтовъ на нихъ со стороны коварнаго Мазепы, обвинявшаго ихъ въ невѣрности русскому престолу.

«Божіею поспѣшествующею милостію отъ пресвѣтлѣйшого и державнѣйшого великого государя царя Петра Алексѣевича, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Росіи самодержца и многихъ государствъ и земель восточныхъ и западныхъ и сѣверныхъ отчича и дѣдича

и государя и облаадателя нашего царского величества подданному низового войска запорожского кошевому атаману Костянтину Гордѣенку и всему поспольству наше царского величества милостивое слово. Объявляемъ вамъ, вѣрнымъ нашимъ подданнымъ, что гетманъ войска нашего запорожского Мазепа, забывъ страхъ божій и присягу свою къ намъ и отвергнувся благочестія, измѣнилъ намъ, великому государю, хотя весь малороссійскій народъ и землю отдать еретикомъ (-амъ) шведамъ и подъ иго поляковъ и церкви святыя и монастыри православные превратить въ римскую и уніацкую вѣру, переѣхалъ къ шведцкому королю, обманувъ генералную старшину и трехъ полковниковъ, съ нѣкоторыми немногими изъ кампанскихъ полковъ, будто онъ идетъ по нашему царского величества указу за Десну противъ шведцкого войска и когда ихъ привелъ къ шведамъ, то, по учиненному съ ними уже договору, велѣлъ ихъ окружить тѣмъ шведамъ и потомъ объявилъ свое измѣнничье намѣреніе и отдалъ тако въ руки непріятелскіе, хотя изъ оныхъ ча... мало кто, кромѣ самыхъ единомышленниковъ ево, сіе проклятое его намѣреніе вѣдали, изъ которыхъ отъ него отданныхъ уже многіе вѣрные къ сторонѣ нашей паки возвращаются. И понеже мы, яко оборонитель всего малороссійского краю, по христьянской должности, стараніе имѣемъ, дабы малороссійской народъ и землю въ порабощеніе еретикомъ шведамъ и подъ иго поляковъ не отдать и ни до какого разоренія не допустить, того ради выдали ко всѣмъ полковникомъ и старшинѣ и всему войску запорожскому наши указы, дабы отъ прелести сего богоотступника и измѣнника Мазепы остерегались и онаго не слушали, но съѣзжались бы вся старшина къ Глухову на избраніе нового гетмана, того ради тожъ и вамъ, вѣрнымъ своимъ подданнымъ, объявляемъ и желаемъ отъ васъ войска нашего запорожского низового, дабы вы, яко ревнители о благочестіи и правахъ и волностяхъ своихъ на прелести его, измѣнника Мазепы, не смотрѣли и ко оному отнюдь не приставали и его не слушали, но за церкви и монастыри святые благочестивые, дабы оные не были превращены по намѣренію того измѣнника Мазепы въ римскую и уніацкую вѣру и чтобъ малороссійской край не былъ отданъ подъ польское и шведцкое ярмо и права и волности ваши не были нарушены и стояли-бъ противъ оного непріятеля за вѣру православную и за отчизну свою со всякимъ усердіемъ и пребывали къ намъ, великому государю, въ прежней своей вѣрности и прислали-бъ отъ

себя съ Кошу на обраніе нового гетмана волными голосы по правамъ и волностямъ войска запорожского изъ старшинъ и знатного товариства, сколко человѣкъ пристойно, къ Глухову, а за вѣрную вашу къ намъ, великому государю, службу милость наша отъ васъ, войска запорожского низового, никогда отъемлема не будетъ, понеже хотя намъ тотъ проклятой измѣнникъ, бывшій гетманъ Мазепа, на васъ, войско запорожское низовое, ложныя свои клеветы непрестанно наносилъ, объявляя на васъ, будто вы намъ невѣрны и для того, не зная его злости и измѣны, посланные отъ васъ къ Москвѣ съ челобитьемъ о жалованьѣ, по его письмамъ, были нѣсколько времяни задержаны, но нынѣ, видя вашу къ намъ, великому государю, вѣрную службу и что тѣ клеветы отъ него, вора и измѣнника Мазепы, были на васъ, вѣрныхъ нашихъ подданныхъ, нанесены напрасно и милость наша къ вамъ за вѣрныя ваши и постоянныя службы будетъ умножена, въ чемъ-бы вамъ на нашу великого государя милость быть благонадежнымъ. Дана сія наша царского величества грамота въ обозѣ при Деснѣ за подписаніемъ власные нашіе руки октября въ 30 день 1708 году. Царь Петръ» (собственноручно [1]).

Отправивъ къ запорожскимъ козакамъ такую грамоту, царь Петръ Алексѣевичъ вмѣстѣ съ этимъ сдѣлалъ распоряженіе о выборѣ новаго гетмана Малороссіи и для этого велѣлъ собрать въ городѣ Глуховѣ генеральную старшину, оставшуюся вѣрною русскому царю, и открыть всеобщую раду.

Рада была собрана ноября 6 дня, въ присутствіи князя Григорія Ѳедоровича Долгорукаго, и на ней объявленъ былъ гетманомъ обѣихъ сторонъ Днѣпра стародубовскій полковникъ Иванъ Ильичъ Скоропадскій.

Царь увѣдомилъ объ этомъ запорожцевъ новою грамотой (отъ 12 ноября), посланною въ Сичь черезъ стольника Гаврила Киселенскаго, и въ ней внушалъ запорожцамъ не слушать «прелестей» Мазепы, твердо стоять за православную вѣру и своего великого государя, быть въ послушаніи новому гетману Ивану Ильичу Скоропадскому, о чемъ онъ будетъ, по указамъ государевымъ, писать войску. За такое послушаніе будетъ посылано войску

[1]) Архивъ мин. ин. дѣлъ; мал. дѣла; 1708, св. 26, № 131. Эта-же грамота приведена у Голикова (Дополненіе къ дѣяніямъ Петра В., Москва, 1792, VIII, 149), но и неполно и далеко неточно.

царскаго жалованья «на каждый курень по 1.500 золотыхъ украинскихъ на каждый годъ сверхъ прежняго настоящаго годового жалованья». А за тѣмъ жалованьемъ прислать-бы войску къ великому государю въ военный походъ посланцевъ, черезъ которыхъ оно будетъ прислано немедленно, а сами посланцы не мѣшкавъ будутъ отпущены въ Сичу. Въ доказательство того, по указу великаго государя, отпускаются въ Кошъ 14 человѣкъ запорожцевъ, которые были задержаны измѣнникомъ Мазепой и до сихъ поръ были лишены свободы; изъ нихъ двухъ, которымъ пожаловано царское жалованье, государь отпускаетъ, вмѣстѣ съ стольникомъ Кисленскимъ, въ Сичу [1]).

Грамоту повезли царскіе стольники Гаврилъ Кисленскій и Григорій Теплицкій; вмѣстѣ съ грамотой они везли денегъ 500 червонцевъ для кошевого атамана, 2.000 для старшины и 12.000 для куренныхъ. Черезъ тѣхъ-же посланцевъ обѣщано было, въ знакъ особой царской милости, прислать запорожцамъ войсковые клейноты—знамя, бунчукъ, литавры и трости—кошевому атаману и войсковому судьѣ [2]). Одновременно съ царскими стольниками отправлены были отъ гетмана Скоропадскаго лубенскій сотникъ Василій Савичъ и отъ кіевскаго митрополита архимандритъ Межигорскаго монастыря Ирадіонъ Жураховскій.

Царскихъ и гетманскихъ пословъ, по войсковому обычаю, приняли въ Сичѣ «благодарно», стрѣляли въ честь ихъ изъ ружей и пушекъ, но во время открывшейся всеобщей войсковой рады въ Сичѣ образовались двѣ партіи: партія старыхъ, опытныхъ козаковъ, и партія молодыхъ, горячихъ головъ. Первая партія стояла на законной почвѣ и совѣтовала всѣмъ твердо держаться русскаго царя. Первая партія на нѣкоторое время взяла верхъ надъ другой и заставила козаковъ отправить къ Мазепѣ, не называя его никакими титулами, письмо, въ которомъ запорожцы, именуя себя войскомъ его царскаго пресвѣтлаго величества, объявляли, что они готовы стоять за русскаго царя и за весь малороссійскій народъ противъ ворвавшихся на Украйну иноплеменныхъ людей и спрашивали гетмана, каково было намѣреніе шведскаго короля,

---

[1]) Архивъ мин. ин. дѣлъ; мал. дѣла, 1708, св. 26, № 133.

[2]) Судіенко, Матеріалы, Кіевъ, 1855, II, 104. Шведскій историкъ Нордбергъ говоритъ, что царь послалъ запорожцамъ 60.000 флориновъ,—и они за то обѣщали быть вполнѣ нейтральными: Histoire de Charles XII, à la Haye, M. DCCXXVIII, II, 283.

приблизившагося къ ихъ границамъ, т. е. не имѣетъ-ли онъ намѣренія разрушить всѣ ихъ города, какъ онъ уже и началъ это дѣлать. Но противъ старыхъ козаковъ выступила молодежь, которою руководилъ кошевой атаманъ Гордіенко, фанатически ненавидѣвшій все исходившее отъ Москвы и отъ московскаго царя. Сила оказалась на сторонѣ молодыхъ козаковъ и кошевого Гордіенка, и тогда запорожцы отобрали у прибывшихъ въ Січь царскихъ пословъ деньги, а самихъ стали безчестить и ругать: архимандрита Межигорскаго монастыря Жураховскаго называли шпѣгомъ, т. е. шпіономъ, и грозили сжечь его въ смоляной бочкѣ, а другихъ грозились убить или въ водѣ потопить [1]). Обезчестивъ такимъ образомъ пословъ, запорожцы въ отвѣтъ на грамоту царя написали письмо и въ немъ, «не щадя государя за прежнія его къ нимъ враждебныя отношенія, чиня досадительныя укоризны и угрозы, многіе неприличные запросы, съ нареканіемъ и безчестіемъ на самую высочайшую особу царя»[2]), предъявили къ нему слѣдующія требованія: 1) чтобы всѣмъ малороссійскимъ полковникамъ не быть, а быть-бы на Украйнѣ вольницѣ, какъ и въ Січи. 2) Чтобы всѣ мельницы по рѣчкамъ Ворсклѣ и Пслу, а также перевозы черезъ Днѣпръ у Переволочны запорожцамъ отдать. 3) Чтобы всѣ царскіе городки на Самарѣ и на лѣвомъ берегу Днѣпра у Каменнаго Затона срыть [3]).

Въ Січи царскій стольникъ Кисленскій нашелъ одного козака, бывшаго мѣщанина города Сосницы, черниговскаго полка, Ивана Григорьева Яжборскаго, который тайно подавалъ стольнику «вѣдомости о злыхъ намѣреніяхъ» кошевого атамана и прочихъ старшинъ, хотѣвшихъ убить царскаго посла, и далъ обѣщаніе при отъѣздѣ Кисленскаго изъ Січи доносить ему о всѣхъ замыслахъ запорожцевъ въ войско царскаго величества [4]).

Въ то время, когда царь Петръ Алексѣевичъ такъ хлопоталъ о привлеченіи къ себѣ запорожскаго войска, въ это-же время и о томъ-же самомъ хлопоталъ и гетманъ Мазепа. Онъ отправилъ въ Січь «знатную особу» съ универсаломъ и съ листомъ для всего запорожскаго низоваго войска. Въ универсалѣ Мазепа из-

---

[1]) Чтенія москов. общества исторіи и древн., 1848, № 8, 21, № 6, 44.
[2]) Маркевичъ, Исторія Малороссіи, Москва, 1842, IV, 294.
[3]) Соловьевъ, Исторія Россіи, Москва, 1881, XV, 314.
[4]) Архивъ мин. ин. дѣлъ; мал. дѣла, 1709, св. 27, № 18.

вѣщалъ славныхъ молодцовъ о томъ, что передался на сторону шведскаго короля съ тою цѣлью, чтобы защищать Украйну отъ тиранніи московскаго царя, который не разъ говорилъ ему, Мазепѣ, что сдѣлаетъ все, чтобы истребить войско запорожскихъ козаковъ, это скопище, на его языкѣ, воровъ и негодяевъ. Гетманъ отлично знаетъ, что москали, отступая передъ шведскимъ королемъ, сами завлекли его на Украйну; но его величество, шведскій король, не имѣетъ никакого дурного намѣренія относительно запорожскаго войска. Запорожцы должны воспользоваться такимъ счастливѣйшимъ случаемъ, свергнуть съ себя иго московское и сдѣлаться навсегда народомъ свободнымъ. По всему этому гетманъ совѣтуетъ запорожцамъ разорить крѣпости Каменный-Затонъ и Самарскіе городки [1]).

Независимо отъ посылки въ Сѣчь «знатной особы» Мазепа вступилъ въ тайную переписку съ Кошемъ черезъ «писаря войска запорозкаго низового кошового», Григорія Рогулю. Самъ-же Рогуля отсылалъ свои листы журавскому сотнику Демьяну Якубовичу, котораго просилъ «доложить ясневелможному о семъ, якъ будутъ до Сѣчи послы отъ наяснѣйшихъ милостей, королей шведскаго и польскаго посилати, то щобъ писма поруску писали для нашое невмѣстности и для войскового латвѣйшого выразумленья» [2]).

Запорожцы, получивъ гетманскій листъ, не сразу, однако, согласились принять предложеніе Мазепы и выставили ему нѣсколько условій, изложивъ ихъ въ обстоятельномъ къ нему собственномъ письмѣ.

«Присланный отъ вашей велможности панской до насъ, войска запорожского низового, особа подалъ намъ на Кошъ обширно выписанный вашъ рейментарскій универсалъ. Все, что выражено въ немъ, прочитано было нами въ общей войсковой радѣ нашей и все то намъ, войску запорожскому, вѣдомо есть. При томъ обширномъ рейментарскомъ универсалѣ вашемъ мы получили и особливый листъ велможности вашей, изображающій вражду и злость

---

[1]) Архивъ мин. ин. дѣлъ; мал. дѣла, 1708, св. 25, № 91.

[2]) Архивъ мин. ин. дѣлъ; мал. дѣла, 1708, св. 25, № 92. Григорій Рогуля въ это-же время, 1708 года) (въ ноябрѣ писалъ письмо войсковому канцеляристу Самойлу Величку по поводу купли для Величка коня. Повидимому Самойло Величко одно лицо съ извѣстнымъ Величкомъ, авторомъ четырехтомной малороссійской лѣтописи: Архивъ мин, ин. дѣлъ; малор. дѣла, 1708, св. 25, № 92.

московскую. Та злость издавна на отчизну матку нашу, дабы захватить ее во власть и обладаніе, хитро умышляетъ, захвативши же, въ городахъ украинскихъ людей своихъ посадить желаетъ, а нашимъ людямъ малороссійскимъ, несносныя и нестерпимыя здирства и грабительства причинивши, въ Московщину на вѣчное тяжкое и неволное мордерство [1]) старается загнати... Такимъ образомъ для того, чтобы не запропастить отчизны и не отдать ее въ рабство и вѣчное невольничье обладаніе московской ненасытности, а также для того, чтобы сохранить всю ея цѣлость отъ той-же московской повадки, разсудили и усмотрѣли, велможность ваша панская, съ общаго согласія и полного совѣта съ генералными особами, полковниками и иною войсковою старшиною, отдаться подъ протекцію, опеку и оборону наяснѣйшихъ королей ихъ милостей, шведского и полского, которые, якъ пишите въ листѣ своемъ панскомъ, прирекли своимъ королевскимъ словомъ, подтвердили христіанскою совѣстью и своими завѣрителными писмами, не толко освободить отъ московскаго тиранскаго ярма войско запорожское и народъ малороссійскій, но и сохранить его при стародавнихъ правахъ и волностяхъ. Обнадеживщись и увѣрившись названными словами наяснѣйшихъ королей, ихъ милостей, шведского и полского, вы пишите, ваша велможность, и до насъ войска запорожского низового, обязывая своимъ вѣрнымъ усердіемъ, чтобы мы, какъ сыны православной апостолской церкви, щиро и усердно постояли за милую отчизну матку нашу и для обороны и защиты ея собирались до велможности вашей, постаравшись искоренить находящіеся близъ Сѣчи Каменный-Затонъ и Самарскіе городки. На это мы, кошевой атаманъ и все войско запорожское низовое, симъ листомъ нашимъ войсковымъ объявляемъ, что въ настоящее время, въ виду того, что очень мало войска на Кошѣ и безъ него не можетъ быть общей войсковой рады, мы отправили нарочно на Низъ посланного нашего, чтобы все войско собралось до Сичи и вмѣстѣ сошлось къ предстоящему празднику святителя Христова Николая. Мы просимъ и желаемъ, чтобы къ тому дню, къ празднику святителя Христова Николая (6 декабря), присланы были особы отъ наяснѣйшихъ королей ихъ милостей шведского и полского и отъ велможности вашей для словесной совершенной умовы (договора) и досконалныхъ противо-

[1]) То-есть мученіе или смертоубійство.

ровъ войсковыхъ, потому что мы, войско запорожское, отдалившись отъ царя московского, желаемъ знать, подъ кѣмъ будемъ жить и кого себѣ за верховнѣйшого пана имѣть и чтобы намъ права и волности и клейноты войсковые и иныя дачи получить, какъ за давнихъ королей полскихъ войско имѣло у себя...; а также, чтобы намъ словесно пристойно и обширно говорити и на одномъ постановити, дабы было за что намъ, войску запорожскому, службы свои раніти въ працахъ войсковыхъ и случаяхъ военныхъ. При этомъ докладываемъ велможности вашей и о томъ, что въ сосѣдствѣ съ нами находятся крымскіе городки и какая отъ васъ увага будетъ съ ними поступити и обойтись; о Каменномъ-Затонѣ извѣщаемъ, что мы не можемъ его безъ помощи искоренити: благоволите, велможность ваша, прислать намъ на помощь войска военного и тогда мы, атаманъ кошовый съ войскомъ, избывши сіи городки на гнѣздо наше, скоро поспѣшимъ до обозовъ вашихъ, гдѣ они будутъ найдоватися» [1]).

Такой отвѣтъ немного давалъ гетману Мазепѣ, и русскій царь могъ еще надѣяться удержать за собой Запорожье. Ноября 23 дня отданъ былъ царскій приказъ въ главную ратушу о заготовкѣ жалова́нья войску запорожскихъ козаковъ: 500 золотыхъ червонныхъ, 150 половинокъ амбургскихъ суконъ въ сорочкахъ, 50 пудовъ пороху, 50 пудовъ свинцу, кошевому атаману—2 вершка бархатныхъ, мѣрою по полуаршина вершокъ, сукна кармазина, атласу, камки по 10 аршинъ, двѣ пары соболей по 7 рублей пара, 2 сорока соболей по 50 рублей сорокъ; судьѣ, писарю и асаулу по вершку бархатному, мѣрою по полуаршина вершокъ, сукна кармазина по 5 аршинъ, атласу по 10 аршинъ, по парѣ соболей въ 7 рублей пара, по сороку соболей по 50 рублей сорокъ человѣку [2]).

Опредѣляя жалованье на запорожское войско, царь былъ увѣренъ, что этимъ онъ расположитъ запорожцевъ въ свою пользу и отвратитъ ихъ отъ гетмана Мазепы и шведскаго короля. Но запорожская масса и безъ того пока была на сторонѣ русскаго царя;

---

[1]) Архивъ мин. ин дѣлъ; мал. дѣла, 1708, св. 25, № 91. О томъ-же у Нордберга Histoire de Charles XII, à la Haye, 1748, II, 283.

[2]) Архивъ мин. ин. дѣлъ; мал. дѣла, 1708, св. 25, № 89. Впрочемъ, это жалованье не успѣло дойти въ запорожскую Сичь, и объ немъ писано было въ 1709 году, 24 октября, что «та запорожская дача положена указомъ великого государя на другія козацкія-же дѣла»: Архивъ мин. ин. дѣлъ; мал. дѣла, 1709, св. 28, № 57,

противъ царя были только нѣкоторые изъ старшинъ. О томъ царь узналъ отъ гетмана Скоропадскаго, а Скоропадскій—отъ бунчуковаго товарища Ивана Черняка.

Въ самомъ концѣ декабря мѣсяца 1708 года бунчуковый товарищъ Иванъ Черникъ, посланный изъ Малороссіи въ Крымъ съ извѣстіемъ о выборѣ новаго гетмана Ивана Ильича Скоропадскаго, ѣхалъ черезъ Запорожье со спутниками, Семеномъ Васильевымъ Ечемнукомъ и Григоріемъ Савичемъ. Въ самую Сичь они прибыли въ навечеріе Рождества Христова и были приняты запорожцами очень ласково. Чернякъ, явившись въ Сичу, подалъ кошевому атаману отъ гетмана письмо, которое кошевой лично прочелъ въ радѣ передъ всѣмъ войскомъ. Въ томъ письмѣ было писано о томъ, чтобы запорожцы ни въ чемъ не вѣрили Мазепѣ и не соглашались съ нимъ. По прочтеніи письма кошевой отослалъ Черняка съ радной площади на постоялый дворъ, а самъ, заодно съ войсковымъ судьей, бросилъ свою шапку на землю, на шапку положилъ войсковую трость и объявилъ всѣмъ, что онъ отказывается отъ своего чина и сдаетъ его другому [1]). Но войско, видя то, стало кричать, зачѣмъ кошевой оставляетъ свой чинъ, или онъ хочетъ служить Мазепѣ, а не царскому величеству? И, поднявъ трость съ земли, снова вручило ее насильно кошевому. Тогда кошевой, взявъ трость, сталъ кланяться войску на всѣ стороны и говорить: «Нынѣ кому мы будемъ служить, и понеже прежде были письма отъ Мазепы, а теперь отъ новаго гетмана Скоропацкого». На этотъ вопросъ всѣ запорожцы закричали, что они повинны служить царскому величеству, какъ единовѣрному государю, при которомъ обрѣтаются ихъ отцы и сродники. Кошевой снова сталъ кланяться войску и, кланяясь, говорилъ: «Зѣло добро, что вѣрѣ святой православной произволяетесь». По истеченіи двухъ дней запорожцы вновь собрали раду и, призвавъ въ нее Черняка, потребовали отъ него письма, которыя онъ везъ въ Крымъ отъ Скоропадскаго, чтобы дознать, не написано-ли въ нихъ чего нибудь противнаго о запорожцахъ. Чернякъ, повинуясь волѣ козаковъ, подалъ требуемыя письма, и когда они были «отпечатаны» и прочтены въ радѣ, то оказалось, что въ нихъ ничего противнаго войску запорожскому не было. Тогда козаки, «подпечатавъ» гетманскія письма, снова

---

[1]) Почему Гордіенко отказывался отъ булавы, Чернякъ и его спутники къ тому «не прислушались».

возвратили ихъ Черняку и, давъ ему трехъ провожатыхъ изъ старыхъ и надежныхъ козаковъ съ собственнымъ листомъ къ хану, съ честью отпустили его въ Крымъ [1]). А въ письмахъ къ хану они спрашивали, куда онъ съ ордою намѣренъ идти, къ русскому царю или къ гетману Мазепѣ, ибо они обще съ татарами намѣревались идти: куда татары пойдутъ, туда и они послѣдуютъ [2]). Въ бытность спутниковъ Черняка въ Сичи всѣ запорожцы, какъ конные, такъ и пѣхота, находились въ сборѣ, а потомъ одинъ отрядъ изъ нихъ, около 6.000 человѣкъ [3]), пѣхоты и конницы, вышли изъ Сичи въ Старый Кодакъ и въ село Новое (т. е. Новый Кодакъ), близь Стараго Кодака [4]), гдѣ и расположились на стоянку. Передъ отъѣздомъ въ Крымъ Иванъ Черникъ послалъ отъ себя въ городъ Сумы, гдѣ находился царскій станъ, съ извѣстіемъ козака полтавскаго полка Мирона Петрова да двухъ козаковъ запорожскихъ. Послѣдніе посланы были къ гетману Скоропадскому за полученіемъ отъ него царскаго указа для кошевого атамана Гордіенка, который якобы показывалъ охоту идти на царскую службу [5]).

На четвертый день Рождества Христова Иванъ Черникъ уѣхалъ въ Перекопъ. Въ Перекопѣ Черникъ оставилъ своихъ спутниковъ Григорія Савича и Семена Ечемнука, отдалъ приказъ имъ вернуться назадъ къ гетману Скоропадскому, а самъ съ татарскими провожатыми направился въ Бахчисарай до везиря Калвать-Улана. Въ день отпуска къ спутникамъ Черняка явился перекопскій писарь и подвергъ ихъ допросу о томъ, знаютъ-ли они, что написано въ гетманскихъ письмахъ. Гетманскіе посланцы отвѣчали, что самыхъ писемъ они не читали, но когда были въ Сичи и когда тѣ письма были распечатаны запорожцами, то слыхали, что въ нихъ гетманъ пишетъ не вѣрить измѣннику Мазепѣ и настаиваетъ не соединяться съ нимъ для войны противъ русскихъ. На такой отвѣтъ перекопскій писарь замѣтилъ, что никогда того не будетъ, чтобы ханъ, оставя учиненный съ царскимъ величествомъ миръ, повѣрилъ письмамъ измѣнника Мазепы. Потомъ перекопскій писарь спрашивалъ о бунтовщикахъ Булавинѣ, Некрасовѣ и Безпаловѣ. О Булавинѣ

[1]) Архивъ мин. ин. дѣлъ; мал. дѣла, 1709, св. 27, № 9.

[2]) Архивъ мин. ин. дѣлъ; мал. дѣла. 1709, св. 27, № 18.

[3]) По болѣе точнымъ показаніямъ изъ Сичи въ оба Кодака вышло 4.000 человѣкъ.

[4]) У Судіенка вмѣсто «Кадакъ» напечатано Казань: II, 320—324.

[5]) Архивъ мин. ин. дѣлъ; мал. дѣла, 1709, св. 27, № 9.

спутники Черняка сказали, что онъ погубленъ, а о Некрасовѣ и Безпаловѣ самъ писарь замѣтилъ, что они въ десяти тысячахъ войска стоятъ нынѣ въ Темрюкѣ и намѣрены идти на слободскіе города.

Изъ Перекопа спутники Черняка вернулись въ Сичу, гдѣ были приняты кошевымъ Гордіенкомъ попрежнему ласково. Передъ отпускомъ изъ Сичи Гордіенко просилъ ихъ передать гетману Скоропадскому, чтобы онъ прислалъ запорожскому войску, въ знакъ своей ласки, войсковые клейноты: прежніе гетманы всѣ дарили войско низовое своими клейнотами, а настоящій гетманъ до сихъ поръ ни одного лоскутка не прислалъ войску. Вмѣстѣ съ Ечемнукомъ и Савичемъ кошевой атаманъ отправилъ двухъ запорожскихъ полковниковъ съ письмами отъ войска къ царю Петру Алексѣевичу. Въ тѣхъ письмахъ запорожцы повторили свою просьбу государю о снесеніи Каменнаго-Затона и Самарскихъ городковъ, за что выражали свою готовность, всѣ до послѣдняго человѣка, идти на службу царскаго величества, куда приказано будетъ. Когда спутники Черняка находились еще въ Запорожьи, то въ бытность ихъ тамъ войско запорожское, которое вышло въ Кодакъ изъ Сичи, все еще находилось въ Кодакѣ. Гетманцы и запорожскіе посланцы ѣхали вмѣстѣ до Переволочны, а потомъ запорожцы оставили гетманцевъ и почему-то поѣхали впередъ, заявивъ, что они немедленно поѣдутъ за ними и дальше [1]).

Всѣ эти вѣсти дали поводъ царю Петру Алексѣевичу думать, что надежды на вѣрность царскому престолу со стороны запорожскаго войска еще не потеряны, и потому января 5 дня, 1709 года, царь велѣлъ написать въ Кошъ грамоту съ извѣщеніемъ о томъ, что въ Нѣжинъ посланъ гетманъ Иванъ Скоропадскій, которому велѣно стать въ томъ городѣ, собрать малороссійскія войска и чинить, совмѣстно съ великороссійскими войсками, туда отправленными, поискъ надъ непріятелемъ. Въ виду этого, запорожцамъ также вмѣнялось въ обязанность, въ случаѣ гетманъ будетъ о чемъ-либо писать къ нимъ и чего-либо требовать, быть въ отношеніи его послушнымъ по всегдашней запорожскаго войска къ царскому величеству и къ его предкамъ вѣрности [2]).

---

[1]) Архивъ мин. ин. дѣлъ: мал. дѣла, 1709, св. 27, № 9; тоже въ Матеріалахъ Судіенка: II, 320—324.

[2]) Судіенко, Матеріалы, Кіевъ, 1855, II, 102.

Повидимому иного мнѣнія были ближайшіе сотрудники Петра, какъ, напримѣръ, канцлеръ графъ Гаврила Головкинъ. Такъ, отправляя царскую грамоту Скоропадскому для отсылки ея въ Кошъ, Головкинъ писалъ гетману, что вольно ему будетъ или послать грамоту въ Кошъ или удержать ее при себѣ, «но, кажется, въ нынѣшнее время того листа посылать совсѣмъ непотребно» [1]).

Опасенія графа Головкина были не напрасны. Переволочанскій сотникъ Василій Зелененскій довесъ полтавскому полковнику о намѣреніяхъ запорожцевъ слѣдующее. Января 4 числа, на разсвѣтѣ, прибыло въ Переволочну нѣсколько десятковъ конныхъ запорожцевъ, которые сказали, что они вышли изъ Сичи въ прошлую субботу и что по ихъ слѣдамъ имѣлъ выдти въ воскресенье, а навѣрное по водосвятіи на Богоявленіе Господне, и кошевой атаманъ Гордіенко. Гордіенко имѣлъ раздѣлить все войско на три части: одна часть должна пойти слободами, другая по-за Днѣпромъ на Чигиринъ, а третья, во главѣ которой онъ будетъ самъ, пойдетъ на Переволочну. Такое раздѣленіе дѣлается для большаго увеличенія войска, которое, пройдя намѣченные пути, должно сойтись со всѣхъ сторонъ, соединиться вмѣстѣ и расположиться въ Полтавѣ; Москва-же, лишь только услышитъ о приходѣ кошевого въ Переволочну, должна выступить прочь изъ Полтавы. Но «на которую руку имѣетъ быть кошевой склоннымъ, того никто не скажетъ, ибо въ Полтавѣ о томъ у нихъ рада будетъ». Но еще до выступленія кошевого изъ Сичи пришла вѣсть изъ Кодака, что 3.000 москалей, пришедъ до рѣки Самары подъ Кодакомъ и тамошними селами, пошкодили овецъ. Тогда Гордіенко, услыхавъ о томъ, скинулъ съ себя кошевство, но его насильно принудили взять булаву назадъ. Кошевой, взявъ булаву, тотчасъ послалъ въ Крымъ по орду, но что произойдетъ дальше—переволочанскій дозорца Зелененскій пока не знаетъ [2]).

О подлинныхъ намѣреніяхъ Гордіенка не знали пока и въ царскомъ станѣ: тамъ извѣстно было пока то, что отрядъ запорожцевъ находился въ двухъ Кодакахъ, но куда онъ имѣлъ намѣреніе идти дальше — никому не было извѣстно. Поэтому графъ Головкинъ предписывалъ гетману Скоропадскому «всемѣрно трудиться надъ тѣмъ, дабы увѣдать подлинно о ихъ походѣ, на которую сторону они идутъ».

---

[1]) Судіенко, Матеріалы, Кіевъ, 1855, II, 100.
[2]) Архивъ мин. ин. дѣлъ; мал. дѣла, 1709, св. 27, № 9.

Но скоро въ царскій лагерь донеслись такія вѣсти, которыя сразу раскрыли подлинныя намѣренія какъ кошевого Гордіенка, такъ и всего запорожскаго войска. Упомянутый раньше запорожскій козакъ Иванъ Григорьевъ Яжборскій, тайно выѣхавъ, въ концѣ января, изъ запорожской Сичи, явился въ Бѣлгородъ къ графу Головкину, принесъ тамъ присягу передъ евангеліемъ на вѣрность царскому величеству и при этомъ передалъ о положеніи дѣлъ въ Запорожьи слѣдующее. Когда пріѣзжали въ Сичь съ царской денежной казной послы Кисленскій и Теплицкій, тогда въ Сичи были нѣсколько разъ собираемы рады и на тѣхъ радахъ чернь и пришедшіе изъ городовъ козаки кричали, чтобы идти изъ Сичи всѣмъ войскомъ къ царскому величеству противъ шведа и измѣнника Мазепы на помощь. Но кошевой атаманъ во всѣхъ радахъ отъ того похода козаковъ удерживалъ, не объявляя, однако, явственно того, почему тотъ походъ войска къ царскому величеству непотребенъ. И въ одной радѣ Гордіенко слагалъ съ себя кошевство ради того, что онъ въ походъ идти не желаетъ; но потомъ, видя, что не можетъ удержать черни отъ того похода, отправилъ изъ Сичи своихъ противниковъ, до 4.000 человѣкъ, въ Старый и Новый Кодаки, такъ что въ Сичи нынѣ осталось большая часть козаковъ «стороны кошевого». Въ слѣдъ затѣмъ кошевой отправилъ въ Крымъ посланцевъ «затягивать къ себѣ на соединеніе орду». Тогда изъ Крыма въ Сичь пріѣхали два татарина, которые объявили, что въ Крыму ожидаютъ пріѣзда новаго хана и просили запорожцевъ обождать своимъ походомъ до тѣхъ поръ, пока въ Крымъ не прибудетъ новый ханъ. Кошевой атаманъ Гордіенко въ радѣ, собранной во время пребыванія татаръ въ Сичѣ, «явственно» говорилъ запорожскому войску, что лучше козакамъ держаться при ханѣ, который идетъ къ Мазепѣ, нежели къ русскому царю идти на соединеніе [1]).

Всѣ полученныя вѣсти. какъ отъ переволочанскаго дозорцы, такъ и отъ выходца изъ Сичи, доставлены были князю Меншикову, руководившему въ то время военными дѣйствіями въ Малороссіи. Но князь Меншиковъ о положеніи дѣлъ въ Запорожьи и въ Малороссіи въ это-же время былъ извѣщенъ и отъ самого государя. Царь Петръ Алексѣевичъ воспользовался посланцами Ивана Черняка, находившимися въ станѣ, въ городѣ Сумахъ, изъ коихъ

[1]) Архивъ мин. ин. дѣлъ; мал. дѣла, 1709, св. 27, № 18, св. 28, № 23.

два были козаки запорожскаго войска, а одинъ, Миронъ Петровъ, козакъ полтавскаго полка. Запорожскіе козаки отправлены были къ гетману Скоропадскому, а козакъ полтавскаго полка посланъ былъ къ князю Меншикову. Въ то время князь Меншиковъ двигался съ русскими полками къ городу Полтавѣ, куда направлялся и шведскій король, имѣя цѣлью «совокупить къ себѣ, черезъ Мазепину факцію запорожскихъ козаковъ». Кромѣ того, для отвращенія запорожскаго войска отъ шведовъ, царь отдалъ приказъ гетману Скоропадскому послать въ Запорожье «добраго человѣка» и чрезъ него стараться склонять козаковъ къ русской сторонѣ, слѣдить за ихъ настроеніемъ и извѣщать о томъ предводителей русскаго войска. Вмѣстѣ съ этимъ, по приказу государя, велѣно было черезъ гетмана Скоропадскаго послать къ Кошъ войсковые клейноты и увѣщательныя царскія грамоты [1]).

Но за настроеніемъ запорожскаго войска, помимо Скоропадскаго, тщательно слѣдилъ каменнозатонскій воевода Илья Чириковъ. Онъ посылалъ ежемѣсячныя донесенія о настроеніи запорожцевъ въ Кіевъ, къ князю Дмитрію Михайловичу Голицыну и въ Бѣлгородъ къ графу Головкину, а также въ «разрядъ» самому государю. Пользуясь тѣмъ обстоятельствомъ, что запорожцы однажды побили солдатъ Каменнаго-Затона, Илья Чириковъ отправилъ въ Сичь развѣдчиковъ для поиманія злочинцевъ и для разузнанія о тайныхъ намѣреніяхъ войска. Кошевой атаманъ, понимая истинную цѣль воеводы, писалъ ему, что воевода присылаетъ людей въ Сичу «не для настоящихъ дѣлъ, а для провѣдыванія поведенія войскового», а потому посланцевъ воеводы немедленно велѣлъ выпроводить изъ Сичи вонъ. Но воевода на томъ не успокоился и, возражая кошевому, говорилъ, что сносится съ нимъ для «настоящаго дѣла» и желалъ-бы знать, куда собирается изъ Сичи запорожское войско. Кошевой, уклоняясь отъ прямыхъ отвѣтовъ на такіе вопросы, говорилъ, что онъ и самъ не знаетъ, куда идетъ войско, и ѣдетъ провѣдывать о томъ лично. При всемъ томъ Чириковъ успѣлъ развѣдать, что въ Сичи осталось очень малое число запорожцевъ и что войско готовится къ какому-то походу. Даже тѣ козаки, которые шинковали въ Каменномъ-Затонѣ, оставили свои курени въ крѣпости и ушли въ Сичу, а на вопросъ воеводы, для какой цѣли они съѣзжаются въ Сичу, отвѣчали, что кошевой атаманъ призы-

---

[1]) Судіенко, Матеріалы, Кіевъ, 1855, II, 324, 115, 116; Голиковъ, Дополненіе къ Дѣяніямъ Петра Великаго, Москва, 1792, VIII: 201.

ваетъ ихъ къ походу, что пойдутъ они туда, куда, по царскому указу, будетъ указано идти. Кошевой собиралъ козаковъ и изъ другихъ мѣстъ въ Сичу: онъ посылалъ вѣстовыхъ на рѣчку Бѣлозерку, гдѣ запорожцы жили куренями, и подъ видомъ того, чтобы татары не сдѣлали имъ какой-нибудь шкоды, приказывалъ имъ ѣхать въ Сичу. Въ дѣствительности отъ татаръ онъ ждалъ не шкоды, а помощи и послалъ звать къ себѣ орду татарскую. Если орда прибудетъ, то онъ скоро выйдетъ съ войскомъ; если-же орды не будетъ, то онъ, заговѣвши, пойдетъ къ запорожцамъ, стоящимъ въ Кодакахъ. Запорожцы-же, стоявшіе въ Кодакахъ, уже посылали къ Гордіенку асаула и черезъ него просили кошевого немедленно идти къ нимъ; въ случаѣ кошевой не явится къ нимъ на сырной недѣлѣ, то они пойдутъ къ великому государю. Тогда кошевой написалъ запорожцамъ въ Кодаки, что онъ явится къ нимъ немедля и проситъ ихъ дождаться его въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ они доселѣ стояли. Но войсковая старшина хочетъ идти послѣ кошевого, потому что ему не довѣряетъ. По точнымъ развѣдкамъ кошевой находится въ полной готовности къ походу; при немъ войска въ сборѣ около $1^1/_2$ тысячи, кромѣ того, которое уже собралось въ Кодакахъ [1]).

Послѣ такихъ обстоятельныхъ донесеній въ царскомъ лагерѣ всѣмъ ясно стало, что кошевой Гордіенко хитритъ въ отношеніи русскихъ и имѣетъ злыя въ своемъ умѣ намѣренія.

Гетманъ Скоропадскій, какъ раньше того Иванъ Мазепа, причину враждебности запорожцевъ къ русскимъ приписывалъ не столько самому войску, сколько кошевому Константину Гордіенку. Поэтому, извѣщая Меншикова о невѣрности запорожскаго войска русскому престолу, Скоропадскій, въ видѣ мѣры удержанія его за государемъ, рекомендовалъ князю «изыскать способъ ко испровероженію кошевого атамана Константина Гордѣенка».

Меншиковъ всѣ добытыя свѣдѣнія о запорожцахъ, а равно и предложеніе гетмана о ниспроверженіи кошевого, поторопился отослать государю [2]).

Въ это-же время о положеніи дѣлъ въ Запорожьи отправилъ донесеніе государю и князь Григорій Ѳедоровичъ Долгорукій. Долгорукій писалъ, что замыслы запорожцевъ уже вполнѣ стали извѣстны, но

---

[1]) Архивъ мин. ин. дѣлъ; мал. дѣла, 1709, св. 27, №№ 5 и 9.

[2]) Судіенко, Матеріалы, Кіевъ, 1855, III, 277.

тѣмъ не менѣе онъ надѣется ихъ «опровергнуть», лишь-бы только въ томъ не помѣшали татары [1]).

Такого-же мнѣнія относительно запорожцевъ былъ и самъ царь Петръ Алексѣевичъ. «О татарахъ объявляю вамъ, писалъ царь Долгорукому февраля 21-го дня, что уже другую конфирмацію получили мы изъ Константинополя, что хану, подъ смертію, заказано миръ блюсти, и для того въ томъ уже не сомнѣвайтесь, но потщитесь вышереченное зло пресѣчь. Получили мы письмо отъ гетмана, въ которомъ объявляетъ воровство запорожское и совѣтуетъ кошевого перемѣнить; но о семъ надлежитъ ему искать два способа, въ чемъ и вамъ стараніе свое имѣть надлежитъ, хотя-бъ и немалое что дать, и какой способъ на то найдете, пиши ко мнѣ» [2]).

При всемъ томъ такъ какъ намѣренія запорожцевъ становились все болѣе и болѣе очевидны, то фельдмаршалъ графъ Шереметевъ, желая предупредить приходъ ихъ въ Малороссію и не дать имъ возможности внезапно напасть на малороссійскіе города, февраля 21 дня, предписалъ гетману Скоропадскому послать въ города и мѣстечки Манжалѣевку, Потокъ, Кременчукъ и Омельники изъ регулярныхъ войскъ по баталіону отъ пѣхотныхъ полковъ и при нихъ «отъ кумпаніи» по собственному разсужденію, а во всѣ мѣста, удобныя для сооруженія мостовъ и перевозовъ, велѣлъ отправить легкія партіи за рѣку Пселъ для поисковъ надъ запорожцами; если-же поисковъ нельзя будетъ сдѣлать, то написать нѣсколько писемъ «къ развращенію (т. е. отвращенію) запорожцевъ отъ Мазепиной прелести» и разбросать тѣ письма въ удобныхъ мѣстахъ, чтобы они попались въ руки запорожцамъ и чтобы запорожцы изъ тѣхъ писемъ могли «выразумѣть прелесть измѣнника Мазепы и воровство кошевого атамана» [3]).

Но «прелесть» Мазепы и кошевого Гордіенка столь была велика, что на запорожцевъ подобныя мѣры уже не могли подѣйствовать. Самъ Гордіенко въ это время избилъ перначомъ и посадилъ въ оковы возвратившагося изъ Крыма и задержаннаго въ Сичѣ посланца гетмана Скоропадскаго Ивана Черняка за то, что будто-бы онъ посланныя имъ въ Крымъ гетманскія письма не всѣ

---

[1]) Голиковъ, Дополненіе къ Дѣяніямъ Петра В., Москва, 1792, VIII, 210.

[2]) Голиковъ, Дополненіе къ Дѣяніямъ Петра В., Москва, 1792, VIII, 210, 212.

[3]) Судіенко, Матеріалы, Кіевъ, 1855, II, 325.

объявилъ войску. Въ это-же время запорожцы открыто приняли къ себѣ чигиринскаго сотника Василія Невинчаннаго, избившаго другого какого-то гетманскаго посланца, отправленнаго Скоропадскимъ въ Чигиринъ. Поэтому отъ запорожцевъ стали ожидать уже всего самаго худшаго.

Царь Петръ Алексѣевичъ извѣщалъ князя Меншикова, находившагося въ то время въ городѣ Харьковѣ, что запорожцы собрались близъ крѣпости Новобогородицкой на рѣкѣ Самарѣ и что, поэтому, нужно опасаться, какъ-бы они не причинили ей чего-нибудь дурного, а также, какъ-бы они не были проведены своимъ кошевымъ атаманомъ и войсковымъ судьей черезъ Переволочну на соединеніе къ шведамъ. Поэтому государь приказывалъ князю поставить въ удобномъ мѣстѣ ингерманландскій русскій полкъ, «дабы имѣть око на ихъ походъ»; также, если возможно, прибавить въ Новобогородицкую крѣпость и въ Каменный-Затонъ полка два или больше того гарнизоннаго войска; въ самой-же Сичи постараться перемѣнить, черезъ посредство миргородскаго полковника Даніила Апостола, главную старшину — кошевого атамана и войскового судью.

Впрочемъ едва этотъ приказъ успѣлъ дойти по назначенію, какъ царь, марта 1 дня, отправилъ тому-же Меншикову другой приказъ. Этимъ послѣднимъ приказомъ внушалось, какъ можно, стараться о томъ, чтобы склонить на русскую сторону запорожское войско, дѣйствуя на козаковъ прежде всего добрымъ словомъ, и только въ крайнемъ случаѣ оружіемъ. «Въ Каменномъ-Затонѣ учинить командира изъ бригадировъ, кто поумнѣе, ибо тамъ не все шпагою, но и ртомъ дѣйствовать надлежитъ, а кого (слѣдуетъ учинить), то полагаюсь на васъ; пункты посылаю при семъ; токмо едина матерія суть, чтобъ смотрѣть и учинить запорожцевъ добромъ по самой крайней возможности; буде-же оные явно себя покажутъ противными и добромъ сладить будетъ невозможно, то дѣлать съ оными, яко со измѣнниками» [1]).

Въ чемъ собственно состояли пункты, посланные царемъ Меншикову, неизвѣстно; но, по замѣчанію Голикова, «содержаніе ихъ было то, чтобъ склонить козаковъ къ избранію новаго кошевого ласкою и подарками. [2]).

---

[1]) Соловьевъ, Исторія Россіи, Москва, 1771, XV, 315.

[2]) Голиковъ, Дополненіе къ Дѣяніямъ Петра В., Москва, 1192, VIII, 212.

На письмо государя вмѣсто князя Меншикова далъ отвѣтъ, марта 3 дня, 1709 года, князь Григорій Ѳедоровичъ Долгорукій: «О воровствѣ запорожцевъ неоднократно писалъ я до миргородскаго полковника, дабы оный, выбравъ изъ своего полка добрыхъ козаковъ и удовольствовавъ послалъ въ Запороги въ разные курени, чѣмъ-бы возможно тамъ заводчиковъ, кошевого и судью, испровергнуть и во всѣхъ противникахъ довѣріе учинить, такожъ и господинъ гетманъ въ свою сторону съ общаго совѣту отвращая оныхъ своевольниковъ писалъ и другими способы (-ами) тайно и неусыпно трудился, какъ и нынѣ удовольствовавъ деньгами, посылаетъ съ письмами козаковъ, которые прежде сего были въ Сѣчѣ кошевыми... чрезъ которыхъ надѣется съ помощью божіей оныхъ удержать» [1]).

Но скоро оказалось, что и эти мѣры были уже напрасны.

Уже въ самомъ началѣ марта самъ царь писалъ о запорожцахъ князю Меншикову: «Запорожцы, а паче дьяволъ кошевой, уже явные измѣнники стали, и зѣло опасно Богородицкова не для города, но для артиллеріи и аммуниціи, которой зѣло тамъ много, а людей мало; того ради зѣло потребно одинъ конный полкъ, хотя изъ тѣхъ, которые съ Кампелемъ, послать въ оную, и велѣть оному тамъ побыть, пока изъ Кіева три полка будутъ въ Каменной-Затонъ, изъ которыхъ велѣть сотъ пять водою туда отправить на перемѣну сему конному; впрочемъ изволъте сами сему подобныхъ дѣлъ смотрѣть; ибо я, отдаленія ради, не всегда и не скоро могу слышать все» [2]).

Обнадеженные гетманомъ Мазепой и настроенные кошевымъ атаманомъ Гордіенкомъ, запорожскіе козаки дѣйствительно съ этого времени рѣшили большинствомъ голосовъ дѣйствовать противъ русскаго государя. Сперва изъ Сичи отправлена была депутація, въ числѣ 80 человѣкъ съ какимъ-то полковникомъ, къ гетману Мазепѣ съ объявленіемъ о томъ, что козаки берутъ его сторону, такъ какъ они узнали, что деньги, которыя царь прислалъ имъ въ подарокъ, отняты имъ у козака Фляка [3]) и что это вовсе не

---

[1]) Костомаровъ, Мазепа, СПБ, 1885, 505. Дѣла государственнаго архива, кабинетскія дѣла, № 8.

[2]) Голиковъ, Дополненіе къ Дѣяніямъ Петра В., Москва, 1792, VIII, 213.

[3]) У Нордберга онъ называется козакъ Hluk, но по русскимъ источникамъ Фляка или Пляка: Лѣтопись Самовидца, Кіевъ, 1878, 190.

подарокъ, а добыча, отнятая царемъ силою у одного брата и отданная другому [1]).

Послѣ отправки депутаціи къ Мазепѣ, запорожцы, конница и пѣхота, въ числѣ 1.000 человѣкъ [2]), подъ предводительствомъ «властного» кошевого атамана Константина Гордіенка, войскового судьи и писаря, взявъ съ собой знамена, бунчукъ, булаву и десять пушекъ, марта 1 числа, двинулись изъ Сичи въ Переволочну, которую искони вѣковъ считали своимъ городомъ и отъ которой разсчитывали добраться до стана шведскаго короля. Покидая Сичу, запорожцы оставили тамъ наказнымъ кошевымъ атаманомъ Михайла Симонченка, который, въ слѣдъ за отходомъ Гордіенка, извѣстилъ воеводу Каменнаго-Затона Чирикова о томъ, что властный кошевой подвялъ рушеніе въ малороссійскіе города не для измѣны великому государю, а «для самой певной слушности и досконалной рѣчи, для чего людямъ ихъ отъ находу разныхъ войскъ утиски и грабленіе чинятся, и, получивши свое желаніе, возвратитца на свое мѣсто» [3]). Тѣмъ временемъ, когда запорожцы вошли въ украинскіе города, то къ нимъ стали приставать городовые козаки и такимъ «пристальцамъ кошевой давалъ по полтинѣ на человѣка, на которую дачу дано ему отъ шведского короля 6.000 рублевъ, а запорожцамъ дано по три рубля на человѣка» [4]). Однако, идя на соединеніе съ королемъ Карломъ, запорожцы вездѣ объявляли, будто-бы они идутъ на соединеніе съ великороссійскимъ войскомъ, за что имъ вторично послано было царское жалованье отъ русскаго государя [5]). Прійдя въ Переволочну, марта 11 числа, въ пятницу, кошевой Гордіенко написалъ письмо тамошнему полковнику Нестулею, и по тому письму полковникъ Нестулей вышелъ съ пятьюстами конницы для рады. Въ субботу той-же недѣли присланы были отъ Мазепы посланцы Чуткѣвичъ и Мокѣевичъ съ письмами. Марта 12 дня, въ воскресенье, въ Переволочнѣ, произошла рада въ присутствіи посланцевъ гетмана Мазепы. На радѣ, передъ всѣмъ войскомъ, были прочитаны

---

[1]) Nordberg, Histoire de Charles XII, à la Haye. 1848, II, 384.

[2]) Такъ показывалъ очевидецъ, запорожскій козакъ Василій Никифоровъ, бывшій въ походѣ съ Гордіенкомъ, но изъ Переволочны ушедшій въ Голтву: Архивъ мин. ин. дѣлъ, 1709, св. 27, № 18.

[3]) Архивъ мин. ин. дѣлъ; мал. дѣла, 1709, св. 27, № 5.

[4]) Судіенко, Матеріалы, Кіевъ, 1855, II, 336.

[5]) Маркевичъ, Исторія Малороссіи, Москва, 1842, IV, 245.

гетманскія письма, въ которыхъ говорилось о томъ, что русскій царь угрожалъ «искоренить воровъ и злодѣевъ, запорожцевъ», а жителей малороссійскихъ городовъ перевести въ великороссійскіе города, за Волгу, въ подтвержденіе чего приводилось доказательство, что уже и теперь московское войско, находясь въ здѣшнихъ краяхъ, «чинить разореніе паче шведа». Послѣ прочтенія такихъ писемъ и послѣ тайной раздачи кошевымъ атаманомъ денегъ «скуднымъ людямъ» изъ запорожцевъ, многіе на радѣ стали кричать, чтобъ «быть въ Мазепину сторону». И тогда полковникъ Нестулей и все запорожское войско, какъ конница, такъ и пѣхота, рѣшили идти въ ближайшій вторникъ подъ городъ Царичанку, гдѣ стояло 3.000 человѣкъ московскаго войска [1]). Въ это время пришло письмо къ запорожскому войску отъ крымскаго хана. Ханъ одобрялъ рѣшеніе запорожскихъ козаковъ идти за Мазепой и обѣщалъ имъ съ своей стороны во всемъ помощь. Послѣ этого и полковникъ Нестулей, нѣсколько времени колебавшійся между одной и другой стороной, подъ конецъ также объявилъ себя сторонникомъ Мазепы [2]).

Послѣ окончанія рады кошевой атаманъ Гордіенко, марта 15 дня, отправилъ универсалъ, черезъ войскового товарища Грицька, къ козакамъ, кочевавшимъ возлѣ рѣкъ Буга, Ингульца и Ингула, съ просьбой не заспживаться возлѣ рѣкъ и поспѣшить соединиться съ кошевымъ для «войскового похода» [3]). Вмѣстѣ съ этимъ кошевой Гордіенко послалъ свой листъ къ польскому королю Станиславу Лещинскому, «покорно прося королевскую велможность на сполную (общую) помощь и ратованье милой отчизны Украйны». Станиславъ Лещинскій избранъ былъ одной изъ польскихъ политическихъ партій «сапѣжинцевъ» при живомъ королѣ Августѣ II и имѣлъ поддержку у шведскаго короля Карла XII. Гордіенко, отправивъ своихъ посланцевъ къ Лещинскому, ждалъ отъ него рѣшительнаго отвѣта. Но посланцы Гордіенка попались въ руки польскимъ караульнымъ и были представлены коронному гетману Сѣнявскому; коронный-же гетманъ, сторонникъ Россіи, передалъ ихъ Алексѣю Дашкову, русскому резиденту въ Польшѣ. Тогда письма, найденныя при посланцахъ, были отправлены къ мало-

---

[1]) Архивъ мин. ин. дѣлъ; мал. дѣла, 1709, св. 27, № 18.

[2]) Nordberg, Histoire de Charles XII, 1748, II, 284, 285.

[3]) Архивъ мин. ин. дѣлъ; мал. дѣла, 1709, св. 28, № 25.

россійскому гетману Скоропадскому, который долженъ былъ показать ихъ «знатнымъ изъ запорожскаго войска (въ Сичѣ), дабы они увѣдали то его, Гордѣенково, злодѣйство»[1]).

Но Гордіенко тѣмъ не смутился. Оставаясь пока самъ въ Переволочнѣ, онъ отправилъ къ шведскому королю депутацію, одного полковника и 80 человѣкъ товариства, съ извѣстьемъ о томъ, что запорожцы готовы, ради возстановленія собственной свободы, служить вѣрно королевскому величеству, жертвовать своею жизнью, и съ полнымъ увѣреніемъ за счастливый успѣхъ предпринимаемаго святого дѣла. Въ то время главная квартира короля находилась все еще въ мѣстечкѣ Великія-Будища, въ 47 верстахъ отъ города Зенькова и 57 верстахъ отъ Полтавы[2]). Туда и направился запорожскій полковникъ съ конвойнымъ своимъ отрядомъ.

Марта 19 числа депутаты прибыли въ мѣстечко Великія-Будища, были приняты королемъ, допущены къ его рукѣ и потомъ угощались у шведскаго фельдмаршала Реншильда. Во все время пребыванія своего въ Будищахъ запорожскіе депутаты предавались веселью до излишества. На прощаньи фельдмаршалъ Реншильдъ объявилъ десяти козакамъ, что они снова будутъ допущены къ прощальной аудіенціи у короля, но съ условіемъ не пить вина раньше обѣда, такъ какъ король не переноситъ пьяныхъ. Запорожцы, много пившіе въ послѣдніе дни, съ трудомъ выдержали такое требованіе и простились съ королемъ трезвыми. Зато послѣ королевской аудіенціи ихъ великолѣпно угостилъ фельдмаршалъ Реншильдъ. Самъ король сдѣлалъ имъ прекрасные подарки и вручилъ два письма, одно къ гетману Мазепѣ, другое ко всему запорожскому войску[3]).

Въ слѣдъ за отправкой депутатовъ двинулся изъ Переволочны и самъ Гордіенко. Когда объ этомъ движеніи кошевого стало извѣстно въ русскомъ лагерѣ, то начальники русской арміи распорядились выслать противъ Гордіенка три полка съ цѣлью не допустить запорожцевъ до соединенія со шведами. Такимъ образомъ кошевому приходилось вступить съ русскими въ битву, чтобы очистить себѣ дальнѣйшій путь къ Великимъ-Будищамъ. Запорожцы, перейдя границу своихъ владѣній, сдѣлали два нападенія на русскихъ, одно у Царичанки, другое въ городѣ Кобелякахъ. У Ца-

[1]) Судіенко, Матеріалы, Кіевъ, 1855, II, 123.

[2]) Списокъ населен. мѣстъ, Полтавская губ., СПБ., 1862, 49.

[3]) Nordberg, Histoire de Charles XII, à la Haye, 1748, II. 285.

ричанки запорожцы, въ числѣ 800 человѣкъ, атаковали бригадира Кампеля, у котораго было три полка драгунъ, численностью въ 3.000 человѣкъ. Запорожцы изрубили 100 человѣкъ драгунъ да 90 человѣкъ изъ нихъ захватили въ плѣнъ [1]), потерявъ у себя только 30 человѣкъ. Изъ плѣнныхъ москалей козаки отправили нѣсколько человѣкъ со шведскими посланцами къ крымскому хану и просили его о помощи шведскому королю [2]).

Такая удача подъ Царичанкой сразу дала запорожцамъ славу храбраго войска и подняла столь высоко ихъ знамя, что число ихъ быстро увеличилось до 15.000 человѣкъ: къ нимъ повыходили изъ нѣдръ лѣсовъ и болотъ скрывшіеся туда, при нашествіи шведовъ, украинскіе жители, нежелавшіе противъ воли доставлять продовольствіе войскамъ Карла. Съ такимъ числомъ людей запорожцы скоро овладѣли городками по рѣкамъ Орели, Ворсклѣ и Днѣпру и вездѣ оставили въ нихъ по хорошему гарнизону [3]).

Разсѣявъ русскіе отряды и закрѣпивъ за собой берега Днѣпра и его притоковъ, Орели и Ворсклы, кошевой Гордіенко взялъ направленіе въ мѣстечко Диканьку, въ 25 верстахъ отъ Полтавы, чтобы свидѣться тамъ съ Мазепой и оттуда идти въ главную стоянку шведскаго короля, Великія-Будища. Передъ своимъ выходомъ изъ Новосанджаръ кошевой Гордіенко оставилъ при возахъ отъ каждаго куреня по 50 человѣкъ охраны, а жителямъ мѣстечка отдалъ приказъ, въ случаѣ нападенія на нихъ московскаго войска, уходить отъ русскихъ за рѣку Ворсклу [4]).

Въ это время гетманъ Мазепа, узнавъ о выходѣ къ нему Гордіенка, выслалъ на встрѣчу кошевому конвой въ 2.000 человѣкъ. Прійдя въ Диканьку, Гордіенко направился прямо въ тотъ домъ, гдѣ находился Мазепа, и тутъ кошевого встрѣтили самыя знатныя лица изъ гетманской свиты. Увидя гетманскую свиту, ко-

---

[1]) По Адлерфельду 115 драгунъ, по донесенію Шереметева только 15: Adlerfeld, Histoire de Charles XII, Amsterdam, 1740, III, 429; Бантышъ-Каменскій, Исторія М. Россіи, 1822, IV, 19. По Нордбергу запорожцы изрубили у Кобелякъ 40 человѣкъ москалей и нѣсколько человѣкъ взяли въ плѣнъ, возлѣ Царичанки убили и потопили болѣе 1.000 человѣкъ, не считая плѣнныхъ 150 человѣкъ, самъ начальникъ драгунъ едва спасся бѣгствомъ, имѣя при себѣ нѣсколько (у Адлерфельда 400) солдатъ.

[2]) Судіенко, Матеріалы, Кіевъ, 1855, II, 333.

[3]) Nordberg, Histoire de Charles XII, 1748, II, 285—290.

[4]) Судіенко, Матеріалы, Кіевъ, 1855, II, 336.

шевой, въ знакъ дружбы и уваженія, поцѣловалъ бунчукъ, который былъ принесенъ на тотъ случай. Самое свиданіе Гордіенка съ Мазепой произошло въ присутствіи большого числа лицъ запорожскаго товарисгва. Войдя въ комнату Мазепы, кошевой увидѣлъ гетмана стоящимъ у стола, на которомъ лежали знаки гетманскаго достоинства, и отдалъ ему глубокій поклонъ. Поцѣловавъ въ знакъ уваженія бунчукъ, съ развѣвавшимся на немъ конскимъ хвостомъ, кошевой сказалъ гетману такое слово:

«Мы, войско запорожское и я, благодаримъ васъ за то, что, въ качествѣ начальника Украйны, вы приняли къ сердцу, какъ благонамѣренный человѣкъ, положеніе, въ которомъ вынужденно находится наше отечество, и за то, что вы начали освобождать его отъ владычества москалей. Такъ какъ мы увѣрены, что именно въ виду этого намѣренія, а не въ видахъ собственнаго интереса или какой-либо особенной цѣли, вы выпросили покровительство короля Швеціи, то мы рѣшились помогать вамъ съ вѣрностью, подвергая опасности нашу жизнь и повинуясь вамъ во всемъ, такъ что вы имѣете право намъ приказывать для достиженія желаемой цѣли. Мы умоляемъ васъ взять на себя это бремя; чтобы облегчить тяжесть несенія этого бремени, мы сдѣлаемъ все возможное. Благодаримъ васъ также за то, что вы изволили увѣдомить насъ о намѣреніи и благосклонности короля Швеціи. Мы пришли съ намѣреніемъ просить покровительства у его величества и надѣемся, при посредствѣ вашемъ, получить утвержденіе этого, какъ вы намъ обѣщали. Имѣя также цѣлью вступить въ общее съ вами дѣло и будучи готовы поклясться вамъ въ послушаніи и вѣрности, мы желаемъ, чтобы и вы также поклялись дѣйствовать съ нами единодушно и оказали ваше содѣйствіе въ защитѣ отечества».

Въ отвѣтъ на рѣчь кошевого Гордіенка гетманъ Мазепа благодарилъ запорожское войское за довѣріе къ его особѣ, увѣрялъ честью, что, отдаваясь въ руки шведскаго короля, онъ поступалъ не по легкомыслію, не по побужденію личнаго интереса, а лишь по безграничной любви къ отечеству. Онъ очень старъ, не имѣетъ ни жены ни дѣтей, могъ-бы удалиться въ Польшу или въ другую какую-либо страну, чтобы спокойно окончить тѣ немногіе годы, какіе ему осталось прожить. Но, управляя Украйной, онъ не можетъ оставаться сложа руки и отдать ее во власть несправедливаго притѣснителя. Онъ хорошо зналъ намѣреніе царя переселить запорожцевъ въ дру-

гое мѣсто, совершенно уничтожить ихъ жилище и принудить ихъ сдѣлаться драгунами, и если запорожцы еще сохранили до сихъ поръ свободу, то этимъ они обязаны ему, гетману. Уже князь Меншиковъ двинулся было со страшною арміей, чтобы взять гетмана, захватить всѣхъ его полковниковъ и другихъ приближенныхъ къ нему лицъ, и если-бы это намѣреніе князя удалось, то запорожцы неминуемо были-бы отведены въ Сибирь. Однако, благодаря дѣйствію особаго провидѣнія божьяго, въ это самое время вступилъ въ страну шведскій король и далъ надежду украинцамъ освободиться отъ притѣсненій и сбросить постыдное и невыносимое иго Москвы. По всему этому гетманъ готовъ соединиться съ запорожцами и готовъ обязать себя клятвою исполнить такое дѣло, только-бы и запорожцы, съ своей стороны, поклялись ему въ искренней и неизмѣнной дружбѣ и въ готовности дѣйствовать сообща съ гетманомъ, имѣя одно намѣреніе и одну общую цѣль [1]).

Когда кошевой Гордіенко говорилъ свою рѣчь гетману Мазепѣ, то въ это время при немъ находилось нѣсколько человѣкъ запорожскаго товариства, и это дѣлалось по установившемуся въ низовомъ войскѣ обычаю; запорожцы были того убѣжденія, что ничто такъ не способствуетъ поддержанію независимости ихъ общины, какъ постоянно и неослабно исполняемое ими правило—наблюдать за всѣми дѣйствіями ихъ начальниковъ, вслѣдствіе чего они и не позволяли имъ ничего дѣлать иначе, какъ въ присутствіи всего товариства. Въ такомъ случаѣ, если предпріятіе запорожцевъ оканчивалось счастливо, то они имѣли равное участіе въ томъ всѣ; если-же, напротивъ того, предпріятіе ихъ не удавалось, вслѣдствіе какихъ-нибудь причинъ, то сдѣланныя ошибки не вмѣнялись никому въ вину. Гордіенко передъ этимъ нѣсколько разъ былъ отрѣшаемъ отъ должности кошевого атамана, но послѣ каждаго раза запорожцы, не находя въ другихъ козакахъ способностей къ управленію войскомъ, снова черезъ нѣкоторое время дѣлали его своимъ кошевымъ. Тщетно царь, такъ не любившій Гордіенка за его ненависть къ Москвѣ, пытался лишить его атаманскаго уряда и вмѣсто него поставить во главѣ войска другое лицо, болѣе преданное москалямъ. Гордіенко умѣлъ всегда сдѣлать такъ, что царскіе развѣдчики всякій разъ возвращались изъ Запорожья ни съ чѣмъ. Однако, опасаясь, чтобы попытки царскихъ агентовъ не остало-

[1]) Nordberg, Histoire de Charles XII, à la Haye, 1748, II, 283—286.

вили задуманнаго предпріятія, Гордіенко поспѣшилъ выдти изъ Сичи и соединиться съ гетманомъ Мазепой.

Послѣ свиданія Гордіенка съ Мазепой всѣ запорожцы, находившіеся при кошевомъ атаманѣ, были приглашены гетманомъ къ обѣду; наиболѣе заслуженные изъ нихъ были допущены къ столу самого Мазепы; остальные угощались, какъ хотѣли. Все время обѣда прошло въ большомъ порядкѣ. Запорожцы оказывали Мазепѣ особенное уваженіе и, выражая въ громкихъ словахъ ему свое усердіе и расположеніе, увѣряли, что они готовы пожертвовать для него послѣднею каплею крови. Потомъ, когда обѣдъ окончился, и запорожцы, сильно опьянѣвъ, стали расходиться по своимъ квартирамъ, то они начали, по своему обыкновенію, хватать со столовъ всякую посуду, какая кому изъ нихъ наиболѣе нравилась [1]). Управляющій домомъ, изъ окрестныхъ дворянъ, видя такое безчинство, счелъ своимъ долгомъ остановить такое хищеніе. Подвыпивъ не менѣе самихъ гостей, онъ обратился къ запорожцамъ съ упрекомъ и замѣтилъ имъ, что, вѣроятно, они пришли въ домъ съ тѣмъ, чтобы разграбить его, какъ это имѣютъ обыкновеніе дѣлать повсюду, куда приходятъ. Запорожцы, оскорбленные словами управляющаго, пришли въ сильное раздраженіе, подняли большой шумъ и пошли съ жалобой къ кошевому Гордіенку. Послѣдній, придавъ этому дѣлу серьезное значеніе, вообразилъ, что къ такому оскорбленію запорожцевъ побудилъ управляющаго самъ гетманъ Мазепа и приказалъ всѣмъ своимъ козакамъ немедленно сѣсть на коней и, не простясь съ гетманомъ, уѣхать прочь. Но гетманъ Мазепа, узнавъ объ этомъ черезъ своихъ людей, поспѣшилъ отправить къ Гордіенку своихъ старшинъ и велѣлъ имъ передать кошевому, что онъ, крайне огорченный происшедшимъ безпорядкомъ, не принималъ въ этомъ ни малѣйшаго участія; а для того, чтобы доказать имъ свою непричастность къ такому дѣлу, готовъ выдать козакамъ управляющаго головой и предлагаетъ имъ наказать его такъ, какъ они сами того пожелаютъ. Эта предупредительность усмирила немного козаковъ. Но когда тотъ человѣкъ былъ выданъ имъ, то они били его ногами, кидая одинъ другому, и продолжали эту игру до тѣхъ

---

[1]) Обычай этотъ, нужно думать, усвоенъ былъ запорожцами отъ крымскихъ татаръ: послы крымскаго хана, пріѣзжавшіе въ Москву и получавшіе приглашеніе къ царскому столу, также точно хватали послѣ обѣда посуду, какая кому нравилась.

поръ, пока одинъ изъ козаковъ, давно за что-то ненавидѣвшій этого человѣка, не вонзилъ въ него ножъ [1]).

Изъ Диканьки кошевой Гордіенко, вмѣстѣ съ гетманомъ Мазепой, отправился въ Великія-Будища для представленія шведскому королю. За Гордіенкомъ шло 50 человѣкъ запорожскихъ козаковъ и 115 человѣкъ захваченныхъ запорожцами русскихъ плѣнныхъ солдатъ и малорусскихъ козаковъ, которыхъ запорожцы «били и ругали и мучительски комарами и муравьями травили» [2]).

По прибытіи въ Великія-Будища Гордіенко, марта 27 числа, имѣлъ аудіенцію у короля и былъ допущенъ вмѣстѣ со свитой своей, въ числѣ 50 человѣкъ козаковъ, къ цѣлованію королевской руки. Во время представленія королю кошевой атаманъ сказалъ на латинскомъ языкѣ рѣчь [3]) съ выраженіемъ благодарности отъ имени запорожцевъ королевскому величеству за обѣщанное покровительство какъ войску запорожскихъ козаковъ, такъ и жителямъ Украины противъ общаго врага. Вмѣсто короля кошевому атаману отвѣчалъ на латинскомъ-же языкѣ государственный секретарь Гермелинъ. Отвѣтъ Гермелина переведенъ былъ на славянскій языкъ коммиссаромъ Солданомъ и объявленъ всѣмъ козакамъ. Въ этомъ отвѣтѣ высказывалась запорожскому войску благодарность короля, преподавался искренній совѣтъ воспользоваться благопріятнымъ случаемъ добыть себѣ прежнюю свободу и предковскія права и выхвалялась храбрость ихъ въ бою при Царичанкѣ противъ москалей, доказательствомъ чего были приведенные на лицо 115 человѣкъ русскихъ драгунъ, и обѣщалась большая награда за смѣлое дѣло нападенія на москалей.

Гордіенко, выслушавъ переводъ рѣчи короля, объявилъ, что кромѣ приведенныхъ къ его величеству москалей онъ отправилъ еще около 100 человѣкъ къ хану въ Крымъ и теперь вполнѣ увѣренъ, что въ такомъ дѣлѣ, какъ война короля съ царемъ, приметъ участіе и все панство крымскихъ татаръ.

Король хорошо угощалъ запорожцевъ въ теченіе нѣсколькихъ дней [4]) и подъ конецъ роздалъ всѣмъ участникамъ царичанскаго дѣла 10.000 флориновъ, кромѣ особыхъ подарковъ Гордіенку и

---

[1]) Nordberg, Histoire de Charles XII, à la Haye, 1748, II, 286.

[2]) Маркевичъ, Исторія Малороссіи, Москва, 1842, VI, 297.

[3]) Adlerfeld, Histoire militaire de Charles XII, Amsterdam, 1740, III 429.

[4]) Самого Гордіенка и старшинъ угощали при дворѣ на двухъ столахъ.

запорожской войсковой старшинѣ. На пожалованіе кошевому и старшинѣ денежныхъ суммъ король выдалъ особый листъ, который всенародно прочтенъ былъ передъ собраніемъ козаковъ. Это сдѣлано было въ виду того, чтобы предовратить придирку запорожскаго товариства, которое требовало всѣ жалованныя суммы доставлять въ общую скарбницу для всѣхъ членовъ запорожской общины [1]. Кромѣ того король обѣщалъ къ празднику Христова Воскресенія подарить по 4 рубля и по 1 кафтану на каждаго козака. Независимо отъ короля гетманъ Мазепа также пожаловалъ запорожцамъ клейноты и «по полтинѣ 2.000 рублей на курень» [2].

Послѣ окончанія веселыхъ и продолжительныхъ пиршествъ запорожскіе и малороссійскіе козаки составили между собой договоръ, по которому обѣщались помогать другъ другу и дѣйствовать сообща. Договоръ этотъ заключенъ былъ на письмѣ; Мазепа, не могшій, вслѣдствіе будто-бы приключившейся съ нимъ болѣзни, никуда выходить изъ своей комнаты, подтвердилъ тотъ договоръ цѣлованіемъ креста, евангелія и святыхъ мощей у себя въ домѣ. Вмѣстѣ съ Мазепой принесъ присягу и генеральный писарь войска малороссійскихъ козаковъ. Кошевой атаманъ Гордіенко и запорожцы принесли присягу, марта 28 дня, съ большою торжественностью въ будищанской церкви, передъ главнымъ алтаремъ.

Кромѣ договора запорожскіе и малороссійскіе козаки составили особую статью и отправили ее для утвержденія къ шведскому королю. Статья эта была вполнѣ принята королемъ, и король далъ свое слово исполнить всѣ просьбы козаковъ. Король обѣщалъ взять Мазепу и Гордіенка подъ свое покровительство со всѣми войсками ихъ; онъ объявлялъ, что не положитъ оружія передъ царемъ до тѣхъ поръ, пока Украйна и Запорожье не будутъ изъяты совершенно отъ власти москалей, такъ что и украинскіе и запорожскіе козаки несомнѣнно будутъ пользоваться тѣми правами, какими они пользовались съ древнѣйшихъ временъ. Зато жители украинскихъ селъ и городовъ должны возвратиться въ свои жилья и доставлять пропитаніе шведскимъ войскамъ, а не прятаться по лѣсамъ и не дѣлать нападеній на шведовъ, какъ прятались и нападали они во время перваго появленія шведовъ въ украин-

[1]) Nordberg, Histoire de Charles XII, à la Haye, 1748, II, 284; Adlerfeld, Histoire militaire de Charles XII, Amsterdam, 1740, III, 429.

[2]) Судіенко, Матеріалы, Кіевъ, 1855, II, 333.

скихъ городахъ. Въ случаѣ нарушенія дисциплины со стороны шведскихъ войскъ самъ король обѣщаетъ производить строгій надъ солдатами судъ и виновныхъ безъ снисхожденія казнить [1]).

Покончивъ со всѣми условіями у гетмана и у короля, запорожцы стали выражать горячее желаніе—поскорѣе начать войну противъ москалей. Но на такое желаніе король, похваливъ пылъ низовыхъ молодцовъ, отвѣчалъ имъ, что прежде всего нужно выждать время и приготовиться къ бою, а потомъ, какъ только настанетъ удобный часъ, король выступитъ изъ Украйны и сразится съ врагомъ. На рѣчь короля, переведенную на русскій языкъ и сказанную публично всѣмъ, запорожцы отвѣчали криками радости, махали въ воздухѣ саблями, подбрасывали шапки свои вверхъ. На прощанье нѣкоторые изъ запорожцевъ допущены были къ королевской рукѣ и приглашены къ королевскому столу [2]).

Послѣ свиданія съ гетманомъ Мазепой въ Диканькѣ и послѣ представленія Карлу XII, запорожцы, марта 30 числа, оставили Великія-Будища и рѣшили спуститься въ Новосанджары, ниже Полтавы, и расположиться тамъ до извѣстнаго времени станомъ. Проходя мимо Полтавы, запорожцы показали свою ловкость владѣть огнестрѣльнымъ оружіемъ. Здѣсь ихъ замѣтили русскіе гарнизонные солдаты, которые взошли въ большомъ числѣ на городской валъ и начали оттуда стрѣлять изъ пушекъ по проходившимъ мимо козакамъ. Тутъ кошевой Гордіенко велѣлъ остановиться въ виду врага и приказалъ сотнѣ изъ своихъ людей приблизиться къ городскимъ валамъ. Сотня козаковъ приблизилась на разстояніе 500 шаговъ и выстрѣлила въ москалей. Выстрѣлъ этотъ оказался столь мѣткимъ, что 40 человѣкъ русскихъ солдатъ свалились замертво. Въ это-же время одинъ изъ запорожцевъ, замѣтивъ на башнѣ русскаго офицера, въ мундирѣ съ галунами, пустилъ въ него одинъ выстрѣлъ и тѣмъ выстрѣломъ свалилъ мертвымъ несчастнаго офицера. Кошевой Гордіенко, выставляя это на видъ шведамъ, замѣтилъ, что среди его людей есть болѣе 600 человѣкъ козаковъ, которые могутъ стрѣлять на такомъ-же разстояніи и никогда не давать промаха [3]).

Отъ Полтавы нѣкоторая часть запорожскихъ козаковъ взялась

---

[1]) Norberg, Histoire de Charles XII, à la Haye, 1748, II, 286—288.
[2]) Nordberg, Histoire de Charles XII, à la Haye, 1748, II, 286—288.
[3]) Nordberg, Histoire de Charles XII, à la Haye, 1748 II, 291.

проводить гетманскаго посла съ письмами къ турецкому султану: въ тѣхъ письмахъ Мазепа побуждалъ султана на скорѣйшее соединеніе турецкихъ войскъ съ козаками для борьбы противъ русскаго царя. Главная-же масса запорожцевъ расположилась въ Новосанджарахъ. Это мѣстечко удобно было въ томъ отношеніи, что находилось невдалекѣ отъ королевскаго стана и отъ границы Запорожья, откуда козаки Гордіенка могли получать новыя подкрѣпленія для предстоявшей борьбы съ русскими.

Не смотря на ласковый пріемъ, оказанный шведскимъ королемъ кошевому и запорожцамъ, не смотря на всѣ подарки и щедрыя обѣщанія короля въ будущемъ, Гордіенко, однако, впалъ въ нѣкоторое раздумье по поводу затѣяннаго имъ сообща съ Мазепой дѣла и выказалъ колебаніе на счетъ дальнѣйшихъ дѣйствій своихъ совмѣстно со шведами: «Разглядѣлъ я этихъ шведовъ; полно при нихъ служить! Мнѣ теперь кажется, что лучше намъ попрежнему служить царскому величеству»... Но, повидимому, то было не болѣе, какъ минутное настроеніе, охватившее кошевого,—дальнѣйшія его дѣйствія не говорятъ о его искреннемъ раскаяніи и рѣшительномъ желаніи дѣйствовать въ пользу русскаго царя.

Во все то время, когда Гордіенко, выйдя изъ Сичи, находился въ Малороссіи, за дѣйствіями запорожцевъ зорко слѣдилъ кіевскій губернаторъ, князь Дмитрій Голицынъ, которому поручено было наблюдать за спокойствіемъ Малороссіи во время прихода въ нее шведскаго короля. Правой рукой Голицына въ этомъ случаѣ былъ чигиринскій полковникъ Игнатъ Галаганъ, доставлявшій ему всякія вѣсти о запорожцахъ. Въ концѣ мѣсяца марта князь Голицынъ, послѣ донесенія ему Галагана, сообщалъ гетману Ивану Скоропадскому, что запорожцы стоятъ по крайнимъ отъ Днѣпра городамъ, Переволочнѣ и Келебердѣ; что они прельщаютъ на лѣвой сторонѣ Днѣпра народъ; что «по ихъ прелестямъ» къ нимъ переходятъ многіе изъ мѣстныхъ козаковъ и что они внушаютъ народу бить старшинъ и идти на соединеніе съ низовымъ войскомъ; отъ этого собралось много своевольныхъ людей, которые ходятъ купами и разоряютъ пасѣки въ разныхъ мѣстахъ. Не довольствуясь лѣвой стороной, запорожцы, въ числѣ 400 человѣкъ, переправились на правую сторону Днѣпра и стали разглашать, будто шведскій король со своимъ войскомъ также хочетъ перебраться черезъ рѣку и поднять противъ царя народъ правой стороны Днѣпра. Отъ рѣки Днѣпра запорожцы спустились даже къ рѣкѣ Бугу, гдѣ собралось

болѣе 3.000 человѣкъ запорожскихъ гультяевъ; своевольцы стали грабить людей, разорять жилья и намѣревались идти для истребленія городовъ уманскаго полка, а въ брацлавскомъ полку они уже взяли и разорили городъ Чечельникъ.

Но Голицынъ, повидимому, былъ безсиленъ, чтобы успокоить ввѣренную ему область и на всѣ эти донесенія, а также на жалобу полковника Григораша, нашелъ возможнымъ отдать только одно приказаніе Григорашу послать людей и на мѣстѣ укротить своевольныхъ гультяевъ [1]).

Въ противность кіевскому губернатору гетманъ Мазепа бралъ всѣ мѣры къ тому, чтобы посѣять въ краю смуту и такъ или иначе закрѣпить за собой запорожцевъ и малороссіянъ, для чего даже пустилъ между ними слухъ о томъ, будто-бы русскому царю измѣнили графъ Шереметевъ и князь Меншиковъ, которые не замедлятъ прибыть въ козацкое войско

Тогда для отвращенія запорожцевъ «отъ Мазепиной прелести» велѣно было разбросать по городамъ Соколкѣ, Кишенкѣ, Келебердѣ, Бѣликамъ и Санджарову разныя письма изъ русскаго стана, и изъ тѣхъ писемъ низовое войско узнало, что слухъ объ измѣнѣ царю Шереметева и Меншикова былъ пущенъ самимъ Мазепой; чрезъ это многіе изъ запорожцевъ стали покидать обманщика и уходить отъ него прочь.

Апрѣля 4 числа въ городъ Лубны явился кобеляцкій козакъ Герасимъ Лукьяновъ, развозившій подметныя письма въ Соколкѣ, Кишенкѣ и Келебердѣ съ цѣлью отвращенія запорожцевъ отъ Мазепы и склоненія ихъ къ русскому царю. Онъ въ своемъ сообщеніи показалъ: всѣхъ запорожцевъ при кошевомъ атаманѣ въ ту пору состояло 4.000 человѣкъ, изъ коихъ только одна половина была вооружена ружьями, а другая ружей не имѣла; жалованья ни тѣ, ни другіе не получали отъ шведскаго короля и питались харчами, добываемыми силой у городовыхъ жителей; особо въ мѣстечкѣ Будищахъ запорожцевъ было до 2.000 человѣкъ; они собирались принести присягу шведскому королю и съ ними былъ самъ кошевой атаманъ; тѣмъ не менѣе козаки были недовольны на кошевого за то, что онъ ввелъ ихъ въ явную погибель и что чрезъ него они очутились въ безвыходномъ положеніи, потому что въ Сичь имъ вернуться было нельзя черезъ московскія войска, стоявшія по

---

[1]) Судіенко, Матеріалы, Кіевъ, 1855, I, 6, 8, 10.

обѣ стороны Днѣпра, а отъ шведскаго короля они не получали никакой платы. Многіе изъ запорожцевъ не хотѣли идти за кошевымъ еще и потому, что не желали служить гетману Мазепѣ и воевать противъ русскаго царя. Но коварный кошевой, чтобы поднять запорожское войско противъ москалей, прибѣгалъ къ такой уловкѣ и говорилъ козакамъ, что «Мазепа идетъ воевать не царя, а только, за безчинность, москвитянъ». Къ тому-же и въ средѣ жителей малороссійскихъ городовъ они далеко не вездѣ находили сочувствіе себѣ. Такъ, кобеляцкій сотникъ Ерофей Ивановъ высказывалъ открытое желаніе перейти со своей сотней къ миргородскому полковнику Апостолу и вѣрно служить царю, и если не сдѣлалъ этого, то единственно потому, что ему воспрепятствовали въ томъ «запорожскіе гультяи и простаки». И не одинъ кобеляцкій сотникъ вѣрно исполнялъ свой долгъ: наказной сотникъ Романъ Родустъ также былъ вѣрнымъ царю слугой и доносилъ полковнику Апостолу, что онъ вовсе не сторонникъ запорожцевъ и что ихъ власть онъ сноситъ единственно потому, что они, какъ и ихъ кошевой, уходя изъ Келеберды, запретили жителямъ ся сноситься съ Миргородомъ и приказали избѣгать миргородскаго полковника,—и при всемъ томъ келебердинскій сотникъ надѣется на помощь Бога и проситъ у полковника панской милости къ себѣ и ласковаго призрѣнія [1]).

Какъ-бы то ни было, но когда фактъ совершился, и запорожцы пошли за Мазепой и шведскимъ королемъ, то царь Петръ Алексѣевичъ, марта 13 числа, вновь послалъ князю Меншикову приказъ стараться объ удержаніи за русскими орельскихъ городковъ, въ особенности Новобогородицкой крѣпости, гдѣ было много артиллеріи и аммуниціи, но мало русскихъ силъ. Въ виду серьезнаго положенія дѣлъ князю Меншикову, который долженъ былъ, по письму царя отъ 4 марта, пріѣхать наскоро въ городъ Воронежъ, теперь повелѣвалось отложить пока поѣздку и продлить свое пребываніе въ Малороссіи: «Ежели вы не въ пути, писалъ царь, то лучше-бъ еще немного тамъ для запорожскаго дѣла задержались, а сіе дѣло, самъ ты знаешь, что не изъ послѣднихъ; я уже писалъ до господина фельдмаршала, чтобъ онъ подался къ Переволочнѣ для сего дѣла; при томъ-же совѣтую и вамъ, буде невозможно всѣми (войсками), то хотя-бы частью позадь Полтавы протянуться

---

[1]) Судіенко, Матеріалы, Кіевъ, 1855, II, 328, 330, 331.

для сего дѣла» [1]). Марта 31 дня посланъ былъ отъ царя указъ и гетману Скоропадскому: ему велѣно было отнюдь не пропускать, какъ сухопутьемъ, такъ и водой, ни въ Сичь, ни въ станъ кошевого Гордіенка и гетмана Мазепы, украинскихъ торговыхъ людей съ хлѣбными запасами и разными товарами. [2]).

Но эта мѣра, не разъ практиковавшаяся въ отношеніи Запорожья Самойловичемъ и Мазепой, теперь не имѣла никакого успѣха. Апрѣля 3 дня бывшій при гетманѣ Скоропадскомъ царскій министръ князь Яковъ Ѳедоровичъ Долгорукій писалъ царю: «Воръ кошевой (Гордіенко) ядъ свой злой еще продолжаетъ: онъ на другую сторону за Днѣпръ непрестанно прелестно пишетъ, дабы побивали старшину, а сами-бъ до него за Днѣпръ переходили, что уже такая каналія тамъ за Днѣпромъ купами собирается и разбиваетъ пасеки» [3]).

Кошевой атаманъ Гордіенко въ это время главное вниманіе свое устремилъ на городъ Чигиринъ, гдѣ онъ хотѣлъ достать полковника Игната Галагана и убить его. Для этого, въ виду охраны Галагана велѣно было князю Меншикову (указомъ апрѣля 6 дня) отправить въ Чигиринъ князя Григорія Волконскаго съ драгунскимъ полкомъ. Князь Меншиковъ, отправляя Волконскаго въ Чигиринъ, при этомъ увѣдомлялъ гетмана Скоропадскаго, что «запорожцы, какъ легкомысленные люди, ставятъ себя въ злое дѣло и смятеніе около Чигирина производятъ». Впрочемъ, тотъ-же Меншиковъ не вѣрилъ въ поголовное возстаніе запорожцевъ противъ русскаго царя: получая вѣсти съ разныхъ сторонъ, онъ находилъ, что Скоропадскій не имѣлъ подлинныхъ свѣдѣній о настоящихъ намѣреніяхъ низовыхъ козаковъ. Князь надѣялся, что при измѣнникѣ Мазепѣ не останется и половины запорожцевъ; если-же и останутся, то только тѣ, которые находятся при кошевомъ атаманѣ Гордіенкѣ; даже и эти послѣдніе въ большомъ количествѣ идутъ въ русскій станъ.

---

[1]) Соловьевъ, Исторія Россіи, Москва, 1865, XV, 366, 407; Голиковъ, Дополненіе къ Дѣяніямъ Петра В., Москва, 1792, VIII, 216.

[2]) Судіенко, Матеріалы, Кіевъ, 1855, II, 119.

[3]) Соловьевъ, Исторія Россіи, Москва, 1865, XV, 366.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ.

Положеніе дѣлъ въ Запорожьи послѣ отхода къ Мазепѣ кошевого Гордіенка.—Столкновенія запорожцевъ съ московскими ратными людьми Каменнаго-Затона.—Дѣйствія апостольцевъ въ запорожской Сичѣ.—Рѣшеніе по поводу прибытія апостольцевъ со стороны наказного атамана Симонченка и сичевого войска.—Выборъ властного кошевого Сорочинскаго.—Образованіе партіи запорожцевъ въ Сичѣ противъ московскаго царя и отправка депутаціи въ Крымъ съ просьбой о протекціи хана.—Столкновеніе кошевого Гордіенка и шведскаго генерала Крузе съ русскимъ отрядомъ у Соколки.—Послѣдній приказъ царя Петра о посылкѣ къ запорожской Сичѣ отряда русскихъ войскъ подъ начальствомъ полковниковъ Яковлева и Галагана.—Разореніе русскими Келеберды, Переволочны, двухъ Кодаковъ и Чортомлыцкой Сичи.—Бѣгство запорожцевъ въ Крымъ.—Царскій манифестъ о причинѣ погрома Сичи.—Награда полковнику Галагану отъ царя за его дѣйствія противъ запорожцевъ.

Послѣ ухода кошевого Константина Гордіенка съ козаками на соединеніе съ гетманомъ Мазепой и королемъ Карломъ XII, въ запорожской Сичѣ, повидимому, осталось очень немного войска. Наказнымъ кошевымъ атаманомъ состоялъ въ то время Михайло Симоновъ или Михайло Симонченко [1]). Въ концѣ мѣсяца марта, 1709 года, Симонченко получилъ письмо отъ Константина Гордіенка съ извѣщеніемъ о томъ, что половина запорожскаго войска, вышедшая съ властнымъ кошевымъ изъ Сичи, пошла съ нимъ для соединенія съ шведскимъ королемъ, другая-же половина съ Гордіенкомъ не пошла и объявила свое намѣреніе служить русскому царю, и о томъ кошевой даетъ извѣщеніе въ Сичу, чтобы сичевые козаки то знали. Сичевые-же козаки, поставивъ при Днѣпрѣ сторожу, безвыходно сидѣли въ Сичѣ и всячески старались не допускать къ себѣ московскихъ ратныхъ людей Каменнаго-Затона подъ тѣмъ предлогомъ, какъ они сами каменнозатонскому воеводѣ Ильѣ Чирикову писали, чтобы отъ «подпилого ихъ товариства великого государя

---

[1]) У Костомарова (Мазепа, 516) онъ называется Яковомъ, но въ актахъ именуется Михайломъ: Архивъ мин. ин. дѣлъ; мал. дѣла, 1709, св. 27, № 9.

ратнымъ людямъ, посылнымъ въ Сѣчю, не чинилась обида». Въ дѣйствительности-же сичевые козаки не пускали русскихъ въ Сичь именно потому, что въ ней слишкомъ мало было на лицо войска и отъ того все товариство находилось въ большомъ опасеніи. Вслѣдствіе этого запорожцы зорко слѣдили за всякимъ движеніемъ каменнозатонцевъ, и когда однажды каменнозатонскіе солдаты отправились на бударахъ рубить дрова въ урочища противъ песковъ, то козаки напали на нихъ съ ружьями, пищалями и копьями, 6 человѣкъ изъ нихъ до смерти убили, 2 ранили, нѣсколькихъ, изловивъ, перевязали, будары-же изрубили и затопили. Но вскорѣ послѣ этого настроеніе запорожскихъ козаковъ перемѣнилось, и когда каменно-затонскіе пушкари въ другой разъ поѣхали, по старому знакомству, «на курень» для покупки невода, то запорожцы, связавъ ихъ, объявили, что теперь у нихъ въ Сичѣ войска очень много и что они, поэтому, имѣютъ намѣреніе идти подъ Каменный-Затонъ противъ русскихъ. И точно, вскорѣ послѣ того запорожцы, конные и пѣшіе, перебрались въ большомъ числѣ черезъ Бѣлозерку и собрались въ окопѣ, который находился за рѣчкой, въ двухъ верстахъ отъ Каменнаго-Затона. Въ виду такой опасности воевода крѣпости Чириковъ извѣстилъ о томъ государя и приготовился дать отпоръ сичевикамъ. Онъ собралъ всѣхъ ратныхъ людей, бывшихъ въ Затонѣ, разставилъ ихъ по бастіонамъ и по линіямъ города, велѣлъ приготовить къ стрѣльбѣ всѣ пищали, которыя стояли на бастіонахъ, къ рѣчкѣ Бѣлозеркѣ послалъ прибавочныхъ людей на караулы. Для вящаго охраненія бастіоновъ воевода приказалъ утвердить пищали на раскатахъ, потому что въ городовыхъ стѣнахъ земля была «песчаная и въ бойницы многой пушечной стрѣльбѣ быть невозможно». Кромѣ того воевода, для охраны казны и ратныхъ людей Каменнаго-Затона, установилъ каждодневные разъѣзды солдатъ подъ начальствомъ офицеровъ за неимѣніемъ конныхъ полковъ въ Затонѣ, выбравъ ихъ изъ пѣхотныхъ. Но запорожцы, пробывъ за рѣчкой Бѣлозеркой, въ окопѣ до ночи (2 апрѣля), добровольно оставили тотъ окопъ и ушли въ Сичь, куда потомъ пришло письмо отъ кошевого Гордіенка съ извѣстіемъ о томъ, что онъ проситъ у шведскаго короля позволенія идти подъ Самарскіе городки и добывать ихъ оружіемъ [1]).

---

[1]) Архивъ мин. ин. дѣлъ; мал. дѣла, 1709, св 27, № 5.

Причина такого удаленія запорожцевъ отъ Каменнаго-Затона осталась для воеводы неизвѣстной. Но въ Сичи въ то время происходили событія, которыя неминуемо должны были привлечь къ себѣ вниманіе всего наличнаго числа товариства.

Уже давно послано было царское приказаніе князю Меншикову о томъ, чтобы перемѣнить старшину въ Сичѣ; неоднократно писано было о томъ и князю Григорію Өедоровичу Долгорукому. Послѣдній, въ свою очередь, писалъ о томъ-же миргородскому полковнику Апостолу. Но полковникъ Даніилъ Апостолъ только послѣ выхода кошевого Гордіенка въ Переволочну отправилъ въ Сичь нѣсколько человѣкъ козаковъ своего полка, бывшихъ запорожскихъ войсковыхъ старшинъ, съ немалымъ количествомъ денегъ и съ письмами, и далъ имъ наказъ, такъ или иначе, свергнуть кошевого атамана и судью войсковаго «и во всѣхъ противностяхъ учинить диверсію». Посланные должны были публично, на войсковой радѣ, объявить всему запорожскому войску, что кошевой и войсковой судья перешли на сторону Мазепы не потому, чтобы находили такое дѣло правымъ и законнымъ, а потому что были подкуплены измѣнникомъ.

Когда запорожскіе «кошевые» или «апостольцы» явились въ Сичу, то тамъ, по обыкновенію, собрана была войсковая рада. На той радѣ, какъ и раньше того, немедленно образовались двѣ партіи— партія козаковъ старыхъ, стоявшая за русскаго царя, и партія козаковъ молодыхъ, стоявшая противъ русскаго царя. Послѣдняя подъ конецъ взяла верхъ надъ первою, и тогда рѣшено было привезенное посланцами Апостола письмо отправить войсковымъ асауломъ къ кошевому Гордіенку, а самихъ посланцевъ задержать вь Сичѣ. И въ теченіе всего того времени, пока войсковой асаулъ успѣлъ доскакать до Гордіенка и повернуться обратно, запорожцы держали «апостольцевъ» прикованными къ пушкамъ за шеи и ежеминутно грозили имъ смертною казнью. Но «апостольцы», имѣя свободными руки, отбили другъ друга отъ пушекъ и тѣмъ спаслись отъ бѣдствія, убѣжавъ изъ Сичи. Тогда, послѣ бѣгства апостольцевъ, въ Сичи вновь произошла войсковая рада. На этотъ разъ партія старыхъ козаковъ взяла верхъ надъ партіей молодыхъ, и въ заключеніе было рѣшено стоять за русскаго государя, а къ кошевому Гордіенку отправить о томъ письмо съ нарочными, семнадцатью человѣкъ, посланцами. Въ письмѣ запорожцы сваливали всю вину за всѣ свои дѣйствія на Гордіенка и отказывались по-

виноваться ему, какъ кошевому: «Какъ ты дѣлалъ, такъ и отвѣчай; ты безъ насъ вымышлялъ, а мы, вѣрные слуги царского величества, выбрали себѣ вмѣсто тебя другого кошевого». И точно, сичевые запорожцы лишили заочно Константина Гордіенка званія кошевого атамана и на его мѣсто выбрали Петра Сорочинскаго. Новый кошевой отправилъ письмо запорожцамъ, бывшимъ въ Переволочнѣ и въ другихъ мѣстахъ, съ совѣтомъ всѣмъ товарищамъ не приставать къ Гордіенку и дожидаться извѣстій изъ Сичи [1]).

Князь Меншиковъ, находившійся въ то время въ городѣ Харьковѣ, получилъ извѣстіе о томъ въ письмѣ отъ 5 апрѣля, и увѣдомилъ о происшедшемъ въ Сичѣ государя.

Самъ царь находился въ то время въ Воронежѣ; онъ все еще не терялъ надежды удержать за собой, по крайней мѣрѣ, запорожцевъ, оставшихся въ Сичѣ, для чего приказалъ написать для нихъ новый увѣщательный листъ и отправить его въ Кошъ [2]).

Такой листъ написанъ былъ апрѣля 7 дня. Въ немъ говорилось, что царское величество получилъ извѣстіе въ городѣ Воронежѣ объ измѣнѣ кошевого атамана Костки, но надѣется, что такое дѣло произошло отъ нѣкоторыхъ бездѣльниковъ, помимо воли искренне преданныхъ русскому престолу запорожцевъ. Поэтому царское величество приказываетъ вѣрнымъ запорожцамъ, согласясь вмѣстѣ, выбрать другого «добраго» кошевого атамана, учинить присягу на вѣрность русскому престолу и прислать въ городъ Воронежъ нѣкоторыхъ полковниковъ или знатнѣйшихъ старшинъ; туда-же доставить всѣхъ противниковъ и измѣнниковъ «во свидѣтельство вѣрности» царскому величеству; за такую «нерушимую вѣрность» царское величество обѣщаетъ наградить войско своею «высокою милостію». По избраніи-же новаго кошевого атамана товариство должно своими универсалами объявить о немъ всему войску, дабы, по тому объявленію, вѣрные, находящіеся при Косткѣ, козаки могли возвратиться назадъ; чрезъ то, во-первыхъ, прекратится пролитіе невинной христіанской крови, уже пролитой въ Царичанкѣ и въ другихъ мѣстахъ, гдѣ, вслѣдствіе измѣны нѣкоторыхъ своевольниковъ, много погибло невинныхъ людей; во-вторыхъ сохранится въ цѣлости отчизна (Малороссія) и будетъ предовращена собственная гибель козаковъ, которая, несомнѣнно,

---

[1]) Судіенко, Матеріалы, Кіевъ, 1855, II, 281.
[2]) Судіенко, Матеріалы, Кіевъ, 1855, II, 281.

можетъ послѣдовать послѣ заключенія мира русскихъ со шведами, уже ищущими и желающими такого мира [1]).

Какъ-бы въ отвѣтъ на такое письмо царь получилъ, апрѣля 11 числа, отъ русскаго резидента въ Константинополѣ, Петра Толстого, такую вѣсть: «Четвертаго числа получилъ я вѣдомость о злыхъ замыслахъ козаковъ запорожскихъ: прислали къ крымскому хану просить, чтобъ ихъ принялъ подъ свой протекціонъ, о чемъ ханъ извѣстилъ Порту; отъ себя доношу, что нималаго о томъ не извольте имѣть сомнѣнія; сколько мнѣ Богъ помогаетъ, тружусь усердно и уповаю на Бога, что Порта къ соблазнамъ такихъ плутовъ не склонится» [2]).

Но Порта, сказать правильнѣе, не знала, какъ ей и поступать съ запорожцами: крымскій ханъ былъ за запорожцевъ и доносилъ султану, что они просятся въ его протекцію; силистрійскій правитель Юсупъ-паша, задаренный русскими, доносилъ падишаху, что запорожцы поддались шведскому королю; а русскій резидентъ представлялъ султану, что запорожцы находятся въ подданствѣ русскаго царя и только немногіе изъ нихъ пошли за гетманомъ Мазепой и за шведскимъ королемъ.

Въ дѣйствительности запорожцы все еще колебались и не знали, на какую сторону имъ склониться. Если-бы войско не было смущено Мазепой, если-бы оно не было увлечено Гордіенкомъ, то все дѣло окончилось-бы тѣмъ-же, чѣмъ оканчивались въ Запорожьи подобныя затѣи и раньше: запорожцы, главнымъ образомъ молодята, пошумѣли-бы на радѣ, покричали-бы на площади, даже, можетъ быть, и передрались-бы между собой, но все-таки въ концѣ концовъ не рѣшились-бы поднять оружіе противъ русскаго государя.

Возбужденные Гордіенкомъ, сичевые козаки уже вскорѣ послѣ избранія въ кошевые Петра Сорочинскаго, собравшись на раду вмѣстѣ съ новымъ кошевымъ атаманомъ, объявили себя сторонниками шведовъ, а потомъ отправили посланцевъ изъ Сичи къ крымскому хану съ просьбой принять ихъ подъ свою протекцію.

Какъ ни соблазнительно было для хана такое предложеніе, но онъ не рѣшился исполнить просьбы запорожцевъ и сообщилъ о

---

[1]) Судіенко, Матеріалы, Кіевъ, 1850, II, 281.

[2]) Соловьевъ, Исторія Россіи Москва, 1865, XV, 355.

томъ великому везирю. Великій везирь отвѣчалъ хану совѣтомъ не допускать къ себѣ запорожцевъ въ виду того, чтобы тѣмъ устранить всякій поводъ къ ссорѣ падишаха съ русскимъ государемъ [1]).

При всемъ томъ на этотъ разъ сичевое войско отъ своего рѣшенія дѣйствовать противъ русскихъ не отказалось, и причиной тому былъ все тотъ-же кошевой Гордіенко.

Кошевой Гордіенко, послѣ свиданія со шведскимъ королемъ въ Великихъ-Будищахъ и послѣ небольшого, но удачнаго дѣла на валахъ города Полтавы, взялъ направленіе внизъ отъ Полтавы и приблизился къ мѣстечку Новосанджарамъ. Онъ имѣлъ въ этомъ случаѣ цѣль — стать на границѣ Гетманщины и Запорожья, чтобы имѣть постоянное сообщеніе съ запорожскою Сичью. Еще до поѣздки въ Великія-Будища на свиданіе съ королемъ Карломъ Гордіенко успѣлъ захватить въ свои руки главные города вдоль рѣки Ворсклы до Переволочны и теперь направился туда для занятія ихъ своими козаками.

Эта близость кошевого къ границамъ Запорожья, очевидно, и смутила все сичевое товариство. Но и въ станѣ самого Мазепы въ это время не совсѣмъ было спокойно. По показанію очевидцевъ, въ то время у Гордіенка всего войска было 38 куреней, счетомъ по 300, 200 и 150 человѣкъ въ каждомъ куренѣ; слѣдовательно, взявъ среднимъ числомъ по 200 человѣкъ на курень, получимъ 7.600 человѣкъ. Такая армія нуждалась въ большихъ средствахъ для пропитанія, а между тѣмъ средствъ этихъ было слишкомъ недостаточно. Не получая ни отъ гетмана Мазепы, ни отъ короля Карла опредѣленнаго жалованья, запорожцы, находясь въ Новосанджарахъ, стали было высказывать претензію по этому поводу и раздѣлились между собой на партіи, при чемъ одна партія требовала дѣйствовать со шведскимъ королемъ, не домогаясь отъ него никакой платы; другая настойчиво хотѣла добиться отъ короля платы: «Буде жалованья отъ короля и отъ Мазепы не будутъ давать, то козаки будутъ къ московской сторонѣ» [2]). Однако, это недовольство скоро прекратилось, и отъ Новосанджаръ кошевой задумалъ было уже идти къ городу Нехворощѣ, стоявшему у

---

[1]) Судіенко, Матеріалы, Кіевъ, 1855, II, 125.

[2]) Судіенко, Матеріалы, Кіевъ, 1855, II, 334.

берега рѣки Орели, гдѣ дѣйствовали противъ мѣстныхъ жителей русскія силы. Для этого установленъ былъ мостъ черезъ рѣку Ворсклу «на козлахъ». Кошевой уже перешелъ-было рѣку Ворсклу, но потомъ отъ своего намѣренія отказался, и на Нехворощу пошла только небольшая часть запорожскаго войска.

Въ то время въ области между рѣками Ворсклой и Орелью дѣйствовалъ, по распоряженію фельдмаршала, съ нѣсколькими полками русскій генералъ-лейтенантъ Ренне, нѣмецъ по происхожденію, лютеранинъ по вѣрѣ. Полковникъ Кампель изъ команды генерала Ренне сжегъ города Маячку и Нехворощу, у лѣваго берега Орели; жителей этихъ городовъ, державшихъ сторону шведовъ, перебилъ безъ различія пола и возраста и послѣ того написалъ письмо къ кошевому Гордіенку и запорожцамъ, въ которомъ упрекалъ ихъ за то, что они соединились съ «воромъ и измѣнникомъ» Мазепой. Онъ представлялъ имъ всѣ несчастія, какія угрожаютъ имъ, если они дальше будутъ противиться русскому государю; указывалъ на то, на сколько ничтожна сила шведовъ, если они не могли помѣшать ему превратить въ пепелъ названные города у рѣки Орели и, наконецъ, окончилъ словами, что запорожцы вошли въ союзъ «съ язычниками» для веденія войны противъ истинныхъ христіанъ.

По словамъ шведскаго историка Нордберга, русскіе въ это время ничѣмъ не пренебрегали для того, чтобы только вернуть къ себѣ запорожцевъ. Но всѣ эти старанія были напрасны: кошевой Гордіенко, не испугавшись угрозъ и не соблазнившись обѣщаніями, занялъ на правомъ берегу рѣки Ворсклы мѣстечко Новосанджары и другіе города, находившіеся по Ворсклѣ и по рѣкѣ Днѣпру до крѣпости Переволочны, твердо рѣшившись защищать эти посты до послѣдней крайности. Шведскій король, не желая оставить запорожцевъ безъ должной помощи, отдалъ приказъ своему генералъ-маіору Крузе двинуться къ нимъ тотчасъ-же, какъ только окажется у нихъ въ томъ нужда. И когда обнаружены были признаки того, что русскіе желаютъ сдѣлать нападеніе на запорожцевъ, то генералъ Крузе отрядилъ, въ два пріема, нѣсколько сотъ человѣкъ конницы въ помощь запорожцамъ. Однако, шведы скоро замѣтили, что москали не имѣютъ никакого желанія переходить рѣку Ворсклу и что они стараются только тревожить стоявшихъ на другой сторонѣ ея своихъ противниковъ. Поэтому дѣйствительная опасность для запорожцевъ могла быть только со стороны полтавской территоріи

и они сильно начали настаивать на томъ, чтобы король прогналъ москалей изъ полтавской территоріи, ссылаясь на то, что тогда кошевой могъ-бы въ короткій срокъ собрать значительныя вокругъ себя силы, такъ какъ округъ тотъ очень богатъ населеніемъ, склоннымъ къ запорожцамъ; къ тому-же, съ удаленіемъ москалей отъ Полтавы, Гордіенко имѣлъ-бы свободный проходъ до самой границы Запорожья. Эти доводы были вполнѣ одобрены, особенно по причинѣ безпокойствъ, внушаемыхъ превосходствомъ военныхъ силъ русскихъ, и самъ король отправился съ нѣсколькими полками къ городу Полтавѣ, для разузнанія мѣста, къ запорожцамъ-же послалъ генералъ-маіора Крузе и велѣлъ наскоро устроить мостъ черезъ рѣку Ворсклу въ мѣстечкѣ Соколкѣ.

Возлѣ мѣстечка Соколки, на лѣвомъ берегу Ворсклы, находился въ то время, апрѣля 12 числа [1]), русскій генералъ-лейтенантъ Ренне, съ корпусомъ въ 7.000 человѣкъ, состоявшимъ изъ драгунъ и пѣхоты. Онъ расположился лагеремъ въ такомъ мѣстѣ, которое было почти кругомъ охвачено Ворсклой и имѣло только съ одной стороны узкій выходъ; въ томъ выходѣ генералъ Ренне поставилъ отрядъ изъ 3.000 человѣкъ конницы.

Противъ генерала Ренне и долженъ былъ дѣйствовать шведскій генералъ-маіоръ Крузе. Крузе собралъ силы около Новосанджаръ, и имѣлъ съ собой 2.730 человѣкъ конницы [2]), 500 человѣкъ козаковъ малороссійскихъ, 3.000 человѣкъ запорожцевъ пѣшихъ подъ начальствомъ кошевого атамана Гордіенка. Часть послѣднихъ получила приказаніе стеречь мостъ въ Соколкѣ въ то время, какъ другіе будутъ переходить рѣку вплавь, чтобы напасть на русскій лагерь. Вслѣдствіе обхода разстоянія болѣе двухъ миль, генералъ Крузе долженъ былъ двигаться всю ночь и съ наступленіемъ дня былъ за Кобелякми и за Бѣлой [3]), гдѣ русскіе имѣли нѣсколько передовыхъ карауловъ. Къ счастью для шведовъ въ то утро былъ большой туманъ, чѣмъ Крузе и воспользовался, какъ нельзя лучше, перейдя рѣку Ворсклу и расположившись между передовой стра-

---

[1]) Шведскій историкъ Адлерфельдъ, участникъ похода Карла XII въ Россію, говоритъ, что битва шведовъ съ русскими была 13 апрѣля въ Соколкѣ: «le 13, il y eut une action prés de la Worskla á Sokolka»: Histoire de Charles XII, Amsterdam, 1740, III, 434.

[2]) По русскимъ источникамъ 4.000 человѣкъ шведовъ.

[3]) Что это за Бѣлая—неизвѣстно; можетъ быть Бѣлики, но они стоятъ выше Кобелякъ, на лѣвомъ берегу Ворсклы, а Кобеляки на правомъ.

жей и лагеремъ русскихъ. Дѣйствіе открыли первыми козаки: лишь только была занята позиція, какъ они напали на русскихъ фуражировъ и многихъ изъ нихъ перебили и въ плѣнъ забрали. Впрочемъ, больше того козаки ничего не сдѣлали: потому-ли, что они не имѣли охоты къ битвѣ, или-же потому что (какъ о томъ говорилось между шведами) не желали дѣлать слишкомъ большого зла русскимъ, но только они не воспользовались удачнымъ началомъ дѣла, а нѣкоторые изъ нихъ даже тотчасъ послѣ этого прочь убѣжали [1]). При всемъ томъ передовая стража русскихъ, испугавшись, пустилась во весь духъ въ бѣгство. Тогда генералъ Крузе двинулъ двухъ полковниковъ своихъ ближе къ лагерю русскихъ, и одинъ изъ нихъ, полковникъ Гилленштернъ, благодаря искусному движенію, расположился съ 500 человѣкъ конницы при входѣ въ самый лагерь русскихъ. Это движеніе распространило ужасъ среди послѣднихъ, и тогда генералъ Ренне немедленно собралъ начальниковъ полка для совѣщанія, что предпринять для спасенія войска. Онъ спросилъ, что они предпочитаютъ, сдаться-ли въ плѣнъ шведамъ, или-же пробиться черезъ нихъ со шпагой впередъ. Всѣ начальники, зная истинныя намѣренія самого генерала, согласились на послѣднее. Тогда произошла жестокая схватка. Москали, чтобы пробиться впередъ, дрались отчаянно, а шведы употребляли всѣ усилія къ тому, чтобы ихъ не выпустить. Но такъ какъ шведскій полковникъ Гилленштернъ не могъ долго противиться превосходившему его силой врагу и не получилъ во время подкрѣпленія, то русскіе успѣли, небольшими отрядами, не соблюдая порядка, выдти изъ своей засады. Шведы гнались за ними и убивали на мѣстѣ. Запорожцамъ въ это время поручено было отъ генерала Крузе охранять мостъ на рѣкѣ Ворсклѣ, и кошевой далъ обѣщаніе исполнить порученіе въ точности. Но вмѣсто того запорожская кавалерія занялась грабежомъ и сожженіемъ русскаго лагеря, чѣмъ вызвала потомъ нареканія со стороны собственныхъ товарищей, пѣхотныхъ козаковъ, за то, что, будучи въ первый разъ вмѣстѣ со шведами въ военномъ дѣлѣ, такъ плохо сражалась противъ русскихъ. Послѣ сожженія и разграбленія запорожцами русскаго

---

[1]) По показанію одного шведскаго драгуна, взятаго русскими въ плѣнъ, запорожцы стояли за рѣкой Ворсклой и, видя бой русскихъ со шведами, только кричали, а потомъ, не бившись съ русскими, назадъ убѣжали: Судіенко, Матеріалы, Кіевъ, 1855, III, 338, 331,

лагеря генералъ Крузе оставилъ свою погоню и возратился назадъ къ мосту. Вслѣдствіе изнеможенія лошадей онъ не имѣлъ больше возможности преслѣдовать русскихъ, сдѣлавъ въ этотъ день болѣе 11 миль разстоянія. Отсутствіемъ генерала Крузе хотѣлъ воспользоваться русскій генералъ Гейнъ, имѣвшій намѣреніе овладѣть мостомъ, у котораго кошевой Гордіенко оставилъ всего лишь около сотни козаковъ, хотя далъ обѣщаніе крѣпко защищать его. И если-бы русскіе воспользовались такою оплошностью враговъ, то это могло-бы имѣть весьма серьезныя послѣдствія для шведовъ. Но Гейнъ прибылъ только на слѣдующій день послѣ того, какъ шведы удалились оттуда. Вслѣдствіе того, что русскіе не оказывали никакого сопротивленія у Соколки и думали лишь объ одномъ спасеніи, гнавшіеся за ними шведы большого вреда имъ не причинили. При всемъ томъ въ этомъ сраженіи у русскихъ, сверхъ 1.000 человѣкъ было ранено и 400 человѣкъ убито. У шведовъ-же потеря не превышала болѣе 290 человѣкъ. Король, увѣдомленный о происшедшемъ сраженіи, остался очень недоволенъ за то, что предпріятіе, хорошо обдуманное, не было приведено въ исполненіе [1]).

Такъ разсказываетъ о результатѣ битвы шведовъ и козаковъ съ русскими у Соколки шведскій историкъ Нордбергъ [2]).

По русскимъ извѣстіямъ сраженіе у Соколки, напротивъ того, окончилось въ пользу русскихъ. Шведы и запорожцы, высланы были королемъ 11 апрѣля и, обойдя русскихъ, стоявшихъ у мѣстечка Соколки «по сію сторону» рѣки Ворсклы, хотѣли взять ихъ въ атаку, но русскіе, не дождавшись атаки, сами бросились въ бой. Послѣ жестокой схватки русскіе сбили съ поля шведовъ и запорожцевъ, уложили на мѣстѣ 800 человѣкъ непріятелей, немалое число изрубили заропожцевъ при переправѣ черезъ Ворсклу и взяли у нихъ 4 пушки, при чемъ «множество» запорожцевъ и шведовъ еще утонуло въ рѣкѣ при общей суматохѣ [3]).

Во время столкновенія русскихъ со шведами и запорожцами фельдмаршалъ графъ Шереметевъ стоялъ за рѣкой Псломъ, въ городѣ Голтвѣ. Узнавъ, что запорожцы пошли къ Соколкѣ, фельд-

[1]) Nordberg, Histoire de Charles XII, à la Haye, 1748, II, 297,

[2]) Nordberg, Histoire de Charles XII, à la Haye, 1748, II, 296—298.

[3]) Голиковъ, Дѣянія Петра Великаго, Москва, 1788, Ш, 82.

маршалъ отрядилъ 2.500 человѣкъ русскаго войска и приказалъ имъ атаковать запорожскую стоянку, т. е. Новосанджары. Эта партія «нерегулярныхъ войскъ выслана была отъ Голтвы внизъ» апрѣля 13 числа и напала у Новосанджаръ на запорожцевъ. Запорожцы, не ожидая ни откуда нападеній, потеряли убитыми 60 человѣкъ и плѣнными 12. Тогда изъ мѣстечка Рѣшетиловки шведскій генералъ Крейцъ послалъ на русскихъ отрядъ своихъ солдатъ, и русскіе немедленно обратились въ бѣгство [1]).

О битвѣ русскихъ со шведами и запорожцами въ Соколкѣ князь Меншиковъ отправилъ царю Петру Алексѣевичу подробную реляцію, и исходъ дѣла представилъ въ пользу русскихъ.

Царь на донесеніе Меншикова отвѣтилъ ему письмомъ отъ 22 апрѣля изъ города Азова. Въ томъ письмѣ былъ отвѣтъ и на извѣстіе Меншикова о выборѣ въ Сичѣ вмѣсто Гордіенка кошевымъ атаманомъ Сорочинскаго. «Мы зѣло порадовались, что Господь Богъ въ началѣ сей компаніи такимъ щастіемъ благословилъ, а наипаче тому я радъ, что проклятые воры (запорожцы) сами видѣли, что шведовъ разбили, отъ чего принуждены оные будутъ разбѣжаться; а что кошевымъ выбрали Сорочинскаго, онъ добрый человѣкъ, я его знаю [2])».

Но надежды, возлагавшіяся царемъ на Петра Сорочинскаго, не оправдались, и едва прошло какихъ-нибудь двѣ недѣли со времени написанія царскаго письма Меншикову, какъ царь узналъ, что и новый кошевой атаманъ, а за нимъ и большинство сичевого товариства, стали дышать такимъ-же духомъ, какимъ дышалъ противъ царя и старый кошевой Гордіенко. Что произошло за это время въ Сичи—неизвѣстно, но только царь Петръ Алексѣевичъ отдалъ приказаніе князю Меншикову двинуть изъ Кіева въ запорожскую Сичь три полка русскихъ войскъ съ тѣмъ, чтобы истребить все гнѣздо бунтовщиковъ до основанія. Князь Меншиковъ возложилъ исполненіе царскаго приказанія на полковника Петра Яковлева и велѣлъ ему, по прибытіи на мѣсто, прежде всего объявить запорожцамъ, отъ имени государя, что если они принесутъ повинную, выберутъ новаго кошевого атамана и прочихъ старшинъ и пообѣщаютъ при крестномъ цѣлованіи вѣрно служить государю, то всѣ ихъ вины

---

[1]) Nordberg, Histoire de Charles XII, 298; Судіенко, Матеріалы, II, 335.
[2]) Голиковъ, Дополненіе къ Дѣяніямъ Петра В., Москва, 1792, VIII, 323.

простятся и сами они будутъ при прежнихъ своихъ правахъ и вольностяхъ [1]).

Полковникъ Петръ Яковлевъ сѣлъ съ полками на суда подъ Кіевомъ и пустился внизъ по Днѣпру. За нимъ по берегу Днѣпра должна была слѣдовать конница, чтобы не дать возможности запорожцамъ отрѣзать пути двигавшемуся по Днѣпру русскому флоту.

Спускаясь по Днѣпру, полковникъ Яковлевъ, прежде всего, апрѣля 16 числа [2]), напалъ на мѣстечко Келеберду. Въ Келебердѣ стоялъ запорожскій таборъ; на него напала партія донцевъ и, переколовъ немалое число запорожцевъ, самое мѣстечко предала огню [3]). Отъ Келеберды полковникъ Яковлевъ дошелъ до Переволочны. Въ Переволочнѣ въ то время было 1.000 человѣкъ запорожцевъ да 2.000 окрестныхъ жителей и всѣми ими управлялъ запорожскій полковникъ Зинецъ. Въ центрѣ мѣстечка устроенъ былъ замокъ и въ томъ замкѣ сидѣлъ гарнизонъ въ 600 человѣкъ, хорошо снабженный запасами и вполнѣ увѣренный въ своемъ превосходствѣ надъ русскими. Подступивъ къ мѣстечку Переволочнѣ, полковникъ Яковлевъ сперва потребовалъ отъ запорожцевъ добровольной сдачи [4]). Но запорожцы, уже раньше того нѣсколько разъ побѣждавшіе русскихъ, отвѣтили москалямъ выстрѣлами. Тогда Яковлевъ открылъ по Переволочнѣ жестокій огонь, направляя ядра и бомбы въ самый замокъ мѣстечка. Запорожцы, имѣвшіе небольшую сравнительно съ русскими численность и менѣе русскихъ дисциплинированные, отбивались отъ нихъ съ большимъ упорствомъ, но все-же не могли стоять противъ нихъ болѣе двухъ часовъ: русскіе ворвались въ мѣстечко, тысячу человѣкъ избили на мѣстѣ, нѣсколько человѣкъ пожгли въ сараяхъ и избахъ, нѣсколько козаковъ сами потонули при переправѣ черезъ Днѣпръ и Ворсклу, такъ что взято было въ плѣнъ всего лишь 12 человѣкъ козаковъ, да одно знамя и одна пушка. Остервененіе со стороны русскихъ такъ было велико, что они избили женщинъ, дѣтей и стариковъ, сожгли всѣ мельницы на рѣкахъ, всѣ строенія въ мѣстечкѣ, всѣ суда, стоявшія на Днѣпрѣ у переправы Переволочанской.

---

[1]) Маркевичъ, Исторія Малороссіи, Москва, 1842, IV, 299.

[2]) Костомаровъ, Мазепа, С.-Петербургъ, 1885, 521.

[3]) Голиковъ, Дѣянія Петра Великаго, Москва, 1788, III, 83.

[4]) По письму Шереметева къ Скоропадскому Переволочну бралъ полковникъ Шарфъ съ солдатами и драгунами, высланный Яковлевымъ и Волконскимъ: Судіенко, Матеріалы, II, 332.

Этотъ разгромъ произвелъ сильнѣйшее впечатлѣніе на запорожцевъ, какъ находившихся въ Сичи, такъ и бывшихъ съ кошевымъ атаманомъ Гордіенкомъ. Сичевые козаки послали князю Меншикову письмо съ готовностью смириться передъ царскими войсками, но съ условіемъ присылки государевой «обнадеживательной» грамоты. Козаки, бывшіе съ Гордіенкомъ, оставили всѣ города по Ворсклѣ подъ предлогомъ, что они не въ силахъ защищать всѣ проходы на этой рѣкѣ отъ русскихъ. Однако, собравшись въ Новосанджарахъ, они снова взяли перевѣсъ надъ русскими и нанесли имъ пораженіе, и такъ какъ въ это-же время король подалъ имъ надежду, что онъ пришлетъ къ нимъ отъ себя скорую помощь, лишь только они дадутъ ему знать, что нуждаются въ ней, то къ запорожцамъ и кошевому Гордіенку вновь вернулась ихъ храбрость [1]).

Между тѣмъ полковникъ Яковлевъ, разгромивъ мѣстечко Переволочну, двинулся ниже по Днѣпру и достигъ сперва до Новаго, а потомъ до Стараго Кодака. Въ обоихъ Кодакахъ Яковлевъ не встрѣтилъ большого сопротивленія: главная масса жителей сдалась русскимъ добровольно и была отправлена въ крѣпость Новобогородицкую; нѣкоторые изъ жителей скрылись было на острова и въ степи, но были пойманы русскими солдатами, отряженными полковникомъ въ степь по обѣ стороны, и истреблены на мѣстѣ; какъ Новый, такъ и Старый Кодакъ до тла выжжены, и это сдѣлано было съ тою цѣлью, чтобы эти мѣстечка не обратились на будущее время въ пристанища для «воровъ» и не послужили во вредъ русскимъ, находясь въ тылу послѣднихъ. У Стараго Кодака Яковлевъ сѣлъ съ войскомъ въ суда и спустился черезъ первый порогъ Кодацкій, при чемъ флотилія его, управляемая вмѣсто разбѣжавшихся запорожскихъ лоцмановъ русскими стрѣльцами, потерпѣла нѣкоторый уронъ: во время переправы разбито было два судна, но безъ несчастныхъ послѣдствій для людей. Ниже Кодацкаго порога къ Яковлеву прибыли сухопутные отряды, слѣдовавшіе за нимъ по берегу Днѣпра, и тогда онъ пустился далѣе внизъ рѣкой.

Проплывъ остальные пороги, миновавъ островъ Хортицу, Яковлевъ, мая 7 дня, прибылъ къ Каменному-Затону. Здѣсь онъ получилъ подкрѣпленіе и офицерами, и солдатами, въ 772 человѣкъ и боевыми запасами отъ воеводы крѣпости. Начальниками каменно-

---

[1]) Nordberg, Histoire Charles XII, à la Haye, 1748, II, 298.

затонскаго отряда солдатъ назначены были 3 подполковника— Ѳедоръ Спѣшневъ, Гавріилъ Вульфъ, Никифоръ Телѣгинъ, одинъ маіоръ Ѳома Щитовскій, нѣсколько офицеровъ и урядниковъ. Сичь въ то время была безъ кошевого атамана: Петро Сорочинскій ушелъ, вмѣстѣ съ козакомъ Кирикомъ Менькомъ, въ Крымъ просить татаръ на помощь запорожцамъ противъ русскихъ; кошевого замѣнялъ «добрый» т. е. храбрый и расторопный, козакъ, Якимъ Богушъ. По случаю ходившей въ Каменномъ-Затонѣ какой-то заразительной болѣзни, Яковлевъ не вошелъ въ городъ, а сталъ вблизи него и оттуда послалъ къ запорожцамъ козака Сметану съ увѣщательнымъ письмомъ отъ князя Меншикова. Но запорожцы утопили того Сметану въ рѣчкѣ. Тогда Яковлевъ послалъ къ нимъ другое письмо, лично отъ себя. На это письмо запорожцы отвѣчали, что они не считаютъ себя бунтовщиками, признаютъ надъ собой власть царскаго величества, но царскихъ посланцевъ къ себѣ не допускаютъ. Ожидая съ минуты на минуту своего кошевого изъ Крыма, запорожцы, желая выиграть время, показали даже видъ, будто склоняются на сторону государя. Яковлевъ ждалъ положительнаго отвѣта въ теченіе трехъ сутокъ, но потомъ рѣшилъ взять Сичу приступомъ. Съ этою цѣлью онъ приказалъ осмотрѣть Сичь со всѣхъ сторонъ и выискать удобное мѣсто для приступа; для осмотра отправлены были переодѣтые въ запорожское платье русскіе офицеры. Посланные извѣстили полковника, что подступить на лошадяхъ къ Сичѣ невозможно, потому-что она со всѣхъ сторонъ была обнята водами. И точно, это было 10 мая, когда вода въ Днѣпрѣ и его вѣткахъ достигаетъ наибольшаго уровня высоты послѣ весенняго разлива; но въ то время полая вода настолько была высока, что Сича, обыкновенно заливаемая только съ трехъ сторонъ водами обнимавшихъ ее рѣчекъ, на этотъ разъ залита была, на 35 саженъ разстоянія, и съ четвертой, степной стороны, гдѣ обыкновенно въ лѣтнее время былъ сухой доступъ въ Сичу. Можетъ быть, это произошло, какъ гласитъ о томъ преданіе, еще и отъ того обстоятельства, что въ виду опасности со стороны русскихъ, запорожцы, по внушенію Якима Богуша, откопали въ то время свою Сичу отъ материка, со стороны степи, глубокимъ рвомъ и пропустили въ тотъ ровъ воду [1]). Во всякомъ случаѣ въ то лѣто воды тамъ было такъ много, что она даже часть куреней затопила

[1]) Записки одесскаго общества исторіи и древностей, IX, 441.

собой. Посланные лазутчики извѣстили полковника, что близъ Сичи имѣется отъѣзжій запорожскій караулъ, который легко можетъ быть истребленъ. Тогда Яковлевъ отправилъ противъ него нѣсколько человѣкъ солдатъ, которые напали на караульщиковъ, нѣсколькихъ изъ нихъ перебили, нѣсколькихъ въ водѣ потопили, а одного привели къ полковнику живымъ. Отъ этого послѣдняго Яковлевъ узналъ, что запорожцы всѣ, какъ одинъ человѣкъ, рѣшили дѣйствовать противъ русскихъ войскъ. «Замерзѣло воровство во всѣхъ», писалъ Яковлевъ послѣ этого въ своемъ письмѣ князю Меншикову [1]). Тогда русскіе рѣшили сперва сдѣлать шанцы, на шанцы возвести пушки и изъ пушекъ открыть пальбу черезъ воду въ Сичу. Но эта попытка, однако, не привела къ желанному результату: оказалось, что за дальнимъ разстояніемъ выстрѣлы изъ пушекъ не достигали своей цѣли. Послѣ этого объявлено было сдѣлать приступъ къ Сичѣ на лодкахъ. Запорожцы подпустили русскихъ на близкое разстояніе, потомъ сразу ударили изъ пушекъ и ружей, нѣсколько человѣкъ офицеровъ ранили, 300 человѣкъ солдатъ, и въ томъ числѣ полковника Урна, убили, нѣсколько человѣкъ взяли въ плѣнъ и «срамно и тирански» умертвили ихъ въ Сичи. Тогда русскіе принуждены были отступить. Положеніе полковника Яковлева сдѣлалось затруднительнымъ. Но въ то время на помощь русскимъ явился отъ генералъ-маіора князя Григорія Волконскаго, съ компанѣйскимъ полкомъ и драгунами, полковникъ Игнатъ Галаганъ. Это было мая 14 числа.

Игнатъ Ивановъ Галаганъ былъ сынъ малороссійскаго козака, изъ селенія Омельника, теперешней полтавской губерніи, кременчугскаго уѣзда. Сперва онъ былъ полковникомъ въ Сичѣ, потомъ состоялъ полковникомъ «охочекомонныхъ полковъ» въ Малороссіи [2]). Въ качествѣ полковника, онъ находился при гетманѣ Мазепѣ, когда тотъ перешелъ на сторону шведовъ и, какъ подручный человѣкъ Мазепы, самъ перешелъ въ станъ шведовъ. Потомъ, видя ничтожность силъ Мазепы, и нерасположеніе къ нему малороссійскаго народа, выпросился у гетмана съ полкомъ на разъѣздную, внѣ шведскаго лагеря, линію, внезапно захватилъ нѣсколько человѣкъ шведовъ-драбантовъ, ушелъ съ ними и со своимъ полкомъ въ русскій

---

[1]) Костомаровъ, Мазепа и мазепинцы, СПБ, 1885, 530.

[2]) Бантышъ-Каменскій, Матеріалы, Москва, 1859, II, 55; Лазаревскій, Очерки малороссійскихъ фамилій: Русскій архивъ, 1875, I, 318—325.

лагерь и тутъ повинился царю Петру, увѣривъ его, что онъ перешелъ къ шведу противъ собственной воли, повинуясь желанію гетмана Мазепы. Царь взялъ съ него слово, что онъ не «сдѣлаетъ съ нимъ такой-же штуки, какую сдѣлалъ съ Карломъ», заставилъ его присягнуть на вѣрность русскому престолу и потомъ долгое время держалъ его въ разъѣздахъ для добыванія непріятельскаго языка. [1]).

Этотъ-то самый Игнатъ Галаганъ неожиданно явился къ полковнику Яковлеву для осады Сичи. По показанію неизвѣстнаго автора сочиненія о запорожскихъ козакахъ прошлаго столѣтія, Игнатъ Галаганъ присталъ къ Яковлеву на пути его въ Сичу и подъ присягой обѣщалъ тайными тропинками провести русскихъ къ запорожской столицѣ [2]). Такъ или иначе, но на него возлагались въ этомъ отношеніи большія надежды, какъ на человѣка, знавшаго всѣ «войсковые секреты» и запорожскіе «звычаи». И точно, прибытіе Игната Галагана къ Сичѣ имѣло для запорожцевъ рѣшающее значеніе.

Запорожцы, завидѣвъ издали несшееся къ Сичѣ войско, вообразили, что то спѣшилъ къ нимъ кошевой Петро Сорочинскій съ татарами, и сдѣлали противъ русскихъ вылазку. Русскіе воспользовались этимъ счастливымъ для нихъ моментомъ, ворвались внезапно въ Сичь и привели въ замѣшательство козаковъ. Однако козаки, увидѣвъ свою ошибку, начали стойко и мужественно отбиваться отъ враговъ. Но тутъ выскочилъ впередъ Игнатъ Галаганъ и закричалъ козакамъ: «Кладите оружіе! Сдавайтесь, бо всѣмъ будетъ помилованіе»! Запорожцы сперва не повѣрили словамъ Галагана и продолжали попрежнему отбиваться отъ русскихъ, но Галаганъ поклялся передъ ними въ вѣрности своихъ словъ, и тогда козаки бросили оружіе. Но то былъ не больше, какъ обманъ со стороны Игната Галагана. Русскіе устремились на безоружныхъ запорожцевъ, и тутъ произошла страшная кровавая расправа, при чемъ всѣ курени и всѣ строенія въ Сичи были сожжены, многіе зимовники, стоявшіе вокругъ Сичи, истреблены до тла. Полковники Яковлевъ и въ особенности Галаганъ дѣйствовали при этомъ съ неслыханнымъ свирѣпствомъ: «Учинилось у насъ въ Сичѣ то, что по Галагановой и московской присягѣ, товариству нашему голову

[1]) Ригельманъ, Лѣтописное повѣствованіе, Москва, 1847, III, 52.

[2]) Чтенія московскаго общ. исторіи и древностей, 1848, № 6, 44.

лупили, шею на плахахъ рубили, вѣшали и иныя тиранскія смерти задавали, и дѣлали то, чего и въ поганствѣ, за древнихъ мучителей не водилось: мертвыхъ изъ гробовъ многихъ не только изъ товариства, но и черецовъ откапывали, головы имъ отсѣкали, шкуры лупили и вѣшали» [1]).

Жестокости, выказанныя великороссійскимъ войскомъ въ отношеніи запорожцевъ, служатъ лишь подтвержденіемъ той общеизвѣстной истины, что войны между народами одной вѣры и одного происхожденія — самыя жестокія и самыя кровопролитныя изъ войнъ, подобно тому, какъ ненависть между братьями и близкими родственниками—самая сильная изъ ненавистей.

Послѣ жестокой свалки взяты были въ плѣнъ—кошевой атаманъ, войсковой судья, 26 куренныхъ атамановъ, 2 монаха, 250 человѣкъ простыхъ козаковъ, 160 человѣкъ женщинъ и дѣтей. Изъ того числа 5 человѣкъ умерло, 156 человѣкъ атамановъ и козаковъ казнено, при чемъ нѣсколько человѣкъ были повѣшены на плотахъ и самые плоты пущены были внизъ по Днѣпру на страхъ другимъ. Побѣдители захватили въ свои руки 36 мѣдныхъ и чугунныхъ пушекъ, 4 мортиры, 10 пушечныхъ станковъ, 12 большихъ и малыхъ гаковницъ, 62 рушницы или ружей, 450 пушечныхъ ядеръ, 600 ручныхъ ядеръ, 13 знаменъ; кромѣ того, нѣсколько бочекъ пороху, нѣсколько якорей, кусковъ желѣза, топоровъ, кандаловъ, теселъ, цѣпей, буравовъ, клещей, молотковъ, парусовъ, канатовъ и круговъ проволоки, 969 бочекъ, 2 куфы и 30 мѣшковъ муки, 304 бочки соли и 1 бочку пшена. Изъ сичевой церкви взяты были—рѣзной съ царскими вратами иконостасъ съ поставными иконами и съ деисусомъ, писанными на доскахъ и на полотнѣ; восемь большихъ и малыхъ колоколовъ, три желѣзныхъ съ церкви креста, одно евангеліе; кромѣ того, свѣчи, воскъ и ладонъ, 441 мѣдныхъ котловъ, 9 желѣзныхъ котловъ и 4 пуда ломанной мѣди.

Сами русскіе потеряли убитыми урядниковъ и рядовыхъ солдатъ 288 человѣкъ, умерло отъ ранъ 6 человѣкъ, всѣхъ раненыхъ было 141 солдатъ и 1 офицеръ. Кромѣ людей потеряно было нѣсколько фузей, протазановъ, копій, багинетовъ, бердышей, сумокъ, одинъ барабанъ, нѣсколько канатовъ, топоровъ, пороховыхъ

---

[1]) Архивъ министерства иностранныхъ дѣлъ; мал. дѣла, 1710, № 3.

мѣшковъ, буравовъ, веселъ, шестовъ и тому подобныхъ предметовъ [1]).

Между тѣмъ царь Петръ Алексѣевичъ въ это время, т. е. мая 12 числа, находился въ крѣпости Троицкой или Таганрогѣ. Около 15 мая онъ послалъ письмо князю Меншикову «о непремѣнномъ взятьѣ гнѣзда запорожскаго, Сѣчи» [2]), не зная того, что она уже была разорена и срыта до основанія. Не знали, повидимому, объ этомъ и въ русскомъ лагерѣ подъ Полтавой. Мая 17 числа изъ обоза подъ Полтавой послана была увѣщательная царская грамота въ запорожскую Сичу на имя наказнаго кошевого атамана Кирика Конеловскаго [3]).

«Божіею милостію отъ пресвѣтлѣйшаго и державнѣйшаго великого государя царя и великого князя Петра Алексѣевича, всеа Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержца и многихъ государствъ и земель восточныхъ и западныхъ и сѣверныхъ отчича и дѣдича и облаадателя нашего царскаго величества подданымъ низового войска запорожского наказному кошевому атаману Кирику Конеловскому и всему поспольству. Извѣстно намъ, великому государю, нашему царскому величеству, по доношенію главнаго генерала нашего и римскаго и россійскаго государствъ князя Александра Даниловича Меншикова, что писали вы войска нашего запорожского низового кошевой наказной атаманъ Кирикъ Конеловскій съ товариствомъ къ нему во отвѣтъ на листъ его по указу нашему къ вамъ посланный о пребываніи в..... [4]) въ вѣрности при насъ, великомъ государѣ, и дабы вы не склонялись на прелести и измѣны измѣнниковъ богоотступныхъ Мазепы и Кости Гордѣенка, въ которомъ отвѣтномъ листѣ своемъ вы, подданные наши, войско запорожское низовое, объявляете, что хотя вы и не склоняетесь къ той измѣнѣ ихъ и желаете быть попрежнему въ вѣрности къ намъ, великому государю, однакожъ опасаетесь, дабы по явленномъ вашемъ покореніи намъ не учинено было надъ вами какъ и надъ Переволочною, и желаете на то, во обнадеживаніе себѣ, нашей великаго государя грамоты. И мы, великій государь,

---

[1]) Архивъ мин. юстиціи, разрядъ московскаго стола, 1709, св. 50, № 17.

[2]) Голиковъ, Дополненіе къ Дѣяніямъ Петра В., VIII 240, 241.

[3]) Подъ Полтаву царь прибылъ іюня 4 дня, а потому, очевидно, грамота писана только по повелѣнію, но не въ присутствіи царя.

[4]) Документъ попорченъ отъ времени, а потому на мѣстѣ порчи ставится, какъ обыкновенно принято, многоточіе.

наше царское величество, милосердуя о васъ, подданныхъ нашихъ, указали по вышепомянутому доношенію генерала нашего князя Меншикова сію нашу великаго государя грамоту обнадеживательную къ вамъ послать и при семъ вначалѣ объявить, какую превысокую милость мы, великій государь, къ вамъ, войску запорожскому низовому, по объявленной вашей сначала измѣны Мазепиной къ намъ и отчизнѣ вашей малороссійской вѣрности показали и впредь явить обѣщались, а имянно послали мы къ вамъ нашего царскаго величества денежнаго жалованья сверхъ прежняго обыкновеннаго 12.000 рублевъ и обѣщали оное и впредь давать повсягодно, усмотря вѣрность вашу да къ вамъ-же въ войско указали было послать во знакъ милости нашей войсковые клейноты: перначъ, бунчуки, знамя, литавры и трости кошевому атаману и судьѣ, которые уже было посланцамъ вашимъ и вручены, и обѣщали ваши желанія, въ листахъ вашихъ изображенныя, исполнить, но за такую нашу милость бывшей вашъ кошевой атаманъ воръ и измѣнникъ Костя Гордѣенко съ единомышленники своими старшиною и товарищи ихъ войска запорожского низового, забывъ страхъ божій и обѣщавіе свое при крестномъ цѣлованіи, намъ учиненное, подъ видомъ и объявленіемъ бутто идетъ онъ съ войскомъ запорожскимъ къ нашимъ войскамъ въ слученіе, х (къ) которымъ уже и наше великого государя жалованье послано было, пошелъ къ еретику шведу и измѣннику Мазепѣ по подкупленію его и пришедъ нечаянно на нѣкоторыхъ нашихъ ратныхъ людей безъ данной и малѣйшей къ тому причины измѣннически въ ночи напалъ, и нѣсколько оныхъ побилъ, потому что отъ нихъ, яко отъ пріятелей, не опасались, и потомъ сообщась съ шведами на наши войска тѣжъ его единомышленники приходили, но обще съ шведы разбиты и прогнаны подъ Соколками и хотя мы, великій государь, чрезъ грамоты свои, такожъ и генералъ нашъ князь Меншиковъ и подданной нашъ гетманъ войска запорожского обоихъ сторонъ Днѣпра Иванъ Ильичъ Скоропацкій чрезъ листы свои къ вамъ на Кошъ посыланные васъ увѣщевали къ той измѣнѣ не прикланятися, но держаться при нашей странѣ и воевать обще противъ непріятеля церкви святой правовѣрной шведа и вора измѣнника Мазепы и выбрать-бы вамъ нового кошевого и старшину, а прежняго Костю объявить за измѣнника, но на то никакого отвѣту и исполненія отъ васъ не учинено, но посланные тѣ переловлены и иные побиты, иные-жъ къ измѣннику Мазепѣ отосланы и сверхъ

того извѣстились мы, великій государь, какъ отъ салтанова величества турского, такъ и изъ Крыму отъ хана, что посылали вы, войско запорожское низовое, посланцовъ своихъ къ хану нѣсколько разъ, дабы приняли васъ въ подданство и дали вамъ орды на помоць противъ насъ, великого государя, желая пролить кровь христіанскую и навесть разореніе отчизнѣ своей, малороссійскому краю, но въ томъ вашемъ зломъ намѣреніи по указу салтанова величества отказано, ибо онъ миръ съ нами, великимъ государемъ, содержать намѣренъ крѣпко и о томъ къ хану указъ отъ него посланъ, дабы васъ отнюдь не принимать и орды не посылать и никакихъ ссоръ съ нами не вчинать; тако-жъ перепяты ваши, отъ Гордѣенка отправленные, посланные съ писмами къ Лещинскому, отъ шведа нареченному королю полскому, прося его на помочь въ Украйну и называя его гос... своимъ. И ту всю вашу невѣрность и противность видя, указали мы, великій государь, послать на васъ войска свои, дабы привесть васъ къ покоренію, а буде явитесь противны, то поступать съ вами яко съ измѣнники безъ пощады, что надъ обрѣтающимися въ Переволочнѣ и въ иныхъ мѣстехъ учинено, потому что они доброволно покоритися не похотѣли, но съ войски нашими ....лись, а ежели бъ покорились, и того-бъ съ ними не было учинено, а хотя войска наши нынѣ и къ самой Сѣчѣ уже сближились, однакожъ мы, великій государь, наше царское величество, милосердуя о васъ, подданныхъ нашихъ, войскѣ запорожскомъ низовомъ и не...... пролитія крови христіанскія, презирая всѣ вины ваши въ разсужденіи такомъ, что вы къ тому прелщенны ......и измѣнниковъ Мазепы и Гордѣенка, сею нашею великого государя грамотою чрезъ доношеніе генерала нашего князя Меншикова по прошенію вашему объявляемъ милость нашу и пощаду, что ежели вы принесете подлинное покореніе...... обѣщаетесь при крестномъ намъ цѣлованіи предъ воеводою нашимъ Петромъ Яковлевымъ, яко управителемъ войскъ нашихъ, и выберете себѣ нового кошевого атамана и протчую старшину вмѣсто измѣнника Кости съ товарствомъ, объявя тѣхъ прежнихъ и единомышленниковъ ихъ купно съ Мазепою измѣнниками и подпишитесь в..... руками своими и пошлете, для лутчей вѣрности, къ намъ, великому государю, изъ старшинъ изъ знатного товариства нѣсколько человѣкъ съ нимъ Петромъ Яковлевымъ, то всѣ вины ваши будутъ прощены и не токмо оставлены будете при прежнихъ войсковыхъ правахъ и волностяхъ своихъ безвредно, но и сверхъ

того получите прежде сего объявленную вамъ отъ насъ, великого государя, милость, денежное жалованье и войсковые клейноты, а охотникомъ, которые похотятъ изъ войска вашего на службу нашу итить къ войскамъ нашимъ, дано будетъ наше жалованье противъ прежняго по пяти копъ на человѣка, а старшинѣ по разсмотрѣнію, противъ чина ихъ. Буде-же явитесь намъ, великому государю, преслушны и будете противъ войскъ нашихъ чинить противность, то указано съ вами поступать, яко съ измѣнники, огнемъ и мечомъ безъ пощады, а оборонить васъ отъ гнѣва нашего некому, ибо шведъ нынѣ и самъ отъ войска нашего окруженъ и подъ Опошнею побитъ и, потерявъ пушки и знамена и немалое число людей, ушелъ отъ войскъ нашихъ за Вислу; а съ салтановымъ величествомъ и со всѣми его подданными и крымскими и буджацкими ордами у насъ, великого государя, миръ и тишина содержится. Сіе восхотѣли вамъ, яко христіанскій и природный вашъ государь, по милосердію своему, объявить востаточные и ожидаемъ вашего обращенія и покоренія, и буде того не учините, то будете погибели своей виновны сами. Данъ въ обозѣ нашемъ подъ Полтавою мая 17 день 1709 году» [1]).

Послѣ взятія Чортомлыцкой Сичи князь Меншиковъ донесъ царю въ Троицкую крѣпость [2]) о томъ, что «знатнѣйшихъ воровъ» онъ (т. е. князь) велѣлъ удержать, прочихъ казнить, самое-же «измѣнническое гнѣздо разорить и искоренить».

На такое донесеніе князя Меншикова царь Петръ Алексѣевичъ отвѣчалъ ему письмомъ: «Сего дня (мая 23 числа) получили мы отъ васъ письмо о разореніи проклятаго мѣста, которое корень зла и надежда непріятелю была, что мы, съ превеликою радостью услышавъ, Господу, отмстителю злымъ, благодарили съ стрѣльбою, и вамъ за оное премного благодарствуемъ, ибо сіе дѣло изъ первыхъ есть, котораго опасаться надлежало было. Что-же пишите о деташаментѣ полковника Яковлева, чтобъ оному быть въ арміи, и то добро, только подлежитъ изъ онаго оставить отъ 700 до 500 человѣкъ пѣхоты и отъ 500 до 600 конницы въ Каменномъ-Затонѣ, дабы того смотрѣли, чтобъ опять то мѣсто отъ такихъ-же не населилось, такожъ, которые въ степь ушли, паки не возвратились, или гдѣ индѣ не почали собираться, для чего ежели ко-

---

[1]) Архивъ мин. ин. дѣлъ; мал. дѣла, 1709, св. 28, № 34.

[2]) Журналъ Петра Великаго, С.-Петербургъ, 1770, I, 208.

мендантъ въ Каменномъ-Затонѣ плохъ, то-бъ изъ офицеровъ добраго тамъ на его мѣсто оставить, а прочимъ быть въ армію» [1]).

Подобное-же письмо писалъ Петръ и графу Θедору Матвѣевичу Апраксину, главному въ то время начальнику русскихъ войскъ въ столицѣ, поздравляя его съ истребленіемъ послѣдняго корня Мазепина: «Объявляю вамъ, что полковникъ Яковлевъ Запорожье штурмовалъ; и хотя съ 300 человѣкъ потерялъ, однакожъ оное проклятое гнѣздо взялъ и оныхъ воровъ всѣхъ порубилъ; и тако послѣдній корень Мазепинъ, съ помощью божіей, выкорененъ, чѣмъ вашу милость и поздравляю» [2]).

Для того, чтобы ослабить страшное впечатлѣніе, произведенное на украинскій народъ истребленіемъ сичевыхъ козаковъ, царь издалъ, мая 26 дня, грамоту, въ которой говорилъ, что причиной несчастья, происшедшаго въ Сичи, была измѣна самихъ-же запорожцевъ, потому что они, прикидываясь вѣрными людьми царю, въ дѣйствительности обманывали его и сносились съ врагами Россіи, шведами. Тутъ-же Петръ приказывалъ всѣхъ запорожцевъ, кромѣ повинившихся, бросившихъ свое оружіе и изъявившихъ желаніе жить подобно простымъ крестьянамъ, въ украинскихъ селеніяхъ и городахъ, хватать, бросать въ тюрьму и казнить [3]); самыя-же земли ихъ, отъ рѣки Орели до рѣки Самары, приписать къ миргородскому полку, въ которомъ въ то время, состоялъ полковникомъ Даніилъ Апостолъ. Грамота писана на имя гетмана Ивана Скоропадскаго и состояла изъ обвинительныхъ статей противъ запорожскихъ козаковъ и общихъ мѣропріятій противъ возвращенія ихъ въ мѣста бывшаго Запорожья и въ города Малороссіи.

«Божіею милостію мы, пресвѣтлѣйшій и державнѣйшій великій государь и великій князь Петръ Алексѣевичъ, самодержецъ всероссійскій и прочая, и прочая. Объявляемъ нашего царскаго величества вѣрному подданному войска нашего запорожского обоихъ сторонъ Днѣпра гетману Ивану Ильичу Скоропацкому, также духовнаго чина и мірскимъ, а имянно: генералной старшинѣ, полковникомъ и полковой старшинѣ, сотникомъ и атаманомъ и всему посполству малороссійского народа. Не сумнѣваемся мы, великій государь, наше царское величество, что издавна всѣмъ

---

[1]) Голиковъ, Дополненіе къ Дѣяніямъ, Москва, 1792, VIII, 241.

[2]) Голиковъ, Дѣянія Петра Великаго, Москва, 1788. III, 90.

[3]) Чтенія московскаго общ. исторіи и древностей, I, 221, 227.

вамъ, нашимъ подданнымъ, вѣдомо о всегдашнихъ своеволствахъ и шатостяхъ и непослушаніяхъ непостоянныхъ и непокоривыхъ запорожцовъ, како они еще отъ начала подданства малороссійского народа подъ высокую державу отца нашего, блаженныя и вѣчнодостойныя памяти пресвѣтлѣйшого и державнѣйшого, великого государя, царя и великого князя, Алексѣя Михайловича, самодержца всероссійского, его царского величества, не токмо что не слушали и не повиновались прежнимъ гетманомъ такъ, какъ належало, но и нашихъ указовъ всегда были преслушники, и поднявъ орду многократно малороссійской край воевали и многое разореніе оному чинили, о чемъ, для краткости не упоминаемъ подробну: да и при державѣ нашей, въ недавномъ времени, присовокупя къ себѣ вора и измѣнника, Петрика, поднимали орду и приходили на полкъ полтавской, и ежелибъ, з божіею помощію и нашимъ счастіемъ, надъ рѣкою Арѣлью отъ войскъ нашихъ они не были встрѣчены и не розбиты, тобъ весь малороссійской край въ конечное разореніе привели; и хотя они безбожные и своеволные запорожцы, при нѣкоторыхъ случаяхъ, являлись мало что и покорными, однакожъ никогда, не оставляя злобного своего умышленія, чинили-то лукаво, и искали всегда ко исполненію того своего зломыслія времяни, яко воры и разбойники, не хотя никогда видѣть земли государствъ нашихъ, паче-же малороссійской край, въ мирномъ покоѣ и тишинѣ; а когда усмотрѣли они насъ, великого государя, въ великихъ военныхъ съ непріятелемъ нашимъ, шеведомъ, дѣйствіяхъ, по учиненіи тридесятилѣтнего миру съ салтановымъ величествомъ турскимъ, то преслушавъ и уничтожа многіе наши посланные къ нимъ на Кошъ жестоко претимые указы, чинили сосѣдственныя ссоры и подданныхъ турскихъ и татарскихъ разбивали, и стада многія отгоняли, и людей побивали и въ полонъ брали, такожъ и купцовъ грековъ съ товары, въ государства наши ѣдучихъ и назадъ возвращающихся, побивали и товары ихъ грабили; а то все чинили они злоумышленно, дабы тѣмъ подать Портѣ явно видъ къ нарушенію мирныхъ съ нами договоровъ, и знатно по наущенію измѣнника и богоотступника Мазепы, о которыхъ ихъ сосѣдственныхъ ссорахъ и о пограбленныхъ пожиткахъ со стороны салтанской многіе запросы въ награжденіе обидимымъ были и плачены за то изъ нашей казны многія тысячи; такожъ и въ краткомъ времяни вора и бунтовщика, донского козака, Булавина, державъ они, запорожцы, у себя на Кошѣ

долгое время, отпустили на Донъ, придавъ ему отъ себя съ 3.000 козаковъ, который тамо съ ними, запорожцы (-ами), учинилъ многіе смятенія и бунты, но, съ помощію божіею, отъ войскъ нашихъ пораженъ и воспріялъ, по дѣломъ своимъ, возмездіе, купно со единомышленники своими; и едва единое лѣто прошло, въ которое-бъ не было отъ нихъ, запорожцовъ, какова явного бунту и противности и разоренія малороссійскому краю набѣгами и разбоями, також и въ присылку къ нимъ на Кошъ отъ насъ, великого государя, съ нашимъ жалованьемъ и грамотами, какъ нашихъ, такъ и отъ подданныхъ нашихъ, гетмановъ, посланныхъ, принимали они всегда съ безчестіемъ и руганіемъ, а иногда оныхъ побивали и въ воду сажали; и хотя они, запорожцы, яко бунтовщики и преслушники нашихъ указовъ, уже давно подлежали нашему гнѣву и достойны были казни и разоренія; однакожъ мы, великій государь, то все долготерпѣливо сносили, чая ихъ обращенія и за вины ихъ заслуги; а когда въ семъ настоящемъ времени безбожный и клятвопреступный измѣнникъ Мазепа, бывшій гетманъ войскъ нашихъ запорожскихъ, хотя, по злобному своему издавна умышленію, весь народъ малороссійскій отдать шведомъ и подъ иго полское, и привесть отъ благочестія въ римскую и въ уніацскую вѣру, намъ, великому государю, измѣня, переѣхалъ х королю шведскому сь единомышленниками своими, тогда въ нашей, великого государя, грамотѣ, за подписаніемъ нашея собственныя руки, писано къ кошевому ихъ атаману Костѣ Гордѣенку и ко всѣмъ къ нимъ, запорожцамъ, объявляя имъ о той Мазепиной измѣнѣ и напоминая, дабы они пребывали къ намъ, великому государю, во всякой вѣрности, а къ измѣннику-бъ Мазепѣ не приставали и ни въ чемъ его не слушали, и прислали-бъ отъ себя съ Кошу въ Глуховъ на обраніе волными голосы нового гетмана, по правамъ и волностямъ всего войска запорожского изъ своего знатного товарыщства сколко человѣкъ пристойно, на что они, запорожцы, намъ, великому государю, въ листу своемъ отвѣтствовали, обѣщаяся быть всегда въ постоянной вѣрности и должныя свои службы намъ, отдавати, не склоняючись ни на какіе Мазепины прелести, прося также о томъ, чтобъ новый гетманъ обранъ былъ волными голосы, по правамъ народа малороссійского, которому они, по должности своей, послушаніе отдавати обѣщали. И какъ въ прошломъ 1708 году, ноября въ 6 день, на радѣ въ Глуховѣ, малороссійского народа отъ духовныхъ особъ, и полковниковъ, и полко-

вой старшины и всего посполства, по правамъ и волностямъ ихъ, обранъ волными голосы войска нашего запорожскаго обоихъ сторонъ Днѣпра въ гетманы ты, Иванъ Ильичъ Скоропацкій, то потомъ паки и ни единократно въ нашихъ, великого государя, грамотахъ, за подписаніемъ нашей царского величества, собственныя руки и за печатми къ нимъ, запорожцамъ, писано, объявляя имъ о томъ вашемъ гетманскомъ обраніи и увѣщевая ихъ паки, дабы они пребывали къ намъ, великому государю, во всякой вѣрности и тебѣ, новообранному гетману войскъ нашихъ запорожскихъ, отдавали должное и належитое послушаніе, а на прелести-бъ измѣнника Мазепы не смотрѣли, не склонялись и къ нему не приставали и ни в чемъ его не слушали, но за вѣру православную, и за волность свою и за отчизну противъ шведа и измѣнника Мазепы стояли; при которыхъ нашихъ грамотахъ послано къ нимъ нашего жалованья, сверхъ обыкновенныхъ къ нимъ годовыхъ всегдашнихъ посылокъ, 12.000 рублевъ, а кошевому сверхъ того 500 червонныхъ, а старшинѣ 2.000 рублевъ, съ столники нашими з Гавриломъ Кисленскимъ да з Григорьемъ Теплицкимъ, и обѣщано имъ отъ насъ, великого государя, то наше жалованье давать повсягодно, сверхъ обыкновенныхъ годовыхъ дачъ, усмотря ихъ вѣрность и постоянство при нашей сторонѣ въ настоящихъ случаяхъ, такъ-же обѣщано въ тѣхъ нашихъ грамотахъ прислать къ нимъ, во знакъ нашея милости, войсковые клейноты: перначъ, бунчюкъ, знамя, литавры и трости кошевому атаману и судьѣ, которые потомъ посланцомъ ихъ и вручены были. При тѣхъ-же вышепомянутыхъ посланныхъ нашихъ, и отъ тебя, гетмана, посланъ былъ къ нимъ, запорожцамъ, тогдашней сотникъ лубенской Василей Савичъ, со объявленіемъ о избраніи твоемъ на гетманство, такъ-же съ листомъ преосвященного Іосафа Краковского, митрополита кіевскаго и Малыя Россіи, и знатныхъ духовныхъ особъ, Межигорскаго монастыря іеромонахъ, которой нынѣ архимандритъ, Иродіонъ Жураковскій, посыланъ для такова-жъ увѣщанія отъ всѣхъ архіереовъ и духовного чина Малой Россіи ихъ къ вѣрности къ намъ къ великому государю, и претя за противность церковною клятвою; но тѣ запорожцы, принявъ у тѣхъ посланныхъ наши, великого государя, грамоты и архіерейскій листъ, и получа себѣ то наше жалованье, тѣхъ нашихъ посланныхъ безчестили, и хотѣли одного изъ столниковъ нашихъ посадить въ воду, а іеромонаха называли шпегомъ и хвалились его зжечь въ

бочкѣ смоленой, а въ отвѣтныхъ своихъ, съ тѣми отъ насъ посланными, листахъ, писали къ намъ, великому государю, съ нареканіемъ и безчестіемъ и на самую нашу высокую особу, чиня многіе неприличные запросы и досадительныя укоризны и угрозы; да они жъ, измѣнники запорожцы, ноября въ 24 день прошлого 1708 году, писали к измѣннику Мазепѣ, во отвѣтъ на его к нимъ прелестной листъ, съ судьею прилуцкимъ Трофимомъ Васильевичемъ, такожде со многими на насъ, великого государя укоризнами, прося измѣнника Мазепу о присылкѣ к нимъ на Кошъ посланныхъ отъ короля швецкого и отъ Лещинского и отъ него измѣнника, для постановленія съ ними договоровъ, за кѣмъ имъ, отторгнувшись изъ подъ державы нашіи, быти, и дабы даны имъ были войсковые клейноты отъ короля швецкого и Лещинского, а для разоренія крѣпости нашей, Каменнаго-Затона, просили они у шведа и у измѣнника Мазепы скорой присылки тамошнихъ войскъ, обѣщая, по разореніи той крѣпости, поспѣшати к нимъ в помочь противъ нашихъ войскъ и посланной съ тѣмъ ихъ листомъ судья Василевичъ перенятъ. Потомъ они-жъ, запорожцы, знатного бунчужного товарища Ивана Черняка, которой, по нашему, великого государя, указу посыланъ отъ тебя, подданнаго нашего, гетмана Ивана Ильича, к хану крымскому со объявленіемъ о избраніи твоемъ на гетманство, по возвращеніи его изъ Крыму, не токмо что въ Сичѣ задержали, но вь явственной радѣ Костка Гордѣенко его билъ смертнымъ боемъ и потомъ с Кошу отослали къ измѣннику Мазепѣ, которой и доднесь въ оковахъ у него, измѣнника, держитца; да и самъ онъ воръ, кошевой атаманъ Костя Гордѣенко, съ единомышленники своими съ старшиною и с товарствомъ, забывъ страхъ божій и обѣщаніе свое при крестномъ цѣлованіи намъ, великому государю, учиненное, по взятіи на Кошу помянутого нашего жалованья, подъ видомъ и объявленіемъ, будто идетъ онъ съ войскомъ запорожскимъ к нашему войску въ слученіе, которымъ уже и вдругорядь, для того походу, наше великого государя, жалованье было послано, пошелъ х королю швецкому и к вору измѣннику Мазепѣ и идучи нечаянно на нѣкоторыхъ нашихъ ратныхъ людей, которые отъ нихъ яко отъ пріятелей, не опасались, безъ данной отъ нихъ и малѣйшей имъ запорожцамъ причины, измѣнически въ ночи нападеніе учинилъ и нѣсколько оныхъ побилъ и в полонъ побравъ, къ шведу отвелъ. И потомъ они-жъ, запорожцы, сообщась съ шведами, на наши

войска, подъ Соколками приходили, но обще съ шведы, при помощи божіей, разбиты и прогнаны, и хотя еще и потомъ мы, великій государь, черезъ грамоты наши, такожде и генералъ нашъ главный, римского и россійского государствъ ижерскій князь Александръ Даниловичъ Меншиковъ и ты, подданной нашъ гетманъ, чрезъ листы свои, на Кошъ посыланные, наказного кошевого съ прочими запорожцы увѣщевали о выборѣ нового кошевого и старшины, и дабы они к измѣнѣ Мазепиной не приклонялися и Гордѣенку не послѣдовали, но были-бъ въ вѣрности при нашей сторонѣ, обѣщая имъ нашу милость; но на тѣ многія увѣщеванія и отвѣту отъ нихъ никакова не учинено, а тѣ, которые посланные с тѣми увѣщаніи, отъ нихъ на Кошу побиты, иные-жъ переловлены и к измѣннику Мазепѣ отосланы; также и которые у шведа суть въ полону из нашихъ великороссійскихъ и малороссійскихъ войскъ, и тѣхъ плѣнныхъ они запорожцы бьютъ и ругаютъ и мучительски комарами и муравьями травятъ, о чемъ заподлинно ушедшіе отъ измѣнника Мазепы пришедъ здѣсь сказываютъ. Да они-жъ, богоотступные измѣнники запорожцы, посылали отъ себя к хану крымскому нѣсколкократно, прося его, дабы принялъ ихъ въ подданство и далъ имъ орды на помочь противъ нашихъ войскъ, желая пролитія крови христіанскія и разоренія отчизнѣ своей малороссійскому краю; но ханъ того ихъ запорожцовъ прошенія не исполнилъ, а писалъ о томъ к салтанову величеству турскому; но понеже салтаново величество содержати с нами миръ намѣренъ крѣпко и ненарушимо, того ради въ томъ ихъ запорожцовъ зломъ намѣреніи, по указу его салтанова величества, отказано и къ хану о томъ указъ отъ него посланъ, дабы отнюдь ихъ не принималъ и орды имъ на помочь не посылалъ и ссоры с стороною нашего царского величества не вчиналъ и отнюдь никакой причины к тому не подавалъ, и приказалъ крайнему своему везирю о томъ объявить послу нашему, въ Цареградѣ пребывающему, и что намѣренъ онъ с своей стороны миръ с нами содержать ненарушимо. Также посылалъ онъ, Гордѣенко, и всѣ запорожцы с писмами к Лещинскому, отъ шведа нареченному королю полскому, прося его на помочь в Украйну, яко своего государя: и тѣ ихъ писма переняты и посланные поиманы и нынѣ держатца въ Кіевѣ; а вышеписанные и иные ихъ воровскія писма обрѣтаютца нынѣ въ нашей царского величества посолской канцеляріи, которые тебѣ, подданному нашему, гетману,

были объявлены. И видя то, мы, великій государь, ту ихъ запорожцовъ явную измѣну, бунтъ и противность къ намъ, великому государю, и злобу къ своей отчизнѣ, указали послать на нихъ войска наши изъ Кіева плавною с полковникомъ с Петромъ Яковлевымъ, давъ ему нашъ указъ, дабы онъ пришедъ къ Сѣчѣ, наказному кошевому атаману и всему товарству объявилъ нашимъ указомъ, что ежели они принесутъ намъ, великому государю, повинную и покореніе и выберутъ вмѣсто вора измѣнника Гордѣенка нового кошевого атамана и протчюю старшину и обѣщаются при крестномъ цѣлованіи служить намъ вѣрно, и тѣ всѣ вины ихъ будутъ прощены, и оставлены они будутъ при прежнихъ своихъ войсковыхъ правахъ и волностяхъ; и какъ онъ, полковникъ Яковлевъ, съ войски нашими къ Переволочнѣ пришелъ и тамо засталъ ихъ запорожцовъ нѣсколко тысячъ человѣкъ, и посылалъ къ нимъ, чтобъ они покорились и вину свою намъ, великому государю, принесли, но они того не учинили и, сообщась з жителми Переволочинскими, с нимъ билися; что тотъ полковникъ принужденъ оныхъ яко измѣнниковъ, хотя и с урономъ отъ нашихъ войскъ, достать штюрмомъ. Такожде и въ обоихъ Кадакахъ и въ иныхъ мѣстѣхъ подобныя противности они, измѣнники запорожцы, войскамъ нашимъ показали. Потомъ-же пришедъ онъ, полковникъ, подъ Сѣчю и такожде для увѣщеванія наказного ихъ кошевого и протчихъ запорожцовъ посылалъ указомъ нашимъ, дабы они, яко вышепомянуто вину свою намъ великому государю, принесли и выбрали вмѣсто Гордѣенка нового кошевого атамана и обѣщались служить намъ, великому государю, вѣрно; но они яко древніе и непокоривые бунтовщики, то все жестоковыйно презирая, не токмо того напоминанія и увѣщеванія не послушали, но и посланного съ тѣмъ в воду бросили, и по войскамъ нашимъ изъ города изъ пушекъ и изъ мелкаго ружья жестоко стрѣляли, и полковника отъ войскъ нашихъ Урнея и иныхъ добрыхъ офицеровъ и съ 400 человѣкъ рядовыхъ побили; что видя посланной с войски нашими полковникъ, с посланнымъ отъ тебя подданного нашего в слученіе к нему чигиринскимъ полковникомъ Калаганомъ и команды ево с козаками (которые притомъ вѣрно и и мужественно службу свою к намъ явили), принужденны тотъ городъ штюрмовать и с помощью Вышняго оный штюрмомъ взялъ сего маія въ 14 день, и ихъ, бунтовщиковъ, запорожцовъ, побили и въ полонъ побрали. И тако тѣ злые богомерзкіе измѣнники и бунтов-

щики и разрушители покоя въ малороссійскомъ краю давно заслуженную за свои злыя дѣла отъ Бога казнь и месть праведно воспріяли и той своей погибели сами суть виновны: о чемъ мы, великій государь, наше царское величество заблагоразсудили тебѣ вѣрному нашему гетману Ивану Ильичу Скоропацкому и всѣмъ нашимъ подданнымъ малороссійского народа духовнымъ и мирскимъ сею нашею великого государя грамотою для извѣстія объявить; и притомъ вамъ повелѣваемъ, ежели изъ тѣхъ запорожцовъ, которые пошли къ измѣннику Мазепѣ или изъ утекшихъ при взятіи Переволочни, Сѣчи и иныхъ мѣстъ будутъ гдѣ въ Малороссіи укрываться, и тѣхъ по вѣрности вашей къ намъ, великому государю, велѣть яко измѣнниковъ сыскивать и ловить и приводить къ полковникомъ и сотникомъ, а имъ присылать къ намъ, великому государю, или къ тебѣ подданному нашему гетману, кромѣ тѣхъ, которые изъ тѣхъ-же запорожцовъ будутъ сами приходить и вины свои приносить, и оныхъ тебѣ, подданному нашему гетману, принимать и приводить къ присягѣ, и вины ихъ отдавать, и сію нашу великого государя грамоту въ войскѣ нашемъ запорожскомъ и во всей Малой Россіи въ городѣхъ, мѣстечкахъ и в селѣхъ прочитать, и у церквей для объявленія всѣмъ прибивать указали, дабы о томъ всѣмъ было вѣдомо. Данъ въ обозѣ нашемъ при Полтавѣ лѣта Господня 1709 маія 26 дня государствованія нашего 28 году» [1]).

Въ тотъ-же день, т. е. мая 26 числа, когда посланъ былъ Скоропадскому приведенный указъ царя, канцлеръ графъ Головкинъ писалъ отъ себя изъ обоза подъ Полтавой гетману письмо и въ этомъ письмѣ сообщалъ, что къ его вельможности послано нѣсколько сотъ экземпляровъ печатныхъ универсаловъ съ изложеніемъ «измѣны и противностей злобныхъ запорожцевъ, посылки войскъ къ нимъ царскаго величества и взятія ихъ Сѣчи тѣмъ войскомъ». Писанные универсалы должны быть прочитаны публично всей генеральной старшинѣ и полковникамъ; печатные-же должны быть разосланы малороссійскому народу, дабы всѣ знали, что «тѣ

---

[1]) Архивъ мин. ин. дѣлъ; малороссійскія дѣла, 1709, св. 28, № 36; Голиковъ, Дополненіе къ дѣяніямъ Петра В., Москва, 1792, VIII, 243—250; Бантышъ-Каменскій, Исторія Малой Россіи, Москва, 1822, IV, 186—193; Маркевичъ, Исторія Малороссіи, Москва, 1842, IV, 239—300. У Голикова, Каменскаго и Маркевича настоящая грамота напечатана и неполно и съ большими искаженіями.

измѣнники и бунтовщики запорожцы сами своей погибели виновны» [1]).

Одинъ изъ главныхъ виновниковъ разоренія Чортомлыцкой Сичи, полковникъ Игнатъ Галаганъ, за «вѣрныя службы свои» царю награжденъ былъ селомъ Боровицей и другими деревнями въ чигиринскомъ полку да селомъ Веремѣевкой [2]), а сверхъ того ему обѣщана была отъ царя особая милость «нѣсколько сотъ рублевъ денегъ», для полученія которыхъ кіевскій губернаторъ князь Димитрій Голицынъ приказывалъ (1713 года, декабря 24 дня), гетману Ивану Скоропадскому выдать Галагану проѣзжій листъ до Санкпетербурга. Царь Петръ Алексѣевичъ, пріѣхавъ послѣ полтавской побѣды въ Кіевъ, отдалъ приказъ князю Голицыну «имѣть къ Галагану призрѣніе, держать его въ охраненіи и въ требованіи и въ чемъ будетъ просить, чинить ему вспоможеніе» [3]).

---

[1]) Судіенко, Матеріалы, Кіевъ, 1855, II, 133.
[2]) Послѣдная дана ему въ 1713 году.
[3]) Судіенко, Матеріалы, Кіевъ, 1855, II, 56.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ.

Осада королемъ Карломъ XII, гетманомъ Мазепой и кошевымъ Гордіенкомъ города Полтавы.—Бѣгство Карла, Мазепы и запорожцевъ изъ-подъ Полтавы.—Затруднительное положеніе шведовъ и козаковъ во время бѣгства.—Мѣсто переправы шведовъ и козаковъ съ лѣваго на правый берегъ Днѣпра.—Бѣгство короля, гетмана и кошевого через дикія поля къ рѣкѣ Бугу.—Обязательства, возложенныя царемъ на гетмана Скоропадскаго въ отношеніи запорожцевъ.—Назначеніе въ совѣтники гетману Скоропадскому стольника Измайлова и приказъ послѣднему относительно запорожцевъ.—Обращеніе гетмана Скоропадскаго къ запорожскому войску и отвѣтъ кошевого атамана Кириленка Скоропадскому.—Жалоба запорожцевъ гетману Скоропадскому на варварскіе поступки въ отношеніи козаковъ полковника Галагана.—Судьба запорожцевъ, ушедшихъ изъ Сѣчи съ атаманомъ Богушемъ и бѣжавшихъ съ Гордіенкомъ.—Договоръ послѣднихъ съ турецкимъ султаномъ и гетманомъ Орликомъ въ Бендерахъ.

Пробывъ уже болѣе полугода въ предѣлахъ Малороссіи и имѣя въ виду дальнѣйшую борьбу съ русскимъ царемъ, шведскій король Карлъ XII пожелалъ, подъ конецъ, пріобрѣсти выгодный опорный пунктъ, съ тѣмъ, чтобы укрѣпиться въ немъ, и остановилъ свое вниманіе на городѣ Полтавѣ. По словамъ малороссійскаго историка мысль о завладѣніи городомъ Полтавой подали Карлу XII запорожскіе козаки и ихъ кошевой атаманъ Гордіенко, которые ручались королю за счастливый исходъ дѣла подъ Полтавой [1]). На этомъ-же настаивалъ и гетманъ Мазепа, представляя королю тѣ соображенія, что со взятіемъ этого города онъ получитъ «много провіанта, денегъ и суконъ» и что тогда «положеніе шведовъ измѣнится къ лучшему». Въ Полтавѣ въ то время находился комендантъ города, полковникъ Иванъ Степановичъ Келлинъ съ русскими регулярными войсками въ числѣ 4.200 человѣкъ и съ вооруженными жителями въ числѣ 2.600 человѣкъ. Главная квартира шведовъ въ это время была въ мѣстечкѣ Опошнѣ, выше Полтавы, но часть съ самимъ королемъ, въ концѣ марта мѣсяца, подступила къ Полтавѣ съ праваго берега

---

[1]) Бантышъ-Каменскій, Исторія Малой Россіи, Москва, 1822, IV, 20.

рѣки Ворсклы и расположилась въ виду самаго города [1]). Съ 1 по 4 апрѣля шведы пытались взять Полтаву открытою силой, но, не успѣвъ въ томъ, рѣшили сдѣлать возлѣ нея земляныя укрѣпленія и чрезъ нихъ приблизиться съ пушками къ городу. При шведахъ были и запорожцы. Надъ возведеніемъ земляныхъ траншей работали шведская артиллерія и двѣ батареи пѣхоты; сильную поддержку оказывали въ этомъ случаѣ шведамъ запорожцы. На всѣ приступы шведовъ осажденные отвѣчали мужественнымъ отпоромъ. Въ это-же время русская армія, подъ начальствомъ князя Меншикова, стояла на лѣвомъ берегу рѣки Ворсклы и старалась, мелкими нападеніями на непріятелей, безпокоить шведовъ. Царь Петръ Алексѣевичъ пока былъ въ городѣ Воронежѣ и, узнавъ о движеніи шведовъ къ городу Полтавѣ, послалъ приказъ фельдмаршалу Шереметеву, все еще стоявшему въ Голтвѣ, поспѣшить къ Полтавѣ и соединиться съ Меншиковымъ. Шереметевъ не замедлилъ исполнить царскій приказъ и подкрѣпилъ своими силами князя Меншикова. Въ концѣ мая вся русская соединенная армія заняла позицію въ селеніи Крутой-Берегъ, на лѣвомъ берегу Ворсклы, а 4 числа іюня прибылъ въ лагерь и самъ царь Петръ Алексѣевичъ.

Тѣмъ временемъ къ половинѣ мая шведы, при помощи запорожцевъ, возвели траншеи до контръэскарпа въ виду самаго города. Мая 27 числа комендантъ Полтавы сдѣлалъ вылазку противъ работавшихъ въ траншеяхъ, отбросилъ ихъ назадъ и убилъ лейтенанта съ нѣсколькими солдатами и запорожцами. Но тутъ на помощь работавшимъ въ траншеяхъ подоспѣлъ одинъ изъ шведскихъ полковъ, и русскіе поспѣшно удалились, потерявъ нѣсколько человѣкъ. Запорожцы, которыми шведы такъ выгодно пользовались для земляныхъ работъ, съ этого дня уже неохотно возвращались въ траншеи [2]). Іюня 17 числа шведскій король, при осмотрѣ русскихъ позицій, во время разъѣзда вдоль праваго берега рѣки Ворсклы, получилъ тяжелую рану, и потому рѣшительный штурмъ города со стороны шведовъ начался только 21-го числа. Жители города оказали при этомъ шведамъ такое сопротивленіе, что послѣдніе, не смотря на цѣлодневный бой, не могли одолѣть русскихъ и сосредоточились у сѣверной части города, оставивъ въ тран-

[1]) Пузыревскій, Развитіе постоянныхъ регулярныхъ армій, СПБ. 1889, 303.

[2]) Adlerfeld, Histoire de Charles XII, Amsterdam, 1740, III, 445.

шеяхъ запорожцевъ. За это время русская армія оставила свою позицію у лѣваго берега Ворсклы, въ Крутомъ-Берегѣ, поднялась вверхъ по Ворсклѣ, переправилась съ лѣваго на правый берегъ рѣки между Петровкой и Семеновкой и потомъ расположилась подъ Малыми-Будищами, въ виду Полтавы. Іюня 22 дня, въ два часа утра, Карлъ XII двинулъ свои войска съ тѣмъ, чтобы рѣшительно атаковать городъ Полтаву и вырвать ее изъ рукъ русскихъ. Въ этотъ день запорожскіе козаки, вмѣстѣ съ нѣсколькими шведскими полками, оставлены были позади для прикрытія шведскаго обоза и земляныхъ осадныхъ работъ [1]). Но этотъ приступъ къ Полтавѣ былъ уже послѣднимъ. Іюня 27 числа былъ день славный для Петра и для всей Россіи, но роковой для Карла XII и для всей Швеціи [2]).

Разбитый, раненый, насильно унесенный съ поля битвы, усаженный противъ воли въ карету, мучимый душевными тревогами и страшной физической болью, шведскій король, забывъ себя, въ безпокойствѣ спрашивалъ только о судьбѣ бывшаго съ нимъ въ походѣ принца виртембергскаго Максимильяна и перваго министра своего, графа Пипера. «Они въ плѣну, государь, въ плѣну у русскихъ». «Въ такомъ случаѣ лучше умереть у турокъ,—впередъ»!.. Словомъ «впередъ» все сказано было: этимъ король опредѣлилъ, что поспѣшное бѣгство—единственное спасеніе отъ грозившей ему опасности попасть въ руки русскихъ. Съ королемъ было нѣсколько человѣкъ запорожцевъ, которые поклялись ему благополучно переправить его черезъ Днѣпръ и доставить черезъ дикія поля въ предѣлы Турціи.

Путь для бѣгства избранъ былъ вдоль праваго берега рѣки Ворсклы,впадающей въ Днѣпръ почти на 100 верстъ ниже Полтавы и имѣвшей въ то время при своемъ устьѣ крѣпостцу Переволочну. Крѣпостца Переволочна находилась въ углу, образовавшемся при впаденіи въ рѣку Днѣпръ рѣки Ворсклы. Самое пространство между двухъ рѣкъ было само по себѣ невелико и кромѣ того съужено близко придвинувшеюся къ берегу возвышенностью. Вся-же

---

[1]) Adlerfeld, Histoire de Charles XI, Amsterdam, 1740, III, 458.

[2]) Подробности о полтавскомъ сраженіи до исторіи запорожскихъ козаковъ не относятся. О самой битвѣ можно найти точный разскавъ въ Журналѣ Петра Великаго, СПБ., 1770, I: въ сочиненіи Богдановича: Замѣчательнѣйшіе походы Петра Великаго и Суворова, СПБ., 1846; въ книгѣ Павловскаго и Старковскаго Полтавская битва, Полтава, 1895.

мѣстность, гдѣ находилась Переволочна, обнята была съ востока рѣкой Ворсклой, съ сѣверо-запада рѣкой Псломъ, съ юга рѣкой Днѣпромъ; примыкавшія къ Днѣпру болота и трясины дѣлали все мѣсто крайне неудобнымъ для переправы. Къ тому-же и самый Днѣпръ противъ Переволочны былъ слишкомъ быстръ и доходилъ до полмили въ ширину. Ни самъ король, ни ближайшіе совѣтники его не были знакомы съ особенностями этой мѣстности и не постарались заранѣе осмотрѣть переправу черезъ Днѣпръ. Напротивъ того, русскій царь Петръ, желая предупредить всякую возможность переправы своему врагу черезъ Днѣпръ, еще за нѣсколько дней до битвы приказалъ удалить отъ Переволочны всѣ лодки и суда и самый городъ сжечь, такъ что ко времени прибытія Карла и Мазепы въ Переволочну тамъ остались однѣ дымившіяся развалины и совершенно обезлюдѣвшее мѣсто на нѣсколько верстъ кругомъ.

Первымъ прискакалъ къ Днѣпру гетманъ Мазепа и тотчасъ поторопился переправиться черезъ Днѣпръ: онъ везъ съ собой нѣсколько мѣшковъ серебра и двѣ бочки золота, кромѣ того множество другого «добра». Іюня 27 числа, въ 4 часа дня, Мазепа съ нѣсколькими единомышленниками своими сѣлъ въ лодки и сталъ переправляться съ лѣваго на правый берегъ рѣки. Но такъ какъ съ нимъ было много казны, то люди его начали тонуть, и Мазепа приказалъ бросать деньги за бортъ, и такъ «почти три доли» того богатства очутились на днѣ Днѣпра [1]). Вмѣстѣ съ Мазепой переправилась и часть запорожскихъ козаковъ.

Въ слѣдъ за Мазепой прискакали къ Днѣпру отдѣльные отряды разбитыхъ шведскихъ полковъ.

Шведы для переправы черезъ Днѣпръ нашли гдѣ-то на Ворсклѣ паромъ и пригнали его на Переволочанскій перевозъ. На этотъ паромъ стали садиться шведскіе солдаты и переправляться на противоположный берегъ Днѣпра. Другіе для той-же цѣли ломали обозныя телѣги, бросали доски въ рѣку и, ложась на нихъ, пытались переплыть рѣку поперекъ. Нѣкоторые бросали въ Днѣпръ колеса и на колесахъ пускались вплавь. Плохо умѣя плавать и не будучи въ силахъ справиться съ теченіемъ рѣчныхъ волнъ, шведскіе солдаты подвергались большой опасности потонуть, но имъ вездѣ оказывали большую помощь запорожскіе козаки. Одни изъ запорожцевъ садились верхомъ на своихъ лошадей и смѣло

---

[1]) Ригельманъ, Лѣтопис. повѣствованіе, III, 83; Голиковъ, Дополненіе, XVI, 19.

пускались на нихъ вплавь, а когда усталость одолѣвала ихъ, хватались за гривы коней и, помогая шведамъ на плаву, вытаскивали ихъ на противоположный берегъ рѣки. Другіе изъ нихъ дѣлали наскоро сложенные плоты, привязывали тонкія веревки къ одному концу каждаго плота, другой конецъ той-же веревки держали въ своихъ крѣпкихъ зубахъ, и такъ переплывали Днѣпръ.

Поздно ночью подъ 30-е число къ мѣсту переправы шведовъ прибылъ и самъ король. Онъ везъ съ собой серебряный столовый приборъ и большія суммы денегъ, увеличенныя только что собранной въ Саксоніи контрибуціей. При королѣ было отъ двухъ до трехъ тысячъ человѣкъ охраны и въ томъ числѣ нѣсколько человѣкъ запорожскихъ козаковъ. Для переправы короля связали двѣ лодки вмѣстѣ и на этотъ паромъ внесли короля вмѣстѣ съ каретой [1]). Карету короля поставили такъ, что переднія колеса ея помѣстились въ одной лодкѣ, а заднія—въ другой. Чтобы не отдать добычи и орудій въ руки враговъ, Карлъ приказалъ оставшійся на лѣвомъ берегу Днѣпра обозъ сжечь, а пушки погрузить въ Днѣпръ. Возлѣ короля помѣстилось 12 человѣкъ тѣлохранителей, и въ полночь всѣ оттолкнулись отъ лѣваго берега рѣки [2]).

Едва король успѣлъ переправиться за Днѣпръ, какъ на слѣ-

[1]) По Ригельману король, для собственной переправы, приказалъ сломать въ Переволочнѣ церковь и нѣсколько строеній и сдѣлать изъ бревенъ плотъ. Лѣтопись, III, 83; Записки одес. общ. исторіи и древностей, III, 310.

[2]) Гдѣ именно переправлялись бѣглецы черезъ Днѣпръ—на это существуетъ два отвѣта. По одному отвѣту переправа произошла въ самой Переволочнѣ (Fryxel, Lebensgeschichte Karls XII, 179, 181); по другому, на три версты къ западу отъ Переволочны, у теперешней сл. Тахтаевой, на томъ-же берегу Днѣпра, гдѣ стоитъ и Переволочна; у Тахтаевой Днѣпръ сравнительно неглубокъ, усѣянъ небольшимъ числомъ песчаныхъ островковъ и не шире одной версты (Записки одес. общ. ист. и древн., III, 310. См. также Записки Манштейна, М., 1823, I, 227). Противъ Переволочны, на правомъ берегу Днѣпра, стоитъ с. Днѣпровокаменка, происхожденія половины XVIII вѣка Противъ Тахтаевой виднѣется открытая песчаная пустошь и на 2 версты ниже пустоши—древнее селеніе Мишуринъ-Рогъ. Днѣпръ между Переволочной и Днѣпровокаменкой шире, нежели между Тахтаевой и пустошью, зато тутъ на немъ расположены параллельно, во всю ширину, отъ берега до берега 3 большихъ острова, представляющихъ большое удобство для переправы; противъ Тахтаевой Днѣпръ хотя и уже, нежели противъ Переволочны, но на немъ имѣется два острова и они расположены вблизи лѣваго берега. Мѣстное преданіе говоритъ за переправу противъ Днѣпровокаменки, въ то время еще несуществовавшей. На эту мысль наводитъ еще и то обстоятельство, что въ днѣпровокаменскомъ участкѣ, вдоль Днѣпра, не болѣе, какъ

дующій день, іюня 30 числа, у Переволочны показался князь Меншиковъ съ отрядомъ въ 9.000 человѣкъ, высланный по слѣдамъ бѣглецовъ въ догонъ. Русскіе нашли на лѣвомъ берегу Днѣпра около 16.000 или 17.000 человѣкъ шведовъ и въ томъ числѣ 220 человѣкъ запорожскихъ козаковъ и потребовали, чтобы непріятели сдались на извѣстныхъ условіяхъ русскому царю. На вопросъ шведскаго генерала Крейца, каковы тѣ условія, князь Меншиковъ отвѣчалъ, что всѣ шведы, какъ военноплѣнные, должны положить оружіе и сдать припасы, кромѣ платья и частной собственности; но изъ этого исключаются запорожцы и другіе измѣнники русскому царю [1]).

Въ журналѣ Петра Великаго о событіи въ Переволочнѣ, у лѣваго берега Днѣпра, говорится такъ: «Въ 30-й день государь за непріятелемъ-же путь свой воспріялъ, и хотя всякое прилежаніе чинено, дабы непріятеля какъ скорѣе догнать; однако-же онаго не могли прежде 30 іюня догнать, котораго числа его недалеко отъ Переволочны подъ горою при рѣкѣ Днѣпрѣ стоящаго обрѣли, и отъ взятаго въ полонъ полковаго квартермистра и нѣсколькихъ волоховъ увѣдомились, что король шведскій до того за 3 часа съ нѣсколькими стами конныхъ черезъ Днѣпръ переправился съ великою трудностью... Измѣнникъ-же Мазепа, съ нѣсколькими стами своими единомышленниками козаками еще прежде короля за Днѣпръ перебрался и ушелъ въ турецкую область» [2]).

Іюля 1 числа къ Переволочнѣ прибылъ самъ царь и тотъ-же часъ выслалъ отрядъ русскихъ войскъ подъ начальствомъ князя Григорія Волконскаго, за Днѣпръ для преслѣдованія Карла и Мазепы.

Того-же числа, въ полдень, предложенныя шведамъ условія капитуляціи были приняты ими и немедленно сдѣлались извѣстны по всему стану. Оставшіеся при шведахъ запорожскіе козаки, предугадывая свою судьбу, рѣшили лучше утопиться въ Днѣпрѣ, не-

---

60 лѣтъ тому назадъ, существовали непроходимые лѣса. А такіе именно лѣса бѣглецамъ и нужны были: въ нихъ они нуждались болѣе, чѣмъ въ самыхъ удобствахъ переправы, чтобы скрыться отъ страшной погони со стороны русскихъ. Прусскій историкъ Сильтманъ говоритъ о вязкой и болотистой почвѣ праваго берега Днѣпра, на который ступили шведы при переправѣ; а это скорѣе относится къ мѣсту, гдѣ находится Днѣпровокаменка, нежели къ песчаной пустоши выше Мишурина-Рога.

[1]) Голиковъ, Дѣянія Петра В., Москва, 1788, III, 116, 117; Fryxel, Lebensgeschichte Karls XII, Braunschweig, 1861, I, 186.

[2]) Журналъ Петра Великаго, С.-Петербургъ, 1770, I, 217.

жели отдаться русскимъ на месть. Бросаясь массами въ Днѣпръ въ надеждѣ его переплыть, запорожцы не всѣ могли справиться съ теченіемъ волнъ и большею частью потонули въ рѣкѣ. Впрочемъ, изъ нихъ все-таки нѣкоторое число успѣло переплыть Днѣпръ и спастись отъ преслѣдованія русскихъ войскъ [1]). Но тѣ изъ козаковъ, которые или не успѣли броситься въ рѣку или не рѣшились сдѣлать этого, были захвачены русскими въ плѣнъ и подверглись жестокимъ казнямъ по приказанію царя. Царь, страшно раздраженный на запорожскихъ козаковъ, выдумывалъ самыя изысканныя казни для нихъ: однихъ изъ запорожцевъ онъ велѣлъ колесовать; другихъ, одѣвшихся въ шведскіе мундиры и потому въ первое время вмѣстѣ со шведами получившихъ жизнь, приказывалъ немилосердно штыками исколоть [2]); третьихъ велѣлъ въ желѣза оковать и въ дальнія мѣста Сибири отослать. Пощажено было нѣсколько простыхъ козаковъ, которые сами явились съ повинною къ царю. Такихъ собралось къ іюлю, седьмому числу, до 15.000 человѣкъ. Томимые голодомъ, мучимые страхомъ, долго скрывавшіеся послѣ полтавской побѣды по разнымъ трущобамъ и лѣсамъ, они явились къ Петру въ день торжества его надъ побѣжденнымъ врагомъ и отдали себя на волю царя. Царь, тронутый бѣдственнымъ положеніемъ несчастныхъ, простилъ имъ вину и удовольствовался только тѣмъ, что лишилъ ихъ козацкаго званія и приказалъ размѣстить по разнымъ малороссійскимъ селамъ и деревнямъ [3]).

Такая-же печальная участь постигла и тѣхъ запорожцевъ, которые захвачены были полковниками Яковлевымъ и Галаганомъ въ самой Сичи: изъ нихъ десятаго приказано было казнить, а прочихъ въ каторжныя работы въ Сибирь сослать. Въ это-же время казнены были десятый изъ 24 человѣкъ козаковъ, пытавшихся сдѣлать набѣгъ на городъ Кременчугъ, но пойманныхъ Даніиломъ Апостоломъ, полковникомъ миргородскаго полка. Потомъ и оставленные въ живыхъ изъ этихъ 24 человѣкъ также не были пощажены и, по приказу графа Головина, «на страхъ инымъ измѣнникамъ» отданы были на казнь, при чемъ изъ всѣхъ способовъ казни выбирался жесточайшій —сажаніе человѣка на колъ. Впрочемъ, не смотря на всѣ ужасы, которымъ подвергались запорожцы, даже

---

[1]) Голиковъ, Дѣянія Петра Великаго, Москва, 1788, III, 116, 117.
[2]) Fryxel, Lebensgeschichte Karls XII, Braunschweig, 1861, I, 189.
[3]) Голиковъ, Дополненіе къ Дѣяніямъ Петра В., Москва, 1795, XVI, 53.

между ушедшими съ Мазепой и Гордіенкомъ въ предѣлы Турціи, находились охотники возвратиться на Украйну. Таковъ былъ сынъ переяславскаго полковника Ѳедоръ Мировичъ, который просилъ прощеніе за свою вину и объявилъ желаніе вмѣстѣ съ нѣкоторымъ числомъ бывшихъ при немъ запорожскихъ козаковъ перейти къ царю, но съ условіемъ, если всѣ они будутъ оставлены цѣлыми и невредимыми въ своемъ здоровьѣ и имуществѣ [1]). Однако, такой переходъ почему-то не состоялся.

Тѣмъ временемъ тѣ изъ запорожскихъ козаковъ, которые успѣли уйти съ Карломъ за Днѣпръ, не переставали оказывать услуги какъ ему самому, такъ и его солдатамъ. Особенно они оказались необходимы шведамъ въ той мертвой пустынѣ, которая начиналась отъ праваго берега Днѣпра и шла до лѣваго берега Буга и извѣстна была у людей тѣхъ временъ подъ именемъ дикихъ полей. Шведы во время своего бѣгства должны были держаться наименѣе проходимыхъ мѣстъ, чтобы не быть открытыми отъ преслѣдовавшей ихъ русской погони, и въ этомъ случаѣ, безъ руководства запорожцевъ, могли-бы погибнуть въ степи, какъ въ песчаной Сахарѣ бедуины безъ «лаучей». Во время движенія по дикимъ полямъ шведовъ къ нимъ постепенно прибывали козаки, которые успѣли переправиться въ разныхъ мѣстахъ черезъ Днѣпръ и убѣжать отъ русскихъ въ степь. Переправившись черезъ Днѣпръ, бѣглецы взяли сперва направленіе прямо къ западу, на теперешнія селенія Шведское, при рѣчкѣ Омельникѣ, и Хорошево, при рѣчкѣ того-же имени, и на городъ Александрію; потомъ, перейдя черезъ вершину Ингульца, повернули на юго-западъ по водораздѣлу между Ингульцомъ и Ингуломъ и такъ, постепенно уклоняясь отъ Ингульца къ Ингулу, двигались до нижняго теченія Буга (на теперешнія селенія—Швединовку, въ 40 верстахъ отъ Александріи, другую Швединовку, въ 21 верстѣ отъ первой, Рѣшетиловку, Полтавку и Пески). На 25 верстъ ниже устья Ингула, у теперешней д. Федоровки (Святотроицкаго), бѣглецы остановились лагеремъ и потомъ приблизились къ самому Бугу. У Буга запорожцы показали шведамъ хорошій прѣсной воды колодецъ [2]) и поставили надъ нимъ караулъ, не позволяя мутить въ немъ воду, чтобы сохранить ее въ чистомъ видѣ для короля. Іюля, 7 числа, шведы стали переправляться черезъ рѣку Бугъ съ песчанаго мыса, Русской косы, у

---

[1]) Судіенко, Матеріалы, II, 158; Костомаровъ, Мазепа, 1885, 669.

[2]) Полагаютъ въ трехъ верстахъ отъ города Николаева, въ Спасскѣ.

лѣваго берега рѣки, на песчаный мысъ, Волошскую косу, на правомъ берегу. Вмѣстѣ со шведами прискакали къ рѣкѣ Бугу запорожцы и іюля 7 дня стали переправляться съ лѣваго на правый берегъ ея, но, не успѣвъ въ полномъ числѣ переплыть рѣку, какъ были настигнуты княземъ Григоріемъ Волконскимъ съ полкомъ солдатъ и спаслись бѣгствомъ въ какое-то укромное мѣсто въ степи [1]). Достигнувъ города Очакова, запорожцы раздѣлились на двѣ части, и одна часть изъ нихъ была отпущена королемъ и возвратилась восвояси, другая послѣдовала за нимъ до Бендеръ. Сколько было всѣхъ запорожцевъ при королѣ Карлѣ, неизвѣстно; полагаютъ, однако, что число ихъ доходило если не до четырехъ, то до трехъ тысячъ человѣкъ [2]).

Послѣ удаленія изъ Малороссіи шведовъ и послѣ преданія Мазепы анаѳемѣ новый гетманъ, Иванъ Ильичъ Скоропадскій, іюля 17 числа, подалъ на утвержденіе государя девять статей, на основаніи которыхъ Малороссія входила въ составъ Великой Россіи. Въ седьмой изъ этихъ девяти статей говорилось и о запорожцахъ: «Хотя и хорошо то, что проклятые запорожцы черезъ измѣну утратили Сѣчь; но малороссіяне пользовались оттуда солью, рыбою и звѣрями; поэтому просимъ, чтобъ позволено было намъ ѣздить туда за добычею и чтобъ ни каменнозатонскій воевода, ни гарнизонъ не дѣлали промышленникамъ обидъ и препятствій».

Но царь Петръ Алексѣевичъ, желавшій воспретить всякія сношенія малороссіянъ съ запорожцами, на такую статью далъ отрицательный отвѣтъ: «На сей счетъ будетъ сдѣлано послѣднее опредѣленіе послѣ, а теперь того позволить невозможно, потому что подъ этимъ предлогомъ бунтовщики запорожцы могутъ возгнѣздиться на прежнихъ мѣстахъ и устроить бунтовскія собранія» [3]).

Въ началѣ 1710 года послѣдовало утвержденіе пунктовъ, на основаніи которыхъ гетманъ Скоропадскій принятъ былъ подъ высокодержавную руку государя, при чемъ объявлено было, что, для предотвращенія на будущее время измѣны со стороны гетмана, поставлялся подлѣ него особый изъ великороссіянъ чиновникъ.

---

[1]) Вѣроятно, къ этому времени относится указаніе о нападеніи запорожцевъ «тайнымъ» способомъ на мѣстечко Ягорлыкъ рашковской сотни и о захватѣ ими въ свои руки «тамошняго» губернатора: Судіенко, Матеріалы, Кіевъ, 1855, II, 141, 142.

[2]) Записки одесскаго общества исторіи и древностей, III, 321.

[3]) Ригельманъ, Лѣтописное повѣствованіе, Москва, 1847, 90, 94.

какъ-бы изображавшій собой очи и уши государя. Такимъ чиновникомъ былъ на тотъ разъ царскій стольникъ и суздальскій намѣстникъ Андрей Измайловъ. Измайлову приказано было управлять, совмѣстно съ гетманомъ, дѣлами Малороссіи; по случаю-же бывшаго возмущенія въ малороссійскомъ краѣ и бунта въ запорожскомъ войскѣ велѣно было ему «вооруженною рукой препятствовать селиться запорожцамъ вновь въ Сѣчѣ или въ другомъ какомъ-либо мѣстѣ» [1]).

Между тѣмъ запорожское войско, послѣ разгрома Чортомлыцкой Сичи, руководимое своимъ атаманомъ Якимомъ Богушемъ, поспѣшно сложивши свое добро и уцѣлѣвшее оружіе на дубы и скрытыми ериками, заточинами, рѣчками и вѣтками ушло внизъ по Днѣпру въ турецкія земли, гдѣ поселилось Сичею при Урочищѣ Алешкахъ и Кардашинскомъ лиманѣ. Въ урочищѣ Алешкахъ запорожцы прожили 19 лѣтъ и оттуда вернулись снова на рѣчку Чортомлыкъ, гдѣ просидѣли два года. Съ Чортомлыка козаки опять спустились внизъ и тогда сѣли Сичею на устьѣ рѣчки Каменки, впадающей въ Днѣпръ, откуда потомъ, уже въ 1734 году, вернулись въ предѣлы Россіи и поселились на вѣткѣ Подпильной, въ пяти верстахъ ниже старой на Чортомлыкѣ Сичи.

Такъ говоритъ объ этомъ подлинная записка кошевого атамана Ивана Малашевича, составленная въ 1734 году, т. е. 25 лѣтъ спустя послѣ совершившагося событія, написанная съ цѣлью передать это свѣдѣніе «на потомную память поколѣнію» и запечатанная подлинною войсковою печатью [2]).

Преданіе говоритъ, что оставляя Сичу, запорожцы всего болѣе сожалѣли о своей святого Покрова сичевой церкви: «Все мы хорошо, панове, сдѣлали, все недурно зробили, но одно не хорошо учинили, что церковь свою покинули. Но что-жъ теперь дѣлать? Пусть ее хранитъ божья матерь! И божья мать сохранила ее: москали къ ней, а она отъ нихъ; они къ ней, а она отъ нихъ... Да такъ ходила-ходила, а потомъ передъ самыми глазами ихъ и пошла въ землю: вся какъ есть, съ колокольней, крестомъ, такъ и пирнула,—одна яма отъ нея лишь осталась» [3]).

---

[1]) Соловьевъ, Исторія Россіи, Москва, 1866, XVI, 37.

[2]) Архивъ московскаго отдѣленія главнаго штаба; дѣла кн. Потемкина-Таврическаго, опись 194, связка 181, № 5.

[3]) Эварницкій, Запорожье, С.-Петербургъ, 1888, II, 91.

Но въ Алешки удалилась только малая часть запорожцевъ; большинство-же ихъ бѣжало вмѣстѣ съ королемъ Карломъ и гетманомъ Мазепой отъ Днѣпра черезъ западныя границы бывшихъ запорожскихъ вольностей, достигло города Очакова и оттуда удалилось въ турецкій городъ Бендеры.

Въ 1710 году, апрѣля 5 дня, уже послѣ смерти Мазепы [1]), подъ городомъ Бендерами, въ присутствіи кошевого атамана Константина Гордіенка, генеральнаго малороссійскаго писаря Филиппа Орлика и пословъ отъ запорожскаго войска «у Днѣпра зостоючого», состоялась большая козацкая рада. На той радѣ запорожскіе и малороссійскіе козаки признали высшимъ протекторомъ всего козацкаго войска шведскаго короля Карла XII, а генеральнаго писаря при бывшемъ гетманѣ Мазепѣ Филиппа Орлика, объявили гетманомъ всей Малороссіи. При избраніи новаго гетмана запорожцы заключили съ нимъ условія, касавшіяся дальнѣйшей судьбы Малороссіи и Запорожья. Хотя условія этого договора между запорожцами и малороссійскимъ гетманомъ и не были потомъ приведены въ исполненіе, хотя уже во время составленія ихъ нѣкоторые не вѣрили въ возможность полнаго осуществленія заключаемыхъ условій, но при всемъ томъ эти постановленія должны имѣть въ глазахъ всякаго южнорусскаго историка значеніе особенной важности. Дѣло въ томъ, что въ нихъ запорожцы подробно и вполнѣ отчетливо изложили всѣ тѣ требованія, которыя были у нихъ всегда на умѣ и которыя они предъявляли по частямъ и въ разное время всѣмъ гетманамъ со времени Виговскаго и всѣмъ царямъ со времени царя Алексѣя Михайловича. Въ нихъ изложенъ былъ полностью весь идеалъ политическихъ стремленій, который передовые люди изъ запорожскаго войска хотѣли видѣть осуществленнымъ въ Малороссіи и заодно съ ней въ Запорожьи. Эти условія разбиты на 16 пунктовъ и состоятъ въ слѣдующемъ.

1. Понеже межи тремя добродѣтельми богословскими вѣра первенствуетъ, теды въ первомъ семъ пунктѣ о вѣри святой православной восточного исповѣданія дѣло надлежитъ начати, которою, яко разъ народъ валечный козацкій, за владѣнія еще кагановъ козарскихъ въ столицѣ апостольской константинопольской про-

---

[1]) Мазепа умеръ 22 августа, 1709 года. и тѣло его сперва опущено было въ Галацѣ, а потомъ погребено въ столицѣ Молдавіи Яссахъ.

свѣщенный зосталъ, такъ и теперь непорушимо въ оной тривающи, жаднымъ иновѣріемъ никогда не колебался. И не тайно есть, же славной памяти гетманъ Богданъ Хмельницкій з войскомъ запорожскимъ, ни за что иншое, опрочь правъ и вольностей войсковыхъ, унялся и праведную противъ Рѣчи Посполитой польской воздвигнулъ войну, тилко, во первыхъ, за вѣру святую православную, якая розними тяжестями насильствована была отъ власти польской до уніи зъ костеломъ римскимъ, а по искорененіи иновѣрія зъ отчизны нашой, не для чого иншого зъ тымъ-же войскомъ запорожскимъ и народомъ малороссійскимъ въ протекцію государства московского удался, и доброволне поддался, тылко для самого единовѣрія православного. За чимъ теперешній новообранный гетманъ, когда Господь Богъ, крѣпкій и сильный въ бранѣхъ, пособитъ щастливымъ оружіемъ наяснѣйшого короля, его милости шведского, свободити отчизну нашу, Малую Россію, отъ невольничого ярма московского, мѣетъ и повиненъ будетъ, во первыхъ, старатися и крѣпко застановлятися, абы жадное иновѣріе въ Малую Россію, отчизну нашу, ни отъ кого не было впроважено, которое если бы гдѣ, чи то тайно, чили явне, могло показатися, теды, владгою своею, долженъ будетъ оное искореняти, проповѣдатися и разширятися оному не допускати, иновѣрцемъ сожитія на Украйнѣ, а найбарзѣй зловѣрію жидовскому, не позволяти, и на тое всѣ старанья ложити, жебы едина вѣра православная восточного исповѣданія, подъ послушенствомъ святѣйшого апостольского фрону константинопольского, вѣчне утвержена была, и з помноженьемъ хвалы божой, церквей святыхъ, а з цвѣченьемъ въ наукахъ вызволіоныхъ сиповъ малороссійскихъ, разширялася, и яко кринъ въ терніи, межи окрестными иновѣрными панствами, процвѣтала. Для большой зась поваги первоначального въ Малой Россіи престола митрополитанского Кіевского и для знатнѣйшого дѣлъ духовныхъ управленія, мѣетъ той-же ясневельможный гетманъ, за высвобоженьемъ отчизны отъ ига московского, справити у столицѣ апостольской константинопольской, екзаршескую первобытную власть, чтобъ черезъ тое обновилася реляція и послушенство сыновское до помянутого апостольскаго константинопольскаго фрону, отъ которого проповѣдію евангельскою въ вѣри святой кафолической просвѣщена и змоцнена быти удостоилася.

2. Яко всякое панство цѣлостію границъ ненарушимою состоится и утверждается, такъ и Малая Россія, отчизна наша,

жебы въ своихъ границахъ, пактами отъ Рѣчи Посполитой польской и отъ государства московского стверженныхъ, найбарзѣй въ тимъ: которые по рѣку Случь, за гетманства, славной памяти, Богдана Хмельницкаго отъ тоей-же Рѣчи Посполитой польской, области гетманской и войску поступлены, вѣчне отданы и пактами обварованы зостали, не была згвалчена и нарушена, мѣетъ и тое ясневельможный гетманъ, при трактатахъ найяснѣйшого короля, его милости, шведского, старатися, и крѣпко, сколько Богъ силы и разуму пошлетъ, застановлятися, гдѣ будетъ належати, а найпаче супплѣковати о тое до наяснѣйшого маестату, его королевского величества шведского, яко оборонцы и протектора нашего, чтобъ его величество не допускалъ никому, не тылко правъ и вольностей, лечь и границъ войсковыхъ надвережати и себѣ привлащати. Надъ то повиновенъ будетъ тотъ-же ясневельможный гетманъ, по скonченью, дай Боже, счастливомъ войны, упросити у королевского величества шведского такого трактату, чтобъ его величество и его сукцессорове, наяснѣйшіе короли шведскіе, вѣчными протекторами Украины титуловалися и самимъ дѣломъ зоставали, для большой крѣпости отчизны нашой и для захованья оной цѣлости въ правахъ наданыхъ и границахъ. Такъ тежъ и о тое, долженъ будетъ ясневельможный гетманъ до наяснѣйшого королевского маестату супплѣковати, абы у трактатахъ его величества зъ государствомъ московскимъ было тое доложено, чтобы, якъ невольниковъ нашихъ, на сей часъ въ государствѣ московскомъ найдуючихся, по скonченью войны, намъ свободныхъ возвращено, такъ и всѣ починеные въ нынѣшную войну на Украинѣ шкоды, нагорожено и слушне отъ Москвы пополнено; а особливе о тое просити и старатися у наяснѣйшого королевского величества повинецъ, жебы невольниковъ нашихъ, въ панствѣ его-жъ величества зостаючихъ, всѣхъ свобождено и намъ возвращено.

3. Поневажъ намъ всегда пріязнь сусѣдская панства крымского есть потребна, отъ которого помощи не разъ войско запорожское до обороны своей засягало, теды, иле подъ сей часъ возможно будетъ, мѣетъ ясневельможный гетманъ и наяснѣйшого хана, его милости, крымского, чрезъ пословъ старатися о обновленье давнего зъ панствомъ крымскимъ братерства, коллегаціи военной и подтверженье вѣчной пріязни, на которую-бы окрестные панства заглядуючися, не дерзали порабощенія себѣ Украины желати и оную въ чомъ колвекъ насильствовати. По скonченью зась войны,

когда Господь Богъ пособитъ, при желаемомъ и помыслномъ намъ покою, новообранному гетману на своей осѣсти резиденціи, тогда крѣпко и неусыпно постерегати того, должностію уряду своего обовязанъ будетъ, абы ни въ чомъ зъ панствомъ крымскимъ пріязнь и побратимство не нарушилось черезъ своевольныхъ и легкомысленныхъ з нашей стороны людей, которые обыкли не тылко сусѣдскую згоду и пріязнь, лечь и союзы мирные, рвати и раздрушати.

4. Войско запорожское низовое, яко несмертельную собѣ славу многими рыцерскими отвагами на морѣ и на земли заслужило, такъ и не меншими наданнями обогащено было для общого своего пожитку и промысловъ, лечь кгды государство московское, вынаходячи розныхъ способовъ до утисненья и знищенья оного построило на власныхъ войсковыхъ кгрунтахъ и угодіяхъ, то городы Самарскіе, то фортецы на Днѣпрѣ, чимъ, хотячи въ промыслахъ рибныхъ и звѣриныхъ томужъ войску запорожскому низовому перешкоду учинити, незносную шкоду, праволомство и утемненье учинило. На остатокъ гнѣздо войсковое, Сѣчь запорожскую, военнымъ наступленіемъ разорило. Пре то, по скончанью, дай Боже, счастливомъ, войны (естьли теперь помянутое войско запорожское тыхъ кгрунтовъ своихъ и Днѣпра отъ насильства московского не очиститъ и не удовольнитъ), повиненъ будетъ ясневельможный гетманъ, при трактованью наяснѣйшого короля его милости, шведского, зъ государствомъ московскимъ о покою, о тое старатися, жебы Днѣпръ отъ городковъ и фортецъ московскихъ, тако жъ и кгрунта войсковые отъ поссессіи московской очищены и до первобытной области войска запорожского привержены были, гдѣ впредь никому а ни фортецъ строити, а ни городковъ фундовати, а ни слободъ осажувати, а ни якимъ-же колвекъ способомъ тыхъ войсковыхъ угодій пустошити, не тылко не мѣетъ ясневельможный гетманъ позволяти, лечь и до обороны оныхъ обовязанъ будетъ войску запорожскому низовому всякую помочь чинити.

5. Городъ Терехтемировъ, поневажъ здавна до войска запорожского низового належалъ и шпиталемъ оного назывался, теды и теперь, за освобожденьемъ, дай Боже, отчины отъ московского подданства, мѣетъ ясневельможный гетманъ тотъ-же городъ войску запорожскому низовому, зо всѣми угодіями и зъ перевозомъ на Днѣпрѣ, тамъ зостаючимъ, привернути, шпиталь въономъ для старинныхъ зубожалыхъ и ранами скалеченныхъ козаковъ, коштомъ войсковымъ построити, и отколь мѣетъ имъ быти пища и

одежда, промыслъ; также Днѣпръ увесь зъ гори отъ Переволочной внизъ, перевозъ Переволочанскій и самый городъ Переволочную, съ городомъ Келебердою и рѣка Ворскло зъ млинами, въ полку полтавскомъ знайдующимися, и фортецу козацкую прииналежитостями, повиненъ будетъ ясневельможный гетманъ и по немъ будучіи уряду того гетманского наслѣдники, ведлугъ давныхъ правъ и привилеевъ, при войску запорожскомъ заховати, никому з власти духовной и свѣцкой не допускаючи ѣзовъ тамъ и не позволяючи на Днепрѣ отъ Переволочной внизъ забивати и строити, становъ и рыбныхъ ловль заводити, особливе въ полю рѣки, рѣчки и всякіе прикметы, ажъ по самой Очаковъ, не до кого иншого, тилко до войска запорожского низового, вѣчными часы мѣютъ належати.

6. Если въ панствахъ самодержавныхъ хвалебный и состоянію публичному полезный заховуется порядокъ, же завше, якъ въ бою, такъ и въ покою, о общомъ отчыстомъ добрѣ приватные и публичные обыкли отправоватися рады, въ которыхъ и самыи самодержцы притомностію своею продкуючи, не возбраняются соизволеніе свое подъ общое министровъ своихъ и совѣтниковъ зданье и ухвалу подлагати, а чому-жъ-бы въ вольномъ народѣ таковый збавенный порядокъ не мѣлъ быти захованъ, который, любо въ войску запорожскомъ при гетманахъ передъ симъ, ведлугъ давныхъ правъ и вольностей, непремѣнно содержался, однакъ, кгды нѣкоторіи войска запорожского гетмани, привлащивши собѣ неслушне и безправне самодержавную владу, узаконили самовластіемъ такое право: «Такъ хочу, такъ повелѣваю», черезъ якое самодержавіе, гетманскому урядови неприличное, уросли многіе въ отчизнѣ и въ войску запорожскомъ нестроенія, правъ и вольностей разоренія, посполитые тяжести, насильные и накупные урядовъ войсковыхъ распоряженья, легкое старшины енеральной, полковниковъ и значного товариства поваженье, пре то мы, енеральная старшина, атаманъ кошовый и все войско запорожское, договорили и постановили съ ясневельможнымъ гетманомъ, при елекціи его вельможности, такое право, которое мѣетъ быти вѣчне въ войску запорожскомъ заховано: абы въ отчизнѣ нашой первенствуючими были совѣтниками енеральная старшина, такъ респектомъ урядовъ ихъ первоначальныхъ, яко и уставичной при гетманахъ резиденціи; по ныхъ, зась обыклымъ порядкомъ послѣдуючіи полковники городовіе, подобнымъ-же публичныхъ совѣтниковъ характеромъ почтены нехай будутъ; надъ то з каждого полку по

единой значной старшиной, благоразумной и заслужоной особѣ мѣютъ быти до общей рады енеральніи совѣтники, за согласіемъ гетманскимъ избраны, з которыми всѣми енеральными особами, полковниками и енеральными совѣтниками долженъ будетъ теперешный ясневельможный гетманъ и его сукцессорове о цѣлости отчизны, о добрѣ оной посполитомъ и о всякихъ дѣлѣхъ публичныхъ радитися, ничого, безъ ихъ соизволенія и совѣту, преватною своею владгою, не зачинати, не установляти и въ скутокъ не приводити. Для чого теперь, при елекціи гетманской, единогласною всѣхъ обрадою и ухвалою, назначаются три енеральные въ каждомъ року рады, мѣючіеся въ резиденціи гетманской отправовати: первая о Рождествѣ Христовомъ, другая о Воскресеніи Христовомъ, третія о Покровѣ Пресвятой Богородицы, на которое, не тылко панове полковники з старшиною своею и сотниками, не тылко зо всѣхъ полковъ енеральные совѣтники, лечь и отъ войска запорожского низового, для прислухованья ся и сѣтованья, послы мѣютъ и повинни будутъ, за присланьемъ къ себѣ отъ гетмана ордипансу, прибувати, ничого назначеного термену не ухибляючи, гдѣ что колвекъ будетъ отъ ясневельможного гетмана, до общой-бы рады предложено, о томъ всѣмъ благосовѣстно безъ жадныхъ, приватного своего и чужого порядку, респектовъ, безъ душегубной зависти и вражды, совѣтовати обовязаны будутъ, такъ далече, жебы ничого не было въ тыхъ радахъ з уближеньемъ чести гетманской, з публичною отчизны тяжестію и разореніемъ, а, не дай Боже, и пагубою. Если бы зась, опрочь тыхъ вышреченныхъ, до енеральной рады назначенныхъ терменовъ, притрафлялися якіе публичные справы, скорого управленія, отпреставленія и отправленія потребуючіе, теды ясневельможный гетманъ моцень и воленъ будетъ, зъ обрадою енеральной старшины, таковые дѣла повагою своею гетманскою управляти и отправовати. Такъ-же если-бы якіе письма приключалися зъ заграничныхъ посторонныхъ панствъ, до ясневельможного гетмана ординованные, теды оные маетъ его вельможность енеральной старшинѣ объявити и отвѣты, якіе отписуватимутся, освѣдчати, не утаеваючи предъ ними жадныхъ корресподенцій листовныхъ, найбарзѣй заграничныхъ и тыхъ, якіе могутъ цѣлости отчистой и добру посполитому вредити. А жебы скутечнѣйшая была въ секретныхъ и публичныхъ радахъ междоусобная ясневельможного гетмана зъ старши ною енеральною, съ полковниками и енеральными совѣтниками

поуфалость, повиненъ будетъ каждый зъ нымъ, при обнятю своего уряду, на вѣрность и у отчизнѣ на зычливость къ рейментарови своему на захованье повинностей своихъ, якіеколвекъ до уряду чіего належатимутъ, формальную присягу, ведлугъ роты, публичне ухваленой, выконати. И если-бы что противного, здоровного, правамъ и вольностямъ войсковымъ вредительного и отчизнѣ неполезного усмотрено было въ ясневельможномъ гетману, теды таяжъ старшина енеральная, полковники и енеральные совѣтники, моцны будутъ волными голосами, чили то приватне, чили, когда нужная и неотволочная потреба укажетъ, публичне, на радѣ его вельможности выговорити и о нарушенье правъ и вольностей отчистыхъ упоминатися, безъ уближенья и найменшого поврежденья высокого рейментарского гонору; о якіе выговоры не мѣетъ ясневельможный гетманъ уражатися и помсты чинити, овшемъ развращенныя исправити старатиметcя. Особливе енеральныи совѣтники, каждый з ныхъ на своемъ полку, зъ которого на радецтво изберется, силенъ будетъ, совокупне съ паномъ полковникомъ городовымъ, постерегати порядковъ и оные общимъ совѣтомъ управляти, застановляючися за крывды и тяжести людскіе. А яко енеральная старшина, полковники и енеральныи совѣтники, повинны будутъ ясневельможного гетмана въ должномъ мѣти почитаніи, належитъ ему выражати гоноръ и вѣрное отдавати послушенство, такъ и ясневельможному гетману взаимне шановати оныхъ, и за товариство, а не заслугъ и предстоятелей, работныхъ, належитъ консервовати, не принуждаючи ихъ умыслне, для пониженья особъ, до публичного, неприличного и непоносного предъ собою стоянья, опрочь того, гдѣ потреба укажетъ.

7. Если-бы кто зъ енеральныхъ особъ, полковниковъ, енеральныхъ совѣтниковъ, значного товариства и инныхъ всѣхъ войсковыхъ урядниковъ надъ той самой черни, чи то гоноръ гетманскій дерзнулъ образити, чили въ иншомъ якомъ дѣлѣ провинити, теды таковыхъ проступцовъ самъ ясневельможный гетманъ, приватною своею помстою и владгою не мѣетъ карати, лечь на судъ войсковый енеральный таковую справу, чито криминальную, чили не криминальную, повиненъ будетъ здати, у которого якій нелицемирный и нелицезрѣтельный падетъ декретъ, такій долженъ всякъ проступный понести.

8. Тыежъ енеральные особы, уставичне при боку гетманскомъ резидуючіе, всякіе справы войсковые, якіе до чіего чину и по-

винности будутъ належати, мѣютъ ясневельможному гетману доносити и декляраціи отбирати, а не слуги приватныи домовыи, которыхъ до жадныхъ справъ, докладовъ и дѣлъ войсковыхъ не отправовати.

9. Поневажъ передъ симъ въ войску запорожскомъ всегда бывали подскарбіи енеральныи, которыи скарбомъ войсковымъ, млынами и всякими, до скарбу войскового належащими, приходами и повинностями завѣдовали и оными за вѣдомомъ гетманскимъ шафовали, теды и теперь таковый порядокъ общимъ договоромъ установляется и непремѣнно узаконяется, абы за уволненьемъ, дасть Богъ, отчизны нашой зъ ярма московского, увагою гетманскою и соизволеніемъ общимъ; былъ обранъ подскарбій енеральный, человѣкъ значный и заслуженый, маетный и благосовѣстный, который-бы скарбъ войсковый въ своемъ дозорѣ мѣлъ, млынами и всякими приходами войсковыми завѣдовалъ и оные на потребу публичную войсковую, а не на свою приватную, за вѣдомомъ гетманскимъ, оборочалъ. Самъ зась ясневельможный гетманъ до скарбу войскового и до приходовъ, до оного належащихъ, не имѣетъ належати и на свой персональный пожитокъ употребляти, довольствуючися своими оброками и приходами, на булаву и особу его, гетманскую, належачими, яко то: индуктою, полкомъ гадяцкимъ, сотнею шептаковскою, добрами почеповскими и оболонскими и иншими интратами, якіе здавна ухвалены и постановлены на урядъ гетманскій; большъ зась ясневельможный гетманъ маетностей добръ войсковыхъ не мѣетъ самовластно собѣ привлащати и иншымъ, мнѣй въ войску запорожскомъ заслужонымъ, найбарзѣй чернцямъ, попамъ, вдовамъ бездѣтнымъ, урядникомъ, посполитымъ и войсковымъ мѣлкимъ слугамъ своимъ гетманскимъ и особамъ приватнымъ, для респектовъ якихъ колвекъ, не раздавати. А не тылко до боку гетманского подскарбій енеральный поприсяжный, для дозору скарбу войскового, мѣетъ избиратися, и гдѣ резиденція гетманская утвердится, тамъ зоставати, лечь и въ каждомъ полку два подскарбіи, такъ-же поприсяжныи, люде значныи и маетныи, общою, полковника, старшины войсковой, и посполитой ухвалою, повинны знайдоватися, которыи бы о полковыхъ и городовыхъ приходахъ и посполитыхъ поборахъ знали, оные въ своемъ завѣдываню и шафунку мѣли и каждого року порахунокъ зъ себѣ чинили. Якіе полковіе подскарбіи, мѣючи релацію до енерального подскарбего, должны будутъ въ своихъ полкахъ о належащихъ до скарбу войскового приходахъ знати, оные отбирати и до рукъ

енерального подскарбего отдавати. Панове полковники зась неповинни такъ-же интересоватися до скарбцовъ полковыхъ, контентуючися своими приходами и добрами, на урядъ полковничій належащими.

10. Яко всякихъ во отчизнѣ и войску запорожскомъ порядковъ, по должности уряду своего мѣетъ ясневельможный гетманъ постерегати, такъ найбарзѣй повиненъ будетъ и на тое пилное и неусыпное мѣти око, жебы людемъ войсковымъ и посполитымъ збытечные не чинилися тяжести, налоги, утеменженья и здырства, для которыхъ они, оставивши жилища свои, обыкли въ прочку ити и въ заграничныхъ панствахъ спокойнѣйшого, легчайшого и помыслнѣйшого шукати себѣ помешканья. За чимъ, абы панове, полковники, сотники, атаманья и всякіе войсковые и посполитые урядники, не важилися панщизнъ и роботизнъ своихъ приватныхъ господарскихъ козаками и посполитыми людьми тыми, якіе а ни на урядъ ихъ не належатъ, а ни подъ ихъ персональною державою зостаютъ, отбувати до кошенія сѣнъ, збиранья зъ поль пашень и гаченья гребель примушати, въ одиманью и кгвалтовномъ купленью кгрунтовъ насилія чинити, за ледакую вину зо всей худобы, лежачой и рухомой, обнажити, ремесниковъ безплатежне до дѣлъ своихъ домашнихъ приневоляти и козаковъ до посылокъ приватныхъ заживати, повиненъ будетъ того ясневельможный гетманъ владгою своею возбраняти, чого и самъ, на добрый иншымъ, подручнымъ себѣ, прикладъ, мѣетъ выстерегатися и не чинити. А поневажъ всякіе на людей вѣрныхъ тяжести, утыски и здырства походятъ найбарзѣй отъ властолюбныхъ накупневъ, которіи, не фундуючися на заслугахъ своихъ, а прагнучи несытою пожадливостью, для приватного своего пожитку урядовъ войсковыхъ и посполитыхъ, прельщаютъ сердце гетманское коррупціями и оными втыскаются, безъ вольного избранія, надъ слушность и право, то на уряды полковничіе, то на иншые власты, пре то всеконечнѣ постановляется, абы ясневельможный гетманъ жадными, хочь бы найболшими, не уводячися датками и респектами, никому за коррупціи урядовъ полковничыхъ и иншихъ войсковыхъ и посполитыхъ начальствъ не вручалъ и насильно на оные никого не наставлялъ, лечь всегда, якъ войсковые, такъ и посполитые, урядники мѣютъ быти волними голосами, особливе зась полковники, обираны, а по избранію владгою гетманскою подтвержываны; однакъ таковыхъ урядниковъ елекціи не безъ волѣ

гетманской отправоватися повинны. Тоежъ право должны будутъ и полковники заховати и не постановляти, безъ вольного избранія цѣлой сотнѣ. Сотниковъ и иншихъ урядниковъ, для коррупцій и якихъ-же колвекъ респектовъ, а для урядъ своихъ приватныхъ не повинны такъ-же отъ урядовъ отстановляти.

11. Вдовы козачіи и осѣротѣлые козацкіе дѣти, вдовы козацкіи и жоны, безъ бытности самыхъ козаковъ, когда въ походахъ, албо на-якихъ-же колвекъ службахъ войсковыхъ знайдоватимутся, жебы до всякихъ посполитыхъ повинностей не были потяганы и вымаганьемъ датковъ обтяжованы, договорено и постановлено.

12. Не меньшая городамъ украинскимъ и оттоль дѣется тяжесть, же многіе, для отбуванья всякихъ посполитыхъ повиностей належащіе, подъ розныхъ державцовъ, духовныхъ и свѣцкихъ, въ поссессію поотходили жители, зась ихъ посполитые, въ малолюдствіи оставшіеся, мусятъ, безъ жадной фолги, тые-жъ самые двигати тяжари, якіе з помощію отторгненныхъ и одойшлыхъ селъ на себѣ носили. За чимъ, за успокоеньемъ отъ военного мятежу отчизны и за уволненіемъ, дай Боже, оной отъ подданства московского, енеральная маетъ быти установлена, чрезъ избранныхъ на тое комисаровъ, ревизія всѣхъ маетностей, подъ державцами зостаючихъ, и до уваги енеральной при гетману рады подана, на которой разсудится и постановится, кому годне належитъ, а кому не належитъ, войсковые добра и маетности держати, и якіе повинности и послушенства подданскіе мѣются державцамъ отъ посполства отдавати. Такъ тежъ и оттоль людѣмъ убогимъ посполитымъ умножается тяжесть, же многіе козаки людей достальныхъ посполитыхъ, въ подсусѣдіи себѣ пріймуючи, охороняютъ оныхъ отъ обыклыхъ имъ повинностей, ку общой тяглости городовой и сельской стягаючихся, а купцы маетные, защищаючися то универсалами гетманскими, то протекціею полковничою и сотницкою, ухиляются отъ двиганья сполныхъ тяжаровъ посполитыхъ и не хотятъ быти помощными въ отбуванью оныхъ людѣмъ убогимъ. Пре то ясневельможный гетманъ универсалами своими привернути не занехаетъ, такъ подсусѣдковъ достатныхъ козацкихъ, яко и купцевъ до посполитыхъ, повинностей, заборонити оныхъ протекціи.

13. Городъ столечный, Кіевъ, и иные украинскіе городы зъ магистратами своими во всѣхъ правахъ и привилеяхъ, слушне наданыхъ, непорушимо жебы захованы были, повагою сего акту

елекціальнаго постановляется и подтерженье оныхъ своего часу гетманской власти поручается.

14. Же посполитымъ людѣмъ прежде сего на Украинѣ наѣзды и подводы, а козакамъ проводничества найболшъ приносили тяжести, черезъ которые люде до крайнего въ худобахъ своихъ приходили знищенья, теды теперь абы тые подводы и проводничества вовся были отставлены, и нихто з переѣзджаючихъ жадной нигдѣ подводы брати, напоевъ, кормомъ и датkомъ найменшихъ вымагати отнюдь не важился, хиба хто въ публичныхъ дѣлѣхъ, и то за подорожною ясневилъможного гетмана, будетъ ѣхати, то и тому, безъ жадныхъ поклонныхъ датковъ, подводъ толко дати, сколко въ подорожной будетъ написано. Особливе, чтобы жадные особы войсковые и ихъ слуги, ясневельможного гетмана, за приватними дѣлами, а не войсковыми, переизджаючіе, подводъ, кормовъ, напоевъ, поклоновъ и проводниковъ отнюдь не вымагали, бо черезъ тое городиви разореніе, а людѣмъ бѣднымъ знищенье, наносится; лечь всякій особа, великій, мѣлкій и найменшый, за приватнымъ своимъ дѣломъ, а не войсковымъ, безъ подорожной рейментарской переѣзджаючій, долженъ будетъ своимъ грошемъ всюде по городахъ и селахъ сустентоватися, подводъ и проводниковъ не вымагати и усиловне никогда не брати.

15. Же аренды, для платы роковой компаней и сердюкамъ и для нашыхъ расходовъ войсковыхъ, установленые, за тяжесть посполитую отъ всѣхъ обывателей малороссійскихъ войсковыхъ и посполитыхъ, такъ и станція компанѣйская и сердюцкая за прикрость и утяженье у посполства почитается: пре то, якъ аренды, такъ и помянутая станція повинна быти отставлена и весьма знесена. Отколь да скарбъ войсковой упалый на отбуванье и удовольствованіе всякихъ публичныхъ войсковыхъ-же расходовъ реставроватися и постановитися, и якъ много, по скончанью войны, ясневельможный гетманъ мѣетъ людей платныхъ компаней и пѣхотинцевъ, при боку своемъ на услугахъ войсковыхъ держати, о томъ на енеральной радѣ общая будетъ увага и постановленье.

16. Востокротне люде убогіе воплятъ и ускаржаются, же такъ индуктари и ихъ факторы, яко и выѣздкіе ярмарковые, многіе чинятъ не обыклые и нещисленны имъ здырства, за которыми згода невозможно человѣку убогому свободнѣ на ярмарокъ появитися, малой якой рѣчи, для подпартя убозства своего, про-

дати, албо на домовую потребу купити, безъ платежи ярмарковоїі а, не дай, Боже, въ вину якую, хочь малую, попастися, то съ ногъ до головы отъ выѣзджихъ ярмарковыхъ ободранному быти прыйдеться. Зачимъ абы индуктари и ихъ фактори, отъ тыхъ тылко товаровъ и таковые ексакціи, евекты и индукты до скарбу войскового отбырали, якіе будуть выражены въ интерцигахъ, ничого лишнего отъ купцевъ не вымагаючи и людѣмъ вѣрнымъ убогимъ найменшого здырства не чинячи. Такъ-же и выѣзджіе ярмарковые, абы повинность, у кого належитъ, а не у людей убогихъ, з малою продажею домовою, албо для купленья чого на домовую потребу на ярморокъ прибылыхъ, выбирали, справъ жадныхъ, не тылко криминальныхъ, але и поточныхъ, не судили необыклого здырства людемъ и городови не чинили, потрафляти въ тое будетъ ясневельможный гетманъ своимъ благоразумнымъ радѣніемъ и владгою, которого и всѣ въ отчизнѣ нестроенія, премудрому исправленію, права и вольности войсковые непорушимому захованью и оборонѣ, договоры сіи и постановленія скутечному исполненію, поручаются, якіе его вельможность не тылко подписомъ руки своей, лечь и формальною присягою и притисненьемъ печати войсковой, изволитъ подтвердити [1]).

Новоизбранный гетманъ того-же апрѣля 5 дня присягой и собственноручною подписью обязался «всѣ елекціи во всѣхъ пунктахъ, коммахъ и періодахъ непремѣнно исполнять, о расширеніи правъ и вольностей войсковыхъ, сколько силъ, стараніе имѣть, высокимъ и заслуженнымъ въ войскѣ запорожскомъ особамъ уваженіе, а всему старшему и меньшему товариству любовь оказывать» [2]).

Мая 10 дня договоръ запорожцевъ съ Орликомъ и избраніе его въ гетманы Малороссіи «вмѣсто къ Богу зайшлого гетмана Іоанна Мазепы» были утверждены королемъ Карломъ XII въ турецкомъ городѣ Бендерахъ, и въ тотъ-же день изъ Бендеръ въ Сичу послана была грамота шведскаго короля къ кошевому атаману Якиму Богушу и ко всему войску запорожскому.

---

[1]) Бантышъ-Каменскій, Источники, Москва, 1859, II, 245—254; Исторія Малой Россіи, 1822, IV, 206—222; Маркевичъ, Исторія Малороссіи, Москва, 1842, IV, 315—338; Чтеніе московскаго общества исторіи и древностей, 1859 I, 242—254.

[2]) Маркевичъ, Исторія Малороссіи, 1822, IV, 338.

«Каролюсъ, милостію божіею, король шведскій, готскій, вандальскій и пр., благородному и почтенному атаману кошевому и всему кавалерству войска запорожскаго низового милость наша королевская. Нижайшее ваше писаніе въ пакетахъ, посланное братьями вашими Лукьяномъ и Кондратомъ, дошло до насъ августа мѣсяца, двѣнадцатаго дня (1709 года); изъ этого писанія мы узнали, что вы господа, до сего времени не получали отъ насъ никакой вѣсти и потому просите увѣдомить васъ письмомъ нашимъ какъ о здоровьѣ нашемъ, такъ и о намѣреніи начатой теперь войны съ москалями и о прочемъ. Намъ особенно понравилось то, что вы не только о нашей персонѣ королевской сердечно скорбите, но и оказываете себя охочими къ скорѣйшему отмщенію надъ нашимъ и вашимъ непріятелемъ, москалемъ, чрезъ что не хочемъ предъ вами, господа, утаить, что рана наша, милостію божіею, совсѣмъ исцѣлена и теперь мы всѣ пришли къ заключенію крѣпко стать въ баталію съ наибольшею нашею арміей противъ москаля, и дѣло наше можетъ скоро окончиться, потому что какъ вы, такъ и мы къ этому вполнѣ готовы, и вельможамъ нашимъ мы приказали быть готовымъ, опасаться чего-нибудь нѣтъ никакого основанія, потому что найвышній Богъ благословилъ насъ праведнымъ оружіемъ, и мы сотремъ выи (шеи) нашихъ непріятелей; тогда наша кавалерія отъ прошлаго несчастнаго боя несомнѣнно будетъ исцѣлена, тогда мы утѣшены будемъ; только-бы вы, высокородные господа, изъ-подъ нашей протекціи не отступали. Вамъ, высокородные господа, находящимся подъ нашимъ знаменемъ, нужно побуждать и другихъ, обѣщая имъ неотмѣнную надежду. Дано въ лагерѣ подъ Бендеромъ, мая 10, 1710 рока, Каролюсъ» [1]).

Заключивъ клятвою означенныя статьи, Филиппъ Орликъ и Константинъ Гордіенко рѣшили привлечь къ себѣ и крымскихъ татаръ, чтобы вмѣстѣ съ ними идти противъ Москвы, вырвать изъ рукъ ея Малороссію и сдѣлать послѣднюю независимой. Но для того нужныбыли денежныя средства. Самъ король, не имѣя такихъ средствъ, надѣялся получить ихъ изъ Константинополя. Обѣщанныя королю турецкимъ султаномъ деньги пришли только осенью 1710 года. Получивъ субсидію, король призвалъ запорожцевъ въ Бендеры для раздачи имъ присланныхъ денегъ, и тогда рѣшено было вступить

---

[1]) Бантышъ - Каменскій, Источники, Москва, 1857, II, 242—257, 241; Исторія Малой Россіи, Москва, 1822, IV, 205, 223—225.

въ формальный договоръ съ крымскимъ ханомъ для похода на Украйну съ цѣлью отобранія отъ московской державы Малороссіи. Договоръ этотъ состоялся на слѣдующихъ условіяхъ: 1) Ханъ будетъ только союзникомъ запорожцевъ и отнюдь не властителемъ козаковъ и не обладателемъ ихъ земель. 2) Ханъ будетъ стараться объ освобожденіи Малороссіи отъ Москвы и отнюдь не будетъ разорять православныхъ церквей и брать на Украйнѣ христіанъ въ плѣнъ. 3) Ханъ будетъ способствовать отдѣленію Слободской Украйны отъ Москвы и присоединенію ея къ Гетманщинѣ.

Самое дѣло рѣшено было начинать разомъ на Украйнахъ обѣихъ сторонъ Днѣпра [1]).

Вѣсть о договорѣ между шведскимъ королемъ, Филиппомъ Орликомъ, кошевымъ Гордіенкомъ и крымскимъ ханомъ немедленно дошла до русскаго царя. Въ виду надвигавшейся въ то время страшной грозы на Россію со стороны Турціи и въ виду продолжавшейся борьбы русскихъ со шведами, царь Петръ Алексѣевичъ, очень нуждавшійся въ тѣ поры въ боевыхъ силахъ, рѣшилъ сдѣлать попытку привлечь на свою сторону все запорожское войско. Для этого онъ послалъ нѣсколько предписаній въ Кіевъ, къ князю Голицыну, и въ Глуховъ, къ гетману Скоропадскому, отправить къ запорожцамъ увѣщательные листы и, такъ или иначе, склонить ихъ на сторону Россіи. Въ силу такого предписанія князь Голицынъ, а вмѣстѣ съ нимъ и гетманъ Скоропадскій съ бывшимъ при немъ царскимъ стольникомъ Андреемъ Измайловымъ, отправили въ Сичь царскую грамоту и собственные универсалы съ тѣмъ, чтобы склонить запорожцевъ на сторону русскаго государя, обѣщая за то простить ихъ вины и даровать щедрую награду [2]).

Но такія увѣщанія не имѣли никакого успѣха, частію вслѣдствіе ходившихъ въ то время между запорожцами слуховъ о жестокостяхъ москалей въ отношеніи возвращавшихся на Украйну эмигрантовъ, частію вслѣдствіе недовѣрія войска ко всякимъ московскимъ обѣщаніямъ. «Всѣ запорожцы для того нейдутъ съ повинною къ государю, что изъ Украйны дали имъ знать: если вы пойдете, то всѣ пропадете,—заключайте союзъ съ татарами и освобождайте насъ, потому что мы всѣ отъ Москвы пропали» [3]).

---

[1]) Костомаровъ, Мазепа, С.-Петербургъ, 1885, 628.

[2]) Судіенко, Матеріалы, Кіевъ, 1855, II, 160, 151.

[3]) Соловьевъ, Исторія Россіи, Москва, 1866, XVI, 38—40.

«Развѣ запорожцы, говорилъ чигиринскій сотникъ Василій Невинчанный, будутъ дураки, что пойдутъ (къ русскимъ)? Они хорошо дѣлаютъ, что орду поднимаютъ; а какъ орду поднимутъ, то вся Украйна свободна будетъ, а то отъ Москвы вся Украйна пропала».

Слухи о жестокостяхъ, которыя претерпѣвали возвращавшіеся въ малороссійскіе города запорожцы, подтверждались фактами. Такъ, весной 1710 года, былъ убитъ пришедшій съ повинною въ городъ Корсунь запорожскій козакъ Петрикъ мѣстнымъ полковникомъ Колбасой. По тому поводу кіевскому губернатору было донесено, что въ Корсунь пріѣхали запорожцы, изрубили тамъ мѣстныхъ козаковъ и произвели въ городѣ смятеніе. По такому донесенію кіевскій губернаторъ велѣлъ двинуть въ Корсунь два полка и взять въ немъ приступомъ запорожцевъ. Но когда въ Кіевъ прибылъ самъ полковникъ Колбаса, то изъ допроса, снятаго съ него, оказалось, что доносъ былъ сдѣланъ ложно. Тогда князь Голицынъ движеніе полковъ въ городъ Корсунь велѣлъ пріостановить, Колбасѣ приказалъ вернуться назадъ и прислать въ Кіевъ пять человѣкъ запорожцевъ и нѣсколько человѣкъ козаковъ изъ корсунскаго полка для допроса. Изъ словъ присланныхъ князь Голицынъ усмотрѣлъ, что запорожцы пришли въ Корсунь съ мирными цѣлями, но были перебиты, во время попойки, корсунцами въ обыкновенной дракѣ. Поэтому, отпустивъ допрошенныхъ въ Корсунь, князь Голицынъ отправилъ Колбасу и его асаула гетману Скоропадскому «для воли» въ Бѣлую-Церковь и велѣлъ посадить ихъ тамъ подъ караулъ. «Мнѣ кажется, писалъ Голицынъ по этому поводу Скоропадскому, или Колбаса вымысливъ, что тотъ Петрикъ хотѣлъ сказать что-то полезное, убилъ его, или корсунскіе козаки измыслили что-нибудь и допустили убить его. Запорожцевъ-же, которые присланы, давъ имъ жалованье и объявительные указы, я отпустилъ, чтобы они подговаривали другихъ приходить съ повинною къ государю. И они просили, чтобы для свидѣтельства, отпустить съ ними двухъ запорожцевъ для того, что въ Запорожьи укоренился слухъ, будто съ тѣхъ, которые приходятъ съ повинною, сдираютъ съ живыхъ кожи; тогда изъ бывшихъ при мнѣ двухъ запорожцевъ я одного отпустилъ, чтобы онъ увѣрилъ въ невѣроятности распущенной молвы» [1]).

Какъ подѣйствовали на запорожское войско эти увѣренія князя

[1]) Судіенко, Матеріалы, Кіевъ, 1855, II, 16.

Голицына и посланный универсалъ гетмана Скоропадскаго въ Сичь, это видно изъ обширнаго письма кошевого атамана Іосифа Кириленка со всѣмъ низовымъ товариствомъ, писанный на имя гетмана.

Это письмо заключаетъ въ себѣ политическую исповѣдь запорожскихъ козаковъ, и въ немъ яснѣе и опредѣленнѣе, чѣмъ въ чемъ-либо другомъ, высказаны были истинныя причины того, почему запорожцы отказали въ повиновеніи русскому царю и перешли на сторону шведскаго короля.

«Іосифъ Кириленко атаманъ кошовый зо всѣмъ старшимъ и меншимъ товариствомъ войска запорожского, на низу Днѣпра знайдуючагося. Велможній мосцѣ пане Скоропацкій, гетмане московскій. Уеверсалъ вашъ увѣщавательній, подписомъ руки вашей и московской и двома печатми, единою войсковою, и другою московскою утверженній, чрезъ посланцовъ вашихъ Яцка Поповича и Микиту поданъ тутъ намъ на Кошѣ и въ общой радѣ, подлугъ обикновенія давнего, вслухъ всѣхъ вчитанній, на которій любо [1]) не треба било и одписовати, поневажъ ничого въ ономъ нема жъ отчизнѣ и волностемъ войсковимъ нашимъ полезного, тилко една неправда и прелесть московская изображена, лечь [2]) жебисть [3]) ваша милость зъ единомисльною себѣ Москвою не разумѣлъ, же албо не умѣемъ, албо не смѣемъ правди писати, прето на тотъ вашъ прелестній уеверсалъ повторе [4]) отвѣтуемъ: а вопервихъ удивляемся, ижъ [5]) ваша милость не встидаешся титуловити войска запорозкого обоихъ сторонъ Днѣпра гетманомъ, кгди жъ мы вашей милости а ни сами собою, а ни черезъ пословъ нашихъ, а ни черезъ писмо войсковое на тотъ урядъ не обирали, на якій ваша милость возведени зосталесь подъ мушкетами московскими внутрь города Глухова, яковихъ взапертю при лицу его царского величества, а не въ полю и не черезъ волное по правамъ войсковимъ избраніе, до того якъ ваша милость привлащаешь себѣ титулъ войска запорожского, когда теперь оного до регименту вашего милостиного не належитъ и не хочетъ належати, да и Сѣчь запо-

---

[1]) Любо вмѣсто альбо, а albo съ польскаго на русскій значитъ хотя.
[2]) Lecz съ польскаго на русскій значитъ однако.
[3]) Żeby или Żebyst съ польскаго на русскій значитъ чтобы.
[4]) Powtore съ польскаго на русскій вторицею или вовторыхъ.
[5]) Iż съ польскаго на русскій значитъ что.
[6]) Кгди тоже, что кеды, т. е. когда, по польски kędy.

рожская, гнѣздо войсковое, зродло [1]), фундаментъ и оборона волностей войсковихъ едино чрезъ московскую врожаную [2]) къ намъ вражду и прелесть; другое чрезъ зраду [3]), вѣроломство и кривоприсяжство проклятого Кгалакгана, выродка, отчистаго оманщика, зрайцу и невдячника [4]) хлѣба нашего войскового, а единомыслника вашею милостиною знесенна на вѣчное отчизны нашой порабощеніе и на конечное правъ и волностей войсковихъ разореніе зостала обоихъ засъ сторонъ Днепра гетманомъ, якъ ваша милость, мѣешь бити (-быти), поневажъ тамобочная сторона, чи тежъ Украина цѣлкомъ до вашей милости не належитъ, лечь тамъ князь Голицынъ, воевода кіевскій, власть свою московскую совершенно распространяетъ, немилостивые здирства и тяжести людемъ бѣднимъ наноситъ и власне якъ природнимъ тоей жъ Украйни державцею, а въ сегобочній Украйнѣ именемъ тилко, а не дѣломъ гетманскій урядъ на себѣ носитъ, кгди жъ и тутъ ничого згола безъ воли министра московского, при боку вашей милости обрѣтаючогося, не можешь чинити и порядковъ войсковихъ управляти, которій всѣ вашей милостини куски личитъ [5]) и всѣ поступки вашей милостини изслѣдствуетъ; витай-же [6]), надто тойже помянутій князь Голицынъ и воеводою кіевскимъ и гетманомъ достаетъ, которій по обоимъ сторонамъ Днѣпра подлугъ [7]) своей воли и уподобаня [8]) всѣ дѣла войсковіе барзѣй, а нежели ваша милость управляетъ, що хочетъ—чинитъ и мучителскую область свою разширяетъ, и чи давно жъ [9]) онъ, поворачаючи зъ Москви, а заставши у вашей милости въ Глуховѣ Михайла, бившаго (-бывшаго) полковника бѣлоцерковского, зпередъ отъ вашей милостини-жъ велѣлъ его безчестно на укоризну и уничиженіе уряду гетманского порвати, въ кайдани забити и до Кіева запровадити? Ото жъ до чого пришла повага гетманская и въ якой волности оная зостаетъ!

---

[1]) На полѣ документа приписано: «источникъ».

[2]) Врожаный отъ польскаго wrażac—вонзать, вкоренять.

[3]) Зради—съ польскаго zdrada—измѣна.

[4]) Невдячникъ отъ польскаго niewdzięcznik—неблагодарный человѣкъ.

[5]) Личитъ то-есть считаетъ.

[6]) Витай вѣроятно отъ польскаго witac—привѣтствовать, поздравлять т. е. здравствуй, ученикъ добровольный.

[7]) Подлугъ—сообразно.

[8]) Уподобанье—желанiе, произволъ, соизволеніе.

[9]) То-есть: «и давно ли».

Пожалсл теди, Боже, самъ доброволне шію свою въ ярмо тяжкое московское отложилесь и отчизну нашу во оное впрягаешь, да и насъ, еще послѣднихъ за права и волности крѣпко зоставляючихся, научщенній прелестми московскими, хощишь не тилко тимъ-же игомъ тиранскимъ принудити, лечъ и до конца погубити, и не диво, албо вѣмъ, хто тонетъ, тотъ и инших въ тую-жъ пагубную тоню за собою тягнетъ. А якъ въ першомъ нашомъ отвѣтномъ листѣ, до вашей милости писанномъ, не писалисмо нѣчого неправдивого и самой слушности [1]) противного, такъ и теперь отвѣтуючи на уневерсалъ вашей милости увѣщавательный, и барзѣй прелестній, ничого отъ правди здорожного [2]) не пишемъ, тилко тое виражаемъ, що колвекъ есть намъ досадително, цѣлости отчистой, правамъ и волностямъ войсковимъ противно, правда то есть, же (-что) ми (-мы) были и теперь достаемо единовѣрними церквѣ православной каѳолической и отчизни матки нашой синами, въ которой породилисьмося, поросли при своихъ правахъ и волностяхъ козацкихъ по превысокой милости монаршой, самодержцовъ московскихъ, блаженнія памяти отца и братовъ нынѣшнего государя царя (любо и тогди за царствованія ихъ по смерти славной памяти Богдана Хмельницкого тіе жъ права и волности наши часто повреженн бивали) знайдовалися, лечъ когда за государства теперешнего монархи россійского самимъ дѣломъ досвѣдчилимо явного правъ и волностей нашихъ разоренія, а обавляючися [3]), жеби ми всѣ подъ тяжкимъ игомъ вѣчними не были московскими работниками, хваталисмося за поводомъ [4]) правдивого отчизни нашой правъ и волностей войсковихъ ревнителя славной памяти гетмана Іоана Мазепи и за обрядою [5]) и согласіемъ войсковимъ, а не за наущеніемъ пана Константія Гордѣенка, атамана кошового, оборони наяснѣйшого короля шведского, поневажъ [6]) и передъ симъ гетманъ Богданъ Хмелницкій зъ войскомъ запорожскимъ присилалъ панства кримского союзнихъ до визволенія зподъ ярма ляцкого Украини, не у кого инщого засяглъ помощи и оборони, тилко у наяснѣйшого короля шведского, нынѣшнего королевского величества дѣда,

[1]) Sluszność съ польскаго на русскій справедливость.
[2]) Здорожный отъ польскаго zdradny измѣннический, невѣрный.
[3]) Obawiać się съ польскаго на русскій значитъ опасаться.
[4]) Powód съ польскаго на русскій—поводъ, побужденіе.
[5]) Obrada съ польскаго на русскій—совѣтъ, совѣщаніе.
[6]) Poniewaź—поелику, потому что.

о чомъ и самъ ваша милость, добре знаешь; зачѣмъ даремне, ваша милость, називаешь тогожъ пана атама(на), нашего кошового, убійцею и сумнѣня [1]) доброго христьянского не мѣючи, кгди-жъ наперед треба било зъ совѣстію своею пораховатися [2]), хто есть безсовѣстнимъ убійцею, чи ваша милость зъ единомислною себѣ старшиною, полковниками, сотниками и многими пануючими надъ бѣдними людми державцами, которіи властолюбіемъ, рублями и соболями московскими, также и наданемъ вновь многихъ въ Украйнѣ маетностей грамотнихъ [3]) заслоненіе и залѣпленіе [4]) очи и разумъ мѣючи, не тиль (-только) не можете для правдивого своего пожитку провидѣти и пророзумѣти нарушеной общой цѣлости отчизни матки нашой, лечь вѣчною пагубою забиваете оную на правахъ и волностяхъ войсковихъ и отдаете ее въ порабощеніе московское, чили (-или) тежъ тотъ-же помянутій нашъ атаманъ кошовый, которій зъ нами, войскомъ запорожскимъ, за цѣлость отчистую заставляется противъ явныхъ непріятелей нашихъ, Москвы, хотячи воздвигнути и воскресити умерщвленіе(-нныя) права и волности войсковые; повторе даремне, ваша милость, и неуважне поносишь безчестными словами и мертвѣе въ гробѣхъ кости турбуешь небожчика славной памяти гетмана Мазепи, називаючи его прелестнимъ, проклятимъ и богоотступнымъ змѣнникомъ, а зажъ [5]) то есть у вашей милости прелесть и измѣна, ежели хто мѣетъ горливое къ отчизнѣ старанье, которимъ онъ, небожчикъ, подвигнувшися и для милости ку (т. е. ради) отчизнѣ матци нашой презрѣвши великую ку себѣ его царского величества милость, удался въ оборону наяснѣйшого короля его милости шведского для высвобожения тоей-же отчизны зподъ тяжкого ярма московского, аже непостижимій Богъ въ судьбѣхъ своихъ посѣтивши королевское величество отмѣною военной фортуни не исполнилъ въ томъ благополучного небожчиковского намѣренія, и самому старостію, трудами и клопотами ослабѣлому, когда часъ прійшолъ, натурално смертію вѣкъ пресѣклъ и тѣло его, сына, непроклятое истлѣнію предалъ; теди того на згубу отчизны ни для чого вашой милости тѣшитися

---

[1]) Sumnienie или sumienie—съ польскаго на русскій значитъ совѣсть.

[2]) Porachować—разсчитать, сосчитать, попытать, посовѣтоваться, спросить.

[3]) То-есть дарованіемъ черезъ грамоты на Украйнѣ имѣній.

[4]) То-есть имѣя заслонённые и залѣплённые очи и разумъ.

[5]) Вѣроятно отъ польскаго zaś, но, же, опять, какъ, возможно-ли.

звлаща [1]), кеди наяснѣйшій король его милость шведскій не есть еще потлумленній [2]), жебы не могъ встати, которій при помощи божой сыленъ будетъ вскорѣ Москву громити и якъ зайцевъ гонити такъ, якъ черезъ 10 лѣтъ гонилъ и громилъ и певне данного намъ отъ себе на писмѣ монаршого упевненя [3]) не такъ, якъ Москва, додержитъ, который обѣщаетъ отчизну нашу зподъ тяжкого ярма московского вызволити и на таковихъ правахъ и волностяхъ оную офундовати, якые намъ будутъ угодны и якихъ прежде сего не мѣвалисмо были бысте, тилко ваша милость не уводячися приватнимъ дочастнимъ пожиткомъ, вѣчне отчизны своей не губили и за власти, рубли, соболи и маетности Москвѣ оной не запровадили, лечъ въ единомислiи зъ нами знайдовалися; кгди-жъ кождому вѣку [4]) не прежити и все треба по смерти оставити, а якъ вѣчне отчизну загубите и въ порабощеніе московское отдасте, то подъ игомъ стенящій народъ на кого жъ будетъ плакати и нарекати, если не на вашу милость и единомыслниковъ его (вашихъ?) властолюбнихъ и сребролюбнихъ, якъ и теперь плачитъ уже и нарекаетъ, же ваша милость и инніе многіи, не хотячи зъ небожчикомъ гетманомъ для власного своего, а не отчистого пожитку въ еденъ гужъ тянути и устрашившися московскимъ мучителствомъ, отступилисте его, а найбарзѣй полковникъ миргородскій, который вначалѣ не тилько небожчика славной памяти гетмана Мазепу, лечъ отъ многихъ лѣтъ и насъ, войско запорожское, рожними намовами противъ Москвы побужалъ, когда зась тая его побудка и намова приняла свой скутокъ [5]), въ тотъ часъ кривоприсяжною душею хитростно отъ небожчика на московскую сторону перекинулся и инших за собою въ тую-же пропасть потягъ и здрайцею губителнимъ отчизны зосталъ; лечь ненадовго каждому превратне служитъ, вскорѣ и тамъ могутъ его и единомислного ему здрайцѣ Кгалагана правду познати. Пишешь, ваша милость, въ своемъ уневерсалѣ, же отторгнулисмося отъ своего природного монархи, его царского величества, а зажъ, ваша милость, того добре не знаешь, же московскіе монархы отъ

---

[1]) Zwlaszcza съ польскаго на русскій—особливо, тѣмъ болѣе.

[2]) Potlumic съ польскаго на русскій—укротить, смирить.

[3]) Upewniac съ польскаго на русскій—увѣрять, завѣрять.

[4]) То-есть каждому человѣку не пережить назначеннаго ему вѣку.

[5]) Skutek съ польскаго на русскій значитъ дѣйствіе, дѣло.

початку козацкого народу и владѣнія кагановъ козацкихъ ажъ до Хмелницкого николи намъ не бивали природними панами, лечъ ми яко сами добровольне безъ жадного насилія для захованя правъ и волностей нашихъ поддались подъ оборону царскую, такъ явное тихъ-же правъ и волностей нашихъ видячи зламане, и ухилилися отъ оной, для чого не належало-бъ Москвы (-вѣ) намъ, неприроднимъ своимъ и незавоеваннимъ подданнимъ, зъ головъ, рукъ, ногъ и спинъ неслиханнимъ не тилко въ христіянствѣ, лечъ и въ поганствѣ мучителствомъ шкури обрати [1]) и иншими нещисланими тиранскими смертми братію нашу губити, вшакъ [2]) и за блаженной памяти отца и брата нынѣшнего государя боронячи правъ и волностей нашихъ, воевали на Москву, а такого тиранства, якъ теперь, никогда намъ не чинено, отъ которого не можемъ жадного добра отчизнѣ нашой надѣятися, опричь единой пагубы и вѣчного неизбѣжного ярма, нехай прето здоровымъ розумомъ разсудитъ, кто тутъ есть измѣнникомъ, чи ми и городовіи козаки, которіи для самого имени козацкого и для волностей козацкихъ безъ жадной плати (ы), не щадячи крови, житія, отвагъ и последней худобы, служили его царскому величеству вѣрне, чи Москва, которая обѣщаніе свое на захованье насъ при правахъ и волностяхъ вѣчне непарушимихъ поприсяжне измѣныла, того не потреба вашей милости обширнѣе тлумачити [3]), кгдѣ жъ и самъ, ваша милость, добре знаешь, если схочешь правду познати, якъ намъ, войску запорожскому низовому, Москва Днѣпръ на власнихъ кгрунтахъ нашихъ войсковыхъ фортеци и городи опасавши [4]), волніе здобычи отняла, якъ товариство наше, обманивши платою затяжною, запроводила на малое время до Петербурга и тамъ ихъ кнутованихъ и печенихъ въ каторжную работу запеволила, якіе намъ утиски въ Сѣчи запорожской чинила, якъ и городовихъ козаковъ по Инфлянтахъ, по Казаняхъ, по Полщи и по Литвѣ едднхъ умисле для уменьшеня народу нашего запропастила, другихъ до послѣднего знищеня припровадила, якіе внү(т)рь Украйни грабительства, разоренія и кгвалти [5]), забойства смертніе, побори зъ старшины, козаковъ и посполихъ людей немилостивые, неисповѣ-

---

[1]) Obrac съ польскаго на русскій—обобрать, облупить.

[2]) Wszak съ польскаго на русскій—однакоже, конечно.

[3]) Tlumaczyc съ польскаго на русскій—толмачить, толковать.

[4]) Opasac съ польскаго на русскій—опоясать, обвести, обнести, окружить.

[5]) Gwalt съ польскаго на русскій—насиліе.

дніе, вымислніе долегливости [1]) и тяжести городамъ и selamъ наносила, якъ робленямъ [2]) фортецъ, а въ походахъ подводами, почтами и рожними тяжкими послугами, военимъ людемъ необыклыми, обезсилила, якъ отъ козаковъ подъ дракгуновъ и подъ вози (-ы) свои коней отбѣрала, а самихъ пѣшо въ чужой земли на згубу выправляла, якъ ихъ въ походахъ кнутовала и вѣшала, якъ на остатокъ козаковъ въ драгуни и салдати устроити, а города въ область свою одобрати хотѣла, и тое все, а не иншое небожчика гетмана Мазепу до послѣдняго отчаянія (довело), же презрѣвши и милость монаршую и славу свою и честь и богатство, а не хотячи за гетманства своего запропастити и въ неволю московскую отдати отчизни, удался въ оборону наяснѣйшаго короля его милости шведского, албо въ тотъ часъ Москва, кгди таковая отмѣна отчизнѣ нашой стала прелестми своими хотячи васъ всѣхъ пановъ украинскихъ отъ небожчика отвернути и замѣшане учинити, заслоняла вамъ очи и усладила сердце властми, рублями, соболями, маетностями и иними коштовными [3]) подарками, однакъ будте того надеждни, же все тое вамъ вскорѣ костю (т.-е. костью) въ горлѣ станетъ и певне, если не постережетеся и не будете зъ нами въ единомысліи, и сами пропадете и отчизну загубите. Укоряешь, ваша милость, насъ тимъ, будто мы набѣгаючи своей-же братіи, кровопролитіе, грабителства, убійства и разоренія чинимъ, чого еще такъ далеце не было, хиба отчасти, а певне всѣмъ тимъ тое будетъ, хто на згубу отчизны держатимется московской стороны: лучше таковыхъ згубцевъ якъ куколь зъ пшеницы выгубити, а нежели би за поводомъ ихъ мѣла отчизна гинути. Наконецъ упевняешь, ваша милость, насъ и волностями и милостивымъ его царского величества прощеніемъ, таковимъ, якое получили Андрѣяшъ и Невѣнчаный. А якъ же, ваша милость, насъ мѣешь волностями обнадеживати, будучи и самъ неволникъ и въ назираніи министра царского пилномъ и неусипномъ зостаючи, безъ которого воли ничого не можешь чинити и безъ подвигу и печати его никуда писати, а ни уневерсаловъ видавати, якой и теперь не крѣпкое-бъ было вашей милостини упевненя до насъ присланое, если-бы онъ руки своей не подпи-

---

[1]) Dolegliwosc съ польскаго на русскій—притѣсненіе, угнетеніе.

[2]) То-есть: какъ сооруженіемъ фортецовъ.

[3]) Kosztowny съ польскаго на русскій—дорогой, цѣнный.

салъ и печати не приложилъ; лечъ не искусиши насъ московскою обманою, або вѣмъ давно розумомъ [1]) и самимъ скуткомъ досвѣдчилисмо правди московской не тилко подписомъ руки и печатью, лечъ и самою присягою подтверженой, да и самъ, ваша милость, добре свѣдомъ, що на Дону учинило поприсяжное московское упевненя, которимъ тамошніе люде прельщенныи всѣ погибли, тое-жъ учинилося и у насъ въ Сѣчи, гдѣ, по присягѣ Кгалакгановой и московской, товариству нашему голови луплено, шіи до плахи рубано, вѣшано и иніе тиранскіе смерти задавано, а надъ то що и въ поганствѣ никогда за древнихъ мучителей не поводилося, мертвихъ зъ гробовъ многихъ не тилко зъ товариства, лечъ и черцовъ одкопувано, голови онимъ утинано, шкури лупленно и вѣшано, а волностей нашихъ отчистихъ, якъ мы можемъ быти певними, поневажъ любо самъ государь царь въ грамотѣ своей (яко ваша милость до наша писалесь) подписомъ руки власной всѣ права и волности войсковые власне такъ, якъ и за Хмельницкого бывало, при постановленью вашей милости на гетманство и подтвердилъ, однакъ если теперь тое исполняется, подаемъ вашей милости до уваги [2]), албо вѣмъ, чи бивало за Хмелницкого и за иншихъ его наслѣдниковъ, жебы сіятельнѣйшія министрѣ царскіе при гетману резидовали, всякихъ ихъ поступковъ перестерегали, на листахъ и уневерсалахъ подписовалися и печати свои прикладали; жебы Москвѣ въ Украйнѣ маетности, городи и села давано и грамотами подтвержано, жебы Москва и индукту въ Украинѣ вибирала, жебы воевода кіевскій Украиною владѣлъ, козаковъ и посполитихъ судилъ, кнутовалъ и казнилъ, до порядковъ войсковихъ вручался [3]) и ведлугъ [4]) воли своей тое, що не до его, лечъ до гетмана належитъ, управлялъ; жебы Москва зъ коней и зъ худобъ людей обнажала, побоями трапила [5]), кгвалти (т. е. насилія) тѣлесніе жонамъ и дочкамъ чинила, старшину за шію водила и была (т. е. била); жебы Москва впередъ очей гетманскихъ, полковниковъ брала и въ кайданы забивала; жебы Москва, а не гетманъ полковницства, сотницства, атаманства роздавала и грамотами тые войсковые уряди во вѣчные имъ

---

[1]) Это слово въ подлинникѣ неясно.

[2]) Uwaga съ польскаго на русскій—уваженіе, разсмотрѣніе.

[3]) Вручался или втручался отъ польскаго wtrącac—вмѣшиваться.

[4]) Wedlug съ польскаго на русскій—возлѣ, по, сообразно.

[5]) Trapic съ польскаго на русскій—мучить, терзать.

роди потвержала; жебы Москва кабаки заводила, которихъ уже початокъ учинился въ столечномъ городѣ Кіевѣ; жебы Москва козаками, якъ мужиками, фортеци кгрунтовала; жебы Москва стаціи зымовыи зъ немилосерднимъ здирствомъ людскимъ, равно якъ у мужиковъ и у козаковъ, не щадячи и старшины войсковой, отправовала; жебы Москва до подводъ, отправованя почтъ и рожнихъ тяжкихъ посиловъ козаковъ заживала [1]). Инших засъ и выпи, сати и вимовити трудно долегливостей, тяжестей и утѣснежений отъ Москвы въ Украинѣ по обоимъ сторонамъ Днѣпра дѣючихся, на которые бѣдніе люде за щасливого вашего милостиво реиментарства ярмомъ московскимъ притисненніе плачливе ускаржаются [2]) и васъ всѣхъ отчизни згубцевъ, московскихъ похлебцевъ, же естеся отважне не держали единомислія зъ небожчикомъ гетманомъ Мазепою и зъ нами, проклинаютъ и вѣчне, если не упомятаетеся, проклинати будутъ. Отожъ видишь, ваша милость, новопотвержение (-нныя), за Хмелницкого бывшіе волности войсковые, а о милости монаршой и о прощепіи не будемъ вонтпити [3]) въ той часъ, когда ваша милость до насъ пришлешь Кгалагана, человѣка сумленя [4]) доброго, жебы намъ попрежнему поприсяглъ во свидѣтелство съ заполученой милости и прощенія; пришли ваша милость, такъ-же до насъ Невѣнчанного и Андрѣяша зъ бунчукомъ украденимъ, а при нихъ и товариство наше зъ головами и руками уже полуплетими. Тое вашей милости предложивши, зичемъ отчизнѣ и вашей милости желаемой отъ московского ярма свободи. Вашей милости всего добра зичливый пріятель вышменованный атаманъ кошовый войска запорожского зъ товариствомъ. З Коша іюня 2 дня року 1710 [5]).

Изъ такого отвѣта запорожцевъ Скоропадскому ясно видно, что раны, которыя нанесли козакамъ русскіе въ Чортомлыцкой Сичѣ, были еще слишкомъ живы и чувствительны, и потому запорожцы, вмѣсто покорности царю, отвѣтили гетману цѣлымъ потокомъ упрековъ и горькихъ жалобъ.

Пользуясь тѣмъ, что гетманъ Скоропадскій первый вошелъ въ

---

[1]) Zażywac съ польскаго на русскій—употреблять.
[2]) Uskarżac съ польскаго на русскій—жаловаться.
[3]) Wątpic съ польскаго на русскій—сомнѣваться, колебаться.
[4]) Sumnienie или sumienie съ польскаго на русскій—совѣсть.
[5]) Архивъ мин. ин. дѣлъ; мал. дѣла, 1710 годъ, № 3.

переписку съ запорожскимъ войскомъ, низовое товариство вскорѣ послѣ данной гетману отповѣди отправило ему жалобу на полковника Игната Галагана. Игнатъ Ивановъ Галаганъ, котораго запорожцы считали вторымъ, послѣ Москвы, своимъ злѣйшимъ врагомъ и на голову котораго призывали всевозможныя проклятія, не переставалъ вредить имъ и послѣ разрушенія Чортомлыцкой Сичи. Онъ собралъ вокругъ себя цѣлыя чаты (отряды) людей съ нимъ единомышленныхъ и дѣлалъ нападенія на ни въ чемъ неповинныхъ запорожскихъ промышленниковъ въ какой-то Терновкѣ и во многихъ мѣстахъ возлѣ самыхъ войсковыхъ угодій, безжалостно хваталъ ихъ въ неволю и отправлялъ на мученія въ московскія руки; кромѣ того, не довольствуясь и этимъ, подсылалъ разныхъ злодѣевъ хватать запорожскихъ коней и чинить всякія пакости войску. «Вѣдомо чинимъ вашей милости, писалъ кошевой Лаврентій Стефаненко, августа 3 числа, гетману Скоропадскому, что мы, войско запорожское низовое, имѣя Бога въ сердцѣ и не обрѣтаясь въ такомъ безчеловѣчіи и немилосердіи, якоже суть нѣкоторые изъ васъ, освободили людей украинскихъ изъ неволи тяжкой каторжанской, никѣмъ инымъ, только властнымъ проклятіемъ и безбожнымъ сыномъ крови христіанской проливателемъ Кгалаганомъ, запроваженныхъ. Тотъ Кгалаганъ, яко песъ, подтоптавши хлѣбъ нашъ войсковой и забывши отколь и славу себѣ завялъ [1]), прежде всего гнѣздо наше войсковое, въ теченіе нѣсколькихъ сотъ лѣтъ предками нашими прославленное и на память потомныхъ вѣковъ войску запорожскому правами и вольностями дарованное, согласившись съ всезлостливою и отъ Бога отступившею Москвой, искоренилъ и ни во что повернулъ и худобы наши козацкія покровавилъ; потомъ все собранное щирою працею въ теченіе многихъ лѣтъ расшарпалъ и вмѣстѣ съ ему подобными не въ корысть, а въ пагубу обратилъ; далѣе, невинныя души наглой смерти и московскимъ немилосерднымъ катавасіямъ и мордерствамъ предалъ, своей душѣ и единомышленникамъ своимъ тартаръ и пекло неугасимое исходатайствовалъ. Не насытившись и до сихъ поръ таковымъ душепагубнымъ прибыткомъ и заостривши сердце свое жаломъ сатанинскимъ и заткнувши уши свои, яко глухой аспидъ, не слушая гласа невинно кровь проливаемыхъ, онъ частократно съ чатами своихъ людей

---

[1]) Намекъ на то, что Галаганъ впервые доброе имя и чинъ полковничій получилъ въ запорожской Сичѣ до ея разгрома.

единомышленныхъ въ Терновцѣ и повзъ (возлѣ) нашихъ войсковыхъ угодностей (угодій) и урочищъ працею кровавою на добычахъ звѣрпныхъ козаковъ невинныхъ въ тиранскія московскія безвинно запровадилъ руки, и не прекращая того своего безчеловѣчія, посылаетъ своихъ къ намъ шпѣговъ и злодѣевъ коней займати и легкомысленныхъ людей всякіе подступки чинити. Чрезъ все это всякія притѣсненія, кривды и неволя какъ людямъ украинскимъ, вслѣдствіе подвоховъ и побужденій помянутого бездушника Кгалагана, нанеслася, такъ и многому нашему неповинному товариству, чрезъ его безбожныя утиски, пришлось въ неволѣ страдати. И какъ мы, войско запорожское низовое, показали наше надъ людьми вашими милосердіе и, освободивъ ихъ изъ неволи бусурманской, въ дома свои отпустили, такъ достойно надлежитъ и вашей милости нашему товариству, тамъ у васъ неволю и мордерство терпящему, увольненіе дати» [1]).

Отвѣчалъ-ли что-нибудь гетманъ Скоропадскій на письма запорожцевъ или вовсе оставилъ безъ отвѣта—неизвѣстно, но оба листа ихъ были отосланы въ Москву для вѣдома государя.

Въ это время царь Петръ Алексѣевичъ, не перестававшій вести войны со шведами, принужденъ былъ вступить еще въ борьбу съ Турціей: ноября 9 дня, 1710 года, турецкій султанъ Ахметъ III, подъ вліяніемъ шведскаго короля Карла XII, объявилъ Россіи войну и для того собралъ огромнѣйшую армію въ 120.000 турокъ и 100.000 татаръ. По плану войны турецкая армія должна была вступить въ предѣлы Россіи съ юга и съ запада. Тщетно русскій царь въ своихъ письмахъ увѣрялъ султана въ мирныхъ намѣреніяхъ относительно Турціи: крымскій ханъ Девлетъ-Герай перехватывалъ всѣхъ царскихъ курьеровъ и не допускалъ ихъ къ султану.

Съ объявленіемъ султаномъ русскому царю войны пришли въ движеніе и запорожцы. Ноября 17 числа запорожцы «съ великою межъ войскомъ турбаціей» поставили «на врядъ кошовства» Константина Гордіенка [2]). Еще раньше того, горя местью къ своему бывшему «похлебцѣ», а потомъ злѣйшему врагу, предателю и измѣннику чигиринскому полковнику Игнату Галагану, они поймали гдѣ-то изъ его полка 32 человѣка и продали ихъ на турецкія ка-

[1]) Архивъ мин. ин. дѣлъ; мал. дѣла, 1710, № 3.

[2]) Архивъ мин. ин. дѣлъ; мал. дѣла, 1710 св. 30, № 42.

торги. Были-ли то участники разоренія Чортомлыцкой Сѣчи, или-же они въ томъ разореніи вовсе были неповинны, но только запорожцы въ это время выкупили ихъ изъ неволи и, снабдивъ какими то универсалами, отправили къ малороссійскому народу, на Украйну.

Гетманъ Скоропадскій донесъ о томъ графу Гавріилу Ивановичу Головкину, завѣдывавшему въ то время малороссійскимъ приказомъ, и графъ Головкинъ на такое донесеніе отвѣчалъ Скоропадскому: «Я разсуждаю, что учинили то не съ какого милосердія или снисхожденія къ малороссійскому народу, и наипаче ради прельщенія и возмущенія народнаго. Сего ради присланный отъ нихъ со оными (козаками) универсалъ есть лживая и ругательная пасквиля; ради вѣрности своей царскому величеству и ради общей пользы извольте предостеречь въ томъ простой народъ, дабы онъ не пришелъ чрезъ подсылку оныхъ и другихъ къ смущенію и прельщенію» [1]).

Независимо отъ графа Головкина съ тѣмъ же предупрежденіемъ относительно запорожцевъ обращался къ гетману Скоропадскому и подканцлеръ баронъ Петръ Шафировъ: «Какую соблюдать осторожность, писалъ онъ октября 1 числа, противъ злодѣйственнаго проклятыхъ запорожцевъ пасквиля, о томъ изображаетъ вамъ, чрезъ письмо, сіятельный графъ канцлеръ Гавріилъ Ивановичъ Головкинъ».

Въ чемъ именно состоялъ тотъ пасквиль, о которомъ въ одинъ голосъ говорятъ и Головкинъ и Шафировъ, неизвѣстно. Извѣстно лишь то, что запорожскіе козаки приняли объявленіе войны со стороны турецкаго султана русскому царю за счастливое для войска положеніе дѣлъ, и когда, февраля 25 числа, 1711 года, послѣдовалъ царскій манифестъ о разрывѣ мира со стороны Турціи, то гетманъ Филиппъ Орликъ и кошевой Константинъ Гордіенко рѣшили дѣйствовать въ тылу русскихъ войскъ [2]), т. е. предпринять походъ на малороссійскіе города.

---

[1]) Судіенко, Матеріалы, Кіевъ, 1855, II, 160.

[2]) Судіенко, Матеріалы, Кіевъ, 1855, II, 304; Петровъ, Петръ Великій, СПБ., 1872, 98.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ.

Походъ Орлика, Гордіенка и крымскаго хана Девлетъ-Герая на Украйну и неудачное нападеніе ихъ на Новобогородицкій городокъ, Бѣлую-Церковь и Немировъ.—Казнь жителей Вольнаго города за измѣну русскому царю.—Дѣйствія кошевого Алистратенка и запорожцевъ Фляка и Нестулея противъ самарскихъ городковъ.—Старанія Орлика привлечь къ себѣ жителей малороссійскихъ городовъ и мѣры царя для прекращенія всякихъ сношеній между малороссійскими и запорожскими козаками.—Несчастный походъ царя Петра на рѣку Прутъ и срытіе имъ, по условію мира съ Турціей, Каменнаго-Затона и Новобогородицкаго городка.—Поведеніе запорожцевъ при заключеніи мира Россіи съ Турціей.—Сношеніе Гордіенка съ гетманомъ Скоропадскимъ съ цѣлью перейти на сторону русскаго царя.—Условія новаго мира 1713 года между Россіей и Турціей и споръ по поводу установленія границъ.—Нападеніе запорожцевъ на Царичанку и появленіе Орлика въ украинскихъ городахъ.—Намѣреніе шведскаго короля и запорожцевъ идти походомъ подъ городъ Кіевъ.

Походъ Орлика и Гордіенка на Малороссію открытъ былъ съ весны 1711 года. Обстоятельства, повидимому, вполнѣ благопріятствовали тому: съ начала марта и до начала августа [1]) царь находился внѣ предѣловъ Россіи, у береговъ далекаго Прута, лѣваго притока рѣки Дуная, и готовился вступить въ борьбу съ турками. Но, отъѣзжая изъ Россіи, царь ввѣрилъ охрану Малороссіи кіевскому губернатору князю Дмитрію Михайловичу Голицыну и гетману Ивану Скоропадскому, придавъ послѣднему въ распоряженіе генералъ-маіора Бутурлина съ отрядомъ русскихъ войскъ. Едва царь успѣлъ отъѣхать изъ Москвы къ западной границѣ, какъ крымскій ханъ Девлетъ-Герай, собравъ большую орду и взявъ съ собой нѣсколько сотъ человѣкъ запорожцевъ, двинулся съ войскомъ на Украйну. Сколько было у хана на тотъ разъ войска—неизвѣстно. Извѣстно только то, что ханъ бросился сперва «въ слободскіе городки», дошелъ до мѣстечка Водолагъ харьковскаго полка,

[1]) Марта 6 числа царь уѣхалъ къ войску черезъ Вязьму въ Слуцкъ; августа 5 царь оставилъ войско и направился для леченія въ Карлсбадъ.

но потомъ, отказавшись идти далѣе въ глубь слободской Украйны, повернулъ назадъ къ Новобогородицкому и Новосергіевскому городкамъ на рѣкѣ Самарѣ и сталъ добывать ихъ осадой. Изъ двухъ городковъ сильнѣйшее сопротивленіе оказалъ хану Новобогородицкъ. Зато малороссійскіе жители Новоросергіевска (Вольное тожъ) не оказали хану большого сопротивленія и выдали татарамъ царскихъ солдатъ. При всемъ томъ татары, вслѣдствіе недостатка корма, потеряли отъ голода и нужды множество лошадей и потому, удовольствовавшись однимъ Новосергіевскимъ городкомъ, отъ другого городка отступили и ушли «въ свои поганскія жилища», пробывъ въ томъ походѣ «три недѣли по 28-е марта» [1]), при чемъ, покидая самарскіе городки, ханъ имѣлъ непремѣнное намѣреніе вернуться на Украйну со всѣми силами весной, какъ только покажется въ полѣ трава. Передъ самымъ отходомъ онъ оставилъ въ урочищѣ между двумя названными городками около 1.000 человѣкъ запорожцевъ и татаръ да особо посадилъ во взятомъ городкѣ Новосергіевскомъ нѣсколько человѣкъ мурзъ и нѣсколько отрядовъ запорожцевъ и татаръ, въ общемъ, считая и мѣстныхъ, сдавшихся хану козаковъ, 500 человѣкъ «ханской стороны» Оставленные ханомъ татары и козаки чинили жителямъ большое утѣсненіе и не позволяли имъ никуда выѣзжать изъ городковъ.

Сотникъ Новобогородицкой крѣпости, во время защиты городка, изловилъ бывшаго при ханѣ въ слободской Украйнѣ запорожскаго куренного атамана Кирика Латоку и всѣ добытыя отъ него свѣдѣнія о крымскомъ ханѣ и его намѣреніяхъ немедленно отправилъ въ Кіевъ князю Дмитрію Голицыну.

Получивъ такія свѣдѣнія, кіевскій губернаторъ князь Голицынъ послалъ предписаніе гетману Скоропадскому, какъ только покажется изъ земли трава, соединиться съ отрядомъ великороссійскихъ войскъ, бывшихъ подъ командой генералъ-маіора Бутурлина, и идти съ полками къ Новобогородицкому городку съ тѣмъ, чтобы прогнать оттуда запорожцевъ и татаръ. Новосергіевскій-же городокъ непремѣнно у нихъ отнять и пойманныхъ въ немъ непріятелей побить. Сдѣлавъ-же свое дѣло, занять удобныя мѣста въ Малороссіи и не допускать непріятелей ни въ малороссійскіе, ни въ великороссійскіе города [2]).

---

[1]) Судіенко, Матеріалы, Кіевъ, 1855, II, 30.
[2]) Судіенко, Матеріалы, Кіевъ, 1855, II, 179.

По такому приказанію князя Голицына гетманъ Скоропадскій и генералъ Бутурлинъ, собравшись съ полками, въ началѣ мѣсяца мая отбили отъ самарскихъ городковъ запорожцевъ и татаръ и въ слѣдъ за тѣмъ того-же мѣсяца, 13 числа, Скоропадскому предписано было новосергіевскихъ жителей за то, что они отдали свой городъ хану, выдали государевыхъ солдатъ и вторично показали измѣнничество свое, бились противъ царскихъ войскъ, казнить десятаго человѣка по жребію, а остальныхъ съ женами и дѣтьми отправить въ Москву для ссылки [1]).

Въ то время, когда крымскій ханъ дѣйствовалъ за лѣвымъ берегомъ Днѣпра, Филиппъ Орликъ и Константинъ Гордіенко дѣйствовали за правымъ берегомъ его. Для того, чтобы привлечь на свою сторону возможно большее число мѣстныхъ обывателей, Филиппъ Орликъ разослалъ нѣсколько универсаловъ и «прелестныхъ писемъ» въ города по обѣ стороны Днѣпра. Такъ, нѣсколько такихъ писемъ отправлено было къ миргородскому полковнику Даніилу Апостолу. Но эти письма не имѣли никакого успѣха: по приказанію царя, ихъ велѣно было передать кату для преданія публично огню, козака-же, привезшаго листы, если онъ окажется запорожцемъ, посадить на колъ. А для того, чтобы отвратить малороссійскій народъ отъ прельщеній Орлика, приказано было Скоропадскому сдѣлать нѣсколько копій съ письма, присланнаго полковнику Апостолу Филиппомъ Орликомъ тотчасъ послѣ полтавской битвы, и разослать вмѣстѣ съ собственными универсалами тѣ копіи въ малороссійскіе города, выпустивъ предварительно въ нихъ то, что «подчернено» и что касалось личности самого Апостола, на котораго Орликъ въ то время могъ «написать изъ ненависти» [2]). Изъ такого письма малороссійскій народъ увидитъ, что самъ-же Орликъ клянетъ Мазепу и еще больше того отвернется отъ измѣнника [3]).

Противъ Орлика и Гордіенка гетманъ Скоропадскій выслалъ генеральнаго асаула Бутовича съ полками; но Бутовичъ подъ Лы-

---

[1]) Судіенко, Матеріалы, Кіевъ, 1855, II, 187.

[2]) Полковникъ Апостолъ былъ сперва на сторонѣ Мазепы, потомъ покинулъ его и перешелъ къ царю; поэтому Орликъ, осуждая въ то время Мазепу въ своемъ письмѣ, осуждалъ и Апостола. Оттого-то царь, оставляя въ письмѣ Орлика имя Мазепы, приказалъ имя Апостола «подчернить», т.-е затерѣть, такъ какъ Апостолъ съ Мазепой теперь уже ничего общаго не имѣлъ.

[3]) Судіенко, Матеріалы, Кіевъ, 1855, II, 182.

сянкою потерпѣлъ пораженіе и былъ взятъ въ плѣнъ [1]). Захвативъ нѣсколько мѣстечекъ и городовъ, Филиппъ Орликъ и Константинъ Гордіенко, подъ конецъ сосредоточили свои силы у крѣпости Бѣлой-Церкви. Силы гетмана и кошевого, если вѣрить показанію начальника русскихъ войскъ, были въ то время довольно велики: при запорожцахъ и городовыхъ козакахъ, числомъ до 10.000 человѣкъ, были еще татары бѣлогородской и буджацкой орды съ ханскимъ сыномъ салтаномъ, числомъ до 20.000 человѣкъ, и кромѣ того поляки и молдаване съ «кіевскимъ» воеводой Іосифомъ Потоцкимъ и со старостою Галецкимъ, 3.000 человѣкъ, сторонники Станислава Лещинскаго и, слѣдовательно, шведскаго короля Карла XII. Русскихъ солдатъ въ Бѣлой-Церкви было будто-бы всего лишь 500 человѣкъ да нѣсколько человѣкъ вѣрныхъ царю бѣлогородскихъ козаковъ. Надъ всѣми солдатами и козаками состоялъ начальникомъ бригадиръ Анненковъ.

Дѣло подъ Бѣлою-Церковью, какъ доносилъ о томъ самъ Анненковъ въ Кіевъ князю Голицыну, произошло такъ. Подступивъ со всѣми силами, марта 25 числа, къ крѣпости, татары, поляки и козаки начали ее добывать, но въ тотъ-же день были отбиты отъ нея пушечной стрѣльбой. Тогда гетманъ Орликъ и кошевой Гордіенко дали слово ханскому сыну и старостѣ Галецкому, что на слѣдующій день они непремѣнно возьмутъ крѣпость съ боя. И точно, къ вечеру противъ 26 числа, Орликъ и Гордіенко, собравшись со всѣми своими силами и соединившись съ жителями богуславскими, корсунскими и сѣпявскими, внезапно, во время наступившей ночи подошли конницей и пѣхотой къ крѣпости, сдѣлали со всѣхъ сторонъ окрикъ, привезли съ собой множество фашинъ и, войдя въ нижній острогъ, покопали шанцы въ немъ. Осажденные встрѣтили своихъ враговъ выстрѣлами изъ пушекъ и ружей и тѣмъ не допустили ихъ ни къ верхнему городу, ни къ замку. Отразивъ второе нападеніе своихъ враговъ, осажденные въ четыре часа той-же ночи сдѣлали противъ нихъ вылазку изъ верхняго острога въ составѣ одной роты солдатъ, нѣсколькихъ гренадеръ и бѣлоцерковскихъ козаковъ. Проникнувъ въ самые шанцы своихъ враговъ, они побили гранатами и ружьемъ «множество непріятелей», немалое число изъ нихъ взяли живыхъ въ плѣнъ, отняли нѣсколько знаменъ и гнали ихъ изъ шанцевъ черезъ весь острогъ до Хва-

[1]) Судіенко, Матеріалы, Кіевъ, 1855, II, 29,

стовскихъ воротъ, бросая въ нихъ гранаты и поражая стрѣльбой. «И побито ихъ, непріятелей, въ томъ прогнаніи толикое число, что удивленія достойно». Изъ запорожскихъ старшинъ пали два полковника, два сотника и нѣсколько другихъ начальныхъ людей. Но осаждавшіе и послѣ второго урона не отступили отъ крѣпости: собравшись съ силами, они снова вышли съ пушками въ нижній городъ и, открывъ пальбу изъ пушекъ и мелкаго оружія, приблизились къ верхнему городу. Осажденные выслали противъ своихъ враговъ прежнее число солдатъ и козаковъ подъ начальствомъ прежнихъ офицеровъ. Послѣдніе, подойдя къ козацкимъ шанцамъ, отдали солдатамъ приказъ дать залпъ изъ флинтовъ и бросить въ нихъ нѣсколько гранатъ. Татары, козаки и поляки снова не выдержали и снова побѣжали. Солдаты не переставали стрѣлять по убѣгавшимъ изъ ружья, отогнали ихъ за городъ и опять уложили на мѣстѣ «довольное число непріятелей». «И такъ наши, за помощію божіею, получа надъ ними оный поискъ, отошли къ замку, татары и поляки многолюдствомъ, конницею, попрежнему въѣзжали въ тожъ мѣсто; однакожъ отъ нашихъ, которые были на вылазкѣ и на сикурсѣ, отпоръ имъ учинили, и тѣхъ поляковъ изъ пушекъ и изъ другого оружія прогнали и выбили ихъ вонъ, получа надъ ними такой-же немалый уронъ. И побито ихъ, непріятелей, всѣхъ больше 1.000 человѣкъ, а изъ нашихъ солдатъ токмо 8 человѣкъ ранено и въ томъ числѣ одинъ отъ раны умре, а въ полонъ ни единаго человѣка изъ нашихъ къ непріятелю не взято. И тѣ непріятели, видя надъ собою несчастье, со многимъ своимъ упадкомъ и стыдомъ отъ Бѣлой-Церкви отступили и пошли трактомъ мимо Перепетихи къ Хвастову».

Присланный съ вѣстью къ князю Голицыну о бѣлоцерковскомъ дѣлѣ гонецъ сообщилъ, что всѣхъ непріятелей перебито около 2.000 человѣкъ, кромѣ множества побитыхъ лошадей и умершихъ отъ ранъ людей; послѣднихъ «непріятели», вышедъ изъ города, побросали по дорогамъ и многіе изъ покинутыхъ поумирали отъ неподачи имъ своевременной помощи и призрѣнія [1]).

Приведенныя здѣсь цифры убитыхъ «непріятелей» такъ велики и цифры раненыхъ защитниковъ крѣпости такъ ничтожны, что едва-ли ихъ можно принимать за дѣйствительныя, и если запорожцы, поляки и татары не устояли противъ русскихъ подъ

---

[1]) Судіенко, Матеріалы, Кіевъ, 1855, II, 33—36.

Бѣлою-Церковью, то тому могли быть особыя причины, неизвѣстныя намъ; тѣмъ болѣе, что извѣстій о бѣлоцерковской битвѣ съ противной русскимъ стороны не имѣется никакихъ. Нельзя, впрочемъ, не поставить на видъ того, что это было уже послѣ полтавской битвы, когда и дисциплина русскихъ солдатъ, и боевыя орудія въ сильнѣйшей степени превзошли дисциплину и усовершенствованіе боевыхъ орудій запорожскихъ козаковъ.

Такою-же неудачею окончились, по словамъ малороссійскаго лѣтописца Ригельмана, и дѣйствія воеводы Іосифа Потоцкаго, въ Побужьѣ. Запорожскіе козаки, въ числѣ 7.000 человѣкъ подъ предводительствомъ Потоцкаго, вмѣстѣ съ крымскимъ ханомъ Девлетъ-Гераемъ, въ томъ же 1711 году, доходили до города Немирова и до «тамошнихъ слободъ», но были разбиты русскими войсками и въ бѣгствѣ потеряли около 5.000 человѣкъ. При этомъ освобождено было изъ рукъ татаръ и разослано по мѣстамъ жительства начальникомъ русскихъ войскъ, генераломъ Ренне, около 10.000 человѣкъ плѣнныхъ малороссіянъ [1]).

На сколько вѣрно извѣстіе малороссійскаго лѣтописца—опредѣленно сказать нельзя. Но во всякомъ случаѣ Филиппъ Орликъ, испытавъ неудачу за Днѣпромъ, отступилъ съ козаками за Днѣстръ, откуда снова явился на Украину [2]) и всю вину своей неудачи сложилъ на татаръ, о чемъ сообщилъ въ своемъ письмѣ шведскому королю.

При всемъ томъ въ началѣ іюля мѣсяца у рѣки Самары вновь оказалась какая-то ватага запорожскихъ козаковъ. Доподлинно неизвѣстно, были-ли то тѣ самые отряды запорожцевъ и татаръ, которые оставались у Самары еще съ весны, или-же это были свѣжія силы, вновь прибывшія подъ самарскіе городки. Во всякомъ случаѣ запорожцы не оставляли мысли о походѣ на малороссійскіе города и для того составили себѣ опредѣленный планъ. Планъ этотъ, однако, былъ открытъ, и всѣ замыслы ихъ сдѣлались извѣстны русскимъ. Дѣло это произошло такъ. Три жителя Новобогородицкаго городка, Трофимъ Мордусенко, Тарасъ Чубаровскій да Ѳедоръ Сапжаревскій, по приказу воеводы городка, Шеншина, вышли изъ крѣпости и направились къ стоявшимъ близъ рѣки Самары татарамъ и козакамъ съ цѣлью украсть у нихъ лошадей. Но когда

---

[1]) Лѣтописное повѣствованіе, Москва, 1847, Ш, 112.

[2]) Костомаровъ, Мазепа, С.-Петербургъ, 1885, 632.

они уже спустились ниже Кочережекъ къ рѣчкѣ Журавлю, то на нихъ неожиданно наскочили ватаги кошевого Алистратенка [1]), Фляки и Нестулея и, захвативъ ихъ, поставили на допросъ. Пойманные козаки признались въ своемъ намѣреніи, просили запорожцевъ помиловать ихъ и «принять къ себѣ жить». Тогда Алистратенко, Фляка и Нестулей привели козаковъ къ «вѣрѣ» (т. е. къ присягѣ) и послали ихъ шпіонами провѣдать объ изюмскомъ и другихъ регулярныхъ пѣхотныхъ и конныхъ русскихъ полкахъ, гдѣ они находятся, пойдутъ-ли въ Крымъ или соединятся съ гетманомъ и будутъ «лѣтовать» на границѣ. Узнавъ-же обо всемъ, дать знать запорожцамъ на Волчьи-Воды, въ урочище Крутой-Буеракъ, не позже 6—7 дней со времени выхода въ степь для поисковъ. Если-же къ тому времени они не найдутъ кошевого въ указанномъ мѣстѣ, то должны оставить въ немъ условленную примѣту. За такую услугу Алистратенко, Фляка и Нестулей обѣщали дать козакамъ по одному коню. Козаки, отправившись въ поискъ, были пойманы гдѣ-то въ степи харьковскимъ сотникомъ Прокопомъ Рубаномъ и отправлены къ гетману Скоропадскому. На допросѣ у Скоропадскаго они разсказали о всѣхъ своихъ приключеніяхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ дали важныя свѣдѣнія о планахъ запорожскихъ козаковъ. Всѣхъ запорожцевъ, по ихъ словамъ, было отъ 400 до 500 человѣкъ; при нихъ состояло около 1.000 человѣкъ татарской орды, часть которой пошла внизъ по Днѣпру, къ порогу Ненасытецу; запорожецъ Фляка съ отрядомъ козаковъ подстерегалъ гетмана Скоропадскаго у бродовъ, чтобы добывать гетманскихъ языковъ, отгонять конскія стада и подавать вѣсти хану въ Крымъ; самъ-же ханъ со всѣми крымскими силами и съ главною массою запорожцевъ, стоитъ въ урочищѣ Кучугурахъ въ трехъ миляхъ ниже Асламъ-городка, и собирается дать гетману бой, чтобы не допустить его въ Перекопъ [2]).

Какъ-бы то ни было, но предпріятія запорожцевъ и татаръ ни на правомъ, ни на лѣвомъ берегахъ Днѣпра не удались.

Для того, чтобы предовратить всякій набѣгъ со стороны татаръ и запорожцевъ на Украйну, а также для того, чтобы слѣдить за тѣми изъ нихъ, которые пріѣзжали съ мирными цѣлями

---

[1]) Онъ называется то атаманомъ Алистратенкомъ, то кошевымъ Елистратомъ: Судіенко, Матеріалы, II, 310, 437—429.

[2]) Судіенко, Матеріалы, Кіевъ, 1855, II, 437—439.

въ города, царь приказалъ поставить въ городѣ Полтавѣ 300 или 400 человѣкъ драгунъ съ «добрымъ» командиромъ и велѣлъ тому командиру всѣхъ запорожцевъ, которые прійдутъ съ повинною, принимать и отсылать въ дальніе малороссійскіе полки; тѣхъ-же изъ козаковъ, которые будутъ ѣздить на Украйну ради промысловъ своихъ, во избѣжаніе могущихъ отъ ихъ воровства произойти смутъ, подъ жестокимъ страхомъ не пропускать въ города [1]).

Нужно думать, что такое распоряженіе послѣдовало уже послѣ возвращенія Петра съ береговъ Прута въ Россію, когда царь, заключивъ предварительное перемиріе съ турецкимъ везиремъ, вполнѣ обезопасилъ свои владѣнія съ южныхъ границъ и теперь могъ совершенно игнорировать запорожцевъ, которыхъ передъ походомъ въ Турцію тщетно старался склонить на сторону Россіи.

Такое постановленіе о запорожскихъ козакахъ строго соблюдалось и въ слѣдующемъ 1712 году. Такъ, когда однажды пріѣхали изъ Сичи въ мѣстечко Переволочну нѣсколько человѣкъ низовыхъ купцовъ, т. е. крымскихъ армянъ и малороссійскихъ и запорожскихъ промышленныхъ людей, то изъ Переволочны были пропущены въ малороссійскіе города всѣ купцы, кромѣ «бездомовныхъ сѣчевиковъ», которые были задержаны въ крѣпости впредь до царскаго указа, на томъ основаніи, будто они ѣздятъ не торговать, а различныя вѣсти собирать и потомъ «всякую прелесть и шальварство чинить». Они отпущены были въ Сичъ только ради того, чтобы исполнить просьбу перекопскаго каймакана и чтобы миръ съ Крымомъ соблюсти [2]). Исключеніе дѣлалось только для тѣхъ, которые просили на бумагѣ о помилованіи черезъ гетмана Скоропадскаго. Но и изъ этихъ послѣднихъ какіе-то козаки, «прописавшіе противъ чести государя», лишены были гетманомъ свободы, и только заступничество кіевскаго губернатора князя Голицына, сдѣлавшаго представленіе о томъ, что преступленіе запорожцами учинено по невѣжеству, избавило ихъ отъ тюрьмы [3]).

Положеніе запорожцевъ съ 1712 года не только не ухудшилось, а, напротивъ того, повидимому, измѣнилось къ луч-

---

[1]) Судіенко, Матеріалы, Кіевъ, 1855, II, 351.
[2]) Судіенко, Матеріалы, Кіевъ, 1855, II, 358, 45.
[3]) Судіенко, Матеріалы, Кіевъ, 1855, II, 41.

шему, и это произошло отъ той неудачи, которую испыталъ русскій царь на берегу рѣки Прута. Окруженный огромными полчищами турецкой арміи, отрѣзанный отъ Россіи, лишенный союзниковъ, царь Петръ Алексѣевичъ принужденъ былъ заключить съ Турціей прутскій миръ (іюля 11 дня) и потомъ тотъ миръ подкрѣпить миромъ константинопольскимъ (апрѣля 5 дня, 1712 года). По этому двойному миру онъ обязался, между прочимъ, срыть Каменный-Затонъ и Новобогородицкую крѣпость; пушки, находившіяся въ Затонѣ, предоставить туркамъ; запорожскихъ козаковъ оставить въ полномъ покоѣ и не «вступаться» въ нихъ. «Его царское величество весьма руку свою отнимаетъ отъ козаковъ съ древними ихъ рубежами, которые обрѣтаются по сю сторону Днѣпра и отъ сихъ мѣстъ и земель, и фортецъ и отъ полуострова Сѣчи, который сообщенъ на сей сторонѣ вышеупомянутой рѣки» [1]).

Въ силу такихъ условій запорожцы открыто признавались законными подданными турецкаго султана и фактически могли пользоваться всѣми степными угодьями, которыми и раньше пользовались.

При заключеніи прутскаго мира Россіи съ Турціей запорожцы, въ особенности Филиппъ Орликъ, сильно вредили русскому царю и настаивали на отдѣленіи Малой Россіи отъ Великой. Для достиженія послѣдней цѣли Филиппъ Орликъ, находившійся въ то время въ городѣ Бабѣ, отправилъ, декабря 3 дня, 1711 года, депутацію изъ шести человѣкъ въ Константинополь, давъ ей на то подробную инструкцію. Въ числѣ депутатовъ былъ и самъ кошевой атаманъ Гордіенко. Депутатамъ приказано было прежде всего поблагодарить «блистательную Порту» за освобожденіе ею Украины отъ московскаго ига. Потомъ велѣно было просить Порту окончательно привести въ исполненіе мирный договоръ съ Россіей, заставить Москву навсегда отказаться отъ Малороссіи обѣихъ сторонъ Днѣпра и на будущее время не допускать Москвы къ захвату въ ея руки Малороссіи: «Москаль, принужденный отречься отъ Украйны навсегда, пусть обязанъ будетъ вывести изъ нашихъ предѣловъ свои военныя силы и выпустить на свободу задержанныхъ въ

---

[1]) Соловьевъ, Исторія Россіи, Москва, 1866, XVI, 92, 110—111; Маркевичъ, Исторія Малороссіи, Москва, 1842, I, 459, приложенія; Южнорусскія лѣтописи, изданныя Бѣлозерскимъ, Кіевъ, 1856, I, 90.

прошлую войну и сосланныхъ въ Сибирь или другія отдаленныя мѣста нашихъ начальниковъ, чиновныхъ лицъ и всякаго званія людей украинскаго происхожденія, въ числѣ ихъ и посланцевъ изъ запорожской Сѣчи, задержанныхъ въ Лебединѣ, а также тѣхъ запорожскихъ товарищей, которые, будучи приглашены на работы въ Петербургъ за деньги, впослѣдствіи были задержаны, одни въ Сѣвскѣ, другіе въ Вильнѣ, а потомъ отправлены въ каторжныя работы... Сверхъ того, всѣ орудія, взятыя въ Сѣчѣ и свезенныя въ Бѣлую Церковь, москали должны возвратить обратно или, въ случаѣ, если это имъ окажется затруднительнымъ, замѣнить ихъ другими изъ украинскихъ крѣпостей орудіями, которыя должны будутъ остаться тамъ по выступленіи московскихъ гарнизоновъ... Козаки, живущіе въ низовьяхъ Днѣпра имѣютъ право по прежнему обычаю, заниматься рыбными и звѣриными промыслами по всѣмъ рѣкамъ, рѣчкамъ и урочищамъ вплоть до Очакова, безъ всякихъ препятствій со стороны блистательной Порты» [1]).

Депутація Орлика произвела въ Константинополѣ свое дѣйствіе, и если-бы не русское золото, полученное великимъ везиремъ, то война между Турціей и Россіей была-бы неизбѣжна. Но деньги творятъ чудеса, а въ данномъ случаѣ они сотворили миръ Россіи съ Турціей.

Однако, запорожская партія Орлика и послѣ заключенія русско-турецкаго перемирія не переставала вредить Россіи: чтобы поставить Турцію во враждебныя отношенія къ Россіи, козаки отправили султану и великому везирю донесеніе о томъ, будто-бы у рѣки Орели и у Перекопа стоятъ большія русскія войска, а въ Каменномъ-Затонѣ и на рѣкѣ Самарѣ снова воздвигаются русскіе городки. Тогда отъ везиря сдѣланъ былъ по этому поводу русскимъ министрамъ запросъ, и великій везирь разувѣренъ былъ въ полученномъ донесеніи только тогда, когда послалъ отъ себя полномочное лицо, Ахметъ-агу, въ Каменный-Затонъ, на рѣки Орель и Самару. Вмѣстѣ съ Ахметъ-агой было нѣсколько довѣренныхъ лицъ отъ крымскаго хана и отъ бендерскаго паши, которые осмотрѣли рѣку Орель вверхъ до Маячки и внизъ до Китай-городка и не нашли тамъ никакихъ новыхъ крѣпостей [2]).

Въ это-же время, можетъ быть, подъ вліяніемъ извѣстія о

---

[1]) Чтенія общества исторіи и древностей, 1878, 64.

[2]) Судіенко, Матеріалы, Кіевъ, 1855, II, 44.

прутскомъ мирѣ Россіи съ Турціей, а можетъ быть и съ какою-нибудь скрытою цѣлью, кошевой атаманъ Константинъ Гордіенко заговорилъ съ гетманомъ Скоропадскимъ о своемъ желаніи перейти въ подданство русскаго царя. По этому поводу Скоропадскій снесся съ царскимъ стольникомъ Ѳедоромъ Протасьевымъ. бывшимъ на ту пору въ какомъ-то селѣ Богородицкомъ, и Протасьевъ, октября 31 дня, 1712 года, отвѣтилъ гетману письмомъ, въ которомъ увѣрялъ его, что кошевой хотѣлъ просто-на-просто добиться отъ него полученія хлѣбныхъ и другихъ запасовъ, чтобы потомъ попрежнему «оставаться на своемъ постоянствѣ». «Надлежало-бы, милостивый государь, къ Косткѣ написать, такъ, чтобы онъ, если хочетъ явить свое расположеніе къ царскому величеству, напередъ прислалъ-бы изъ Сѣчи кого-нибудь изъ знатныхъ особъ и по нѣскольку человѣкъ товарищей отъ всѣхъ куреней; тогда, когда Костка со всѣмъ низовымъ товариствомъ учинитъ присягу быть подъ державой царскаго пресвѣтлаго величества, тогда только можно удовольствовать ихъ и всякими припасами и денежнымъ, какъ раньше было, жалованьемъ и дать позволеніе россійскимъ людямъ съ ихъ торговыми промыслами ѣздить въ запорожскую Сѣчь. По истинѣ, милостивый государь, запорожцевъ приневолиливаетъ къ тому ихъ убожество и, чтобъ то желаніе (быть подъ русскимъ царемъ) было истинной правдой, я не надѣюсь до тѣхъ поръ, пока въ Сѣчѣ кошевымъ Гордѣенко, не стоитъ и писать о томъ ко двору царскаго величества» [1]).

И точно, въ ноябрѣ мѣсяцѣ того-же года кіевскому губернатору князю Димитрію Голицыну донесли, что кошевой атаманъ Константинъ Гордіенко назначилъ отъ себя въ городъ Умань полковникомъ нѣкоего Поповича, которому данъ былъ изъ Сичи перначъ, и послалъ отъ себя нѣсколько человѣкъ въ городъ Калниболотъ и въ Городище подъ Корсунь; что возлѣ посланцевъ кошевого собралось около 200 человѣкъ, и «отъ нихъ разосланы были кошового листы, чтобъ имъ жадной шкоды отъ гультяйства и ни отъ кого не наносилось» [2]).

Настроеніе самого султана въ то время вполнѣ соотвѣтствовало замысламъ козаковъ. Турецкій султанъ Ахметъ III, настроенный французскимъ въ Константинополѣ резидентомъ и швед-

---

[1]) Судіенко, Матеріалы, Кіевъ, 1855, II, 449.

[2]) Судіенко, Матеріалы, Кіевъ, 1855, II, 50.

скимъ королемъ, рѣшилъ вновь разорвать миръ съ русскимъ царемъ и предъявить ему требованіе объ уступкѣ Турціи всей козацкой Украйны вплоть до русскихъ границъ. Тогда русскіе полномочные послы, баронъ Шафировъ и тайный совѣтникъ Толстой, находившіеся въ то время въ Константинополѣ, посажены были въ Семибашенный зáмокъ впредь до полученія удовлетворительнаго отвѣта отъ русскаго царя. Однако, русскіе послы успѣли подѣйствовать и золотомъ, и богатыми подарками на любимца султана Али-Кумурджи́, и все дѣло повернулось противъ шведскаго короля. Турецкій султанъ, вновь согласившійся въ пользу возобновленія мира съ Россіей, рѣшилъ предложить Карлу XII оставить Бендеры и черезъ Польшу уѣхать въ сѣверный край. Съ предложеніемъ султана поскакалъ его конюшій къ королю. Но король не только не исполнилъ того, чего требовалъ отъ него султанъ, а даже обнажилъ шпагу противъ его гонца и послѣ того удалился въ Варницу, близъ Бендеръ. Тогда султанъ, находившійся въ то время въ Адріанополѣ, узнавъ о такомъ отпорѣ со стороны короля, отдалъ приказъ крымскому хану и бендерскому пашѣ взять Карла силою и привезти его въ Адріанополь. Это было уже въ наступившемъ 1713 году. Крымскій ханъ и бендерскій паша двинулись къ Карлу съ отрядами войскъ въ началѣ февраля. Но король, узнавъ въ чемъ дѣло, выказалъ имъ сильное сопротивленіе и только послѣ рѣшительной схватки и полученныхъ ранъ сдался хану, и вмѣстѣ съ «кіевскимъ» воеводой Іосифомъ Потоцкимъ, неотлучно бывшимъ при немъ, былъ взятъ въ плѣнъ. Тогда бывшіе при королѣ запорожцы вмѣстѣ съ кошевымъ Гордіенкомъ всѣ бѣжали въ «новую» Сичь, и въ Бендерахъ остался только одинъ Филиппъ Орликъ на «свободномъ» житьѣ [1]).

Послѣ этого султанъ потребовалъ русскихъ пословъ въ Адріанополь, и тутъ снова поставленъ былъ вопросъ о мирѣ между Россіей и Турціей.

Но пока шли переговоры о мирѣ съ турецкой и русской стороны, тѣмъ временемъ партія запорожскихъ козаковъ сдѣлала новую попытку нападенія на малороссійскіе города. Такъ, въ томъ-же 1713 году гетманъ Скоропадскій отправилъ донесеніе барону Шафирову въ Царьградъ о нападеніи татаръ и запорожскихъ «гультяевъ» съ атаманомъ Алистратенкомъ на мѣстечко Царичанку у

---

[1]) Судіенко, Матеріалы, Кіевъ, 1855, II, 370, 372.

рѣчки Орели и о захватѣ ими во время жатвы изъ мѣстныхъ обывателей нѣсколька десятковъ человѣкъ. Гетманъ просилъ Шафирова добиться отъ Порты «впредь заказать тѣмъ воронамъ чинить такія обиды, а того Алистратенка выдать», чтобъ его наказать. Баронъ Шафировъ на письмо гетмана отвѣтилъ тѣмъ, что онъ уже и раньше того много разъ просилъ султана и великаго везиря воспретить, въ силу мира между Турціей и Россіей, татарамъ и запорожцамъ дѣлать нападенія на малороссійскіе города, но всегда въ такихъ случаяхъ получалъ одинъ отвѣтъ, что Порта уже послала къ нимъ о томъ «свой жестокій указъ» [1]).

Были-ли посылаемы такіе указы или нѣтъ, но запорожцы все еще не переставали вредить Москвѣ. Осоюзившись съ янычарами и съ татарской ордой, они сдѣлали въ это время нѣсколько «подбѣговъ» подъ городъ Кіевъ, взяли возлѣ Василькова, Триполя и въ нѣкоторыхъ порубежныхъ селахъ и деревняхъ въ полонъ нѣсколько человѣкъ простыхъ людей и произвели во многихъ мѣстахъ пожаръ. Тогда снова повторенъ былъ приказъ гетману Скоропадскому и въ особенности полковнику Галагану никого изъ запорожскихъ козаковъ, подъ страхомъ смертной казни, и ни съ чѣмъ не пропускать черезъ Днѣпръ въ малороссійскіе города; тѣхъ-же изъ нихъ, которые будутъ пріѣзжать на заставы и другія мѣста, тайно брать подъ арестъ и отсылать въ глуховскій гарнизонъ и тамъ подъ карауломъ содержать [2]).

Вѣроятно, въ силу такого указа, задержаны были въ одномъ изъ малороссійскихъ городовъ и отправлены колодниками въ Москву «приличившіеся въ измѣнѣ съ бывшимъ гетманомъ Мазепой» запорожцы Иванъ Куценко и Ѳедоръ Нестулей [3]). Они были сперва приговорены къ смертной казни, но потомъ ихъ велѣно было, выдавъ въ Москвѣ грамоты и прогонныхъ 10 рублей, сослать въ сибирскіе города, въ работу, на вѣчное житье [4]).

Но ни строгіе указы, ни ссылки въ Сибирь не имѣли особеннаго значенія для запорожскихъ козаковъ въ то время, когда въ предѣлахъ Турціи находился шведскій король. И точно, въ началѣ апрѣля мѣсяца, около города Богуслава, вновь явился отрядъ за-

[1]) Судіенко, Матеріалы, Кіевъ, 1855, II, 310.

[2]) Судіенко, Матеріалы, Кіевъ, 1855, II, 372, 375.

[3]) Въ подлинникахъ эта фамилія пишется то Нестулей, то Несталѣй.

[4]) Архивъ ин. ин. дѣлъ, мал. дѣла; 1713, св. 35, № 30.

порожцевъ съ какимъ-то Швачкой—козакомъ, который имѣлъ намѣреніе переправиться съ праваго на лѣвый берегъ рѣки Днѣпра, а въ городѣ Бреславѣ стоялъ бывшій прилуцкій полковникъ Горленко съ ватагой въ 250 человѣкъ козаковъ; послѣдній распускалъ слухъ, будто-бы турки хотятъ поднять противъ султана бунтъ за шведскаго короля.

Когда слухи объ этомъ дошли до кіевскаго губернатора князя Голицына, то онъ послалъ о томъ извѣстіе гетману Скоропадскому и при этомъ просилъ его задержать нѣкоего полтавскаго жителя Антона Шарпиленка, имѣвшаго на Запорожьи брата чернеца и ѣхавшаго съ товаромъ черезъ Переволочанскій перевозъ [1]).

Кромѣ кіевскаго губернатора за дѣйствіями запорожскихъ козаковъ строго слѣдилъ и генералъ-фельдмаршалъ Борисъ Петровичъ Шереметевъ, оберегавшій въ то время русскія границы въ виду тревожнаго на югѣ положенія дѣлъ. Онъ послалъ для развѣдки къ урочищу Пробитому, у рѣки Буга, какого-то козака и черезъ того козака узналъ, что шведскій король, получившій свободу и оставленный внѣ надзора со стороны турецкихъ властей, возымѣлъ намѣреніе идти подъ городъ Кіевъ противъ русскаго царя [2]) и что при немъ, кромѣ татаръ, было нѣсколько человѣкъ запорожцевъ. Запорожцы показывались то возлѣ Уманя и Корсуня, то вблизи Кіева, у Днѣпра. Переправившись на лодкахъ въ ночное время черезъ Днѣпръ, они напали въ деревнѣ Самовицахъ на стоявшихъ тамъ русскихъ драгунъ и изъ нихъ 6 человѣкъ закололи на смерть, 5 человѣкъ взяли въ полонъ, сами же «безвредно» ушли назадъ. Вслѣдствіе такого извѣстія фельдмаршалъ Шереметевъ послалъ приказъ лубенскому полковнику выступить со своимъ полкомъ къ Днѣпру и держать тамъ денно и нощно крѣпкій караулъ; а полковнику переяславскому велѣлъ сдѣлать розыскъ, съ чьего вѣдома приходили козаки, гдѣ переправлялись они черезъ Днѣпръ и въ какомъ мѣстѣ приставали лодками къ нему. «А нынѣ ночи мѣсячныя, а не темныя, укрыться было онымъ нѣкакими мѣрами нельзя» [3]). По разспросу оказалось, что запорожцевъ пропускали на Украйну сами-же жители малорос-

---

[1]) Судіенко, Матеріалы, Кіевъ, 1855, II, 52.

[2]) Ахметъ III былъ безхарактерный человѣкъ и то настаивалъ на удаленіи Карла изъ Турціи, то вновь дозволялъ ему оставаться въ ней, обнадеживая на скорую войну съ русскимъ царемъ.

[3]) Судіенко, Матеріалы, Кіевъ, 1855, II, 380.

сійскихъ мѣстечекъ и городовъ. Такъ, въ началѣ мая запорожскій козакъ Грицко Бережный съ товарищами, переправившись съ праваго на лѣвый берегъ рѣки Днѣпра, сдѣлалъ нападеніе на мѣстечко Келеберду и убилъ 7 тамошнихъ людей, столько-же потерявъ своихъ; проводилъ-же его въ Келеберду домонтовскій житель Ѳедоръ «рыбалка» (рыбакъ). Самъ сотникъ домонтовскій отослалъ Орлику двѣ куфы водки, которую Орликъ, въ свою очередь отправилъ кошевому Гордіенку въ Сичь. Рыбаки-же главнымъ образомъ доставляли запорожцамъ и всякія вѣсти «о поведеніи» русскихъ въ украинскихъ городахъ [1]).

Но такіе набѣги запорожцевъ на малороссійскіе города къ концу 1713 года прекратились сами собой. Въ это время, а именно іюня 14 числа, послѣ долгихъ споровъ между представителями интересовъ Турціи и Россіи, окончательно установленъ былъ русско-турецкій миръ, впредь на 25 лѣтъ. Споръ касался главнымъ образомъ двухъ пунктовъ, выставленныхъ турками русскимъ резидентамъ, барону Шафирову и Толстому, и первый изъ этихъ пунктовъ состоялъ въ томъ, чтобы возобновлена была ежегодная присылка крымскому хану дани; второй состоялъ въ томъ, чтобъ порубежная граница проведена была между рѣками Самарою и Орелью и по той границѣ поселены были запорожцы съ турецкой стороны. Русскіе резиденты сильно противились такимъ требованіямъ Порты и, хотя, подъ конецъ, согласились на проведеніе границы между Самарою и Орелью, но зато рѣшительно отказались дать свое согласіе на поселеніе у ней козаковъ, измѣнившихъ Россіи. Извѣщая царя, о состоявшемся мирѣ баронъ Шафировъ, писалъ: «Хотя эти варвары (турки) и безумны, и непорядочны, однако сильны, многолюдны и безмѣрно многоденежны и имѣютъ такихъ учителей, которые всѣ интересы и силу не только россійскаго государства, но и всей Европы знаютъ и имъ непрестанно внушаютъ... Король шведскій хотя не уменъ, но при немъ есть нѣсколько министровъ и генераловъ умныхъ; Орликъ и прочіе измѣнники черкассы и запорожскіе и донскіе козаки свѣдущи о внутреннемъ состояніи государства его величества, и имъ всѣмъ промоторъ и ходатай ханъ нынѣшній крымскій» [2]).

Объявленіе русско-турецкаго мира 1713 года имѣло рѣшающее

---

[1]) Судіенко, Матеріалы, Кіевъ, 1855, II, 381.

[2]) Соловьевъ, Исторія Россіи, Москва, 1866, XVI, 127.

для запорожцевъ значеніе. Съ этихъ поръ потеряны были всякія надежды у запорожскихъ патріотовъ вовлечь Турцію въ борьбу съ Россіей. И хотя крымскій ханъ, «человѣкъ преострый и за неполученіе своего запроса о дачѣ погодней на Россію непримирительно озлобившійся», и пытался въ началѣ февраля 1714 года поднять запорожцевъ на малороссійскіе города [1]), но изъ той попытки не вышло положительнаго ничего. Въ ноябрѣ мѣсяцѣ 1714 года самъ шведскій король, Карлъ XII, внезапно оставилъ предѣлы Турціи и скоро очутился въ Штральзундѣ [2]). Въ слѣдъ за королемъ послѣдовали въ Швецію и главные сторонники давно умершаго гетмана Мазепы—Филиппъ Орликъ, три брата Григорій, Иванъ и Аѳанасій Герцики, Андрей Войнаровскій, Ѳедоръ Нахимовскій, Ѳедоръ Мировичъ, Климъ Довгополенко, Ѳедоръ Третьякъ и нѣкоторые другіе [3]).

Непреклоннымъ оставался только одинъ кошевой атаманъ Константинъ Гордіенко, который находилъ себѣ поддержку у нѣкоторыхъ изъ значныхъ малороссійскихъ лицъ, какъ напримѣръ, у полтавскаго полковника Черняка. Полковникъ Черняк зимою послѣ Рождества Христова 1713 года отправилъ въ Сичь полтавскаго жителя Данила Кондака и велѣлъ ему передать кошевому Гордіенку и нѣкоторымъ изъ козаковъ, чтобы они «неважились кланяться царскому величеству», потому что «еще висилицы московскія не наполнились, а если поклонитесь, то конечно наполнятся вамы». Когда Данило Кондакъ передалъ слова Черняка Гордіенку, то кошевой благодарилъ полковника за сочувствіе себѣ, изъ чего Кондакъ усмотрѣлъ «незичливость» кошевого къ царскому величеству и напомнилъ ему о Богѣ и вѣрной службѣ государю. Другимъ запорожцамъ онъ словъ Черняка не передавалъ вслѣдствіе «большого въ Сѣчи возмущенія» [4]).

---

[1]) Судіенко, Матеріалы, Кіевъ, 1855, II, 385.

[2]) Соловьевъ, Исторія Россіи, Москва, 1867, XVII, 39.

[3]) Костомаровъ, Мазепа, С.-Петербургъ, 1885, 677. Странно, поэтому читать у Ригельмана разсказъ о томъ, что въ 1716 году «измѣнникъ Орликъ обще съ татарами и запорожцами, дѣлалъ въ Украйну нападеніе, для чего Скоропадскій все лѣто простоялъ и зимовать долженъ былъ въ Гадячѣ Лѣтописное повѣствованіе, Москва, 1847, III, 113.

[4]) Архивъ мин. ин. дѣлъ; мал. дѣла, 1714, св. 36, № 44.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ.

Положеніе запорожцевъ подъ властью Крыма.—Разочарованіе ихъ въ шведскомъ королѣ и первыя попытки испросить прощеніе у русскаго государя.—Возвращеніе отдѣльныхъ партій запорожскихъ въ города Малороссіи.—Первая петиція всего запорожскаго войска государю о помилованіи и о дозволеніи поселиться на прежнихъ мѣстахъ.—Отвѣтъ на то отъ графа Головкина.—Новая просьба запорожцевъ, посланная черезъ писаря Рогулю, гетману Скоропадскому.—Просьба самого гетмана Скоропадскаго, посланная въ Петербургъ, о дозволеніи малороссіянамъ ѣздить въ Крымъ за солью и о разрѣшеніи запорожскимъ промышленникамъ проѣзда въ города Малороссіи.—Отвѣтъ государя о дозволеніи малороссіянамъ поѣздокъ въ Крымъ и о запрещеніи запорожцамъ проѣзда въ Малороссію.—Тайныя нарушенія запорожцами царскаго указа и новое приказаніе о недопущеніи запорожцевъ въ Малороссію.—Новая петиція запорожцевъ о помилованіи и новый отказъ запорожцамъ со стороны государя.—Письма Филиппа Орлика къ запорожскому войску изъ Швеціи.

Искушенные Мазепой, увлеченные Гордіенкомъ, обнадеженные Карломъ XII, запорожцы послѣ страшнаго и кровопролитнаго пораженія ихъ русскими въ самомъ гнѣздѣ, Чортомлыцкой Сичѣ, принуждены были покинуть все, что было завѣтно и дорого каждому запорожцу: и родную колыбель, матку-Сичу, и шумливые пороги, много говорившіе уму и сердцу каждаго запорожца, и Великій-Лугъ, бывшій «батькомъ» для всякаго безроднаго «сиромахи», и завѣтную рѣку Самару съ ея священною для набожнаго запорожца обителью и, наконецъ, всѣ могилы, скрывавшія въ своихъ безмолвныхъ и таинственныхъ нѣдрахъ всю предшествовавшую исторію запорожскаго войска—все это, какъ и всѣ обильныя рѣки, богатыя звѣремъ и дичью степи, должны были оставить запорожцы и идти на новую и далекую окраину, заводить тамъ новое гнѣздо, Сичу. Но какая то была новая окраина? Одна незначительная, у лѣваго берега Днѣпра, полоса плавенъ, а потомъ къ востоку песчаныя кучугуры, къ сѣверу и югу безводныя и пустынныя солонцеватыя степи. Это была настоящая агарянская земля, засѣянная отъ природы терніемъ и волчіемъ, какъ выражались о ней

сами запорожцы. Но что это значило въ сравненіи съ тѣмъ состояніемъ, въ которое поставили себя запорожцы послѣ разгрома русскими ихъ старой Чортомлыцкой Сичи! Тѣхъ, которыхъ запорожцы презрительно именовали погаными бусурманами, тѣхъ, противъ которыхъ воевали отцы, дѣды и прадѣды ихъ, тѣхъ истребленіе которыхъ запорожцы раньше того поставляли себѣ главною цѣлью своего существованія, теперь они должны были признать своими верховными владыками, непосредственными господами и защитниками. Двѣсти лѣтъ просуществовало до тѣхъ поръ Запорожье, и за все это время своей исторической жизни низовые «лыцари» упорно, мужественно и съ полнѣйшимъ самоотверженіемъ боролись за православную вѣру и за русскую народность съ невѣрными мусульманами и теперь понесли свои головы, понесли свою вѣру, понесли всѣ свои силы подъ защиту своихъ исконныхъ, вѣковѣчныхъ и непримиримыхъ враговъ. Это значило, что запорожцы поставили себя въ полное противорѣчіе со всѣмъ своимъ прошлымъ и принудили себя поклоняться тѣмъ самымъ богамъ, на которыхъ раньше того сами-же они плевали. Ни въ народности, ни въ вѣрѣ, ни въ языкѣ ничего не было общаго между запорожскими козаками и татарами, и потому немудрено, что уже тотчасъ послѣ поселенія запорожцевъ на «агарянской» землѣ, когда прошелъ у нихъ первый воинственный пылъ, когда нѣсколько сгладилось страшное воспоминаніе объ ужасахъ, испытанныхъ ими на старой Сичѣ, они вновь стали обращать свои взоры къ роднымъ излюбленнымъ мѣстамъ и простирать свои руки къ своему «природному монарху». И чѣмъ дальше со времени полтавской битвы уходило время впередъ, тѣмъ менѣе выказывали запорожскіе козаки желанія вредить русскому государю. Если запорожцы и дѣлали нападенія на русско-малороссійскіе города въ теченіе времени съ 1710 по 1713 годъ, то въ этомъ случаѣ они дѣйствовали подъ вліяніемъ двухъ своихъ вождей, закаленныхъ противниковъ всего великорусскаго, Филиппа Орлика и Константина Гордіенка, да и то лишь въ отдѣльныхъ партіяхъ, а не всею своею массой. Простая масса козаковъ давно уже перестала вѣрить въ шведскаго короля. Вѣра въ него окончательно исчезла у посполитыхъ людей запорожскихъ съ тѣхъ поръ, когда онъ въ 1714 году оставилъ предѣлы Турціи и ушелъ черезъ Трансильванію въ городъ Штральзундъ. Самое событіе, происшедшее подъ Полтавой, не прошло даромъ для запорожцевъ въ смыслѣ страшнаго историческаго урока для нихъ.

Многіе передовые люди изъ запорожскаго войска скоро сознали всю важность полтавской побѣды и всѣ послѣдствія ея для цѣлой Россіи. Послѣдствія же ея были велики: полтавская битва безповоротно рѣшила вѣковой вопросъ о сліяніи двухъ русскихъ народностей, великорусской и малорусской, въ одно цѣлое политическое тѣло. До сихъ поръ историческая жизнь малорусскаго народа зиждилась на народно-козацкихъ началахъ; съ этихъ поръ она пошла по другому пути: вопросъ о старыхъ козацкихъ правахъ и вольностяхъ постепенно сталъ отходить въ область отдаленныхъ преданій, и прежніе козацкіе порядки и народныя начала стали замѣняться новыми порядками и иными началами, противъ которыхъ протестовать, а тѣмъ болѣе выступать съ оружіемъ въ рукахъ не представлялось уже никакой возможности. Запорожцы поняли это своимъ чутьемъ и, сознавая законъ непреложности, стали помышлять о возвратѣ подъ державу россійскаго монарха. До 1709 года они твердо стояли за свои предковскія права, мужественно и стойко боролись за козацкія вольности; но потомъ, исчерпавъ всѣ средства для борьбы съ Москвой и подъ конецъ отдавъ на разореніе москалямъ свое гнѣздо, старую Сичу, они сознали полную невозможность «прати противъ рожна» и рѣшили всею массою идти подъ державу Россіи, чтобы слиться въ цѣлое и единое съ нею.

Еще съ 1710 года къ гетману Ивану Ильичу Скоропадскому стали являться отдѣльныя, пока небольшія, купы запорожскихъ козаковъ и просить его о дозволеніи вернуться имъ въ Малороссію для поселенія въ различныхъ малороссійскихъ полкахъ. Уже тогда отданъ былъ приказъ гетману поселить просителей въ пристойныхъ мѣстахъ и тайно за ними наблюдать, чтобы они впредь не учинили какихъ-нибудь возмущеній въ народѣ и не ушли снова назадъ. Царь Петръ Алексѣевичъ, нуждавшійся въ ту пору въ боевыхъ силахъ передъ походомъ въ Турцію, охотно принималъ переселенцевъ въ малороссійскіе города. Но въ то время носились слухи о жестокостяхъ русскихъ, и это обстоятельство удерживало многихъ отъ переселенія въ Малороссію.

Однако прошелъ 1711 годъ и наступилъ 1712.

Въ это время кошевой атаманъ [1]) и запорожское низовое

---

[1]) Кто былъ въ то время кошевымъ атаманомъ—въ документѣ не говорится; можетъ быть, то былъ Василій Іосифовъ, который въ 1714 году называется бывшимъ кошевымъ атаманомъ, подававшимъ царю петицію: Судіенко, Матеріалы, II, 459.

войско, уже полнымъ своимъ составомъ, написали обширный листъ и отправили его гетману Ивану Ильичу Скоропадскому съ просьбой объ исходатайствованіи имъ милости и помилованія у царскаго величества: «Козаки и кошевой имѣютъ мысль, состояніе, охоту, намѣреніе и всецѣлое истинное прямое желаніе и душевную совѣсть принести въ поклоненіе пресвѣтлѣйшему маестату». Они льстили себя надеждой, что милостивый государь забудетъ злобу и всѣ безчинства ихъ и пришлетъ имъ черезъ гетмана высокопочтенную грамоту съ позволеніемъ перехода запорожцамъ отъ протекціи ханской къ державѣ православнаго монарха; во всякомъ-же случаѣ просили гетманскую вельможность сообщить имъ о милости или немилости къ нимъ государя «скрытнымъ человѣкомъ, дабы они чрезъ него въ подозрѣніе бусурманству не впали и въ гибель не ввелись» [1]).

Неизвѣстно, что на эту первую просьбу всего войска отвѣчалъ царь запорожцамъ, но въ томъ-же 1712 году въ должности гадячскаго асаула открыто служилъ бывшій запорожецъ Мартынъ Штыхъ, незадолго передъ тѣмъ оставившій Крымъ, а въ слѣдующемъ 1713 году дано было позволеніе небольшой партіи запорожскихъ козаковъ вернуться въ Малороссію и избрать мѣста для жительства. Въ 1714 году изъ предѣловъ Турціи явились 350 человѣкъ запорожцевъ, и тогда велѣно было всѣхъ этихъ выходцевъ поселить въ сѣверныхъ предѣлахъ Гетманщины, около Глухова и въ городѣ Конотопѣ, т. е. вблизи великороссійскихъ границъ, очевидно съ цѣлью наблюденія за поведеніемъ пришлецовъ [2]). По этому поводу графъ Головинъ писалъ изъ Петербурга гетману Скоропадскому такого рода письмо: «Я о семъ доносилъ его царскому величеству, и его царское величество, хотя и не хотѣлъ тѣхъ возвращающихся своевольныхъ запорожцевъ на Украйну принимать, но однакожъ, когда нѣкоторые уже были приняты, а за другими посылалъ самъ фельдмаршалъ, то государь изволилъ приказать мнѣ къ вашей вельможности и къ господину фельдмаршалу писать съ тѣмъ, чтобы вышедшимъ запорожцамъ быть на указанныхъ квартирахъ (въ Конотопѣ и около Глухова), а имѣющихъ выходить поселять въ пристойныхъ, по разсмотрѣнію вашей вельможности, мѣстахъ и по общему съ господиномъ фельдмарша-

---

[1]) Судіенко, Матеріалы, Кіевъ, 1855, II, 214, 227.

[2]) Судіенко, Матеріалы, Кіевъ, 1855, II, 214, 227.

ломъ согласію приказать смотрѣть, какъ они тамъ будутъ жить и не будеть-ли отъ нихъ какой противности происходить» [1]).

Не смотря на такое нерасположеніе со стороны царя къ запорожскимъ эмигрантамъ, въ это время запорожское товариство отправило вторую петицію на имя государя о помилованіи и о дозволеніи вернуться козакамъ къ прежнимъ своимъ мѣстамъ. На ту пору въ новой Сичѣ состоялъ кошевымъ атаманомъ Иванъ Алексѣичъ Малашевичъ [2]). Это былъ одинъ изъ выдающихся кошевыхъ атамановъ начала XVIII вѣка. Спокойный, разсудительный, прямой, честный и богобоязненный, Малашевичъ искренне преданъ былъ русскому государю и, повидимому, поставилъ себѣ священнымъ долгомъ такъ или иначе вернуть запорожцевъ на прежнія мѣста подъ скипетръ россійской державы. Съ этою цѣлью Малашевичъ обратился съ просьбой къ гетману Скоропадскому о помилованіи войска запорожскаго, и гетманъ Скоропадскій донесъ прошеніе кошевого царю Петру Алексѣевичу въ новую столицу.

По Скоропадскому велѣно было отвѣтить кошевому, что на его просьбу и на просьбу бывшаго кошевого Василія Іосифова уже послана царскимъ величествомъ изъ похода собственная грамота. Какова была та грамота неизвѣстно, но на основаніи послѣдующаго хода дѣлъ можно думать, что царская грамота не была милостива къ запорожцамъ.

Въ это-же время послѣдовалъ отвѣтъ, также немилостивый, и отъ правительствующаго сената по дѣлу двухъ какихъ-то запорожцевъ Стецька и Паска, которыхъ велѣно было гетману Скоропадскому держать попрежнему подъ арестомъ до полученія отвѣта до крымскаго хана и перекопскаго бея [3]).

Быть можетъ, здѣсь разумѣется дѣло о разбойническихъ дѣйствіяхъ одной запорожской ватаги, руководимой Грицькомъ Ковалемъ и состоявшей изъ козаковъ Стецька Великаго, Василія Черевка, Власа Тахтаула, Гаврила Старого и нѣкоторыхъ другихъ «гультяевъ», числомъ до 30 человѣкъ. Эти козаки, выбравшись изъ Сичи подъ часъ спасова поста, пошли подъ мѣстечко Рѣшетиловку красть коней. Не добывъ коней, они зато добыли семь

---

[1]) Судіенко, Матеріалы, Кіевъ, 1855, II, 227.

[2]) Малашевичъ былъ родомъ изъ города Золотоноши, полтавской губерніи; Собраніе сочиненій Максимовича, Кіевъ, 1877, II, 282.

[3]) Судіенко, Матеріалы, Кіевъ, 1855, II, 459.

штукъ рогатаго скота для харчей и, идя съ нимъ, замѣтили на Шаковомъ шляху, у вершины долины Яковиной, три воза и при нихъ девять человѣкъ татаръ. Сперва они отпустили татаръ по добру по здорову, а потомъ внезапно сдѣлали на нихъ нападеніе и заставили бросить возы и разбѣжаться въ разныя стороны. Тогда гультяи, поставивъ на могилѣ сторожу, боясь нападенія, похватали на коней, что было легкаго, а именно—деньги, сафьяны и мамсы; остатки же—родзинки, фиги, лимоны, лимонный сокъ и наметъ оставили при возахъ, сами быстро ушли въ укромное мѣсто и подѣлили захваченную добычу поровну между собою и потомъ частію ее прохарчевали, частію пропили. Послѣ этого дѣлежа гультяи разошлись въ разныя мѣста степи и блукали до осени. Изъ нихъ нѣкоторые приблизились къ Днѣпру и отогнали у миргородскаго полковника нѣсколько коней. Потомъ 8 человѣкъ изъ нихъ [1]) пришли въ Веремѣевку и, поклонившись однимъ сафьяномъ пану прилуцкому, расположились было съ его дозволенія на квартирахъ, но потомъ были схвачены и препровождены въ Лохвицу. За такое разбойство запорожскаго гультяйства поплатилось все запорожское войско. Въ Сичь присланъ былъ отъ хана бей о полутораста коней съ татарами и потребовалъ съ куреней удовлетворенія за убытки, по 100 талеровъ за каждаго грабителя. Войско заплатило по сто талеровъ, давши въ уплату и имущество грабителей, оказавшееся въ Сичѣ; многихъ изъ гультяевъ потребовало въ Сичу и одного изъ нихъ повѣсило, все-таки уплативъ и за него потерпѣвшимъ купцамъ сто талеровъ. Всей суммы татары взяли съ Коша на 5.000 золотыхъ, да такую же сумму, на 5.000 золотыхъ, войско оставило татарамъ на цѣлый годъ отъ своихъ базарныхъ доходовъ; кромѣ того особо взято было 15 левовъ за то, что одинъ изъ грабителей подрѣзалъ себѣ на кафтанъ матеріи изъ намета, стоявшаго при татарскихъ возахъ [2]).

Въ самой Сичѣ, повидимому, въ это время происходили безпрерывныя распри, такъ какъ къ концу 1714 года въ ней состоялъ кошевымъ атаманомъ уже не Малашевичъ, а Василій Іосифовъ (онъ-же Василій Іосифовичъ). Обыкновенно выборъ новаго кошевого атамана происходилъ перваго числа каждаго новаго года, и

---

[1]) Восьмой, Стецько Калисъ, собственно подошелъ потомъ изъ Сичи, но онъ въ «томъ радунку» не былъ.

[2]) Архивъ мин. ин. дѣлъ; мал. дѣла, 1715, св. 37, № 33.

если войско перемѣняло своего начальника до положеннаго срока то, очевидно, тому предшествовала цѣлая буря.

Въ ноябрѣ мѣсяцѣ, 23 числа, новый кошевой атаманъ и все запорожское войско, съ дозволенія крымскаго хана, «ординовали», при присланныхъ изъ Крыма татарахъ, къ гетману Скоропадскому двухъ козаковъ, Ивана Портянскаго да Степана Решетила, для розыска убытковъ и грабежей, причиненныхъ запорожскому войску отъ разныхъ жителей городовъ малороссійскихъ. Войсковымъ посланцамъ данъ былъ «истинный и праведный реестръ, гдѣ, кого и съ якою худобою въ городахъ и въ полю забрано, и якъ много утраты на худобахъ товариство въ состояніи сего мира отъ старшины рейменту гетманской велможности и общихъ людей дознало». Войско и кошевой атаманъ просили гетмана всю «невинне» забранную худобу непремѣнно пополнить и возвратить безъ «большой турбаціи» [1]).

Обращаясь съ просьбой къ гетману Скоропадскому о возвращеніи захваченной малороссіянами козацкой «худобы», запорожцы въ это-же время «искали способа» для того, чтобы такъ или иначе вновь возвратиться «подъ руку царского священнѣйшого величества» и осѣсть Кошемъ на старой Чортомлыцкой Сичѣ.

О такомъ намѣреніи войска запорожскаго дошла вѣсть до «гетмана» Филиппа Орлика. Орликъ, осенью 1714 года, передъ праздникомъ Покрова, написалъ запорожцамъ изъ Адріанополя листъ и въ томъ листу предупреждалъ козаковъ, чтобы они не склонялись ни на какія прельщенія и оставались въ томъ состояніи, въ какомъ и теперь находятся. Въ слѣдъ за тѣмъ о намѣреніи запорожцевъ оставить новую Сичу Филиппъ Орликъ сообщилъ пограничному разъѣздному бею и подалъ ему мысль отобрать у козаковъ на вѣрность Крыму присягу, послѣ чего дозволить начальникамъ и неженатымъ запорожцамъ поселиться хотя и въ старой Сичѣ, а женатыхъ оставить въ Кызыкерменѣ, гдѣ они и раньше того жили. И точно: черезъ четыре недѣли послѣ полученія Орликова письма въ Сичѣ, въ Кошъ прибылъ отъ пограничнаго разъѣздного бея какой-то крымскій толмачъ и потребовалъ, чтобы кошевой атаманъ и всѣ куренные атаманы ѣхали въ Калапчакъ для присяги, «жебы уже держалися протекціи хана кримского и чтобы въ томъ не зрадили». Кошевой и атаманы, сообразивъ, что виновни-

---

[1]) Архивъ мин. ин. дѣлъ; мал. дѣла, 1714, св. 36, № 42.

комъ такого требованія былъ Филиппръ Орликъ, нашли нужнымъ поѣхать къ бею, но однако положили между собой совѣтъ такъ или иначе отказаться отъ присяги, выставивъ на видъ ту причину, что все войско запорожское разошлось за добычей, безъ войска-же ни кошевому, ни атаману «нелзя правѣй присягати» [1]).

Увернувшись отъ присяги Крыму, кошевой атаманъ Василій Іосифовъ и «старое товариство» въ наступившемъ 1715 году отправили изъ Сичи въ городъ Глуховъ, черезъ писаря Рогулю, новый листъ къ вельможному гетману съ просьбой «чинить наипрележнѣйшее стараніе и заступленіе о полученіи за ихъ проступокъ прощенія и о принятіи въ прежнюю милость и прихильность войска запорожского подъ державу царского величества».

Полученный листъ гетманъ Скоропадскій направилъ въ столицу съ личнымъ отъ себя запросомъ, какъ поступить ему «со оными запорожцами». Къ новой петиціи запорожцевъ гетманъ присовокупилъ отъ себя просьбу о дозволеніи малороссійскимъ торговымъ и промышленнымъ людямъ ѣздить съ товарами въ Крымъ и ходить на полевыя рѣчки за рыбною и звѣриною добычей, а вмѣстѣ съ малороссіянами просилъ дозволенія пропускать на Украйну и сичевиковъ, тѣхъ, которые будутъ приходить изъ Запорожья съ рыбой и съ солью къ Днѣпру.

На такую просьбу послѣдовалъ изъ Петербурга царскій указъ февраля 10 дня. Въ томъ указѣ говорилось, что его императорское величество отпускаетъ вины и соизволяетъ принять подъ свою державу только тѣхъ козаковъ, которые повинились въ своихъ поступкахъ, и если таковые изъ нихъ пожелаютъ оставить турецкія области и придти въ россійскую державу, то селить ихъ въ мѣстахъ, гдѣ кто родился, и всячески обнадеживать, что такіе не подвергнутся никакимъ наказаніямъ и въ ссылку не будутъ сосланы; напротивъ того, старшины такихъ козаковъ получатъ «знатные уряды», смотря по полкамъ, состоянію и вѣрности. Принять-же запорожцевъ съ землей, на которой они живутъ, въ подданство и дозволить имъ жить своимъ Кошемъ въ старой Сичѣ, вслѣдствіе мирнаго постановленія между Россіей и Турціей, нельзя, потому что старая Сичь, по домогательствамъ самихъ-же запорожцевъ у турецкаго султана, уступлена туркамъ. Торговымъ-же малороссійскимъ людямъ, ѣдущимъ съ «незаповѣдными» товарами

---

[1]) Архивъ мин. ин. дѣлъ; мал. дѣла, 1714, св. 36, № 44.

въ Крымъ, и крымцамъ, ѣдущимъ со своими товарами въ Малую Россію, препятствій не дѣлать никакихъ. Только запорожцевъ и козаковъ измѣнниковъ ни съ товарами, ни съ какими дѣлами въ Малую Россію не пропускать, также и малороссіянамъ съ товарами и съ добычею въ Запорожье ходить не дозволять и ѣдущимъ въ Крымъ сдѣлать наказъ, чтобы они, подъ страхомъ жестокаго наказанія и лишенія всего имущества, не заѣзжали къ запорожскимъ козакамъ; а самимъ крымцамъ объявить, чтобы они, отправляясь въ Малую Россію, измѣнниковъ запорожцевъ и козаковъ съ ихъ товарами отнюдь не смѣли съ собою брать. Самому гетману, безъ царскаго указа, съ измѣнниками запорожцами никакой переписки не имѣть и на письма ихъ не отвѣчать, а всѣ письма ихъ, въ подлинникахъ, въ столицу отсылать и у себя только списки (копіи) съ нихъ оставлять. Въ случаѣ-же какихъ-либо ссоръ съ турской стороны или въ случаѣ нанесенія отъ запорожцевъ малороссійскимъ людямъ какихъ-либо обидъ, о томъ немедленно кіевскому губернатору, князю Дмитрію Михайловичу Голицыну сообщать [1]).

О результатѣ просьбы запорожцевъ первый извѣстилъ Скоропадскаго кіевскій губернаторъ князь Голицынъ, временно находившійся въ то время въ Петербургѣ. Онъ писалъ гетману, что ему посланъ съ наставленіемъ указъ, какъ держаться относительно запорожскихъ козаковъ. Очевидно князь Голицынъ хотѣлъ предварить Скоропадскаго о томъ, чтобы онъ немедленно-же воспретилъ жителямъ малороссійскихъ городовъ сноситься съ запорожскими козаками согласно волѣ государя.

Но то, что легко было предписать на бумагѣ, весьма трудно было исполнить на дѣлѣ. Такъ, когда гетманъ Скоропадскій, получившій царскій указъ, сталъ приводить его въ исполненіе, то-есть потребовалъ отъ купцовъ, ѣздившихъ изъ Малороссіи въ Крымъ и возвращавшихся изъ Крыма въ Малороссію, чтобы они объѣзжали запорожскую Сичу и не давали запорожцамъ никакой платы отъ своихъ товаровъ, то запорожцы начали жестоко мстить за то малороссійскимъ купцамъ. Одинъ разъ, въ іюнѣ мѣсяцѣ, они напали на китайгородскихъ людей, ѣздившихъ въ Крымъ за купецкимъ промысломъ и возвращавшихся назадъ съ товарами:

---

[1]) Архивъ мин. ин. дѣлъ; крымскія дѣла, 1715, св. 1а, № 1, Записки одес. общ. исторіи и древностей, XIV, 283—285; Судіенко, Матеріалы, Кіевъ, 1855, II, 66, 67, 77, 79.

наскочивши на нихъ въ то время, когда они только что переправились черезъ рѣку Самарь, у урочища Шести-Колодезей, запорожцы нѣкоторыхъ изъ нихъ побили, нѣкоторыхъ поранили, а все добро ихъ разграбили, и напрасно послѣ того кошевой атаманъ посылалъ свой универсалъ въ Самарь до севрюка объ унятіи своевольцевъ, своевольцы попрежнему предавались грабежамъ. Въ другой разъ наскочили запорожцы на майданъ опошнянскихъ селитренниковъ, надъ рѣчкою Ушивою, разнесли тамъ всѣ строенія и все, что можно было, пограбили, а оттуда бросились подъ города полтавскаго полка, и хотя во время этого набѣга трое изъ грабителей были пойманы, за то остальные, нисколько не унимаясь, намѣревались сдѣлать набѣгъ на слободскіе города. И всѣ тѣ разоренія и грабежи, которые запорожцы чинили по дорогамъ промышленнымъ людямъ, стались послѣ царской грамоты (февраля 10 дня) и крѣпкаго гетманскаго приказа, запрещавшихъ украинцамъ сноситься съ Запорожьемъ. Согласно такимъ приказамъ, полтавскій купецъ Григорій Магденко, ѣздившій въ Крымъ за товаромъ, исходатайствовалъ было у ханскаго везиря и у перекопскаго бея дозволеніе всѣмъ купцамъ стороны царскаго величества не заѣзжать до Сичи, чтобы не платить никакой пошлины запорожцамъ. У запорожцевъ даже отобранъ былъ Кызыкерменскій перевозъ, къ которому приставили татарина, для того, чтобы онъ, перевозя черезъ Днѣпръ купцовъ, не давалъ корыстоваться отъ перевоза запорожцамъ. Однако, эти распоряженія скоро были отмѣнены. Когда крымскій ханъ ѣхалъ въ Бѣлогородчину, то къ нему явился кошевой атаманъ и снова выпросилъ у него Кызыкерменскій перевозъ въ пользу запорожскаго войска. Подтверждая такое обѣщаніе своимъ властнымъ письмомъ, ханъ сдѣлалъ въ немъ приписку о томъ, дабы тѣхъ изъ малороссійскихъ или изъ крымскихъ купцовъ, которые ѣхали до Крыма или возвращались изъ него и не представлялись кошевому атаману, безъ уплаты денегъ, не перевозить черезъ перевозъ. Послѣ того запорожцы, снова отобравъ, по ханскому письму, въ свои руки, Кызыкерменскій перевозъ, всѣхъ ѣхавшихъ къ нему, стали отсылать насильно въ Сичь, и тогда сколько кошевой атаманъ напишетъ перевезти возовъ, столько и перевозили ихъ, безъ письма-же кошевого вовсе никого не перевозили черезъ Днѣпръ. Кошевой давалъ отъ себя для конвоя проводниковъ, и купцы всякому провожатому должны были платить по 10 талеровъ отъ себя. Когда-же

малороссійскіе купцы, избѣгая Кызыкерменскаго перевоза, дѣлали кругъ въ нѣсколько миль степью лѣвой стороны Днѣпра, то запорожцы настигали ихъ вблизи рѣки Самары и разграбляли всѣ ихъ товары и добро.

Не рѣшаясь лично предпринять никакихъ мѣръ противъ нападеній со стороны запорожцевъ, гетманъ Скоропадскій обратился сперва съ запросомъ по этому поводу къ кіевскому губернатору князю Голицыну, а потомъ, по совѣту послѣдняго, написалъ письмо къ графу Гавріилу Ивановичу Головкину съ просьбой прислать ему инструкцію, какъ поступать съ «ворами», и вмѣстѣ съ тѣмъ написать о дѣйствіяхъ ихъ крымскому хану, особенно-же просить объ отобраніи у нихъ Кызыкерменскаго перевоза [1]).

Но крымскій ханъ Каплань-Герай далекъ былъ въ то время отъ всякой мысли о томъ, чтобы вредить запорожцамъ; напротивъ того, онъ, гдѣ могъ, старался ходатайствовать за нихъ. Такъ, въ это время онъ писалъ за какихъ-то запорожцевъ, купившихъ себѣ на собственныя деньги земли подъ городомъ Чигириномъ, польскому гетману Синявскому и просилъ его оказать имъ, въ случаѣ нужды, всякое вспоможеніе [2]). Въ какихъ собственно видахъ, какіе именно изъ запорожцевъ ушли изъ Крыма подъ Чигиринъ и почему за нихъ хлопоталъ самъ ханъ, осталось неизвѣстнымъ, но это обстоятельство, въ связи съ другими, даетъ поводъ думать о томъ, что ханъ оказывалъ вниманіе запорожскому войску.

Сами малороссіяне, не смотря на крѣпкіе царскіе и гетманскіе приказы, пользуясь тайными урочищами въ разныхъ мѣстахъ, почти безпрерывно проходили цѣлыми купами, изъ городовъ въ Запорожье, по сто, по двѣсти, по триста человѣкъ, и тѣмъ самымъ вызывали новыя мѣры со стороны надлежащихъ властей, кіевскаго губернатора князя Голицына и гетмана Скоропадскаго, для прекращенія сношеній между Запорожьемъ и Малороссіей. Одинъ козакъ миргородскаго полка, по фамиліи Корней Федоренко, долго находившійся въ Запорожьи, пришелъ изъ Сичи на Украйну и изъ Украйны снова ходилъ, съ вѣдома миргородскаго полковника, въ Сичу будто-бы для отысканія тамъ какихъ-то вещей своихъ. По этому поводу гетману Скоропадскому предписано было козаковъ, бывшихъ на Запорожьи, потомъ повинившихся и посе-

[1]) Архивъ мин. ин. дѣлъ; крымскія дѣла, 1715, св. 1а, № 2.

[2]) Архивъ мин. ин. дѣлъ; крымскія дѣла, 1715, св. 1а, № 3.

ленныхъ на Украйнѣ, отнюдь и не подъ какимъ видомъ ни въ крымскія, ни въ турецкія области, не пускать [1]). Большею частію царскія приказанія нарушались малороссійскими торговцами, которые ѣздили въ Запорожье по разнымъ торговымъ дѣламъ и вывозили оттуда волошскіе орѣхи, соль и рыбу, сами-же отвозили горилку, табакъ и борошно [2]).

Между тѣмъ въ самой Сичѣ уже давно образовалась партія козаковъ, которая была недовольна жизнью подъ властію крымскаго хана и искала случая, во что бы то ни стало, испросить прощеніе у русскаго государя и снова вернуться на пепелища къ Скарбной и къ Чортомлыку. Во главѣ этой партіи стоялъ Иванъ Малашевичъ, вновь выбранный кошевымъ атаманомъ. Считая самымъ сильнымъ, послѣ гетмана, человѣкомъ миргородскаго полковника Даніила Апостола, управлявшаго въ то время пограничнымъ съ Запорожьемъ краемъ, Малашевичъ, мая 3 числа, 1716 года, съ Коша [3]) написалъ Апостолу горячее, въ высокомъ стилѣ, письмо и «слезно» просилъ его быть благимъ и милосердымъ къ запорожскому войску, которое «покрывается волнами совѣсти душъ своихъ, познаетъ свой грѣхъ и вину противко истинѣ своего прародительного христіанского монарха, которое не желаетъ въ той злости волненій погразнути и имѣетъ простую нелестную (т. е. нельстивую) и ошуканливую [4]) мысль подклонитися до его царского величества державы»; усердно молилъ милостиваго пана и добродѣя принять посылаемый листъ и узнать черезъ гетманскую вельможность, прекратился-ли гнѣвъ палящій царскаго величества на запорожское войско или все еще и по настоящее время продолжается. «О себѣ, буду-ли я живъ или умру, я не думаю, но я зѣло скорблю за войско наше, абы отъ гнѣва царского не погибло, и того ради вашей панской милости съ нашею убогою совѣстію перво открившися о милосердіе (-діи) прошу: будь отцемъ, а не губителемъ, и не уведи у пагубу, но изъ погибели изведи, си есть: аще его царского величества до насъ милость есть и винамъ нашимъ окажется ослаба, упевняй насъ, а сей листъ нашъ,

---

[1]) Судіенко, Матеріалы, Кіевъ, 1855, II, 241.

[2]) Архивъ мин. ин. дѣлъ; мал. дѣла, 1716, св. 38, № 21.

[3]) Во всѣхъ предыдущихъ и послѣдующихъ письмахъ кошевые подписываются съ «Коша» безъ обозначенія на какомъ именно мѣстѣ.

[4]) Oszukac—съ польскаго на русскій «обманывать, обольщать, надувать».

никому не довѣряя кромѣ ясневельможного пана гетмана, у себя имѣй; мы полагаемся съ цѣлыми душами нашими на совѣсть душъ панскихъ вашихъ, абы вы не довели насъ до згубы» [1]).

Прождавши напрасно отвѣта отъ полковника Апостола въ теченіе пяти съ половиной мѣсяцевъ, кошевой атаманъ Иванъ Малашевичъ рѣшился повторить свою просьбу и послать ее уже не Апостолу, а самому гетману Скоропадскому. Это письмо написано было еще трогательнѣе и еще торжественнѣе, нежели письмо къ миргородскому полковнику Апостолу. «Слышали мы, атаманъ кошовій войска запорожского низового, отъ читающихъ божественное святое евангеліе, что въ немъ Христосъ—истина поучаетъ не гнушатися приходящихъ къ нему грѣшниковъ отриновенныхъ своея благодати и человѣколюбія». Уповая на Христа сына божія и на пресвятую дѣву Марію, божію родительницу, кошевой атаманъ и войско запорожское, поливая стопы рейментарской милости, молили со слезами панскую вельможность, милостиваго пана и добродѣя, какъ ближайшаго секретаря тайнъ царскихъ, не презрѣть гласа запорожцевъ, согрѣшившихъ передъ царскимъ величествомъ, отвергшихся его благости и много нагрубившихъ рейментарской милости. «Воспріими, яко отецъ небесный, исповѣданіе вины и прозбы нашой и аще будетъ возможно, а вашой панской милости угодно, сей нашъ смиренный совѣтъ и преподлѣйшое хотѣніе его царскому пресвѣтлому величеству доноси и неиначей, яко и Христосъ на крестѣ блаженному разбойникови возгласи: днесь съ намы синамы восточного благочестія Великія и Малыя Россіи будете въ раи, си есть: обратилъ Господь царское сердце въ милость пріяти къ намъ до его царской державы». Все запорожское низовое войско усердно просило милостиваго государя излить на него щедрость и вернуть ему прежнія для обитанія мѣста, потому что на иное мѣшканье, т. е. въ малороссійскіе города, оно, съ низу Днѣпра и всѣмъ своимъ составомъ не пойдетъ, хотя отдѣльнымъ лицамъ, желающимъ идти въ города, не забороняетъ пути. Пусть всемилостивый государь и свою грамоту на то дастъ и ею всѣ вольности и всѣ, какія были, пространства, закрѣпитъ и ничего, что положено и утверждено отъ первѣйшихъ благочестивыхъ монарховъ, не отнимаетъ у нихъ. За ту милость всѣ запорожскіе низовые козаки обѣщаютъ царскому величеству

---

[1]) Архивъ мин. ин. дѣлъ; мал. дѣла, 1716 св. 38, № 37.

усердно служить и вѣрность ему свою содержать. «Тилко о семъ, велможный пане, зъ милости вашой рейментарской взявши певность [1]) о милосердію царскомъ (чи приняты будемъ въ державу его царского пресвѣтлого величества, или оминетъ насъ тое отъ его царского величества всероссійского пресвѣтлѣйшого нашего монархи) намъ, атаману кошовому, не скрываючи, изяви скоро-скоро, понеже мы, кошовый, аще милость царского величества всероссійского нашего монархи чрезъ вашу велможность мнѣ подастся упевняючая грамотою въ днѣпровыхъ черняхъ мѣшканья нашего и подтверждаючая права и волности наши войсковіи, яковіи внасъ отъ первыхъ антецессоровъ благочестивыхъ монарховъ и отъ самого его царского пресвѣтлого величества бывали, на нашу душу кошовую все войско, гдѣ есть наше, подвигну, кгдижъ часовъ сыхъ не есть вкупѣ, но и на часты разорвано по сторонахъ бесурменскихъ, едныхъ волною волею, а другихъ и не хотячихъ, я привлеку до поклоненія царской державѣ, аще мя Богъ на сюй власти и въ живыхъ задержитъ».

Изложивъ всю свою просьбу, кошевой атаманъ «покорно-покорно» просилъ вельможнаго гетмана дать ему или черезъ письмо или черезъ певнаго и подуфалаго [2]) человѣка, соблюдая строгую тайну отъ татаръ, скорый отвѣтъ на милость или не милость царскую, и заканчивалъ свое письмо такъ: «Нѣби (подобно тому какъ) израилтяны отъ Египта въ землю обецанную, въ державу царского величества изыйти желаніе имѣемъ и доземной нашъ поклонъ вашей панской милости воздаючи пребываю вашой панской велможности милостивому нашему пану отцу и благонадежному добродѣеви всего добра истый обрѣтатель и поволный слуга и подножокъ Иванъ Малашевичъ атаманъ кошовый войска запорожского низового з Коша низового октоврія 14, року 1716» [3]).

Не дождавшись отвѣта и отъ гетмана Скоропадскаго, кошевой атаманъ черезъ 10 дней послѣ написанія своего листа написалъ въ тѣхъ-же словахъ листъ миргородскому полковнику Даніилу Апостолу [4]).

---

[1]) Pewnosc съ польскаго на русскій значитъ достовѣрность, подлинность, твердость.

[2]) Podufaly или poufaly съ польскаго на русскій значитъ коротко знакомый, дружный, пріятельскій.

[3]) Архивъ мин. ин. дѣлъ; мал. дѣла, 1716, св. 38, № 37.

[4]) Архивъ мин. ин. дѣлъ; мал. дѣла, 1716, св. 38, № 37.

Во все это время кошевой атаманъ Малашевичъ всѣми силами старался удерживать запорожцевъ отъ нанесенія какой-бы-то ни было обиды подданнымъ русскаго царя и когда осенью означеннаго года какіе-то козаки Паско да Стецко, бывшіе запорожскіе «товарищи-караванчики», разграбили какой-то караванъ, то запорожцы «тотъ караванъ съ великою бѣдою и тяжестью отбыли войскомъ, установивъ отъ вѣка небывалую на все въ теченіе цѣлаго года аренду» и такимъ образомъ заплатили за нихъ «тысячей золотыхъ девять сто таляровъ и тридцять» [1]).

Всѣ письма кошевого атамана Малашевича доставлены были въ Москву, но было-ли о просьбѣ его доведено до свѣдѣнія государя—неизвѣстно. Самъ государь въ то время находился въ голландскомъ городѣ Амстердамѣ и января 8 дня, 1717 года, далъ гетману Ивану Скоропадскому такого рода инструкцію по поводу его запроса, набирать-ли въ русскіе полки запорожскихъ козаковъ или-же не набирать: «А что требуете вы нашего указу о запорожцахъ, тѣхъ, которые въ прошлыхъ годѣхъ пришли и вины свои намъ, великому государю, принесли, и по нашему указу повелено оныхъ распустить и жить имъ позволить въ Малой Россіи у свойственныхъ своихъ. Но что изъ нихъ тѣ, которые свойственниковъ своихъ не имѣютъ и стоятъ даромъ по квартирамъ, а угодны явятся въ службу охочую, въ сердюки, прибирать-ли тебѣ оныхъ въ ту службу, и мы, великій государь, наше царское величество, оныхъ, яко бывшихъ въ явной противъ насъ измѣнѣ, и всегдашнихъ самовольниковъ и легкомысленныхъ, въ службу сердюцкую прибирать тебѣ, подданному нашему, не повелѣваемъ, понеже отъ оныхъ вѣрной службы намъ уповать и впредь нечего, но опасаться великаго худа. А ежели потребно тебѣ, подданному нашему, прибрать въ сердюцкую службу, то соизволяемъ мы, великій государь, наше царское величество, тебѣ, подданному нашему, выбрать изъ вѣрныхъ и въ измѣнѣ неприличившихся, въ ту службу годныхъ, козаковъ; а тѣхъ запорожцевъ мочно тебѣ употреблять въ какую работу и домашнюю службу, ежели оные подъ городомъ гдѣ жилища себѣ воспріять и на грунтахъ жить не похотятъ и сыскать себѣ пропитанія не могутъ» [2]).

---

[1]) Архивъ мин. ин. дѣлъ; мал. дѣла, 1716, св. 38, № 37.

[2]) Ригельманъ, Лѣтописное повѣствованіе, 1847, III, 114.

При всемъ томъ неутомимый кошевой Малашевичъ нисколько не уставалъ въ своихъ просьбахъ и въ іюлѣ мѣсяцѣ 1717 года вновь обратился къ гетману Скоропадскому и къ полковнику Апостолу съ прошеніемъ объ исходатайствованіи запорожскому войску у государя прощенія и о дозволеніи ему поселиться «на первобытномъ мѣстѣ» съ укрѣпленіемъ за нимъ всѣхъ милостей, которыя были дарованы козакамъ «отъ первѣйшихъ монарховъ и отъ его царского пресвѣтлого величества». «Не хощемъ мы въ злобѣ бѣсовской и въ части Іюдиного отчаянія заставати, а хощемъ вины и грѣха нашего, имъ-же Бога и его царского пресвѣтлого величества маестатъ изгрубили, каятися истинною... Вси (всѣ) мы радостно отъ протектора нашего, хана крымского отступимъ, а принесши вѣрность нашу, яко-же евангельская вдова и праведный Авель Господу дары, доживотне восточному нашему истинному государю и ясневелможному его милости пану гетману всѣмъ милостямъ панамъ служитемемъ безъ всякой превратности» [1]).

Но ни отъ гетмана Скоропадскаго, ни отъ полковника Апостола попрежнему отвѣта никакого не было, и кошевой атаманъ Малашевичъ поставленъ былъ въ большое затрудненіе лавировать между Крымомъ и Россіей. Съ одной стороны кошевой, какъ подданный крымскаго хана, долженъ былъ дѣйствовать въ его пользу и во вредъ русскаго царя; съ другой стороны, домогаясь получить позволеніе вернуться на прежнія мѣста жительства, кошевой долженъ былъ втайнѣ содѣйствовать видамъ русскаго царя. Въ такомъ именно положеніи очутился Малашевичъ во время столкновенія донцовъ и калмыковъ съ партіей запорожцевъ. Партія запорожскихъ козаковъ, въ числѣ 70 человѣкъ, подъ предводительствомъ какого-то Алистрата [2]), отправилась послѣ праздника Петра и Павла, къ Великому-Лугу и къ рѣкѣ Московкѣ. Тамъ на эту партію наскочили донцы и калмыки и, кромѣ самого Алистрата, истребили ее на мѣстѣ. За запорожцевъ выступилъ было мстителемъ какой-то крымскій салтанъ: собравшись цѣлою ордой, онъ хотѣлъ было идти въ землю донскихъ козаковъ и въ слободскіе города, куда и кошевому атаману приказалъ съ выборнымъ товариствомъ слѣдовать за собой. Но кошевой, встрѣтивъ сал-

---

[1]) Архивъ мин. ин. дѣлъ; мал. дѣла, 1717, св. 39, № 20.

[2]) Можетъ быть, того самого, который раньше называется кошевымъ Алистратенкомъ и дѣйствовалъ въ 1711 году на рѣкѣ Самарѣ противъ русскихъ городковъ.

тана съ подобающею честью, сталъ совѣтовать ему отложить походъ, упирая на то, что это будетъ противно мирнымъ трактатамъ между Турціей, Крымомъ и Россіей. «Да этого, говорилъ кошевой, и въ дѣло нечего ставить, потому что тутъ своевольники погромили своевольниковъ; къ тому-же наши своевольники, которымъ мы, согласно ханскимъ указамъ, неоднократно запрещали, все-таки ходятъ тамъ и больше шкодятъ, нежели они нашимъ». На такой совѣтъ крымскій салтанъ, успокоившись, замѣтилъ, что если самъ кошевой не жалуетъ своихъ людей, то и онъ, хотя и считалъ своимъ долгомъ отомстить за нихъ, потому что татары обязаны стоять за запорожцевъ, какъ за своихъ гостей, откладываетъ свое намѣреніе и немедленно возвращается назадъ; однако, для подлинной вѣдомости о томъ, сколько побито было въ названныхъ мѣстахъ людей, посылаетъ 150 человѣкъ татаръ и 17 человѣкъ козаковъ. Самъ кошевой считалъ виновниковъ столкновенія запорожцевъ съ донцами одного лишь, котораго и хотѣлъ подвергнуть наказанію, Алистрата, за его дѣла, но и этому ничего не могъ сдѣлать, потому что Алистратъ находился въ дружбѣ съ татарами и всегда водилъ съ ними веселыя попойки.

Независимо отъ этого кошевой Малашевичъ испытывалъ и другія затрудненія вслѣдствіе своего двусмысленнаго положенія. Такъ, къ нему обращался очаковскій паша Гаметъ съ запросомъ, вѣрна-ли та вѣсть, которая донеслась до него съ московской стороны, а именно вѣсть о томъ, будто русскій фельдмаршалъ Шереметевъ, стянувъ свои войска изъ Польши, имѣетъ намѣреніе идти подъ городъ Азовъ. Паша просилъ кошевого, если онъ знаетъ объ этомъ что-нибудь вѣрное, сообщить ему подлинныя вѣсти, и онъ, похваляя пріятельство его, объявитъ о томъ великому везирю и своему «царю» [1]).

Но взоры кошевого по-прежнему обращены были не къ турецкому, а къ русскому царю. Кошевой все еще не терялъ надежды получить отвѣтъ отъ русскаго государя на свои слезныя посланія; тѣмъ болѣе, что между запорожцами въ то время «пронеслось эхо» о томъ, будто-бы для нихъ заготовлена царская грамота, находящаяся пока у губернатора князя Димитрія Михайловича Голицына въ городѣ Кіевѣ.

Слухъ этотъ, однако, не оправдался. Въ началѣ августа мѣ-

---

[1]) Архивъ мин. ин. дѣлъ; мал. дѣла, 1717, св. 39, № 20.

сяца къ кошевому Малашевичу прибылъ съ словеснымъ отвѣтомъ на его листъ козакъ миргородскаго полка Семенъ Сиса. Каковъ былъ тотъ отвѣтъ — неизвѣстно. Но во всякомъ случаѣ кошевой Малашевичъ былъ сильно опечаленъ тѣмъ, что не получилъ на свои листы письменнаго отъ полковника Апостола отвѣта и выговаривалъ Сисѣ за то, что онъ, сколько разъ уже пріѣзжалъ къ запорожцамъ, а на письмѣ никакого отвѣта не привозилъ и только одними словами ихъ утѣшалъ. «А если-бы милостивая его царского пресвѣтлого величества таковая къ намъ была прислана грамота, которою-бы мы могли надѣючися певне милости монаршей сердца свои увеселити, же будетъ, колвекъ хотя колко лѣтъ изождавши, подъ державу его-жъ царского величества приняты и по-прежнему при содержаніи давныхъ правъ войсковыхъ съ Кошемъ у Днѣпра найдоватися, то я-бы и инъшее товариство, между якимъ хочай уже нѣкоторые и суть со мною единого совѣту, оную для увѣренія вычитуючи предъ ними до единомыслного наклонялъ согласія, а легкомысленниковъ отъ злости, якую они обыкли выполняти, повстягалъ, аже-бы всему товариству снявшися съ Коша, пойти на Украйну для мѣшканья, то трудно мнѣ то учинити, чего и нашему товариству, же-бы то не пронеслося, и объявити опасно» [1]).

Напрасны были всѣ старанія кошевого: царь Петръ Алексѣевичъ попрежнему далекъ былъ отъ того, чтобы перемѣнить въ отношеніи запорожцевъ свой гнѣвъ на милость. Еще въ самомъ началѣ іюля мѣсяца канцлеръ графъ Гавріилъ Ивановичъ Головкинъ, находившійся въ то время въ голландскомъ городѣ Амстердамѣ, на доношеніе гетмана Ивана Скоропадскаго о просьбѣ запорожцевъ принять ихъ въ подданство россійскаго монарха отвѣчалъ ему такъ: «Что принадлежитъ о запорожцахъ, которые паки къ вашей вельможности и къ господину полковнику миргородскому отзываются, прося, дабы имъ позволено было жить при Днѣпрѣ, то на сіе нынѣ времени не имѣемъ къ вашей вельможности отвѣтствовать, понеже надѣемся въ скорыхъ числахъ возвратиться въ Санктпетербургъ, откуды о томъ надлежащее опредѣленіе прислано къ вамъ объ нихъ будетъ; а между тѣмъ теперь ссылаюсь о томъ на прежніе его величества именные указы, къ вашей вельможности объ нихъ прежде сего отправленные» [2]).

---

[1]) Архивъ мин. ин. дѣлъ; мал. дѣла, 1717, св. 39, № 20.
[2]) Судіенко, Матеріалы, Кіевъ, 1855, II, 260.

Но и изъ Петербурга на просьбу кошевого Малашевича никакого отвѣта не послѣдовало. Только изъ Москвы тотъ-же графъ Головкинъ сдѣлалъ гетману Скоропадскому запросъ о запорожцѣ Ѳедорѣ Леонтьевѣ, пріѣзжавшемъ ко двору государя во время Мазепиной измѣны отъ имени запорожскихъ козаковъ съ обѣщаніемъ быть въ вѣрности царскому величеству, но задержанномъ въ Москвѣ: «И я вашей вельможности предлагаю, ежели онъ подлинно такой человѣкъ и въ явной измѣнѣ не былъ, отпустить его изъ Москвы на Украйну» [1]).

Отказы кошевому атаману со стороны царя попрежнему нисколько не мѣшали сношеніямъ запорожцевъ съ малороссіянами, главнымъ образомъ по торговымъ и промышленнымъ дѣламъ. Запорожскіе купцы по-прежнему проникали изъ Сичи въ Малороссію и изъ Малороссіи пробирались даже въ Москву, вездѣ находя себѣ пріютъ и тайное сочувствіе со стороны разныхъ лицъ. Такъ, въ 1718 году нѣкто Токарь, запорожскій торговый человѣкъ, немалое время проживалъ на подворьѣ спасскаго попа Святайла ради своихъ промысловъ. Его пребываніе у Святайла открыто было только тогда, когда онъ выѣхалъ изъ святайлова хутора, Коломацкаго, въ запорожскую Сичь, и на него напалъ полевой сторожъ «давній злодіюка», Коляда, забравъ все его добро—возъ, коней и стоившій 80 талеровъ товаръ. Другой запорожскій купецъ, по фамиліи Горбъ, торговавшій всегда въ Сичи «на коморѣ», переѣхалъ изъ Запорожья въ Полтаву и изъ Полтавы пробрался въ Москву, гдѣ получилъ для купеческихъ промысловъ отъ бывшаго тамъ обознаго полтавскаго полка Нащинскаго 1.000 талеровъ, на которые накупилъ себѣ товару и съ тѣмъ товаромъ вернулся въ Полтаву на артиллерійскихъ полтавскихъ коняхъ. Такъ объ этомъ доносилъ въ Полтаву князю Бабичеву капитанъ Гороховъ: «Для того и существуетъ жестокій царского величества указъ, чтобы никто изъ вѣрноподданныхъ монаршихъ не сносился съ запорожниками, ни съ какимъ въ запорожскую Сѣчу товаромъ не ѣздилъ и никакихъ туда гандліовъ не дѣлалъ... Отъ чего теперь и моровая язва усилилась, какъ не отъ того воровства. Когда возьмутъ къ розыску названныхъ выше Коляду, Горба и хлопца Токаревого (т. е. хлопца, бывшаго съ запорожцемъ Токаремъ), тогда много чего о ворахъ могутъ отыскать» [2]).

---

[1]) Судіенко, Матеріалы, Кіевъ, 1855, II, 263.

[2]) Судіенко, Матеріалы, Кіевъ, 1855, II, 470—472.

Но запорожцевъ одни сношенія съ Малороссіей по торговымъ дѣламъ, не удовлетворяли, и въ 1718 году они вновь послали, черезъ полковника Апостола, челобитную царю и письмо гетману съ просьбой о дозволеніи вернуться имъ на родныя мѣста, и такъ какъ въ тѣ поры (въ ноябрѣ мѣсяцѣ), въ Крыму и въ Запорожьѣ былъ моръ на людей, то гетманъ отправилъ къ царю не самую челобитную, а копію съ нея при собственной отпискѣ своей [1]).

Съ наступленіемъ 1719 года запорожцы еще съ большею настойчивостью стали добиваться возвращенія на свои прежнія мѣста. Въ этомъ году въ Крыму «учинился» новый ханъ Саадатъ-Герай. Въ январѣ мѣсяцѣ отъ Саадатъ-Герая прибылъ посолъ въ Переволочну самъ-третъ и съ однимъ запорожскимъ козакомъ. Вслѣдствіе свирѣпствовавшаго въ Запорожьѣ на людей мора, ханскій посолъ, проѣзжавшій черезъ Сичь, былъ задержанъ противъ Переволочны, у праваго берега Днѣпра, и только по прошествіи долгаго времени отпущенъ въ Глуховъ для врученія гетману ханскаго письма. Ханское письмо, распечатанное и окуренное въ дыму, отправлено было къ царю, самъ-же посолъ задержанъ въ Глуховѣ у гетмана. По объявленію посла, онъ присланъ изъ Крыма къ гетману съ тѣмъ, чтобы объявить объ учиненіи въ Крыму новаго хана Саадатъ-Герая, брата прежняго хана Капланъ-Герая. Новый ханъ хочетъ содержать постановленный между Крымомъ и Россіей миръ ненарушимо, и какія чинили запорожцы своевольства или впредь будутъ чинить, таковыхъ обѣщаетъ карать смертью, а о моровой язвѣ заявляетъ, что въ Крыму и въ Сичи ея уже нѣтъ [2]).

И выборъ новаго хана и посольство, отправленное имъ въ Россію, сильно встревожили запорожцевъ. Если всякая перемѣна правленія принимается массой съ опасеніемъ за существующій порядокъ въ государствѣ, за собственное спокойствіе и за благосостояніе личныхъ благъ, то тѣмъ въ большей степени это обстоятельство подѣйствовало на запорожцевъ, и съ тѣхъ поръ они съ особеннымъ рвеніемъ стали простирать свои руки къ русскому государю.

А между тѣмъ на самихъ запорожцевъ въ это-же время жадно обращалъ свои взоры гетманъ безъ булавы, Филиппъ Орликъ. Вы-

---

[1]) Записки одес. общ. исторіи и древностей, V, 842.

[2]) Записки одес. общ. исторіи и древностей, V, 842.

бранный въ Бендерахъ, въ замѣнъ Мазепы, гетманомъ, Филиппъ Орликъ, вмѣстѣ съ собственной женой и дѣтьми, съ генеральнымъ бунчужнымъ Θедоромъ Мировичемъ [1]), Θедоромъ Нахимовскимъ и собственнымъ зятемъ, генеральнымъ асауломъ Григоріемъ Герцикомъ и другими лицами, послѣ удаленія Карла изъ Турціи, уѣхалъ въ Швецію и поселился въ Христіанштадтѣ. Находясь въ Швеціи, Орликъ всѣ свои силы употреблялъ на то, чтобы составить союзъ европейскихъ державъ во главѣ со Швеціей противъ Россіи. Со смертью Карла XII (въ 1718 году) Орликъ и его товарищи изъ Христіанштадта переѣхали въ Стокгольмъ и нашли тамъ пріютъ у преемницы Карла XII, Ульрики-Элеоноры.

Проживая въ Стокгольмѣ, Филиппъ Орликъ вступилъ въ переписку съ запорожскимъ войскомъ, и первое его письмо, дошедшее изъ Стокгольма въ Сичь, было написано декабря 8 числа 1719 года. Въ этомъ письмѣ Орликъ прежде всего извѣщалъ кошевого атамана и все старшее и меньшее товариство о смерти «вѣчно достойнаго и наяснѣйшаго» короля шведскаго Карла XII; затѣмъ высказывалъ скорбь по поводу громаднаго разстоянія, отдѣлявшаго его отъ низовыхъ козаковъ; выражалъ свою любовь, пріязнь, зичливость и заботу объ ихъ судьбѣ и о судьбѣ всей Украйны; напоминалъ запорожцамъ о двукратномъ къ нимъ посланіи, о письмѣ своемъ къ крымскому хану Капланъ-Гераю съ просьбой къ его ханской милости взять запорожцевъ «въ особливую ласку, протекціею и опеку до пѣвного часу», объ отправкѣ нѣсколькихъ листовъ почтой на Шлёнскъ, т.-е. Силезію, въ городъ Бреславль къ генералъ-маіору Урбановичу съ передачей ихъ добрымъ молодцамъ на Сичу. Въ послѣднихъ листахъ извѣщалось добрымъ молодцамъ о томъ, что шведскій король Карлъ XII съ огромными силами войскъ, какихъ раньше у него не было никогда, рѣшилъ было переправиться на ту сторону моря, но внезапная смерть пресѣкла его намѣренія. Но если Богъ допустилъ смерть короля, то сдѣлалъ это для скорѣйшаго спокойствія, для прекращенія между людьми кровопролитія, зато для большей московской руины. Преемница короля, его родная сестра, Ульрика Элеонора, уже заключила миръ со всѣми своими врагами, польскимъ, прусскимъ и датскимъ королями, составила съ ними союзъ и тѣмъ получила помощь для войны съ русскимъ ца-

[1]) При Мазепѣ Мировичъ былъ генеральнымъ бунчужнымъ, при Орликѣ— генеральнымъ асауломъ.

ремъ. Съ Элеонорой также вошли въ союзъ правительство голландское, христіанскій цесарь, французскій и англійскій король, которые стремятся и Порту турецкую подвинуть противъ Москвы. Всѣ названные христіанскіе монархи, видя, какъ Москва укрѣпилась на морѣ и на землѣ, какъ она стала всѣмъ страшна, составили между собой, въ помощь Швеціи, союзъ и рѣшили единодушно и безотлагательно, съ наступленіемъ весны, воеваться на сушѣ и на водѣ съ русскимъ царемъ. Въ виду этого и онъ, Орликъ, видя наставшее благопріятное время для вызволенія Малой Россіи изъ московскаго ярма, съѣхалъ изъ Христіанштадта въ Стокгольмъ, гдѣ находится уже въ теченіе 11 мѣсяцевъ при дворѣ шведской королевы и оттуда онъ сносится съ польскимъ королемъ [1]).

Однако, и Ульрика-Элеонора недолго была королевой Швеціи: она уступила корону своему мужу, Фридриху, герцогу гессенъ-кассельскому, а сама ушла въ частную жизнь. Тѣмъ не менѣе запорожскіе козаки, узнавъ о смерти Карла и о вступленіи на престолъ Ульрики Элеоноры, послали послѣдней «благопріятный» листъ, въ которомъ, выразивъ свое сожалѣніе о преждевременной смерти славнаго короля, поздравляли Ульрику Элеонору съ принятіемъ скипетра. Вмѣсто королевы отвѣчалъ запорожцамъ, сентября 25 дня, король Фридрихъ I собственнымъ письмомъ, въ которомъ онъ выражалъ полную готовность оказывать запорожцамъ милость и склонность во всѣхъ ихъ вольностяхъ и дѣлахъ [2]).

Съ письмомъ Фридриха I посланъ былъ къ запорожцамъ Ѳедоръ Нахимовскій, который отправленъ былъ собственно къ хану въ Крымъ, оттуда къ силистрійскому пашѣ въ Хотинъ и по пути долженъ былъ доставить королевское письмо запорожскимъ козакамъ. По прибытіи въ Сичь Нахимовскій долженъ былъ словесно сообщить всему войску о разсылкѣ къ разнымъ монархамъ писемъ шведскаго короля, о тѣхъ пунктахъ, какіе написалъ Орликъ въ инструкцію королевскимъ посламъ и полномочнымъ Украйны обѣихъ сторонъ Днѣпра, о всѣхъ приготовленіяхъ и военномъ союзѣ, какой составляется европейскими монархами противъ русскаго царя и съ какими средствами союзники думаютъ въ предстоящее

[1]) Архивъ мин. ин. дѣлъ, 1720, св. 44, № 21; Соловьевъ, Исторія Россіи, Москва, 1866, XVI, 334.

[2]) Бантышъ-Каменскій, Источники, Москва, 1859, II, 302; Исторія Малой Россіи 1822, IV, 256; Маркевичъ, Исторія Малороссіи, 1842, IV, 354.

лѣто выступить на войну. Отправляя въ такой далекій путь своего посланца, Филиппъ Орликъ просилъ запорожскихъ козаковъ оказать ему помощь благополучно доѣхать въ Крымъ и изъ Крыма къ силистрійскому пашѣ для доставки королевскихъ листовъ.

Вмѣстѣ съ Ѳедоромъ Нахимовскимъ выѣхали изъ Стокгольма Григорій Герцикъ, Ѳедоръ Мировичъ и нѣсколько человѣкъ комиссаровъ отъ короля. До возвращенія Нахимовскаго изъ Крыма всѣ спутники его должны были оставаться въ городѣ Варшавѣ и хлопотать о привлеченіи польскаго короля къ союзу для борьбы противъ русскаго царя и о доставленіи запорожскому войску клейнотовъ отъ польскаго короля [1]). Марта 19 числа генеральный асаулъ Ѳедоръ Мировичъ написалъ изъ Варшавы запорожскимъ козакамъ письмо, въ которомъ увѣдомлялъ низовыхъ товарищей о томъ, что за смертію короля Карла XII, убитаго подъ Фридрихсгалемъ, всѣмъ украинцамъ стало «барзо трудно» въ Швеціи, почему они съѣхали въ Польшу. Пребывая тѣломъ въ Польшѣ, Мировичъ принадлежитъ душой и сердцемъ отчизнѣ, Малороссіи и Запорожью [2]).

Однако, въ Польшѣ малороссіянамъ-эмигрантамъ не было такъ безопасно, какъ въ Швеціи. Такъ одинъ изъ товарищей Нахимовскаго, Григорій Герцикъ, былъ арестованъ при варшавскомъ дворѣ русскимъ резидентомъ, княземъ Григоріемъ Долгорукимъ, и отправленъ въ Россію. Что касается самого Нахимовскаго, то хотя онъ и избѣжалъ участи Герцика и даже успѣлъ съѣздить въ Крымъ, но успѣха въ своей поѣздкѣ не имѣлъ, и крымскій ханъ далъ ему такой отвѣтъ, что безъ соизволенія султана онъ отнюдь не будетъ воевать съ московскимъ царемъ.

Въ самой Сичѣ также далеко не всѣ готовы были поднять оружіе противъ русскаго царя, и первый открыто заявилъ о томъ кошевой атаманъ Иванъ Малашевичъ: «Вотъ видите, паны молодцы, что объ насъ и другіе государи стараются, но только я вамъ объявляю, что хотя и клейноты будутъ, но кто хочетъ, пусть идутъ куда угодно, а я ни съ мѣста не ворохнусь; пусть себѣ дерутся или мирятся, намъ до того дѣла нѣтъ—намъ надобно сидѣть тихо; а кому надобны будемъ, тѣ насъ сыщутъ» [3]). Впрочемъ, между запорожцами нашлось немало лицъ, которыя иначе отне-

---

[1]) Архивъ мин. ин. дѣлъ; мал. дѣла, 1720, св. 44, № 21.

[2]) Архивъ мин. ин. дѣлъ; мал. дѣла, 1720, св. 44, № 21.

[3]) Соловьевъ, Исторія Россіи, Москва, 1866, XVI, 384.

слись къ Филиппу Орлику: принявъ посланіе Орлика, они отвѣтили на него очень теплымъ письмомъ и вручили его Ѳедору Нахимовскому для доставки въ Стокгольмъ гетману. Въ томъ письмѣ запорожцы признавали Орлика «притоманнымъ» своимъ вождемъ, выражали ему свою пріязнь и любовь и цѣнили его за то, что онъ ради «публичныхъ дѣлъ и общей пользы малороссійского народа удалился въ чужой полуночный край».

Отвѣтное письмо запорожцевъ застало Филиппа Орлика еще въ Стокгольмѣ, гдѣ онъ оставался до 11 октября 1720 года. Орликъ нашелъ письмо вполнѣ благопріятнымъ для себя и, желая принести истинную пользу своей отчизнѣ и всему малороссійскому народу, а также желая быть поближе къ запорожскому войску, оставилъ, съ королевскаго соизволенія, столицу Швеціи, Стокгольмъ, перебрался черезъ море и въ ноябрѣ мѣсяцѣ прибылъ въ силезскій городъ Бреславль. Передъ отъѣздомъ изъ Швеціи Орликъ выпросилъ у королевскаго величества нѣсколько писемъ до цесарскаго величества и до королей англійскаго и польскаго, до блистательной Порты оттоманской, до наяснѣйшаго хана крымскаго, до другихъ державныхъ особъ. Прибывши въ нѣмецкую землю. Орликъ нѣкоторыя изъ королевскихъ писемъ разослалъ по назначенію, имѣя цѣлью составить сильный союзъ монарховъ противъ русскаго царя. Изъ Бреславля онъ обѣщался пріѣхать въ Сичь и соединиться съ «добрыми молодцами, милой братіей своей». А пока просилъ всѣхъ добрыхъ молодцовъ и кошевого атамана Ивана Пилипова отнюдь не слушаться ложныхъ московскихъ обѣщаній и свое мужественное сердце отъ нихъ отвращать, твердо помня о томъ, что когда, не дай Богъ, «непріятель» уловитъ войско запорожское своими прелестями и перетянетъ на свою сторону, то тогда козаки подлинно себя въ вѣчную неволю отдадутъ, и весь народъ погубятъ, и передъ цѣлымъ свѣтомъ свою слабость покажутъ [1]).

Всѣ эти сношенія запорожцевъ съ королевой Ульрикой-Элеонорой, королемъ Фридрихомъ I и Филиппомъ Орликомъ странно вяжутся съ тѣми неотступными и слезными просьбами, съ которыми запорожцы обращались къ русскому царю о принятіи ихъ подъ протекцію Россію. Объяснить это можно только временнымъ на-

---

[1]) Бантышъ-Каменскій, Источники, 1857, II, 303; Исторія Малой Россіи, 1822, IV, 237; Маркевичъ, Исторія Малороссіи, 1842, IV, 356—359.

строеніемъ запорожскаго войска и симпатіями новаго кошевого атамана Ивана Пилипова, который вѣроятно, въ совершенно иномъ духѣ вліялъ на нѣкоторыхъ изъ козаковъ, нежели Иванъ Малашевичъ, прежній кошевой атаманъ.

Сношенія запорожскихъ козаковъ съ Филиппомъ Орликомъ не остались тайной для царя Петра, и, назначая въ концѣ 1720 года, комендантомъ города Полтавы и крѣпости Переволочны полковника Скорнякова-Писарева, царь отдалъ приказъ, чтобъ «малороссіяне на Запорожье съ товарами и ни съ чѣмъ другимъ не ѣздили, а крымцы съ собой запорожцевъ не привозили; запорожцы, ни для чего въ города не пропускались, кромѣ тѣхъ, которые будутъ приходить къ царю сами съ повинною» [1]).

[1]) Архивъ мин. ин. дѣлъ; 1720, св. 45, № 65.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ.

Ништадтскій миръ Россіи съ Швеціей. — Уходъ Филиппа Орлика изъ Швеціи во Францію и изъ Франціи въ Турцію.—Уничтоженіе въ Малороссіи гетманства и введеніе малороссійской коллегіи.—Намѣреніе турецкаго султана идти войной подъ украинные русскіе города и мѣры по этому поводу царя Петра.—Политика въ отношеніе запорожцевъ при преемникахъ Петра.—Возвращеніе Малороссіи гетманства и просьбы запорожцевъ о дозволеніи имъ вернуться въ предѣлы Россіи.—Самовольное возвращеніе запорожцевъ на Чортомлыкъ.—Письмо крымскаго хана къ запорожцамъ, возвращеніе ихъ подъ протекцію хана и поселеніе при устьѣ рѣчки Каменки.—Показаніе козака Семена Безпалаго, данное графу Борису Петровичу Шереметеву о состояніи войска запорожскихъ козаковъ въ Каменской Сѣчѣ, о числѣ всего войска, о занятыхъ имъ мѣстахъ и о промыслахъ его.

Напрасно Филиппъ Орликъ, желавшій освободить Украйну «отъ ярма московскаго», возлагалъ свои надежды на Швецію. Пока живъ былъ Карлъ XII, Орликъ могъ, по крайней мѣрѣ, мечтать о томъ, что шведскій король скоро или нескоро составитъ коалицію западноевропейскихъ державъ и, ставъ во главѣ такой коалиціи, сломитъ силу гордаго своими успѣхами русскаго царя. Но Карлъ XII внезапно погибъ отъ пули неизвѣстнаго злодѣя, и тогда все значеніе Швеціи въ глазахъ Орлика исчезло. И точно, скоро послѣ смерти Карла Швеція, обезсилѣвшая отъ продолжительныхъ съ сосѣдями войнъ, подъ конецъ заключила съ Россіей, въ 1721 году, въ городѣ Ништадтѣ, вѣчный миръ. Послѣ того Филиппу Орлику ничего другого не оставалось дѣлать, какъ навсегда покинуть Швецію, и онъ ушелъ изъ Швеціи сперва во Францію, а изъ Франціи удалился въ Турцію и поселился въ городѣ Салоникахъ. Теперь онъ всѣ надежды свои возложилъ на Турцію, разсчитывая возбудить ее противъ Россіи. Но разсчеты Филиппа Орлика и здѣсь не оправдались. Послѣ окончанія великой сѣверной войны русскій царь, принявшій съ этихъ поръ титулъ императора, пріобрѣлъ огромное значеніе въ западной Европѣ и сдѣлался полно-

властнымъ хозяиномъ у себя дома. Къ запорожскимъ козакамъ онъ попрежнему относился отрицательно и на всѣ ихъ просьбы о принятіи въ предѣлы Россіи со всѣмъ Кошемъ отвѣчалъ отказомъ. Въ Малороссіи Петръ учредилъ, мая 16 дня, 1722 года, такъ называемую малороссійскую коллегію, въ смыслѣ органа центральной власти, состоявшую изъ председателя и шести человѣкъ чиновъ штабъ-офицеровъ, и находившуюся въ городѣ Глуховѣ. Тщетно гетманъ Скоропадскій, лично ѣздившій въ новую столицу, хлопоталъ объ отмѣнѣ малороссійской коллегіи: онъ вернулся изъ Петербурга ни съ чѣмъ и въ іюлѣ мѣсяцѣ внезапно скончался тотчасъ по прибытіи на родину. Послѣ смерти Скоропадскаго кіевскому губернатору князю Ивану Юрьевичу Трубецкому посланъ былъ указъ смотрѣть и провѣдывать тайно, чтобы у жителей Малороссіи не было пересылокъ съ запорожскимъ войскомъ, съ Филиппомъ Орликомъ и съ прочими измѣнниками. Съ тѣмъ-же предписаніемъ посланъ былъ указъ и командующему войсками на югѣ генералъ-маіору графу фонъ-Вейсбаху [1]). Для управленія Малороссіей назначенъ былъ наказной гетманъ, черниговскій полковникъ Павелъ Полуботокъ, избраніе-же настоящаго гетмана отложено было на неопредѣленное время.

Такое положеніе дѣлъ въ Малороссіи лишало запорожскихъ козаковъ всякой надежды на возвращеніе къ своимъ роднымъ пепелищамъ, и имъ оставалось одно—сидѣть въ днѣпровскомъ низовьѣ, подъ властью Крыма.

Въ это время русскій императоръ, закончивши продолжительную войну на западѣ и ставши прочною ногой у Балтійскаго моря, перенесъ свое вниманіе съ запада на востокъ, къ Каспійскому морю, и открылъ походъ въ кавказскія владѣнія Персіи. Походъ этотъ начатъ былъ въ половинѣ лѣта 1722 года и продолжался, подъ личнымъ предводительствомъ императора, до сентября мѣсяца того-же года. Достигнувъ города Дербента, Петръ самъ повернулъ назадъ въ Астрахань, а вмѣсто себя оставилъ для продолженія военныхъ дѣйствій нѣсколько полковъ подъ начальствомъ боевыхъ генераловъ.

Извѣстіе о персидскомъ походѣ русскаго императора немедленно дошло до турецкаго султана, и султанъ объявилъ, что только Порта имѣетъ право претендовать на обладаніе Персіей. Сторону Турціи

---

[1]) Архивъ мин. юстиціи, 1720; дѣла сенатскія по мал. экспедиціи.

взяла Англія, которая стала подбивать султана объявить войну Россіи. Тогда султанъ началъ выискивать различные поводы для объявленія войны русскому императору. Воспользовавшись ходившимъ въ то время слухомъ о намѣреніи русскаго самодержавца строить крѣпости въ низовьяхъ Днѣпра и о данномъ будто-бы имъ дозволеніи своимъ подданнымъ, донцамъ и калмыкамъ, грабить татаръ и запорожцевъ, султанъ отправилъ своего полномочнаго посла съ представленіемъ о томъ въ Петербургъ.

Тогда русскій императоръ, желая собрать вѣсти объ истинныхъ намѣреніяхъ турокъ и татаръ, послалъ полтавскому наказному полковнику Черняку приказъ сдѣлать по этому поводу тайныя развѣдки въ Крыму и полученныя вѣсти доставить въ Петербургъ. По тому приказу полковникъ Чернякъ, въ концѣ мѣсяца ноября, 1722 года, отправилъ въ Крымъ и въ запорожскую Сичь нѣкоего козака Криворученка Козакъ Криворученко доѣхалъ сперва до Переволочны на Днѣпрѣ, а оттуда спустился на Кызыкерменскій перевозъ и засталъ тамъ кошевого атамана Василія Титаровскаго [1]): кошевой провожалъ сичевыхъ козаковъ, которые должны были сопровождать Капичъ-пашу, ѣхавшаго черезъ Крымъ въ городъ Азовъ на коммиссію. Тутъ Криворученко узналъ, что крымская орда еще въ октябрѣ мѣсяцѣ, на Покровъ, собиралась идти на великороссійскіе и малороссійскіе города, но, получивъ приказаніе отъ султана воздержаться отъ похода до возвращенія турецкаго посла отъ русскаго царя, на время свой походъ отложила. Въ своемъ указѣ султанъ объявлялъ, что если отъ царя не будетъ удовлетворенія за причиненныя въ людяхъ и въ скотѣ калмыками и донцами татарамъ и запорожцамъ шкоды, а также, если не будетъ указа о снесеніи городковъ, которые царь приказалъ соорудить въ низовьяхъ Днѣпра, то татарамъ и запорожцамъ приказано будетъ идти подъ великороссійскіе и малороссійскіе города.

Получивъ подлинныя о непріятельскихъ замыслахъ вѣсти, русскій императоръ поспѣшилъ предупредить о томъ главныхъ генераловъ и командировъ кіевской и азовской губерній, а также ве-

---

[1]) Неизвѣстно, носилъ-ли кошевой атаманъ подлинную фамилію Титаровскаго или эта фамилія дана ему отъ куреня титаровскаго, къ которому онъ могъ принадлежать, но въ 1723 году, марта 6 дня, былъ кошевымъ Василій Тамарскій. Записки одес. общ. ист. и древн., VII, 303.

лѣлъ послать указы о томъ малороссійской генеральной старшинѣ и заодно съ тѣмъ войску донскихъ козаковъ [1]).

Это было декабря 31 числа 1722 года, а 28 января 1725 года императора Петра уже не было въ живыхъ.

Преемница Петра, Екатерина I, вступивъ на престолъ, слѣдовала въ отношеніи запорожскаго войска взглядамъ своего державнаго супруга. Апрѣля 22 дня, 1725 года, она отправила азовскому губернатору генералъ-маіору Григорію Петровичу Чернышову, слѣдующую инструкцію «объ управленіи азовскою губерніею» и объ обращеніи съ запорожскими козаками.

«Объявить тѣмъ, которые будутъ ѣздить въ Крымъ, чтобы къ запорожцамъ отнюдь не заѣзжали, и о томъ учинить заказъ крѣпкій подъ жестокимъ наказаніемъ и отнятіемъ всего того, съ чѣмъ кто туда дерзнетъ пріѣхать; а изъ крымцевъ, которые въ губернію его пріѣзжать будутъ, дать знать, чтобы они при себѣ измѣнниковъ запорожцевъ и прочихъ ни съ товарами, ни для какихъ дѣлъ въ губернію Воронежскую и никуда въ великороссійскіе города также и изъ той губерніи, ни откуда чрезъ губернію ту на Запорожье съ товарами, ни за добычею и ни съ чѣмъ другимъ отнюдь не пропускали, чего на заставахъ приставленнымъ приказать смотрѣть накрѣпко подъ опасеніемъ жестокаго штрафа. А которые запорожцы будутъ приходить съ повинною или съ другими какими письмами или словесными приказами, такихъ задерживать, а о томъ писать къ генералу князю Голицыну, также рапортовать и подлинныя письма присылать въ сенатъ, оставляя съ оныхъ у себя списки, а не описався въ сенатъ, съ ними, запорожцами, яко съ измѣнниками, никакой письменной пересылки отнюдь не имѣть и на ихъ письма не отвѣтствовать, также и той губерніи за обывателями смотрѣть, чтобъ у нихъ какъ съ ними, такъ и съ прочими пограничными подозрительныхъ корреспонденцій не было; а ежели будутъ происходить отъ турокъ и татаръ и измѣнниковъ запорожцевъ тамошнимъ обывателямъ всякія обиды, а поиманы не будутъ, генералъ-маіору и губернатору о всякихъ случившихся дѣлахъ въ турецкую область къ порубежнымъ пашамъ и къ крымскому хану писать; а ежели изъ нихъ измѣнниковъ, запорожцевъ, въ земляхъ императорского величества кто поиманы будутъ, и тѣхъ разыскивать, а что по розыску явится, о томъ писать въ

[1]) Акты исторіи войска донского, Новочеркасскъ, 1891, 300.

сенатъ, а о прочей корреспонденціи съ пограничными поступать по указамъ изъ иностранной коллегіи» [1]).

Такъ прошло еще два года, и положеніе запорожскихъ козаковъ попрежнему не измѣнилось къ лучшему.

Но вотъ вступилъ на русскій престолъ новый государь, Петръ II, и съ нимъ пошло новое вѣяніе въ Россіи. Малороссіи возвращено было право выбора гетмана, и тогда въ гетманы избранъ былъ миргородскій полковникъ Даніилъ Апостолъ, къ которому поставили въ качествѣ руководителя, русскаго правительственнаго совѣтника Ѳедора Наумова. Запорожцы скоро узнали о перемѣнѣ дѣлъ въ Малороссіи, но не знали еще подлинно, кто былъ избранъ въ гетманы. До нихъ донесся слухъ, будто гетманскую булаву получилъ въ Малой Россіи знатный польскій панъ Сапѣга. Въ Сичи въ ту пору объявился какой-то шляхтичъ Антонъ Хмелевскій, какъ потомъ оказалось, бѣжавшій изъ Польши отъ долговъ и изъ боязни быть преданнымъ въ руки правосудія за различные подлоги. Кошевымъ атаманомъ запорожскихъ козаковъ состоялъ въ то время Павелъ Ѳедоровъ [2]). Октября 19 дня, 1727 года, кошевой атаманъ Павелъ Ѳедоровъ съ товариствомъ написалъ нѣсколько листовъ на имя мнимаго гетмана Сапѣги съ просьбой о принятіи запорожцевъ «въ державу императорского величества и объ отпущеніи имъ ихъ винъ» и тѣ листы отправилъ полякомъ Антономъ Хмелевскимъ и его товарищемъ Стефаномъ Козаревскимъ. Посланные листы сперва доставлены были тайному совѣтнику Ѳедору Наумову; отъ Наумова отосланы въ коллегію иностранныхъ дѣлъ и изъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ поступили въ верховный тайный совѣтъ. Рѣшеніемъ верховнаго тайнаго совѣта предписано было Ѳедору Наумову и обще съ нимъ гетману Даніилу Апостолу дать запорожскому войску, черезъ присланнаго поляка Хмелевскаго, словесный отвѣтъ въ такомъ смыслѣ: «Если его императорское величество, какъ милосердый монархъ, усмотритъ прямое и вѣрное намѣреніе со стороны запорожцевъ исправиться въ своихъ винахъ, то тогда онъ прикажетъ принять ихъ

[1]) Полный сводъ законовъ, томъ VI, 1725, апр. 22, 4700.

[2]) Какъ кажется, онъ-же Паско или Павелъ Сидоренко одно и тоже лицо—это видно изъ письма запорожскаго полковника Иванца отъ 5 апрѣля гдѣ полковникъ называетъ кошевого просто Паскомъ, и изъ письма самого кошевого отъ 11 апрѣля, гдѣ онъ подписался Павломъ Сидоренкомъ: Архивъ мин. ин. дѣлъ, 1728, св. 62, № 22.

попрежнему въ свою державу; тогда гетманъ и тайный совѣтникъ будутъ вспомоществовать имъ. Но для того нужно, чтобы они пребывали при томъ своемъ намѣреніи и въ вѣрности непоколебимо и для вящаго увѣренія гетмана и тайнаго совѣтника по временамъ доставляли корреспонденцію и тайную пересылку имѣли и о тамошнихъ татарскихъ и турецкихъ обхожденіяхъ гетмана и совѣтника Наумова увѣдомляли, дабы, усмотря по тому ихъ вѣрность, возможно было, при благополучномъ времени ихъ желаніе въ дѣйство привести. Сей отвѣтъ оный Хмелевскій или можетъ самъ у себя записать или можно ему и на письмѣ, но безъ всякой подписи, дать, и оного, по пристойности подаривъ, отпустить» [1]).

Получивъ такой указъ, гетманъ Апостолъ и тайный совѣтникъ Наумовъ изложили отвѣтъ запорожскому войску на бумагѣ, но «безъ подписанія» и, вручивъ его Хмелевскому, отпустили послѣдняго съ наградою до запорожской Сичи. Но Хмелевскій, возвращаясь назадъ, разгласилъ по дорогѣ о томъ, что русскій императоръ, по просьбѣ запорожцевъ, обѣщалъ имъ оказать свою милость и принять попрежнему подъ свою державу. Слухъ объ этомъ быстро распространился между татарами и черезъ нѣкоторое время дошелъ въ самый Крымъ.

Запорожцы, долго не подозрѣвая, съ кѣмъ они имѣли дѣло, по возвращеніи Хмелевскаго въ Сичу, написали нѣсколько писемъ (кошевой атаманъ Павло Сидоренко, марта 3 дня, войсковой судья Карпъ Сидоренко марта 7 дня) и отправили ихъ въ Глуховъ тѣмъ-же Хмелевскимъ, какимъ-то Добашомъ [2]) и четырьмя простыми козаками. И кошевой атаманъ и войсковой судья выражали горячую благодарность подлинному гетману Даніилу Апостолу и совѣтнику Өедору Наумому за доставленный въ Сичу отвѣтъ отъ имени императорскаго величества и вновь молили ихъ принять все войско безъ замедленія въ подданство Россіи, причемъ сообщали разныя о непріятеляхъ вѣсти и передавали о томъ, что войско ихъ еще далеко не въ полномъ собраніи. Въ заключеніе-же просили, когда Антонъ Хмелевскій прибудетъ въ Глуховъ,

---

[1]) Архивъ мин. ин. дѣлъ; мал. дѣла, 1728, св. 62, № 22.

[2]) Неизвѣстно, была-ли это фамилія козака, или званіе, которое онъ могъ носить: довбышъ или добошъ значило у запорожцевъ литаврщикъ, но въ актѣ это слово написано съ большой буквы.

отобрать у него всѣ листы, какіе при немъ окажутся, самого-же его задержать въ Глуховѣ и не выпускать до времени изъ Малой Россіи, потому что «онъ показалъ нѣкоторое въ прежней своей посылкѣ непостоянство» [1]).

Какъ-бы то ни было, но отвѣтъ верховнаго тайнаго совѣтника, присланный запорожскому войску черезъ шляхтича Хмелевскаго, сильно взволновалъ все Запорожье. Гетманъ Даніилъ Апостолъ и совѣтникъ Ѳедоръ Наумовъ скоро извѣщены были, черезъ присланныхъ къ нимъ козаковъ отъ запорожскаго полковника Ивана Петрова, о томъ, что всѣ запорожцы хотятъ, забравъ войсковые клейноты, оставить новую Сичу и перейти на старую подъ протекцію императорскаго величества. Такое желаніе охватило всѣхъ запорожцевъ, какъ бывшихъ въ Сичѣ, такъ и находившихся вдали отъ нея. Самъ кошевой атаманъ Паско или Павелъ Сидоренко въ это время находился въ турецкомъ городѣ Бендерахъ, и его мѣсто заступалъ войсковой судья Карпо Сидоренко. Послѣ праздника Богоявленія Господня Карпо Сидоренко получилъ, черезъ козака поповическаго куреня Величка, письмо отъ запорожскаго полковника Иванца («который прежде былъ запорожскимъ кошевымъ») съ Кубани, гдѣ онъ находился, по приказанію хана, съ 1.000-ю человѣкъ запорожскаго войска. Удержавъ у себя до времени письмо полковника, войсковой судья Карпо Сидоренко послалъ извѣстіе о томъ кошевому атаману въ Бендеры. Когда-же кошевой прибылъ въ Сичь и прочелъ поданное ему письмо полковника Иванца, то онъ узналъ, что вѣсть о намѣреніи запорожскаго войска перейти на старую Сичь дошла даже на Кубань. Иванецъ писалъ, чтобы товариство запорожское всячески торопилось переходомъ подъ протекцію русскаго государя, и когда оно рѣшится на такое дѣло, то чтобы кошевой далъ знать о томъ и запорожцамъ, стоящимъ на Кубани, дабы Иванецъ тотъ-же часъ съ войскомъ своимъ могъ оставить стоянку на Кубани, перейти въ Черкасскій городъ и отдать себя въ державу императорскаго величества. Въ случаѣ препятствія со стороны татаръ, какая-бы сила орды ихъ ни была, Иванецъ надѣется выбиться оттуда, гдѣ находится, и прибыть до Черкасскаго [2]).

По полученіи такихъ вѣстей гетманъ Даніилъ Апостолъ и

---

[1]) Архивъ мин. ин. дѣлъ; мал. дѣла, 1728, св. 62, № 22.
[2]) Архивъ мин. ин. дѣлъ; мал. дѣла, 1728, св. 62, № 22.

тайный совѣтникъ Ѳедоръ Наумовъ прежде всего извѣстили о томъ генералъ-фельдмаршала князя Михаила Михайловича Голицына. А потомъ, не теряя времени, послали въ Сичь нарочного козака съ приказаніемъ, чтобы запорожцы сидѣли неподвижно до времени въ Сичѣ и отнюдь не показывали своей склонности къ сторонѣ императорскаго величества.

Отвѣтъ на донесеніе Апостола послѣдовалъ отъ генералъ-фельдмаршала апрѣля 5 дня. Князь Голицынъ предписывалъ гетману, чтобы онъ, какъ можно скорѣй, послалъ отъ себя, кого потребно, съ словеснымъ приказаніемъ, въ Сичь о томъ, чтобы запорожцы ни въ коемъ случаѣ не смѣли покидать новой Сичи, чтобы они сидѣли въ ней «ненорушно» и не чинили крымцамъ и никому изъ турецкихъ подданныхъ никакихъ шкодъ и зацѣпокъ; въ противномъ случаѣ, если только они причинятъ кому-либо изъ турецкихъ подданныхъ озлобленіе, то никогда не получатъ протекціи императорскаго величества. Къ полковнику Иванцу князь Голицынъ приказывалъ послать извѣстіе о томъ, что запорожцы вовсе не переходятъ на старую Сичу, вслѣдствіе чего полковникъ долженъ попрежнему держаться на Кубани и не думать являться въ Черкасское. А для большей убѣдительности запорожцевъ генералъ-фельдмаршалъ, по императорскому повелѣнію, отправилъ въ Новый транжементъ и на Донъ, къ войскому атаману Лопатину, два царскихъ указа. Въ тѣхъ указахъ давалось наставленіе, въ случаѣ прихода полковника Иванца съ запорожцами въ Новый транжементъ или въ Черкасское, въ тѣ города отнюдь его не пускать и отослать назадъ, объявивъ ему, что о пріемѣ его не имѣется указа императорскаго величества, а о томъ, что все это дѣлается по императорскому указу, отнюдь никому не объявлять и содержать въ строгомъ секретѣ.

При всемъ томъ эти мѣры нисколько не успокоили запорожское войско: козаки рѣшили, такъ или иначе, покинуть новую Сичу и вернуться на старую Чортомлыцкую Сичь: «Нынѣшняя ихъ Сѣчь ниже Казикермана въ семи миляхъ имѣетъ свое положеніе, надъ рѣчкою Конскою, въ урочищѣ Олешкахъ, по сю сторону Днѣпра; а въ ней нынѣ куреней 38, а людей всегда въ оной можетъ быть съ полторы тысячи; а другіе запорожцы кочуютъ куренями по рѣкамъ Богу, по Великомъ Ингулу, по Исуни, по Ингулцу, по Саксагани, по Базавлуку, по Малой и Великой Ка-

мянкахъ и по Сурѣ, которыя рѣки суть по ту сторону Днѣпра; а по сю сторону по рѣкамъ-же Протовчи, по Самарѣ и по самомъ Днѣпрѣ по обоимъ оного сторонамъ, взявши отъ границы по самое устье Днѣпра и Богу (Бугу); а по онымъ всѣмъ кочевьямъ и по другихъ малыхъ рѣчкахъ можетъ ихъ, запорожцовъ, считаться многія тысячи людей, толко о подлинномъ оныхъ числѣ знать невозможно» [1]).

Эту-то Сичу запорожцы и рѣшили покинуть. Какимъ образомъ все это дѣло произошло, о томъ сохранившіяся данныя передаютъ такъ. Мая 23 дня, въ четвергъ, у запорожскихъ козаковъ въ новой Сичѣ, въ Олешкахъ, была рада и на той радѣ выбранъ былъ кошевымъ атаманомъ Константинъ Гордіенко. На слѣдующій день, въ пятницу, съ верховьевъ Днѣпра, отъ того мѣста, гдѣ была старая Сичь, отъ устья рѣчки Чортомлыка, пришли водой 40 малыхъ судовъ и остановились противъ новой Сичи. Прибывшіе въ судахъ козаки, выйдя на берегъ рѣки, внезапно оковали кандалами новаго кошевого Гордіенка и войскового судью за то, что они не хотѣли отдать имъ войсковые клейноты; оковавъ кошевого и судью, козаки вошли въ сичевую церковь и забрали тамъ церковную утварь, а также бубны, хоругви и булаву. Послѣ того козаки разбили всѣ армянскія и греческія лавки, разграбили найденные въ нихъ товары, роспили всѣ шинковые напитки, а самихъ торговцевъ заставили бѣжать изъ Сичи въ Крымъ. Разгромивъ такимъ образомъ торговцевъ и купцовъ, запорожцы стали брать у богатыхъ козаковъ конскіе табуны и другія стада: такъ, у одного козака Шишацкаго, котораго въ то время не было въ Сичи, захватили около 500 головъ лошадей. Забравъ все добро и соединившись съ козаками новой Сичи, пріѣзжіе запорожцы перевезлись подъ Кызыкерменемъ черезъ Днѣпръ и двинулись вверхъ къ мѣсту старой Сичи. Для тѣхъ-же козаковъ, которые жили ниже новой Сичи, прибывшіе запорожцы послали тридцать судовъ съ нѣсколькими товарищами и приглашали всѣхъ поспѣшить въ старую Сичь. Велѣно было, какъ только «низовые козаки» придутъ на перевозъ и сядутъ на суда, немедленно разобрать всѣ строенія въ Новой Сичѣ, все оставшееся предать огню, а людямъ идти на старую Сичь. Мая 27 дня новая Сичь была уже пуста, а сами козаки, даже тѣ, которые жили по Днѣпру, по бай-

[1]) Архивъ мин. ин. дѣлъ; мал. дѣла, 1728, мая 27, св. 62, № 27.

ракамъ и по лѣсамъ въ особыхъ пасѣкахъ и куреняхъ, вышли въ старую Сичь [1]).

Гетманъ Даніилъ Апостолъ узналъ о переходѣ запорожскихъ козаковъ на Чортомлыкъ іюня 1 дня въ бытность въ Москвѣ. Ему донесли, что о возвращеніи запорожскаго войска на прежнія мѣста особенно хлопоталъ самарскій полковникъ Иванъ Петровъ, который имѣлъ намѣреніе идти со своими козаками въ новую Сичь, забрать тамъ клейноты и запасы и «заручить всѣхъ сѣчевыхъ возаковъ перейти на старую Сѣчь». Узнавъ о такомъ дѣлѣ, гетманъ Апостолъ немедленно послалъ малороссійской генеральной старшинѣ приказъ отправить увѣщаніе запорожцамъ не слушаться никакихъ совѣтовъ самарскаго полковника, оставить всякое намѣреніе о переходѣ на старую Сичь и сидѣть мирно и тихо въ новой Сичи до дальнѣйшаго и удобнаго случая, чтобы не лишиться милости и протекціи императорскаго величества и не погубить своихъ товарищей, находившихся въ походѣ съ кошевымъ атаманомъ Иваномъ Малашевичемъ. Такое-же предписаніе сидѣть «спокойно и нерушно» на самарскихъ мѣстахъ послалъ гетманъ и полковнику Петрову съ его товариствомъ [2]).

Тѣмъ временемъ запорожцы, придя въ старую Сичь, выбрали кошевымъ атаманомъ Ивана Петровича Гусака, заняли нѣкоторыя мѣста по Самарѣ рѣкѣ, написали просительный листъ на имя императора Петра II и отправили его въ Петербургъ. «Склонивши сердецъ своихъ нарушенныя мысли къ благому обращенію и повернувши мизерныя главы свои до стопы ногъ вашего императорского величества, отлагаемся отъ бусурманской державы. Осмотрѣлись мы, что вѣрѣ святой православной, церкви восточной и вашему императорскому величеству достойно и праведно надлежитъ намъ служить, а не подъ бусурманомъ магометански погибать. Отвори сердца своего источникъ къ намъ, своимъ чадамъ, разрѣши ласково преступленія нашего грѣхъ и нареки насъ попрежнему сынами жребія твоего императорского. Еще-же просимъ: подайте намъ войсковое отъ рукъ своихъ подкрѣпленіе, дабы не попали мы въ расхищеніе невѣрнымъ варварамъ, ибо не знаемъ, зачѣмъ орды отъ всѣхъ своихъ сторонъ подвинулись: для того ли, что мы уже отъ нихъ отступили со своими клейнотами 24 мая и пребываемъ

[1]) Записки одесскаго общества исторіи и древн., XIV, 289.

[2]) Записки одесскаго общ. ист. и древн., XIV 287, 289.

уже въ старой Сѣчѣ, или-же они это дѣлаютъ по своимъ замѣшательствамъ» [1]).

Когда вѣсть объ оставленіи запорожцами новой Сичи и о прибытіи ихъ на мѣсто старой дошла въ Петербургъ, то дѣло объ этомъ, іюня 5 дня, внесено было въ верховный тайный совѣтъ Въ верховномъ совѣтѣ по этому поводу было опредѣлено: во-первыхъ, присланныхъ отъ запорожскаго полковника Ивана Петрова въ городъ Глуховъ четырехъ козаковъ вернуть изъ Глухова назадъ съ такимъ-же словеснымъ приказомъ какъ Петрову, такъ и всему товариству въ Сичѣ, съ какимъ и раньше велѣно было отправить посланцевъ сичевыхъ, прибавивъ къ прежней меморіи, что если запорожцы покинутъ турецкую сторону, то они отнюдь не будутъ впущены въ россійскіе рубежи. Во-вторыхъ: хотя генералъ-фельдмаршалъ князь Голицынъ и гетманъ Даніилъ Апостолъ и имѣютъ императорскіе указы о недопущеніи запорожцевъ въ россійскую державу, но въ подтвержденіе того послать къ нимъ новый указъ, чтобы князь и гетманъ ко всѣмъ командующимъ надъ войсками генераламъ, ко всѣмъ губернаторамъ порубежныхъ городовъ, ко всѣмъ воеводамъ и малороссійскимъ полковникамъ писали и «накрѣпко» подтвердили ни въ коемъ случаѣ запорожцевъ не принимать. «И ежели они въ которое мѣсто хотя (желая) подъ протекцію его императорского величества придутъ, съ многолодствомъ и съ ружьемъ, такихъ отнюдь не принимать и въ границы россійскіе не впускать ни подъ какимъ видомъ и никакой имъ протекціи и защищенія нигдѣ не давать и отъ границъ отбивать ихъ оружіемъ, а подъ рукою словесно имъ приказомъ отзываться и обнадеживать ихъ секретно, что при способномъ времяни приняты они, запорожцы, будутъ, и сіе имъ, фельдмаршалу и гетману, объявить запорожцамъ при случаѣ тайно чрезъ вѣрныхъ людей, а отъ другихъ содержать въ вышнемъ секретѣ». Втретьихъ тѣхъ запорожцевъ, которые станутъ приходить на житье въ Малую Россію съ повинною и небольшими партіями, тѣхъ пропускать по прежнимъ указамъ; только дать приказъ офицерамъ, стоящимъ на посту, наблюдать за тѣмъ, чтобы запорожцы въ одинъ разъ проходили дѣйствительно по небольшому числу [2]).

Послѣ рѣшенія верховнаго тайнаго совѣта послѣдовала, іюня

[1]) Соловьевъ, Исторія Россіи, Москва, 1885, XIX, 196.
[2]) Архивъ мин. ин. дѣлъ; мал. дѣла, 1728, св. 62, № 22.

11 числа, высочайшая грамота на имя генералъ-фельдмаршала князя Михаила Михайловича Голицына съ приказаніемъ «запорожцевъ многолюдствомъ и съ ружьемъ отнюдь не принимать, въ границы Россіи ни подъ какимъ видомъ не впускать, никакой протекціи и защищенія нигдѣ имъ не давать и отъ границъ оружіемъ отбивать». Послано было также предписаніе кіевскому вице-губернатору, генералъ-маіору Штоку, съ запорожцами поступать такъ, какъ въ высочайшей грамотѣ повелѣно [1]).

Независимо отъ этихъ мѣръ велѣно было написать въ Константинополь русскому резиденту Ивану Ивановичу Неплюеву, чтобы онъ принесъ Портѣ на запорожское войско жалобу за то, что запорожцы, по слуху, имѣютъ намѣреніе оставить всѣ указанныя русско-турецкими трактатами мѣста и поселиться у русскихъ границъ. Порта поэтому отнюдь не должна допускать запорожцевъ до приведенія въ исполненіе ихъ намѣренія, потому что «эти безпокойные и непостоянные люди и безъ того русскому купечеству много обидъ причиняютъ» [2]).

Всѣ эти распоряженія поставили запорожцевъ въ крайне затруднительное положеніе, и тогда многіе изъ нихъ, не желая оставаться въ войскѣ, стали просить себѣ мѣста́ для поселенія въ Малороссіи. Съ 1 по 17 число іюня принято было въ городѣ Полтавѣ комендантомъ Чичеринымъ 201 человѣкъ запорожскихъ козаковъ, которые, по приводѣ ихъ къ присягѣ, отпущены были на житье въ Малую Россію, за рѣку Орель [3]). Въ числѣ такихъ поселенцевъ были: племянникъ бывшаго кошевого атамана Константина Гордіенка и братъ властного кошевого атамана Ивана Малашевича. Кромѣ большихъ купъ приходили въ города Малой Россіи и малыя кучки козаковъ, по 10 или больше того человѣкъ Нѣкоторые изъ такихъ козаковъ, являясь въ Малороссію, объявляли, что они вышли изъ Сичи для того, чтобы послужить нѣсколько недѣль въ Печерскомъ монастырѣ и помолиться въ немъ Богу о своихъ грѣхахъ. Таковы были: Григорій Кулишъ, Михайло Рубанъ, Тимоѳей Жила, шабельнаго дѣла мастеръ; Антонъ Волошинъ, Василь Читаевскій и многіе другіе [4]).

---

[1]) Записки одесскаго общ. ист. и древн., XIV, 286.

[2]) Соловьевъ, Исторія Россіи, Москва, 1885, XIX, 135.

[3]) Архивъ мин. ин. дѣлъ; мал. дѣла, 1728, св. 62, № 22.

[4]) Съ января по 1 октября 1728 года, по рапорту генералъ-фельдмаршала князя Голицына, въ города Малой Россіи и слободскіе полки ушло 758 человѣкъ козаковъ.

Между тѣмъ запорожскіе козаки и ихъ кошевой атаманъ Иванъ Гусакъ, водворившись на мѣстѣ старой Сичи и прождавъ напрасно отвѣта изъ Петербурга, снарядили депутацію изъ двухъ знатныхъ войсковыхъ товарищей и тридцати человѣкъ козаковъ отъ каждаго куреня и отправили ихъ съ письмами (около 20 числа іюня) къ гетману Даніилу Апостолу. Депутаты были пропущены въ городъ Глуховъ начальникомъ украинскаго корпуса, богемскимъ генераломъ русской службы, графомъ фонъ-Вейсбахомъ.

Когда объ этой депутаціи, а равно и о томъ въ какомъ большомъ числѣ стали являться запорожскіе козаки для поселенія въ малороссійскіе города, узнали въ Петербургѣ, то на имя генералъ-фельдмаршала князя Голицына, вновь послѣдовалъ императорскій указъ: запорожцевъ, будутъ-ли они приходить съ письмами или являться безъ писемъ, въ такомъ многолюдствѣ и «такого знатного и явного» числа, какъ принялъ ихъ полтавскій комендантъ Чичеринъ, отнюдь въ малороссійскіе города не допускать; отъ Самары-же рѣки ихъ вовсе отбивать, потому что тѣ мѣста, по мирнымъ русско-турецкимъ договорамъ, не должны быть никѣмъ заселены. Гетману Даніилу Апостолу приказывалось всѣхъ депутатовъ отъ войска и отъ кошевого атамана Ивана Гусака, числомъ 30 человѣкъ, выслать изъ города Глухова и немедленно заграницу проводить, сказавъ имъ то, что и раньше объявлено было всѣмъ козакамъ, а именно: «принять запорожское войско въ нынѣшнее время подъ область его императорского величества невозможно» [1]).

Вѣсть, привезенная запорожскими депутатами въ Сичь, произвела тамъ настоящій бунтъ. Козаки пришли въ такое волненіе, что грозили убить своего кошевого атамана Гусака. Тогда кошевой Иванъ Гусакъ, сильно испугавшись, тайно бѣжалъ изъ Сичи, взявъ съ собой 55 человѣкъ приближенныхъ козаковъ. Оставивъ изъ своей свиты 50 человѣкъ въ урочищѣ Царекамышинѣ (въ 40 верстахъ отъ Царичанки), Гусакъ съ пятью козаками прибылъ въ городъ Кіевъ, къ графу фонъ-Вейсбаху и объявилъ ему о своемъ намѣреніи покинуть навсегда Сичь и поступить подъ высокую державу императорскаго величества. О положеніи запорожцевъ въ крымскихъ владѣніяхъ и въ старой, у Чортомлыцкаго острова, Сичи онъ передалъ такія подробности: «Въ новой Сичѣ отъ крымскаго хана было намъ много притѣсненій: въ прошломъ

---

[1]) Архивъ мин. ин. дѣлъ: мал. дѣла, 1728, св. 62, № 22.

1727 году, въ декабрѣ мѣсяцѣ, калга-салтанъ, стоя по рѣкѣ Бугу, забралъ на промыслахъ съ двѣ тысячи козаковъ, повелъ ихъ въ Бѣлогородчину и тамъ оказалъ хану нѣкоторыя противности; когда-же пришелъ въ Бѣлогородчину самъ ханъ, то онъ калгу схватилъ и сослалъ въ Царьградъ, а запорожцевъ, бывшихъ при немъ, однихъ разослалъ на каторги, другихъ распродалъ, будто-бы за то, что они съ калгой бунтовали; а калга прежде говорилъ, что беретъ ихъ по приказанію ханскому. Видя такое насиліе, мы и стали совѣтоваться, что лучше быть попрежнему подъ державою его императорскаго величества въ своей православной вѣрѣ, нежели у бусурмана терпѣть неволю и разореніе. Но когда мы забрали хоругви и клейноты, чтобы идти въ старую Сѣчь, то старый кошевой атаманъ, измѣнникъ Костя Гордіенко да Карпъ Сидоренко да другіе стали намъ говорить: для чего-же намъ изъ новой въ старую Сѣчь идти? Намъ и тутъ жить хорошо. Однако, они насъ не могли удержать, да и не могли много говорить, боясь, чтобъ ихъ войскомъ не убили. И чтобы отъ нихъ больше возмущенія не было, то мы взяли Костю Гордіенка и Карпа Сидоренка подъ караулъ и везли ихъ подъ карауломъ до самой старой Сѣчѣ и, пріѣхавъ туда, отколотили ихъ палками и отпустили на свободу» [1]).

Всѣ полученныя отъ Гусака свѣдѣнія графъ фонъ-Вейсбахъ немедленно отправилъ къ генералъ-фельдмаршалу князю Голицыну въ городъ Курскъ, присовокупивъ къ нимъ извѣстіе о томъ, что съ отходомъ Гусака изъ Сичи козаки выбрали кошевымъ какого-то полковника изъ товариства на Кошу.

По такому донесенію князь Голицынъ послалъ приказъ фонъ-Вейсбаху задержать на нѣкоторое время Ивана Гусака въ городѣ Полтавѣ, а потомъ, для снятія съ него подлиннаго допроса, прислать въ городъ Харьковъ, куда князь намѣревался вскорѣ пріѣхать, оставивши Курскъ.

Графъ Вейсбахъ немедленно отправилъ Гусака въ Харьковъ и въ тоже время къ 50-ти спутникамъ его, стоявшимъ у Царекамышина, послалъ сказать, что, въ силу государева указа, запрещающаго всякому къ россійскимъ форпостамъ пріѣзжать, онъ не можетъ ихъ въ Кіевъ принять.

Между тѣмъ князь Голицынъ, снявъ допросъ съ Ивана Гусака,

---

[1]) Соловьевъ, Исторія Россіи, Москва, 1885, XIX, 197.

вернулъ бывшаго кошевого къ гетману Апостолу и приказалъ оставить его съ 6 козаками въ городѣ Глуховѣ впредь до особаго указа изъ Петербурга.

Но гетманъ Апостолъ и безъ того находился въ большомъ затрудненіи: при немъ, еще съ апрѣля мѣсяца, проживали Антонъ Хмелевскій, Стефанъ Козаревскій и четыре человѣка запорожцевъ, прибывшіе изъ новой Сичи въ Глуховъ и содержавшіеся на счетъ войскового скарба. Поэтому уже въ октябрѣ мѣсяцѣ гетманъ писалъ генералъ-фельдмаршалу князю Голицыну запросъ, какъ ему поступить съ запорожцами, проживавшими въ Глуховѣ на иждивеніи войскового скарба. Самъ отъ себя гетманъ подавалъ мысль, что можно было-бы Ивана Гусака и другихъ козаковъ, прежде него и съ нимъ прибывшихъ, по приведеніи ихъ къ присягѣ, или поселить въ Малой Россіи, или-же отправить «въ компанію на уполыя мѣста», только съ Антономъ Хмелевскимъ, какъ съ заграничнымъ человѣкомъ, нужно было иначе поступить. Не получивъ, однако, никакой по этому поводу отъ генералъ-фельдмаршала князя Голицына резолюціи, гетманъ Апостолъ обращался съ тѣмъ-же вопросомъ, ноября 11 дня, со всеподданнѣйшимъ челобитьемъ къ императорскому величеству, дабы «его императорское величество повелѣлъ учинить опредѣленіе и прислать указъ о томъ» [1]).

Такъ прошелъ весь 1728 годъ. Насталъ 1729 годъ и просьбы запорожцевъ о принятіи ихъ подъ скипетръ русскаго императора попрежнему оставались напрасны, хотя о принятіи запорожскихъ козаковъ въ Россію хлопоталъ въ это время самъ главнокомандующій украинской арміей, князь Михаилъ Михайловичъ Голицынъ. Но князю Голицыну, отъ имени императорскаго величества, отвѣтили, что запорожцевъ можно только обнадеживать въ принятіи ихъ на будущее время на прежнія мѣста, теперь-же слѣдуетъ отказывать до тѣхъ поръ, пока «не обнаружится явная противность съ турецкой стороны» [2]).

При всемъ томъ запорожцы все еще надѣялись, что положеніе ихъ измѣнится къ лучшему и потому вовсе не думали покидать старую Сичу. Въ Константинополь и въ Бахчисарай дошелъ даже слухъ о томъ, будто запорожцы думаютъ укрѣпить свою Сичь.

---

[1]) Архивъ мин. ин. дѣлъ; мал. дѣла, 1728, св. 62, № 22.

[2]) Записки одесскаго общ. ист. и древн., VII, 300, іюня, 28 дня, 1728 г. Соловьевъ, Исторія Россіи, Москва, 1885, XIX, 197.

По этому поводу около 1730 года [1]) присланъ былъ къ запорожскому войску отъ бендерскаго Номанъ-паши такого содержанія запросный листъ: «Письмо къ запорожскому кошевому атаману и всѣмъ козакамъ. Въ назарейскомъ законѣ знатнымъ кошевому, атаманомъ (-амъ) и всѣмъ козакамъ (которыхъ конецъ да будетъ щастливъ и благополученъ). Черезъ сіе извѣстно вамъ да будетъ что вы, когда были въ подданствѣ свѣтлѣйшаго и высочайшаго хана крымскаго, тогда жили на земляхъ блистательной Порты, а нынѣ россіянсмъ въ подданство отдались, а понеже сверхъ того, что вы въ томъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ обрѣтаетесь и живете и подобно городу нѣкоторое строеніе строить начали, о чемъ услышала блистательная Порта, того ради блистательная Порта опредѣлила и послала отъ Эдикли заимовъ почтеннаго Ахметъ-агу подлинно осмотрѣть и освидѣтельствовать, какое строеніе и подобно городу строить начали и гдѣ и въ какомъ мѣстѣ, дабы оной и обстоятельно съ изъясненіемъ высочайшей Портѣ донесъ, съ которымъ агою и отъ свѣтлѣйшаго и высочайшаго хана крымскаго съ указомъ ханской (-ій) ага посланъ [2]) со онымъ и я отъ себя къ вамъ письмо послалъ, и Богу изволшу по прибытіи ихъ къ вамъ, то вы оному отъ Порты опредѣленному агѣ безъ всякого противленья ему покажите, гдѣ вы живете и въ какомъ мѣстѣ и какое строеніе здѣлали, и съ какимъ намѣреніемъ подлинно объявите и его агу возвратите. Въ прочемъ миръ да будетъ надъ правослѣдующими» [3]).

Въ письмѣ самого хана Капланъ-Герая, приложенномъ къ листу бендерскаго паши, написано было слѣдующее: «Въ назарейскомъ законѣ знатнымъ запорожскому кошевому, атаманомъ и всѣмъ козакамъ высочайшій указъ нашъ въ томъ состоитъ. Пребывающій при насъ вашъ атаманъ [4]) хорунжаго своего съ письмомъ своимъ къ вамъ отправилъ, съ которымъ и сей указъ нашъ къ вамъ посланъ-же и по полученіи сего что помянутый атаманъ къ вамъ въ письмѣ своемъ писалъ и чрезъ того посланного словесно вамъ говорить приказывалъ, обо всемъ томъ здѣсь съ

---

[1]) Документъ, относящійся къ этому дѣлу, не датированъ годомъ: подъ нимъ поставлено въ реестрѣ: «около 1730 года».

[2]) По имени Арсланъ.

[3]) Архивъ мин. ин. дѣлъ; крымскія дѣла, около 1730, св. 1в., № 2.

[4]) Очевидно въ Крыму остался, послѣ ухода запорожцевъ на старую Сичь, другой кошевой, быть можетъ Гордіенко, вернувшійся туда изъ старой Сичи

нами имѣлъ онъ разговоры и по силѣ чего и къ вамъ писалъ, и тому вѣрьте и Богу изволишу, ежели тому увѣритесь, всѣмъ вамъ на ползу будетъ. И тако да будетъ вамъ извѣстно. Капланъ-Гирей ханъ, сынъ Селимъ-Гирей хана» [1]).

Изъ письма хана Капланъ-Герая можно усмотрѣть, что посылка знатныхъ турецкихъ и крымскихъ представителей въ старую Сичу имѣла цѣлью не столько осмотръ какого-то «строенія» на Сичѣ, сколько желаніе завести сношенія съ запорожцами и вновь привлечь ихъ на жительство въ крымскія мѣста.

Желаніе хана вполнѣ совпадало съ настроеніемъ запорожцевъ. Запорожцы, проживъ въ теченіе двухъ лѣтъ въ старой Чортомлыцкой Сичѣ и не добившись принятія войска подъ россійскую державу, по необходимости должны были снова вернуться въ протекцію крымскаго хана. Прійдя къ такому рѣшенію, они написали брату крымскаго хана Капланъ-Герая, Оръ-бею, листъ объ отмѣнѣ своихъ намѣреній «идти подъ Москву» и о желаніи снова вернуться «подъ крыло крымской стороны».

Братъ хана, получивъ запорожскій листъ, немедленно отослалъ его Капланъ-Гераю, и Капланъ-Герай поспѣшилъ послать запорожцамъ черезъ «гетмана» дубоссарскаго свой отвѣтъ на ихъ листъ. Въ отвѣтномъ письмѣ Капланъ-Герай извѣщалъ запорожцевъ, что листъ, присланный ему войскомъ, весьма утѣшилъ и обрадовалъ какъ его самого, такъ и всѣхъ приближенныхъ его: какъ самъ ханъ, такъ всѣ беи, мурзы и весь крымскій народъ стараются о безопасности запорожскихъ козаковъ и желаютъ имъ всякаго добра. Ханъ обѣщаетъ принять запорожцевъ ласково какъ гостей и оказывать имъ такую-же пріязнь и любовь, какъ и раньше оказывалъ, защищать «обороною и страннолюбіемъ», какъ раньше защищалъ, возвратить имъ все то, что они передъ тѣмъ имѣли, а для осѣдлости дать полную волю избрать. мѣсто, гдѣ сами пожелаютъ. Впрочемъ, для ихъ пользы и прибыли, а для собственнаго ханскаго удобства, совѣтовалъ имъ стать Кошемъ на томъ мѣстѣ, на которомъ они сидѣли до ухода на Чортомлыкъ. Склоняя запорожцевъ всячески къ возвращенію въ Крымъ, Капланъ-Герай выставлялъ имъ на видъ и то, что того-же желаетъ Филиппъ Орликъ, ихъ настоящій вождь, который до этихъ поръ находился въ Салоникахъ, а теперь «для соединенія къ хану при-

[1]) Архивъ мин. ин. дѣлъ, крым. дѣла, около 1730 г., св. 1в, № 2.

шелъ». Онъ пишетъ хану листъ, посылаемый ханомъ запорожцамъ при собственномъ листѣ на Чортомлыкъ. Орликъ также старается о благѣ и пользѣ всѣхъ запорожскихъ козаковъ, и нужно вѣрить всему, что онъ пишетъ къ нимъ. Его совѣтъ тѣмъ обязательнѣй для нихъ, что онъ ихъ вождь и глава. Самъ ханъ еще разъ увѣряетъ добрыхъ молодцовъ, что если они вернутся назадъ и займутъ указанныя имъ мѣста, то ни отъ крымскаго панства, ни лично отъ самого хана никакого насилія и никакой неправды не будутъ имѣть [1]).

Вынужденные необходимостью оставить мѣсто Чортомлыцкой Сичи, запорожцы въ 1730 году снова вернулисъ подъ протекцію крымскаго хана, но на этотъ разъ избрали мѣстомъ для своей Сичи не Алешки, а устье рѣчки Каменки, составлявшей въ то время границу между владѣніями Турціи и Россіи. Очевидно запорожцами руководило въ этомъ случаѣ чувство недовѣрія къ бусурманамъ и тайная надежда на скорую милость къ нимъ русскаго государя. Они выбрали, такъ сказать, нейтральное мѣсто для своего Коша, не забираясь въ глубь татарскихъ владѣній и не отдаляясь отъ русскихъ предѣловъ.

Поселившись при устьѣ Каменки, запорожцы попрежнему думали лишь о томъ, какъ бы имъ, такъ или иначе, вернуться къ прежнимъ своимъ мѣстамъ. Обстоятельства, повидимому, благопріятствовали имъ. Въ то время генералъ русской службы, богемскій выходецъ, графъ фонъ-Вейсбахъ подалъ императрицѣ Аннѣ Іоанновнѣ проэктъ объ укрѣпленіи южныхъ границъ Россіи отъ набѣговъ со стороны мусульманъ. Этимъ проэктомъ предлагалось провести цѣлую линію редутовъ и крѣпостей отъ Новобогородицкаго городка, у рѣки Самары, до рѣки Сѣвернаго Донца, у границъ изюмской провинціи. Высочайшее повелѣніе о сооруженіи этой линіи крѣпостей, получившей впослѣдствіи названіе старой украинской линіи, послѣдовало іюня 25 дня, 1731 года. Начальникомъ этой линіи назначенъ былъ самъ создатель проэкта, графъ фонъ-Вейсбахъ. Ставши лицомъ къ лицу съ самимъ дѣломъ, графъ Вейсбахъ скоро убѣдился, что охраненіе этой линіи дѣло чрезвычайной трудности и что въ этомъ случаѣ могли-бы большую услугу оказать запорожскіе козаки. Прійдя къ такой мысли, графъ Вейсбахъ

[1]) **Кіевская Старина, 1882, III, іюнь, 179, 180.**

началъ всячески стараться о возвращеніи запорожскаго войска на прежнія мѣста. Вслѣдствіе этого, августа 31 числа, означеннаго года, по волѣ императрицы Анны Іоанновны, графъ Вейсбахъ послалъ тайное письмо къ кошевому атаману Ивану Малашевичу въ Сичь и въ томъ письмѣ писалъ, что государыня императрица, видя искреннее желаніе со стороны запорожскаго войска служить россійскому престолу, какъ прежде, черезъ него, графа, словесно обнадеживала на принятіе войска подъ свой скипетръ, такъ и теперь, черезъ него-же, даетъ надежду войску на возвращеніе въ прежніе предѣлы; но войско должно ожидать того момента, когда послѣдуетъ разрывъ Турціи съ Россіей, а пока такое обѣщаніе кошевой долженъ хранить въ строжайшей тайнѣ [1]).

При всемъ томъ въ такомъ ожиданіи запорожцамъ пришлось прожить цѣлыхъ два года.

О состояніи запорожскаго войска за это время можно судить по показанію козака Семена Безпалаго, данному въ 1733 году, сентября 16 дня, въ городѣ Кіевѣ, графу Борису Петровичу Шереметеву. Семенъ Безпалый—уроженецъ мѣстечка Чернухъ, лубенскаго полка, сынъ козака Ѳедора, по прозвищу Ковтуненка. Онъ отъѣхалъ въ новую запорожскую Сичь въ 1733 году, состоялъ въ титаровскомъ куренѣ рядовымъ козакомъ, бывалъ по нарядамъ во многихъ партіяхъ и походахъ, только противъ россійскихъ войскъ ни въ какой «акціи» не бывалъ, жилъ въ урочищѣ Гардъ на Бугѣ и очень давно задумалъ принести повинную русскому государю, чтобы возвратиться къ роднымъ мѣстамъ. Однако, зная свое тяжкое преступленіе и боясь навлечь на себя смертную казнь, Безпалый до послѣдняго времени не рѣшался привести своего намѣренія въ исполненіе, и только теперь, узнавъ о милостивомъ указѣ, позволявшемъ всѣмъ повинившимся козакамъ возвращаться на свои прежнія мѣста, оставилъ, согласясь съ компаніей 36-ти человѣкъ, Сичь и пришелъ просить позволенія жить въ одномъ изъ малороссійскихъ городовъ, обѣщаясь до конца дней своихъ не возвращаться въ запорожскія мѣста. При этомъ козакъ Безпалый показалъ, что войска запорожскаго въ четырехъ мѣстахъ, т. е. въ новой Сичѣ, на Самарѣ, на Сомовѣ и въ 38 куреняхъ, по разсчету самихъ-же козаковъ, до 30.000 человѣкъ да до 500 россій-

---

[1]) Скальковскій, Исторія новой Сѣчи, Одесса, 1885. II, 39.

скихъ бѣглецовъ; кошевымъ атаманомъ у козаковъ Иванъ Бѣлицкій, а полковникомъ въ Гарду Иванъ Донской. «И нынѣ оные козаки, по отбытіи ихъ (Безпалаго съ товарищами) изъ Гарду (по 3-е число сентября) всѣ не въ войскѣ, а при своихъ куреняхъ и на промыслахъ, и наряда имъ отъ Порты и отъ султана никуда не бывало и о коронаціи польской у нихъ не слышно ничего» [1]).

---

[1]) Записки общ. исторіи и древностей, XIV, 294.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ.

Тяжелое положеніе запорожскихъ козаковъ подъ властью крымскаго хана.—Новыя попытки со стороны запорожцевъ о принятіи ихъ въ русское подданство.—Запорожская депутація, отправленная къ графу Вейсбаху съ просьбой объ исходатайствованіи прощенія войску и отвѣтъ на ту просьбу изъ Петербурга.—Кончина польскаго короля Августа II и обращеніе «станиславцевъ» къ крымскому хану съ просьбой о присылкѣ запорожцевъ для борьбы съ Россіей.—Обращеніе запорожцевъ къ фельдмаршалу Миниху съ просьбой объ исходатайствованіи войску у русской императрицы прощенія.—Милостивая императорская грамота запорожцамъ 1733 года, августа 31 дня.—Занятіе запорожцами урочища Базавлука и дипломатическія наставленія отъ императрицы русскимъ резидентамъ въ Константинополѣ относительно запорожцевъ.—Переписка русскаго резидента Неплюева съ графомъ Вейсбахомъ относительно занятаго запорожцами урочища.—Объясненія русскаго переводчика Бакунина съ великимъ везиремъ Али-пашою относительно того, кому именно принадлежатъ мѣста, занятыя запорожцами.

Вынужденные силою обстоятельствъ возвратиться вновь подъ протекцію Крыма, запорожскіе козаки скоро испытали на себѣ всю тяжесть своего положенія. Какъ ни увѣрялъ ханъ запорожцевъ въ томъ, что они будутъ пользоваться подъ его защитой самыми широкими правами, но въ дѣйствительности вышло совсѣмъ иначе. И въ самомъ дѣлѣ: жизнь запорожцевъ подъ властью крымскаго хана не могла быть пріятна и сладка уже въ то время, когда они оставили свои вольности у пороговъ Днѣпра и рѣки Чортомлыка и сошли въ урочище Алешки, на Кардашинскій лиманъ. Правда, въ началѣ своего пребыванія подъ владычествомъ Крыма запорожцы пользовались разными земными угодьями, не платили ничего изъ своего скарба въ ханскую казну, напротивъ того, сами получали милостивый отъ хана «айликъ». Но съ теченіемъ времени это положеніе измѣнилось къ худшему для запорожскихъ козаковъ. Взамѣнъ жалованья запорожцамъ позволили брать соль изъ крымскихъ лимановъ и озеръ, на первыхъ порахъ съ нѣкоторымъ облегченіемъ противъ установившихся правилъ въ Крыму, т. е. съ меньшею пошлиной противъ той, какая обыкно-

венно взималась съ малороссійскихъ козаковъ и разныхъ украинскихъ промышленныхъ людей. Потомъ и эта привиллегія была у козаковъ отнята, когда дознано было, что они, подъ предлогомъ вывоза соли лично для себя, брали ее для малороссіянъ и продавали съ нѣкоторымъ въ свою пользу барышомъ. За протекцію, которую оказывалъ войску крымскій ханъ, запорожскіе козаки должны были посылать въ походъ, по первому призыву хана, въ помощь татаръ, 2.000 и болѣе того человѣкъ, съ кошевымъ атаманомъ во главѣ, при чемъ ханы всегда старались возможно дальше усылать запорожцевъ въ походъ. Такъ, однажды запорожцы, вмѣстѣ съ ханомъ, ходили въ походъ на черкесъ и дошли до рѣки Сулакъ. Этотъ походъ они считали очень убыточнымъ и обременительнымъ для себя. Кромѣ того за ту-же ханскую протекцію запорожцы не разъ должны были ходить на Перекопъ и безплатно принимать участіе въ работахъ при возведеніи перекопской линіи, въ числѣ 300 и болѣе того человѣкъ. Послѣднее требованіе болѣе всего не нравилось козакамъ, имѣвшимъ особыя понятія о чести «лыцаря», несовмѣстимыя съ понятіемъ землекопа.

И чѣмъ дольше запорожцы оставались подъ властію крымскаго хана, тѣмъ больше накоплялось у нихъ неудовольствій противъ бусурманъ. Изъ множества главнѣйшія причины неудовольствій были таковы.

Запорожцамъ строжайше было запрещено держать при Сичѣ пушки. Въ силу этого распоряженія турки отобрали у козаковъ всѣ оставшіяся при нихъ пушки и запретили имъ впредь держать всякую артиллерію. Тогда произошелъ въ Запорожьи такой случай: однажды запорожскіе рыбаки усмотрѣли, послѣ полой воды, небольшую пушку въ лѣвомъ берегу Днѣпра, въ урочищѣ Каратебенѣ, и сообщили о томъ кошевому атаману. Кошевой атаманъ, желая лично провѣрить показаніе рыбаковъ на мѣстѣ, нашелъ у берега Днѣпра еще 50 штукъ пушекъ; однако, опасясь, чтобы найденныя пушки не были отобраны турками, онъ отдалъ строжайшій приказъ содержать ихъ въ одномъ зимовникѣ тайно отъ запорожской черни. Кромѣ того, запорожцамъ запрещалось строить какія-бы то ни было укрѣпленія какъ въ самой Сичѣ, такъ и въ другихъ мѣстахъ ихъ поселеній. Запрещалось сноситься съ Россіей и ѣздить въ русскіе города, вести торговлю въ Очаковѣ и Крыму; дозволялось лишь получать въ означенныхъ мѣстахъ товары и отвозить ихъ не дальше Сичи, въ самой-же Сичѣ предоставлялось

право торговать крымцамъ, очаковцамъ, грекамъ, жидамъ, армянамъ. На запорожцевъ накладывались разныя дани, когда къ нимъ пріѣзжали для осмотра ихъ войска, общественнаго порядка или ради другого какого-либо дѣла крымскіе салтаны и мурзы съ ихъ многочисленною свитой и прислугой: тогда запорожцы должны были воздавать имъ большую честь и, сколько-бы они у нихъ ни находились, обязаны были продовольствовать какъ ихъ самихъ, такъ ихъ свиту и лошадей, а на отъѣздѣ, кромѣ того, должны были подносить имъ разные цѣнные подарки.

Но кромѣ всего этого жизнь запорожскихъ козаковъ подъ властью крымскихъ хановъ и по многимъ другимъ причинамъ была «зѣло претрудная».

Прежде всего крымскій ханъ отнялъ у запорожцевъ весь Низъ Днѣпра, отъ Великаго лимана до самыхъ пороговъ «со всѣми тамошними степными угодіями и пожитками» и отдалъ его во владѣніе ногайскихъ татаръ. Затѣмъ ханъ не разъ «допускалъ великую на запорожцевъ драчу» какъ со стражниковъ на татарской границѣ, если съ вѣдома или безъ вѣдома ихъ кто-нибудь изъ крымскихъ невольниковъ уходилъ въ христіанскія земли или если у татаръ исчезали какіе-нибудь пожитки, табуны коней, стада воловъ, отары овецъ или-же пропадали сами хозяева-татары. Если при этомъ козака уличались въ покражѣ скота или въ убійствѣ хозяевъ-татаръ, то за скотъ съ нихъ взимались деньги вдвойнѣ или втройнѣ, а за людей брались виновные и неповинные козаки; въ случаѣ несостоятельности виновныхъ козаковъ, татары накладывали пени на весь курень, а въ случаѣ отказа со стороны куреня, виновныхъ брали головой и только въ рѣдкихъ случаяхъ, при обоюдныхъ ссорахъ и захватахъ съ той и другой стороны, допускали обмѣнъ скотомъ и людьми. Кромѣ того, крымскій ханъ не разъ дозволялъ подвергать запорожскихъ козаковъ смертной казни. Такъ было въ то время, когда запорожцы защищали себя отъ поляковъ, дѣлавшихъ на нихъ нападенія, хватавшихъ ихъ въ плѣнъ и даже вѣшавшихъ безъ суда, какъ это не разъ происходило въ Брацлавѣ и въ другихъ пограничныхъ польско-малороссійскихъ городахъ. По праву, данному ханомъ полякамъ, однажды, вслѣдствіе жалобы ляховъ на запорожцевъ, съ послѣднихъ въ пользу мимо обиженныхъ было взыскано 2.400 рублей пени. Не лучше поступали съ запорожцами ханы при взаимныхъ между собою распряхъ. Такъ, однажды, во время борьбы хановъ Адиль-

Герая и Менгли-Герая, когда запорожцы противъ собственной воли «затягнуты были» первымъ противъ второго, и когда второй «разогналъ» войско перваго, то ни въ чемъ неповинные запорожцы обвинены были ханомъ Менгли-Гераемъ въ вѣроломствѣ и проданы были, въ числѣ 1.500 человѣкъ, на турецкія каторги. Еще худшія бѣды терпѣли запорожцы отъ простыхъ татаръ. Такъ, азовскіе татары захватили какъ-то въ полонъ нѣсколько десятковъ запорожцевъ, ходившихъ на рѣку Калміусъ за звѣремъ, и хотя Кошъ просилъ хана освободить ни въ чемъ неповинныхъ козаковъ, но ханъ въ томъ отказалъ Кошу. Потомъ ханъ отобралъ у запорожцевъ крѣпость Кодакъ, всѣхъ жителей разогналъ изъ крѣпости, самую крѣпость разорилъ, а городъ въ полное владѣніе отдалъ полякамъ. Наконецъ, ханъ запретилъ запорожцамъ строить постоянную церковь въ Алешковской Сичѣ, а подъ конецъ началъ стѣснять и самую ихъ вѣру православную [1]).

Видя, какъ притѣсненія со стороны татаръ все болѣе и болѣе возрастаютъ, запорожцы снова рѣшили возобновить свои просьбы русской императрицѣ о позволеніи имъ возвратиться на родныя мѣста. Въ январѣ мѣсяцѣ 1732 года къ графу Вейсбаху явились три знатныхъ запорожца съ запросомъ, что дѣлать войску, если крымскій ханъ потребуетъ отъ Коша вспомоществованіе козаками на случай похода его въ Кабарду или-же прикажетъ всему запорожскому войску перейти на другое мѣсто, поближе къ Крыму. Графъ Вейсбахъ, считая себя не вправѣ отвѣчать на такой запросъ запорожцевъ, нашелъ нужнымъ снестись по этому поводу съ правительственными лицами въ Петербургѣ и до полученія такого или иного отвѣта велѣлъ запорожскимъ депутатамъ нѣсколько времени пообождать въ Кіевѣ.

Отвѣтъ на такой запросъ пришелъ изъ Петербурга лишь въ мартѣ мѣсяцѣ и былъ также неопредѣленный, какъ и вообще вопросъ о принятіи запорожцевъ подъ русскую протекцію. «Въ настоящее время, когда у насъ съ турками еще твердо содержится миръ, грамоты къ запорожцамъ и никакого письменнаго обнадеживанія послать и ихъ всѣхъ вдругъ въ подданство принять нельзя, ибо такой поступокъ турки могутъ почесть нарушеніемъ мирного

---

[1]) Мышецкій, Исторія о козакахъ запорожскихъ, Одесса, 1852, 21—27; Максимовичъ и Щекатовъ, Новый географическій словарь, Москва, 1788 II, 4—45; Кіевская Старина, II, апрѣль, 123.

договора, въ которомъ запорожцы означены въ турецкой сторонѣ и особливо то мѣсто, на которомъ они живутъ, и прочая земля отъ самой Самары рѣки внизъ Днѣпра уступлена Портѣ; а они, запорожцы, не захотятъ отказаться отъ своихъ вольностей, звѣриной и рыбной ловли и перейти жить въ наши границы. Поэтому вы должны съ ними поступать по нашимъ прежнимъ указамъ, дѣлая имъ, при всякомъ случаѣ, тайно словесныя обнадеживанія, что послѣ, при удобныхъ обстоятельствахъ, мы ихъ примемъ, но чтобъ до тѣхъ поръ имѣли терпѣніе. Внушите имъ, чтобъ они всевозможными способами уклонялись отъ посылки вспомогательнаго отряда къ хану въ кабардинскій походъ; но если отговориться будетъ нельзя, то пусть отправятъ часть козаковъ и накажутъ имъ тайно, чтобъ они, приближаясь къ Кабардѣ, отправили отъ себя кого-нибудь въ крѣпость св. Креста къ тамошнему командиру съ увѣдомленіемъ, сколько въ походѣ крымскихъ, кубанскихъ и другихъ войскъ и ихъ, запорожцевъ; ханъ ли самъ или какой салтанъ командуетъ и съ какимъ намѣреніемъ идетъ въ Кабарду и что командиръ крѣпости имъ прикажетъ, то-бъ они и дѣлали. Что-же касается ханскаго намѣренія переселить запорожцевъ на другую сторону Днѣпра, ближе къ Крыму, то въ случаѣ ихъ сопротивленія ханъ станетъ искать способа накрѣпко прибрать ихъ всѣхъ въ свои руки, или подъ предлогомъ ослушанія, разорить ихъ, и съ нашей стороны тогда имъ, пока у насъ миръ съ турками, никакой помощи подать или прямо принять нельзя: и потому здѣсь разсуждается, что имъ противиться хану неподобно, пусть переходятъ безъ спора: находясь по близости къ Крыму, они могутъ удобнѣе противъ него дѣйствовать. Впрочемъ, все это полагается на васъ: вы о тамошнихъ мѣстахъ можете знать лучше» [1]).

И такъ, запорожцамъ нужно было снова ждать до тѣхъ поръ, пока не настанетъ для нихъ благопріятный мометъ, т. е. пока турки и татары не нарушатъ мирнаго договора съ Россіей.

Такой моментъ насталъ только въ 1733 году. Въ это время въ Польшѣ скончался король Августъ II, бывшій саксонскій курфирстъ. Августъ II имѣлъ при жизни своимъ противникомъ Станислава Лещинскаго, но благодаря поддержкѣ со стороны русскаго императора Петра Алексѣевича, одержалъ верхъ надъ соперникомъ

---

[1]) Соловьевъ, Исторія Россіи, Москва, 1887, XX, 75.

и процарствовалъ до 1 февраля означеннаго года. Послѣ смерти Августа II въ Польшѣ объявились два претендента на обладаніе короной, Станиславъ Лещинскій и сынъ умершаго короля, Фридрихъ-Августъ. Перваго желали видѣть королемъ сама Польша и Францція, второго—Австрія и Россія. Сторонники Станислава Лещинскаго обратились за помощью къ турецкому султану и крымскому хану, при чемъ вспомнили и о запорожцахъ, находившихся подъ властію Крыма. Тогда реймептарь земскихъ войскъ западной Украйны, панъ Свидзинскій, отправилъ своего посланца съ письмомъ къ бывшему на ту пору кошевымъ атаманомъ Ивану Малашевичу и приглашалъ его съ войскомъ на польскую службу. Но кошевой атаманъ и все запорожское войско назвались подданными крымскаго хана и дали отвѣтъ въ томъ духѣ, что безъ вѣдома своего повелителя «они ни въ какія затяги» ходить не могутъ. Послѣ такого отвѣта реймептарь Свидзинскій обратился къ верховному покровителю запорожцевъ, крымскому хану.

Въ свою очередь запорожцы обратились съ петиціей къ русскому фельдмаршалу Миниху, стоявшему въ то время съ войсками въ Малой Россіи. Кошъ отправилъ къ Миниху нѣсколько человѣкъ посланцевъ и просилъ черезъ нихъ облеченнаго сильною властью фельдмаршала склонить императрицу принять запорожское войско подъ скипетръ россійской державы. Графъ Минихъ, принявъ запорожскихъ посланцевъ, удержалъ ихъ при себѣ, императрицѣ же отправилъ собственное донесеніе о просьбѣ Коша. Положеніе дѣлъ въ то время было таково, что запорожцы могли разсчитывать на скорый отъ русскаго правительства отвѣтъ. При константинопольскомъ дворѣ находился французскій посолъ, интриговавшій тамъ противъ Россіи. Онъ держалъ при себѣ, подъ именемъ офицера, молодого Орлика, сына Филиппа, и черезъ него разсчитывалъ причинить большой вредъ Россіи. Для этого онъ отправилъ тайно Орлика въ Запорожье и на Украйну съ цѣлью привлечь ихъ къ союзу съ татарами и поднять противъ Россіи. Самъ Филиппъ Орликъ въ это время находился при крымскомъ ханѣ. Крымскій-же ханъ, оставивъ свою столицу, Бахчисарай, проѣхалъ въ Бендеры, а изъ Бендеръ бросился къ рѣкѣ Орели съ цѣлью набѣга на русскія владѣнія [1]).

---

[1]) Соловьевъ, Исторія Россіи, Москва, 1887, XX, 73, 74.

Такимъ образомъ сама необходимость заставила русское правительство поторопиться, какъ можно, скорѣй окончить вопросъ съ запорожцами.

Получивъ донесеніе фельдмаршала Миниха, императрица Анна Іоанновна соблаговолила, наконецъ, послѣ цѣлаго ряда отказовъ, принять запорожцевъ, подъ свое высокое покровительство. Приведеніе въ исполненіе этого дѣла поручено было генералъ-фельдцейхмейстеру принцу Гессенъ-Кобургскому, состоявшему въ то время на русской службѣ и находившемуся подъ начальствомъ фельдмаршала графа Миниха. Послѣ этого, августа 31 числа, 1733 года, послана была и самая грамота, на имя кошевого атамана [1]), о прощеніи вины запорожцевъ и о принятіи ихъ подъ власть Россіи.

«Божіею милостію отъ пресвѣтлѣйшей и державнѣйшей великой государыни императрицы и великой княгини Анны Іоанновны, всероссійской самодержицы и многихъ государствъ и земель восточныхъ и сѣверныхъ обладательницы и наслѣдной государыни и протчая и протчая и протчая. Нашего императорского величества подданному низового войска запорожского кошевому атаману «   » [2]) и всему будучему при тебѣ посполству нашего императорского величества милостивое слово. Мы, великая государыня, наше императорское величество, о вашемъ всеподданнѣйшемъ и всенижайшемъ прошеніи къ намъ, дабы мы милость нашу къ вамъ явили и вины ваши отпустили и попрежнему въ наше подданство приняли, какъ напредъ сего изъ вашихъ къ намъ листовъ, такъ особливо нынѣ отъ прибывшаго ко двору нашему нашего генерала фонъ-Вейзбаха, х которому вы, подтверждая тѣ ваши прошеніи, еще листовне отозвались, обстоятелно изустно увѣдомлены; которой (-ый) намъ о вашемъ дѣйствительномъ и вѣрномъ намѣреніи и желаніи быть вѣчно въ подданствѣ нашемъ и служить со всякою вѣрностью засвидѣтелствовалъ и представлялъ о желаніи и покорнѣйшемъ прошеніи вашемъ, дабы въ лутчую вамъ надежду и уповаціе прислали мы къ вамъ всемило-

---

[1]) Въ подлинникѣ мѣсто для имени и фамиліи кошевого атамана оставлено свободнымъ.

[2]) Именно послѣ этихъ словъ и оставлено свободное мѣсто для имени кошевого атамана; въ документѣ, приведенномъ въ Исторіи Малой Россіи Б. Каменскаго (1882, IV, 227), поставлено въ этомъ мѣстѣ «Ивану Малашевичу».

стивѣйшую грамоту съ прощеніемъ вашихъ винъ и съ обнадеживаніемъ о нашей монаршеской милости; по которому вашему всеподданнѣйшему и всепокорнѣйшему прошенію мы вамъ вины ваши всемилостивѣйше отпущаемъ въ той надеждѣ, что вы тѣ свои вины намъ заслужите и въ наилучшей и совершенной вѣрности къ намъ пребудите и впротчемъ, о чемъ къ вамъ вышепомянутой нашъ генералъ фонъ-Вейзбахъ, именемъ и указомъ нашимъ писать и повелѣвать будетъ, съ великою вѣрностью исполните, за что мы васъ нашею высокою милостію обнадеживаемъ» [1]).

Получивъ, наконецъ, давно ожидаемую всемилостивѣйшую грамоту о помилованіи, запорожцы, въ знакъ своей искренней признательности, отправили, декабря 11 числа, графу фонъ-Вейсбаху письмо отъ всего Коша съ глубокой благодарностью за исходатайствованіе имъ для войска высочайшей милости. Въ то время кошевымъ атаманомъ войска запорожскаго состоялъ Иванъ Бѣлицкій. Бѣлицкій извѣщалъ сіятельнаго графа о полученномъ, еще въ бытность въ Запорожьи кошевымъ атаманомъ Ивана Малашевича, письмѣ отъ региментаря земскихъ войскъ западной Украйны Свидзинскаго съ просьбой къ Кошу о поданіи помощи Польшѣ въ наступившую войну. Уклоняясь, какъ и Малашевичъ, отъ подачи всякой помощи Польшѣ, кошевой Бѣлицкій тѣмъ не удовольствовался, а послалъ приказъ пограничному бугогардовскому полковнику ловить «воровскихъ затящиковъ» и присылать ихъ въ Сичь. Но въ это время крымскій ханъ Капланъ-Герай, желая испытать вѣрность запорожцевъ, потребовалъ было къ себѣ кошевого атамана Бѣлицкаго, войсковаго судью Якова Тукала и всѣхъ куренныхъ атамановъ съ намѣреніемъ черезъ нихъ привести все войско къ присягѣ на вѣрность себѣ и турецкому падишаху. Однако, случившійся на ту пору въ Крыму бывшій кошевой атаманъ Иванъ Малашевичъ предупредилъ такое требованіе хана и взялъ на себя смѣлость дать ему отвѣтъ вмѣсто кошевого Бѣлицкаго. Онъ заявилъ ханскому везирю, что кошевой всему государству крымскому какъ былъ вѣренъ, такъ и остается вѣрнымъ. Такимъ категорическимъ отвѣтомъ ханъ вполнѣ удовольствовался и отказался отъ вызова къ себѣ властного кошевого атамана для снятія съ него присяги. Донося обо всемъ этомъ графу Вейсбаху, кошевой Бѣлицкій въ тоже время извѣщалъ его о проѣздѣ черезъ Запорожье въ Крымъ и въ Кон-

---

[1]) Архивъ мин. ин. дѣлъ; мал. дѣла, 1733, св. 69, № 3.

стантинополь сына переяславскаго полковника Ивана Мировича, Өедора Мировича съ товарищами, отправленнаго сторонниками Станислава Лещинскаго для найма орды въ Польшу и, наконецъ, въ заключеніе просилъ графа «дать запорожцамъ наставленіе, какъ имъ поступать съ крымскимъ ханомъ въ разсужденіе польскихъ вспомогательныхъ войскъ» [1]).

Письмо, посланное запорожцами графу фонъ-Вейсбаху, характерно во многихъ отношеніяхъ и передаетъ стиль, пріемы и самое положеніе запорожскаго войска съ особенною наглядностію.

Вотъ это любопытное письмо въ подлинномъ его видѣ.

«Сіятелнѣйшій и высокопревосходителнѣйшій господинъ генералъ-аншефъ, обоихъ орденовъ ковалеръ и кіевской губерніи генералъ-губернаторъ и сибирского драгунского полку полковникъ, графъ фонъ-Вейсбахъ, особливѣйшій нашъ государь и великій благодѣтель. За божіею помощію и ходатайствомъ сіятелства вашего получа мы, войско запорожское низовое, отъ вашего графского сіятелства поданную чрезъ посланныхъ войсковыхъ нашихъ копію отъ ея императорского велічества изъ С.-Петербурга писанную, что в оной прегрѣшенія и вины наши прежнія прощаетъ и въ протекцію и многомощную свою оборону нынѣ пріемлетъ, милостиво насъ имѣть обнадеживая, за которое ваше благодѣяніе и ходатайство при нижайшемъ нашемъ доземномъ поклоненіи, писменное наше войсковое благодареніе приносимъ и въ томъ імѣя въ рукахъ нашихъ милостивой государыни нашей надежду, какъ ея величеству, такъ и вашему графскому сіятелству усердную нашу услугу и доброжелателство приносить и объявлять долженствуемъ, яко-же и нынѣ чрезъ нарочно посланного отъ насъ, войска, господина атамана Конеловского [2]) Филипа Прокофіева, о нижеозначенной здѣсь вѣдомости вашему графскому сіятелству доносимъ, то-есть: бывшій нашъ атаманъ кошевый, господинъ Иванъ Малашевичъ, ѣздилъ посланникомъ отъ войска въ Крымъ къ хану для позыву въ дѣлѣ убѣгающихъ фурджѣевъ и протчихъ неволниковъ нагайскихъ и крымскихъ и возвратясь оттуду х Кошу нашему войсковому прошедшаго ноября 29 дня объявилъ, что одни послы полскіе, которые Лещинского короля сторону держатъ, въ Стамбулъ поѣхали, и другіе с денгами къ хану в Крымъ при-

[1]) Архивъ мин. ин. дѣлъ; мал. дѣла, 1733, св. 69, №№ 9, 4.

[2]) То-есть атамана конеловскаго куреня.

были орду подымать, а именно: одинъ посолъ Шумьянскій, другой Мировичъ, бывшаго полковника переяславскаго сынъ, и Нахимовскій (которые два подъ властію князя Вишневецкого обрѣтались) и с ними протчихъ конныхъ съ 60 людей, для которыхъ посланниковъ его ханское величество насъ, атамана кошевого, и всѣхъ куренныхъ атамановъ для искушенія и присяги, въ вѣрности-ли мы къ нему обрѣтаемся, туда къ себѣ насъ пригласить имѣлъ, а потомъ, увидя помянутого нашего господина Малашевича, который для позыву туда прибылъ, предъ тѣми посланными полскими ханской везирь и Ширинъ-бей Джантемиръ его объ насъ допрашивали, и какъ оной Малашевичъ сказалъ, что де какъ я въ вѣрности, такъ и кошевой нашъ всему государству крымскому вѣрный и не измѣнникъ обрѣтается, то тогда нашъ путь остановили и къ себѣ насъ, кошевого, не призывали. Тѣже послы и сіе время въ Крымѣ обрѣтаются, ожидая, какой къ хану крымскому изъ Стамбула указъ прійдетъ, и такъ слышно, что хотятъ на помощь орду дать и разширеніе учинить. А третіе полскіе послы изъ Немирова отъ региментаря Свидинского брацлавского, партіи украинской, къ намъ войску въ Кошъ съ его-жъ писмомъ сего декабря 6 дня пріѣзжали, то-есть нѣкоторые значковые товарыщи Квасневскій, который сказывалъ, что у вашего графского сіятелства, за своими нѣкоторыми интересами въ Полтавѣ былъ; а другій Колосовскій и протчіе съ ними городовые козаки, человѣкъ съ 10, прося у насъ, войска, къ себѣ на помощъ, х которому региментарю мы, войско, отписали, что намъ ханское величество чрезъ нашего посыланного господина Малашевича ни въ какіе сукурсы безъ вѣдома своего никуда вступать не приказывалъ. И того для мы нашъ войсковой указъ х гардовому полковнику нашему войсковому послали, чтобъ де тамъ вашихъ полскихъ воровскихъ наговорщиковъ, къ Бугу рѣкѣ приходящихъ, смотрѣлъ и имая ихъ къ намъ въ Кошъ присылалъ, дабы мы, войско, чрезъ такіе воровскіе умысли (-ы) въ какое-либо у ханского величества подозрѣніе не пришли; и тако мы съ тѣмъ отвѣтомъ помянутыхъ поляковъ отправя тотчасъ по отъѣздѣ ихъ, по истинному рабскому нашему войсковому къ ея императорскому величеству доброжелателству, сію вѣдомость предлагаемъ и наставленія у вашего графского сіятелства просимъ, какое вы намъ, войску, по силѣ того наставленіе дать изволите, ежели-бы ханъ крымскій орду полякамъ на помощь посылать и нашему войску съ оною итти приказать имѣлъ, что тогда намъ съ

помянутымъ ханомъ крымскимъ чинить и какъ поступать, ибо и нынѣ отъ нагайцевъ нападеніе имѣемъ, которые изъ той стороны Днѣпра лдомъ переходя вверхъ Днѣпра выше Старой Сѣчи и ниже, великую нашимъ козакамъ съ своими улусами досаду чинятъ, о чемъ хотя мы не одинажды къ ханскому величеству писали, однакожъ не вѣдаемъ, чего для онъ оттуду нагайцамъ уступить не повелѣваетъ; орда же крымская, которая лѣтомъ съ двумя салтанами, Калгою и Орбѣемъ подъ Кабарду пошла, по сіе время тамъ въ Кубанѣ стоитъ. О семъ вашему графскому сіятелству донося и паки о наставленіи (какъ-бы намъ по разсужденію полского сукурса съ ханомъ крымскимъ поступать) просимъ и при семъ копію съ писма региментарского для вящей дружбы нашей прилагая, навсегда пребываемъ вашего графского сіятелства милостивого государя и благодѣтеля нашего всѣхъ благъ вѣрно желающіе и нижайшіе слуги Иванъ Бѣлицкій, атаманъ кошевой войска запорожского низового с товарищи. Изъ Коша декабря 11 дня, 1733 году» [1]).

Графъ Вейсбахъ нашелъ всѣ отвѣты, данные запорожцами, какъ польскому региментарю, такъ и крымскому хану, «вполнѣ изрядными и весьма искусными»; увѣдомленіе о посольствѣ «лещинцами» въ Крымъ и въ Стамбулъ принялъ къ свѣдѣнію и благодарилъ за него кошевого, прося и впредь дѣлать такія увѣдомленія и обѣщая за то милость и награду монаршую. Относительно-же наставленія, какъ вести себя съ ханомъ, когда онъ прикажетъ идти, вмѣстѣ съ ордой, въ Польшу, графъ совѣтовалъ отвѣчать, что къ походу хана все будетъ готово, и для большаго увѣренія въ томъ хана начать дѣлать приготовленія къ выступленію въ походъ, но не съ тѣмъ, конечно, чтобы бусурманамъ служить, а съ тѣмъ, чтобы вѣрность русскому престолу показать, и потомъ о своихъ приготовленіяхъ немедленно самого графа извѣстить. Если-же орда слишкомъ скоро выйдетъ въ польскій походъ, и ханъ потребуетъ такого-же скораго выступленія и отъ запорожскихъ козаковъ, то въ такомъ случаѣ ему объявить, что войско запорожское въ Польшу не можетъ идти, потому что тамъ находятся русскія войска, которыя, узнавъ о выступленіи запорожцевъ изъ Сичи, могутъ послать туда свой отрядъ и приказать ему разорить Сичь и всѣ ея курени. Когда-же ханъ потребуетъ черезъ послан-

---

[1]) Архивъ мин. ин. дѣлъ; мал. дѣла, 1733 св. 69, № 4.

наго, настоятельно отъ запорожцевъ похода въ польскіе города или въ другія какія-либо мѣста, то въ такомъ случаѣ ханскому посланному отвѣчать, что запорожское войско больше въ подданствѣ хана не состоитъ, а находится въ подданствѣ русской государыни; послѣ этого ханскаго посланнаго или выгнать отъ себя или-же вовсе убить, и всѣхъ ногайцевъ, находящихся вверху Днѣпра, выше и ниже Сичи, разорить и разогнать.

Не ограничиваясь одними наставленіями, графъ Вейсбахъ увѣдомлялъ кошевого и о томъ, что въ польскую область, къ Брацлаву и на Волынь, для поиска рейментаря Свидзинскаго и для разоренія маетностей сторонниковъ Станислава Лещинскаго, отправленъ, подъ командой князя Шаховскаго и генералъ-маіора Кейта, русскій регулярный корпусъ съ значительной артиллеріей, съ которымъ имѣетъ соединиться большое войско для разоренія польскихъ меетностей и деревень. Независимо отъ этого поставлена въ мѣстечкахъ Медвѣдовкѣ и Боровицахъ особая команда, подъ начальствомъ полковника, въ тысячу человѣкъ драгунъ для охраны запорожскаго войска; полковникъ команды, по первому требованію запорожцевъ, можетъ спуститься къ самой Сичѣ и защищать ее отъ бусурманъ. Поэтому, въ виду согласія дѣйствій, запорожцы должны увѣдомить графа, сколько у нихъ можетъ быть всего войска и что они предпримутъ въ томъ случаѣ, когда крымскій ханъ уйдетъ въ Польшу, т. е. двинутся-ли къ драгунамъ въ Медвѣдовку и Боровицы, или-же ударятся на Крымъ для разоренія тамошнихъ мѣстъ. Графъ Вейсбахъ полагалъ, что за выѣздомъ въ Польшу орды и за невозвращеніемъ изъ кабардинскаго похода двухъ салтановъ съ ордой (которые стояли на Кубани) въ Крыму осталось совсѣмъ мало татарскихъ войскъ и въ такомъ случаѣ въ немъ можно было-бы «знатное разореніе учинить». Запорожцы должны также сообщить, куда удобнѣе поставить драгунъ на постой, въ самой-ли Сичи, или-же въ Медвѣдовкѣ и Боровицахъ, гдѣ находился западноукраинскій рейментарь. Наконецъ, въ заключеніе письма графъ Вейсбахъ просилъ кошевого атамана изловить одного изъ польскихъ посланцевъ, отправленныхъ въ Стамбулъ, а именно сына переяславскаго полковника Ивана Мировича, Ѳедора Ивановича, когда онъ будетъ возвращаться въ Польшу черезъ запорожскую Сичь. Графъ совѣтовалъ кошевому ничего дурного лично Мировичу до времени не причинять, напротивъ того, показывать къ нему полную дружбу и пріязнь, пока

онъ будетъ на Кошу; но потомъ, когда оставитъ Сичь, велѣть его догнать, внезапно схватить и доставить переволочанскому коменданту на лѣвый берегъ Днѣпра и отъ коменданта арестованнаго въ городъ Полтаву препроводить. Въ случаѣ при немъ окажется какая-нибудь казна, то деньги разграбить и разграбленное все подѣлить между собой. «И ежели оное учинено будетъ, то извольте въ вѣрной надеждѣ быть, что ваше благородіе отъ ея императорскаго величества получите особливо всемилостивѣйшее награжденіе» [1]).

Насталъ 1734 годъ, и запорожцы все еще находились въ неопредѣленномъ положеніи. А между тѣмъ имъ нужно было одно изъ двухъ выбрать—или открыто объявить себя подданными Россіи или-же безпрекословно подчиниться во всемъ крымскому хану, потому что крымскій ханъ именно въ это время потребовалъ настоятельно, чтобы запорожцы шли въ Польшу въ помощь королю Станиславу Лещинскому для борьбы съ враждебной ему партіей. Запорожцы рѣшились на первое. Не возражая ни словомъ противъ ханскаго приказанія, кошевой Бѣлицкій собралъ все войско и двинулся съ нимъ къ рѣкѣ Бугу. Не дойдя до Гарда, онъ остановился таборомъ и послалъ къ графу Вейсбаху гонца съ запросомъ, какъ ему поступить на будущее время. Графъ Вейсбахъ, воспользовавшись недавнимъ набѣгомъ ногайцевъ, находившихся въ подданствѣ Турціи, на малороссійское село Беркутъ полтавскаго полка, представилъ это дѣло русскому правительству какъ нарушеніе мирнаго трактата со стороны Турціи и подалъ мысль императрицѣ немедленно принять запорожцевъ въ русское подданство для противопоставленія ихъ ногайцамъ. Самому кошевому онъ отправилъ, въ это-же время, февраля 12 дня, гонца съ такимъ листомъ: «Изъ сего моего объявленія вы и все войско запорожское низовое можете узнать, что ея императорское величество, наша всемилостивѣйшая государыня, неотмѣнное свое высочайшее соизволеніе и милость въ отпущеніи войска запорожского винъ содержитъ и въ высочайшую свою державу, а отъ бусурманскаго подданства всѣхъ васъ вѣчно освобождаетъ и въ число вѣрныхъ своихъ подданныхъ имѣть соизволитъ».

Между тѣмъ на запорожскихъ козаковъ разсчитывалъ и крымскій ханъ. Онъ составилъ себѣ планъ двинуться сперва къ Хо-

[1]) Кіевская Старина, 1882, апрѣль, 125—129.

тину, изъ Хотина идти въ Польшу и тамъ сдѣлать нападеніе на русскихъ. Въ виду такого похода кошевой атаманъ долженъ былъ собрать нѣсколько тысячъ человѣкъ запорожскаго войска и отправить его къ хану, самъ-же съ куренными атаманами долженъ явиться въ Крымъ въ качествѣ заложника, а оставшихся козаковъ перевесть «изъ Сѣчи, ближе къ Крыму, въ урочище, зовомое Алешку». Послѣ этого всѣ запорожцы съ кошевымъ атаманомъ Иваномъ Малашевичемъ, ожидая отъ такого приказанія конечной для себя погибели, согласясь единогласно, оставили прежнее свое жилище и пошли на житье вверхъ Днѣпра на мѣсто, называемое Базавлукъ, куда приказали явиться и всѣхъ козакамъ, отправленнымъ къ хану. Сдѣлавъ такое дѣло, они разослали отъ себя письма къ крымскому хану Капланъ-Гераю, перекопскому бею и турскимъ коммисарамъ и въ письмахъ изъяснили, что они не могутъ, не смотря на нарядъ хана, идти въ помощь полякамъ противъ русскаго войска и своихъ родственниковъ, въ Малой Россіи находящихся. Послѣ всего этого запорожцы о всѣхъ военныхъ планахъ крымскаго хана послали извѣстіе въ Кіевъ и въ тоже время отправили листъ государынѣ императрицѣ, въ которомъ «слезно» просили принять ихъ, какъ природныхъ подданныхъ, до тѣхъ поръ въ бѣгахъ жившихъ, въ свою протекцію, и русская императрица «по христіанству и по всенароднымъ правамъ, отказать не могла имъ» [1]).

При всемъ томъ по поводу перехода запорожцевъ съ устья рѣчки Каменки въ урочище Базавлукъ очень долго еще продолжалась переписка и шли съ той и другой стороны различныя объясненія.

Марта 27 числа изъ Петербурга въ Константинополь къ русскому резиденту Ивану Ивановичу Неплюеву посланъ былъ «секретнѣйшій» запросъ о томъ, какого мнѣнія будетъ резидентъ, если императорское правительство рѣшится принять запорожское войско въ русское подданство, т. е. что можетъ воспослѣдовать чрезъ то отъ турокъ. До сихъ поръ запорожцы не были приняты изъ боязни, чтобы турки не оставили своихъ «персидскихъ дѣйствъ» [2]) и не обратились войной на Россію. Теперь императорское правительство, задумавъ войну съ турками, принуждено держать свое

[1]) Архивъ мин. ин. дѣлъ; мал. дѣла, 1734 и 1735, св. 69, № 6.
[2]) Въ то время Турція вела войну съ Персіей.

намѣреніе въ строжайшемъ секретѣ до тѣхъ поръ, пока не будутъ приведены къ надежному основанію польскія дѣла, и въ этомъ разсужденіи запорожцевъ, которые, на случай войны Россіи съ Турціей, могутъ быть весьма полезны, отпускать «не заблагоразсуждаетъ» [1]).

Но еще до полученія такого запроса русскій резидентъ Неплюевъ послалъ изъ Царьграда черезъ Вѣну въ Петербургъ обширное донесеніе императрицѣ о томъ, какъ надо поступить съ запорожскими козаками въ виду слагающихся политическихъ обстоятельствъ. Онъ не видѣлъ иного способа, какъ принять ихъ въ границы императорскаго величества, потому что «заграницею безъ разрыва никакъ содержать мира невозможно»; къ тому-же, какъ слышалъ резидентъ въ столицѣ султана, «едва-ли не противъ запорожцевъ» отправлены Орликъ и его сынъ; въ отговорку-же Портѣ можно сказать то, что сама она приняла подданнаго императорскаго величества Дондукъ Омбу съ калмыками въ протекцію, а потому тѣмъ менѣе имѣется основаній для русской императрицы не принимать обратно своихъ собственныхъ подданныхъ; впрочемъ, едва-ли Порта рѣшится объявить войну Россіи ради однихъ запорожцевъ.

Въ началѣ апрѣля графъ Вейсбахъ донесъ русскимъ резидентамъ въ Константинополѣ, Неплюеву и Вишнякову, о томъ, что запорожцы отказались повиноваться крымскому хану и перешли на урочище Базавлукъ и что для предовращенія прихода со стороны татаръ къ русскимъ границамъ онъ распорядился сдѣлать нападеніе на бусурманъ въ тылъ отъ линіи.

Русскіе резиденты, получивъ такое донесеніе, сообщили о взятыхъ противъ татаръ мѣрахъ, умолчавъ, впрочемъ, о переходѣ изъ Крыма въ Россію, запорожцевъ, цесарскому резиденту и посламъ англійскому, «дабы сіе подъ рукою внушить, чтобъ Порта не имѣла никакого резона нарекать намъ на разрывъ, когда что отъ татаръ начнется». Твердая рѣшимость со стороны запорожцевъ навсегда покинуть владѣнія Крыма вполнѣ совпадала со взглядами Неплюева, и онъ въ новомъ донесеніи императрицѣ опять высказывался за принятіе ихъ подъ протекцію Россіи. «Ибо извольте-то въ дѣйствѣ увидѣть, что Порта будетъ ихъ оружіемъ себѣ покорять, когда они впредь на всегдашнія времена къ вы-

[1]) Архивъ мин. ин. дѣлъ; мал. дѣла, 1734 и 1735, св. 69, № 6.

сокой вашего императорского величества протекціи кредиту имѣть не будуть, но еще и украинскіе то съ сожалѣніемъ примутъ, что такъ запорожцы обнадежены и оставлены найдутся, возмня ханскую протекцію сильнѣе; а ежели-же у вашего императорского величества съ турками до войны не дойдеть, а запорожцы до негоціаціи внутрь вашего величества границъ ретируются, то можно ихъ содержать, и Портѣ нарекать резона не будеть, яко въ отвѣтъ ей много законной правды употребить найдемъ; а ежели-же она нынѣ къ намъ отзовется, то мы до указа вашего императорского величества въ генеральныхъ терминахъ невѣдѣніемъ отговариваться будемъ» [1]).

Послѣ такихъ донесеній послано было изъ Петербурга въ Константинополь, апрѣля 26 дня, черезъ кіевскаго рейтара поручика Наковальнина, обширное наставленіе о томъ, что отвѣчать Портѣ на случай запроса съ ея стороны о переходѣ запорожскихъ козаковъ къ россійскимъ границамъ. Наставленія эти были таковы.

1. Хотя запорожцы, какъ самой Портѣ извѣстно, издревле подданные русскихъ царей, единаго съ ними христіанскаго закона, родились всѣ въ Малой Россіи, гдѣ ихъ отцы и сродники и понынѣ живутъ, но жили они въ Сичѣ, перебѣгая изъ Малой Россіи въ различное время по своему давнему обыкновенію самовольно, и иные, пробывъ въ Сичѣ нѣсколько времени, снова въ Малую Россію, т. е. въ свое отечество, возвращались. Не смотря на то, когда они, при учиненіи послѣдняго вѣчнаго мира съ Портой, сами добровольно въ крымской сторонѣ остались, то русскіе государи въ нихъ никогда не вступались, когда Кошъ свой они имѣли за русской границей, гдѣ сами имѣть хотѣли и въ то дѣло русское правительство мѣшаться считало для себя неприличнымъ.

2. Русскіе государи къ себѣ ихъ не призывали и непризываютъ и теперь, хотя запорожцы перешли съ своего Коша на новый Кошъ, но русской государынѣ до того дѣла нѣтъ, такъ какъ новый Кошъ не въ русскихъ границахъ обрѣтается и, на сколько государыня увѣдомлена о томъ, запорожцы перешли на то мѣсто, гдѣ они издревле всегда свое жилище и пребываніе имѣли, а потому чинить имъ препятствіе въ томъ не находится причины никакой.

---

[1]) Архивъ мин. ин. дѣлъ; мал. дѣла, 1734 и 1735, св. 69, № 6.

3. Въ виду того, что крымскій ханъ, противно вольности и обыкновенію козаковъ, хотѣлъ насильно переселить ихъ изъ Сѣчи къ самому Крыму съ намѣреніемъ разобрать ихъ по рукамъ, самого кошевого со всѣми знатными куренными атаманами силою къ себѣ въ аманаты взять и насильно гетманомъ надъ ними явнаго измѣнника Орлика поставить, то запорожцы, какъ народъ вольный, не допуская себя до послѣдней погибели, принуждены были, ради своего спасенія, на другое мѣсто перейти. И за то крымскій ханъ долженъ подлежать нареканію, потому что такими поступками своими онъ къ отчаянію запорожцевъ привелъ, а натурально, что всякъ, видя передъ собой послѣднюю погибель свою, старается отъ оной себя спасти.

4. А что запорожцы, будучи издревле русскими подданными и имѣя въ Малой Россіи своихъ родственниковъ и свойственниковъ, отказали хану идти войной противъ русской государыни и противъ русскихъ войскъ, то это также вполнѣ натурально: вѣдь сами-же запорожцы легко могутъ разсудить, что, выступивъ противъ русскихъ войной, они выступятъ противъ собственныхъ родственниковъ и свойственниковъ, въ русской державѣ обрѣтающихся, и потому если запорожцы не хотятъ идти войной противъ своего отечества, то русской императрицѣ пенять на нихъ за то неприлично.

5. Если крымскій ханъ, которому «накрѣпко и ненарушимо» нужно было соблюдать между обѣими державами вѣчный миръ, несмотря на то, «непріятельскія и мирнонарушительныя свои намѣренія въ дѣйство производить хочетъ», то и русской императрицѣ, въ противность хану, нужно брать надлежащія мѣры для учиненія отпора.

6. Впрочемъ, русская императрица и до послѣдняго времени къ тѣмъ запорожцамъ не имѣетъ никакого отношенія; запорожцы сами, ради одного своего спасенія, перешли изъ прежняго своего Коша на новый и поселились въ турецкихъ-же, а не русскихъ границахъ, и если крымскій ханъ оставитъ ихъ «при прежнихъ обыкновеніяхъ» и не будетъ принуждать къ войнѣ противъ Россіи, то они снова могутъ въ крымскую протекцію вернуться, и императрица не станетъ себѣ присвоять ихъ.

7. Но если крымскій ханъ не оставитъ своего намѣренія всеконечно погублять ихъ и приневоливать къ войнѣ противъ Россіи и оные запорожцы къ русской императрицѣ, какъ къ природной

своей государынѣ, прибѣгать станутъ, то императрица, по закону христіанскому, тѣхъ запорожцевъ, какъ христіанъ и единовѣрцевъ, считаетъ отгонять отъ себя неприличнымъ и натурально не станетъ принуждать ихъ къ тому, чтобы они, совмѣстно съ крымскимъ ханомъ, выступали врагами русскаго государства.

8. Если-же ханъ станетъ жить въ покоѣ и мира не нарушитъ, то все то минуетъ, и обѣ имперіи, а также и всѣ запорожцы попрежнему останутся въ покоѣ.

9. Русская императрица тѣхъ запорожцевъ до послѣдняго времени не принимала и принять не хотѣла, и если-бы то учинилось, и императрица позволила-бы имъ имѣть жилище въ русскихъ границахъ, то это «ни въ какую противность принято быть не можетъ», потому что самой Портѣ извѣстно, какимъ образомъ русскіе измѣнники Дондукъ Омбо съ товарищами, хотя они и идолопоклонники и не единовѣрцы туркамъ, приняты крымскимъ ханомѣ въ протекцію, донынѣ въ его области находятся и на русскія области, безъ всякаго препятствія со стороны Порты, чинили нападенія и чинить продолжаютъ. Тѣмъ менѣе станетъ рѣшимости у русской императрицы отгонять отъ себя такихъ людей, которые и по рожденію и по христіанскому закону могутъ называться своими.

«А все то можете заключить тѣмъ, что надлежитъ хана крымского унимать и онаго къ содержанію покоя принуждать, тогда и все склонно между обоими имперіями происходить будетъ. Можете еще Портѣ о запорожцахъ и сіе объявить, что всѣ они до единого уроженные въ нашей имперіи и перебѣгая живутъ тамъ въ Сѣчѣ изъ давнихъ лѣтъ безъ жонъ холостые, и такъ ежели-бъ повсевремянно туда оныхъ бѣгущихъ изъ нашего подданства не прибавлялось, то они, запорожцы, давно всѣ перевелись, понеже плодиться имъ въ Сѣчѣ не отъ кого» [1]).

О переходѣ запорожцевъ изъ-подъ власти Крыма подъ власть Россіи турецкая Порта узнала по донесенію хана. Донося о томъ падишаху, крымскій ханъ сообщалъ, что хотя запорожцы и покинули свои прежнія займища, но изъ турецкихъ границъ еще не вышли.

На основаніи этого донесенія крымскому хану посланъ былъ приказъ убѣдить запорожцевъ вернуться къ прежней протекціи Крыма; въ случаѣ-же съ ихъ стороны сопротивленія, ханъ дол-

[1]) Архивъ мин. ин. дѣлъ; мал. дѣла, 1734 и 1735, св. 69, № 6.

женъ смирить ихъ оружіемъ, какъ людей въ его землѣ живущихъ. Въ столицѣ султана всѣ были въ то время того мнѣнія, что хотя запорожцы и покинули свои жилища при устьѣ рѣчки Каменки, но все-таки сѣли на земляхъ, принадлежавшихъ Крыму, а слѣдовательно и Турціи. «И ежели, писалъ по этому поводу русскій резидентъ Неплюевъ графу Вейсбаху въ Кіевъ, у насъ съ Портою дойдетъ до разрыва, тогда невозможно тѣхъ запорожцевъ въ турецкой землѣ въ протекціи ея императорского величества содержать: какъ мнѣ здѣсь слышно, что Базовъ лугъ [1]) мѣсто туркамъ принадлежащее, понеже вашему сіятельству извѣстно, что хотя въ трактатѣ съ Портою глухо стоитъ, но въ инструментѣ разграниченія 1714 года явно и ясно границы описаны и всѣ земли къ крымской сторонѣ отъ тѣхъ границъ турецкими именованы безъ изъятія, и ежели они, запорожцы, ретируются внутрь ея императорского величества границъ, тогда ихъ и во время мира принять свободно можно и Портѣ въ отвѣтъ показанные мнѣ отъ вашего сіятельства резоны довольны будутъ» [2]).

И представленіе русскаго резидента имѣло, какъ вскорѣ оказалось, свои основанія. Въ слѣдъ за водвореніемъ запорожцевъ на урочищѣ Базавлукѣ очаковскій паша донесъ великому везирю, что на томъ мѣстѣ, гдѣ поселились запорожцы, которое называется «Базаглукъ», россійскими людьми «начаты дѣлаться рвы». Объ этихъ рвахъ очаковскій паша «посылалъ спрашивать, на что то чинится, представляя, что реченное мѣсто Базаглукъ принадлежитъ къ области Порты оттоманскія». На такой запросъ пашѣ отвѣтствовано, что тѣ рвы дѣлаются съ намѣреніемъ, «дабы въ томъ мѣстѣ, по указу россійского двора, крѣпость построить и что помянутое урочище Базаглукъ не къ блистательной Портѣ, но къ россійскому государству принадлежитъ».

Донесенію очаковскаго паши придали въ Константинополѣ должное значеніе. Великій везирь Али-паша находилъ нужнымъ, для разузнанія дѣла, отправить на урочище Базавлукъ полномочныхъ отъ Порты лицъ съ тѣмъ, чтобы они сдѣлали «истинное и прилежное освидѣтельствованіе», кому въ дѣйствительности принадлежитъ урочище Базавлукъ. Къ довѣреннымъ лицамъ отъ Порты русскій резидентъ долженъ былъ присоединить избранныхъ отъ себя

---

[1]) То-есть урочище Базавлукъ.

[2]) Архивъ мин. ин. дѣлъ; мал. дѣла, 1734 и 1735, св. 69, № 6.

лицъ, и послѣ того уже имѣть тѣ или другіе разговоры о Базавлукѣ. Во всякомъ случаѣ и какъ-бы то ни было, строить крѣпости близъ границъ съ обѣихъ сторонъ, въ силу мирнаго трактата, нельзя.

На такое представленіе великаго везиря русскій резидентъ далъ уклончивый отвѣтъ. Онъ говорилъ, что о строеніи крѣпости на урочищѣ Базавлукѣ не имѣетъ отъ своего двора никакого извѣстія и подлинно не знаетъ, кому то урочище принадлежитъ; но смѣетъ увѣрить блистательную Порту, что отъ двора ея императорскаго величества «отнюдь такого указа не учинится, чтобъ строить крѣпости не токмо на мѣстахъ, блистательной Портѣ принадлежачихъ; но ниже на такихъ, о которыхъ заключенный между обѣими имперіями трактатъ возбраняется». По всему этому русскій резидентъ не находилъ нужнымъ посылать отъ себя человѣка на урочище Базавлукъ для осмотра его и совѣтовалъ великому везирю прежде всего войти въ сношеніе съ начальникомъ украинскаго корпуса, графомъ фонъ-Вейсбахомъ, «для достовѣрнаго освидѣтельствованія», кому подлинно принадлежитъ урочище Базавлукъ. Великій везирь, соглашаясь съ такимъ представленіемъ русскаго резидента, тѣмъ не менѣе нашелъ за лучшее поручить бендерскому или очаковскому пашѣ нарядить по спорному дѣлу коммиссію. Относительно сооруженія крѣпости онъ замѣтилъ, что, быть можетъ, построеніе ея начато и самими запорожцами, но въ такомъ случаѣ Россія не имѣетъ права принимать подъ свою протекцію никакихъ народовъ въ земляхъ блистательной Порты; если-же она желаетъ принять запорожцевъ въ свое подданство, то пусть даетъ имъ мѣста, принадлежащія россійскому государству.

Послѣ такого объясненія съ великимъ везиремъ Неплюевъ отправилъ отъ себя поручика Наковальнина и велѣлъ ему ѣхать въ Бендеры къ мѣстному пашѣ, соединиться тамъ съ довѣреннымъ человѣкомъ паши и ѣхать вмѣстѣ съ нимъ къ графу фонъ-Вейсбаху; доѣхавъ-же до города Василькова, остановиться въ немъ подъ видомъ «кварантины» и тамъ ожидать опредѣленія отъ графа до тѣхъ поръ, пока онъ тѣмъ временемъ успѣетъ снестись съ Петербургомъ и получить оттуда инструкцію, какъ поступать въ такомъ случаѣ. «Пріемлю смѣлость всеподданнѣйше донести, писалъ Неплюевъ по этому-же поводу въ Петербургъ, вашему императорскому величеству слабое мое мнѣніе, не соизволите-ли, ваше величество, всемилостивѣйше повелѣть онымъ запорожскимъ козакамъ нынѣ войти вовнутрь границъ вашего императорскаго вели-

чества, особливо того ради, что Порта по нынѣшнимъ своимъ въ прочихъ дѣлахъ упражненіямъ и недосугамъ сіе дѣло не весьма за важное считаетъ и сама къ тому намъ поводъ подаетъ... А ежели запорожцы на мѣстѣ Базаглукѣ пребудутъ, то отъ хана крымского и татаръ нападенія и разоренія претерпятъ, а къ тому и Порта, поуспокоясь отъ нынѣшнихъ дѣлъ и видя ихъ на мѣстѣ, гдѣ ихъ будутъ охранять войска вашего императорского величества, найдетъ, что поселеніе ихъ на Базавлукѣ съ правдою несходно, и если нынѣ удобный къ тому случай потеряется, то впредь въ потребное время трудно будетъ то учинить, или еще болѣе чрезъ то можетъ податься случай къ ссорамъ. Сихъ ради резоновъ я сіе дѣло (т. е. наставленіе, какъ отвѣчать въ Константинополѣ о переходѣ запорожцевъ къ предѣламъ Россіи) при Портѣ въ молчаніи оставилъ, понеже ежели-бъ я нынѣ Портѣ объявилъ, что ваше императорское величество за нихъ вступаться не изволитъ, то она тотчасъ приняла-бы мѣры ихъ въ покорность себѣ привесть и то мое объявленіе и впредь себѣ во оправданіе имѣть. На томъ-же основаніи я нынѣ умолчалъ и о калмыкахъ, которые въ крымскую сторону бѣгутъ, и разсуждаю моимъ слабымъ смысломъ, что 20.000 запорожскихъ козаковъ прибыльнѣе многихъ калмыковъ, куда-бы ихъ (козаковъ) не изволили употребить: въ Польшу-ли противъ станиславцевъ [1]), или при случаѣ противъ татаръ. Если-же запорожцевъ внутрь границъ вашего императорского величества перевести невозможно, въ такомъ случаѣ, видится мнѣ, что генералъ графъ фонъ-Вейсбахъ можетъ къ пашѣ бендерскому дать такой отвѣтъ, если только на то вашего императорского величества соизволеніе будетъ, что въ Базаглукѣ никакой крѣпости отъ стороны вашего императорского величества не строится и тѣмъ мѣстомъ ваше величество нимало не интересуетесь, какъ принадлежащимъ оттоманской имперіи; извѣстно, что тамъ селятся запорожскіе козаки, отъ налоговъ ханскихъ изъ Сѣчи вышедшіе, просившіе у вашего императорскаго величества, какъ у своей законной государыни, прощенія за побѣгъ и принятія въ протекцію, въ чемъ имъ, какъ подданнымъ и единозаконнымъ, отказать было невозможно; однакожъ вмѣстѣ съ такимъ изъявленіемъ отвѣтствовать, что когда они придутъ внутрь границъ вашего императорского величества, тогда имъ дастся протекція, а внѣ границъ вашего величества интересоваться въ нихъ

---

[1]) То-есть приверженцы короля Станислава Лещинскаго.

не изволите, потому что вѣчную дружбу съ Портой ненарушимо содержать соизволяете, и потому если ханъ крымскій озлоблять ихъ больше не будетъ, то, можетъ быть, они иного мѣста искать не будутъ и на Базаглукѣ останутся... А что касается угрозъ турецкихъ, то мы уже ихъ не боимся, потому что выставили два вида передъ глаза Порты: во-первыхъ, что персіяне въ рукахъ вашего императорского величества, во-вторыхъ, что ваше величество терпѣть болѣе туркамъ не будете» [1]).

Но прошло еще болѣе полугода времени, а вопросъ о запорожцахъ все еще не былъ оконченъ.

Русскій резидентъ Неплюевъ испытывалъ крайнее затрудненіе въ Константинополѣ и не зналъ, какъ «содержать» запорожцевъ, т. е. считать-ли ихъ своими или-же считать чужими: занявъ земли возлѣ урочища Базавлука, запорожцы не считали ихъ принадлежащими Портѣ, но они не знали того, что тѣ земли въ дѣйствительности принадлежатъ Портѣ. Для разъясненія этого вопроса Неплюеву пришлось обратиться къ дѣламъ 1705 года по размежеванію границъ между Портой и Россіей и къ той перепискѣ, которая велась въ то время между начальникомъ русской коммиссіи думнымъ дьякомъ Емельяномъ Украинцовымъ и кошевымъ атаманомъ Константиномъ Гордіенкомъ. Изъ постановленій той коммиссіи ясно, что за Днѣпромъ во владѣніи Россіи, кромѣ Кіева съ поланками, ничего не должно быть.

Поставленный въ такое затрудненіе, русскій резидентъ наряжалъ вмѣсто себя для объясненія съ великимъ везиремъ своего переводчика Ивана Бакунина. Отъ того переводчика резидентъ узналъ, что Порта негодуетъ на русское правительство не столько за принятіе императрицей въ подданнство запорожцевъ, потому что Порта и сама также поступила-бы, если бы къ ней пришли изъ Россіи какіе-нибудь магометане, сколько за то, что императрица содержитъ запорожцевъ на земляхъ турецкихъ и дозволяетъ имъ сооружать разныя строенія, чѣмъ нарушаетъ установленные мирные трактаты и сосѣдственную дружбу. Вѣчный миръ, установленный между Турціей и Россіей, гласитъ ясно, что «отъ острова, имянуемаго Сѣча, всѣ мѣста суть турецкого имперія, а помянутые запорожскіе козаки нынѣ живутъ по сю сторону выше реченного урочища (то есть не къ россійской сторонѣ, но къ турецкому государству),

[1]) Архивъ мин. ин. дѣлъ; мал. дѣла, 1734 и 1735, св. 69, № 6.

чего ради всякъ прочитающій оный трактатъ, ясно безъ другихъ доказательствъ увидѣть можетъ, что тѣ мѣста суть блистательной Порты, по силѣ котораго трактата паки онъ верховный везирь, требуетъ, чтобъ конечно вышереченные козаки оттуда въ россійскія границы были переведены» [1].

Такое объясненіе между русскимъ переводчикомъ Бакунинымъ и великимъ везиремъ Али-пашой происходило ноября 22 дня, 1734 года, а между тѣмъ запорожскіе козаки уже 31 числа мѣсяца марта сидѣли «крѣпко и ладно» своимъ Кошемъ въ урочищѣ Базавлукѣ и вовсе не думали мѣнять его ни на какое другое мѣсто.

---

[1]) Архивъ мин. ин. дѣлъ; мал. дѣла, 1734 и 1735, св. 69, № 6.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ.

Надежды Филиппа Орлика поднять національно-малороссійское знамя для избавленія отъ московскаго ига Малороссіи.—Письма Орлика по этому поводу къ запорожскому войску.—Отвѣтъ запорожцевъ Филиппу Орлику и Капланъ-Герай хану и отсылка орликовыхъ и ханскихъ писемъ къ графу Вейсбаху.—Отвѣтъ запорожцамъ со стороны графа фонъ-Вейсбаха съ обнадеживаніемъ защиты отъ татаръ и турокъ. — Памятная записка кошевого Малашевича о томъ, гдѣ и сколько времени сидѣли запорожцы Кошемъ за время жизни ихъ подъ протекціей Крыма.—Споръ Россіи и Турціи, кому принадлежитъ урочище Базавлукъ, гдѣ запорожцы сѣли новымъ своимъ Кошемъ.—Пріѣздъ турецкой коммиссіи для разбора спорнаго вопроса.—Присяга запорожскаго войска на вѣрность русскому престолу.—Пріѣздъ пословъ, русскаго и турецкаго, въ Сѣчу и различныя встрѣчи тому и другому.—Число всего запорожскаго войска, принятаго въ подданство россійской императрицы.

Въ то время, когда запорожцы безповоротно покинули ненавистныя имъ владѣнія крымскаго хана, такъ называемый гетманъ малороссійскихъ козаковъ Филиппъ Орликъ все еще старался склонить ихъ къ Крыму и отвратить отъ Россіи. Филиппъ Орликъ давно ждалъ благопріятнаго случая, чтобы выйти на историческую сцену, взять въ руки національно-малороссійское знамя и избавить свою родину отъ ненавистнаго ему московскаго ига. Случай такой представился ему послѣ смерти польскаго короля Августа II, когда вся Польша, а вмѣстѣ съ ней и вся почти Европа раздѣлились на два враждебныхъ лагеря. Такъ какъ родная дочь одного изъ претендентовъ на польскую корону, Станислава Лещинскаго, Марія, была за французскимъ королемъ Людовикомъ XV, то за Лещинскаго вступилась Франція, а къ Франціи пристали короли—испанскій, дядя французскаго; сардинскій, братъ французскаго, и король шведскій. Тогда сторону другого претендента, Фридриха-Августа, курфирста саксонскаго, взяли цесарь германскій и императоръ всероссійскій. Но французскій король, распо-

лагая огромной, въ 350.000 человѣкъ, арміей, внесъ войну въ Италію, взялъ тамъ у германскаго цесаря королевство ломбардское и княжество миланское и мантуанское, затѣмъ лишилъ владѣній цесарева зятя, князя лотарингскаго, послѣ чего перебросилъ свою армію черезъ рѣку Рейнъ и двинулъ ее къ Вѣнѣ, столицѣ германскаго цесаря. Въ это время оттоманская Порта поставила на готовую ногу всѣ свои силы и также заняла противъ цесаря угрожающее положеніе, а крымскій ханъ двинулъ свои многочисленныя орды къ предѣламъ Польши.

Въ такихъ трудныхъ обстоятельствахъ ни цесарь германскій, ни его союзникъ императоръ россійскій, не могли нигдѣ найти себѣ сочувствія и помощи: Англія, Голландія, Данія, Пруссія, Баварія и другія княжества, видя, какъ германскій цесарь и русскій императоръ «беззаконно и богопротивно» насилуютъ вольности и права Рѣчи-Посполитой, въ чужомъ государствѣ самовольно распоряжаются и выживаютъ законнаго короля Станислава Лещинскаго, отказались подать тому и другому какую-бы то ни было помощь. Такъ цесарь и императоръ сами себѣ создали затруднительное и весьма опасное положеніе, и этимъ положеніемъ должны воспользоваться, какъ счастливѣйшимъ случаемъ, всѣ тѣ, кому дорога «матка отчизна» Украина. Такимъ былъ именно Филиппъ Орликъ. Онъ оставилъ македонскій городъ Салоники, переѣхалъ въ мѣстечко Каушаны [1]) и оттуда обратился, апрѣля 23 числа, 1734 года, съ обширнымъ листомъ къ запорожскому товариству. Въ томъ листѣ онъ изобразилъ сперва все политическое положеніе дѣлъ въ Европѣ; потомъ корилъ запорожцевъ за сношенія съ Россіей и представлялъ всяческіе доводы къ тому, что именно теперь настало самое счастливое время для освобожденія отчизны отъ московскаго тиранскаго ига и называлъ это дѣло такимъ священнымъ и высокимъ подвигомъ, ради котораго можно не пожалѣть и собственной жизни.

«И въ такое удобное, счастливое, благопріятное и для войны способное время, вы, добрые молодцы, войско запорожское, допустили себя увлечься хитрыми и льстивыми обѣщаніями мо-

---

[1]) Каушаны—мѣстечко бендерскаго уѣзда въ Бессарабіи, лѣтняя резиденція крымскихъ хановъ и центральная ставка ногайскихъ сераскеровъ буджацкой орды.

сковскими, которыя они рѣдко когда исполняютъ, а тѣмъ болѣе не исполнятъ въ отношеніи васъ, добрыхъ молодцовъ, войска запорожскаго, и всего нашего народа, потому что съ давнихъ временъ они заклятые враги наши. Я-бы не удивился, если-бы вы, ваша мосць, добрые молодцы, войско запорожское, не испытавши на самихъ себѣ московскаго коварства, перешли на сторону Москвы, но мнѣ удивительно то, милая братія моя, что вы, уже имѣя, кромѣ прежнихъ доводовъ, живые и свѣжіе примѣры ложнаго обѣщанія московскаго и какъ на себѣ, такъ и на отчизнѣ своей, легко, опрометчиво и необдуманно ему вѣрите. Развѣ улетучилось изъ вашей памяти то, какъ Москва, во время добыванія Сичи, приманивъ лестными обѣщаніями царской ласки войсковую старшину и товариство до присяги, рубила имъ въ таборѣ головы? Какъ она еще раньше, до взятія Кызыкерменя, желая стѣснить и искоренить войско запорожское низовое, Самарскіе городки заселяла и Каменный-Затонъ, подъ предлогомъ складыванія тамъ военныхъ запасовъ и провіантовъ, офундовала, обнадеживая царскими грамотами, что по окончаніи войны съ турками и татарами, тѣ Самарскіе городки и Каменнозатонскій фортецъ будутъ снесены до основанія. Но исполнено-ли то, что обѣщано? Какъ во время шведской войны, затянувши на свою службу немало низоваго товариства и обнадеживши его своею платою, въ Петербургъ ихъ запровадила, а потомъ въ каторги поразослала, гдѣ козаки и погибли. Не сомнѣваюсь, что Москва, видя отовсюду войну тяжелую и опасную, потворствуетъ, льститъ вамъ, золотыя горы обѣщаетъ, жалованьемъ денежнымъ утѣшаетъ и всякія вольности обѣщаетъ, но что станется съ вами по окончаніи и до какого несчастья и пагубы вы тогда дойдете? Сами потомъ узнаете и будете жалѣть, что опрометчиво и неблагоразумно, не осматриваясь на заднія колеса, учинили, такъ именно, какъ теперь цѣлый народъ украинскій, братія ваша, сродники и единоземцы ваши, не послушавъ усердныхъ и правдивыхъ распоряженій со стороны покойнаго славной памяти гетмана Мазепы, сами на себя дѣлаютъ жалостныя и слезныя наркапія, повѣривши непріязненнымъ и обманчивымъ московскимъ обѣщаніямъ; эти обѣщанія подписаны были въ грамотахъ властною царскою рукою, объявлены по всѣмъ городамъ Украйны, оглашены чтеніемъ по всѣмъ церквамъ повсюду и во свидѣтельство исполненія ихъ самого Бога призывали и все войско запорожское городовое

и низовое и цѣлый народъ увѣряли, что права и вольности войсковыя никогда, ни въ чемъ на вѣчныя времена не будутъ со стороны Москвы ни нарушены, ни поломаны; напротивъ того, всѣ люди войсковые и посполитые будутъ жить всегда при такихъ вольностяхъ, при какихъ они жили въ дни славной памяти покойнаго гетмана Богдана Хмельницкаго. А какъ сдержала Москва свои клятвенныя обѣщанія, — это хорошо извѣстно не только вамъ, добрымъ молодцамъ, но и всему свѣту. Правда, сначала Москва поблажала всему украинскому народу, осыпала деньгами всю старшину и все значное войсковое и городовое товарищество, одаряла ихъ соболями, раздавала имѣнія, но все это дѣлала до тѣхъ поръ, пока не одержала побѣды надъ шведами подъ Полтавою, послѣ чего сейчасъ-же и прежде всего вдвинула на Украйну войска свои и расположила ихъ всюду на квартирахъ по городамъ и по селамъ, не сдѣлавъ свободными отъ московскаго постоя ни домовъ генеральной старшины, ни полковничьихъ, ни поповскихъ, ни простыхъ козацкихъ. Потомъ, какъ только Москва покончила войну со шведами и установила съ ними миръ, то тотъ-же часъ всѣ клятвенныя и подтвержденныя царскими грамотами обѣщанія отмѣнила, всѣ вольности поломала, судъ и свои законы мучительскіе на Украйну ввела и установила, а наши войсковые уничтожила, гетманскій чинъ искоренила, какой-то коллегіумъ, изъ 12 особъ своего (великороссійскаго) народа, лучше сказать изъ 12 жестокихъ мучителей составленный въ Глуховѣ утвердила; эти люди у нашихъ имущества отнимали, одному съ другимъ разговаривать не позволяли, тирански мучили, кнутовали, на пытку тянули, ребра ломали, точно свиней повязавши на жару пекли, смолою кипячею поливали, вѣшали, головы рубили, четвертовали и иныя многія мучительства, въ свѣтѣ неслыханныя, надъ народомъ нашимъ дѣлали! И когда генеральныя особы, полковники, старшина, со всѣмъ городовымъ запорожскимъ войскомъ и со всѣмъ народомъ, покорно и слезно, черезъ своихъ пословъ, стали просить царское величество о дарованіи правъ и вольностей и напоминать о додержаніи царскаго слова и подтвержденныхъ грамотами обѣщаній, тогда всѣхъ забравши и въ Петербургъ подъ карауломъ отправивши, однихъ замучили, другихъ въ ссылку позасылали, третьихъ въ тяжкую тюрьму посадили, въ какой много лѣтъ страдалъ и самъ кривоприсяжца и отступникъ нашъ покой-

ный миргородскій полковникъ Данило Апостолъ [1]), хорошо Москвѣ прислужившійся, сломавшій свою присягу и перешедшій отъ насъ въ противную сторону; за него вы, добрые молодцы, оставивъ меня, вашего гетмана, не столько вольными голосами выбраннаго, сколько къ принятію того уряда принужденнаго, должны въ вашей церкви много лѣтъ Бога молить за ту его къ вамъ услугу, что онъ рекомендовалъ Москвѣ Галагана [2]) для зруйнованія запорожской Сичи. Наконецъ, Москва, желая не только обезсилить войско запорожское, но и совсѣмъ истребить его, нашла на то средство, рытье, тамъ, гдѣ-то, въ далекой сторонѣ, какого-то канала и постройку въ Персіи фортецъ; отправивъ на нѣсколько мѣсяцевъ по указамъ десятки тысячъ козаковъ, однихъ изъ нихъ тяжкими и непривычными работами поизвели, другихъ голодомъ поморили, а третьихъ мукой, гнилой, протухлой, съ ящерицами и съ известью подмѣшанной, поотравили. Сообразите, добрые молодцы, войско запорожское, до какихъ идете вы, или уже отошли пріятелей! Пишу все то, о чемъ и раньше многократно и обширно писалъ вамъ, для предостереженія, добрымъ молодцамъ, и если найдете въ чемъ неправду, обличите меня. Но только надѣюсь, что никто, даже изъ моихъ враговъ, не найдетъ въ томъ лжи, потому что все, что я совѣтую вамъ и въ чемъ предостерегаю, все это извѣстно цѣлому міру и многіе изъ васъ, бѣжавшіе отъ московскаго мучительства и бывшіе самовидцами всего того, могутъ подтвердить правоту моихъ словъ. Спрашиваю я васъ, добрыхъ молодцовъ, войско запорожское: что вы, послѣ вашей присяги, принесенной на непорочномъ евангеліи, принесли отчизнѣ, отцамъ, вашей братіи, сродникамъ и всему народу украинскому, отдаваясь подъ власть и панованіе московское? Поправились-ли отъ того права и вольности, Москвою нарушенныя и отнятыя? Или вы договорились и на томъ крѣпко утвердились, чтобы Москва не уничтожала на будущее время гетманскаго уряда, городовъ въ свою власть не отбирала и войсками своими не осаживала? Или вы договорились о томъ, чтобы Москва

---

[1]) Находясь заграницей, Орликъ не зналъ подлинно многихъ событій на Украйнѣ и составилъ себѣ почему-то представленіе о томъ, будто-бы Апостолъ взятъ былъ въ тюрьму и тамъ умеръ, — чего, однако, съ нимъ не было.

[2]) Разумѣется полковникъ Игнатъ Галаганъ, разоритель Чортомлыцкой Сичи.

не навязывала намъ насильно въ гетманы москаля или какого-нибудь волошанина, и предоставила войску вольное на гетманскій урядъ избраніе? Или войска московскія изъ Украйны будутъ выведены и никогда на постои не будутъ ставиться въ ней? Или москали, волохи, сербы и иные чужеземцы, равно какъ и перекресты отъ урядовъ войсковыхъ будутъ отставлены, а на ихъ мѣста заслуженные козаки будутъ выбраны и поставлены? Или козаки, кромѣ привычной имъ войсковой службы, ни къ какимъ тяжкимъ и несноснымъ работамъ не будутъ принуждаемы? Или изъ Полтавы, Глухова и иныхъ, кромѣ Кіева, Чернигова и Переяслава, городовъ, москали будутъ выпровожены? Или города и села, розданные въ подданство разнымъ особамъ народа московскаго, волосскаго и сербскаго, будутъ отъ нихъ отобраны и подъ гетманскую власть отданы? Или вы, добрые молодцы, застраховали себя отъ того, чтобы Москва въ права наши не вмѣшивалась, а свои, на Украйнѣ установленныя, совсѣмъ снесла, людей нашихъ до судовъ своихъ не тягала, дѣлъ никакихъ не судила, людей нашихъ ни смертію не карала, никакими подарками, данями, подводами далекими и другими неисчислимыми тягостями не отягощала? Или, наконецъ, войско запорожское городовое и низовое попрежнему при своихъ правахъ и вольностяхъ, ни въ чемъ никогда ненарушенныхъ, будетъ оставаться и гетманскому региненту, а не власти и повелѣнію воеводъ и генераловъ московскихъ подчиняться? Знаю хорошо, что вы, добрые молодцы, войско запорожское, все то оставивши и никакой защиты и облегченія отъ тягостей и отъ московскаго тиранства ни войску, ни посполитому народу не учинивши, оставивъ всѣ свои угодья, пожитки и добычи въ Днѣпрѣ, въ Бугѣ и во всѣхъ, по обоимъ сторонамъ Днѣпра, рѣчкахъ и поляхъ, Москвѣ принадлежащихъ, передаетесь на московскую, себѣ и всему народу своему непріязненную и и враждебную, сторону. Хочу, поэтому, знать, гдѣ вы, добрые молодцы, войско запорожское, замыслили и урадили Сѣчь себѣ заложить и офундовать? Конечно по той сторонѣ Днѣпра. Но турки и татары того вамъ не позволятъ, потому что тотъ край, гдѣ были наилучшія ваши угодья и пожитки, какъ-то: по Самарѣ и другихъ мѣстахъ, отданы Москвой и подтверждены мирными договорами на вѣчныя времена турко-татарамъ и ограничены по Орель рѣку; о томъ вы сами, добрые молодцы, знаете, потому къ турецкимъ коммиссарамъ выслано было, для разграниченія, и войско-

вое товариство. По этой-же, лѣвой, сторонѣ Днѣпра Москва нигдѣ, кромѣ Кіева, Триполя и Василькова, ни пяди земли не имѣетъ, даже и самая Старая Сичь (Чортомлыцкая) не принадлежитъ ей и на вѣчныя времена не будетъ принадлежать Москвѣ, что и утверждено мирнымъ договоромъ между Портою и Москвою, сперва подъ Прутомъ, потомъ въ Стамбулѣ, а наконецъ въ Адріанополѣ. А вся сегобочная пустыня, съ полями, рѣками и рѣчками, одна къ Рѣчи-Посполитой, польской Украйнѣ, отошла и давнимъ карловицкимъ договоромъ подтверждена; а другая туркамъ и татарамъ по самый Очаковъ принадлежитъ. Разсудите, добрые молодцы, войско запорожское, и обдумайте вашими разумными головами, гдѣ сядете подъ московскимъ владычествомъ, гдѣ будете имѣть добычи отъ соли, отъ рыбы, отъ звѣря, гдѣ будете пасѣки свои имѣть, гдѣ будете пасти свои стада, размножившіяся подъ обороною хана его милости? Конечно, Москва не захочетъ для васъ ни съ турками, ни съ татарами воевать за тѣ земли по обѣимъ сторонамъ Днѣпра,—напротивъ того, рада будетъ, чтобы и имени вашего запорожскаго низоваго не было, какъ это уже постановилъ было небожчикъ государь царь Петръ Алексѣевичъ, только ожидалъ окончанія войны со шведами. За невозможностью поселить васъ, добрыхъ молодцовъ, войска запорожскаго по обѣимъ сторонамъ Днѣпра, Москва приведетъ въ исполненіе давнее свое намѣреніе и враждебные замыслы: забравши васъ, войско запорожское, зашлетъ за рѣку Волгу и тѣмъ самымъ искоренитъ на вѣки и гнѣздо войсковое и имя войска запорожскаго низового. Къ кому тогда въ своемъ несчастьѣ обратитесь вы за помощью? Тогда уже ни турки, ни татары, ни поляки не захотятъ нѣ принять, ни защищать, ни оборонять васъ, видя вашъ теперешній, безчестный и срамный поступокъ. Признаюсь вамъ, добрымъ молодцамъ, милой братіи моей, что я стыжусь теперь не только передъ Портою оттоманскою, но и передъ королевскимъ величествомъ французскимъ, польскимъ и шведскимъ вслѣдствіе вашего непостоянства, такъ какъ Порта оттоманская и всѣ тѣ монархи, будучи убѣжденные и увѣдомленные отъ меня многими письмами (въ Солоникахъ я не сидѣлъ даромъ сложивши руки въ теченіи 12 лѣтъ) о мужествѣ, отвагѣ и постоянной, непоколебимой и присяжной къ освобожденію отчизны готовности и намѣреніяхъ вашихъ, обѣщали намъ, при помощи божіей и готовности наияснѣйшаго хана, вполнѣ доброжелательнаго и рас-

положеннаго къ намъ, помогать намъ и войною и мирными договорами. Не забывайте, добрые молодцы, о данной вамъ, вмѣстѣ со мной на непорочномъ евангеліи, присягѣ защищать отчизну отъ тяжелаго и несноснаго ига московскаго. Сжальтесь надъ отцами, братіей, родственниками и всѣми единоземцами вашими, отягощенными мучительствомъ, грабежомъ и невыносимымъ тиранскаго московскаго господства ярмомъ, а что больше всего, неимѣющими воли ни въ имуществѣ, ни въ жизни, ни въ здоровьѣ, ни въ женахъ, ни въ дочеряхъ своихъ отъ войскъ московскихъ, всюду, по городахъ и селахъ, на квартирахъ разставленныхъ. Будутъ они на васъ, добрыхъ молодцовъ, плакаться и о мести къ Богу взывать, если вы ихъ ввергните еще въ большую и тяжкую неволю черезъ свой переходъ къ Москвѣ. Они на насъ, послѣ Бога, имѣютъ постоянную надежду, какъ о томъ мнѣ часто передавали монахи кіевскихъ и другихъ украинскихъ монастырей и разные купцы, компаніями ходящіе черезъ Салоники до святой Аѳонской горы. По всему этому не оставьте, добрые молодцы, безпомощной отчизны своей! Не сомнѣваюсь, что Москва если еще не успѣла подтянуть, то навѣрно будетъ стараться подтянуть васъ къ присягѣ на вѣрность себѣ, но сомнѣваюсь о томъ, чтобы таже Москва захотѣла присягнуть съ своей стороны на сохраненіе всего того, чѣмъ васъ, добрыхъ молодцовъ, обнадеживаетъ, чего она никогда не сдѣлаетъ, а если и сдѣлаетъ, то для большаго обмана, чтобы тою ложною присягою скорѣе прельстить и погубить васъ. Знайте и то, добрые молодцы, что та присяга, если только вы ее совершили, неважна и передъ Богомъ негрѣшна, потому что присягнувши раньше единодушно на освобожденіе отчизны, теперь вы присягнули двоедушно, а можно-ли присягать на погибель отчизны? Да и притомъ Москва, взявъ съ васъ присягу, какъ захочетъ, такъ съ вами и съ отчизною нашею поступитъ, и тогда присяга ваша и душу вашу погубитъ, и отчизну въ пропасть введетъ, и вольностей лишитъ. Послѣ всего этого прошу васъ, добрыхъ молодцовъ, войско запорожское, во имя любви къ отчизнѣ и предъ Богомъ учиненной присяги для обороны родины до послѣдней капли крови, оставить свое намѣреніе, которые вы предприняли или еще только имѣете предпринять о переходѣ на враждебную вамъ и отчизнѣ сторону, воспользоваться выгоднымъ и счастливымъ, теперь выпадающимъ намъ временемъ, при такихъ великихъ и непобѣдимыхъ для исполненія нашихъ

священныхъ обязанностей; въ противномъ случаѣ черезъ наше непостоянство мы утратимъ этотъ моментъ для освобожденія нашей милой родины и никогда уже такого не увидимъ и до конца дней не дождемся. Поставляю, наконецъ, вамъ на видъ, что я здѣсь, оставаясь при его милости ханѣ, имѣю внимательное, усердное и неусыпное о васъ стараніе и понялъ совершенно его ханскую милость, что онъ по натурѣ—панъ ласковый до васъ, добрыхъ молодцовъ, войска запорожскаго полнымъ сердцемъ прихильный и всякаго добра вамъ и отчизнѣ нашей желательный; нужно только, чтобы вы, добрые молодцы, откликнулись до его ханской милости письмомъ черезъ своихъ посланныхъ и увѣрили-бы его, что никогда не думаете переходить на московскую сторону и удаляться отъ обороны и владычества его ханской милости, а остаетесь въ готовности къ военному походу по первому его ханской милости указу. Увѣряю васъ христіанскою совѣстію, что не будете жалѣть и не только плату, но и надлежащую награду за свои труды и подвиги получите и будете имѣть въ польской сторонѣ пожизненные и выгодные постои. Все это пишу къ вашмостямъ, добрымъ молодцамъ, войска запорожскаго, отъ ревности и отъ щирой моей къ вамъ и къ отчизнѣ любви и пріязни, съ которой къ вамъ и прибываю щиро зичливый всего добра пріятель и братъ, Филиппъ Орликъ, гетманъ войска запорожскаго» [1]).

Вмѣстѣ съ письмомъ Филиппа Орлика запорожцы получили письмо и хана Капланъ-Герая. Листъ Капланъ-Герая былъ доставленъ въ Сѣчь черезъ «гетмана и стражника» дубоссарскаго и, по войсковому обыкновенію, былъ прочитанъ въ одно время съ листомъ Орлика на всеобщей радѣ. Въ своемъ листѣ ханъ вновь приглашалъ запорожцевъ подъ свою протекцію и давалъ имъ мѣсто для основанія Коша «внизъ Днѣпра, къ Алешкамъ, къ Кардашину и къ Сырти», обѣщалъ содержать ихъ въ прежней милости и днѣпровыхъ вольностяхъ и приказывалъ слушать и за вождя считать «пана гетмана Филиппа Орлика, прибывшаго, по указу Порты оттоманской, изъ города Солуня въ личное распоряженіе ханскаго величества» [2]).

Но напрасно Филиппъ Орликъ и Капланъ-Герай взывали къ запорожцамъ. Не смотря на всѣ доводы, не смотря на все краснорѣчіе

---

[1]) Кіевская Старина, 1882, апрѣль, т. II, 108—116.

[2]) Кіевская Старина, 1882, апрѣль, II, 122—124.

Орлика, запорожцы остались вполнѣ равнодушны какъ къ нему лично, такъ и къ покровителю его, крымскому хану. Надѣясь на милость русской императрицы и на слова графа Вейсбаха, обѣщавшаго защищать запорожское войско отъ татаръ, въ случаѣ прихода ихъ къ русскимъ границамъ, запорожскіе козаки послали, мая, 8 числа, отвѣтъ Филиппу Орлику и Капланъ-Гераю и въ тѣхъ отвѣтахъ «прямо отъ ихъ послушанія отказались и въ подданствѣ императорскаго величества декларовались» [1]).

Въ письмѣ къ Орлику запорожцы выставляли всѣ неблаговидные поступки крымскихъ хановъ въ отношеніи козаковъ за все время ихъ жизни подъ крымскою протекціей; открыто объявляли Орлику о томъ, что не Москва къ козакамъ письма «прелестныя» писала, а сами козаки челобитныя посылали къ царскому величеству съ неотступными просьбами принять запорожцевъ «до прежней ласки и милости», которую они, наконецъ, теперь и получили. Они совѣтовали и самому Орлику сдѣлать то-же, что все войско сдѣлало, и доказывали, что если ханъ, соединившись съ Орликомъ, возьметъ Украйну, то все-таки получитъ ее не Орликъ, а другой кто-нибудь, который будетъ надъ ней ругаться, какъ ругались поляки, изгоняя въ ней православную вѣру и насаждая между народомъ унію. Въ заключеніе-же письма запорожцы просили Орлика оставить ихъ совершенно въ покоѣ и не писать больше никакихъ писемъ, такъ какъ они теперь уже подданные не крымскаго хана, а русской императрицы, которой будутъ служить до послѣднихъ дней своей жизни «изъ рода въ родъ и становиться за счастливое владѣніе ея и всего христіанского посполитого народа» [2]).

Въ письмѣ къ крымскому хану, Капланъ-Гераю, запорожцы писали въ томъ-же тонѣ.

Кланяясь до самой земли ханской милости и вторично воздавая хану благодарность за хлѣбъ за соль и за протекцію, какую онъ оказывалъ въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ всему войску, запорожцы открыто объявили ему о томъ, что они желаютъ жить подъ обороною россійской православной государыни и вѣчно служить всѣмъ ея будущимъ преемникамъ. Много перенесли запорожцы обидъ и отъ ногайскихъ татаръ, захватившихъ всѣ степныя

---

[1]) Архивъ мин. ин. дѣлъ; мал. дѣла, 1734 и 1735, св. 69, № 6.

[2]) Кіевская Старина, 1882, апрѣль, II, 119—121.

угодья отъ Великаго лимана вверхъ до пороговъ Днѣпра, и отъ крымскихъ татаръ, грабившихъ ни въ чемъ неповинныхъ запорожцевъ за убѣгавшихъ изъ Крыма невольниковъ, за пропажу татарскаго скота и всякаго добра [1]), и отъ ляховъ, которымъ ханъ дозволялъ вѣшать козаковъ, отправлявшихся въ Брацлавъ и въ другіе города за рыбой, и отъ ихъ милости Адиль-Герая и бывшаго хана Менгли-Герая, когда, послѣ ихъ междоусобной брани, ни въ чемъ неповинныхъ полторы тысячи запорожцевъ запровадили въ каторги, отъ азовскихъ татаръ, которые не разъ нападали возлѣ рѣки Калміуса на запорожцевъ, ходившихъ за звѣремъ. Да и теперь, если-бы запорожцы пошли за ханомъ противъ поляковъ, то могло-бы случиться то-же, что случилось во время похода съ Адиль-Гераемъ: тогда-бы запорожцевъ или въ дальнія мѣста попродавали, или ногайцы забравъ порубали, какъ изрубили они шесть человѣкъ запорожцевъ, ходившихъ къ городкамъ у рѣки Орели. Вслѣдствіе всего изложеннаго запорожское низовое войско и рѣшило склониться подъ державу православнаго монарха, чтобы не погибать «въ невѣдомыхъ нападеніяхъ» [2]).

Оба письма, письмо Филиппа Орлика и письмо хана Капланъ-Герая, и копіи съ собственныхъ на нихъ отвѣтовъ запорожцы отправили, черезъ бывшаго кошевого атамана Ивана Бѣлицкаго съ шестью товарищами, къ графу фонъ-Вейсбаху, въ Кіевъ. При этомъ, пользуясь такимъ случаемъ, кошевой атаманъ Малашевичъ и все запорожское товариство просили графа пропустить Бѣлицкаго въ Петербургъ для поданія на высочайшее имя челобитной о дозволеніи войску запорожскому, въ случаѣ протеста со стороны крымскаго хана и турецкаго султана за занятіе козаками новаго урочища, оставить войску лишь то мѣсто, гдѣ оно основало Кошъ свой, потому что «то мѣсто отъ давнихъ лѣтъ низовому войску надлежитъ и никѣмъ не разграничено»; за это козаки обѣщаются вѣрно, до конца дней своихъ, русскому престолу служить и всему великороссійскому и малороссійскому народу стражниками быть. Козаки и теперь готовы въ помощь русскому войску выставить тысячу человѣкъ товариства, къ тому времени, когда

---

[1]) Хотя запорожцы «за невинность свою приносили присягу предъ бусурманскими судами, но не имѣли ни въ чемъ вѣры и тѣми присягами только души попроклинали».

[2]) Кіевская старина, 1882, апрѣль, II, 122—124.

укажетъ самъ графъ, хотя всего войска, пока стоитъ лѣто, они собрать не могутъ, потому что, пользуясь лѣтнимъ временемъ, козаки разбрелись — кто къ низовью Днѣпра, кто на рѣчки полевыя—для рыбной ловли.

Графъ Вейсбахъ, получивъ такое письмо, похвалилъ запорожцевъ «за умный къ измѣннику и къ хану на письма ихъ отвѣтъ», просилъ и впредь подобныя письма доставлять ему, а посланныхъ отъ гетмана и отъ хана у себя задерживать, за что обѣщалъ дѣлать объ нихъ всеподданнѣйшія донесенія и доставлять всему войску разныя милости. Относительно-же посольства Ивана Бѣлицкаго съ товарищами въ Петербургъ, графъ писалъ кошевому, что онъ сперва хотѣлъ дождаться возвращенія изъ столицы бывшаго судьи Решетила да атамана Прокофія Ѳедорова, посланныхъ въ столицу съ тою-же цѣлію отъ войска; потомъ, однако, видя неотступную просьбу Бѣлицкаго, отправилъ его съ тремя куренными атаманами въ столицу, а трехъ его товарищей вернулъ до Коша. Черезъ возвращаемыхъ товарищей графъ Вейсбахъ объявлялъ всему войску, что козаки могутъ на занятыхъ ими мѣстахъ жить безпрепятственно; въ случаѣ-же попытокъ къ нападенію на нихъ татаръ, просилъ немедленно дать знать ему о томъ, чтобы послать къ запорожцамъ отрядъ русскаго войска, стоящаго на правой сторонѣ Днѣпра; а пока отъ татаръ не будетъ никакихъ на козаковъ нападеній, жить спокойно и никакихъ не причинять обидъ имъ. А на запросъ кошевого Ивана Малашевича, къ какому времени онъ долженъ приготовить, въ помощь русскимъ, тысячу человѣкъ коннаго войска, графъ Вейсбахъ отвѣчалъ, что онъ и самъ того не знаетъ, когда окажется надобность въ запорожской помощи, но во всякомъ случаѣ просилъ кошевого заготовить, на случай войны, побольше лошадей и ружей и выступать въ походъ изъ Коша по первому къ войску письму, а пока «свободно на своихъ дачахъ дѣла исправлять» [1].

Покончивъ разъ навсегда съ Крымомъ, кошевой атаманъ Иванъ Малашевичъ и все запорожское низовое товариство составили, мая 29 числа, подлинную записку на «потомную память» о томъ, сколько лѣтъ войско запорожское низовое подъ протекціей крымскою мѣшкало и въ какихъ мѣстахъ Кошемъ или

[1] Кіевская Старина, 1882, IV, 129—132.

Сѣчью сидѣніе имѣло [1]). Изъ этой записки видно, что послѣ разоренія Чортомлыцкой Сичи запорожцы сперва поселились въ Алешкахъ, у Кардашинскаго лимана, и прожили тамъ 19 лѣтъ; потомъ изъ Алешекъ поднялись вверхъ по Днѣпру и сѣли на мѣстѣ старой Чортомлыцкой Сичи. Проживъ въ Чортомлыцкой Сичѣ два года, спустились къ устью рѣчки Каменки и прожили тамъ четыре года. Отъ Каменки поднялись къ урочищу Базавлуку и марта 31 числа, 1734 года, осѣлись на рѣкѣ Подпильной, проживъ всего подъ крымскою протекціей 25 лѣтъ.

«Перве когда покоино Иоанъ Мазепа гетманъ пресвѣтлѣишему православному монарсѣ московскому сіеесть покоиному Петру Алексѣевичу, первому імператору, змѣнилъ, адокороля швецкого присталъ ивойско-жъ запорожское низовое указами ипрелѣсными своими писмами дотоеи-жъ змѣни своей привабилъ, то, по разоренію воискомъ московскимъ за тую змѣну старой Сѣчи, якая была при Чортомъ лику (т. е. при Чортомлыку) на над-Скарбнымъ (т. е. надъ Скарбнымъ), воиско запорожское низовое оттудова внизъ Днепра вробу 1709-м мая 12 числа избигши (т. е. избѣгши) исовокупившися своимъ-же воискомъ, якая часть была при помянутомъ Мазепе кшве ду, когда онъ, король швецкій значне подПолтавою тогожъ року 1709 Іюня 27 числа отъ воискажъ московского побѣжденъ зосталъ, тамо на низу Днепра подкрымскою державу задевлетъ дерей (т. е. за Девлетъ-Гирея) хана удавшися, Сѣчъ были себѣ при Олешкахъ и Кардашину над-Конскою завели, гдѣ лѣтъ девятнадцать мешкалы и пакы збунтовавшыся и кошевого себѣ Ивана Гусака изобравши и расколъ между собою учинивши на тое-жъ вышпомянутое старое мѣстце и къ Чортомъ лику вгору Днепра сошедлы и Сѣчью два года сыдѣлы. А потомъ заделлыдерей (т. е. за Девлетъ-Гирея) хана указомъ внизъ Днепра спустившыся вышше Казыкермена надъ Каменькою въ третомъ мѣстцу и сѣли булы кошемъ и четыре года мешкали, що чынить подкрыломъ въ тыхъ трехъ мѣстцахъ всѣхъ лѣтъ чысломъ двадесять и пять зоставалы изаблагоразсуднымъ поводомъ и урядомъ на тотъ

---

[1] Хранится въ Московскомъ отдѣленіи архива главнаго штаба; дѣла кн. Потемкина-Таврическаго, 1734 года, опись 194, связка 181, № 5. Транскрипція документа передается буква въ букву; авторъ позволилъ себѣ только разставить знаки препинанія и поставить начальныя большія буквы въ собственныхъ именахъ.

часъ Его Милосты пана Ивана Малашевича Атамана кошевого куреннаго Пашковскаго gды [1]) Капланъ Дерей ханъ крымскій згетманомъ Орликомъ Станеславу Лещынскому изордами (т. е. съ ордами) своими пшолъ на помощь подъ Хотинъ и Камянецъ подолскій проты Саса [2]) короля полского и противъ воиска московского хотячи его королемъ полскимъ постановить и воиско запорожское низовое тудажъ ханъ крымскій затягалъ вопомощъ, то втой часъ неизволившы рукъ навоиско християнское поднимать и жалеючи кревныхъ своихъ и всего народу християнского малороссійского жеби орда выбравши вневолю незапровадила зстоеи помянутой Камянской Сечи а протекціи крымской вроку вышь описанномъ 1734-м марта 28 числа рушывшысь суд.... воднымъ и трактомъ степовымъ и прибувшы тогожъ марта 31-д вгору Днепра івышьше Базавлука пад-Подполною местце изобравши Кошемъ по прежнему подвладеніемъ своегожъ православного монархи московского спесть задержавы Имъператрицы Анны Иоанновны водворылися именуючися ей и поней державцемъ всероссійскимъ во вечніе часы служить, чего рады внезабвенную потомность закошевства тогожъ вышнареченного пана Ивана Малашевича велено выше именованнагожъ року и дня запысать и лутшаго веroятія кто сего потребоват иметь воисковою кошевою печатью при Коше Подполной утвердить» [3]).

---

[1]) Это слово въ подлинникѣ написано такъ: первая латинская буква «g», а двѣ русскія русскія—«ды».

[2]) То-есть саксонца; разумѣется король Августъ II (1733—1763), родомъ саксонскій курфюрстъ.

[3]) Съ показаніемъ приведеннаго документа не согласуется разсказъ Б. Каменскаго, который передаетъ (Исторія, 1822, IV, 38, 41, 1842, III, 124, 126), что, послѣ разоренія Чортомлыцкой Сичи, запорожцы сперва поселились въ 1709 году при устьѣ р. Каменки, впадающей въ Днѣпръ; но оттуда, во время похода русскихъ противъ турокъ, изгнаны были въ 1711 году Скоропадскимъ и Бутурлинымъ, охранявшими границы у Каменнаго-Затона отъ нападенія непріятеля, и поселились въ Алешкахъ, гдѣ пробыли до 1733 года. При этомъ историкъ дѣлаетъ ссылку на малороссійскія дѣла московскаго архива мин. иностр. дѣлъ за 1709 годъ, № 34 и 1711, № 4. Свѣряя эти ссылки съ имѣющимися въ настоящее время въ Архивѣ дѣлами подъ показанными годами и нумерами, мы находимъ совершенно несоотвѣтствующіе обстоятельствамъ документы, а потому считаемъ болѣе основательнымъ держаться показанія кошевого Малашевича и вѣрить въ то, что послѣ разоренія въ 1709 году Сичи запорожцы съ Чортомлыка перешли прямо въ

За годъ передъ тѣмъ, какъ запорожцы, руководимые кошевымъ атаманомъ Иваномъ Малашевичемъ, покинули Каменку и перешли на Чортомлыкъ, скончался главный двигатель событій въ Запорожьѣ съ 1707 по 1728 годъ, Константинъ Гордіенко. О послѣднихъ дняхъ жизни Гордіенка неизвѣстно ничего. Одно лишь можно съ полною увѣренностью сказать, что онъ остался вѣрнымъ себѣ до конца своихъ дней. Ненавидя Москву, Гордіенко всячески старался о томъ, чтобы удержать запорожцевъ въ предѣлахъ Крыма, но въ концѣ концовъ не успѣлъ въ томъ и даже понесъ жестокое оскорбленіе отъ товариства. Какъ провелъ Гордіенко послѣдніе годы своей жизни, съ 1728 по 1733, на то указаній нѣтъ никакихъ. На каменномъ высокомъ крестѣ, стоящемъ на правомъ возвышенномъ берегу Днѣпра надъ большой земляной могилой, и сохранившемся, не смотря на время и разрушительныя стихіи, до настоящихъ дней возлѣ окопа бывшей Каменской Сичи [1]), значится слѣдующее: «Во имя отца и сына и святаго духа зде опочиваетъ рабъ божій Константин Гордѣевич атаманъ кошовый: славнаго войска запорозкого низового а куреня платнѣровского: преставися року 1733 мая 4 числа». На западной сторонѣ креста выбиты—полукругъ луны, изображеніе креста и подобіе цвѣтка, на восточной высѣчены распятіе и арматура запорожскаго войска [2]). Изъ того обстоятельства, что на крестѣ кошевой именуется Гордѣевичемъ, а не Гордіенкомъ, можно заключить, что фамилія Гордіенка вовсе не была его фамиліей, а скорѣе произвище по отцу, какъ это часто водилось у запорожцевъ, да и теперь водится у малороссіянъ [3]); настоящая-же его фамилія могла быть иная, можетъ быть Головко, можетъ быть Гординскій или Городецкій, какъ о томъ свидѣтельствуетъ исто-

---

Алешки. Фактовъ, о которыхъ говоритъ Б. Каменскій, не отмѣчаетъ въ своей Исторіи Россіи и Соловьевъ: т. XV, 1865, глава V, т. XVI, 1866, главы I и III. Костомаровъ передаетъ тоже, что и Б. Каменскій, но не ссылается ни на какой источникъ: Мазепа, 1885, 623.

[1]) Мѣсто Каменской Сичи находится въ имѣніи землевладѣльца херсонсонскаго уѣзда Михаила Ѳедоровича Огаркова, Консуловкѣ или Разоровкѣ, ниже большого села Мѣловаго, какъ разъ при впаденіи рѣчки Каменки въ рѣку Днѣпръ, между лѣвымъ берегомъ Каменки и правымъ берегомъ Днѣпра.

[2]) Эварницкій, Запорожье, С.-Петербургъ, 1888, II, 117.

[3]) Какъ напримѣръ, отецъ называется Карпо, сынъ — Карпенко, отецъ Нечипоръ—сынъ Нечипоренко, отецъ Сидоръ—сынъ Сидоренко.

рикъ Запорожья половины XVIII вѣка. Тотъ-же историкъ говоритъ, что у Константина Гордіенка былъ сынъ Василій Головко, который жилъ, послѣ смерти отца, въ томъ-же платнѣровскомъ куренѣ [1]). Изъ того-же обстоятельства, что Гордіенко, послѣ смерти, почтенъ былъ возведеніемъ большой могилы и сооруженіемъ монументальнаго каменнаго креста, слѣдуетъ заключить, что онъ не совсѣмъ былъ забытъ товариствомъ и что у него были искренніе, преданные ему, друзья. Связь Гордіенка съ Мазепой въ послѣднее время передъ полтавскимъ событіемъ, да и послѣ того, сдѣлала имя этого кошевого непопулярнымъ среди малороссійской черни вообще и запорожской въ частности. Но Гордіенко не любилъ Мазепу и если протянулъ ему руку помощи передъ полтавской битвой, то сдѣлалъ это не ради самого Мазепы, а ради той идеи, которую самъ лелѣялъ въ своей душѣ. Константинъ Гордіенко представляетъ собой самаго выдающагося изъ кошевыхъ атамановъ конца XVII и начала XVIII вѣка, взявшаго на себя смѣлую задачу, во что-бы то ни стало, сохранить вольности козацкія отъ притязанія московскаго правительства, но, увы, не достигшаго своихъ цѣлей и сошедшаго съ болью въ сердцѣ и съ великою горечью на душѣ въ мрачную могилу. Жизнь этого человѣка, полная трагизма и разочарованія, глубоко поучительна. Такой человѣкъ, какъ Константинъ Гордіенко, казалось, нарочно выдвинутъ былъ на историческую сцену для того, чтобы на его примѣрѣ ярче и нагляднѣе показать, насколько тщетна борьба отдѣльныхъ, хотя и сильныхъ волей, лицъ съ духомъ исторіи, съ ея мощнымъ и непреложнымъ теченіемъ. Гордіенко обладалъ несомнѣнными дарованіями полководца, далеко превосходя въ этомъ случаѣ своего современника, гетмана Мазепу. Принимая близко къ сердцу интересы своей родины и стараясь проникнуть въ далекое будущее, Гордіенко открыто возставалъ противъ стремленія московскаго правительства, желавшаго, черезъ построеніе крѣпостей въ самомъ Запорожьи, наложить руку на исконныя права и вольности козацкія, и былъ горячимъ поборникомъ внутренней автономіи и независимости Запорожья отъ Москвы. Но, не зная мѣры ни въ чемъ, какъ человѣкъ слишкомъ увлекающійся и страстный, Гордіенко въ послѣднемъ случаѣ доходилъ до крайности и всею

[1]) Мышецкій, Исторія о козакахъ запорожскихъ, Одесса, 1852, II, 34, прим. 42.

своею дѣятельностью ясно показалъ, что ему чуждо было историческое сознаніе о единеніи всей Великой, Малой и Бѣлой Россіи въ лонѣ православія и подъ единою державною властью. Поэтому, этотъ кошевой, достойный лучшей участи, умеръ проклятый Москвой и горько униженный собственнымъ товариствомъ. Впрочемъ, нельзя не отдать дань этому могучему волей человѣку за то, что онъ и самъ съ собой не лукавилъ и въ отношеніи другихъ не кривилъ душой, а стоялъ всегда открыто за свои убѣжденія, каковы-бы они ни были въ глазахъ его современниковъ и отдаленныхъ потомковъ.

Какъ-бы то ни было, но запорожцы не вняли совѣтамъ Гордіенка и, схоронивъ своего печальной памяти кошевого атамана, навсегда покинули владѣнія Крыма. Перейдя подъ власть Россіи, они ждали только открытаго признанія ихъ со стороны русской императрицы сынами русскаго отечества. Они съ большимъ напряженіемъ ожидали возвращенія своихъ депутатовъ изъ Петербурга и всѣ надежды свои въ этомъ случаѣ возлагали на своего ближайшаго защитника и ходатая, графа фонъ-Вейсбаха.

Іюня 5 дня графъ Вейсбахъ извѣстилъ «благороднаго и высокопочтеннаго» кошевого атамана Ивана Малашевича о томъ, что бывшій запорожскій судья Решетило да атаманъ Прокофій Ѳедоровъ уже возвращаются изъ Петербурга на Кошъ. Въ Петербургѣ они были допущены предъ очи ея императорскаго величества и «изустно отъ ея величества обнадежены о оставленіи всему низовому запорожскому войску вины и о содержаніи всемилостивѣйшей ея императорскаго величества протекціи»; находясь-же въ Петербургѣ, пребывали во всякомъ довольствѣ и получали высочайшія милости: на содержаніе по пріѣздѣ, съ 15 числа, 110 рублей на всѣхъ да при отпускѣ назадъ каждому по 100 рублей да платье въ 77 рублей, кромѣ того особо отъ самого графа Вейсбаха въ городѣ Кіевѣ на дорогу на всѣхъ 150 рублей [1]).

Располагаясь Кошемъ въ урочищѣ Базавлукѣ, на рѣкѣ Подпильной, запорожцы считали это мѣсто по праву принадлежавшимъ Россіи. Иначе смотрѣли на это турки: они попрежнему заявляли, что урочище Базавлукъ составляло, по установленному мирному трактату, собственность Порты. Въ виду этого, для рѣшенія спорнаго дѣла, назначенъ былъ турецкій полномочный

[1]) Кіевская Старина, 1882, IV, 129—132.

Эдикли-ага, о чемъ турецкое правительство оффиціально извѣстило русскаго резидента въ Константинополѣ, а русскій резидентъ послалъ вѣсть о томъ графу фонъ-Вейсбаху. Графъ Вейсбахъ находился въ то время въ Бѣлой-Церкви, куда къ нему направился черезъ Кіевъ отъ Нумана, бендерскаго паши, гонецъ Шатырь-Али-ага съ запросомъ, достаточно-ли будетъ отправить, для рѣшенія спора, одного турецкаго коммиссара Эдикли, или-же съ нимъ вмѣстѣ должны пріѣхать и другіе.

Получивъ такое извѣстіе, графъ Вейсбахъ потребовалъ къ себѣ кошевого атамана Ивана Малашевича съ «немногими вѣрными атаманами». Призывая къ себѣ запорожцевъ, графъ не хотѣлъ, однако, чтобы они встрѣтились съ бендерскимъ посланцемъ. Поэтому въ то время, когда запорожскіе депутаты, выѣхавъ изъ Сичи, стали приближаться къ Бѣлой-Церкви, графъ Вейсбахъ поторопился отправить прямымъ трактомъ изъ Кіева до Бендеръ присланнаго отъ бендерскаго паши довѣреннаго коммиссара Шатырь-Али-агу съ поручикомъ Наковальнинымъ. Шатырь-Али-агѣ было объявлено, что графъ имѣетъ необходимость выѣхать изъ Бѣлой-Церкви для смотра украинскихъ полковъ и потому торопится отпустить его во-свояси «не захватывая Бѣлой-Церкви съ надлежащимъ довольствіемъ». Отпуская Шатырь-Али-агу въ Бендеры, графъ Вейсбахъ послалъ ему письмо для врученія бендерскому пашѣ Нуману. Въ письмѣ къ Нуману графъ писалъ, что съ русской стороны никакихъ на урочищѣ Базавлукѣ строеній не дѣлается, что для подробнаго осмотра того урочища достаточно будетъ одного коммиссара отъ Порты, Эдикли-аги, что Россія имѣетъ твердое намѣреніе содержать съ блистательной Портой вѣчный миръ и что запорожцамъ внушено никакихъ противностей и ни въ чемъ не чинить блистательной Портѣ [1]).

Между тѣмъ, сентября 2 дня, въ Бѣлую-Церковь явился къ графу Вейсбаху кошевой атаманъ Иванъ Малашевичъ. При немъ были, кромѣ вѣрныхъ атамановъ, войсковой писарь, войсковой асаулъ, старики или старшина и простые козаки, всѣхъ счетомъ 153 человѣка. Графъ принялъ всѣхъ запорожцевъ съ особенною «пріятностію» и объяснилъ имъ, что занятыя ими мѣста турки считаютъ принадлежащими не Россіи, а Портѣ, а потому, для избѣжанія

---

[1]) Архивъ мин. ин. дѣлъ; мал. дѣла, 1734 и 1735, св. 69, № 6.

большихъ непріятностей и для сохраненія мирнаго русско-турецкаго трактата, совѣтовалъ оставить занятыя войскомъ урочища и перейти въ границы императорскаго величества. Выслушавъ такую просьбу, кошевой атаманъ и все бывшее съ нимъ товариство посовѣтовались между собой наединѣ и потомъ въ одинъ голосъ заявили, что если въ самомъ дѣлѣ турки сочтутъ ихъ поселеніе въ урочищѣ Базавлукѣ нарушеніемъ мирнаго русско-турецкаго трактата, то войско можетъ перейти и на другое мѣсто. Въ увѣреніе этого кошевой и все бывшее при немъ товариство подали графу Вейсбаху письменный отвѣтъ и тутъ-же принесли присягу на «вѣрную службу и вѣчное бытіе императорскому величеству».

Письменный отвѣтъ запорожцевъ состоялъ въ слѣдующемъ.

«Мы, ниже подписавшіеся, войска запорожского низового атаманъ кошевый съ куренными атаманами и посполитымъ товариществомъ противъ приказу его сіятельства генерала графа фонъ Вейзбаха отвѣтно симъ доносимъ. А именно: егда къ намъ, войску запорожскому низовому, присланный отъ Порты оттоманской, для осмотру земли, на чьей мы нынѣ кошемъ осѣли, и крѣпости, Едикли-ага прибудетъ, то мы его такъ ласково примемъ и стараться будемъ, чтобъ онъ могъ признать и по возвращеніи своемъ въ Царьградъ оттоманской Портѣ донести, яко та земля по насъ весма принадлежитъ ея императорскому величеству, всемилостивѣйшей нашей государынѣ во владѣніи быть, нежели-бъ Порта оттоманская могла претендовать, такъ чтобъ когда та земля была ея императорского величества, для чего по сіе время объ ней не было представленія, но противъ оного будемъ отвѣтствовать, яко мы за преступленія отцовъ нашихъ въ высокомъ гнѣвѣ ея величества содержаны были, зачѣмъ для насъ, какъ долго были подъ ихъ турецкою протекціею, и земля та не была надобна и объ ней не требовано и яко-бы имъ оная земля принадлежала, а нынѣ какъ мы въ тѣхъ преступленіяхъ отцевъ нашихъ у ея императорского величества всемилостивѣйшее прощеніе получили и въ свою природную протекцію возвратились, то и оная земля заподлинно съ нами послѣдуетъ, о чемъ самой Портѣ извѣстно, что намъ съ россійской стороны и между Портою разграниченія и объ ней упоминаемо не было. А что татара свой скотъ въ тѣхъ мѣстахъ, въ которыхъ мы нынѣ Кошемъ осѣли, содержали и то въ надеждѣ, яко мы подъ ихъ протекціею состояли и въ томъ имъ не противилися, особливо что еще довольно земли останется какъ

намъ, такъ татарамъ, для чего нынѣ мы намѣрены и ради доброго сосѣдства имъ, татарамъ, своего скота тамъ содержать не откажемъ. Мы подлинно вѣдаемъ, чтобъ турки, такожъ и самъ ханъ крымскій для нашего переходу и нынѣшняго нашего нового Коша ничего упоминати не имѣли и въ молчаніи-бъ пребыли и помянутый прибудущій Едикли-ага изъ Царяграда присланъ-бы не былъ, естьли бы не Орликъ чрезъ свое представленіе турковъ къ тому не приводилъ и хана безпрестанными своими наговорами не принуждалъ, чтобъ и онъ, ханъ, его представленія и доношенія Портѣ объявлялъ и о томъ онъ, Орликъ, неусыпное стараніе имѣетъ и съ такого резону, понеже ему не малое награжденіе и дѣтемъ его (ежели-бы насъ войско къ себѣ притягнути могъ) немалая часть земли, яко имъ собственна на вѣчные времена уступить обѣщана, изъ чего впредь несходственныя и вредительныя дѣла послѣдовать могутъ, чего ради онъ, Орликъ, день и нощь пишетъ и о томъ мыслитъ, однакожъ, какъ кажется, уже въ немилости состоится, понеже сумнѣваемся, чтобъ онъ, Орликъ, тѣ дѣла, которыя ищетъ, кончить и достать могъ. Какъ мы признаваемъ, турки сами своею арміею хану николи помоществовать, такожъ для помянутыхъ причинъ съ ея императорскимъ величествомъ войны починать не будутъ, токмо хотя войну они декляровали-бы, оная по французской инстигаціи и не изъ показанныхъ резоновъ учинится, не смотря на то, хотя мы и съ нынѣшняго нашего Коша куда на иное мѣсто пойдемъ или нѣтъ. Такожъ татарамъ и туркамъ немалая прибыль приходитъ, когда торговыя дѣла въ Крыму свободно производятся, которыя ежели мы отъ нынѣшняго нашего новаго Коша пойдемъ, весма перестанутъ, чего ради мы, войско, надѣемся, что по возвращеніи турецкого Едикли-аги въ Царьградъ сіи дѣла молчаніемъ пройдутъ и хану спокойнымъ быть повелѣно будетъ, развѣ они уже намѣрены были изъ другихъ причинъ войну начинать и на насъ войско толко тѣмъ претекстомъ показать. Мы, войско, теперешняго времени не опасаемся, чтобы татаре, какъ Орликъ стращаетъ насъ, отъ Коша силою отогнать или по его словамъ насъ турбовать будутъ, толко говорятъ, что они зимою чинить намѣрены, при которомъ случаѣ мы надолго не ради крымскихъ (которыхъ за мужиковъ причитать можно) токмо ради силныхъ нагайскихъ лутше воинскихъ татаровъ безъ ея императорского величества вспоможенія устоять не можемъ; чего ради просимъ такое опредѣленіе при арміи повелѣть учинить, дабы въ

нужномъ нашемъ случаѣ помощь получить могли, то чему надѣемся, что татары, когда о такомъ опредѣленіи увѣдаютъ, на насъ зимою нападать не будутъ, ежели-бы прибудущая зима спокойна прошла-бы, то сіи дѣла съ помощью божіею такъ пройдутъ и объ ономъ впредь упоминать болше не будутъ. Мы, войско, сами знаемъ, что наши козаки при Самарѣ не на нашей земли, токмо по силѣ тамошняго разграниченія на турецкой землѣ состоятъ, того ради какъ скоро мы до Коша своего отсюда возвратимся, нашихъ, до сего времяни при Самарѣ стоящихъ, козаковъ, сюда на сю сторону Днѣпра къ себѣ переведемъ и о томъ турецкого Едикли-агу, ежели будетъ объ оныхъ козакахъ упоминать, увѣримъ. А ежели турки при ономъ претекстѣ останутся и одну такую причину покажутъ, чтобы мы, войско, или отъ теперешней нашей Сѣчи отошли и на русскій грунтъ (показывати станутъ, будто та земля, на которой мы теперь сидѣніе имѣемъ, къ нимъ принадлежитъ) переведены были или то за разрывъ поставятъ, чрезъ что-бъ ея императорскому величеству еще того времени вновь война притти и невинно христіанская кровь проливаться могла, въ такомъ несчастливомъ дѣлѣ (ежели-бы оная ради насъ учинилась-бы) мы, храни, Боже, не желаемъ, дабы объ ономъ на насъ вина предъ Богомъ и предъ ея императорскимъ величествомъ легла, чего ради мы въ то время, когда ея величества резидентъ г. Неплюевъ изъ Царьграда о турецкихъ резолюціяхъ и учиненныхъ декларацiяхъ увѣдомитъ, по всеподданнѣйшей вѣрности и покорности отъ теперешней Сѣчи со всѣмъ своимъ Кошемъ пойдемъ и у границъ ея императорского величества, зачавше отъ рѣки Тесмина до пороговъ, какъ далеко та граница имѣется, Кошемъ осядемъ, а понеже намъ войску чрезъ то какъ рыбы, такъ звѣриныя ловли не такъ доволно будетъ, того ради просимъ, дабы при такомъ случаѣ намъ войску, какъ вѣрнѣйшимъ подданымъ ея императорского величества, такъ долго, покамѣстъ война съ турками будетъ, и мы до теперешняй Сѣчи возвратиться можемъ, какъ мнѣ кошевому, такъ прочимъ старшинамъ годовое денежное жалованье и на нашъ Кошъ годовой провіантъ, а ради отвозки, дабы наши или водовые сюда пушки и протчихъ нашихъ клейнодъ выше порогъ днѣпровыхъ доволныя подводы опредѣлены были ея императорского величества за всемилостивѣйшимъ указомъ, понеже (ежели-бы такой ея императорского величества высочайшей милости не могли получить) мы всѣ вышепоказанные наши клейноты и лутшія наши

добра оставимъ и потерять принуждены будемъ, изъ чего впредь татаромъ и туркомъ немалая прибыль, а въ службѣ императорского величества вредъ учиниться можетъ. Того ради всепокорнѣйше просимъ сей переходъ такъ долго оставить, покамѣстъ не самонужно потребуетъ и ея императорского величества министръ изъ Царяграда объ ономъ весма запотребно не увѣдомитъ, особливо, ежели возможно будетъ, въ такомъ случаѣ дабы мы, войско, не симъ временемъ или не зимою, но впредь будущую весну, то есть въ апрѣлѣ мѣсяцѣ, на показанныя мѣста переходить имѣли, чрезъ что-бъ мы своего добра утерять не могли, а въ то время въ апрѣлѣ мѣсяцѣ можемъ полою водою свои пожитки судами безъ жадной шкоды препроводить, въ которое время и означенныхъ подводъ не такъ много потребно будетъ» [1]).

Отпуская отъ себя запорожцевъ, графъ Вейсбахъ просилъ ихъ, чтобы они, въ случаѣ пріѣзда къ нимъ Эдикли-аги для осмотра земли и крѣпости на урочищѣ Базавлукѣ [2]), приняли его и отправили такъ, чтобы онъ, по прибытіи въ Царьградъ, могъ сказать, что та земля не султану, а ея императорскому величеству принадлежитъ и что о ней вовсе не было упомянуто во время установленія русско-турецкаго разграниченія. Такъ или иначе, но если запорожцы останутся на урочищѣ Базавлукѣ, графъ обѣщаетъ дать имъ пѣхотный и два конныхъ полка при генералъ-маіорѣ Гейне для отраженія татаръ. Въ случаѣ-же они уйдутъ въ границы Россіи, графъ дастъ имъ подмогу для доставки войсковыхъ клейнотовъ и судовъ на новое мѣсто поселенія ихъ, такъ какъ сами запорожцы въ «нынѣшнее (т.-е. осеннее) время» никакъ не могутъ ихъ перевезти черезъ пороги, вверхъ рѣки Днѣпра. «И по моему подлому мнѣнію, доносилъ графъ фонъ-Вейсбахъ императрицѣ Аннѣ Іоанновнѣ въ Петербургъ, запорожцовъ до того времени, пока за возвращеніемъ вышеозначеннаго Эдикли-аги, по осмотрѣ Коша ихъ, Порта не отзовется, съ нынѣшняго мѣста не переводить, ибо можетъ быть ага, по ихъ запорожскому ласковому принятію, яко та земля не къ туркамъ принадлежитъ, Порту увѣритъ, что, она, Порта, увѣдавъ можетъ быть и въ молчаніи останется» [3]).

---

[1]) Архивъ мин. ин. дѣлъ; мал. дѣла, 1734 и 1735, св. 69, № 6.

[2]) Въ письмѣ бендерскаго паши Пумана къ графу Вейсбаху: «Въ мѣстѣ имянуемомъ Бавагылыке».

[3]) Архивъ мин. ин. дѣлъ; мал. дѣла, 1734 и 1735, св. 69, № 6.

Пріѣздъ кошевого атамана въ Бѣлую-Церковь и отъѣздъ его изъ нея въ Сичу долженъ, согласно высочайшему приказанію, содержаться въ самой строгой тайнѣ. Не смотря на это, графъ Вейсбахъ, при всемъ его стараніи, не могъ соблюсти государственной тайны: вѣсть о выѣздѣ кошевого атамана распространилась не только между малороссійскимъ, но и между польскимъ народомъ. Въ Польшѣ разнеслось эхо, будто кошевой атаманъ идетъ на помощь регулярному войску русской императрицы съ 15.000 человѣкъ козаковъ для покоренія «противныхъ» (королю Августу III) поляковъ. Тогда на поляковъ напалъ такой страхъ, что нѣкоторые изъ знатныхъ польскихъ шляхтичей обратились съ просьбой къ русскому генералъ-маіору Шпигелю, который посланъ былъ съ тремя полками въ корпусъ генералъ-лейтенанта принца Гессенъ-кобургскаго, чтобы Шпигель расположилъ свои войска на стоянку въ ихъ имѣніяхъ и тѣмъ спасъ-бы отъ разоренія со стороны запорожцевъ ихъ деревни и имѣнія. Вслѣдствіе такой просьбы генералъ-маіоръ Шпигель обратился съ вопросомъ къ графу фонъ-Вейсбаху, на сколько правдоподобны распространившіеся слухи о выходѣ кошевого атамана въ Польшу. На такой запросъ графъ Вейсбахъ, не скрывая передъ Шпигелемъ тайны, отвѣчалъ, что кошевой атаманъ дѣйствительно къ нему приходилъ и что графъ нарочно, для разглашенія молвы, далъ полякамъ понять, что «ежели противные поляки къ покоренію королю Августу третіему не придутъ, то онъ, (т. е. графъ Вейсбахъ), толикое 15-ти тысящное число (козаковъ) сюда въ 6 дней пришлетъ; а егда-же къ покоренію придутъ, то запорожцовъ отправленіемъ удержитъ, ибо поляки ни отъ кого такъ, какъ отъ запорожцовъ, опасенія не имѣютъ, понеже вѣдаютъ, что они во время войны безъ остатку разореніе чинятъ» [1]).

Тѣмъ временемъ кошевой атаманъ Иванъ Малашевичъ, куренные атаманы и прочіе козаки, присягнувъ на вѣрность русской императрицѣ въ Бѣлой-Церкви и «поклонясь за все добро» графу Вейсбаху, сентября 9 числа оставили Бѣлую-Церковь и 21 числа прибыли въ Сичь. Съ 21 сентября и по 7 октября они ждали къ себѣ пріѣзда Эдикли-аги, но вмѣсто него пріѣхалъ другой коммиссаръ, который назвалъ себя Заимъ Ахметъ-агой: «Самъ собою онъ ростомъ великъ, лицомъ пригожъ, борода у него чер-

---

[1]) Архивъ мин. ин. дѣлъ; мал. дѣла, 1734 и 1735, св. 69 № 6.

ная безъ сѣдины, рѣчами плохъ». При немъ состоялъ старый ага, именемъ Асланъ, отъ крымскаго хана Капланъ-Герая; съ Ахметъ-агой и Асланъ-агой было «прочихъ турокъ» 50 человѣкъ. Запорожцы, въ силу наставленія графа Вейсбаха, встрѣтили турецкихъ коммиссаровъ какъ царскихъ пословъ и обошлись съ ними «честно», т. е. при въѣздѣ ихъ въ Сичу и при отъѣздѣ выстрѣлили изъ пяти войсковыхъ пушекъ и въ презентъ поднесли имъ 12 лисицъ. Пріѣхавъ въ Сичу, турки подали запорожцамъ два письма,—одно отъ крымскаго хана, другое отъ бендерскаго паши. Въ тѣхъ письмахъ было написано, что крымскій ханъ получилъ увѣдомленіе, будто запорожское войско, перейдя подъ протекцію ея императорскаго величества, поселилось на крымской землѣ и стало строить себѣ городъ; узнавъ объ этомъ, ханъ далъ знать Портѣ; Порта-же прислала къ запорожцамъ своего капичи Заимъ Ахметъ-агу, которому запорожцы должны дать дозволеніе осмотрѣть сѣчевой городъ, дабы онъ донесъ о томъ самому хану. При Ахметъ-агѣ и Асланъ-агѣ былъ еще очаковскій турчанинъ Салей барактаръ, который подалъ запорожцамъ особое отъ хана письмо и четыре «обманныя» письма отъ Орлика, «дабы запорожцы по совѣту и наставленію Орлика, паки къ протекціи хана крымского обратились и на прежнемъ-бы мѣстѣ въ Олешкахъ Кошемъ сѣли». Хотя запорожцы тѣхъ писемъ хана, паши и Орлика читать не хотѣли, но, по крайнему настоянію и принужденію турецкихъ и крымскихъ пословъ, распечатали и предъ всѣмъ войскомъ вычитали. По прочтеніи-же писемъ, запорожское войско, не склоняясь ни на какія прельщенія, въ томъ-же совѣтѣ своемъ честно турецкому и крымскому посламъ отвѣчало, что всѣ козаки давно уже перестали слушать «науки» Орлика и давно уже отказались переходить Кошемъ внизъ Днѣпра къ Олешкамъ, подъ протекцію крымскаго хана. Напротивъ того, они рѣшили будетъ-ли то счастливо или несчастливо чиниться, здѣсь подъ владѣніемъ православной монархини, не на чужой, а на своей древней неразграниченной землѣ, Кошемъ своимъ сидѣть и до конца жизни своей государынѣ служить. Въ такихъ-же словахъ отвѣтили запорожцы и на письма хана и паши; на письма-же Орлика, какъ ни домогался получить на нихъ отвѣта Салей барактаръ, не дали отвѣта никакого, рѣшительно объявивъ, что и впредь не будутъ ничего отвѣчать Орлику. Послѣ такого отвѣта турецкіе и крымскіе посланные перестали склонять запорожцевъ къ возвращенію въ крым-

скія владѣнія и попросили позволенія, въ силу указа оттоманской Порты, осмотрѣть вновь поселенный Кошъ запорожскій, не строится-ли у козаковъ городъ. Получивъ на это полное позволеніе и обойдя кругомъ мѣсто Сичи, коммиссары осмотрѣли всѣ поля и отводы и потомъ спросили, не строится-ли у козаковъ гдѣнибудь тайно при Базавлукѣ на островѣ городъ. Осмотрѣвъ-же и убѣдившись, что у запорожцевъ, кромѣ куреней, не строится никакого города, снова «пріятно» имъ сказали, что «хотя сія граница къ турецкой Портѣ или (какъ Орликъ въ письмахъ своихъ пишетъ на двое) къ полякамъ надлежитъ, то однакожъ, дабы войско, здѣ обрѣтаясь яко на крайнемъ мѣстѣ, фортеціи не строили, а о границѣ, чья она будетъ, два монарха, турскій и московскій, говорить будутъ и какъ между собою постановятъ, такъ и будетъ». Окончивъ такимъ образомъ, осмотръ Коша и пробывъ въ немъ два дня, турецкіе и крымскіе коммиссары отъѣхали отъ запорожцевъ водою двумя судами да степью лошадьми въ городъ Бендеры [1]).

Результатъ такого осмотра былъ вполнѣ благопріятенъ для запорожскаго войска. Въ началѣ 1735 года русскіе резиденты въ Константинополѣ Неплюевъ и Вишняковъ доносили императрицѣ Аннѣ Іоанновнѣ, что турецкій ага, ѣздившій для осмотра границъ въ запорожскій Кошъ, по возвращеніи своемъ въ Царьградъ, доносилъ, что «тѣ мѣста болѣе къ Польшѣ принадлежатъ и сверхъ того въ тѣхъ мѣстахъ никогда никакого разграниченія не было». Отвѣчая на такое донесеніе, императрица писала въ Константинополь резидентамъ, чтобы они въ вопросѣ о дѣлѣ запорожцевъ постарались «какъ по тамошнимъ обстоятельствамъ будетъ пристойно и возможно, оное (дѣло) вдаль отволочь, не подавая, однакожъ, никакой явной причины и противности и объявляя всегда, что ежели тѣ земли всеконечно Портѣ принадлежатъ, то и тѣ запорожцы оттуда переведены будутъ, пока подлинно усмотрится, куды ихъ турецкое намѣреніе клонится и что отъ нихъ (турокъ) впредь ожидать надобно» [2]).

Какъ-бы то ни было, хотя вопросъ о принадлежности урочища Базавлука все еще не былъ окончательно рѣшенъ, но запорожцы «крѣпко и ладно» засѣли въ Базавлукѣ и давно уже считали себя

---

[1]) Архивъ мин. ин. дѣлъ; мал. дѣла, 1734 и 1735, св. 69, № 6.

[2]) Архивъ мин. ин. дѣлъ; мал. дѣла, 1734 и 1735, св. 69, № 6.

подданными Россіи. Для того, чтобы на будущее время не возникло между запорожскимъ Кошемъ и русскимъ правительствомъ какихъ-либо недоразумѣній, отъ запорожцевъ потребовали прислать особыхъ депутатовъ въ городъ Лубны для подписанія условій, на основаніи которыхъ войско переходило въ подданство россійскихъ императоровъ. Отъ русскаго правительства посланъ былъ въ Лубны принцъ Гессенъ-кобургскій, и договоръ состоялся на основаніи слѣдующихъ семи условій: 1) Всѣ вины и измѣны запорожскихъ козаковъ противъ Россіи предать полному забвенію. 2) Жить запорожцамъ въ мѣстахъ, гдѣ разорено было въ 1709 году ихъ жилище. 3) Пользоваться имъ промыслами, какъ на рѣкѣ Днѣпрѣ рыбной ловлею, такъ и въ степяхъ звѣриной охотою, отъ россійскихъ кардоновъ безпрепятственно. 4) Имѣть имъ чиновниковъ по настоящему тогдашнему положенію. 5) Сохранять вѣрность къ престолу россійскому и быть стражами границъ государства россійскаго. 6) Быть имъ въ зависимости отъ главнокомандующаго генерала, въ Малой Россіи опредѣленнаго. 7) Получать имъ за службу ихъ жалованья ежегодно 20.000 рублей на все войско [1]).

Въ тѣхъ-же Лубнахъ запорожскіе депутаты присягнули, отъ имени всего войска, на вѣрность русской императрицѣ, и тогда въ самую Сичь отправленъ былъ генералъ-маіоръ Таракановъ для объявленія запорожцевъ подданными Россіи. Тараканову вручено было нѣсколько тысячъ рублей денегъ для передачи ихъ товариству на постройку новой Сѣчи, о чемъ особенно хлопоталъ давній благодѣтель запорожцевъ, графъ фонъ-Вейсбахъ.

Когда запорожскіе козаки узнали о томъ, что въ Сичь ѣдетъ графскій посолъ, то они рѣшили оказать ему подобающую честь всѣмъ войскомъ. Въ числѣ нѣсколькихъ тысячъ человѣкъ, съ кошевымъ атаманомъ Иваномъ Малашевичемъ и со всею старшиной во главѣ, они вышли за двѣ версты отъ Сичи и расположились по обѣ стороны пути. Увидя посла, они приняли его «съ учтивымъ поздравленіемъ» и салютовали пушечною и ружейною пальбой. Въ самой Сичи, у церкви, посла встрѣтило запорожское духовенство «съ надлежащею церковною церемоніею». Въ церкви святого Покрова, въ присутствіи посла, отслуженъ былъ молебенъ о здравіи русской императрицы Анны Іоанновны, съ пушечной пальбой. Послѣ молебна, на собранной войсковой радѣ, прочитана была импера-

[1]) Чтенія московскаго общества ист. и древн., 1848, № 6, 45.

торская грамота о прощенiи запорожцамъ ихъ бывшей вины и о принятiи ихъ подъ скипетръ Россiи. Послѣ этого все войско, въ присутствiи посла, принесло присягу на вѣрность русской императрицѣ.

Едва окончилась вся эта церемонiя, какъ въ Сичь прибылъ и полномочный посолъ отъ турецкаго султана: султанъ, узнавъ о конечномъ намѣренiи запорожцевъ перейти подъ скипетръ русской императрицы, рѣшилъ такъ или иначе вернуть ихъ къ себѣ. Но запорожцы не оказали турецкому послу той чести, какую оказали они русскому послу: въ честь его они только одинъ разъ выпалили изъ пушекъ, но и то тогда лишь, когда онъ самъ салютовалъ, приблизясь къ Сичѣ. Турецкiй посолъ прiѣхалъ въ Сичу съ старшинами, янычарами, денежной казной и «пребогатыми» дарами. Кромѣ того, онъ привезъ съ собой султанскiй фирманъ и нѣсколько писемъ отъ именующаго себя гетманомъ малороссiйскихъ козаковъ Филиппа Орлика. Тогда въ Сичи вновь собрана была общая войсковая рада и на ту раду, кромѣ турецкаго посла, приглашенъ былъ русскiй посолъ, которому оказана была «всякая честь отъ войска». Войдя въ раду, турецкiй посолъ обратился къ козакамъ съ рѣчью и убѣждалъ ихъ остаться вѣрными могущественному падишаху, какъ были они дотолѣ ему вѣрны, за что обѣщалъ имъ, отъ имени своего повелителя, на будущiя времена великую милость и большое жалованье и при этомъ сослался на то, что того-же желаетъ и гетманъ Филиппъ Орликъ, ближайшiй ихъ патронъ и начальникъ. Но запорожцы, едва услыхали имя Филиппа Орлика, какъ начали бранить и поносить его за вѣроотступничество и за принятiе имъ магометанской вѣры, а вмѣстѣ съ тѣмъ стали докорять и самихъ татаръ за ихъ недоброжелательства къ козакамъ и за безбожные налоги на войско. Въ заключенiе-же всего козаки закричали, что они христiане и подданные русской императрицы, въ доказательство чего кошевой атаманъ, войсковая старшина и атаманы куреней подошли къ русскому послу и высказали передъ нимъ знаки покорности русской императрицѣ, показавъ въ то-же время полное невниманiе по всѣмъ присланнымъ представителямъ турецкаго султана. Послѣ этого рада была окончена. Но турецкiй посолъ спросилъ у запорожцевъ отвѣта на письмо Орлика и на грамоту султана. Запорожцы дали ругательный отвѣтъ по адресу Орлика, крымскаго хана и турецкихъ старшинъ, и потомъ, проводивъ посла изъ Сичи въ открытую степь, внезапно

напали на него и отобрали у него всю казну, которую онъ привозилъ въ Кошъ для раздачи козакамъ въ случаѣ ихъ согласія остаться вѣрными турецкому султану, но которую онъ теперь везъ съ собою назадъ.

Возвратившись въ Стамбулъ, турецкій посолъ сообщилъ обо всемъ происшедшемъ съ нимъ на запорожскомъ Кошу, и тогда султанъ издалъ приказъ схватить козаковъ, неуспѣвшихъ выѣхать еще изъ предѣловъ Крыма, и отдать ихъ въ тяжкія работы на вѣчныя времена. Запорожскіе козаки, узнавъ о томъ, въ свою очередь, не остались въ долгу: они схватили нѣсколько человѣкъ турокъ и изрубили ихъ въ куски.

О переходѣ запорожцевъ къ Россіи послано было донесеніе лично императрицѣ Аннѣ Іоанновнѣ, а о присягѣ ихъ сообщено въ сенатъ [1]).

О числѣ всего запорожскаго войска, приведеннаго на вѣрность русской императрицѣ, современная событію записка говоритъ, что въ Бѣлой-Церкви при кошевомъ атаманѣ было въ присягѣ 153 человѣка, а въ запорожской Сичѣ, кромѣ бывшихъ въ дальнихъ отлучкахъ, было 7115 человѣкъ. Кошевой атаманъ Иванъ Малашевичъ въ письмѣ къ графу фонъ-Вейсбаху, писанномъ октября 10 числа, 1734 года, извѣщалъ, что козаки, не успѣвшіе принести присягу, разошедшіеся въ разныя стороны, кто на полевыя рѣчки въ Малую Россію, кто по торговымъ дѣламъ въ Крымъ, кто на работы въ другія мѣста, будутъ приведены куренными атаманами къ присягѣ на вѣрность ея императорскому величеству, государынѣ императрицѣ Аннѣ Іоанновнѣ тогда, когда явятся въ Кошъ [2]).

---

[1]) Чтенія Московскаго общества исторіи и древн., 1848, № 6, 44, 45, № 8, 21, 22; Мышецкій, Исторія о козакахъ запорожскихъ, Одесса, 1852, 27—30.

[2]) Архивъ министерства иностранныхъ дѣлъ; малороссійскія дѣла, 1734 годъ, связка 69, № 5.

Поправки и дополненія

ко второму тому исторіи запорожскихъ козаковъ.

На 217 страницѣ второго тома Исторіи запорожскихъ козаковъ, въ выноскѣ 3-ей, пропущена ссылка на Акты московскаго государства (СПБ., 1890, I, 514), въ одномъ изъ коихъ документовъ разсказывается объ убіеніи атамана Гири Каневца, іюня 3 дня, 1633 года, государевыми ратными людьми, предводимыми Наумомъ Пушкинымъ.

Къ страницѣ 50-й, гдѣ говорится о казни, въ 1578 году, польскимъ королемъ Стефаномъ Баторіемъ козацкаго предводителя Ивана Подковы, имѣются любопытныя подробности въ Запискахъ академіи наукъ (Приложеніе къ XVI тому, СПБ., 1870, 6—8), извлеченныя изъ итальянскихъ архивовъ. «Уѣзжая изъ Варшавы въ Рову въ Мазовіи, король приказалъ привести туда Подкову, бывшаго князя Валахіи, и содержать его тамъ подъ стражею; отсюда его привели во Львовъ, куда прибыли чаушъ и посланникъ валашскій, поднесшій королю 50 быковъ, нѣсколько бочекъ вина и превосходныхъ лошадей. Оба посла требовали головы Подковы. Въ понедѣльникъ, 16 іюня, рано утромъ король выѣхалъ изъ города, отправляясь будто-бы на охоту. Передъ отъѣздомъ онъ отпустилъ изъ предосторожности чауша и приказалъ вооружить горожанъ и затворить городскія ворота; ибо ему внушалъ подозрѣніе необыкновенный наплывъ вооруженнаго народа, пришедшаго видѣть Подкову. По отъѣздѣ короля и по принятіи всѣхъ мѣръ предосторожности, около 14 часа былъ приведенъ несчастный князь (Подкова) съ свободными руками, по особой милости, дарованной ему по прочтеніи смертнаго приговора. Прошедшись два раза по мосту казни, поглаживая бороду, посматривая на народъ, безъ боязни смерти, Подкова просилъ народъ утихнуть и, когда водво-

рилось спокойствіе, обратился къ нему съ слѣдующею рѣчью: «Господа поляки, я приведенъ на казнь, и не знаю за что, ибо не вѣдаю за собой никакой вины, заслуживающей такого наказанія. Знаю только одно, что я всегда сражался храбро и почтенно противъ враговъ христіанскаго имени и всегда старался о выгодахъ и пользѣ для отечества нашего; быть оплотомъ противъ невѣрныхъ было постоянно моею мыслью, удержать ихъ въ границахъ ихъ и не дозволить имъ переправляться черезъ Дунай; но не могъ привести въ исполненіе своей задуманной мысли, Богъ вѣдаетъ по какой причинѣ, преимущественно-же по винѣ того, довѣрившись коему, я пришелъ сюда [1]); но надѣюсь на Бога, что онъ казнитъ измѣнника за невинную мою кровь. Знаю одно только, что я долженъ умереть отъ руки палача, ибо такъ приказалъ поганый песъ турокъ вашему королю, своему слугѣ, а король вашъ—палачу. Смерть мнѣ ни по чемъ. Но памятуйте, что не пройдетъ много времени, и вы не избѣжите моей участи и, по волѣ этого поганаго пса, будутъ отправлены въ Константинополь ваши имущества, ваши головы и головы вашихъ королей». Помолчавъ немного, онъ сталъ просить, чтобы не причинили никакого зла восьми его слугамъ и товарищамъ, всегда храбро сражавшимся за республику, и дозволили имъ похоронить его тѣло. Въ народѣ былъ слышанъ плачъ и ропотъ; но не было возможности подать ему помощь. Онъ выпилъ за здоровье земляковъ чашу вина, поднесенную ему однимъ изъ товарищей, еще два раза прошелся и подошелъ къ плахѣ. Замѣтивъ солому, посланную ему подъ ноги, онъ воскликнулъ: «Боже мой, неужели я недостоинъ преклонить колѣна на что-либо благородное», и съ этими словами приказалъ стражѣ принести изъ дому коверъ. Съ молитвою на устахъ, безъ боязни, онъ ждалъ смертнаго удара. Отрубленную голову его трижды показали народу. Народъ рыдалъ и ропталъ; но долженъ былъ смолкнуть передъ направленными противъ него дулами ружей. Слуги Подковы пришили къ тѣлу его голову, положили трупъ въ изготовленной имъ самимъ зеленый гробъ и отнесли въ ближнюю православную церковь. Казнь Подковы произвела всеобщее неудовольствіе и много повредила королю въ глазахъ народа».

Къ страницѣ 167-ой можетъ служить указаніе, извлеченное изъ

---

[1]) Разумѣется брацлавскій воевода Янъ Збаражскій, поручившійся Подковѣ, что ему не будетъ никакого зла въ Польшѣ.

рукописей библіотеки князя Боргезе въ Ватиканскомъ архивѣ (Кіевская Старина, 1893, X, 158), о существованіи въ Запорожьи «старшого» Васселовича, въ промежутокъ времени между Нечковскимъ и Байбузою. Это—подлинное письмо Васселовича отъ 1597 года, іюня 15 дня. «Выражаемъ наше почтеніе наияснѣйшимъ и благороднѣйшимъ старостамъ и подстаростамъ его свѣтлости королевскаго величества, состоящимъ въ пограничныхъ владѣніяхъ, а также ихъ замѣстителямъ. Доводимъ до свѣдѣнія вашихъ властей, что повелитель перекопской орды татаръ со всѣми своими войсками явился 14 іюня въ часъ за завтрака къ переходу черезъ пороги и Туволзу [1]), и вполнѣ вѣроятно, что они уже перешли черезъ Днѣпръ. У нихъ является смѣлое намѣреніе вообще сдѣлать набѣгъ на владѣнія его свѣтлости королевскаго величества и, если-бы они столь неожиданно не переправились, мы-бы успѣли увѣдомить о нихъ отдѣльныхъ господъ старостъ. Пусть знаютъ объ этомъ власти, пусть будутъ осторожны и пусть сообщатъ отдѣльнымъ областямъ, принадлежащимъ какъ его свѣтлости королевскому величеству, нашему всемилостивѣйшему государю, такъ и городамъ князей и вельможъ, чтобы они не пренебрегали этимъ врагомъ христіанства, стремящимся опустошить его царство. Писано изъ Запорожья 15 іюня 1597 года. Пусть они не ожидаютъ отъ насъ сверхъ этого письма другого письма,—пусть удовлетворитъ ихъ и это. Н. Васселовичъ со всѣмъ своимъ запорожскимъ войскомъ».

На страницѣ 217-ой, сказано о походѣ запорожцевъ въ новгородскую землю, совмѣстно съ поляками для борьбы противъ русскихъ. Во главѣ польскихъ войскъ стоялъ въ это время самъ король Владиславъ IV, во главѣ русскихъ воевода Михаилъ Борисовичъ Шеинъ. Главныя дѣйствія сосредоточены были подъ городомъ Смоленскомъ. Запорожскіе козаки, какъ подданные Рѣчи Посполитой, воевали противъ русскихъ, и въ этомъ случаѣ, кромѣ русскихъ источниковъ, прекраснымъ дополненіемъ могутъ служить указанія «діаріуша», напечатаннаго въ Варшавѣ въ 1895 году подъ редакціей Рембовскаго (Biblioteka Ordynacyi Krasinskich, XIII, 30—32. Dyariusz woiny moskiewskiej z roku 1633).

Письмо изъ обоза на Глущѣ 16 сентября. Пріѣзжали отъ козаковъ послы, прося объ информаціи, что имъ прикажетъ дѣлать

---

[1]) То-есть къ Таволжанской заборѣ.

король. Они мили 1½ отъ нашего обоза стали обозомъ; имъ написано, чтобы гетманъ и старшина прибыли къ королю за отобраніемъ резолюціи (приказа); на сколько можно было узнать отъ ихъ пословъ, ихъ не можетъ быть больше, какъ 15,000 (стр. 30). 17 сентября. Гетманъ запорожскій съ асаулами и сотниками привѣтствовали короля, обѣщая идти туда съ своими молодцами, куда прикажетъ король. Гетману сказано, за дальнѣйшими приказами, прислать назавтра двухъ полковниковъ, но однако быть готовыми идти таборомъ туда, куда прикажетъ король (стр. 31).

Письмо ксендза Колудцкаго отъ 23 сентября, 1663 года. «Уже третій день стоимъ подъ открытымъ небомъ, не располагаясь лагеремъ, оставивши возы въ первомъ обозѣ,—это только и прибавлю. О козакахъ могу сообщить: я видѣлъ большую толпу, которой никто не могъ сосчитать: цѣлый день, когда проходили въ обозъ, тянулись по нѣсколько хоругвей вмѣстѣ, безъ надлежащаго порядка,—въ томъ только и весь порядокъ, что хоругви шли одна возлѣ другой, а не какъ толпа, получившая славу (turba repitanda), на войнѣ. Они скорѣе походили на сатировъ, чѣмъ на цивилизованныхъ людей,—хлопы похожи другъ на друга, въ сѣрой одеждѣ, рѣдкіе въ синей или червонной, кожа на ихъ тѣлѣ, какъ кора на деревѣ; презрѣніе къ жизни полное; больше заботы о горилкѣ (cremati), чѣмъ о жизни. Здѣсь, однимъ словомъ, есть что посмотрѣть. Они привезли съ собой 10 небольшихъ пушекъ, сейчасъ сдѣлали вылазку противъ непріятеля, добыли трехъ переднихъ офицеровъ и привели ихъ подъ руки къ королю; рѣчи не было, а только: «Королю, ось маешь нимцивъ»! (Но то были французы). Дано имъ два ведра меду и 20 твердыхъ талеровъ, остались довольны. Затѣмъ, когда король подошелъ подъ самыя стѣны (Смоленска), ихъ раздѣлили на три части; одни остались въ старомъ обозѣ; другіе съ гетманомъ литовскимъ пошли подъ острогъ Прозоровскаго, а третьи—съ королемъ. На всѣхъ трехъ мѣстахъ оправдали ожиданія. Вотъ удальства, которыя они совершили при князѣ Радзивиллѣ: нѣсколько десятковъ человѣкъ, раздѣвшись до нага, переплыли на другую сторону Днѣпра, съ обнаженными саблями, къ непріятельскимъ шанцамъ, и посѣкли много москалей. Также одинъ изъ нихъ совершилъ слѣдующее удальство: когда нужно было на другой сторонѣ достать языка, пустился вплавь черезъ рѣку и залегъ въ водѣ, у берега; когда пришелъ къ водѣ одинъ москвитинъ, тутъ онъ схватилъ его за волосы,

стащилъ въ воду и такъ съ нимъ переплылъ назадъ. Очень смѣшно этотъ козакъ разсказывалъ королю, какъ подстерегалъ его (москвитина) и какъ съ нимъ плылъ. Король далъ ему за работу нѣсколько ортовъ. Дѣйствительно, не каждому хочется купаться въ такую пору, какъ тѣмъ добрымъ людямъ. Король имъ очень радъ. Они не особенно выступаютъ на фронтъ, такъ какъ голый людъ, но изо рвовъ, изъ-за хвороста, часто Москвѣ (москалямъ) дѣлали непріятности; они имѣютъ свой шанцъ противъ Москвы (москалей), съ которыми очень сильно перестрѣливаются; тамъ-же поставили нѣсколько своихъ пушекъ. Какъ только устроится обозъ, они не будутъ праздны, пойдутъ въ непріятельскую землю. Отъ нихъ мы надѣемся достать провіантъ, такъ какъ и теперь рѣдкій часъ, чтобы они чего въ таборъ не притащили. Есть также и политики между ними: знатныхъ пановъ они задабриваютъ добычею, особенно скотомъ. Пріятно было-бы объ нихъ и больше написать, такъ какъ мы нашли въ нихъ больше, чѣмъ ожидали (стр. 31—32).

Къ страницѣ 576-ой дополненіемъ къ разсказу о посольствѣ кошевымъ атаманомъ Иваномъ Сиркомъ своего сына въ Варшаву можетъ служить подлинное дѣло, на польскомъ языкѣ, находящееся въ Архивѣ короннаго скарба при варшавской казенной палатѣ (отдѣлъ III, книга VII, листы 453, 454), «Молодой Сирко (имя его, къ сожалѣнію, не названо въ актѣ) явился въ столицу Польши съ большой свитой, въ числѣ 91, и пробылъ тамъ съ 12 сентября 1679 по 29 марта 1680 года. Въ это время съ нимъ приключилась какая-то болѣзнь, уложившая его на нѣсколько времени въ постель. Кромѣ собственныхъ козаковъ Сирка сопровождали приставъ Баратинскій, Заремба бѣлоцерковскій и какой-то отецъ протопопъ съ людьми. На всѣхъ прибывшихъ израсходовано было изъ короннаго скарба 16,877 злотыхъ и 29 грошей. Сирку и его людямъ дано было 200 злотыхъ, Сирку и протопопу—100, больному Сирку на матрасъ, одѣяло и подушку—70, козаку Апостолу, отправленному въ Запорожье на дорогу—250, на сукна для всѣхъ козаковъ, числомъ 91 человѣкъ, а также на атласъ и сукно для «старого» Сирка—2,810 злотыхъ и 15 грошей: остальная сумма изъ общей 16,877 выдана была частію другимъ спутникамъ Сирка, частію тѣмъ-же посланцамъ при отпускѣ ихъ до Бѣлой-Церкви.

Для полноты описанія сношеній кошевого атамана Григорія Ивановича Еремѣева съ польскимъ королемъ Яномъ Собѣскимъ въ 1684 году (Исторія запорожскихъ козаковъ, II, стр. 602) мо-

жетъ служить дѣло того-же Архива короннаго скарба, отдѣлъ III, книга VII, листъ 582. Въ это время отъ кошевого атамана, называемаго въ польскомъ актѣ Грыцькомъ, послано было три человѣка значныхъ козаковъ, 1 писарь, 6 простыхъ козаковъ и 17 лошадей, всего 101 человѣкъ. Они пробыли съ 6 февраля и до конца этого мѣсяца въ Краковѣ, а изъ Кракова ѣздили въ Яворовъ. Во время пребыванія ихъ въ Краковѣ имъ было выдано на содержаніе въ теченіе недѣли на всѣхъ 264 злотыхъ; кромѣ того, старшимъ подарено было три кунтуша, три жупана, четвертый жупанъ для писаря, 4 шапки; шести простымъ козакамъ подарены были три постава кернового сукна, шапки, кожухи и сапоги. Въ октябрѣ мѣсяцѣ того-же года являлись изъ подъ Скалата новые «экстренные» посланцы, 1 асаулъ и 2 козака, отъ какого-то полковника Грыцька, вѣроятно того-же самого Григорія Еремѣева, бывшаго раньше кошевымъ атаманомъ, а потомъ ставшаго, какъ это часто водилось на Запорожьи, полковникомъ. Это тѣмъ вѣроятнѣе, что октября 28 дня въ русскихъ актахъ Григорій Еремѣевъ называется уже «бывшимъ» кошевымъ атаманомъ.

Къ страницѣ 609, къ вопросу о заключеніи въ 1686 году вѣчнаго мира между Россіей и Польшей, имѣется подробное указаніе въ IV томѣ Собраній государственныхъ грамотъ и договоровъ (Москва, 1826, 529). «Къ россійскому-жъ нашему царствію отдалъ королевское величество и рѣчь посполитая городы-тѣ вѣчно-жъ... Внизъ рѣкою Днѣпромъ отъ Кіева до Кадака, и тотъ городъ Кадакъ, и запорожской Кошъ, городъ Сѣчу, и живущіе въ нихъ козаки служилые и всякаго чина жители, и даже до Чернаго лѣсу со всѣми землями и рѣками и рѣчками и со всѣми принадлежащими угодьи, чѣмъ владѣли изстари запорожцы, которые всѣ тѣ вышеименованные городы и земли и войско запорожское, и весь малороссійскій народъ въ нашей царскаго величества преславной и преименитой державѣ вѣчно оставатися и быти имѣютъ неподвижно».

ПРЕДАНІЯ О КОШЕВОМЪ АТАМАНѢ

ИВАНѢ СИРКѢ,

записанныя въ поѣздку по Запорожью лѣтомъ 1896 года.

Про того Сирка—слава, слава и прослава... Сирко на тры часты захованный: перша его часть лежить отутъ саме, де Чортомлыцька Сичь; друга—пидъ Крывымъ-Рогомъ, а третя—пидъ Полтавою. Винъ якъ умиравъ, такъ давъ таку заповидь: «Якъ я помру, то отберить у мене правую руку и носить іи симъ годъ; хто буде мою руку носыть симъ годъ, то владитыме нею усе равно, якъ я й самъ владію; а де случитця вамъ яка прыгода—де васъ нещасна волна спобижыть, чи на води, то бросайте руку у воду—волна утишитця, чи на земли—не буде вамъ неякого случаю [1]); а съ симы годъ уже поховайте въ могылу. И хто буде мою могилу штыть, братыме навкругы землю та буде могылу обсыпать, то я его самъ своею сылою буду дарыть. А на семому году хай мене жде, и хто выйде до могылы або на Риздво, або на Велыкдень, обо на Зелену недилю, такъ нехай мене дожида. Не бойся, шо я неправославный хрестыянынъ,—я есть православный хрестыянынъ, Спреньтій Іоанновичъ!..» Отъ таку винъ, той Сирко, давъ заповидь! Якъ я бувъ ще молодымъ, то и я носывъ землю до могылы Сирка. Разъ протывъ Велыкодня, въ субботу, у вечери, набравъ я земли у платочекъ та й пишовъ обсыпать. Якъ обсыпавъ, такъ у велыку

[1]) То есть несчастья.

сылу зъ могылы спустывсь: такый на мене страхъ навалывся, шо я якъ выскочивъ на шляхъ та якъ дременувъ, такъ не счувсь, якъ и за слободою опынывсь... А разъ пишовъ я якось до могылы зъ дивчиною. Я тутъ, бачьте, якъ разъ недалечко живъ коло могылы Сирка. Отъ пишовъ я зъ дивкою—звисно молодый бувъ!—тай лигъ коло могылы, трошкы й полежавъ; колы такъ якъ у половыни ночи якъ выскоче изъ могылы жеребець та якъ зарже, такъ ажъ уся слобода затрусылась; а лона (=луна) по плавнямъ тилько: го-го-го-го!.. такъ и покотылась. А воно було такъ тыхо-тыхо та мисяшно. Такъ мы такъ и роскотылысь якъ ти жукы... Та съ тыхъ пиръ уже шкода ходыты до тіеи могылы Сирка.

Записано отъ семидесятилѣтняго старика, крестьянина Кондрата Дывныченка, въ деревнѣ Капуливкѣ, Екатеринославскаго уѣзда

Винъ такый бувъ, що знавъ де—що. Оце було гука на своего хлопця: «А, ну, хлопче, возьмы пистоль, стань отамъ та стриляй мени въ руку!» Той хлопець возьме пистоль та тилько бухъ! ему въ руку. А Сирко визьме въ руку кулю, здаве іи та назадъ и кыне. Воны, ти запорожци, вси булы знаёвыти.

Сирко три разы умиравъ у семыдесяты годахъ, а всій его жисти було 210 годовъ. Винъ якъ умира, то каже було: «Оце вамъ тры пузырькы зъ водою,—першимъ пузырькомъ спрысныте—оживу; другымъ спрысныте—стану дывытьця, а третимъ спрысныте—устану и пиду у трыдцяты годахъ». Тоди травы таки сильны булы,—ото и вода та зроблена була изъ такыхъ травъ. Такъ якъ умре, то его кладуть въ гной, на трети суткы отгрибають и спрыскують водою. Якъ изъ першого пузырька спрыснулы—оживъ; изъ другого спрыснулы—ставъ дывытьця, а съ третего спрыснулы—вставъ и пишовъ. До трехъ разъ отакъ винъ робывъ. А въ третій разъ якъ умеръ, то велывъ себе спалыть и попилъ геть пустыть, а руку веливъ одрубать и носыть тры годы, а потимъ того положыть у могылу. Ото та могыла и есть у Капуливци.

Записано отъ вольнаго матроса Грицька Тарана, поуличному Слабого, около 60 лѣтъ, въ мѣстечкѣ Никополѣ, Екатеринославскаго уѣзда.

Сирко велыкый воинъ бувъ. Той знавъ, хто що й подумае. Ото тамъ, по тимъ боци [1]) Днипра, булы татары, Магометъ живъ;

[1]) То-есть, по лѣвому берегу.

такъ якъ задумають воны було воювать, то Сирко и каже козакамъ: собирайтесь докупы, бо на насъ уже орда пиднимаетця. Винъ сыльный такый бувъ, шо его якъ ударыть хто шаблею по руци, такъ и не розрубае рукы,—тилько сыне буде. Не то шо кулею, а шаблею. Уже татары яки тилько миры противъ него робылы, такъ ничого не зробылы. Воны его шайтаномъ такъ и прозвалы. Винъ якъ ото умиравъ, такъ сказавъ такъ: «Якъ будете ротомъ до сходъ соньця изъ рички, шо коло Сичи, воду носыть и якъ обмочете тіею водою усю мою могылу, такъ будете знать те, що й я знаю». Такъ нихто не змигъ—дуже велыка могыла. «А якъ буде велыка потуга на Россію, то роскопайте мою могылу, одрижьте мою руку, то буде вамъ защита». Такъ ото якъ хранцузъ найшовъ на Москву то руку Сирка взялы и повезлы у Москву, а потимъ прывезлы и впьять закопалы на мисто. Бувъ у запорожцивъ ще кошовый Чалый, добрый воинъ бувъ, та тилько противъ Сирка не було. Цей якъ брань (=война), такъ винъ самъ тамъ постоянно; тамъ уже и кладе; безъ него ниякой стычкы не було. Винъ таки молитвы знавъ; винъ по божому, не то що яки чары. Не знаю, чи винъ уже зъ горы де взявся, чи зъ другого якого миста, жинкы и дитей у него не було—одынъ якъ есть. Ото у насъ у церкви [1]) и кружка Сиркова есть,—пивкварты якъ есть у глазе. Такъ Сирко кошовый пивъ натощакъ горилку зъ тіеи кружкы. Тамъ и карбованьци позалывани на чотыре стороны. Мабуть при нему на заказъ и зроблена.

Записано отъ вольнаго матроса мѣстечка Никополя Дмитрія Степановича Барановскаго, 82 лѣтъ; Барановскій запорожскаго происхожденія, въ чемъ удостовѣряетъ имѣющійся у него на рукахъ пашпортъ за подписью князя Потемкина, выданный за № 731 дѣду Димитрія Степановича Барановскаго, Сергѣю Барановскому [2]).

Якъ Сирко помиравъ, то сказавъ: «Однимите у мене руку, и де у васъ буде стычка зъ непріятелемъ, то вы махнить навхрестъ моею рукою, то ище помочь буде».

Записано отъ крестьянина деревни Капуливки Трофима Лысаго, около 65 лѣтъ.

Могила кошевого Ивана Дмитріевича Сирка находится въ деревнѣ Капуливкѣ (Капыловкѣ тожъ), стоящей у мѣста бывшей

---

[1]) Въ старой церкви мѣстечка Никополя.

[2]) Этотъ любопытный документъ въ свое время будетъ напечатанъ.

Чортомлыцкой Сичи, въ небольшомъ садикѣ восьмидесятилѣтней старушки Зиновіи Ивановны Нелипы. На могилѣ поднятъ небольшой, утвержденный на низкомъ пьедесталѣ, высоты по грудь высокаго роста человѣку, памятникъ и на томъ памятникѣ, съ западной стороны, высѣчена надпись. Въ первый разъ я прочиталъ эту надпись въ 1887 году и съ тѣхъ поръ, хотя и бывалъ не разъ на могилѣ славнаго Сирка, но читалъ всегда надпись такъ, какъ прочелъ ее впервые. Такова уже сила традиціи, заставляющая насъ невольно идти по разъ проложенному пути. Но прошло съ тѣхъ поръ много времени, и я отъ памятниковъ, оставшихся въ разныхъ мѣстахъ бывшаго Запорожья, обратился къ архивнымъ матерьяламъ. Сравнивая надпись, сдѣланную на памятникѣ Сирка, указывающую на время его смерти, съ архивными документами, я нашелъ въ томъ и въ другомъ разницу: на памятникѣ я прочелъ, что Сирко умеръ 1680 года, мая 4-го дня, а изъ оффиціальнаго донесенія преемника Сирка, кошевого Стягайла, я узналъ, что онъ скончался 1680 года, августа 1-го числа. На этотъ-же мѣсяцъ и число, то-есть, перваго августа, указывалъ и лѣтописецъ Величко. [1]). Уже въ то время я отдалъ предпочтеніе оффиціальнымъ донесеніямъ, тѣмъ болѣе, что 29-го мая Сирко извѣщалъ коломацкаго сотника Подерню о намѣреніи татаръ учинить съ запорожцами миръ. Что касается надписи, сдѣланной на памятникѣ, то я предположилъ, что памятникъ этотъ былъ поставленъ уже послѣ возвращенія запорожцевъ изъ подъ власти Крыма въ Россію въ 1734 году и что вырѣзанная на немъ надпись сдѣлана по памяти, оттого и не вполнѣ согласна съ дѣйствительностію. Въ настоящее время, просидѣвъ довольно продолжительное время въ деревнѣ Капуливкѣ, я имѣлъ возможность внимательно присмотрѣться къ каждой буквѣ на памятникѣ Сирка и потомъ вывести заключеніе о томъ, что раньше того я невѣрно истолковалъ послѣднія буквы первой строки надписи, хотя прочелъ и правильно. Дѣло въ томъ, что всѣ слова первой строчки сдѣланы подъ титлами, что и ввело меня въ нѣкоторое заблужденіе. Вотъ эта надпись въ такомъ видѣ, какъ я ее прочелъ въ послѣднюю поѣздку. Она скопирована теперь буква въ букву и точка въ точку.

---

[1]) Эварницкій, Исторія запорожскихъ козаковъ, II, 573—580.

ЗСРБ АХПМАЙД

ПРЕСТАВИСЯ РАБЪ БОЖ

ИОАНЬ СТРЬКОДМИТ

РОВИЧ АТАМАНЬ КОШО

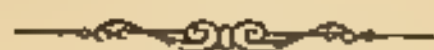
ВИИ ВОЙСКА ЗАПОРОЗКОГО

ЗА ЕГО . . Н П В ФЕѠДОРА

АЛЕѮЕВИЧА И ПАМЯТ ПР

А ВЕДНАГО СО ПОХВАЛАМИ

Первая строчка прочитана у меня была такъ: Р = року, Б = божого, ҂АХП = 1680, М̃А̃Й Д = мая 4-го дня; теперь я читаю конецъ этой строчки такъ: М̃ = мѣсяца, А̃ = августа, Й = 1, Д = дня. Такое чтенiе я нахожу теперь безошибочнымъ, такъ какъ оно совершенно совпадаетъ съ оффицiальнымъ донесенiемъ изъ Сичи въ Москву о томъ, что Сирко умеръ въ 1680 году, августа 1-го числа. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ буквы памятника кѣмъ-то уничтожены, и въ такомъ случаѣ вмѣсто буквъ стоятъ одни пятна въ видѣ большихъ точекъ.

Печать Пашковскаго куреня.

Печать Шкуринскаго куреня.

Печать неизвѣстнаго войска.

Печать Платнѣровскаго куреня.

Печать славнаго войска запорожского нивового.

Изъ музея Кубанскаго войска въ г. Екатеринодарѣ.

Указатель собственныхъ именъ.

А.

Б.

В.

Д.

Е.

Ж.

З.

І.

И.

40

Л.

М.

Н.

О.

Р.

С.

Т.

У.

Ф.

Х.

Ц.

Ч.

Ш.

Щ.

Э.

Ю.

Я.

Ѳ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

2007041894